МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
34

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 34

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1953 — ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 34

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА (ХЕРСОНЕС, МАНГУП)

13358

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1953—ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том «Материалов и исследований по археологии СССР» (выпуск 34 этой серии) посвящен результатам археологических изысканий, проведенных в юго-западном Крыму за время с 1937 по 1948 г.

Первый раздел тома содержит публикацию материалов — античных и средневековых, добытых при раскопках 1937, 1940, 1941, 1947 и 1948 гг. в Херсонесе, и вводную статью Г. Д. Белова, в которой автор, суммируя результаты раскопок, характеризует ряд важных этапов в истории Херсонеса, связанных с его неоднократным разрушением и восстановлением. В трех специальных статьях исследованы отдельные памятники эллинистического и средневекового Херсонеса.

Второй раздел тома содержит публикацию материалов, добытых при раскопках 1938 г. на плато Мангупа, где был расположен один из крупных средневековых городов Крыма.

Этот раздел предваряется статьей М. А. Тихановой, вводящей в историю еще мало изученного Дороса — Мангупа.

Настоящий том не является первым в ряду публикаций по истории античного и средневекового Крыма. Ему предшествуют четыре выпуска «Материалов» (№№ 4, 17, 19, 25), посвященные Крыму.[1] В дальнейшем исследования многочисленных археологических памятников Крыма, как юго-западного, так и восточного, несомненно составят содержание последующих выпусков «Материалов».

Археологическое исследование Крыма неизменно приносит все новые и новые исторические свидетельства о его сложном, еще не до конца выясненном прошлом. Эти вновь открываемые исторические свидетельства ждут наиболее полного освещения и обобщающего толкования.

История Крыма, которую существе[нно] пополняет публикуемый том «Материало[в]» является важным разделом всей истор[ии] нашей Родины, к сожалению, еще мало р[аз]работанным. К тому же многое в истор[ии] Крыма запутано или сознательно фальсиф[и]цировано буржуазными реакционными и профашистскими «историками», которые иск[а]жают науку, ставя ее на службу агр[е]сивной политике империалистических пра[в]вительств. История Крыма претерпел[а] немалый ущерб и от некоторых советских историков и археологов, сошедших с един[ст]венно правильных марксистских методол[о]гических позиций и следовавших вульгар[но]заторским установкам Н. Я. Марра.

Посвященная вопросам истории Кр[ы]научная сессия Отделения истории и фи[ло]софии Академии Наук СССР совмес[т]с Крымским филиалом Академии Н[аук] СССР (состоялась в Симферополе в [ма]1952 г.) поставила перед историками [и] археологами ряд принципиальных вопро[сов] и дала общее направление научно-иссле[до]вательской работе в этой области. У[ста]новки Крымской сессии помогут соз[дать] действительную историю Крыма с уч[ето]всех сил, действовавших в ее сложе[нии]

[1] № 4 — Археологические памятники Боспора и Херсонеса (под ред. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича, 1941); № 17 — А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (1950); № 19 — Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху (под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова, 1951); № 25 — Боспорские города. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. (под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой, 1952).

собенно внимательной разработки требует опрос о закономерностях развития античых рабовладельческих государств, сыгравших важную роль в историческом прошлом Крыма и всего северного Причерноморья, также вопрос об исторической роли славян о времена распада и крушения рабовладельческого строя и о роли русского народа последующей истории Крыма. Наряду этим надлежит показать в полной мере есостоятельность взглядов тех, кто превеличивал роль Рима и Византии, а также оль отдельных племен эпохи так называеого «переселения народов» (готы, гунны) тносительно Крыма и всего Причерноорья.

Настоящий сборник не претендует на о, чтобы дать историкам значительный ноый материал по указанным выше вопроам. Цель его — ввести в научный оборот езультаты раскопок 1937—1948 гг. и тем амым продвинуть изучение и осмысление аких важных археологических комплексов, ак Херсонес и Мангуп. Конечно, устаовки Крымской сессии потребуют в дальйшем более глубоких археологических иседований и более широкого фронта этих бот.

Однако и публикуемые материалы поогут внести новые данные в историю рсонеса и Мангупа и, таким образом, нут существенным вкладом в будущие общающие труды по истории Крыма.

Для истории Херсонеса и окружавших земледельческих поселений публикуемые ериалы важны в том отношении, что и приоткрывают некоторые черты кульы местного населения накануне гречей колонизации и освещают древнейший иод существования города. Исследование рополя классической поры позволило новить, что Херсонес был основан не ее конца V в. до н. э. и что задолго прихода греков здесь было поселеаборигенов края, занимавших восточчасть нынешнего херсонесского горо.

Вновь открытые кварталы Херсонеса элистического времени позволяют выясь первоначальную планировку города ин жилищ (впервые с ясностью выступ эллинистические дома). Находки ах рисуют быт и хозяйство городского ения. Завершенное ныне археологиое исследование одного из приморских кварталов показало, что эта часть города была непрерывно заселена от античности до позднего Средневековья.

Уникальной находкой является обнаруженный в 1937 г. (квартал XV) мозаичный пол II в. до н. э. с изображением двух женских фигур. Картина хозяйственной жизни Херсонеса II—IV вв. н. э. обогатилась открытием цистерн для засола рыбы и виноделен; последние до сих пор были здесь неизвестны.

В раннесредневековых слоях северной приморской части Херсонеса раскопаны крупные общественные здания — базилики V и VI вв.

Вышележащие средневековые слои показали новые черты в планировке города: старые кварталы при последующей застройке небольшими домами оказались разделенными на более мелкие части новыми переулками и тупиками. На территории города были впервые открыты большие гончарные печи (XI—XII вв.) для обжига черепицы и посуды. В сочетании со множеством остатков гончарной тары и обиходной посуды, а также и парадной поливной эти печи свидетельствуют о развитии керамического производства в Херсонесе XI—XIII вв. Находки, — правда, немногочисленные, — орудий металлообрабатывающего ремесла и сельского хозяйства характеризуют Херсонес последних веков его существования как ремесленный центр юго-западного Крыма, имевший собственную сельскохозяйственную базу.

Существенно значение публикуемых материалов с Мангупа в деле разоблачения фальсификации истории готов в Крыму и восстановления подлинной исторической картины жизни средневековой юго-западной Таврики.

Эти же материалы помогают изучению вопроса о конкретных формах процесса феодализации.

На плато Мангупа открыты части раннесредневековых стен, продолжено исследование большого комплекса базилики VI в. и обнаружены следы раннего поселения, датируемого III в. н. э. В итоге этих работ достигнуто решение вопроса о существовании на Мангупе укрепленного поселения уже в период раннего Средневековья, что до сих пор иногда отрицалось.

На Мангупе были продолжены также раскопки дворца правителей феодального

княжества Феодоро. Это здание, построенное в XIV в. и существовавшее в XV в., является единственной известной в средневековом Крыму дворцовой постройкой; оно вносит новые черты в характеристику культуры того времени.

Итак, настоящий том представляет собой публикацию нового археологического материала. Исторические памятники Херсонеса и Мангупа далеко не закончены исследованием.

Однако накопление археологических материалов делает все более и более возможной разработку важнейших вопросов истории Крыма и позволит осуществить самое тщательное изучение крайне важного для исторической науки вопроса о связях Таврики с Русской равниной.

При подготовке к печати и при редактировании данного тома, а также при отборе иллюстраций для него большую работу провел А. Л. Якобсон.

ΧΕΡΣΟΝΕΣ

Г. Д. Белов

СЕВЕРНЫЙ ПРИБРЕЖНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА

(ПО НОВЕЙШИМ РАСКОПКАМ)

Херсонес с его почти двухтысячелетней историей, начинающейся в V в. до н. э. и кончающейся на рубеже XIV—XV вв., является очень важным памятником прошлого нашей Родины, издавна привлекавшим внимание многочисленных исследователей. В 1952 г. исполнилось 125 лет начала археологических раскопок Херсонеса, впервые произведенных в 1827 г.

Рис. 1. Северный берег Херсонеса, вид с запада. На переднем плане участок раскопок 1931 г.

Многолетними раскопками определе границы города, открыты монументальн крепостные сооружения, остатки жилых

мов, общественных зданий, хозяйственных и производственных построек, выяснена планировка улиц, а за городскими стенами вскрыты могильники с тысячами погребений. В результате раскопок добыто огромное количество вещественного материала, характеризующего хозяйственную, политическую и культурную жизнь города в различные исторические эпохи.

Однако наряду с общими большими достижениями раскопки дореволюционных лет страдали некоторыми существенными недостатками, в той или иной степени характерными для всей старой археологии. Так, например, один из крупных исследователей Херсонеса, руководивший раскопками в течение двадцати лет, К. К. Косцюшко-Валюжинич (он начал раскопки в Херсонесе по поручению Археологической комиссии в 1888 г. и производил их до своей смерти в 1907 г.) мало уделял внимания выяснению и определению хронологии строительных остатков. Планы последних составлялись схематично, графическая фиксация вообще применялась недостаточно, а фотоснимки делались очень редко. Вследствие этого теперь нельзя проследить процесс раскопок, например, таких важных памятников, как крепостные стены и башни, а из-за отсутствия фотографий и зарисовок мы лишены возможности в точности знать устройство могил и расположение в них костяков и вещей. Многие вещи из раскопок остались беспаспортными, лишенными сведений об их происхождении, так как они не получили шифров и соответствующих номеров в описи. Справедливость требует отметить, что обстоятельные отчеты Косцюшко о его раскопках отличаются тщательным выполнением.

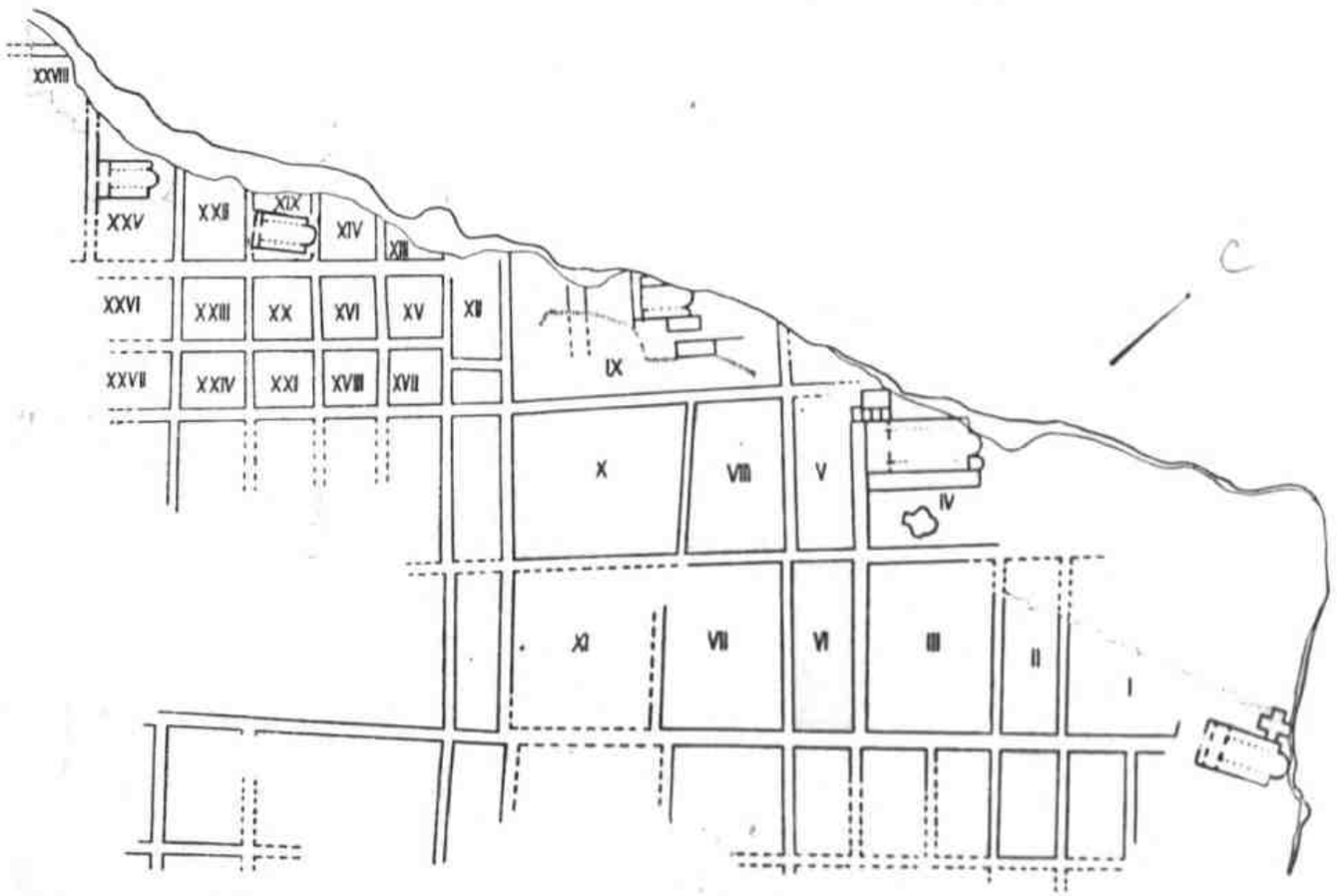


Рис. 2. Схематический план северного района Херсонеса с обозначением кварталов.

Преемник Косцюшко, Р. Х. Лепер, руководивший раскопками Херсонеса в 1908—1914 гг., вел и дневники и описи находок, причем последние были должным образом снабжены номерами. Однако Лепер за семь лет работы не составил ни одного отчета о своих раскопках; в архиве Херсонесского музея сохранились лишь очень краткие его дневники в виде полевых тетрадей. Когда музей предпринял издание материалов раскопок, начиная с 1908 г., то дневники, вследствие своей краткости, не дали достаточно полных сведений о произведенных Лепером раскопках, материалы же о раскопках некрополя пришлось издавать без планов, которых после Лепера не осталось

Таково было состояние археологического изучения Херсонеса накануне столетнего юбилея его раскопок в 1927 г., который был отмечен проведением археологической конференции («Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе», Севастополь, 1927).

Раскопки Херсонеса были возобновлены советскими археологами в 1926 г. В 1926—1928 гг. они производились в юго-восточной части городища; в 1928—1929 гг. раскапывалась западная оборонительная стена города; в те же годы велись раскопки на Гераклейском полуострове; в 1930 г. производились раскопки на холме в западной части города.[1]

В 1931 г. был составлен новый план раскопок Херсонеса, в соответствии с которым археологические исследования сосредоточивались в северном районе города для раскопок на берегу, разрушаемом морем (рис. 1). Результаты этих раскопок, проводившихся в течение свыше двадцати лет, были успешными и дали ценные для изучения истории Херсонеса материалы.

Общая площадь исследованных здесь кварталов превышает 7500 кв. м, длина же раскопанной территории на берегу составляет около 200 м (кварталы XIII—XIX, XXII, XXV и XXVIII — рис. 2).[2]

Обозревая в целом археологический материал раскопок (1931—1950), мы попытаемся восстановить некоторые важные для науки черты исторического облика Херсонеса, как они складывались на всем протяжении его многовекового существования. Это будет не исторический очерк, а только обзор археологических данных, где известная неравномерность объема материала обусловлена прежде всего количеством и значением вновь открытых памятников, относящихся к тому или иному периоду истории города. Но и такой обзор поможет ввести в научный оборот публикуемые в настоящем выпуске археологические материалы Херсонеса, чем мы надеемся оказать посильную помощь в изучении истории Крыма, а следовательно — в разрешении очень важных и еще недостаточно разработанных проблем истории нашей страны.

1. ХЕРСОНЕС В V—I ВВ. ДО Н. Э.

Одним из важнейших результатов, достигнутых раскопками на северном берегу, является открытие некрополя, относящегося к концу V—концу IV в. до н. э. Это открытие имеет огромное значение для изучения начальной истории Херсонеса, прежде всего для определения времени его возникновения. Оно кладет конец спорам историков как о дате, так и о месте основания города и вполне согласуется со свидетельствами письменных источников. Теперь можно с полной уверенностью утверждать, что Херсонес как греческая колония возник не позднее конца V в. до н. э.[1]

Значительная часть погребений в скорченном положении в некрополе, наряду с погребениями, где покойники лежат в вытянутом положении, позволяет считать, что до основания греческой колонии на месте Херсонеса существовало местное таврское поселение, которое к тому времени было уже довольно значительным. К нему и присоединились греки-пришельцы, поселившиеся не на новом, а на уже обжитом месте и установившие широкие связи с местными жителями. Большой процент погребений в скорченном положении в некрополе и наличие при них греческого привозного инвентаря свидетельствуют, что тавры оставались в Херсонесе в течение длительного времени, продолжали жить в городе вместе с греками и пользовались предметами греческой культуры. В свою очередь обилие местной лепной керамики, бытовавшей у греческого населения на протяжении не только классического, но и всего эллинистического периода, красноречиво говорит о том, что тавры оказывали сильное влияние на культуру пришлых греков. Убедительным тому доказательством является известный факт заимствования греками у тавров культа богини Девы.

---

[1] Материалы раскопок за 1926—1930 гг. изданы лишь кратко: Хсб., вып. II; Крым, 1926, № 3, 1928, № 8, 1929, № 9; К. Э. Гриневич. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929; Хсб., вып. IV.

[2] Погодные отчеты о раскопках изданы в: ИИА, № 4, 1941 (Материалы раскопок 1931—1933 гг.); Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса 1934 г. Симферополь, 1936; он же. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. — Результаты раскопок 1937, 1940, 1941—1947 и 1948 гг. публикуются в настоящем выпуске.

[1] См.: А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, 1938, № 2 (3); Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. ВДИ, 1948, № 1; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950.

Таким образом можно полагать, что население Херсонеса в классический и эллинистический периоды в этническом отношении было смешанным — греко-таврским. Об этом можно судить не только по фактам культурного взаимодействия, но и по наличию захоронения тех и других на одном общем некрополе, в котором таврские погребения составляли не менее половины, что указывает и на соответствующее соотношение таврского и пришлого населения.

Сказанное относится к тем таврам, которые жили в Херсонесе и в его ближайших окрестностях — на Гераклейском полуострове. Мы далеки от мысли распространить это заключение на тавров, обитавших в горной части Крыма и на южном берегу: они, повидимому, отличались от херсонесских и по экономическому и по общественному развитию и по своему образу жизни. Их отношения с Херсонесом и пришлыми греками носили иной характер, который требует особых исследований.

Местоположение открытого некрополя, занимавшего ложбину на северном берегу, дает возможность определить границы города классического периода. В V—IV вв. до н. э. Херсонес был еще небольшим поселением, расположившимся на берегу нынешней Карантинной бухты и в восточной части его будущей территории. Таким образом в первое столетие своего существования город занимал менее половины этой территории. С конца IV в. или с рубежа IV—III вв. до н. э. некрополь начал застраиваться жилыми домами; город интенсивно рос в направлении с востока на запад и в течение эллинистического периода распространился до Песочной бухты. В это же время была сооружена основная линия крепостных стен, что придало Херсонесу законченный облик города.

Наконец, для решения вопроса о времени возникновения Херсонеса большое значение имеет привозный вещественный материал, найденный на северном берегу, в частности непосредственно при погребениях. Мы имеем в виду находки в самых нижних культурных наслоениях (из раскопок 1911—1912 и 1935—1950 гг.) большого количества керамики ионийского происхождения. Вместе с обломками чернофигурных и краснофигурных ваз, найденных в разное время в других местах Херсонеса, эти находки дают право предполагать о возможности существования на месте Херсонеса ионийской фактории — торгового поселения, в котором греки жили и вступали в обмен с местными племенами только в летнее время. Предположение это по недостатку материала еще не может быть обосновано. Зато следует признать несомненными систематические заезды греческих торговцев — ионийцев — на берега Карантинной бухты в период, предшествовавший основанию Херсонеса как гераклейской колонии. В результате этих заездов могли быть занесены сюда и чернофигурные вазы, и ионийская керамика, и краснофигурные вазы V в. до н. э. Наличие торговых связей греков с местным населением в конце VI—V вв. до н. э. лишний раз подтверждается фактом существования ряда крупных поселений, расположенных в бухтах Гераклейского полуострова.

В III—II вв. до н. э. место некрополя заняли жилые кварталы города (схему расположения их см. далее, в нашей совместной с С. Ф. Стржелецким статье на стр. 106, табл. I).

Следует подчеркнуть, что раскопками, произведенными в советское время, в северном районе городища открыто несколько эллинистических кварталов с улицами и группами домов, тогда как по дореволюционным раскопкам в различных местах городища были известны всего лишь единичные здания, не увязываемые друг с другом.

В результате новейших раскопок накопился обильный материал, впервые позволяющий изучать планировку города, познакомиться с планом и устройством античного дома, с его инвентарем, с экономикой и культурой городского населения той эпохи. Было установлено, что основная планировка города с прямоугольными кварталами и взаимно перпендикулярными улицами, идущими с СВ на ЮЗ и с ЮВ на СЗ, восходит именно к эллинистическому времени. Улицы, ширина которых колеблется в пределах 4—6 м, были покрыты сохранившимися во многих местах вымостками из крепко утрамбованной щебенки, морской гальки и черепков. На некоторых улицах частично уцелели водостоки, выдолбленные в плитах. Такие же водостоки существовали в домах: они шли из дворов и вливались в уличные магистрали.

Квартал обычно включает два-три жилых дома. Величина кварталов не всегда одина-

кова: 25×20 м, 25×16 м, 20×16—12 м. План одного из кварталов — XIII, раскопанного в 1936 г., имеет со стороны моря неправильную форму — соответственно линии берега и из-за площади с восточной стороны. Перед постройкой дома производилась нивелировка поверхности, стесывались неровности материковой скалы, для стен вырубались постели (поэтому при разрушении самой стены они дают возможность восстановить план постройки). Кладка стен очень тщательная, поверхность их ровная, камни обычно отесаны, надземные же части стен выполнены из начисто обработанных плит, иногда с рустами. Связующим раствором служила материковая глина — вязкая и пластичная, придававшая кладке достаточную прочность, несмотря на сравнительно небольшую толщину стен — около 0.55 м.

Планировка открытых раскопками домов имеет общие черты. Центральную часть дома-усадьбы занимает двор. Вокруг него расположены жилые и хозяйственные помещения, причем жилые обычно обращены к открытому двору с северной и восточной сторон его. При таком размещении жилые комнаты, будучи открытыми к югу и ЮЗ, обогревались лучами солнца, от холодных же ветров с северной и северо-восточной сторон они были защищены глухими стенами, не имевшими дверей и окон. Вход с улицы во двор ведет через узкое длинное помещение. В каждом дворе имеется колодец или цистерна для хранения дождевой воды, в некоторых дворах — и то и другое. Цистерны во дворе окружены вымостками из тесаных плит, в которых сделаны каналы водостоков, выходящие на улицы. Непременной составной частью дома является подвал, вырубленный в материке на значительную глубину; в случае же небольшой глубины подвалов над ними соответственно надстраиваются стены. В одном из подвалов (в квартале XIII — раскопки 1936 г.) сохранилась часть лестницы, также вырубленная в материке.

Об архитектурном убранстве эллинистических домов позволяют судить найденные при их раскопках части каннелированных колонн, базы, капители, плиты с меандром и пр. В одном из домов (дом *I* в квартале XV) с юго-восточной стороны двора уцелели три квадратных в сечении каменных столба, несомненно поддерживавшие портик. Они, вероятнее всего, находились лишь с одной-двух сторон двора; при небольших размерах дворов перистиля, т. е. портика вокруг всех его стен, могло и не быть. Скромным дворам соответствовали и небольшие колонны портика (диаметр в среднем около 0.25 м) с капителями ионийского ордера или, реже, дорийского, высеченными, как и колонны, из местного материала — мшанкового известняка.

Куски штукатурки с росписью, находимые в каждом доме, позволяют судить о внутренней отделке жилых комнат, украшенных фреской или энкаустической росписью. В некоторых домах встречены обломки терракотовых архитектурных украшений.

Замечательным открытием явился мозаичный пол в небольшом (3×3.5 м) помещении в доме *I* (квартал XV), служившем для омовений.[1] Мозаика, выполненная из морской гальки белого, желтого, синего и красного цветов, изображает две обнаженные женские фигуры, совершающие омовение, на что указывает стоящая между ними высокая ваза, наполненная водой. Мозаика, относящаяся ко II в. до н. э., является зрелым, законченным произведением местного художника и единственным памятником этого рода в Херсонесе.

Засыпь, заполнявшая помещения эллинистического периода, была насыщена предметами, позволяющими изучить некоторые стороны хозяйственной и культурной жизни Херсонеса того времени.

Многие виды керамических изделий — несомненно местного производства. Таковы амфоры, форма, глина и техника которых, а также клейма на ручках уже достаточно изучены по многочисленным их находкам в каждом эллинистическом доме. Сюда же относятся массивные блюда с широким носиком и группа кувшинов, чаще всего с плоским дном, с геометрическим или растительным орнаментом, исполненным красной краской непосредственно по глине или по желтоватой обмазке. Среди кухонной посуды (горшки, миски, сковородки) в каждом доме встречаются лепные сосуды, продолжающие длительную традицию лепной керамики местного населения.

Особенно обильный материал был обнаружен в цистернах и подвалах, засыпь кото-

[1] См. в этом выпуске нашу статью «Эллинистическая мозаика».

рых сохранилась непотревоженной с момента их заполнения. Наиболее многочисленная и разнообразная керамика найдена была в 1947 г.: небольшое помещение и цистерна дали ценнейшую коллекцию посуды как херсонесского происхождения, так и привозной (см. ниже, стр. 231—236, табл. III—VIII).

Благодаря последним раскопкам добыт огромный керамический материал, позволяющий притти к заключению, что в III—II вв. до н. э. гончарное производство в Херсонесе было широко развито и в значительной мере удовлетворяло потребности населения как в таре (пифосы и амфоры), так и в обиходной посуде (блюда, кувшины, миски, горшки и пр.).

Находки терракотовых форм, встречавшихся почти ежегодно в различных кварталах города, подтверждают наблюдения прежних лет об изготовлении в Херсонесе терракотовых статуэток, масок, архитектурных украшений и т. п. Заслуживает особенного внимания находка в 1940 г. глиняной формы небольшого размера, в которой формовалась сидящая на скале женская фигура, отличающаяся высокохудожественным исполнением (см. ниже, стр. 117—118).

В помещениях одного из эллинистических домов в квартале XXII (раскопки 1934 г.) открыты три овально вытянутые ванны, аккуратно обмазанные внутри пластичной глиной, с обильными остатками красной краски на стенках и на дне. Вероятно, в этих ваннах происходило окрашивание тканей. В помещениях соседнего дома на полу в насыпи оказалось большое количество шлака и бесформенных кусков бронзы — отходов литейного производства. Найдены и формы для отливки предметов.

Глиняные грузила в форме усеченной пирамидки и бронзовые рыболовные крючки, найденные во многих помещениях, говорят о рыболовном промысле.

Наряду с предметами несомненно местного производства встречаются вещи привозные, говорящие о торговых связях Херсонеса. Таковы многочисленные обломки синопских, родосских, гераклейских и фасосских амфор и менее многочисленные — книдских и косских. Среди чернолаковой керамики встречаются фрагменты аттической и малоазийской посуды, посуды с накладным орнаментом в сочетании с гравированным, так называемых мегарских чашек и др. Из числа найденных терракот одни, судя по технике изготовления и общему характеру стиля, могут быть отнесены к малоазийским, другие к аттическим и т. д.

Об оживленных торговых связях Херсонеса со многими греческими центрами можно также судить по монетам, найденным в эллинистическом культурном слое, как херсонесским, чеканка которых началась здесь со второй половины IV в. до н. э., так и иногородним. Особенно оживленными были торговые сношения с городами южного берега Черного моря — Синопой, Гераклеей и др. Синопская кровельная черепица численно подавляет черепицу местной работы, производство которой было, повидимому, недостаточным, или, быть может, привозная черепица предпочиталась местной.

Кроме того, у Херсонеса существовали длительные торговые связи как с Афинами и островной Грецией — Фасосом, Родосом, так и с городами западного малоазийского побережья — Пергамом, Книдом и др. Но наиболее тесными и прочными, можно сказать повседневными, были экономические взаимоотношения Херсонеса с местным населением Крыма и вообще северного Причерноморья, с городами Боспора и с Ольвией. На это, в частности, указывают, с одной стороны, находки в Херсонесе боспорских и ольвийских монет и, с другой, находки херсонесских амфорных ручек и других предметов в городах Крыма и Черноморского побережья.

Быстрый рост городской территории, постройка монументальных оборонительных стен, широкое развитие различных ремесел и установление торговых связей Херсонеса со многими центрами могут служить показателем высокого экономического развития города. Развитие это явилось предпосылкой превращения Херсонеса из небольшого поселения или фактории в вполне сложившийся город-государство, о чем говорят такие важные факты и явления политической жизни Херсонеса, как издание гражданской присяги, начало чеканки собственной монеты, овладение Гераклейским полуостровом и западным побережьем Крыма, размежевание земель в окрестностях города и пр. Расцвет Херсонеса приходится на конец IV—начало II вв. до н. э. Он был основан главным образом на тесной связи города с местным населением, на интенсивном экономическом и культурном развитии

этого населения и быстро складывавшемся переходе местных племен от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

В конце II—I вв. до н. э. греческие города северного Причерноморья переживали кризис, который являлся общим для всего рабовладельческого строя (восстания рабов в Италии, в Сицилии и других местах). Еще в III—II вв. до н. э. в Крыму образовалось сильное скифское государство, стремившееся к овладению морскими портами, к расширению своей территории и к прекращению зависимости от греческих городов в морской торговле. Войны скифов с Боспором и Херсонесом привели эти города к ослаблению и упадку. Наивысшим проявлением социального кризиса в Крыму было восстание скифов-рабов, возглавленное Савмаком. Лишь вмешательство извне, со стороны Митридата, царя Понта, не дало скифам окончательно утвердиться на Боспоре и в Херсонесе. Но эти события тяжело отразились на сильно ослабевшем Херсонесе. Свидетельства письменных источников — описание Страбоном военных событий, относящихся к осаде Херсонеса скифами, а также эпиграфические памятники (почетный декрет в честь Диофанта [1] и почетный декрет в честь лиц, взявших Прекрасную Гавань [2]) — подтверждаются археологическими раскопками. Последними установлено, что крепостные стены и поселения на Херсонесском мысу в конце II в. до н. э. были разрушены. Повидимому, одновременно прекратили свое существование жилые дома эллинистического периода и в Херсонесе; причиной их гибели могла быть та же война со скифами.

2. ХЕРСОНЕС В I—IV ВВ. Н. Э.[3]

В начале нашей эры Херсонес был восстановлен, но уже на иной основе.

На месте разрушенных домов эллинистического периода в I—II вв. н. э. были возведены новые здания, отличавшиеся большими размерами. Изменилась и величина кварталов в сторону их укрупнения. Так, два квартала (XV и XVI) с домами III—II вв. до н. э. в первых столетиях н. э. оказались застроенными одним огромным зданием с характерными для него пилонами (рис. 3). Другое большое здание,

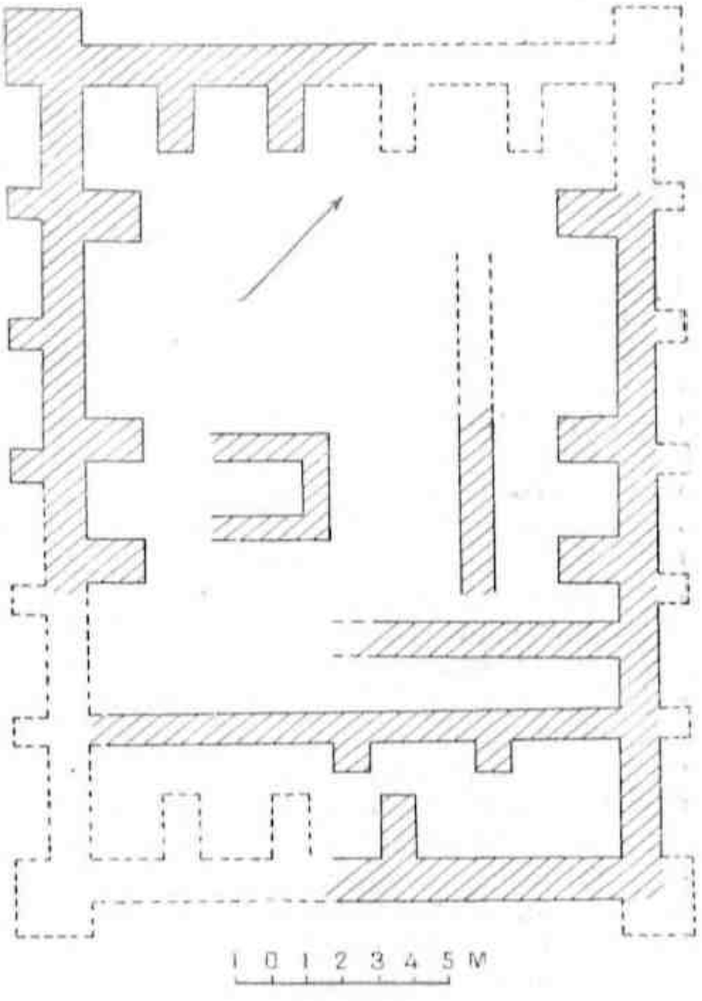


Рис. 3. Схематический план здания I—III вв. н. э. в XVI квартале.

с винодельней, занимало весь XVIII квартал. В соответствии с размерами домов толщина их стен теперь достигает 1 м и более, т. е. вдвое превышает толщину стен эллинистических домов. В этот же период происходит восстановление и дальнейшее развитие оборонительных сооружений.

Широкое строительство в городе означало возрождение Херсонеса, которое начинается с I в. н. э. Археологические данные подтверждают, что этот подъем происходил в результате новой политической и экономической обстановки, сложившейся в При-

[1] IPE, I², № 352.

[2] Там же, № 353.

[3] Этому периоду уделено несколько большее внимание, во-первых, потому, что новые материалы раскопок, относящиеся к I—III вв., по своему значению заслуживают подробного изучения, во-вторых, потому, что результаты раскопок, касающиеся других периодов, частично уже освещены в ранее опубликованных работах, например о некрополе классического периода (СА, XIII, 1950), о жилых домах средневекового Херсонеса (МИА, 17, гл. II) и др.

БИБЛИОТЕКА
13358

черноморье к началу нашей эры. Могущество таких сильных государств, как Понт и Армения, было сломлено, и они были поставлены в политическую зависимость от Рима. В той или иной мере империя утвердила свою власть на всем северном Причерноморье, в том числе и в Херсонесе. При Нероне в нем был размещен значительный римский гарнизон, в Херсонесской бухте появилась эскадра римского военного флота. Культурно-политический облик нового Херсонеса значительно отличается от прежнего.

Раскопками засвидетельствовано, что крепостные стены Херсонеса в это время были восстановлены и перестроены. Так, например, на юго-восточном участке города основание оборонительной стены было дополнительно укреплено мощной земляной насыпью и соответственно поднят уровень самой стены.[1] На месте небольших полукруглых башен эллинистического периода были сооружены более крупные прямоугольные башни. К этому времени следует отнести постройку второго утолщения башни XVII (так называемой башни Зенона) и монументальной аппарели — лестницы. Судя по технике кладки и по составу цементного раствора, можно полагать, что сильной перестройке подверглись крепостные стены в западной части города. Внутри юго-восточного участка крепостных стен, ставшего цитаделью для гарнизона римских солдат, в I—II вв. н. э. были сооружены казарма — большое длинное здание, состоявшее из многих одинаковых по величине помещений, и термы — бани для тех же солдат. При раскопках казармы найден известняковый жертвенник с надписью-посвящением Юпитеру; латинский язык надписи и посвящение Юпитеру — покровителю Римского государства — указывают на то, что жертвенник был сооружен от имени солдат римского гарнизона.

Археологические материалы Херсонеса периода римского господства свидетельствуют о концентрации крупной собственности в руках богатой городской знати и аристократизации политического строя Херсонеса. Эпиграфические памятники показывают, как главные государственные должности сосредоточивались в руках представителей узкого круга богатой верхушки населения и передавались по наследству из поколения в поколение, как империя предоставляла местной знати, на которую она опиралась, права римского гражданства.

В северном районе города в 1935 г. были найдены мраморные рельефы, часть которых принадлежит саркофагам, другая — сооружениям, повидимому, надгробного характера. Рельефы, отличающиеся своей монументальностью, составляют по стилю и технике единую группу памятников, которую можно датировать концом II—началом III в. н. э.[1] Ни в предшествующее, ни в последующее время подобного рода памятники в таком количестве в Херсонесе не известны. Привоз мраморных плит и выполнение на месте рельефных изображений требовали затраты значительных средств. Самый факт сооружения монументальных надгробных памятников свидетельствует о возросшем значении богатой знати, стремившейся к увековечению и героизации своих предков.

Следует отметить, что некрополь Херсонеса в первые века нашей эры расширяется по всем направлениям, так что новые могилы покрывают собой некрополь эллинистического периода и распространяются далеко за его пределы. Другая особенность этого некрополя — огромное количество склепов, вырубленных в материковой скале. Склепы, служившие для семейных захоронений иногда в течение нескольких столетий, являются специфической чертой, резко отличающей погребальные сооружения и вообще обряд захоронения римского времени в Херсонесе. Третья особенность — это обилие погребального инвентаря, большое количество предметов из драгоценных материалов и дорогих украшений, в противоположность некрополю классического и эллинистического времени.

Археологические находки в Херсонесе этого периода особенно богаты новыми материалами, характеризующими его экономическую жизнь. Они отражают необычное, как для предшествующей, так и для последующей истории Херсонеса, развитие крупных промыслов — рыболовства и виноделия, а также значительное развитие производства керамики и строительного дела. Растет хлебопашество в западной части Крыма, которая, повидимому, вновь стала снабжать Херсонес хлебом. Снова широкими и оживленными

[1] Хсб, вып. II, 1927, стр. 91—94.

[1] ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 266—287.

становятся всесторонние торговые связи Херсонеса.

Одной из ведущих отраслей хозяйства Херсонеса в рассматриваемый период являлось рыболовство. На это указывают многочисленные памятники и прежде всего цистерны, которые открыты раскопками буквально во всех районах Херсонеса — как в северо-восточной и центральной его частях, наиболее и ранее других раскопанных, так и в северном прибрежном районе города, где раскопки ведутся ежегодно в течение уже 20 лет.

Во многих цистернах были найдены остатки соленой рыбы — прямое и несомненное свидетельство того, что цистерны являлись рыбозасолочными. Так, на дне большой цистерны, открытой в 1932 г.,[1] в двух цистернах, расположенных в кварталах XV—XVI (раскопки 1937 г.), и в ряде цистерн, раскопанных в восточной и центральной частях города, рыба лежала слоем толщиной 0.5—1 м.[2]

Конечно, не все цистерны предназначались для засола рыбы, некоторые из них служили для хранения дождевой воды, на что указывает их отличительная особенность — очень большая глубина при маленькой площади. Подобные цистерны были непригодны для засола рыбы, так как при огромной толще слоя рыбы нижние ее слои оказались бы раздавленными. К некоторым цистернам вели каналы водостоков, несомненно служивших для спуска дождевой воды в цистерну.

Размеры цистерн различны,[3] но техника их устройства в общем одинакова. Для устройства цистерны в материковой скале предварительно вырубалась яма, внутри которой потом сооружались стены толщиной около 0.35—0.40 м. Стены выступали выше поверхности скалы примерно на одну треть всей глубины цистерны, так что две трети ее находились в материке. Это соотношение зависело от мощности культурного слоя и в различных местах города было неодинаковым.

Кладка стен выполнена на растворе красного цвета — смеси извести, песка и толченой керамики, цемянки. Таким же раствором, но с большей примесью мелко толченого черепка, штукатурились стены цистерны. Вымостка дна выполнялась различно. В одних цистернах дно заливалось сплошным слоем указанного раствора, толщиной 0.10—15 м.[1] В других на слой цемента клались кирпичи — длинные, широкие и плоские, как, например, в большой цистерне на участке 1932 г.[2] В третьих вымостка состояла из нескольких слоев: слоя цемента, кирпичной вымостки и сверх него опять слоя цемента.[3] Своеобразным и пока единственным является устройство дна в цистерне на участке 1936 г.: на цементном растворе лежит вымостка в виде мелких кубиков, изготовленных из разбитых кирпичей (2×1.5×1.5 см), тщательно выполненная и залитая сверху слоем цемента, общей толщиной 10 см.

Этот состав цемента, употреблявшегося для штукатурки цистерн, широко применялся в строительстве Херсонеса рассматриваемого периода. При этом для кладки стен цистерн употреблялась небольшая примесь крупно толченой цемянки, для штукатурки же стен и для заливки дна цистерн примешивалась мелко толченая цемянка, большое количество которой придает штукатурке характерный красный цвет. В кладках стен зданий, а также крепостных стен города, относящихся к первым столетиям нашей эры, примесь цемянки также встречается, но в небольшом количестве, притом в виде крупных редких вкраплений. Преобладающее содержание цемянки в штукатурке цистерн и виноделен имело особое значение: цемянка, прочно входя в соединение с известью и песком, придавала всему раствору гидравлические свойства, благодаря которым раствор приобретал качества цемента и становился совершенно непроницаемым как для грунтовых вод, так и для виноградного сока в виноделиях.

---

[1] МИА, № 4, 1941, стр. 222, рис. 35 на стр. 224.

[2] ИАК, вып. 20, стр. 23.

[3] Например, на участке 1931 г. цистерна *А*: 4×2.30×3.10 м; цистерна *Б*: 3.15×3.10×2.20 м; цистерна *И*: 4.30×2.50×3.30 м; на участке 1932 г. цистерна имеет размеры 6.10×3.60×3 м.

[1] Примером может служить цистерна *А* на участке 1931 г.: раствор очень прочный: в этой цистерне с большим трудом удалось вырубить киркой кусок дна толщиной 12 см.

[2] МИА, № 4, 1941, рис. 35 на стр. 224. — Размеры кирпичей 44×51 см.

[3] Цистерна *В* на участке 1931 г.: нижний слой цемента толщиной 10 см, ряд кирпичей размерами 37×38×5 см и верхний слой цемента толщиной 5 см: общая толщина — 20 см.

Штукатурка стен внутри цистерн, по мере ее порчи, подновлялась путем наложения тонких ее слоев, хорошо видных в процессе раскопок. Поверхность штукатурки, возможно, покрывалась красной краской с целью придать штукатурке бо́льшую непроницаемость для жидкости, а также с целью предохранения ее от разрушающего влияния рассола (или виноградного сусла).[1]

Цистерны другого вида — грушевидные, круглые в плане, с узким отверстием. Некоторые из них имеют глубокие ниши, устроенные в нижней их части, несомненно, для увеличения общего объема цистерны. Подобные цистерны были открыты раскопками на участках 1934 и 1937 гг., а также в северо-восточной части города.[2]

Остатки рыбы в цистернах обычно представляют собою массу коричневого цвета, в нижней части настолько спрессовавшуюся, что остовы рыб в ней уже не различимы. В верхних же слоях эта масса светлокоричневая и более рыхлая, поэтому в ней можно выделить отдельные костяки рыб. Анализом остатков установлено, что в цистернах находилась хамса (анчоус), наиболее дешевая рыба, ловившаяся в большом количестве.

При раскопках в северном районе города выяснено, что в непосредственном соседстве с рыбозасолочными цистернами были расположены кладовые с пифосами, в которых хранилась рыба. В кварталах XV и XVI (раскопки 1937 г.), рядом с цистерной с нишами, содержавшей массу оставшейся в нижней части рыбы, в скале имеется длинный прямоугольный выруб с круглыми углублениями в нем для установки пифосов. В восточной части того же квартала открыта кладовая с девятью хорошо сохранившимися пифосами, в которых оказалась соленая рыба хамса (см. рис. 43 на стр. 79). По соседству с кладовой находится прямоугольная в плане цистерна, хорошо оштукатуренная; на дне ее лежала масса рыбы слоем в 0.5—1.0 м.[3]

Выловленная в море рыба подвергалась засолу в цистернах. По истечении времени, потребного для просола (около двух недель), рыба из цистерн перекладывалась или в крупную тару (пифосы) — для длительного хранения, или в мелкую (в амфоры и другие сосуды) — для повседневного потребления. Пифосы римского времени отличаются большими размерами (высота их 1.50—1.80 м) и вытянутыми пропорциями. Венчик горла у них массивный, отогнутый наружу, на корпусе имеются горизонтальные рельефные пояса-ребра, расположенные один от другого на расстоянии 19—25 см; дно у таких пифосов широкое и плоское.

Пифосы в кладовых врывались в землю примерно на две трети своей высоты; если же слой насыпи был недостаточным, то в скале вырубались круглые углубления. Подобные углубления всегда встречаются группами, что служит прямым свидетельством принадлежности их одной кладовой, одному хозяйству. Характерный пример дали раскопки кварталов XV—XVI: здесь возле цистерн с рыбой в скале имеется около 20 круглых углублений с остатками в некоторых обломков пифосов.

Поблизости от только что названной цистерны расположены две другие цистерны: одна размерами 2.50×2.30 м при глубине 4.50 м, другая 2.40×1.95 м при глубине 4.15 м. Остатков рыбы в них не оказалось, а небольшая площадь и значительная глубина скорее указывают на то, что обе служили, вероятно, для сбора и хранения дождевой воды.[1]

Раскопками, успешно ведущимися на Боспоре в течение последних десятилетий, тоже открыты многочисленные рыбозасолочные ванны, в особенности в Тиритаке. Характерное их отличие от херсонесских заключается, во-первых, в том, что они значительно меньших размеров: средний размер тиритакских ванн около 12 куб. м, величина же херсонесских цистерн достигает 20—27—66 и более куб. метров; во-вторых, ванны в Тиритаке расположены большими группами (например, один из комплексов заключает в себе 16 ванн). При этом они сооружены в один строительный прием и, составляя собою одно целое, принадлежали одному рыбопромышленному хозяйству.[2]

[1] Ср. МИА. № 4, 1941, стр. 20.

[2] Хоб, вып. III, 1930, план на рис. 21 — к югу от помещения 36.

[3] Размеры цистерны 4.40×4.35 м при глубине 3 м.

[1] К. К. Косцюшко-Валюжинич неоднократно высказывал предположение о том, что цистерны больших размеров служили для хранения зерна (ИАК. вып. 4, стр. 84; вып. 20, стр. 50. — Имеется в виду цистерна к востоку от Уваровской базилики; размеры этой, самой большой в Херсонесе, цистерны 6.0×4.60×6.40 м).

[2] МИА. № 4, 1941, стр. 20 сл.

В Херсонесе же цистерны достигают более крупных размеров и расположены не группами, а большей частью поодиночке. Лишь в немногих случаях встречается по две цистерны, устроенные рядом и в один строительный период. Техническое устройство херсонесских цистерн и тиритакских ванн в общем аналогично: в обоих случаях стены сложены на растворе с цемянкой и оштукатурены тем же цементом красного цвета. Вряд ли различие в размерах цистерн обусловлено засолом различной рыбы — хамсы в Херсонесе, сельди в Тиритаке, тем более, что наряду с сельдью в ваннах Тиритаки и в других местах Боспора встречались также и остатки хамсы, которая там ловилась в очень большом количестве. Это различие было обусловлено скорее всего особенностями техники дела, технической традицией, самостоятельно сложившейся в каждом из этих центров.[1]

Большая кубатура херсонесских цистерн, при значительном их количестве, свидетельствует об огромных масштабах рыбного промысла в Херсонесе в первые века нашей эры. Если принять во внимание, что каждый кубический метр свежепосоленной рыбы составлял около 8 центнеров, то херсонесские цистерны, взятые в отдельности, вмещали в себе по 160—210—520 и более центнеров или, соответственно, по 16—21—52 тонны.[2] Засол рыбы в цистернах производился несколько раз в сезон, поэтому можно составить приблизительное представление о том громадном количестве рыбы, которая вылавливалась и заготовлялась в Херсонесе. Причем надо учесть, что, кроме мелкой дешевой хамсы, ловились и другие сорта рыбы, подвергавшиеся обработке не в цистернах, а иными способами.[3]

Для засола рыбы крупными массами требовалось очень большое количество соли, что обусловливало соответствующее развитие промысла по добыче морской соли. Ближайшим местом ее добывания были соленые озера на Херсонесском мысу, у Казачьей бухты; более отдаленные пункты находились в районе Сиваша. Помимо того, для обеспечения рыбного промысла требовались рыболовные суда, крупная и мелкая тара, материалы для сетей, рыболовные крючки, грузила и т. п. Таким образом рыболовство было тесно связано с некоторыми другими отраслями хозяйства — соляным промыслом, гончарным производством, судостроением и др. Наконец, рыбный промысел был неразрывно связан с торговлей — как внутренней, так и внешней. О существовании в Херсонесе особого рыбного рынка свидетельствует одна из надписей, относящаяся ко II в. н. э.[1]

Из сказанного следует, что, во-первых, рыболовство являлось одним из наиболее важных занятий населения Херсонеса, что, во-вторых, удельный вес этого промысла в экономике города I—III вв. был весьма значительным, что, в-третьих, рыбный промысел находился в руках крупных собственников, располагавших необходимыми средствами и достаточным количеством рабочей силы — рабов.

Рыбозасолочные цистерны Херсонеса принадлежат первым векам нашей эры. В настоящее время трудно определить, когда именно началась их постройка, но, повидимому, не ранее I в. н. э. В эллинистический период, в III—II вв. до н. э., подобные цистерны совершенно не известны; в то время существовали лишь подвалы и грушевидной формы цистерны, устроенные в материковой скале. Подвалы не были оштукатурены и являлись хранилищами продуктов, находившихся в какой-либо таре (в пифосах и амфорах). Цистерны предназначались для дождевой воды, поэтому стены их покрывались штукатуркой, однако совершенно иного состава; в нее входили раствор извести с песком и очень малое количество мелко толченой керамики, отчего штукатурка имеет лишь слегка розоватый цвет.

В засыпи рыбозасолочных цистерн самые ранние находки относятся к IV в. н. э., наиболее поздние — к середине VI в. Для засыпи цистерн характерно большое количество римских монет IV в., значительно менее встречается монет V и VI вв. Самые поздние монеты принадлежат Юстиниану I

---

[1] На керченских рыбных промыслах и в настоящее время засол рыбы производится в небольших по площади и глубине цементированных цистернах, приближающихся по своей величине к древним цистернам Тиритаки (там же, стр. 94—95, рис. 2).

[2] Там же, стр. 94.

[3] М. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. Вестник рыбной промышленности, № 1—3, Игр., 1917.

[1] С. Семенов-Зусер. Рыбный рынок в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 2.

(527—565). Это наблюдение проверено по материалам раскопок многих цистерн. Отсюда можно притти к заключению, что цистерны прекращают свое существование в IV в., окончательная же их засыпка произошла в середине VI в. в связи с нивелировкой кварталов, вызванной новым строительством и новой их планировкой. Следовательно, рыбозасолочные цистерны специфичны только для римского периода существования Херсонеса. В классический и эллинистический периоды они отсутствовали. В начале средневековой эпохи цистерны большей частью были заброшены и превращены в мусорные ямы. Лишь некоторые из них были использованы, но уже с иным назначением: одни — для раствора и гашения извести,[1] другие — в качестве подвалов в жилых домах.[2]

Рыбная ловля, разумеется, производилась во все времена жизни города, но размеры ее были иными, менее значительными по сравнению с периодом I—III вв. н. э.

В первые века нашей эры получила значительное развитие и другая отрасль хозяйства — виноградарство и виноделие. Возникновение их относится еще к эллинистическому периоду, как о том свидетельствуют эпиграфические памятники. Известен пьедестал статуи Агасикла с надписью III в. до н. э., в которой перечисляются заслуги его перед государством; среди заслуг упоминается размежевание виноградников на равнине,[3] которую следует отожествить с Гераклейским полуостровом. Там до сих пор сохранились межи, разделяющие его на многочисленные участки правильной формы, восходящие к эллинистическому времени.[4] При раскопках на Херсонесском мысу и в других местах полуострова были найдены тараканы — прессы для выжимки винограда.[5] Несомненно, главной отраслью сельского хозяйства на каменистом плоскогорье окрестностей Херсонеса являлось именно виноградарство, для которого почва здесь была более благоприятной, нежели для хлебопашества. Развитие виноделия подтверждается также найденными при раскопках Херсонеса в большом количестве амфорами, служившими тарой для вина, и амфорными ручками местного производства. Ручки херсонесских амфор встречаются и в других городах северного Причерноморья и даже за его пределами, что является прямым доказательством вывоза вина из Херсонеса, значительная доля которого шла, конечно, на продажу местному населению Крыма.

Раскопками последних лет в Херсонесе открыты и виноделыни, относящиеся к первым векам нашей эры. Две из них хорошо сохранились и позволяют судить об их первоначальном устройстве. В одной из виноделен уцелела большая часть давильной площадки; в той и другой виноделынях имеется по три резервуара. Размеры, техника сооружения и общий план виноделен почти одинаковы. Вторая виноделыня (участок раскопок 1931 г.) занимает в здании отдельное помещение. Вплотную к трем его стенам примыкает давильная площадка длиной 5.25 м, шириной 3.30 м (см. рис. 46 на стр. 198). Площадка покоится на очень плотном слое насыпи эллинистического времени из глины со щебенкой и соответственно трем резервуарам разделена на три части, между которыми имеются пазы, образовавшиеся от сгнивших досчатых перегородок (см. рис. 47 на стр. 199). Подобное устройство виноделыни позволяло производить выжимку винограда раздельно на каждом участке площадки, и виноградный сок, не смешиваясь, стекал с них в соответствующий резервуар.

В виноделыне, открытой в квартале XVIII (раскопки 1947—1948 гг.), от давильной площадки сохранились лишь небольшие остатки, однако и по ним возможно было установить, что техника ее устройства аналогична первой. В IV в. н. э. эта виноделыня была разрушена и использована для других целей: ее превратили в кладовую, где стояли пифосы для хранения соленой рыбы. Кладовая действовала не долее середины VI в., так как в это время на ее месте было сооружено новое здание, одна стена которого прошла над резервуарами, а другая над площадкой, в которой предварительно была вырыта для стены широкая траншея, глубиной до материка.

Виноделыня входила в состав большого дома, план которого выяснен полностью (см. рис. 10 на стр. 172). Дом в целом представлял большой хозяйственный комплекс с технически хорошо оборудованной вино-

[1] МИА, № 4, 1941, стр. 222 сл.
[2] Там же, стр. 206, 214.
[3] IPE, I², № 418.
[4] ВДИ, 1951, № 3, стр. 86; ИАК, вып. 42, табл. III.
[5] Там же, рис. 1 на стр. 111.

дельней, обширным винным складом, подвалом, двумя колодцами и цистерной. Жилые помещения были расположены на втором этаже. В кварталах XIII и XIV (раскопки 1936 г.) уцелела площадка, размерами 3.50×2.60 м, состоящая из вымостки и толстого слоя цемента красного цвета. Наклон площадки в одну сторону, значительная ее изношенность и техника ее устройства, аналогичная технике устройства описанных давильных площадок, позволяют считать ее остатком винодельни, другие составные части которой были разрушены при интенсивном строительстве в средневековую эпоху.

Таким образом в северном районе Херсонеса на небольшой, сравнительно с общей территорией города, площади одновременно существовали по крайней мере три винодельни. Их большие размеры, высокая техника и однотипность устройства свидетельствуют, во-первых, о значительных масштабах винодельческого хозяйства, а во-вторых, о длительной традиции в деле сооружения виноделен, которая только и может объяснить наличие сложившегося и выработанного типа их устройства как в конструктивном, так и в техническом отношениях.

Недостаточная сохранность давильных площадок не позволяет сравнить во всех деталях херсонесские винодельни с аналогичными винодельнями на Боспоре, например в Тиритаке, где средняя площадка служила для окончательной выжимки при помощи пресса и тарапана той мязги, которая поступала с боковых площадок после предварительной выжимки виноградной массы ногами.[1] Наличие трех резервуаров в херсонесских винодельнях может указывать, однако, на подобные же стадии в процессе обработки винограда. Подтверждением этого являются и плиты с выемками, найденные в винодельне при раскопках 1947—1948 гг., служившие, вероятно, прессом.

Винодельни были не только в городе; остатки их находили и на Гераклейском полуострове. В 1928—1929 гг. при раскопках большой усадьбы с башнями в балке Бермана был найден огромный блок с пазами и выемками, при помощи которых он был заключен в деревянный каркас и прикреплен к рычагу в качестве тяжелого пресса.[1] В 1930 г. на северной стороне Севастополя при земляных работах был открыт винный склад, состоявший из шести пифосов, на дне которых находилась коричневого цвета масса с виноградными косточками — несомненно, осадок от вина. Тогда же найдены орудия производства, относящиеся к виноградарству, например железный нож для обрезки виноградных веток. Большой интерес представляет надгробная стела с изображением подобного ножа.

На основании указанных памятников, находящихся как в самом Херсонесе, так и в его окрестностях, можно заключить, что виноградарство и виноделие в первых веках нашей эры достигли здесь большего развития, нежели в предшествующий эллинистический период. Усовершенствованная техника виноделия и большие размеры виноделен указывают на значительную производственную их мощность. В целом они свидетельствуют о большом значении этой отрасли сельского хозяйства во всей экономике города. Вывоз вина из Херсонеса в эллинистический период, как сказано, доказывается амфорными ручками с клеймами, найденными в различных пунктах Причерноморья. Нет сомнений в том, что вино вывозилось и в первые века нашей эры, когда виноделие достигло еще более широких размеров.

Следует подчеркнуть, что, как и рыбный промысел, виноградарство и виноделие находились в руках крупных собственников. Большие дома и технически усовершенствованные большие винодельни могли принадлежать только богатым владельцам, в распоряжении которых находилось достаточное количество средств и рабочей силы — рабов для обслуживания всего хозяйства. Если принять во внимание, что владельцы виноделен в большинстве случаев являлись одновременно и собственниками виноградников, то масштабы винодельческих хозяйств представляются соответственно еще более крупными.

Развитие рыболовства и виноделия потребовало расширения гончарного производства для обеспечения продукции тарой — пифосами, амфорами и иной посудой. Кроме того, в быту требовалась разнообразная глиняная посуда, большая часть которой изготовлялась на месте. По раскопкам некро-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, 1949, стр. 356 сл., рис. 60 аб; ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 310, план на стр. 309, Е.

[1] Крым, 1929, № 10, рис. 2 на стр. 49.

поля известны многие виды керамики, характерные своей формой и техникой для Херсонеса, например маленькие горшочки, чашки, разнообразного вида кувшины и другие сосуды, встречающиеся в могилах в больших количествах. В первые века нашей эры в Херсонесе изготовлялись также кровельная черепица, кирпич, водопроводные гончарные трубы и др.

В этот же период, в особенности во II в. н. э., широкого развития достигла торговля, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные привозные предметы: керамика, мрамор, стеклянные изделия, украшения из драгоценных металлов и камней, а также монеты, находимые в большом числе. Об оживленных торговых сношениях говорят и почетные декреты, изданные Херсонесом в честь иноземцев. Серия этих декретов относится по преимуществу ко II в. н. э.

По монетам и надписям можно судить о направлениях, по которым развивалась торговля. Большое количество монет принадлежит городам южного Причерноморья: Синопе, Амису, Амастрии. В почетных декретах наиболее часто встречаются имена граждан, происходящих из тех же городов Малой Азии, в особенности же из Гераклеи, метрополии Херсонеса. Декреты содержат постановления о даровании прав гражданства и привилегий иноземцам за их заслуги перед Херсонесом, связанные обычно с торговлей. Известны также надгробные стелы с именами иноземцев, проживавших и умерших в Херсонесе.[1]

Перечисленные памятники рисуют Херсонес в I—III вв. н. э. как большой торговый город, куда съезжались торговцы из различных городов и областей Причерноморья. При раскопках в Неаполе Скифском и в ряде других мест северо-западного Крыма найдены предметы херсонесского производства и попавшие туда через Херсонес: керамика, изделия из стекла и бронзы, украшения, монеты. Херсонес являлся ближайшим торговым портом, к которому экономически тяготели юго-западный и северо-западный районы полуострова.

Археологические данные доказывают, что хотя в I—III вв. н. э. Херсонес переживал период экономического подъема, но, будучи связан с Римской империей, он уже с III в. вступил в полосу социально-экономического кризиса, хозяйственного упадка и военного ослабления, которые характеризуют Римскую империю того времени в целом. Внутренние волнения и внешний натиск «варварских» племен заставили Рим оттянуть значительную часть своих гарнизонов из Крыма, в частности на усиление границ по Балканскому полуострову. К тому же в этих гарнизонах стали все острее проявляться признаки разложения дисциплины. Так, из надписи о проституционной подати [1] известно, что солдаты римского гарнизона в Херсонесе незаконно увеличили ту часть пошлин, взимавшихся с публичных домов, которая полагалась на содержание гарнизона. Городские власти обратились с жалобой на этот произвол к правителю Нижней Мезии, от которого последовал приказ восстановить прежний порядок распределения пошлин, в противном случае виновные будут подвергнуты наказанию.

Римский период в истории Херсонеса завершился трагически для него. Раскопки показывают, что в последней четверти IV в. Херсонес был вновь разрушен, очевидно в связи с вторжением в Крым гуннов.

При изучении этого периода в истории Херсонеса перед исследователями должна стоять проблема о формах разложения (именно здесь, в Херсонесе) рабовладельческого строя и зарождения шедших на смену ему новых, феодальных отношений. Пока материал для решения этого важнейшего исторического вопроса еще скуден; дальнейшее накопление археологических данных в сочетании с данными письменных источников должно привести к выяснению этой проблемы, разумеется при условии интенсивной работы и ее целеустремленности.

3. ХЕРСОНЕС В V—XIV ВВ.

Раскопки последних лет представили в наше распоряжение многочисленные материалы, ярко рисующие экономическое и культурное состояния Херсонеса в некоторые периоды Средневековья. Так, V—VI вв. характеризуются восстановлением города, возведением новых крепостных сооружений и богатых христианских храмов. К IX—X вв. относится ряд домов с большим количеством предметов, свидетельствующих о высоком уровне хозяйства в целом и торговли

[1] IPE, I², NN 357, 364, 359, 542, 543 и др.

[1] Там же, № 404.

в частности. Особенно обилен материал в домах XIII—XIV вв.

Наиболее неясными в археологическом отношении остаются VII—VIII вв. Херсонесская нумизматика показывает, что с начала VII до середины IX в. Херсонес не выпускал своей монеты, очень редки были и иногородние монеты, что говорит о несомненном экономическом упадке.

в Херсонесе оборонительных стен. При Юстиниане I они были вновь усилены в Херсонесе и сооружены в других местах Крыма.

Известно, что агрессивная политика Византии обычно сопровождалась и закреплялась насаждением христианства и греческой церковной администрации. Поэтому одновременно с восстановлением оборono-

Рис. 4. Северный берег, вид с востока. На переднем плане участок раскопок 1936 г. (кварталы XIII—XIV); мраморные колонны принадлежат базилике VI в., открытой в 1935 г.

Одной из очередных задач дальнейших раскопок является отыскание в сложной стратиграфии города строительных остатков и других материалов, которые осветили бы именно эти (VII—VIII) века.

О восстановлении Херсонеса в V—VI вв. свидетельствуют как письменные источники, так и археологические памятники. В этом восстановлении деятельное участие принимала Византийская империя, которая продолжала и развивала захватническую политику Рима в Причерноморье. Надпись в честь византийского императора Зенона (474—491) сообщает о возобновлении

способности в Херсонесе в широких масштабах осуществлялось сооружение христианских храмов. Храмы Херсонеса выделялись богатством внутренней отделки. Они строились под руководством византийских мастеров по заморским, главным образом малоазийским, образцам [1] с широким использованием привозных декоративных материалов — мраморных колонн, капителей, алтарных преград и пр.

В северном районе Херсонеса раскопками открыто несколько базилик, сооруже-

[1] См.: А. Л. Якобсон, КС ИИМК, вып. XIII, стр. 160.

ние которых относится к V—VI вв. Наиболее ранняя базилика в этом районе была построена в V в. Она занимает квартал XIX (раскопана в 1935 г.). Дополнительными работами 1950 г. открыто небольшое помещение с мозаичным полом, примыкающее к базилике и связанное с ней. Сохранились некоторые детали архитектурного убранства здания, например три так называемые феодосианские капители V в. из проконнесского мрамора. К южной стороне базилики была пристроена галерея, одновременная базилике и составлявшая с ней одно целое. Все эти постройки составляли единый культовый комплекс.

В VI в. на месте первой базилики была построена вторая, большего размера и лучше сохранившаяся, что дало возможность частично реставрировать здание (рис. 4). В южном нефе ее сохранился мозаичный пол, а средний неф был выложен большими мраморными плитами, для чего были использованы упоминавшиеся мраморные стенки саркофагов и плиты с рельефными изображениями II в. н. э. С южной стороны к базилике примыкала большая пристройка с крещальней, в которой хорошо сохранилась купель, сложенная из плоских кирпичей на известковом растворе.

Третья большая базилика (в квартале XXV), открытая раскопками 1932 г., расположена почти рядом, к западу от предыдущей. Она в значительной мере повторяет форму базилики 1935 г. и также относится к VI в. Здесь сохранились мраморные базы колонн, типичные для того времени, а в боковых нефах и около солеи — мозаичный пол. Пол среднего нефа был несомненно также покрыт мозаикой.[1]

Обе базилики, вместе с ранее раскопанной в западном конце города — у крепостной стены, входили в состав группы больших культовых зданий, возвышавшихся вдоль северного берега. Сосредоточение в северном прибрежном районе ряда монументальных храмов, богато отделанных мрамором, мозаиками и фресками, может служить показателем того, что в раннее Средневековье этот район был по своему значению одним из центральных в городе. При сооружении базилик и других зданий планировка внутри кварталов и в районе в целом сильно изменилась. Некоторые из улиц были застроены, цистерны засыпаны, возле базилик оставлены свободные площади.

Поблизости от базилик раскопками открыты известкообжигательные печи и ямы для раствора извести, которыми пользовались при постройке базилик.

Наряду с обширными общественными зданиями раскопаны жилые дома, восходящие к первой половине Средневековья, главным образом к IX—X вв.

Планировка средневековых домов резко отличается от прежней и притом не укладывается в какую-либо единую схему (рис. 5). Общей чертой средневекового дома является расположение двора чаще всего внутри квартала, а жилых комнат — вдоль улицы. При этом двор иногда являлся общим для двух-трех соседних домов или же дворы нескольких домов размещались смежно (в средней части квартала), будучи разделены каменными заборами. В средневековом доме, как правило, отсутствует узкое проходное помещение, соединявшее двор с улицей: вход в дом с улицы чаще всего вел непосредственно в жилое помещение. Дома с дворами, выходящими на улицу, встречаются реже.

Во дворе почти каждого античного дома находилась цистерна для дождевой воды или колодец, иногда было и то и другое одновременно. Во дворах средневековых домов такие цистерны совершенно отсутствуют, колодцы же имеются далеко не на каждом дворе. Что касается колодцев, сооруженных в эллинистическое время, то лишь некоторые из них были засыпаны при разрушении зданий, в то время как другие продолжали действовать не только в римский период, но и в течение всего Средневековья (например колодцы в домах I и IV — в кварталах XV и XVI).

Наряду с античными открыты колодцы, сооруженные в средневековую эпоху; при устройстве их прорезывалась вся толща накопившейся к тому времени засыпи, в которой выкладывались стенки колодца (таковы, например, колодцы в кварталах XXV, XIII и XIV; раскопки 1932 и 1936 гг.).

Характерно, что подвал-кладовая как в античную эпоху, так и в средние века являлся обязательной составной частью каждого дома. В этом отношении традиция была очень устойчивой. В такой кладовой всегда была насущная потребность. Но сред-

[1] См.: МИА, № 4, 1941, стр. 224 сл.

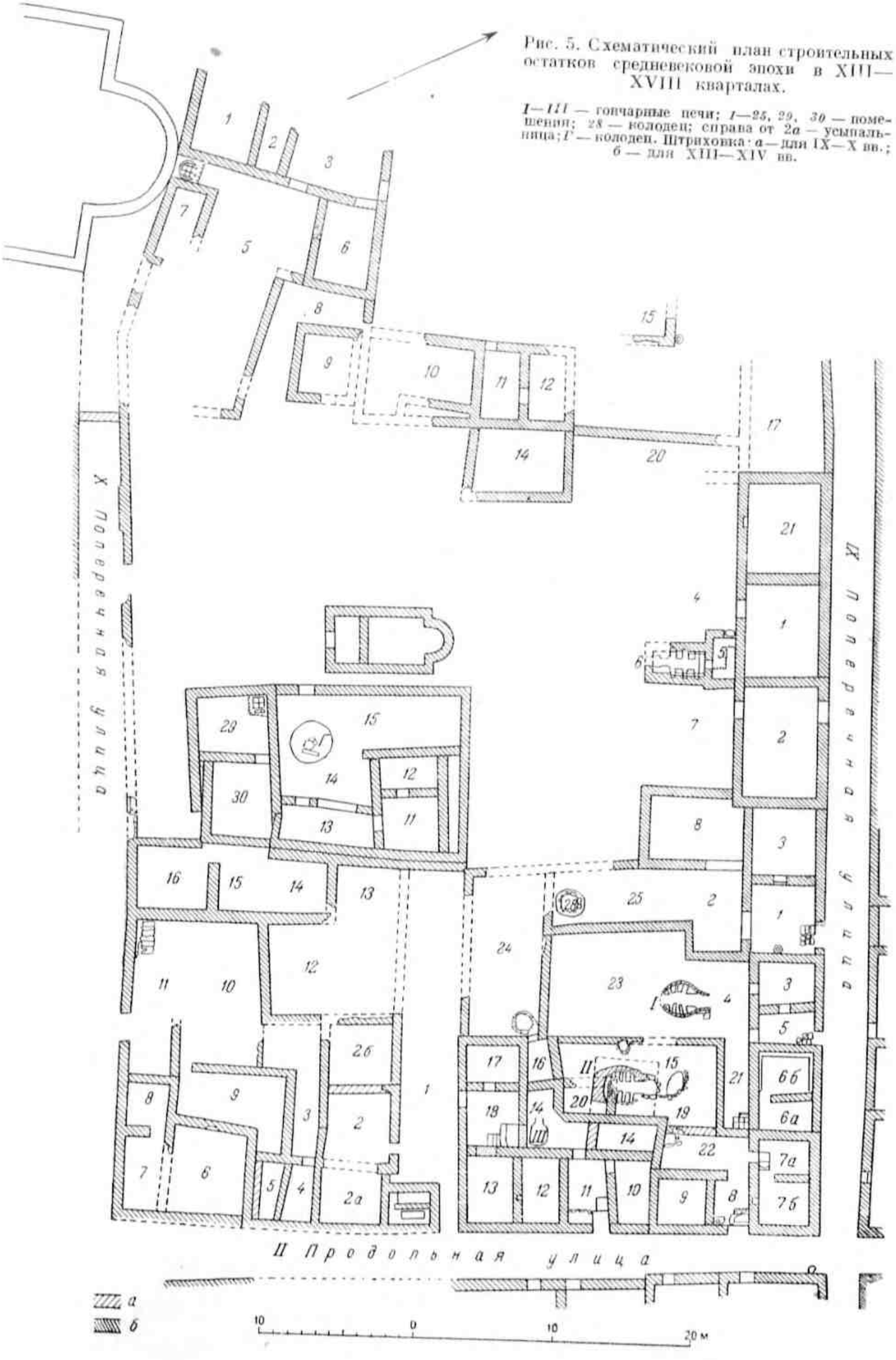


Рис. 5. Схематический план строительных остатков средневековой эпохи в XIII—XVIII кварталах.

I—III — гончарные печи; *1—25, 29, 30* — помещения; *28* — колодец; справа от *2а* — усыпальница; *Г* — колодец. Штриховка: *а* — для IX—X вв.; *б* — для XIII—XIV вв.

невековые подвалы устраивались уже не в материке, а в толстой засыпи культурного слоя.

Изменялась с течением времени и техника строительного дела. Так, в эллинистический период кладка стен производилась на вязкой глине и отличалась большой тщательностью; в римский период применялась та же глина или — для больших зданий — раствор извести с песком; в раннее Средневековье общественные здания строились из более или менее правильных блоков на прочном известковом растворе; в позднесредневековый период кладка жилых домов состояла из бутового камня, взятого из развалин домов IX—X вв., а связующим раствором служила грязь, при слабых вяжущих свойствах которой возникала необходимость прокладки деревянных связей.

В подвальных кладовых раннесредневековых домов Херсонеса обнаружено большое количество глиняной тары: типичные для того времени пифосы для хранения рыбы и зерна, высокогорлые узкие кувшины с плоской ручкой, круглодонные желобчатые амфоры и столовая посуда — белоглиняные поливные блюда и чаши с рельефными штампованными украшениями. Найдены две золотые пластинки с перегородчатой эмалью, изображающей птиц и вазы.

На полу помещений обычно встречается много монет IX—X вв., выпускавшихся в самом Херсонесе, что служит верным показателем интенсивности экономической жизни города, вызвавшей необходимость выпуска собственной монеты.

Орудия труда, находимые в домах этого времени, отчетливо рисуют хозяйственную деятельность горожан. Археологические материалы указывают на сельское хозяйство и рыболовство: встречаются рыболовные крючки и грузила, железные и каменные якоря; во дворе одного дома лежала куча вара, весом около трех пудов, употреблявшегося для заливки швов деревянных судов.

Многочисленны привозные предметы: в более раннее время (V—VI вв.) — готовые мраморные колонны, капители и другие архитектурные детали, мозаичная смальта, в более поздний период (IX—X вв.) — белоглиняная поливная посуда, стеклянная посуда, изделия из золота, эмали. Массовость этих находок указывает на торговые, а вместе с тем и на культурные связи Херсонеса, главным образом с Малой Азией и Константинополем. Сказанное находит себе объяснение в политическом положении средневекового Херсонеса.

С момента разделения Римской империи на западную и восточную Херсонес находился в зависимости от Константинополя. После гибели западной части Римской империи Херсонес остался под властью Византии, как о том свидетельствуют эпиграфические памятники (надписи в честь императоров Феодосия и Аркадия и в честь Зенона). Во времена Византии Херсонес являлся опорным пунктом для расширения ее владений в Крыму, эксплоатации местного населения и обороны империи от кочевников.

Захватническая политика Византии в Крыму в дальнейшем привела к столкновению с древней Русью, границы которой естественно расширялись до берегов Черного моря. Из надписи на Тмутараканском камне (1068 г.) известно, что Корчев (Керчь) составлял одно целое с Тмутараканским княжеством. Помимо Корчева, русские поселения существовали, вероятно, и в других местах Крыма. В самом Херсонесе найдены новгородские серебряные гривны, бронзовые кресты русской работы — с русскими надписями и изображениями русских святых, славянская керамика X—XII вв.

Некоторые факты из истории Крыма красноречиво говорят о том, что симпатии его населения обращены были к Руси, по отношению же к Византии, наоборот, известны резко враждебные выступления. Широко эксплоатируя Крым, Византия часто была не в состоянии оградить его от нападения кочевников. В то же время борьба Руси с кочевниками, особенно поход Святослава против хазарского каганата, была жизненно важной поддержкой для населения Крыма.

Наиболее ярким примером успешной борьбы Киевской Руси с Византией в Крыму был поход Владимира 989 г., когда русские после трудной осады взяли Корсунь (Херсон — Херсонес). Сам Херсонес, оказавшийся в сфере борьбы двух могущественных держав, сильно пострадал в эти трудные для него годы.

Первая половина Средневековья заканчивается тем, что Херсонес снова был сожжен и сильно разрушен.

Исследования на северном берегу показали, что здания IX—X вв. погребены здесь

под толстым слоем мусорной засыпи. Как выяснили наши многолетние раскопки, происхождение засыпи объясняется тем, что эта часть города, после ее разрушения в конце X в., в течение долгого времени оставалась незаселенной и являлась местом свалки мусора, вывозившегося сюда из центральной части, восстановление которой началось раньше. Толщина насыпи достигает 2 м, а в западной возвышенной части — 4—5 м.

Восстановление города было медленным и постепенным; шло оно с востока на запад. Однако новая застройка далеко не полностью охватила запустевшие районы города: в XIII—XIV вв. он занимал не более двух третей своей прежней территории, а его западная треть так и осталась пустырем. То, что восточные кварталы были застроены ранее, показали раскопки средневековых кварталов между IX и X улицами. Так, возле IX поперечной улицы засыпь была значительно тоньше, а открытые постройки относились не только к последним столетиям жизни города, т. е. к XIII—XIV вв., но и к XI—XII вв.; следовательно, постройка новых домов происходила здесь вскоре после разрушения данного квартала. Сказанное подтверждается и тем, что планы поздних домов совпадают здесь с остатками зданий IX—X вв., которые не были засыпаны и поэтому могли быть использованы в качестве фундамента для более поздних стен.

В кварталах же, расположенных западнее X и XI улиц, при застройке их в XII—XIII вв., планировку производили заново, так как строительные остатки предшествующего периода (IX—X вв.) были погребены под очень толстой засыпью. Этим объясняется отсутствие преемственности в планировке кварталов. Старые улицы целиком или частично были застроены и изменили свое направление; на месте прежних домов появились новые улицы, переулки и т. д. Особенно разительной является перепланировка квартала XXV (раскопки 1932 г.), в котором улица прошла над северным нефом базилики VI в. с мозаичным полом. На месте разрушенных базилик, открытых в кварталах XIX и XXV, в XIII—XIV вв. появились приходские часовни и кладбища. Кладбища внутри города, почти в каждом квартале, стали характерной чертой Херсонеса XIII—XIV вв. Гробницы-усыпальницы устраивались иногда даже вне связи с часовнями, среди жилых домов, например в квартале XVIII (раскопки 1947—1948 гг.) (см. сводный план — рис. 5).

Изучению позднесредневековых домов Херсонеса весьма благоприятствует их сравнительно хорошая сохранность, дающая не только полное представление о планировке построек, но и позволяющая определить назначение отдельных помещений.

Жилые дома отличаются некоторыми особенностями: неправильностью плана, непрочной кладкой из мелкого бутового камня. Собственно жилые помещения обычно находились над подвалом и кладовыми; в них вели каменные лестницы. В нескольких домах хорошо сохранились кухонные сводчатые печи, сложенные из кирпичей и обломков черепицы. Наряду с ними устраивались и очаги. Во дворе одного из домов квартала XV (раскопки 1937 г.) открыта небольшая частная баня с обычной для таких бань отопительной системой. [1]

Остатки позднесредневековых домов, погибших в конце XIV в., оставались нетронутыми вплоть до их раскопки. Поэтому в них сохранилось все, что не сгорело или не истлело. Этим же объясняется исключительная полнота вещевых находок: в кладовых найдена многочисленная глиняная тара, в жилых помещениях — посуда и различные предметы быта; в некоторых помещениях остались на месте орудия труда, например ступы, жернова, наборы рыболовных принадлежностей — грузил и крючков, остроги; орудия по обработке почвы — железные сошники, кирки, мотыги и др.; мелкие инструменты для прядения и шитья — пряслица, ножницы, иголки, гребенки для расчесывания шерсти; литейные формы и тигли, железные и бронзовые замки, а также кресты, энколпионы, лампады, светильники и многое другое.

Ценными в историко-художественном отношении являются шиферные резные иконки с изображением сцен рождества, благовещения, вознесения, с фигурой Георгия Победоносца и бронзовая позолоченная иконка с изображением Иисуса. В одном из домов в квартале XVII (раскопки 1940 г.)

---

[1] Краткая характеристика позднесредневековых жилых домов дана в нашей статье (СА, VII, 1941), подробнее см. в монографии А. Л. Якобсона (МИА, 17, гл. II).

найдено несколько русских крестов, позволяющих предположить, что владелец дома был русский.[1] Вместе с ранее найденными в городе новгородскими гривнами эти предметы указывают на тесные и длительные взаимосвязи Херсонеса—Корсуня с древней Русью.

Столь же многочисленна и разнообразна керамическая тара, сохранившаяся в кладовых в виде целых комплексов, состоявших из шаровидных пифосов, грушевидных амфор, небольших амфор с суживающимся книзу корпусом и высоко поднятыми ручками, однoручных кувшинов, а в жилых помещениях — различные горшки и своеобразная поливная посуда. Последняя представлена почти в каждом доме; в историко-культурном отношении она особенно показательна.[2] Поливная посуда встречается двух видов: красноглиняная, украшенная гравированным орнаментом с поливой желтого, зеленого, коричневого цвета, которыми окрашены орнамент или, реже, изображения птиц, человека. Другой вид поливной посуды — белоглиняная, покрытая прозрачной желтоватой поливой, орнаментом и изображением птицы или пантеры, исполненным росписью.

Массовость красноглиняной поливной керамики, постоянство большинства форм ее, однородность техники, сходство многих рисунков и украшений не оставляют сомнений в том, что бóльшая часть этой посуды производилась на месте, в Херсонесе. То же относится и к остальной глиняной посуде. Гончарное производство в XIII—XIV вв. было в Херсонесе, повидимому, очень развито и вполне удовлетворяло внутренним потребностям; кроме того, продукция его частью, вероятно, вывозилась в районы юго-западного Крыма и за его пределы. Что касается расписной керамики, встречающейся в сравнительно небольшом количестве, то она скорее всего привозная.[3]

В Херсонесе производилась и кровельная черепица, снабженная метками гончаров-ремесленников, указывающими на существование в городе по крайней мере нескольких черепицеобжигательных мастерских. Одна такая мастерская с двумя большими гончарными печами была открыта в квартале XVII.[1] Тут же находилась и третья, меньшая печь, в которой, вероятно, обжигалась посуда.

Привозные предметы в позднесредневековых домах встречаются редко, а монеты единичны; лишь изредка находятся монеты XI—XIV вв. — византийские, а также восточные: сельджукские и золотоордынские. Монет же собственно херсонесского выпуска нет вообще: выпуск их после X в. прекратился, что указывает на определенный упадок экономики города. Такое заключение подтверждается и малым количеством привозных предметов. Вместе взятые, эти факты характеризуют Херсонес в последние два-три столетия его жизни как небольшой, сравнительно замкнутый город со слабо развитой торговлей. Последнее до некоторой степени компенсировалось довольно разнообразным ремесленным производством, которое удовлетворяло основные потребности жителей, занимавшихся, как обычно в средневековых городах, помимо ремесла, и сельским хозяйством (на это указывают находки в домах железных сошников, мотыг и пр.).

Таков облик Херсонеса в последние столетия его существования, обусловленный тем, что исторические обстоятельства после X в. были неблагоприятными для города. Торговые центры Крыма в это время передвинулись на восток: ими стали Сурож и Кафа. Морскую торговлю захватили в свои руки итальянские купцы из Генуи и Венеции. Со стороны суши Херсонесу постоянно угрожали обрушившиеся на Крым новые кочевники — половцы, а затем татары, которые надолго оторвали черноморское побережье от Руси. Византия же, хотя и была заинтересована в сохранении Херсонеса, не имела возможности отстоять город, так как сама в это время ослабела и даже ее существование как империи временно обрывается (в период Латинской империи — 1204—1261 гг.). Херсонес был предоставлен самому себе. В конце XIV в. Херсонес погиб: нашествие татар прекратило его многовековую жизнь. Благодаря раскопкам выяснены обстоятельства гибели города — он был предан огню и мечу. Раскопки вскрыли картину всеобщего пожарища: на полу помещений — сажа, уголь

[1] См.: МИА, 17, стр. 35.
[2] Подробное исследование ее см.: МИА, 17, гл. III и IV.
[3] Там же, стр. 221 сл.

[1] Подробное исследование ее см.: МИА, 17, гл. III.

и обгоревшие предметы; на обломках посуды — вскипевшая полива; потрескавшиеся и побагровевшие плиты и камни — в дверных проемах и т. д. Пожар сопровождался полным разрушением зданий: рухнувшая кровельная черепица толстым слоем покрывает лежащую на полу разбитую посуду и другие предметы, находившиеся как в нижних, так и в верхних помещениях; поверх черепиц, до уровня сохранившихся стен, лежит сплошной завал камней, образовавшийся от рухнувших стен. В домах иногда встречаются человеческие остовы — красноречивое свидетельство того, что не все жители могли спастись бегством из горевших зданий.

В итоге двадцатилетних раскопок обширной площади городища, заключающей в себе несколько городских кварталов с домами, относящимися ко всем периодам существования Херсонеса, добыт большой археологический материал, значение которого для истории Херсонеса и для более широких исторических исследований трудно переоценить.

Чрезвычайно ценными оказались результаты раскопок для изучения начальной истории Херсонеса. В вопросах о времени возникновения города как греческой колонии, о предшествовавшем ему местном таврском поселении, об этническом составе населения Херсонеса классического и эллинистического периодов и в ряде других мы теперь стоим на твердой почве.

Выяснены история градостроительства в Херсонесе, границы и размеры города в разные периоды его застройки, планировка, тип построек и строительная техника. Наибольшего развития и самостоятельности Херсонес достиг в античный период. В дальнейшем восстановление города связано с возведением крупных общественных, производственных и жилых зданий, но город в целом уже находился в значительной зависимости либо от Рима, либо от Византии. Восстановленный после разрушения в конце X в., Херсонес сократил свою площадь почти вдвое. За последний же период своего существования он постепенно превратился в небольшой город местного значения.

Раскопки отмечают ряд критических периодов в истории Херсонеса, связанных с неоднократным разрушением города. Они же показывают, с какой огромной жизненной силой в сравнительно короткое время снова и снова возрождался этот город — отстраивались городские сооружения, жилые кварталы, вновь развертывалась интенсивная экономическая и культурно-политическая деятельность. Свою жизненную силу Херсонес всегда черпал в экономических, политических и культурных потребностях развития местного населения Крыма и более отдаленных областей. На этой же основе в дальнейшем выросли и широкие связи Херсонеса с славяно-русским миром.

В конце концов Херсонес, как и весь Крым и северное Причерноморье, был отрезан кочевниками от быстро развивавшейся, полной жизненных сил Руси. Это привело город к упадку задолго до того, как опустошительное нашествие татар в конце XIV в. положило конец его многовековой истории.

Многолетние археологические раскопки этого замечательного памятника дали уже обильный материал для изучения античной и средневековой истории Херсонеса. Однако еще недостаточно раскрыты связи Херсонеса с окружающим населением и с древней Русью.

Очень важно продолжить изучение Херсонеса как путем дальнейших раскопок этого ценнейшего памятника, так и путем изучения уже добытых материалов, их анализа и сопоставления с материалами аналогичных памятников северного Причерноморья и письменными источниками. В то же время настоятельно необходимо направить археологические работы на изучение не только Херсонеса, но и его района, в первую очередь многочисленных памятников Гераклейского полуострова, а также памятников на территории юго-западного Крыма, экономически тяготевшего к Херсонесу, где возможны находки следов славянских поселений. Продолжая работу в обоих этих направлениях, мы поможем раскрыть историю Херсонеса, а также и историю всего Крыма в ее широких связях и взаимодействиях как неразрывную часть истории нашей Родины.

ОТЧЕТЫ (РАСКОПКИ 1937—1948 гг.)

Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий

КВАРТАЛЫ XV и XVI

(РАСКОПКИ 1937 г.) [1]

План раскопок Херсонеса, намеченный в 1931 г. на несколько лет вперед, в 1936 г. был выполнен: прибрежная полоса города (подвергавшаяся разрушению морем), от высокого скалистого мыса — на западе, до IX поперечной улицы — на востоке, в течение шести лет была раскопана.[2] Благодаря этому новые раскопки соединились с раскопками 1889 и 1912 гг.

В 1931—1936 гг. раскопки производились в направлении с запада на восток; в последующие годы, начиная с 1937 г., было намечено производить их в обратном направлении — с востока на запад, параллельно полосе, раскопанной в 1931—1936 гг. Согласно этому плану, в 1937 г. раскопки производились в кварталах XV и XVI, находящихся между двумя поперечными улицами: IX — с востока и X — с запада, и представляющих собою неправильный четырехугольник.

В ю.-з. конце участок значительно шире, чем в с.-в.: от IX поперечной улицы ю.-в. граница участка проведена под прямым углом к ней — в соответствии с господствующим направлением стен зданий и улиц. А так как береговая линия постепенно отклоняется к СЗ, то в ю.-з. конце участок оказался шире, его ширина здесь равна 37 м, в с.-в. же, вдоль IX поперечной улицы, только 20 м; длина участка по ю.-в. границе 55 м. Общая площадь кварталов XV и XVI составляет свыше 1500 кв. м (табл. II и III). Толщина культурного слоя в с.-в. части достигала 4 м, в ю.-з. — 2.5—3 м.

На исследованной площади открыты два интересных памятника позднесредневекового периода: баня (помещения *5* и *6*) и часовня. Ради сохранения их раскопка под ними не производилась, поэтому на планах строительных остатков более ранних периодов (раннего Средневековья, римского и эллинистического) неизбежно остаются «белые пятна».

Раскопки, начатые 20 августа, продолжались в течение четырех месяцев. Вследствие позднего времени и наступившей дождливой погоды раскопки пришлось прекратить с 23 декабря. Исследование нижних слоев в западном углу квартала было закончено лишь в 1940 г.[1] По тем же причинам не могла быть произведена зачистка стен зданий и поверхности скалы, что было сделано в 1938 г. под наблюдением научного сотрудника Херсонесского музея С. Ф.

---

[1] Разделы 1, 3, 4 и 5, а также подраздел «Раскопки береговой улицы на участке раскопок 1936 г.» раздела 2 написаны Г. Д. Беловым, раздел 2 (исключая упомянутый подраздел) — С. Ф. Стржелецким.

[2] См.: Отчет о раскопках за 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941; Г. Д. Белов, Раскопки в Херсонесе в 1934 г. Симферополь, 1936; он же. Отчет 1935—1936 гг.

[1] Раскопками руководил Г. Д. Белов; в работах участвовали старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук СССР А. Л. Якобсон (в августе—сентябре) и Л. И. Белова, выполнившая определение и описание найденных монет (см. ниже «Приложение»; ссылки на номера монет даны по этому приложению).

Стржелецкого. Эти работы дали материал для более полного описания остатков эллинистических зданий и возможность уточнить их обмер. И то и другое выполнено С. Ф. Стржелецким, причем описание строительных остатков входит в настоящий отчет в виде отдельной главы.

Мозаике эллинистического периода, открытой в одном из помещений и являющейся исключительно ценным памятником, посвящена особая статья Г. Д. Белова, вошедшая в настоящий сборник.

I. КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
(конец V—конец IV в. до н. э.)

Некрополь

На площади кварталов XV и XVI продолжается некрополь, открытый в 1936 г. Все погребения находились на скале или на материковой глине. Они сохранились только в тех местах, где земляные и строительные работы в более позднее время не производились. Поэтому погребения встречаются здесь не сплошь, а островками. Архитектурных остатков, относящихся к эллинистическому периоду, в XV и XVI кварталах открыто значительно больше, чем в кварталах XIII и XIV. А так как здания этого периода обычно строились на скале, то погребений на участке 1937 г. сохранилось значительно меньше, чем на участке 1936 г. Почти все погребения находились в с.-в. части квартала. В ю.-з. его части погребений было мало (как и в кварталах XIII и XIV). Это указывает на то, что некрополь V—IV вв. до н. э. занимал небольшую территорию около IX поперечной улицы и на ЮЗ далеко не простирался.

Погребение 1. Детское погребение в амфоре, под помещением 7 в северном его углу. Амфора была обращена горлом на восток и лежала на скале; она была покрыта чистой материковой желтой глиной и щебенкой; амфора была заполнена очень плотно слежавшейся глиной. Детский костяк лежал головой к горлу, в вытянутом положении, на спине.

Корпус амфоры широкий, ножка короткая (отбита), горло и ручки короткие (длина ручек 0.13 м, внутренний диаметр горла 0.085 м); венчик горла имеет раструб; на середине горла есть выступ, ниже которого оно становится толще.

Погребение 2. Костяк лежал, повидимому, на спине, в вытянутом положении, головой на север; открыты только ноги, остальная часть костяка находится в нераскопанной насыпи под баней. Кости лежали на материковой глине, на высоте 0.20 м от скалы. При костях найдены обломки чернолакового канфара, на дне его граффито (рис. 38, *1*).

Погребение 3. Костяк находился на материковой глине и щебенке, на высоте 0.30 м от скалы, под с.-з. стеной помещения 7, в нераскопанной насыпи под баней. Он лежал головой на восток, на спине, в вытянутом положении; открыты только череп и верхняя часть костяка.

Погребение 4. Костяк лежал головой на восток, на спине, в вытянутом положении; кости ног помещались под погребением *3*. Погребение находилось на скале и было покрыто слоем желтой материковой глины толщиной 0.25 м. Кости сильно истлели, но лежали в порядке.

Погребение 5. Под с.-з. стеной помещения 7, возле угла цистерны *A* (табл. II), найдена верхняя часть черепа (темя). По положению черепа можно предполагать, что костяк лежал головой на юг. Череп лежал на скале, под глиной и щебенкой.

Погребение 6. Детское погребение в амфоре, лежавшей горлом на восток, на высоте 0.30 м от скалы, на материковой глине и щебенке. Костяк лежал головой к горлу, на спине. Амфора имеет широкий корпус, ее ножка и горло — короткие. Высота всей амфоры 0.85 м, высота ручек 0.18 м, высота горла 0.22 м, внутренний диаметр горла 0.10 м; горло имеет характерный широкий венчик с навесом. В боку амфоры пробито большое отверстие, через которое был положен труп младенца.

Погребение 7. Костяк лежал головой на СВ, на правом боку и, повидимому, в скорченном положении. От него сохранились череп и грудная клетка, остальные кости, очевидно, были выброшены при постройке эллинистического здания. Кости лежали на материковой глине, почти на скале.

Погребение 8. Детское погребение в амфоре, лежавшей вплотную к с.-з. стене цистерны *B* (табл. II). Амфора была направлена горлом на ЮЗ; она разбита, горла и дна у нее нет; с боков обложена мелкими

камнями; сохранившаяся ее длина 0,60 м. Детский костяк лежал головой к горлу, на ЮЗ, на правом боку; длина костяка 0,40 м. Амфора находилась над погребением *9* (рис. 1).

Погребение 9. Костяк лежал головой на ЮЗ, на правом боку, на скале, под погребением *8*; из-под амфоры был виден только череп. Руки согнуты в локтях. Кисть правой руки, поднятой вверх, лежит на груди, левая рука — на животе. Кости ног ниже колен не сохранились.

Погребение 10. К ЮЗ от погребения *9*, на расстоянии 0.20 м от с.-з. стены цистерны *Б*, на скале лежали мелкие детские кости — детское погребение (табл. II). При нем находился двуручный ионийский кубок в форме канфара, высотой 7.3 см, из темно-серой с мелкими белыми крупинками глины, покрытый темнокоричневой краской: снаружи — весь, кроме дна, внутри только вверху (рис. 2,*а*).

Погребение 11. Детское погребение в амфоре, лежавшей горлом на север, на скале. Сохранилась только нижняя часть амфоры. Погребение находилось под помещением *15*, на расстоянии 3.70 м к СВ от колодца *II* и 0.5 м от помещения *12*.

Погребение 12. Детское погребение в амфоре, находившейся под помещением 7, в нераскопанной насыпи (рис. 3). Для извлечения его оттуда пришлось выкопать сбоку большое углубление. Амфора из чистой красной глины (найденная целой, но затем развалившаяся) лежала горлом на восток, на скале, сверху была покрыта слоем глины и щебенки. Корпус амфоры широкий, ножка короткая (конец ее отбит), высота горла 0.22 м, высота ручек 0.20 м, внутренние диаметры горла 8 и 9 см (горло со стороны ручек сдавлено). Венчик округлый, небольшой, в виде валика. Ручки узкие, овальные в сечении. Детский костяк лежал головой к горлу сосуда, на спине.

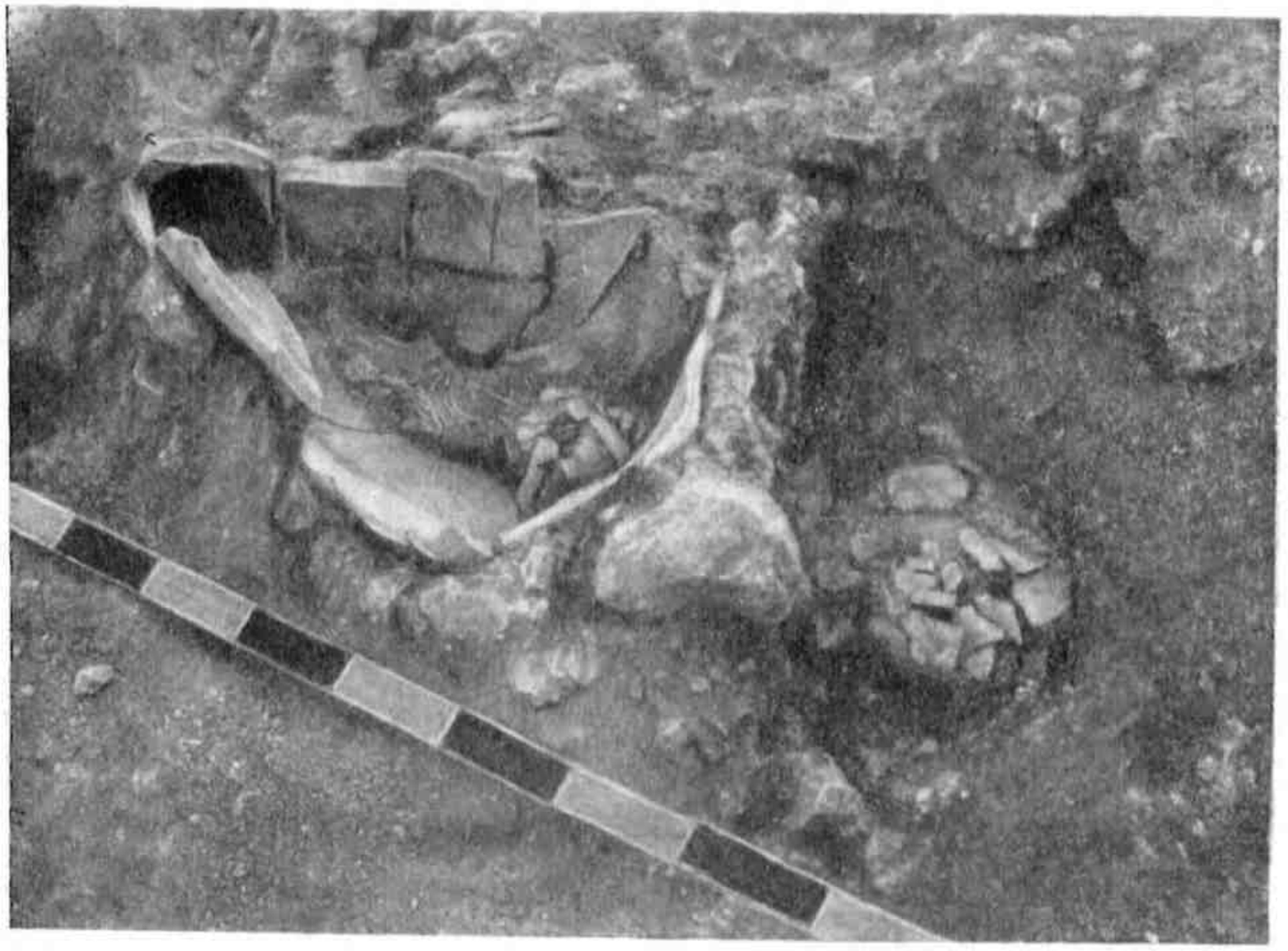


Рис. 1. Детское погребение *8* в амфоре.

Погребение 13. При раскопке амфоры *12*, над ней, на высоте 0.25 м от скалы, открыт костяк, лежавший, повидимому (обнаружены только кости ног), головой на север.

Погребение 14. Детское погребение в амфоре, находившейся на расстоянии 4 м от цистерны *Б* к СВ (с восточной стороны апсиды часовни). Амфора лежала горлом на юг, на скале; она была разбита в древности. Высота ручки амфоры 0.23 м, корпус неширокий, ножка высокая, конец ее отбит, бортик горла имеет слабое утолщение. Детский костяк лежал головой к горлу амфоры.

Рис. 2.
а — кубок из погребения *10*; *б*, *в* — сосуды с носиком из погребений *15* и *17*.

Погребение 15. Детское погребение в амфоре (рядом с амфорой *14*), лежавшей горлом на ЮВ на скале. С боков амфора была обложена небольшими камнями и засыпана желтой материковой глиной и щебенкой. Детский костяк лежал головой к горлу. В амфоре находился в наклонном положении ройок с носиком и кольцевид-

ной ручкой, высотой 7 см и диаметром горла 3.3 см. Рожок из темносерой глины, снаружи покрыт темнокоричневой краской, местами осыпавшейся (рис. 2, *б*).

Корпус амфоры широкий, высота ручек 0.26 м, высота горла (от основания ручки) 0.31 м. Горло имеет широкий раструб; его внутренние диаметры вверху 11 и 12 см (с боков, со стороны ручек, горло слегка сдавлено); под раструбом граффито (рис. 38, 2). Ручки массивные, овальные в сечении; ножка амфоры отбита и не сохранилась.

Погребение 16. Детское погребение в амфоре, расположенной горлом на СВ на скале (на расстоянии 3.85 м от северного плеча часовни к СВ). Детский костяк лежал головой к горлу. Амфора из темнокрасной глины, имеет широкий корпус, короткую ножку, короткие горло и ручки; высота ручек 0.15 м. На боку ее нацарапано граффито. На обломках — следы бороздок, ограничивавших намеченную пробоину, через которую клали трупик.

Погребение 17. Детское погребение в амфоре, лежавшей горлом на восток (рис. 4), в углублении скалы (рядом с амфорой *16*). Костяк младенца помещен головой к горлу. Возле головы стоял детский рожок, высотой 6.8 см, с узким носиком и одной ручкой (рис. 2, *в*). Рожок — из оранжевой глины, ручка и часть горла и корпуса покрыты красным лаком (в виде двух пятен).

Амфора имеет широкий корпус, ножка ее короткая, горло с широким венчиком. Высота ручек 0.23 м, высота горла 0.30 м, высота всей амфоры 0.81 м; внутренний диаметр горла 9 см. На горле — поперечная бороздка. На амфоре имеются выдолбленные поперечные и продольные бороздки, сделанные острым орудием, которым были намечены границы пробоины. Но в одном случае пробоина не совпала с бороздками — амфора разбилась в другом месте. Эти бороздки (и сами пробоины, на двух целых амфорах наблюдавшиеся in situ) подтверждают наше предположение, высказанное в отчете 1936 г., что трупик младенца клали в амфору через специально для этой цели пробитое отверстие.

Погребение 18. Костяк лежал головой

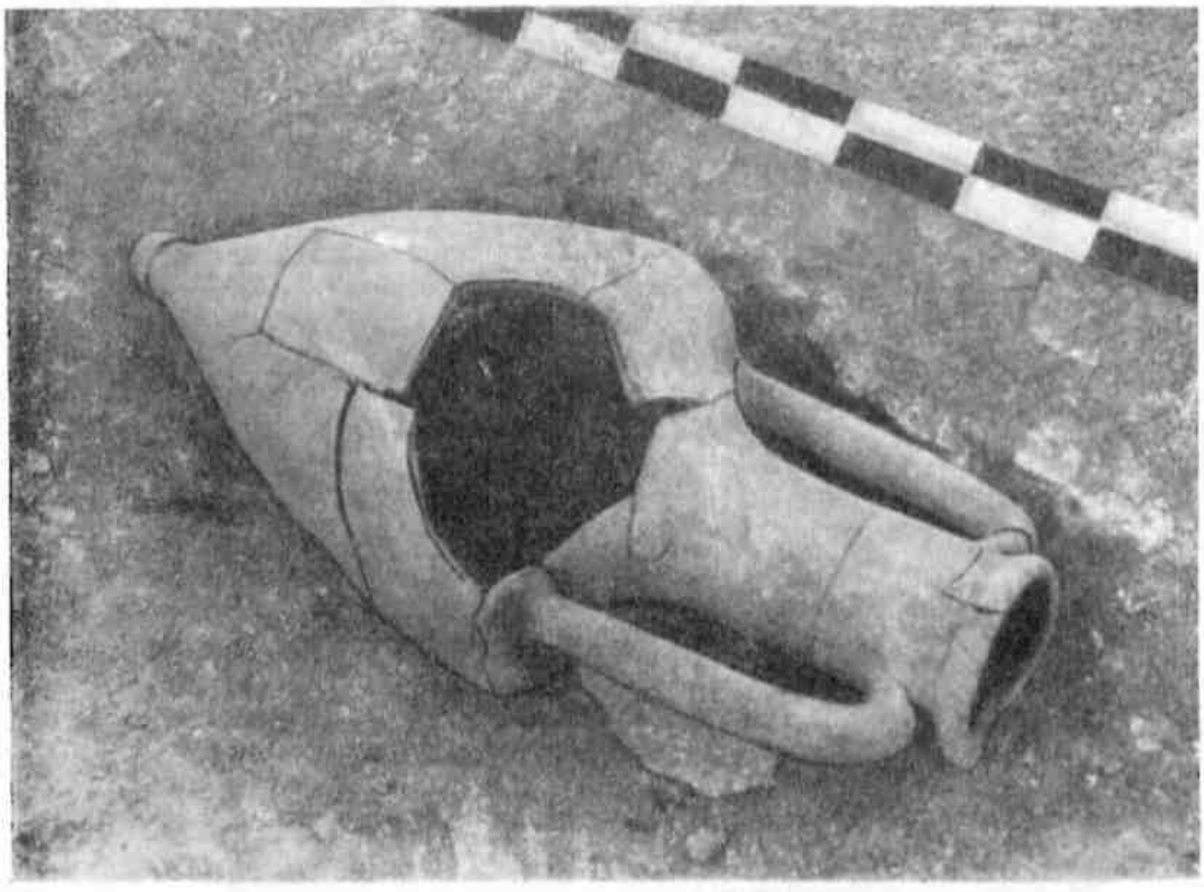


Рис. 3. Детское погребение *12* в амфоре.

на восток, на спине, в вытянутом положении. Правая рука в локте согнута и лежит поперек живота, левая рука от локтя поднята вверх, и кисть ее находится на груди. Конец левой ноги лежит на правой ноге. Костяк обнаружен на скале, к северу от часовни; он был покрыт глиной и щебенкой.

Погребение 19. Костяк лежал на спине (на расстоянии 1.30 м от цистерны *Б* к СВ), в вытянутом положении, головой на СВ.

Погребение находилось в углублении скалы и было покрыто глиной и щебенкой (уровень скалы с южной стороны был выше костяка на 0.25 м). Костяк расположен на расстоянии 5 м от цистерны *З* к ЮЗ.

Следующие погребения, *21—31*, были обнаружены в 1938 г. при зачистке скалы. Описание их принадлежит С. Ф. Стржелецкому.

Погребение 21. Костяк плохой сохран-

Рис. 4. Детское погребение *17* в амфоре.

Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Череп, кости рук и бóльшая часть левой ноги не сохранились. Погребение находилось в углублении скалы.

Погребение 20. Костяк лежал головой на восток, на спине, в вытянутом положении. Череп находился слева; он хорошо сохранился, зубы все целы. Руки от локтей подняты вверх к плечам, кисти их лежали на груди. Ноги потревожены. Возле черепа найдены бронзовые серьги (или височные кольца) из тонкой проволоки, сильно окисливщиеся и расплывшиеся.

ности, лежал головой на СВ, на спине, повидимому, в вытянутом положении, в небольшом углублении скалы. Над костяком слой щебенки с глиной толщиной 3—5 см.

Погребение 22. Детское погребение в амфоре. Амфора обращена горлом на ЮЗ, лежала на скале. Часть амфоры, направленная к поверхности, уничтожена, дно отсутствует. Детский костяк, сильно истлевший, лежал головой к горлу, в вытянутом(?) положении. Найдены две косточки камбалы, так называемые жучки.

Погребение 23. Костяк лежал головой на СВ—В, на спине, в вытянутом положении.

Сохранность плохая — отсутствуют ноги, за исключением фаланг пальцев, плечевые кости рук; от черепа сохранились лишь затылочная кость и нижняя челюсть. Кости найдены в незначительном углублении скалы.

Погребение 24. Костяк, плохой сохранности, лежал головой на СВ, на спине, в вытянутом положении, в небольшом углублении скалы.

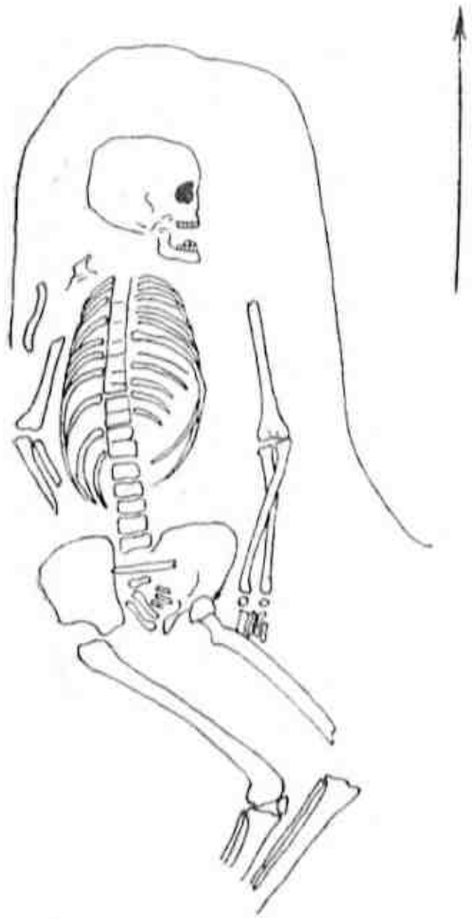


Рис. 5. Погребение *30*.

Погребение 25. Костяк находился на ЮЗ от погребения *24*; он лежал головой на восток, на спине, в вытянутом положении.

Погребение 26. Костяк лежал головой на восток, на спине, в вытянутом положении, в углублении скалы. Сохранность плохая — отсутствуют верхняя часть позвоночника, череп и ноги.

Погребение 27. К югу от погребения *11*, на скале, обнаружено небольшое количество мелко раздробленных костей — рук, ребер — и несколько фаланг пальцев, разбросанных в беспорядке.

Погребение 28. Небрежно вырубленная могила, ориентированная с СЗ на СВ, длиной 1.87 м, глубиной 0.35 м. При зачистке обнаружены остатки беспорядочно разбросанных, мелко раздробленных костей.

Погребение 29. Костяк лежал головой на СВ, на спине, в вытянутом положении, на скале; сохранность плохая — костяк потревожен в древности; верхняя часть туловища уничтожена стеной, нижняя часть ног уходит под насыпь.

Погребение 30. Костяк с подогнутыми влево ногами, лежал головой на север, на спине; лицевая часть черепа была обращена вправо, фаланги пальцев правой руки были на тазу, верхняя половина костяка слегка отогнута влево (рис. 5). Нижняя часть ног находилась под эллинистической стеной. Длина костяка 1.28 м. Кости лежали на скале в небрежно сделанном мелком углублении.

Погребение 31. Амфора обращена горлом на восток; она оказалась разбитой и заложенной обломками. На горле — следы полоски, выполненной красной краской, и энглифическое клеймо треугольной формы с едва заметными буквами по сторонам.

Имеющееся в фондах Херсонесского музея аналогичное клеймо на горле (инв. № 3299), точно таких же размеров, с четко оттиснутыми буквами, дало возможность расшифровать неразборчивые буквы и полностью прочитать имя ΔΙΟΝΥΣΙΟ, оттиснутое справа налево.

Горло амфоры было заполнено чистой глиной, внутри амфоры находились земля и мусор.[1]

Помимо указанных погребений, в некрополе имеются два неглубоких выруба могилообразной формы: один под помещением *2*, уходящий своим южным концом под его стену и ориентированный с севера на юг, второй под помещением *28*, ориентированный с запада на восток, длиной 1.70 м.

Таким образом в отчетном году открыто 31 погребение. В двадцати из них костяки лежали в насыпи, в остальных одиннадцати, детских, — в амфорах; кроме того, среди 20 костяков один был детский. Следовательно, из 31 погребения 19 принадлежали взрослым, а 12 были детскими.

Положение погребенных: 13 были вытянутыми и лежали на спине (погребения *2—5*, *18—21*, *23—26*, *29*), 3 — скорченными, из

[1] Исходя из этого, можно думать, что амфора не предназначалась для погребения.

них два лежали на правом боку (погребения *7* и *9*), 1 — на спине (погребение *30*); в двух случаях положение не могло быть выяснено (погребения *27* и *28*). Ориентация погребенных в вытянутом положении: 6 лежали головами на восток, 6 — на СВ, 2 — на север, 1 — на ЮЗ и 1 — на юг. Погребенные в скорченном положении лежали: 1 — головой на СВ, 1 — на север, 1 — на ЮЗ. Из всех 20 костяков головами на восток лежали 6, на СВ — 7, на ЮЗ — 2, на север — 2 и на юг — 1 костяк. Ориентация двух костяков осталась неопределенной. Из 11 амфор 5 лежали горлом на восток, 1 — на север, 1 — на юг, 1 — на СВ, 1 — на ЮВ и 2 — на ЮЗ. Таким образом, большинство погребений (11) было ориентировано на восток, кроме того, на СВ обращены были 8 погребений и на ЮВ одно. Последние представляют собой лишь небольшое отклонение от господствующего направления на восток. Такое же наблюдение было сделано нами относительно погребений, открытых в 1936 г.: большинство погребенных в них лежало головами на восток (55 из 88, а вместе с обращенными на СВ и ЮВ — 72 из 88). На основании этих данных можно сделать вывод, что в классический период в Херсонесе господствовал обычай хоронить головой на восток.

Все погребения находились на скале (за исключением трех, лежавших в материковой глине и щебенке) и были покрыты материковой глиной и щебенкой. Но некоторые из них в последующее время были потревожены при земляных и строительных работах, поэтому над ними оказался культурный слой.

В пяти погребениях находились вещи (два рожка в амфорах, кубок, канфар и серьги), остальные были без инвентаря. По найденным предметам и в особенности по тому культурному слою, который покрывал некрополь, погребения, открытые в 1937 г., как и в предыдущем году, можно датировать концом V—концом IV в. до н. э.

Раскопки кварталов XV и XVI вполне подтверждают наши выводы, сделанные в отчете 1936 г., о том, что в конце V—IV вв. до н. э. Херсонес был небольшим поселением и занимал незначительную территорию, а именно нынешние восточную и ю.-в. части городища, возле бухты. Вся же остальная территория, начиная примерно от VIII поперечной улицы, находилась вне города, причем часть ее, ближайшая к городу, была занята некрополем. Застройка последнего начинается с конца IV в. до н. э.

2. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(Конец IV—конец II в. до н. э.)

Наряду с исследованием некрополя открытие строительных остатков домов в кварталов Херсонеса III—II вв. до н. э. являлось наиболее важным результатом раскопок 1937—1938 гг. Раскопками открыты четыре улицы и части двух кварталов XV—XVI с четырьмя домами (табл. I и рис. 6).

Раскопанный участок, вместе с примыкающим к нему раскопом 1936 г., расположен на естественной нижней террасе северного берега Херсонеса. С.-з. край этой террасы непосредственно уходит в море, а ю.-в. край совпадает с границей раскопанного участка и высокой (до 1.5—2.0 м) ступенью переходит во вторую террасу, край которой выравнен при планировке кварталов и домов эллинистической эпохи.

Кварталы и улицы

Продольная улица отделяет квартал XV и XVI (рис. 7) от кварталов XIII и XIV (раскопки 1936 г.) и имеет в ширину около 5.5—6.0 м; длина раскопанного участка 22.80 м. Ю-з. конец улицы уходит под обрез раскопа и отчетливо прослеживается по прослойке гальки, битых черепков и щебня, которым была покрыта ее подошва, залегающая на высоте 0.70—0.80 м выше скалы. Улица перекрывает насыпь некрополя конца V—рубежа IV—III вв. до н. э., частично уничтоженного городским строительством эллинистической эпохи.

Раскопки культурного слоя этой улицы дали главным образом обломки сосудов. Так, хозяйственная посуда представлена обломками амфор (рис. 8), кувшинов (рис. 9), лутериев (херсонесских и синопских; рис. 10), кухонных горшков (рис. 11). Встречено очень много обломков чернолаковых сосудов (рис. 12): так называемых рыбных блюд, тарелок, киликов, канфаров желобчатых и гладких, чашек с краями, отогнутыми наружу и загнутыми в середину, «солонок». К сосудам V—IV вв. до н. э. могут быть отнесены найденные здесь 11 обломков, среди них три обломка краснофигур-

ной техники. Помимо сосудов, найдены обломки светильников, три пирамидальных грузила, обломок терракотового акротерия, куски стенной штукатурки, трехгранный

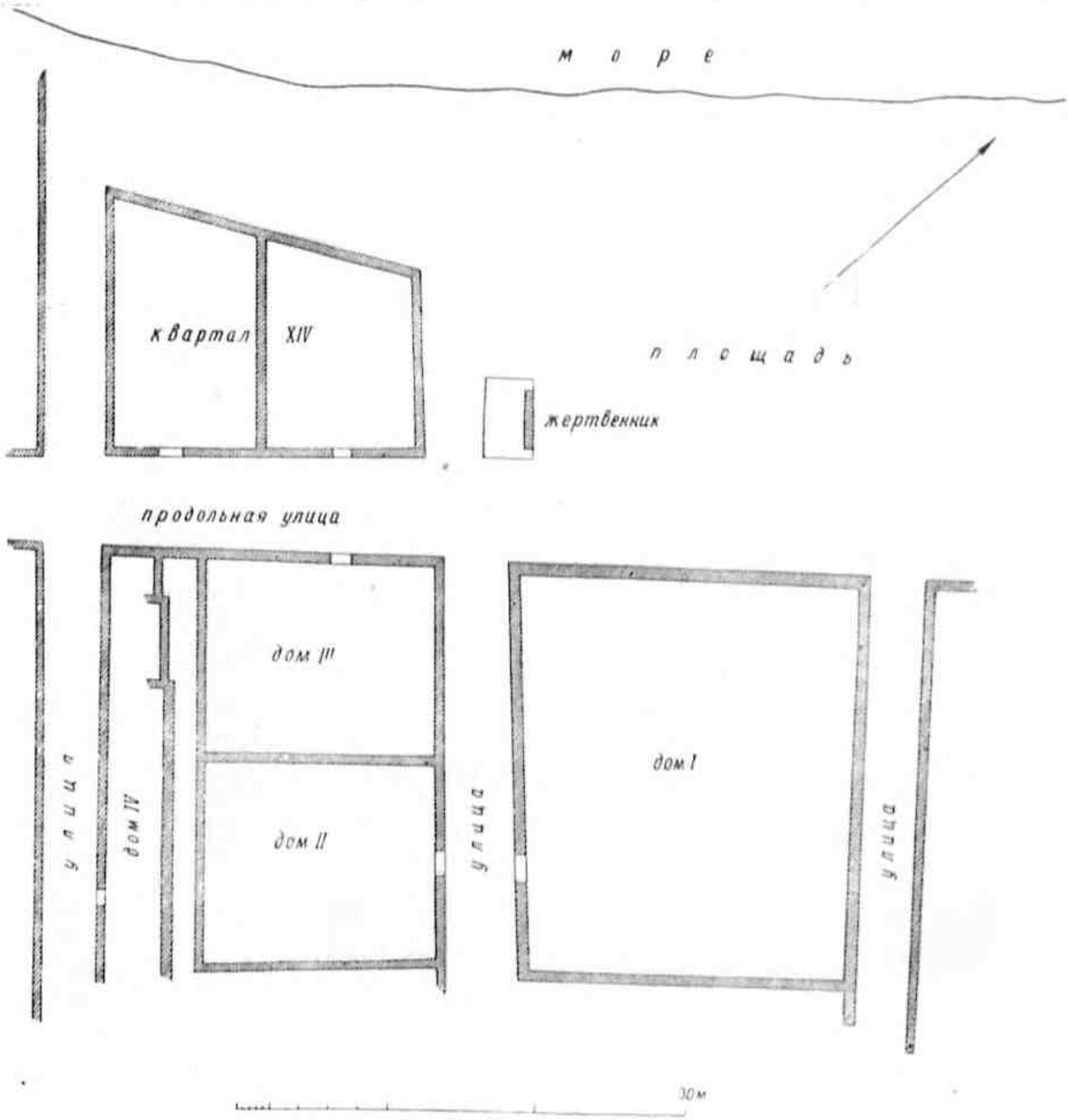


Рис. 6. Схематический план кварталов XIV—XVI и улиц III—II вв. до н. э. (Раскопки 1936—1938 гг.).

бронзовый наконечник стрелы и две херсонесские монеты: II в. до н. э. (№№ 13—14).[1] Подавляющее количество находок датируется III—II вв. К V—IV вв. относится не больше 18 обломков различных сосудов, происходящих несомненно из нижнего слоя, подстилающего улицу. На ту же дату указывают и монеты. Среди этих находок наиболее интересны обломки сосудов с клеймами и нацарапанными надписями, а именно: клейменые ручки херсонесских амфор — на двух имя астинома Героксена (III в. до н. э., вероятно, первая его половина), на третьей имеется монограмма мастера, составленная из букв П и А (имя астинома отбито); клейменые ручки синопских амфор — ΕΠΙΕΛΠΟΥ ΑΣΤΥΝΟ ΙΚΕΣΙΟΥ, эмблема — гроздь винограда (по классификации Б. Н. Гракова,

[1] Номера соответствуют номерам описи монет, помещенной ниже, стр. 260 сл.

группа II),[1] Α[ΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ]Χ[ΟΡΗ-ΓΙΩΝ] ΤΟΥΛΕΩ|ΜΕΔΟΝΤΟΣ|ΔΑΣ, эмблема смазана (группа V); на черепице – [ΕΠΙ]-ΕΝΔΗ[ΓΟΛ]ΑΝΤΟΣ, эмблема — орел на дельфине, под дельфином кружок или буква *О* (группа I, подгруппа А). Найдены восемь обломков чернолаковых сосудов с граффити, дно лутерия, на внешней стороне которого по сырой глине процарапана Δ и, наконец, обломок плеча кувшина желтой глины, снаружи лощеного. Сосуд орнаментирован параллельными полосками и гирляндой. Над последней двустрочное граффити — . . . ΟΛΩΝΙΟΥ . . |ΣΣΜΟΣ (рис. 13).

Городская площадь с жертвенником. Своим с.-в. концом продольная улица выходит на городскую площадь, примыкающую с ю.-з. стороны к кварталу XIII, с ю.-в. к кварталу XV, ограниченному с противоположной стороны морем и с с.-в. стороны нераскопанной поперечной улицей. Подошва площади залегала на высоте 0.60—0.80 м над материковой скалой и перекрывала упомянутый выше некрополь. Размер площади в направлении ЮЗ—СВ около 28 кв. м, в направлении ЮВ—СЗ — около 20 кв. м.

В южном углу площади, на линии средней поперечной улицы, сохранились остатки жертвенника, от которого полностью уцелели длинная с.-в. стена и перпендикулярная ей с.-з.; две другие стены уничтожены (рис. 14). Длинная стена, прикрывающая жертвенник со стороны холодных зимних ветров, сложена на фундаменте, опущенном до материковой скалы. Жертвенник представлял прямоугольное в плане сооружение длиной около 5.00 м и шириной около 3.20 м. С.-в. сторона его имела сплошную стену, сложенную из сравнительно небольших камней на глине, подтесанных с наружной стороны. Эта стена была задней. Остальные три стороны представляли портик с колоннами: тремя на боковых фасадах и четырьмя на ю.-з. — главном. При нижнем диаметре колонны дорического ордера (который, вероятно, был применен в постройке) — около 0.40 м — расстояние между колоннами главного фасада могло быть около 1.00 м и на боковых —

Рис. 7. Продольная улица между кварталами раскопок 1936 и 1937 гг., вид с с.-в. стороны. На заднем плане видна средневековая застройка.

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. — Классификация остальных синопских клейм дана по этой же работе.

около 0.90 м. Главный фасад имел, очевидно, фронтон, а все сооружение было перекрыто двускатной кровлей. Учитывая наличие задней глухой стены, следует предположить, что жертвенник, вероятно, был приставлен непосредственно к ней. Общая высота сооружения по центру фронтона ориентировочно достигала 4 м.

Рис. 8. Обломки амфор IV—II вв. до н. э.

Жертвенник перекрыт массивной площадкой для пресса винодельни (?) раннесредневекового времени, полностью раскрытой только в 1948 г. Культурный слой вокруг жертвенника, а также под ним, был насыщен различными находками, часть которых, вероятно, связана непосредственно с этим культовым памятником.

Окончательная зачистка этого памятника (в 1946 и 1948 гг.) и выясненная в результате этого стратиграфия нижних слоев позволяют уточнить дату сооружения. Так, под с.-з. стеной позднесредневекового помещения *10*[1] эллинистический слой снизу резко ограничен подошвой площади на высоте 0.60 м от скалы. Эта подошва отчетливо выражена угольно-зольной прослойкой, которая у стен квартала, раскопанного в 1936 г., находилась на высоте цоколя, а у жертвенника — на середине высоты цокольного камня стилобата. Этот же слой и подошва площади отчетливо прослежены и под стеной, смежной с помещениями *10* и *11*, где на этой подошве в первые века нашей эры был основан канал водостока. Под верхней подошвой обнаружена вторая, столь же четко выраженная угольно-зольная прослойка. Последняя достигает фундамента дома и заходит под жертвенник. Высота залегания прослойки над скалой 0.20—0.30 м, что и составляет толщину третьего, нижнего, слоя некрополя конца V—рубежа IV—III вв. до н. э. Таким образом второй слой достигает в толщину 0.30—0.40 м и, несмотря на частичное разрушение под жертвенником, уточняет время сооружения последнего.

Отметим архитектурные детали жертвенника, вторично использованные в позднее время. Принадлежность их этому памятнику бесспорно подтверждается очень характерной розоватой расцветкой известняка, размерами блоков и профилировкой архитектурных деталей. Найдены восемь блоков разрушенного цоколя памятника, один фрагмент профилированного постамента самого жертвенника и один крупный блок невыясненного назначения.

Позднеэллинистический слой поверх верхней подошвы площади вокруг жертвенника был сильно насыщен керамикой. Подсчет сотен обломков стенок, ручек и ножек амфор устанавливает количественное соотношение этих сосудов из различных центров производства: подавляющее большинство амфор — херсонесские (рис. 8), затем идут синопские, гераклейские, фасосские, родосские и косские; большое количество обломков сосудов осталось неопределенным. Кувшины принадлежат двум основным типам (рис. 9); первый из них, представленный большинством обломков, характеризуется вытянутым кверху туловищем, довольно высоким горлом, плоской

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., план и разрезы I и III, помещения №№ 10 и 11.

подставкой и ручкой, прикрепленной к горлу под венчиком. Для второго типа характерно более округлое и приземистое тулово на кольцевой подставке, с невысоким узким горлом и ручкой, изгибающейся над венчиком. Часть кувшинов украшена линейным и растительным орнаментами, нанесенными на тулово и горло красной краской. Все обломки лутериев на плоских подставках принадлежат сосудам херсонесского производства (рис. 10); закраины их либо загнуты в середину, либо отогнуты наружу. Найдено много обломков кухонной посуды (рис. 11) как лепной, так и сделанной на гончарном круге; последняя количественно преобладает и представлена в основном кухонными горшками с крышками. Наряду с хозяйственной посудой найдено значительное количество обломков

Рис 9 Обломки кувшинов IV—II вв. до н. э.

чернолаковой (рис. 15): так называемых рыбных блюд, канфаров, чашек, тарелок, пиксид и кувшинов. За исключением нескольких обломков, относящихся к V—III вв. до н. э., все остальные перечисленные фрагменты чернолаковых сосудов датируются II—рубежом II—I вв. до н. э. К этому же времени относятся обломки трех так называемых мегарских чаш. На донышках

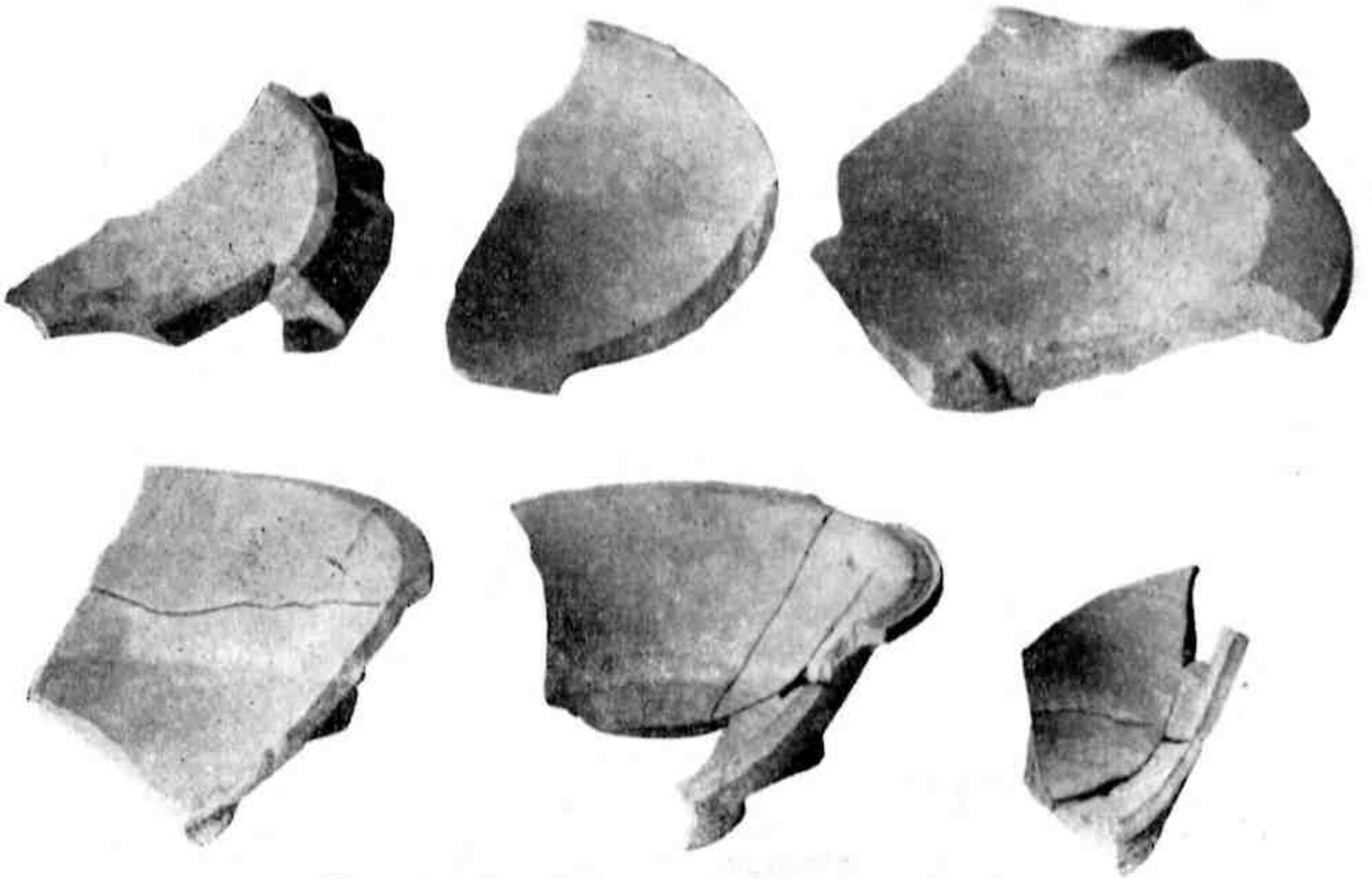


Рис. 10. Обломки лутериев IV—II вв. до н. э.

Рис. 11. Обломки кухонных сосудов IV—II вв. до н. э.

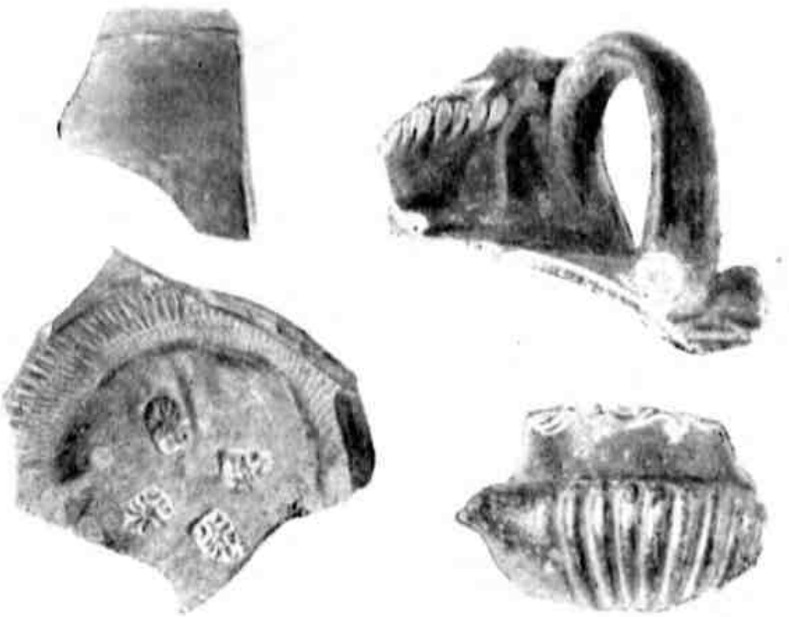


Рис. 12. Обломки черполаковых сосудов V—II вв. до н. э. из раскопок продольной улицы.

трех чернолаковых сосудов имеются граффити — K, ΔI, AI, а на закраине чаши — того типа, с закраиной в верхней части, со светлой облицовкой наружной поверхности.

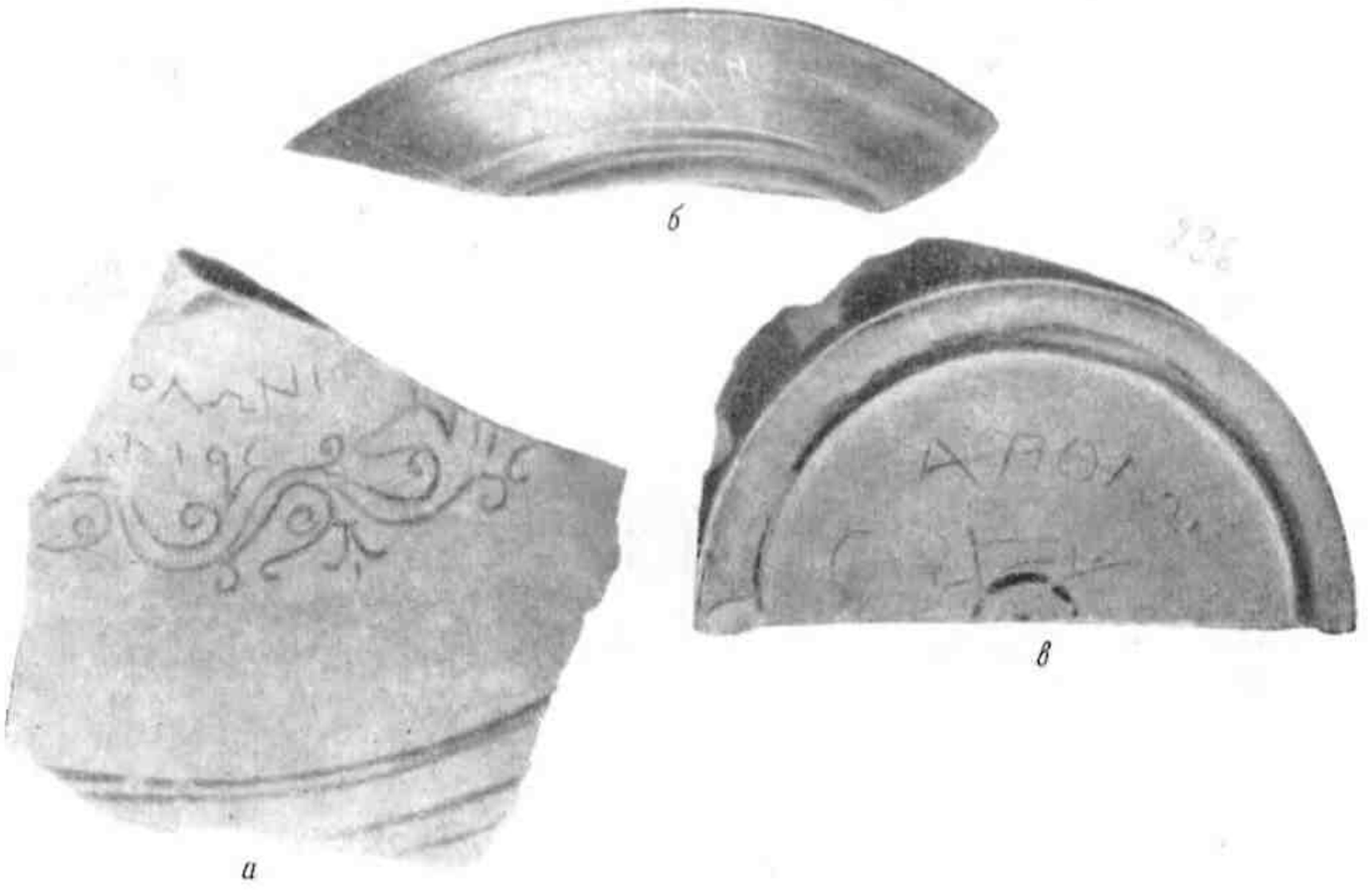


Рис. 13. Граффити.

а — на кувшине; *б* — на чаше второй половины II в. до н. э ; *в* — на донышке чернолакового сосуда.

CIMON (рис. 13). Сосуды с краснофигурной росписью IV в. до н. э. представлены обломками трех кратеров и одного килика (табл. IV, *1*).

Несомненный интерес представляет группа сосудов (в обломках), необычных в бытовых комплексах и, по всей вероятности, являющихся культовыми (рис. 16). К ним относятся: 1) Небольшой обломок закраины очень крупного сосуда простой глины. По наружной стороне сосуд украшен рельефной лавровой ветвью, по типу орнамента на краснофигурных кратерах. На листьях следы белой окраски. 2) Обломок плеча крупного сосуда простой глины с петлевидными горизонтальными ручками, с нижней частью закраины; по плечу идет уступ для крышки. Снаружи сосуд покрыт светлой облицовкой, поверх которой, по плечу, протянут орнамент в виде широкого пояса между полосками, заполненного завитками, нарисованный красной краской. 3) Обломок высокого сосуда открытого. Корпус сосуда орнаментирован тремя поясами красного цвета. Наверху к закраине

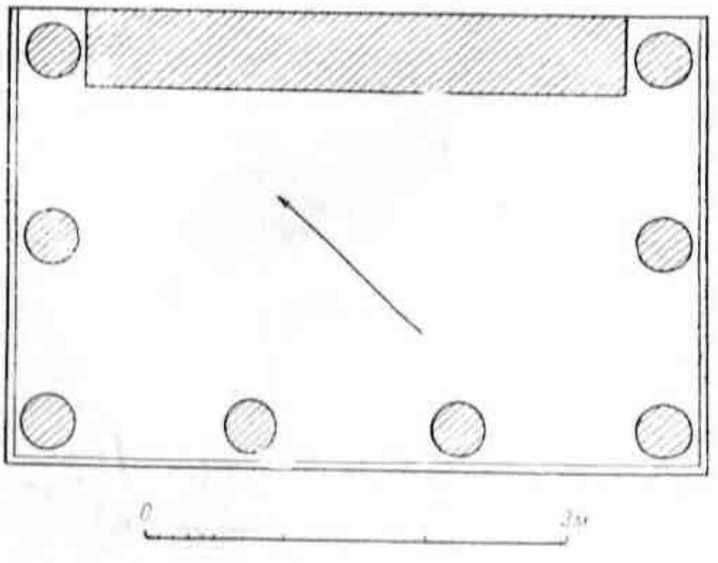


Рис. 14. План жертвенника II в. до н. э.

приделано трехрогое украшение, и на каждом роге с наружной стороны налеплен

Рис. 15. Черполаковые сосуды второй половины II в. до н. э.

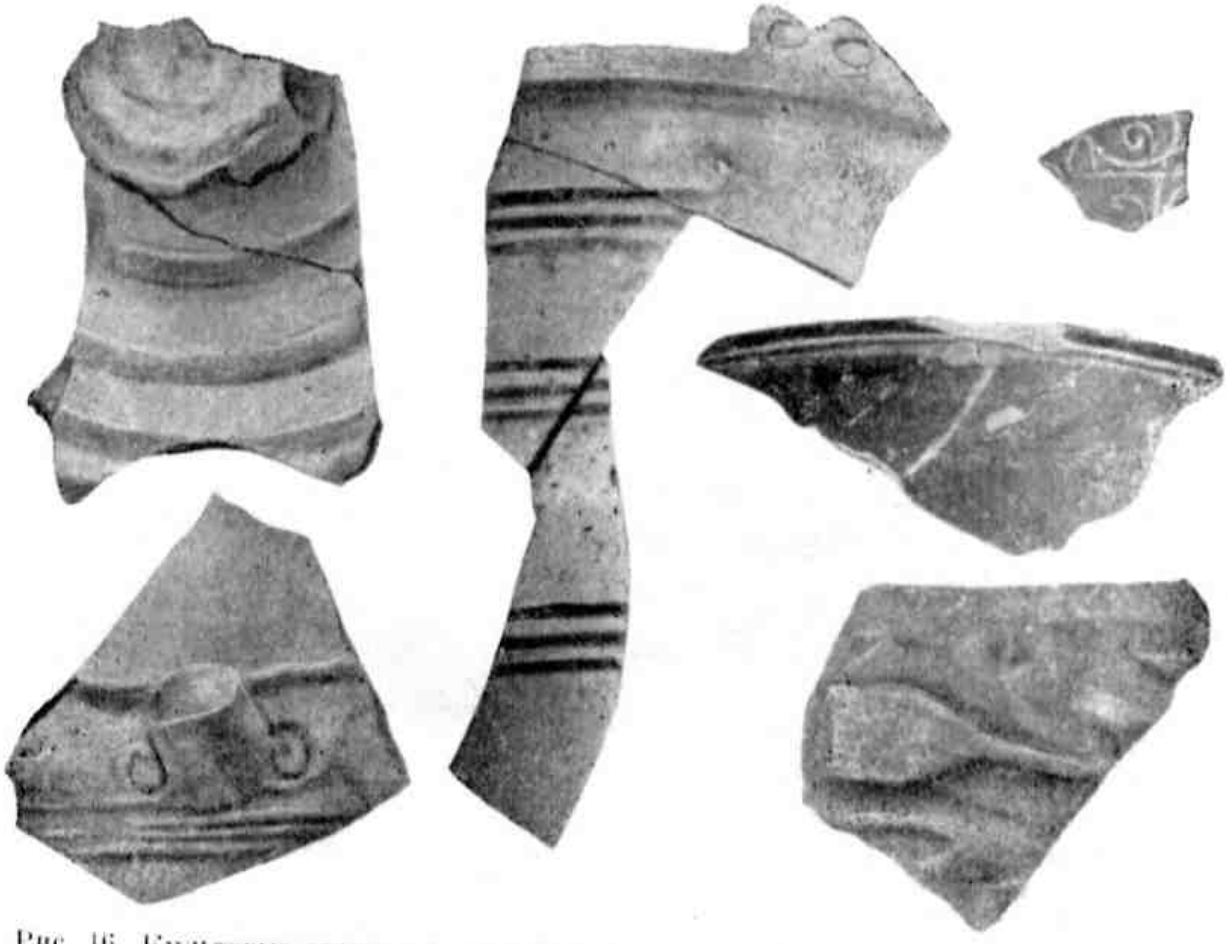


Рис. 16. Культовые сосуды из слоя II в. до н. э., найденные около жертвенника.

плоский кружок. 4) Обломок закраины крупного кратеровидного сосуда с толстыми стенками. Черепок коричневый, недостаточно обожженный. Обе поверхности сосуда лощеные, черного цвета. 5) Обломок стенки небольшого сероглиняного сосуда, на наружной стороне которого сильным нажимом острия лощила по сырой глине нанесен орнамент в виде пальмет двух типов.

Отметим также обломки амфор и черепиц с клеймами астиномов и мастеров. Среди них оказалось 16 с херсонесскими и 6 с синопскими клеймами. Часть клейм хорошо оттиснута и читается. Херсонесские, на ручках: ΞΕΝΩ.. | ΑΣΤΥ..; ...ΜΟCΙΟΝ: ΙCΤΩΝΟC | ΑΣΤΥΝΟΜ..: ΞΑΝΘΟΥ [Α]ΣΤΥΝΟΜΟΥ; ΑΛΕΞΑ[ΝΔΡΟΥ] ΑΣΤΥΝ[ΟΜΟΥ] (оттиснуто наоборот); на горле — [ΠΡΥΤ]ΑΝΙΟΣ [ΤΟΥΑΡΙ]ΣΤΩΝΟΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ; на черепице — монограмма мастера. Синопские, на ручках: [ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ | ΑΘΗΝΙΠΠΟΥ | ΤΟΥΜΗΤΡΟΔΩΡΟΥ ΑΠΑΤΟΥΡΙΟΣ, эмблема — восьмиконечная звезда; [ΑΣΤΥΝΟ] ΜΟΥ... ΟΤΟΥ | [ΑΠ-ΗΜΑ] ΝΤΟΥ, эмблема — Ника вправо; имеется монограмма мастера; на черепице — [ΕΙΡΗΝ]ΑΣ[ΤΥ]ΝΟ[Σ]Ι[Ν]ΩΠΙΩΝ, эмблема — колчан. Найдено также 11 пирамидальных глиняных грузил, из них четыре клейменых, обломки четырех светильников, жертвенника в виде чашечки на высокой ножке,[1] терракотовых изделий (табл. V, *1*), накладной медальон в форме сердцевидного щитка; правое плечо женской фигуры, задрапированной в плащ; обломок протомы — верхняя часть головы богини; головка женской статуэтки эллинистического типа; водослив в виде львиной маски; левая нога женской статуэтки; край верхней части протомы; штампованная головка «варварского» типа на крышке пиксиды (?); головка женской статуэтки, возможно протомы эллинистического времени; кусок штукатурки с росписью в виде ов, окрашенных в красный цвет с темнокрасным ободком по голубовато-

Рис. 17. Обломки лощеного сосуда времени таврского поселения до основания Херсонеса.

синему полю. Многочисленны обломки солеенов и желобчатых керамид. Найдена одна монета эллинистического типа, плохой сохранности. Наконец, в этом же слое обнаружены два предмета из наскального слоя времени таврского поселения VII—V вв. до н. э., существовавшего до основания Херсонеса: обломок ленного сосуда с черной лощеной поверхностью, орнаментированной длинными треугольниками — зубьями (рис. 17), и каменный плоский кружок неправильной формы с круглым отверстием в центре.

На основании астиномных клейм, формы амфор и черполаковых сосудов, качества их лака и орнаментации слой датируется II — рубежом II—I вв. до н. э.

Находки в слое между поздней эллинистической подошвой площади и верхним горизонтом наскального слоя некрополя очень важны для уточнения даты жертвенника и его архитектурного оформления, так как слой этот заходил под жертвенник.

[1] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Хсб, вып. IV, 1948, стр. 81—82.

В слое найден разнообразный материал, главным образом обломки различных сосудов. Амфоры происходят из различных центров (рис. 8). Так, встречены херсонесские (количественно преобладают), фасосские, гераклейские, родосские, синопские амфоры и 8 амфор из неопределенных центров. Лутерии — все херсонесского производства; 5 из них — на кольцевой подставке и 8 — на плоской; края их либо загнуты в середину, либо отогнуты наружу, некоторые из них со сливами и ручками (рис. 10). Кувшины, как обычно, двух типов (рис. 9) — с плоскими ручками, верхним концом при-

Рис. 18. Венчик сосуда, украшенный изображениями Гермеса и Афины.

крепленными под венчиком высокого горла; ранняя группа их имеет на дне кольцевую подставку. Многие кувшины были орнаментированы. Кухонные сосуды либо выполнены на гончарном круге, либо от руки (рис. 11). Найдено значительное количество обломков чернолаковых сосудов (рис. 15): так называемых рыбных блюд, чаш с бортами, отогнутыми наружу или загнутыми в середину, тарелок-блюд, канфаров и скифоса. Кроме того, найдены: дно чернолакового сосуда с граффити — Ρ|, три обломка краснофигурного кратера, подставки, ручки и стенки с изображением грифона (табл. IV, *1*), два пирамидальных грузила (на одном клеймо Μ), фрагментированный светильник; терракотовая фрагментированная головка и половина статуэтки быка (табл. V, *1*). Интересен обломок закраины сосуда очень крупных размеров; наружный диаметр закраины около 0.60—0.65 м (рис. 18). Закраина выполнена в виде горизонтального плоского борта, сильно выступающего наружу. На этой вертикальной плоскости и по внутреннему краю верхней плоскости закраины сплошным рядом нанесен орнамент, штампованный крупной геммой с изображением двух фигур друг против друга: слева Гермес с кадуцеем в правой руке перед собой, в петасе и с мешком за спиной; справа перед ним Афина в шлеме, венчающая его венком. На верхней плоскости между двумя оттисками сделано специальное углубление для закрепления какого-то предмета. Сосуд, судя по глине, синопского происхождения.

В этом же слое был обнаружен обломок стенки таврского лепного сосуда VII—V вв. до н. э. с черной лощеной поверхностью и врезным орнаментом, аналогичный изображенному на рис. 17.

Таким образом находки в культурных слоях вокруг жертвенника подтверждают назначение этого сооружения. Дата его устанавливается на основании находок из слоя на позднеэллинистической подошве площади. Самый поздний материал здесь датируется концом II в. до н. э. Это позволяет предположить, что жертвенник существовал до этого времени, после чего был разрушен. Время разрушения его совпадает с конечной датой существования жилых домов, прилегающих к площади.

Культурный слой, исследованный под поздней подошвой площади и под жертвенником, дал массовый материал III—II вв. до н. э. с несомненным преобладанием материала III в., может быть начала II в., что подтверждается и количественными соотношениями двух типов кувшинов и в особенности чернолаковой посудой. Отсюда можно заключить, что жертвенник с его архитектурным убранством относится ко времени не ранее рубежа III—II вв. до н. э., хотя не исключена возможность его существования на том же месте до этого времени, но в более простом виде.

При исследовании культурного слоя вокруг жертвенника, современного ему, поражало обилие битых сосудов различных форм, причем эта необычная насыщенность слоя наблюдалась только на ближайшем от жертвенника пространстве. Из найденных обломков удалось восстановить несколько сосудов. Напрашивается предполо-

жение, что это обилие битых сосудов связано с постоянными жертвоприношениями какому-то божеству, которому был посвящен жертвенник. Об этом же свидетельствует находка ряда сосудов, совершенно не характерных для жилых комплексов эллинистических домов Херсонеса.

Средняя улица (поперечная) исследована на протяжении 26 м; ширина ее 4.50—4.80 м. Подошва улицы находится на высоте 0.60—0.70 м над скалой и перекрывает слой некрополя. Ю.-в. конец улицы уходит в обрез раскопа, и, судя по резкому повышению второй террасы, улица имела подъем в этом направлении. С.-з. конец улицы выходит на городскую площадь с жертвенником, находившимся в ее южном углу. Судя по хорошо сохранившемуся каменному каналу водостока, выведенному со двора дома *II* на улицу, и наличию городских каналов такого же типа на других улицах Херсонеса,[1] можно думать, что и вдоль этой улицы был проложен водосток, подобно каналу на участке раскопа 1935 и 1936 гг. (кварталы XIX, XIII и XIV).

Как отмечено, IX и X поперечные улицы остались нераскопанными. При зачистке входа в дом *IV* удалось проследить подошву X поперечной улицы, состоящую из морской гальки с песком и измельченных камней скалы. Ширина IX и X поперечных улиц — около 3.50 м.

Открытые в 1937 г. два городских квартала (XV и XVI, см. рис. 6) с трех сторон ограничены хорошо сохранившимися улицами, что и позволяет составить представление о планировке города на этом участке. Ширина кварталов между IX и X поперечными улицами равна 22.6 м (ю.-з. сторона) и 23.0 (с.-в. сторона). Ширина квартала XIII (раскопан в 1936 г.) равна 21.5 м, квартала XIX (раскопан в 1935 г.) — около 22 м.[2] Такова ширина и II квартала в с.-в. районе города. Эта же ширина квартала удерживается при планировке Херсонеса в послеэллинистическое время или отчетливо прослеживается в сдвоенных кварталах. В длину кварталы раскопаны наполовину, однако раскопки 1940, 1941 и 1947 гг. позволяют считать, что эта длина была равна сдвоенной ширине. То же явление прослеживается на примере II с.-в. квартала.[1] Окончательное уяснение планировки эллинистического Херсонеса принесет ближайшее доследование улиц на северном берегу. Таким образом подтверждается строгая планировка города с равновеликими прямоугольными кварталами, прямыми и параллельными улицами (главными — продольными и подчиненными — поперечными) в соответствии с гипподамовской системой, характерной для городов эллинистической эпохи.

Жилые дома

На площади двух кварталов — XV и XVI — открыто три жилых дома и одно здание, повидимому, специального назначения. Размещены они в кварталах очень неравномерно: в то время как дом *I* занимает всю площадь квартала XV, остальные три дома (*II*, *III*, *IV*) умещаются на такой же площади квартала XVI.

Жилой дом *I* (рис. 19). Он занимает, как сказано, квартал XV. Небольшая с.-з. часть его была открыта еще в 1936 г.[2] Стены и местами фундамент здания сильно разрушены последующим городским строительством, тем не менее сохранившиеся остатки стен, постели, вырубленные для них в скале (рис. 20), подвалы и т. д. вполне уясняют размеры дома и его внутренней планировки.

Дом построен на первой от моря ровной террасе материковой скалы, имеющей незаметный уклон в сторону моря. По линии стены *1* и в восточном углу скала имеет резкий подъем, образующий вторую террасу. Край ее несомненно выровнен при сооружении дома, причем угловое его помещение *г* вынесено на эту террасу. Подъем скалы умело использован его строителем. Основные размеры дома: стена *1* — 22.50 м, *2* — 27.00 м; *3* — 23.85 м и *4* — 27.00 м. Общая площадь дома 625 кв. м (по наружному обмеру). Дом состоит из центрального

[1] Например, на соседней (см.: Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 19 и рис. 12, стр. 196, планы раскопов обоих лет).

[2] Там же; С. Ф. Стржелецкий. К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса. Истор.-археол. сборник Научно-исслед. инст. краеведч. и музейной работы, М., 1948, стр. 150.

[1] Планы с.-в. кварталов Херсонеса см.: Хсб, вып. III, 1930.

[2] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 222—223. — Яма *к* в этом издании соответствует, по нашим обозначениям, подвалу помещения *з*, соответственно кладка *ю* — стене *3* и *я* — стенам *13* и *14*.

двора, черного дворика *а*, десяти помещений в первом этаже (*а*—*к*), входного коридора и одного сооружения в центральном дворе — *л*.

со всех сторон окружен помещениями жилого и хозяйственного назначения. В южном углу его, перед входом на улицу, находится сооружение *л* (3.55×2.40 м) невыяс-

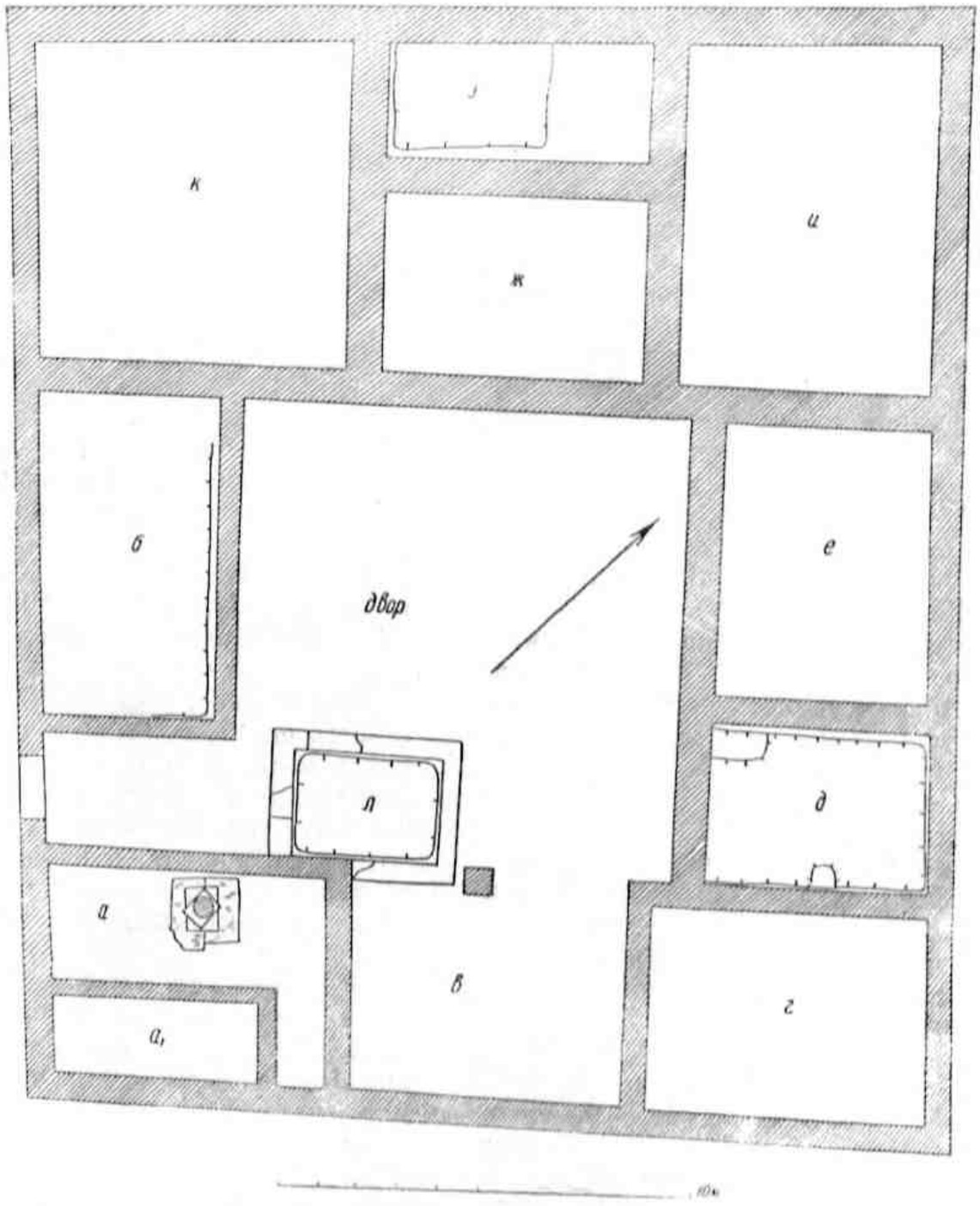


Рис. 19. Схематический план дома *I*.

Вход в дом находится с его ю.-з. стороны и ведет со средней поперечной улицы через узкий коридор к южному углу центрального двора. Длина коридора около 5.00 м, ширина — не более 2.50 м.

Основной двор занимает центральную часть дома и в плане имеет квадратную форму; размеры его с ЮВ на СЗ — 11.0 м, с ЮЗ на СВ — приблизительно 10 м. Двор

ненного хозяйственного назначения. Это сооружение вплотную примыкает к дворику *а* и помещению *в* и в плане имеет правильную четырехугольную форму. Его пол на несколько сантиметров врублен в материковую скалу, а стены, толщиною 0.6 м, сложены из крупных и мелких камней на глине. Сооружение служило подвалом. Такие сооружения в углах дворов открыты

и в других эллинистических домах Херсонеса; они являлись почти обязательной их принадлежностью. Уровень поверхности (пола) двора над скалой определяется уровнем поверхности средней улицы; он углублен на 0.60—0.70 м. На той же глубине находился пол сооружения *л*. В ю.-з. части двора, в эллинистическом слое, на высоте 0.80 м от скалы, около помещения *в*, найдены два обломка стенок сосудов красно-фигурной техники, обломки чернолакового светильника, глиняное пряслице усеченно-биконической формы, точильный брусок, обломки металлических изделий, херсонесские монеты II в. до н. э. (№№ 17—18), кремневый отщеп и обломок стенки лепного сосуда с врезным орнаментом по лощеной поверхности (рис. 17). Последний датируется VII—

Рис. 20. Выруб в скале (постель) для наружной ю.-з. стены дома *I*.

дена известняковая база, о которой речь ниже. В этой же насыпи найдены обломки амфор различных производственных центров (на одной родосской ручке — клеймо мастера YIMA, под ним керикейон), обломки кувшинов (рис. 8), чашек, кухонных сосудов — лепных и гончарных (рис. 11). Чернолаковые сосуды (рис. 21) представлены рыбными блюдами, тарелками, чашками различных типов, киликами, канфарами с гладким и реберчатым туловом. Сероглиняная местная посуда, покрытая глазурью или лаком низкого качества, представлена чашками, кувшинами, рыбными блюдами. Значительное количество сосудов датируется не ранее чем рубеж II—I вв. до н. э. Здесь же V вв. до н. э. и вместе с отщепом происходит из слоя таврского поселения, предшествующего основанию Херсонеса.

Значительный материал найден в с.-з. части двора: обломок венчика пифоса херсонесского производства, обломки амфор — херсонесских, синопских и родосских, на которых имеются клейма астиномов: херсонесские — ΗΡΟΔΟΧ ΑΣΤΥΝΟ (на ручке); Ν[ΕΥΜΕΝΙΟΥ] Φ[ΙΛΙΣΤΙΟΥ] Α[ΣΤΥΝΟΜΟΥ] (на горле; оба клейма ранней группы — III в. до н. э.); синопские — ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΜΙΘΡΙΔΑΤΗΣ; эмблема — голова Аполлона влево (IV группа синопских клейм); ΦΑΙΝΙ-

ΠΟΥ[ΑϹ]ΤΥΝΟΜΟΥΝ ΤΟϹΕΥ[ΝΙϹ]ΟΥ; эмблема впереди — Артемида с факелами (VI группа клейм); родосское — ΕΠΙ... Ε ΓΕΝΕΥΣ ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ. Кувшины представлены двумя обычными типами (рис. 9). Лутерии — херсонесского производства (рис. 10). Наряду с крупными лутериями найдены четыре обломка маленьких чашек с загнутыми внутрь краями. Кухонные сосуды представлены различными типами, выполненными в виде отдельных букв или монограмм Отметим большое количество обломков местной сероглиняной посуды, покрытой серой глазурью или лаком. Из нижнего слоя на том же участке происходит несколько обломков сосудов краснофигурной техники: кратера, лекифов, аска, леканы и киликов (табл. IV, *2*).

Кроме сосудов, найдены: 8 обломков светильников; 23 пирамидальных грузила,

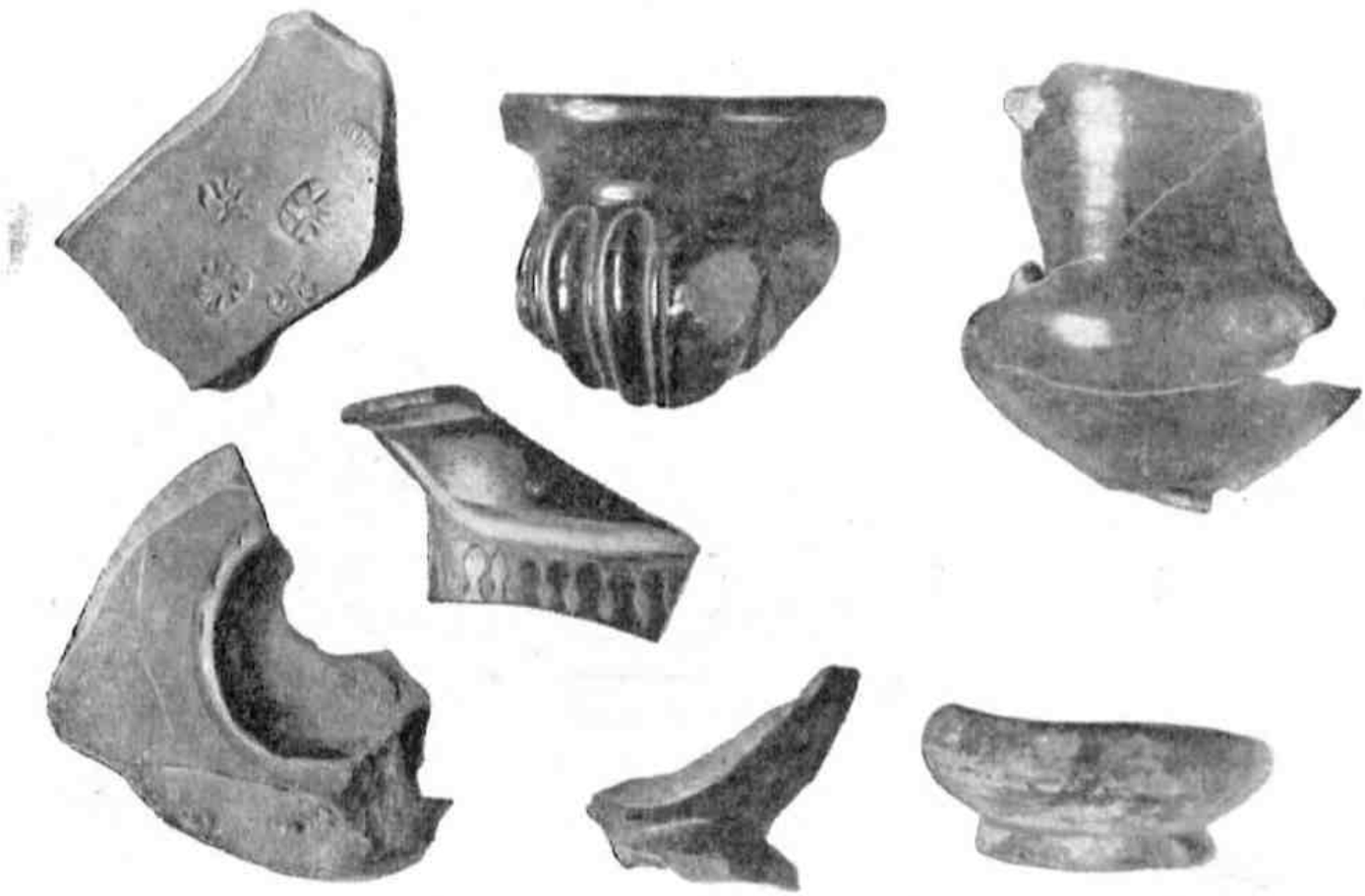


Рис. 21. Чернолаковые сосуды из дома *I*.

от руки и на гончарном круге (рис. 11). Множество обломков чернолаковых сосудов принадлежит сосудам различных форм и разному времени. Последнее связано с тем, что в этот слой попали находки из нижнего слоя некрополя конца V—рубежа IV—III вв. до н. э. Так называемые рыбные блюда представлены четырьмя сосудами IV—III вв. и 30 обломками — III—II вв. до н. э.; найдены тарелки и блюда, 11 «солонок», свыше 50 чашек различного типа, канфары (гладкие и реберчатые), килики, обломки двух мегарских чаш. Кроме перечисленных форм, имеются обломки свыше 30 сосудов закрытого типа. На 14 обломках чернолаковых сосудов имеются нацарапанные граффити из них 5 с клеймами; обломок терракотовой статуэтки — корпус лошади (?) грубой работы, повидимому игрушки (табл. V, *1*); ланцетовидный бронзовый наконечник стрелы, гвозди и другие металлические обломки; обломки мраморного лутерия с частью слива; обломки каменной матрицы (?), два обломка фресок красного и голубого цвета; обломки желобчатого калиптера; капитель четырехгранной колонны со следами красной краски.

Бóльшая часть находок во дворе дома *I* датируется III и II вв. до н. э., что и определяет время существования дома.

Черный дворик а (4.55×6.75 м), расположенный в южном углу двора, был вымо-

щен крупными тесаными плитами, от которых сохранились две (размерами 1.70×0.90 м и 1.45×0.85 м). Внутри дворика находились сооружение a_1 и колодец (рис. 22). От сооружения a_1 сохранилось основание стены *8* и ю.-з. конец стены *7* толщиной 0.45 м, сложенные из бутового камня на глине. Размеры сооружения (по внутреннему обмеру) 5.00×1.50 м. Оно пристроено к наружной стене двора почти во всю ее длину, начиная от южного угла, и, вероятно, являлось небольшой кладовой. Колодец, с хорошо сохранившимся «срубом» на поверхности, сооружен почти впритык к середине стены *6*, около выхода на центральный двор (выход этот несомненно находился в этой же стене, в северном углу черного дворика). Наверхние колодца сложено на упомянутой вымостке дворика; оно состоит из двух кубических камней, поставленных один на другой, со сквозным круглым отверстием. Грани нижнего камня параллельны стенам дворика, а грани верхнего приходятся углами на середину граней нижнего. Наверху «сруба» имеются пазы для крепления деревянной крышки. Высота «сруба» над вымосткой 0.85 м; наибольший диаметр отверстия колодца 0.55 м. Колодец вырублен в скале, в горизонтальном сечении имеет неправильную круглую форму. Диаметр колодца вверху около 1.00 м, внизу — около 1.20 м; общая глубина, от верха «сруба» до воды, 4.20 м. Вода в колодце пресная, немного солоноватая. Колодцем пользовались и в последующие века, после гибели дома.

Рис. 22. Общий вид дворика *а* дома *I*.

Помещение в (экседра). Помещение это, прямоугольное в плане, находится точно по середине ю.-в. стороны дома. Со стороны двора помещение не имело стены и было открыто в сторону моря. По середине открытого простенка в сторону двора найдено основание колонны, в сечении почти квадратное, размерами 0.63×0.68 м, поставленное на скалу; сохранившаяся высота — 0.70 м. Возле этого основания была найдена упомянутая известняковая база (рис. 23), размер которой (0.55 м) вполне соответствует сечению столба. Диаметр самой колонны около 0.38 м. Судя по большому

промежутку между колонкой и торцами стен *5* и *9*, широкий открытый пролет помещения *в* в сторону двора имел балочное перекрытие, поддерживаемое в центре круглой колонной, вероятнее всего, ионического ордера.

Помещение находилось над подвалом, пол его был несомненно деревянным и, возможно, приподнятым относительно уровня

змеями, головы которых лежат на верхнем краю жертвенника с задней стороны. Перед головами их, в верхней плоскости жертвенника, находится большое округлое углубление, а вдоль переднего края жертвенника в одну линию расположены еще три небольших углубления.

В культурном слое на дне подвала найдено несколько обломков чернолаковых

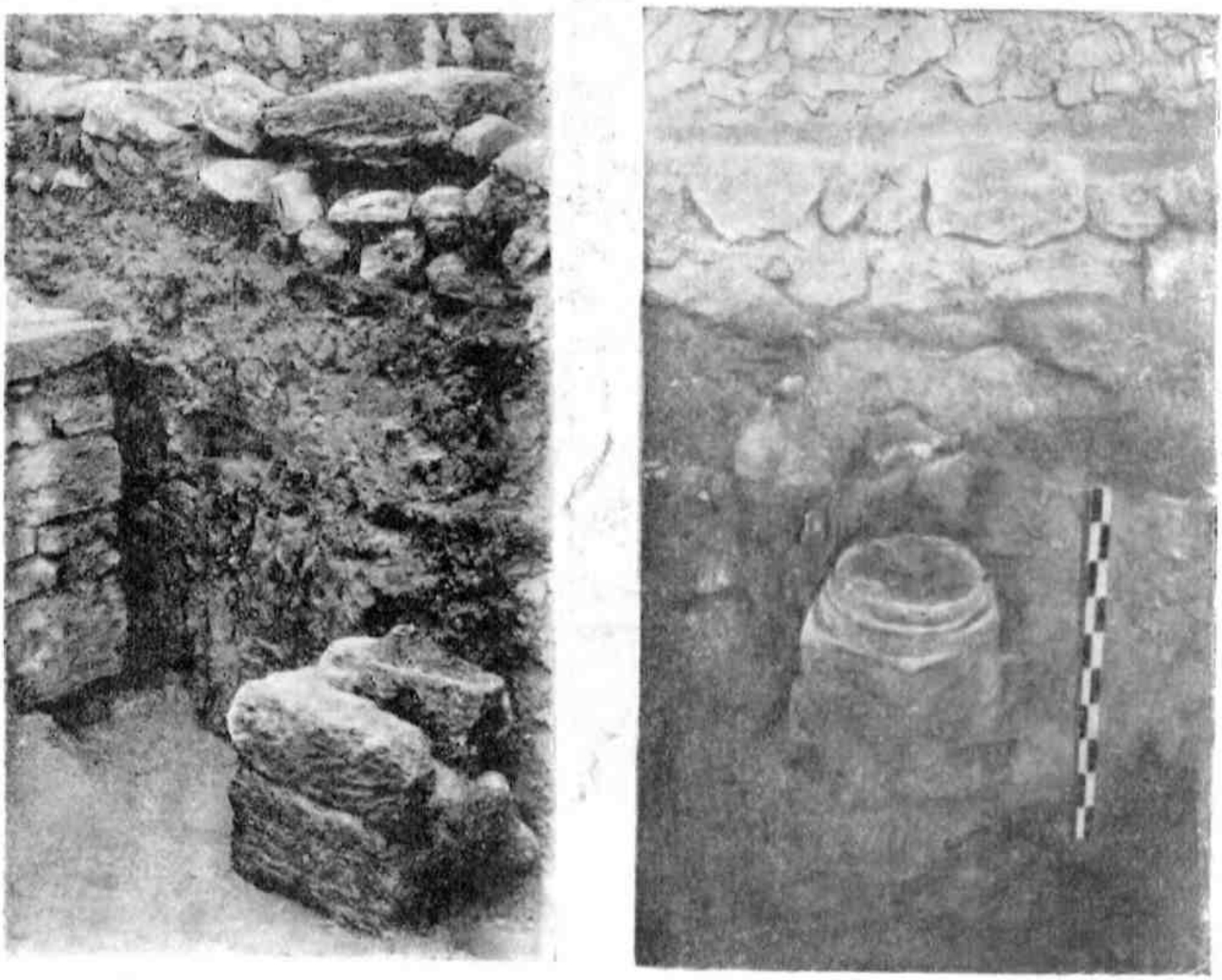


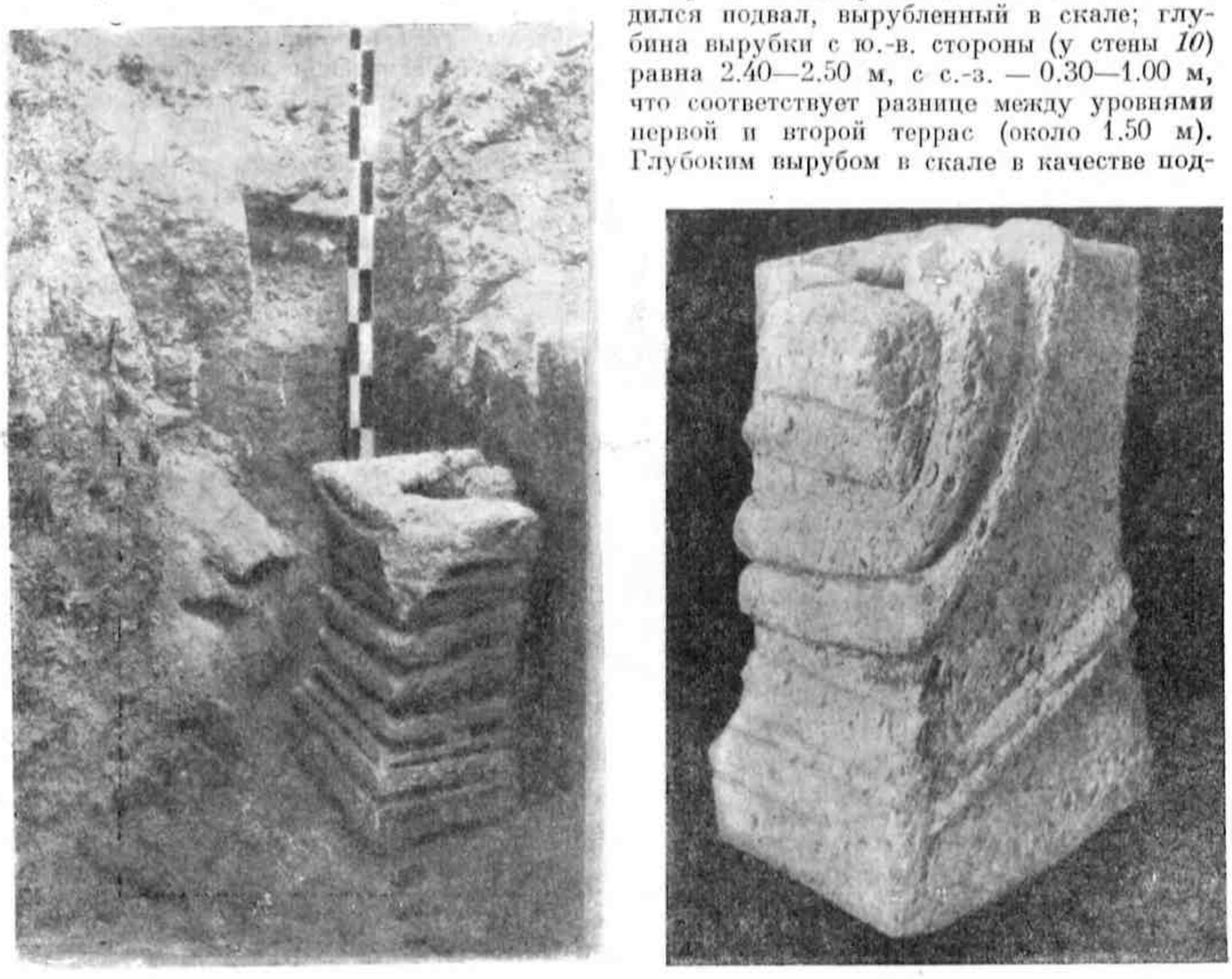
Рис. 23. Фундамент колонны и ее базы из экседры дома *1*.

центрального двора на одну или две ступени. Подвал в нижней своей части вырублен в скале на 0.55—0.60 м ниже поверхности скалы во дворе. В восточном углу подвала, вплотную к ю.-в. стене, стоял четырехугольный жертвенник из местного известняка (рис. 24). С трех сторон низ его обработан в виде цоколя, а верх украшен карнизом с акротериями по углам и розеткой посредине. Задняя сторона жертвенника гладкая. Жертвенник снизу доверху обвит двумя

сосудов. Отсутствие обломков хозяйственных сосудов и самый характер помещения, открытого в сторону центрального двора, т. е. в сторону моря, и украшенного колонной, свидетельствует, что оно служило экседрой.

Помещение г (4.55×6.70 м) занимает восточный угол дома. Стена *2* сверху застроена и использована в качестве фундамента средневековой постройки. Сохранившаяся высота стены — 1.25 м. Основана стена на скале: нижний ряд составляет

фундамент, верхние пять рядов представляют собственно стену, сложенную из хорошо отесанных камней разной величины (рис. 25). Стена *10*, сложенная из хорошо отесанных камней на глине, сохранилась возле углов помещения, в середине она



а *б*

Рис. 24. Жертвенник со змеями из подвала экседры дома *1*.
а — жертвенник на месте; *б* — жертвенник отдельно.

разрушена. Эллинистический культурный слой сохранился только в ю.-з. половине помещения под позднесредневековым помещением *3* и представлял глинистую землю, лежащую на скале. В слое найдены обломки чернолаковой посуды, толстостенных лутериев и кухонных сосудов. Исходя из находки последних, а также учитывая соседство с экседрой, расположение помещения *г* в углу дома, что обусловливало обязательный проход через смежное помещение, и отсутствие вентиляции, а также наличие кухни в другом помещении дома (*б*), можно предположить, что помещение *г* служило зимней столовой этого дома.

Помещение д (3.65×5.25 м по внутреннему обмеру) расположено с с.-в. стороны центрального двора. Под помещением находился подвал, вырубленный в скале; глубина вырубки с ю.-в. стороны (у стены *10*) равна 2.40—2.50 м, с с.-з. — 0.30—1.00 м, что соответствует разнице между уровнями первой и второй террас (около 1.50 м). Глубоким вырубом в скале в качестве под-

вала пользовались и в последующие века, вследствие чего эллинистический культурный слой здесь уничтожен полностью. Назначение помещения над подвалом не выяснено.

Помещение е, прямоугольное (5.10×6.45 м), находится на той же стороне двора, что и предыдущее. Его массивные стены сложены из крупных камней на глине. Толщина стены *12* — 0.75 м. Судя по характеру кладки, ту же толщину имели и остальные стены. Местами они сохрани-

лись на высоту 1.00—1.15 м. Эллинистический культурный слой также уничтожен.

Помещение ж — простада — находится с с.-з. стороны двора. В плане оно имеет четырехугольную форму с немного скошенными углами; ширина помещения у стены *13* — 4.25 м, у стены *15* — 4.05 м. Реконструируемая длина помещения 8.00 м.

Наружная сторона стены *12*, обращенная ко двору, облицована крупными камнями, в то время как внутренняя выровнена мелкими. Толщина стены 0.75 м. Эллинистический культурный слой в этом помещении был уничтожен в первых веках н. э.

Рис. 25. Кладка стены *2* дома *I* с внутренней стороны.

Помещение з находится позади помещения *ж*. С трех сторон оно окружено помещениями *ж*, *и*, *к*, а четвертой стороной примыкает к наружной стене дома (стена *3*). В ю.-з. половине его находится подвал, вырубленный в скале. В плане помещение четырехугольное, с немного скошенными углами; его ширина 2.80 и 3.20 м. Реконструированная длина 8.00 м. Толщина стены *3* — 1.10 м, ее фундамента — 1.20 м. Подвал вырублен в скале на глубину 1.35 м. В плане он четырехугольный и, соответственно форме помещения, расширяется к с.-в. стороне; длина его 4.20 м, ширина 2.50—2.90 м. На дне подвала, в западном и северном его углах, сделаны небольшие углубления, служившие, вероятно, для установки пифосов. В эллинистическом слое найдены три обломка амфорных ручек (на одной синопское клеймо V группы по классификации Б. Н. Гракова), обломки кувшинов, амфориск, кухонных горшков и лепных сосудов, а также обломки черлаковой посуды: так называемых рыбных блюд, тарелок, чашек, киликов, канфаров, скифосов и одного арибалла. Из остальных предметов отметим херсонесскую монету III в. до н. э., два целых светильника, пирамидальное грузило, рыболовный крючок, иглу, наконечник стрелы, гвозди. Основная масса находок, как обычно для всех таких подвалов, датируется позднеэллинистическим временем; несколько обломков — не позже IV в. до н. э., занесенных в слой при засыпке подвала.

Помещения и и *к*, оба прямоугольные,

расположены в западном и северном углах дома. Подобно противолежащим им в южном и восточном углах, помещения *и* и *к* равны по площади. Размеры помещений: *и* — 6.20×7.95 м; *к* — 6.20×7.85 м. Эллинистический культурный слой в обоих помещениях уничтожен при возведении здания первых веков н. э.

Помещение б (кухня) находится с ю.-з. стороны центрального двора, между входным коридором и помещением *к*. Стены помещения уничтожены до основания, однако направление трех стен точно устанавливается направлением вырубных постелей, на которых они основаны. Помещение в плане четырехугольное, шириной от 3.90 до 4.25 м, длиной 8.00 м. Судя по значительному количеству хозяйственной и особенно кухонной закопченной посуды, найденной на этом участке и в прилегающей части центрального двора, и исходя из аналогичной внутренней планировки домов Херсонеса эллинистической эпохи, можно считать это помещение кухней.

Заканчивая описание дома *I*, необходимо отметить значительную толщину его стен: внутренние стены с.-з. половины дома достигают 0.75 м, наружная стена *3* — 1.10 м, ее фундамент — 1.20 м. Они резко отличаются от стен других домов, толщина которых достигает 0.50—0.45 м. Напомним, что толщина стен богатого жилого дома во II с.-в. квартале равна 0.70 м.[1] Совершенно ясно, что такая толщина стен нецелесообразна для одноэтажного здания. Вместе с тем большие размеры дома *I*, рельеф скалы и использование его строителем свидетельствует о том, что этот дом в своей с.-з. части был двухэтажным, что позволяет считать его одним из богатых херсонесских домов.

Жилой дом *II* (рис. 26). Как и дома *III* и *IV*, он расположен в расследованной половине квартала XVI. В плане дом *II* имеет форму прямоугольника, вытянутого с СВ на ЮЗ. Его размеры 16.50×13.20 м. Общая площадь дома 208 кв. м. Фундаменты стен сохранились хорошо и дают точное представление не только о величине, но и о внутренней его планировке. Только незначительная часть его в северном углу скрыта насыпью, на которой находится позднесредневековая часовня. Своим фасадом дом *II* обращен к средней поперечной улице против фасада дома *I*. Толщина стен дома 0.55—0.50 м. От дома сохранились только фундаменты стен, тщательно сложенные на глине из бутового камня, иногда с подтесанной лицевой стороной. Кладка самих стен уцелела лишь в двух местах и то только на высоту одного ряда (рис. 27). Наружные стены дома были, повидимому, облицованы крупными, тщательно отесанными камнями, сложенными насухо. Дом построен на нижней террасе материковой скалы. Неровный край второй террасы искусственно выровнен в соответствии с направлением ю.-в. стены дома. Дом состоит из центрального двора, восьми помещений (*а*—*з*), небольшого сооружения в западном углу двора *жс* и узкого входного коридора.

Вход в дом находится с с.-в. стороны его и приводит во двор со стороны средней поперечной улицы через узкий коридор размерами 5.40×1.55 м. Входная дверь расположена точно по середине фасада дома, напротив двери в дом *I* соседнего квартала. Во всю длину коридора, впритык к стене *7*, сохранился каменный водосток, тип которого обычен для эллинистического Херсонеса (рис. 28). Водосток сложен из крупных плоских камней, тщательно подогнанных друг к другу, по середине которых вырублен аккуратный прямоугольный желобок, перекрытый плоскими плитками. Ю.-з. конец водостока немного выступает из коридора во двор, где и обрывается. В этом месте сохранились три каменные плиты вымостки двора, такая же вымостка имелась и в коридоре. С.-в. конец водостока, пересекая наружную стену дома под порогом входа, продолжается на поперечной улице на протяжении 1.30 м. Несомненно, что здесь он смыкался с городским водостоком, следы которого найдены на продолжении этой улицы, вверх по уклону, в 1940 г. Вымостка двора, водосток и верхний уровень фундамента стены дома находятся на одном уровне (0.75—0.80 м выше скалы), с небольшим уклоном в сторону входа. На подошве скалы, под коридором, найдено детское погребение (*11*) в амфоре, которая датируется второй половиной IV—началом III в. до н. э.[1]

Двор дома, в плане прямоугольный, занимает его середину и окружен с трех сто-

[1] Хсб, вып. III, 1930, стр. 49 сл.

[1] По определению Б. Н. Гракова.

рон помещениями. Размеры двора: длина 8.80 м, ширина 5.20 м, площадь 46 кв. м. Как сказано, двор был вымощен каменными плитами. В западном его углу находится очень небольшое квадратное сооружение *ж*$_1$, размерами 1.20×1.20 м, которое служило, повидимому, поглощательным колодцем. только ю.-в. половина помещения, так как с.-з. часть его находится под часовней. Несмотря на это, культурный слой дал многочисленные находки. Отметим горло косской амфоры и дно синопской, дно лутерия на плоской подставке и закраину другого, обломки кувшинов. Кухонная посуда

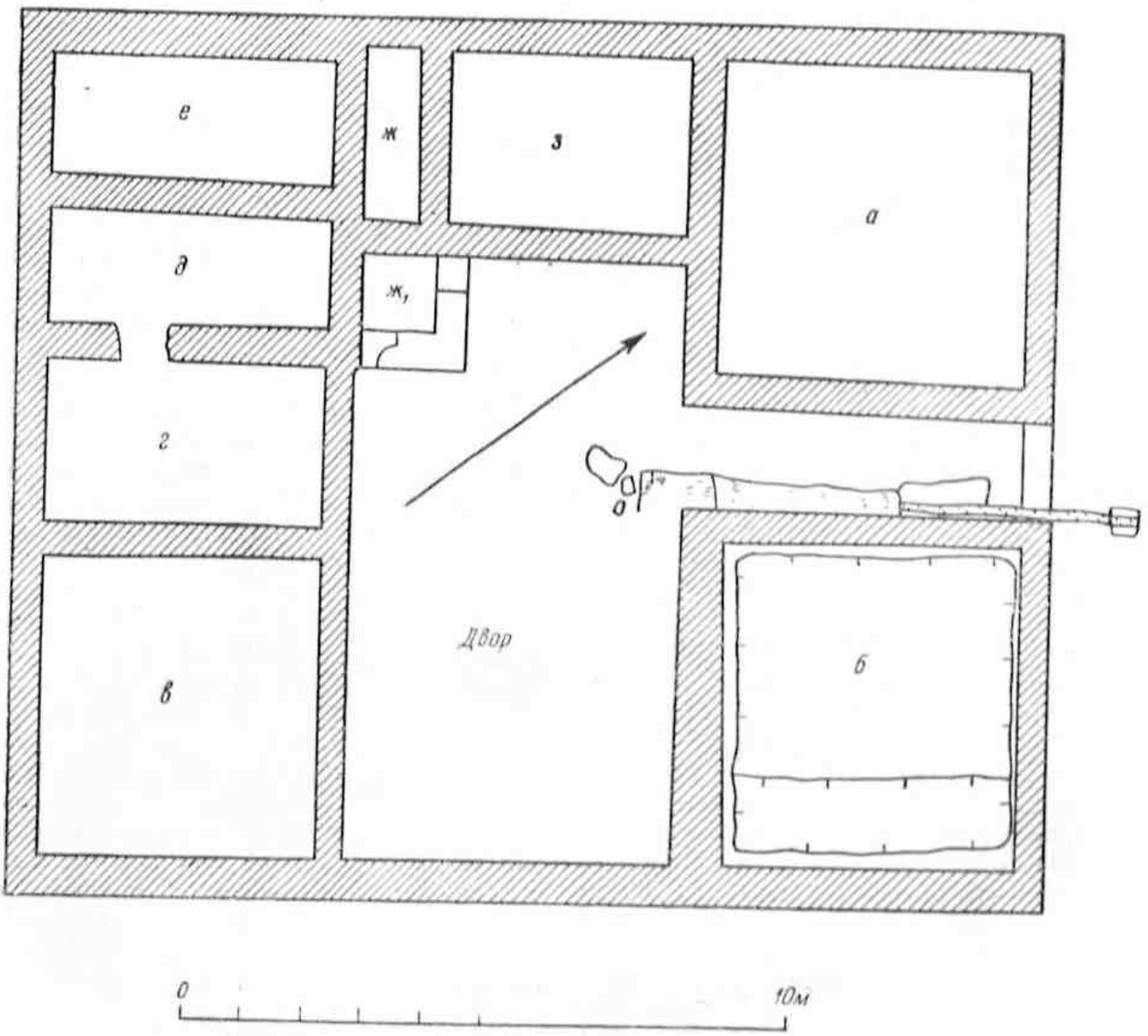


Рис. 26. Схематический план дома *II*.

Эллинистический слой на площади двора отсутствовал. Собранные здесь незначительные находки относятся к IV и рубежу IV—III вв. до н. э. и, несомненно, принадлежат слою, подстилающему двор.

Помещение а занимает северный угол дома. В плане оно квадратное, размерами 5.00×4.30 м, и совершенно аналогично помещению *б*, расположенному по другую сторону входного коридора. Раскопана представлена обломками горшков и сковороды, а также лепными сосудами — горшками и чашками (рис. 11). Собрано много обломков чернолаковой посуды (рис. 29): киликов и канфаров. Вся эта керамика — не древнее III в. Хорошо представлена сероглиняная посуда, относящаяся ко второй половине II в. до н. э. К этому же времени относятся обломки трех мегарских чаш.

Рис. 27. Кладка фундамента и наружной стены дома *II*.

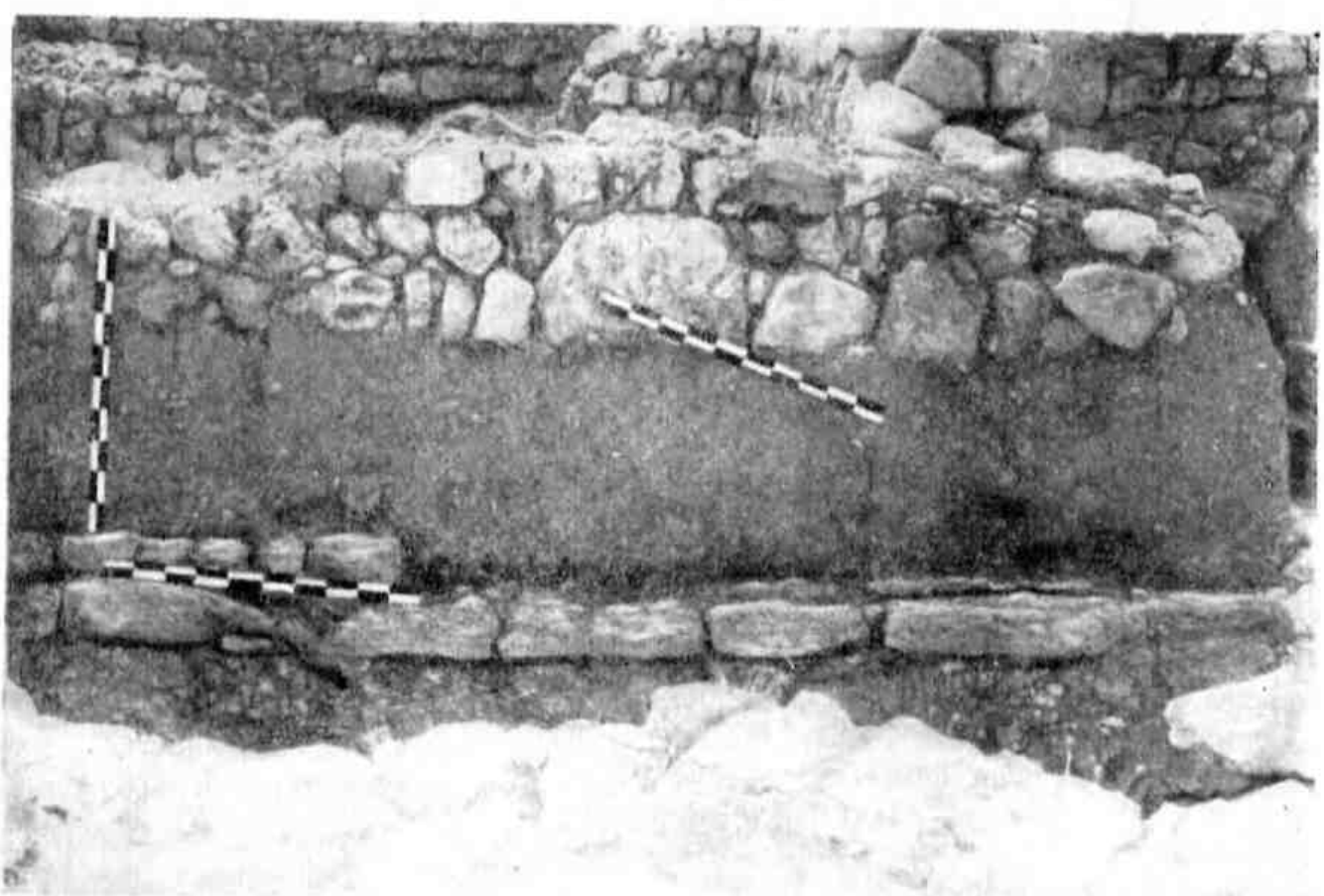


Рис. 28. Водосток в коридоре дома *II*.

Вместе с перечисленной посудой эллинистического времени найдено несколько случайных обломков из нижнего слоя: носик аска, край крышки пиксиды, фрагменты краснофигурной пелики, обломки понтийского кувшина и нескольких чашек на кольцевой подставке с горизонтальными петлевидными ручками. Здесь же найдены обломки четырех светильников, пяти пирамидальных грузил, обломок железной пластинки с отверстием на одном конце (скоба?), медные гвозди и отрезанный конец рога козы или оленя.

Рис. 29. Чернолаковые сосуды из дома *II*.

Таким образом почти весь найденный здесь материал относится к позднеэллинистической эпохе — к III, а большей частью к II в. до н. э. Такая датировка подтверждается находкой в этом слое трех херсонесских монет: двух — II в. до н. э. (№№ 19—20) и одной — начала I в. (№ 23).

Помещение б, размерами 4.75×5.00 м, занимает восточный угол дома. В плане оно почти квадратной формы. Внутри помещения имеется подвал, частично вырубленный в скале. Стены помещения сложены на скале вдоль края выруба подвала и облицованы со стороны последнего штучным камнем. Подвал вырублен в скале на глубину 0.30 м и имеет узкую полосу вдоль ю.-в. стены глубиной 1.00 м. Общая глубина подвала равнялась 1.10 м. Узкий выруб в подвале мог предназначаться для установки пифосов. В подвале сохранился нетронутый культурный слой эллинистической эпохи, содержащий вещи как из подвала, так и, повидимому, из помещения над ним. Среди этих находок имеются амфоры различных центров производства (рис. 8) — преимущественно херсонесские, затем синопские, родосские, фасосские и гераклейские. На ручке одной амфоры — клеймо херсонесского астинома — ΜΗΝΙΟϹ|ΔΑΜΟ-ΚΛΕΟϹ|ΑϹΤΥΝΟΜΟΥ.[1] Имеются обломки лутериев, кувш инов и часть круглой плоской фляги с ручкой (рис. 9). Значительно количество обломков кухонных сосудов обычного типа и к ним несколько крышек; на одной из них, около ручки, просверлено круглое отверстие для пара

[1] См.: В. В. Борисова. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса. ВДИ, 1949, № 3, стр. 90, № 25а.

(рис. 11). Найдена чернолаковая посуда обычных форм (рис. 29): рыбные блюда, плоские тарелки с утолщенными кверху краями и более глубокие с немного отогнутым книзу краем. Многочисленные чашки принадлежат двум основным типам. Большинство обломков имеет характерный лак, штампованный орнамент и датируется концом II в. н. э. Наоборот, обломки киликов датируются III, а некоторые V—IV в. до н. э. Ко II в. до н. э. относятся обломки нескольких сероглиняных сосудов, покрытых серым лаком: обломки кувшина, двух рыбных блюд, трех чашек и одного канфара. Помимо отмеченных обломков киликов, к V—IV вв. до н. э. относятся обломки ручек двух крышек лекан, закраина пелики, часть арибалла и два обломка ионийской посуды.

Кроме перечисленной керамики, встречены три чернолаковых донышка с граффити, обломки трех светильников, семь пирамидальных грузил, костяная проколка, игрушки, донышко амфоры и рыбного блюда, налепное терракотовое украшение в виде сидящего грифона с поднятыми крыльями, со следами белой краски и воздействия сильного огня, обломок терракотовой формы (табл. V, 2), обломки железных и медных гвоздей, мелкие обломки штукатурки, окрашенной в красный цвет.

Таким образом и здесь мы имеем комплекс позднеэллинистического времени, наиболее поздней датой которого является рубеж II—I вв. до н. э. Значительное количество бытовой, столовой посуды, наличие детских игрушек, терракотовых изделий, костяной проколки позволяют думать, что помещение над подвалом было жилым.

Помещение в занимает южный угол дома. В плане оно квадратное, размерами 4.65×4.55 м. Подвала в этом помещении не было, на что указывают отсутствие находок в слое под помещением и обнаружение на скале двух погребений: 26 у южного угла и 29 — в восточном.

Помещение г (4.55×2.50 м) находится в одном ряду с помещениями *в*, *д* и *е*, точно по середине ю.-з. стороны дома, против входного коридора. Стена № 12, на расстоянии 1.05 м от западного угла, имеет дверной проем, соединяющий это помещение с соседним — *д* (рис. 30). Несомненно, что пол помещения находился на уровне двора.

Помещение д, прямоугольное, размерами 4.55×2.30 м, находится в одном ряду с помещением *в* и *г*; с последним связано дверным проемом. Сохранившаяся высота стен и уровень пола помещения те же, что и в помещении *г*. Стена *14* сложена впритык к стенам *3* и *13*. Стена *13*, в восточном углу, впритык примыкает к стене *12*.

Рис. 30. Фундаменты стен дома *II*, перекрытые средневековыми стенами.

В помещениях *г* и *д* найдено большое количество предметов: обломки амфор — херсонесских, синопских, фасосских и родосских. Встречены: две херсонесские ручки, одна с клеймом [ΗΡΟΚΡ] ΑΤΕΟΣ [ΝΕΥ] ΜΗΝΙΟΥ [ΑΣΤ] ΥΝΟΜΟΥ и рядом клеймо мастера, на второй — [ΑΓΑΣΙΚΛ]ΕΟΣ [ΑΣΤΥΝΟ] и рядом монограмма мастера; синопская — ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ] ΛΕΩΜΕΔΟΝ.. ΤΟΥΕΠΙΔΗΜΟΥ ΗΦΑΣΤΙΟΣ (группы VI по классификации Б. Н. Гракова); фасосская с эмблемой — амфора, вверху ΘΑΣΙΩΝ, внизу Τ...ΗΣ. Най-

дены обломки кувшинов, лутериев, кухонных сосудов — лепных и гончарных, значительное количество обломков чернолаковых сосудов. Характерно, что и в этой группе килики представлены только ранними формами V и IV вв. до н. э. К тому же времени относится несколько мелких обломков ионийских чашечек и двух краснофигурных сосудов.

Помещение е, в плане прямоугольное, размерами 4.55×2.10 м, находится в западном углу дома в одном ряду с помещениями *в*, *г* и *д*. Все стены сохранились до верхнего уровня фундамента. Культурный слой эллинистической эпохи не сохранился.

Помещение ж, также прямоугольное, размерами 2.75×0.95 м, находится с с.-з. стороны двора, в одном ряду с помещением *з*, с которым имеет общие ю.-в. и с.-з. стены и смежную *15*. Помещение, повидимому, служило кладовкой.

Помещение з, прямоугольное, размерами 3.90×2.75 м, находится с с.-з. стороны двора, между помещениями *а* и *ж*. Оно целиком погребено под средневековой часовней и поэтому не раскопано.

Обращает внимание, что стены *4* и *8*, как и в доме *I*, толще, чем это обычно в одноэтажных постройках эллинистического Херсонеса. Вместе с тем следует отметить, что уровень полов помещений *б* и *в* выше уровня двора приблизительно на 0.70—0.80 м. Это позволяет предположить, что ю.-в. сторона дома была несколько выше остальной его части.

Жилой дом *III* (рис. 31). Он находится в одной половине квартала XVI вместе с домами *II* и *IV*. Подобно дому *II*, имеет в плане прямоугольную форму и вытянут с СВ на ЮЗ. Размеры дома 13.20×16.50 м, общая площадь его 208 кв. м. Восточный угол дома находится под остатками средневековой часовни. Тем не менее план дома и его размеры восстанавливаются полностью. С двух сторон дом ограничен улицами: средней поперечной и продольной. Фасадом дом обращен на продольную улицу, отделяющую его от квартала XIV.

Дом в его раскопанной части состоит из центрального двора, пяти помещений (*а*—*д*), небольшого сооружения *е* в западном углу двора и узкого входного коридора.

Вход в виде узкого коридора, размерами 4.50×2.10 м, расположен с с.-з. стороны дома и ведет во двор с продольной улицы. Входная дверь расположена почти по середине фасада, против входа в дом *II* квартала XIV по другую сторону улицы. Входной коридор был вымощен каменными плитами, частично сохранившимися как здесь, так и во дворе, около внутреннего конца коридора. Вымостка возвышается над скалой на 0.40—0.50 м. В коридоре найдены две херсонесские монеты: середины IV в. до н. э. (№ 6) и середины III—середины II в. до н. э.

Двор. Размеры его в настоящее время не поддаются точному определению из-за насыпи под средневековой часовней. По всей видимости, двор вытянут поперек дома. Длина его равна 7.40 м, вероятная ширина — 6.00 м, вероятная площадь — 44.5 кв. м, как и площадь двора дома *II*.

Во дворе найдено 17 херсонесских монет. Из них две обнаружены около входного коридора: одна — середины III в. до н. э. (№ 4) и вторая — середины II в. до н. э. (№ 10), а остальные 15 монет найдены вместе, одной стопочкой, в южном углу двора; 13 из этих последних III в. до н. э., две, плохо сохранившиеся, вероятно, того же времени.

В западном углу двора находится сооружение *е* правильной четырехугольной формы, размерами 2.70×2.30 м. Внутри, вдоль стен, сооружение углублено в скалу на 0.05—0.08 м. Толщина стен *30* и *31* равна, соответственно, 0.40 и 0.35 м. Повидимому, и здесь мы имеем поглощательную яму, характерную для домов эллинистической эпохи.

Помещение а занимает северный угол дома и находится с с.-в. стороны входного коридора. В плане оно прямоугольное, размерами 3.70×3.75 м (?). Внутри помещения, в скале, вырублен подвал, размерами 4.75×2.80 м. Глубина выруба в скале — до 1.50 м; общая глубина подвала, судя по высоте вымостки входного коридора и пола ю.-в. стороны помещения, равна приблизительно 1.80 м. В первые века нашей эры помещение было застроено, причем в его западном углу был колодец, частично повредивший подвал.

Раскопки культурного слоя в подвале дали обильный и разнообразный материал. Одних обломков амфор было собрано свыше трех тысяч (рис. 8). На основании качества глины, формы сосудов и клейм на ручках установлено происхождение их из шести

производственных центров. Подавляющее большинство их происходит из Херсонеса, затем следуют амфоры из Синопа, Родоса, Коса, Фасоса и Гераклеи. На двух херсонесских ручках имеются клейма: одно заэмблема — кадуцей; на фасосской клеймо смазано. Из многочисленных обломков кувшинов собраны крупные части сосудов (рис. 9). Много обломков лутериев, два из них полного профиля, из 10 донышек

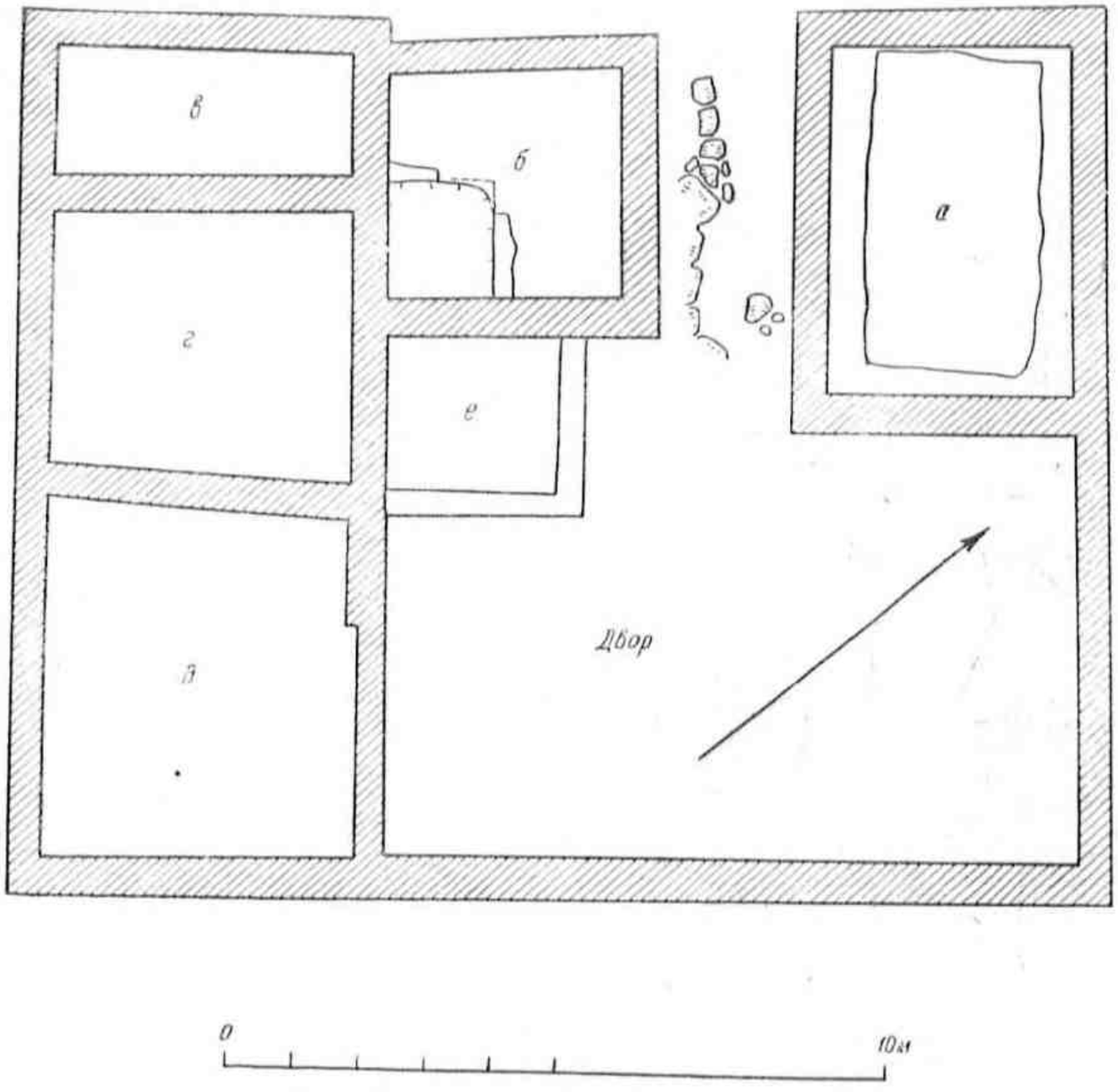


Рис. 31. Схематический план дома *III*.

терто, второе — ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝ... ΠΑΣΙΑΔΑΤΟΥ ΗΡΟΔΟΤΟΥ; на синопской — Α[ΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ] ΝΑ [ΥΠΟΝΟΣΤΟΥ] ΚΑ [ΛΛΙΣΘΕΝΟΥ] ΕΥ... (относится к группе V синопских клейм); [1] на родосской — ΕΥΚΛΕΙ ΤΟΥ, внизу

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, стр. 144—145. — Судя по наличию вертикальной палочки в начале третьей буквы, имя мастера восстанавливается либо как Εὐ[κλῆς], либо как Εὔ[νικος].

только одно на кольцевой подставке. Кухонная посуда представлена разными формами горшков и обломками сковороды. На двух крышках просверлены отверстия для пара. Обломков лепных сосудов значительно меньше. Найдены обломки пяти пифосов и двух пифосовидных крупных, но низких сосудов. Из пифосов — три синопских, два херсонесских.

Чернолаковой посуды найдено несравненно меньше, чем простой (не более 6% от количества последней); целые сосуды

собрать не удалось. Сосуды представлены рыбными блюдами, канфарами, тарелками, чашками (рис. 32). На трех донышках — граффити. Здесь же найден обломок мегарской чаши. Интересны обломки двух крупных сосудов, повидимому не бытового назначения (рис. 33). Один из них имел канфаровидную форму; диаметр по закраине около 0.29 м; высота от края до плеча 0.10 м.

Рис. 32. Черполаковые сосуды из дома *III*.

С наружной стороны закраины нанесен орнамент в виде трех врезных параллельных линий, по плечу две таких же и под ними три полоски красной краской. Сосуд заканчивается низкой кольцевой подставкой, орнаментированной по стыку с корпусом красной полоской. Ручка плоская, с продольным ребром, прикреплялась, повидимому, к краю сосуда (сверху) и к плечу его (внизу) по линии орнаментальных полос. Сосуд был разбит еще в древности и реставрирован свинцовыми скобами. Глина красная, вероятнее всего, местная. Второй сосуд также крупных размеров; толщина его стенок 1.3—1.5 см. Наружная поверхность желтого цвета, тщательно заглажена, со следами лощения в вертикальном направлении. Сосуд был богато орнаментирован полосками с «подвесками» в виде бахромы и растительной (пальмовой?) гирляндой. Орнамент нанесен красной краской. Черепок розовато-желтого цвета.

Кроме перечисленной керамики, найдены обломки четырех светильников, шесть грузил (из них три с клеймами), спиленное основание оленьего рога, втулка из рога, астрагал, обломки гвоздей и металлических изделий. Очень много обломков керамид и калиптеров херсонесского и синопского производства. На одной херсонесской керамиде клеймо — [ΑΞΤΥΝΟΜ ΑΠΟΛΛΩΝ ΠΑΞΙΑΔΑ, рядом квадратное клеймо мастера, монограмма не вышла. Здесь же были найдены четыре херсонесских монеты II в. до н. э.(№№ 12, 21, 22).

Помещение б также расположено по фасадной стороне дома, с ю.-з. стороны входного коридора. В плане оно почти квадратное, размерами 3.60×3.40. Среди находок в помещении почти нет обломков хозяйственной посуды. Зато встречено много обломков черполаковых сосудов (рис. 32), в том числе рыбных блюд, тарелок, чашек, киликов, канфаров, относящихся к позднему типу второй половины II в. до н. э. Найдены две фрагментированные солонки (одна V—IV вв., вторая III—II вв., с граффити на дне), обломки двух светильников, две терракотовые женские головки, бронзовый наконечник стрелы и три обломка краснофигурных сосудов (ручка кратера, донышко килика, носик аска) IV в. до н. э. Весь остальной керамический материал, за исключением единичных находок V—IV вв., датируется III—II вв. до н. э. Такая дата подкрепляется находкой херсонесских монет II в. до н. э. (№№ 15—16).

Помещение в находится в западном углу дома. Оно имеет прямоугольную форму; его размеры 4.50×2.00 м. Стена *28* в с.-в. половине уничтожена до скалы известкообжигательной печью раннесредневекового времени, занимавшей с.-в. половину помещения.

Помещение г прямоугольной формы, почти квадратное, но с немного косыми углами; его размеры 4.50×3.80—4.10 м.

Расположено с ю.-з. стороны дома. В помещении найдена херсонесская монета второй половины IV в. до н. э. (№ 5).

Помещение д занимает южный угол дома и является наибольшим среди раскопанных в этом доме. Оно также имеет четырехугольную форму с немного косыми углами; его размеры 4.50×5.30 м. Обращает внимание неодинаковая толщина стены *26*; в с.-з. конце на протяжении 1.50 м она равна

туэтки (табл. V, *3*), бронзовые обломки, большой пестик (?) из камня твердой породы и несколько обломков штукатурки, окрашенной в красный цвет.

Жилой дом *IV* (рис. 35). Дом вытянут вдоль X поперечной улицы в виде ряда помещений, выделяющихся в особый комплекс. При возведении этого удлиненного здания строители отделили его от жилых домов *II* и *III*. В этой особенности

Рис. 33. Обломки культовых (?) сосудов из подвала помещения дома *III*.

0.50 м, в остальной части — 0.40 м. Кладка этой стены со стороны двора состоит из тщательно отесанных камней, в отличие от остальных стен, сложенных из бутового камня (рис. 34).

Эллинистический слой в этом помещении уничтожен почти полностью позднейшими строительными работами. Найдены небольшое количество обломков чернолаковых сосудов рубежа II—I вв. до н. э., небольшая тарелочка III—II вв. до н. э. и закраина позднего краснофигурного килика. Кроме сосудов, найдена рука терракотовой ста-

дома *IV* нельзя не видеть указания на специальное его назначение. Стена *33* открыта только с внутренней стороны дома. Она идет по прямой линии вдоль X поперечной улицы. Дом *IV* состоит из семи помещений и одного двора. Выход на улицу, судя по наличным остаткам, имелся только со двора.

Двор расположен между помещениями *а* и *б* — в южном углу раскопанной половины квартала (рис. 36). Он прямоугольный в плане; его размеры 3.90×1.60 (?) м. У входа сохранился сильно стертый порог

в виде одного большого блока во всю толщину стены с прямоугольными вырубами для укрепления дверной коробки. Уровень двора ниже порога на 0.20 м. Вся площадь двора тщательно вымощена известняковыми крупными плитами, которые лежат на насыпи из щебенки. У середины ю.-в. стороны двора находится вырубленный в скале колодец, в плане четырехугольный, размерами 0.80×0.60 м. Глубина колодца от вымостки до воды 4.85 м. «Сруб» колодца сложен из больших камней, тщательно отесанных и положенных плашмя насухо. Колодцем пользовались и в последующие эпохи; первоначальная вымостка была перекрыта другой из небольших камней, порог соответственно повышен. Для верхней плиты порога был использован фрагмент дорического архитрава, перевернутый лицевой стороной вниз.

Помещение а находится в ю.-в. конце раскопанной части здания. Стены помещения разрушены до основания. Сохранился только полуподвальный вырув в скале, размерами 2.20×2.40 м.

Помещение б примыкает ко двору с с.-з. стороны. В плане оно прямоугольное, его размеры 3.90×2.70 м. Стены *32* и *33* сохранились на всю высоту фундамента.

Помещение в примыкает к помещению *б*, оно прямоугольное; его размеры 3.90×3.40 м.

Из культурного слоя в помещениях *б* и *в* извлечено значительное количество керамики и других находок. Простая хозяйственная посуда представлена обломками херсонесских амфор, лутериев, кувшинов и кухонных горшков. Значительно больше найдено обломков чернолаковых тарелок, рыбных блюд, чашек и каншаров; встречено несколько чернолаковых донышек с граффити, два обломка светильников и четыре грузила. На одном из грузил два клейма в виде сидящей женской фигуры.

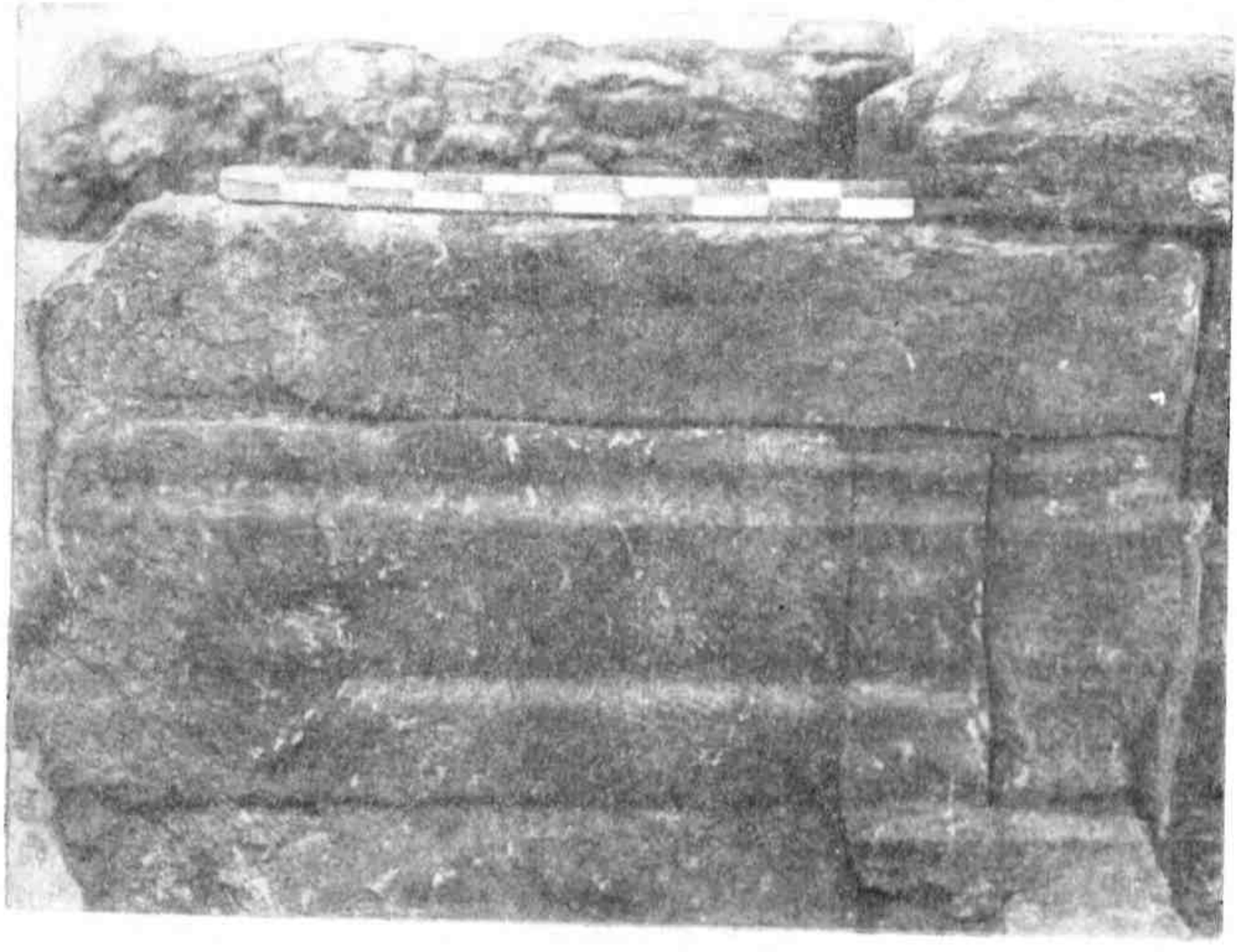


Рис. 34. Кладка стены *26* со стороны двора дома *III*.

Помещение г — почти квадратное. От

стены *32* сохранился восточный угловой камень нижнего ряда кладки фундамента, определяющий длину помещения, равную предыдущим. Стена *37* разрушена около северного угла рыбозасолочной цистерны первых веков нашей эры.

Помещение д — четырехугольное в плане, размерами 1.85×3.90 (?) м. Бóльшая половина помещения занята рыбозасолочной ванной первых веков нашей эры. Вымостка двора вокруг цистерны лежит непосредственно на фундаментах эллинистических стен.

Помещение е — прямоугольное, размерами 2.40×3.50 м (т. е. меньше предыдущих); характерно, что стена *32* пристроена впритык к стене *39*, что свидетельствует о строительстве первой из них по частям, по мере сооружения помещений дома *IV*. Восточный угол помещения перекрыт каменной вымосткой двора первых веков нашей эры.

Помещение ж — прямоугольное, размерами 3.05×2.60 м; сохранились фундаменты всех стен, а в стене *22* уцелел нижний ряд крупноблочной кладки наземной части стены.

Вся с.-з. часть дома *IV*, начиная с помещения *в*, сильно пострадала при позднейших перестройках, во время которых не только культурный слой, но частично и фундаменты эллинистических домов были уничтожены. Вследствие этого для уяснения назначения дома *IV* и его помещений могут быть использованы лишь их планировка и расположение дома в квартале. Размещение помещений вдоль улицы и отделение их от жилых комплексов позволяют предположить, что они являлись торговыми помещениями, подобно приенским. Но остается неясной цель сооружения в этом ряду помещений открытого небольшого дворика с колодцем и вымосткой.

Сопоставляя данные раскопок трех несомненно жилых домов, открытых в 1937 г., отметим общие для них характерные черты.

1. Основной отличительной чертой этих домов, независимо от их величины, является наличие центрального двора, который окружен жилыми и хозяйственными помещениями с трех или четырех сторон, в зависимости от размеров дома. Каждый двор имеет специальное подземное сооружение, примыкавшее, как правило, к его ю.-з. стороне и являвшееся, вероятнее всего, поглощательной ямой.[1]

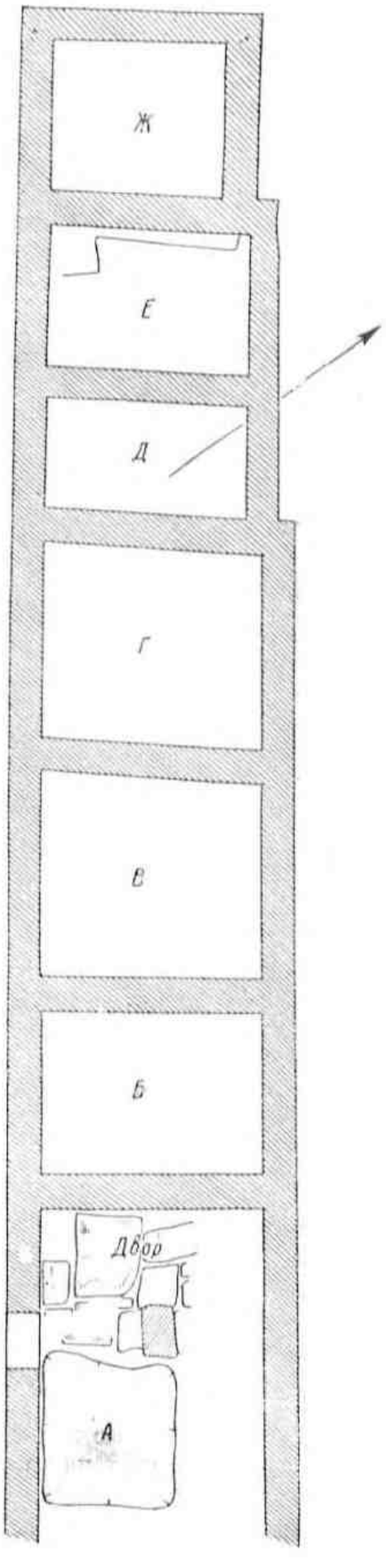


Рис. 35. Схематический план дома *IV*.

[1] С. Ф. Стржелецкий.[2] К вопросу интерпретации. . ., стр. 149 сл.

2. Дома имеют узкий (до 2.50 м ширины) вход в виде коридора, соединяющий центральный двор с улицей. Несомненно, что входные двери имелись только с уличной стороны этих коридоров, притом на линии внутренней стороны фасадных стен, на что указывают вырубы для укрепления дверной коробки в пороге дома *IV*. То же наблюдалось в домах на площади в доме *III* — помещения *в*, *г*). К этим помещениям примыкают поглощательные ямы, колодцы и цистерны, если последние имелись во дворе (в доме *I* — помещения *а*, *л*; в доме *II* — помещение *жз*; в доме *III* помещение *е*).

3. Соответственно этому жилые помещения, как правило, размещались с с.-в. и северной сторон дома, а дверьми и окнами

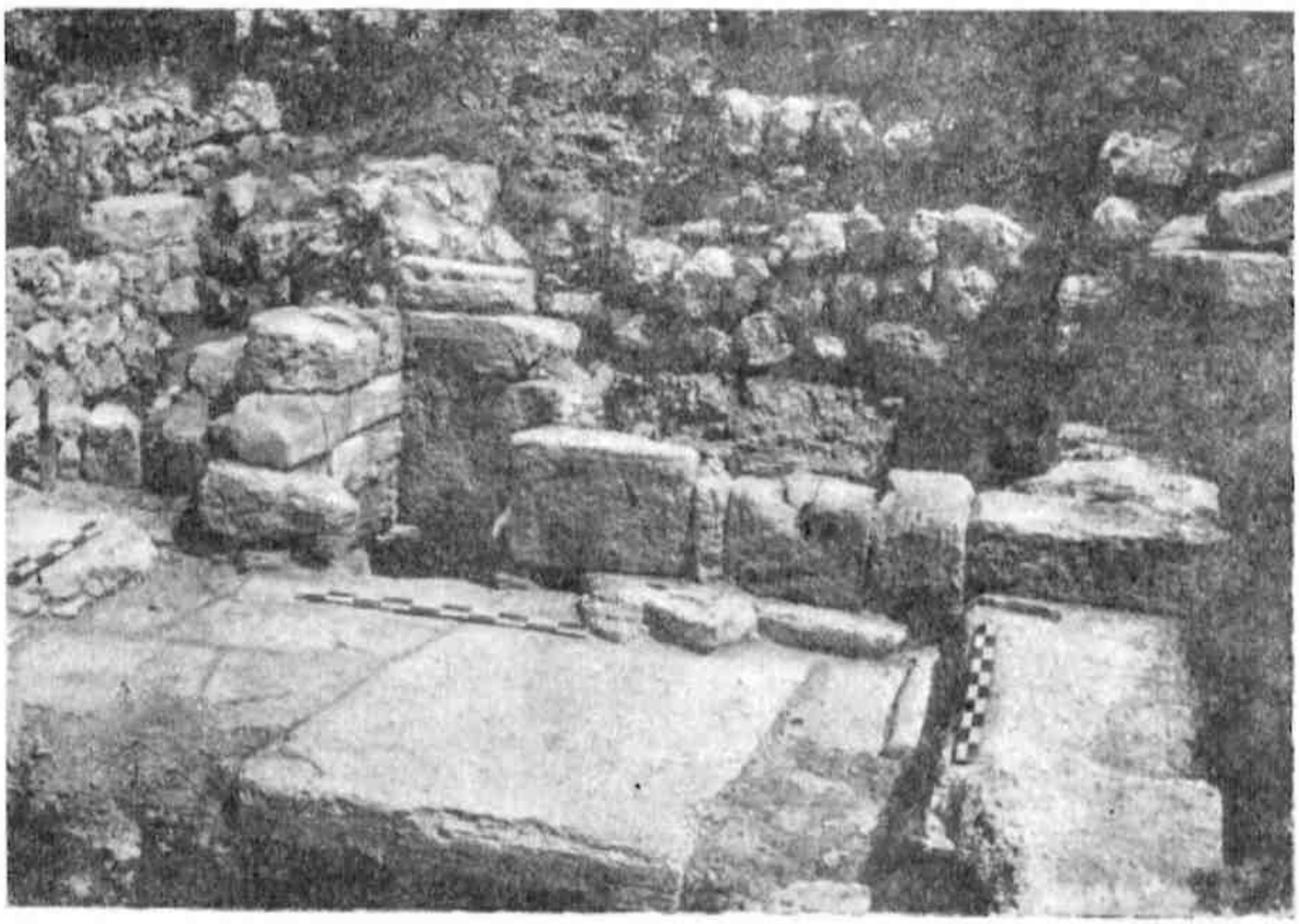


Рис. 36. Общий вид дворика дома *IV*.

кварталов XIX, XIII и XIV (раскопки 1935—1936 гг.[1]) и в доме *II* квартала в с.-в. части города.[2] Входные коридоры, вероятно, не имели перекрытий.

3. Входные коридоры соприкасаются с той или иной стороны с помещениями, имеющими подвалы или вырубы в скале.

4. Кухни и связанные с ними подсобные помещения располагаются на ю.-з. стороне дома и обращены дверьми и окнами к северу (в доме *I* — помещения *б* и *а*; в доме *II* — помещения *г*, *д*, *е* и, возможно, *жс*; были обращены на юг — к теплу и свету. Особенно хорошо это видно на примере дома *I*, у которого собственно жилая часть была двухэтажной, располагаясь в виде буквы *Г* вдоль с.-з. и с.-в. сторон дома, что создавало надежное прикрытие этих помещений и всего дома от холодных северных ветров и способствовало наилучшему их освещению, в особенности второго этажа (простада, помещение *ж*, спальные помещения *и*, *к*, помещения *г*, *д*, *е*). Такое распределение жилых и служебных помещений в домах свидетельствует об учете строителями топографических и климатических условий. То же наблюдается и в домах

[1] С. Ф. Стржелецкий. К вопросу интерпретации. . ., стр. 149 сл.

[2] Хсб, вып. III, 1930, стр. 49 сл.

квартала XIV, раскопанных в 1936 г., и во II квартале с.-в. района Херсонеса.

6. Для всех раскопанных домов характерно отсутствие перистилей во дворах.[1]

В результате проведенного исследования вскрывается определенная система планировки жилого дома в Херсонесе эллинистического времени, свидетельствующая о высоком развитии домостроительства. Разумеется, нельзя утверждать, что эта планировка была здесь единственно применявшейся; отметим лишь, что она нашла подтверждение при раскопках в 1949 и 1951 гг.

Вновь открытые дома Херсонеса находят ближайшую аналогию в домах III в. до н. э., раскопанных в Приене. Эта датировка подкрепляется археологическим материалом из слоев, которые подстилают, сопутствуют и перекрывают открытые дома.

Дома построены на месте некрополя, который после этого, несомненно, перестал функционировать. Наиболее поздние погребения этого некрополя относятся к рубежу IV—III и началу III в. до н. э.[2] Материал из культурного слоя, одновременного строительным остаткам домов, датируется III—II вв. до н. э. Особенно отчетливо это показывают непотревоженные комплексы из подвальных помещений домов *II* (помещение *б*) и *III* (помещение *а*). К тем же выводам приводят находки из домов, раскопанных в 1936 г.[1] Весьма важен этот материал для определения времени гибели домов. Вся совокупность данных — формы и типы сосудов, клейма на амфорных ручках, монеты — позволяет утверждать, что эти дома существовали до самого конца II в. до н. э.

В 1937 г. впервые удалось выявить слой, перекрывающий развалины этих домов.

Характерно, что монеты, найденные в помещениях домов, датируются временем от III до II—I вв. до н. э. Только одна монета (из дома *II*) относится к середине IV в. до н. э. (№ 2), но она могла быть в обращении еще и в III в. Таким образом, период существования раскопанных домов падает на III и II вв. до н. э. Сооружение их относится ко времени не раньше начала III в. до н. э., а гибель и разрушение — к концу II—рубежу II—I вв. до н. э.

Наконец необходимо отметить и черты отличий раскопанных домов, в которых отчетливо сказывается имущественная дифференциация населения эллинистического Херсонеса.

Дома *II* и *III* принадлежали рядовым гражданам города; они одинаковы по площади и количеству помещений и несомненно являлись одноэтажными. Отсутствие перистилей и портиков свидетельствует, что внешнее архитектурное оформление дворов было скромным. Археологический бытовой материал (посуда) находит себе ближайшую аналогию в погребальном инвентаре эллинистического некрополя рядового населения Пантикапея (раскопки на Глинище). Такое заключение, сделанное на основании материала из двух домов, раскопанных в 1937 г., подкрепляется данными раскопок кварталов XIII и XIV и квартала XIX (раскопки 1935 и 1951 гг.), где открыты совершенно идентичные дома. Можно думать, что большинство херсонесских жилых домов эллинистической эпохи соответствовали именно этому типу.

Дом *I* несомненно принадлежал состоятельному херсонеситу. Площадь дома в три раза больше площади домов *II* и *III*, а также домов в кварталах XIX, XIII и XIV. Центральный двор имел портик, причем не исключено, что простада была двухъярусной, подобно реконструированной Б. В. Фармаковским для ольвийского дома

---

[1] Лишь в доме *I* имелась простада, ближайшую аналогию которой находим в Ольвии и Приене. Необходимо отметить, что наличие или отсутствие перистиля во дворе греческих домов еще не является достаточным основанием для их датировки. Перистили в домах Приены обычно во II в. до н. э., так же как и в домах этого времени на Делосе, в Пританее, в Ольвии. Зато раскопки Олинфа установили наличие перистильных дворов еще в классическое время (см.: В. Д. Блаватский. Искусство северного Причерноморья античной эпохи. М., 1948, стр. 75 сл.; Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах. ИАК, вып. 13; он же. Раскопки в Ольвии в 1909—1910 гг. ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 48—76; «Ольвия», т. I, Киев, 1940; BCH, vol. XIX, 1895 и vol. XXIX, 1905; Wiegand-Schräder. Priene, Berlin, 1904; D. Robinson. Excavations at Olynthus, p. III, 1930).

Вероятнее всего, возведение перистиля и простады связано с определенной состоятельностью владельца дома.

[2] С. Ф. Стржелецкий. К вопросу интерпретации. . ., стр. 147; он же. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Хсб, вып. IV, 1948, стр. 69 сл. — Из находок 1937 г. отметим амфору детского погребения 11, открытого под входным коридором дома *II*.

---

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 200—218.

раскопок 1902—1903 гг.[1] То же, вероятно, имело место и в херсонесском доме *I*, так как двухэтажность крыла его, судя по толщине его стен, несомненна. Дом, наполовину двухэтажный, имел большое количество помещений. В первом этаже таких помещений было не менее десяти и во втором, повидимому, шесть. Размеры помещений больше, чем в рядовых домах. Кроме этого, дом *I* имеет специально выделенный черный дворик с колодцем и хозяйственной кладовой (*a*, *a*1), экседру и упомянутую выше простаду. Количество помещений и прежде всего наличие второго этажа, расположенного как раз над жилыми помещениями, позволяют думать, что женская половина дома находилась во втором этаже, как это и отмечается в античных источниках.

Описанный богатый дом в Херсонесе не единичен. В с.-в. районе города открыт другой крупный дом, занимающий всю площадь II квартала, принадлежавший, повидимому, еще более состоятельному гражданину.[2]

Подобные же различия домов Херсонеса, отражающие социальную дифференциацию города, характерны и для других античных городов, как это показали раскопки в Ольвии,[3] Приене,[4] Делосе [5] и Олинфе,[6] а также свидетельства древних авторов (Витрувия, Плавта, Апулея и др.).

Раскопки береговой улицы на участке раскопок 1936 г.

Кроме основных раскопок, в 1937 г. доследовался небольшой участок береговой улицы с с.-з. стороны эллинистического квартала XIV (раскопки 1936 г.). Насыпь в этом месте достигала в толщину 1.00 м и состояла из глинистой земли желтого цвета со щебенкой. В насыпи, снятой до скалы, найдено большое количество керамики и других предметов. Амфоры принадлежат различным центрам: главным образом Херсонесу, затем идут синопские, родосские, фасосские, гераклейские. Найдено 17 ручек с клеймами. Из них херсонесских — 11: ΗΡΟΞ|ΕΝΟΥ| ΑΣΤΥΝ|ΟΜΟΥ|; ΚΡΑΤΩΝ ΑΣΤΥΝΟ; ΦΙΛΙ[ΠΠΟΥ] ΑΣΤ |ΥΝΟΜΟΥ|; |ΗΡΑ| ΚΛΕ[ΙΟΥ ΑΣ] ΤΥΝ |ΟΜΟΥ|; |ΗΡΑΚ| ΛΕΙΟΥ |ΑΣΤΥ| ΝΟΜΟΥ; ΑΛΕΞΑΝ[ΔΡΟΥ|ΑΣΤΥ ΝΟΜΟΥ, остальные клейма не читаются. Синопских — 4: |ΜΙ|ΚΡΙΟΥΑΣΤΥΝΟ ΜΟΥΝΤΟΣ ΣΙΜΑΛΙΩΝ, эмблема — конь влево (III группа); |ΓΥ|ΡΙΤΤΟ|Α|ΣΤΥΝΟ ΚΑΛΛΙΣΘΣ, эмблема неясная (II группа); ΑΣΤΥΝΟΜ-ΟΥΝΤΟΣ|ΖΗ| ΝΙΟΣΤΟΥ[Α]ΠΟΛΛΟΔΩ-ΡΟΥ ΚΛΕΑΙΝΕΤΟΣ, эмблема — трофей (IV группа); . . .|. . . ΟΜΟΥ. . . ΤΟΣ |ΑΡΙ|ΣΤΟΜΕΝΟΣ, эмблема — змея влево (IV группа).[1] Фасосских — 1: |ΘΑΣΙ|ΟΝ, посредине эмблема сколота, внизу . . . ΟΣ. Родосских — 1: вверху смазанное имя, посредине неясная эмблема, внизу ΝΑΥ . . Ω (?). Имеется горло гераклейской амфоры с энглифическим клеймом — кратер и на нем в две строки надпись: первая строка ΕΥΤ (?), вторая не читается. Кувшины и лутерии представлены различными типами. Некоторые кувшины были орнаментированы полосками, нанесенными краской. Обычно поверхность сосудов покрыта светлой облицовкой. Среди лутериев встречены сосуды синопского происхождения. Обнаружено много обломков кухонных горшков и крышек от них. Найденная лепная посуда очень грубая, лощение ее небрежное. Очень велико количество обломков черполаковой посуды разнообразных форм, датируемой IV—II вв. до н. э. (рис. 37): рыбных блюд, тарелок, чашек с немного отогнутыми наружу бортиками, чашек с загнутыми внутрь краями, «солонок», киликов, кантаров. Кроме этих массовых форм черполаковых сосудов, встречались обломки эпохой, пелики, лагиноса, аска, лекифов, пиксиды. Донышки сосудов открытого типа часто имеют штампованный орнамент и насечки по кругу. Стенки некоторых сосудов украшены накладным орнаментом розовой глины. Вся эта керамика в основном датируется III и II вв. до н. э. Наиболее поздние из них относятся к концу II и рубежу II—I вв. до н. э., наиболее ранние — к наскальному слою некрополя конца V в.

[1] ИАК, вып. 13, стр. 66—67.
[2] Хеб, вып. III, 1930, стр. 49 сл.
[3] ИАК, вып. 13; ОАК за 1909—1910 гг.; «Ольвия», 1940.
[4] Wiegand-Schrädler. Priene. 1904.
[5] BCH, vol. XIX, 1895 и vol. XXIX, 1905.
[6] G. Robinson. Excavations at Olynthus, p. III.

[1] Классификация клейм приводится по Б. Н. Гракову.

и рубежу IV—III вв. до н. э. Здесь же найдено несколько обломков краснофигурных сосудов (табл. IV, *3*) и трех сосудов ионийского типа. 22 обломка черлолаковых сосудов имеют граффити в виде отдельных букв или монограмм (рис. 38). Кроме того, найдены обломки 12 светильников, 24 пирамидальных грузила, глиняное пряслице, круглая крышка, сделанная из черепицы, обломки

Они вместе с домами, открытыми в Ольвии, очень важны для истории культуры северного Причерноморья и всего античного мира. Выявлены определенная система планировки домов, наличие богатых и рядовых домов, отсутствие разделения их на мужскую и женскую половины, отсутствие перистилей в их дворах. Дома существовали в течение III—II вв. до н. э.

Рис. 37. Черлолаковые сосуды, найденные на береговой улице.

терракотовой формы, фрагмент каменной чаши, известняковый диск с отверстием и две монеты херсонесского чекана второй половины IV в. до н. э. (№№ 3 и 7).

Результаты раскопок эллинистического слоя на северном берегу Херсонеса на площади кварталов XV и XVI имеют значение как для истории Херсонеса, так и для истории античной культуры северного Причерноморья в целом по следующим основаниям:

1. Раскопанные жилые дома эллинистического времени свидетельствуют о высоком развитии домостроительства в Херсонесе.

2. Раскопанные улицы и кварталы позволили выяснить планировку северного района эллинистического Херсонеса, что в свою очередь помогло понять результаты раскопок предшествующих лет. Выявлена ширина городских кварталов, а предположительно и их длина, благодаря чему окончательно решается вопрос о гипподамовской системе планировки города. Длина кварталов равна их двойной ширине. Вследствие этого улицы представляют строгую систему из часто расположенных поперечных — второстепенных городских улиц и редких продольных — главных магистралей города,

которых, повидимому, было не больше десяти.

3. Открытые памятники свидетельствуют о значительном расширении площади города в начале III в. до н. э., когда был застроен древнейший некрополь Херсонеса.

4. Расширение города вместе с другими фактами — строительством новой линии городских оборонительных стен, размежеванием виноградников на Гераклейском полуострове, принятием присяги — указывает на большие исторические события, протекавшие на рубеже IV—III и в начале III в. до н. э. в жизни города и окружающего коренного населения. Указанные факты свидетельствуют об экономическом и политическом расцвете херсонесского государства в то время.

5. В конце II и на рубеже II—I вв. до н. э. здания были разрушены. Судя по данным раскопок в других районах городища, эти разрушения были повсеместны. Хронологически они совпадают с временем упорной борьбы Херсонеса со скифским государством, с временем осады Херсонеса Палаком. Если это совпадение не случайное, оно говорит о значительной военной мощи скифского государства, сокрушившего первоклассную крепость Таврики.

6. Открытый раскопками 1936 и 1937 гг. значительный участок эллинистического города с улицами, кварталами и городской площадью с общественным жертвенником-алтарем дает возможность составить более конкретное представление о городском ансамбле Херсонеса с его культовыми памятниками.

7. Найденные обломки таврских сосудов VII—V вв. до н. э. дают дополнительный материал, подтверждающий существование таврского поселения до основания Херсонеса.

Из рассмотрения культурного слоя, заполнявшего помещения эллинистических домов, видно, что насыпь в них была неоднородной.

Ее содержание и мощность зависели от назначения помещений и даже в одном и том же помещении колебались в связи с последующими земляными и строительными работами. В прямой от них зависимости, как мы видели, находилась также та или иная сохранность погребений.

Насыпь под дворами и улицами является самым ранним слоем (пятым, считая сверху). Она особенно хорошо представлена в кварталах XIII и XIV, под площадями, улицами и дворами (в ней находились многие погребения некрополя). Характерными для этого слоя находками являются обломки ионийской керамики и краснофигурной посуды V—IV вв., обломки ранних амфор (типа найденных в детских погребениях), обломки лепной посуды, каменные орудия и др. Иной состав имела насыпь в жилых помещениях, в которых она состояла из чистой глинистой земли желтоватого цвета и была сравнительно густо насыщена культурными остатками. Насыпь четвертого слоя сохранилась не во всех помещениях. Лучше всего этот слой представлен в подвалах, цистернах и колодцах, если они оказывались засыпанными одновременно с гибелью дома и не были использованы в более позднее время. Таким исключением являются подвал в доме *I* и колодцы в домах *I* и *IV*, которыми продолжали пользоваться и в последующие периоды.

При раскопке эллинистических зданий найдены следующие наиболее характерные материалы. Ионийская керамика, представленная обломками чашек и мисок. Обломки амфор, среди которых количественно преобладали херсонесские (имеются ручки с клеймами).[1] На втором месте стоят синопские с астиномными клеймами на ручках,[2] далее идут родосские[3] и фасосские. В небольшом количестве найдены в обломках массивные блюда и лутерия с носиками, кувшины с кольцевой подставкой и с одной ручкой, покрытые желтоватой обмазкой, а некоторые с орнаментом в виде поясков красного цвета (рис. 39, *б*). Кухонная посуда представлена горшками и сковородками с законченной поверхностью.

Встречены обломки краснофигурной посуды с различными изображениями, например задней части лошади вправо, мужской фигуры влево, а также с орнаментами в виде пальметок, меандра, овов (на крышке никсиды) и др. Роспись на большей части обломков обобщенная, позднего беглого стиля (рис. 39, *а*).

---

[1] И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с клеймами астиномов. ИГУАК, вып. 48, №№ 39, 42а, 87 и др.

[2] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм, стр. 66, №№ 83—89. (Но в третьей строке имя Митридата).

[3] Там же, стр. 28, № 669.

Из большого количества обломков черно-лаковой керамики лишь немногие отличаются блестящим густым лаком и могут быть отнесены по форме и по технике к IV в. до н. э. Среди них имеется донышко чашки с граффито — именем Аполлодора (пропущена одна буква Λ) — и рисунком (рис. 40, *а*). Бóльшая же часть обломков, судя по качеству лака и форме сосудов, относится к эллинистическому времени — III—II вв. до н. э. Следует отметить, что граффити ΜΙΔΩΡΟΣ. т. е. Ἀρτεμίδωρος Διοσκορίδα. ΔΙΟΣΚΟΡΙΔΑ. На оборотной стороне оттиснуто рельефное изображение дельфина вправо. По форме букв надпись относится к III—II вв. до н. э.

Перечисленный материал, за немногими исключениями, принадлежит эллинистическому периоду, т. е. концу IV—II вв. до н. э. Эта дата подтверждается и раскопками предыдущих лет. Таким образом период существования открытых в отчетном году зданий

Рис. 38. Граффити на сосудах.

встречаются на очень многих донышках тарелок и чашек (рис. 38, *18—45*).

К тому же периоду относится большое количество посуды, украшенной накладным орнаментом в виде гирлянд, поясков из белых точек и изображениями дельфинов и др., часто в сочетании с процарапанным узором (рис. 39, *а*).

Кроме того, найдены кремневые нуклеусы и отжимник, мраморный пестик в виде пальца, бронзовый наконечник стрелы, глиняные грузила пирамидальной формы с клеймами и др. Заслуживает внимания бронзовая пластинка (рис. 53), длиной 7.5 см, шириной 1.8 см, с надписью в две строки; высота букв 0.5—0.6 см. Надпись исполнена наколом (пунктиром): ΑΡΤΕ-

ограничен временем с конца IV—по II вв. до н. э.

3. РИМСКИЙ ПЕРИОД

(I—IV вв. н. э.)

Помещение, ограниченное стенами 1 и 2 (табл. I).[1] В отчетном году открыта ю.-в. часть большого здания $A_1B_1B_1\Gamma_1$, раскопанного в 1936 г.[2]

Под помещением *1* находятся стены *1* и *2*, из которых стена *1* покрыта с.-в. стеной

[1] Сложность строительных остатков римского времени и невозможность их выделить на отдельном плане заставили нас обозначить их номерами стен.

[2] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., план.

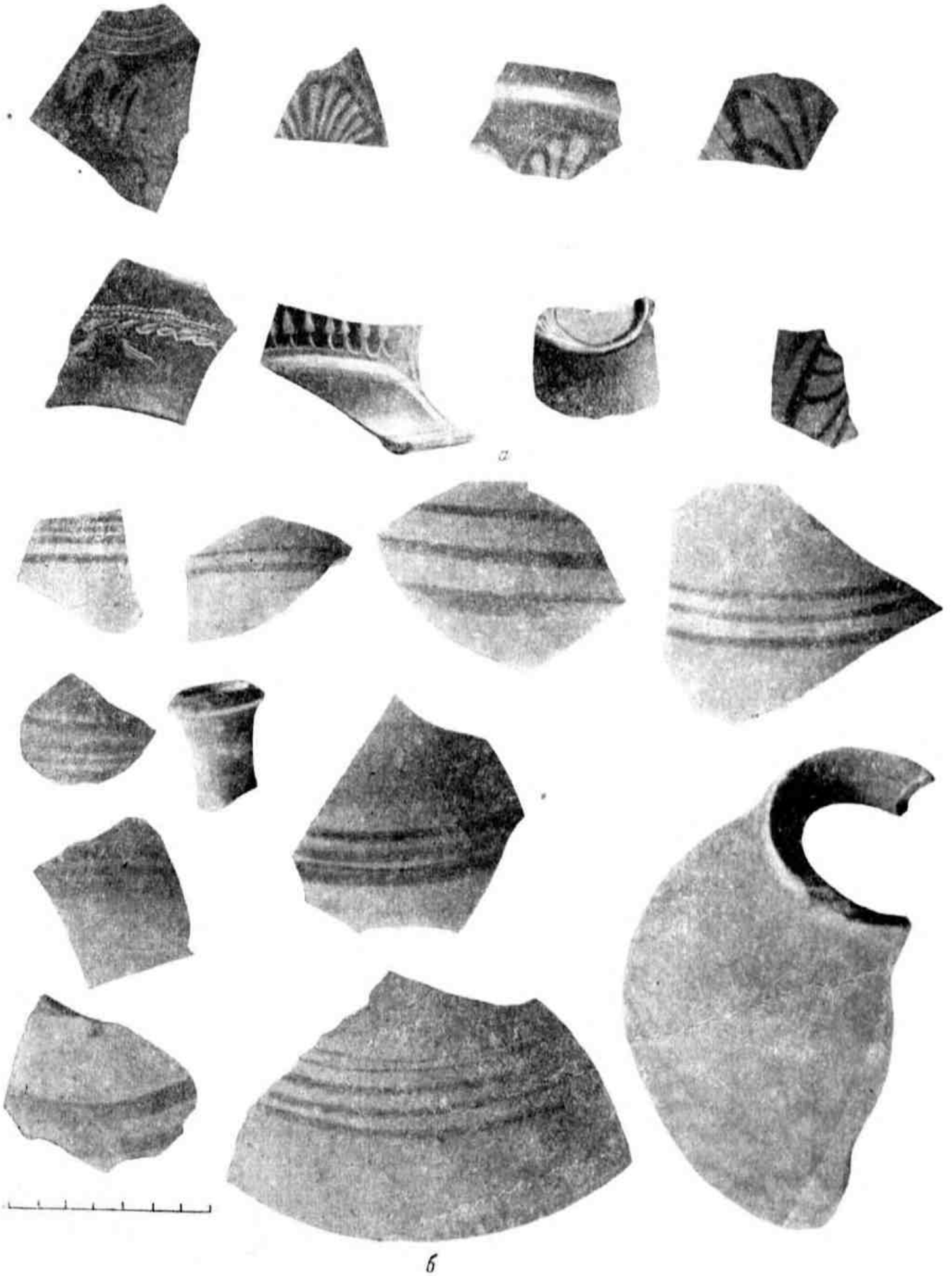


Рис. 39. Обломки керамики.

а — краснофигурная посуда; *б* — кувшины с красными поясками.

позднесредневекового помещения *1*, причем верхняя стена свешивается над нижней на 0.20 м; стена *2* находится почти под серединой помещения *1*. Обе стены, *1* и *2*, стоят на скале. Сохранившаяся их высота около 2 м, толщина 1 м; кладка выполнена из довольно крупных камней на растворе из грязи. В стене *1*, в северном углу, находится пилон; в стене *2* пилон стоит с с.-з. стороны стены; его размеры 0.75×0.60 м. Пилон сохранился от скалы до верха стены; он построен в связи со стеной. Ряд особенностей этих стен, именно — монументальность, наличие пилонов и то, что они стоят на скале, указывает на сходство и на одновременное существование описываемых стен и стен римского здания, открытого в 1936 г. Но есть и отличие между ними: стены римского здания построены на прочном известковом растворе, стены же *1* и *2* сложены, как упомянуто, на растворе из грязи. Это обстоятельство может указывать на то, что помещение со стенами *1* и *2* могло быть дополнительной пристройкой, не столь ответственной по своему назначению, как основное здание. Кроме того, последнее, как отмечено,[1] имеет вполне законченный план.

Насыпь в помещении достигала в толщину 2 м; на высоте 0.80—1 м от скалы находился пол римского здания, состоявший из нескольких золистых прослоек темного цвета. Уровень пола начинался выше выступа фундамента стен здания на 0.10—0.20 м. Выше пола лежала темносерая твердая земля.

В насыпи описываемого помещения находилось огромное количество обломков посуды, какого не наблюдалось ни в одном из других помещений римского периода. Амфоры большей частью имели коническую ножку с острым концом, горло длинное и узкое или короткое и широкое, ручки желобчатые, рубчатые; глина желтая. Обнаружена ручка красноватой плотной глины с мелкими известняковыми крупинками и клеймом в виде палицы Геракла; ручку можно считать херсонесской. На дне одной амфоры сохранились остатки краски. Найдено горло большой амфоры из красной глины с толстыми стенками и массивными, круглыми в сечении, ручками с продольными мелкими желобками.

Кухонная посуда найдена в большом количестве. Сюда относятся горшки с короткими плоскими желобчатыми ручками; поверхность горшков иногда украшена рифлением. Встречаются горшки из грубой черной глины с массой известняковых крупинок, ленной работы; некоторые из них имеют лощеную поверхность. По количеству на первом месте стоят сковородки, имеющие плоское дно и вертикальный или слегка наклонный наружу бортик. При небольшой высоте (от 3.5 до 5 см) диаметр их достигает больших размеров (21, 37, 41, 57 и даже 70 см). Встречаются сосуды такой же формы с более высоким бортиком (до 7 см), которые скорее можно назвать мисками. Глина сосудов, изготовленных на гончарном круге, красная, более чистая и выше по качеству. На бортике одной широкой миски сверху имеется орнамент в виде вдавленных пальцем углублений; на ее стенке сохранилась свинцовая скрепка. Поверхность кухонных сосудов сильно закопчена и обгорела.

В огромном же количестве найдены фрагменты краснолаковой керамики, а именно: небольшие конические чашки, данная форма преобладала; широкие чашки с низким бортиком; небольшие тарелки; обломки светильников: носики с волютами, один из которых принадлежал светильнику больших размеров; светильник, украшенный по краю виноградной лозой и листьями, середина его щитка представляла решетку; светильник тонкостенный, покрытый густым красным лаком, отличающийся хорошей работой. На щитке третьего светильника изображена маска Медузы. На нескольких донышках тарелок имеются клейма в виде ступни; края овальных тарелок украшены рельефным растительным орнаментом.

Большой интерес представляют фрагмент фигурного сосуда с изображением женского лица, исполненного горельефом и покрытого густым красным лаком (рис. 40, *б*), и донышко краснолаковой чашки или тарелки с рельефным изображением фигуры, повидимому, силена (рис. 40, *в*). Силен идет влево, левая рука его поднята и согнута в локте, на правом плече он несет, очевидно, виноградную лозу. Рельеф сильно стерт, донышко местами выщерблено, этим затрудняется более точное определение изображения. По краям видны две звездочки и орнамент в виде

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 250.

рельефных полосок. На обратной стороне дна нацарапаны граффити (рис. 38, *46* и рис. 40, *г*). Донышко по краю аккуратно оббито и выровнено и в таком виде, повидимому, служило игрушкой. Отметим также глиняный фрагмент от большого светильника с изображением головы лошади.

кисть правой руки; два глиняных грузила пирамидальной формы; кости коров, овец, свиней, кабаньи клыки; наконец, несколько монет плохой сохранности.

На скале, с ю.-в. стороны стены *2*, найдены чернолаковые черепки и монета митридатовской эпохи (плохой сохранности,

Рис. 40.

а — чернолаковое дно с граффити; *б* — рельефное изображение женского лица; *в*, *г* — дно чашки с рельефным изображением на одной стороне и граффити на другой.

Черепицы встречались как плоские — солены, так и полукруглые — калиптеры. В большом количестве лежали в насыпи обломки стеклянной посуды: чашек, бокалов и бальзамариев. Найдены три железных и несколько медных гвоздей; обломок медного браслета со змеиной головкой; медный ключ с решетчатой бородкой; костяные игла и стиль, на конце которого изображена

№ 24) — остаток слоя эллинистического времени.

Подвальное помещение. Под средневековым помещением *2* обнаружено подвальное помещение, вырубленное в скале и восходящее к эллинистическому периоду (табл. II, *д*). Глубина подвала от поверхности земли и стен помещения *2* достигает 4.75 м. В подвале имеются два пилястра —

выступы в скале, оставленные при вырубке помещения. Один из них находится в ю.-в. стороне, на высоте 0.60 м от дна; его размеры 0.60×0.70×0.60 м. Другой пилястр находится в западном углу (рис. 41); его высота 0.35 м, длина 0.70 м, ширина 0.60 м.

В помещении оказались большие известняковые плиты с отверстиями посредине (рис. 41). Плиты разбросаны в беспорядке: некоторые на скале, другие на насыпи толщиной 0.20—0.30 м; одни лежали плашмя, иные стояли ребром на узкой стороне или на углу. Плиты имеют прямоугольную форму и следующие размеры: 70×52×22 см; 60×55×30 см; 70×60×38 см; 70×65×36 см; диаметр отверстий около 0.20 м, лишь в одной плите он равен 0.25 м. На одной из плит на краях имеются выемки с обеих сторон, шириной 10—13 см. Всего обнаружено семь плит. На их широкой поверхности заметны остатки цемента красного цвета (смесь извести, песка и толченой керамики, последняя в большом количестве); таким же цементом покрыты стенки отверстий внутри. Повидимому, плиты соединялись друг с другом при помощи цемента: две из них стоят вплотную одна к другой, прочно скрепленные раствором.

К ю.-в. пилястру прислонилась плита, на высоте 0.50 м от дна; один конец ее отбит, сохранившаяся ее ширина 0.96 м, длина 1.20 м, толщина 0.24 м. В плите с одной стороны сделана выемка глубиной 0.16 м, шириной 0.55 м.

По положению плит, лежавших в разных местах на неодинаковом уровне, можно думать, что они находились выше и упали вниз в момент разрушения здания. Об их назначении можно высказать лишь предположение, что широкая плита с выемкой могла быть тарапаном, а плиты с отверстиями служили прессами для выжимки винограда.[1] Между плитами внизу обнаружен кусок кирпичной стенки, длиной 0.37 м, шириной 0.15 м, высотой 0.21 м; узкие длинные кирпичи сложены на таком же растворе, каким были скреплены плиты. Эта кирпичная стенка могла находиться на той же рабочей площадке, на которой стояли прессы и тарапан.

Несомненно одно, что эти плиты и все помещение в целом имели производственное назначение. Наличие пилястров и близкое соседство помещения с большим зданием римского времени (в котором пилястры являются характерной конструктивной особенностью) могут указывать на принадлежность помещения и этого здания одному комплексу.

В помещении найден нижний правый угол мраморной плиты, размерами 20×11×4.5 см, с остатками греческой надписи,

Рис. 41. Плиты с отверстиями, лежавшие в подвале.

сохранившейся внизу и справа; в остальной части надпись стерта при повторном использовании плиты.

Насыпь в подвальном помещении представляла собой глинистую плотную землю темносерого цвета; насыпь между плитами была рыхлой. Толщина всей насыпи третьего слоя, до верхнего пола раннесредневекового помещения, достигала 2 м.

В насыпи найдено большое количество обломков посуды, аналогичной по материалу, технике и форме посуде из сосед-

[1] Ср.: J. Durm. Handbuch der Architektur, Bd. I, Th. II, Leipzig, 1910, S. 508, Fig. 568. (Изображены прессы для выжимки масла).

него помещения. На горле амфоры красной краской нанесены две буквы (рис. 38, *4*). Кроме того, найдены: щиток бронзового перстня и перстень из бронзовой проволоки; костяной стиль; фрагмент мраморной плитки, высотой 8.7 см, шириной 7 см, толщиной 1.5 см, с прочерченным изображением передней части лошади влево (рис. 42, *а*); на другой стороне той же плитки — рельефное изображение лошади или мула вправо; сохранилась передняя часть и руки всадника (рис. 42, *б*); бронзовая фигурка, высотой 4.5 см, в высоком головном уборе, на плоской подставке, с какими-то предметами в руках (рис. 53); монета середины III в. (№ 32).

Помещение, ограниченное стенами 3 и 4. Помещение расположено к ЮВ от подвального помещения; находится оно частью под средневековым помещением *2* и частично под помещением *3*. Повидимому, оно входило в тот же хозяйственный комплекс, что и соседнее подвальное помещение. Находки, сделанные в глинистой желтоватой земле, были аналогичны вышеописанным: обломки амфор, кухонной посуды, краснолаковой керамики, обломки массивных черепиц — солен, обломки пифосов, один со свинцовыми скрепками. Найдены бронзовые фибулы в виде дуги с иглой, наконечник стрелы и гвозди; куски красной краски; бронзовая херсонесская монета середины II—середины III в. н. э. (№ 36).

Кладовая с девятью пифосами. Под средневековым помещением *8* находится кладовая с девятью пифосами. Из них четыре пифоса, составляющие с.-з. ряд, перекрыты сверху средневековой стеной и стоят на три четверти в насыпи. Остальные пять открыты целиком, но сохранились они хуже (рис. 43), так как над пифосами, стоящими в ю.-в. ряду, в средние века проходила стена, при постройке которой пифосы были разбиты. Пифосы стоят в два ряда: в с.-з. — 4, в ю.-в. — 3, между которыми в каждом узком конце стоит один пифос. Между пифосами ю.-в. стороны находился проход во внутреннее пространство кладовой. Пифосы стояли на насыпи, покрывавшей эллинистическое помещение *в*.

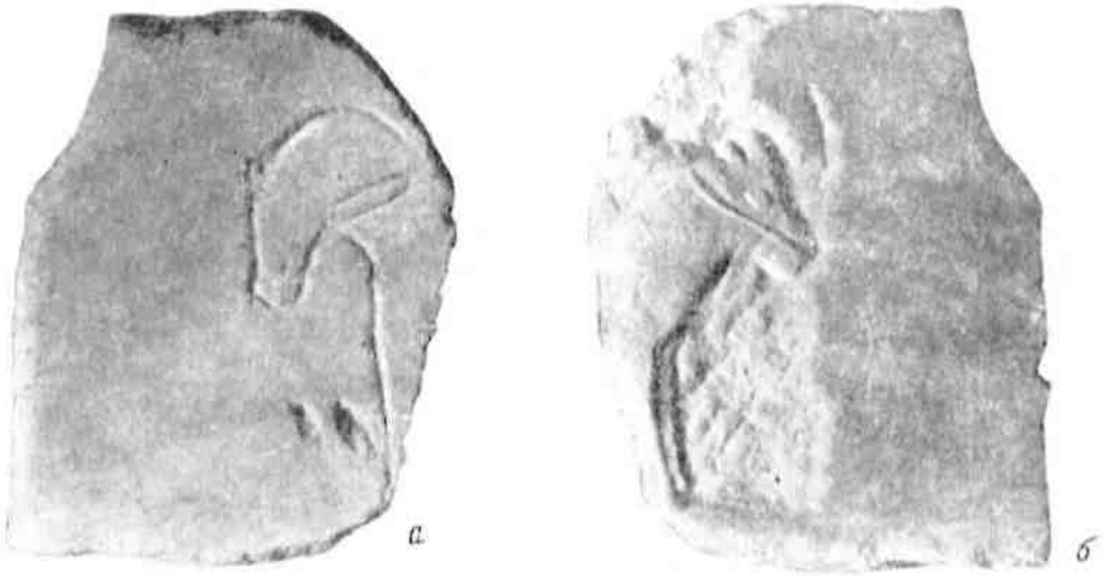


Рис. 42. Мраморная плитка с рельефным изображением лошади на обеих сторонах.

Пифосы одинаковы по форме, величине, технике изготовления и материалу. Форма их яйцевидная, удлиненная; дно плоское и широкое, без ножки; венчик широкий и массивный. Корпус украшен рельефными горизонтальными ребрами, расположенными с интервалами в 0.19—0.25 м. Глина пифосов красная, с мелкими известняковыми крупинками, повидимому местная, похожа на глину херсонесских амфор. Дно одного пифоса скреплено в нескольких местах свинцовыми скобами. Во всех пифосах находились остатки рыбы.

Помещение, ограниченное стенами 5 и 6, с колодцем К. От этого помещения сохранились с.-в. стена (*6*) и ю.-в. стена (*5*).

Стены прочно сложены на глине, стоят на скале; толщина их 0.80 м. Помещение было смежным с кладовой.

В скале вырублены круглые углубления, в части которых сохранились остатки пифосов (см. табл. II; под помещением *10*). В восточном углу находится большая яма, диаметром 1.60 м, глубиной 1 м. Рядом с ней — другая яма, диаметром 0.85 м, глубиной 0.60 м. На расстоянии 2.90 м от стены *6* и 3.80 м от стены *5* находится колодец *К*, сооруженный в эллинистический период, но продолжавший функционировать и в последующее время.

С ю.-в. стороны помещения находится цистерна *В*, с ю.-з. — цистерна *Б*, обе прямоугольной формы, оштукатурены цементом красного цвета. Третья такая же цистерна — *А* — находится под помещением *7*. Вполне возможно, что эти цистерны, подвальное помещение, кладовая с девятью пифосами, колодец *К* и помещение со стенами *5* и *6* с пифосами принадлежали одному хозяйственному комплексу крупных размеров.[1]

Цистерны служили для засола рыбы, остатки которой, как сказано, сохранились на дне цистерны *Б*. В пифосах хранили соленую рыбу; всего здесь насчитывается до 15—20 пифосов.

Цистерна А. Размеры цистерны вверху 2.50×2.30 м, глубина 4.50 м. Внизу размеры ее меньше. Цистерна находится под помещением (рис. 44); на ее с.-в. стенке стоит стена помещения *2* (над цистерной

Рис. 43. Кладовая с девятью пифосами с остатками рыбы.

возле стены находилась лестница помещения XIII—XIV вв.). Стены цистерны, толщиной 0.40 м, сложены на цементе красного цвета (смесь извести, песка и толченой керамики) и тщательно оштукатурены тем же раствором; в нижней части штукатурка хорошо сохранилась. Дно залито цементом того же состава.

Наслоения насыпи в цистерне образовались постепенно. Засыпь в нижней части относится к позднеримскому периоду и определяет время, когда цистерна прекратила свое существование, что произошло приблизительно в V в.

Цистерна Б. Размеры цистерны 4.40 м × ×4.35 м, глубина 3 м. Стены, толщиной 0.35 м, сложены на цементе и оштукату-

[1] Ср. кладовую с пифосами в Остии (J. D u r m. Handbuch der Architektur, S. 507, Fig. 567).

рены тем же цементом; штукатурка местами отстала и осыпалась (рис. 45).

На дне цистерны сплошным слоем лежала рыба. Особенно толстый слой, в виде сплошной массы коричневого цвета, сохранился в северном углу. Тем самым определяется назначение цистерны: она служила для засола рыбы.

Рис. 44. Цистерна *А*.

Цистерна была засыпана землей, которая в верхней части (слой в 1.35 м) была однородной, плотной, почти чистой, серого цвета. На глубине 0.50—0.80 м залегала прослойка желтой глины, толщиной около 0.10 м. В нижней части цистерны насыпь была более мусорной, с включением мелких камней, ракушек устриц и обломков посуды, вследствие чего земля была рыхлой.

В самом низу, на слое рыбы, найден костяной наконечник тщательной работы в виде кисти правой руки, длиной 8 см (рис. 46), служивший, повидимому, украшением посоха или другого предмета, на который он надевался (в середине имеется углубление диаметром 1.2 см, глубиной 2.8 см). На большом пальце рельефом вырезан перстень, на запястье — браслет. Кость расслоилась и распалась на несколько частей.

В насыпи цистерны найдено 45 монет. В числе их одна оказалась херсонесской, середины IV в. до н. э. (№ 4), 2 — Констанция II (№№ 56 и 57), 1 — Константа I (№ 61), 4 — позднеримских, IV—V вв. (№№ 102—105), 2 — Льва I (№№ 168 и 169), 2 — Анастасия (№№ 193 и 194), 4 — Зенона (№№ 224—227), 6 — Юстиниана I (№№ 234—237, 248 и 249); остальные монеты были плохой сохранности.

Таким образом засыпь была произведена в VI в.

Здание, ограниченное стенами 7—14. Здание находится к СЗ от часовни, над эллинистическим домом *III*. Стены *7* и *8* стоят на насыпи эллинистического периода, на высоте около 0.80 м от скалы. Стена *12* построена на нижней ю.-з. стене помещения *а*, стена *10* — на с.-з. стене того же эллинистического помещения *а*. С.-в. конец здания был разрушен настолько, что стены здесь не сохранились. Исключение составляет одна стена, направление которой, однако, не совпадает с направлением стены *7*. Повидимому, упомянутая стена принадлежала другому дому.

Описываемое здание было построено после того, как эллинистический подвал *а* и остатки стен дома, в котором он находился, были погребены в засыпи толщиной 0.80—1 м. Как отмечено выше, только две стены — *10* и *12* — повторяют стены эллинистического дома, остальные же стены были построены на насыпи.

В углу между стенами *9* и *10*, над подвалом *а*, был устроен колодец *Д*; размеры его отверстия 0.90×0.60 м, глубина до воды 3.50 м. Шахта колодца выложена штучными плитами хорошей кладки, опущенной до дна, за исключением с.-з. стены, которая не доходила до воды на 1 м.

К ЮЗ от стены *12* в насыпи эллинистического периода находилась яма, с отлогими краями, диаметром около 3.20 м; глубина ее в середине достигала 1.30 м. Яма была заполнена мусорной рыхлой засыпью черного цвета, содержащей огромное количество обломков посуды. Ввиду одно-

родности засыпи и, следовательно, одновременности найденных в ней предметов, последние заслуживают особого внимания.

В большом количестве здесь встречены фрагменты амфор нескольких типов: узкогорлых с конической высокой ножкой, из желтой глины; широко- и короткогорлых с коническим острым дном, из желтой и красной глины; с широким желобчатым корпусом и маленькой ножкой, цилиндрической или витой; маленьких, из красновато-бурой глины с мелкими блестками, с углублением на ножке, с двумя ручками на горле, поднимающимися выше венчика; на горле имеется выемка для надевания крышки. Далее найдены края большого сосуда, вероятно пифоса, с орнаментом в виде чередующихся трех желобков и зигзагов между ними; широкое дно сосуда с донным кольцом; тонкостенные кувшины из хорошей красной глины, покрытые красным или бурым лаком; венчик их горла всегда имеет раструб, одна плоская ручка с продольными желобками. Кухонная посуда представлена большими и малыми горшками, из них некоторые лепной работы. Особую группу составляет посуда из темно-серой глины, покрытая темносерым лаком; сюда относятся тонкостенные тарелки, чашки, кувшины хорошей работы. Больше всего в насыпи было краснолаковой посуды. Здесь на первом месте по количеству стоят чашки конической формы разных размеров; затем идут невысокие, но широкие чашки с округлым бортиком, некоторые из них могут быть названы блюдечками и тарелками; на одной такой чашке — граффито (рис. 38, *50*). Глина чашек различна по цвету: красная, розовая, оранжевая и желтая

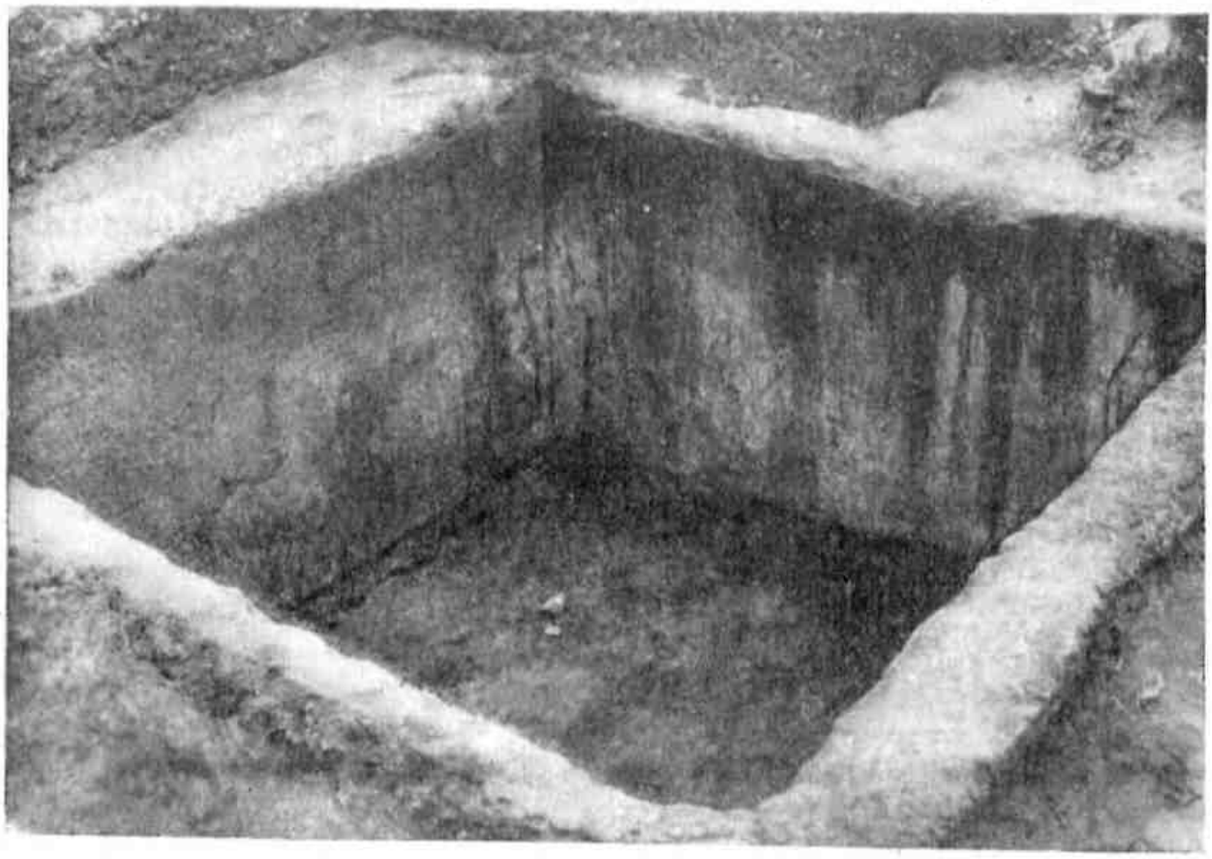


Рис. 45. Цистерна *Б* с остатками рыбы на дне.

Неодинаков и цвет лака: густокрасный, красно-бурый, оранжевый. Далее следуют большие блюда с невысоким бортиком (высотой 4,5—6 см), все из красной глины, с донным кольцом; небольшие тонкостенные горшочки, корпус которых обычно покрыт темносерой обмазкой, а низ оставлен в цвете красной глины; несколько простых светильников с удлиненным носиком (рис. 47); несколько целых краснолаковых светильников, один из них с изображением оленя (?) вправо (рис. 48), и их обломки, на одном из которых орнамент в виде раковины. Кроме того, найден светильник с изображением крылатого Эрота, играющего на многостольной свирели, в левой руке у которого тирс с шишкой на конце; перед ним жертвенник;

с плеч Эрота спускается развевающийся плащ (рис. 49). Эрот идет вправо, но лицо его обращено назад — влево, соответственно этому его фигура (ноги, торс и голова) развернута как бы по спирали. Изображение хорошо выполнено, особенно тонко исполнен торс. Изображение на щитке помещено в двойном круге; слева и справа — по две бороздки с выступом между ними. Глина светлокоричневая, без лака. Светильники с таким изображением были найдены в Херсонесе в 1893 г.[1]

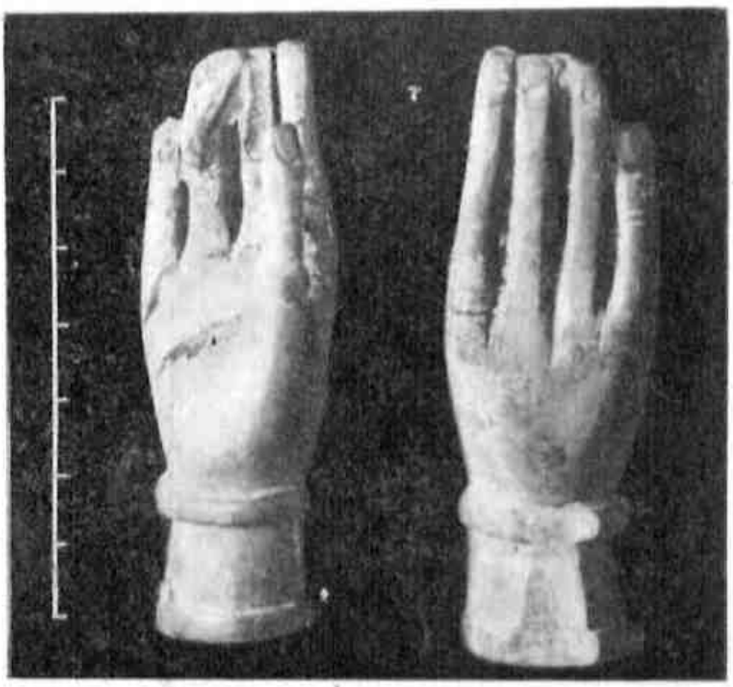


Рис. 46. Костяной наконечник в виде кисти руки.

Интересной находкой, до сих пор не встречавшейся, является часть краснолакового кувшина, украшенного рельефным орнаментом (рис. 50). Корпус кувшина — цилиндрической формы, плечи его резко отделены от корпуса рельефным пояском и орнаментированы каннелюрами. На корпусе орнамент более сложный и богатый: из ствола (или колонки) поднимаются вверх, отгибаясь в стороны, рельефные парные волюты, завитки которых обращены внутрь, друг к другу; между ними посредине помещен цветок (?) с мелкими листьями в виде елочки; у основания их мелкие овальные листочки. Этот основной орнамент повторен вокруг корпуса; в промежутках вверху — рельефные кружочки с шариком в середине, внизу между стволами видны пальметки. От кувшина сохранилась и часть дна, украшенного концентрическими кругами.

Кроме того, в яме найдены калиптеры с желобками вдоль и поперек; 8 грузил пирамидальной формы, сильно окатанные; точильные бруски, один из них с отверстием; прясло глиняное; обломок водопроводной гончарной трубы больших размеров, с толстыми стенками (внутренний диаметр трубы 13 см, толщина стенок 2.5 см); бронзовые гвозди; исключительно большое количество фрагментов оконного стекла и стеклянной посуды: ножки бокалов с круглым основанием; донышки бокалов, с донным кольцом и без ножки; донышки больших круглых сосудов без донного кольца, с вогнутой серединой; венчики сосудов с раструбом; венчик широкой чаши с выступами наружу; широкие ручки — рубчатые и гладкие; узкие — маленькие и кольцевидные; тонкая трубочка. Стекло покрыто толстым слоем иризации желтого и зеленоватого цветов.

Наконец, найдены позднеримские монеты, IV—V вв. (№№ 154—156).

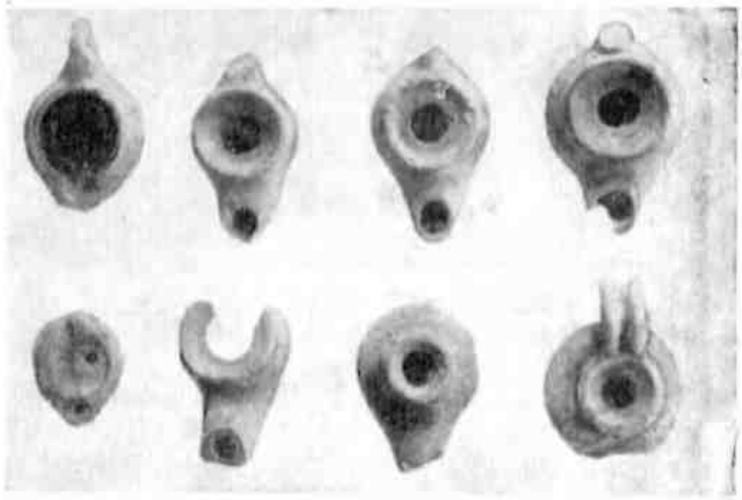


Рис. 47. Светильники из простой глины.

Помещение, ограниченное стенами 15 и 16, находится к ЮЗ от только что описанного здания. При устройстве печи и других зданий оно было сильно разрушено. В помещении стояли два пифоса: один маленький в южном углу, другой возле стены *16*, на расстоянии 1.30 м от стены *15*. Сохранившаяся высота пифоса внутри 0.80 м, диаметр 1.20 м; корпус имеет рельефные ребра, дно заканчивается небольшой ножкой. Пифос скреплен свинцовыми ско-

[1] О. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. XLV, 477, 478.

бами в семи местах по вертикальной трещине.[1] Дно его находилось на высоте 0.50 м от скалы.

Рис. 48. Краснолаковые светильники с изображениями.

С с.-з. стороны помещения и известкообжигательной печи, на эллинистической

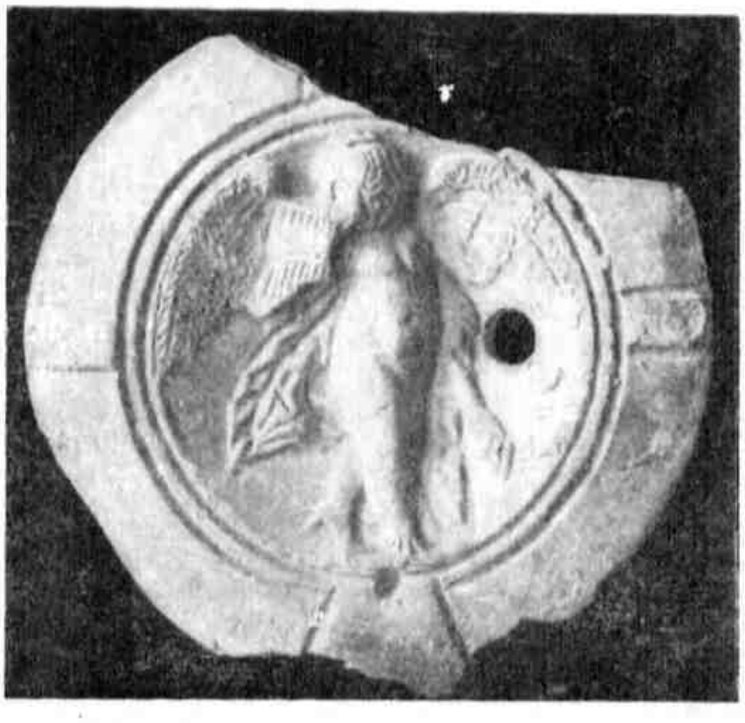


Рис. 49. Светильник с изображением Эрота.

[1] После раскопки пифос был заключен в деревянный каркас и передан в Херсонесский музей.

насыпи стоял третий пифос, без ножки, с плоским дном. Возможно, что он принадлежал этому же помещению.

Помещение, ограниченное стенами 17—20. Помещение находится под средневековыми помещениями *25* и *26*. Стены его стоят на остатках эллинистических стен. При постройке его последние были еще настолько видны, что могли быть использованы в качестве фундамента. По кладке стены римского времени значительно отличаются от нижних стен: римские стены сложены из более крупных камней и имеют бóльшую толщину (0.70—0.80 м); кладка неровная и менее аккуратная, связующим веществом является глина.

Под помещением *26* в скале имеется большой выруб продолговатой формы, вытянутый с ЮВ на СЗ (см. табл. II). Ширина его в ю.-в. конце 1 м, в середине 1.20 м, глубина 0.80—0.90 м, длина 5 м. В вырубе сделано четыре углубления, в которых стояли пифосы; в крайних пифосах сохранились на месте их нижние части. Рядом с вырубом, в западном углу помещения, находится прямоугольная цистерна *E*, аналогичная по устройству цистернам *A*, *Б*, *В*. Она не смогла быть раскопана в отчетном году и расследована в 1940 г.[1]

[1] О цистерне *E* см. далее «Квартал XVII», стр. 120.

При постройке описываемого помещения эллинистический слой был весь удален до скалы, что было вызвано характером и назначением помещения, являвшегося, повидимому, глубокой подвальной кладовой, в которой в специальном вырубе стояли пифосы и другая посуда — амфоры, горшки, кувшины и пр.

В помещении найдено около 30 монет. В числе их оказались одна серебряная монета города Горгиппии, I в. до н. э. (№ 41), остальные — бронзовые: 1 — позднебоспорская, IV в. (№ 39), 1 — Константина I (№ 50), 1 — Валентиниана II (№ 66), 4 — Феодосия I (№№ 78, 79, 82, 88), 7 — позднеримских, IV в. (№№ 60, 106—111), 6 — Льва I (№№ 162—167), 2 — Анастасия (№№ 187 и 188); остальные монеты были плохой сохранности и не поддаются определению.

В южной части кварталов XV и XVI от стен римского периода уцелели лишь небольшие остатки. Однако насыпь этого времени здесь местами сохранилась; она содержала небольшое количество обломков краснолаковой керамики и монеты.

Под помещением *28*, в третьем слое, найдены следующие монеты: 1 — Константа I (№ 62), 1 — Валентиниана II (№ 68), 2 — Феодосия I (№№ 79 и 80), 2 — Флакциллы, жены Феодосия I (№№ 91 и 92), 7 — позднеримских, IV в., плохой сохранности (№№ 100, 112—117), 2 — Аркадия (№№ 146 и 147), 3 — Анастасия (№№ 189—191), 1 — ранневизантийская, V—VI в. (№ 195).

Под помещением *29* в верхнем слое насыпи найдена часть мраморной плиты с рельефной гирляндой (рис. 51), принадлежащая, несомненно, серии рельефов, открытых при раскопке базилики в 1935 г.[1]

Под помещением *30* в третьем слое найдены следующие монеты: 1 — периода элевтерии, херсонесская, II—III в. (№ 33), 1 — Константа I (№ 63), 3 — позднеримских, IV в. (№№ 118—120), 2 — Анастасия (№№ 178 и 179), 1 — Юстиниана I (№ 247).

К востоку от колодца *И* находится яма *Ж*, вырубленная в скале; ее глубина 1 м, диаметр вверху 1.50 м, внизу яма суживается на конус. В рыхлой засыпи ямы найдены следующие монеты: 1 — позднебоспорская, IV в. (№ 40), 7 — позднеримских, IV в., плохой сохранности (№№ 48, 121—126), 3 — Валентиниана II (№№ 69—71), 3 — Льва I (№№ 170—172), 1 — Верины (№ 174), 3 — Зенона (№№ 213—215).

Рис. 50. Кувшин с рельефным орнаментом.

Колодец *И* с площадкой около него и соседние помещения в нижней их части восходят к эллинистическому периоду, но были перестроены в VI в. и продолжали существовать до XIV в.

Итак, характерными, общими для всех домов римского периода чертами являются большие размеры зданий, монументальная техника их постройки, крупное производство (рыбный промысел и, возможно, виноделие) и благоустроенное домашнее хозяйство (в каждом доме имелись двор, колодец, вымостки и т. д.). Несомненно, что владельцы этих домов являлись зажиточными хозяевами.

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 45.

Между моментом гибели эллинистических зданий и началом постройки зданий описываемого периода прошел значительный промежуток времени. На это указывает то обстоятельство, что эллинистические архитектурные остатки успели за это время покрыться довольно толстым слоем насыпи, вследствие чего они были или совсем не видны, или мало видны. По этой же

Рис. 51. Часть мраморного рельефа с гирляндой.

причине при новом строительстве планировка зданий очень часто не совпадала с прежним планом домов и улиц. Особенно показательна в этом отношении застройка эллинистической продольной улицы (она оказалась под помещениями), а также больших подвалов, вырубленных в скале.

Исходя из приведенного материала, можно считать, что описанные дома возникли приблизительно в I в. и закончили свое существование в IV—V вв.

4. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД (VI—X вв.)

Дом, состоящий из помещений *2а*, *7а*, *8а*.[1] Под *помещением 2* позднесредневекового времени находилось помещение, относящееся к первой половине средних веков. Оно было подвальной кладовой, построенной в частично засыпанном римском помещении. При этом ю.-з., ю.-в. и с.-в. стены кладовой были построены на римской насыпи, с.-з. же ее стена стояла на римской стене. Стены сложены на глинисто-земляном растворе; внутренняя сторона их обмазана тем же раствором. Лучше всего сохранились стены с.-в. и с.-з., ю.-з. стена уцелела на высоту 1 м, бóльшая часть ю.-в. стены разрушена.

Пол кладовой находился на высоте 1.75 м от скалы. Насыпь, заполнявшая раннесредневековую кладовую, достигала в толщину 2 м и представляла собой мусорную землю. В ней в огромном количестве находились кости домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и свиней), ракушки устриц и мидий, обломки посуды, мелкие и средней величины камни. Особенно мусорной насыпь была в середине помещения.

На полу кладовой, более всего в ее с.-в. части, лежали в громадном количестве обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками — одной или двумя. Глина кувшинов с примесью песка, ярко-красного или кирпичного цвета. На внутренней поверхности некоторых кувшинов имеется блестящая обмазка черного цвета, обычно внизу кувшина. На двух днищах имеется по одному отверстию, в середине (как у современных цветочных горшков). Такого большого количества кувшинов этого типа, сконцентрированных в одном месте, до сих пор ни разу не встречалось. Несомненно, что помещение служило кладовой для хранения посуды. При этом возможно, что кувшины находились частично и в верхнем помещении кладовой: обломки их лежали толстым слоем не только на полу, но и выше пола — в насыпи.

По середине кладовой находилось дно пифоса, возле него лежали его обломки и каменная крышка круглой формы из инкерманского известняка. Кроме кувшинов, в кладовой были круглодонные амфоры с желобчатым корпусом, короткими ручками и горлом, а также кухонная посуда в виде обломков горшков с закопченной поверхностью. Найдено большое количество белоглиняной посуды, покрытой поливой зеленого или желтого цвета: дно большого блюда с желтой поливой и с рельефным

[1] Помещения *2а*, *7а*, *8а*, *9а* находятся соответственно под позднесредневековыми помещениями *2*, *7*, *8*, *9*.

изображением животного, обращенного влево; на обороте — граффито в виде косого креста (рис. 38, *53*); обломки другого блюда с темнозеленой поливой и с дырочками для скрепления; донышки мисок с высоким донным кольцом, покрытых желтой поливой, иногда с мазками бурого цвета (от примеси марганца); на многих донышках имеются граффити (рис. 38, *51*, *52*). Встречены ручки кувшинов, овальные в сечении; обломки плоского стекла и стеклянной посуды — бокалов и флаконов. Черепицы отличаются высокими бортиками и высоким рельефом дужек; глина красная. Кроме того, найдены свыше 15 железных гвоздей, железная ручка (?), обломок жернова с воронкой для засыпки зерна, фрагменты мраморных плиток.

В насыпи второго слоя найдено большое количество монет: 4 — Василия I (№№ 260, 267—269), 1 — Льва VI (№ 303), 2 — Романа I (№№ 315 и 316), 3 — Константина VII Багрянородного (№№ 350—352), 2 — Константина VII—Романа II (№№ 359 и 360), 12 — Романа II (№№ 375—386), 1 — Никифора Фоки (№ 416), 6 — Василия II (№№ 425—430), 3 — херсоно-византийские, IX—X вв., плохой сохранности (№№ 448—450).

Соседнее *помещение 7а* принадлежало тому же дому, что и кладовая.

В восточном углу помещения стояла верхняя часть пифоса с известью, горлом вниз, при этом горло, разбитое еще в древности, было замазано глиной. В насыпи помещения и в верхней части цистерны *А* найдены фрагменты белоглиняной поливной посуды, короткогорлых желобчатых амфор, красноглиняных кувшинов с узким корпусом, железные гвозди, обломки стеклянной посуды, несколько бронзовых монет: 1 — Льва VI (№ 304), 2 — Романа I (№№ 317 и 318), 2 — Романа II (№№ 387 и 388).

Цистерна *А*, заброшенная в V—VI вв., была в верхней ее части использована, повидимому, в качестве погреба, а затем превращена в мусорную яму. В верхней насыпи цистерны найдены монеты: 2 — Льва V (№№ 203 и 204), 1 — Василия I (№ 266), 2 — IX—X вв. (№№ 451 и 452); кроме того, встретилось несколько монет V—VI вв. плохой сохранности.

Помещение 9а. К ЮЗ от бани и помещения *7* находилось помещение *9а*. От него сохранились только две стены, имеющие направление с ЮВ на СЗ. — с.-в. высотой 1.30 м и ю.-з. высотой 1 м; ширина помещения между ними 2.60 м. Остальные его стены были разрушены в более поздний период: над помещением проходила большая стена, разделявшая верхние помещения *4* и *9*.

Пол помещения находился на скале. На полу толстым слоем лежали черепицы, над ними была рыхлая земля темного цвета, толщиной 0.30—0.50 м, достигавшая сохранившегося уровня стен. На полу помещения найдены обломки белоглиняной поливной посуды; на дне одной из мисок имеется изображение мужского лица влево, исполненное росписью (рис. 52). Найдены также

Рис. 52. Часть блюда с изображением головы.

обломки кувшинов с плоскими ручками, таких же как в помещении *2а*, костяная ручка ножа с остатками железного острия, маленькое бронзовое кольцо (рис. 53), известняковая плитка с продолговатыми крест на крест углублениями, кирпич размерами 20.5 × 11.5×2.5 см, куски стекла, железный и бронзовый гвозди, точильный камень и, наконец, бронзовые монеты: 3 — позднеримских, IV в. (№№ 127—129), 1 — Льва I (№ 158), 2 — Юстиниана I (№№ 228 и 229), 2 — Романа I (№№ 319 и 320), 1 — Константина VII Багрянородного (№ 353), 5 — Романа II (№№ 389—393).

С ю.-з. стороны помещения в скале находится яма, заполненная засыпью второго слоя. В ней найдена мраморная капитель небольших размеров (высота 0.24 м, нижний диаметр 0.25 м; рис. 54), украшенная мягким аканфом; один угол ее отбит, на нижней стороне в углублении сохранился железный штырь.

В с.-з. части квартала расположены помещения *16*, *17*, *18* и *19*. Все они плохой

сохранности, что затрудняет определение их принадлежности. Составляли ли они дом, или являются остатками двух домов, образовались отверстия. Размеры их: 27×27 см, 25×16, 20×12, 13×12 см и мельче, толщина 0.3—0.4 см; некоторые

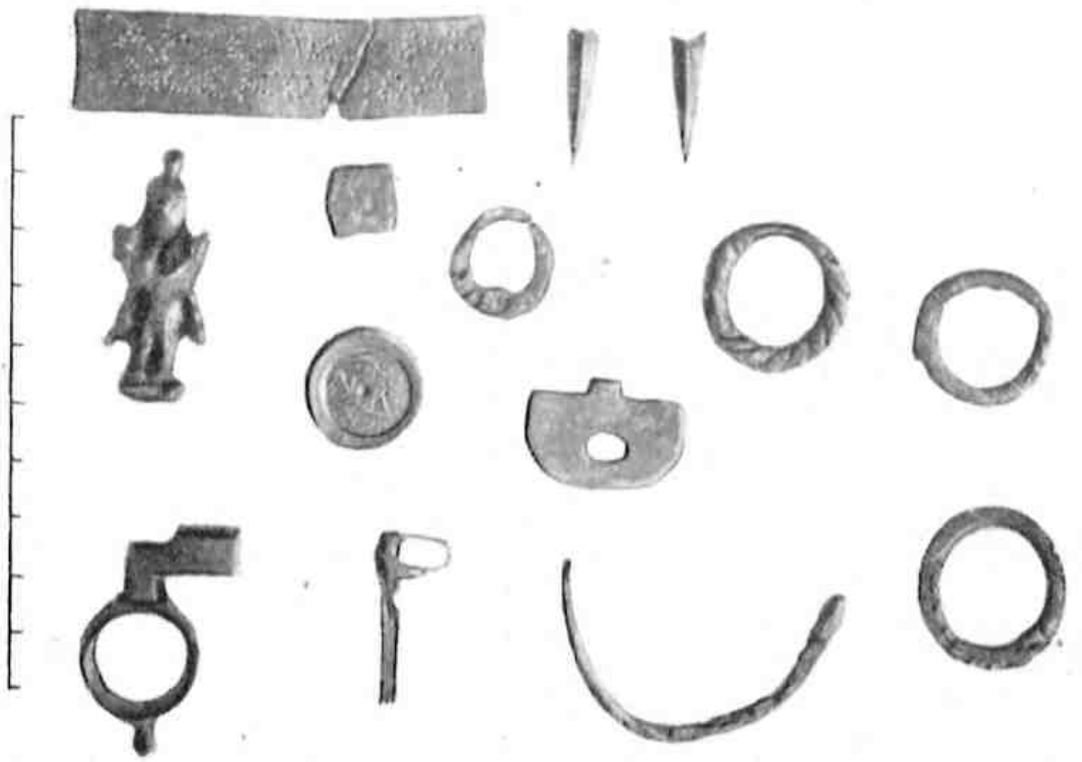


Рис. 53. Бронзовые предметы: пластинка с надписью, стрелки, ключи, фигурка, разновеска, кольца и др.

остается неясным. Толщина насыпи второго слоя в помещениях *16*, *17*, *18* и *19* достигала 0.60—0.85 м, около часовни — 1 м. Основные находки в насыпи: медная круглая разновеска (диаметр 2.2 см, толщина 0.7 см), на одной ее стороне выгравированы буквы (рис. 38, *55*) и орнамент в виде точек и волнистых линий (рис. 53); впервые встреченная в Херсонесе белоглиняная фляга в виде круга, полого внутри, с горлом в форме конического выступа, покрытая желтой поливой (рис. 55).

Возле северного плеча часовни, на расстоянии 0.40 м от нее к СЗ, на глубине 1.15 м от верха стены, на подошве второго слоя найден склад свинца: девять дисков, согнутая пластина длиной 20 см, шириной 19 см и палочка длиной 17 см, толщиной 0.5 см. Диски хорошо сохранились, они массивные и тяжелые, толщина их от 1 до 3 см, диаметр двух по 18 см, остальных различный: 17.5, 16, два по 14.5, 12.5, 11 и 9.5 см (рис. 56).

Другой склад свинца найден возле западного угла часовни. На глубине 1.50 м от верха ее стен лежали свинцовые пластины, сильно окислившиеся, местами в них из них были сложены вдвое. Болванки свинца в виде дисков и листов хранились как материал и, вероятно, предназначались

Рис. 54. Мраморная капитель.

для продажи. Наиболее удобной в смысле сохранности металла оказалась форма диска: диски почти не пострадали от окиси, на их сторонах видны следы матриц (бороздки

и рельефные полоски), в которых они отливались.

В помещении *17* найдена мраморная плита длиной 0.70 м, шириной 0.20—0.30 м,

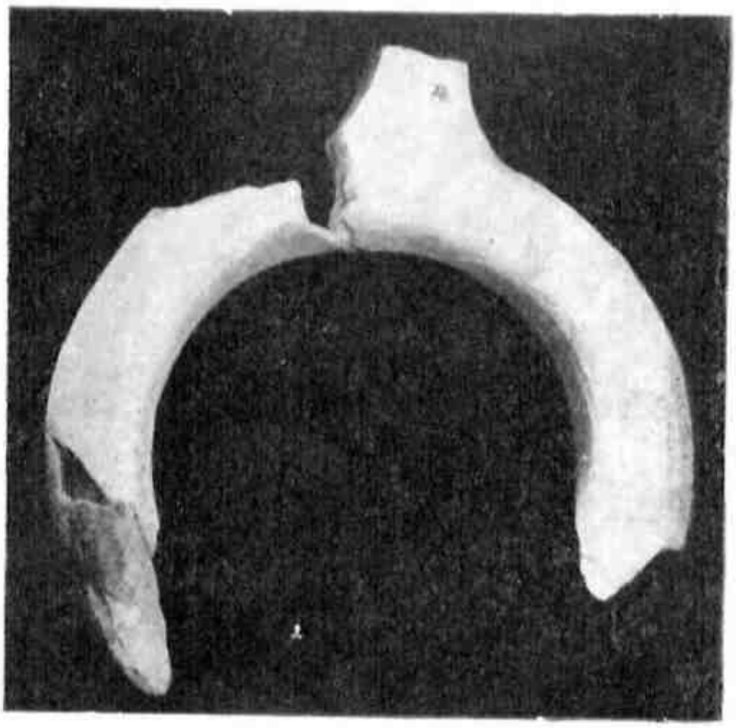


Рис. 55. Глиняная поливная фляга.

толщиной 0.03 м, гладкая, составлявшая, надо полагать, фрагмент алтарной преграды.

Монет найдено большое количество, большинство их лежало на подошве слоя: 9 — позднеримских (№№ 130—138), 2 — Льва I (№№ 159 и 160), 2 — Анастасия (№№ 181 и 182), 2 — V—VI вв. (№№ 197 и 198), 1 — Зенона (№ 217), 1 — Юстиниана I (№ 232), 1 — Михаила III—Василия I (№ 258), 8 — Василия I (№№ 270—277), 1 — Льва VI (№ 305), 1 — Льва VI—Александра (№ 314), 6 — Романа I (321—326), 2 — Константина VII Багрянородного (№№ 354 и 355), 2 — Романа II (№№ 394 и 395), 1 — Никифора Фоки (№ 419), 3 — Василия II (№№ 431—433), 2 — IX—X в., плохой сохранности (№№ 453 и 454).

Дом, состоящий из помещений *20, 21, 22, 24*. В ю.-з. части квартала раскопками открыты сравнительно хорошо сохранившиеся помещения, принадлежавшие, повидимому, двум домам. Один дом состоял из помещений *20, 21, 22, 24*.

Стены помещений отличаются большой толщиной, около 0.90 м, и тщательной кладкой. Особенно монументальна ю.-з. стена, сложенная из больших штучных камней; она граничит с X поперечной улицей. С.-з. конец этой стены открыт раскопками 1936 г. С.-з. часть дома совершенно разрушена земляными работами нового времени, стены дома здесь обрываются, поэтому полный план дома установить невозможно. На поверхности земли залегал эллинистический слой, выброшенный наверх, а под ним был второй слой (IX—X вв.).

Помещения *21* и *22* соединяются между собой дверным проемом; с.-з. стена помещения *21* сильно разрушена, от нее уцелел лишь с.-в конец; с с.-з. стороны помещения *21* было еще одно помещение, но оно сохранилось лишь частично (табл. II).

Помещение 21 служило кладовой. В нем обнаружено большое количество посуды: возле стен на полу стояли пифосы (5 шт.), амфоры (4 шт.) и кувшины (10 шт.). Все пифосы темнокрасного обжига, имеют горизонтальные ребра на корпусе и врезанные зигзаги на венчике. В одном из пифосов находилась рыба. Найдена и круглая изве-

Рис. 56. Свинцовые диски и прутики.

стняковая крышка для пифоса, диаметром 0.29 м. Амфоры были с широким желобчатым корпусом и коротким горлом. В одной из амфор найдены кости и челюсти свиньи. Красноглиняные кувшины имели плоские ручки и черную блестящую обмазку внутри. Кроме того, на полу в большом количестве лежали фрагменты белоглиняной поливной посуды: блюд, мисок и тарелок с рельефными штампованными украшениями и росписью. На одной миске роспись состояла из черных кружков, с красными точками (встречается редко); на другой был нанесен растительный орнамент в виде цветов на белом поле: стебли и листики — темнобурого цвета, цветки голубые с желтой серединкой. Средняя часть этой миски окрашена в темнобурый, темнокрасный, зеленый и голубой цвета, но рисунок орнамента здесь не ясен. Отметим небольшую чашку, покрытую блестящей поливой, с подглазурными марганцевыми мазками, расходящимися радиально.

Возле с.-в. стены помещения *21* лежал верхний жернов (диаметром 0.40 м) — с воронкой и приводом. Затем найдены железные гвозди, бронзовая игла, кольцо, крючок, масса кусков оконного стекла, ножки стеклянных бокалов, донышки флаконов, железный инструмент, напоминающий стамеску или долото, куски смолы, мраморные плитки и костяная пластинка от рамки, украшенная резьбой, длиной 15 см.

На полу кладовой найдено свыше 60 бронзовых монет: 2 — Констанция II (№№ 54 и 55), 2 — Аркадия (№№ 142 и 143), 1 — позднеримская (№ 140), 2 — V—VI вв. (№№ 186 и 200), 1 — Юстиниана I (№ 241), 1 — Маврикия (№ 254), 1 — Михаила III—Василия I (№ 256), 21 — Василия I (№№ 278—298), 3 — Льва VI (№№ 306—308), 1 — Романа I (№ 327), 9 — Константина VII Багрянородного (№№ 356—364), 10 — Романа II (№№ 394—403), 7 — Василия II (№№ 434—440), 1 — X в., плохой сохранности (№ 455).

На полу же лежали обломки черепиц, толстый слой сажи и камни. Насыпь, покрывавшая помещение, имела в толщину 1—1.30 м и состояла из сухой серой твердой земли и мелкого мусора.

В соседних помещениях *20*, *22* и *24* — насыпь была такой же. Глиняная и стеклянная посуда и другие находки были аналогичны только что описанным в помещении *21*. Из отдельных вещей отметим две бронзовые крышки с шарниром и шишечкой вверху (диаметр их 2 см), светильник простой, без лака, носик отбит, и бронзовые монеты: 1 — Аркадия (№ 148), 2 — Льва I (№№ 162 и 163), 1 — Анастасия (№ 185), 1 — Юстина II (№ 201), 1 — Константина IV (№ 202), 1 — Маврикия (№ 251), 1 — Василия I—Константина VII (№ 299), 1 — Льва VI (№ 309), 1 — Романа I (№ 328), 2 — Иоанна Цимисхия (№№ 423—424), 1 — Никифора Фоки (№ 420), 1 — Василия II (№ 441).

И в этих помещениях на полу лежал слой сажи и углей.

В северном углу помещения *24* находится известкообжигательная печь круглой формы. Сохранившаяся высота печи 1.90 м, диаметр ее по линии ЮЗ—СВ 2.30 м, по линии СЗ—ЮВ 2 м. Стены печи сложены на глине, внутри они также обмазаны глиной, которая от огня стала оранжевой. На дне печи лежала известь, а над ней толстый (около 0.60 м) слой сажи и углей. Выше слоя сажи печь была завалена крупными тесаными камнями.

Дом, состоящий из помещений *25*, *26*, *27*, *28*. Этот дом отделяется от соседнего, только что описанного, глухой стеной (между помещениями *22* и *24* — с СЗ, между помещениями *25* и *26* — с ЮЗ), исходя из чего, можно считать, что дома принадлежали разным владельцам. Помещения *25* и *27* соединены дверным проемом, так же как и помещения *26* и *28*. Ю.-в. стена помещения *25* основана на более древней стене. С.-з. стена совпадает с древней стеной, но между ними лежит насыпь толщиной около 0.50 м, так что стены не прикасаются друг к другу. Помещения *25* и *26* соединены широким проемом (1.50 м), находящимся возле с.-з. стены. Средняя часть стены, разделяющей эти помещения, сложена очень тщательно из тесаных камней. Позднее стена была продолжена до ю.-в. стены, но эта дополнительная ее часть отличается более грубой кладкой. Возле средней стены, с с.-в. ее стороны, на подошве частично сохранилась вымостка из плит. Тщательность кладки этого куска стены, резко отличающая ее от других стен помещения, и большая ее толщина, а также хорошая вымостка возле стены, возможно, были связаны с производственным назначением помещения.

В дальнейшем здание подверглось перестройке: средняя стена была соединена с ю.-в. стеной, а дверные проемы, ведущие из помещения *25* в *27* и из помещения *26* в *28*, были заложены. Перестройка была произведена, повидимому, вследствие того, что назначение здания изменилось: из производственного его сделали жилым. В кладке южного угла стен помещения *25* использован большой каменный блок с выемками; вполне возможно, что первоначально блок предназначался для какого-либо производства.[1]

Стены помещения *27* в ю.-в. его части были нарушены при постройке помещения *29* (позднесредневекового); сохранились лишь те их части, которые остались вне помещения *29*.

В ю.-в. части помещения *28* находится дворик с колодцем *II*, глубиной (до воды) 5.50 м. Вода в колодце оказалась пресной.

В помещении *28* найден мраморный фрагмент с остатками надписи в четыре строки.

В помещении *26* найден фрагмент мраморной статуи: кусок свешивающейся одежды и ствол. Возле ю.-в. стены стоял пифос с рыбой. Дно другого пифоса находилось в помещении *25*. В с.-в. конце помещения *26* в куче найдены железный сошник, железный предмет с развилками на концах, другой железный предмет в виде дуги с выступом посредине, длиной 0.28 м, толщиной 0.04 м, свинцовые пластинки и трубка. Здесь же обнаружены нижний жернов диаметром 0.40 м, вязальная бронзовая игла, костяное шило, мраморный обломок в виде низкой чаши с бортиком (сохранившаяся длина 0.70 м, высота 0.09 м). Во всех помещениях дома встречались обычные для второго слоя фрагменты белоглиняной поливной посуды с росписью и рельефным штампованным орнаментом. Помимо этого, обнаружены целый кувшинчик, куски плоского оконного стекла, фрагменты стеклянной посуды — ножки бокалов и донышки флаконов, бронзовые пуговицы в виде шарика с ушком, гвозди, обломок терракотовой статуэтки, вероятно Силена, грубой работы; у статуэтки сохранились часть торса и левая рука с канфаром, грудь покрыта шкурой. В западном углу помещения *28*, ниже пола и порога на 0.20 м, найдены свинцовые палочки, завернутые в лист свинца, и фрагмент мраморной плиты с бортиком в виде рамки с желобками; на узкой стороне плиты имеется рельефное изображение дельфина влево. Монеты на полу помещения найдены следующие: 1 — Льва I (№ 173), 1 — Анастасия (№ 192), 1 — восточная (№ 212), 1 — Юстиниана I (№ 243), 1 — Феофила и Константина (№ 205), 1 — Маврикия (№ 252), 1 — Михаила III—Василия I (№ 257), 1 — Василия I (№ 261), 1 — Льва VI (№ 311), 2 — Романа I (№№ 329 и 330), 1 — Константина VII Багрянородного—Романа II (№ 366), 1 — Романа II (№ 407), 1 — Василия II (№ 443). На подошве найдены фрагменты тарелок и блюд, покрытых матовым красным лаком, на дне их — клеймо в виде креста. Эта посуда датируется приблизительно V—VI вв.

Все эти данные свидетельствуют, что оба дома, прилегающие к X поперечной улице, были сооружены в раннесредневековый период, примерно в VI в., но продолжали существовать довольно долго, повидимому до конца X в. Вполне возможно, что описываемые здания возникли одновременно с базиликой, а затем также одновременно с нею были разрушены. Монументальность постройки, толщина стен, высокое качество кладки из крупных тесаных плит, большие размеры зданий, масса посуды и пр. говорят о том, что здания принадлежали богатым хозяйствам. Наличие свинцовых болванок может указывать на существование какого-то производства, с ними связанного.

Как видно из представленного материала, архитектурные остатки раннесредневекового периода сравнительно немногочисленны. Это объясняется тем, что они подвергались разрушению при строительных работах последующего времени.

Наоборот, предметы домашнего обихода и их обломки представлены в большом количестве. Их можно объединить в следующие группы: 1) желобчатые круглодонные амфоры с низким горлом и плоскими широкими ручками; все они изготовлены из одинаковой глины и, возможно, происходят из одной мастерской; 2) белоглиняные большие блюда, миски и кувшины, покрытые поливой темнозеленого или желтого цвета; блюда и миски украшены рельефными изображениями животных, птиц или геометрическим орнаментом; 3) белоглиняные миски

[1] Блок мог служить прессом для выжимки винограда. Аналогичный блок был найден при раскопках на Гераклейском полуострове в балке Бермана в 1929 г.

и тарелки на высоком поддоне, украшенные росписью марганцем с изображениями птиц, животных, мазками, полосками и т. п.

4) стеклянная посуда, оконное стекло, а также стеклянные браслеты; последние характерны для IX—X вв. и ранее этого времени не встречаются.

Большой интерес представляет находка свинцовых болванок — дисков, пластин и палочек. Монеты, как обычно во втором слое, найдены в огромном количестве. Подавляющее большинство их херсонесского литья и относится к IX—X вв.

Итак, возникновение описанных жилых комплексов следует отнести к VI—VII вв.; свое существование они прекращают в конце X в. от пожара.

5. ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД (XI—XIV вв.)

Архитектурные остатки позднесредневекового периода сохранились в с.-в. и ю.-в. частях раскопанного квартала XV—XVI, возле IX и X поперечных улиц. В других местах уцелели лишь небольшие обрывки стен, поэтому восстановить былую планировку находившихся здесь зданий невозможно.

IX поперечная улица. Улица частично была раскопана в 1912 г., затем расследование ее было продолжено в 1936 г. В 1937 г. улица была открыта на протяжении 20 м. Ширина улицы 3 м. По середине ее, местами ближе к с.-в. стене улицы, тянется канал водостока, перекрытый плитами. Над каналом заметна ложбина, слой земли над ним тонкий, от 5 до 10 см. Поверхность улицы твердая, крепко утоптанная, насыпь над ней состоит из серой земли, мелкого мусора и большого количества мелких и крупных камней. Толщина насыпи над улицей возле ю.-з. стены доходила до 0.40 м, посредине — 0.50 м, возле с.-в. стены — 0.70 м.

В насыпи в большом количестве найдены известняковые плиты карнизов одинакового профиля в виде выкружки и полочки разных размеров, например: 32×26×11 см и др. Кроме того, найдено много клиньев арок или сводов, украшенных с тычка линейным орнаментом. На боковых сторонах некоторых из них сохранился известковый раствор. На одном из камней (очевидно, вставном) вырезан двенадцатиконечный крест (концы ветвей креста раздвоены). Арочные клинья и карнизы, по всей вероятности, были взяты из соседних погибших базилик, из которых происходят и мраморные капители, базы, обломки колонн и известняковые обработанные плиты, встречавшиеся при раскопках помещений верхнего слоя в предыдущие годы.

Возле стен домов в насыпи обнаружена масса обломков черепиц, нередко с рельефными метками в виде букв, знаков и изображений животных и птиц.

Первый дом (помещения *1*, *2*, *4*, *5*, *6*, *7*). *Помещение 1*. Размеры его внутри: длина (вдоль улицы) 6.70 м, ширина 5.37 м. Стены сложены из небольших бутовых камней на грязи; толщина стен 0.76—0.85 м. В стенах были заложены для связи деревянные балки, от которых сохранились лишь горизонтальные выемки. На ю.-в. и ю.-з. стенах внизу хорошо сохранилась штукатурка. Оставшаяся высота стен 1.20—1.60 м.

В ю.-з. стене имеется дверной проем, ведущий во двор (помещение *4*). Перед порогом с наружной стороны в качестве ступени использована мраморная база, перевернутая нижней частью вверх (рис. 57).

Помещение, судя по большому количеству хранившейся в нем посуды, служило кладовой: пифосы, амфоры и кувшины стояли возле стен и частью посредине, причем пифосы были немного врыты в землю. Возле с.-з. стены они стояли в специальном углублении, шириной около 1.50 м. В двух пифосах хранилось зерно: пшеница — в большом пифосе и ячмень — в малом. В одном пифосе находилась рыба с крупной чешуей. В нем же найден сосуд с отверстиями на стенках и дне, наполненный рыбой. Подобные сосуды часто встречались в позднесредневековых помещениях; они, повидимому, употреблялись для процеживания.

Пифосы — темнокрасного обжига, на их плечах имеется орнамент в виде цепочки из круглых вдавленных ямок. Венчики сверху также украшены орнаментом в виде зигзагов или мелких углублений.

Амфоры — двух видов: 1) с рифленым корпусом, узким округлым дном и высоко поднятыми ручками; 2) с широким бороздчатым корпусом, круглым дном и высокими дуговидными ручками, широко отставленными, на которых внизу обычно процарапаны граффити.

Кувшины — крупных размеров, плоскодонные, изготовлены из красной, крепко

обожженной глины; встречается несколько типов их: 1) коротко- и узкогорлые, с плоскими широкими ручками, с линейным и рельефным орнаментом в виде налепного валика, по которому вдавлены мелкие углубления; 2) широко- и узкогорлые, с широкими плоскими ручками, с рельефным рубчатым орнаментом по краю горла и на корпусе; 3) с круглыми в сечении ручками, узким и низким горлом, со слегка желобчатой поверхностью и линейным орнаментом; 4) коротко- и узкогорлые, с желтой обмазкой и с налепным орнаментом, с пальцевидными углублениями под венчиком.

В разных местах помещения найдено большое количество фрагментов красноглиняной поливной посуды, среди них более всего фрагментов мисок, в меньшем числе — блюд и тарелок. Орнамент на них гравированный, геометрический. Кроме того, встречены фрагменты белоглиняного кувшина, покрытого зеленой поливой (носик и др.), ручка блюда (?) в виде выступа с рельефным изображением маски. Далее найдены две бронзовые чашки диаметром 8 см, высотой 2—2.5 см, сильно окислившиеся и помятые (на одной снаружи видны остатки от ручки); две парных бронзовых плоских и тонких чашечек диаметром 4.8 см, с отверстиями на краях, повидимому от весов; фрагмент железного стержня, вероятно от коромысла весов; бронзовая прямоугольная пластинка с прорезями на углах, образующими крест, украшенная штампованным орнаментом в виде мелких рельефных кружков на краях креста и четырьмя крупными на перекрестьях, длиной 5 см.

Из железных предметов отметим замки (два круглых плоских — внутренних, третий — цилиндрической формы, висячий, в бронзовой оправе, а также обломки нескольких плоских замков), планку от дверей, обломки обоймы с гвоздем в середине, обломок топора (?). Из бронзовых вещей найдены кольца от пряжек и прямоугольная бляшка. Встречено несколько глиняных бочонковидных грузил для рыболовных сетей. Железных гвоздей на полу найдено свыше 30.

Рис. 57. Мраморная база перед порогом помещения *i*.

Около с.-в. стены лежало восемь фрагментов шиферной иконки с изображением сцены Благовещения (высота 13.5 см, ширина 10.7 см, толщина от 0.7 до 1 см); с левой стороны недостает нескольких фраг-

ментов. Шифер темносерый, от огня местами стал желтоватым. Оборотная сторона неровная, шифер отслаивается тонкими пластинками, но основная часть иконки крепкая. Рамка иконки — в виде скошенного внутрь бортика. Иконка по краям ограничена витыми колонками с высокими капителями и импостами. На них опирается широкая арка, достигающая верхнего края рамки (рис. 58). В кресле сидит Мария, обращен-

Рис. 58. Шиферная иконка Благовещения.

ная на три четверти влево. Над ней балдахин на тонких двойных колонках. Длинное покрывало с головы ниспадает на колени. Кресло и подставка под ногами украшены резьбой. Над головой — буквы ΘϘ. Слева изображен архангел Гавриил, идущий к Марии; правая рука его поднята и протянута вперед, в левой он держит длинный жезл. Его волосы падают на плечи, одежда достигает ступней. Между обеими фигурами помещена в низком широком сосуде пальма. Вверху слева вырезана надпись: ΧΕΡΕ . . . . (продолжение неразборчиво, так как надпись пострадала от огня).[1] На иконке местами сохранились слабые следы позолоты (например на одежде Марии и на кресле). Иконка относится, повидимому, к концу XII—XIII вв.

На полу помещения лежала масса обломков черепиц, на многих из них имеются метки в виде букв, знаков и изображений птиц и животных. Помещение было погребено под завалом камней, доходивших до уровня его стен, в середине помещения была впадина с мелкими камнями.

Помещение 2. Его размеры: длина с.-в. стены 7.55 м, длина ю.-з. стены 7.23 м, ширина 5.50 м. Сохранившаяся высота стен 1.10—1.50 м. Кладка их такая же, как и в помещении *1*. Во всех стенах также видны горизонтальные выемки, образовавшиеся от сгоревших деревянных связей. Кстати сказать, эти выемки служат обычно причиной дальнейшего разрушения стен; так, средняя часть их над выемкой в ю.-в. и ю.-з. стенах обвалилась. В с.-в. и ю.-з. стенах имеются дверные проемы, один против другого. Перед порогом с.-в. двери внутри помещения находятся две ступеньки.

Пол в помещении ниже подошвы улицы. Он неровный, в ямах, возле стен выше, чем в середине; местами в нем заложены камни: помещение было, повидимому, нежилым. На полу — сажа, куски угля и много обломков черепиц с метками, лежавших главным образом в с.-з. части помещения.

В помещении найдены: обломки двух красноглиняных мисок с желтой поливой и с линейным гравированным орнаментом и обломки третьей, покрытой трехцветной поливой; пряслo из черепка; обломок железного предмета в виде изогнутого стержня, драга (?). В западном углу возле двери лежал железный круглый плоский замок; на пороге с.-в. двери найдены две бронзовые выпукло-вогнутые монеты императора Мануила, 1143—1180 гг. (№№ 209, 210).

Из помещения *1* дверь выходила во двор — помещение *4*. Подошва его сильно понижалась к ЮЗ. Завал камней возле помещения *1* лежал очень плотно, высотой около 1 м; к ЮЗ, к ложбине, слой камней становился все тоньше и за пределами помещения *5* и *6* выклинивался. Около двери найден бронзовый колокольчик (рис. 59), высотой 5.5 см, язычок его не сохранился.

Помещения 5 и 6 — баня.[1] Во дворе находится баня небольших размеров. На-

[1] Слово χερε (χαίρε) означает приветствие: «здравствуй».

[1] А. Л. Якобсон. Средневековые бани Херсонеса. СА, VIII, 1946, стр. 261—278.

ружная ее длина 6.50 м (вместе с предбанником), длина внутри самой бани 3.75 м, ширина 1.30 м; длина предбанника внутри 3 м, ширина 1.60 м. Стены сложены из мелких бутовых камней на грязи, лишь на углах и в дверных проемах положены крупные тесаные плиты. Помещение собственно бани построено впритык к предбаннику, стены которого выступают на СЗ и ЮВ; предбанник в свою очередь построен впритык к помещению *1*.

Дверь в предбанник находится в его с.-з. узкой стене, ширина проема 0.80 м; в предбаннике невысокий порог. Пол тщательно вымощен известняковыми плитами

Рис. 59. Бронзовый колокольчик.

(рис. 60). Возле с.-в. и ю.-в. стен устроена лавка для сидения, высотой 0.35—0.42 м, шириной 0.65—0.75 м. Сверху и с боков лавка, как и стены предбанника внутри, оштукатурена (раствором извести с песком). Штукатурка сохранилась и снаружи, на с.-з. стене бани.

В ю.-з. конце бани ниже пола находится печь (рис. 61). Западный угол печи и бани разрушен при устройстве большого колодца, повидимому, в XIX в. Длина печи 1.55 м, ширина внизу около 0.60 м. Устье ее выходит непосредственно во двор. Стены печи сложены с наклоном внутрь, структура ее следующая. Устье, длиной 0.35 м, сложено из обломков черепиц; далее поставлен столб из коричневого камня высотой 0.60 м, шириной 0.22 м; за столбом следует стенка из мелких черепиц, длиной 0.30 м, продолжение которой сложено из крупных кирпичей. Под печи вымощен известняковыми плитками, которые от огня сильно перегорели и выкрошились.

Возле ю.-в. стены, над печью, лежит толстый кусок штукатурки, положенной в несколько слоев, с вогнутой поверхностью — вероятно, остаток обмазки котла, стоявшего над печью.

От печи под полом, вдоль бани, идет канал: он сложен из плит на известковом растворе, поставленных на ребро с наклоном в середину, и перекрыт толстой плитой, длиной 0.45 м, толщиной 0.16 м, лоснувшей посредине (рис. 61). Поверх этой плиты лежит вторая, толщиной 0.08—0.10 м. Высота канала вначале, у печи, 0.35 м. От продольного канала в обе стороны ответвляются поперечные каналы, по три к каждой стене. В стенах продолжением каналов являются вертикально расположенные колодцы, находящиеся друг от друга на расстоянии 0.58 м (рис. 62). Ширина каждого колодца 0.32 м, глубина в стене 0.12—0.15 м; высота колодцев от пола 0.70 м. Вдоль стен устроены скамьи шириной 0.20 м, перекрывающие каналы. Колодцы со стороны, обращенной внутрь бани, имеют заслоны из черепиц — как внизу до верха скамьи, так и выше скамьи, (рис. 62). Верх колодцев перекрыт был плитами, одна из них сохранилась над восточным колодцем (рис. 63, слева). Нижняя часть колодца хорошо сохранилась в с.-з. стене, перекрытие же сохранилось над колодцем в ю.-в. стене, что позволяет полностью реконструировать устройство колодцев: отверстие для теплого воздуха находилось, как видно, в верхней их части. Пол, скамьи и стены бани были тщательно оштукатурены. Пол имеет заметный на глаз наклон к ЮЗ, к печи.

Рассмотренная нами баня, благодаря своей относительно хорошей сохранности, дает возможность ознакомиться с системой отопления: горячий воздух из печи шел по среднему каналу, затем в поперечные, а из последних по вертикальным колодцам поступал в баню и обогревал ее. Тонкие стенки колодцев (черепичные) и тонкие перекрытия каналов, идущих под полом, способствовали нагреванию пола, скамеек и стен бани. Кроме того, тепло шло от самой печи и котла, благодаря чему достигалось вполне достаточное и равномерное обогревание бани.

На полу бани и предбанника лежали обломки черепиц и завал камней до поверхности стен. Печь более чем наполовину была заполнена золой, которой вывезено

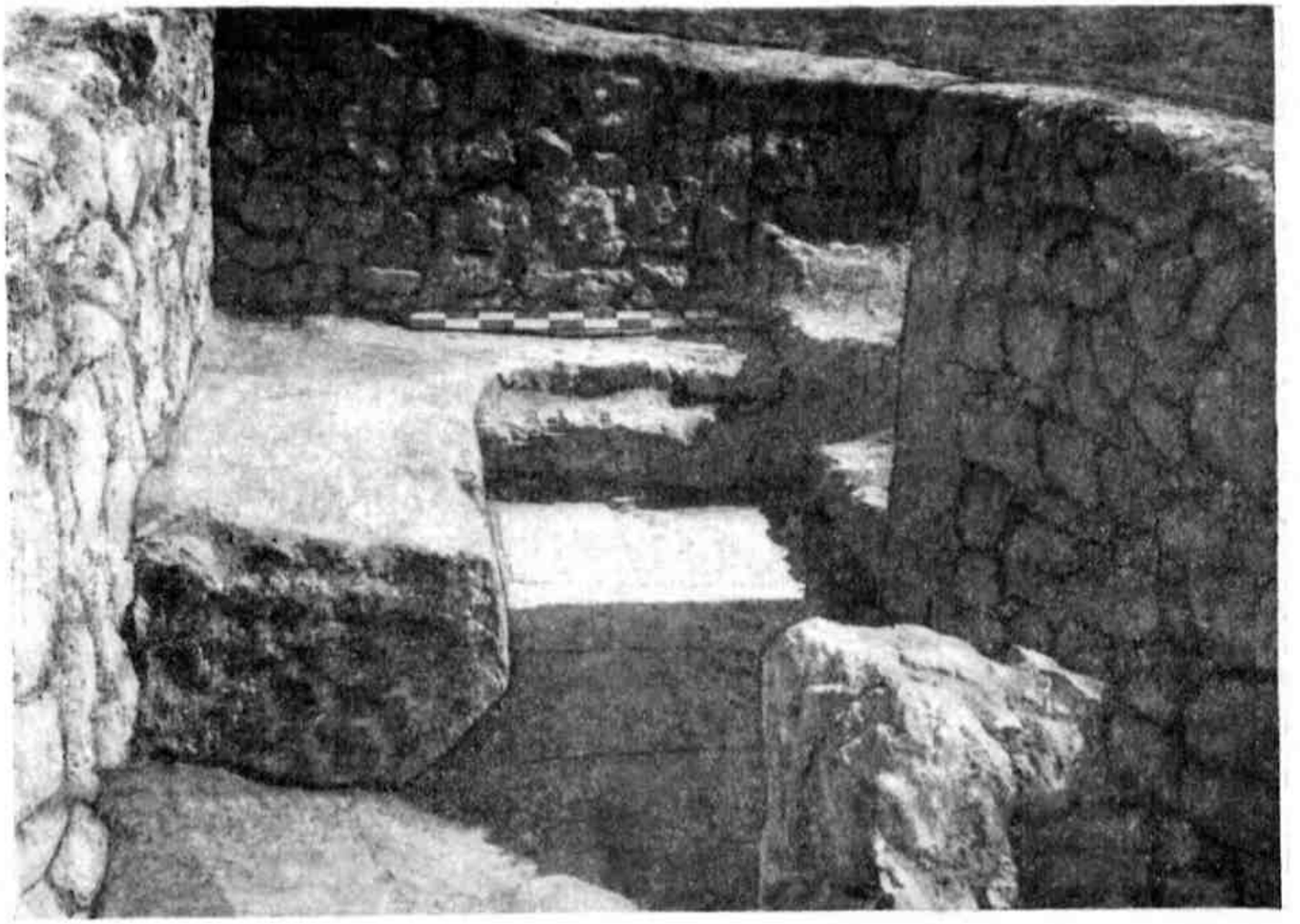


Рис. 60. Баня. Предбанник с лавкой и вымосткой пола.

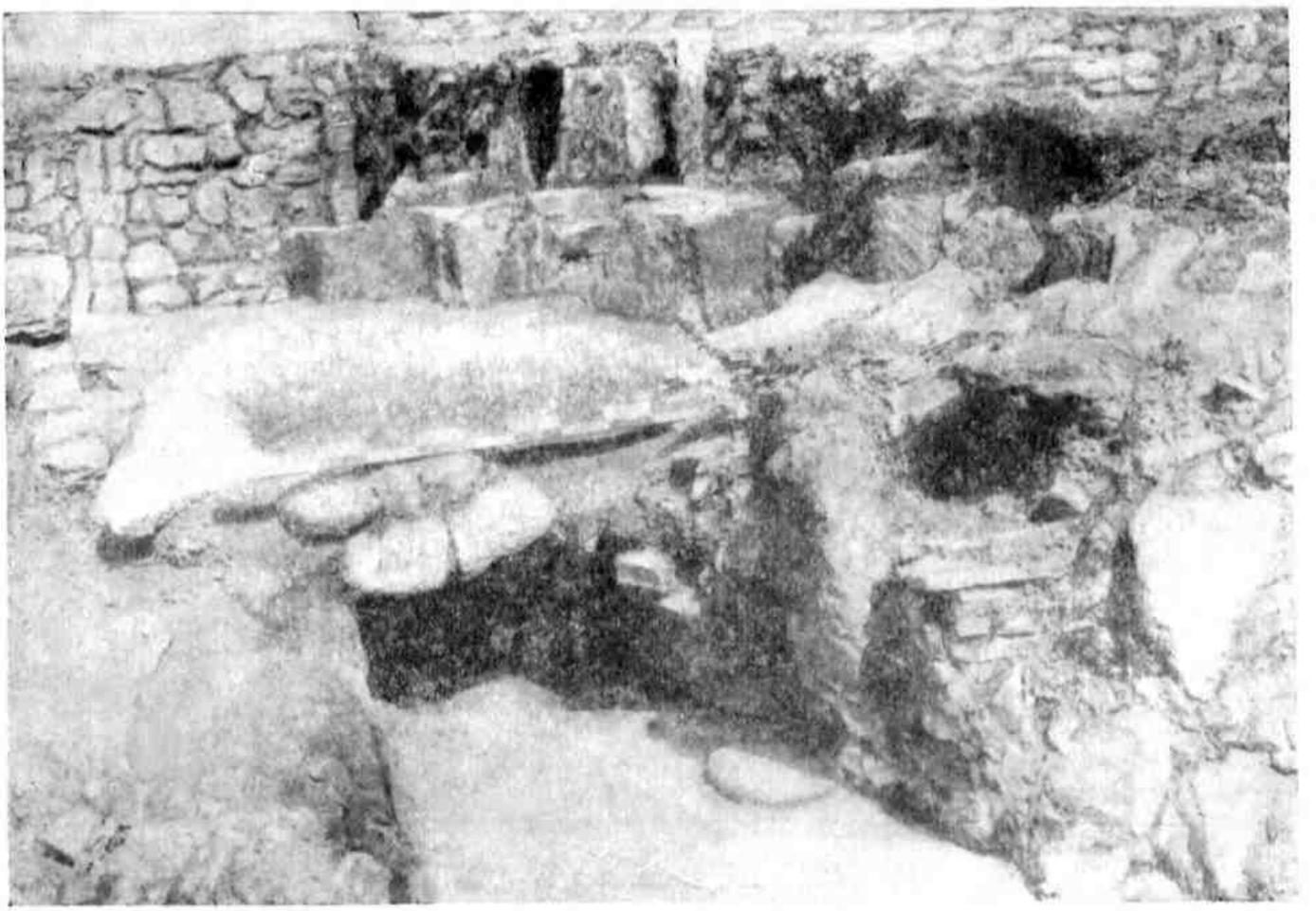


Рис. 61. Баня, внутренний вид. На переднем плане печь и начало продольного канала.

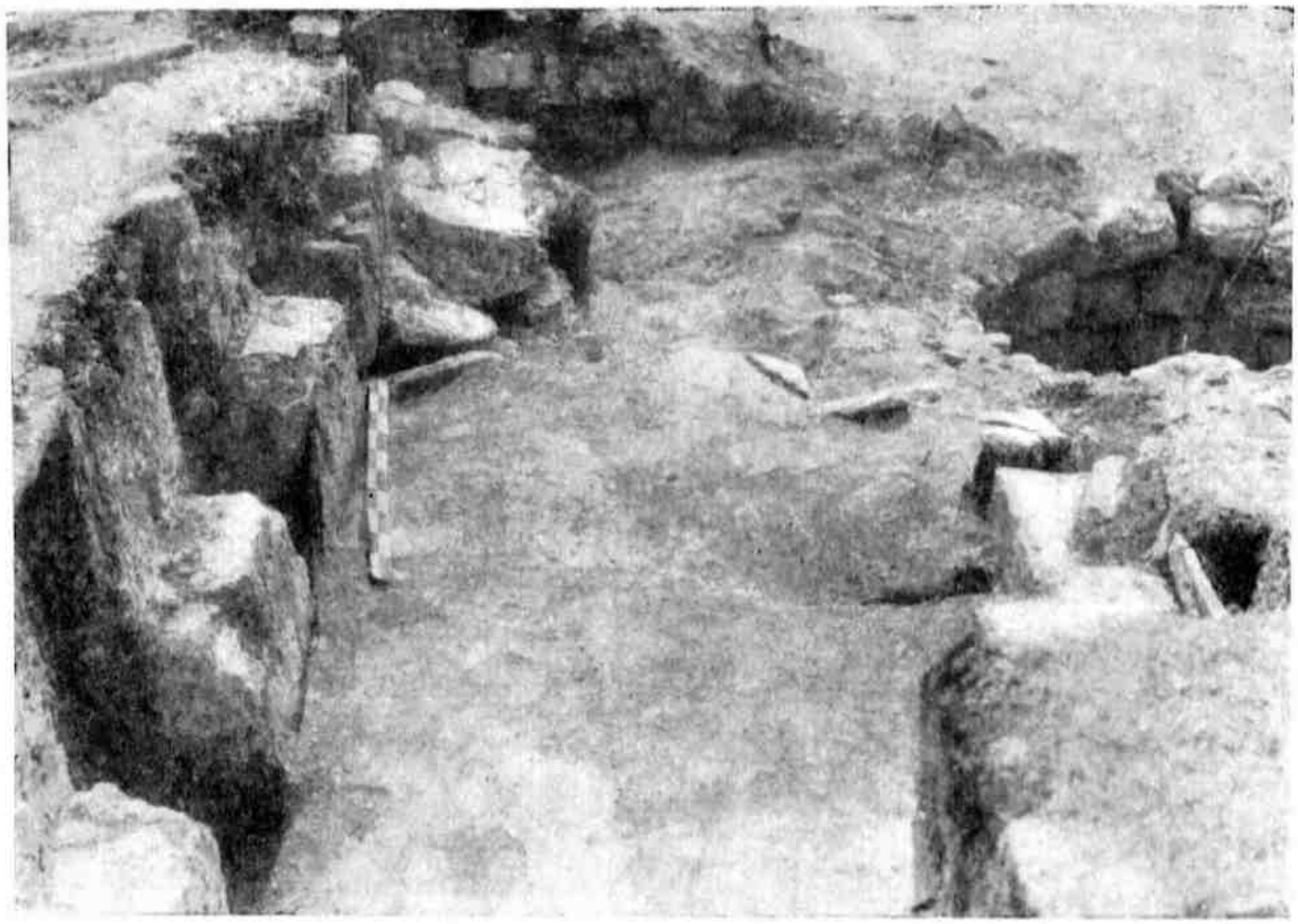


Рис. 62. Баня, вид со стороны предбанника. Слева в стене — каналы для тепла.

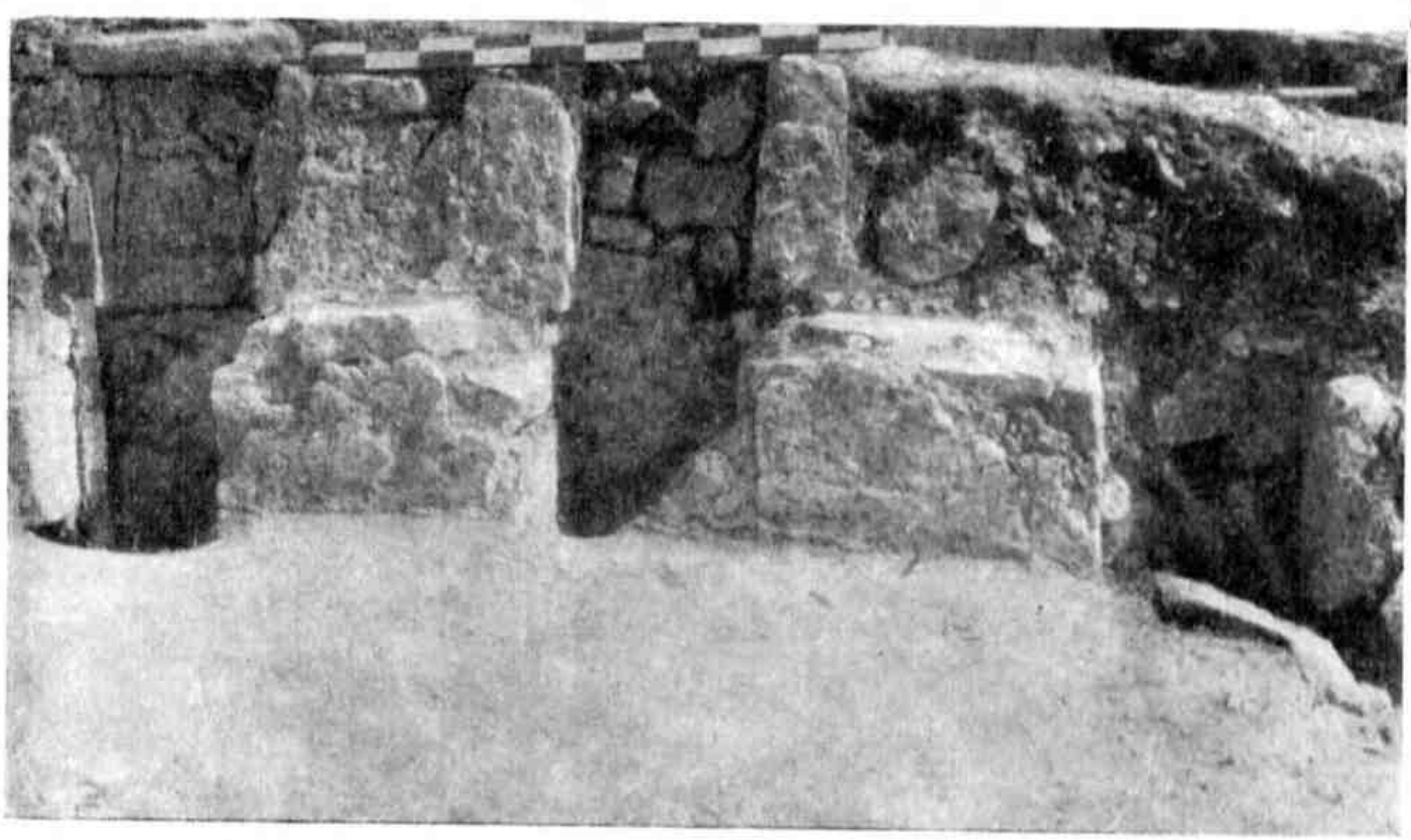


Рис. 63. Баня. Каналы в ю.-в. стене.

несколько тачек. Найдена бронзовая вогнутая монета XII в. (№ 211).

Помещение 7 — двор. Между баней и помещениями *2* и *8* находится двор (другая часть его находится с с.-з. стороны бани; последняя разделяла двор на две части). Во двор выходит дверь из помещения *2*. Возле дверного проема, вплотную к с.-в. стене, находилась лестница. Сохранились четыре ступени общей высотой 0.85 м; ширина лестницы 1.25 м, длина внизу у основания 1.84 м. Лестница вела, вероятно, в верхнее помещение, являвшееся жилым. Аналогичные лестницы были открыты раскопками 1931—1936 гг.

Смежное с помещением *1*, находящееся от него к СЗ, *помещение 21*, раскопанное в 1936 г.,[1] входило в первый хозяйственный комплекс. Кроме того, существовало еще одно помещение к ЮЗ от помещения *21*, почти не сохранившееся. Таким образом дом был весьма обширным, состоявшим из нескольких жилых помещений, кладовой, хозяйственно-рабочего помещения (*2*), бани и двора. Инвентарь дома был многочислен и разнообразен: орудия труда, сосуды с запасами продуктов, кухонная и столовая посуда (следует отметить одинаковое граффито на двух блюдах; рис. 38, *56*), чашечки весов, пенная шиферная иконка с позолотой и пр. Дом принадлежал, повидимому, зажиточному владельцу.

Второй дом (помещения *3* и *8*). Помещения составляли только часть этого дома, остальные помещения остались за пределами раскопанного участка.

Помещение 3. Его размеры: длина 4.85 м, ширина 4.58 м, сохранившаяся высота стен около 1.20—1.40 м. В ю.-в. стене виден дверной пролет, заполненный завалом камней. Стены этого помещения, так же как и помещения *8*, построены впритык к стенам помещения *2*, южный угол которого выступает внутрь помещения *8* (см. табл. II). Все это указывает на то, что помещения *3* и *8* были построены позднее первого дома и принадлежали другому дому.

Помещение *3* являлось кладовой — в нем находилось большое количество пифосов, амфор и кувшинов. Пифосы, в количестве семи, стояли в углублениях пола, расположенных в различных местах кладовой. Все пифосы, за исключением одного, имеют небольшие размеры (внутренний диаметр их венчиков равен 15, 18, 18, 22, 23, 24 и 29 см); черепок их темнокрасный. Два венчика украшены сверху мелкими углублениями; плечи двух пифосов орнаментированы круглыми углублениями, других — зигзагами; поверхность корпуса одного из пифосов украшена мелким и частым рифлением в разных направлениях; на корпусе трех пифосов имеются ребра. На нескольких венчиках процарапаны граффити (рис. 38, *57—59*).

На полу возле ю.-в. стены, среди обломков пифоса, лежало большое количество обуглившихся зерен пшеницы и листовидные куски неизвестного вещества.

Амфоры и кувшины были аналогичны найденным в помещении *1* (о количестве их можно судить по массе фрагментов, которых собрано 1676 экз.).

Кроме того, найдены обломки поливной посуды — красноглиняной с гравированными украшениями и белоглиняной с росписью; бронзовая сковородка с внутренним диаметром 21 см, высотой 4 см (железная ручка отбита, в одном месте на стенке прикреплена заплата); железные замки (два плоских круглых, внутренних, один из них лежал возле двери, третий замок цилиндрической формы, в бронзовой оправе); бронзовая подвеска в виде ажурного шарика; железный стержень с острым концом; железные гвозди (свыше 35 шт.); фрагмент мраморного карниза, украшенного пониками (найден в завале камней).

На полу лежали обломки черепиц, многие из них с метками в виде букв, знаков и изображений птиц, животных, человека. Некоторые метки повторяются много раз. Сохранилось несколько целых черепиц, их размеры 38×30 см. Непосредственно на полу лежал слой пожарища в виде сажи и кусков угля. Следы огня остались также на разных предметах и камнях стен, побагровевших и потрескавшихся. В с.-з. части в полу имеется большая яма, размерами 2.20×1.50 м, глубиной около 0.40 м.

Помещение *3* до верхнего уровня его стен было заполнено сплошным завалом камней.

Помещение 8 — двор. Размеры его: длина 5.60 м, ширина 4.40 м. В ю.-в. стене, в восточном углу, находится дверной проем, шириной 1.85 м.

Подошва неровная, неутрамбованная.

[1] См.: Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., план раскопок 1936 г.

Черепиц и следов пожарища на подошве не было — обычный признак того, что кровля отсутствовала, т. е. помещение было двором. Этому соответствовала и находка двух жерновов, верхнего и нижнего, диаметром 0.45 м; оба были разбиты и лежали возле с.-в. стены.

Третий дом (помещения *11—15*). Дом находился в ю.-в. части квартала, между часовней и ю.-в. границей раскопа. Составляющие его помещения расположены внутри двора; с с.-в. стороны они ограждены особой стеной, отстоящей от стены помещений *11* и *12* всего лишь на 0.50—0.80 м (см. табл. II). Таким образом этот жилой комплекс является совершенно обособленной усадьбой с хорошо сохранившейся планировкой, вследствие чего он представляет большой интерес. Все стены дома стоят на насыпи, за исключением ю.-з. стены помещения *12*, стоящей на эллинистической стене.

Помещение 11 было жилым; его размеры: длина 4.15 м, ширина 3.90 м, сохранившаяся высота стен от пола 1—1.10 м. Возле с.-в. стены на полу находился очаг, на что указывает куча золы (размеры зольного скопления 0.70×0.60 м). На полу же найдены обломки кухонных горшков, тонкостенных кувшинов с линейным волнистым и рельефным орнаментом, миниатюрный горшочек (детская игрушка), фрагменты красноглиняной поливной посуды с гравированным орнаментом, бронзовой миски, железного цилиндрического замка с бронзовой отделкой, грузила (два глиняных бочковидных и одно свинцовое в виде кольца), бронзовая пуговка. Возле ю.-в. стены стоял пифос.

На полу, носившем следы пожарища (сажа и куски угля), лежал толстый слой обломков черепиц, на многих встречались метки; среди черепиц найдено около 20 железных гвоздей.

Из помещения *11* ведет дверь в *помещение 12*, служившее кладовой; ее размеры: длина 4.20 м, ширина 2.30 м, ширина дверного проема 0.90 м. В восточном углу кладовой стоял пифос. На полу возле стен лежали обломки нескольких тонкостенных кувшинов с желтой обмазкой; носик одного из них украшен орнаментом в виде валика с поперечными рубчиками. Здесь же найдены фрагменты поливных мисок (красноглиняных с гравированным орнаментом и белоглиняных), железная цапка, бронзовая четырехугольная чашечка или крышка 1×1.5 см, расширяющаяся кверху, обломки стеклянной посуды и браслетов, гладких и витых, обломки черепиц. На полу оставались следы пожарища в виде сажи и кусков угля.

Помещение 13, узкое (2.50 м) и длинное (8.50 м). Оно было проходным: через него был выход во двор из *11* и *12* помещений. Кладка стен очень небрежная, из мелких камней.

Помещения 14 и *15 — двор усадьбы* — в плане имеет форму глагола, по площади превышает все три помещения, взятые вместе. Его ю.-в. часть (помещение *14*) отделялось от с.-з. (помещения *15*) стеной, частично сохранившейся у западного угла помещения *12*, но не доходившей, повидимому, до ю.-з. стены. В с.-з. стене двора, возле южного угла часовни, находится дверной проем, ведущий на площадь перед часовней. В северном углу двора между стенами имеется разрыв, поэтому остается невыясненным, был там второй дверной проем или его не было.

В ю.-з. части двора, на расстоянии 1.75 м от ю.-з. стены, находится колодец *Г*. Стенки его обкладки, довольно небрежной, вверху разрушены; глубина до воды 4.40 м; вода слегка солоноватая. Колодец был завален камнями и рыхлой землей. По обломкам поздней черепицы, найденным в завале, колодец можно считать одновременным дому.

Четвертый дом (помещения *29* и *30*). Планировка этого дома сохранилась хорошо. Он имел небольшие размеры и заключал всего два помещения — *29* и *30*, примыкающие к стене третьего дома с ю.-з. стороны. Кроме того, дому принадлежал двор с колодцем. Размеры помещений внутри: длина с.-з. стены помещения *29* — 5.15 м, длина ю.-з. стены 4.10 м; в помещении *30* противоположные стены не равны, длина ю.-з. стены 5.30 м, длина с.-в. стены 5.60 м, ширина помещения 4.30 м. Ю.-з. стена помещения *29* продолжается к ЮВ от него на 3.50 м и затем обрывается (табл. II). Ю.-з. стена помещения *30* идет почти параллельно ей. Существование двух стен рядом можно объяснить только тем, что в дальнейшем была произведена перестройка помещения *30*: вначале ю.-з. стена обоих помещений представляла общую стену; позднее нашли нужным, при перестройке этого помещения, уменьшить его ширину в с.-з. конце

и тем выправили его планировку. Помещения соединяются между собой дверным проемом (ширина 1 м), находящимся возле их с.-в. стены.[1] Стены сложены, как обычно, из мелких бутовых камней на грязи и основаны на насыпи, за исключением с.-з. стены помещения *30*, стоящей на эллинистической стене, и с.-в. стены помещения *29*, частично

Рис. 64. Помещение *29*. Под печи.

также стоящей на эллинистической стене; кроме того, ю.-з. стена помещения *29* основана частью на эллинистической, частью на раннесредневековой стене.

В северном углу помещения *29* находилась печь, от которой сохранился под, вымощенный черепицами, положенными оборотной стороной кверху, в три ряда. Края печи обложены камнями; размеры пода с его стенками 1.50×1.25 м (рис. 64).

Возле ю.-з. стены, в наклонном к ней положении, стояли два жернова, верхний и нижний, диаметром 0.38 м. Между помещениями *29* и *30* и X поперечной улицей находился двор с колодцем *И*, который продолжал функционировать и в позднесредневековый период. К его с.-з. стороне примыкает вымостка из плит, длиной 1.80 м, шириной 1.15 м, располагавшаяся на уровне позднесредневековой подошвы и выше нижней вымостки на 1.20 м. Верхние ряды выкладки шахты колодца отличаются по своей кладке от нижних, что объясняется повышением уровня подошвы, в соответствии с чем была надстроена и выкладка колодца.

В ю.-з. стене двора сохранился порог двери, выходившей на улицу; порог лежал на насыпи, выше нижнего порога на 0.75 м.

X поперечная улица. С ю.-з. стороны раскопанного участка открыта X поперечная улица, имеющая направление с СЗ на ЮВ. Первоначальная ширина улицы между с.-в. и ю.-з. стенами (от последней сохранились остатки на уровне подошвы улицы) — 3.50 м, но в позднесредневековый период в с.-з. конце улицы было построено здание, частично занявшее ее, поэтому ее ширина здесь уменьшилась до 2.90 м. Кроме того, улица была перегорожена поперечной стеной и вследствие этого превратилась

[1] При устройстве в XIX в. мостовой и насыпи к ней ю.-в. стена помещения *30* была разобрана до уровня пола (кроме южного угла).

в тупик.[1] Под поверхностью улицы идет водосток с широким (0.40 м) и глубоким (0.50 м) каналом, стены которого сложены из камней. Перекрытие канала состоит из тонких больших плит; в одном месте в качестве перекрытия использован большой верхний жернов, диаметром 0.65 м, с шестью углублениями для лап. Водосток имеет заметный на глаз наклон на СЗ — к морю.

Поверхность улицы крепко утоптанная, земля под ней с мелким мусором (мелкими черепками и камнями), характерным для насыпи на улицах. Насыпь под поверхностью улицы состояла из серой сухой твердой земли, толщиной до 1—1.25 м. В верхней части земля была перекопана в новое время и не содержала находок. Найдена лишь одна монета Константина VII Багрянородного—Романа I (№ 372).

Ч а с о в н я. В середине раскопанных кварталов, ближе к X поперечной улице, находится часовня[1] с усыпальницами. Ее наружная длина (с апсидой) 9.20 м, без апсиды 7.80 м, ширина 4.80 м, диаметр апсиды 1.73 м. Стены часовни основаны на насыпи, лишь апсида частично стоит на эллинистической стене (рис. 65). Они сложены из бутовых камней на грязи, углы и дверной проем укреплены штучным тесаным камнем. Часовня ориентирована на СВ.

Рис. 65. Часовня, общий вид с восточной стороны.

В западном конце часовни стоят две гробницы, сложенные из плит. Между гробницами имеется узкий проход, шириной 1.20 м, вымощенный мелкими камнями на уровне порога двери, которая находится в южной стене (ширина двери 1.10 м).

В восточном конце часовни пол пони-

[1] Изменения планировки улиц, произведенные в позднесредневековый период, мы отмечали уже неоднократно и на раскопках прошлых лет (например, в кварталах, раскопанных в 1931, 1932, 1935 гг.).

[1] Этим термином называются небольшие церкви позднего Средневековья, имеющие прямоугольный план с полукруглой апсидой в восточном конце, известные в Херсонесе в большом количестве.

жается на одну ступеньку и очень тщательно вымощен небольшими тесаными плитами из инкерманского камня (рис. 66). Остатки пола сохранились в апсиде и возле ступеньки у гробницы. В южном углу часовни лежит большая мраморная плита (косяк двери, взятый из соседней базилики), восточный конец ее приподнят. Вымостка пола была здесь разрушена при устройстве мостовой в XIX в., проходившей через часовню; тогда же была приподнята и мраморная плита, но вследствие большой своей тяжести она оставлена на месте. На поперечной стене, возле гробницы и на стене апсиды сохранилась штукатурка. Куски штукатурки найдены и в насыпи.

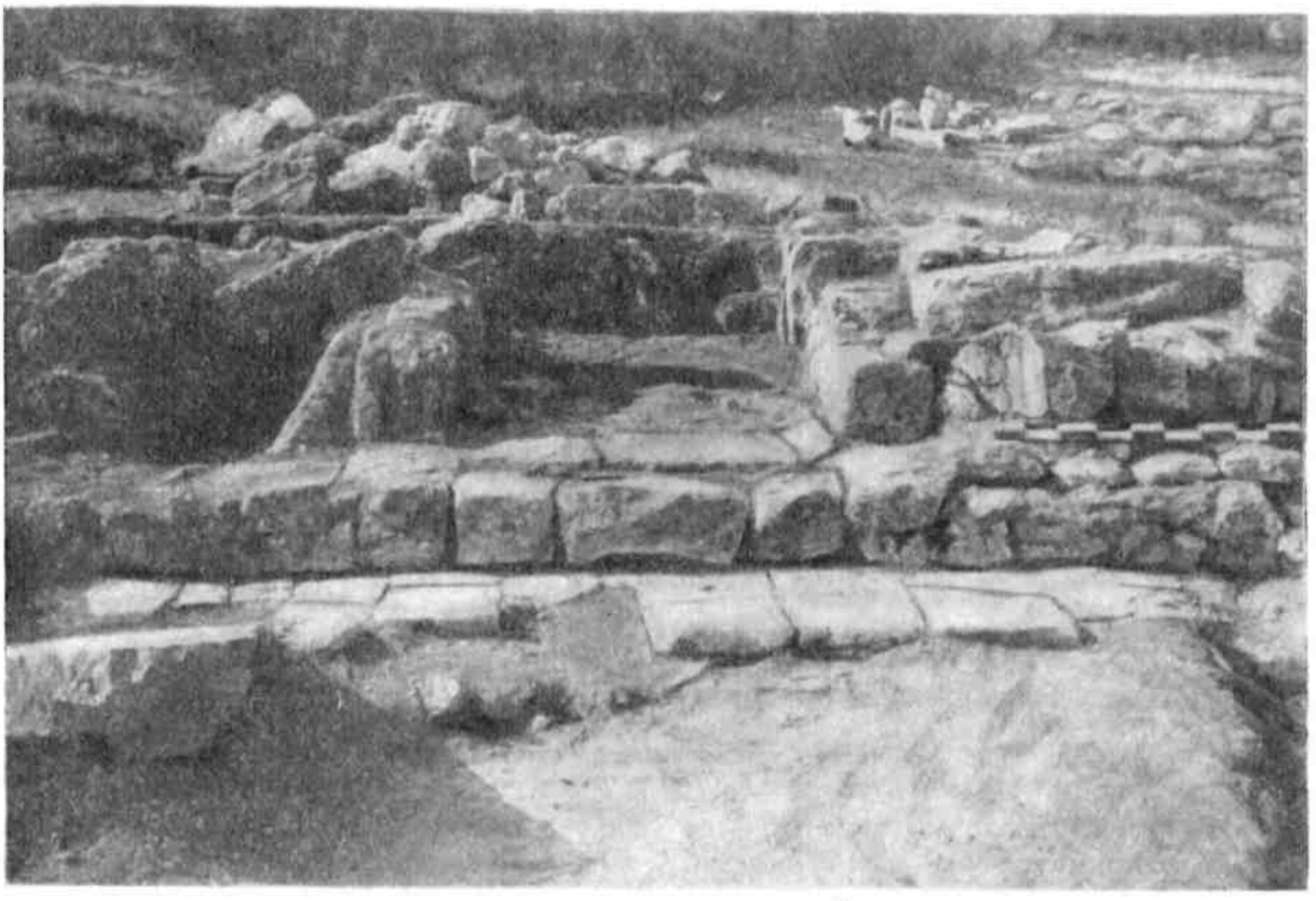


Рис. 66. Часовня, внутренний вид: вымостка пола и гробницы.

В дверях, коридоре и снаружи около двери лежали клинья арки, а в апсиде в куче лежали клинья свода, некоторые — с выемками. На клиньях и других штучных плитах сохранилась штукатурка (без окраски). Наличие клиньев указывает на арочное перекрытие двери и перекрытие апсиды конхой.

В западном конце часовни найдены фрагменты терракотовых столбиков, украшенных рельефным орнаментом в виде плетенки. В насыпи апсиды найден обломок железной зубатки. На полу лежал слой пожарища, а плиты дверного проема сильно потрескались от огня. Отсюда ясно, что часовня, как и окружавшие ее дома, погибла от пожара.

Как уже сказано, в самой часовне были две гробницы. Кроме того, четыре могилы находились снаружи, с южной и северной ее сторон.

Могила первая. Находилась на расстоянии 2.40 м от часовни к западу. Верхний костяк лежал на спине, головой на ЮЗ, в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Сохранилась только верхняя часть костяка до таза, длиной 0.55 м; костяк был небольшой. В нижней челюсти было 14 зубов, а в верхней виден зуб мудрости, еще не вполне развившийся. Костяк лежал в сухой, серой земле второго слоя, на глубине 0.50 м.

Второй костяк лежал под верхним, головой на ЮЗ, на спине, руки на груди и сдви-

нуты на правый бок, концы ног не сохранились.

Могила вторая. Находилась на расстоянии 1.0 м к ЮЗ от западного угла часовни. Первый костяк лежал на глубине 0.50 м, на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль туловища, правая рука от локтя лежала на животе. Второй костяк лежал головой на ЮЗ, на спине, в вытянутом положении. Под этими двумя костяками лежало еще несколько костяков, но в беспорядке: нижние челюсти находились отдельно от черепов, черепа лежали нижней частью вверх и т. д. дилось в западном конце могилы и лежало в разных положениях. Несомненно, что костяки в часовне были погребены вторично: кости с кладбища были перенесены и небрежно брошены в могилу. Всего в могиле было около 40 черепов, из них семь детских. В могиле найдены бронзовые шаровидные пуговицы и куски бронзовой цепочки.

Могила пятая (гробница) находится в западном углу часовни. Ее размеры: длина 1.80 м, ширина вверху 0.55 м, внизу 0.60 м, глубина 1.25 м, верхний ряд камней положен с напуском внутрь могилы. Стены

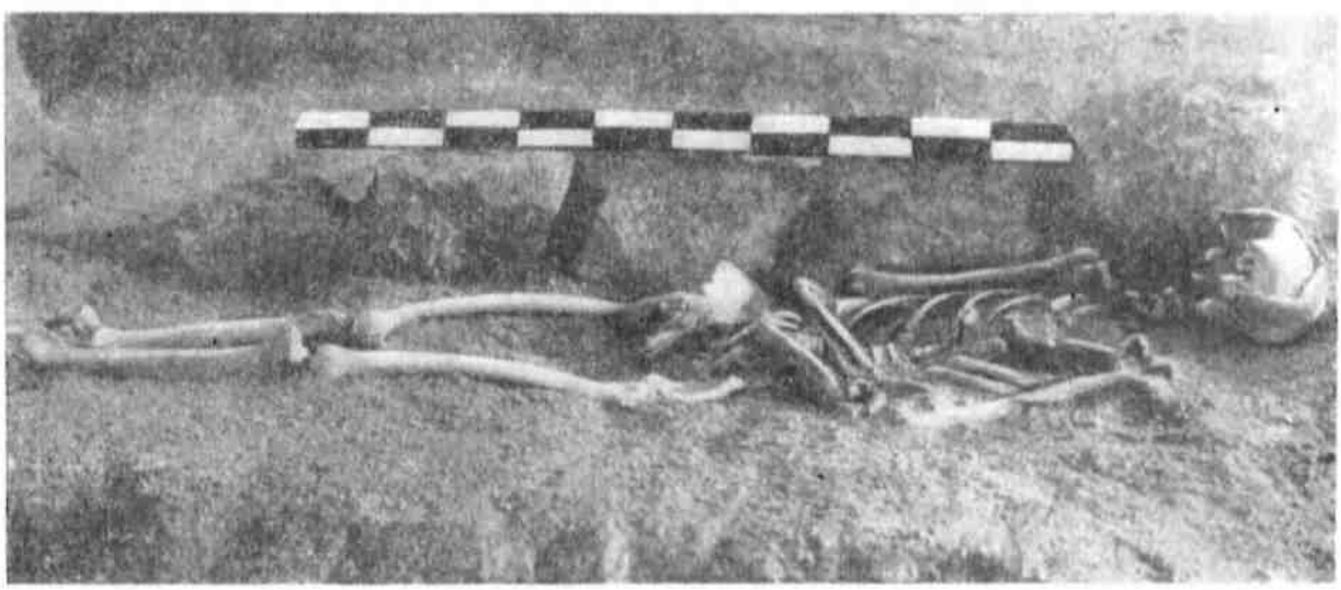


Рис. 67. Могила третья возле часовни. Погребение.

Могила третья. Находилась на глубине 1.30 м, на расстоянии 1 м от двери часовни к ЮЗ. Могила с боков была обложена небольшими плитками. Костяк лежал головой на ЮЗ, на спине, в вытянутом положении (рис. 67); правая рука от локтя лежала на животе, левая — на тазе. В нижней челюсти несколько коренных зубов выпали при жизни.

Могила четвертая (гробница). Находится в южном углу часовни. Была покрыта двумя большими плитами (1×0.65 и 0.75×0. 45 м), провалившимися внутрь могилы. Размеры могилы: длина 1.85 м, ширина 0.95 м, глубина 1.05 м. С.-з. стена сложена внизу из двух больших плит (1.15×0.65 м), вверху из толстых плит, среди них — ступа. Дно вымощено плитами. Стены могилы внутри покрыты штукатуркой (сохранилась на северной стене). Над костяками рыхлая сухая земля. Костяки лежали в беспорядке в несколько слоев. Большинство черепов находилось внутри оштукатурены чистой известью. Могила была покрыта небольшими плитами, под которыми были рыхлая земля и камни.

Костяки лежали в беспорядке, на глубине 0.90 м; бо́льшая часть черепов находилась в западном конце. Черепа и кости обуглились и стали хрупкими, многие распались на куски. Следов пожара в могиле не заметно. Остается предположить, что люди погибли в огне во время пожара в доме и затем были погребены в часовне. Среди черепов встретились детские. Возможно, что здесь была погребена погибшая в пожаре целая семья. Следует отметить, что погребения сгоревших людей в Херсонесе представляют редкий случай. Всего в могиле было около 20 черепов, из них четыре необгоревших черепа лежали внизу могилы. В могиле найдены бронзовые шаровидные пуговицы, на двух из них сохранились остатки ткани; большой бронзовый бубенчик, два бронзовых проволочных кольца,

монета Романа I (№ 333). При детских костяках внизу могилы найдены три маленьких стеклянных браслета.

Могила шестая. Находится с северной стороны часовни и примыкает вплотную к ее стене. Ее размер: длина 2 м, ширина 0.80 м, глубина 0.90 м. Покрыта была четырьмя большими плитами. Стены сложены из мелких бутовых камней, внутри оштукатурены чистой известью. Дно вымощено глиняными кирпичами в два ряда, в головах кирпичи положены наклонно. В могиле лежали четыре костяка: черепа находились в западном конце в различных положениях — на боку, вниз и вверх лицом. Остальные кости лежали также неправильно, однако при погребении, повидимому, стремились положить их в некотором порядке.

Небольшие размеры часовни, наполовину занятой гробницами, указывают ее назначение. Повидимому, она была построена именно в качестве усыпальницы, для совершения в ней погребений. Таково же назначение и других аналогичных часовен, открытых в 1930, 1932 и 1935 гг.: все они небольших размеров и имеют гробницы внутри и снаружи. Ряд подобных часовен открыт в Херсонесе и в дореволюционные годы.

Таким образом от позднесредневекового периода в исследованных кварталах сохранилось четыре дома. Все они представляли большой интерес и дали ценный материал для изучения хозяйства, быта, занятий населения и его культуры.

Хозяйства большей частью были небольшими, рядовыми. Лишь первый дом выделяется среди них своими размерами и богатым инвентарем. В нем было несколько жилых комнат, расположенных во втором этаже, несколько хозяйственных помещений, большая кладовая с массой посуды и запасами продуктов, а также баня; наличие бани в частном доме явление редкое в Херсонесе. В этом же доме находилась и ценная в художественном отношении иконка Благовещения. Все это, вместе взятое, характеризует данное хозяйство, по сравнению с соседними, как более зажиточное.

Кладовая (помещения *1* и *3*) дала многочисленный и разнообразный керамический материал: амфоры, кувшины, блюда, миски и др. Изучение этой посуды, а также черепиц, собранных в большом количестве, позволило ближе и лучше познакомиться с местным гончарным производством, его размерами, техникой и организацией производства.[1]

Наблюдения над устройством позднесредневековых домов, открытых в большом количестве за последние годы, позволяют высказать предположение, что в нижней части некоторых домов были подвалы, кладовые и другие хозяйственные помещения. На это указывают их неровный пол, отсутствие внутренней отделки стен, обилие сосудов (пифосов, амфор, кувшинов и др.), стоявших на месте, обычно с запасами продуктов, наличие различного хозяйственного инвентаря и орудий (жернова, ступы, сошники и т. д.). Кроме того, почти в каждом доме имеется каменная лестница, недостаточно высокая, чтобы вести на чердак дома, но достигающая уровня пола тех комнат, которые находились над нижними помещениями. Отсюда следует, что жилые комнаты в подобных домах были расположены именно во втором этаже. Этим можно объяснить нахождение многих вещей не на земляном полу, а среди завала камней: поливная столовая посуда, различные мелкие предметы быта, иконки и др. — все они упали вниз вместе с верхним полом, кровлей и частью стен во время гибели построек от пожара. То же подтверждает находка в помещении, соседнем с помещением *1* (раскопанным в 1936 г.), частей кирпичной печи, оказавшейся в завале камней, выше земляного пола, и, следовательно, находившейся, несомненно, в верхнем этаже.

Небольшие кладбища с часовнями являются весьма характерными для позднесредневекового Херсонеса. Некоторые из таких часовен могли быть семейными усыпальницами, бóльшая же часть их находилась в пользовании общины — населения целого квартала. Последнее подтверждается тем, что в могилах встречалось по 10—15—25—30 и даже по 40—60 костяков. В качестве усыпальниц использовались также полуразрушенные и заброшенные раннесредневековые храмы, например крестообразный храм, раскопанный в 1897 г., а также крещальня и др.

Самый факт большого количества часовен также указывает на их связь с городской общиной, приходом, который их строил;

[1] См. МИА, 17, гл. III.

часовни имеются почти в каждом квартале, исследованном раскопками.

Рассмотренный материал раскопок XV и XVI кварталов приводит к следующим заключениям.

С конца V до конца IV в. до н. э. на исследуемой территории находился некрополь. Бо́льшая часть его — 91 погребение — открыта в 1936 г., в 1937 г. погребений оказалось только 31. Объясняется это отчасти тем, что кварталы XV и XVI в эллинистический и римский периоды были густо застроены и многие погребения были уничтожены. Помимо того, и первоначально погребений здесь было меньше, так как местность находилась ближе к городу, некрополь же занимал по преимуществу прибрежную полосу.

С конца IV в. до н. э. начинается застройка некрополя, город живых расположился над городом мертвых.

В 1937 г. раскопаны два квартала эллинистического периода и три улицы. В исследованных кварталах находилось четыре дома, площадь одного из них была довольно значительной. Архитектурные остатки эллинистического периода за последние годы (1934—1937 гг.) открыты в таком количестве, что дают возможность близко познакомиться с планировкой, техникой постройки и внутренним устройством эллинистического дома. Особого внимания заслуживают жертвенник на площади и помещение с мозаичным полом.

Эллинистические дома перестали существовать, судя по нумизматическому и керамическому материалу, в конце II в. — начале I в. до н. э.

В следующий период в квартале XV разместился большой жилой и хозяйственный комплекс. В состав его входили три рыбозасолочные цистерны, винодельня (предположительно) и кладовые с 15—20 пифосами. Возможно, что открытое в 1936 г. (квартал XIII) большое римское здание и комплекс квартала XV составляли одно домовладение. Остальные дома римского периода в описываемом квартале были меньших размеров, но в каждом из них также находились цистерны и кладовые с пифосами.

Засыпь цистерн и в помещениях была обильно насыщена керамикой, стеклом и бронзой; монет в ней найдено также большое количество. Многие виды и типы этого материала теперь можно точно датировать. Монеты и другие предметы указывают на время существования зданий и цистерн: возникновение их относится к I—II в. н. э., разрушение их произошло в IV—V вв.

Новое строительство началось в VI в. Наиболее крупные по размерам дома находились в ю.-з. части кварталов. В одном из домов открыта кладовая с большим количеством посуды. Другая кладовая, также с массой посуды (главным образом кувшинов), находилась в с.-в. части. Кладовые и другие помещения знакомят нас с хозяйством этого периода. В экономике города произошли изменения: дома уменьшались в размерах, цистерны были заброшены — рыбный промысел продолжал существовать, но в иных формах и размерах. В гончарное производство внедрилась новая техника, появились новые типы посуды, о чем красноречиво свидетельствует обильный керамический инвентарь из помещений.

Существование домов обрывается вследствие катастрофы, постигшей город в конце X в.: дома подверглись разрушению и сгорели.

Последний строительный период начинается через значительный промежуток времени, в течение которого развалины погибших зданий успели покрыться толстой мусорной насыпью; западная половина города оставалась долго незаселенной и служила местом для свалки мусора из восточной его части, восстановленной ранее, чем западная.

Так как постройка новых домов происходила на мощной насыпи, то преемственности в их планировке не наблюдается. Даже улицы и те подвергаются застройке и изменению в ширине и направлении. Новые дома были построены целиком из материала, добытого на развалинах старых; техника их постройки была ниже прежней.

Один из домов выделяется своими большими размерами и многочисленным инвентарем; при нем имелась баня, стоявшая во дворе. Но этот дом является исключением. Остальные дома были небольшими по размерам и скромными по инвентарю. Повидимому, мелкое хозяйство являлось типичным для последних веков существования города.

Среди жилых домов в квартале находились часовня и маленькое кладбище. Размеры часовни вполне соответствуют ее окру-

жению: она так же мала и скромна, как и соседние дома. Сооружена она была, вероятно, на средства жителей данного квартала. В ней отправлялись требы немногочисленных прихожан и в ней же (и около нее) погребались умершие члены этой маленькой общины. Таким образом некрополь занял место в городе живых. В этом — отличие от античной эпохи, когда города мертвых и живых были строго разграничены.

Хронологические рамки последнего периода определяются приблизительно XII—XIV вв. Следы пожарища, имеющиеся в каждом доме, говорят о том, что здания и весь город в целом погибли от пожара

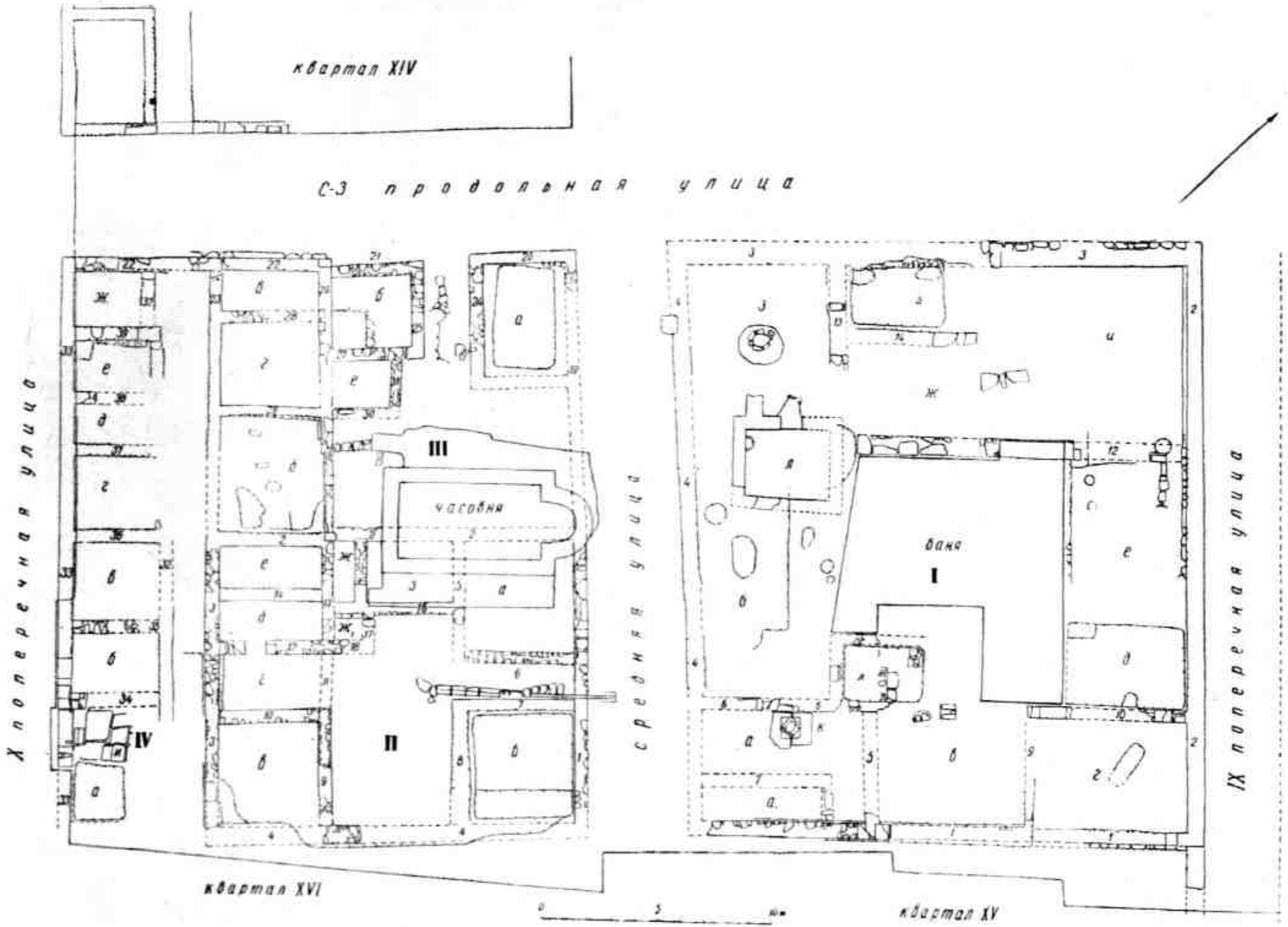


Табл. I. Кварталы XV и XVI. План строительных остатков эллинистического периода.

I—IV — дома; *а—л* — помещения; *З* — цистерна; *Л* — помещение с мозаичным полом. Арабскими цифрами обозначены стены.

раскоп 1936 г.

X поперечная улица

IX поперечная улица

Табл. II. Кварталы XV и XVI. Общий план.

I—IV — зоны эллинистического периода; А—Ж — цистерны и колодцы; П — помещение с мозаичным полом; 1—3 — помещения эллинистического периода; а — подвал; 1—30 — помещения средневекового периода. Арабские цифры (1—24), окаймленные в кружок, обозначены стены. Сплошная линия с цифрой под ней обозначает погребение; пунктирная линия с цифрой под ней — погребение плохой сохранности.

Обозначения штрихов: 1 — эллинистического периода; 2 — раннего периода; 3 — раннесредневекового периода; 4 — позднесредневекового периода.

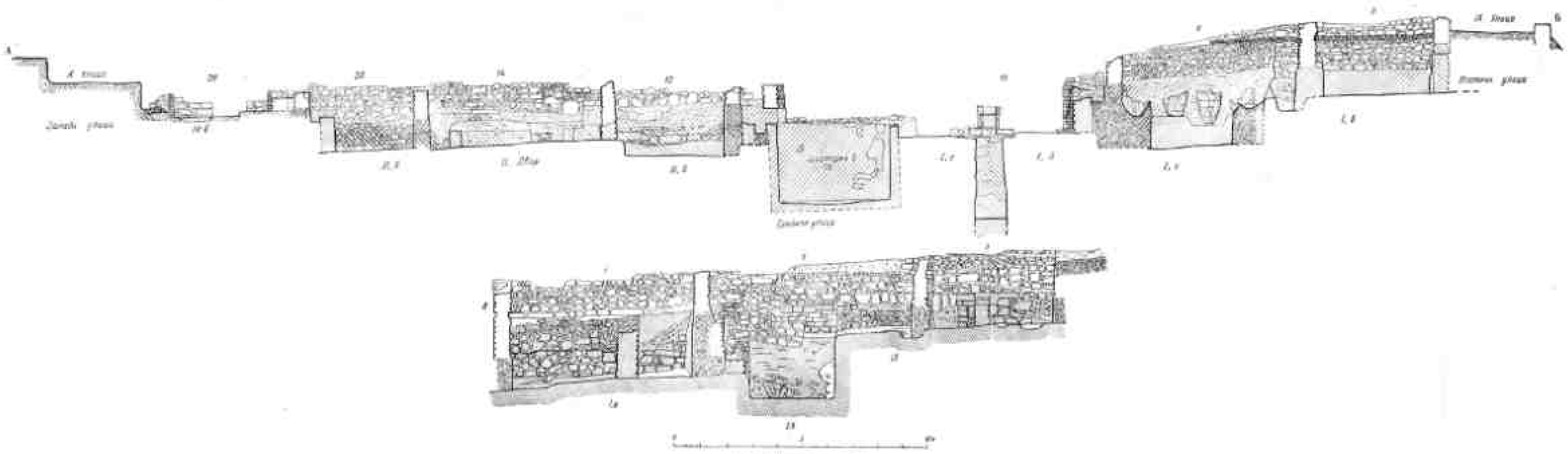


Табл. XII. Покрытие XV и XVI. Разрезы.

Табл. IV. Херсонес. Обломки краснофигурных сосудов IV в. до н. э.

На раскопок: *1* — жертвенника; *2* — дома *1*; *3* — береговой улицы.

Табл. V. Херсонес. Терракоты.

Из раскопок: *1* — жертвенника; *2* — дома *II*; *3* — дома *III*.

Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон

КВАРТАЛ XVII

(РАСКОПКИ 1940 г.)

Раскопки квартала XVII прибрежной части городища произведены в 1940 г. Квартал расположен к ЮВ от квартала XV; с с.-в. стороны он ограничен IX поперечной улицей, с ю.-в. — I продольной улицей (табл. I). Площадь раскопанного квартала составляет около 1000 кв. м. Мощность культурного слоя здесь достигала 3 м. Работы на всем участке были доведены до материковой скалы.[1]

1. КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

На участке 1937 г. открыты три погребения, находившиеся на скале под эллинистической продольной улицей. Погребения уцелели благодаря тому, что здесь не производились земляные работы, связанные с сооружением зданий. Два костяка лежали на спине, в вытянутом положении, головами на СЗ. Третий костяк, принадлежавший подростку, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮВ. Все три костяка были обложены с боков мелкими камнями. Вещей при погребенных не оказалось.

Наличие погребений вблизи X поперечной улицы может указывать на продолжение некрополя к ЮЗ от нее. Однако отсутствие погребений на участке квартала XXII (раскопки 1934 г.) и нахождение лишь единичных остатков их в квартале XIX свидетельствуют о том, что основная часть некрополя классической эпохи заключена между IX и X поперечными улицами (возникновение самих улиц восходит, естественно, ко времени застройки некрополя жилыми домами). К ЮВ некрополь едва ли достигал I продольной улицы. Основная масса погребений, таким образом, была сосредоточена в ложбине, возле самого моря. За указанными пределами встречались лишь отдельные погребения (например к СВ от IX поперечной улицы — при раскопках 1911—1912 гг., на бывшей монастырской усадьбе — в 1913 г. и др.).

На участке квартала XVII погребений in situ не сохранилось, но следы их обнаружены. Во-первых, в насыпи при скале встречались обломки человеческих костей и черепов. Во-вторых, о наличии здесь могил говорит следующий интересный факт. При раскопке глубокого колодца, почти на дне его, были найдены черепа и разрозненные кости семи костяков. Наиболее вероятным объяснением этой последней находки может быть следующее. В римский период, при глубоких земляных работах, производившихся здесь в связи с постройкой зданий, наскальный слой земли был удален, а оказавшиеся в нем костяки брошены в колодец, который перестал функционировать и

[1] Раскопками руководил Г. Д. Белов; в них принимали участие научные сотрудники Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий и В. Н. Лисин и научный сотрудник ИИМК А. Л. Якобсон. Определение и описание монет выполнены Л. И. Беловой (см. ниже «Приложение»). Обмеры и чертежи исполнил С. Ф. Стржелецкий. Полевые работы продолжались в течение двух с половиной месяцев. Результаты раскопок античных слоев изложены Г. Д. Беловым, средневековых слоев — А. Л. Якобсоном.

был засыпан землей, заключавшей в себе культурные остатки как эллинистического, так и римского времени. По наиболее поздним из них можно сделать заключение, что засыпка колодца произошла в III в. н. э. Подтверждением существования погребений на исследованном участке может служить обнаружение вблизи колодца семи продолговатых углублений, вырубленных в скале и являвшихся, вероятно, могилами.

Характерно, что на участке квартала XVII погребений оказалось очень мало и что могилы для них понадобилось частично вырубить в материке. Объясняется это обстоятельство тем, что здесь скала, по сравнению с уровнем ее на территории кварталов XIII—XVI, значительно повышается, а слой материковой глины и грунта был очень тонким и недостаточным для устройства в нем могил. Кроме того, поскольку в этом квартале в античную эпоху велись интенсивные строительные работы, находившиеся здесь погребения могли быть при этом уничтожены.

Наскальный слой, помимо погребений, содержал в себе культурные остатки, восходящие к доэллинистическому периоду, т. е. ко времени, предшествовавшему возникновению здесь городских кварталов. Так, на участке кварталов XV и XVI под эллинистической улицей, в слое щебенки и глины, встречались в большом количестве обломки лепной керамики и каменные орудия. Из последних заслуживает упоминания каменный молот серого цвета, правильной формы, тщательно отшлифованный, шириной 4.5 см, толщиной 2.6 см; сохранившаяся его длина 5.8 см (рис. 4, *а*).

На участке квартала XVII обломки лепной керамики в слое при скале попадались также в большом количестве. Кроме них, найдены и каменные орудия, главным образом кремневые. Следует добавить, что на территории кварталов XIII—XVII лепной керамике в нижнем слое обычно сопутствуют обломки ионийской и краснофигурной посуды. В целом этот слой датируется классическим периодом, V—концом IV в. до н. э.

В отчетах о раскопках кварталов XIII—XVI уже было отмечено, что погребения на северном берегу совершались не только в материковой глине и щебенке или непосредственно на скале, но и в насыпи культурного слоя. Последний на некрополе образовался вследствие вывоза из города мусора — кухонных отбросов, обломков посуды, земли и пр. Содержимое этого слоя следует датировать не позднее конца IV в. до н. э., т. е. оно одновременно некрополю.

Как уже сказано, описываемый слой был насыщен обломками лепной, ионийской и краснофигурной посуды, обломками амфор, блюд, кувшинов и других сосудов, отличающихся от обломков посуды, найденной в жилых домах эллинистического периода. Присутствие лепной керамики в слое V—IV вв. необходимо поставить в связь с наличием погребений в скорченном положении в некрополе на северном берегу. Как они, так и лепная керамика принадлежали, несомненно, местному населению, жившему в Херсонесе.

Раскопки некрополя на территории кварталов XIII—XVI показали, что погребения в скорченном положении составляли около 40% общего количества погребений. Следовательно, местный элемент среди населения Херсонеса в V—IV вв. до н. э. был весьма значительным. В отчете за 1936 г. (раскопки кварталов XIII и XIV) нами уже было выдвинуто предположение (более подробно рассматриваемое в специальной работе о некрополе Херсонеса [1]), что до основания колонии греками на месте Херсонеса существовало местное поселение, вероятнее всего таврское, и что основание города греками произошло не на пустом, а уже на обжитом месте. Материалы последних лет подтверждают наше предположение. Правда, следов самого поселения пока еще не обнаружено. Это можно объяснить тем, что остатки его были или уничтожены при городском строительстве и потому не встречены на раскопанных местах, или находятся под еще нерасследованными кварталами городища, составляющими очень значительную часть общей территории города. Археологическое исследование «белых пятен» на городище несомненно осветит этот начальный период жизни Херсонеса.

2. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Строительных остатков эллинистического периода в квартале XVII сохранилось мало (табл. I). Объясняется это тем, что в после-

[1] Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950.

дующее время, в особенности же в римский период, здесь происходило усиленное строительство, которое неизбежно влекло за собой разрушение стен предыдущего строительного периода. Остатки эллинистических зданий уцелели в виде обрывков стен, например под средневековыми помещениями *5*, *6*, *12*, *13*, *15*, *16*, *23* и др. Стены возведены на скале, которая перед началом постройки нивелировалась — ее неровности под зданиями срубались до горизонтального уровня.

шла стена дома, сейчас скрытая верхними стенами, отступающими от улицы внутрь квартала. От продольных стен, граничащих с улицами, перпендикулярно им идут стены внутренних помещений, сохранившиеся лишь в немногих местах.

В с.-з. части квартала открыт большой подвал, вырубленный в скале (рис. 1, табл. I, *A*), который аналогичен подвалам на участках 1936 и 1937 гг. Открыты и очищены до ключевой воды два колодца, оба

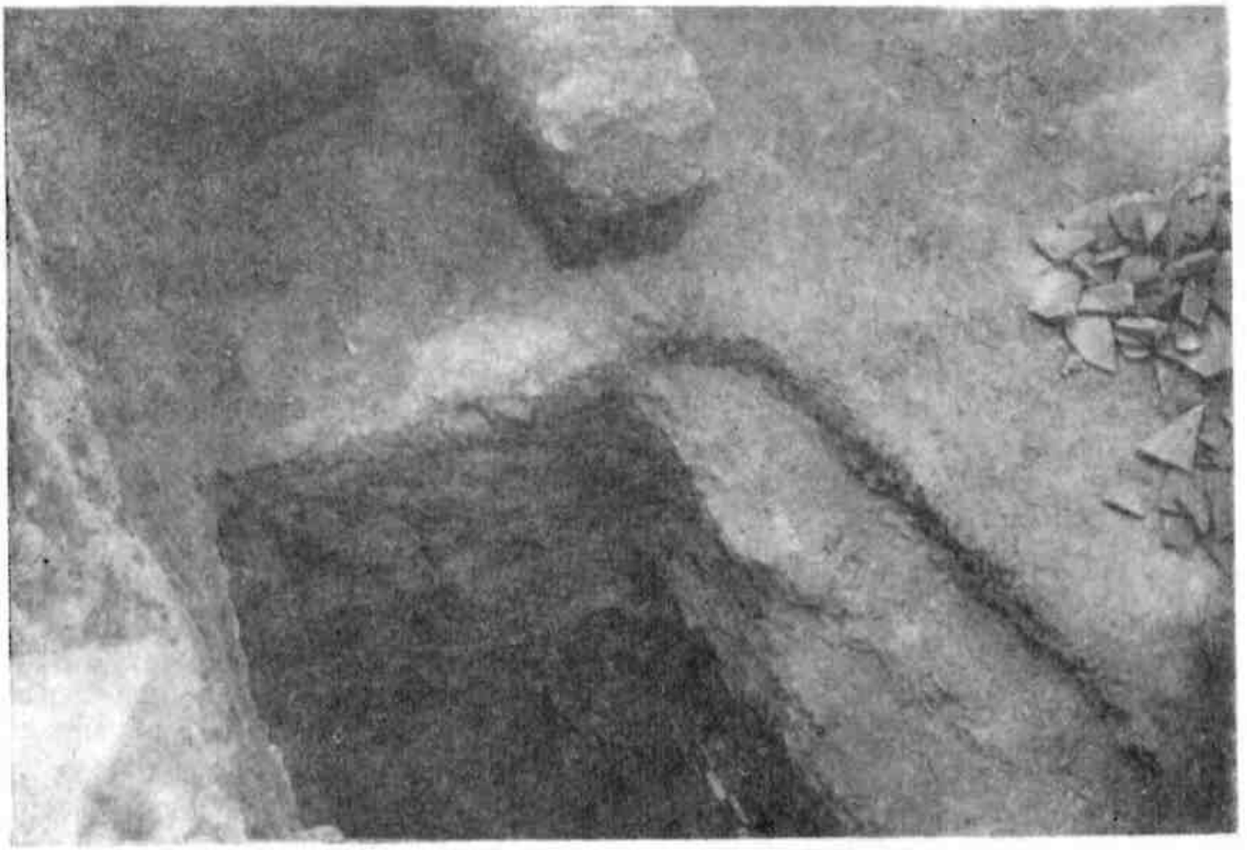


Рис. 1. Подвал, вырубленный в материковой скале.

Эта особенность строительной техники помогает нам теперь при выяснении плана находившихся здесь, но несохранившихся домов. Кладка стен — тщательная, выполнена большей частью из штучных камней, скрепленных раствором вязкой пластичной глины. Толщина стен около 0.5—0.6 м. В некоторых местах, например под помещением *5*, стены сложены из крупных тесаных плит, обработанных в руст; размеры одной из них 1.25×0.70×0.35 см. Стена, идущая вдоль IX поперечной улицы, застроена стоящими над нею более поздними стенами, поэтому она открыта только со стороны внутреннего фаса. В этой стене обнаружен дверной проем. Вдоль I продольной улицы также

цилиндрической формы, глубиной около 5 м. Возможно, что первоначально один из них (табл. I, *B*) был цистерной грушевидной формы, служившей для хранения дождевой воды, подобной открытым раскопками 1936—1937 гг. Впоследствии цистерна была превращена в колодец, для чего дно ее было соответственно углублено до уровня грунтовой воды. Сделано это было, повидимому, вследствие того, что в стенках цистерны оказались щели, пропускавшие дождевую воду и тем самым делавшие цистерну непригодной для указанной цели. Диаметр колодца внизу 1.60 м, глубина его ниже дна цистерны 2.35 м; наибольший диаметр цистерны на уровне дна 3.30 м, диаметр верх-

него отверстия 1.10 м. Отверстие перекрыто двумя большими плитами, поверх которых стоял венец колодца квадратной формы (0.62×0.62 м), сделанный из одного камня. Монументальная вымостка над цистерной и тщательно оформленный венец ее типичны для эллинистического периода.

Не менее характерно и устройство водостоков. Один из них проходит через двор, в котором находится цистерна *B*, и соединяется с другим, идущим вдоль улицы к морю (наклон поверхности скалы в сторону моря хорошо заметен на глаз). Каналы

Рис. 2. Херсонесская амфора.

водостоков вырублены в материке и обрамлены с обеих сторон штучными плитами, поставленными на ребро. Ширина каналов 0.20 м, глубина 0.15 м. Третий узкий канал подходит к цистерне с юга, со стороны второго колодца.

По строительным остаткам, включая в их число подвал, цистерну и колодец, можно определить, что в исследованном квартале находились два дома. Вход в один из них вел со стороны IX поперечной улицы, вход в другой — с I продольной улицы.

Сохранность эллинистического слоя, как и строительных остатков, находилась в прямой зависимости от земляных и строительных работ последующего времени. В некоторых местах слой совсем отсутствовал, в других он был очень тонким — около 0.10 м. В среднем его толщина достигала 0.20—0.40 м. Как исключение, в западном углу раскопа мощность насыпи, щебенки и глины доходила до 1.50 м, что объясняется наличием там уступа скалы, до верхнего уровня которой была насыпана щебенка.

Эллинистический слой, состоявший из глинистой земли желтоватого цвета с примесью щебенки, содержал большое количество культурных остатков, из которых первое место по своему обилию занимают обломки керамики. Особенный интерес представляет насыпь в подвале и колодце *B* (табл. I; цистерна *B* засыпана в римский период, материал в ней был смешанным, описание его дано ниже). В том и другом заполнение оказалось единовременным и однородным, включавшим предметы лишь эллинистического периода, без примеси вещей иного времени. Из множества обломков, обнаруженных в подвале и колодце, удалось собрать и склеить большое количество посуды (амфоры, лутерии, блюда, кувшины и другие сосуды), хотя и не всегда полностью, но достаточно, чтобы установить формы сосудов. Важно отметить, что многие из них оказались совершенно одинаковыми по своей форме, величине, технике и глине, хотя они и происходят из разных мест — одни из подвала, другие из колодца. Несомненно, что подобные сосуды были изготовлены в одной мастерской.

Приводим краткое описание посуды и других предметов, происходящих из упомянутых подвала и колодца, а также из других помещений.

Среди обломков амфор, весьма многочисленных, имеются ручки с клеймами — херсонесскими, синопскими, родосскими и фасосскими. Кроме того, найдены два горла гераклейских амфор с клеймами. В насыпи подвала лежала амфора, у которой сохранилось все ее тулово (рис. 2). В изобилии представлены лутерии больших размеров, с массивными стенками, широкими носиками и ручками-прилепами к краю венчика (рис. 3). Кувшины обычно имеют кольцевую подставку — поддон, одну вертикальную ручку, отогнутый венчик, шаровидный или овально вытянутый корпус, иногда с врезанными линиями на плечиках (рис. 4, *б*, *в*). Кувшины из красновато-оранжевой глины, на некоторых из них встречается желтоватая обмазка с геометрическим (пояски) или растительным орнаментом, исполненным краской малинового цвета. Встречены небольшие флаконы с узким высоким горлом

Рис. 3. Глиняные лутерии.

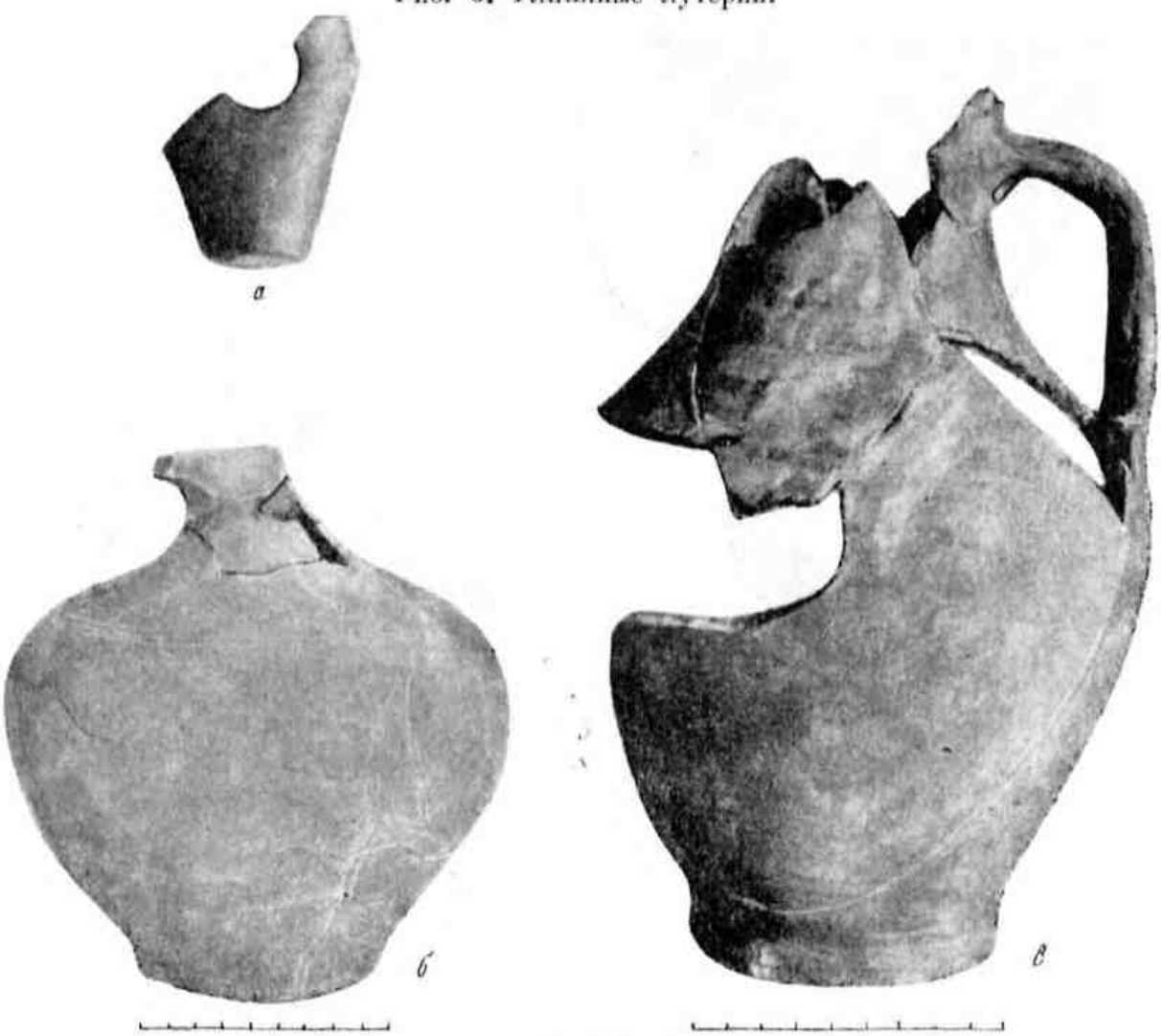


Рис. 4.

а — каменный молот; *б*, *в* — кувшины.

и подобной же ножкой, с яйцевидным или овальным корпусом, без ручки, с характерно срезанным наискось венчиком (рис. 5, *а*, *б*).

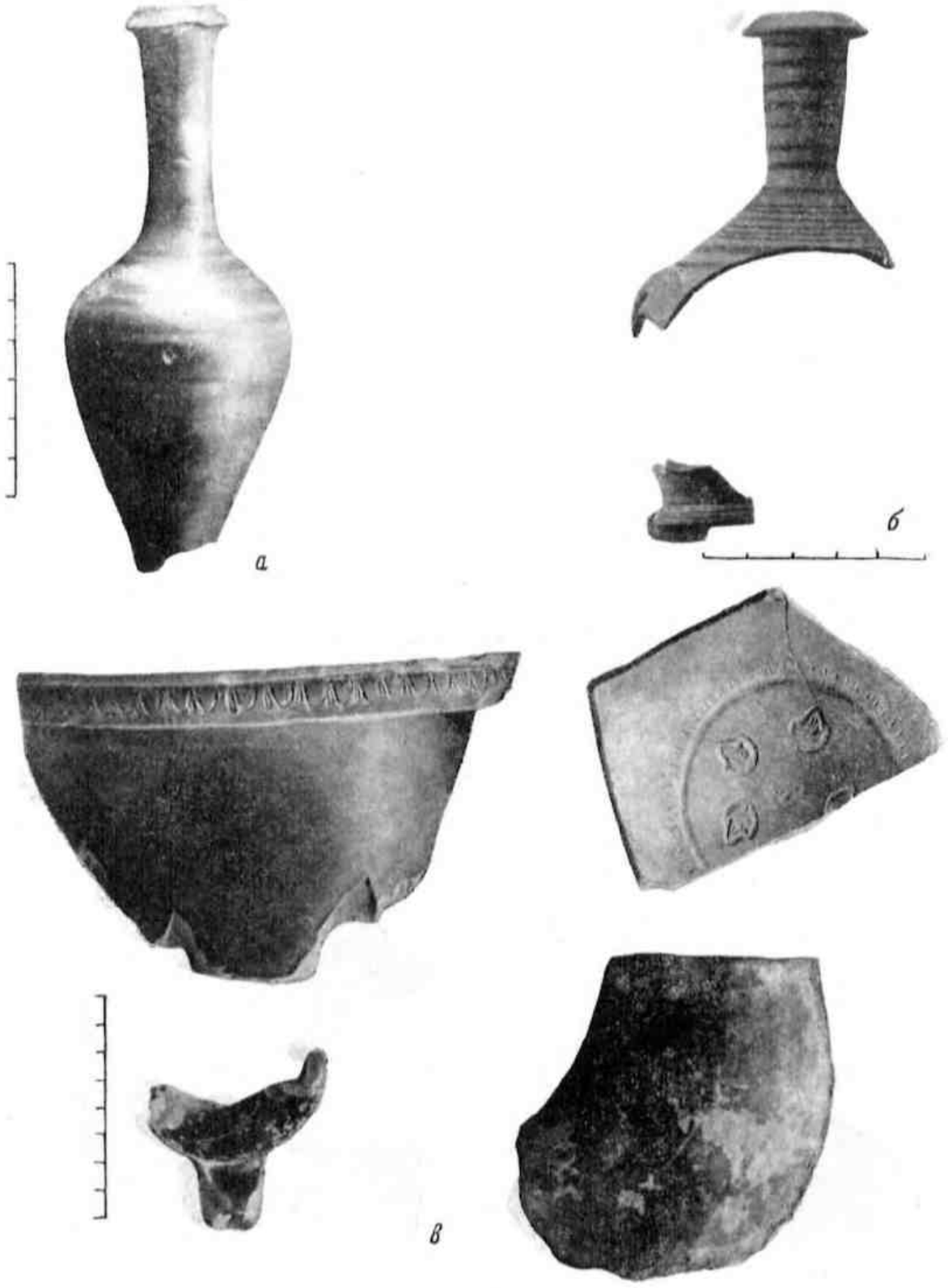


Рис. 5.

а — глиняный флакон; *б* — обломки глиняного флакона; *в* — обломки черлолаковой и лепной посуды.

Кухонная посуда представлена сильно закоптевшими от длительного употребления плоскодонными горшками с одной ручкой; горшки широкогорлые, имеют внутри выступ, на который ставилась крышка. К этой же группе керамики относятся сковородки с плоским дном, с наклонными наружу низкими стенками. Кроме того,

найдено незначительное количество мелких обломков краснофигурной посуды. На одном из обломков имеется изображение части животного, на других — орнаменты в виде пальметки, меандра, листьев плюща и др.

Чернолаковая посуда, как обычно в эллинистических домах, представлена в большом количестве. Обломки ее принадлежат следующим формам: блюдцам, блюдам, киликам, канфарам, ойнохоям, тарелкам со штампованным орнаментом (рис. 5, *в*, 6) и др. Почти целиком собран и склеен кувшинчик, высотой 10 см, редко встречающейся формы: он имеет шаровидный корпус, короткое горло с широким отогнутым венчиком и кольцевидную ручку (рис. 6, *б*). Среди прочих обломков чернолаковой посуды обнаружены обломки с накладным орнаментом в виде листьев плюща и с гравированным лучистым орнаментом (рис. 7, *а*). Из обломков мегарских чашек заслуживает упоминания один — с рельефным изображением амазонки с двойным топором и с характерной формы щитом (рис. 7, *б*).

Помимо посуды и кухонных отбросов (кости домашних животных — свиньи, коровы, овцы; ракушки устриц и мидий и пр.), найдены некоторые орудия труда: два жернова, точильные бруски, пряслица, глиняные грузила в форме усеченных пирамидок, бронзовый рыболовный крючок, камень со сглаженной поверхностью и др.

Отметим находки терракот: маленький жертвенник, украшенный на стенках рельефными изображениями, маска силена (рис. 7, *в*, *г*), протома крылатого гения, тип которого известен в Херсонесе уже во многих экземплярах.

Особую ценность представляет терракотовая форма для передней стороны женской сидящей фигуры. Форма массивная, хорошей сохранности, высота ее 20 см (рис. 8). Отливок из нее изображает женскую фигуру, сидящую на скале, задрапированную в хитон и плащ. Фигура отличается высокохудожественным исполнением (рис. 9). Форма эта служила для изготовления только фигуры, для отливки головы употреблялась другая. Таким образом найденная форма

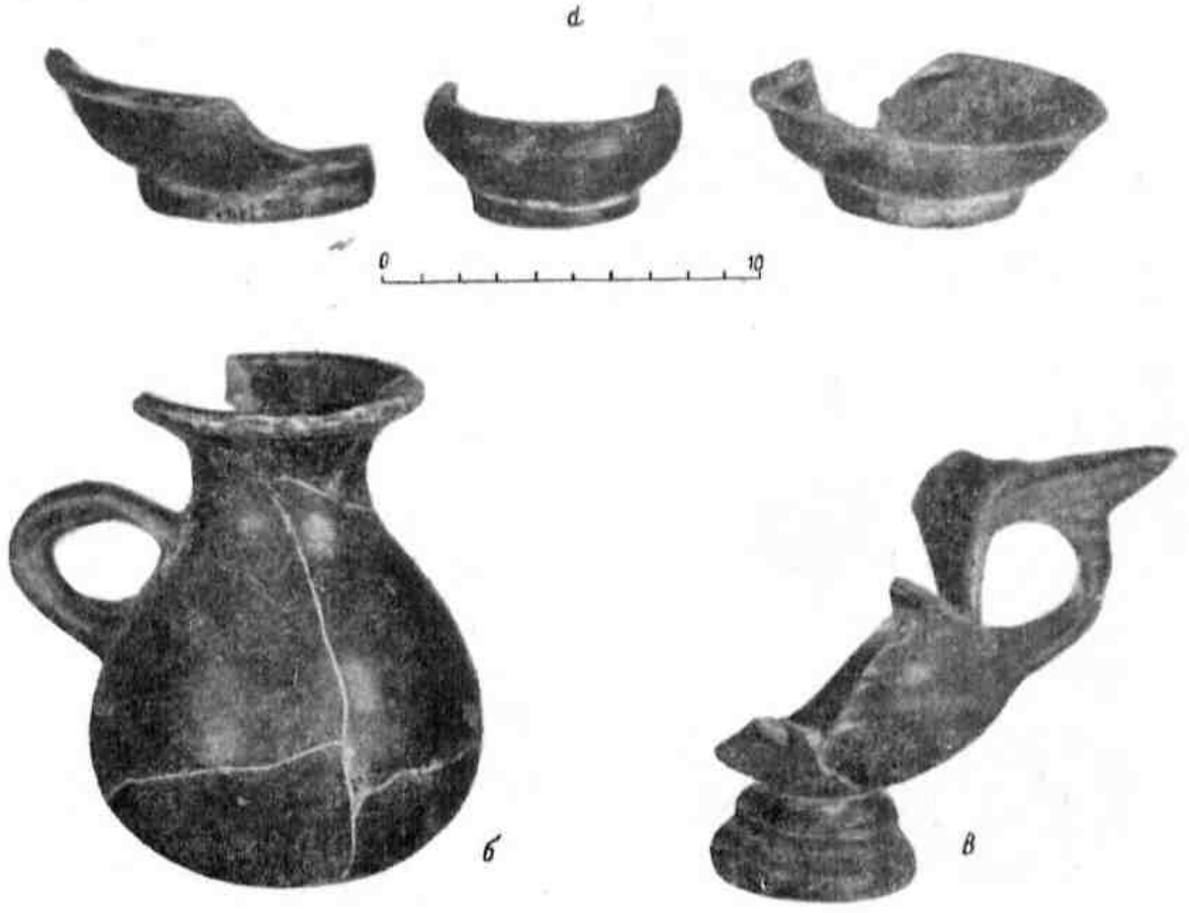


Рис. 6. Чернолаковая посуда.
а — блюдца; *б* — кувшинчик; *в* — канфар.

позволяет судить о способах и технике изготовления терракот. Бо́льшая часть прежде найденных терракотовых форм (например в мастерской, открытой в 1888 г.) дает лишь маски мелких размеров или рельефы. Описанная же форма выделяется из числа ранее известных не только своей весьма тонкой художественной работой и большой вели-

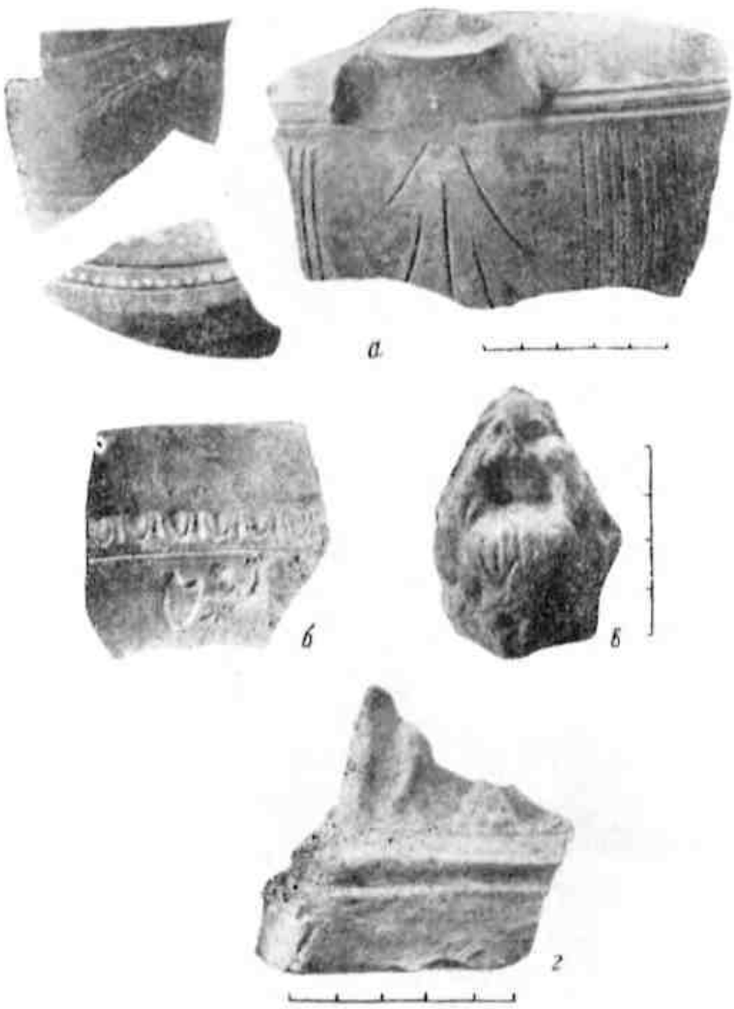


Рис. 7.

а — обломки посуды с накладным орнаментом; *б* — обломок мегарской чашки. Терракоты: *в* — маска силена; *г* — обломок жертвенника.

чиной, но и тем, что она употреблялась для изготовления круглой, объемной статуэтки. Эта новая форма свидетельствует о производстве в Херсонесе терракотовых статуэток и фигурок, а не только масок и рельефов, формы для которых были часто сняты с каких-либо металлических сосудов, зеркал и т. п. Таким образом новая находка, ценная сама по себе, обогащает наши знания о производстве терракот в Херсонесе и о состоянии в нем художественного ремесла в эллинистическую эпоху.

Монеты найдены следующие: херсонесские IV в. до н. э. (№№ 1—8), III в. до н. э. (№№ 9—11), II—I в. (№№ 12—22); ольвийская III в. до н. э. (№ 26); боспорские III и I вв. до н. э. (№№ 29 и 30); других городов II в. до н. э. (№№ 36—38).

3. РИМСКИЙ ПЕРИОД

От зданий римского времени уцелела лишь небольшая их часть, так как в средние века многие из них были разобраны до основания. Наиболее сохранившиеся стены находятся в ю.-з. части квартала, под средневековыми помещениями *16*, *17* и *18*. Толщина стен 0.95 м; такая монументальность характерна для зданий римского периода. Стены здесь связаны друг с другом и образуют несколько помещений, но восстановить полный план сооружения не представляется возможным, так как стены к ЮЗ уходят под не раскопанную еще территорию, с других же сторон они разрушены. Вдоль улиц остатки римских стен местами сохранились, но они застроены средневековыми помещениями. Кое-где имеются небольшие обрывки стен (например под помещениями *7б* и *8*, *22* и *23*), вырубы в материке (под помещениями *1* и *2*), остатки лестницы и вымостки (под помещением *9*).

Под помещениями *8* и *9* находилась цистерна круглой формы. Верхняя ее часть сложена из камней, нижняя вырублена в скале. Со стороны помещения *22* цистерна не обнаружена; очевидно, ее с.-з. стена была разобрана в раннее Средневековье. В насыпи цистерны оказалось большое количество обломков посуды римского времени: остродонных амфор, краснолаковых мисок и чашек, обломки черноглиняной лощеной посуды, край лепного горшка, обломки массивных черепиц и водопроводной трубы с волнистой поверхностью, обломки стеклянной посуды, несколько бронзовых монет (№№ 56, 57, 78).

Грушевидная цистерна с колодцем, вырубленным ниже ее дна (табл. I, *1*), описана выше. Она продолжала существовать в римский период и была засыпана в III в. н. э. Материал в ней был крайне неоднородным вследствие того, что насыпь вокруг цистерны, удаленная вплоть до материка, была сброшена в цистерну, где оказались смешанными предметы римского, эллинистического и классического периодов, включая и остатки погребений, кости которых найдены на глубине 3—3.30 м.

В цистерне найдены следующие предметы эллинистического времени: большое количество обломков лепной керамики, такой же, как и в наскальном слое; огромное количество обломков амфор, среди которых имеются ручки с клеймами — херсонесскими и синопскими, часть горла гераклейской амфоры с энглифическим клеймом; масса обломков кувшинов, лутериев, блюд, кухонной посуды — тех же типов, что в эллинистическом слое; несколько фрагментов краснофигурной керамики, а также обломки чернолаковой и мегарской посуды. Помимо того, найдены обух каменного молота или топора, часть каменной зернотерки с косыми вырезами, половина тигля и литейная форма для пряжки; глиняные грузила пирамидальной формы, на которых имеются оттиски гемм; два бронзовых наконечника стрел — трехгранных, с втулками; часть ионийской каннелированной колонки диаметром 0.07 м; карниз и куски штукатурки, окрашенной в красный цвет; обломок мраморного рельефа с изображением нижнего края одежды.

Посуда римского периода: остродонные амфоры с узким высоким горлом из желтой глины (рис. 12), массивные красноглиняные ручки амфор с мелкими желобками, горло амфоры с глиняной пробкой и кусками угля внутри, краснолаковые миски, чашки, тарелки, кувшины (рис. 10, *в*), светильники (рис. 11, *а*), обломки пифосов и черепиц, обломки стеклянных бокала и флакона. Большой интерес представляет часть стенки чашки, покрытой глазурью (поливой) коричневого цвета с рельефным орнаментом желтого цвета в виде гирлянд из листьев (рис. 11, *б*). Благодаря тому, что обломки посуды лежали в цистерне непотревоженными, удалось частично собрать и склеить большое количество сосудов и тем самым выяснить формы многих из них (рис. 10, 11).

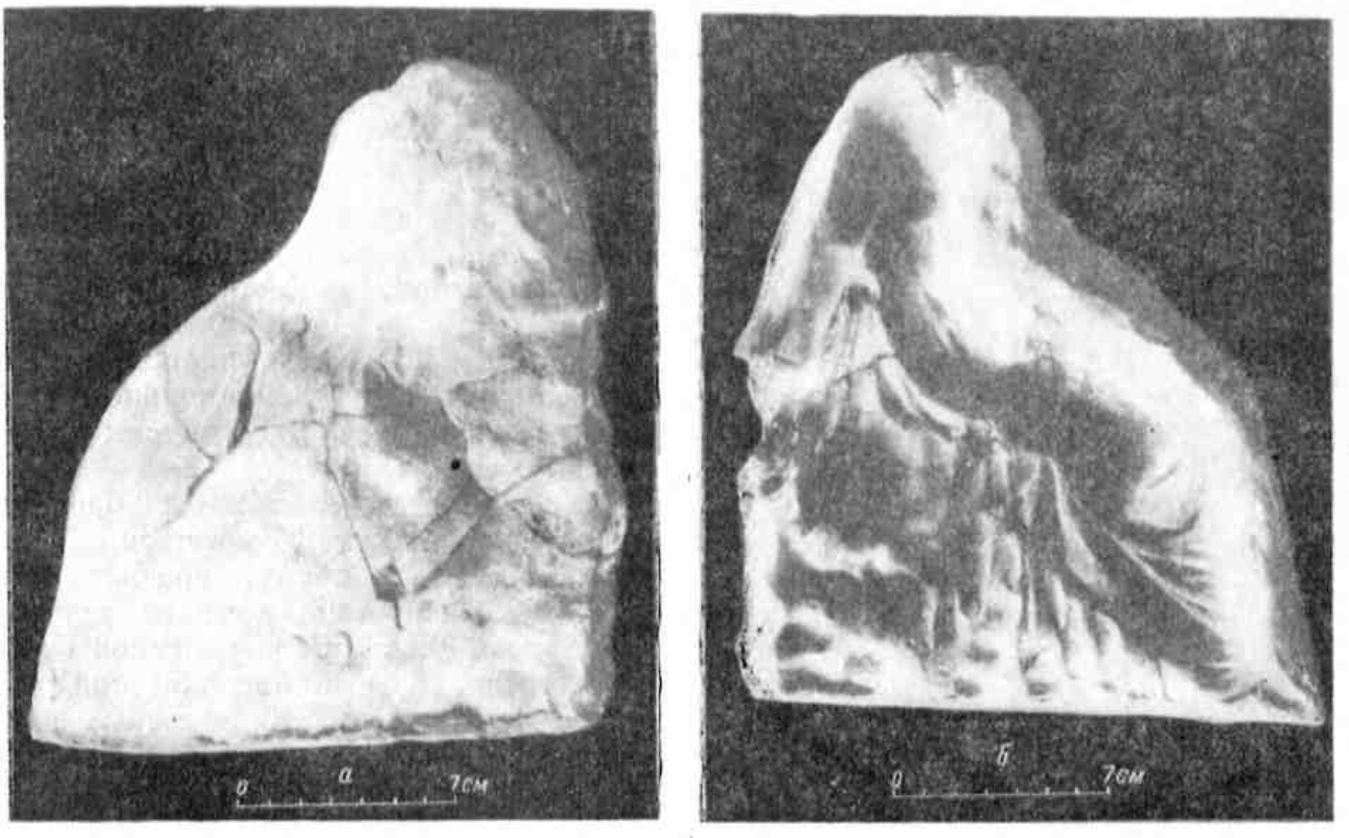


Рис. 8. Терракотовая форма, наружная и внутренняя стороны.

Насыпь вверху цистерны состояла из темносерой земли с мусором (кости домашних животных, два черепа собаки, куски угля и пр.); ниже 2.10 м лежала желтоватая глинистая земля со щебенкой; на глубине 3.25 м оказалась сплошная щебенка; в колодце, ниже дна цистерны, преобладала сырая глинистая земля. В насыпи цистерны, на различной глубине, найдены бронзовые монеты (№ 19).

К ЮВ от описанной цистерны находится

колодец (27); его общая глубина 6 м, диаметр внизу 1 м, диаметр венца 0.65 м; возле него устроен настил из двух плит. Колодец был заполнен землей, камнями и обломками посуды (амфор, блюд и др.). На глубине 4 м оказались человеческие кости — бедренные, часть таза, позвонки, кусок черепа. Судя по керамике, колодец прекратил свое существование в позднеримский период.

Рис. 9. Сидящая женская фигура, отливка из формы.

На границе с кварталом XV открыта цистерна *B* прямоугольной формы, размерами 1.95×2.40 м, глубиной 4.15 м, вырубленная в скале. Стенки цистерны, толщиной 0.35—0.40 м, сложены из плитняка и оштукатурены раствором красного цвета — смесью извести, песка и толченой керамики. Тем же раствором залито и дно цистерны. Насыпь в цистерне, темносерая и рыхлая вверху и желтоватая и сырая внизу, была насыщена большим количеством обломков разнообразной посуды. Кроме остродонных с коническим корпусом амфор римского времени, найдена масса короткогорлых, с округлым дном и желобчатым корпусом V—VI в. (рис. 10, *а*, *б*). На дне двух амфор (конической формы) сохранился осадок коричневого цвета, повидимому, от вина. На плечике амфоры, бока которой украшены рифлением, имеется граффито ΦΙΛΟΥ. Корпус раннесредневековых амфор украшен врезанным линейным орнаментом или рифлением, бороздками или желобками различной глубины и густоты (рис. 10, *а*, *б*); иногда наблюдается чередование различного вида орнамента. Найден почти целый кухонный горшок, шаровидный, с отогнутым венчиком и одной ручкой (рис. 11, *г*). Обломки краснолаковой посуды встречены в небольшом количестве; одна миска, узкая и высокая, конической формы, оказалась целой. Очень много найдено обломков больших плоских патер (блюд) из яркокрасной глины, с вдавленным клеймом в виде креста.

Второе место по количеству находок занимает стеклянная посуда: ножки с подставкой от рюмок или бокалов; нижние части лампадок, имеющих форму узкого конуса, который вставлялся в отверстие металлической люстры (широкая же часть лампадки возвышалась над кольцом люстры); нижние части флаконов; куски плоского оконного стекла.

Далее отметим предметы из бронзы: несколько рыболовных крючков, пряжку, арбалетовидную фибулу, браслет с утолщенными заходящими друг за друга концами, ключ с кольцом и короткой бородкой с нарезами, обрывок цепочки, край сосуда из листовой бронзы, 15 железных гвоздей, один из них крупных размеров.

Найдены кусочки мозаичной смальты зеленого цвета. Происходят ли они из какой-либо раннесредневековой базилики (таковой могла быть открытая в 1935 г. неподалеку, в квартале XIX, базилика, построенная в последней четверти V в. и прекратившая существование к середине VI в.) или из здания римского времени, сейчас, до определения даты самой смальты, решить трудно.

Монеты в цистерне найдены в большом количестве. Они относятся к IV—V вв. и первой половине VI в. (№№ 44, 49, 50, 80, 90—92, 97—106, 116—126, 128—132); более поздних монет не оказалось. То же явление наблюдалось при раскопках цистерн в предыдущие годы — почти все рыбозасолочные цистерны были засыпаны в середине VI в. Вызвано это было, очевидно, необходимостью нивелировки местности при больших строительных работах, производившихся в VI в.

Заслуживает внимания бронзовый ме-

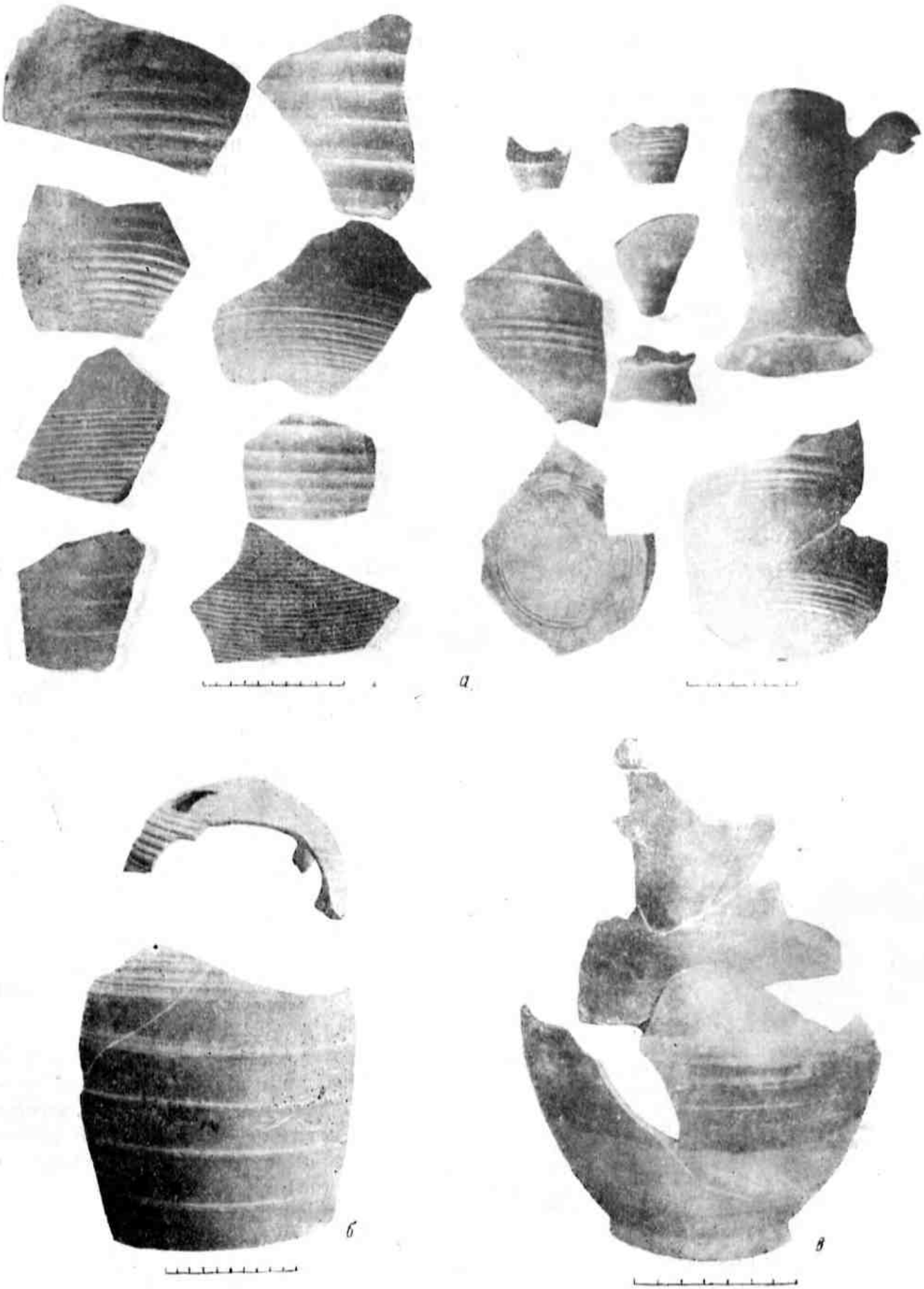


Рис. 10.

а, б — обломки желобчатых амфор III—VI вв. н. э.; *в* — краснолаковый кувшин.

дальон (диаметр 3.6 см). На одной его стороне — портрет римского императора Каракаллы, на другой представлена сцена суда Париса. Перед тремя богинями (фигуры

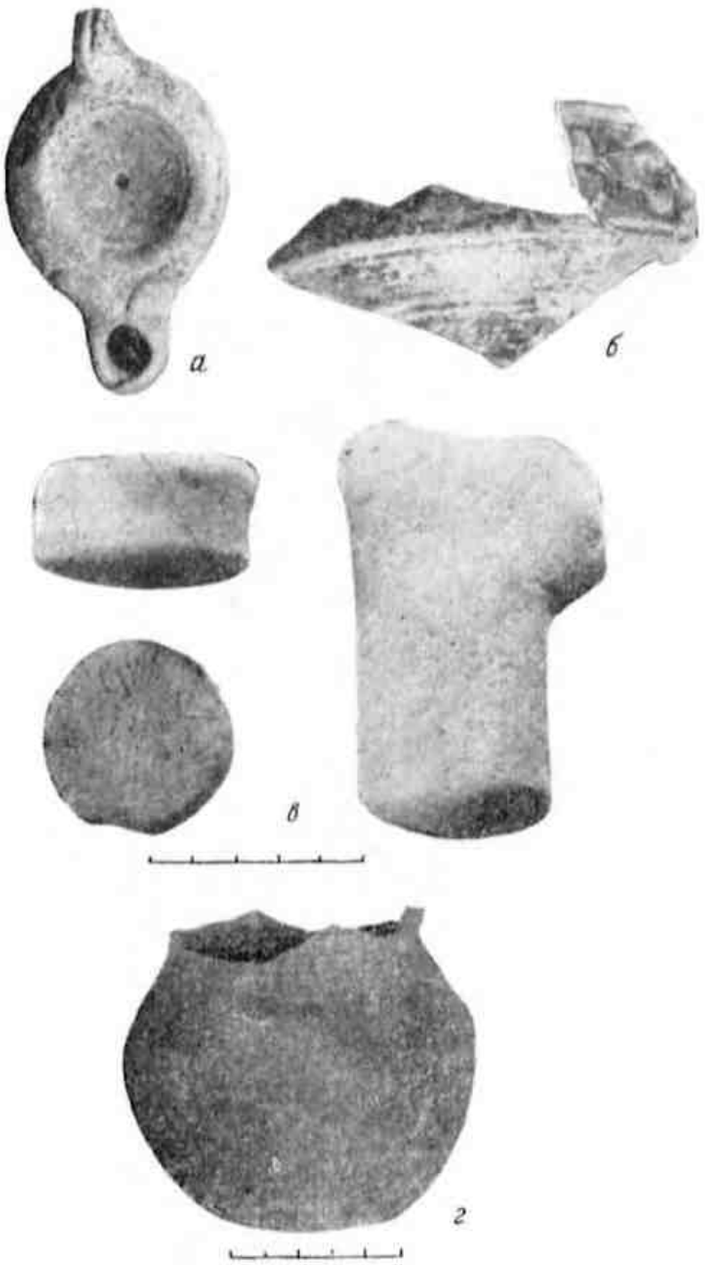


Рис. 11.

а — краснолаковый светильник; *б* — обломок глазурованной чашки; *в* — кружки и мраморный пестик для растирания красок; *г* — кухонный горшок.

которых значительно крупнее Париса) на возвышении стоит Парис, сзади него — дерево, над деревом парит крылатая фигура.

Остатков рыбы в цистерне не оказалось; возможно, что она служила для хранения дождевой воды. На такое назначение указывают и ее размеры — большая глубина при незначительной площади.

В квартале XV, возле X поперечной улицы, раскопана цистерна *E* (см. табл. I в статье «Кварталы XV и XVI»), верх которой был обнаружен еще в 1937 г. Цистерна вырублена в материке; стены ее, частично возвышающиеся над скалой, сложены из такого же плитняка и оштукатурены тем же раствором, что и в только что описанной цистерне. Но в отличие от нее, в нижней части рассматриваемой цистерны стены сильно расширяются в виде неправильной формы ниш (подобного устройства цистерны

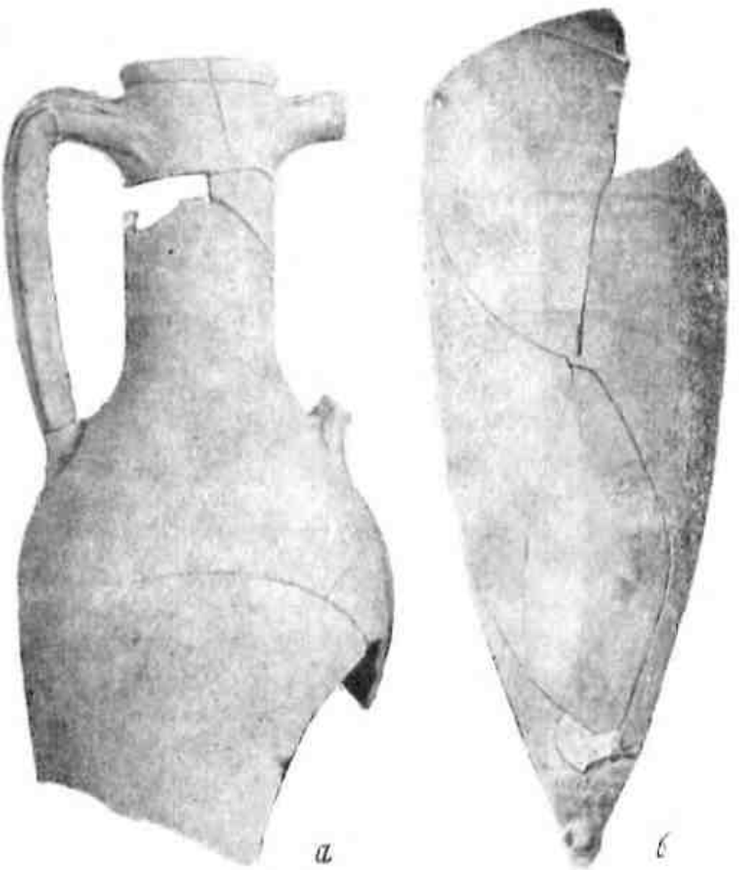


Рис. 12.

а — верхняя часть амфоры; *б* — амфора конической формы без горла.

римского времени известны в восточной части Херсонеса). На дне цистерны сохранился толстый слой рыбы — соленой хамсы (анчоус); следовательно, эта цистерна являлась рыбозасолочной (как и большинство цистерн этого типа).

Засыпь цистерны была однородной и содержала большое количество обломков посуды, аналогичной посуде из предыдущей цистерны.

Необходимо отметить, что посуда в цистерне с колодцем и в колодце 27, с одной стороны, и посуда в оштукатуренных цистернах, с другой, весьма различна. В первых преобладают остродонные амфоры с узким горлом, во вторых — круглодонные

амфоры с цилиндрическим корпусом и коротким горлом, с желобчатой поверхностью корпуса. Если первые можно датировать II—III вв., то вторые следует отнести уже к IV—V вв.

Ценной находкой в только что описанной цистерне *E* является часть мраморной плиты с греческой надписью — почетным декретом, изданным Советом Херсонеса в честь гражданина (имя его не сохранилось) города Синопы (рис. 13). Декрет относится ко II—III вв. и служит важным документом, свидетельствующим об оживленных экономических и политических связях, развивав-

Рис. 13. Мраморная плита с надписью.

шихся между Херсонесом и Синопой в римский период. От надписи сохранилось пять строк, уцелел левый верхний ее угол, размерами 19.5×16 см, толщиной 6 см.

В этой же цистерне найдены: костяная ручка серпа в виде плоско-выпуклой пластинки, слегка изогнутой и заостренной с одной стороны (рис. 14); мраморный пестик и мраморный кружок для растирания (рис. 11, *в*); бронзовые монеты (№№ 32—35, 37, 40, 58, 66, 67, 86, 87, 109, 114, 115, 133—135).

Засыпь римского времени, кроме цистерн и колодцев, залегала также под многими помещениями, за исключением подвальных средневековых кладовых, под которыми ее не оказалось. Толщина слоя колебалась в пределах 0.15—0.65 м и лишь под помещением *18* достигала 1.20 м. Слой состоял из плотной желтоватой земли или из темно-серой засыпи, но меньшей плотности. Кроме обломков черепиц, в засыпи в большом количестве встречены обломки глиняной посуды тех же форм, что и в колодце и цистерне с колодцем. Чтобы не повторять сказанное, ниже дается перечень только тех предметов, какие не встречались прежде.

На дне одной краснолаковой тарелки имеется клеймо MEN OY, на другой — граффито EP; стенки чашки украшены углублениями — ячейками овальной формы. Интересно сопоставить ее с ранее найденной стеклянной чашкой, аналогично украшенной. Найдены ручки, донышки и части стенок других стеклянных сосудов, а также обломки оконного стекла и браслетов. Далее обнаружены: пара жерновов — верхний и нижний (из одного помещения); оселки, из них один с отверстием для ношения на поясе; литейная форма для колец; бронзовые и же-

Рис. 14. Костяная пластинка.

лезные гвозди; пирамидальные грузила, на одном — оттиск геммы в виде крылатой женской фигуры; два каменных миниатюрных жертвенника, один из них украшен фронтоном и акротериями; часть мраморной статуэтки богини Кибелы, сидящей на троне, с двумя львами по сторонам (рис. 15); обломок мраморного рельефа — полуфабриката (0.34×0.23×0.14 м), аналогичного найденным в квартале XIX (в 1935 г.).[1] Находка этого рельефа, являющегося частью стенки саркофага, позволяет считать, что рельефы, открытые на месте базилики, в которой они были использованы в качестве вымостки пола, далеко не исчерпывали число всех имевшихся; их было значительно больше, причем они были разбросаны в разных местах. Так, в 1937 г. уже был найден рельеф с гирляндой, представляющий вариант изданных в отчете за 1935 г.

Монеты, которых, как всегда в римском слое, найдено довольно много, относятся ко II—IV вв. (определение их дано ниже

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 67, рис. 40.

в «Приложении» за №№ 38, 39, 45—48, 51—55, 59—62, 64, 65, 68—76).

Сравнение архитектурных остатков эллинистического и римского периодов приводит к заключению, что в римский период, в I—II вв., была изменена планировка квартала. IX и X поперечные улицы и I продольная улица продолжали функционировать вплоть до позднего Средневековья. Промежуточные же улицы: поперечная, с остатками водостоков, разделявшая кварталы XV с домом *I* от квартала XVI с домами *II—IV* (см. табл. I в статье «Кварталы XV и XVI»), и продольная, разделявшая кварталы XIII и XIV от кварталов XV и XVI, существовали только в эллинистический период. В римское время обе эти улицы были застроены зданиями и цистернами. Кварталы были укрупнены, вместо двух образовался один квартал. Это стоит в полном соответствии с масштабами строительства: в эллинистическое время жилые дома имели небольшие размеры, в римскую же эпоху здесь возводились очень большие здания. Достаточно назвать огромное здание, открытое в кварталах XIII и XIV, с монументальными стенами, имеющими пилоны с наружной и внутренней сторон здания, со сводчатыми перекрытиями и глубокими подвалами.

Отсутствие полной преемственности в планировке кварталов объясняется не только иными масштабами строительства. Раскопки эллинистических зданий показали, что подвальные кладовые и некоторые колодцы были заполнены эллинистической насыпью, иначе говоря, они перестали функционировать одновременно с гибелью домов, в состав которых они входили. После разрушения зданий эллинистической эпохи прошло значительное время, и их остатки оказались покрытыми толстым слоем засыпи. Вследствие этого строительство в римский период часто велось без учета архитектурных остатков предыдущего периода и планировалось заново. Лишь в отдельных случаях, когда при расчистке местности обнаруживались колодцы или цистерны, они использовались и включались в строительные комплексы римского времени. Такое явление наблюдалось, например, на участке раскопок 1937 г., где некоторые колодцы эллинистического времени продолжали существовать и в римскую и в средневековую эпохи.

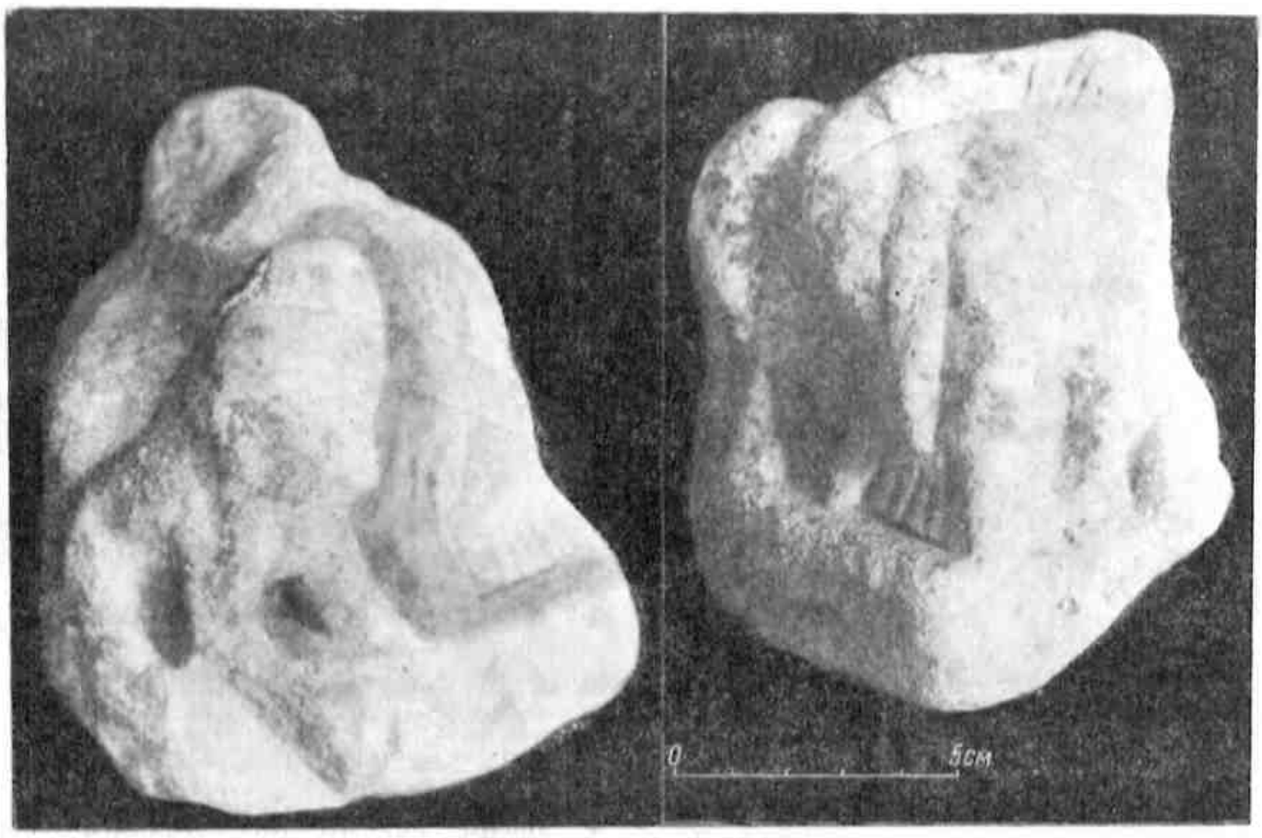


Рис. 15. Мраморная статуэтка Кибелы, вид спереди и сбоку.

4. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

В средние века жилые кварталы Херсонеса значительно укрупнились. Так, эллинистический квартал XVII, раскопанный

деб со всем их бытовым и производственным инвентарем (рис. 16).

При строительстве этих усадеб нижележащие слои были в значительной степени нарушены, перерыты, а в помещениях вдоль

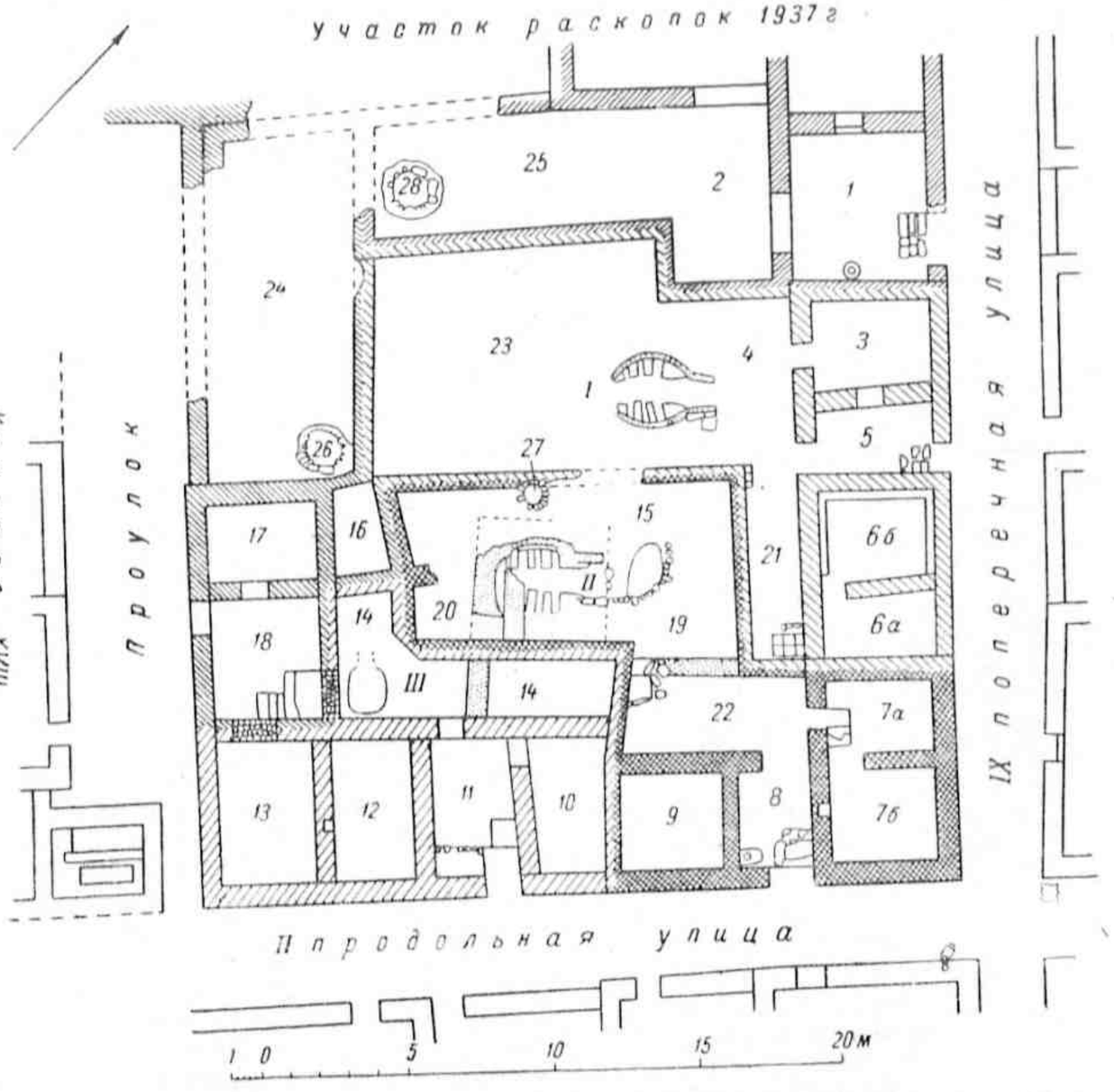


Рис. 16. Общий план позднесредневековых построек в квартале XVII (раскопки 1940 г.).

I, II, III — гончарные черепицеобжигательные печи; *1—25* — помещения; *26—28* — колодцы. Различной штриховкой выделены отдельные жилые усадьбы. Точками обозначены строительные остатки XI—XII вв.

1940 г., составлял лишь часть большого средневекового квартала, охватившего площадь шести кварталов эллинистического времени (кв. XIII—XVIII). Раскопанная часть этого большого квартала содержала, как выяснилось, хорошо сохранившиеся остатки позднесредневекового времени (XIII—XIV вв.), именно — несколько жилых уса-

улиц почти или вовсе сняты; при этом остатки построек предшествующего времени в большинстве случаев были разобраны или, что реже, использованы в качестве основания позднесредневековых стен. От предшествующих средневековых периодов (V—X вв.) сохранилось лишь несколько помещений в с.-з. части раскопа и стена вдоль II про-

дольной улицы, а от XI—XII вв. — три гончарные печи (рис. 16, *I*, *II*, *III*). Поэтому составить более или менее определенное представление о планировке средневековых усадеб, существовавших здесь до XIII в., почти невозможно.

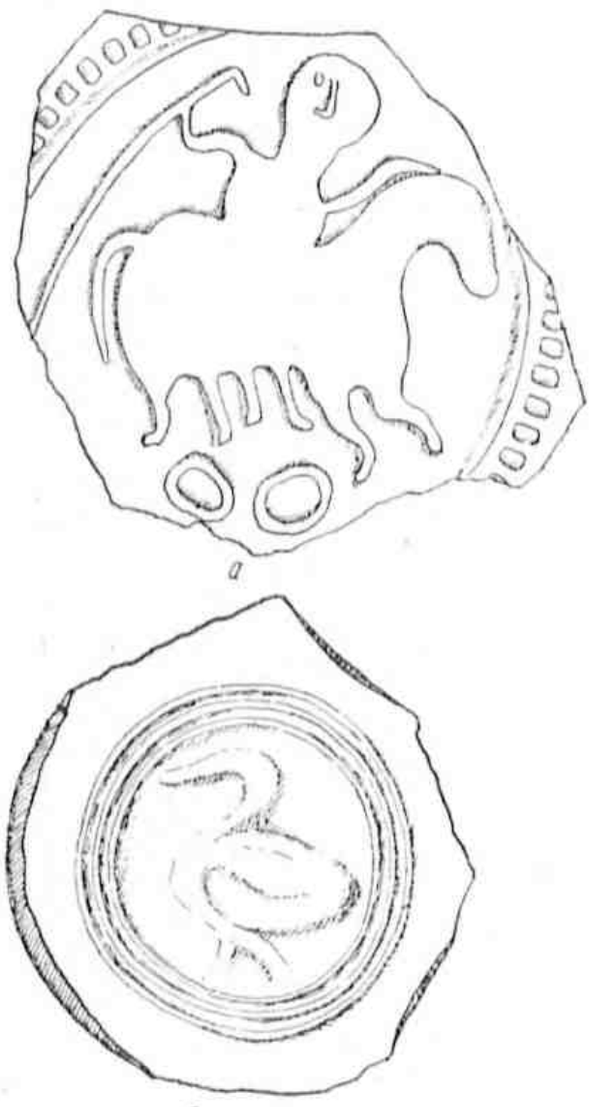


Рис. 17. Фрагменты белоглиняных поливных блюд со штампованными украшениями из слоя IX—X вв.

а — желтой поливы (из помещения *1*; № 3093); *б* — темнозеленой поливы (из помещения *22*; № 587).

В связи с этим вопросом, особенно занимавшим нас в процессе раскопок 1940 г. и являющимся вообще камнем преткновения при археологическом исследовании средневекового Херсонеса, остановимся на стратиграфии средневековых слоев, насколько это было выявлено раскопками квартала XVII. Убедительный материал дала прослеженная нами стратиграфия слоев в том пункте раскопок, которому соответствует помещение *1* позднесредневековой усадьбы. Здесь под полом позднесредневекового помещения хорошо прослежены два пола: один на глубине 0.21 м от подошвы позднесредневекового слоя (в восточном углу помещения),[1] другой — на глубине 0.53—0.57 м. Оба пола выражены прослойками угля и золы, образовавшимися, вероятно, от пожара построек, и скоплением обломков керамики. Земля в первом из этих слоев — серая, слежавшаяся, носит характер мусорной засыпи, насыщена мелким щебнем, обломками черепиц. Керамика представлена главным образом обломками плоскодонных кувшинов с плоскими ручками, встречены также обломки толстостенных бороздчатых амфор с овальными в сечении ручками и немного обломков белоглиняной посуды с зеленой или желтой пятнистой поливой и рельефными (штампованными) украшениями (среди них часть блюда с изображением всадника, попирающего копьем дракона, рис. 17, *а*). В этом же слое найдены пять монет имп. Романа II и одна монета имп. Василия I. Монеты, а также поливная посуда и кувшины с плоскими ручками позволяют датировать этот слой IX—X вв.

Первый слой частично нарушен при возведении фундамента стен позднесредневекового помещения *1*: фундамент уходит на глубину около 0.50 м, почти достигая второго средневекового пола. Подошва слоя ясно прослеживается почти на всей площади помещения, за исключением средней части, где, повидимому, была яма (на глубине 0.90 м от подошвы позднесредневекового слоя найдены обломки красноглиняной поливной посуды XIII в.). Она состоит из прослойки (толщина 3—10 см) желтой глины и скопления керамики, под ней — прослойка золы. Характерно, что обломков кувшинов с плоскими ручками здесь почти нет, зато встречены обломки амфор с очень глубоким крупным и резким рифлением (профиль наружной стенки — зигзагообразный), что типично именно для раннесредневековой керамики. Не менее существенны находки мелких обломков краснолаковых блюд. Вместе с этим материалом найдены шесть бронзовых монет, из них две — императора Романа II, а две — императора Льва VI. Слой образовался, очевидно, в ре-

[1] Измерение глубины везде велось от этого уровня.

зультате засыпи, произведенной в IX—X вв., содержащей раннесредневековый материал. Ниже этого слоя идет очень плотная земля, насыщенная материалом исключительно римского времени; средневековый материал здесь отсутствует полностью.

Аналогичная стратиграфия, хотя и в менее ясном виде, наблюдалась при раскопке засыпи ниже позднесредневекового пола в помещениях *8* и *22*. Так, в помещении *8* слой на глубине 0.30—0.35 м, в виде серой глинистой земли, содержал, среди множества керамики, обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и обломки белоглиняной поливной посуды. Большой интерес вызывает придонный обломок красноглиняного сосуда с лощением в виде концентрических кругов, очень напоминающих лощение салтовско-маяцкой керамики. Подошва этого слоя отмечена остатком кладки под ю.-в. стеной помещения, выступающей из плоскости ее на 10—15 см.

Иную картину дали раскопки в с.-з. части помещения *8*, где обнаружено несколько камней, лежавших в одну линию (остаток кладки?), по обе стороны от которых в углублении открыт завал несомненно раннесредневековой черепицы — с красным и частью желтым черепком, с характерными высокими вертикальными бортиками, а также калиптеров с остроугольным коньком. Среди находок имеется обломок толстостенного пифоса с плоским дном и орнаментом по горлу в виде косых насечек. Углубление с раннесредневековой черепицей с одной стороны уходит под ю.-з. и с.-в. стены, а с другой — продолжается в с.-в. направлении. Можно предположить, что здесь выявлена подошва раннесредневекового слоя, над которым возвышается слой IX—X вв.

В помещении *22* та же стратиграфия наблюдалась в менее отчетливом виде. Раннесредневековое углубление в помещении *8* продолжалось и здесь; его подошва (приблизительно на уровне подошвы углубления в помещении *8* — на глубине 0.85—0.90 м) состоит из темной плотной земли; поливной керамики здесь нет, зато найдены характерный обломок ручки раннесредневекового светильника с крестом (рис. 18, *а*) и обломки краснолаковой посуды. Под этой подошвой идет слой с находками римского времени. Выше этой предполагаемой подошвы раннесредневекового слоя идет мусорный слой с находками, типичными для IX—X вв.: высокогорлые кувшины с плоскими ручками и тонким рифлением, под ними монета императора Константина VII, белоглиняная поливная керамика с рельефными украшениями (одно днище с изображением птицы — рис. 17, *б*), обломки круглодонных амфор с овальными ручками и покатыми плечами, горшков (один с остатками рыбы в виде

Рис. 18. Находки из слоя IX—X вв.

а — обломок ручки светильника с крестом; *б* — каменная плита с крестом (из помещения *22*); *в* — бронзовый ключ (из помещения *15*); *г* — обломок сосуда (из помещения *15*; № 776); *д* — горло сосуда с процарапанной надписью (из помещения *21*; № 2332).

крупной чешуи). Среди остальных находок отметим фрагментированную мраморную плитку (25×11 см) с крестом, выполненным грубо врезанными линиями и буквами на концах креста: Φ Ω Η Ο [1] (рис. 18, *б*).

Вдоль ю.-з. стены помещения *22* на глубине 0.85—0.90 м идет стенка, лежащая на подошве раннесредневекового слоя. Стенка эта от с.-в. стены помещения *22*

[1] Найден у ю.-з. стены помещения; обломок аналогичного мраморного креста найден в соседнем помещении *15*.

сохранилась всего на 1.20 м, а затем обрывается. Возможно, что она связана со стеной, идущей с ЮВ на СЗ в помещение *9* и продолжающейся в помещение *22*. На раннесредневековую дату этой стенки указывает то, что она разрушила венец каменной обкладки колодца (полукруглого?) несомненно римского времени в помещениях *8* и *9* и была одновременна площадке у лестницы, ведущей в помещение, находившееся под помещением *9*; под одним из камней площадки найдена позднеримская монета. Эта раннесредневековая стена сложена в перевязь со стеной, выходящей на II продольную улицу и послужившей основанием позднесредневековой стены. Таким образом в восточной части раскопа намечается большое раннесредневековое помещение, размеры которого, однако, установить невозможно.

На всей остальной с.-в. части раскопа выделить раннесредневековый слой не удалось: ниже позднесредневековой подошвы — слой мусорный, мешаный, с обычной для IX—X вв. керамикой и монетами императоров Романа I, Романа II, изредка Василия I. Из отдельных находок отметим бронзовый ключик из помещения *15* (рис. 18, *в*), обломок сосуда с орнаментацией процарапанными линиями, образующими пять полос с вертикальной штриховкой или с зигзагами, из помещения *15* (рис. 18, *г*), воронкообразный верх узкогорлого красноглиняного сосуда с надписью, процарапанной по сырой глине: ΥΦΟΓΟ$^{\oplus+--}$, из помещения *21* (рис. 18, *д*), найденный среди обломков черепиц и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. В большинстве же помещений вдоль улиц средневековый слой до XIII в. почти отсутствует: эти помещения (*6а—7б*, *8—13*) более или менее глубоко опущены — на 1—1.5 м ниже уровня улицы. При строительстве их средневековая засыпь предшествующего времени была в значительной мере или полностью вынута, например в помещениях *6а—7б*.[1] К периоду V—X вв. здесь предположительно можно отнести лишь некоторые стены, послужившие основанием для позднесредневековой кладки, причем преимущественно те, которые выходят на II продольную улицу (помещения *9*,[2] *10—13*), что связано именно с тем, что эти позднесредневековые помещения глубоко опущены в более древнюю засыпь, а их ю.-в. граница, т. е. граница квартала, совпадала с границей квартала предшествующего времени. Строительная преемственность (непосредственная) здесь несомненна. Картина эта типична для средневекового Херсонеса и неоднократно наблюдалась в других кварталах города: выразительный пример дает II квартал с.-в. части городища (помещение *22*, выходящее на главную улицу).

В помещении *10* с.-в. и с.-з. стены, а в помещении *11* ю.-з. стена также основаны на раннесредневековых кладках; таким образом эти два позднесредневековых помещения полностью совпадают с раннесредневековыми помещениями. Помещения ю.-з. части раскопа (*14*, *16*, *17*, *18*) не столь глубоко опущены в более древнюю засыпь; их стены основаны на этой засыпи, и потому при их постройке более древние стены не были использованы в качестве основания, не связаны с ними; вследствие этого позднесредневековая планировка совершенно не совпадает с планировкой более древних помещений. Остатки стен их (из необработанного камня, на извести, толщиной 0.85—0.95 м) позволяют установить четыре помещения раннесредневекового времени (соответственно помещениям *14*, *16*, *17*, *18*). В пользу такой датировки этих стен свидетельствует тот факт, что в помещении *16* (на глубине 1.80 м), в помещении *17* (на глубине 2.10 м в восточном углу) и в помещении *18* (на глубине 1.60 м у южного угла) ясно прослеживается утрамбованный глинистый пол с вкраплениями угля и извести, стратиграфически связанный именно с этими стенами,[1] выше которого идет слой со средневековыми находками. Ниже во всех этих помещениях начинаются завал камней и засыпь римского периода, в которую на

[1] С.-в. и ю.-в. стены их основаны на насыпи римского времени.

[2] С.-в. и ю.-в. стены его основаны на эллинистической кладке.

[1] Возможно, что этот пол представляет подошву слоя IX—X вв., так как в помещении *18* ниже этой подошвы продолжается средневековый слой, который по некоторым признакам можно отнести к собственно раннему Средневековью. Так, здесь найдены монета императора Льва VI и обломки краснолаковой посуды, хотя вместе с ними встретились и обломки белоглиняной поливной посуды — результат нарушения слоя при строительстве IX—X вв. Утрамбованный ровный пол ниже позднесредневекового слоя наблюдался также в помещении *11* (на глубине 1.40 м от западного угла) и в помещении *13* (на глубине 2.60 от южного угла; на нем — прослойка золы).

глубину 0.40—1.0 м и опущены фундаменты указанных стен. Однако в этой части раскопа средневековый слой (ниже подошвы позднесредневекового) — мешаный, однородный, мусорный по своему характеру и расчленению не поддается.

Среди находок, помимо обычных и многочисленных обломков круглодонных амфор, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняной поливной керамики, частично с рельефными украшениями, а также бронзовых монет X в., отметим несколько находок из помещения *13*. Так, был найден небольшой тонкостенный (толщина стенок 4—5 мм) красноглиняный кувшин (высотой 25.4 см, наибольший диаметр 19.4 см) с широким горлом, плоской ручкой (ширина ее 3.8 см), не возвышающейся над горлом и украшенной вдоль волной, с невыраженным венчиком; корпус кувшина, что особенно интересно, имеет несколько вертикальных вдавлений — каннелюр (рис. 19). Фрагменты подобного кувшина были найдены также в яме под подошвой позднесредневекового слоя в помещении *4* (вдавления здесь глубже). Аналогичный кувшин был найден в 1909 г. (№ 1742).

Каннелюры на кувшине явно имитируют металлическую посуду, в чем убеждают металлические сосуды позднеримского времени.[1] В византийской керамике такая манера украшения сосудов не известна, зато она неоднократно наблюдается на кувшинах близкой формы из Ани (Армения), где датируется XI в.,[2] и в Орен-кала (Азербайджан, раск. 1953 г.); возможно, что к этому же времени относятся и описанные херсонесские кувшины.

Затем отметим два костяных предмета: костяную ручку длиной 18.3 см, найденную на глубине 1.56 м в середине помещения *13*, украшенную волной из двойной линии с точками в каждой извилине, и костяную иглу длиной 11 см для вязания сетей, найденную на глубине 2.10 м в середине помещения *13* и украшенную беглыми тонкими штрихами. Кроме того, здесь же обнаружен обломок браслета синего стекла с золотыми поперечными полосками.

Большое значение имеет обильный керамический материал, обнаруженный в яме, опущенной на 0.5—0.6 м в римский слой — в помещении *4* под гончарной печью *1*. Яма была плотно заполнена керамикой, типичной для IX—X вв. (рис. 20), среди которой преобладали фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (найденные фрагменты принадлежат по крайней мере 11 кувшинам). Кроме того, в обломках и крупных кусках найдены два толстостенных больших пифоса (толщина стенок 2.5 см,

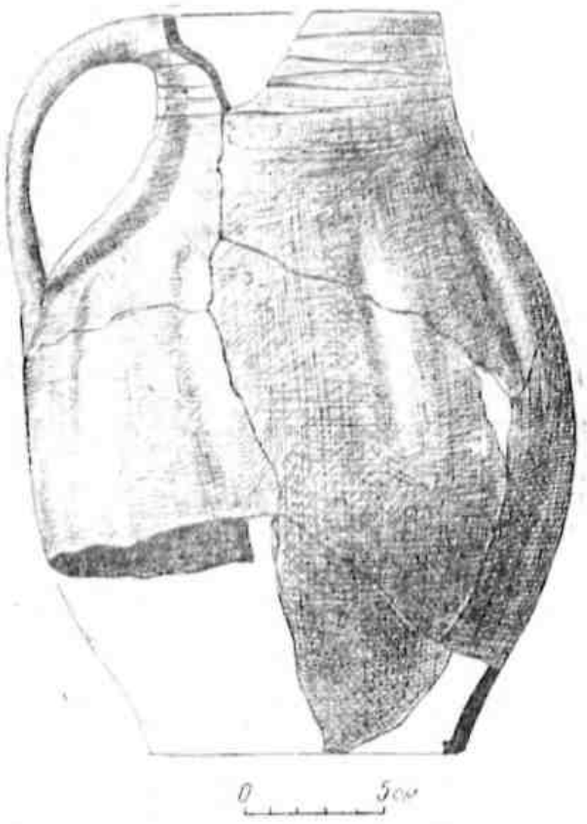


Рис. 19. Кувшин с продольными вдавлениями из помещения *13*. Слой IX—X вв. (рис. С. С. Сорокина).

диаметр днища 13.5 см) и три малых (толщина стенок 1.4—1.5 см); венчик одного из малых пифосов украшен двумя рядами точек-углублений (диаметры венчика 27.4 и 28.4 см), венчик другого имеет только один ряд точек-углублений, венчик третьего украшен зигзагом. Далее представлены не менее типичные для того времени небольшие амфоры, яйцевидные, круглодонные, с широким корпусом, бороздчатые, с овальными ручками; найденные фрагменты принадлежат не менее чем пяти амфорам; на одной из них граффито ⊤H помещено на горле, на другой граффито (в виде якоря) находится на ручке; одна из этих амфор из желтой глины. Шестая амфора — наибольшая по размеру (высота 0.53 м): она

[1] A. J. Butler. Islamic pottery. London, 1926, pl. VII.

[2] Не изданы. Хранятся в Историческом музее Армянской ССР (Ереван), №№ 215 (12. А. 63), 225, 213 (Об. 195), 226.

тоже желтоглиняная, также круглодонная и бороздчатая; корпус ее сильно расширяется кверху (наибольший диаметр 0.48 м); две утолщенные дуговидные ручки (ширина 6.5 см) прикреплены к горлу верхним концом на уровне венчика. От другой подобной амфоры найдены лишь фрагменты. Тип таких амфор очень редок в Херсонесе. Интересна большая красноглиняная чаша (найдена во многих обломках) на высокой ножке, скрепленной с чашей пальцами, отпечатки

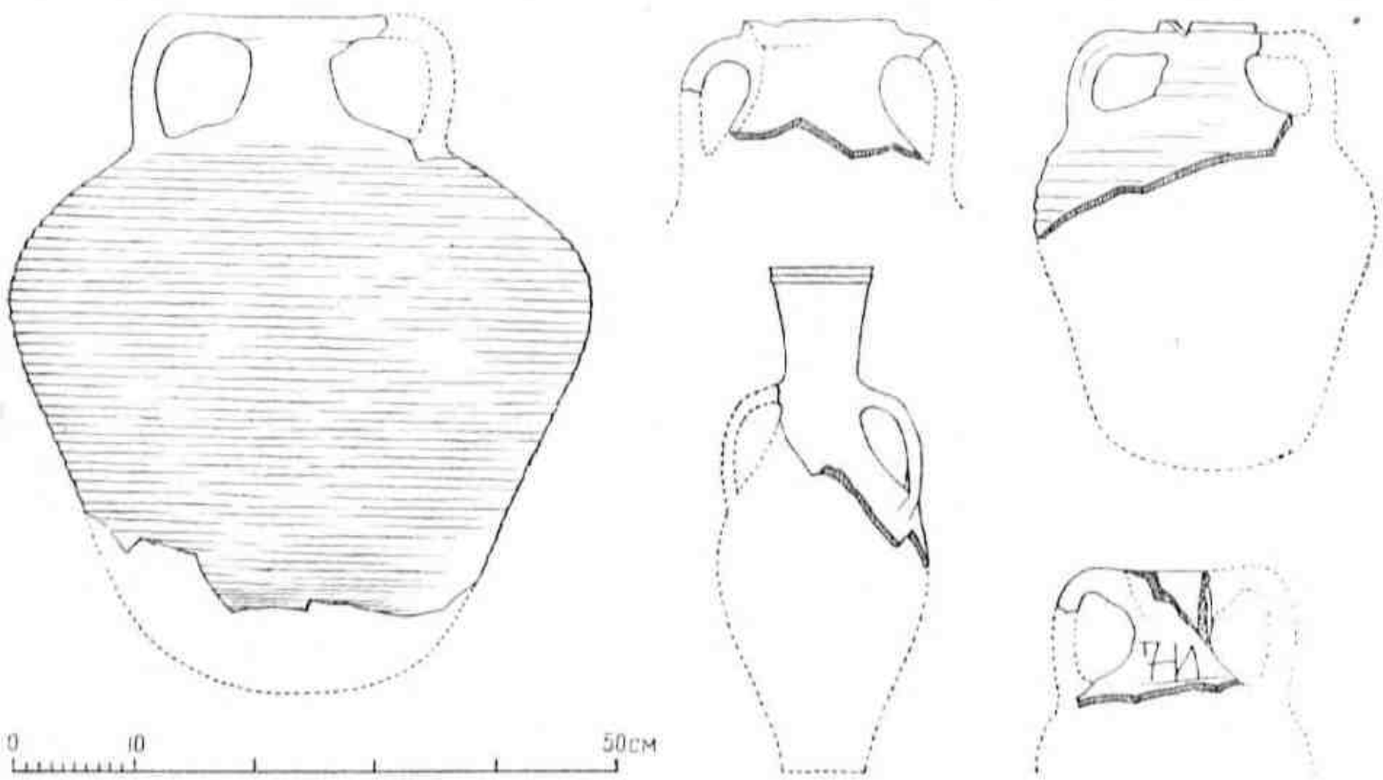


Рис. 20. Керамика IX—X вв. из ямы под печью *I*.

которых хорошо сохранились; сама чаша тонкостенная (толщина стенок 4 мм), с простым расширенным венчиком (ширина 9 мм), напоминающим в миниатюре венчик пифосов того же времени; диаметр чаши 39—40 см. Здесь же найдены фрагменты упомянутого красноглиняного кувшина с каннелированной поверхностью. Далее, очень интересны фрагменты кувшина, украшенного зигзагами и елочкой, явно имитирующими роспись на белоглиняной поливе, где подобная орнаментика встречается.[1] В этой же яме найдено довольно много обломков белоглиняной поливной посуды с рельефными украшениями на дне. Обломки принадлежат четырем сосудам: один из них — чаша с коричнево-зеленоватой поливой, украшенная с наружной стороны глубокой врезной линией в виде зигзагов и елочек; другой — кувшинчик на высокой ножке, с светло-коричневато-зеленой поливой, с двойным дном. Формы остальных сосудов, ввиду фрагментарности, определить трудно. Тут же найдено несколько мелких обломков тонкостенных стеклянных сосудов. Содержимое ямы дает, таким образом, почти полный ассортимент посуды, бытовавшей в IX—X вв., что и определяет его важность. Яма, как сказано, уходит под печь и потому очищена не вся.

Керамика из ямы не менее важна и тем, что позволяет датировать гончарную печь *I*, а вместе с ней и печь *II*, представляющие безусловно наиболее значительный результат раскопок 1940 г. Это первая в Херсонесе достоверная находка средневековой гончарной мастерской, притом крупной по своему размеру. К сожалению, сохранность печей плохая: от обеих уцелела лишь нижняя часть — топка. От печи *III* сохранились лишь слабые следы.

Печи ориентированы с СВ на ЮЗ и расположены одна близ другой на территории дворов позднесредневековых жилых усадеб:

[1] Аналогичная орнаментика на белоглиняной посуде хорошо известна на Ближнем Востоке и богато представлена в керамике IX в. из Самарры (Месопотамия) (см.: F. Sarre. Keramik von Samarra. Berlin, 1925).

печь *I* — во дворе помещения *23*, печь *II* — во дворе помещения *15*. Однако хронологически печи предшествуют этим усадьбам, ибо остатки печей залегают непосредственно под подошвой позднесредневекового слоя, а над печью *II* прошла стенка, разделяющая помещения *19* и *20*. Следовательно, печи в этот период, т. е. приблизительно к XIII в., уже не существовали; верхние части печей были разобраны: кирпичи от них и даже части кирпичных сводиков постоянно и во множестве встречались при раскопке соседних позднесредневековых помещений, при постройке которых эти кирпичи и были использованы. Остатки печей оказались погребенными в засыпи, выравненной затем под дворовые площадки.

Вместе с тем эти печи были сооружены не раньше X в., так как печь *I* прикрыла часть упомянутой ямы с керамикой, хорошо датированной IX—X вв. Таким образом период постройки и существования печи *I* и стратиграфически однородных с ней печей *II* и *III* может быть ограничен временем XI—XII вв.

Обе большие печи (*I* и *II*) однородны и по своему плану грушевидной формы, и по своему устройству, и даже по размерам. Обе они состоят из кольцевого корпуса и системы топочных каналов — центрального, более широкого, и боковых, узких; у каждой с с.-в. стороны находится топка. Длина печи *I* 3.44 м, печи *II* — 3.72 м (рис. 21, *а*, *б*). Как выяснили раскопки, они предназначались для обжига кровельных черепиц. Описание печей дано в особой публикации [1] и потому здесь не приводится (см. рис. 22, 23).

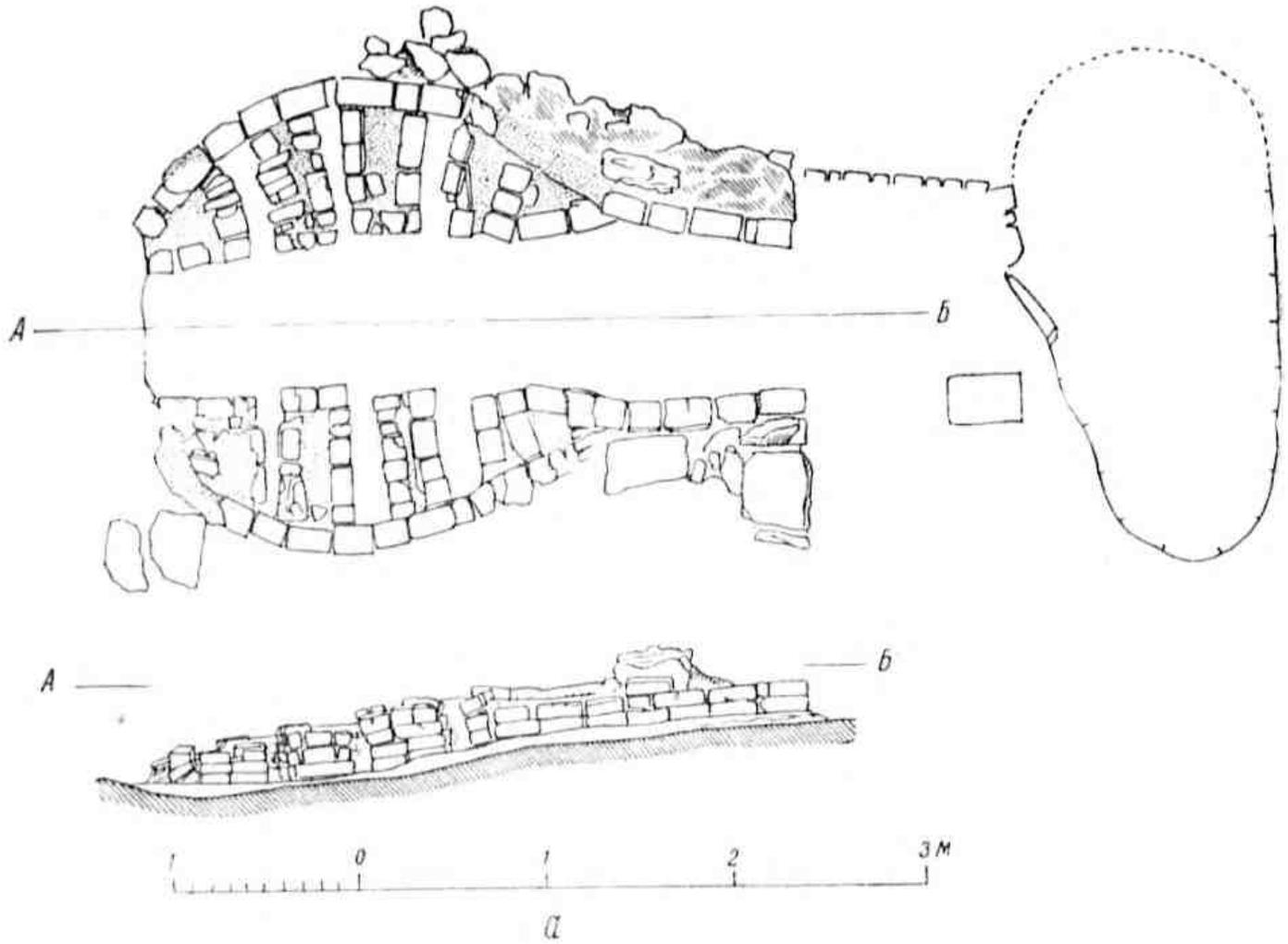
Исходя из имеющихся аналогий и этнографического материала, устройство печей можно представить в следующем виде. Округлый корпус печи состоял из двух камер: нижней — топочной и верхней — обжигательной. Конструкция нижней топочной камеры представляла ряд узких кирпичных сводиков, вернее — арок, перекрывавших центральный продольный топочный канал и опиравшихся на симметрично расположенные выступы боковых частей печи, образующие боковые каналы. Вместе с этими выступами арки служили основанием пода обжигательной камеры. Промежутки между арками и выступами образовывали, как сказано, ряд узких поперечных каналов, шедших более или менее параллельно во всю высоту топочной камеры (в печи *I* — их три, в печи *II* — четыре). Под, не сохранившийся, вероятно, был выложен теми же сырцовыми кирпичами (толщиной 6 см), причем над боковыми каналами эти кирпичи, составлявшие тонкое перекрытие каналов, были уложены с промежутками, образуя отверстия, через которые горячие топочные газы проникали снизу в обжигательную камеру. Таким образом эти отверстия располагались рядами поперек печи, соответственно боковым каналам топки. Что конструкция топочной камеры была именно такова, подтверждает большая гончарная печь (шириной 2.35—2.50 м, длиной 3.10—3.20 м), открытая в 1932 г. близ селения Мадара в Болгарии и относящаяся к периоду первого болгарского царства, т. е. к IX—X вв.[1]

Хуже всех сохранилась печь *III*, расположенная в углу двора (помещения *14*). Она наименьшая по размеру: длина 2.30 м, наибольшая ширина внутри (в средней части) 1.30 м, ширина у топки 0.90 м, ширина устья топки 0.35 м. Форма печи округло-овальная, суживающаяся к топке. Кирпичная выкладка каналов не сохранилась, видны лишь следы кольцевого корпуса печи. Основание топочной камеры было выложено известняковыми плитками и обмазано толстым (3 см) слоем глины; сверху — слой золы. Печь также имела каменную обкладку — панцырь; свод печи, судя по найденным фрагментам, был кирпичным.

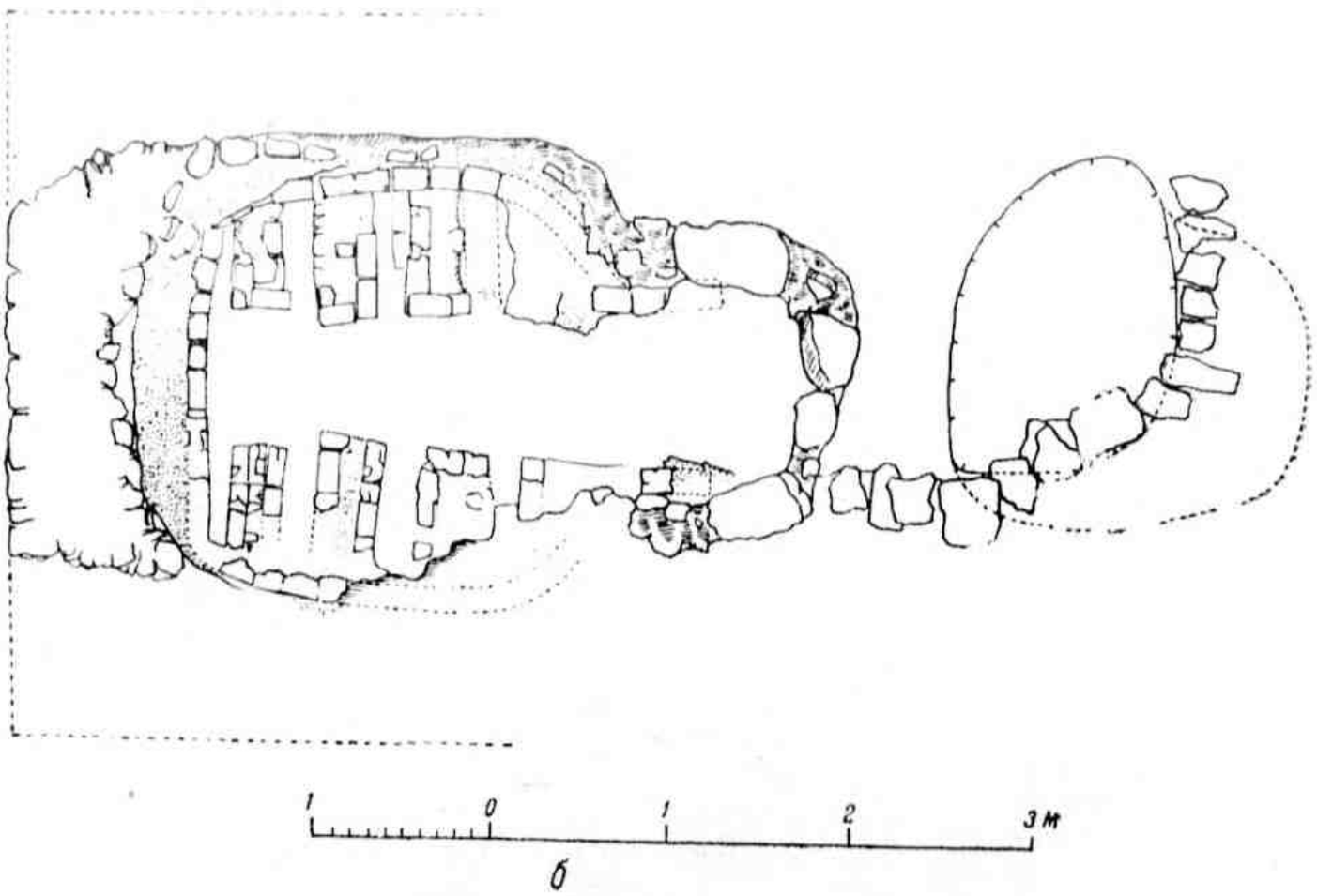
Все три печи принадлежали, очевидно, одной гончарной мастерской. Не исключено, что малая печь была предназначена для обжига посуды, может быть крупной глиняной тары (например амфор). В таком

[1] А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КС ИИМК, вып. X, 1941, стр. 53—62; он же, МИА, 17, гл. III.

[1] [Сборник] «Мадара», раскопки и проучвания, кн. II. София, 1936, стр. 25—26. — Печь эта не округлой, а прямоугольной формы (вернее — слегка трапециевидной); продольных каналов здесь не один, а два, перекрытых арками; однако сам принцип устройства топки в виде системы продольных и поперечных каналов здесь тот же самый. Еще больший размер имела большая обжигательная печь (для кирпичей), расположенная рядом с Софийским собором в Киеве и раскопанная в 1946 г. М. К. Каргером. Здесь основанием пода являлись отдельно стоящие столбики, соединявшиеся, очевидно, арочками; иначе говоря, боковые каналы были расчленены на отдельные, но часто поставленные опоры.



а



б

Рис. 21.

а — план и разрез черепицеобжигательной печи *I*; *б* — то же, печи *II*.

случае наличие этой печи может указывать на отсутствие в данной мастерской строгой специализации: здесь производили не только керамический строительный материал, но и гончарную посуду.[1]

Раскопанные печи дают и важные историко-топографические указания. Как известно, гончарные мастерские иссстари — и в античных и в средневековых городах — обычно размещались на окраине их,[2] а часто и вовсе за пределами городской оборонительной стены. Вряд ли средневековый Херсонес составлял исключение: при скученности населения такое расположение мастерских было вполне целесообразно и необходимо. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в XI—XII вв. район, где находились раскопанные в 1940 г. печи, действительно являлся городской окраиной. Дело в том, что материал раскопок Херсонеса последних лет, производившихся Г. Д. Беловым

Рис. 22. Черепицеобжигательная печь *1*, вид со стороны топки.

вдоль северного берега, неоспоримо свидетельствует, что в конце X в. город пережил сильный пожар, в результате которого вся его с.-з. половина совершенно запустела.[1] Вновь, и то не полностью, заселилась она, как показывают те же раскопки, спустя лишь полтора-два столетия, т. е. в XII в. и главным образом в XIII в. Но началось это заселение, надо думать, раньше, еще в XI в. На это косвенно может указывать факт появления в одном из запустевших кварталов большой гончарной мастерской.

[1] Подробнее об этом в указанной статье А. Л. Якобсона — «Гончарные печи средневекового Херсонеса» (стр. 60—61).

[2] См., например: В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. 1934, стр. 55. — Указанная печь в Мадаре также была расположена на окраине поселения ([сборник] «Мадара», кн. II, стр. 25, 29).

[1] Г. Д. Белов, МИА, № 4, 1941, стр. 208; он же. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 231

Таким образом вновь открытые гончарные печи в какой-то мере помогают выяснению вопроса и о размерах этого запустения и о времени вновь начавшегося заселения городских кварталов позднесредневекового Херсонеса.

Раскопанный в 1940 г. участок квартала XVII, занимающий угол большого средневекового приморского квартала, включает остатки пяти позднесредневековых жилых усадеб, что определяется как составом найденных вещей, так и планировкой (расположением) помещений (см. рис. 16), что будет видно из последующего изложения. Раскопанные усадьбы тянутся вдоль IX поперечной и II продольной улиц, а с ю.-з. стороны ограничены проулком (раскопанным в 1941 г.). Ширина улицы 3.20 м; к перекрестку она немного сужается — до 2.90 м (рис. 24, *а*). Подошва улицы возвышается над полом помещений, куда с улиц спускаются лестницы (помещения *1*, *5*, *8*, *11*). Культурный слой на улице — небольшой (всего 0.4—0.5 м, местами достигает 1 м), образовался в процессе разрушения домов и состоит преимущественно из завала камня, небольшого количества черепицы и отдельных вещей, упавших из верхних этажей выходящих на улицу помещений.

Рис. 23. Черепицеобжигательная печь *II*, вид со стороны топки.

Среди завала камня встречено 10 клиньев от арок входов,[1] 15 кусков обычного для позднесредневекового Херсонеса карниза с профилем в виде полочки и выкружки,[2] множество штучных, хорошо тесанных камней, которыми выложены углы построек и входы. Черепицы дали множество различных меток (рис. 25).[3] Встречены обломки ручных жерновов (против помещений *1* и *3*), прямоугольное корытце с отверстием на дне, 46×48 см (глубина 12 см), обломки ступ, точильных камней, несколько грузил, разрозненные обломки керамики, часть плиты, перекрывавшей уличный водосток, и фрагмент водосточной трубы. Кроме того, обнаружено несколько мраморных фрагментов (колонн, преград), происходящих, очевидно, от находившейся недалеко, в квартале XIX, базилики VI в.; интересно, что одна коринфско-византийская капитель VI в. из этой базилики была непосредственно использована: ее поставили на углу, у са-

[1] Шесть против помещения *1*, два — против помещения *6*, два — у перекрестка улиц. Однако несомненно, что часть этих клиньев арок относится к домам на противоположной стороне улицы.

[2] Девять кусков — против помещения *1*, четыре — против помещения *3*, один — против помещения *6*, один против помещения *7*. Часть этих карнизов принадлежит, вероятно, домам на противоположной стороне улицы. Общая длина всех найденных кусков карниза около 6 м.

[3] Рис. 25 содержит ремесленные метки на позднесредневековых черепицах из большинства помещений квартала XVII. В дальнейшем особых ссылок на этот рисунок не делается.

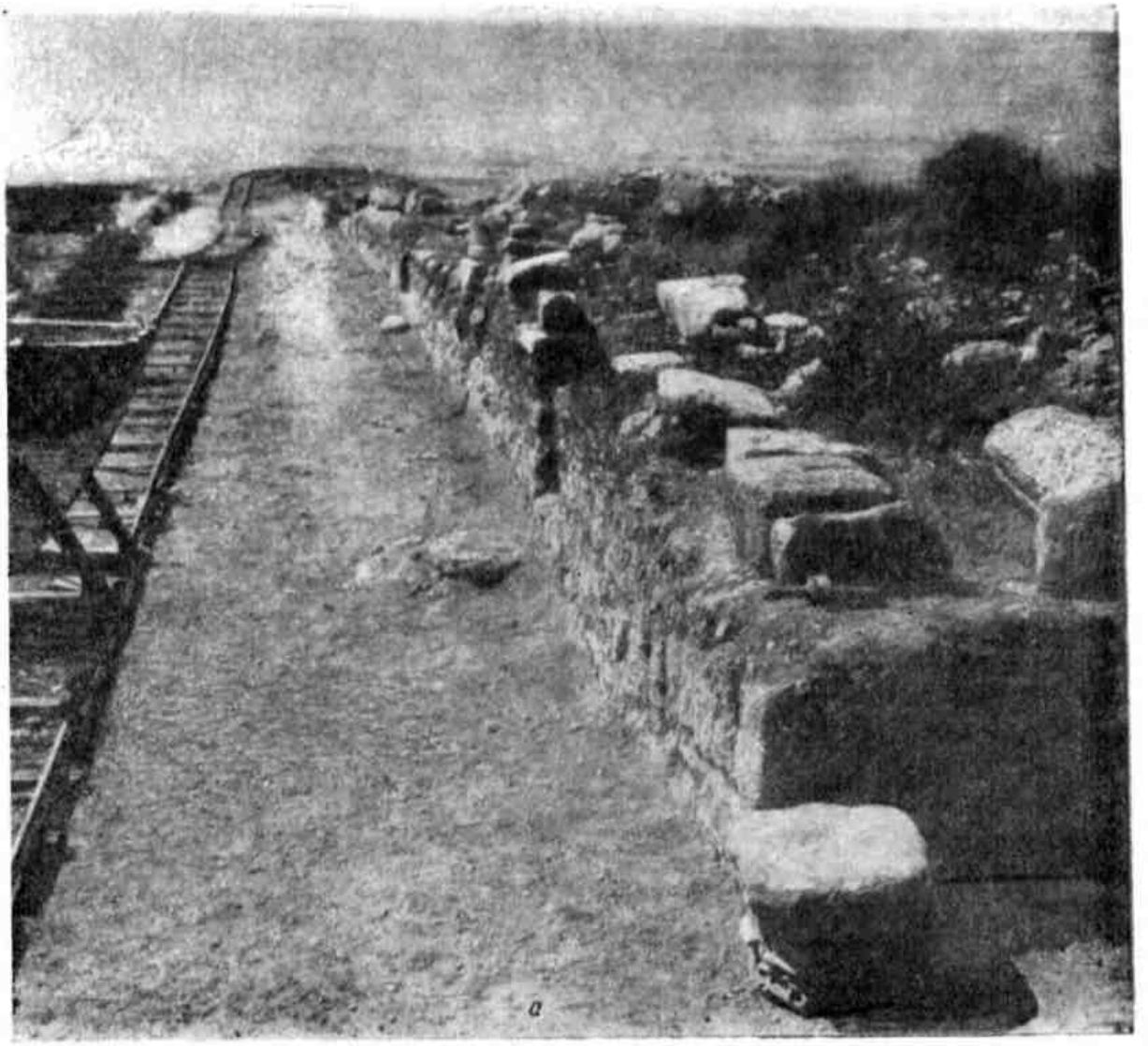


Рис. 24.

а — IX поперечная улица, вид с ю.-в. стороны от перекрестка со II продольной улицей; *б* — II продольная улица, вид с ю.-з. стороны.

Рис. 25. Метки на средневековых кровельных черепицах из раскопа XVII квартала.

На помещения **1** — *11, 16, 19, 26, 30, 33, 37—41, 45, 48, 54, 59, 61*; из помещения **3** — *6, 10, 11, 17, 20, 29, 36, 42, 60*; из помещения **4** — *2, 6, 12, 24, 42, 48, 56, 58, 59, 63*; из помещения **5** — *3, 5, 9, 11, 24, 36, 52, 55, 56*; из помещения **6** — *9, 35, 56*, из помещения **7** — *1, 9, 10, 14, 23—25, 31, 32, 36, 51—53, 56, 57, 59*; из помещения **8** — *11, 20, 25, 34, 42, 66*; из помещения **9**—*7, 9, 36, 42, 57*; из помещения **10**—*8, 14, 21, 24, 42, 59, 60, 62*; из помещения **11**—*46, 50, 53, 60, 62*; из помещения **12** — *27, 28*; из помещения **13** — *8, 10, 18, 22, 28, 62*; из помещения **14** — *8, 43 69*; из помещения **15** — *4, 9, 10, 14, 20, 29, 55, 68*; из помещения **18** — *4, 7, 9, 29, 67*; из помещения **21** — *2, 11, 15, 24, 43, 47, 56, 63*; из помещения **22** — *10, 36, 42, 49*; с IX поперечной улицы — *5, 7, 8, 13, 24, 31, 36, 37, 44, 47, 48, 52, 64, 65*.

мого перекрестка улиц (вероятно, для сидения; рис. 24, *а*). Против помещения *5* найдена каменная плита 0.33×0.40 м, толщиной 0.18 м, украшенная рельефной плетенкой с четырехконечным крестом (рис. 26). Плита, очевидно, была помещена над входом в помещение *5* и служила своего рода апотропеем.

Среди находок выделяется сравнительно высокий сферический красноглиняный сосуд (вероятно, кувшин) на расширяющейся ножке: высота сохранившейся части 12 см, диаметр 16 см, покрытый по ангобу зеленой поливой и украшенный накладной (рельефной) косой сеткой с кружочками внутри, а по низу такими же рельефными кружочками (рис. 35, *д*). По месту находки сосуд этот происходит, очевидно, из верхнего этажа помещения *7* или дома напротив, а по форме и характеру украшения является первой находкой такого рода в Херсонесе.

Рис. 26. Плита, украшавшая вход в жилой дом. Найдена на IX поперечной улице.

Он несомненно привезен из Персии или с Кавказа, в чем убеждают ближайшие аналогии — персидские кувшины XII—XIII вв., в частности из Рея.[1]

II продольная улица (рис. 24, *б*) на раскопанном участке дала ту же стратиграфию. Ширина улицы у перекрестка 2.65 м, затем она немного увеличивается и в раскопанном конце достигает 3.05 м. Уровень ее, начиная от перекрестка, постепенно повышается. Поверхность улицы имеет галечный настил толщиной 10 см.

Из отдельных находок отметим две ступы (диаметром 35 и 25 см), звено бронзовой цепи в виде пластинки с шарниром на конце, часть проволочной цепи и монету императора Романа I.

Рис. 27. Водосток на II продольной улице, близ перекрестка.

Особенно интересен открытый на II продольной улице вертикальный водосток, заложенный в стене дома на противоположной (ю.-в.) стороне улицы у перекрестка (рис. 27). Для стока воды наружу (на улицу) использован в качестве жолоба калиптер, поставленный наклонно, а под ним оказалась горизонтально лежащая плоская черепица (солена). Такого рода деталь городского благоустройства наблюдается в позднесредневековом Херсонесе впервые.

Переходим к самим жилым усадьбам.

I жилая усадьба (в северной части раскопа) включает два помещения на участке квартала XV (*3* и *8*) и три вновь расследованных — *1*, *2* и *25*. Последние два (*2* и *25*) составляют довольно большой двор. Основные помещения выходят на IX поперечную улицу, откуда и ведет вход в усадьбу через проходное помещение *1*.

[1] См.: F. Sarre und F. R. Martin. Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München. 1910, Bd. II. 1912, Tab. 105; ср. табл. 171. — Ту же орнаментацию, но в ажурном виде см. на сосуде XIV в., изданном в альбоме «La céramique musulmane. . .» (sous la direction Henri Rivière, Paris, 1913, pl. 69).

Помещение 1. Размер помещения 4.57×
×4.98 м. Стены его, как и всех позднесредневековых построек, сложены из бутового камня на грязи. От входа на улицу спускается вниз лестница в три ступени высотой, всего 0.71 м (рис. 28). Вход был архитектурно обработан: он завершался аркой, края которой изнутри помещения со стороны улицы были сложены из гладко тесаного камня; пять клиньев арки были найдены на улице против входа и внутри помещения. На замковом камне помещен крест в круге, с сильно расширяющимися концами, выполненный врезной линией. Судя по этим клиньям, ширина арочного пролета достигла 0.80—0.85 м. Фасад дома со стороны улицы завершался карнизом простого профиля (в виде полочки и выкружки), куски которого во множестве были найдены на улице против помещения, преимущественно по середине улицы и большей частью в перевернутом виде, что ясно указывает на то, что они упали сверху и принадлежали, следовательно, именно карнизу. Подобная же арка, возможно, завершала проход из помещения *1* в помещение *3* в квартале XV.

Помещение было крыто черепицей по деревянным стропилам, скрепленным большими (длиной до 11 см) железными гвоздями, во множестве найденными здесь (больше 100 шт.) среди обрывков горелых балок. Завал черепицы сосредоточен в середине помещения на глубине 1.30 м от дневной поверхности. Черепицы, как обычно, имели рельефные метки (рис. 25).

Рис. 28. Помещение *1*, вид с юга.

Земляной пол помещения был покрыт тонким слоем желтоватой глины. В южном углу (судя по обилию золы и кусков глиняной обмазки) помещался небольшой очаг; у ю.-в. стены была врыта каменная ступа. На стене близ лестницы висели рыболовные снасти; от них сохранились 19 свинцовых колец — грузил и, кроме того, одно бочковидное и одно пирамидальное глиняные грузила; они найдены выше черепичного завала, следовательно, они не лежали на земле, а именно висели на стене.

В помещении было найдено очень много железных и бронзовых вещей. Среди них

особый интерес вызывают найденные у подножия лестницы два бронзовых энколпия; один из них целый (7.7×5.8 см), от другого же осталась лишь одна створка, притом фрагментированная (10×7 см). Первый из энколпиев — литой (рис. 29, *а*, *б*). Центральную часть одной из его сторон занимает изображение распятия, над которым в обратном написании обозначено: **ІС̈ ХС̈**; под распростертыми руками — литая сла-

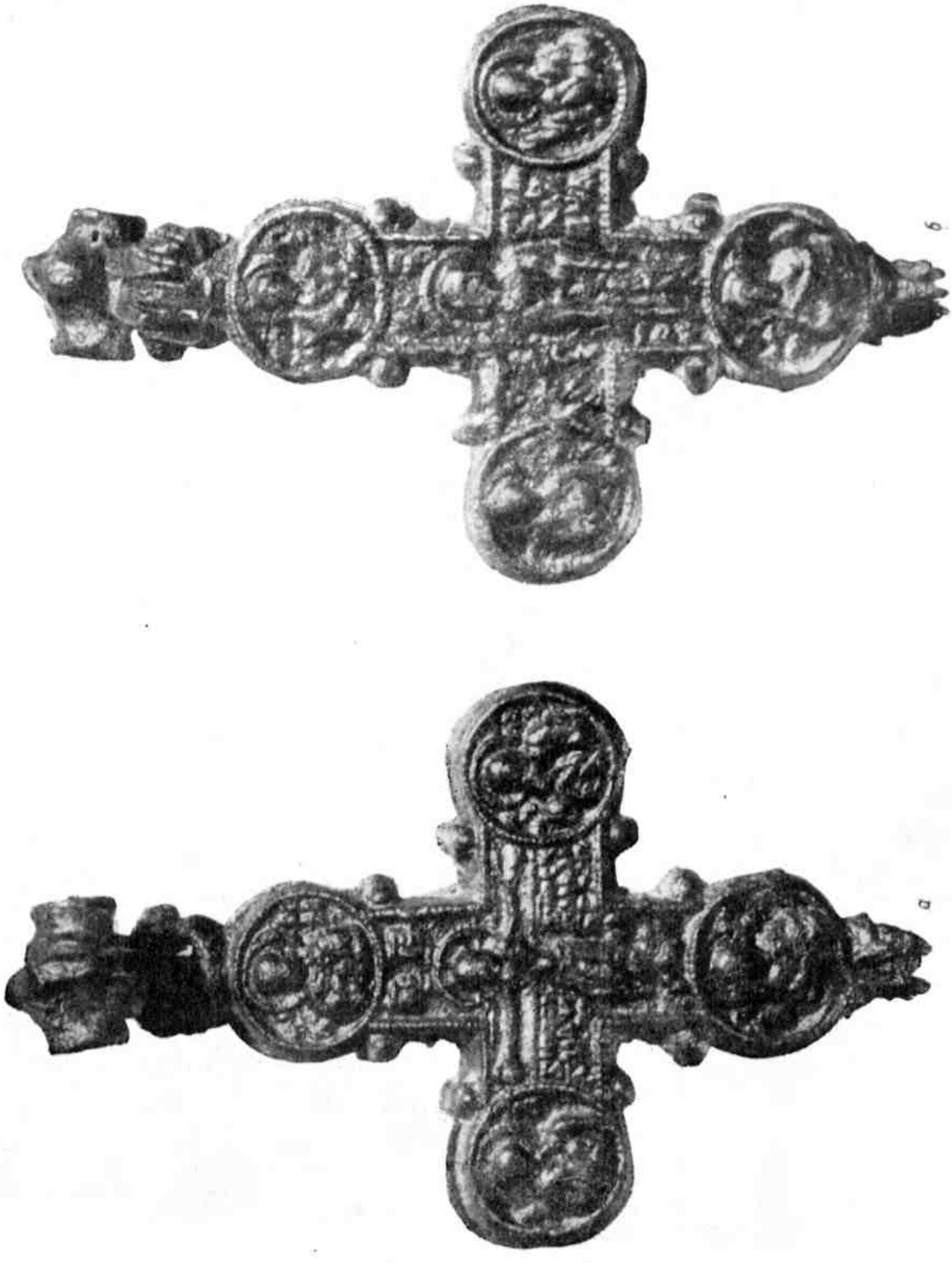


Рис. 29. Русский энколпий из помещения *1*.
а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона.

вянская надпись: **Х҃ртъ Кр҃стъ намъ далъ и похвалу**. Концы креста заняты медальонами с погрудными изображениями четырех евангелистов; они также с литыми надписями. На другой стороне эниколния — изображение богородицы; над ней и по сторонам ее читается: **Ст҃ая Богороце помогай**; концы этой стороны креста заняты медальонами с изображениями четырех евангелистов. Совершенно точные аналогии дают многие литые эниколнии, происходящие из различных мест Киевской Руси, главным образом из самого Киева,[1] и отлитые из одной формы, найденной в Киеве близ Десятинной церкви. Херсонесский эниколний, очевидно, также отлит из этой формы и, следовательно, привезен в Херсонес из Киевской земли. Киевские кресты относятся к 1230 гг.,[2] что определяет дату и херсонесского креста, бытовавшего здесь в течение XIII и XIV вв.

Рис. 30. Русский медный крест из помещения *4* (№ 1739).

От другого литого эниколния, как сказано, сохранилась только одна половина (и то не полностью) с рельефным изображением богоматери в рост с младенцем; по сторонам ее гравированы надписи; кругом (на концах креста) медальоны с грубыми погрудными изображениями евангелистов без нимбов; изображения обработаны чеканом в виде насечек.[3] Такие же эниколнии неоднократно встречались в Киевской земле.[4] Судя по греческим надписям, этот эниколний — вероятно, местного, греческого, происхождения.

Там же, где и кресты (у подножия лест-

[1] Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, табл. XVII, 1—2, стр. 29—30; И. Леонардов и Н. Чернев. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, вып. I. Киев, 1890, табл. 4 и 5, № 28, 29; вып. III, табл. I, № 11; ДИ, вып. 1, 1899, табл. II, 41, 42; М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КС ИИМК, вып. X, 1941, рис. 25а; Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Уч. зап. Моск. Гос. унив., вып. 93 (серия «История», кн. 1), М., 1946, стр. 90—91, рис. 8. — Б. А. Рыбакову известно 16 таких крестов, отлитых из одной формы (херсонесский крест ему был неизвестен).

[2] Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 90; М. К. Каргер, ук. соч., стр. 83—85.

[3] Подобные эниколнии уже встречались в Херсонесе. См.: ИАК, вып. 9, стр. 55, рис. 33б.

[4] Н. И. Петров, ук. альбом, вып. IV—V, табл. XIV, 8; табл. XVI, 7; И. Леонардов и Н. Чернев, ук. соч., вып. I, табл. 2, № 17; особ. табл. 3, № 18 (та же обработка чеканом в виде насечек); Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908, стр. 186, рис. 163.

ницы), найдена маленькая бронзовая державка для лампады и цепочка с крестиками (рис. 31, *а*). Державка представляет собой стерженек с колечком и расширением в виде шести лучей с шипами.[1] Цепочка состоит из коротких звеньев с колечками на концах в виде узких пластинок с зубчатыми краями (как бы нанизанных друг на друга треугольничков); звенья эти чередуются с маленькими простыми крестиками (всего найдено 6 звеньев и 6 крестиков). Кроме того, в помещении найдены две бронзовые ажурные поясные бляшки (5×3.5 см и высотой 3.6 см): одна в виде тонкой фигурной пластинки (6.7×6.4 см), на оборотной стороне которой сохранились спекшиеся крючки для прикрепления, другая — шестиугольная с шипечками по углам (2.5×2.6 см). Из остальных металлических вещей отметим фрагменты двух тонкостенных бронзовых чаш. Одна чаша имела диаметр приблизительно 9 см, другая, найденная в шести фрагментах, имела длинную тонкую ручку с двумя перехватами на конце, соединенную с широкой, почти круглой пластинкой (рис. 31, *б*): к этой пластинке и была припаяна сама небольшая сферическая чаша. Длина всей ручки 20 см.[1] Совершенно подобная чаша (кадильница) была уже встречена в Херсонесе в 1901 г., правда, среди случайных на-

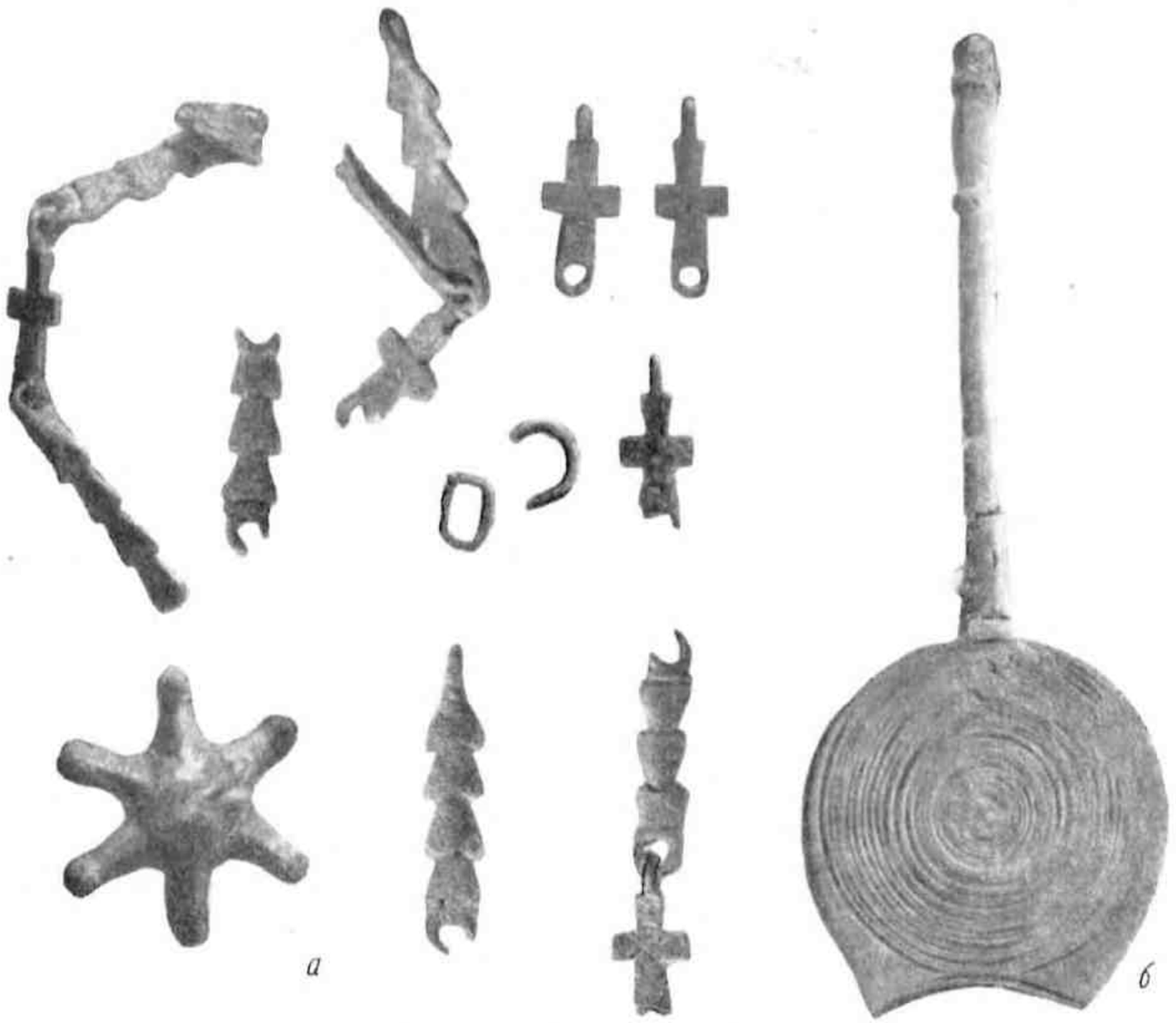


Рис. 31. Находки в помещении *1*.
а — державка от лампады и цепь (№ 1645); *б* — ручка от бронзовой чаши (№ 1665).

[1] Такого же типа державка встречалась и раньше в Херсонесе. Так, совершенно идентичная найдена в 1932 г. (МИА, № 4, 1941, рис. 77), близкую по типу к ранее найденной см.: ИАК, вып. 16, рис. 37, стр. 80. Ср.: ДП, вып. V, 1902, табл. IX, 243 (лампа из Княжой Горы). — Херсонесская лампа воспроизводит ту же схему форм.

[1] Ср. ДП, вып. V, 1902, табл. XII, 247 (но без стержня).

ходок в восточной части городища.[1] Найден также железный треугольник высотой 7 см. Не совсем понятен массивный, сильно разрушенный и спекшийся железный предмет, состоящий из трех концентрических толстых прутьев (шириной 3 см), соединенных по диаметру прямым стержнем (шириной 27 см). Не использовался ли этот предмет в качестве подставки над очагом для варки пищи?

Керамический материал в основном представлен мелкими горелыми обломками красноглиняной поливной посуды с рисунком врезной линией и белоглиняной поливной посуды с росписью. Из неполивной красноглиняной керамики отметим небольшой кувшинчик, найденный во многих обломках; его корпус украшен вверху горизонтальным накладным пояском с углубленными точками, от которого радиально спускаются такие же накладные полоски с насечками; между вертикальными полосками помещены шишки, окруженные такими же точками (рис. 32, *а*). Такой орнамент также нередко встречается в позднесредневековой керамике Херсонеса [2] и восходит к ближневосточной керамике.[3] Обломки посуды находились преимущественно вдоль стен.

Широкий проход ведет из проходного помещения *1* в удлиненный двор (помещения *2* и *25*). Что *помещения 2* и *25* были именно двором (их площадь 36 кв. м), показывает почти полное отсутствие черепицы, найденной в небольшом количестве лишь у стены помещения *1* (к кровле его эта черепица и относится). Керамики найдено также немного, почти исключительно обломки круглодонных грушевидных амфор с высокоподнятыми ручками и плоскодонных с плоскими ручками, немного обломков от кувшинов, один из которых с мелким рифлением и волной. Из остальных вещей отметим обломок стекла, костяное пряслице и костяную ручку длиной 8.2 см, с двумя бусинами на конце, украшенную процарапанными крестиками. У стены помещения *1* в землю врыта ступа. В южном углу двора находится колодец, небрежно обложенный камнями.

Жилая усадьба, которой принадлежали раскопанные проходное помещение *1* и двор (помещения *2* и *25*), как сказано, состояла, кроме того, из двух жилых помещений на территории квартала XV, расследованных в 1937 г., — помещения *3* и *8*.

II жилая усадьба включает в себя большой двор (помещения *23* и *4*), коридор с печью (помещение *21*) и помещения *3*, *5* и *6* (*6а* и *6б*). Усадьба имеет в основном ту же планировку, что и соседняя, и тоже непосредственно сообщается с IX поперечной улицей через проходное *помещение 5* (размером 4.20×2.40 м) (рис. 33), куда, как и в помещение *1*, с улицы спускается трехступенчатая лестница. Помещение *5* было крытым. Под слоем черепицы встречены обгорелый брус шириной в сечении 18 см и высотой 7 см и железные гвозди с широкой шляпкой (шириной 4 см; длина гвоздей 10.5, 9 и 5.5 см). Стены помещения были покрыты штукатуркой (частично сохранилась на с.-в. и ю.-в. стенах). Характерно, что керамики в помещении было очень немного, исключительно простая красноглиняная — обломки бороздчатых круглодонных амфор с высокими ручками, плоскодонных амфор с плоскими ручками, кувшинов с плоскими ручками и частым тонким рифлением, пифосов с характерным широким венчиком и орнаментацией в виде медальонов.

Помещение 3 (размер 3.06×4.17 м), соединенное проходом (шириной 0.78 м) с двором *4—23*, было также крытым, на что указывает обычный завал битой черепицы и множество железных гвоздей от деревянных стропил. Стены, вероятно, были покрыты штукатуркой (куски ее найдены у ю.-в. и с.-в. стен).

Раскопки выявили типичную для позднесредневековой усадьбы Херсонеса картину домашней кладовой. Вдоль стен (кроме ю.-з. стены) сплошь стояла глиняная тара. Вдоль с.-з. и с.-в. стен, кроме того, находились крупные сосуды: небольшой пифос с горелой пшеницей, три круглодонных бороздчатых амфоры с высокими ручками, причем амфора № 4 была наполнена мелкой соленой рыбой — хамсой; одна амфора стояла по середине помещения. Все сосуды разбиты вдребезги. Вдоль ю.-в. стены находилось несколько небольших кувшинов и горшочков, лежащих большей частью боком или вверх дном; они, очевидно, упали

---

[1] ИАК, вып. 4, стр. 117, рис. 66.

[2] Например, кувшинчик из раскопок 1903 г. (ИАК, вып. 16, рис. 6, стр. 47) и из раскопок 1932 г. (остался неизданным).

[3] Часто наблюдается на месопотамских, азербайджанских и армянских сосудах XI—XII вв. Подробней об этом см.: МИА, 17, гл. III.

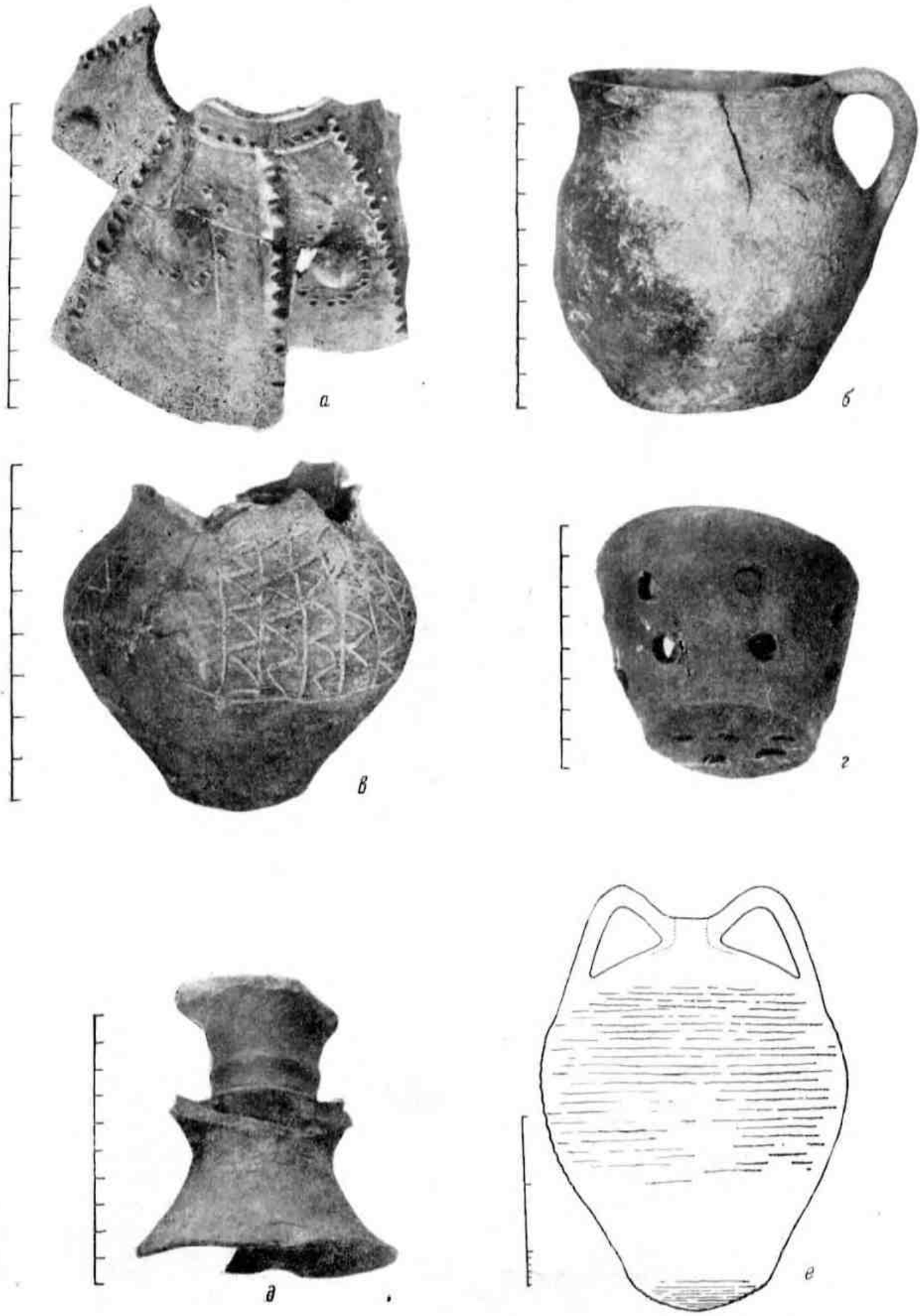


Рис. 32. Красноглиняная посуда из позднесредневекового слоя.

а — фрагмент сосуда с вертикальными накладными полосами (из помещения *1*; № 1686); *б* — горшочек (из помещения *3*; № 1748); *в* — горшочек (из помещения *6а*; № 3604); *г* — сито (из помещения *6а*; № 3603); *д* — двухъярусная лампа (из помещения *10*; № 1349); *е* — амфора (из помещения *10*; № 1144).

откуда-то сверху, вероятно с полки. Один из горшочков с ручкой, лежавший в южном углу, сохранился целиком (рис. 32, *б*); один из сосудов (кувшин) с плоской ручкой украшен вертикальными накладными ребрами с насечками, подобно сосуду из помещения *1* (рис. 32, *а*); его ручка украшена мелкими ямочками. У с.-в. стены был жернов. Рядом с пифосом лежало

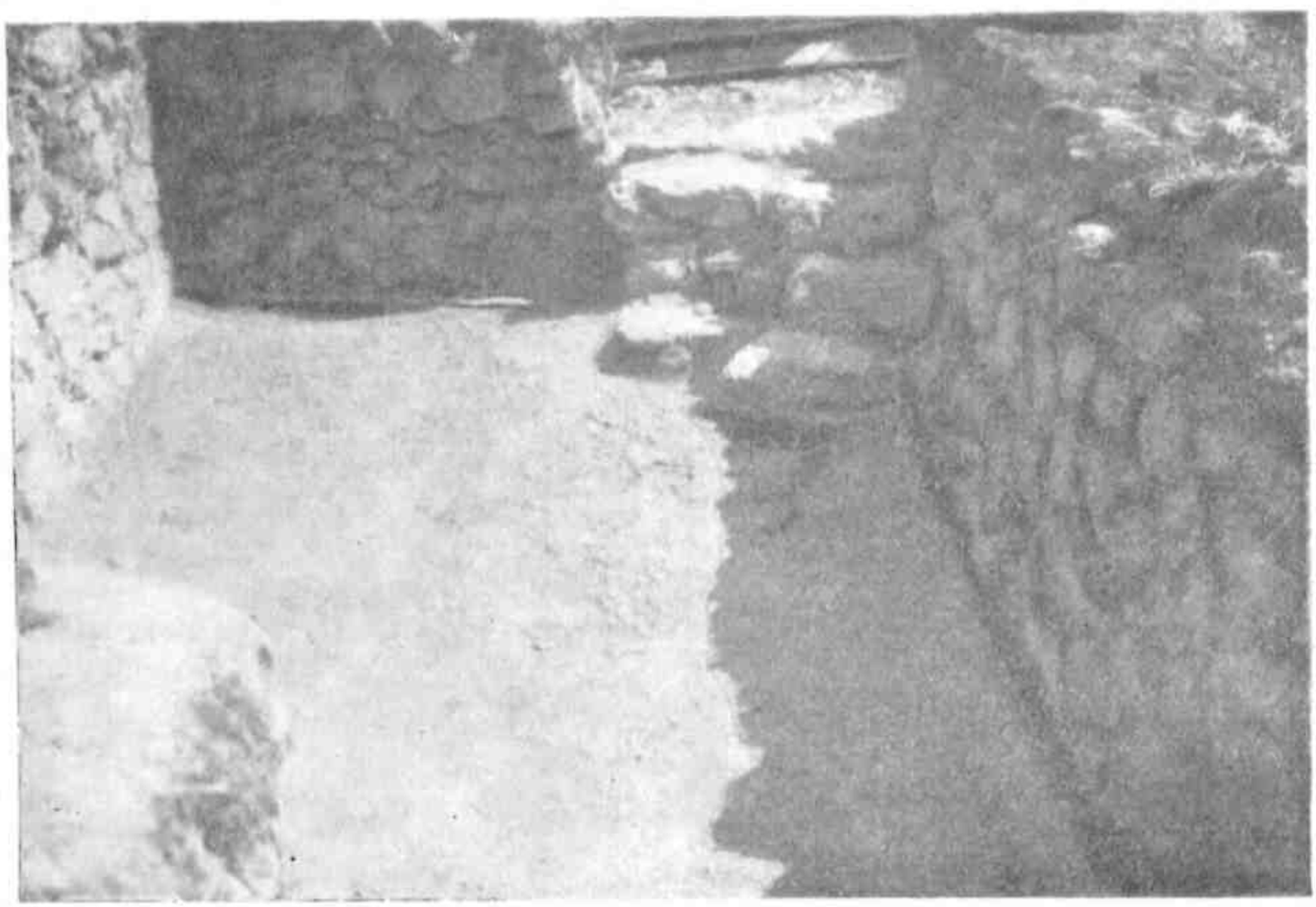


Рис. 33. Помещение *5*, вид с ю.-з. стороны.

в перевернутом виде небольшое каменное корытце. У западного угла — два небольших камня, около них большое скопление золы; возможно, что это — очаг, подобный очагу в помещении *1*. Общий вид кладовой иллюстрируется рис. 34.

Интересно отметить, что поливной керамики в помещении *3* оказалось очень немного. Кроме разрозненных обломков, найдено очень интересное большое блюдо, разбитое на множество кусков, причем многих кусков недостает; диаметр его 37 см, высота 9.2 см; блюдо толстостенное, имеет узкие горизонтальные края и покрыто золотисто-желтой поливой. Орнамент на этом монохромном блюде выполнен врезной линией: в центре пять изгибающихся виноградных гроздьев, расположенных радиально и окруженных концентрическими кругами (рис. 35, *а*). Аналогичная орнаментика, сочетающаяся с той же формой большого блюда, уже неоднократно встречалась в Херсонесе.[1] Совершенно тождественный рисунок плавно изгибающихся виноградных лоз, уверенно проведенный толстой линией, хорошо известен в поливной керамике Византии, Малой Азии и Греции (Спарта, Коринф), где наблюдается и та же форма больших блюд.[2] Вся эта керамика — как херсонесская, так и византийская — монохромна, т. е. без применения цветной поливы, что вообще типично для византийской поливной керамики. Близость той и другой настолько полная, что правильнее всего предположить привоз этой посуды в Херсонес из византийских городов. Археологический материал из Коринфа датирует такую керамику преимущественно второй по-

[1] См.: МИА, 17, стр. 176—177 (№№ 35—37а), табл. VII.

[2] Подробнее см. там же, стр. 176.

ловиной XII в.;[1] в Херсонесе она, как видим, бытовала и позднее, в жилых усадьбах, существовавших в XIII и XIV вв.

В остальные два помещения усадьбы (*6а* и *6б*) попадали через коридор помещения *21*. Завал черепицы здесь не наблюдался. Повидимому, помещения были открытыми, составляя закуток большого двора (*23* и *24*). В ю.-в. конце этого закутка помещалась двухъярусная печь, общим размером 1.20×1.12 м, высотой 0.55 м. От верхнего яруса сохранился лишь под (рис. 36), выложенный шестью кирпичами (размером 39×33 см, толщиной 2—3 см) в два ряда, положенными на слое гальки толщиной 4—10 см. Галька основана на плитном перекрытии нижней печи (сохранилась плита 80×60 см, толщиной 10—13 см); высота нижней печи в среднем 40 см; наибольшая ширина 0.85 м. Печь сложена из небольших бутовых камней и основана на земляном полу помещения. В ю.-з. стенке ее — проем шириной 30 см.

Рис. 34. Помещение *3*. Пифос с зерном и амфора с рыбой у с.-з. стены.

Помещение 6, находящееся рядом, состоит из двух половин (*6а*, *6б*), отделенных друг от друга стенкой шириной 0.50—0.55 м, с проходом шириной 0.65—0.75 м. Помещение *6*, по крайней мере его с.-з. половина (*6б*), было двухъярусным, о чем свидетельствует утолщение стенки (ширина 20—25 см на высоте 1 м) для упора деревянных балок перекрытия. На ю.-з. стене помещения *6б*, на высоте 1.10—1.15 м от пола, имелась прямоугольная ниша, обычная в позднесредневековых жилых усадьбах Херсонеса. Судя по черепичному завалу (толщиной до 25 см), множеству кусков обгорелых балок и скреплявших их железных гвоздей (найдено около 30 шт.), помещение было крытым. Стены были оштукатурены. Земляной пол — неровный, имеет уклон в ю.-з. сторону. Со стороны улицы помещение *6б*, как и другие, венчалось карнизом в виде полочки и выкружки (здесь найден кусок его, подобный кускам карниза из помещения *1*). Отметим также находку четырех штучных камней с пазом, составлявших, вероятно, косяк входа второго этажа, выходившего на галерею вдоль помещений *3*, *5* и *6* (об этом см. ниже).[1] Стены помещения в сохранившейся части не имеют выходов; следовательно, вход вел сразу на второй этаж (вероятно из коридора *21*) по деревянной лестнице, а из второго этажа через люк, также по деревянной лестнице, спускались в нижний этаж помеще-

[1] Ch. Morgan. The byzantine pottery. 1942, p. 157.

[1] Размеры: 35×31×9, 28×20×15, 45×31×15 и 50×25×20 см.

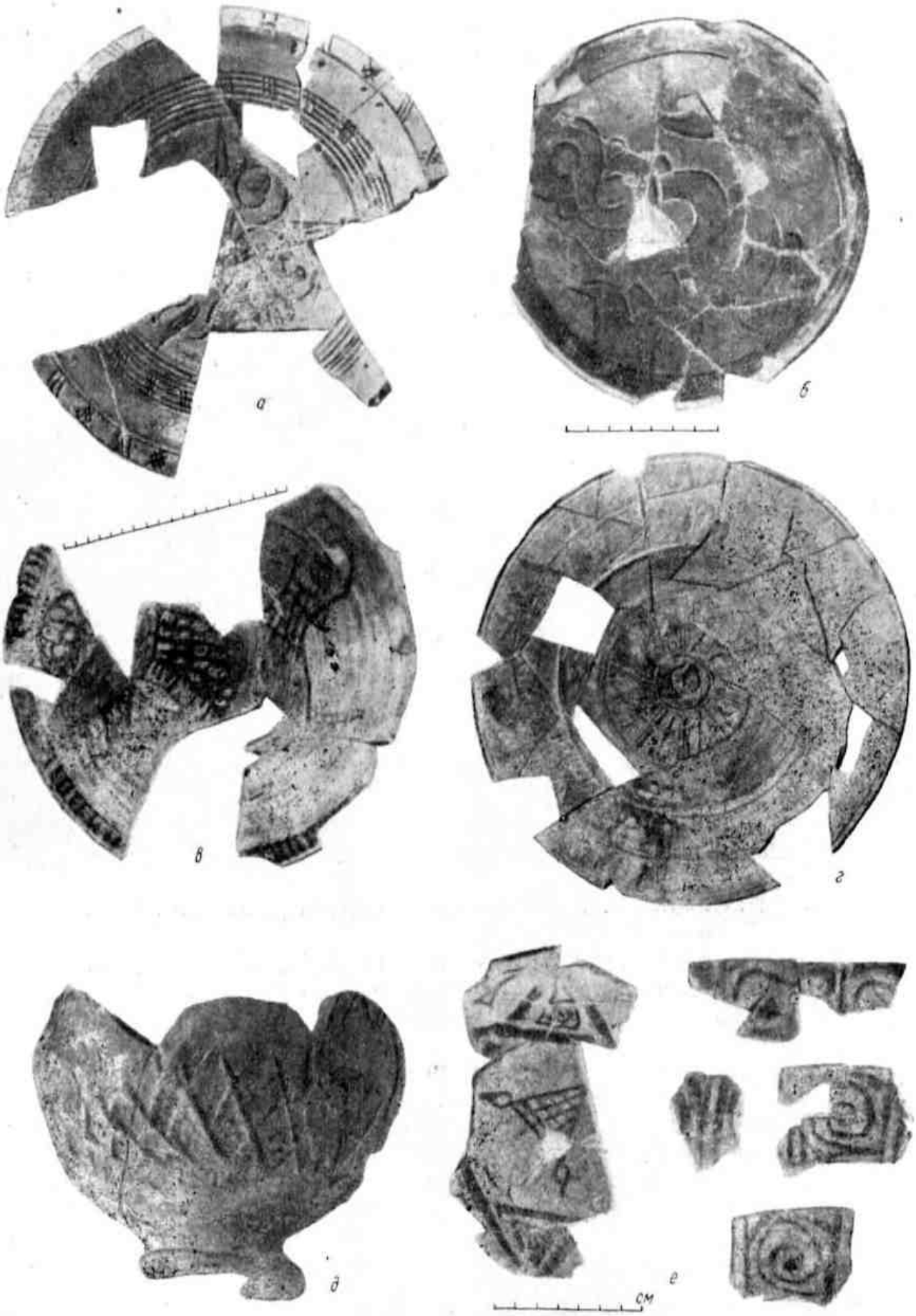


Рис. 35. Поливные изделия из позднесредневекового слоя.

а — поливное красноглиняное блюдо (из помещения *3*; № 1900); *б* — поливная красноглиняная миска (из помещения *12*; № 1129); *в* — белоглиняная тарелка с подглазурной росписью (из помещения *12*; № 1110/16); *г* — поливная красноглиняная тарелка (из помещения *13*; № 1386); *д* — сосуд, покрытый зеленым люстром (найден на IX поперечной улице; № 73); *е* — фрагменты белоглиняного блюда с росписью по кобальту (из помещения 13; № 1376).

ния, где хранились продовольственные припасы: в обеих половинах найдены остатки раздавленных пифосов, два из них с обгоревшей пшеницей. В помещении *6б* пифос стоял у с.-з. стены (днище было, повидимому, врыто в земляной пол; рис. 37, *а*), в помещении *6а* их было два: в восточном углу и у прохода (рис. 37, *б*), оба обложены камнями (на одном из них по сырой глине прочерчена метка собственности в виде буквы В, что, надо думать, связано с изготовлением пифоса на заказ, как и поливной посуды, найденной в помещении *13*, о чем ниже). В обеих частях помещения найдено по две половинки ручных жерновов, обе на черепичном завале (возможно, что они свалились сверху, из второго этажа помещения); в помещении *6б* жернова лежали у прохода (рис. 37, *а*); диаметр их 40 см. Сверху же, возможно, упала и амфора, круглодонная, бороздчатая, с высокими ручками, найденная в помещении *6б* у прохода, также на черепичном завале. Сверху же упал и небольшой горшочек (высотой 8 см) со своеобразной орнаментацией, найденный среди черепичного завала в помещении *6а*. Из остальных находок отметим маленькую глиняную чашечку с отверстиями (сито) (рис. 32, *г*) с остатками рыбы и глиняную фляжку, найденные в помещении *6а*, и производственный инвентарь: железная зубатка длиной 27 см (помещение *6б*, недалеко от жернова), несколько глиняных грузил (пирамидальные и бочковидные), точильный камень, воловья подкова. Наконец в помещении *6а* были найдены дверные висячие замки — круглый и цилиндрический, часто находимые в позднесредневековых помещениях Херсонеса, и железная задвижка в виде пластинки с петлей, а возле замка — медный ключ (без кольца). Особенно же важна находка большой вислой свинцовой печати (найдена на глубине 1.0 м от верха восточного угла поме-

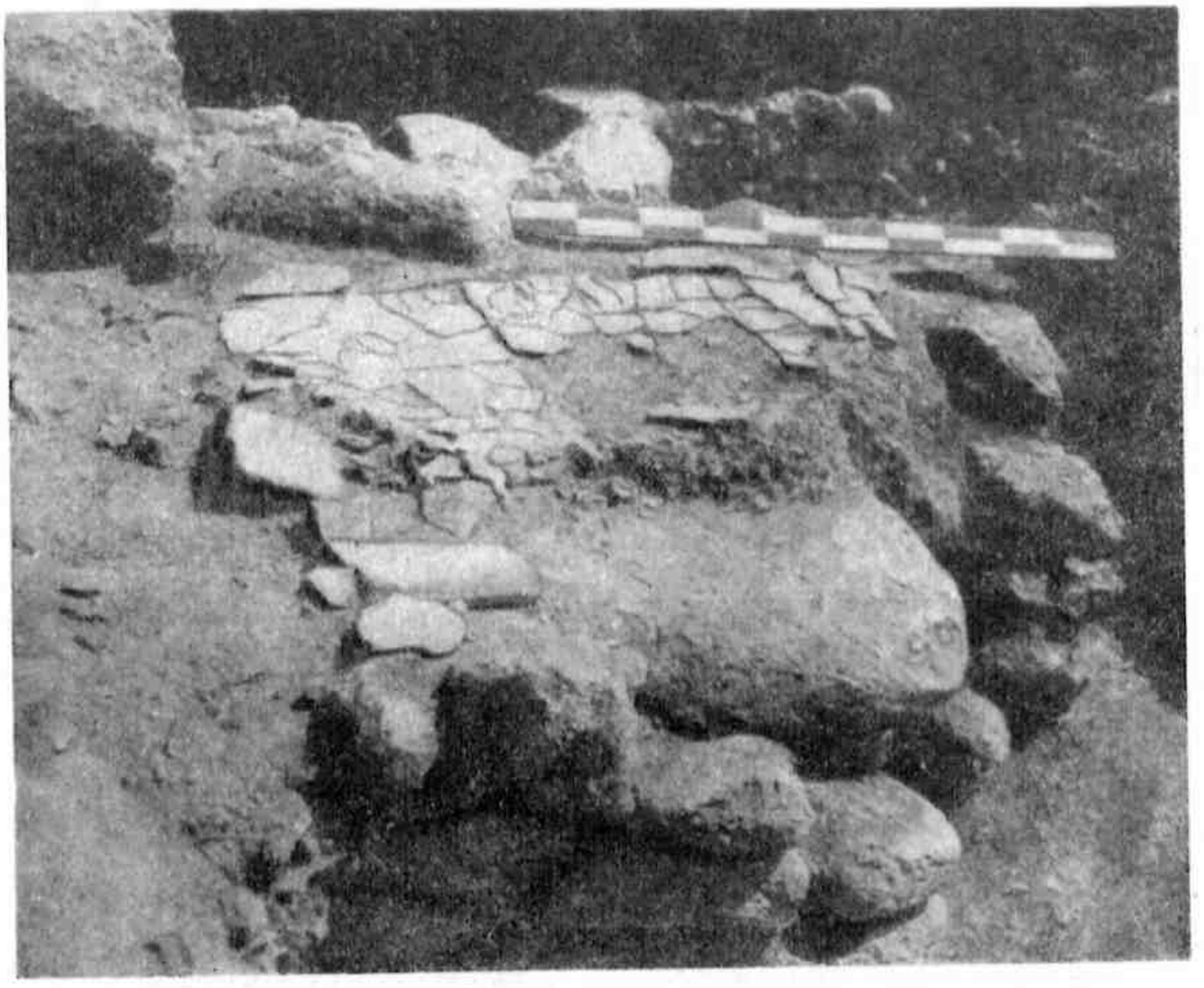
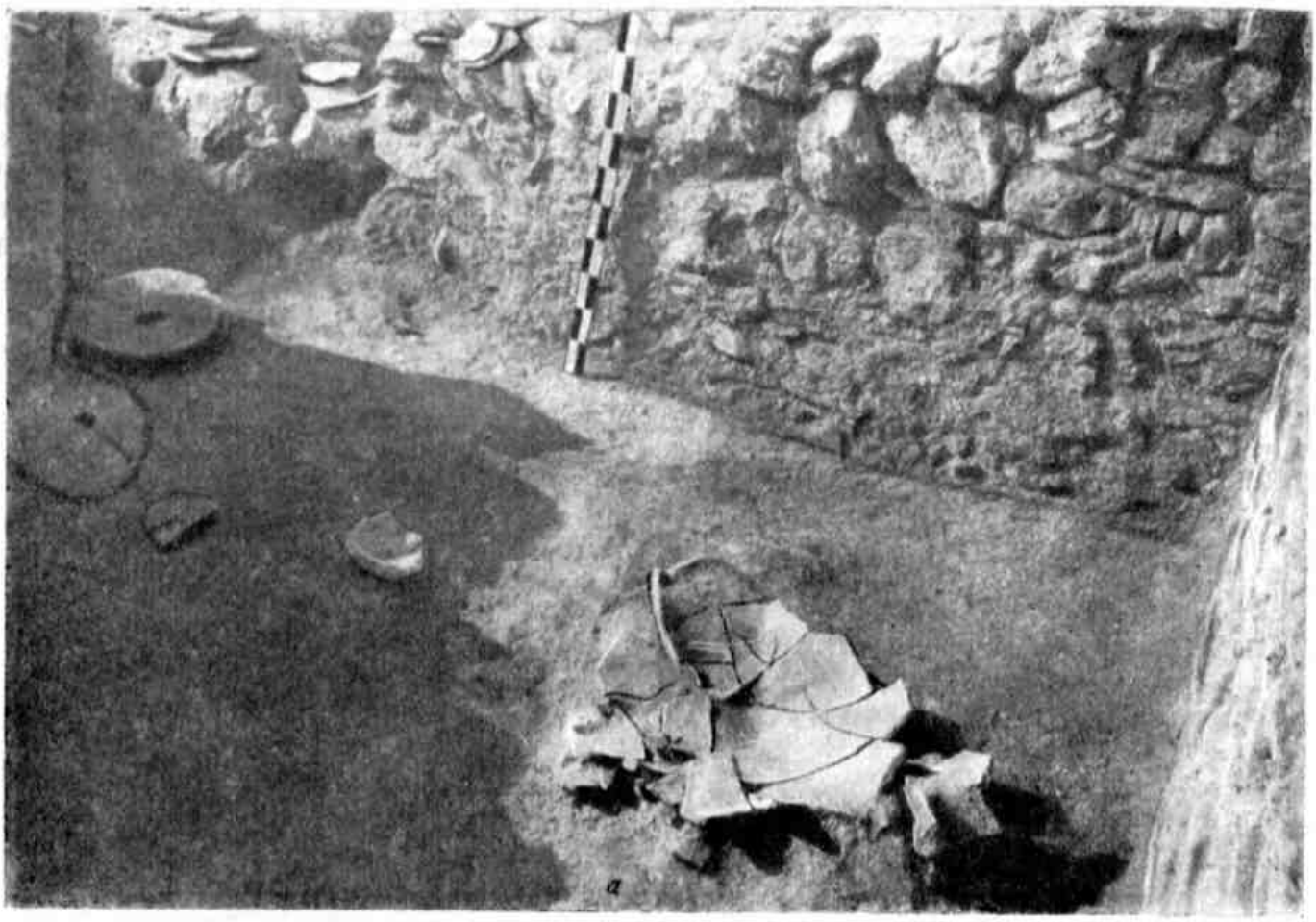
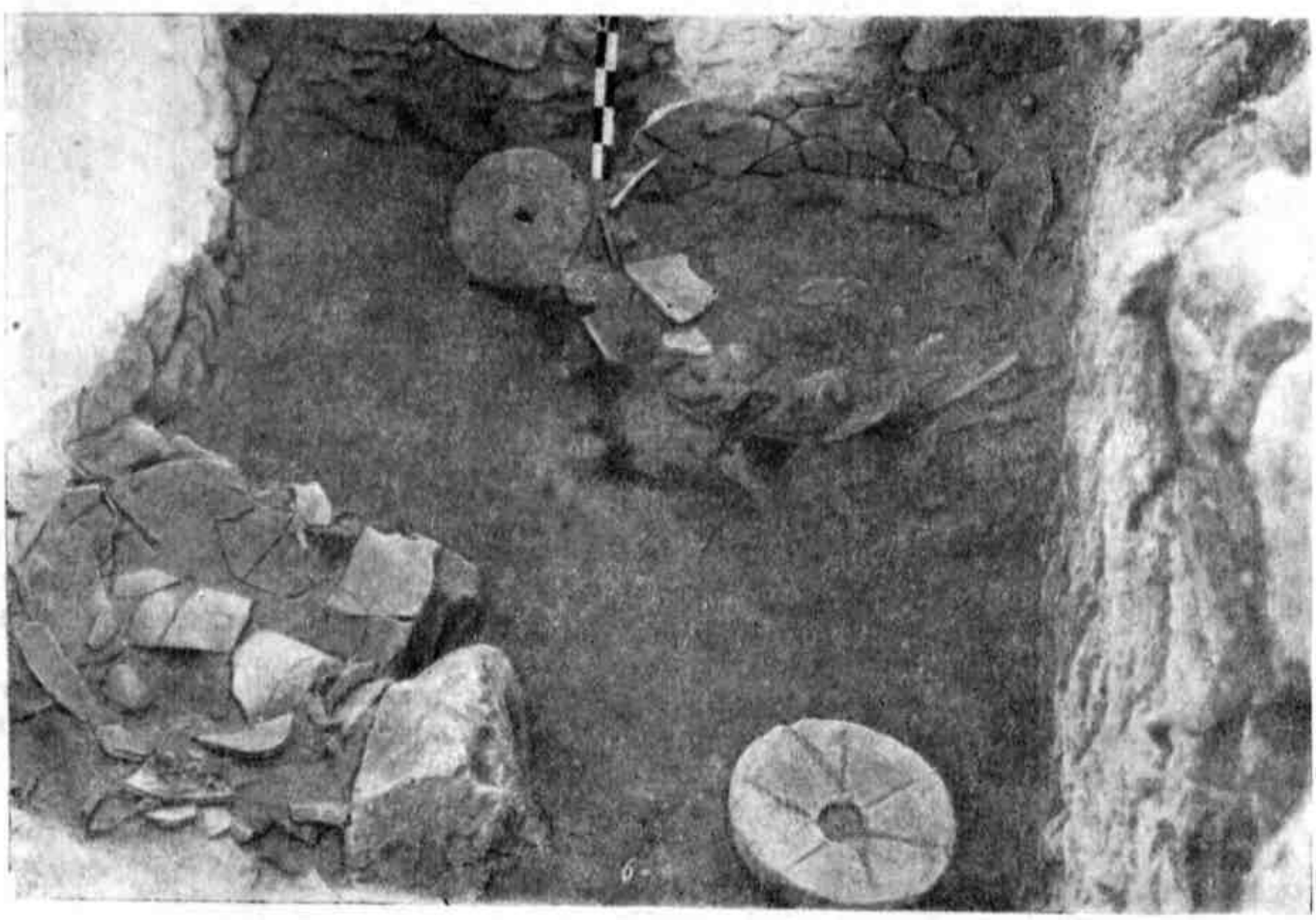


Рис. 36. Печь в помещении *21*, вид с с.-з. стороны.



а



б

Рис. 37. Помещение *6*.

а — помещение *6б*; *б* — помещение *6а*.

щения, в расстоянии 1.5 м от ю.-в. стены и 0.75 м от с.-в. стены) диаметром 3.2—3.4 см; на лицевой стороне ее — погрудное изображение богоматери-оранты (по сторонам надпись: МР ΘV), на оборотной — семистрочная надпись.[1]

Перед нами, таким образом, типичное двухэтажное помещение позднесредневековой усадьбы с кладовкой в нижнем этаже. Двор этой усадьбы — *помещения 4* и *23* — расположен к ЮЗ от помещений *3—6*. С.-в. часть двора (помещение *4*) была, повидимому, крытой (на что указывает завал черепицы) и, вероятно, отделялась от остальной части двора (помещения *23*) деревянными столбами, поддерживавшими кровлю. Навес шел, таким образом, вдоль помещений *3* и *5* и продолжался над помещением *21*; можно думать, он принадлежал галерее, с которой и сообщалось помещение *6*.

Пол в помещении *4* был покрыт, как обычно, слоем желтой глины; он имел небольшой уклон в ю.-в. сторону. Стены сохранили следы штукатурки (толщина ее 1.5 см).

Из находок в помещении *4*, очень малочисленных, попадались лишь отдельные обломки красноглиняных кувшинов, обнаружен обломок дверного замка; очень важен медный шестиконечный литой крест, найденный у с.-в. стены, среди завала камней (рис. 30). В центре креста представлено распятие: худощавая фигура Христа имеет удлиненные пропорции; с левой стороны его, на особом кронштейне, — фигура, представленная в три четверти, со склоненной головой; относящаяся к фигуре надпись из двух букв (в обратном написании) помещена под рукой Христа: Ꙗδ. Правая фигура не сохранилась. Соответствующая ей надпись (под рукой Христа) также состоит из двух букв (в обратном написании): ꙗѡ. Таким образом по сторонам распятия изображены богоматерь и Иоанн Богослов. Под Христом — фигура в рост со свитком в руке (вертикальная надпись по сторонам: ΛΑƷΑΡ); на концах большой перекладины креста — погрудное изображение святых с вертикальными надписями (в обратном написании): ПЕТАР (у левой фигуры), ПАВꙖΛЪ (у правой фигуры). Над большой перекладиной симметрично выступают две погрудные фигуры святых; соответствующие им надписи сделаны на перекладине самого креста: МНХАНΛЪ (у левой фигуры), ГАВРН (у правой фигуры). Над головой Христа — крест, на перекладине его написано ІС ХС, над и под этим соединенные НNН. В верхней, малой, перекладине креста помещены в ряд четыре погрудные изображения: два из них — в левой части, два других — в правой; четыре относящиеся к ним вертикальные надписи помещены посредине; они легко читаются: ꙖОРС, ГΛꙖꙖ, ВΛСН, ГРНГ. Над малой перекладиной также помещены погрудные изображения святых (сохранилось только левое), надписей к которым нет. В верхней оконечности креста — престол с шестиконечным крестом на его спинке.

Крест, очевидно, русский. Помимо славянских надписей, на это указывает изображение русских святых Бориса и Глеба, канонизированных во второй четверти XI в., вскоре после их смерти (1015 г.).[1] Стилистически близкую аналогию дает бронзовый литой крест XIII в., найденный на Княжой Горе (Киевская губ.), передающий в основном ту же композиционную схему шестиконечного креста с распятием, по сторонам которого — предстоящие богоматерь и Иоанн Богослов.[2] Херсонесский крест несомненно того же времени, скорей всего XII—XIII вв., что подтверждает и палеография надписей.[3]

Находка русских крестов XII—XIII вв. в Херсонесе вместе с другими фактами (находки новгородских гривен, овручских пряслиц, славянских горшков того времени) свидетельствует не только о продолжавшихся в то время русско-корсунских связях, несмотря на половецкое засилье в южнорусских степях, что сильно тормозило эти сношения, а временами и прерывало их. В то же время следует обратить внимание и на другое обстоятельство.

Всего, вместе с найденными теперь в Херсонесе, известно уже девять русских крестов XII—XIII вв., из них три найдены

[1] Надпись и исследование памятника см. в статье А. В. Банк, помещенной в этом выпуске (стр. 296—298).

[1] В. Н. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, VIII, 1946, стр. 237 сл.

[2] Собр. Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Вып. I. Киев, 1899, табл. IV, 46.

[3] См., например, там же, табл. II, 41, 42.

в описанных выше помещениях (*1* и *4*) двух соседних усадеб I и II. Естественно предположить, что владельцы этих усадеб были именно русскими, выходцами из городов Поднепровья. В связи со сказанным особый интерес вызывают киотный крест из помещения *4* и найденные в помещении *1*, вместе с русскими энколпиями, части церковной лампады со звеном цепи в виде крестиков — предметы, более уместные в доме служителя культа — русского священника, чем мирянина. Но надо полагать, русский священник имел и свой приход со своей приходской церковью; такого рода приходские церкви обязательны для каждого квартала позднесредневекового Херсонеса. Иначе говоря, напрашивается вопрос: не существовал ли в Херсонесе того времени — XII или первая половина XIII в. — особый русский квартал? Будущие раскопки, несомненно, разъяснят нам этот вопрос.

Рис. 38. Фрагмент мраморного саркофага (V в.) (№ 876), найденный во дворе *23*.

Помещение *4* непосредственно переходило в открытый, немного продолговатый большой двор — *помещение 23*. Черепичного завала здесь не было, керамики также найдено немного, все в мелких разрозненных обломках почти исключительно простой красноглиняной посуды.

В завале камня обнаружен большой фрагмент беломраморного саркофага V—VI вв., который, вероятно, был использован в кладке забора (рис. 38). По всему двору встречались фрагменты от большой черепицеобжигательной печи (*1*): часть кирпичного сводика, куски слипшихся черепиц, бесформенные куски обожженной глины.

Раскопанные помещения II усадьбы не являлись жилыми: одно из них (*5*) было входным, другое — домашней кладовой (*3*), третье (*6*) — подвальной кладовой. Собственно жилище находилось, очевидно, во втором этаже над этими помещениями; их объединяла галерея со стороны двора.

III жилая усадьба непосредственно примыкает к предыдущей, занимает угловую часть квартала, уходя в глубь его. Она также состоит из нескольких помещений и двора.

В усадьбу ведет вход с I продольной улицы через небольшое *помещение 8*. Как в I и во II усадьбах, сюда с улицы спускается трехступенчатая лестница высотой 1.0 м. Ширина входа 1.10—1.15 м; ю.-в. стена основана на насыпи (на уровне позднесредневекового пола). Весь облик помещения аналогичен облику помещений *1* и *5* (рис. 39).

В помещении найдены ступа, три разбитых половины жерновов, часть каменного корытца. Судя по завалу черепицы, помещение было крытым; земляной пол неровный — повышается к краям помещения. Керамики найдено мало: обломки пифоса, украшенного ожерельем, и поливных блюд и сильно обгорелый разбитый горшочек с ручкой; близ северного угла на глубине 0.70—0.75 м найдены сковорода из листовой меди (диаметр 20 см) и коническое пряслице. Выделяется интересная находка железной факельницы, лежавшей близ западного угла на глубине 0.6—0.7 м (рис. 40, *а*) и служившей, вероятно, приспособлением для освещения при ночной рыбной ловле. Факельница состоит из втульчатого стержня и пластинчатого обруча на конце, к которому снизу прикреплен чашевидный каркас из восьми изогнутых пластинок, скрепленных внизу кольцом; диаметр факельницы около 13 см, длина стержня 28.5 см.

Широким проходом (ширина 1.45 м) помещение *8* соединяется со следующим проходным придворовым помещением *22*, откуда попадали в остальные помещения усадьбы — *9* и *7*.

Помещение 7 было наибольшим в усадьбе. Сохранившаяся часть его, подобно помеще-

нию *6*, представляет подвал, куда спускались по лестнице, и также разделена стенкой на две неравные части (*7а* и *7б*). Помещение, очевидно, так же как и *6*, было двухэтажным, на что указывает наличие подвала, куда попадали из помещения *22* (сохранился порог входа шириной 0.75—0.90 м). Лестница — трехступенчатая, высотой 1 м, с верхней площадкой; примыкает к ю.-з. стенке.

вековым полом помещения. При раскопке было открыто довольно много деталей архитектурной обработки, а именно — фрагменты карниза обычного в Херсонесе профиля (полочка и выкружка),[1] завершавшего уличный фасад постройки, и 18 клиньев арки, большей частью у с.-в. и ю.-в. стен, т. е. у стен, выходящих на улицы. Некоторые из клиньев арки украшены дуговыми бороздами (ср. арку в помещении *1*), другие —

Рис. 39. Помещение *8*, вид с с.-з. стороны.

Важно отметить, что при постройке этого подвала почти вся земля, включавшая более древние напластования, была вынута; земляной пол помещения возвышается над скалой всего лишь на 0.20—0.25 м (этот тонкий слой содержал самые разновременные находки и является насыпным). Отметим, что позднесредневековая кладка с.-в. и ю.-в. стен основана не на насыпи, как в большинстве других помещений, а непосредственно на эллинистической кладке (ясно выделяются два нижних ряда ее). В восточном углу кладка основана на вырубе в скале, возвышающейся над позднесредне-

гладкие, но со следами красной окраски. Арки могли принадлежать не только окну, но и проходу на деревянный балкон, нависавший над улицей. Часть клиньев, очевидно, принадлежала наружной выкладке арки, другие — внутренней. У с.-в. стены обнаружен и профилированный косяк того же входа или окна, обрамленный полуколонкой. В обоих помещениях найдены куски известковой штукатурки; некоторые куски ее носят следы красной краски. Окра-

[1] Четыре фрагмента в помещении *7а*, один, угловой, — в *7б*, у наружной стены.

шенная штукатурка принадлежала, вероятно, стенам верхнего этажа. Стены же подвала, по всей видимости, были обмазаны лишь глиной (куски обмазки были находимы неоднократно); в некоторых местах она обнаружена in situ.

Кладка стен из бутового камня была укреплена продольными деревянными брусьями (сохранились пазы); в ю.-з. стене на

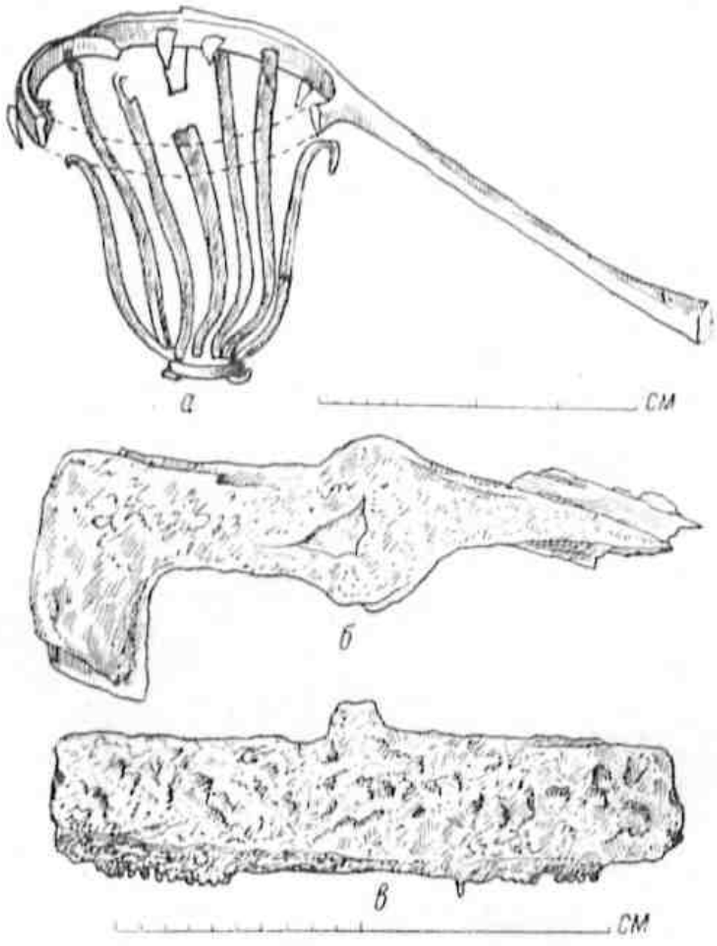


Рис. 40. Хозяйственные предметы из позднесредневекового слоя.

а — железная фанельница (из помещения *8*; № 169); *б* — железный топор (из помещения *18*; № 1045), *в* — железная зубатка (из помещения *18*; № 1044).

высоте 1.05 м от пола устроена ниша (высотой 50 см, шириной 45 см, глубиной 40 см). Окна, возможно, были остеклены: кусок оконного стекла был найден в северном углу помещения.

Помещение было крытым, о чем свидетельствует завал битой черепицы. Судя по находкам, подвал имел хозяйственное назначение: в помещении *7б* в северном углу его стоял пифос (разбит на мелкие куски); в восточном углу — две амфоры (тут же найдены кости мелкой птицы, клешня краба, рыбий позвонок); в западном углу — фрагменты трехручного сосуда, тип которого хорошо известен в Херсонесе;[1] близ амфор лежал жернов (сохранилась половина). В помещении *7а* в южном углу также стоял пифос (совершенно разбитый).

Обнаружены и некоторые другие предметы хозяйственного инвентаря. Так, в помещении *7а* найдены железный крючок, железный гребень для чесания шерсти,[2] маленькие весы (медная чашечка и проволочная цепочка), копьевидный железный наконечник с черенком (ножик?); в помещении *7б* — длинная железная пластинка толщиной 7 мм, длиной 40 см (шашка?) и железный меч. По всему помещению встречались мелкие разрозненные обломки красноглиняной поливной керамики (блюд, кувшинов) с орнаментом врезной линией, найден обломок фаянсового сосуда с бирюзовой поливой (явно привозного). Судя по разрозненности этих мелких обломков поливной посуды, она хранилась в верхнем помещении, откуда при разрушении дома свалилась вниз уже в разбитом виде.

Наконец в помещении *7* было найдено несколько бронзовых монет, преимущественно императора Романа I (919—944); однако датирующего значения эти монеты не имеют. Так, одна из них найдена в шве кладки ю.-в. стены помещения *7а*. Лишь в восточном углу помещения *7б* найдена поздневизантийская вогнутая монета (точнее не определена).

Другое помещение этой жилой усадьбы — *помещение 9* — находится с ю.-з. стороны проходного помещения *8* и выходит на I продольную улицу. Вход в него ведет из помещения *22* (сохранились следы дверного проема). Стены были оштукатурены (штукатурка частью сохранилась in situ.). Помещение было крытым (завал черепицы). Интересно, что к с.-з. стене было приспособлено несколько черепиц (приготовлены для ремонта кровли?). Пол помещения, как обычно, земляной, неровный. Приблизительно по середине его — два углубления (круглое — диаметром 1.5 м, глубиной 0.20 м, и полукруглое 1.5×1.0 м, глубиной 0.15 м). В ю.-з. половине помещения оста-

[1] Подобные сосуды с тремя горизонтальными ручками были, например, найдены на участке раскопок 1932 г. (См.: МИА, № 4, стр. 249); совершенно такие же обнаружены при раскопках 1937 г. на Эски-Кермене.

[2] Подобные гребни также встречались при раскопках прежних лет (см., например: МИА, № 4, 1941, стр. 212, 256 и рис. 90).

лось скопление золы (очаг?), в нем — разбитый кувшинчик с рубчатым ободком на плечиках; здесь же, в зольной куче, — обломок жернова с двумя отверстиями (осевым и для ручки). На полу лежали небольшое мелкое корытце (32×25 см, глубиной 7—9 см) и точильная плита (шириной 24 см, толщиной 6 см). В северном углу стояла плоскодонная амфора; найдены пряслице и два больших бочонковидных глиняных рыболовных грузила. Следует отметить скопление желтой глины, происхождение которой неясно: связано ли оно с упавшей сверху печкой (если помещение было двухэтажным), или происходит из кладки.

Помещения *7* и *9* выходили, как сказано, в придворовое, проходное *помещение 22*. Наблюдаемый здесь завал черепицы указывает, что оно было крытым. Пол глинобитный, на галечной подстилке (толщиной 20 см). Стены основаны на раннесредневековой насыпи, местами они идут глубже ее (с.-в. стенка основана на насыпи римского времени). В западном углу — небольшая яма, 1.0×0.85 м (ниже пола помещения на 0.20 м), обложенная вертикально поставленными плитами (одна из них — in situ), частью врытыми в пол помещения; яма была заполнена камнями, битой черепицей и об-

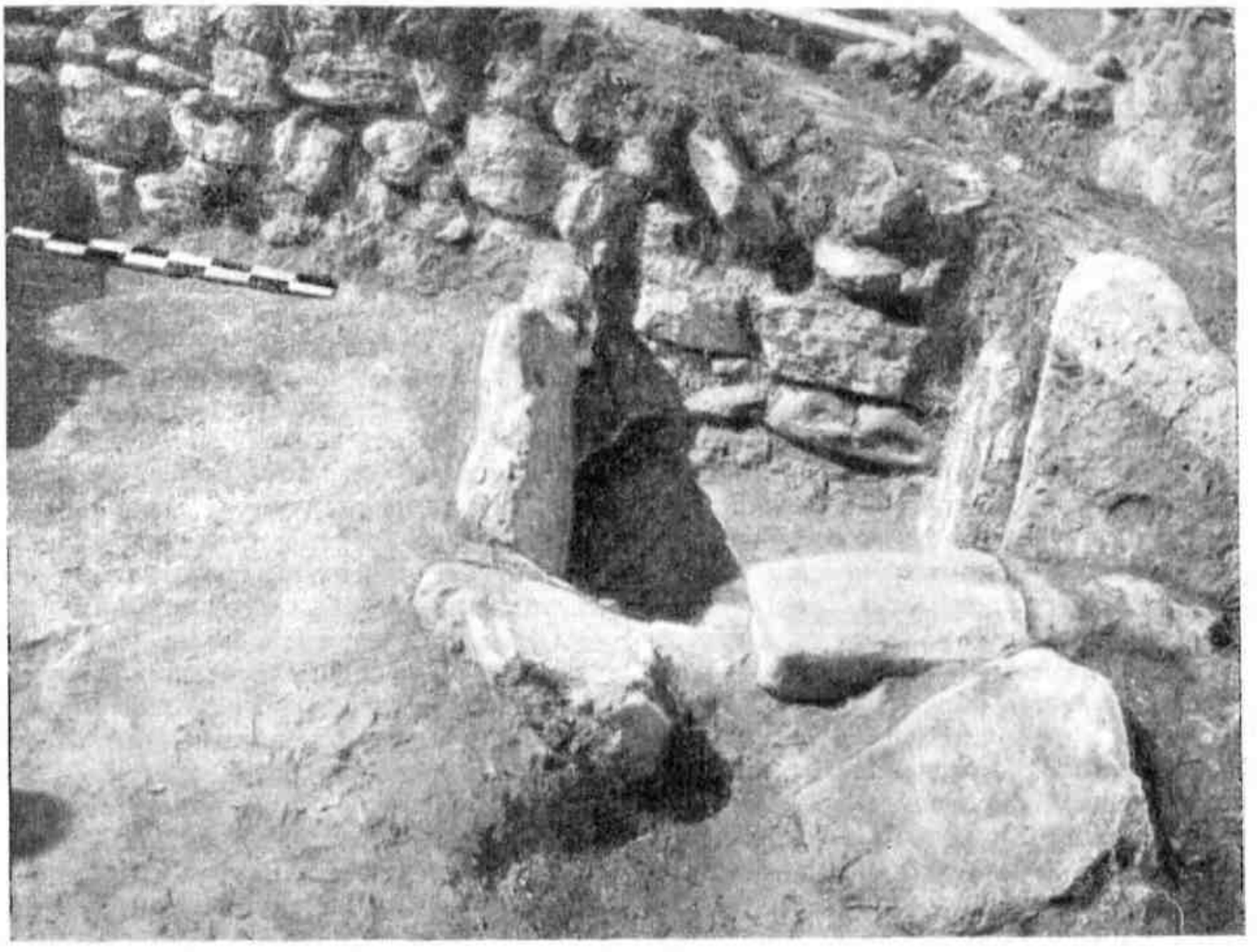


Рис. 41. Помещение 22, вид с с.-з. стороны. Яма в западной части помещения, обложенная плитами.

ломками керамики; возможно, что она служила для свалки мусора (рис. 41).

Керамические находки состоят из отдельных обломков рифленой круглодонной и плоскодонной амфор, кувшинчиков и поливных изделий.

Пол помещения, повидимому, был возобновлен в течение позднесредневекового периода (XIII—XIV вв.), на что указывают позднесредневековые находки под глинобитным полом: обломки черепиц (метка — всадник), плоскодонной амфоры, поливного красноглиняного расписного блюда. При возоб-

новлении пола, очевидно, была использована мусорная земля, содержащая материал IX—X вв. и раннесредневековый, а также античный (обломки римской амфоры и краснолаковой посуды); здесь же найдены бронзовый бубенчик и пуговица.

Широкий проход из помещения *22* ведет во двор (помещения *15*, *19*, *20*), расположенный позади всей усадьбы, в глубине квартала. В период постройки описываемой усадьбы гончарная печь *11* (см. выше) уже не существовала, остатки ее были разрушены и засыпаны, вся площадка выровнена. Однако фрагменты печи (пережженные кирпичи) и слипшиеся, т. е. бракованные, черепицы здесь постоянно встречались в позднесредневековом слое и притом чаще, чем в соседних помещениях. Кирпичи печи использованы были и в качестве строительного материала: из них сложены стенки помещения *20* (с.-в. и частично сохранившаяся с.-з. стенки). Двор был открытый: кровельных черепиц найдено очень мало. Угол двора занимал небольшой сарай (*помещение 20*), также, повидимому, открытый. Малочисленные находки на всей этой площади состоят из разрозненных обломков амфор, кувшинов, большого пифоса. С.-з. стена двора являлась, очевидно, забором, отделявшим эту усадьбу от соседней. Этот забор прошел над краем колодца, обложенного камнями.

IV жилая усадьба, примыкающая к описанной, — наибольшая по количеству входящих в нее помещений. Она состоит из входного помещения *11*, помещений *10*, *12*, *13*, *18*, *17*, коридорообразного двора *14* и придворовой каморки *16*. Усадьба занимает южный угол всего раскопа, выходит частью на I продольную улицу, частью в проулок, открытый раскопками 1941 г. (между кварталами XVII и XVIII), откуда также имеется вход в усадьбу (через помещение *18*). Судя по стыкам с.-з. и ю.-в. стен помещения *10* и с.-в. стены помещений *9* и *22*, эта усадьба возникла относительно позднее усадьбы III. Лишь забор, разделяющий дворы (помещение *14* и помещения *15* и *19*), был построен при выделении IV жилой усадьбы. В проходное *помещение 11* (размеры: 2.85×4.66 м) попадали по широкой лестнице в две высокие ступени (высота лестницы около 1.0 м., ширина ее верхней площадки — 1.70 м., в нижней части 0.90 м, длина лестницы 1.56 м). Помещение было крытым (завал черепицы, железные гвозди от деревянного перекрытия). Пол земляной, ровный, находится на глубине 1.27 м от дневной поверхности. Близ прохода во двор (помещение *14*) лежала половина верхней части жернова; найдено также два обломка других жерновов (диаметром 44 см). Остальные находки немногочисленны: обломки амфор и кувшинов, венчик пифоса, мелкие обломки красноглиняной поливной посуды, белоглиняный горшок, покрытый зеленой поливой, зернотерка, корытце из известняка, четыре рыболовных грузила в виде пластинки с отверстиями на обоих концах.

Между лестницей и ю.-з. стеной обнаружена низкая стенка, примыкающая к наружной (ю.-в.) стене помещения. Стенка эта сложена на средневековой насыпи и может быть датирована временем существования позднесредневековой усадьбы.

Проход направо из помещения *11* ведет в кладовую — *помещение 10* (размеры его: 2.95×4.65 м, т. е. 13.6 кв. м). Три стены помещения *10* (с.-в., ю.-в. и с.-з.) основаны на более широкой стене, вероятно раннесредневекового времени. Найденные внутри помещения архитектурные фрагменты (два куска карниза обычного профиля, гладко тесанный косяк входа и клин арки с дугообразными бороздками) принадлежат, очевидно, фасаду постройки. Арка могла венчать окно или вход, обращенный в сторону двора. Помещение было крытым. Как и помещения *6* и *7*, помещение *10* представляет подвал, довольно глубоко, почти до скалы, опущенный в насыпь (глубина у северного угла 1.80 м); как и там, более древние культурные напластования были большей частью уничтожены. Наличие этого подвала может служить косвенным указанием на то, что помещение *10*, подобно помещениям *6* и *7*, было двухэтажным. Нижний его этаж (подвал) служил кладовой. Пол ее глинобитный, неровный, понижается к южному углу (на 20—30 см). В средней части помещения были установлены подряд три пифоса обычной для позднего Средневековья формы, на одном из них знак собственности N, нанесенный по сырой глине до обжига; у с.-в. и ю.-з. стен стояло по амфоре; в одной из них сохранились остатки мелкой соленой рыбы; горло амфоры заткнуто пробкой. Обе амфоры имеют характерную для того времени форму (они плоскодонные, со сглаженным корпусом и

с плоскими ручками), типологически связанную с формой высоких кувшинов с плоской ручкой, господствовавшей в предшествующий период (IX—X вв.). Найдены также многочисленные фрагменты больших плоскодонных кувшинов со светлым ангобом и днище горшка с остатками рыбы; поливной керамики найдено мало. Интересен фрагмент белоглиняной лампы в виде двухъярусной чаши (рис. 32, *д*); подобные лампы известны уже в средневековой керамике Херсонеса и обычно связаны со слоем IX—X вв. Важно отметить, что такого рода лампы бытовали и в Киевской Руси.

У прохода лежала верхняя половина жернова; нижняя его половина (диаметром 46 см) найдена близ северного угла. Найден также обломок каменной ступы. Здесь же в кладовой хранился и невод, к которому относятся найденные здесь 63 бочковидных грузила и три плоских. Не мало было найдено и железного инвентаря: дверные петли (типа найденной в помещении *13*), замки (4 круглых и 1 цилиндрический), дверной крючок, кольца, скобель для обработки дерева, подставка подсвечника и медные изделия (держава от подсвечника, иголка, наперсток, кольцо).

Особо отметим медную литую ажурную цепь (42, *б*), от которой найдено два звена. Одно из звеньев состоит из трех кружков с фигурным рисунком, другое звено круглое, многолопастное, с крестом внутри; звенья соединялись шарнирами. Судя по аналогиям, те и другие звенья чередовались. Идентичные цепи, т. е. отлитые из одной формы, уже не раз встречались при раскопках Херсонеса: при раскопках Е. К. Косцюшко-Валюжинича (№№ 3081 и 3082) и новейших (в 1932 г. в помещении IV).[1] Очень близкие по рисунку цепи, почти тождественные, но происходящие из другой формы, известны в Киевской Руси.[2] Эта близость форм может служить еще одним намеком на художественные связи Корсуни с Киевской Русью. Другая вещь — это небольшая глиняная формочка (диаметр 7 см) с крестом в центре и лучами вокруг в виде дуг и клиньев (рис. 42, *а*). Формочка, возможно, служила штампом для просфор. Если выделить эти редкие медные находки, принадлежавшие скорее верхнему этажу помещения (вероятно жилому), то перед нами предстанет типичная картина подвальной кладовой. Как увидим, она не была единственной в этой богатой усадьбе.

Второе столь же низко опущенное помещение — *помещение 12* — находилось по другую сторону от помещения *11*. Глинобитный пол (неровный, с западиной по середине помещения) опущен на глубину 2.30 м (у восточного угла); при этом, так же как и в помещениях *6*, *7*, *10*, с него были

Рис. 42.

а — глиняный штамп (из помещения *10*; № 1468); *б* — медная цепь (из помещения *10*; № 1318).

сняты более ранние средневековые напластования. Кладка стен помещения углублена в этот слой всего на 0.13 м. Помещение было крытым и, вероятно, двухэтажным, как и другие, ему подобные; раскопанная часть также являлась подвалом-кладовой почти с тем же составом инвентаря.

Стены подвала были покрыты глиняной обмазкой с побелкой (обмазка хорошо сохранилась на ю.-з. стене). В с.-в. стене имеется хозяйственная ниша (на высоте 0.85 м от пола; ширина ниши 0.35 м, высота 0.40 м), дополняющая сходство с помещением *7*. В помещении стояли три пифоса: один — в восточном углу (обложен камнями), два других — посредине. У с.-з стены (близ северного угла) находилась круглодонная бороздчатая амфора с высоко поднятыми ручками (рис. 32, *е*); внутри нее сохрани-

[1] См.: МИА, № 4, 1941, стр. 245 и рис. 77.

[2] ДП, вып. V, 1902, табл. VIII, 227; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев. 1915, табл. XIII, *5*.

лись остатки мелкой рыбы. В южном углу лежали нижняя половина жернова и два больших круглых железных дверных замка; два цилиндрических замка были близ северного угла. В восточном углу найдена железная зубатка хорошей сохранности. В помещении встречено много мелкой простой красноглиняной посуды (обломки плоскодонных кувшинов, кухонных горшков, обломок глиняного сита) и поливной с орнаментом врезной линией. Из последних одна миска собрана целиком (рис. 35, *б*). По своей форме и орнаментации в виде плетенки с двумя лилиями по сторонам ее, а также двухцветной раскраске (зеленой и коричневой поливой) эта миска стилистически примыкает к кругу закавказской художественной керамики XII—XIII вв.[1] Встречались фрагменты и белоглиняной поливной посуды с подглазурной росписью, изображающей зверя (пантеру?) (рис. 35, *в*).[2]

Из остальных находок отметим верхнюю часть медного креста с сильно расширяющимися ветвями, с двумя кружками на каждой из них, найденную в завале камня (очевидно, упал сверху, из второго этажа), железную лопаточку 7.2×5 см, железный крючок, два железных колечка с язычком, бронзовую пряжку, обломки стеклянных сосудов, пронизь сердоликовую, наконец, камень с грубо вырезенным крестом (38×20 см), который был, вероятно, вставлен снаружи над входом в качестве апотропея.

Следующее, угловое *помещение 13* дает ту же картину подвала-кладовой, над которой возвышался второй этаж, вероятно жилой. Опущено оно не так глубоко (наибольшая глубина до пола — 1.10 м) и тоже было крытым; в нем такой же глинобитный пол (немного понижающийся к середине помещения); близ южного угла стоял большой пифос.

На наличие второго этажа указывает тот факт, что масса мелких обломков амфор и кувшинов, гладких и рифленых, найдены не на полу, под черепичным завалом, а в завале камня от стен; а медная жаровня найдена не в помещении, а на с.-в. стене, т. е. явно упала сверху. Из верхнего помещения, надо полагать, происходят и многие другие бытовые мелочи: железное кольцо (диаметр 5.7 см), скоба от двери (длина 12.5 см) и фибула (?), пронизь стеклянных голубых бус, а также бронзовая монета императора Романа I.[1] В верхнем же помещении хранились и те поливные блюда, множество обломков которых среди золы и камня найдено у с.-в. стены помещения. Обломки принадлежат не менее, чем десяти блюдам и кувшинам, носящим явные следы действия огня. Два из них — белоглиняные, с росписью, остальные — красноглиняные, покрыты зеленовато-желтой или зеленой поливой и украшены простым орнаментом врезной линией, преимущественно кругами на дне, или тремя кружками, пересеченными дужками и треугольниками между кружками, — орнаментом, часто встречаемым на херсонесской поливе. Столь же типична в этом отношении большая красноглиняная тарелка диаметром 32 см, украшенная четырьмя концентрическими круговыми полосами, из которых три заполнены стригилиями (рис. 35, *г*) — обычным мотивом византийской поливной керамики XII—XIII вв.; одна из мисок была украшена лилиями в кружках; на многих фрагментах блюд и кувшинов полива сгорела и орнамент не виден. Два блюда украшены подглазурной росписью (изображение птицы?). Вся керамика, за исключением одного белоглиняного блюда, — местного производства; украшения ее очень просты и, можно сказать, стандартны.

Среди всей этой массы поливы выделяется большое белоглиняное блюдо (найдено в шести обломках), покрытое бирюзовой поливой (кобальт) и подглазурным кистевым рисунком черными линиями: в центре —

[1] Ср.: T. Rice. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930, pl. XVIII, a.

[2] Белоглиняная поливная посуда с росписью марганцевыми толстыми линиями и расцветкой рисунка зеленой поливой синхронна красноглиняной с врезным рисунком; она часто встречается среди керамического материала XIII—XIV вв. в Константинополе и в городах западного побережья Малой Азии. Блюда с совершенно идентичным изображением хищного зверя, представленного, как и на вновь открытом фрагменте, в стремительном движении, как бы перед броском, неоднократно встречались в Херсонесе в позднесредневековом слое. В целом эта однообразная керамика в Херсонесе сравнительно немногочисленна и является скорее всего привозной из византийско-малоазийских центров. Подробнее об этой поливной керамике, в частности о блюдах с изображением зверя, см.: МИА, 17, стр. 221—222, табл. XXXVII—XXXIX.

[1] Как и другие монеты IX—X вв., часто находимые в позднесредневековых помещениях вместе с материалом XIII—XIV вв., данная монета датирующего значения не имеет.

шестиконечная звезда, внутри нее — треугольник, по борту — вертикальными линиями выделены квадраты с бегло нанесенными спиралями (рис. 35, *е*). По стилю беглой росписи черным силуэтом под бирюзовой поливой блюдо напоминает определенную группу керамики из золотоордынского города Сарая-Берке, подражающую керамике Ургенча, как это выяснено А. Ю. Якубовским.[1] Вместе с тем это херсонесское блюдо очень напоминает египетскую керамику XIII—XIV вв.,[2] попадавшую, несомненно, и в Крым, находившийся в то время в тесных связях с мамлюкским Египтом. Так или иначе, эта привозная вещь попала в Херсонес скорее всего в процессе его общения с городами восточного Крыма (Кафа, Солхат). Интересно отметить, что на всех найденных днищах процарапан один и тот же знак — буква К, являющаяся, очевидно, знаком собственности.

Как сказано, описываемая усадьба возникла позже соседних и потому была стеснена площадью; в качестве двора в ней можно было выделить лишь небольшое и узкое коридорообразное *помещение 14*.

Здесь пол находится на сравнительно небольшой глубине — 0.90 м от дневной поверхности (в ю.-з. части понижается на 50—60 см). Судя по наличию битой черепицы, западная часть двора была крытой, а южная — открытой (здесь завал камней лежал непосредственно на полу). В с.-в. конце у стены помещения *10* хранился невод, которому принадлежали найденные здесь 92 грузила в виде продолговатых пластинок с отверстиями на концах (рис. 43), тут же обнаружены каменное корытце (41×30 см, глубиной 8 см), обломок жернова и плита с отверстием. Во дворе найдено много разрозненных обломков простой красноглиняной посуды.

Гончарная печь, расположенная в южном углу двора, в позднесредневековый период уже не существовала; остатки ее были сравнены и погребены под полом двора.

Такова IV жилая усадьба, состоящая из ряда двухэтажных помещений с подвалами-кладовыми и одного проходного помещения, выступавших, очевидно, сплошным фасадом на I продольную улицу; позади усадьбы был узкий двор. Можно предположить, что первоначально, при застройке квартала в XIII в., эта усадьба была шире, охватывая и помещения *18*, *17*, *16*, которые позднее выделились, на что указывают заложенные проходы из помещения *18* в помещения *13* и во двор *14*. Таким путем образовалась вместе с двором *24* самостоятельная жилая усадьба (V), вытянувшаяся вдоль внутриквартального проулка — тупика (см. ниже).

V жилая усадьба состоит всего из двух помещений (*18* и *17*), придворовой каморки (*16*) и довольно обширного двора (*24*).

Помещение 18 по своему положению в усадьбе было проходным: сюда вел вход с проулка. Восточный угол помещения занимает лестница в четыре ступени (шириной 1.05 м) с верхней площадкой (рис. 44). Но нет уверенности, что лестница служила и после разделения усадеб, ибо проход во двор *14*, куда она ведет, заложен. При закладке прохода в помещение *13*, ю.-в. стена помещения *18* была частью переложена (камни более мелкие), но только в ю.-з. ее части, а там, где к ней примыкает лестница, — не тронута. Таким образом ясно, что эта лестница — остаток первого строительного периода, затем она утратила смысл, но почему-то осталась неразобранной. Помещение было крытое. Пол глинобитный с морской галькой. В северном углу обнаружен совершенно раздавленный пифос с остатками мелкой рыбы, рядом лежали обломки жерновов и одна половина (диаметр 35 см); в углу у лестницы — разбитая ступа; рядом с нижней ступенью лестницы лежала железная зубатка обычного типа (рис. 40, *в*); на верхней площадке лестницы, у самой стены, найден топор (рис. 40, *б*); под черепичным завалом обнаружена проволочная бронзовая цепь от лампады. Немногочисленные находки простой красноглиняной посуды — горшков и кувшинов[1] — дополняют общую картину.

Из проходного помещения вел вход

[1] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. Известия ГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931, стр. 37—40, рис. 15, 23, 24; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. 1923, табл. 18, *3*; он же. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923, табл. 15.

[2] Céramique egyptienne. . .

[1] Среди находок: стенки кувшина с граффити и днища их, пробка, крышка от амфоры, обломок сосуда с отверстиями на дне и стенках (сито?), обломки стеклянных браслетов, стеклянных сосудов, железного ножа.

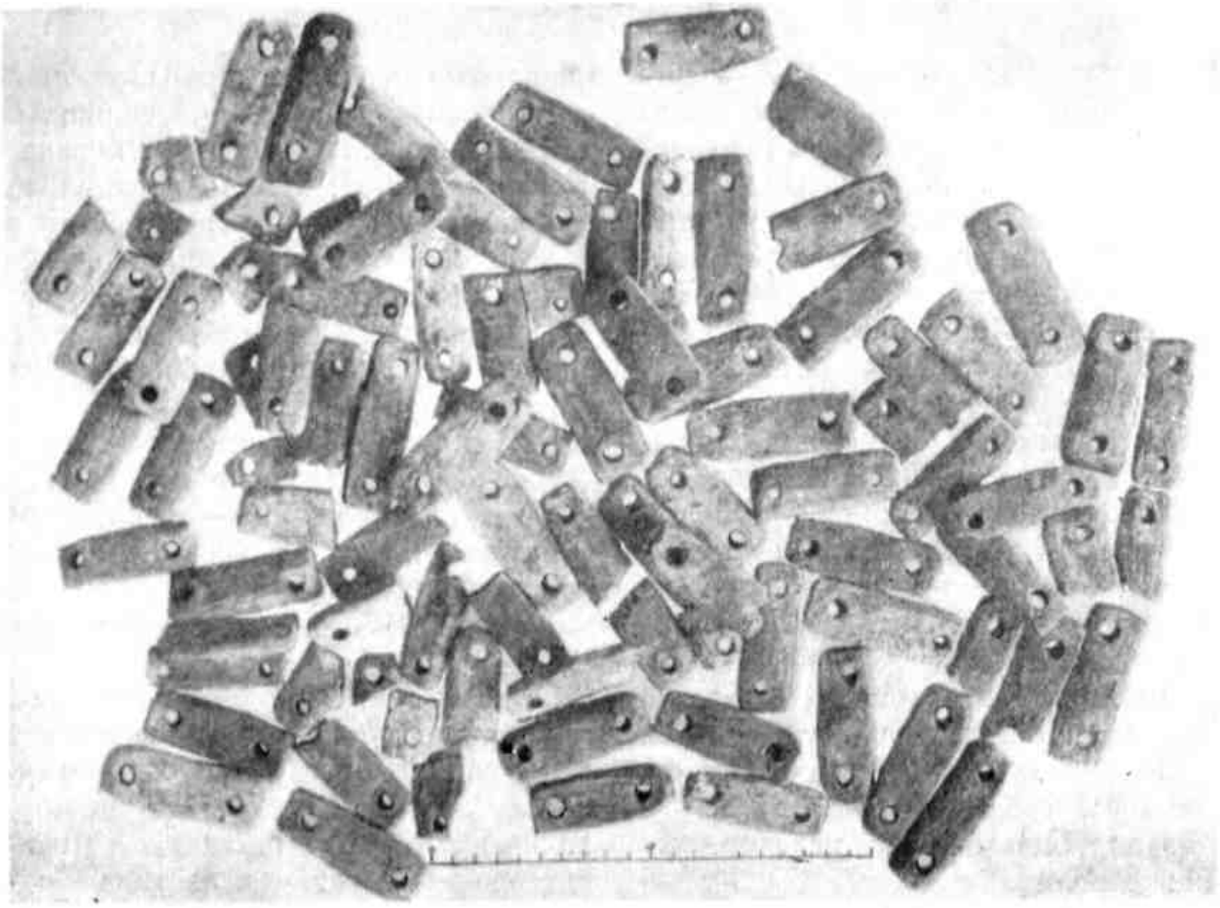


Рис. 43. Грузила (из помещения *14*).

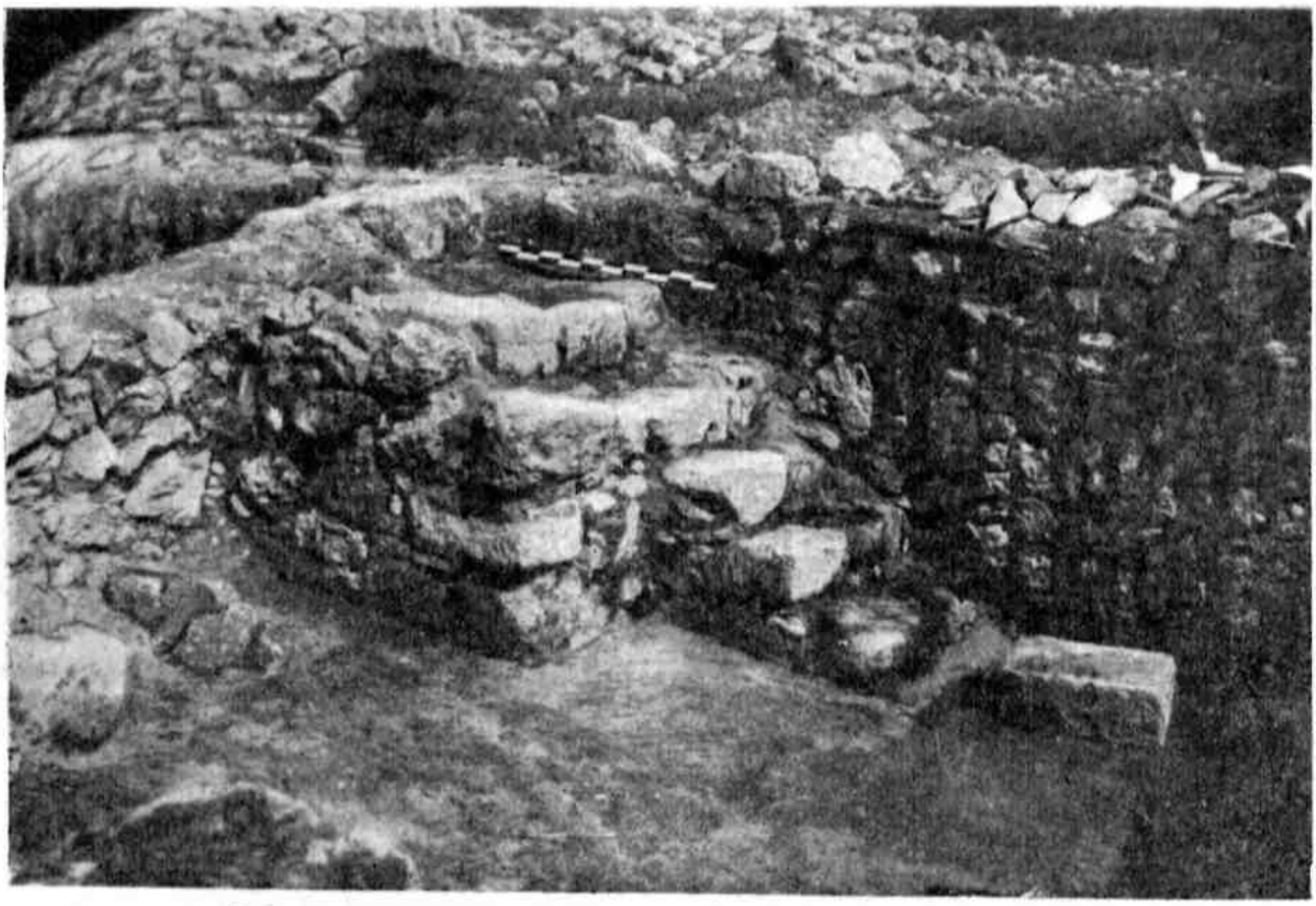


Рис. 44. Помещение *18*, вид с западной стороны. Лестница в кладовую.

в *помещение 17*, также крытое, с глинобитным неровным полом. Глубина пола от дневной поверхности всего 0.85 м (в восточном углу). В западном углу стоял большой пифос обычной формы: он повалился и совершенно раздавлен; высота его 1.25 м, диаметр горла 28 см; горло украшено двумя рядами круглых медальонов, ниже — рельефными поясками. Тут же лежат два жернова диаметром 43 см (от одного только половина). Рядом, у ю.-з. стены, стоял, повидимому другой, небольшой пифос: сохранилась глиняная обмазка его и фрагменты стенок. Эту типичную картину хорошо передает рис. 45. Из остальных находок отметим фрагмент амфоры с накладными извивающимися полосками с насечками (змея? ср. подобные же фрагменты из раскопок 1932 г.), плоские днища кувшинов, точильные бруски, несколько разрозненных обломков красноглиняной посуды с поливой, обломок грузила. Таким образом помещение *17* служило, очевидно, хозяйственной кладовой дома.

Маленькое *помещение 16* (площадь 5.2 кв. м), зажатое между помещением *17* и двором соседней усадьбы, мало примечательно по находкам. Выяснилось, что над нижним позднесредневековым полом (глубина 0.80 м от дневной поверхности) в виде плотной земли с золой залегал мусорный слой с битой керамикой и костями животных, выше его — прослойка извести; над ней — серая плотная земля, составляющая верхний пол, на котором встречено множество обломков красноглиняной посуды; еще выше шел слой битой черепицы от перекрытия, над черепицей — завал камня. Таким образом в течение позднесредневекового периода (XIII—XIV вв.) пол был поднят. На верхнем полу — куча гвоздей длиной 10—15 см, четырехгранных, с широкой шляпкой, а также много костей камбалы, два грузила (одно бочковидное, другое свинцовое, в виде кольца), немного обломков красноглиняной поливной посуды.

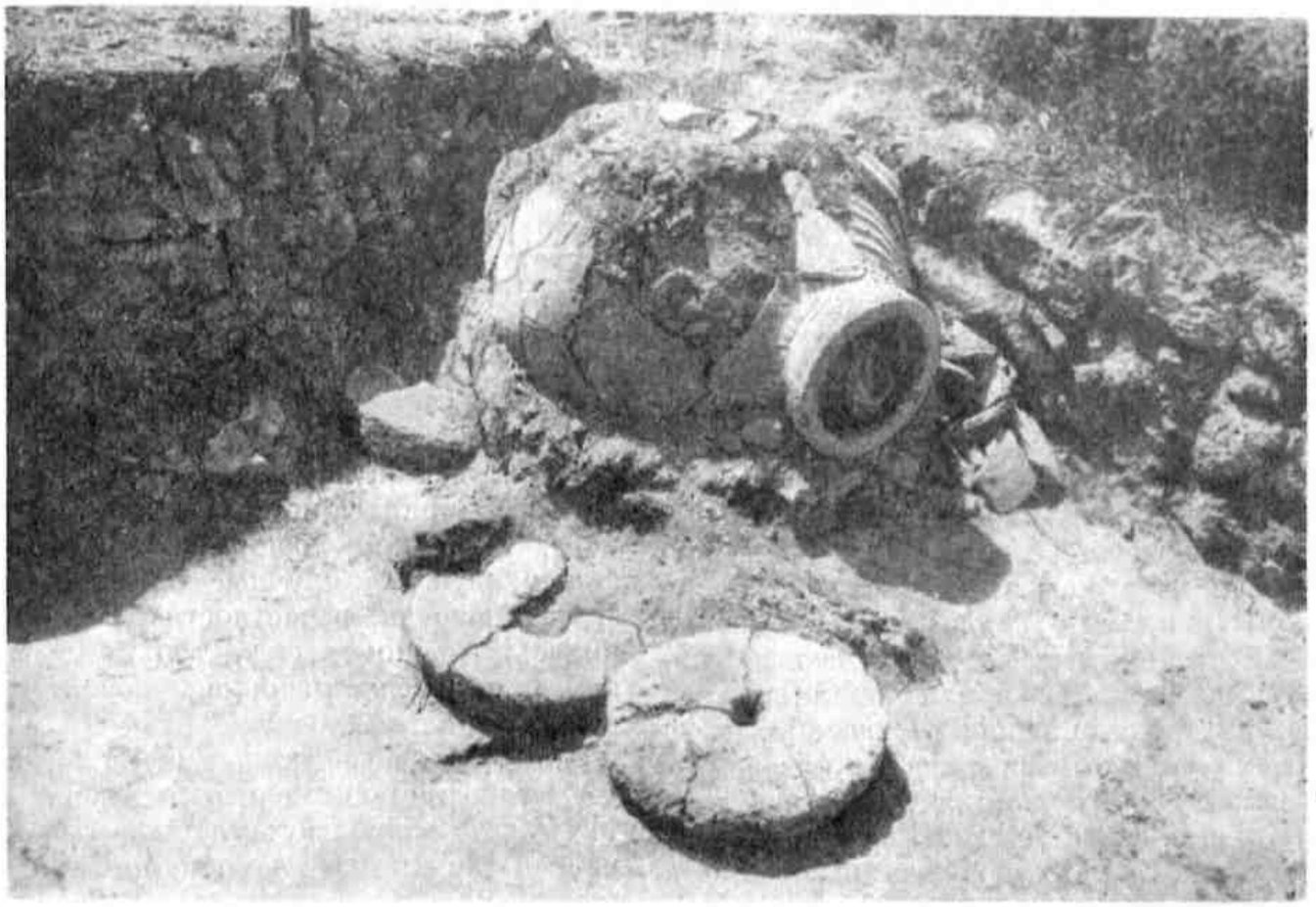


Рис. 45. Помещение *17*, вид с восточной стороны.

Можно только предполагать, что большой двор *24* принадлежал именно этой небольшой усадьбе. В с.-в. части верхний слой уничтожен во времена Крымской

войны. В ю.-в. части — завал камней, разрозненные обломки красноглиняной посуды (амфор, кувшинов), обломки жернова, довольно много обломков черепиц, два пирамидальных грузила. Найдены также две бронзовых монеты императора Василия I (867—886), случайно оказавшиеся в позднесредневековом слое. В целом материал из двора *24* разрозненный и маловыразительный. В восточном углу двора находится колодец, глубиной (до воды) 5.30 м, в верхней части квадратный, ниже округленный, сужающийся книзу; вверху он обложен камнем (диаметр вверху 1.50 м, внизу 0.95 м). На дне колодца — пресная питьевая вода. Колодец заполнен мусорной землей, насыщенной разновременной керамикой, преимущественно средневековой.

Мы рассмотрели пять жилых усадеб, открытых на участке квартала XVII. Характерной чертой их является, во-первых, то, что они выходят своими основными помещениями на улицу, откуда ведет и вход в усадьбы; двор в каждой усадьбе располагается позади этих помещений. Такова планировка большинства позднесредневековых кварталов Херсонеса, в том числе и открытых в 1931—1933 гг. на с.-з. окраине города. Однако имеется и существенное отличие, заключающееся в наличии в квартале XVII внутриквартальной площадки, куда обращены усадьбы своим задним фасадом — дворовым. Такова планировка и кварталов I и III в с.-в. части города. Прямоугольность этих кварталов, как и вновь раскопанных на северном берегу (кварталы XIII—XVIII), была унаследована еще от античности: стены римских и эллинистических построек вдоль улиц, т. е. вдоль границ квартала, нередко служили основанием позднесредневековых стен. Такая планировка наблюдается в большинстве позднесредневековых кварталов Херсонеса, за исключением тех, где строительство, возобновившееся в XIII в. после разрушений конца X в., основывалось на толстой мусорной средневековой засыпи и где, следовательно, античная планировка уже не могла оказать влияния на позднесредневековое строительство. Именно так обстояло дело в квартале, частично раскопанном в 1931 г.[1] Эта непосредственная связь планировки средневековых кварталов и античных, наблюдаемая и на территории квартала XVII, может косвенно указывать на отсутствие длительного перерыва в жизни данной части города, что особенно ясно выступает из сравнения с более западными кварталами (раскопки 1931 г.), где перерыв, как сказано, выражен вполне отчетливо. Возможно, что после событий конца X в. именно этот пункт города (кварталы XIII—XVIII) был крайним (с с.-з. стороны) уцелевшим кварталом, а дальше, в XI и XII вв., уже шел пустырь, только в XIII в. начавший вновь застраиваться. К этому же выводу нас привел факт устройства здесь в XI—XII вв. больших гончарных печей, располагавшихся обычно на краю города.

Второй характерной чертой жилых усадеб на территории квартала XVII является двухэтажность большинства помещений, выходящих на улицу, причем нижний этаж их глубоко опущен на 1—1.5 м ниже уровня улицы, местами почти до скалы. Подвалы эти служили хозяйственными кладовыми. В каждой усадьбе их было по одной, а то и по нескольку; в них стояли один-два пифоса с припасами, амфоры, ручные жернова, кое-какой хозяйственный инвентарь (топор, зубатка, ручные жернова и пр.). Мелкая посуда, в частности поливная, хранилась, можно думать, только в верхних помещениях, являвшихся, вероятно, собственно жилыми.

Материал из раскопок вновь подтвердил, что фасады домов имели определенную архитектурную обработку: уличные фасады венчались гладко тесаными карнизами, входы, как правило, были сложены из штучных камней и часто заканчивались арками, над входами помещались резные украшения. Для стока дождевых вод с кровли в стены закладывали гончарные трубы, что указывает на городское благоустройство позднесредневекового Херсонеса.

Некоторые находки в историко-культурном отношении особенно важны. Прежде всего речь идет о русских литых крестах (энколпии и киотный крест) со славянскими надписями (в помещениях *1* и *4*), относящихся, вероятно, к XII и XIII вв. и служащих новым указанием на связи Херсонеса с Киевской Русью в эту позднюю пору, накануне татарского нашествия, а может быть и во времена татарских погромов, от которых русские люди искали спасения в близкой для них Корсуни.

[1] Г. Д. Белов. МИА, № 4, 1941, табл. I.

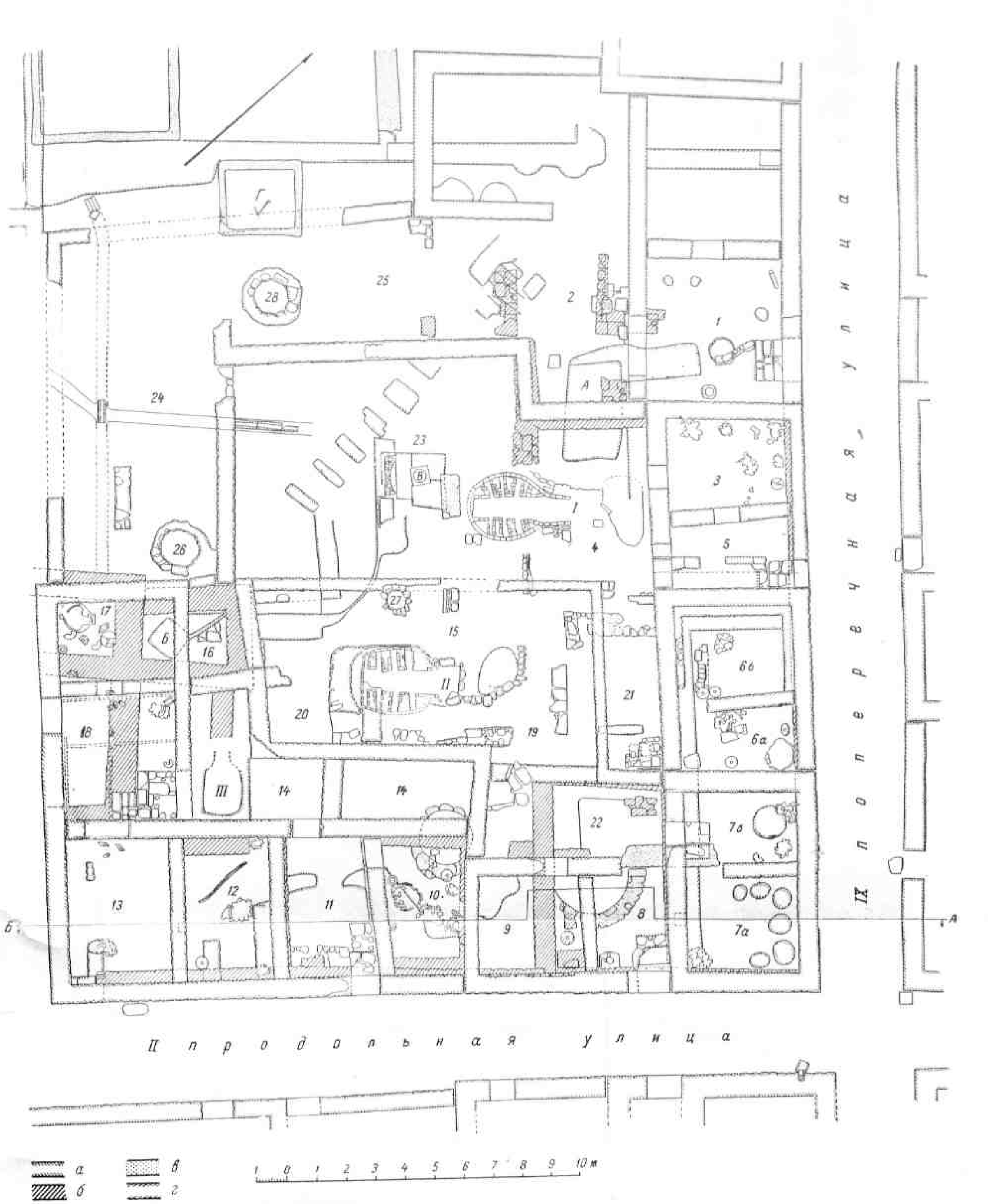


Табл. I. Квартал XVII. Общий план и продольный разрез.

I—III — гончарные печи; *А* — подиум; *Б*, *В* — колодцы эллинистического периода; *Г* — цистерна; *1—28* — помещения; *28—34* — колодцы позднесредиземноморского периода.
Постройки: *а* — эллинистического периода; *б* — раннего периода; *в* — раннесредиземноморского периода; *г* — позднесредиземноморского периода.
Постройки: *1* — эллинистического периода; *2* — раннего периода; *3* — раннесредиземноморского периода; *4* — XI—XII вв.; *5* — позднесредиземноморского периода.

Наряду с художественной керамикой византийского привоза XII в. (блюдо с виноградными лозами из помещения *3*) были найдены вещи восточного происхождения — персидская люстровая чаша XIII в. (на IX поперечной улице) и золотоордынское блюдо с бирюзовой поливой из помещения *13* — вероятно XIV в. Эти находки вновь свидетельствуют о существовавших в это время культурных связях Херсонеса с Ближним Востоком, крепнувших по мере того, как слабели связи с Византией, в XIII веке почти прекратившиеся. Вместе с тем и местная поливная керамика, во множестве найденная в раскопанных помещениях (преимущественно в мелких обломках), имеет в большинстве случаев точки соприкосновения с ближневосточной кавказской и персидской художественной керамикой (см., например, миску с плетенкой и лилиями из помещения *12*), а не с византийской.

Таковы некоторые выводы, к которым приводит материал жилых усадеб позднесредневекового Херсонеса на территории квартала XVII.

Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон

КВАРТАЛ XVIII

(РАСКОПКИ 1941, 1947 и 1948 гг.)

Эллинистический квартал XVIII, территория которого позднее вошла как часть в большой объединенный квартал, расположен между II продольной улицей — с ю.-в. стороны, кварталом XVI — с с.-з. стороны, X поперечной улицей — с ю.-з. стороны, кварталом XVII — с с.-в. стороны. Площадь квартала XVIII составляла около 750 кв. м, толщина культурных наслоений достигала 4 м. В ю.-в. части поверхность земли оставалась ненарушенной, в северной же половине верхние слои были сняты в XIX в. при глубоких земляных работах, в результате которых образовалась широкая и глубокая ложбина, проходившая далее через участок 1937 г. до берега моря.

Исследование этого квартала, начатое в 1941 г., было прервано Великой Отечественной войной; оно завершено в 1948 г.

По примеру предыдущих лет археологические исследования были осуществлены силами и средствами Государственного Эрмитажа и Херсонесского музея.[1]

Результаты раскопок изложены: С. Ф. Стржелецким (позднеклассический и эллинистический периоды), Г. Д. Беловым (римский период) и А. Л. Якобсоном (средневековый период). Определение монет (см. ниже «Приложение») выполнила Л. Н. Белова.

[1] В раскопках принимали участие: от Эрмитажа — Г. Д. Белов, Л. Н. Белова и А. В. Банк, от Херсонесского музея — С. Ф. Стржелецкий, В. В. Борисова и А. М. Гилевич, от Института истории материальной культуры Академии Наук СССР — А. Л. Якобсон. Фотоработы выполнил П. М. Агафонов-Ленский.

1. ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ

Квартал XVIII (табл. I) представлял значительный интерес для выяснения стратиграфии, планировки северного района города и размеров городских кварталов. Трудность его исследования состояла в том, что античные, в особенности эллинистические, строительные остатки оказались сильно поврежденными вследствие неглубокого залегания материковой скалы, почему во время нивелировки участка при позднейшем строительстве все более древние строительные остатки сносились до основания, а на их месте возводились новые постройки.

Трехлетние раскопки квартала XVIII показали, что эллинистические строительные остатки уцелели только в с.-в. части раскопа, примыкающей к кварталу XVII. На остальной же площади не сохранилось ни строительных остатков, ни культурного слоя ранее рубежа нашей эры, за исключением небольшого куска стены под двориком дома с винодельней. Кроме того, в 1948 г. на перекрестке II продольной и ю.-з. поперечной улиц открыто большое гидротехническое сооружение, прямоугольное в плане, вырубленное в скале до грунтовых вод, на глубину 4.50 м. Сверху это сооружение было обложено по краю выруба вымосткой из плит; оно еще не вполне исследовано.

Раскопками были открыты цистерна, колодец и обрывки стен, сохранившиеся на высоту не более 50 см, часть которых (стены *а*, *б*, *в*, *г*) принадлежала одному

помещению β. Остальные обрывки стен настолько незначительны, что даже невозможно определить, принадлежали ли они одному дому или двум. При сходстве кладки стены эти отличаются по своей толщине. Две из них — *д* и *е*, связанные друг с другом и образующие угол какого-то крупного сооружения, имеют толщину 0.75 м, остальные стены по 0.50 м, что обычно для одноэтажных домов эллинистического Херсонеса. Это обстоятельство, вместе с другими фактами, позволяет выделить стены *д* и *е* и датировать их доэллинистическим временем.

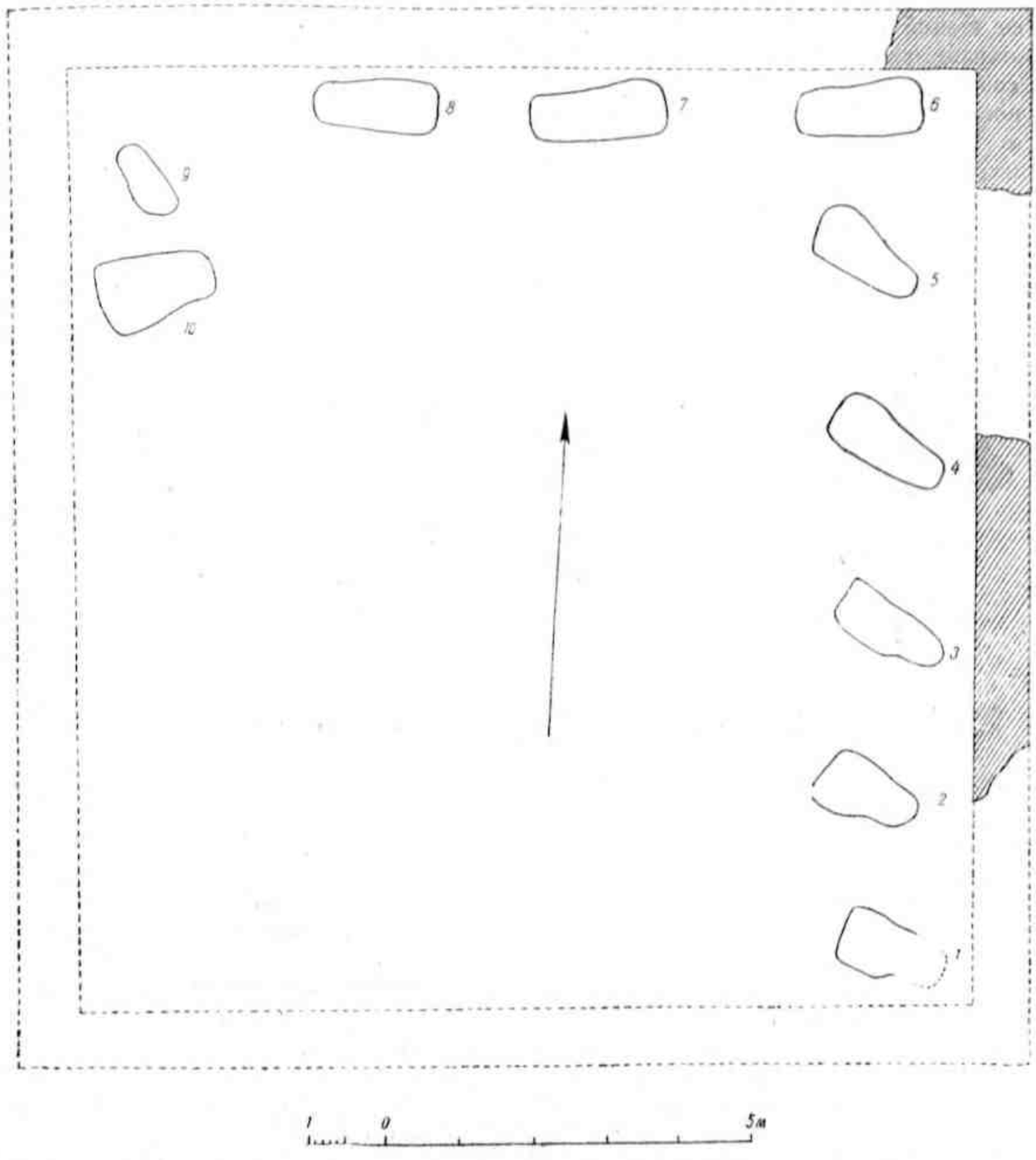


Рис. 1. Схематический план-реконструкция погребального сооружения IV—начала III в. до н. э. таврского некрополя Херсонеса.

1—10 — могилы.

Погребальное сооружение IV—начала III в. до н. э. (рис. 1). От постройки сохранились лишь две стены — *д* и *е*, сложенные из бутового камня на глине и основанные на материковой скале. Стена *д* сохранилась

на протяжении 9.00 м, однако посредине она разрушена позднейшим строительством. Южный конец ее также оборван, вероятно при сооружении стены в помещения *абвг*. Северный конец стены *д* образует прямой угол со стеной *е* и связан с нею. Последняя сохранилась только около северного угла сооружения на протяжении 2.00 м. При исследовании стратиграфии на этом участке установлено, что основание эллинистического слоя перекрывало разрушенную стену *д* в ее южном конце и легко прослеживается по тонкому утрамбованному покрытию из мелкой морской гальки, по которому на всем его протяжении выявлены

а *б* *в*

Рис. 2.

а — обломок домашнего жертвенника Гераклу (из помещения *абвг*); *б* — обломок мраморной плиты IV—начала III в. до н. э.; *в* — обломок стенки амфоры с граффити (из помещения, расположенного к СВ от стены *в*).

следы пожара в виде мелких угольков. Этот слой прослеживается до стены *в* и уходит под насыпь позднесредневековой усыпальницы (см. ниже стр. 228). Со стенами постройки стратиграфически связан нижний слой, лежащий на скале и представляющий собой мощную насыпь из щебенки и желтой земли со значительным количеством керамики. Толщина нижнего слоя 0.50—0.55 м, в верхней части он частично разрушен поздними ямами.

Стены этого сооружения отличаются от эллинистических стен по толщине и конструктивно с ними не связаны. Вместе с тем возможно, что стены *д* и *е* были связаны с могильными ямами, вырубленными в скале: вдоль стены *д* расположены в один ряд на одинаковом расстоянии друг от друга шесть могил — *1—6*, причем могила *6* вырублена в углу сооружения, ее длинная сторона идет вдоль стены *е*. На одной продольной оси с могилой *6* вырублены еще две могилы — *7* и *8*. Западнее могилы *8* находится небольшая детская могилка *9*. К югу от нее расположена могила *10*. Последняя начинает новый, третий ряд могил, параллельный линии могил *1—6*. Площадь, занятая детской могилой *9*, равна промежутку между могилами и длине могилы в ряду *6—8*. Это же соотношение отчетливо прослеживается на примере могилы *10*. Если учесть, что могилы первых двух рядов (*1—6* и *6—8*) вырублены вдоль стен внутри сооружения, то допустимо, что и третий ряд их — *9—10* — был расположен вдоль западной стены того же сооружения. Реконструкция сооружения дает в плане правильный квадрат, со стороной 12.20 м. Приведенные факты вряд ли случайны. Известно в то же время, что погребения отдельных семейств группировались обычно в одном месте некрополя. Сказанное позволяет предполагать, что перед нами погребальное сооружение, площадь которого, по-видимому, использована не полностью, в связи с перенесением некрополя за пределы расширившейся территории города.

В северном углу описанного сооружения найдена часть (правая) вставной мраморной плитки из надгробного памятника (рис. 2, *б*), на которой сохранился обрывок надписи . . . ΟΣ . . . ΝΟΥ — окончание имени и отчества погребенного. По начертанию букв надпись может быть датирована IV—III вв. до н. э.

Все могилы оказались пустыми. Отсутствие инвентаря и человеческих костей заставляет предполагать, что прах покойников был перенесен в другое место перед застройкой этого участка некрополя. О том, что могилы были предназначены для захо-

ронений в скорченном положении, можно судить по форме могильных ям. Она же помогает установить ориентацию погребений и расположение костяков (на правом или левом боку).

Характер погребений в скорченном положении допускает предположение, что погребальное сооружение принадлежало какой-то богатой таврской семье Херсонеса. Судя по значительной толщине стен, сложенных на скале, обломкам капителей и многочисленным обломкам керамид и калиптеров, это сооружение имело перекрытие.

Ввиду важности выявления стратиграфии культурных слоев первых веков существования города исследование нижних слоев проводилось с особой тщательностью. Самый слой, толщиной до 0.50 м, был снят тремя штыками, хотя однородность его не вызывала сомнения уже в процессе раскопок.

Материал из слоя представлен в основном обломками сосудов, в подавляющем количестве хозяйственного назначения: пифосов гераклейского и синопского происхождения (5 обломков), амфор Гераклеи (242), Фасоса (127) и Синопа (80 обломков). Часть обломков амфор не поддается определению. На десяти гераклейских обломках имеются энглифические клейма; на одном из них хорошо читается в двух строках ΚΩΚΗΣ... ΜΟ; на другом — вверху ΣΤΑΣΙΧΟ, посредине непонятная эмблема, внизу [Ε]ΠΑ[Ι]Ε. На одной фасосской ручке имеется эмблема — пчела, вокруг надпись; на другом обломке — сбитое клеймо. Среди обломков ручек синопских амфор три с клеймами: ΘΕΟΓΕΙΤΟΥ [ΑΣΤΥ]ΝΟ [ΔΙΟΝΥ]ΣΙΟΥ, эмблема — дельфин вправо; Θ[Ε]ΟΓΕΙΤΟ Α[Σ]ΤΥΝΟ ΦΙΛΟΚΡΑΤΟΥΣ, эмблема — голова Гермеса (лицо и кадуцей отбиты); ΜΝΗΣΙ ΑΣΤΥΝΟ ΑΣΤΕΙΟΣ, эмблемы сбиты. Все три клейма, по классификации Б. Н. Гракова, — II группы [1] и датируются концом IV—первой четвертью III в. до н. э.

Кроме обломков амфор, найдено несколько обломков лутериев и около 60 обломков кувшинов, причем наиболее часты обломки кувшинов с приземистым туловом на кольцевой подставке. Обращает внимание преобладание сероглиняной посуды с черным и серым покрытием над чернолаковой. Первая представлена, главным образом, кувшинами, вторая — мелкими обломками канфаров, чашек, скифосов, рыбных блюд, киликов, тарелок, кувшинов и леканы. В этой группе, датируемой V—IV вв. до н. э., следует отметить нижнюю половину игрушечной амфоры с массивной ножкой; средняя часть ее тулова покрыта горизонтальными желобками, ниже которых идет пояс из ряда штампованных пальмет, обращенных вершинами вниз. Обломков ионийских сосудов, главным образом кувшинов и чашечек, встречено около 45, краснофигурной посуды — 10. В их числе имеются обломки стенки кратера с изображением силена, обломки килика с изображением женской фигуры и Эрота, край леканы и стенка сосудика с пальметой. Кроме обломков посуды, здесь же были найдены керамиды (из них синопских — 48, гераклейских — 26) и калиптеры (синопских — более 10 и гераклейских — 2). Интересны находки обломков двух парных капителей анта дорического стиля из местного известняка, наконец обломок терракотовой статуэтки — повидимому, плечо мужской фигуры.

В целом весь материал датируется в пределах IV в. с заходом в конец V—начало III в. до н. э.

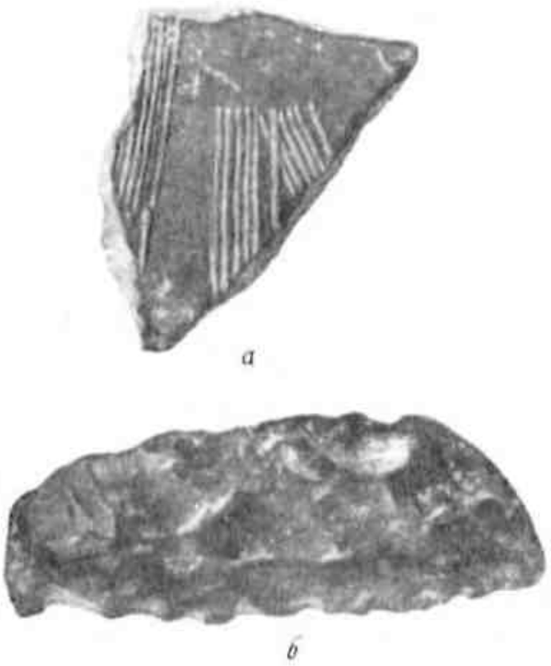
Материал из наскального слоя. Слой этот толщиной 0.10 м дал незначительное количество материала. В нем было найдено свыше 10 обломков гераклейских и фасосских амфор, около 20 обломков чернолаковых сосудов, судя по лаку относящихся к V—IV вв. до н. э., несколько обломков ионийских кувшинов и чашек, два обломка светильников открытого типа, несколько обломков лепных сосудов, а также синопских и гераклейских керамид. На фасосской ручке энглифическое клеймо в виде большого треугольника (может быть, буква Δ). Среди обломков лепных сосудов — два обломка сосуда таврской поры VII—V вв. до н. э. (рис. 3). Один из них найден внутри, а второй снаружи сооружения с могилами. Остальной материал датируется тем же временем, что и вышележащий слой, т. е. IV в. с выходом в конец V—начало III в. до н. э.

Материал из колодца А. Около могил *7* и *8*, на расстоянии от них 1.00 м к югу, был обнаружен четырехугольный в плане

[1] Б. Н. Гракова. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928 г.

колодец, размерами 1.00×0.90 м. Колодец вырублен в скале, на глубину до 5 м. Он заполнен огромным количеством керамики (несколько тысяч обломков сосудов), синхронной вышеописанному сооружению. Почти все обломки принадлежали амфорам Гераклеи, Фасоса и Синопа, причем первые преобладают (рис. 4), а херсонесские отсутствуют.

Среди обломков гераклейских амфор — 16 с энглифическими клеймами. Некоторые



а

б

Рис. 3. Обломки лепного сосуда (*а*) и кремневого наконечника дротика (*б*) времени таврского поселения.

клейма читаются: 1) ΔΙΟΝΥ ΣΤΥ — клеймо бобовидной (?) формы; 2) ΚΡΩ — отпечатано вверх ногами по отношению к закраине; 3) ΙΟΝ... ΙΟΣ...; 4) верхняя строчка отбита и смазана, нижняя — ΕΠΙΑΡΙΣΤΩΝ — отпечатано мелкими буквами; 5) верхушка треугольного клейма с именем [ΔΙΟΝΥΣΙ-ΟΥ]; [1] 6) ΥΡΙΔ... Π...; 7) ΣΙ... ΣΤΥ; 8) Α. Ο.Ο. Π ΑΙΣΤΩ. Остальные клейма либо смазаны, либо оббиты. На двух фасосских ручках — клейма: 1) ΘΑΣΙΩ ΦΕΔΙΓ, шрифт ранний — конца IV—начала III в. до н. э. После Ω и Γ букв нет, клеймо оббито; 2) маленький кружок. Аналогичное клеймо в энглифической технике встречено на одной ножке фасосской амфоры; на двух донышках — горизонтальная полоска коричневого цвета. Сопоставление глины и типов ручек, имеющих фасосские клейма, и донышек позволяет высказать предположение, что фасосские амфоры были нескольких типов (по общей форме и отдельным деталям).

Значительное преобладание обломков средних частей ручек гераклейских амфор по сравнению с числом обломков синопских и фасосских объясняется, повидимому, тонкостью ручек у первых и массивностью у последних. Обращает также внимание постоянство соотношения верхушек и оснований ручек по всем трем группам — гераклейской, фасосской и синопской: ручек всегда меньше, чем верхушек и донышек. Причина этого остается для нас непонятной.

Кроме амфор, обнаружено 7 обломков лутериев (6 гераклейских и 1 синопский), из них шесть на кольцевой подставке (рис. 5); довольно много кувшинов, среди которых есть фасосские и гераклейские (преобладают первые), и большое число таких, место производства которых не поддается определению. Сероглиняной посуды встречено 53 обломка (все от кувшинов); чернолаковой — 3 обломка, V (?)—IV вв. до н. э., ионийской — 30 мелких обломков кувшинов и чашек. Обнаружены также обломки черепицы: синопских керамид — 64, гераклейских — 43, соответственно калиптеров — 5 и 4. Гераклейские керамиды — с окраской, один обломок с клеймом большими буквами ΗΡΟΔ. . ., отпечаток зеркальный.

Таким образом материал из колодца ни хронологически, ни типологически не отличается от материала из насыпи в погребальном сооружении.

В целом материал из позднеклассического слоя относится главным образом ко второй половине IV—началу III в. до н. э.[1]

Строительные остатки и культурный слой эллинистического времени. Как уже отмечено выше, строительные остатки и культурный слой эллинистического времени

[1] Такое же клеймо встречено на горле амфоры погребения *31* раскопок некрополя в кварталах XV и XVI (см. выше, стр. 38). Из дореволюционных раскопок имеется беспаспортный экземпляр, который хранится в фондах Государственного Херсонесского музея.

[1] Ср.: МИА, № 4, 1941, стр. 123, рис. 30; Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 165, рис. 3; стр. 175, рис. 11; стр. 178, рис. 19; стр. 179, рис. 21; Хсб. вып. IV, 1948, стр. 78, рис. 9.

сильно повреждены позднейшими строительными работами, начиная с первых веков нашей эры и до позднего Средневековья. От строительных памятников сохранилось 10 обрывков фундаментов стен, из которых образуется только одно помещение *абвг* с подвалом и цистерной *Б* (рис. 6).

Все стены имеют одинаковую толщину (0.50 м) и сложены в одинаковой технике из крупного бутового камня на глине. Полностью сохранились только две стены — *а* и *б*. Стена *а* (длина 5.00 м) являлась наружной стеной жилого здания. Ее хорошая сохранность объясняется, очевидно, расширением II продольной улицы в послеэллинистическое время, вследствие чего она оказалась под улицей и не была потревожена позднейшими строительными работами. Улица была расширена к СЗ на 1.50 м. Этим объясняется отсутствие наружной стены эллинистического квартала в раскопе 1940 г., находящейся под II продольной улицей. Стена *а* сохранилась в высоту на 1.50 м и имеет направление, общее всей планировке города, — с ЮЗ на СВ.[1] Верхняя часть ее ю.-з. половины повреждена каналом уличного водостока первых веков нашей эры. Стена *б* сложена в перевязь со стеной *а* и образует вместе с нею тупой восточный угол помещения *абвг*. Она стоит на краю подвального выруба и имеет в длину 2.80 м. Высота ее около восточного угла 1.40 м, около северного — 0.65 м. К стене *в* она поставлена впритык и образует с нею почти прямой угол. Стена *в*, длиною 4.10 м, в западной половине сильно разрушена. Восточный конец ее продолжается дальше северного угла помещения *абвг* и уходит под нераскопанную насыпь позднесредневековой усыпальницы (помещение 1*а*). Это обстоятельство, при наличии наружной стены *а*, позволяет точно реконструировать план помещения *абв*. Стена *г*, длиною 5.30 м, сохранилась только около южного угла (на 0.50 м), где она сложена в перевязь со стеной *а*. Она была разрушена углом здания с винодельней.

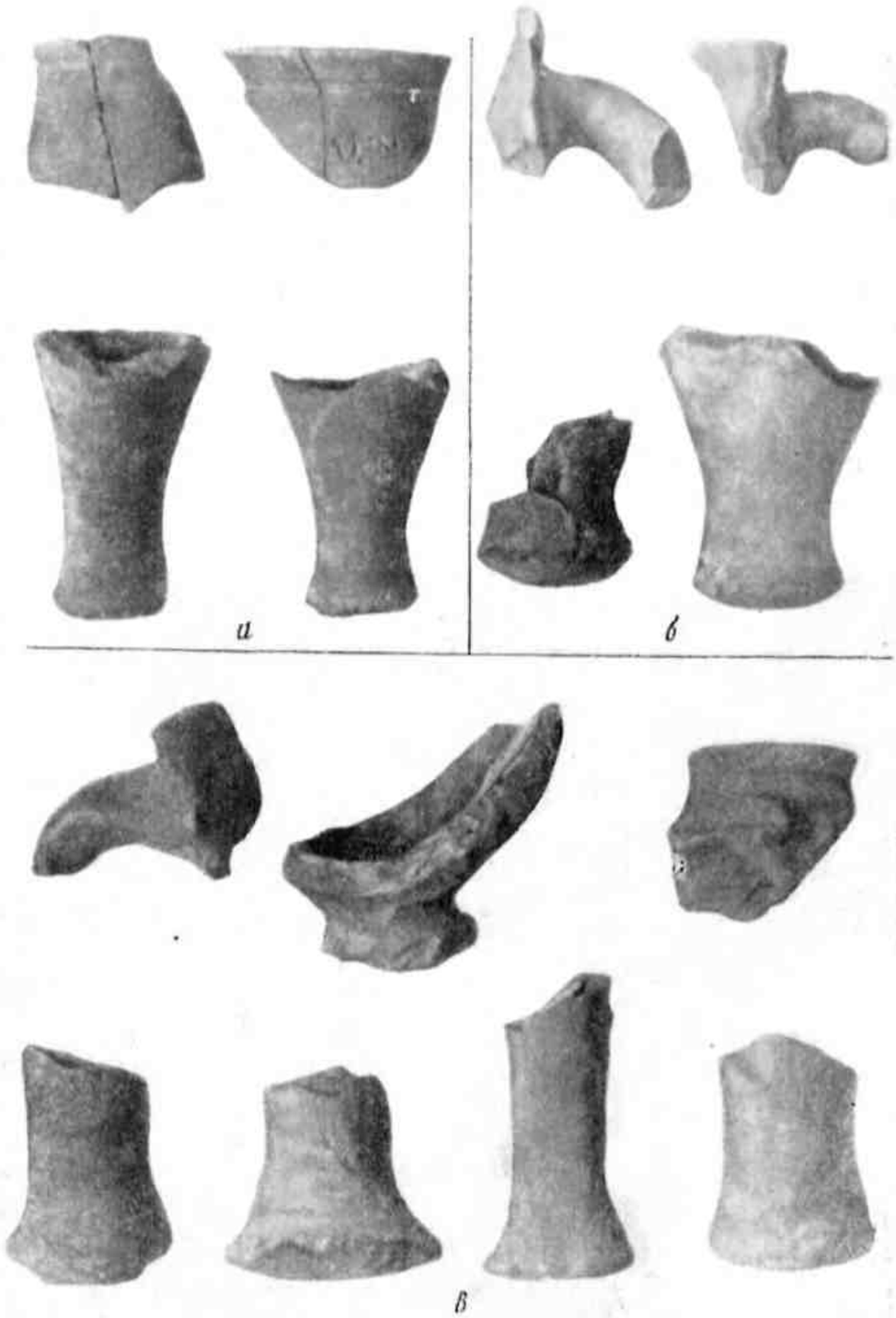


Рис. 4. Фрагменты амфор из слоя IV—первой половины III в. до н. э.

а — из Гераклеи; *б* — из Синопы; *в* — из Фасоса.

[1] Остальные стены здания этого участка (исключая стену 7) развернуты к ней под углом 45°, представляя тем самым совершенно необычную для Херсонеса планировку.

Пол описываемого помещения *абвг* над подвалом, несомненно, был деревянным.

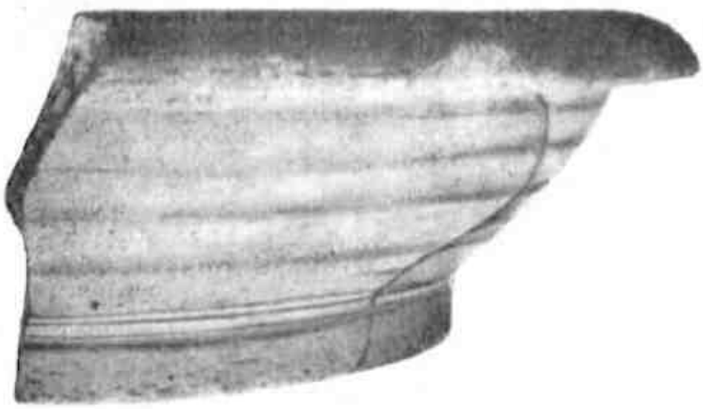


Рис. 5. Часть лутерия из слоя IV—первой четверти III в. до н. э.

Судя по толщине культурного слоя эллинистической эпохи вдоль стены *а*, фундаментному характеру кладки последней, сохранившейся тоже на высоту 1.40 м, общая глубина подвала в помещении *абвг* достигала 1.90—2.00 м. В восточном углу подвала находится цистерна *Б* грушевидной формы с оштукатуренными стенками и дном. Диаметры овального отверстия цистерны 1.10 и 0.90 м. Культурная засыпь подвала дала многочисленные находки, описание которых приводится ниже.

Основание культурного слоя эллинистического времени сохранилось только на небольшом участке квартала XVIII, к северу от стены *в*, на пространстве между упомянутой стеной, с.-в. стеной позднесредневековых помещений *2* и *2а* и ю.-з. стеной помещения *2*. В с.-з. направлении он перекрывал участок от стены *в* до могилы *3*. Этим же слоем перекрыт южный конец стены *д* погребального сооружения. Позднее он был уничтожен строительством. К нему же относится и кладка *жс*, состоящая из двух рядов камней, лицевая сторона которых обращена к западу, образуя сту-

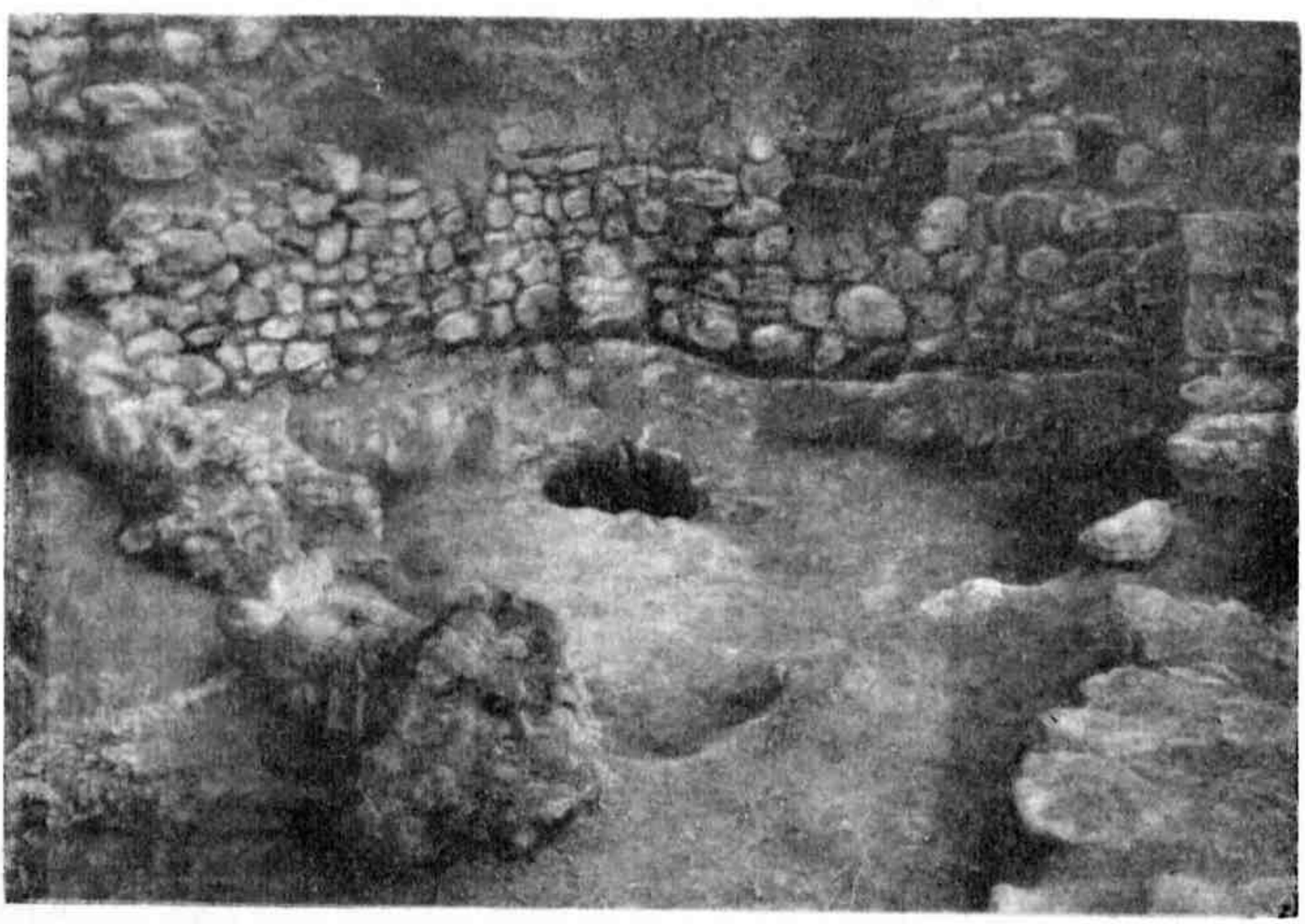


Рис. 6. Общий вид помещения, расположенного к ЮВ от стены *в*, с цистерной (III—II вв. до н. э).

пеньку какого-то наземного сооружения. Длина переднего ряда кладки 3.50 м, заднего — 2.90 м. Стена частично перекрывает могилу *3*. Высота кладки над скалой 0.70 м. Кладка лежит на верхней границе нижнего слоя IV—начала III в. до н. э.

Основание эллинистического слоя имело тонкую, утрамбованную вымостку из морской гальки и крупного песка с глинистой землей. Эта вымостка уходит в обрез раскопа под позднесредневековую усыпальницу. Поверх вымостки лежал эллинистический культурный слой толщиной до 0.30 м.

Остальные строительные остатки эллинистического времени, как уже сказано, представляют обрывки стен, не связанных друг с другом, почему их описание мы опускаем. Следует только отметить, что в двух местах сохранились непотревоженными небольшие участки эллинистического слоя.

Археологические комплексы эллинистического слоя

Находки из помещения абвг. Помещение это дало очень интересный комплекс находок как по количеству их, так и по разнообразию. Среди находок имеются вещи и из верхнего помещения, упавшие вниз во время гибели дома. Находки представлены большим количеством обломков сосудов хозяйственного и бытового назначения (1 пифос, 16 амфор, среди них 8 херсонесских, 3 родосских, 2 гераклейских, 1 синопская, две амфоры неизвестного центра производства, возможно также херсонесские). Все херсонесские амфоры по форме принадлежат к наиболее поздней группе. Они имеют удлиненный яйцевидной формы корпус с коротким широким горлом и короткими ручками; высота амфор около 0.70 м. Один из обломков имеет клеймо на ручке. Синопская амфора по форме очень близка к херсонесским, которые, возможно, следовали формам синопских амфор (табл. III, *2*). Гераклейские амфоры обычной формы поздней группы с округлыми плечами, при веретенообразной форме корпуса, высоком горле и ручках (табл. III, *3*). Родосские амфоры обычной формы; на одной имеется удлиненное клеймо с оббитой и смазанной легендой и эмблемой (табл. III, *4*).

Кроме амфор обычного типа, найдена верхняя часть небольшого двуручного сосуда кувшиновидного типа с широким корпусом, низким широким горлом, отогнутым наружу венчиком и плоскими тонкими ручками. По плечу сосуд орнаментирован полосками, нанесенными красной краской, над которыми сохранилось неразборчивое однострочное граффито. Имеется и второй сосуд такого же типа. Кувшинов найдено около двадцати. По форме они делятся на две группы: 1) с вытянутым кверху корпусом, довольно высоким и широким горлом, плоскими или овальными ручками и дном на плоской подставке (табл. III, *5*); 2) (представлена единичными экземплярами) плоскодонные с округлым широким корпусом и с ручками, закрепленными верхним концом у венчика, иногда приподнятыми над ним в изгибе (табл. III, *6*, и VI, *1*). Некоторые кувшины орнаментированы горизонтальными полосками. Обе формы кувшинов характерны для позднего эллинизма и датируются II в. до н. э.[1] Встречено также два лутерия (табл. IV, *1*).

Наибольший интерес представляют 13 кухонных горшков двух основных форм. Первая из них — это двуручные широкогорлые горшки, со специальным выступом для крышек. Группа эта, наиболее многочисленная, представлена несколькими разновидностями: одни из них крупных размеров, со слегка выпуклыми стенками и уплощенным дном (табл. V, *5*, *6*); другие, обычно меньших размеров, — почти шаровидной формы (табл. V, *7*); третьи — низкие, типа плошек (табл. V, *3*, *4*). К ним же принадлежат 8 крышек выпуклой формы, с шишечкой наверху (табл. V, *1*, *2*). Вторая группа кухонных горшков, менее многочисленная, представлена тремя широкогорлыми сосудами шаровидной формы с вертикальной ручкой (табл. VI, *1*). Горшки третьей группы — с округлым корпусом, плоскодонные, с низким горлом, с отогнутым венчиком и с плоской вертикальной ручкой (табл. VI, *2*). Кроме горшков, найдены две плоские сковороды с ручками (табл. VI, *3*) и несколько лепных горшков (табл. VI, *4*).

Чернолаковых сосудов найдено относительно немного. Все они могут быть датированы II в. до н. э. (табл. VII). Среди них рыбные блюда, тарелки, чашки, «солонки», канфар и небольшой кубковидный сосуд

---

[1] Аналогии и датировку подобных кувшинов см.: Хсб, вып. IV, 1948, стр. 107 сл.

с одной небольшой ручкой. Найдены также обломки нескольких так называемых мегарских чаш.

Кроме того, в помещении *абвг* найден большой сосуд (высота 0.40 м, диаметр

Рис. 7. Культовый сосуд II в. до н. э. (из помещения *абвг*).

венчика около 0.32 м) необычной формы и орнаментации (рис. 7 и 8). Он имеет форму глубокого лутерия на плоской подставке, со слегка расширяющимися кверху стенками, заканчивающимися горизонтальным сильно оттянутым наружу венчиком. Под венчиком и по корпусу сосуд орнаментирован горизонтальными красными полосками по желтой лощеной поверхности и имеет рельефные украшения. Вместе с тем под венчиком вокруг сосуда идет фриз, состоящий из близко расположенных друг к другу копий, наконечниками кверху, связанных друг с другом посредине. Ниже этого фриза, на половине высоты верхней части корпуса сосуда расположен пояс из групп птичек, по три в каждой группе. Закраина сосуда имеет трехрогое украшение, под которым, ниже фриза из копий, на корпусе помещен налепной щиток с рельефной пальметой вершиной книзу. В среднем роге верхнего украшения оттиснуто рельефное изображение еще одной птички. Небольшое количество сосудов этого типа, находка одного из них около жертвенника, использование трехрогого орнамента на лепном сосуде и ряд других признаков свидетельствуют, что эти сосуды имели ритуальное назначение и, возможно, были связаны с каким-нибудь местным культом.

Вместе с сосудами в помещении *абвг* были найдены обломки терракот, обломок небольшого сосудика финикийского стекла и верхняя часть глиняного жертвенника Гераклу (?) с надписью под венчиком —

Рис. 8. Деталь культового сосуда II в. до н. э. (из помещения *абвг*).

НРАКΛНС (рис. *2,а*). В цистерне подвала найдены три херсонесские монеты, относящиеся ко II в. до н. э. (№№ 10—12).

Находки в слое возле стены е. Позднеэллинистический слой лежал здесь на скале. Из него происходят обломки амфор (среди них две косских ручки), две закраины лутериев, обломки кухонной посуды, керамид и калиптеров. Чернолаковая посуда представлена обломками не раньше второй половины II в. до н. э. Лак их буро-коричневый, серый, зачастую красный. Характерны обломки чашек с вертикальными бортиками и петлевидными ручками и горло пелики с орнаментом, нацарапанным по лаку и накладным. Среди находок имеется один канфар, несомненно, IV в. до н. э. (найден в многочисленных обломках); грузило с клеймом, изображающим жертвенник со змеей, обломки оселка и ручки ножа (?) из рога.

Находки в слое к северу от стены в. Здесь найдено около 200 обломков амфор различных производственных центров: херсонесских (подавляющее большинство), одной синопской, гераклейских — на одном венчике энглифическое клеймо APIΣTON, фасосской (обломок ручки) и косской, обломок лутерия, около 20 обломков кувшинов, крышки кухонного горшка и несколько мелких обломков лепных сосудов; больше 20 мелких обломков чернолаковых сосудов — блюд, чашек и канфаров; лак их тусклый, серого или коричневого цвета; два краснолаковых обломка и 14 обломков керамид херсонесского производства. Кроме того, были найдены рыболовное грузило, обломок оселка, кости животных, птиц и рыб, многочисленные створки морских ракушек, а также две монеты: одна — не поддающаяся определению, вторая — ольвийская, эллинистической поры (№ 33).

Находки из хозяйственного помещения к СВ от стены в. Культурный слой в этом помещении лежал непосредственно на скале; он относится ко второй половине II—рубежу II—I вв. до н. э. Обилие находок и возможность восстановления целых сосудов из найденных обломков свидетельствуют о том, что это помещение было кладовой. Здесь найдены сосуды разных форм и различного назначения: часть горла пифоса с выступом — «ручкой» — прямоугольной формы с «контрфорсами» по краям, глина похожа на синопскую, но не исключено ее местное происхождение; обломки многочисленных амфор; из них несколько от амфор херсонесского производства, от одной или двух синопских — дно и ручка, на последней клеймо — [AΣTY] NOMOY... PYTOY... ΠATPOY... OPIOΣ; от одной родосской, одной гераклейской, одной фасосской и одной книдской; ручка последней с клеймом — KNIΔIO EYKPA... TEYΣ... Встречены две косские амфоры и три обломка амфор неизвестного центра. Кроме того, найдены два обломка стенок с граффити, одно из которых в виде двухстрочной надписи . . . KΛHΣ... OMHN... (рис. 2, *в*). Здесь же обнаружены обломки примерно 10 кувшинов. Все кувшины были на плоских подставках, с плоскими ручками, прикреплявшимися к высокому горлу под венчиком. Из обломков полностью восстановлено девять лутериев, кроме того, имеются обломки закраин от других. Все сосуды на плоских подставках (табл. IV, *2*). Среди кухонной посуды (10 сосудов) преобладают круглодонные горшки с крышками и горизонтальными петлевидными ручками, кувшиновидные горшки с плоскими вертикальными ручками; один горшок — с плоским дном. На стенках некоторых сосудов имеются сверленые отверстия — следы починки. Встречены обломок большой сковороды с ручкой (табл. VI, *3*) и обломки нескольких лепных сосудов. Значительно количество чернолаковых сосудов (табл. VIII). Среди них наиболее характерны канфар, канфаровидная чашка с вертикальным бортом, обломки двух канфаровидных кубков, чашки с бортами, отогнутыми наружу, или с краями, загнутыми внутрь. Много обломков так называемых мегарских чаш. В той же технике выполнен небольшой кувшинчик с округлым туловом, от которого сохранилась только его плечевая часть. Найдены рыбные и простые блюда и обломки пелики. Некоторые сосуды — с орнаментом, выполненным накладной розовой глиной. Лак на всех сосудах низкого качества, различных тонов, зачастую переходящих в красный. Шесть обломков сосудов V—IV вв. до н. э. случайны для этой группы и не представляют интереса, за исключением одного — с остатками граффито в виде двух букв KO. Помимо многочисленных обломков керамид и калиптеров, перекрывавших это помещение, следует отметить еще следующие находки: два рыболовных грузила с клеймами, два све-

тильника, дно черлолакового светильника с граффито — монограммой — и наконечник дротика из серого кремня удлиненной формы, плоскоовальный в поперечном сечении, с тщательно отретушированными обеими сторонами. Наконечник датируется временем не позже начала I тысячелетия до н. э. и связан, очевидно, с древним таврским поселением на месте будущего

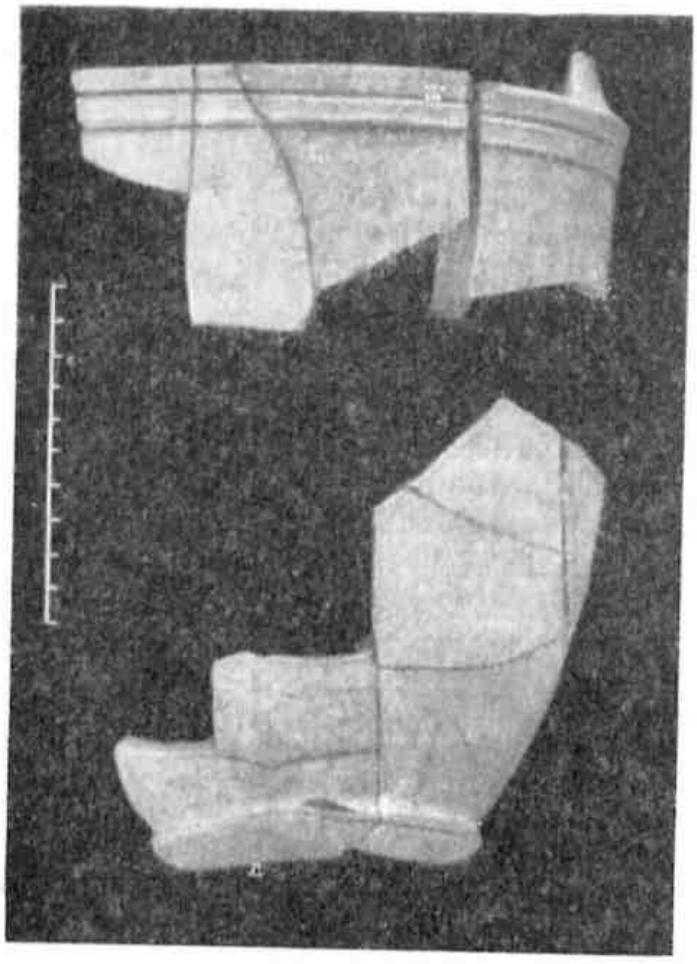


Рис. 9. Фрагментированный культовый сосуд II в. до н. э. (из помещения, расположенного к СВ от стены *в*).

Херсонеса. Особого внимания заслуживает находка сосуда в виде глубокой чаши на плоской подставке, с расширяющимися кверху стенками, которые заканчиваются слегка утолщенной закраиной по наружной стороне. Сверху закраина плоская и имеет вертикальное трехрогое украшение, сохранившееся только частично, снаружи подчеркнута двумя врезными параллельными линиями. Корпус сосуда орнаментирован несколькими горизонтальными полосками, выполненными краской по светлой облицовке (рис. 9). Как сказано, сосуды этого типа имели, вероятно, ритуальное значение.

Итак, в результате исследования эллинистических памятников в квартале XVIII:

1) еще раз подтверждается существование таврского поселения, на месте которого был основан Херсонес — находки обломков сосудов VII—V вв. до н. э. и наконечника дротика; наличие крупного погребального сооружения таврской семьи указывает на большую роль тавров в жизни древнейшего Херсонеса;

2) выявлен культурный слой конца V—начала III в. до н. э., что до сих пор не удавалось;

3) уточняется датировка некрополя на северном берегу Херсонеса, принадлежавшего древнему таврскому населению города; некрополь этот существовал по крайней мере до конца первой четверти III в. до н. э.;

4) выявляется слабое развитие в конце V—начале III в. до н. э. местного ремесла, в частности гончарного; вместе с тем вскрываются интенсивные экономические связи с Гераклеей, Фасосом и Синопом — главными контрагентами в торговле Херсонеса этого времени;

5) уточняется время расширения территории города; не может быть сомнения, что это произошло не раньше второй четверти III в. до н. э.; тем самым уточняется дата строительства жилых домов эллинистического Херсонеса на этом участке;

6) выявляется новая и необычная для Херсонеса внутриквартальная планировка жилого дома;

7) подтверждается конечная дата существования Херсонеса эллинистического периода — конец II или рубеж II—I вв. до н. э.;

8) еще раз подтверждаются актуальность исследований Херсонеса в этом районе и необходимость раскопок улиц, под которыми сохраняются ранние слои, в том числе слой некрополя; материалы из этого слоя должны будут уточнить и дополнить выводы раскопок квартала XVIII и расширить наши представления о Херсонесе на начальном этапе его существования.

2. РИМСКИЙ ПЕРИОД

В и н о д е л ь н я I. Гибель эллинистических домов и начало возведения новых зданий в квартале XVIII отделены

значительным промежутком времени, который, судя по материалам находок, длился около столетия, если не более.

В квартале XVIII в первых веках нашей эры находилось большое здание с винодельней (рис. 10). Оно занимало южную часть квартала, выходя на улицы II продольную и X поперечную. Длина по II продольной улице достигала 12 м, по X поперечной — около 28 м. Стены здания совпадали с линией эллинистического дома только по X поперечной улице, по II продольной улице стена винодельни отступала от улицы на 0.5 м внутрь квартала. Планировка стен этого здания вполне соответствует направлению улиц, в то время как внутренние стены эллинистических помещений имели по отношению к улицам диагональное направление (табл. I). Стены здания с винодельней везде покоятся на материковой скале и отличаются монументальностью (их толщина около 1 м); они сложены на глине из довольно крупных камней, большей частью обработанных. На углах здания имеются плиты, размерами до 1×0.60 м (рис. 11).

Здание по своей планировке довольно сложное, оно состоит из ряда больших помещений. Ю.-в. часть его занимала винодельня. Рядом с нею, возле X поперечной улицы, был склад, в котором в большом количестве стояли пифосы для хранения вина. Далее к СЗ находился большой двор, за которым в крайней, с.-з. части здания был расположен подвал *Е*.

В открытой нижней части здания жилых помещений не было, однако невозможно представить, чтобы такое огромное здание — с винодельней и винным складом — вовсе не имело помещения для жилья. Они находились, вероятно, во втором этаже, например над подвалом, вырубленным в скале, над винодельней и винным складом. Монументальные стены здания были достаточно прочными для того, чтобы выдержать нагрузку второго этажа.

Общей монументальности здания вполне соответствуют и обширные размеры помещений. Так, например, вместительность его подвала почти не находит себе аналогий в Херсонесе, эллинистические же подвалы он превосходит в два-три раза.

Особенно характерным является двор. Он выделяется размерами и благоустройством (рис. 12). В нем находятся колодец *Г* для ключевой воды и цистерна *Д* для дождевой. Кроме того, в доме имеется колодец *В*, расположенный непосредственно возле винодельни. Наличие двух колодцев и цистерны свидетельствует о большом масштабе хозяйства, связанного с значительным потреблением воды и с необходимостью иметь ее в запасе.

Глубина колодца *Г* от верха до уровня ключевой грунтовой воды около 6 м. Отверстие его прямоугольное. Форма остальной части колодца, вырубленной в скале, цилиндрическая, диаметром около 1 м. Стены неровные: слои материковой скалы неоднородны по прочности, так как слои твердого известняка прерываются прослойками рыхлого известняка или глины, которые осыпаются и легко разрушаются, вследствие чего образовались углубления в стенках. Вода в колодце оказалась пресной, но со слабым солоноватым привкусом.

Рядом с колодцем *Г* устроена цистерна *Д*. Ее глубина около 3 м, диаметр вверху 0.60×0.70 м, диаметр внизу около 2.5 м. В верхней части цистерна цилиндрическая, ниже, на глубине свыше 1 м, начинает расширяться, приобретая грушевидную форму (наиболее широкая ее часть находится на глубине свыше 2.5 м). Стены цистерны тщательно оштукатурены раствором, состоящим из смеси извести, песка и небольшого количества толченой керамики.

Двор вымощен каменными плитами больших размеров и правильной прямоугольной формы, плотно примыкающими друг к другу. Вымостка выделяется своей монументальностью. В настоящее время она нигде не доходит до стен двора, однако остатки отдельных плит с с.-в. и ю.-в. сторон указывают на то, что вымостка простиралась вплоть до этих стен. С с.-з. стороны край вымостки сохранился в целости. Здесь имеется трехступенчатый уступ (рис. 13): непосредственно на материке лежит первый ряд толстых плит (толщиной 0.20 м); на нем, отступя на 0.58 м, основаны плиты второго ряда, толщиной также 0.20 м; плиты третьего, верхнего ряда находятся от края на 0.52 м, толщина их всего 0.06—0.10 м. Следует отметить особенность вымостки, а именно: толстые плиты нижних рядов изготовлены из известняка сарматского яруса, а тонкие плиты верхнего ряда сделаны из красноватого крепкого

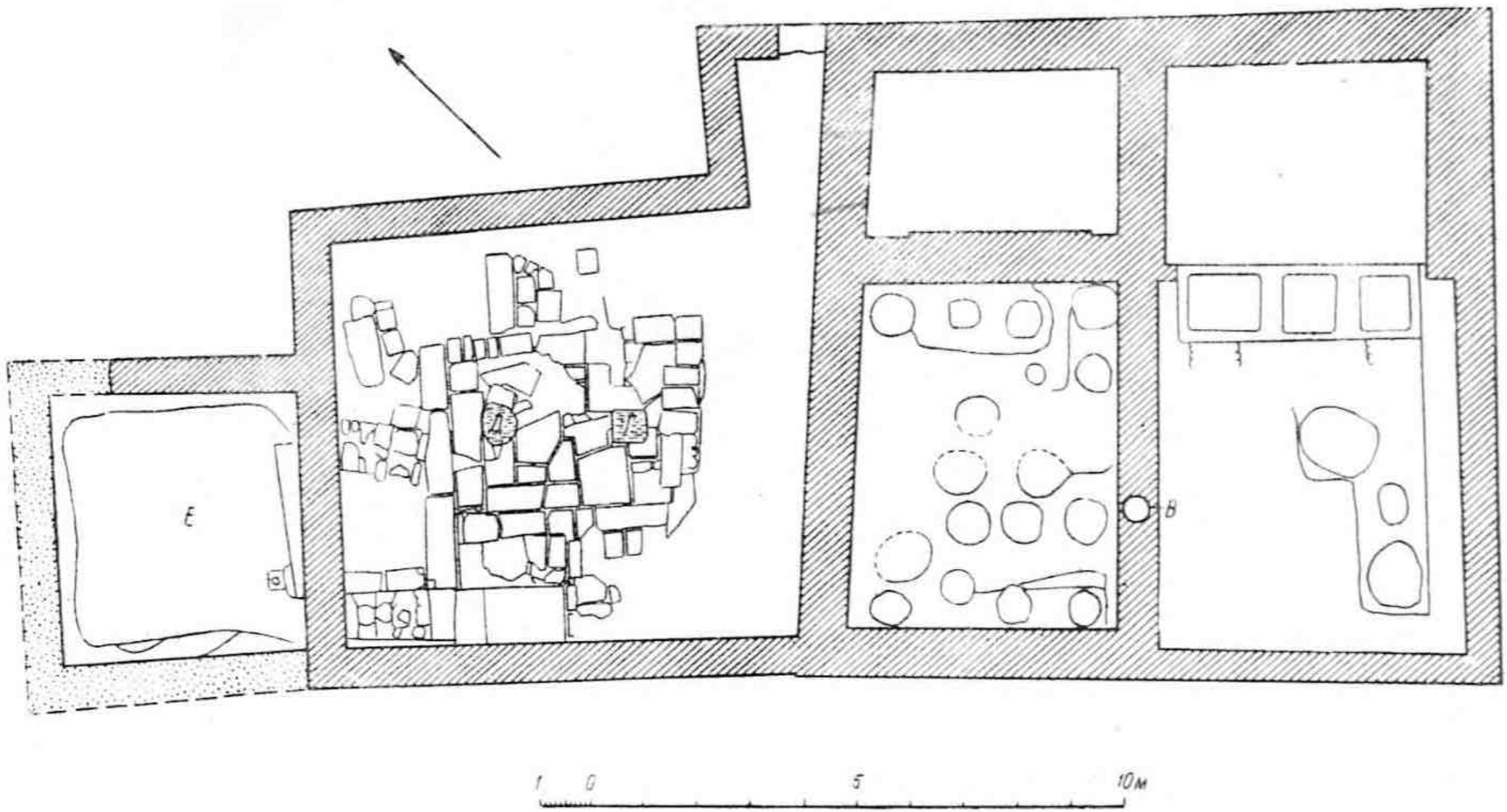


Рис. 10. План здания винодельни I.

В правом помещении три резервуара; *В*, *Г* — колодцы; *Д* — цистерна; *Е* — подвал.

известнякового плитняка. С.-з. и ю.-з. края вымостки вполне сохранились, нижний и средний ее ряды имеют законченный вид, из чего можно заключить, что с этих сторон вымостка не была разрушена. С с.-в. же стороны на вымостке видны явные следы разрушения: края ее неровные, отдельные плиты в нижнем ряду выломаны, во втором ряду разрушений еще больше, а в верхнем ряду вымостка разрушена от с.-в. края до середины, т. е. вплоть до колодца и цистерны (рис. 14). Возле с.-з., ю.-з. и ю.-в. стен уцелели отдельные плиты, лежащие наклонно к середине двора; они, повидимому, не были связаны с основной вымосткой двора.

Между вымосткой и ю.-з. стеной имеется правильной формы выемка (длина 1.57 м, ширина 1.05 м, глубина 0.55 м), обложенная с ю.-в. и с.-з. сторон плитами. Выемка находится непосредственно возле лестницы, ведущей в подвал. Возможно, что она по времени соответствует лестнице.

Вымостка двора вполне согласована с колодцем и цистерной: плиты аккуратно обрамляют их отверстия, под плитами же идет кладка срубов в несколько рядов, лежащих на материке.

С ю.-в. и ю.-з. сторон колодец *Г* обложен большими плитами (рис. 15). Две из них, несомненно, одновременны двору и его вымостке; они лежат непосредственно на вымостке и по материалу однородны с плитами двора. Позднее, в начале Средневековья, к ним были добавлены другие плиты из иного материала, положенные сверху; среди этих последних одна плита — мраморная, профилированная с двух сторон. Однако плиты эти не были связаны с колодцем, которым в средние века уже не пользовались.

В западном углу двора, как уже сказано, устроена лестница, ведущая в подвал. Размеры его около 4×4 м, глубина выруба в скале около 3 м. Возле с.-з. стены подвала на дне имеется выруб, глубиной около 0.50 м, шириной около 1.5 м. Стены подвала неровные — на глубине около 0.80—1.10 м и в самом низу в них имеются углубления, образовавшиеся вследствие разрушения мягких прослоек известняка. Местами в этих выемках сохранились остатки заполнявшей их кладки (рис. 16). Подвал находится ниже уровня двора почти на 3 м. Сообщение между ними происходило по лестнице, вырубленной в скале (рис. 17). Ширина лестничного проема около 0.85 м. Семь ступеней верхней части лестницы сложены из небольших плит, некоторые из них выпали и не сохранились. В нижней части ступени вырублены в материке; последней ступенью служила штучная плита, лежавшая на полу подвала (рис. 18).

Рис. 11.

а — стена эллинистического дома; *б* — угол здания виноделыни; *в* — средневековая стена.

Проем лестницы вверху с с.-в. стороны обрамлен четырьмя рядами плит: две длинные — в верхнем ряду, тонкие плиты — во втором и третьем рядах и большая плита — внизу (длиной 1.10 м, толщиной 0.43 м). Ю.-з. стена проема вверху обложена плитами, под ними — материк, в котором разрушившиеся части заложены камнями. Вход

Рис. 12. Двор здания с винодельней, с западной стороны

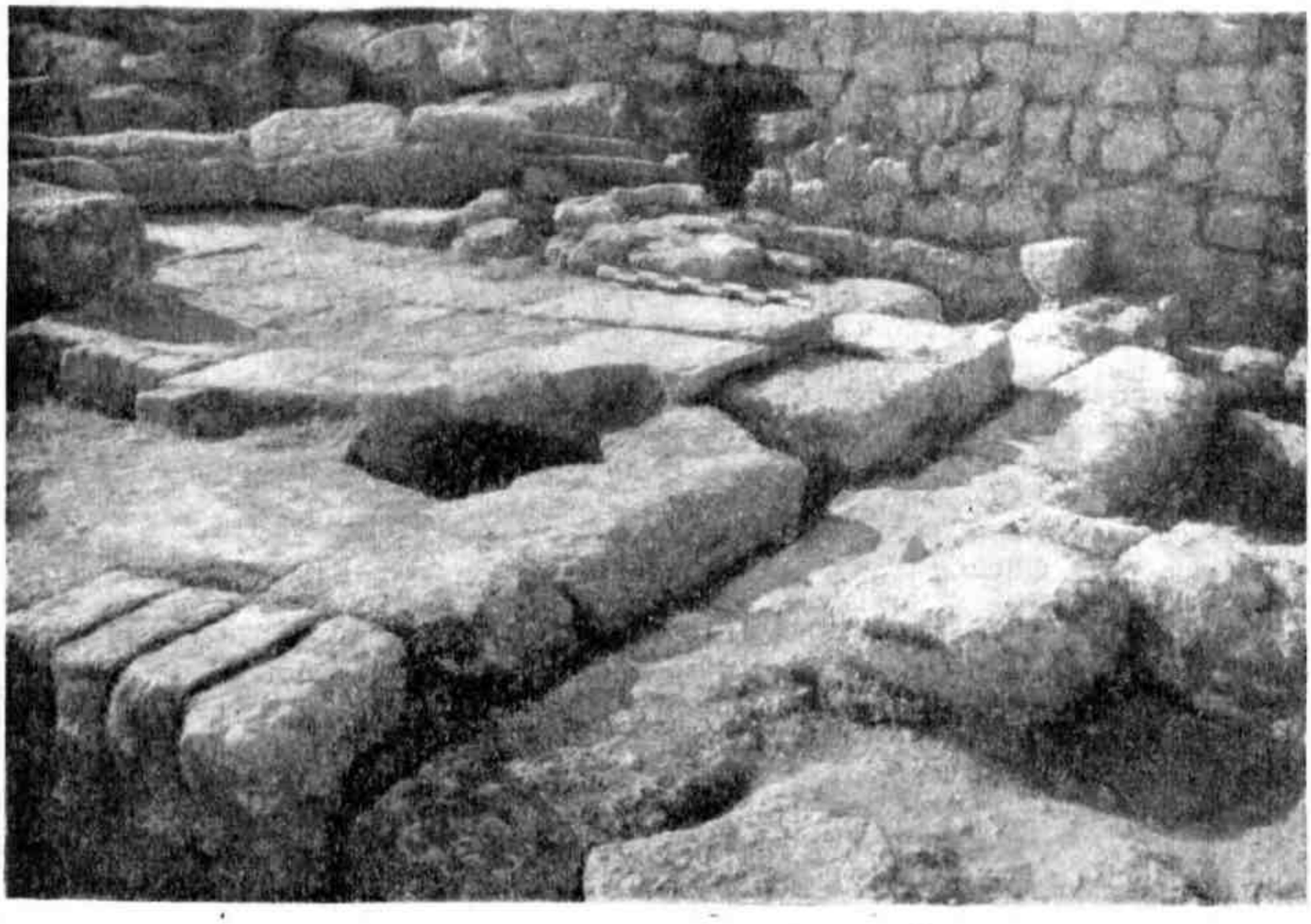


Рис. 13. Вымостка во дворе, западный угол.

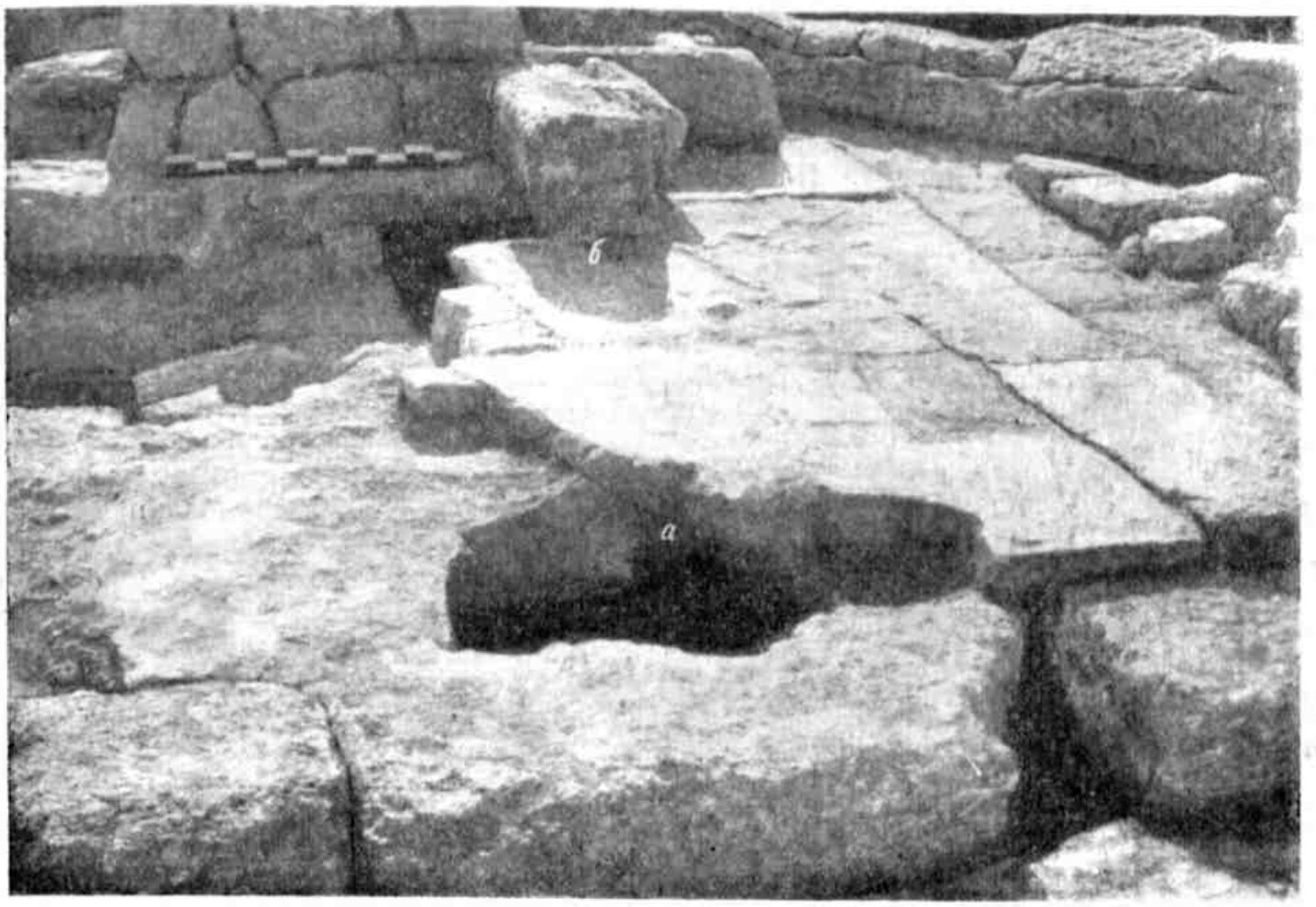


Рис. 14. Вымостка во дворе.
а — цистерна; *б* — колодец.

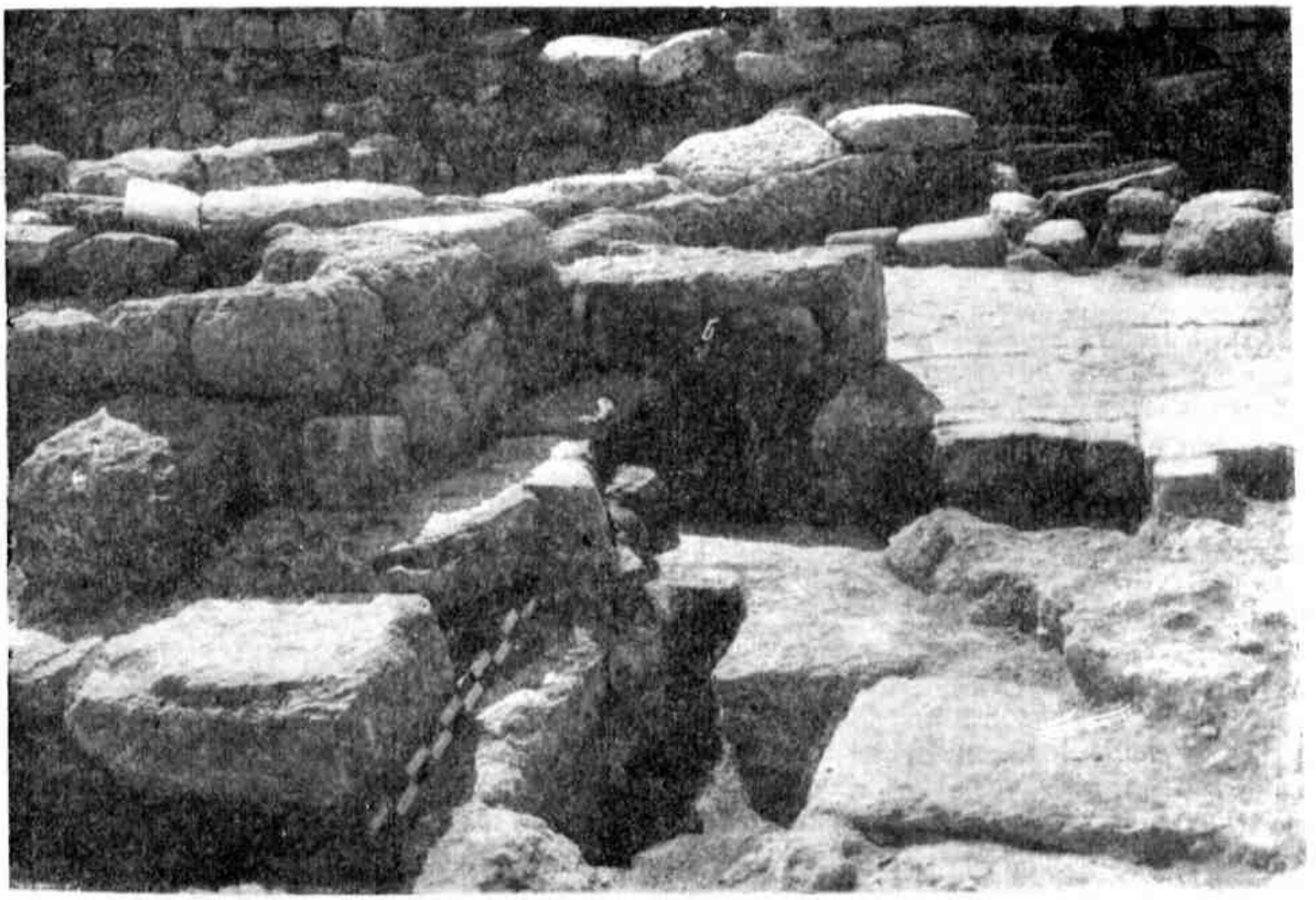


Рис. 15. Плиты возле колодца (*б*).

в подвал перекрыт двумя большими плитами, длиной свыше 1.10 м, толщиной 0.45 м, положенными на стены проема. На этих

Рис. 16. Подвал, слева возле дверного проема — жертвенник (*а*).

плитах покоится кладка стены, идущей выше проема, поперек оси лестницы. В насыпи, заполнявшей дверной проем, лежала раздавленная амфора с желобчатой поверхностью (рис. 20).

Внутри подвала, возле входа, стоял каменный блок правильной призматической формы, высотой 1.05 м, с площадью сечения вверху 0.32×0.33 м, внизу 0.30×0.31 м. Блок был установлен в материке на уровне второй ступени лестницы, верхний же его конец укреплен под выступом скалы, со значительным наклоном внутрь подвала (рис. 18 и 19). В блоке имеется продольное цилиндрическое отверстие диаметром 0.12 м. На с.-з. стороне блока сохранились следы раскраски красного цвета.

В углублении блока были найдены краснолаковые светильники и большое количество костей домашних птиц — кур и гусей, а также бараньи кости. Кроме того, найдено пять светильников (рис. 21), из которых два украшены рубчиками и бороздками, на плечиках третьего изображены виноградные листья, а на щитке четвертого помещена фигурка Эрота. Пятый светильник представляет открытую плошку небрежной работы, сильно закопченную.

Местонахождение блока в подвальном помещении возле входа и содержимое его отверстия позволяют считать этот блок жертвенником, посвященным хтоническим (подземным) божествам. Аналогичные жертвенники в подвальных помещениях известны

Рис. 17. Лестничный проем, вид сверху, со двора.

в Херсонесе, например, по раскопкам 1904, 1937 гг. (квартал XVI). [1] Однако от вновь

[1] См.: ИАК, вып. 20, стр. 22, рис. 6, а также в этом выпуске, стр. 55, рис. 24.

найденного жертвенника они отличаются тем, что имеют внизу плинтусы и карнизы с угловыми акротериями вверху, они обвиты змеями, головы которых поднимаются над углублением в верхней плоскости жертвенника; к тому же описанные жертвенники были связаны с домами эллинистической эпохи, открытый же нами принадлежал дому первых веков нашей эры. Таким образом вновь найденный жертвенник дает возможность констатировать существование культа подземных божеств в Херсонесе и в римский период, вплоть до IV в. н. э.

Винодельня, как сказано, находится в ю.-в. части дома, отделенной внутренней поперечной стеной (см. табл. I). Длина давильной площадки, определяемая наружной ю.-в. стеной и внутренней с.-з. стеной,

Рис. 18. Лестница, вид из подвала; слева — жертвенник (*а*).

составляет 5.0 м, ширина площадки равна расстоянию от наружной с.-в. стены до стенки резервуаров, т. е. 4.0 м.

От цементной площадки винодельни сохранилось очень мало; в восточном углу здания от нее уцелели лишь небольшие куски вымостки, вплотную примыкающие к стенам (рис. 22) и связанные с ними. Это обстоятельство позволяет установить, что

Рис. 19. Жертвенник (*а*) в подвале.

давильная площадка относится именно к этому зданию и что данное помещение являлось винодельней.

В раннее Средневековье над винодельней было сооружено новое здание, одна из стен которого прошла над площадкой, другая — над резервуарами. Первая стена (рис. 22, справа) была опущена ниже площадки, вследствие чего вымостка при устройстве траншеи для стены была разрушена. Кроме того, в углу здания было вырублено углубление для установки в нем пифоса, при этом вымостка оказалась также разрушенной.

Устройство вымостки давильной площадки следующее. На плотном эллинистическом слое, состоящем из глины и щебенки, положена вымостка из мелких камней, залитая раствором извести, толщиной около 10—15 см. На этой основе лежит несколько слоев цемента, последовательно наложенных один на другой, общей толщиной около

8 см. Цемент состоит из раствора извести, песка и мелко толченой керамики. Возле

Рис. 20. Амфора в дверном проеме подвала.

стен положены обломки черепиц, ограничивающие вымостку.

Резервуары для виноградного сока находятся в средней части помещения, к ЮЗ от цементной площадки. Они устроены в углублении прямоугольной формы, вырубленном в материковой скале, и примыкают вплотную к ю.-з. стене выруба; в с.-в. же части между резервуарами и стеной выруба имеется свободное пространство шириной около 1 м. Все три резервуара расположены в ряд по одной линии и связаны друг с другом; они сооружены одновременно в течение одного строительного периода (рис. 23). Крайние резервуары, как и ю.-з. стена их, примыкают вплотную к стенам выруба. Внутренние размеры резервуаров около 1×1 м, толщина стенок, как средних, так и наружных, около 0.20 м.

Стенки резервуаров сложены тщательно и прочно из обломков черепиц на известковом растворе с мелко толчеными створками ракушек белого цвета. Внутри стенки покрыты двумя слоями штукатурки белого цвета того же состава. Поверх белой штукатурки стенки покрыты цементом, который отличается необыкновенной прочностью. Большой процент керамики в цементе окрашивает последний в темнокрасный цвет. Штукатурка наносилась на стенки последовательно, повидимому по мере ее изнашивания, но и вначале, вероятно, было положено несколько ее слоев, чтобы стенки резервуаров были вполне непроницаемыми для виноградного сока.

Дно резервуаров залито цементом того же состава, толщина слоя — до 0.10 м. В некоторых местах на стенках можно было наблюдать до 7—10 слоев штукатурки, общей толщиной около 6 см. На дне каждого резервуара имеется углубление, расположенное в западном углу, для отстоя осадков из виноградного сока; с этой целью поверхности дна придан наклон к углублению. Все эти углубления одинаковы: они размещены в западном углу резервуаров, имеют небольшие размеры, дно и стенки их — цементные, выполненные очень тщательно; лишь в первом резервуаре (в ю.-в. конце винодельни) в углубление, находящееся в западном углу, вставлено

Рис. 21. Светильники, найденные в углублении жертвенника.

глиняное блюдо, по краям которого цемент положен с напуском.

При повторном использовании винодельни в резервуары были помещены

пифосы, для установки которых на дне резервуаров были вырублены большие углубления (рис. 23); они отличаются от первоначальных (рис. 24) не только большими размерами, неровностью стенок и небрежностью работы, но и тем, что прорезают всю толщину цементного дна до материковой скалы.

В третьем резервуаре (рис. 25) при устройстве углубления для пифоса частично была разрушена стенка, разделявшая второй и третий резервуары.

Углубления для пифосов, сделанные в каждом из трех резервуаров, вырублены около середины поперечных стенок на равных промежутках друг от друга. В крайних поперечных стенках резервуаров также вырублены полукруглые углубления, чтобы пифосы могли в них поместиться. Помимо них, в третьем резервуаре возле с.-з. стенки помещался еще один пифос —

Рис. 22. Остатки давильной площадки (*а*), справа — стена VI в. (*б*), слева — яма для пифоса (*в*).

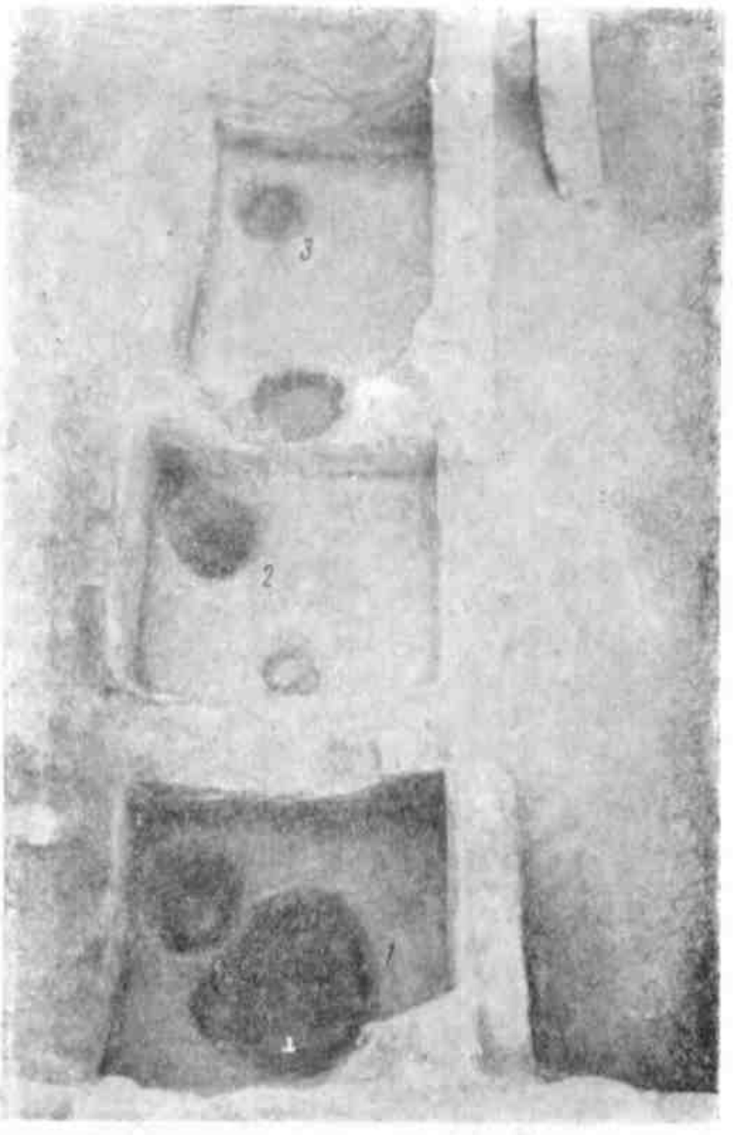


Рис. 23. Резервуары винодельни (*1—3*), вид с с.-в. стороны.

в стенке для него имеется полукруглый выруб, дно же пифоса стояло в первичном углублении.

Таким образом во второй период своего существования винодельня подверглась полной реконструкции. Дело заключалось, вероятно, не в переустройстве собственно винодельни, где резервуары для сока были заменены пифосами, а в том, что винодельня прекратила свое существование, а на месте ее была устроена кладовая с большим количеством пифосов. Это доказывается тем, что при установке пифосов уже не считались с винодельней как таковой — ее резервуары были сильно разрушены, а на месте давильной площадки также поставили пифосы, для которых в ней были вырублены углубления, обна-

руженные при раскопках в с.-в. части. На то же указывает наличие углублений по сторонам резервуаров: возле третьего резервуара, с с.-в. его стороны, в северном

Рис. 24. Первый резервуар винодельни.

углу выруба в скале сделано углубление на дне, как и в с.-з. стене выруба; с ю.-з. стороны первого резервуара имеется круглая яма, вырубленная в скале, предназначавшаяся, несомненно, для установки в ней пифоса (рис. 24). Для третьего пифоса сделана яма в скале с ю.-з. стороны третьего резервуара.

Вследствие повторного использования помещения винодельни ее давильная площадка и резервуары подверглись сильному разрушению. Лучше всего сохранились стенки резервуаров в концах, где их высота достигает 0.90 м (рис. 23), в средней же части они уцелели лишь на 0.20—0.30 м, а в некоторых местах были уничтожены до уровня дна.

На дне резервуаров обнаружены большое количество обломков отвалившейся штукатурки, обломки черепиц с раствором, выпавших из кладки стенок резервуаров, а также песок, известь, керамическая мелкая крошка — результат разрушения резервуаров винодельни. Поверх этой насыпи лежала довольно чистая глинистая земля желтоватого цвета, содержавшая мелкие камни, обломки керамики и другие предметы, о которых речь ниже.

Как указано, от давильной площадки уцелели лишь небольшие остатки ее в восточном углу. Вследствие того что стык между площадкой и резервуарами не сохранился, невозможно установить, например, какой вид имели сливы-желоба, по которым стекал сок с цементного пола в резервуары,

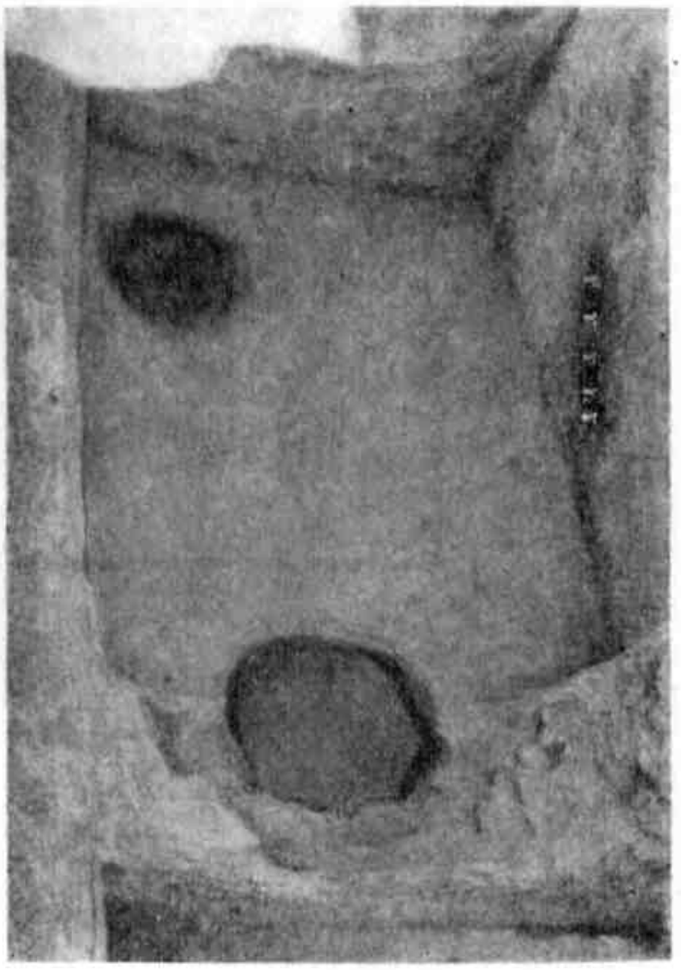


Рис. 25. Третий резервуар винодельни.

как были устроены площадка и прессы на ней и т. д. Однако восстановить устройство винодельни все же возможно на основании, во-первых, лучше сохранившейся

винодельни II (о ней ниже), во-вторых, на основании найденных каменных плит от пресса, в-третьих, привлекая аналогичные винодельни, открытые в последние годы на Боспоре.

При разборке раннесредневековой стены, находившейся на насыпи над резервуарами, в нижнем ее ряду оказались большие известняковые плиты прямоугольной формы, тщательно обработанные. Остатки на них цементного раствора красного цвета указывают на то, что одни из них могли служить нижними плитами, вделанными в площадку для пресса, другие — верхними частями пресса, грузом, давившим на нижние плиты.

Кроме того, в насыпи здания найдены каменные блоки правильной прямоугольной формы с небольшими выемками на их сторонах; блоки эти являлись, вероятно, грузом для рычага на конце — для увеличения тяжести пресса. Щелевидные выемки в блоках, очевидно, служили для прикрепления их к концам рычага.

В ю.-з. половине здания, прилегающей к X поперечной улице, в материковой скале открыт ряд вырубленных круглых углублений больших размеров, причем одни из них расположены выше, другие ниже, как бы в два яруса. В одном из них сохранилось на месте дно пифоса (рис. 26), что ясно указывает на назначение этих углублений. В противоположность углублениям, которые были устроены позднее на месте винодельни (на площадке и в резервуарах), рассматриваемые углубления для пифосов одновременны с винодельней и тесно связаны с ней. Это доказывается тем, что они устроены в материке, на уровне подошвы здания, в отличие от поздних углублений в насыпи культурного слоя.

Из наличия одновременных винодельне пифосов в ю.-з. части здания ясно, что здесь находился винный склад, который, — что вполне естественно, — был расположен поблизости от винодельни: большие размеры здания вполне допускали это. Расположение пифосов вне винодельни, в ю.-з. половине дома на скале, могло иметь место лишь при отсутствии там какой-либо насыпи, иначе говоря, при условии, что пол внутренних помещений здания находился на поверхности скалы и притом был значительно ниже уровня винодельни — ее площадки и резервуаров. И действительно, в ю.-з. половине здания эллинистический слой совершенно отсутствовал, тонкий же слой римского времени залегал непосредственно на материке.

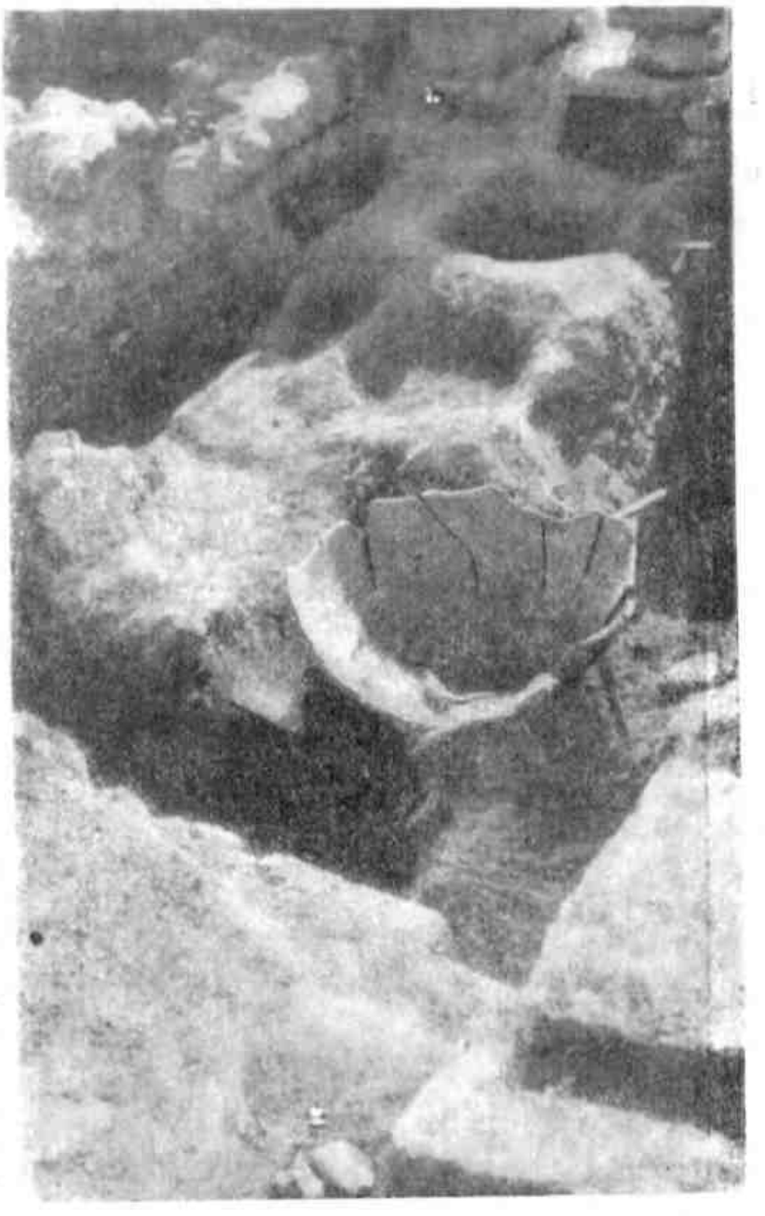


Рис. 26. Дно пифоса и углубления для пифосов в винном складе.

Другое помещение винного склада расположено к СЗ от винодельни и отделено от нее поперечной стеной. В этом помещении находилось около 25 пифосов, о чем можно судить по углублениям, вырубленным в скале и расположенным правильными рядами возле стен и по середине помещения (рис. 27). Расположение углублений согласовано со стенами и свидетельствует об одновременности их возникновения. На то же указывает уровень пола склада, соответствующий уровню пола ю.-з. отделения склада. Характерно, что во втором

его отделении, возле ю.-з. стены, в скале имеется длинный выруб также с углублениями в нем для пифосов, причем этот ряд пифосов находился значительно ниже остальных. Подобные вырубы для пифосов встречались и в других местах, например в подвале описываемого дома и в кварталах XV и XVI.

Как в первом отделении склада, так и во втором насыпь эллинистического времени полностью отсутствовала. Это может служить прямым указанием на то, что при сооружении большого дома с винодель-

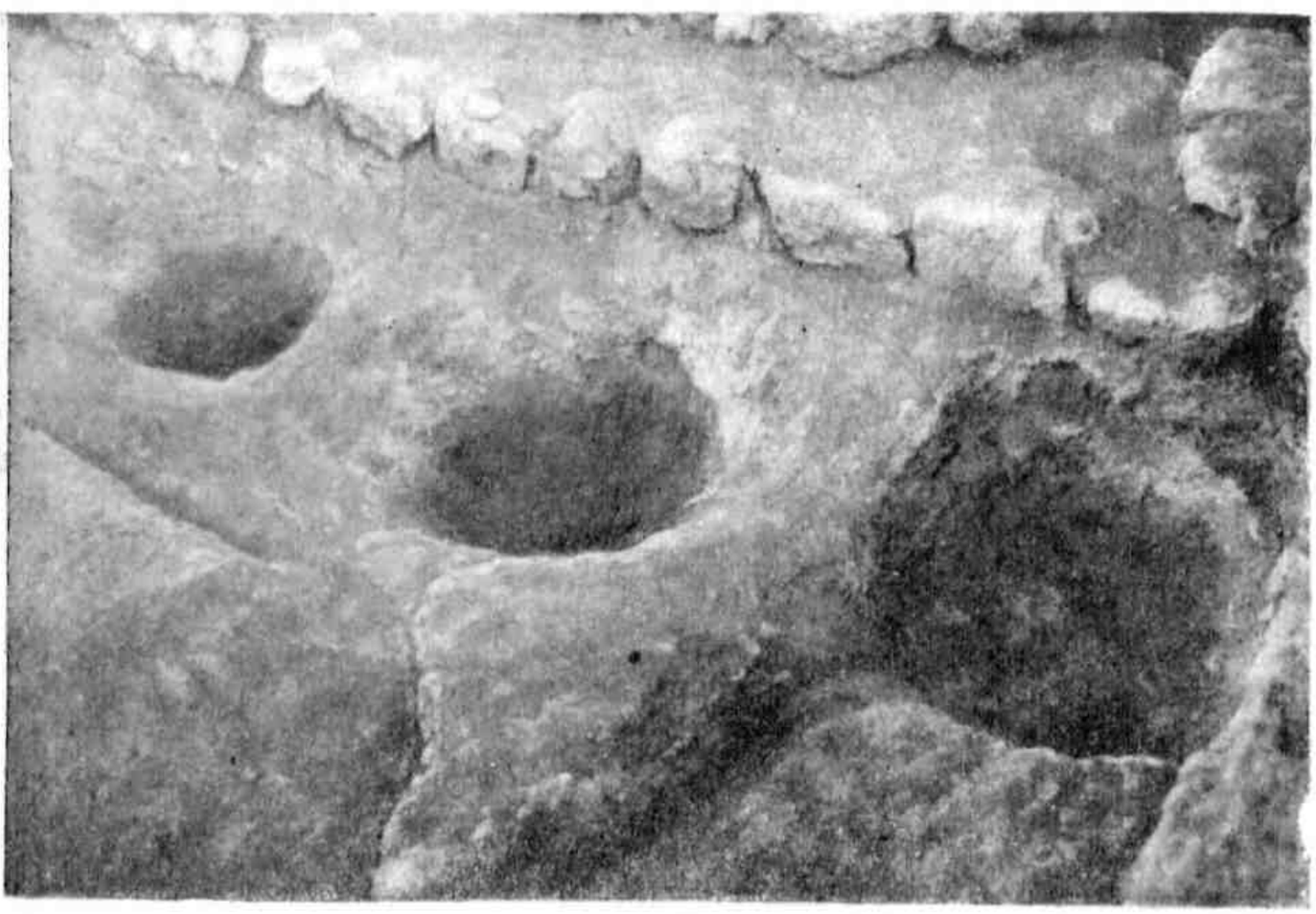


Рис. 27. Углубления в скале для пифосов в с.-в. помещении винного склада.

ней были удалены более древние строительные остатки и сопутствовавший им культурный слой.

От находившихся в описываемом помещении винного склада пифосов на месте при раскопках найдено несколько донъев с частью стенок.

Ко времени существования винодельни относится колодец цилиндрической формы *B*, расположенный в ю.-з. части дома. Стенки колодца обработаны неровно, что объясняется различной плотностью слоев известняка и прослойками глины в толще скалы. Диаметр шахты колодца в среднем около 1 м. Отверстие колодца, диаметром 0.45 м, сделано в цельной плите длиной 1.05 м, шириной 0.90 м, лежащей непосредственно на скале. В отверстии плиты имеется уступ — вырезка, шириной 0.06—0.07 м (рис. 28), для установки крышки. Колодец был закрыт капителью восьмигранной формы, положенной широкой стороной кверху (рис. 29). Благодаря крышке колодец оказался незасыпанным на глубину до 5 м и неиспользованным в течение многих столетий. Но на дне его образовался натек — чистая пластическая земля черного цвета, превратившаяся в густую липкую грязь. В ней в небольшом количестве находились лишь мелкие куски скалы, падавшие со стенок колодца вследствие их естественного разрушения. Кроме того, здесь найдены несколько обломков черепиц и амфор римского времени, бронзовая монета IV—V в. н. э. (№ 154, более точное ее определение

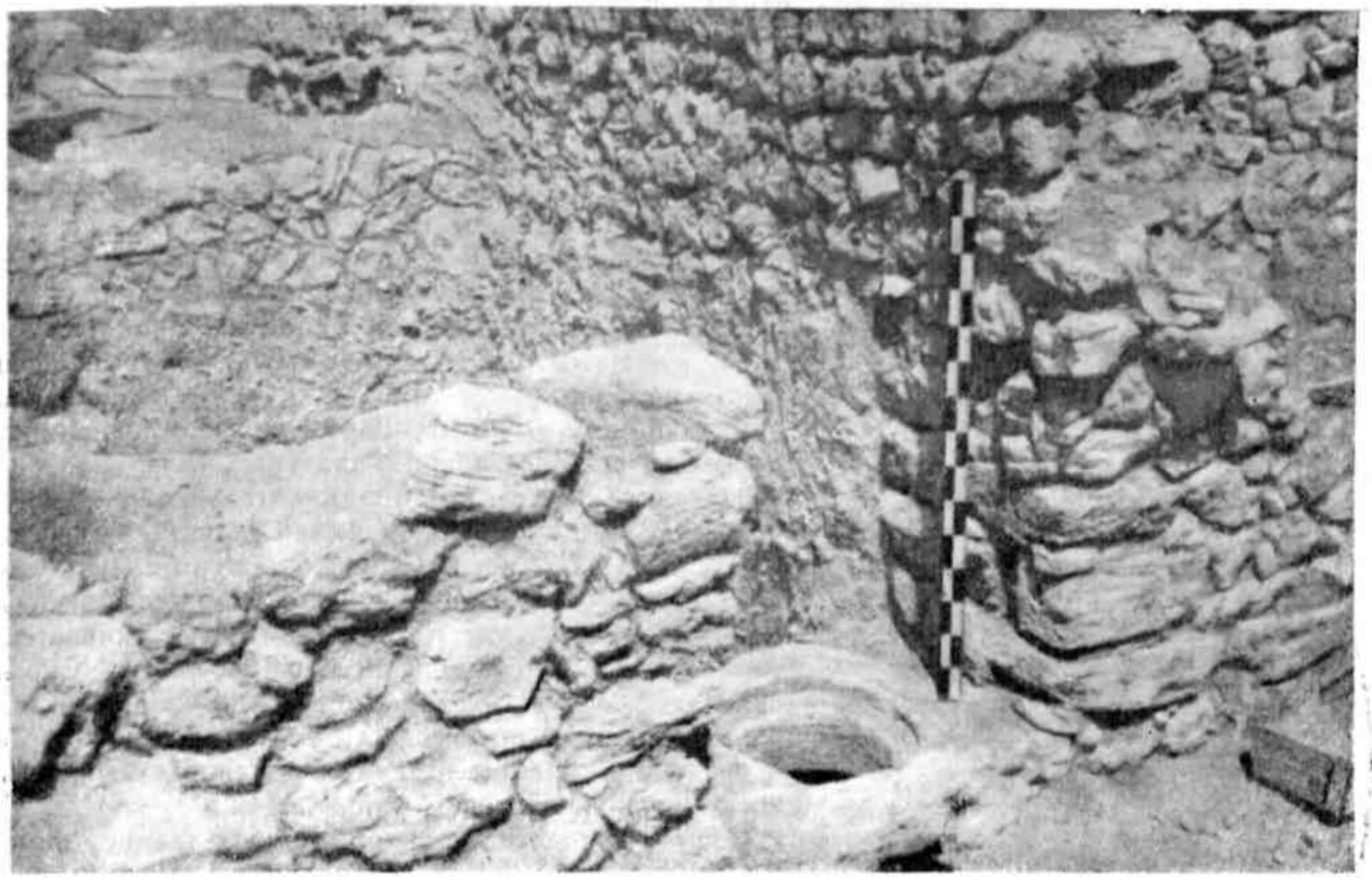


Рис. 28. Отверстие колодца *B*

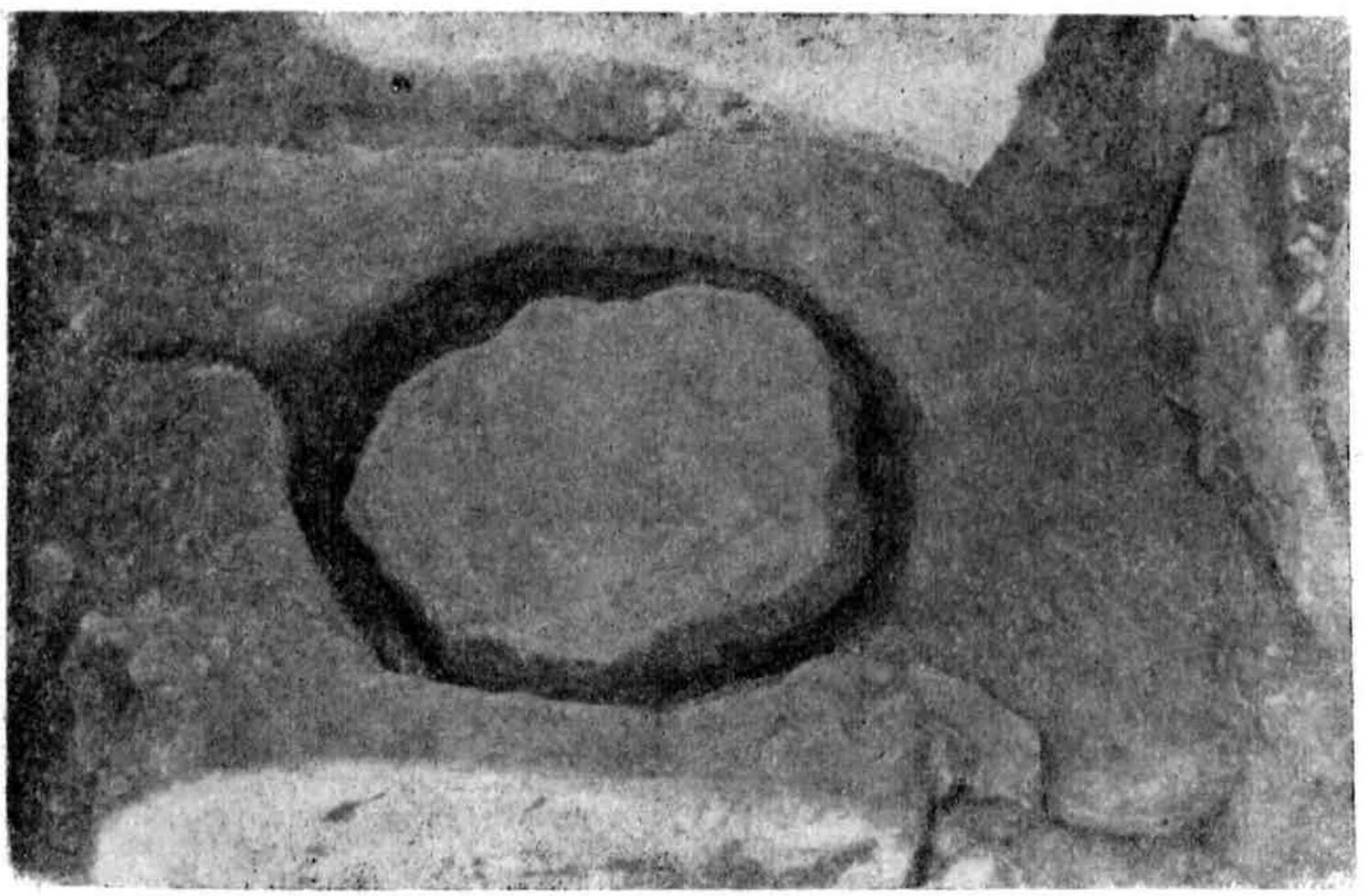


Рис. 29. Крышка в отверстии колодца *B*.

невозможно из-за плохой сохранности) и обломки одноручного приземистого шаровидного сосуда — кувшина — с широким

Рис. 30. Кувшин, найденный в колодце *B*.

основанием и плоским дном, высотой 0.20 м, диаметром 0.17 м (рис. 30), из желтовато-коричневой глины с мелкими вкраплениями черного цвета. Тонкие его стенки вследствие долгого пребывания в сырости стали хрупкими, но все же его удалось склеить почти полностью, за исключением части венчика. Плоская широкая ручка кувшина украшена несколькими мелкими узкими желобками; на плечиках орнамент, исполненный узким гребешком, в виде тонких линий, образующий два ряда мягких волн; на коротком широком горле имеется несколько горизонтальных желобков.

Позднее, после того как здание римского периода было разрушено, колодец оказался ниже основания возникшего на этом месте раннесредневекового помещения: над колодцем прошла стена, причем дверной проем был устроен как раз над колодцем, на перекрытии же его накопился слой плотной утоптанной земли, толщиной 0.10 м. Следовательно, в раннесредневековый период, начиная с VI в., колодцем уже не пользовались. В дальнейшем, повидимому в IX—X вв., дверной проем был аккуратно и прочно заложен, вследствие чего смежные помещения *7* и *8* оказались разделенными сплошной стеной.

При раскопках находившаяся на дне колодца грязная земля была удалена до самой воды, которая показалась на глубине 6 м. Сквозь оставшийся небольшой слой земли киркой прощупывалось скалистое дно колодца.

Известняковая капитель, закрывавшая колодец, имеет высоту 0.18 м, наибольшую ширину 0.44 м. Форма ее восьмигранная, не вполне правильная (рис. 31): грани на широкой ее стороне имеют размеры 0.34—0.35—0.36 м; на верхней плоскости капители, вследствие того что края слегка стесаны, образовался почти квадратный выступ 0.31×0.34 м. Книзу капитель суживается, ее грани становятся соответственно у́же и располагаются наклонно, по середине их протянут рельефный поясок, ниже которого линии граней ломаются и нижняя плоскость становится еще у́же.

В насыпи, заполнявшей здание винодельни, найдено огромное количество разнообразных предметов. Особенно много вещей содержала насыпь колодца, цистерны и подвала. Важно подчеркнуть, что она в этих местах не была ни перекопана, ни потревожена в последующее время, благодаря чему материал, здесь найденный, хронологически однороден: случайные пред-

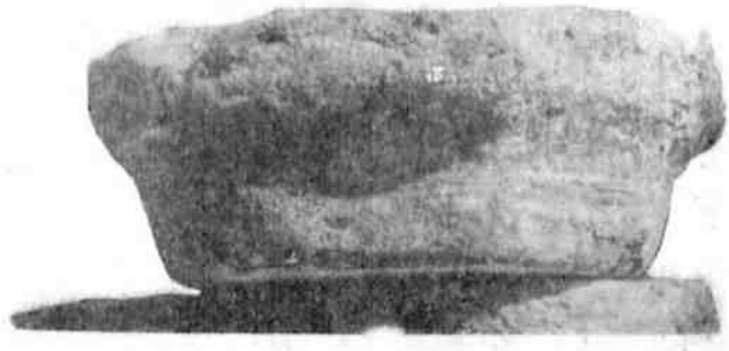


Рис. 31. Капитель, служившая крышкой для колодца *B*.

меты иного времени почти полностью отсутствуют. Здесь представлены многие формы керамики, различные по технике и назначению, большое количество стеклянной посуды, терракоты и светильники, орудия труда, масса монет.

В целом, инвентарь дома дает возможность познакомиться с хозяйством и бытом его владельцев, позволяет изучить и дати-

ровать разнообразные предметы путем сопоставления менее известных вещей с более известными, чему особенно помогают многочисленные монеты.

Рис. 32. Горла амфор из колодца *Г*.

Для удобства рассмотрения вещей мы распределяем их по группам, исходя из их материала, внутри же группы — по форме и по назначению предметов. Наиболее многочисленную группу предметов составляет керамика. Ее в свою очередь надо подразделить на несколько видов, отличающихся по форме, технике и назначению.

Самыми крупными сосудами являются пифосы. В целом виде они не сохранились, уцелели лишь нижние части. Пифосы отличаются большими размерами и массивностью — они толстостенные, тяжелые, форма их яйцевидная, вытянутая. Стояли они, как сказано, в помещениях возле винодельни, в специально вырубленных круглых углублениях, расположенных правильными рядами. Это был винный склад — в пифосах хранилось вино.

Амфоры различны по форме. Наиболее ранние из них, найденные в колодце, изготовлены из желтоватой глины, имеют очень высокое узкое цилиндрическое горло, соответственно длинные ручки и небольшой конической формы корпус (рис. 32). Эти амфоры датируются I—II вв. н. э. Другой вид представлен амфорами с узким коническим невысоким горлом и с коническим же корпусом. Они встречаются вместе с амфорами первого вида и одновременны им. На горле или на плечиках амфор этого вида обычно бывают надписи, исполненные красной краской, в виде букв или знаков. Далее, имеются массивные красноглиняные амфоры с широким цилиндрическим горлом и желобчатыми ручками; амфоры с широким, но коническим горлом, с короткими дуговидными ручками, с желобками на горле и тулове; амфоры с воронкообразным коротким горлом, из зеленоватой глины. Эти виды амфор датируются III—IV вв. н. э. Вместе с ними в насыпи подвала найдены в большом количестве монеты III—IV вв.

Рис. 33. Ленная миска из цистерны *Д*.

Третья группа керамики — кувшины. Для них обычны невысокое горло с отогнутым или рельефным венчиком, плавно переходящее в покатые плечики тулово, значительно расширяющееся ниже своей середины и слегка суживающееся внизу, плоское дно с кольцевой подставкой, одна ручка, реже

две, глина красная. Поверхность кувшинов покрыта красным или красно-коричневым лаком (рис. 34).

Своеобразной формой отличается кувшин, найденный в первом колодце, высотой

Рис. 34. Кувшин из цистерны *Д*.

0.20 м, диаметром 0.17 м. У него плоское дно, широкое приземистое тулово, низкое узкое горло и плоская широкая ручка. На горле имеется несколько желобков, на плечики нанесен орнамент в виде мягких волн, состоящих из тонких линий, образующих два ряда, на ручке — мелкие желобки.

Четвертую группу образует кухонная посуда, распадающаяся на несколько видов. Большой процент ее составляют лепные сосуды, исполненные из темносерой или коричнево-серой грубой глины. По форме преобладают низкие широкие миски (рис. 33). Другой вид — горшки, сделанные на гончарном круге, сферической формы, с плоским дном, с плоской или круглой в сечении ручкой (рис. 35). Следующий распространенный вид — низкие широкие сковородки различного диаметра, со слегка отогнутым краем, иногда с витой ручкой-втулкой, в которую вставлялась деревянная ручка.

Пятая группа — это краснолаковая посуда. В отличие от предыдущих групп керамики (пифосы, амфоры), служивших тарой для хранения продуктов или употреблявшихся на кухне для приготовления пищи (горшки, сковородки и др.), краснолаковая посуда являлась столовой — она употреблялась для еды и питья. По форме краснолаковая посуда весьма разнообразна. Наиболее крупными сосудами являются блюда. Они широкие, но невысокие, на кольцевой подставке, с полого наклонными стенками и горизонтально отогнутым венчиком (рис. 36, внизу). Миски отличаются меньшими размерами и имеют вертикальный венчик или слегка загнутый внутрь край (рис. 36, вверху), относительно бóльшую, по сравнению с блюдами, высоту и кольцевую подставку; попадались миски и с плоским дном, без подставки (рис. 37). Краснолаковые тарелки встречены в нескольких видах: с вертикальными стенками на кольцевой подставке, с округло отогнутыми стенками с плоским дном, без подставки, или подобной же

Рис. 35. Горшок кухонный из цистерны *Д*.

формы, но с низкой кольцевой подставкой (рис. 37).

Краснолаковые чашки конической формы количественно преобладают над другими формами и являлись, повидимому, наиболее распространенным видом столовой посуды. На дне этих чашек всегда имеется неболь-

шая кольцевая подставка, венчик вертикальный. Снаружи стенки бывают украшены на венчике вдавленными поясками или рельефными поясками с поперечными

по верхнему краю венчика, вдавленные же пояски находятся между ними на вертикальной плоскости венчика (рис. 38, *а*, *б*).

На внутренней поверхности как чашек,

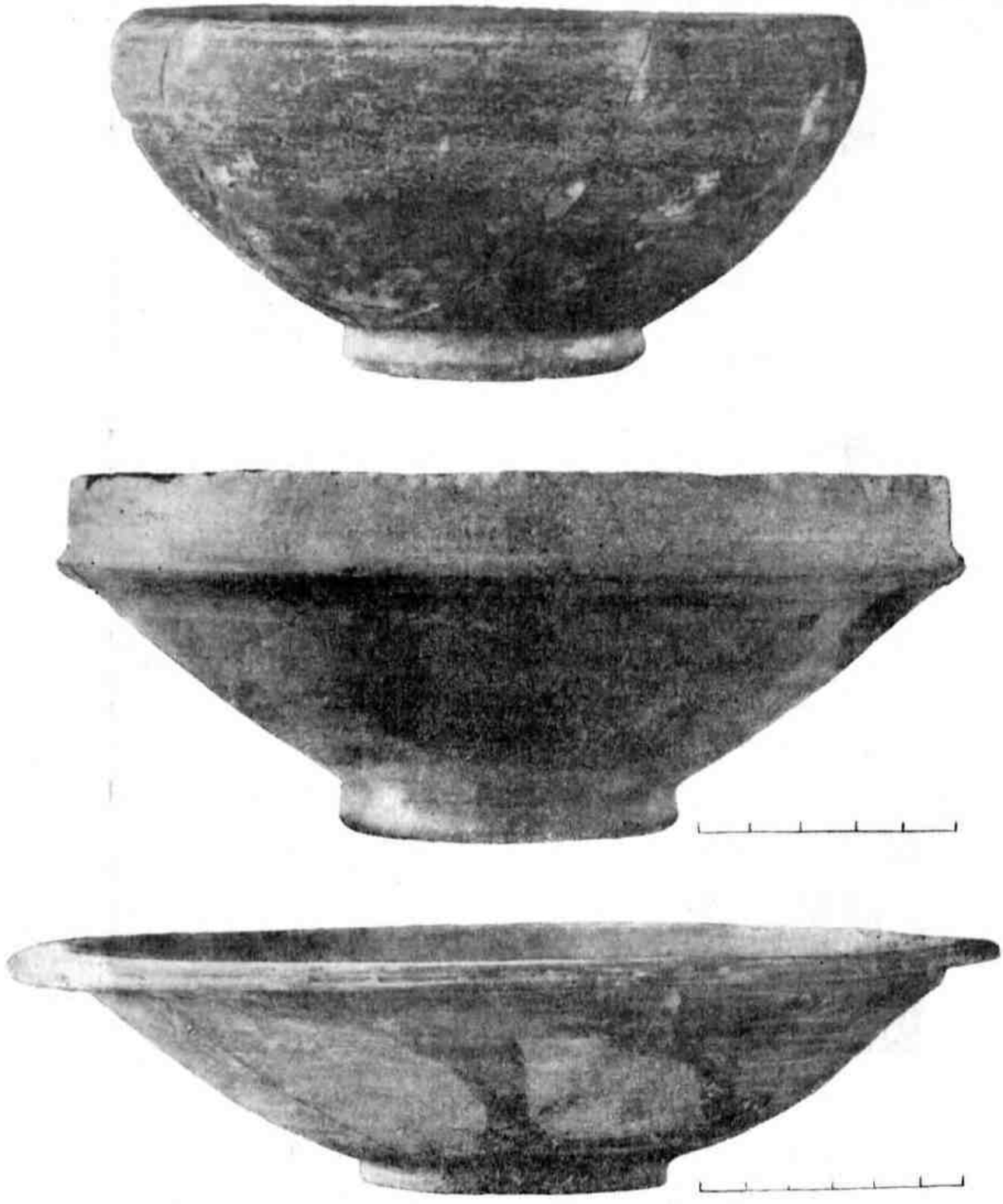


Рис. 36. Красно лаковые блюдо и две миски из цистерны *Д*.

насечками (рис. 38, *а*, *б*). На некоторых чашках встречаются одновременно и тот и другой пояски: один рельефный помещен на грани между нижней конической частью чашки и ее вертикальным бортиком, другой идет так и тарелок помещается орнамент в виде вдавленных концентрических колец.

На многих чашках и тарелках вдавлено клеймо в виде звездочки, кружка с рельефными точками, ступни, имени владельца

мастерской, причем как звездочка, так и ступня неодинаковы по величине и форме. Отметим, что чашки, найденные в цистерне, отличаются более вытянутыми формами и худшим качеством лака. Верхняя часть одной из чашек аккуратно была оббита в древности (рис. 38, *г*).

цеобразную ручку, покатые плечики и рельефное изображение на щитке: вазы с высокой крышкой, крылатого обнаженного Эрота, детской фигурки в плаще с гусем и др. (рис. 41). Эти светильники принадлежат II—III в. н. э. Тем же временем датируются аналогичные по форме

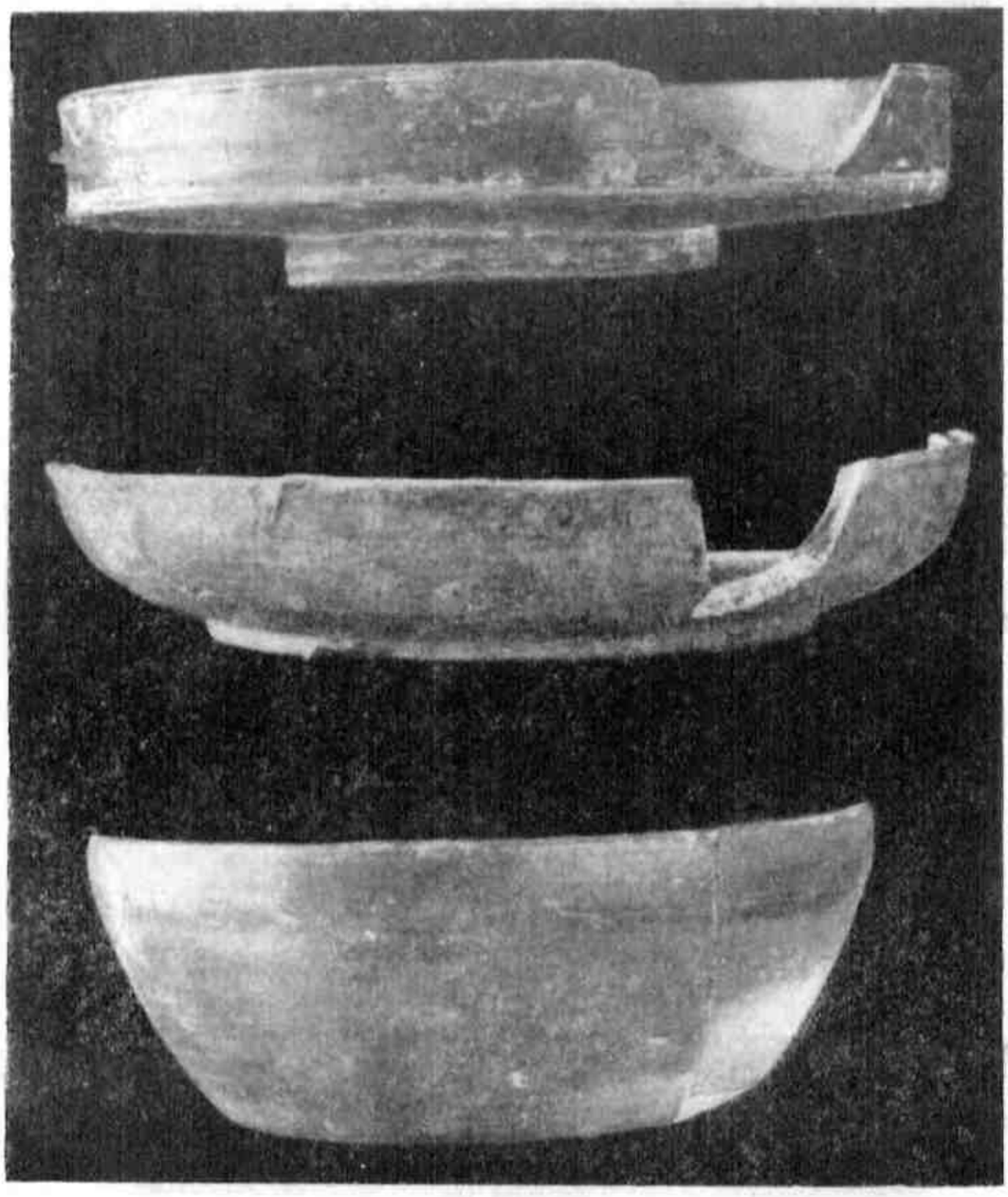


Рис. 37. Краснолаковые тарелки и миска из колодца *Г*.

Большую группу керамики составляют светильники, найденные в колодце, в цистерне и в подвале. Некоторые из них относятся к I в. н. э.; у них длинный носик с волютами, как, например, у светильника с изображением бегущей влево собачки и части другого светильника с волютами (рис. 40). Бо́льшая же часть светильников имеет короткий сердцевидный носик, кольсветильники, но с гладким щитком. Одновременны им и найденные также в большом количестве светильники, украшенные на плечиках расположенными наискось рубчиками и бороздками. На одном из них на щитке возле ручки имеется рельефная надпись, оттиснутая в форме вместе со щитком и читаемая справа налево ΥΦΧ (рис. 41). На другом светильнике на щитке изображена

сцена боя двух воинов или гладиаторов (рис. 40, в середине верхнего ряда), а на дне помещена оттиснутая надпись ЄΥΤΥΧΗС.

В нижнем слое подвала найдены светильники, в количестве свыше 12 (некоторые в обломках), отличающиеся примитивным видом: они небольших размеров, грубой работы, слабого обжига, без изображения и орнамента, с выступом вместо ручки и без лака (рис. 42, *б*, *в*). Эта группа светильников датируется III—IV в. н. э. В отверстии жертвенника, как упомянуто ранее, вместе с краснолаковыми светильниками оказался открытый светильник-плошка треугольной формы, вылепленный от руки и сильно закопченный.

Особый вид светильников составляют найденные в цистерне три плошки (рис. 38, *д*), имеющие в центре цилиндрический резервуар, сообщающийся через боковое отверстие внизу с широкой чашей; дуговидная ручка прикреплена к венчику резервуара и к краю чаши (от ручек сохрани-

Рис. 38.

Находки из колодца *Г*: *а*, *б* — краснолаковые чашки; *эс* — ручка от амфоры с клеймом. Находки из цистерны *Д*: *а* — край глазурованной чашки; *в*, *г* — краснолаковые чашки; *д* — светильник-плошка.

лись лишь остатки на стенках). Редкой находкой является обломок глиняной чашки конической формы с вертикальным венчиком, украшенным вдавленными поисками по рельефным валикам, с овами между ними (38, *в*). Эта чашка покрыта внутри и снаружи не лаком, а блестящей глазурью зеленоватого цвета. Обломок найден в цистерне и на основании других предметов, обнаруженных там же, может быть датирован II—III в. н. э. Он может служить указа-

нием на то, что эта новая техника облицовки керамики появилась в Херсонесе очень рано.

В подвале и в цистерне найдено несколько обломков глиняной посуды также редко встречающейся техники terra nigra. Обломки принадлежали блюдам; одно из них — больших размеров, край его профилирован вдавленными кольцами, валиком, витым пояском и врезанными схематического вида овами (рис. 42, *а*). Другой обломок блюда с загнутым вверх краем украшен орнаментом из насечек на внутренней поверхности дна. Внутренняя сторона того и другого блюда имеет гладкую блестящую поверхность, внешняя же — матовая, но покрыта краской черного цвета.

Снаружи на многих донышках краснолаковых тарелок и чашек вырезаны граффити — надписи, содержащие большей частью имя владельца сосуда. Имена Даиск, Зет начертаны полностью, но чаще встречаются лишь начальные буквы имени: API., ΓXPH...., AΓЄΠO. Некоторые имена повторяются несколько раз, например: ZHT, XPH, API.

Из херсонесской эпиграфики известны имена Зета, Аристона, Агеполиса, относящиеся к I—II вв. н. э., они упоминаются в ряде надписей — декретах II в. н. э.[1]

Рис. 39.

Находки из колодца Г: *а*, *б* — терракотовые торс и маска. **Находки во дворе винодельни I:** *в*, *е* — фрагменты краснолаковой посуды; *г*, *д* — маска и статуэтка.

[1] В. Латышев. IPE, I², 347, 359, 363, 423 и др.

Так как имена на посуде и на эпиграфических памятниках совпадают по времени, то поэтому вполне возможно их отождествление: владельцы большого дома и значительного по масштабам винодельческого предприятия могли занимать в городе важные государственные должности.

на боках внизу, статуэтка имела подвесные подвижные ноги и являлась куклой (игрушкой, рис. 39, *а*); 3) обломок плоской сидящей фигуры (протома-рельеф), от которой сохранилась правая согнутая в колене нога с положенной на нее рукой; 4) две одинаковые бородатые маски, оттиснутые в одной

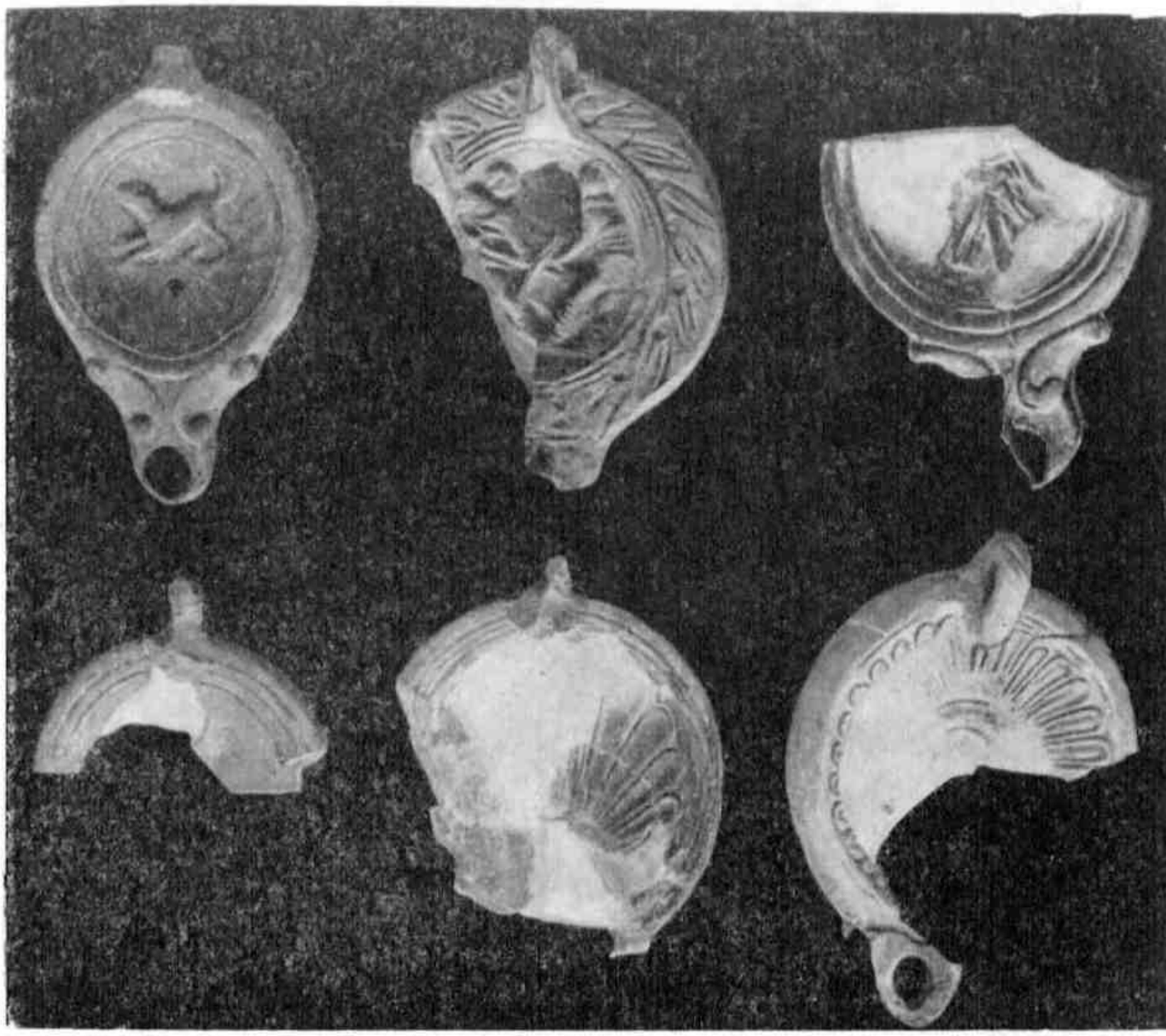


Рис. 40. Краснолаковые светильники, найденные в колодце *Г*.

В насыпи колодца и цистерны найдено несколько терракот: 1) большая массивная маска со строгими чертами лица, исполненная из местной грубой глины красного цвета (рис. 39, *б*); 2) торс статуэтки, одетой в подпоясанный хитон с короткими рукавами, с глубоким вырезом на груди, с опирающейся на бедро левой рукой (правая рука и голова не сохранились); судя по законченности низа торса и по отверстиям

и той же форме: длинная клиновидная борода разделена глубоким продольным пробором, черты лица не отчетливы; 5) обломок нижней части жертвенника и др.

В колодце и цистерне, помимо керамики, оказалось очень много обломков стеклянной посуды. Формы ее разнообразны: чашки конической формы, тарелки с вертикальным краем (те и другие аналогичны по форме краснолаковой посуде), сосуды с прямо-

угольным дном — призматической формы, цилиндрические чашки, бальзамарии с узким высоким горлом, шаровидные флаконы с коротким горлом, бокалы с плоской или кольцевой подставкой и др. Одни сосуды орнаментированы тонкими рельефными или врезанными горизонтальными поясками, другие украшены массивными вертикальными ребрами.

Подавляющее количество посуды изготовлено из прозрачного слегка зеленоватого стекла, лишь несколько обломков имеют темносиний цвет, а один из них инкрустирован полосками желтого цвета.

Во дворе дома найдены два миниатюрных флакона с коническим туловом, цилиндрическим горлом с горизонтально отогнутым венчиком и вертикальной ручкой (рис. 43, *а*). Тулово одного из них украшено спиральной узкой линией светлозеленого цвета, инкрустированной в темносинюю массу флакона. Другой флакон орнаменти-

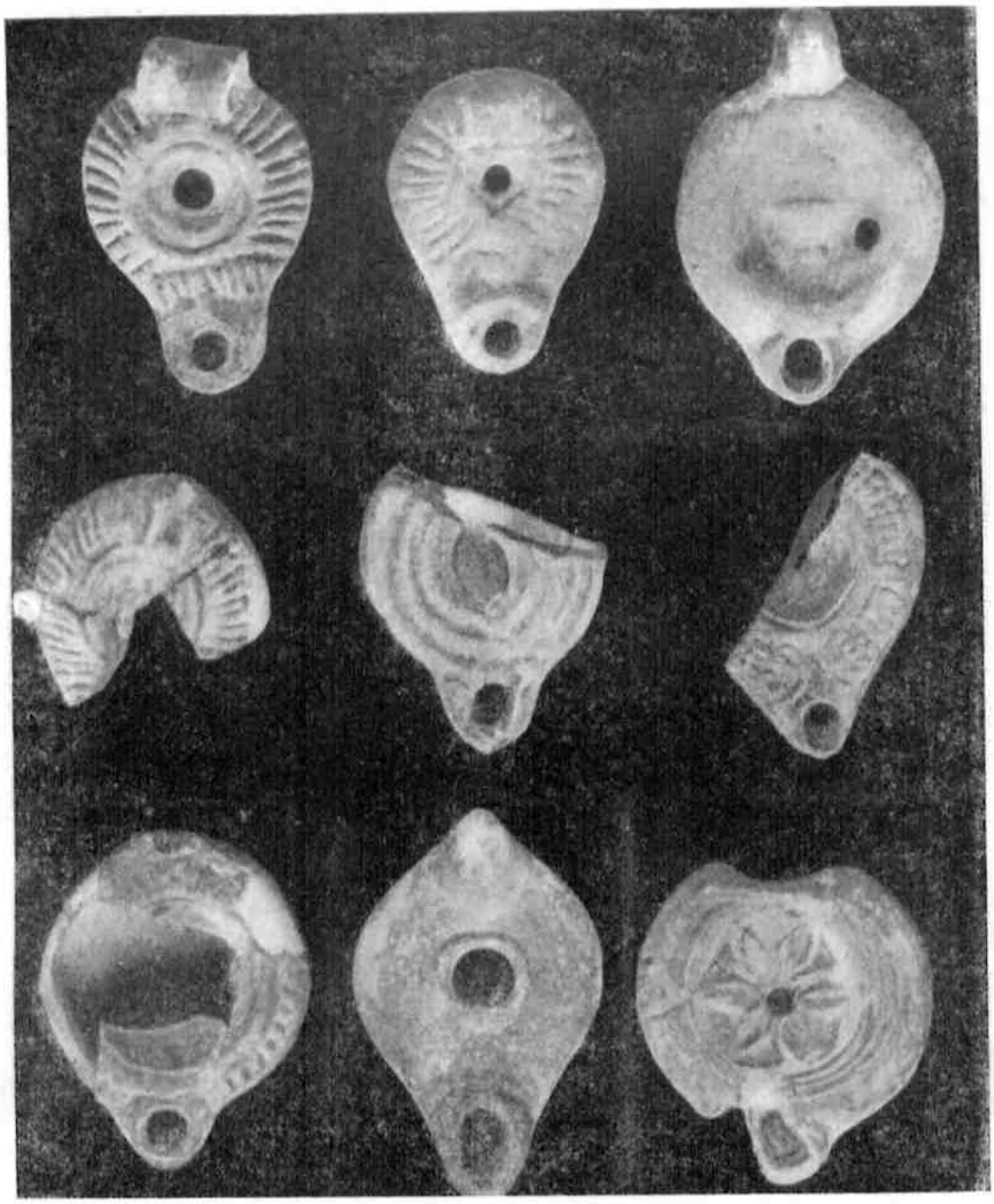


Рис. 41. Светильники из цистерны.

рован иначе: нижняя часть тулова украшена горизонтальными поясками, верхняя — частыми высокими зигзагами, горло — тремя поясками; орнамент на этом флаконе светлоголубого цвета, основная же масса сосудика темносинего цвета. Вместилище наковой искусственной массы (повидимому, смальты) коричневого цвета, блестящей в изломе. Поверхность граней тщательно отшлифована, но концы их обломаны, поэтому трудно выяснить их назначение. В разных местах дома (в цистерне, в подвале и во дворе) найдено несколько стеклянных вставок круглой формы, плоских с одной и выпуклых с другой стороны, применявшихся для подвесок или перстней.

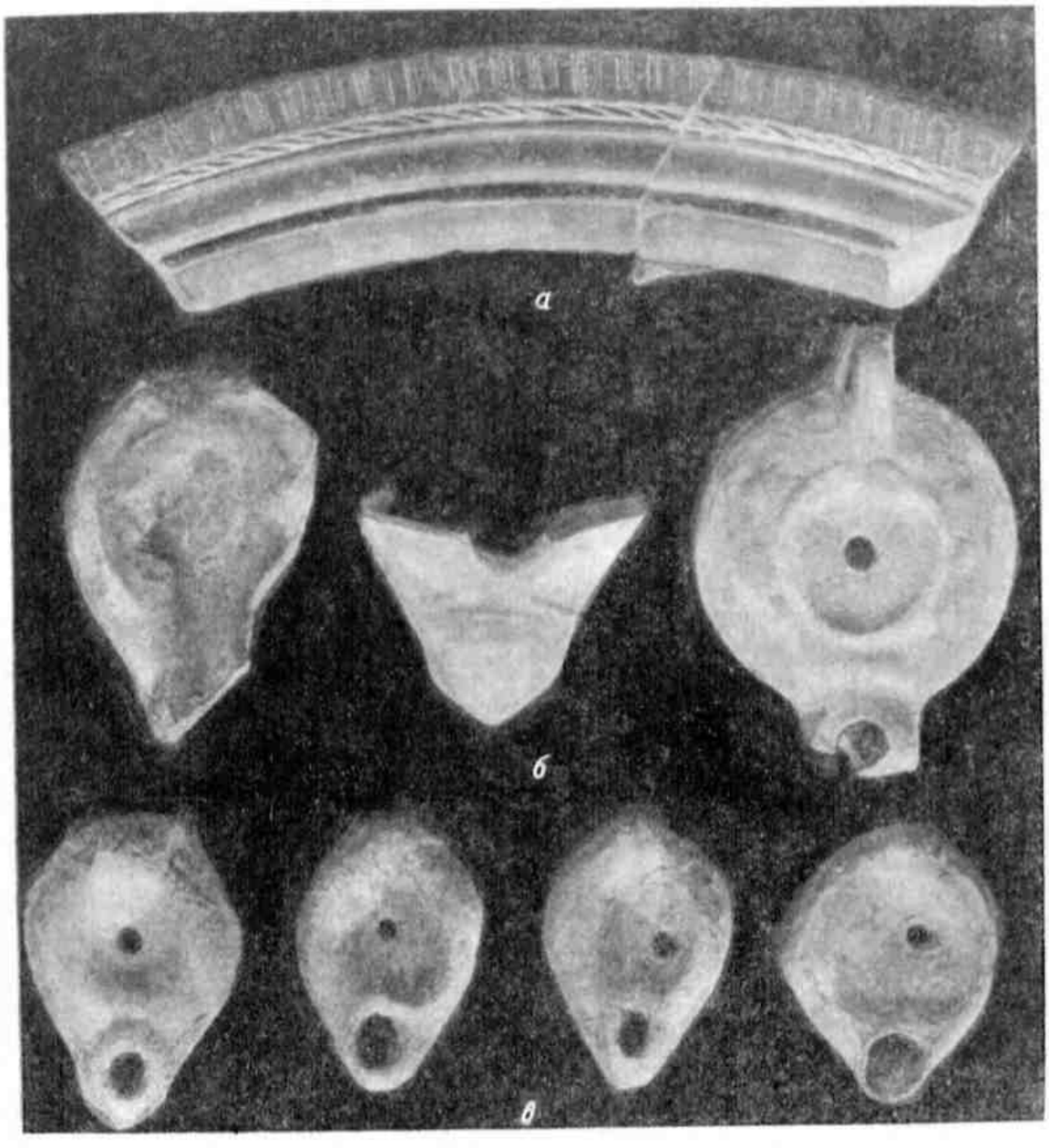


Рис. 42. Находки из подвала *E*.
а — край блюда; *б*, *в* — светильники.

у обоих флаконов очень узкое и маленькое, стенки же массивные. Флаконы употреблялись, вероятно, для хранения драгоценных благовоний.

В цистерне найдены две костяные булавки с головками, на одной из них надета пастовая бусина (рис. 43, *в*). Там же найдены две палочки (рис. 44, *б*, *в*): одна шестигранная, другая четырехгранная, обе из оди-

Из орудий труда и предметов быта найдены бронзовая спица с вилками на обоих концах, длиной 0.24 м, хорошей сохранности, употреблявшаяся для вязания рыболовных сетей (рис. 44, *е*); глиняные грузила

пирамидальной формы (на одном вырезано граффито ЕУNН); верхняя половина известнякового жернова диаметром 0.51 м; часть другого верхнего жернова из красного гранита с глубокой конической выемкой и отверстием в середине, высотой 0.15 м, диаметром 0.34 м; оселки из серого камня, один с отверстием на конце; каменный якорь в виде гири, высотой 0.145 м, толщиной 0.14 м, с отверстием для каната; каменная четырехугольная ступа; пращевой камень скифского образца, кубической

Рис. 43.

а — стеклянные флаконы; *б* — обломок надписи, найденный во дворе, *в* — костяные предметы из цистерны и подвала.

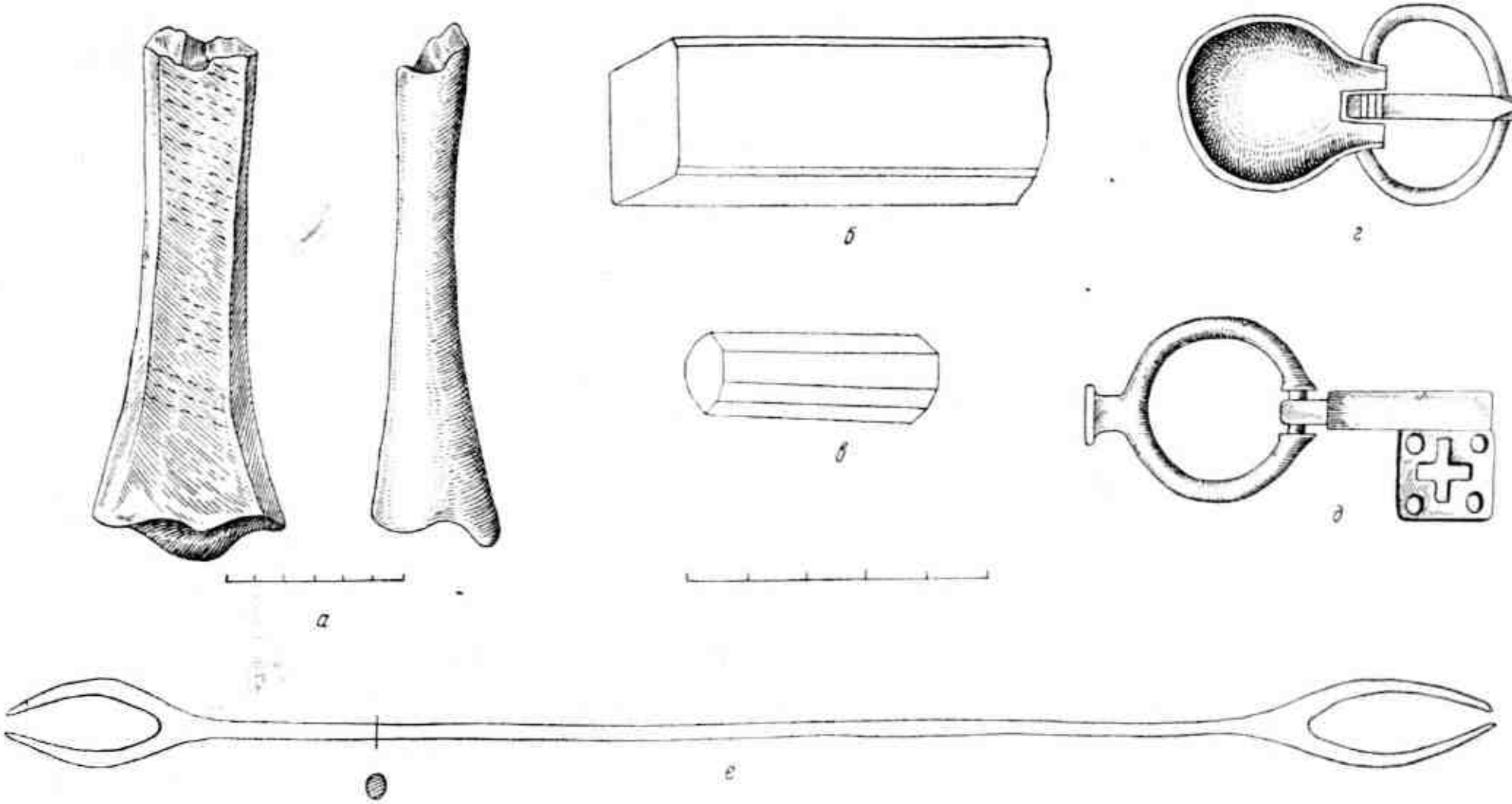


Рис. 44.

а — кость с насечками, служившая для обработки мрамора и камня; б, в — палочки из смальты; г, д — бронзовые пряжка и ключ из виноделыни; е — бронзовая спица из цистерны.

формы, но с закругленными углами; несколько выпуклых мраморных кругов, служивших для растирания красок (?); мраморный пестик, длиной 0.11 м, и часть мраморной ступки; глиняные пряслица биконической формы; два бронзовых ключа хорошей сохранности, один из них с кольцом для ношения на пальце, бронзовые пряжки (рис. 44, *г*, *д*); бронзовая цепь с тремя концами для подвешивания люстры; кость ноги коровы с насечками на обработанных сторонах, заполненными песчинками (рис. 44, *а*); такие кости служили для шлифовки мраморных изделий (скульптуры, архитектурных деталей и пр.).

а

б

Рис. 45. Обломки мраморной статуи
а — часть шеи; *б* — часть ноги.

На трех обломках мраморных плиток сохранилось по нескольку букв греческих надписей (рис. 43, *б*), но остатки их столь ничтожны, что не позволяют их истолковать.

Из архитектурных деталей найдены известняковые обломки ионийской капители с волютой и обломок дорийской колонны с широкими каннелюрами и острыми гранями, использованный в средние века в качестве ступы, для чего в нем выдолблена глубокая выемка.

Из обломков скульптуры следует отметить часть шеи с круглой нижней частью, вставлявшейся в углубление между плечами статуи (рис. 45, *а*). Сохранившаяся высота шеи 0.18 м, ее диаметр 0.14 м, диаметр основания 0.25 м. Мрамор крупнозернистый, белый, полированный, цвет его желтоватый. Судя по крупным размерам шеи, она принадлежала большой статуе. Если не к той же самой, то к другой подобной же скульптуре относится обломок ноги из белого мрамора, диаметром 0.12 м, высотой 0.08 м (рис. 45, *б*).

Весьма показателен для определения времени существования римского здания нумизматический материал.[1] Найденные в нем многочисленные монеты не позднее IV в. н. э. По отдельным помещениям они распределяются следующим образом. В колодце — одна монета, относящаяся к концу II—середине I в. до н. э. (№ 14). Поскольку другого материала эллинистической эпохи в колодце не оказалось, эту монету следует считать попавшей в колодец случайно, хотя возможно, что колодец существовал еще в эллинистический период и монета попала в него в то время. Найденные в цистерне три монеты принадлежат времени херсонесской элевтерии, т. е. середине II—середине III в. н. э. (№№ 20, 24, 25), и вполне соответствуют остальному содержавшемуся в ней материалу. В подвале, в нижнем слое насыпи, найдено множество бронзовых монет, из которых 83 монеты удалось определить, остальные из-за плохой сохранности оказались неопределимыми. Из числа определенных две монеты — херсонесской чеканки, принадлежат IV в. до н. э. (№№ 2 и 3), одна монета — II в. до н. э. (№ 8) и одна ольвийская — I в. до н. э. (№ 34). Эти четыре монеты, как

[1] Описание монет см. на стр. 271 сл. В тексте даются ссылки на номера, приводимые в описании монет.

и несколько чернолаковых черепков, повидимому, не связаны с существованием подвала, куда они попали, вероятно, при засыпке его землей, взятой из нижнего, эллинистического слоя. Далее монеты идут в таком порядке: 1 — начала II в. н. э. (№ 19), 3 — херсонесские, периода элевтерии, т. е. середины II—середины III в. н. э. (№№ 21—23), 2 — боспорские, из них одна III в. (№ 39), другая Фофорса (279—309 гг.) (№ 36); все остальные монеты — римских императоров (№№ 44, 47, 49, 52—54, 56—59, 61—81, 84—99, 101—123, 125, 138, 139, 142—147, 160): 1 — Лициния (308—324 гг.), 1 — Максимиана (286—305 гг.), 3 — Константина I (306—337 гг.), 3 — Константина II (337—340 гг.), 8 — Константа (337—350 гг.), 13 — Констанция II (337—361 гг.), 17 — сыновей Константина I (вследствие плохой сохранности более точному определению они не поддаются), 13 — императоров IV в., 3 — Валента (364—378 гг.) и 1 — Валентиниана II (375—392 гг.).

Подавляющее число монет, найденных в подвале, относится к IV в. н. э. При этом бо́льшая часть их принадлежит середине IV в. (около 50 монет). Эта группа монет, повидимому, и определяет время существования подвала, а вместе с ним и всего здания. Можно полагать, что первый период существования подвала закончился во второй половине или, может быть, в третьей четверти IV в. На эту дату указывает то обстоятельство, что на последнюю четверть IV в. приходятся лишь единичные монеты. Важно отметить, что в засыпи лестницы найдены три монеты (№№ 161—163), из них две монеты Феодосия I (379—395 гг.), следовательно в конце IV в. н. э. лестницей уже не пользовались, проем ее был засыпан землей.

В конце IV или начале V в. наступил следующий период существования подвала — период средневековый, результаты исследования которого изложены ниже.

В связи с основными раскопками квартала XVIII в 1947 г. было произведено расследование другой винодельни (II), расположенной на участке раскопок 1931 г.; кроме того, велись раскопки у западных оборонительных стен. Ниже публикуются результаты этих работ.

В и н о д е л ь н я II. Под позднесредневековой подвальной кладовой (помещение *17*) в квартале, раскапывавшемся в 1931 г., были открыты две маленьких цистерны *Е* и *Ж*.[1] Уже тогда было высказано предположение, что это не рыбозасолочные ванны, а резервуары винодельни. Открытие винодельни в квартале XVIII еще более подкрепило это предположение, в связи с чем решено было произвести там дополнительное исследование. За время, прошедшее после 1931 г., стены помещения *17* оказались сильно разрушенными, внутренние же стены кладовой, сложенные из очень мелких камней на грязи, совершенно развалились. Поэтому вполне целесообразно было убрать их и открыть находившиеся под ними античные остатки.

Под разобранными ю.-з. и с.-з. стенами средневекового помещения *17* оказалась давильная площадка винодельни, находящаяся в западном углу здания римского времени. Стены его, сложенные из крупных камней на растворе из извести и песка, частично сохранились, именно: ю.-з. стена, разрушенная посредине, ю.-в. стена, разрушенная в южном углу; от с.-в. стены уцелел лишь небольшой ее обрывок в восточном углу, от с.-з. стены сохранился ее западный конец на высоту 2 м (рис. 46), остальные же части этих стен были уже давно разрушены морем (рис. 47).

Размеры здания около 7×5.25 м. План и величина его определяются благодаря сохранившимся трем углам и двум стенам между ними. Расположено здание возле XIII поперечной улицы, на которую выходил его с.-в. фасад. Стены возведены не на скале, а на очень твердой насыпи эллинистической эпохи, состоящей из глины и щебенки. На этой же насыпи основана и давильная площадка: насыпь была достаточно прочной для устройства на ней виноградного пресса.

Давильная площадка по своему устройству аналогична площадке в винодельне I. На упомянутой насыпи сделана вымостка из мелких камней, на которую положен раствор, состоящий из извести, песка и крупно битого черепка; куски последнего вкраплены в очень малом количестве, поэтому раствор сохраняет свой белый цвет. Поверх этого раствора последовательно наложены тонкие слои цемента. Тонких слоев насчитывается около 5—7, общая толщина цементного пола около 0.12 м, вместе же с вымосткой из камней около 0.15—0.18 м.

[1] См. МИА, № 4, 1941, стр. 206, рис. 4.

Края цементной площадки возле стен ограничены обломками черепиц для получения ровной прямой линии: между краем площадки и стенами имеются выемки — пазы, в которых находились основания несохранившихся стенок бортов, вероятно, деревянных. Вся давильная площадка, соответственно трем резервуарам, была разделена на три части. На это указывает узкий паз (ширина 5—6 см, глубина 5 см), проходящий через площадку между вторым и третьим резервуарами (см. рис. 46 и 47).

Давильная площадка, размерами, в сохранившейся своей части, около 3×3 м, имеет большой, заметный на глаз наклон к резервуарам (см. разрез на рис. 47). В западном углу она сохранилась хорошо, в остальной части поверхность ее сильно изношена — верхние слои во многих местах выкрошились и разрушились; бóльшая же часть ее не сохранилась. В нескольких местах имеются парные углубления правильной круглой формы, глубиной до 8—12 см, сделанные, повидимому, намеренно — может быть, для установки пресса. Возле третьего резервуара площадка также не сохранилась, поэтому мы не знаем, какой вид имели сливы-жолоба, по которым стекал виноградный сок в резервуары.

Как сказано, первый и второй резервуары были открыты еще в 1931 г., а в 1947 г. вновь были очищены от заполнявшей их насыпи. Верхняя часть их не сохранилась, будучи разрушена при устройстве позднесредневековой кладовой (см. рис. 47 и 48). Размеры первого резервуара — 0.87×1.20 м, размеры второго — 0.70×1.13 м, сохранившаяся глубина — 0.30—0.50 м. Первые два резервуара сооружены одновременно и в связи друг с другом. Стенки их сложены из мелких камней на глине, внутри оштукатурены раствором из извести, песка и крупно битых кусков керамики. На этом первом, подготовительном слое нарублены бороздки в виде сетки для лучшей связи

Рис. 46. Виноделыня II, общий вид с ю.-в. стороны.

последующих слоев штукатурки со стенками. Остальные слои ее, числом 5—6, толщиной 4—5 см, состоят из цемента. Дно резервуаров также залито раствором цемента и имеет наклон к ЮВ. В восточном углу второго резервуара вставлено глиняное блюдо для отстоя в нем осадков из виноградного сока. Резервуары, как и площадка, подвергались неоднократному ремонту, о чем свидетельствуют наслоения штукатурки — результат подновлений — и вымостка из черепиц на дне резервуаров. В последний период их существования на свежий слой раствора на дне резервуаров были положены черепицы размерами 0.45×0.50 м. В первом резервуаре все черепицы сохранились на месте, во втором—лишь частично, но от исчезнувших черепиц остались следы, по которым видно, что все черепицы имели одинаковые размеры.

Третий резервуар находится несколько далее от среднего, чем первые два друг от друга (см. рис. 46, 47 и 48); его внутренние размеры: длина ю.-з. стенки 1.05 м, с.-з. 1 м, с.-в. и ю.-в. 0.97 м, глубина 1 м. Устройство этого резервуара отличается от остальных. Стенки его толщиной 0.15—0.20 м, подобно стенкам резервуаров первой винодельни, сложены из обломков черепиц на растворе из извести и песка (без примеси черепка). С внутренней стороны стенки оштукатурены одним слоем раствора того же состава, последующие же слои, числом до 6—10, состоят из цемента; общая толщина их около 5 см; в углах штукатурка значительно толще, вследствие чего углы изнутри скруглены. Дно третьего резервуара, как и первых двух, цементное. Позднее на дно были также положены черепицы, вдавленные в свежий раствор, в северном же углу вставлено дно пифоса (рис. 49), неровно оббитое, диаметром 0.38 м.

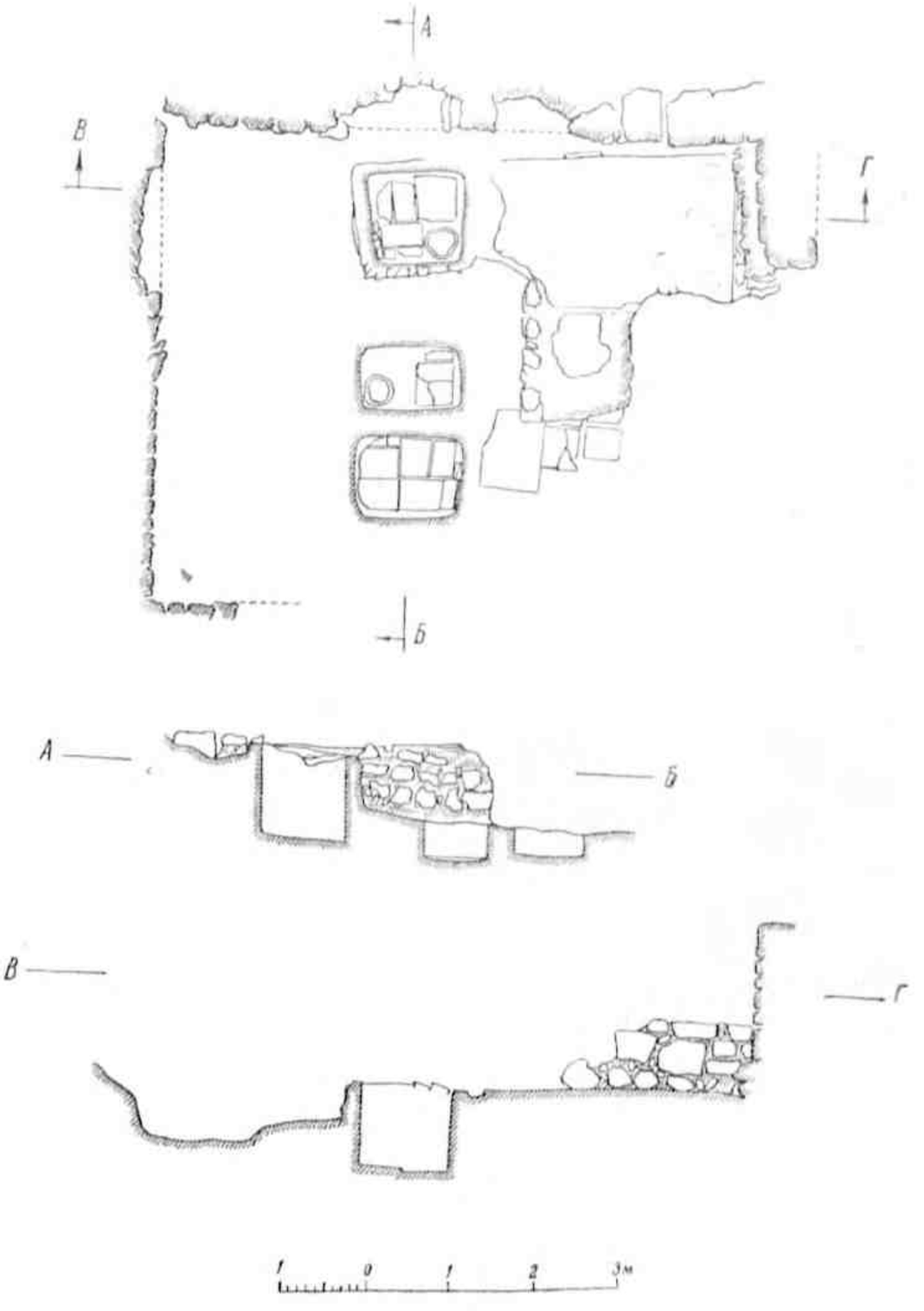


Рис. 47. План и разрез винодельни II (обмер и чертеж А. Л. Якобсона).

Все три резервуара были устроены в эллинистической насыпи, состоящей из глины и щебенки. Стенки их плотно прилегали к ней и не были снаружи ни оштукатурены, ни даже выровнены, что хорошо видно на третьем резервуаре, наружные стенки которого освобождены от насыпи (рис. 48).

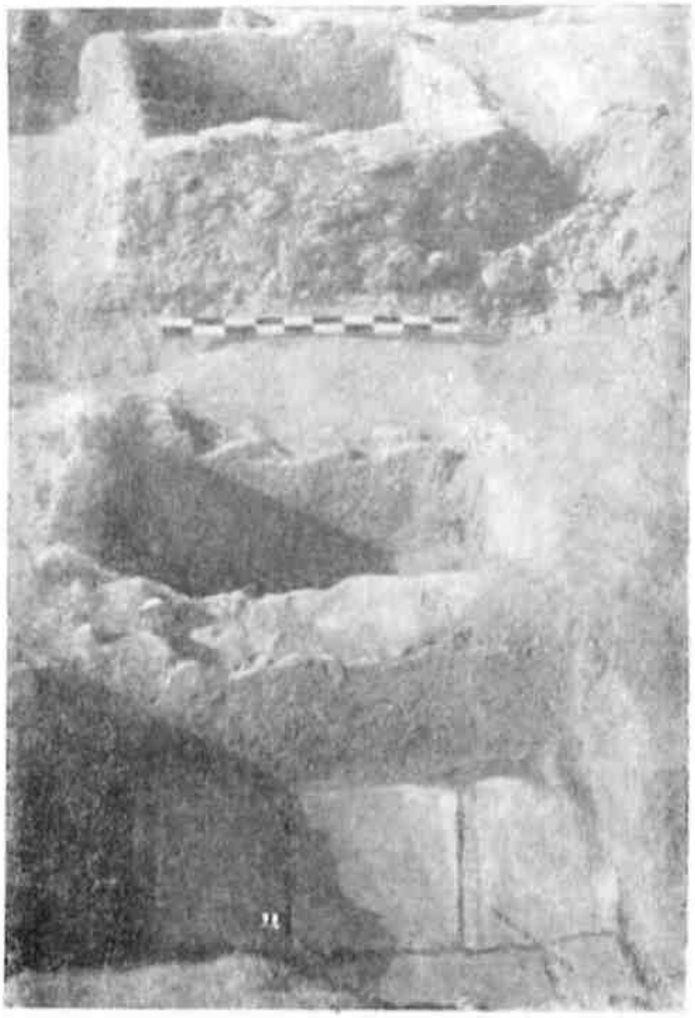


Рис. 48. Резервуары виноделыни II.

Хотя третий резервуар был сооружен, относительно первых двух позднее — в последующий строительный период (он выполнен в иной технике и без связи с ними), но существовали все резервуары одновременно. На это указывают нахождение их в одном здании, наличие общей для всех трех давильной площадки, одинаковый способ их внутренней отделки — как первичной, так и последней — в виде настила из одинаковых черепиц.

Давильная площадка в поздний период ее существования была также отремонтирована: образовавшиеся вследствие износа в ней ямки и выбоины были замазаны зеленоватой глиной, плотно утрамбованной. Вполне вероятно, что этот ремонт площадки и настил из черепиц в резервуарах относятся к одному времени.

Под разобранными средневековыми стенами находился слой темносерой мусорной земли с керамикой и монетами IX—X вв. Здесь найдены обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками из кирпично-красной глины; обломки белоглиняной посуды с поливой зеленого и желтого цвета — ручки и донышки на высокой подставке, на одном имеется граффито в виде елки; обломки черепиц из характерной глины темнокрасного цвета; обломок браслета синего стекла, четырехгранного в сечении; железные гвозди, обломок железного орудия, массивного и широкого; кусок смолы; бронзовые монеты: 1 — Никифора Фоки (№ 205); 3 — херсонесские IX—X вв. (№№ 399—401), 1 — Льва VI и Александра (№ 281).

Слой этот лежал на твердой утоптанной золистой поверхности нижележащего слоя, непосредственно покрывающего давильную площадку.

В южном углу здания оказалась большая яма, вырытая в слоях римского и эллинистического времени. Яма была заполнена темносерой рыхлой мусорной землей, заключавшей в себе обломки белоглиняной посуды с поливой зеленого и желтого цвета, обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и обломки черепиц, относящихся к IX—X вв. При устройстве ямы ю.-в. стена здания в южном конце была разрушена до основания.

Золистая, плотно утоптанная прослойка отделяла верхний слой от нижнего на том же уровне, на котором находилась утоптанная золистая поверхность над давильной площадкой. Ниже этой прослойки лежала насыпь более темного цвета, насыщенная обломками посуды и другими предметами позднеримского времени. В этой насыпи найдены части амфор с желобчатым туловом, коротким горлом, желобчатыми или реберчатыми ручками, остроконическим дном; глина амфор в большинстве случаев — местная, херсонесская. На нескольких обломках имеются остатки надписей, исполненных красной краской непосредственно по черепку или по желтой обмазке. В большом количестве найдены обломки краснолаковой

посуды: блюд, тарелок, чашек, мисок, кувшинов с характерными плоскими широкими ручками, украшенными двумя-тремя продольными желобками. Встречены обломки стеклянной посуды и плоского оконного стекла; обломок массивного бронзового гвоздя, четырехгранного в сечении, со шляпкой; бронзовые пластинки с остатками деревá; несколько бронзовых монет: 1 — I в. до н. э. (№ 17), 2 — периода элевтерии Херсонеса, т. е. II—III вв. (№№ 29 и 30), 1 — позднеримская (№ 153), 1 — Феодосия II (№ 175) и 1 — Юстиниана I (№ 230).

Засыпь, заполнявшая здание, содержала находки, аналогичные встреченным в винодельне I: здесь найдены те же типы амфор, краснолаковой и стеклянной посуды; монеты также датируются периодом от III в. до середины VI в. н. э.

Непосредственно на цементной площадке найдена золотая трубочка — пронизка, длиной 2.1 см, украшенная посредине мелкой зернью, с рубчиками на концах. Такого вида трубочки и ее детали характерны для подвесок, ожерелий и браслетов, происходящих из погребений римского времени.

При постройке средневековых помещений бóльшая часть давильной площадки и двух первых резервуаров подверглась, как сказано, разрушению — куски цемента, штукатурки, обломки черепиц и в большом количестве песок с известью были выброшены в сторону, к ю.-в. стене. Возле нее образовался слой этого строительного мусора до 2 м длиной и 0.20 м толщиной.

В восточном углу здания и возле третьего резервуара на значительную высоту сохранилась насыпь эллинистического времени, состоявшая из глины со щебенкой и заключавшая в себе обломки амфор, черполаковой посуды, кувшинов с орнаментом красного цвета, мегарских чаш. Среди амфорных ручек имеются херсонесские: одна анало-

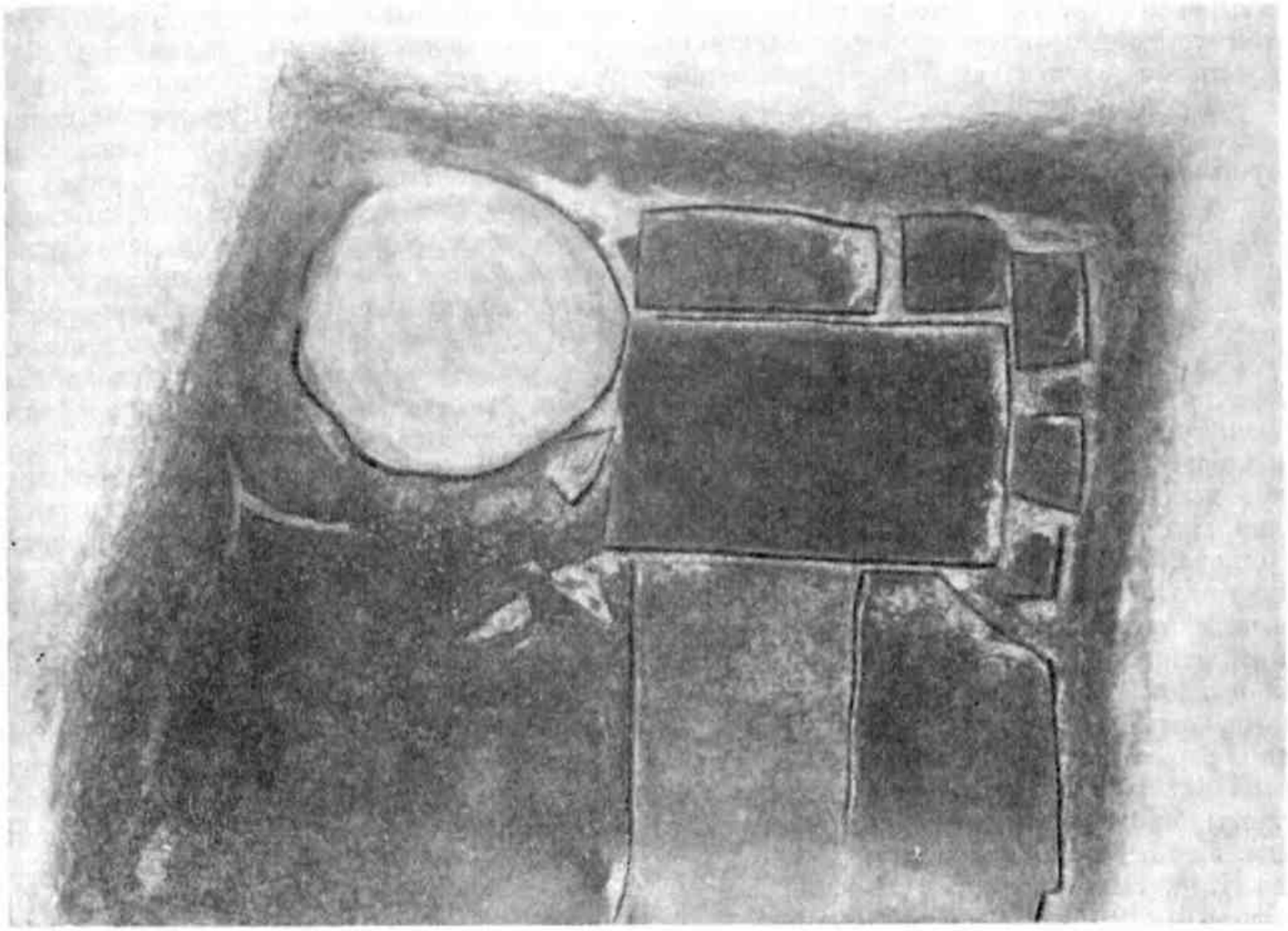


Рис. 49. Резервуар, вымощенный черепицей, с дном пифоса в углу.

гична изданной И. Маховым,[1] другая — с монограммой; фасосская (аналогична изданной Е. Придиком); [2] ручка с изображением листа в круге; [3] ручка с клеймом в виде круга или колеса с буквами между его спицами.[4]

Возле эллинистической насыпи, на которой покоится давильная площадка, сохранились тщательно обработанные каменные плиты вымостки, лежащие на слое зеленоватой глины. Вымостка уходит под насыпь; открыть ее полностью было невозможно, так как для этого пришлось бы разрушить давильную площадку винодельни. С с.-з. стороны вымостка имела борт в виде поставленных на ребро плит (после раскопок 1931 г. плиты были разрушены морским прибоем). С ю.-в. стороны третьего резервуара под эллинистическим слоем на том же уровне лежала вымостка из черепиц, также положенных на глине. Назначение этой вымостки, неполностью расследованной, осталось пока невыясненным.

Впервые открытые на херсонесском городище две винодельни имеют большое значение для изучения экономики Херсонеса в римский период. До их открытия были известны лишь тарапаны — известняковые плиты с желобком по краям и сливом на одном конце. Подобные плиты неоднократно встречались в окрестностях Херсонеса; иногда они достигали больших размеров (таков тарапан, найденный на берегу Камышевой бухты). Но, будучи случайно обнаружены, они не могли быть точно датированы. Лишь относительно тарапана, открытого Н. М. Печенкиным в 1910 г. на Херсонесском мысу, можно определенно говорить о принадлежности его к эллинистической эпохе.[5] О происхождении тарапана, находящегося в Херсонесском музее, сведений не имеется. При раскопках в балке Бермана на Гераклейском полуострове в 1928—1929 гг. был найден огромный каменный блок прямоугольной формы с выемками на его сторонах, служивший, повидимому, прессом для выжимки винограда. Но давильной площадки до сих пор обнаружено не было.[1]

На открытых до сих пор тарапанах выжимка винограда производилась, вероятно, ногами или при помощи небольшого груза. Виноделие при такой технике могло иметь, разумеется, лишь небольшой масштаб, — оно носило характер домашнего производства, рассчитанного на удовлетворение собственных потребностей.

Итак, винодельни, открытые в 1947 г., свидетельствуют о существовании в Херсонесе в римское время крупных винодельческих хозяйств. Обе они устроены в специальных зданиях, имеют давильные площадки и резервуары больших размеров; объем каждого резервуара не менее одного кубического метра. При разделении давильной площадки бортами на три части можно было одновременно производить выжимку винограда трех различных сортов, не смешивая их друг с другом. Таким образом перед нами налицо не только крупное, но и развитое производство, технически хорошо оборудованное, с большой пропускной способностью. Несомненно, производство вина этими винодельнями было связано со сбытом его на широкий рынок. Наличие же двух виноделен, расположенных сравнительно неподалеку одна от другой, может указывать на существование целой серии виноделен в городе и на то, что виноградарство и виноделие по своему удельному весу в хозяйстве Херсонеса римского периода занимало видное место рядом с рыболовством. Можно с полным основанием считать, что продукция и того и другого не только удовлетворяла потребности местного населения, но и вывозилась за пределы Херсонеса.

3. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Территория эллинистического квартала XVIII в средние века составляла южный угол большого приморского квартала, ограниченного с ЮВ II продольной улицей, с ЮЗ — X поперечной улицей, с СВ — проулком-тупиком (рис. 50).

Вся западная и ю.-з. части участка сильно пострадали в период Крымской войны, когда верхние слои были сняты для постройки расположенной рядом бата-

[1] И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с клеймами астиномов. ИТУАК, вып. 48, 1900, № 39.
[2] Е. Придик. Инвентарный каталог клейм. Игр., 1917, табл. III, 28 (с изображением шлема).
[3] Там же, табл. XIV, 21.
[4] Там же, табл. XVI, 61.
[5] ИАК, вып. 42, стр. 110, рис. 1.

[1] Раскопка памятника осталась незаконченной.

реи, вследствие чего позднесредневековые постройки и соответствующий им культурный слой в этой части раскопа не сохранились. Но это же обстоятельство облегчило исследование более ранних средневековых слоев, помехой чему обычно являются вышележащие позднесредневековые стены. Этим отчасти объясняется, почему наиболее интересные результаты дали раскопки именно нижних средневековых слоев, начиная с раннего Средневековья. Античные слои, как указано ранее, на данном участке сохранились лишь на незначительную глубину. Особенно важным представляется то, что в ряде пунктов удалось расчленить этот нижний средневековый слой на отдельные слои, местами выделив, кроме слоя IX—X вв. (обычно хорошо выраженного), слой раннесредневековый и слой XI—XII вв. Особенно важными в этом отношении оказались помещения *6* и *16*.

Начнем с *помещения 6*.[1] Оно дало интересную картину стратиграфии средневековых слоев, наблюдаемую в Херсонесе, в силу указанных причин, довольно редко. Здесь находились три резервуара описанной выше винодельни I римского времени. Винодельня I, как сказано, перестала функционировать уже во второй половине IV в., когда перестало существовать и все большое римское здание в целом. Это устанавливается находками в засыпи резервуаров монет Констанция II и Валентиниана II, а на площади смежных позднесредневековых помещений в соответствующем слое — монеты времен элевтерии Херсонеса (т. е. II—III вв.), Аврелиана (270—275 гг.), Фофорса, Константина I, Лициния и Констанция II. Резервуары винодельни, как уже отмечено, были использованы для установки пифосов: в давильной площадке винодельни и на дне резервуаров были вырублены ямы, а в крайних стенках резервуаров, с целью расширить и вместить в них пифосы, были сделаны углубления. Нижние части пифосов скреплены свинцовыми скобами; следовательно, в этой таре хранилось уже не вино, а какие-либо сыпучие запасы (зерно?) или мелкая соленая рыба.

Судя по указанным монетным находкам, этот склад пифосов был устроен здесь не ранее второй половины IV в. и существовал до середины VI в., что также устанавливается монетами, найденными в засыпи, в которой были погребены остатки винодельни и пифосов: здесь были найдены монеты императоров Зенона, Анастасия, Юстина I и Юстиниана I.

К периоду существования раннесредневекового помещения с пифосами относится большая амфора, лежавшая в яме, устроен-

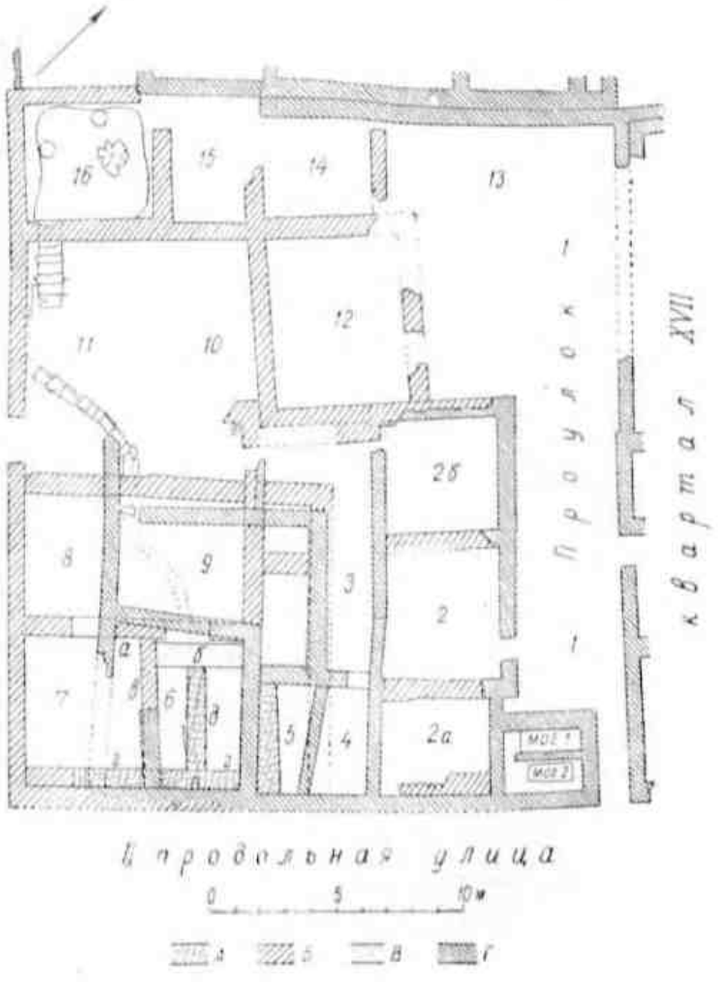


Рис. 50. Общий план раскопа квартала XVIII.

а — стены V—VI вв.; *б* — стены IX—X вв.; *в* — стены XI—XII вв.; *г* — стены XIII—XIV вв.; *1—16* — помещения.

ной в цементной давильной площадке в период вторичного использования винодельни. Амфору удалось собрать и полностью реставрировать (рис. 51, *а*). Она изготовлена из желтой с зеленоватым оттенком глины, имеет удлиненный конический, сильно расширяющийся кверху и сглаженный корпус высотой 85 см, с наибольшим диаметром 33 см, острое дно, короткое узкое горло и небольшие желобчатые ручки. Форма этой амфоры еще близко напоминает позднеантичную и является раннесредневековым вариантом ее, притом наиболее ран-

[1] Счет ведется по помещениям верхнего слоя, т. е. позднесредневековым.

ним, в чем нас убеждает сравнение с амфорами непосредственно предшествующего времени — IV в. — из Боспора и Ай-Тодора,[1] а также сравнение с хронологически последующим типом, представленным амфорой, которая была найдена в верхней засыпи той же винодельни (см. ниже). Некоторую

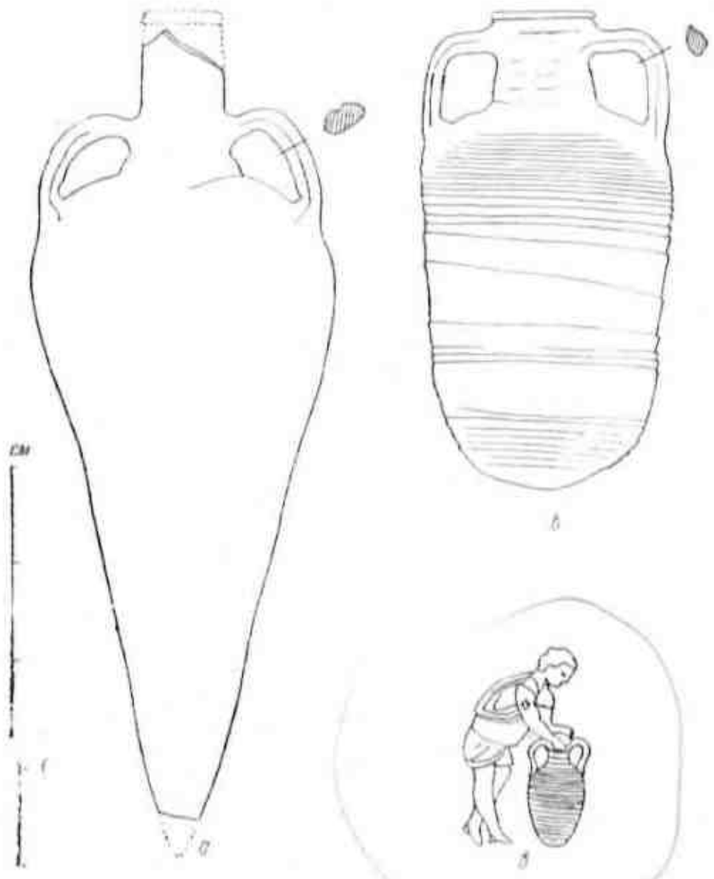


Рис. 51.

а — амфора из нижней засыпи винодельни I и *б* — амфора из верхней засыпи винодельни I, найденные в помещении *6*; *в* — прорись изображения амфоры на мозаике V в. императорского дворца в Константинополе.

аналогию этой амфоре дают и остродонные амфоры из Керайона на острове Самосе,[2] также относящиеся к раннему Средневековью (вероятно V в.). Фрагменты почти совершенно таких же амфор, как описанная, вполне соответствующих ей и по времени, найдены были на полу раннесредневекового подвала (помещение *16*), о чем подробнее будет сказано при его описании.

[1] См.: В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 327; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Л., 1934, стр. 48; О. Э. Ланговая. Позднеримская амфора из Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 290.

[2] См.: A. M. Schneider. Samos in früchristlicher und byzantinischer Zeit. Mitteilungend. Deutsch. archaeol. Inst., Athenische Abt., Bd. LIV, 1929, Tab. XLVIII.

В верхней мусорной засыпи, покрывавшей остатки винодельни I и пифоса, основана стена *д* (рис. 52). Она проходила над резервуарами винодельни по оси помещения *6* с СЗ на ЮВ и затем поворачивала на СВ. Засыпь, в которой стена *д* основана и отчасти погребена, датируется на основании перечисленных монет второй половиной VI в. Исходя из этого, стену *д* можно с уверенностью отнести к следующему строительному периоду, т. е. ко времени после того, как помещение с пифосами прекратило свое существование, — ко второй половине VI в. или к VII в., что подтверждается и типичным раннесредневековым материалом, обнаруженным при разборке этой стены. Здесь найдены обломки краснолакового сосуда, обломок сосуда с глубоким и острым (зигзагообразным в сечении) рифлением, столь характерным для керамики того времени, и обломки черепиц с высоким бортиком, сверху закругленным. Здесь же найдены обломки тонкостенных сосудов с плоским дном и сосудов с тонким густым рифлением. Фрагменты поливной посуды совершенно не встречались.

Особенно интересной находкой в верхней части засыпи винодельни I и пифосов, наряду с монетами конца V—начала VI в., является амфора, которую также удалось полностью склеить (рис. 51, *б*). Амфора имеет яйцевидный бороздчатый корпус с ясно выраженными следами ленточной техники изготовления, короткое горло, массивные желобчатые ручки. По общей форме она очень напоминает хорошо известный тип амфор второй половины IX и X вв., но, в отличие от них, яйцевидный корпус ее более вытянутый. Черепок ее палевого цвета, высота 49.5 см, наибольший диаметр 26 см. Находка эта очень важна для выяснения всего процесса формообразования средневековой глиняной тары. Совершенно аналогичные амфоры были неоднократно находимы на Тамани [1] и в раннесредневековом слое боспорских городов Тиритаки и Мирмекия,[2] где, по данным опубликовавшего их В. Ф. Гайдукевича, они относятся к VII—VIII вв. Тип приблизительно такой же

[1] Раскоп II, горизонт II, №№ 145—234 и 270—97 (хранятся в ЛОИИМК).

[2] Изданы материалы лишь из раскопок 1933—1934 гг. (МИА, № 4, 1941, стр. 56, рис. 81) и одна амфора из раскопок 1935 г. в Тиритаке (В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего Средневековья в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 203, рис. 14).

яйцевидной амфоры бытовал в V в. и в Константинополе, о чем позволяет судить изображение на мозаике константинопольского императорского дворца, датируемой серединой этого века (рис. 51, *в*).[1]

Следующий строительный период в пределах того же помещения *6* представлен

Рис. 52. Помещение *6*, стена *д*.

стенами *а* (параллельной с.-з. поздней стене помещения *6*) и *в* (перпендикулярной ю.-в. поздней стене того же помещения) (рис. 53). Обе стены ограничивают ю.-з. часть этого относительно раннего помещения, предшествовавшего позднесредневековому. Другие его стены, с.-в. и ю.-в., идут под соответствующими позднесредневековыми стенами и служат ей основанием.[2] Таким образом это помещение целиком умещалось в границах позднесредневекового помещения *6*. Стены *а* и *в*, как и позднейшие, полубутовые, но сложены из более крупных и лучше отесанных камней и благодаря этому ясно отличаются от позднесредневековых. Стены этого раннего помещения погребены в мусорной засыпи, насыщенной керамическим материалом IX—X вв. (во множестве найдены фрагменты типичных высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, масса битой черепицы темнокрасного обжига с плохо отмученным тестом и характерным низким бортиком и пр., а также херсоно-византийские монеты второй половины IX и X вв.). Засыпь уходит на глубину 1.25 м, т. е. до основания этих стен, и может поэтому служить terminus post quem. Следовательно, стены рассматриваемого помещения должны быть отнесены ко времени до IX—X вв. или к началу этого периода.

К стене *а* в более позднее время примкнула толстая стена *б*, вследствие чего размер помещения, образованного стенами *а*

---

[1] The Great Palace of the Byzantine emperors. London, 1947, pl. 30.

[2] Впрочем, с ю.-в. стороны, граничащей с улицей, позднесредневековая стена не сохранилась, но, судя по смежным стенам, она также была основана на стене более раннего помещения.

следовательно, как и яма, к промежуточному периоду XI—XII вв.; 3) жилое помещение, образованное стенами *а*, *в*, стеной вдоль улицы и с.-в. стеной помещения (служащей основанием позднесредневековой стены); стены этого помещения погребены в засыпи IX—X вв. и относятся ко времени, непосредственно предшествующему времени этой засыпи или, скорее, к началу того же периода, т. е. к IX в.; 4) раннесредневековая стена *д* (прошедшая над резервуарами винодельни римского времени) и, наконец, стена *г*.

Такого полного членения средневековых слоев, представленных строительными остатками, в Херсонесе за последнее время не приходилось наблюдать, так как при позднесредневековом строительстве стенки более ранних средневековых построек разрушались.

В соседних помещениях *7* и *8* прослежено продолжение тех же средневековых стен.

Помещение *7*, почти квадратное (5.1 × ×5.4 м) (рис. 55), является не позднесредневековым, а более ранним: оно синхронно помещению со стенами *а* и *в* и было, вероятно, продолжением того же дома.

Верхний уровень стен помещения соответствует уровню стен IX—X вв. и в помещении *6*; кроме того, с.-з. стена помещения *7* проходит под идущей перпендикулярно к ней позднесредневековой ю.-з. стеной помещения *6*, относящейся поэтому к следующему культурному слою. Над ю.-в. стеной, идущей вдоль II продольной улицы, позднесредневековая стена не сохранилась; в обрезе культурного слоя видно основание улицы, состоящее из битого кирпича, гальки и глины.

Глубина раскопанного помещения 1.25 м (от верхнего края стены). В южном углу его обнаружены остатки лестницы (сохранились две ступени), а перед входом в помещение *6* — вымостка из плит, лежащая на тонком слое угля. Другой вход вел в помещение *8*, но он был заложен (рис. 56). На указанной глубине, 1.25 м, хорошо прослежен пол помещения в виде слежавшейся плотной земли, насыщенной мелким углем, а в южной части отмечены, кроме того, большие пятна желтой глины, которой, вероятно, был покрыт пол.

Все помещение — от дневной поверхности до пола — было погребено в однородной засыпи, состоявшей из серой земли с завалом камней, массы битой черепицы и разрозненных обломков керамики: по своему характеру эта засыпь тождественна соответствующему слою в помещениях *6* и *8*. Составляющий ее материал почти полностью относится к IX—X вв. На такую дату указывают многочисленные фрагменты черепиц из плохо отмученной глины светлокрасного и, преимущественно, темнокрасного обжига с типичной для этого времени формой бортика — низкой, скошенной с одной стороны, иногда треугольной в сечении (рис. 57).[1]

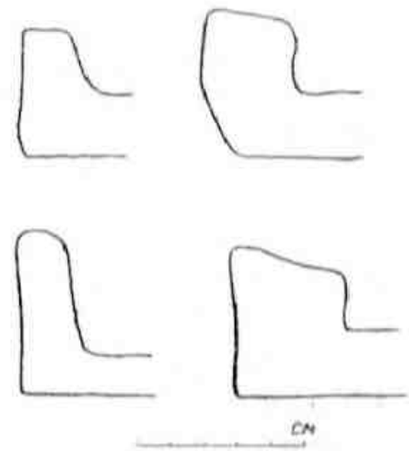


Рис. 54. Бортики раннесредневековых черепиц, (из помещения *6*).

Столь же многочисленны находки обломков высокогорлых амфор и плоскодонных с плоскими ручками кувшинов темнокрасного обжига (рис. 58, *а*) (встречены фрагменты крупных экземпляров, ширина ручки которых достигает 7.7 см), фрагменты яйцевидных бороздчатых амфор с массивными ручками (на одной ручке — граффито в виде креста). Найдены также фрагменты тонкостенных горшков (толщина стенок 4.5 мм) с отогнутым наружу простым венчиком, некоторые из них имеют по краю утолщение (рис. 58, *б*). Важна находка фрагментов горшка (или кувшина) со вдавленными полосами (канелюрами), аналогичного сосуду, найденному в яме под гончарной печью 1 (квартал XVII). Встречено несколько обломков пифосов — плоского дна его и сильно расширенного венчика с пло-

[1] Черепица — только битая, причем обломки большей частью мелкие; вероятно, этим объясняется незначительность количества найденных обломков с метками (типа №№ 69—72; см. МИА, 17, стр. 129, табл. 7). Метки — высокорельефные.

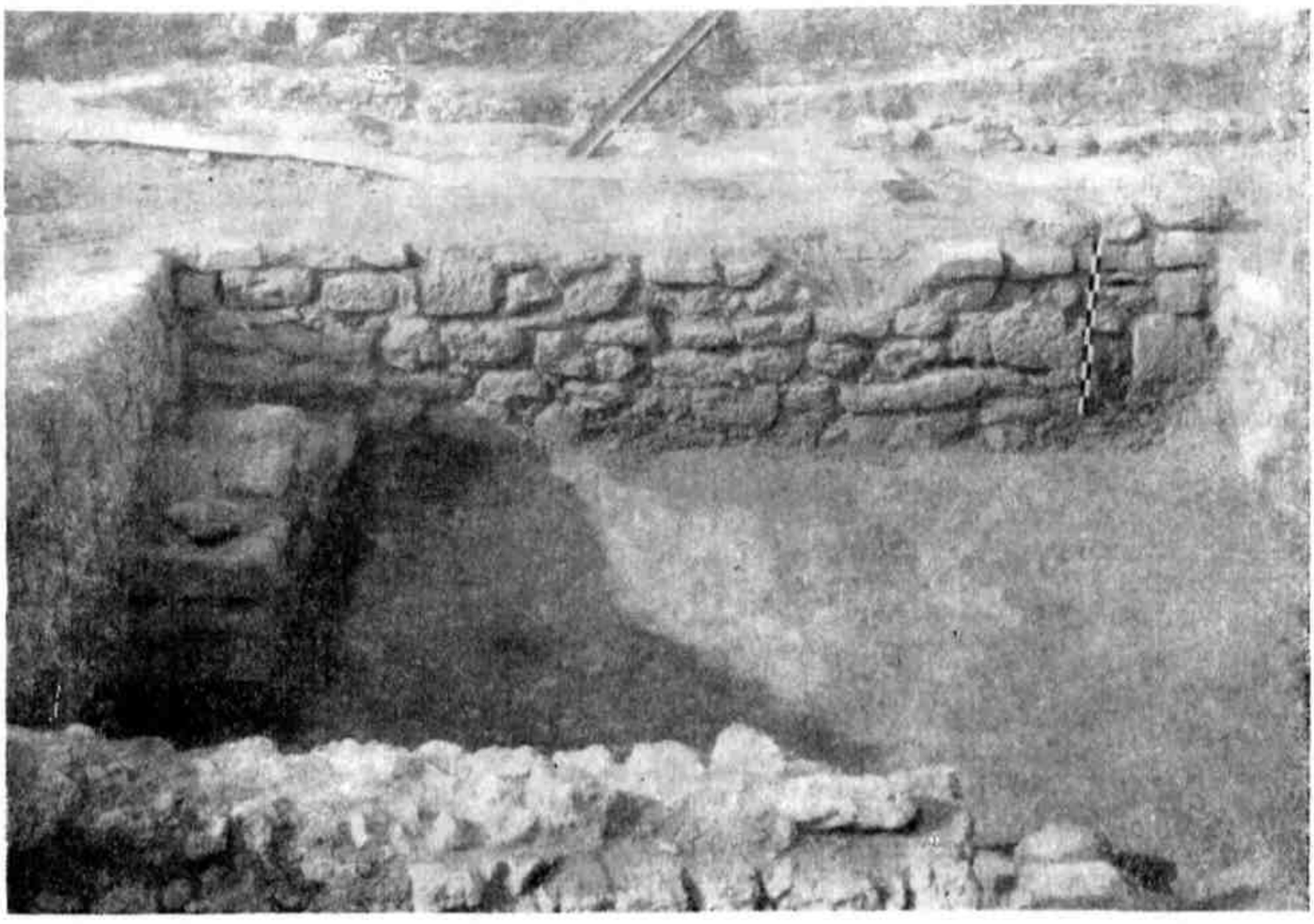


Рис 55. Помещение 7, общий вид.

Рис. 56. Помещение 7, заложенный вход в помещение 8.

ским верхним краем (рис. 58, *в*). Характерны сравнительно малочисленные и разрозненные обломки белоглиняной поливной посуды с рябоватой желтой, иногда зеленой, поливой, несколько обломков с росписью (фрагментарное изображение птицы)[1] и с рельефными штампованными украшениями: на одном фрагменте — изображение орла.

Заметим попутно, что эта немногочисленная в Херсонесе белоглиняная поливная посуда IX—X вв. со штампованными украшениями вряд ли являлась местной продукцией: ее абсолютная тождественность константинопольской и находимой в других византийских центрах,[2] а также отсутствие

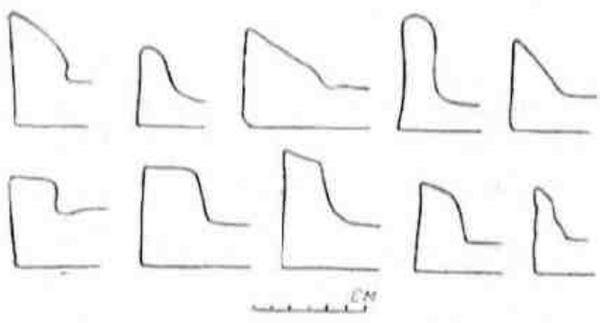


Рис. 57. Бортики черепиц (из помещения 7).

каких-либо местных херсонесских особенностей убеждают в том, что эти белоглиняные блюда, сравнительно, повторяем, редкие здесь, представляют византийский привоз.[3] Однако уже накопился ряд фактов, указывающих, что в X в. в Херсонесе зародилось и местное производство поливной посуды с рельефными украшениями. Об этом свидетельствуют находки подобной керамики, выполненной не из белой, а из местной глины, дающей при обжиге красный цвет. Фрагменты такой керамики также редки в Херсонесе, но все же почти ежегодно встречаются, в частности и в описываемом культурном слое помещения 7, другие однородные фрагменты встречались во дворе (помещения *10* и *11*) и в помещении *12* (см. ниже).

Не менее интересно и то, что, наряду с такой (вероятно местной) посудой светло-красной глины с рельефными штампованными украшениями, встретился и синхронный с ней фрагмент блюда розовой глины с рисунком врезной линией, что обычно не наблюдается на византийской белоглиняной посуде IX—X вв., зато известно среди близкой по характеру керамики Самарры (IX в.),[1] типичной для всего Ближнего Востока того времени. Это обстоятельство наводит на мысль, что появление в Херсонесе белоглиняной поливной керамики с рельефными штампованными украшениями было обязано связям не только с Византией, но и с Ближним Востоком, осуществлявшимся посредством прибрежных областей Малой Азии, с которыми Херсонес в то время продолжал оставаться в тесном общении.

Более поздняя поливная керамика в помещении 7 не встречалась. Из остальной керамики отметим фрагменты белоглиняных и красноглиняных светильников в виде двух-трех плоских чаш одна над другой на общем стержне (рис. 58, *г*) и обломок белоглиняной курильницы (найдена у основания лестницы).

Немало было найдено и изделий из стекла: фрагменты браслетов синего стекла, круглых (витых), овальных и треугольных в сечении; последние выполнены из очень прозрачного стекла, причем не только синего, но и желтого. Найдены также обломки толстого оконного стекла и небольшая стеклянная подвеска (высота около 2 см) (рис. 58, *д*) вытянутой формы с легким расширением книзу и колечком вверху. Отметим также миниатюрный стеклянный сосудик (высота 2.6 см) с припаянными выступами (имитация ручек) для благовоний (?). Кроме того, были найдены медный нательный крестик с расширенными раздвоенными концами (ширина 2.4 см) (рис. 58, *е*), оселок и мраморный пестик.

Большой интерес представляет костяная пластинка (1.8×6.1 см, толщина 3 мм) с рельефно вырезанным изображением бегущего зверя с повернутой назад головой. Резчик мастерски передал движение хищного зверя с далеко откинутой задней лапой; изображение хорошо вписано в удлиненное поле пластинки. Посредством восьми отверстий пластинка прикреплялась к какому-то предмету (рис. 58, *ж*). Найдена была и другая пластинка таких же размеров, укра-

[1] На одном донышке — граффито в виде креста.
[2] Об этом подробней см.: МИА, 17, стр. 221—223.
[3] См. например: T. Rice. Byzantine glazed pottery. London, 1930; The Great Palace. . ., pl. 16, 17, 22; Ch. Morgan. The byzantine pottery (=Corinth, IX), 1942, p. 42—49, pl. IV—VII.

[1] См.: F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1923.

шенная пятью гравированными кружками (сохранилась не целиком). В том же слое обнаружено обломанное каменное корытце (46×34 см).

данной части квартала путем засыпки, произведенной в последующее время для постройки новой жилой усадьбы, которая лишь частично использовала стены IX—X вв.

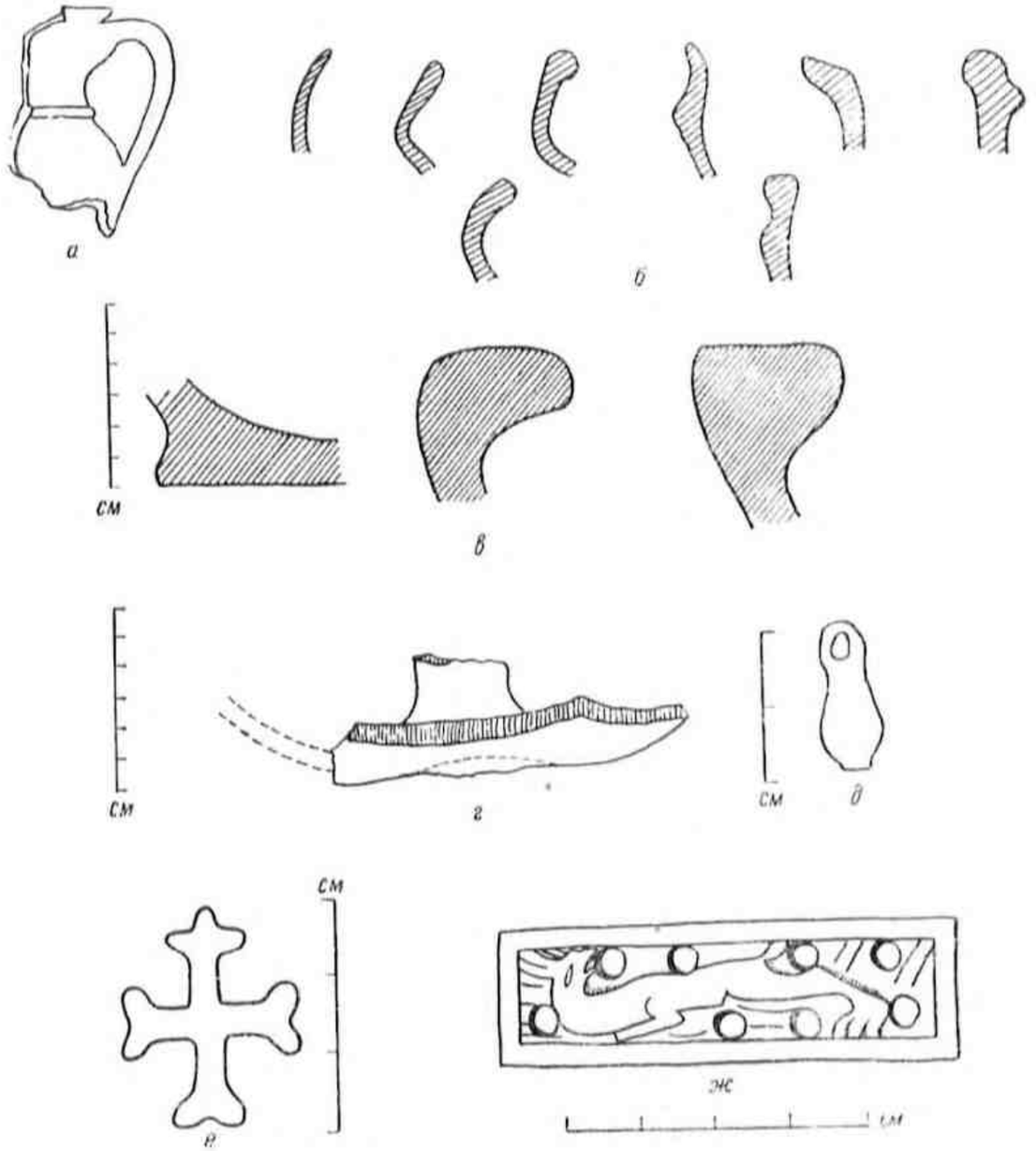


Рис. 58. Находки из помещения 7.

а — фрагмент красноглиняного кувшина; *б* — профили тонкостенных кувшинов; *в* — профили венчиков и днища пифосов; *г* — фрагмент многорусного светильника; *д* — стеклянная подвеска; *е* — нательный крест; *жс* — костяная пластинка с изображением зверя.

Для датировки слоя имеют значение и встреченные в нем херсоно-византийские монеты X в. — Романа II, Василия I.[1] Весь этот слой, заполнявший всю нижнюю часть помещения, вероятно, насыпной; он образовался, очевидно, при перепланировке в качестве основания. Этим, возможно, объясняется тот факт, что среди приведенного материала изредка встречались и находки более раннего времени — вероятно раннесредневековые; сюда можно отнести некоторые обломки черепиц из хорошо отмученной глины с высоким прямым бортиком, напоминающим бортики черепиц римского времени, обломок калиптера со специфи-

[1] В слое найдена и одна античная монета, но эта находка носит случайный характер и датировать слой не может.

чески раннесредневековым водосливным бортиком, а также обломки амфор с глубоким и резким рифлением, образующим в сечении зигзаг (аналогична керамике, найденной под вымосткой в помещении *6*).

Упомянутая выше вымостка перед входом в помещение *6* основана, как сказано, на насыщенном углем слое, содержащем аналогичный материал IX—X вв.: обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, белоглиняных поливных блюд и белоглиняной курильницы. Но здесь чаще попадались находки раннесредневековой керамики — обломки черепиц с характерной формой бортика (рис. 59, *а*), пять обломков краснолаковых блюд тусклого лака, обломки сосудов желто-зеленоватой глины с расширенным венчиком и прямым обрезом верхнего края (рис. 59, *б*), а также три обломка амфоры с острым и глубоким рифлением.

Слой этот тонкий (10—15 см), также насыпной и лежит непосредственно на скале, для выравнивания которой и была произведена эта засыпка. Кроме того, для заполнения углублений в скале были использованы неправильной формы камни, образующие в ю.-з. части помещения своего рода вымостку, но не сплошную.

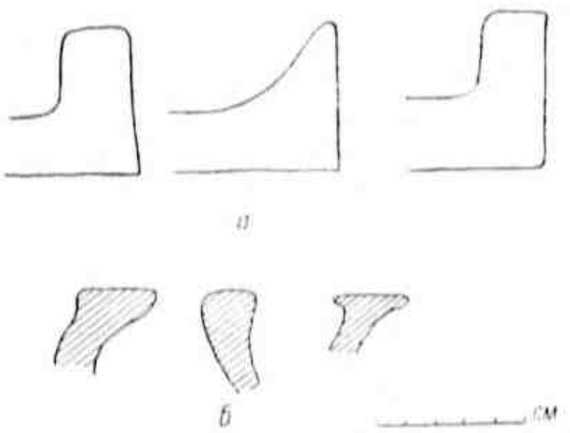


Рис. 59. Находки при расчистке вымостки перед входом в помещение *6*.

а — бортики черепиц; *б* — профили венчиков сосудов.

В помещении *7* сохранились и остатки более древнего помещения — раннесредневекового. Этому помещению, как можно думать, принадлежит стена *г*, идущая с ЮЗ на СВ: частично она выступает внутрь помещения, частично на ней основана стена IX—X вв.; затем она продолжается в помещение *6*, где связана с поперечной стеной *д*, с ней синхронной. В помещении *6* эта стена основана на римской засыпи, в помещении же *7* — частично на скале, а в восточном углу — на засыпи римского времени, заполнившей выруб в скале для установки пифоса.

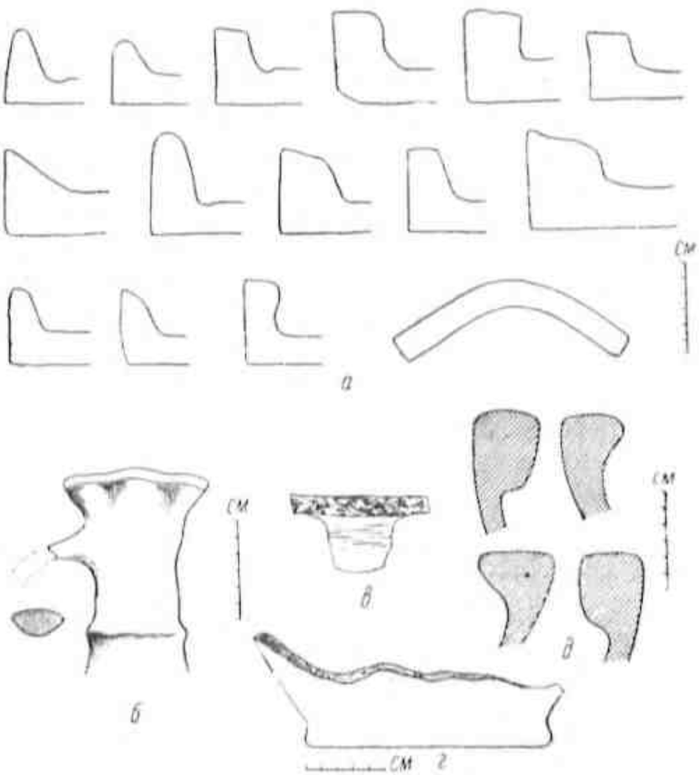


Рис. 60. Находки из помещения *8*.

а — профили бортиков черепиц; *б* — энохоевидный сосуд; *в* — днище остродонного пифоса; *г* — днище плоскодонного пифоса; *д* — профили венчика пифоса.

Соседнее помещение *8*, соединявшееся с помещением *7* проходом, впоследствии заложенным, дало совершенно ту же картину напластований. Здесь слой засыпи IX—X вв. залегал на толщину 2.10 м от дневной поверхности и также был насыщен обломками черепиц с характерными бортиками [1] (рис. 60, *а*). Не мало встречено фрагментов высокогорлых кувшинов и амфор с плоскими ручками; горла двух таких сосудов — энохоевидные (рис. 60, *б*); фрагмент сосуда с широким корпусом, днище остродонного пифоса (рис. 60, *в*) и плоскодонного (рис. 60, *г*), венчики пифоса темно-красного обжига (рис. 60, *д*), разрозненные обломки белоглиняной посуды с желтой поливой; среди них встречено несколько обломков с марганцевыми полосами и пят-

[1] Встречена лишь одна высокорельефная метка, № 104 (высота 6 мм); см. МИА, 17, стр. 130, табл. VIII.

нами, слегка выпуклыми.[1] Кроме того, найдено 16 фрагментов одного белоглиняного блюда с рельефным штампованным изображением орла на дне; выделяется обломок белоглиняной тарелки с желтой поливой и с гравированным рисунком (ср. аналогичную находку в помещении 7). В восточном углу помещения, вблизи подошвы слоя, найдены 9 кусков свинцового изделия в виде смятых пластинок, 2 свинцовых кольцевидных грузила, бронзовый ключ на кольце, 10 железных гвоздей (длина 7 см), большой кусок оконного стекла (толщина 4 мм), обломок тонкостенного стеклянного сосуда.

В верхней части слоя встречались куски желтой глины. Среди каменного завала найдена плита правильной квадратной формы, возле нее несколько кусков цемянки с морским песком. В нижней части слоя найдены две бронзовые монеты — позднеримская и византийская (Никифора Фоки, 963—969 гг.).

Поверхность нижележащего слоя (пол?), как и в помещении 7, представляла слежавшуюся плотную землю, насыщенную мелким углем. Ниже этой поверхности земля также плотная. Здесь прослеживались прослойки желтой глины, керамики же встречалось значительно меньше, как и черепицы, но состав находок не изменился: те же фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, мелкие обломки белоглиняной поливной посуды, некоторые — с марганцевыми полосами, аналогичными упомянутым, мелкие обломки оконного стекла (толщина 2—2.5 мм). Находки эти указывают на ту же дату — IX—X вв., что подтверждено и многочисленными находками бронзовых монет, преимущественно X в.[2] Исходя из приведенных данных, слой под полом следует также отнести к IX—X вв. и рассматривать его как засыпь, сделанную при постройке жилого помещения этого времени.

На глубине 0.25 м ниже верхней поверхности слоя обнаружена стена *е*, выступающая на 0.27 м из-под ю.-з. стены помещения и сложенная из крупных блоков, более или менее правильно отесанных; стратиграфически она связывается со стеной *г* в помещении 7 и стеной *д* в помещении 6 и соответственно этому может быть отнесена к раннесредневековому времени.

Приблизительно на уровне верхнего края этой стены начинается, судя по материалу, другой слой. Поливная керамика здесь полностью отсутствует. Встречены обломки желтоглиняного бороздчатого сосуда, обломки горшков с черным лощением, остродонные днища амфор, овальные в сечении ручки, обломки черепиц с высокими бортиками (хотя наряду с этим встречались и низкие бортики) темнокрасного обжига, железная кольцевидная пряжка и, наконец, одна бронзовая монета императора Аркадия (395—408 гг.), которой по времени указанный материал, вероятно, и соответствует.

Обратимся к западной части раскопанного участка. Здесь наиболее интересным является раннесредневековый слой в помещении *16*, представлявшем собой, вероятно, хозяйственную кладовую (5.08×4.50 м); для устройства ее был использован вырубленный в скале подвал, в котором также находилась кладовая, но относящаяся еще к римскому времени. Толща слоя — 0.60 м, причем уровень пола в южную сторону понижался (в южном углу — 0.75 м). Пол кладовой ясно выражен. Слой этот хорошо датируется многочисленными бронзовыми монетами IV—VI вв., большинство из которых относится к V в.;[1] лишь одна монета относится к I в. н. э., две монеты — позднеримские (IV в.). Раннесредневековую дату подтверждают и находки фрагментов краснолаковых блюд; на одном из этих фрагментов вдавленным штампом оттиснут равно-

---

[1] Рельефность образована подглазурным нанесением полос ангоба. Ср. аналогичную керамику в Константинополе X—XI вв. (см.: T. Rice. Byzantine glazed pottery, pl. X, b; Ch. Morgan. The byzantine pottery, pl. IX; The Great Palace. . ., pl. 22, *7*, *9*, *10*, *14*.

[2] Всего найдено 14 монет: 1 — позднеримская, 1 — Грациана (367—383 гг.) (№ 124), 1 — Юстина I (518—527 гг.) (№ 197), 1 — X в. (№ 395), 3 — Константина VII Багрянородного (№№ 301—303), 2 — Романа II (№№ 343 и 344), 1 — Маврикия (№ 235), 1 — Романа II и Константина VII Багрянородного (№ 322), 2 — Василия I (№№ 240 и 241), 1 — Никифора Фоки (№ 377).

[1] Здесь найдены следующие монеты: 4 — Валентиниана II (375—392 гг.) (№№ 126—129), 2 — Феодосия I (378—395 гг.) (№№ 156—157), 3 — Аркадия (395—408 гг.) (№№ 166—168), 2 — Феодосия II (408—450 гг.) (№№ 176 и 177), 6 — Льва I (457—474 гг.) (№№ 179—184), 9 — Зенона (474—491 гг.) (№№ 212—220), 7 — Анастасия (491—518 гг.) (№№ 187—193), 2 — Юстиниана I (527—565 гг.) (№№ 223 и 224).

конечный крест (рис. 61),[1] а также находка в засыпи над полом, ниже пола IX—X вв. (см. ниже), бронзовой пряжки типа, хорошо известного по некрополю Херсонеса и Артека (Суук-су),[2] где они датируются VI в. Не позднее по времени и ряд костяных предметов: круглая проколка, украшенная поперечными нарезками, ручка из бараньей кости с гравированным орнаментом, прямоугольная гладкая пластинка с двумя отверстиями (вероятно створка диптиха), круглая палочка с мелким гравированным орнаментом и отверстием на конце для прикрепления к ней колокольчика или побрякушки, о чем позволяют судить имеющиеся в Херсонесе аналогии. Здесь же найдена масса железных гвоздей и пр. Кровельной черепицы встречено немного. Нижняя часть слоя с монетами IV—VI вв. была насыщена простой красноглиняной керамикой: в слое найдено множество раздавленных амфор, лежащих в беспорядке, иногда одна над другой (рис. 62).

Рис. 61. Обломок краснолакового блюда со штампом в виде креста (из помещения *16*).

Столь ясно выраженный и притом хорошо датированный раннесредневековый слой — явление вообще редкое в Херсонесе; найденные же в помещении *16* амфоры приобретают особое значение, так как раннесредневековая керамика вообще крайне слабо изучена. Это обстоятельство всегда являлось тормозом для выявления раннесредневекового слоя херсонесского городища и, тем самым, для изучения материальной культуры раннего Средневековья Херсонеса и Таврики в целом.

Всего найдено обломков не менее чем от 15 амфор (считая по числу донъев); все они, как сказано, раздавлены, но часть из них можно склеить (рис. 63). Обломки принадлежат двум типам амфор. Значительная часть их (10—11 экз.) — невысокие (высота до 60 см), красноглиняные (лишь одна палевого цвета), бороздчатые, имеют сравнительно высокое, слегка суживающееся горло, распластанный венчик (иногда с врезной перетяжкой), небольшие, слегка дугообразные ручки (в сечении немного овальные с выпуклым ребром); все эти амфоры остродонные, но без шишки на конце (как на амфорах римского времени). По форме своей они вполне соответствуют описанной выше амфоре V—первой половины VI в., найденной в засыпи винодельни I (в помещении *6*), отличаясь от нее лишь меньшими размерами,[1] Те и другие одинаково близки к упомянутым остродонным амфорам из Керайона на острове Самосе, несомненно ран-

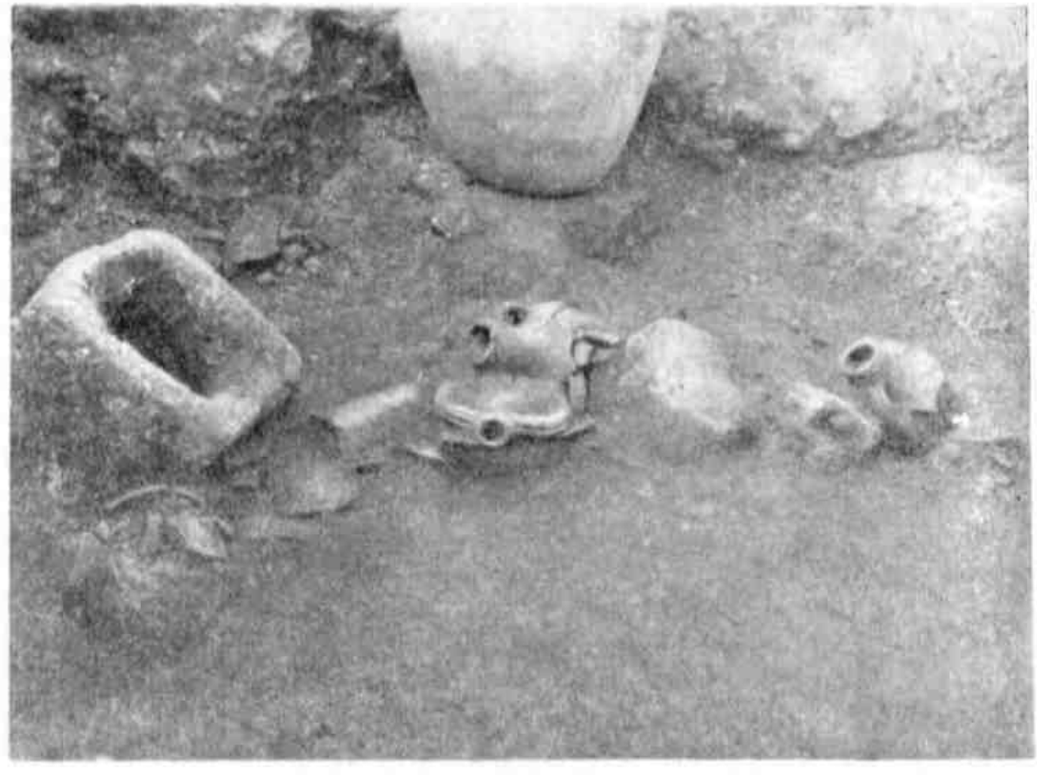


Рис. 62. Раздавленные амфоры, лежащие на полу помещения *16*.

[1] Аналогии многочисленны (см., например: The Great Palace. . ., pl. 27, fig. 9.

[2] См.: ИАК, вып. 19, табл. X, 19.

[1] Ср. близкие формы амфор из засыпи цистерны первых веков нашей эры; засыпь же, судя по найденным в ней монетам, относится к концу V—VI вв. (см. МИА, № 4, 1941, стр. 222, рис. 36).

несредневековым. Другой тип — это амфоры с грушевидным корпусом, также красноглиняные и бороздчатые; они больше по размеру (около 80 см), имеют более высокое горло, широкий, слегка овальный венчик, высокие ручки, вертикально поднимающиеся от плеч и горизонтально примыкающие к верхней части горла; в сечении ручки круглые, с более или менее глубоким желобком; днище — округлое. Сравнительно близкую параллель дает приведенный выше рисунок амфоры на мозаике императорского дворца в Константинополе, датируемой V в. (рис. 51, *в*).

В связи с этими амфорами следует отметить, что при раскопе западной оборонительной стены в 1948 г., на стыке первой и второй куртин (см. ниже, стр. 243, рис. 10), с тыльной ее стороны, в нижнем горизонте напластования найдены верхние части двух небольших амфор второго из описанных типов; стратиграфически они связаны

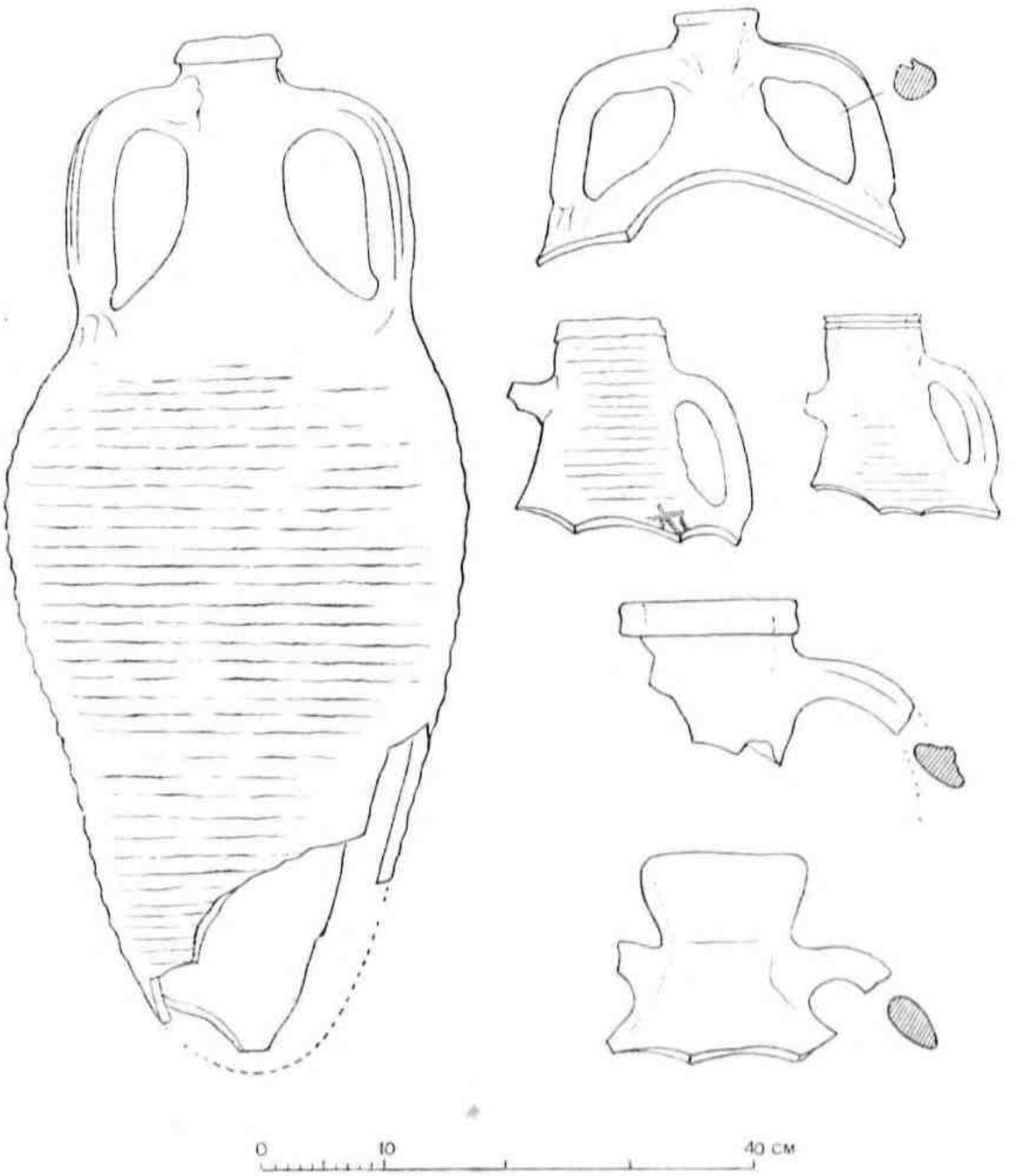


Рис. 63. Раннесредневековые амфоры из помещения *16*.

с кладкой этой стены, относящейся к концу V или первой половине VI в.[1]

Оба типа амфор в основном удерживают непосредственно предшествующие позднеримские формы, известные, как упомянуто, на Боспоре и Ай-Тодоре в IV в. Все они бороздчатые, имеют продолговатый яйцевидный корпус, заостренное днище, венчик в виде валика, вытянутое горло, но ручки или вертикально вытянутые (как у амфор нашего первого типа), или небольшие дуговидные (как у амфор нашего второго типа); в остальном амфоры одинаковы. Существенным отличием вновь открытых херсонесских амфор V в. является прямое сужение днища (у первого типа), грушевидность корпуса и круглое дно (у второго типа). Таким образом эти амфоры представляют собой звено дальнейшего развития позднеантичной амфоры, но уже в средневековый период.

Мы имеем и последующие ближайшие звенья развития этого рода амфор. Сюда относится и упомянутая амфора, вероятно VI—VII вв., из помещения *6* квартала XVIII; амфора эта круглодонная, бороздчатая, но корпус ее укоротился, она стала меньше; укоротилось и горло, а соответственно укоротились и ручки. Совершенно аналогичные амфоры, как указано, были найдены в 1931 г. на Тамани, Мирмекии и Тиритаке, где они также датируются ранним Средневековьем.

Следующие звенья развития форм характеризуют уже амфоры, часто встречающиеся в слое с монетами второй половины IX и X вв. Они также круглодонные, но корпус у них приземистый: он сильно сужается книзу, имеет яйцевидную форму и еще более укоротился; размер, таким образом, стал еще меньше, а толстые массивные ручки приобрели дуговидность. Амфоры такого рода в Херсонесе многочисленны. Ближайшие аналогии им дают тождественной формы амфоры IX—X вв. из дворца в квартале Манганы в Константинополе.[2]

Эти краткие замечания ясно указывают на важность находки амфоры из помещения *16* для понимания развития керамических форм раннего Средневековья в Таврике.

Ниже пола, над которым залегает слой с амфорами, идет слой позднеримский (датируется множеством монет не ранее III в., но главным образом IV в. и не позднее);[1] он содержит разрозненные фрагменты керамики, дающие приблизительно те же формы амфор (см. выше, стр. 185).

Раннесредневековый слой выделяется и в соседнем помещении, представляющем собой, вероятно, *двор* (помещения *10* и *11*), которым это помещение являлось в следующий период (IX—X вв.); о том же говорит и незначительность находок черепиц в виде разрозненных фрагментов. Раннесредневековый слой отчетливее всего выражен в с.-з. части помещения. Ясно ощущается пол IX—X вв. в виде плотно утрамбованной земли, а над ним прослойка желтой глины (толщина 5—6 см) с крупнотолченой керамикой. Ниже этого пола поливная керамика полностью отсутствует, зато встречены фрагменты керамики, типичной для раннего Средневековья, а именно — фрагменты амфор с частым резким и глубоким рифлением. Такой датировке не противоречат и находки нескольких обломков тонкостенных краснолаковых сосудов (тусклого лака) и обломки лутерия. В то же время ее подтверждает находка глиняной лампочки (диаметр 7.4 см), украшенной вьющейся виноградной лозой, представляющей собой мотив, столь типичный для орнаментики византийского Востока V—VI вв. Здесь же найдены половины двух больших стеклянных бусин: одна из них (высота 17 мм, диаметр 21 мм) из темнозеленой массы, украшена светлой волной; другая (той же приплюснутой формы, диаметр 24 мм) — из темной массы с белыми пятнышками. Особенно интересна находка в этом слое черного горшка плохого обжига (сохранился почти наполовину), тонкостенного (толщина стенок 7.5 мм), со слабо отогнутым наружу простым венчиком и немного расширяющимся корпусом (рис. 64, *а*).

Уровень пола двора повышался к ю.-в. части. Здесь также не встречено поливной керамики; зато обнаружены днища бороздчатых остродонных амфор типа найденных на Боспоре и в Ай-Тодоре, равно как и на Самосе, т. е. амфор IV—V вв.; несколько обломков краснолакового блюда (рис. 64, *б*), обломки ручки амфоры с граффито ΛΘ. Среди остальной немногочисленной керамики в раннесредневековом слое отметим фрагмент стенки амфоры с ленточной стру-

[1] Что устанавливается типом квадровой кладки.

[2] R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinopole. Paris, 1939, fig. 198, 4 и pp. 46, 148, 149.

[1] Монеты Константина I и Константа II.

ктурой (т. е. в виде поясков), совершенно такой же, как и у раннесредневековой амфоры из помещения *6*; в южном углу (за водостоком) найден фрагмент такой же амфоры и амфоры с глубоким рифлением (зубчатым в сечении). Наконец отметим глиняное пирамидальное грузило и обломки черного горшка плохого обжига.

Стены, стратиграфически соответствующие вышележащему слою — слою IX—X вв., именно стены указанного двора и кладовой (помещения *16*) непосредственно лежат на стенах предшествующего периода, которые стратиграфически связаны с раннесредневековым слоем; они немного выступают наружу, образуя поколь стен IX—X вв. Таким образом эти наблюдения дают основание констатировать не только непрерывность жизни в данном квартале в первой половине Средневековья, но и тот факт, что при строительстве IX—X вв. в основном удерживалась планировка более древней жилой усадьбы.

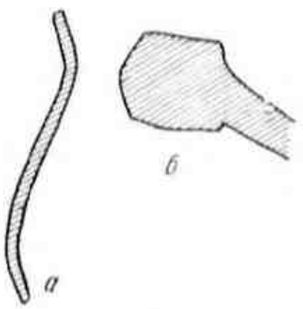


Рис. 64.

а— профиль черного горшка и б— профиль краснолакового блюда, найденных в помещениях *10* и *11*.

Значительно ярче слой IX—X вв. представлен во дворе (помещения *10* и *11*), где он хорошо датируется множеством монет второй половины IX и X вв. Пол двора повышается к ЮВ. С с.-з. стороны ясно видно, что он находится на уровне верхнего края более древней стены (раннесредневековой?), выступающей, как сказано, из-под стены IX—X вв. (глубина — 1.60 м от дневной поверхности и 0.80 м от верхнего края сохранившейся стены IX—X вв). Во двор с улицы вел широкий вход (ширина 2 м), находящийся в южном углу двора. Ю.-з. часть двора (у ю.-з. стены, близ спуска в подвал) имела каменную выкладку из плит неправильной, рваной формы, положенных на цемянковое основание. Над вымосткой были найдены каменная матрица для отливки свинцовых рыболовных колец и обломки патеры, покрытой тусклым красным лаком.

Южный угол двора пересекал водосток, сложенный из вертикальных и перекрывающих их горизонтальных плит, частью вторичного использования (имеются профилированные плиты). Водосток шел сюда из помещения *6* и *9*, проходил через двор и выходил на улицу, для чего было пробито отверстие в раннесредневековой стене. В водостоке была найдена монета императора Маврикия, но датирующего значения она не имеет, так как тут же найден фрагмент белоглиняной поливной чашечки X в. Близ восточного угла двора найдена in situ небольшая круглая кормушка, выделанная из куска античной каннелированной колонны. Битая кровельная черепица залегала преимущественно вдоль ю.-з. и с.-з. стен и принадлежала, вероятно, кровле смежных помещений. По своему типу (темнокрасный обжиг, пористое тесто с множеством примеси, высокий и широкий бортик, нередко скошенный, наличие водосливного валика; рис. 65, *а*, *б*) черепица эта не позднее X в. На двух черепицах имеется рельефная метка, впервые встречаемая. Черепица залегала на тонком слое пожарища, непосредственно покрывавшем земляной пол (за исключением ю.-з. части, где была каменная вымостка). В остальной части двора черепицы было значительно меньше: она встречалась лишь в виде разрозненных фрагментов.

В слое найдено много простой красноглиняной керамики также в виде разрозненных фрагментов. Наиболее часты были фрагменты плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (среди них — один с энохоевидным горлом), меньше встречено обломков бороздчатых амфор; среди них — фрагмент верхней части амфоры с трехстрочным граффити, содержащими несколько имен: ΛЄ ○ ΒΑCΗΛΗ ΝΑ(?)CΗ (рис. 66, *а*). Найдено несколько овальных в сечении амфорных ручек; некоторые из них имеют продольный желобок и относятся, вероятно, к более раннему времени. Выделяется обломок темнокрасного сосуда с тонким гребенчатым рифлением: между двух полос многолинейного рифления — такая же многолинейная волна (рис. 66, *б*). Отметим также фрагмент очень толстостенного (толщина стенок 2—2.4 см) сосуда светлокрасного обжига, плоскодонного, с почти вертикально поднимающимися стенками, покрытого ангобом (рис. 66, *в*); найден также венчик большого пифоса (рис. 66, *г*).

Значительно полнее представлена поливная керамика, почти исключительно белоглиняная, покрытая желтой, реже зеленой, рябоватой поливой. Некоторые фрагменты

имеют на дне рельефные штампованные украшения (оттиск плохой, поэтому ни одного ясно читаемого изображения не встречено). Керамика эта хорошо датируется не только стратиграфически — по слою с монетами второй половины IX—X в., но, как указано, и многочисленными аналогиями из находок в византийских центрах, главным образом в Константинополе, и является, вероятно, сплошь привозной. Реже попадались фрагменты белоглиняных поливных блюд с украшением врезной линией в виде волны и коричневыми (марганцевыми) мазками в форме

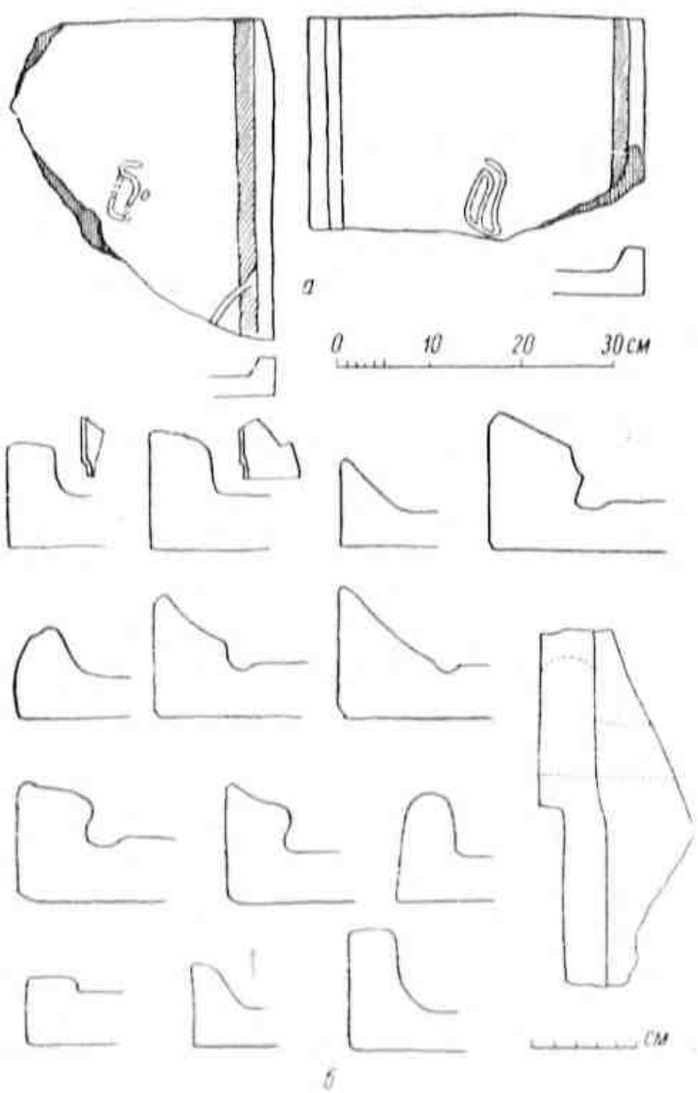


Рис. 65.

а — метки на черепицах; *б* — профили бортиков черепиц (из помещений *10* и *11*).

широких запятых, расположенных в «перебежку», что также находит себе аналогии среди византийской поливной керамики.[1]

[1] См.: The Great Palace. . ., pl. 16, *47*; 21, *10*; 22, *9*, *10*, *14*; Ch. Morgan. The byzantine pottery, pl. V, b. IX.

Оба вида поливных блюд одновременны. Характерен профиль этих блюд, почти везде одинаковый: два полувалика с выпук-

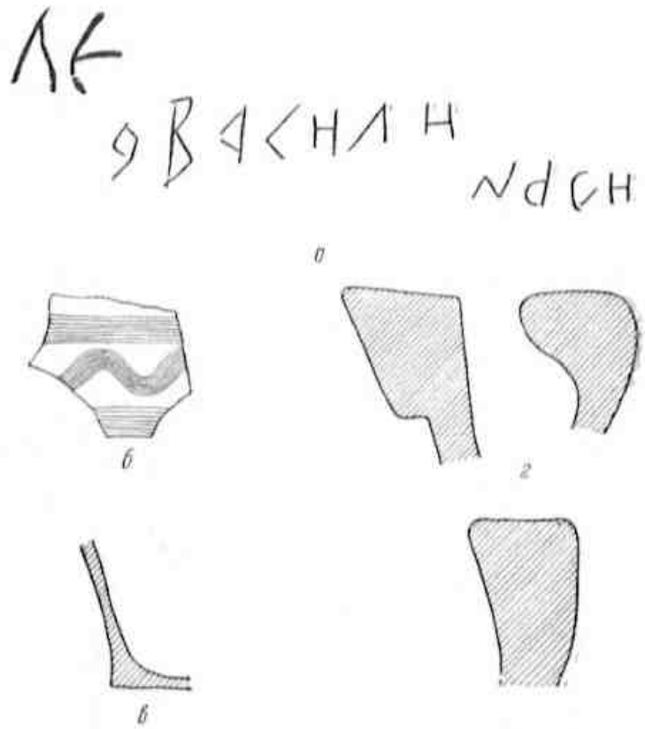


Рис. 66. Находки из помещений *10* и *11*.

а — граффити на фрагменте бороздчатой амфоры; *б* — фрагмент тонкостенного сосуда с рифлением и волной; *в* — профиль днища толстостенного красноглиняного сосуда; *г* — профили венчиков пифосов.

лой плоскостью между ними, что обычно для византийской керамики этого рода.[1] Важно отметить находку во дворе, в том же слое IX—X вв., вместе с белоглиняной поливной керамикой, фрагмента красноглиняного (палевого цвета) блюда с неясным (смазанным) рельефным изображением, что в связи с другими аналогичными находками (например, в помещениях *7* и *12*) еще раз указывает на наличие в X в. местного производства такой керамики в Херсонесе.

Среди остальных находок отметим обломки оконного стекла, мелкие обломки стеклянных сосудов и обломки мраморной ступки.

В верхней части слоя, особенно в с.-в. части двора (помещение *10*), земля более рыхлая, мешаная и содержит более поздний материал, о чем позволяют судить мелкие обломки поливной керамики XI и XII вв., в частности обломки монохромного блюда с желтой поливой и изображением врезной

[1] См.: The Great Palace. . ., pl. 15, *14—17*; 16, *36—39*; 21, *15*; 22, *7*, *9*.

линией округлого лица (рис. 67) и два обломка толстостенного, также монохромного блюда с желтой поливой, по орнаментации аналогичного блюду с виноградными гроздьями из раскопок квартала XVII.[1]

Особый интерес вызвал сплошной завал кусков известковой облицовки с плоским кирпичом, шедший вдоль всей ю.-з. стены двора, т. е. стены, выходящей на улицу. Облицовка состоит из извести с морским песком; ее толщина 10—12 см. С одной стороны (очевидно лицевой) облицовка тщательно выглажена; своей противоположной стороной она уходила в стену, плотно прилегала к кладке и потому имела неровную поверхность (рис. 68). В эту известковую облицовку были заложены плоские кирпичи (их размеры: 24—25×10.5 см; 28—29×14—15—15.5 см при толщине 2.5—3 см; лишь один кирпич толще — 5 см).

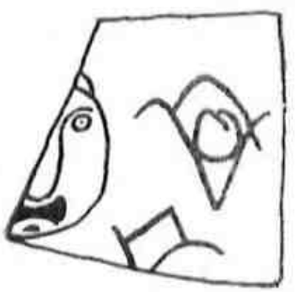


Рис. 67. Фрагмент поливной чаши с изображением человеческого лица, найденный в помещениях *10* и *11*.

Форма известковых обломков и положение кирпичей, заложенных в раствор, позволили установить, что кирпичи образовывали определенный повторяющийся рисунок, заключенный между двумя сплошными горизонтальными линиями кирпичей (рис. 69). Всё в целом составляло пояс узорчатой кирпичной выкладки, включенной в каменную кладку, которая продолжалась вверх и вниз, что ясно было видно по расположению камней, упавших со стены.

Установить, был ли в стене один такой пояс узорчатой кладки или несколько, — не удалось. Судя по отдельным фрагментам, эта облицовка была, кроме того, украшена толстыми кривыми линиями, нанесенными красной краской. Завал узорчатой кладки находился выше завала черепицы, следовательно, стратиграфически он относится к тому же слою, т. е. к тому же периоду — второй половине IX или к X в.[2]

[1] См. МИА, 17, табл. VII.

[2] Это подтверждается и находка в завале кирпичной выкладки фрагментов плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняной поливной посуды с марганцевыми мазками, т. е. керамики X—XI вв.

Строительный принцип чередования кирпича и камня известен в архитектуре Римской империи уже в I и II вв. н. э. (например, в вилле Адриана). В дальнейшем, в византийской строительной практике, этот принцип, как известно, господствует; такая техника постоянно применялась и в раннесредневековом зодчестве Херсонеса (в базиликах, крещальне и крепостных стенах). С течением времени кирпичная выкладка приобрела и декоративное значение, причем раньше всего это наблюдается в архитектуре югославянских стран (особенно в Болгарии; имеется в виду двухэтажная церковь Бачковского монастыря конца XI в.) и лишь позднее, в XIV в., этот декоративный прием был заимствован византийскими зодчими.[1] Открытый в квартале XVIII Херсонеса узорчатый кирпичный пояс, относящийся ко времени не позднее X в., дает один из наиболее ранних примеров такой декоративной кладки, а вместе с другими фактами из истории монументальной архитектуры города в X в.[2] вновь указывает на культурную связь Херсонеса того времени с югославянским миром.

В западном углу двора находится спуск в подвальную кладовую (помещение *16*) в виде каменной лестницы в шесть ступеней, небрежно сложенных. Однако в раннее Средневековье лестницей уже не пользовались, и она была засыпана (см. выше, стр. 197).

Первая верхняя ступень лестницы представляет крупный блок с вырубом для установки дверного (вероятно, деревянного) полотнища. Перед началом лестницы находится небольшой (1.40×1.15 м) и неглубокий (0.40—0.50 м) вырув в скале, заполненный мягкой землей с разновременным материалом: наряду с обломками позднеримских и раннесредневековых амфор найдены фрагменты плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, IX—X вв., и монета Василия II (№ 386). По-видимому, это античный вырув, использованный позднее.

Над лестницей, примыкая к стене кладовой, находилась большая плита (1.08×0.95 м), сильно накренившаяся в ю.-з. сто-

[1] См.: Н. И. Брунов. О некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. Архитектурное наследство, т. II, М., 1952, стр. 15—18.

[2] МИА, 17, стр. 233, 236, 237.

рону (рис. 70); она явно прикрывала лестницу и одним краем провалилась вниз (вероятно, под тяжестью упавших сверху

Рис. 68. Завал кирпичной узорчатой облицовки вдоль ю.-з. стены двора помещений *10* и *11*.

камней). Рядом с этой плитой (с ю.-з. стороны) лежал большой запас смолы. Создалось впечатление, что смола находилась в каком-то вместилище (деревянной бочке?), стоявшем на плите, и затем, когда плита накренилась, сползла вниз. Эту находку запасов смолы нельзя не сопоставить с находкой в соседнем помещении (кладовой) обломков железного якоря и орудий рыболовства (о чем ниже); смола, таким образом, скорее всего была связана с тем же рыболовным хозяйством владельца усадьбы.

Земля, заполнявшая верхнюю часть проема лестницы, была очень мягкая, рыхлая и содержала очень большое количество керамики, преимущественно фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и круглодонных бороздчатых амфор IX—X вв.; встречены фрагмент черного горшка (или миски) с узким горизонтальным краем (ширина 16 мм) и немного разрозненных обломков белоглиняных поливных блюд с желтой поливой и марганцевыми мазками, подобных найденным в других частях двора. Непосредственно под плитой найдены два простых горшочка с ручкой обычного для

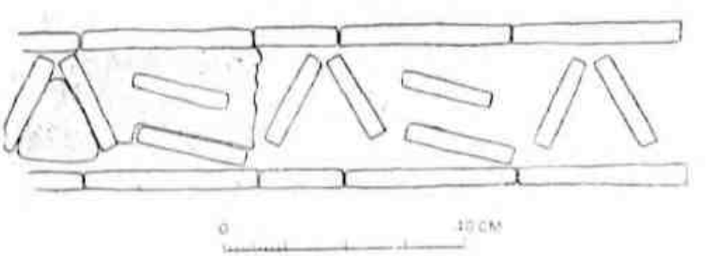


Рис. 69. Помещения *10* и *11*. Восстановление узорчатой кирпичной кладки.

Херсонеса того времени типа и миниатюрный сосуд желтоватой глины с ручкой и носиком (рис. 71), а также нижняя часть обычного высокогорлого кувшина, но с отверстиями (для изготовления сыра?).

Вместе с этим материалом, так же как и в вырубе, встречались фрагменты и более ранней (раннесредневековой) керамики, например обломки амфор с глубоким и резким рифлением, но эти находки были единичными и случайными.

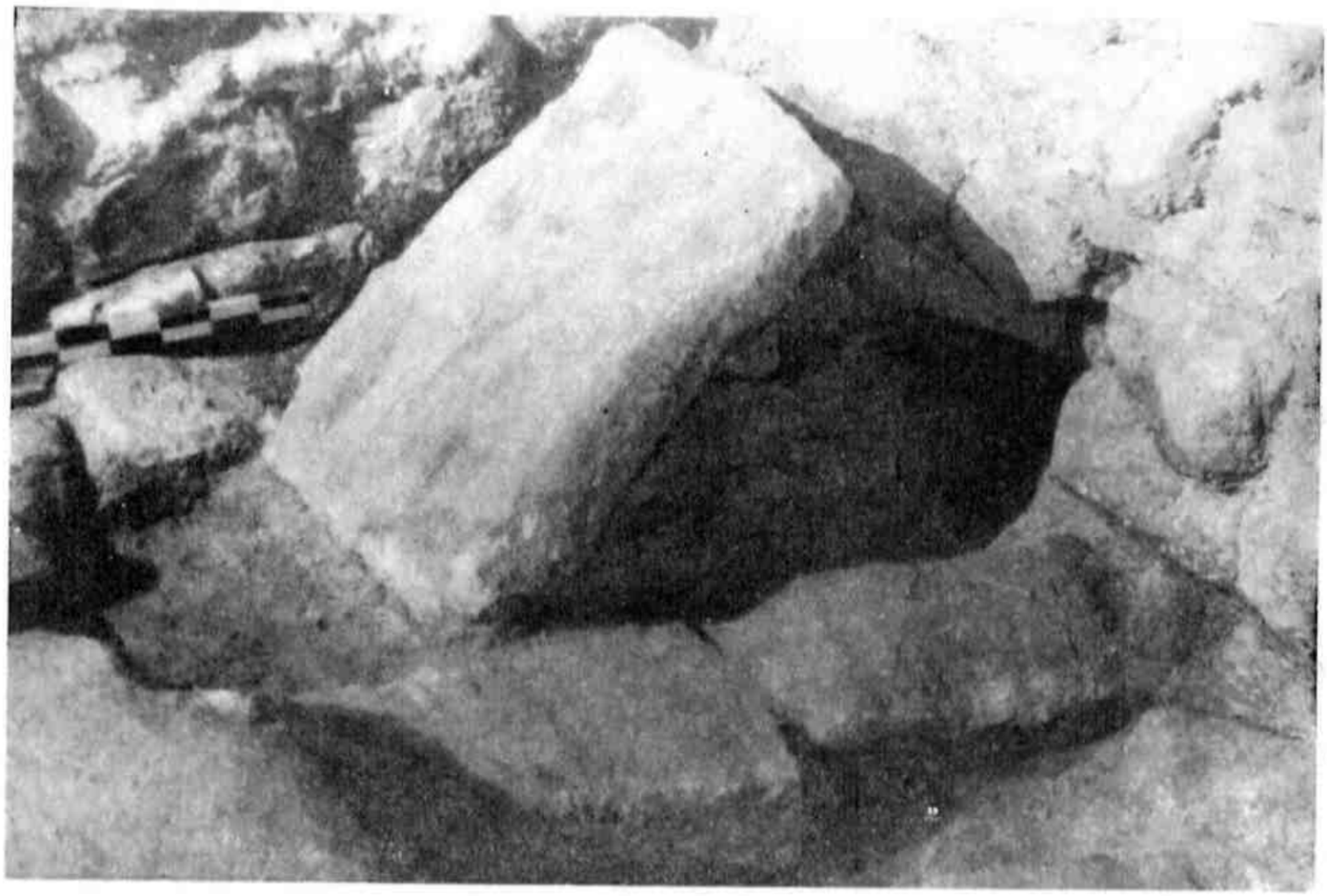


Рис. 70. Помещения *10* и *11* (плита над лестницей — спуском в кладовую, помещение *16*).

Рис. 71. Кувшин, найденный под плитой, прикрывавшей спуск в кладовую.

Ясно выраженный пол кладовой, находящийся на глубине 1.25 м от верхнего края с.-в. стены, составляет подошву мощного слоя IX—X вв., датируемого всем найденным здесь материалом, в том числе сравнительно большим количеством монет, начиная со времени Василия I и кончая временем Василия II (всего найдено более 30 монет).[1] Пол представляет собой очень плотную землю, на которой лежит прослойка желтой глины, а выше — прослойка угля; над последней в свою очередь лежит завал черепицы; пол очень неровный, понижается с СВ на ЮЗ и находится примерно на уровне верхнего края выруба в скале.

Почти на всю толщу слоя идет сплошной завал бутового камня от обрушившихся стен, под ним — много битой черепицы (рис. 72; из них две с рельефными метками ХМ и П). В нижней части слоя — огромное количество керамики и монет.

В этом подвальном помещении, служившем, как сказано, хозяйственной кладовой, стояло семь пифосов, из которых три найдены на месте (рис. 73): в центре находился большой пифос, у с.-з. и у ю.-з. стен — по одному; один из них сохранился почти на всю свою высоту, равную 1.08 м (рис. 74

[1] См. ниже описание монет, №№ 283—285, 306—311, 327—328, 353—356, 380, 383, 386 и др.

и 75, *а*); он имеет яйцевидный корпус и узкое (диаметр 13 см) днище. Пифосы были частично вкопаны в землю (в нижележащий культурный слой), а большой пифос, кроме того, был обложен внизу камнями; в нем хранилось зерно. От остальных пифосов найдены лишь разлетевшиеся в разные стороны стенки; судя по скоплению обломков, второй большой пифос стоял в западном углу; число остальных пифосов определено по числу донъев. Среди пифосов, у с.-з. стенки, найдены целая верхняя половина жорнова и часть нижней его половины (диаметр 39 см).

Особенно много найдено плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоскими руч-

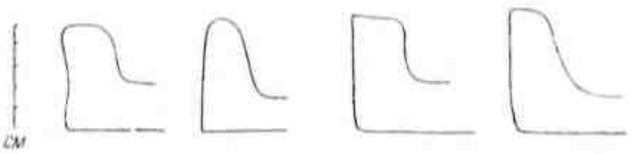


Рис. 72. Бортики черепиц из помещения *16*, найденные в слое IX—X вв.

ками, на дне некоторых из них сохранились остатки перепревшей хамсы. Судя по числу донъев, здесь стояло не менее 50 таких сосудов, причем основная масса сосредоточена была в западной части кладовой. Меньше найдено фрагментов амфор, причем большая часть их обычного в слое IX—X вв. типа — красноглиняные круглодонные, слегка грушевидные, с низким горлом. Часть этой мелкой тары, особенно кувшины, располагалась не только на полу кладовой, но и где-то выше, ибо внутри одного из пифосов (у ю.-з. стены) оказались разбитый кувшин и верх амфоры, упавшие, очевидно, сверху. Здесь же найдены были кусок узкой свинцовой трубы (диаметр 6 см) со швом скрепления, железные гвозди и железная скоба (то и другое, очевидно, от сгоревшего деревянного перекрытия).

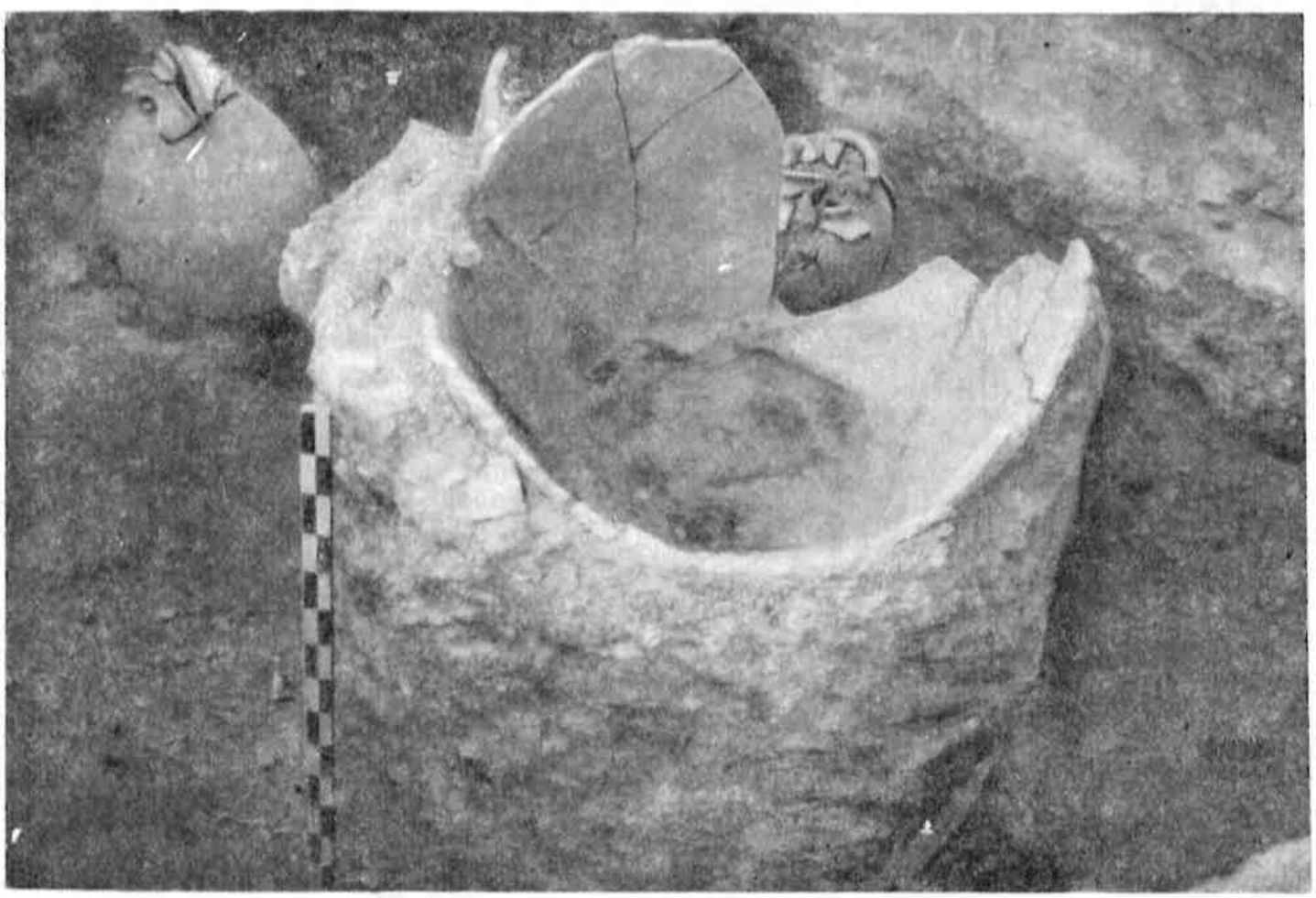


Рис. 73. Пифосы у стен кладовой.

Среди фрагментов амфор выделяется верх желтоглиняной амфоры; плоские ручки ее примкнуты в уровень с верхним краем

горла. Амфоры этого типа сравнительно редки; они имеют очень широкий бороздчатый корпус и круглое дно. Точно такие же амфоры были найдены в 1940 г. (под черепицеобжигательной печью).[1] Интерес данного экземпляра — в наличии на ручке вдавленного клейма мастера, состоящего из двух букв: AB (рис. 75, *б*).

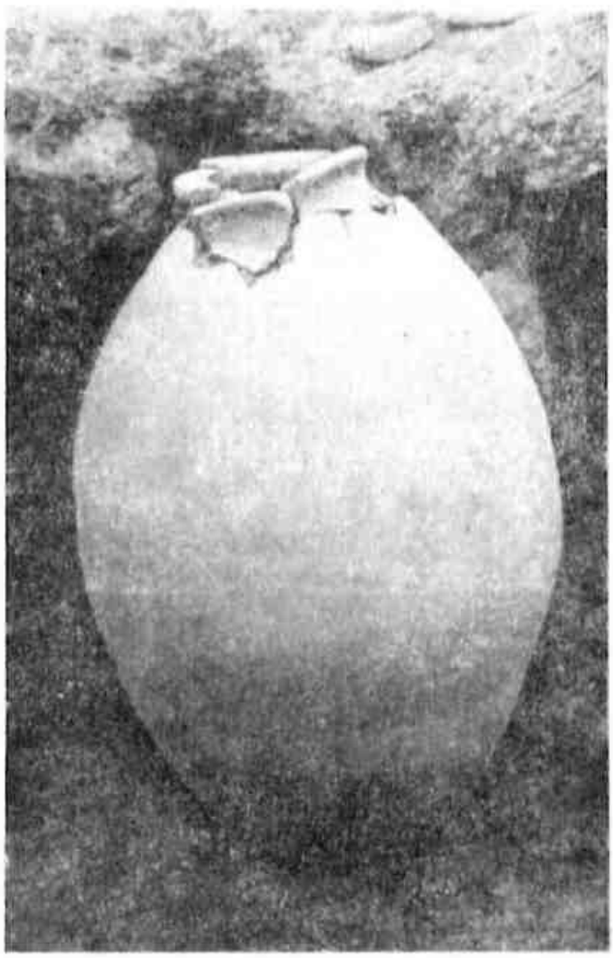


Рис. 74. Малый пифос (из помещения *16*).

Надо заметить, что клейма ремесленников на амфорах — явление вообще редкое, оно наблюдается только в период IX—X вв.; вместе с вновь найденными известно всего десять клейм, представляющих весьма важный материал для изучения гончарного ремесла в Херсонесе того времени.

Из остальной красноглиняной керамики отметим небольшой (диаметр 8.8 см) кувшинчик (верх отбит) с глубокими вертикальными вдавлениями (рис. 75, *в*); такой мотив декорировки довольно часто наблюдается в керамике Закавказья X—XII вв.— в Армении и Азербайджане,[1] нередко встречается и в Херсонесе в слое IX—X вв. (например, в квартале XVII). Генетически он является имитацией определенного декоративного приема обработки металлических сосудов.

Найдено также немного белоглиняной поливной посуды, украшенной марганцевыми мазками (рис. 75, *г*) с характерным для такого рода блюд профилем [2] (рис. 75, *д*) и с рельефными штампованными украшениями; среди них — одно днище с изображением грифона, другое с изображением орла (рис. 75, *е*) [3] и маленький кувшинчик с отбитым горлом (диаметр 6.6 см; рис. 75, *ж*).

Интересны находки предметов, связанных с рыболовством: фрагментов железного якоря (кольцо диаметром 15 см и часть стержня), рыболовных крючков (10 экз.), бронзовой иглы для вязания сетей (длина 14 см). Сюда, возможно, относится и массивный свинцовый стержень (длина 23 см), треугольный в сечении (сторона равна 37 мм), являющийся, вероятно, заготовкой для выделки свинцовых рыболовных колец. Матрица для отливки таких колец найдена была в соседнем дворе (см. выше). Естественно возникает вопрос: не занимался ли сам хозяин выделкой таких колец для своих рыболовных снастей?

Из остальных находок отметим куски толстого оконного стекла, обломки маленьких стеклянных сосудов и рюмок (явно упали из какого-то верхнего помещения) и костяную точеную палочку (длина 10.8 см; рис. 75, *з*).

Раскоп соседнего большого *помещения 12*, представлявшего, повидимому, также двор, но соседней усадьбы, не дал ничего существенного: здесь сохранился тонкий слой с материалом IX—X вв., непосредственно лежащий на скале.

Незначительные по толщине и мало интересные по находкам средневековые слои (раннесредневековый и слой IX—X вв.) были в *помещениях 14* и *15*, причем стратиграфия здесь очень плохо выражена, слои были смешанными и для характеристики помещений дали слишком мало.

[1] См. выше, стр. 128, а также: МИА, 17, стр. 155, рис. 91. — Верх такой же амфоры найден в 1950 г. в Саркеле.

[1] Из Ани (хранится в Историческом музее Армении); то же — в Орен-Кала (Азербайджан).

[2] The Great Palace. . ., pl. 15, *14*, *15*; 16, *36*, *39*, *47*.

[3] Ср. там же, табл. 17, 7.

Помещение *9* содержало в основном те же напластования, заключавшие аналогичный материал. Как и в соседнем помещении *6*, здесь ясно выделялся сравнительно тонкий слой с материалом XI—XII вв., залегавший непосредственно под подошвой позднесредневекового слоя. Найдены обломки типичной для этого времени красноглиняной поливной посуды с рисунком врезной линией по борту в виде стригилей, чередующихся с рядами вертикальных штрихов, а также обломки белоглиняных поливных тарелок с росписью (встречающихся и в позднесредневековом слое), обломки тонкостенного (толщина стенок 4.5 мм) горшка с резко отогнутым наружу венчиком, фрагмент горшка с сильно отогнутым краем и расширенным венчиком, украшенный волной

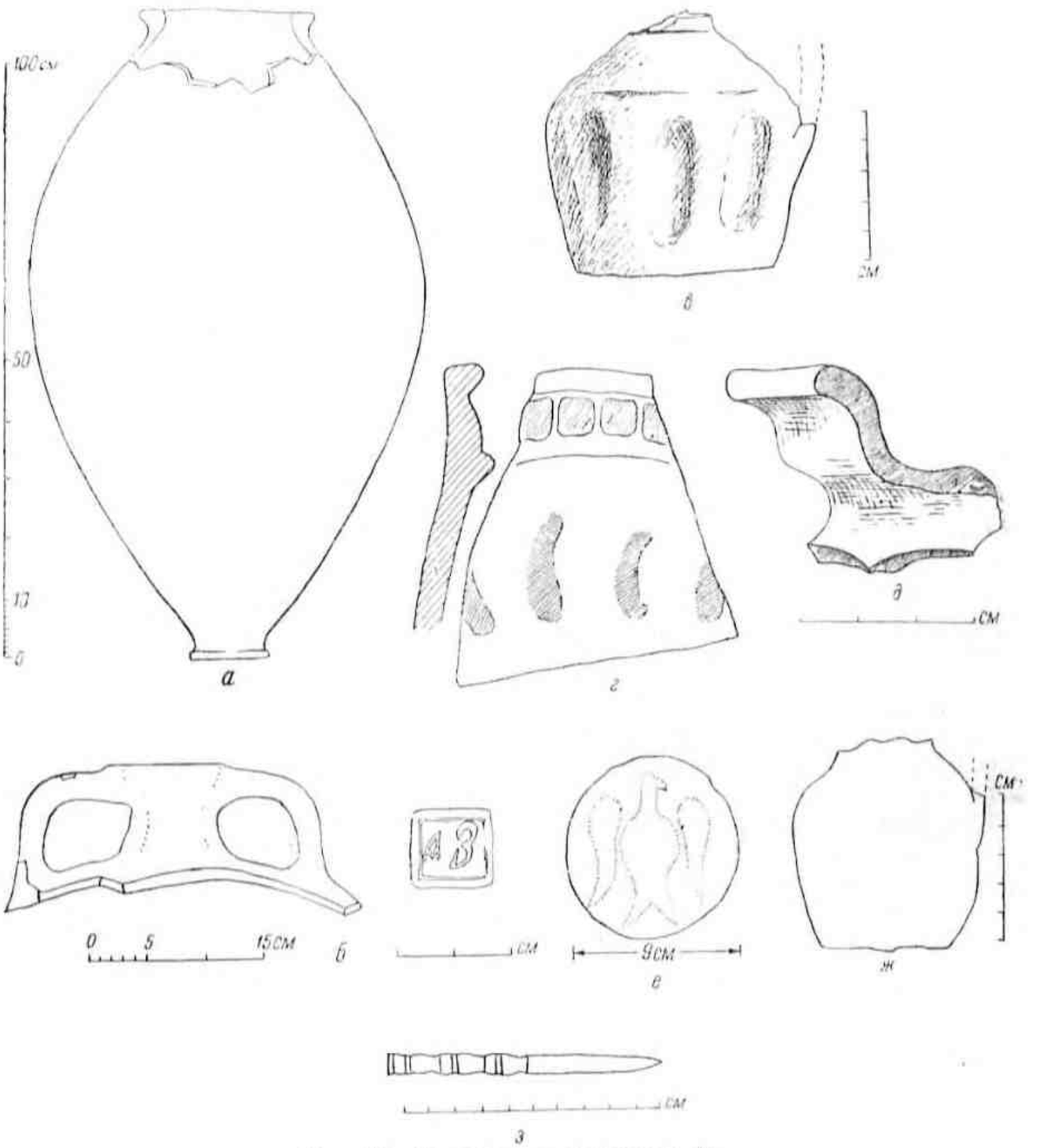


Рис. 75. Находки из помещения *16*.

а — малый пифос; *б* — верхняя часть амфоры с клеймом; *в* — кувшинчик с вертикальными вдавлениями; *г* — фрагмент белоглиняной поливной чаши, украшенной марганцевыми мазками; *д* — фрагмент белоглиняной поливной вазочки; *е* — днище белоглиняной поливной чаши со штампованным изображением орла; *жс* — миниатюрный кувшинчик; *з* — костяная точеная палочка.

и насечками (рис. 76) и напоминающий по орнаментации русские горшки XI—XII вв.

Ниже идет ясно выраженный слой IX—X вв. с материалом, типичным для того времени. В этом слое засыпи, в северном углу помещения, обнаружены две взаимно перпендикулярные стены, связанные со стенами IX—X вв. в помещении *6*. На небольшом пространстве между этими стенами хорошо прослеживается ровная и твердая подошва слоя — пол помещения, стены которого продолжаются в с.-з. сторону от помещения *9*, т. е. во двор (помещение *11*), куда они выступают на 1.40 м. Ниже этого

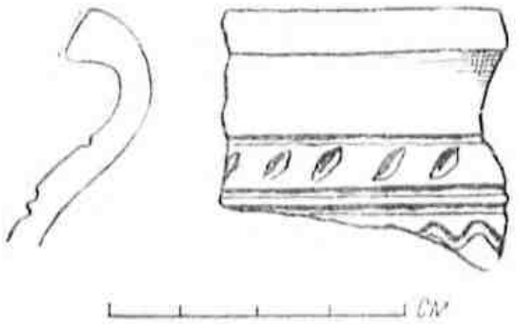


Рис. 76. Фрагмент горшка с насечками и волной (из помещения *9*).

пола идет слой, некоторые находки в котором указывают на раннесредневековую его дату (обломки амфор с резким и глубоким рифлением).

В *помещении 5* непосредственно под подошвой позднесредневекового слоя залегает слой с материалом IX—X вв. (найдена белоглиняная поливная посуда с рельефными украшениями, характерная для этого времени черепица, херсоно-византийские монеты, среди них одна Василия I, остальные сильно окислились и не определены). Та же картина наблюдалась в *помещении 3*, где позднесредневековый слой возвышается непосредственно над слоем с материалом IX—X вв. Из находок в этом помещении особо отметим обломок стеклянного сосуда с рельефным равноконечным крестом в круге.

Раскопками (в 1947 г.) частично вскрыто и продолжение X поперечной улицы, где обнаружен водосток, идущий по искривленной линии и образованный поставленными на ребро плитами. Против помещения *8* найдена разбитая черепица IX—X вв. с выокорельефной меткой в виде монограммы НК.

Верхние слои в с.-з. части расследованного квартала XVIII не сохранились — они были сняты, вероятно, для постройки расположенной рядом французской батареи времен Крымской войны. Вследствие этого полного представления о жилых усадьбах на данном участке, т. е. в западном углу квартала, получить нельзя. Наоборот, ю.-в. часть участка, примыкающая к II продольной улице, сохранилась хорошо. Раскопанные здесь помещения вносят новые черты в характеристику планировки позднесредневекового Херсонеса.

Особый интерес представляет *помещение 1*, удлиненной формы, идущее через весь участок с ЮВ на СЗ в глубину квартала. Со стороны II продольной улицы это помещение преграждает небольшая усыпальница (о ней речь ниже), оставляющая лишь узкий проход (ширина 1.35 м), соединяющий помещение *1* с улицей. Уровень последней был несколько выше помещения, поэтому указанный проход имел пологий спуск.

Помещение *1* не являлось жилым. Завал черепицы [1] наблюдался лишь с ю.-з. его части — вдоль помещений *2а*, *2* и *3*, кровля которых, очевидно, имела скат в с.-в. сторону, т. е. в сторону помещения *1*, куда при разрушении частично и свалилась. Кровля у помещения, повидимому, отсутствовала, т. е. оно было открытым и являлось, очевидно, *проулком*, по обе стороны которого были расположены жилые усадьбы и из которого в эти усадьбы вел вход: в помещение *18* на территории квартала XVII, в помещение *2* на территории квартала XVIII.

Проулок этот не был сквозным, он упирался в глухую стену и, таким образом, являлся тупиком. В конце его, с с.-в. стороны, располагался двор (помещение *24* квартала XVII). С противоположной стороны также, вероятно, был двор, но здесь, как сказано, верхний (позднесредневековый) культурный слой не сохранился и наличие двора можно лишь предполагать, исходя из общей конфигурации помещений на раскопанном участке.

[1] Метки преимущественно № 44 (собака), а также №№ 22, 27, 39, 50, 63, 117, 124, 125, 128, 218, 249, 250, 306 (здесь и далее номера даны по таблицам меток, опубликованным в МИА. 17, стр. 124—144).

В ю.-в. конце проулка, у стены усыпальницы, найден большой мраморный импост, несомненно V в. (рис. 77). Он происходит, вероятно, из соседней базилики (раскопана в 1935 г.) и в позднее Средневековье служил, надо думать, в качестве сидения, подобно византийско-коринфской капители VI в., стоявшей на углу IX поперечной и II продольной улиц (раскопки 1940 г.).

течений в Херсонесе, связанных по преимуществу с Закавказьем, и вместе с тем на резкое ослабление культурной связи с Византией.[1]

Очень вероятно, что планировка данной части квартала с проулком возникла именно в позднее Средневековье — в XIII в., а до того этот участок был сплошь застроен жилыми усадьбами. На это косвенно указывают ямы, обнаруженные ниже «пола»

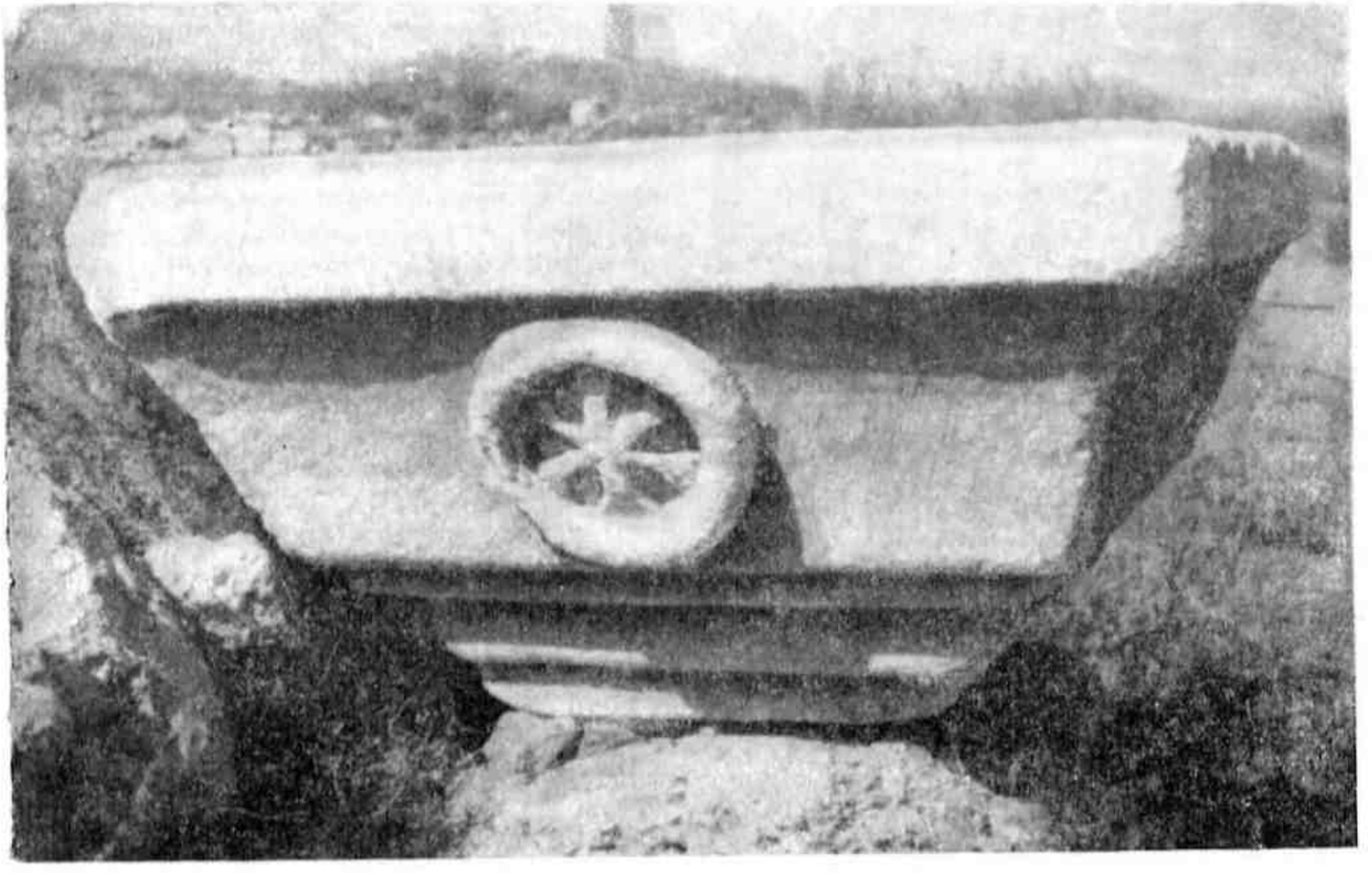


Рис. 77. Мраморный импост (из помещения *1*).

Все немногочисленные предметы, найденные в этом проулке, явно происходят из соседних жилых помещений, откуда они при разрушении домов свалились в проулок. Среди этих вещей отметим костяной перстень, украшенный кружочками, и особенно красноглиняную поливную чашу (миску) с рисунком врезной линией, изображающей сирина (найдена против помещения *2б*) (рис. 78). Памятник этот очень важен для понимания художественной культуры позднесредневекового Херсонеса и вместе с другими фактами указывает на усилившееся в XII—XIII вв. значение Малой Азии как проводника новых культурных

проулка и заполненные материалом XI—XII вв. и IX—X вв.; заполнение ям происходило, надо думать, именно с целью нивелировки площади в связи с новой планировкой ее. Таких ям зарегистрировано четыре: из них две (в с.-з. части проулка) содержали материал IX—X вв. (кувшины с плоскими ручками), одна (в самом конце проулка), доходящая до скалы, также была заполнена материалом IX—X вв. и одна яма (глубина 1.20 м) — с двукратным заполнением: внизу ее оказался материал IX—X вв., а выше материал XI—XII вв.

[1] Подробнее см.: МИА, 17, стр. 223, 226 сл.

Последний представлял собой яйцевидные амфоры с дуговидными ручками, плоскодонные амфоры с плоскими ручками и коротким горлом, множество обломков пифоса с маленьким плоским дном и горшков, множество костей мелкого рогатого скота, наконец, обломки кирпичей от гончарной

Рис. 78. Поливное блюдо с изображением сирина (из помещения *1*).

печи, расположенной в квартале XVII. Важно отметить, что яма эта начинается не непосредственно от подошвы проулка, а несколько ниже; яму прикрывает слой плотной, утрамбованной земли.

Вдоль проулка, с ю.-з. его стороны, расположены три помещения: *2а*, *2* и *2б*. Дальше, как сказано, вероятно, находился двор. Вместе с ним все три помещения, судя по планировке всей этой части квартала, составляли, надо полагать, одну жилую усадьбу.

Среднее из помещений — *помещение 2* — имело проход в проулок. Оно было крытым, причем завал черепицы в нем сосредоточивался преимущественно вдоль с.-в. стены;[1] с кровлей этого же помещения связан, несомненно, и завал черепицы вдоль ю.-з. стены проулка. Отсюда ясно, что помещение *2* было перекрыто на один скат. Перед входом обнаружены горелые доски и перекладина с железным гвоздем, представляющие остатки деревянного стропильного перекрытия; тут же лежал жернов. Посуда, найденная в помещении, была сосредоточена на каменной приступке (со следами обмазки), предназначенной, вероятно, для установки амфор. Из этой керамики отметим поливной кувшинчик с геометрическим и растительным орнаментом, поливную чашу с изображением птицы, красноглиняный сосуд с ямочными украшениями, глиняное сито и амфоры трех типов, бытовавших в позднесредневековый период, — удлиненные круглодонные с высокоподнятыми ручками, притом большого размера, и яйцевидные с дуговидными ручками, а также плоскодонные с плоскими ручками.[2]

Пол помещения был покрыт толстым (5—7 см) слоем желтой глины. У с.-в. стены (граничащей с проулком) под полом обнаружена яма, глубиной от пола помещения 0.75 м, уходящая под стену и, следовательно, предшествующая постройке усадьбы. Среди заполняющего яму материала найдены обломки красноглиняной поливной посуды с рисунком врезной линией и белоглиняной расписной; на красноглиняной поливе встречен мотив перекрещенного ромба, что позволяет датировать эту керамику XII в.[3] На дне ямы находился материал, датируемый IX—X вв. (донца кувшинов с плоскими ручками, битая черепица темнокрасного обжига с характерными для этого времени низкими и толстыми бортиками); кроме того, в яме найдена бронзовая монета Романа I (№ 286).

Стена, отделяющая помещение *2* от помещения *2а*, не сохранилась:[4] с ю.-з. стороны

[1] Метки на черепицах: №№ 11, 39, 44, 65, 114, 136, 250, 289.

[2] Аналогичные амфоры обычны в верхнем слое Эски-Кермен.

[3] Об этом мотиве см.: МИА, 17, стр. 117, 204, табл. VII, 35, и XXX, 123.

[4] Возможно, что это результат разрушений при старых раскопках времени Р. Х. Лепера.

она оборвана в самом начале, а с с.-в. стороны торец стены гладкий, что указывает на наличие здесь прохода. Стена, граничащая с улицей, также сохранилась лишь частично. Параллельно ей, почти впритык к ней, шла другая стена, начало которой сохранилось у с.-в. угла; тыльная сторона ее рваная; возможно, что это основание лестницы, ведшей на верхний этаж помещения. В южном углу его находится глинобитная площадка с обилием золы (под печи?). Под этой площадкой обнаружена большая яма, содержащая материал IX—X вв. (кувшины с плоскими ручками) и более поздний — XI—XII вв. На полу помещения — завал черепицы.[1] Из отдельных предметов большой интерес представляет найденная у с.-з. стены костяная пластинка (длина 10.8 см) с расширенными концами. Один из концов пластинки обработан в виде грубо вырезанной головы животного, выступающей из плоскости пластинки, на оборотной стороне которой гравировкой нанесена тройная извивающаяся лента; на верхней стороне награвировано 12 кружочков. Очевидно, пластинка представляет собой изображение змеи (рис. 79) и являлась накладышем на какой-то предмет; кроме того, там же найдена костяная пластинка от крышки шкатулки, украшенная кружочками. Из керамики отметим маленький кувшинчик с плоской ручкой (сохранилась часть ее).

Помещение 2б. Позднесредневековый слой здесь в большей части уничтожен; вероятно, этим объясняется то, что от стены, отделяющей это помещение от помещения *2*, сохранилось лишь основание. Помещение было крытым: в ю.-в. части его — завал черепиц.[2] Из предметов отметим обломки четырех красноглиняных поливных блюд.

За помещениями *2б—2—2а* следовал, надо полагать, двор, принадлежавший этой усадьбе, с которым, вероятно, связано было *помещение 3* — закуток, расположенный позади помещения *2*. Остальная часть этого помещения не сохранилась. Той же усадьбе принадлежало и *подвальное помещение* (*4* и *5*), разделенное тонкой стенкой, идущей немного наискось.

Помещения 4 и *5* граничат с улицей, от которой они отделены глухой стеной. Оба они значительно глубже соседних помещений; в позднесредневековых усадьбах Херсонеса такую глубину обычно имеют подвальные кладовки, каковой могло быть и это двойное помещение, хотя обычного в таких случаях скопления керамической тары (пифосы, амфоры) здесь не было. В помещении *4* найдены три обломка маленьких глиняных тигельков. Над этими подвалами, вероятно, находилось жилое помещение. На черепичную кровлю его указывает завал черепицы (внизу — сплошной, выше — черепицы смешаны с камнями обрушившихся стенок).[1] В это верхнее помещение из помещения *3* вел проход.

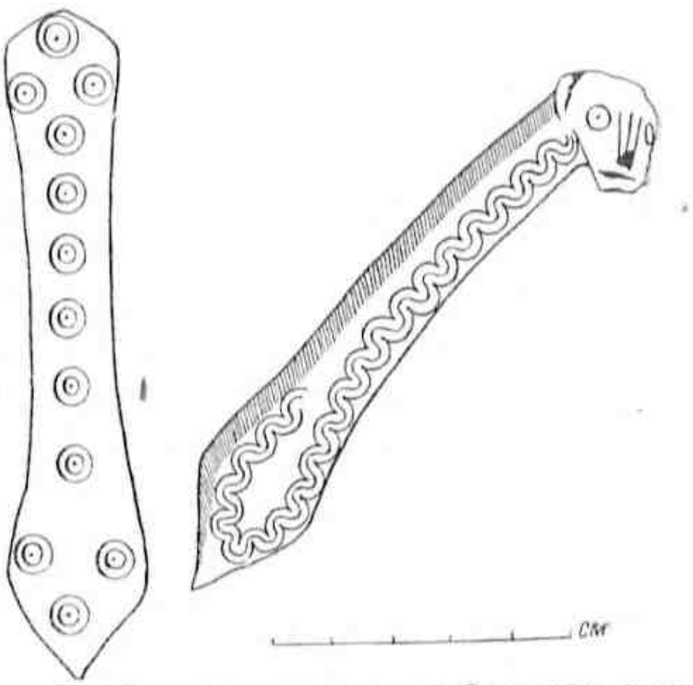


Рис. 79. Костяная пластинка с изображением змеи (из помещения *2*).

Помещение 3 состояло из двух частей: из примыкающей к помещению *4* коридорообразной части и следующей за ней более широкой, но почти не сохранившейся. Это типичный для позднесредневековых усадеб закуток — результат обычных переделов и разделов усадеб. Помещение было также крытое, на что указывает завал черепицы.[2]

после которых помещения использовали для ссыпки земли из раскопок на соседнем участке — в бывшей монастырской ограде. Толщина этой засыпи не менее 1.5 м.

[1] Метки №№ 39, 62, 63, 65, 71, 97, 119, 124 (3 шт.), 177 (6 шт.), 249, 306.

[2] Метки преимущественно № 124, а также № 44 (собака).

[1] Метки преимущественно №№ 39 (44 шт.), а также 62, 63, 65, 71, 127, 137, 179, 249, 297.

[2] Метки №№ 39, 44 (собака), 56 (птица), 124, 133, 218, 247, 249, 307.

В нем, кроме мелких обломков керамики, находок не было.

К следующей усадьбе из сохранившихся помещений относим *помещение 9*. Что оно принадлежит уже другой усадьбе, показывает открытый у стены этого помещения, отделяющего его от помещения *5*, очаг, из чего можно заключить, что разделяющая стена была глухой, сплошной. Помещение это — прямоугольное с небольшим закутком в сторону помещения *5*; оно было также крытым, причем черепичные метки встречались почти исключительно с именем ΓЄΩΡ[ΓΙΟC] (№ 249); остальные метки встречены в незначительном количестве. Сопоставление этого факта с тем, что в перекрытии помещений соседней усадьбы (помещения *3*, *4*, *5*) доминировали черепицы с меткой в виде монограммы с изображением животного (№ 39), ведет к заключению, что хозяин усадьбы приобретал черепицу преимущественно в одной мастерской; черепицы же с другими метками, встречающимися в покрытии данного помещения в незначительном количестве, приобретались впоследствии и лишь для ремонта, притом в других мастерских. То же явление неоднократно наблюдалось на многих участках раскопок. Керамики в помещении *9* найдено немного: обломки плоскодонных амфор светлокрасного обжига с плоскими ручками, типично позднесредневековых, обломки яйцевидных амфор, половина стеклянного браслета и длинная железная пластинка; поливных обломков почти не встречено.

В западном углу помещения имелся выход, но соседнее помещение не сохранилось.

Смежное же помещение *6* принадлежало, как мы полагаем, другой усадьбе, от которого уцелело только одно это помещение, так что планировка обеих этих усадеб остается невыясненной.

Рис. 80. Усыпальница, общий вид.

Помещение 6 также дало маловыразительный материал: бочковидное глиняное грузило, бронзовую цепочку с продырявленной монетой Романа I и ручку лопаты (или кирки). Черепиц встречено немного.[1]

Большой интерес вызывает упомянутая *усыпальница* перед проулком, выходящая на II продольную улицу. Усыпальница представляет небольшую камеру (внутренние размеры 3.1×2.3 м) с двумя гробницами, разделенными тонкой перегородкой (рис. 80). Гробницы перекрыты плитами. В первом погребении (северо-западном) (рис. 81) лежал детский костяк головой на ЮЗ; кости другого скелета были разбросаны, вещей при нем не было. Во втором погребении лежал

[1] Метки №№ 37, 39, 63, 250.

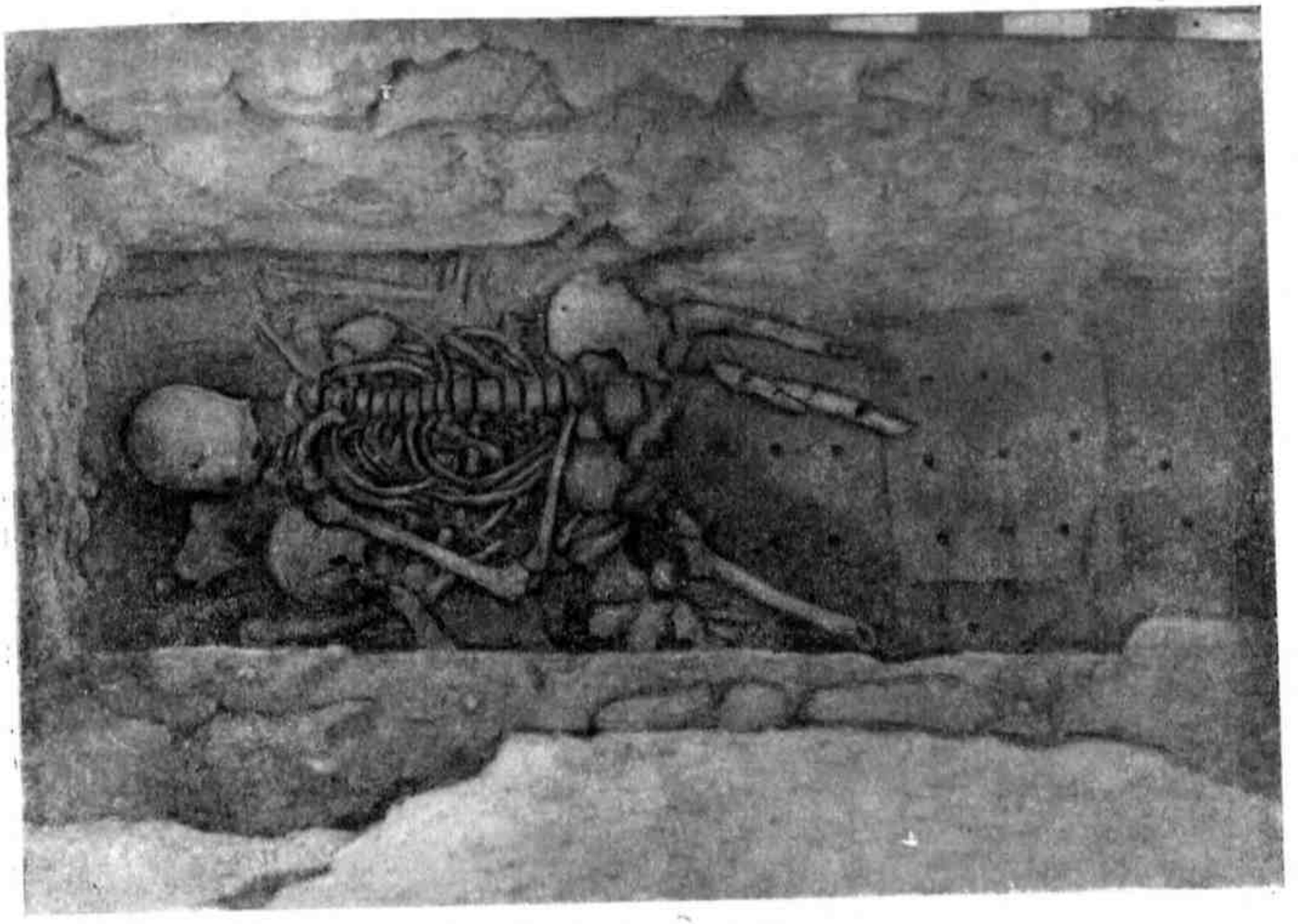


Рис. 81. Усыпальница, могила 2.

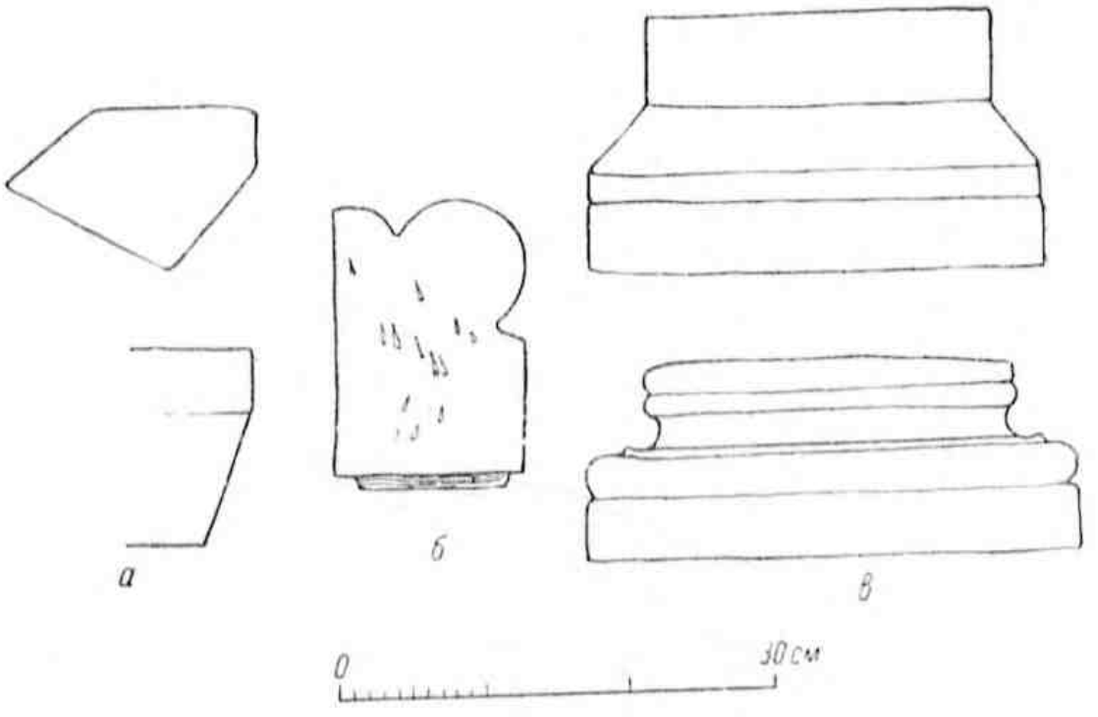


Рис. 82. Усыпальница.

а — профиль карниза; *б* — фрагмент камня с угловой полуколонной; *в* — мраморные базы колонны.

взрослый костяк; среди костей найдена бронзовая серьга в виде проволочного колечка с бубенчиком. Череп был прикрыт половиной кровельной черепицы с меткой № 306. Обе могилы выложены черепицей с меткой № 124 (В) и с шестью сквозными отверстиями, сделанными до обжига, — вероятно с целью просушки могилы.

В завале камня и битой черепицы над могилами в большом количестве найдены хорошо отесанные клинья от цилиндрического свода, которым, очевидно, была перекрыта усыпальница, причем на многих камнях сохранился тонкий слой штукатурки, покрытой фресковой росписью, преимущественно красной краской (фрагментарность этих остатков не дала возможности уловить какое-либо изображение). Такие же клинья от свода были найдены и в проходе с улицы в проулок. Кроме того, в усыпальнице найдены куски карниза простого профиля в виде полочки, обычного в позднесредневековых усадьбах Херсонеса; карниз также покрыт штукатуркой с остатками фресок (рис. 82, *а*). К архитектурному убранству усыпальницы относится и фрагмент с угловой полуколонной (рис. 82, *б*). В завале камня были найдены две небольшие мраморные базы (рис. 82, *в*), сильно пострадавшие от огня и принадлежавшие предалтарной преграде (взяты, вероятно, из той же соседней базилики, что и иноост в проулке). Там же найдены фрагмент ажурного бронзового хороса (рис. 83) и довольно много битой черепицы, причем не только позднесредневековой, но и более ранней, темно-красного обжига и с метками высокого рельефа.[1]

В целом усыпальницу следует представлять в виде двухэтажной постройки с двумя погребальными камерами внизу и с верхним сводчатым помещением, полом которого служили плиты могил. Верхнее помещение было расписано фресками и, возможно, служило молельней, на что указывают находки баз, использовавшихся, вероятно, для алтаря, и фрагмента хороса. Входов в открытых частях стен нет; очевидно, вход в верхнее помещение находился выше.

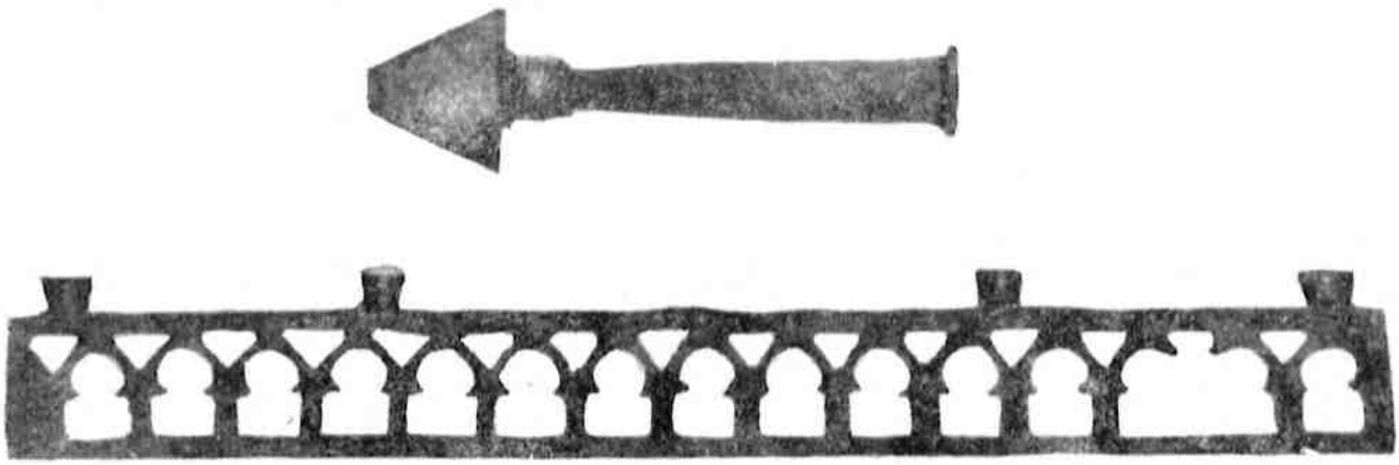


Рис. 83. Фрагмент бронзового хороса, найденного в усыпальнице.

Усыпальница относится, судя по настланным в могиле черепицам, ко времени не ранее XIII в.; она принадлежала, надо думать, какой-то знатной семье, выстроившей себе усыпальницу на видном месте квартала — на углу проулка и II продольной улицы. Подобные небольшие усыпальницы в позднесредневековом Херсонесе не беспримерны; одна такая известна в с.-в. части городища. Она также расположена на перекрестке улиц (главной продольной и V поперечной).[2] Многочисленны были усыпальницы, пристраивавшиеся к приходским церквам (например, в квартале I с.-в. части городища).

Переулок с усыпальницей вносит характерный штрих в позднесредневековую топографию Херсонеса. Это, пожалуй, наиболее интересный результат раскопок верхнего слоя на расследованном участке.

---

[1] Метки №№ 33 (всадник с луком), 96, 279, 319.
[2] Хсб, вып. III, 1931, стр. 76, рис. 21.

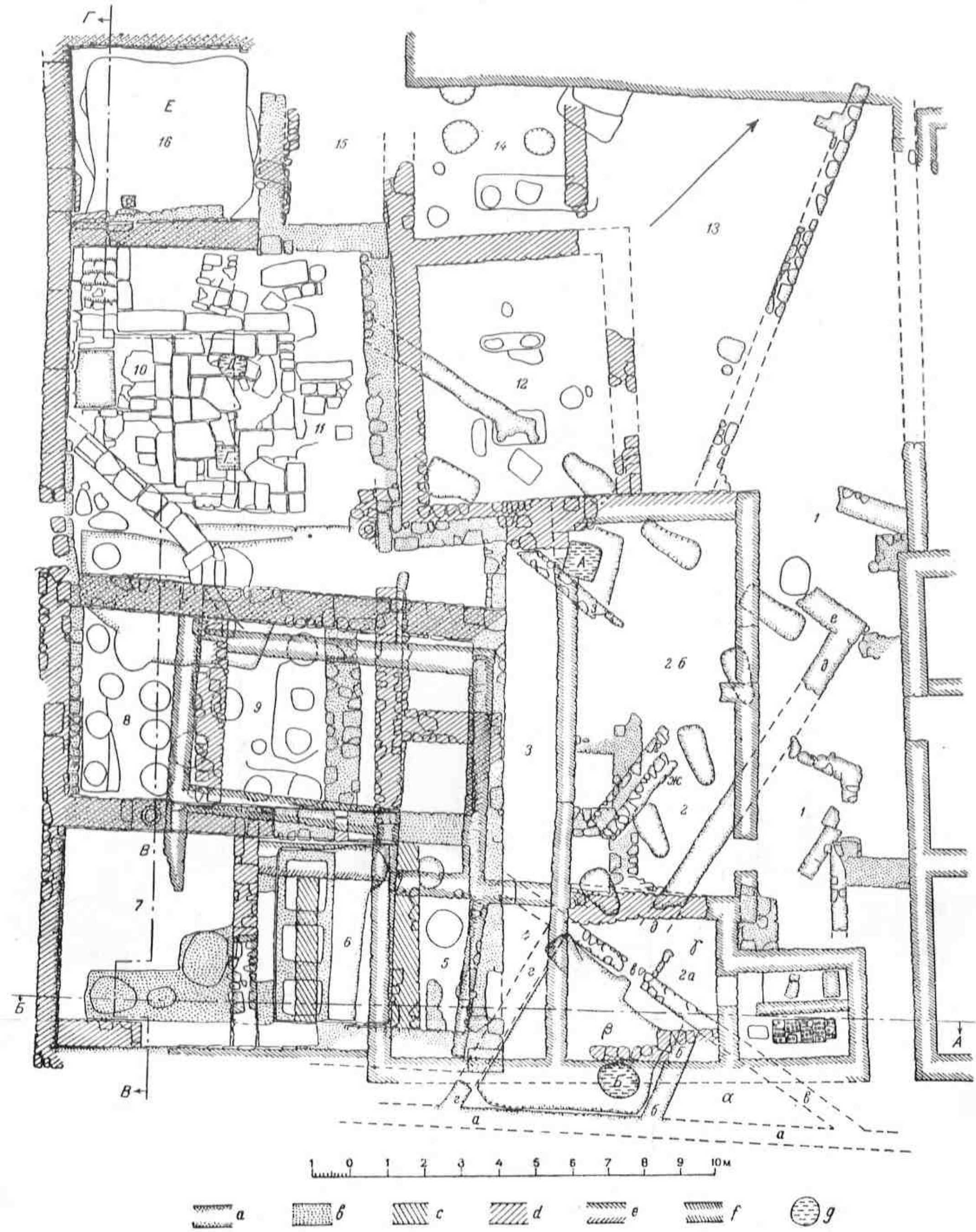


Табл. I. Общий план квартала XVIII.

1 — 16 — помещения; *а—з* — стены. Обозначения построек: *а* — III—II вв. до н. э.; *b* — I—IV вв. н. э.; *с* — V—VI вв.; *d* — IX—X вв.; *е* — XI—XII вв.; *f* — XIII—XIV вв.; *g* — колодцы *А*, *В*, *Г* и цистерна *Б*, *Д*.

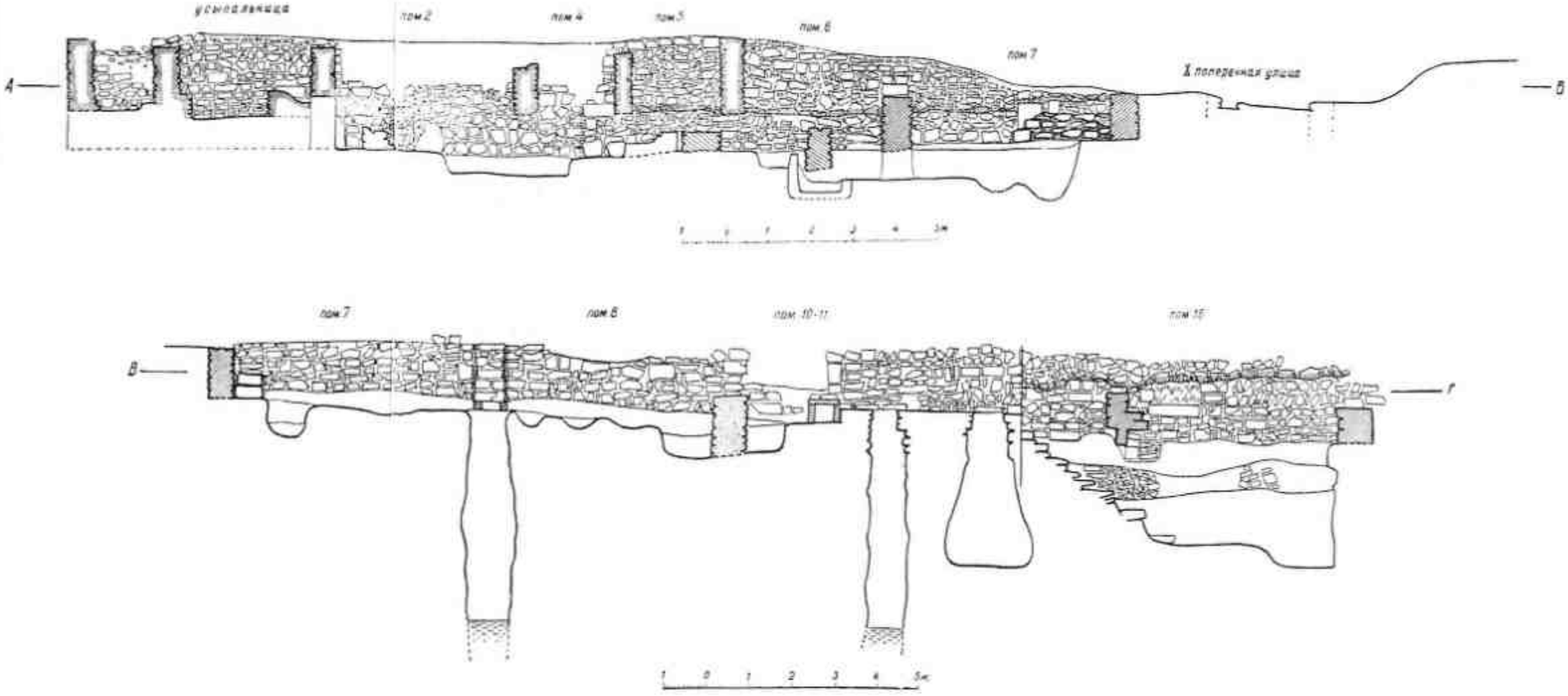


Табл. II. Разрезы строительных остатков в квартале XVIII.

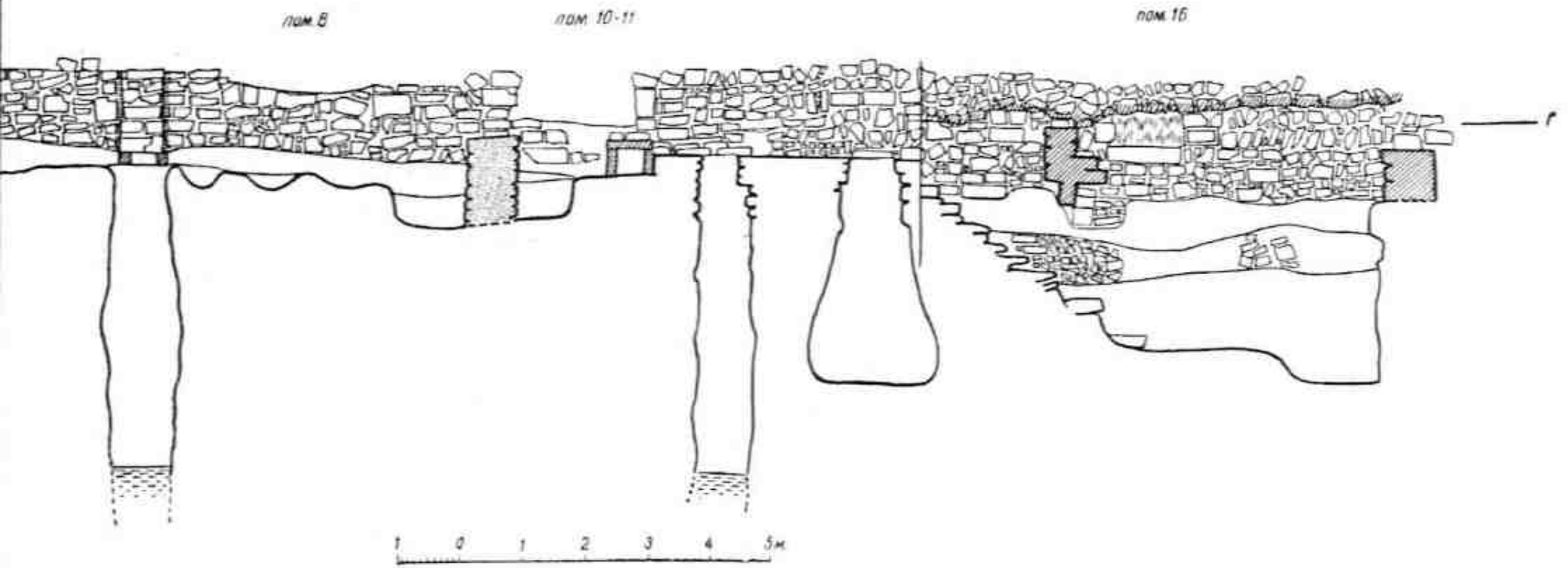


Табл. II. Разрезы строительных остатков в квартале XVIII.

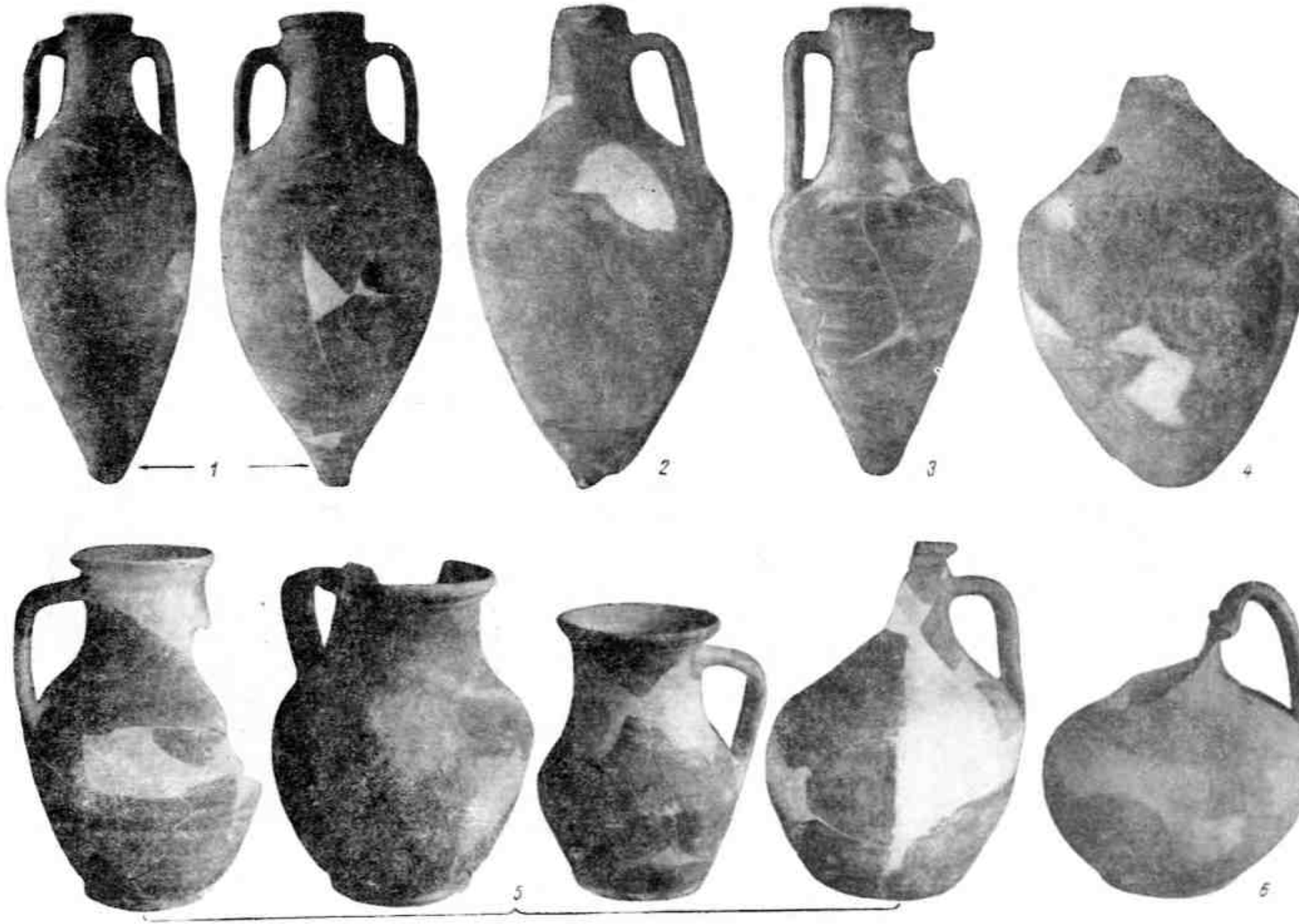


Табл. III. Квартал XVIII. Керамика конца II—начала I в. до н. э. (из помещения *абвг*).

1—4 — амфоры; *5—6* — кувшины.

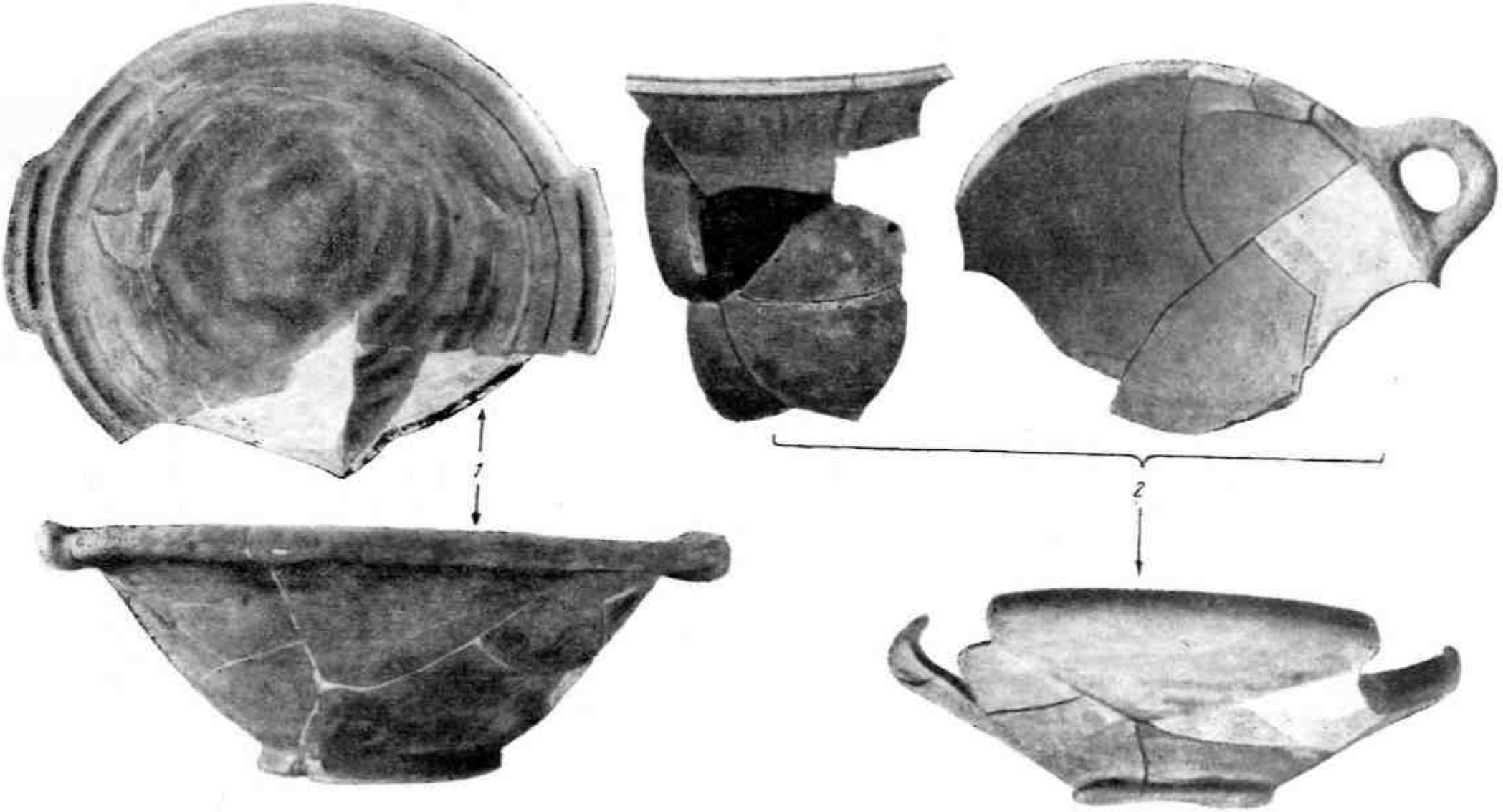


Табл. IV. Квартал XVIII. Лутерии конца II—начала I в. до н. э.

1 — из помещения *абвг*; *2* — из помещения, расположенного к СВ от стены *в*.

Табл. V. Квартал XVIII. Кухонная посуда конца II—начала I в. до н. э. (из помещения *абег* и помещения, расположенного к СВ от стены *е*).
1, 2 — крышки; *3, 4* — плошки; *5—7* — горшки.

Табл. VI. Квартал XVIII. Кухонная посуда конца II—начала I в. до н. э. (из помещения *абег*).

1 — круглодонные кувшины; *2* — плоскодонный кувшин; *3* — сковорода; *4* — лепные миски

Табл. VII. Квартал XVIII. Чернолаковая керамика второй половины II—начала I в. до н. э. (из помещения *абвг*)

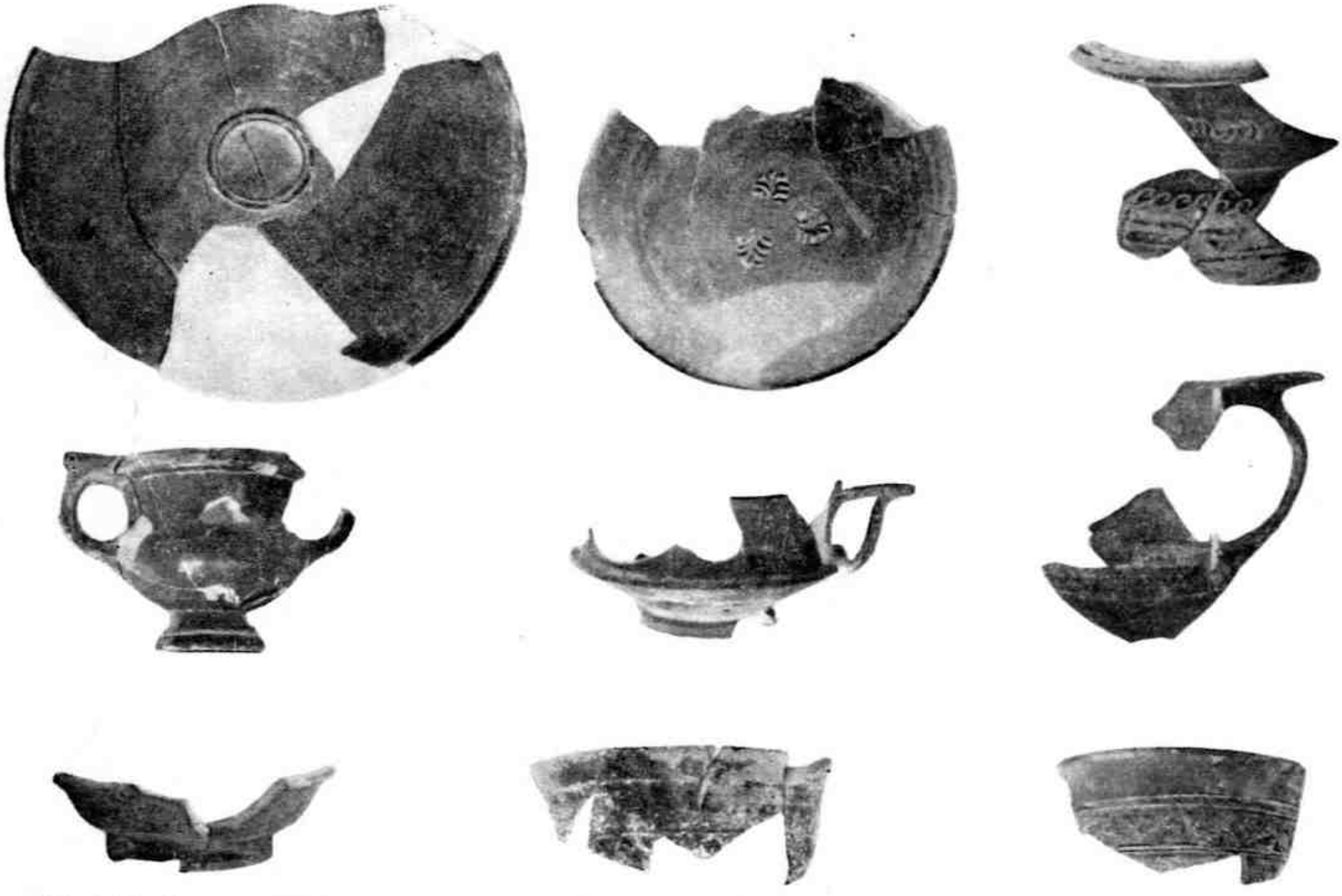


Табл. VIII. Квартал XVIII. Чернолаковая керамика второй половины II—начала I в. до н. э. (из помещения, расположенного к СВ от стены *в*).

Г. Д. Белов

ЗАПАДНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА И НЕКРОПОЛЬ ВОЗЛЕ НЕЕ

(РАСКОПКИ 1948 г.)

Западная прибрежная часть Херсонеса сравнительно мало подвергалась археологическим раскопкам. Небольшие работы разведочного характера велись здесь в 1891 г. В это время были открыты крестообразная в плане пристройка к базилике и маленький храмик со склепом и усыпальницами.[1] В 1895 г. были открыты калитка и часть крепостной стены, примыкающей к обрыву берега.[2] Наиболее значительные по масштабу раскопки были проведены здесь в 1901 г. В результате их полностью исследована большая базилика, получившая название «Западная», продолжена раскопка крепостной стены на протяжении около 25 м, а в связи с нею обнаружены два склепа римского периода.[3] Кроме того, небольшая раскопка была выполнена в 1928 г. Она была предпринята с целью выяснить продолжение оборонительной стены эллинистического времени, к северу от упомянутого небольшого храмика со склепом.

С тех пор раскопки в западной прибрежной части города не производились. В 1948 г. решено было возобновить исследование некрополя возле западной стены и открыть внешнюю сторону первой куртины крепостной стены. Обе эти задачи мы надеялись выполнить одновременно, полагая, что так как крепостная стена на данном участке прошла над некрополем (что доказано раскопками 1901 г.), то, открывая стены, можно было рассчитывать и на открытие вблизи них склепов. В процессе раскопок наши предположения оправдались.

Крепостная стена с наружной стороны была открыта нами до стыка первой и второй куртин, т. е. до поворота линии стены. Кроме того, была частично расследована и вторая куртина с внешней и внутренней ее сторон, причем с внешней стороны стена раскопана на расстоянии около 6 м (рис. 1).

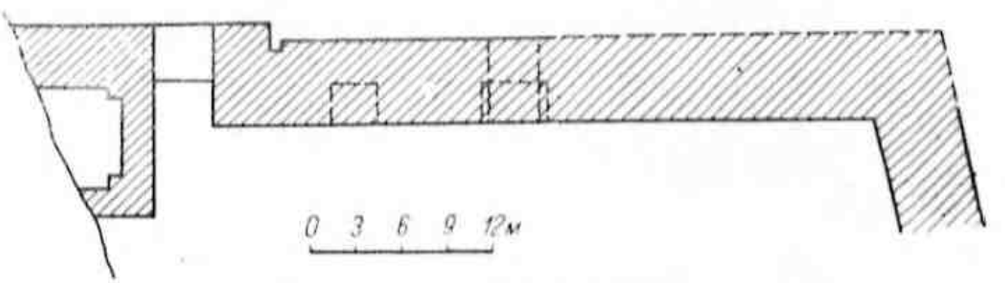


Рис. 1. План первой куртины западной оборонительной стены.

Насыпь возле стены, образовавшаяся вследствие разрушения последней, состояла из мелких камней и массы песка с известью. От стены сохранилась лишь ее бутовая кладка, облицовочные же плиты были выбраны настолько тщательно, что на месте не осталось почти ни одного камня (рис. 2). Это обстоятельство говорит о том, что окончательное разрушение крепостной стены произошло не вследствие нападения неприятеля, а в результате выборки облицовочных камней для вторичного их использо-

[1] ОАК за 1891 г., стр. 12—13.
[2] ОАК за 1895 г., стр. 102—103.
[3] ИАК, вып. 4, стр. 51—73.

вания. Все же следы рядов облицовочных квадров сохранились и дают возможность восстановить систему кладки стены. Кладка стен производилась правильными рядами, причем сначала укладывались с обеих сторон стены штучные облицовочные блоки, а затем внутреннее пространство между ними заполнялось бутовым камнем на растворе из извести с песком.

своими тычками, вторые ставились длинной стороной вдоль стены, укрепляя ее забутовку. Те и другие располагались в системе определенного чередования. Однако в сохранившейся облицовке западного конца стены, раскопанного в 1901 г., порядок чередования не выдержан полностью (рис. 4).

Облицовка стен на месте сохранилась

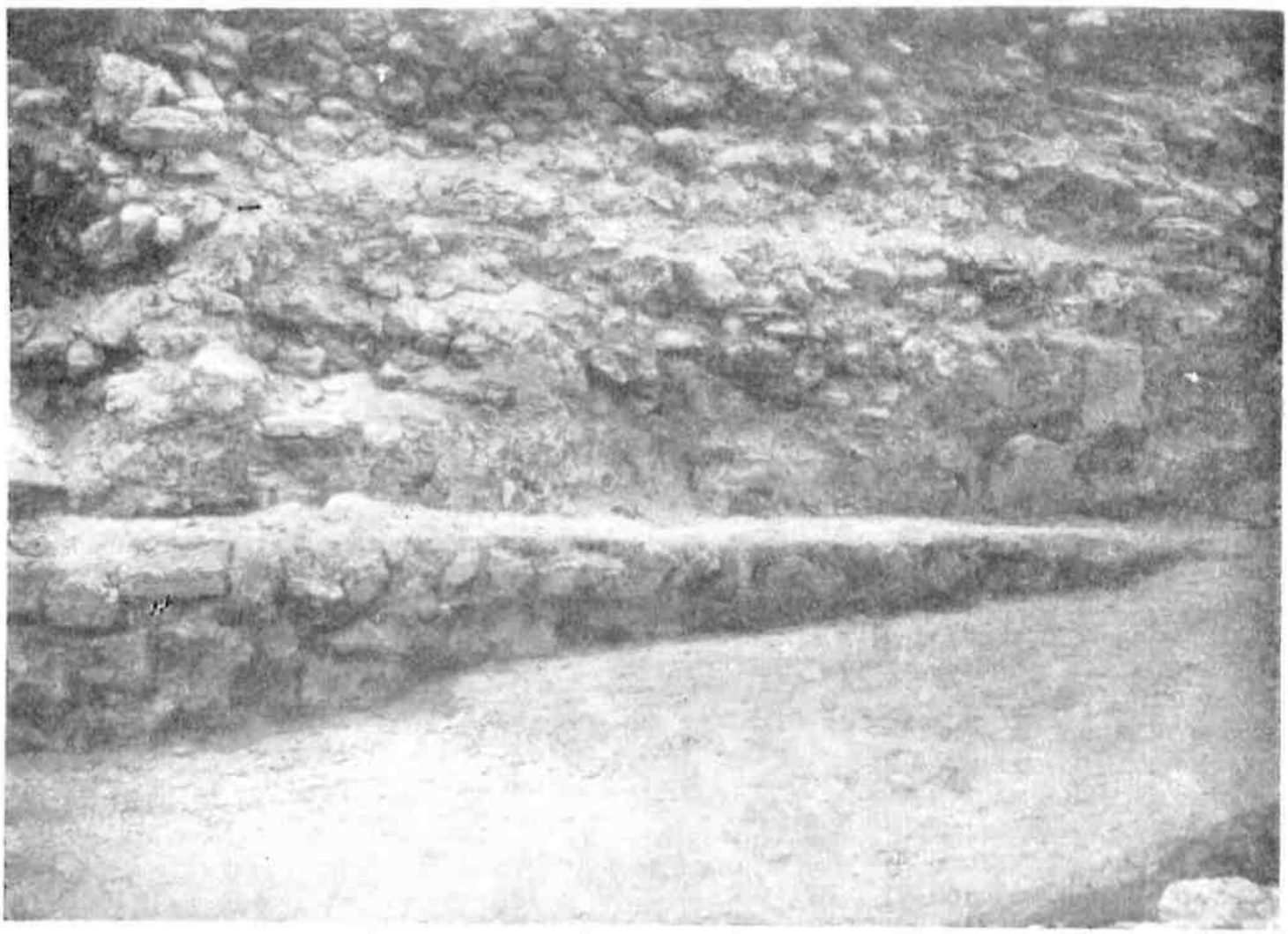


Рис. 2. Западная стена после раскопки.

Местами в стене, на определенных интервалах, сохранились штучные удлиненные блоки, уходящие своими тычками в толщу стены, т. е. клавшиеся поперек ее, но наружные их концы все же оказались обломанными при выборке облицовки (рис. 3). Крупные блоки облицовочной кладки встречены были в засыпи среди мелких камней, причем по размерам различаются два вида их: 1) блоки размерами $1.05 \times 0.55 \times 0.41$ м и 2) широкие тонкие плиты величиной $0.82 \times 0.69 \times 0.26$ м. Первые закладывались в бутовую толщу стены и выступали наружу

лишь на стыке первой и второй куртин: несколько плит — в нижних рядах с наружной стороны первой куртины (рис. 5) и несколько рядов — с внутренней стороны второй куртины; плиты последней отличаются значительно меньшими размерами. Среди облицовочных плит встречались вторично использованные камни, например плита с профилем (рис. 6).

Возле арки ворот, к востоку от нее, раскопка доведена до материка, причем оказалось, что фундамент стены покоится не на скале, а на слое материковой глины,

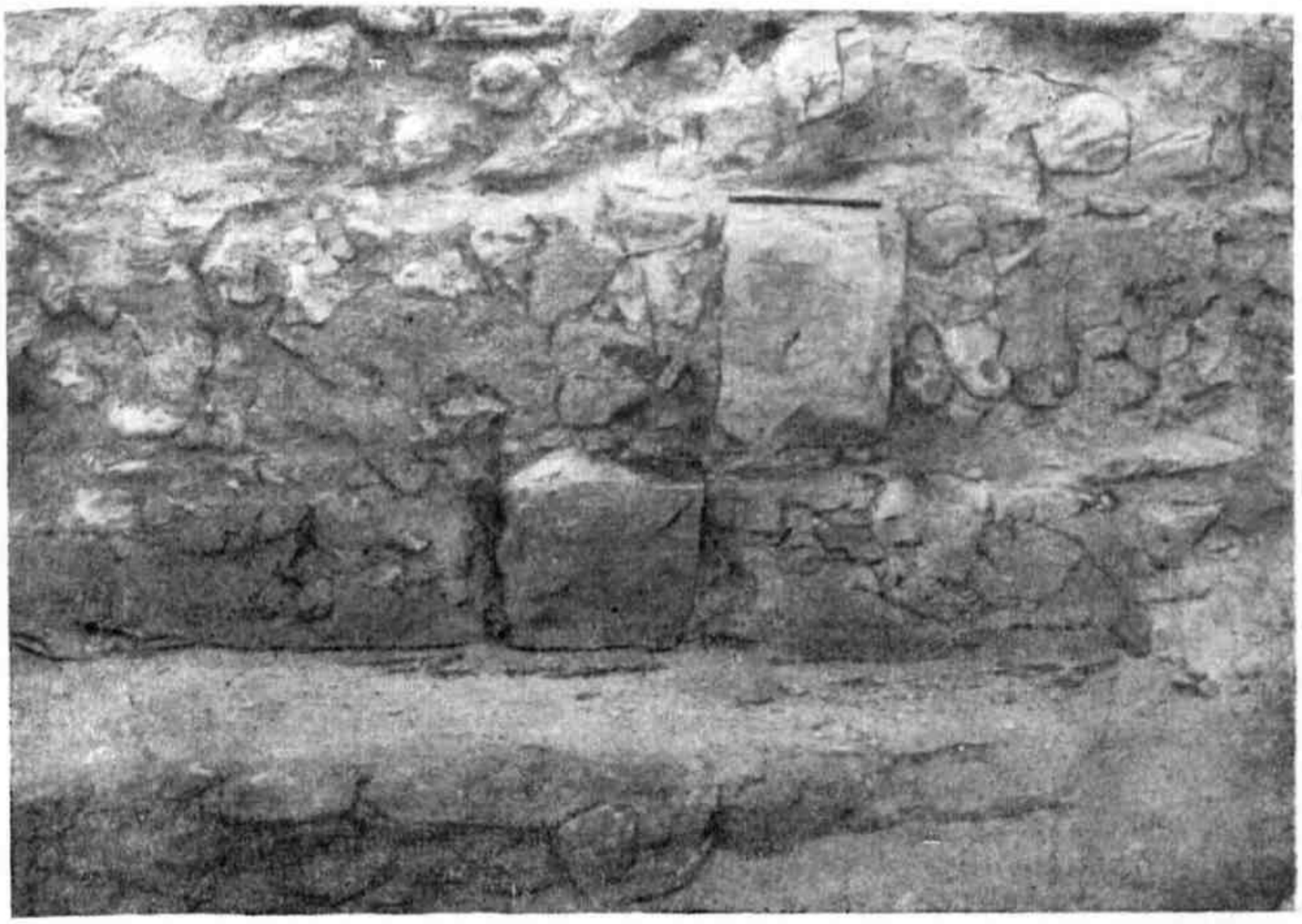


Рис. 3. Остатки штучных блоков в бутовой кладке стены.

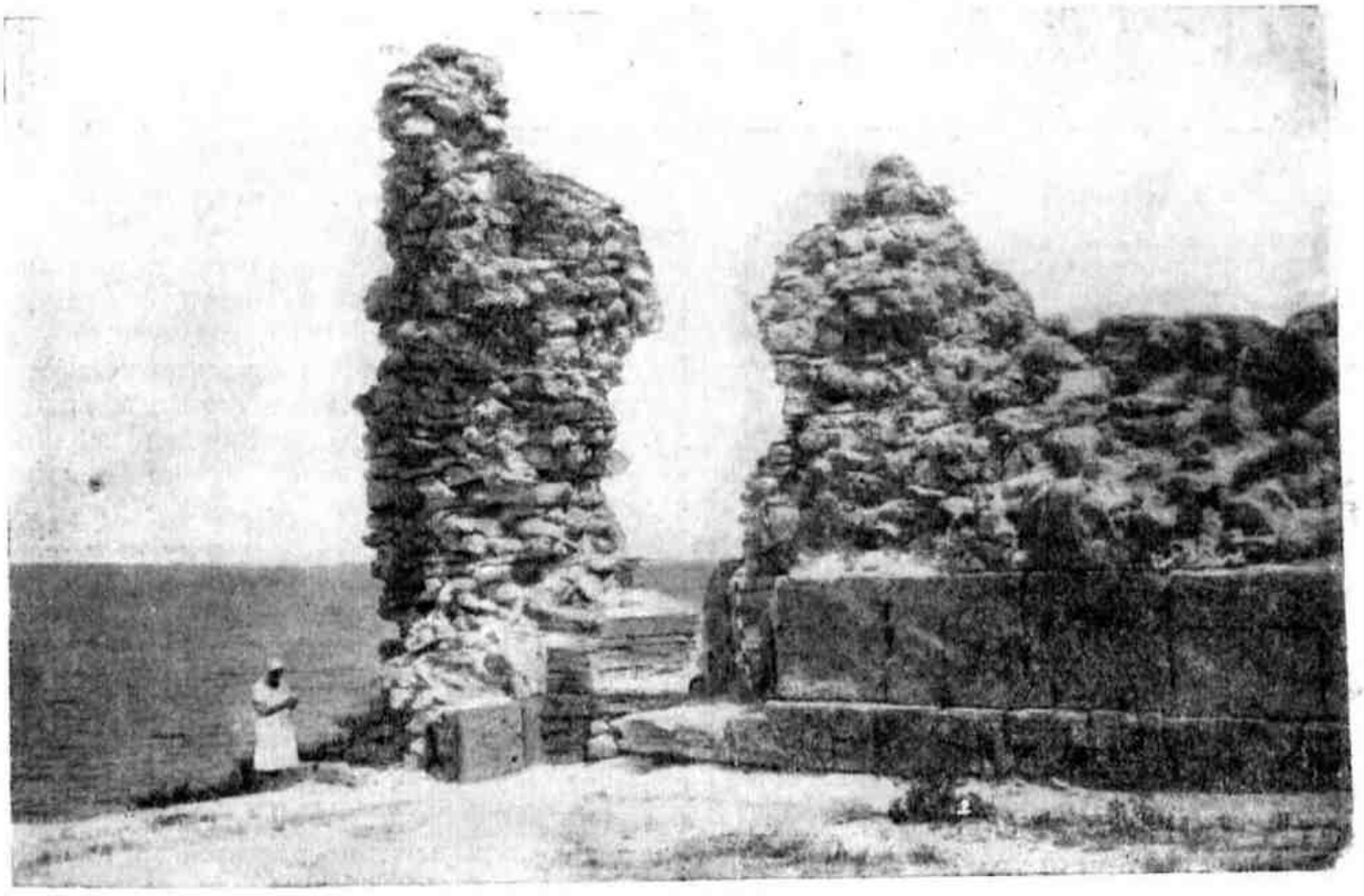


Рис. 4. Часть западной стены, раскопанной в 1901 г.

толщиной 0.20—0.30 м. Глина, однако, настолько плотная, что стена нигде не дала осадки. Следует отметить, что наружные плиты фундамента стены меньше по размеру, чем плиты облицовки, толщина фундамента несколько больше надземной части стены (рис. 7).

Рис. 5. Стык первой и второй куртин западной стены, вид изнутри города, с с.-в. стороны.

Рис. 6. Плита с профилем.

Кроме облицовочных плит и блоков, в засыпи найдены треугольные в сечении плиты, размерами $0.70 \times 50 \times 50 \times 47$ м (рис. 8). Они несомненно служили зубцами, увенчивавшими крепостные стены, и позволяют, таким образом, восстановить верхние части стены — ее парапет, состоявший из чередования зубцов и бойниц (рис. 9). Широкой своей стороной треугольные камни, стоявшие на стене вертикально, были обращены наружу, а узкой — внутрь города. Вследствие чего отверстия с наружной стороны, между зубцами, были узкими, внутрь же города они значительно расширялись. Такое устройство парапета, с одной стороны, обеспечивало максимальную безопасность защитникам города, находившимся на стене, с другой, предоставляло им возможность удобного обстрела неприятеля на подступах к стене.

Материалом облицовочных плит являлся мягкий мелкозернистый известняк белого цвета, похожий на инкерманский (мшанковый) камень. Этот известняк (количественно он преобладает) доставлялся для постройки стен непосредственно из каменоломен. Но, кроме него, в облицовке стены, возле калитки ,имеются плиты желтоватого известняка, явно вторичного использования, в материковой скале и совершенно параллельная стене. Глубина траншеи у вертикального ее обреза достигает 3.60 м; ширина и длина траншеи остались пока невыясненными, так как открыта лишь одна сторона ее. Однако в обрыве берега видна и другая сторона траншеи, что позволило определить ее ширину, равную примерно 5 м.

Расположение траншеи перед крепостной

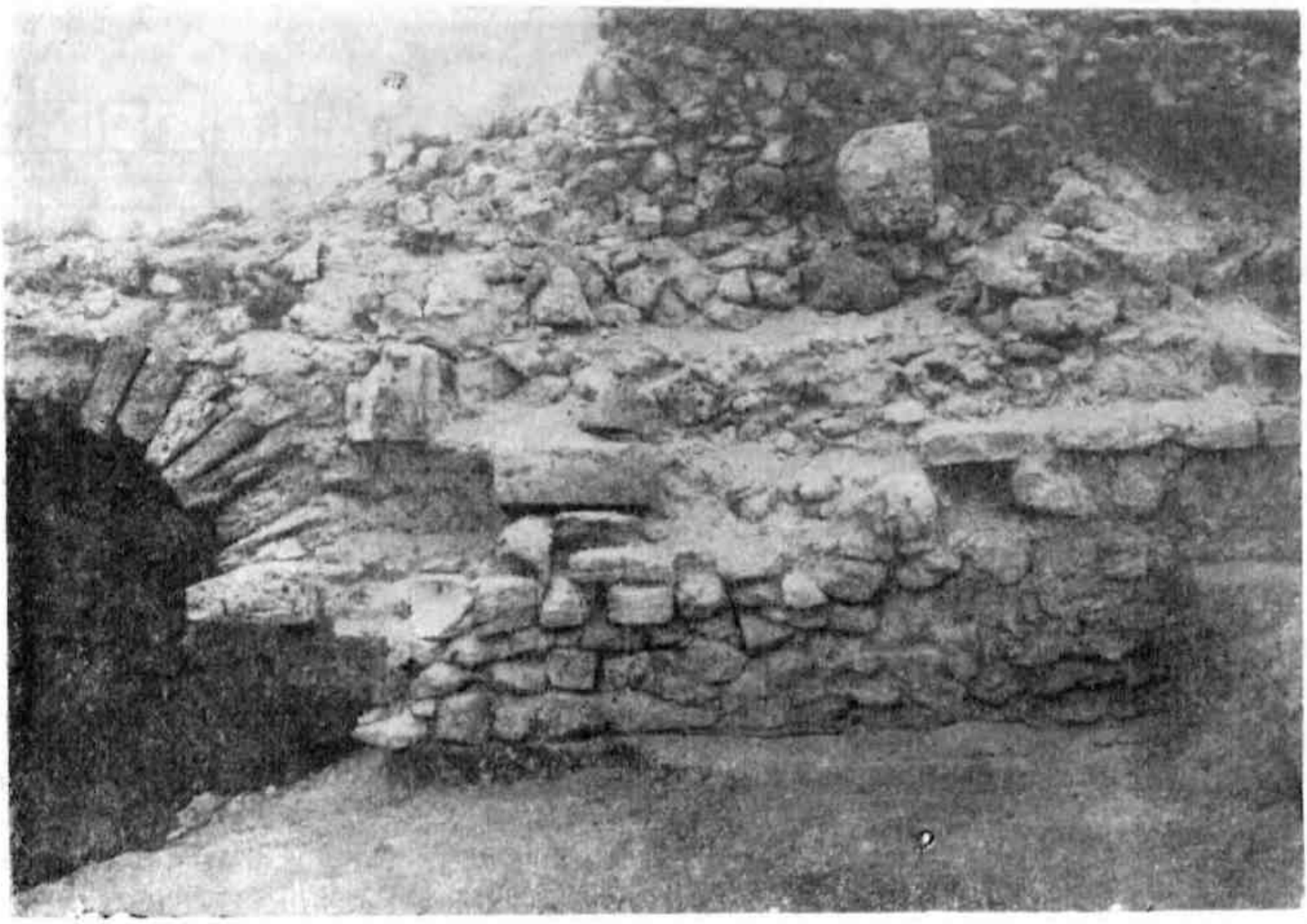


Рис. 7. Фундамент стены возле арки.

на что указывают сохранившиеся на них углубления для шпронов, которые на смежных плитах не сходятся. Раскопка 1928 г. показала, что подобные массивные широкие плиты применялись в облицовке стен римского периода, откуда они и были взяты при их разборке для сооружения крепостной стены в раннесредневековый период. При раскопке оборонительной стены со стороны города найдены верхние части амфор (рис. 10).

На расстоянии 10 м от куртины крепостной стены, с наружной ее стороны, раскопками открыта траншея, вырубленная стеной и согласованное с нею направление, большая ее глубина и ширина, как и отвесный обрез ее стенок, дают основание видеть в ней ров, имевший оборонительное назначение. Глубокая и широкая траншея усиливала обороноспособность крепостной стены, не позволяя неприятелю подвозить вплотную к ней тяжелые осадные машины — тараны. Чтобы подвезти их к стене, осаждающим пришлось бы засыпать ров, что нелегко было сделать под обстрелом защитников города. Необходимость же наилучшего обеспечения обороны данного участка диктовалась тем обстоятельством,

что в стене здесь находилась калитка (а до калитки были ворота) — наиболее уязвимое место в линии обороны. Кроме того, подступы к стене неприятелю облегчала ровная поверхность земли перед первой куртиной. Протейхизмы же (передовой крепостной стены) здесь не было, так как она начинается только от III круглой фланговой башни.[1] Компенсировать передовую стену (протейхизму) должен был ров-траншея, который как бы заменял собой и проботейхизму и перибол. Следует добавить, что этот ров водой не наполнялся, так как в условиях Херсонеса это было абсолютно невозможно.

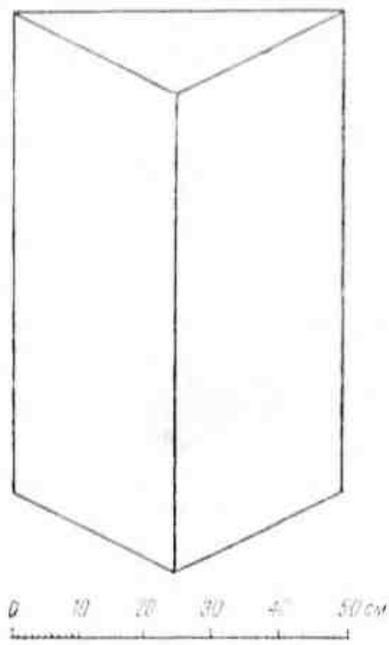


Рис. 8. Плита, треугольная в сечении, служившая зубцом стены.

Если дальнейшие и окончательные раскопки траншеи подтвердят нашу мысль о назначении траншеи, то общее представление о системе оборонительных сооружений Херсонеса будет существенно дополнено.

Первая куртина оборонительной стены начинается от высокого обрывистого берега, на котором стояла башня прямоугольной формы, сохранившаяся лишь частично. Рядом с ней расположена калитка, находящаяся под защитой башни. Обычно калитки оборонительных стен располагались слева от башни, если смотреть на них извне города. Подобное устройство обусловливалось требованием поставить осаждающих и штурмующих калитку врагов правым незащищенным боком к башне, откуда их могли бы поразить защитники города. В данном случае, как исключение, калитка находилась с правой стороны потому, что башня должна была стоять на береговом обрыве и для калитки с левой ее стороны не оставалось места. Кроме того, следует иметь в виду, что береговая калитка возникла не одновременно с постройкой стены, а несколько позднее. Дело в том, что на расстоянии

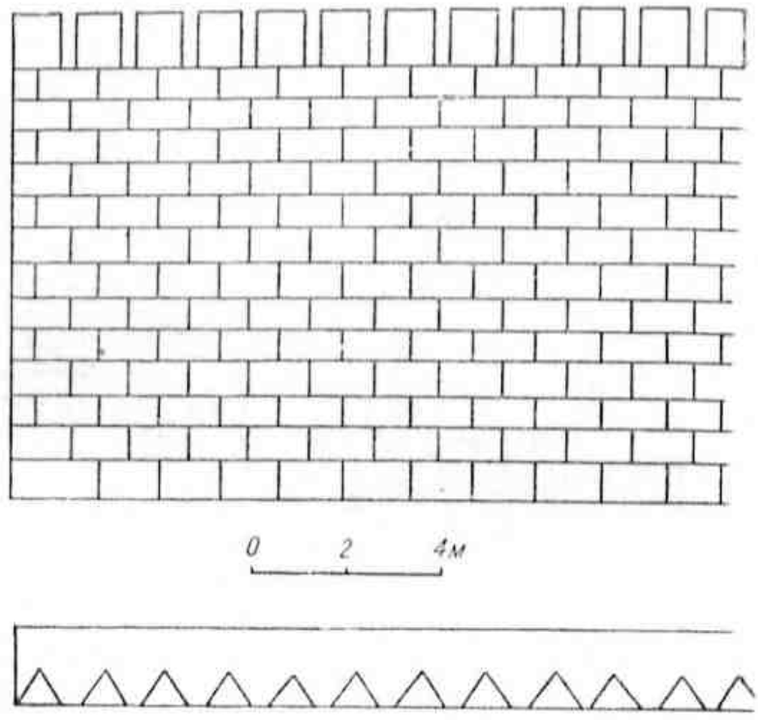


Рис. 9. Зубцы и бойницы оборонительной стены (реконструкция).

около 18 м от башни в стене имеется проем, перекрытый аркой и служивший городскими воротами для западной части города. Проем ворот сооружен был одновременно с постройкой стены, но позднее с внутренней стороны города была возведена вторая линия оборонительной стены, примкнувшая вплотную к первой и закрывшая собою проем с аркой. Очевидно, береговая калитка была устроена взамен первых ворот, переставших существовать, и относится, вероятно, к моменту постройки внутренней линии стены.

Одной из причин перенесения калитки может служить то обстоятельство, что первая калитка (или ворота) находилась по середине куртины, т. е. далеко от башни, и вследствие этого плохо была защищена в случае ее штурма. Нахождение же ка-

[1] План оборонительных стен Херсонеса с обозначением башен и куртин см.: ИАК, вып. 21, табл. II.

литки непосредственно у башни обеспечивало лучшую ее защиту.

Первая куртина оборонительной стены, длиной около 35 м, имеет направление с СЗ на ЮВ и идет от моря вверх по склону берега. Вторая куртина меняет свое направление и идет с СВ на ЮЗ, параллельно береговой линии. Третья куртина, следуя линии берега, несколько отклоняется к югу и доходит до III фланговой круглой башни. Стык первой и второй куртин образует по отношению к наружной стороне тупой угол. Обе куртины пристроены друг к другу впритык, хотя сооружены они в совершенно одинаковой технике и, несомненно, одновременны.

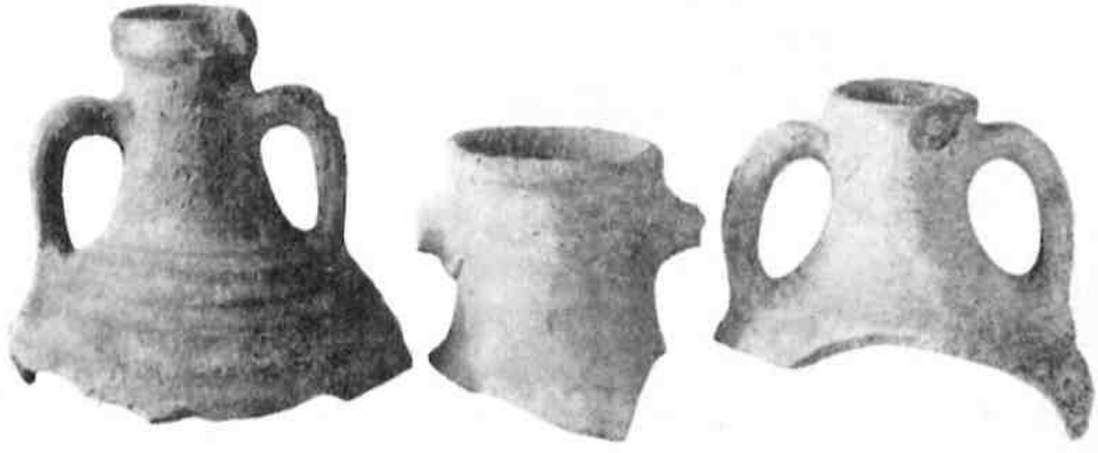


Рис. 10. Части амфор, найденные при раскопке стен с внутренней стороны.

На стыке стен поставлена прямоугольная башня; она расположена с внутренней стороны города, что для оборонительных сооружений Херсонеса является исключением. Объяснение такой постановки башни дает топография оборонительных сооружений на данном участке.

Первая и вторая куртины сравнительно короткие — каждая около 35—40 м. Поэтому вся первая куртина могла быть поражаема фланговым обстрелом с I башни, вторая куртина в свою очередь могла быть простреливаема со II башни. Помимо того, обе куртины расположены под углом, близким к прямому, поэтому с парапета одной куртины можно было обстреливать пространство перед другой. Таким образом каждый из этих отрезков стен можно было защищать двусторонним обстрелом. В таких условиях не было надобности воздвигать башню снаружи. Башня, построенная внутри города, возле стыка стен, не подвергалась непосредственному нападению со стороны неприятеля, ей не грозила прямая опасность быть разрушенной стенобитными машинами, поэтому она не была рассчитана на сопротивление таранам. Этим же объясняется и небольшая толщина стен башни. Назначение башни было иное — она служила для обстрела пространства вдоль первой куртины стены, для чего на площадке башни, вероятно, были установлены метательные орудия.

Для датировки крепостных стен и траншеи мы располагаем следующими данными.

Уже К. Косцюшко-Валюжинич в своем отчете за 1901 г. высказал предположение, что стены были построены в ранневизантийскую эпоху.[1] При такой датировке стен и базилики К. Косцюшко исходил из того факта, что они были возведены на римском некрополе:[2] под крепостной стеной в 1901 г. были открыты два склепа (№№ 1038 и 1039), относящиеся к позднеримскому времени, в одном из которых найдены римские монеты IV в. н. э. Два других склепа находятся возле базилики, а третий оказался под нефом ее; следовательно, после постройки описываемой крепостной стены они оказались внутри города. Вместе с тем все склепы этого участка некрополя расположены за пределами оборонительной стены, открытой нашими раскопками в 1928 г. Нижняя часть этой стены, толщиной 4 м, хорошо сохранилась. Сложена она на растворе из извести с песком и примесью мелко толченого черепка красного цвета, облицована крупными плитами

[1] ИАК, вып. 4, стр. 67.

[2] ОАК за 1891 г., стр. 12; ИАК, вып. 4, стр. 51 сл.

желтоватого известняка, сохранившимися в нижнем ряду.

При расширении территории города стена римского времени была разобрана, за исключением нижних рядов, причем многие плиты из нее были вторично использованы для облицовки раннесредневековых стен. На время разборки одной стены и постройки другой дает указание инвентарь погребений

времени, т. е. к последней четверти V в. Не противоречат этой дате и те здания, которые были воздвигнуты на вновь расширенной городской территории. Большая базилика с мозаичным полом и маленький храмик, расположенный к северу от нее, возникли не позднее VI в. Таким образом в VI в. стена уже должна была существовать, в противном случае базилика и хра-

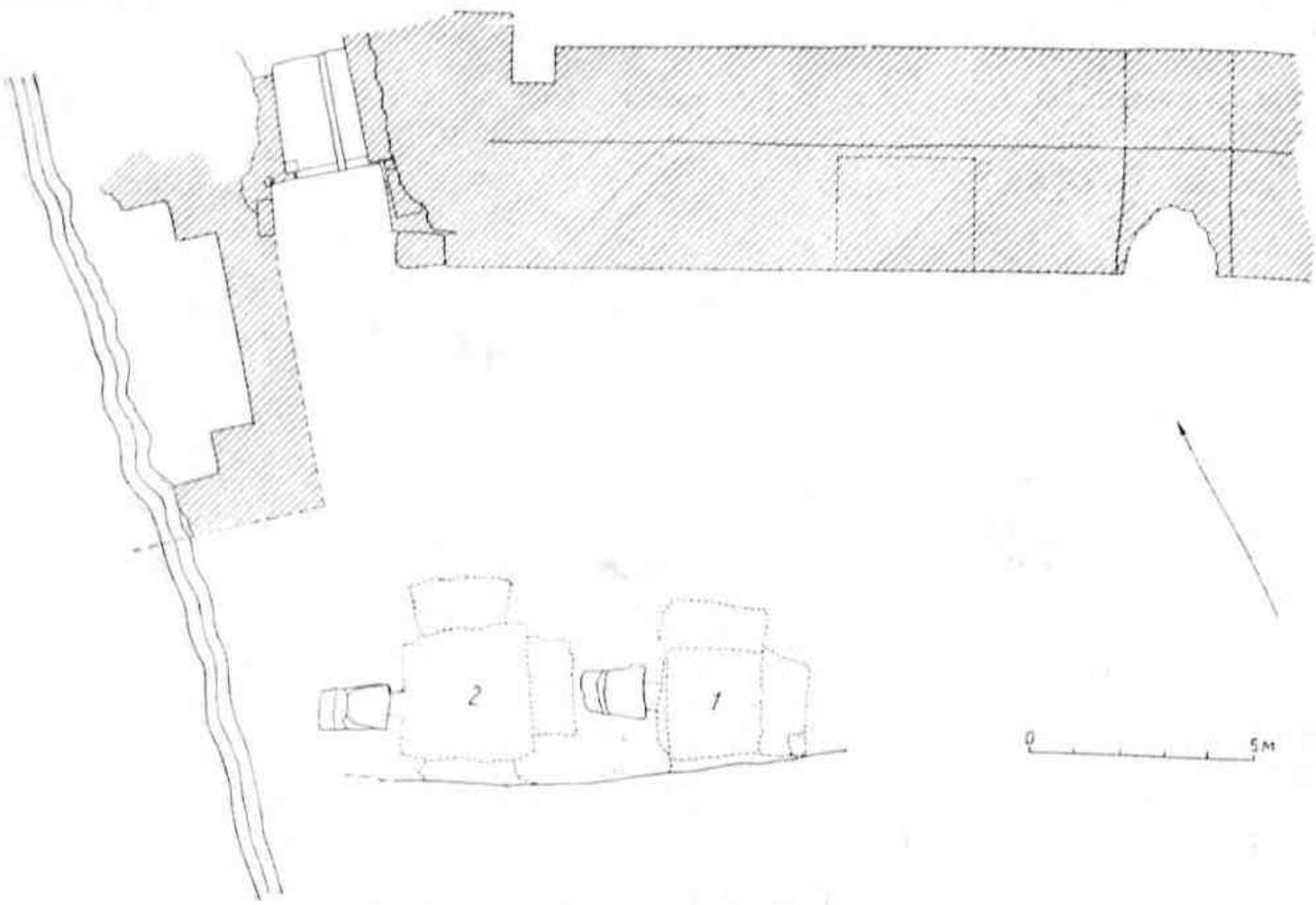


Рис. 11. План раскопа стены и склепов (*1*, *2*).

в склепах, который относится к позднеримскому времени; найденные в них монеты датируются IV в. Следовательно, в IV в. некрополь находился еще вне города и в нем совершались погребения. Застройка некрополя могла произойти не ранее V в. Сравнение техники кладки и строительного материала западной стены с техникой кладки утолщения девятнадцатой куртины и третьего кольца XVII башни (башни Зенона) указывает на полную их тождественность. Датируя восстановление XVII башни (путем сооружения дополнительного пояса) временем императора Зенона, с которым принято связывать, на основании известной надписи, возобновление данной башни, следует и сооружение западной стены отнести к тому же

мик оказались бы построенными вне города, что совершенно невероятно.

Вырубка траншеи в материковой скале, повидимому, одновременна постройке стены, что подсказывает и смысл дела: выламываемый из траншеи камень целесообразно было использовать для бутовой кладки стен. Это соображение вполне подкрепляется вещественным материалом, происходящим из траншеи. Она была заполнена очень плотной глинистой засыпью, содержавшей щебенку и мелкие камни. Керамики в ней было найдено совсем мало, что вполне естественно, так как вне города культурные отложения не могли накопиться в сколько-нибудь значительном количестве.

В траншее найдены несколько обломков

краснолаковой чашки и часть края массивного блюда из красной глины с матовой поверхностью; на подобных блюдах обычно встречаются клейма в виде креста, изображения и орнамент из волнистых линий; датируются они V—VI вв. Найдены также обломки амфор с линейным орнаментом в виде зон тонкого рифления и желобчатых амфор. Встречались и обломки амфор с густым поперечным рифлением по всей их поверхности. Наконец найдена бронзовая монета Юстиниана I (№ 231), лежавшая в нижней части засыпи. Таким образом находки в засыпи траншеи также относятся к V—VI вв., подтверждая намеченную дату вырубки самой траншеи-рва перед крепостной стеной.

Некрополь

В 1948 г. в связи с раскопками оборонительной стены, с южной ее стороны, были открыты два склепа. Оба они находятся на расстоянии 9 м от стены, считая до дромоса; один из них расположен у обрыва берега, другой к востоку от него (рис. 11).

Склеп 1 ориентирован почти с запада на восток, со входом с западной стороны. Дромос его, с двумя грубо вырубленными ступеньками, имеет неправильные четырехугольные очертания, с наибольшей длиной вверху 1.75 м, шириной 0.80—1.15 м, наибольшей глубиной у входа 1.55 м (рис. 12). Высота и ширина входного отверстия одинаковы — 0.55 м. Внутри склепа у входа небрежно вырублены две ступеньки. Склеп в плане представляет собой неправильный четырехугольник. Наибольшая высота внутри склепа 1.74 м, длина по оси запад—восток на уровне лежанок 2.27 м, сохранившаяся ширина 1.83 м. В склепе имеются три лежанки, из которых южная почти не сохранилась — она уничтожена при устройстве описанной траншеи-рва. Лежанки неодинаковы по размерам. Так, длина северной лежанки 2.27 м, ширина около 1 м, высота над нею 0.93 м; ширина восточной лежанки около 1.06 м, уцелевшая длина около 1.90 м, высота над нею 0.90 м (рис. 12). На стенах лежанок имеются ямы и выступы. Стены склепа обработаны очень небрежно, поверхность их неровная и не носит на себе никаких следов штукатурной отделки, которая, повидимому, отсутствовала.

При начале раскопки, около дромоса, непосредственно на скале найдена бронзовая монета города Никеи III в. н. э. (№ 42).

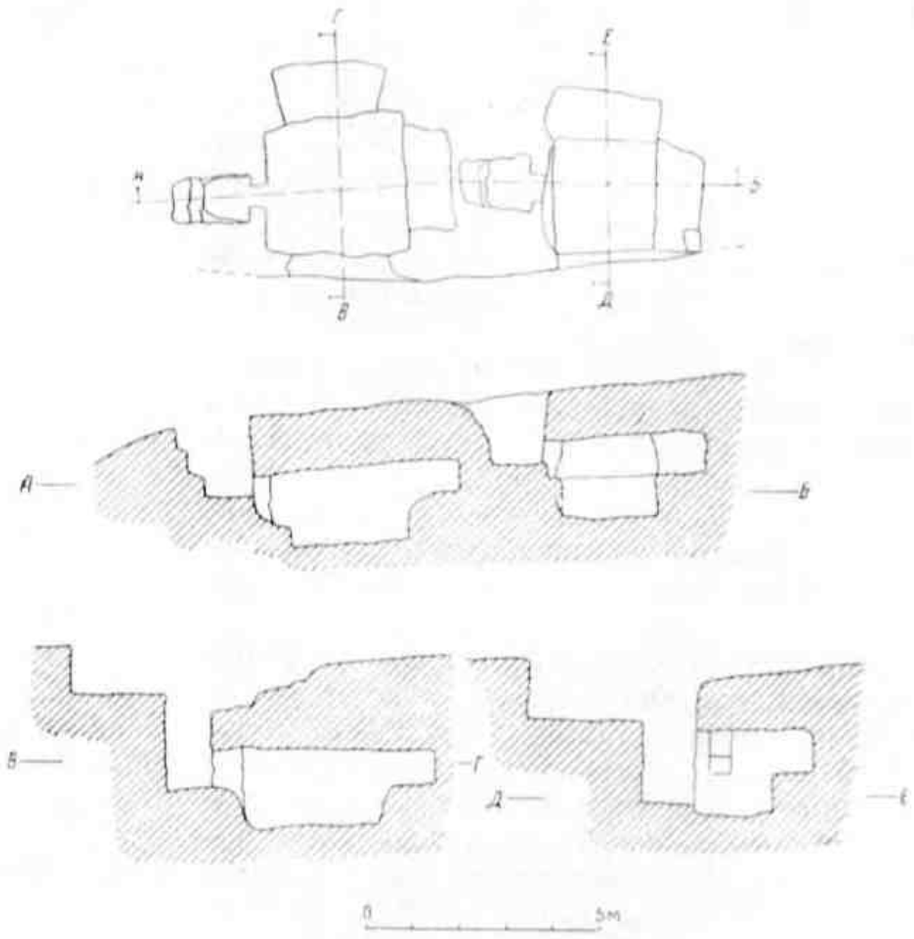


Рис. 12. План и разрезы склепов *1* и *2*.

Насыпь, заполнявшая дромос, состояла из желтоватой глинистой земли с мелкими камнями. В ней встречались обломки краснолаковой посуды — чашки и блюда, обломки кухонной закоптевшей посуды и амфор с желобчатыми ручками и стенками, а также с густым сплошным рифлением.

Плита, служившая затвором склепа, четырехугольной формы, стояла на месте и плотно закрывала входное отверстие (рис. 13). Поэтому можно было предполагать, что склеп не подвергался ограблению. Когда затвор был удален, то оказалось, что все отверстие было заполнено натечной рыхлой землей (рис. 14). Внутри же склепа, на по-

верхности насыпи, лежали костяки, черепа которых находились возле самого отверстия; среди них были три детских черепа с остовами. В верхнем ярусе всего насчитано 12 костяков, лежавших головами ко входу, т. е. на запад. Положение верхних костяков, лежавших на насыпи и выше отверстия, свидетельствовало, что они были погребены не через входное отверстие, а со стороны траншеи-рва, при устройстве которой вся южная сторона склепа с лежанкой была вырублена (рис. 15).

Через траншею же, как показали раскопки, попадали в склеп с целью его ограбления. Она же послужила причиной разрушения южной половины потолка склепа, так как потолок оказался здесь висящим в воздухе (рис. 16): куски обрушившегося потолка и куски скалы в большом количестве встречались в насыпи южной половины склепа.

Со стороны траншеи проникала и натечная земля, достигавшая в южной части уровня потолка, к северу же ее уровень постепенно понижался до 0.40 м ниже потолка. Вверху насыпь была рыхлой и чистой, характерной для натека; глубже она становилась более влажной, липкой и твердой.

На поверхности насыпи, при верхних костяках, найдены четыре бронзовые византийские монеты Льва V (813—820 гг.) (№№ 200—203); они датируют самые поздние погребения склепа. В верхней насыпи встречались также обломки глиняной посуды — горшков, кувшинов, амфор и даже черепиц, обломки которых могли попасть в склеп вместе с насыпью через траншею.

По мере удаления насыпи очищались и фиксировались костяки, которые лежали неравномерными слоями — в одних горизонтах их было больше, в других меньше, причем почти все они лежали в беспорядке (рис. 17): костяки были разбросаны, черепа находились отдельно от остовов, нижние челюсти при черепах отсутствовали и лежали отдельно, положение черепов было самое разнообразное, они находились в различных местах склепа. Объяснение этому может быть следующее: нижние, первоначальные, погребения были потревожены при устройстве траншеи, когда часть склепа была разрушена, а костяки были ограблены. В дальнейшем склеп служил местом погребения вплоть до IX в.; при совершении же новых погребений предыдущие сдвигались и большей частью разбрасывались. Кроме того, возможно, что некоторые костяки в склепе были повторно погребены, как в усыпальницах при храмах, будучи перенесены сюда из других могил. На это указывает то обстоятельство, что при некоторых черепах остальных костей находилось мало или совсем не было.

Вследствие этих же причин невозможно было установить какое-либо определенное положение костяка и погребальный обряд в целом. Лишь в нескольких случаях костяк лежал на спине в непотревоженном состоянии. По тем же причинам невозможно было приурочить предметы погребального инвентаря к определенным костякам; возможно было лишь установить принадлежность вещей к отдельным горизонтам погребений — верхнему, среднему, нижнему.

На глубине 0.70 м от потолка склепа найдены бронзовый перстень, диаметром 2 см, с овальным щитком (ширина 0.8 см) и продольной на нем бороздкой (рис. 18, *в*); горло маленького стеклянного бальзамария (рис. 19, *б*); край краснолаковой миски.

На уровне лежанок, на глубине около 1 м от потолка, найдены бронзовые проволочные серьги: одна — диаметром 2.7 см, с кубической бусиной, другая — с подвеской в виде шарика на конце, диаметром 2.6 см, третья — с подвеской в виде пирамидки (рис. 18, *з*, *к*, *м*), украшенной гравированными кольцами с углублением в середине, диаметром 3.5 см. Кроме того, при промывании земли найдены обломок браслета из синего стекла, четырехгранного в сечении, бусы в количестве 64 шт. — стеклянные, пастовые с шипечками голубого и желтого цвета, сердоликовые, янтарные. Форма их была разнообразной: шаровидная, бочковидная, у одной янтарной бусины — восьмигранная, одной стеклянной — кубическая с глазками.

На том же уровне погребений найдены бронзовая монета императора Анастасия (491—518 гг.) (№ 195) и золотая проволочная серьга с утолщением к середине, с несомкнутыми концами, диаметром 1.6 см (рис. 18, *ж*).

Ниже уровня лежанок на 0.25—0.30 м костяки лежали в большом количестве, но также в беспорядке — черепа разбросаны по всему склепу, причем остальных костей и здесь было мало. При промывании земли

найдены обломки тонких бронзовых браслетов, кольцевидная проволочная серьга плоские продолговатые и одна цилиндрическая.

Рис. 13. Дромос и затвор склепа *1*.

Рис. 14. Дромос и отверстие входа в склеп *1* после удаления затвора.

с утолщением в середине, диаметром 1.3 см, и несколько пастовых бус — две крупные На глубине 0.55 м ниже северной лежанки при костяках найдены бронзовые

щипчики из узкой тонкой пластинки, согнутой вдвое с кольцом в месте сгиба, длиной 4.7 см (рис. 19, *а*), бронзовый целый браслет с утолщенными концами, диаметром 6.5 см (рис. 19, *а*), бронзовый проволочный браслет с расплющенными заходящими один за другой концами, диаметром 5.3 см, янтарные бусы, маленький стеклянный бальзамарий, высотой 5.7 см, с очень низким приплюснутым туловом, с вдавленным дном (рис. 19, *б*). друг за друга концами, диаметром 6.2 см. В ю.-з. углу возле таза костяка лежал комок ткани, там же найдена бронзовая монета Аркадия (395—408 гг.) (№ 173).

Костяки, лежавшие в нижней части склепа, очень сильно истлели. Среди черепов ранних погребений имеются явно деформированные: с желобками на лбу, на темени, со сплющенным затылком, с вытянутым затылком и др.

Рис. 15. Траншея возле склепов *1* и *2*.

В с.-з. углу склепа лежали обломки кухонной черноглиняной посуды: горшок с плоской ручкой, высотой 0.18 м (рис. 20, *а*), крышка конической формы с выступом вверху, диаметром 0.14 м (рис. 20, *в*), кувшин из светлокоричневой глины, высотой 0.11 м, с поперечными желобками на горле и плечиках, с плоским дном, с округлой в сечении ручкой (рис. 20, *б*), небольшой горшочек из темнокоричневой глины, высотой 0.12 м. В с.-в. углу склепа найден бронзовый браслет из толстой проволоки с заходящими

Общее количество погребений можно было определить только по черепам, более или менее сохранившимся. Их занумеровано 73, но, кроме того, встречалось немало обломков от других черепов; общее число погребенных было не менее ста.

Склеп 2 находится к западу от первого. Его дромос начинается у самого обрыва; ориентирован так же, как и первый, и расположен по одной с ним линии — запад—восток. Длина дромоса вверху 1.60 м, наибольшая глубина 1.65 м, ширина 0.90 м (рис. 12).

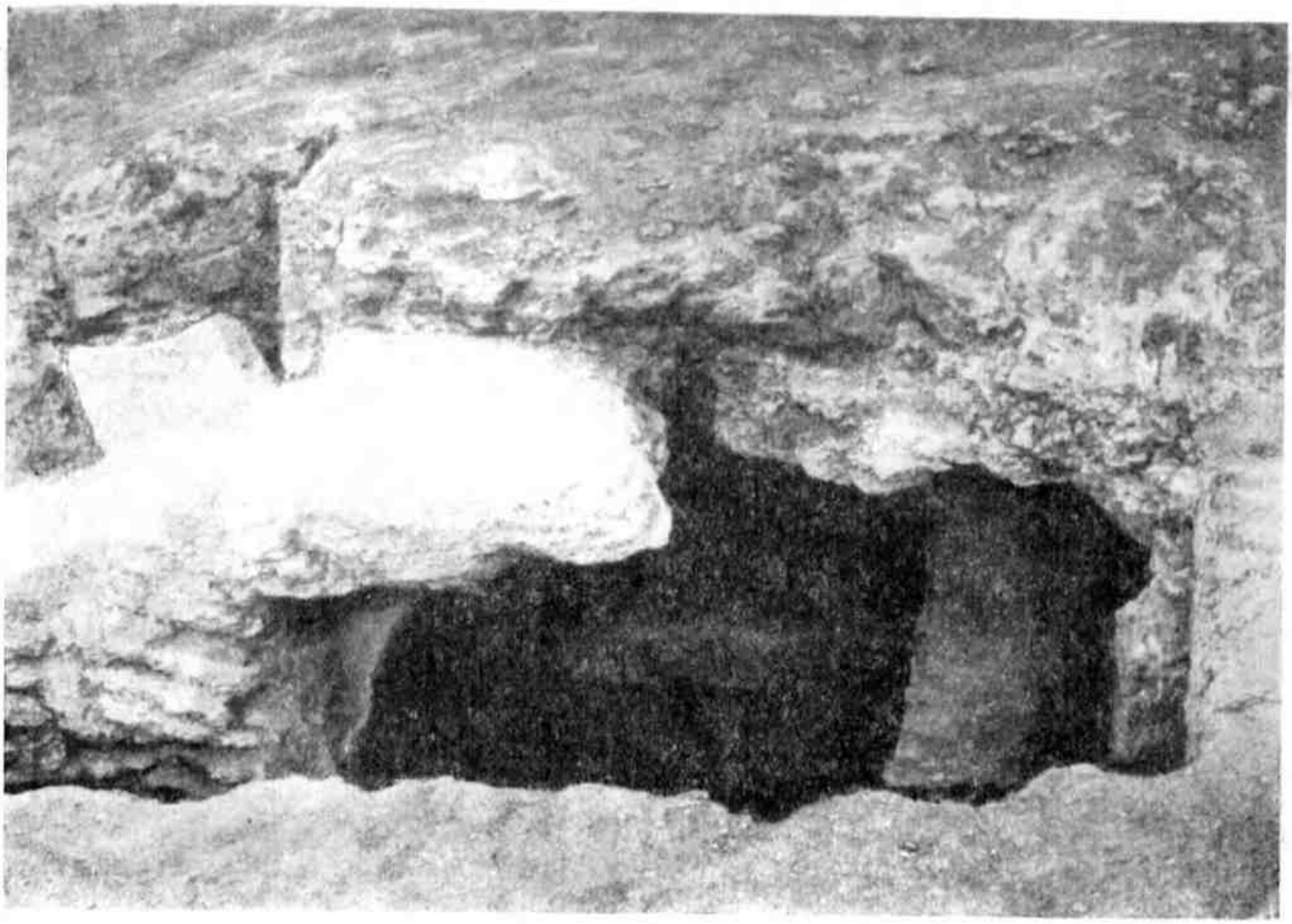


Рис. 16. Склеп *I* со стороны траншеи.

Рис. 17. Костяки в склепе *I*.

В дромосе очень небрежно вырублены две ступени дуговидной формы, узкие и высокие. сухой и рыхлой землей с мелкими камнями, песком и известью. Вверху лежал большой ка-

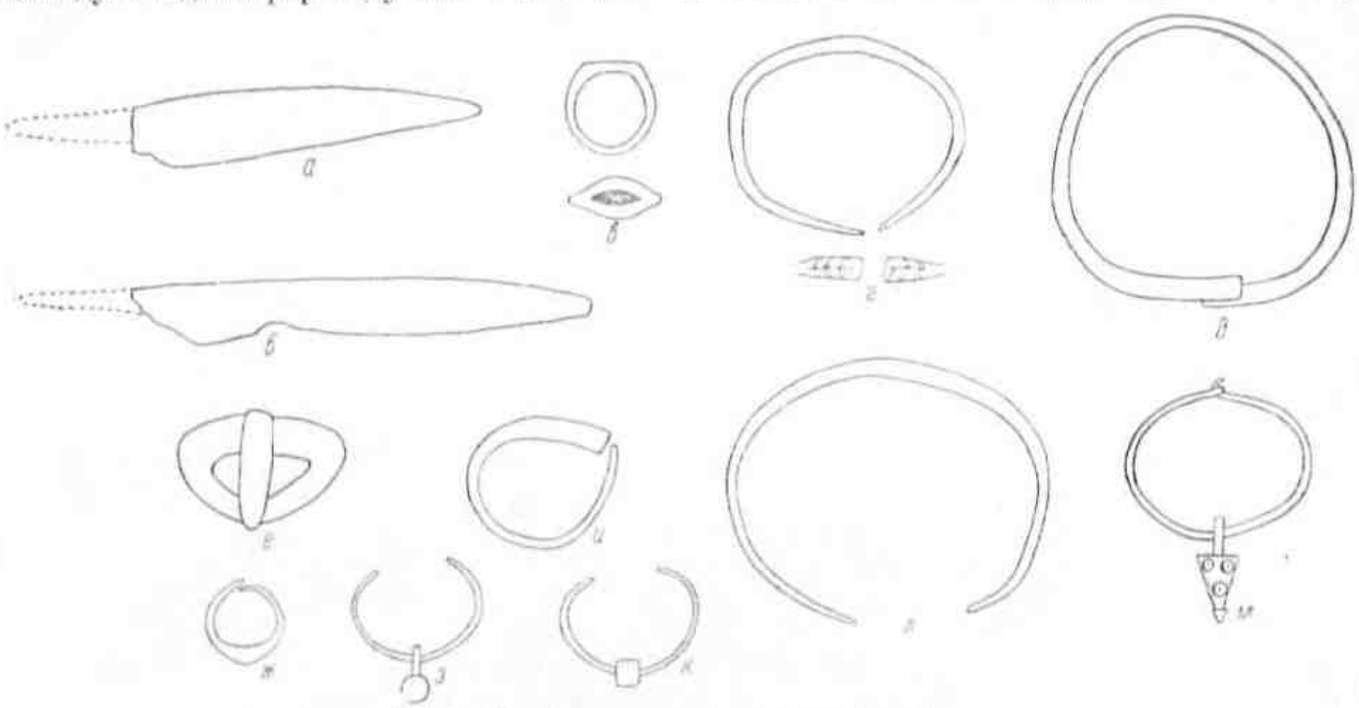


Рис. 18. Предметы из склепов *1* и *2*.

Отверстие в склеп имеет вид арки, высотой 0.50 м, шириной внизу 0.72 м, вверху 0.45 м. мень прямоугольной формы, происходящий повидимому, из облицовки крепостной стены,

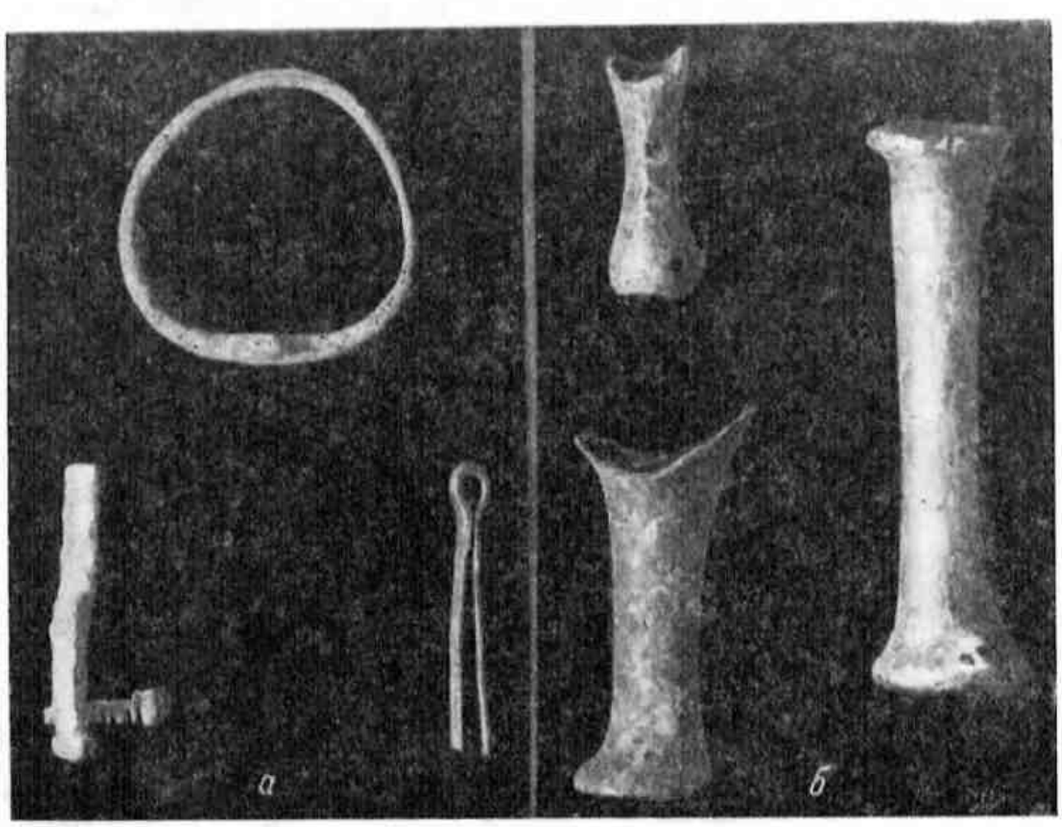


Рис. 19. Находки из склепа *1*
а — бронзовые браслет и щипчики; *б* — стеклянные бальзамарии.

Вход был закрыт плитой, размерами 0.70 × × 0.64 × 0.13 м (рис. 21). Дромос был заполнен

Плита входа была нетронута, однако и этот склеп был задет при устройстве тран-

шей, вследствие чего южная его стена над лежанкой была уничтожена и в ней образовалась пробоина (рис. 22). Через эту пробоину позднее проникали в склеп и совершали в ней погребения.

Размеры самого склепа внутри следующие: длина по оси запад—восток 3 м, ширина

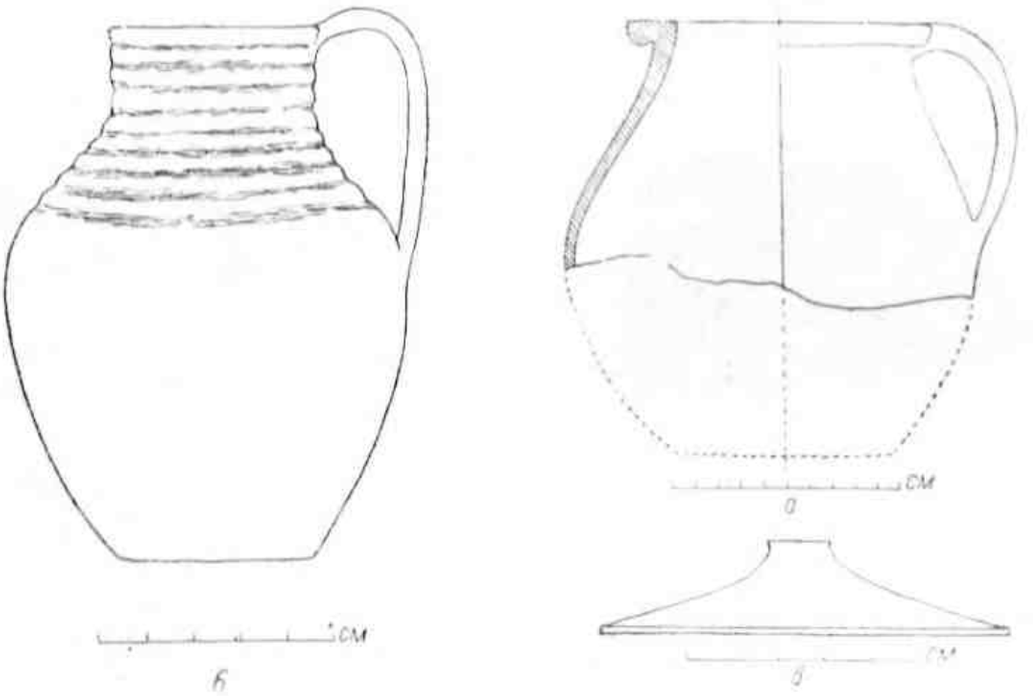


Рис. 20. Находки из склепа *1*.
а — горшок глиняный; *б* — кувшин; *в* — глиняная крышка.

Так как пробоина была небольшой, то земли в склеп через нее натекло немного, а северная и восточная лежанки вовсе не были засыпаны. Засыпь заполняла среднюю часть склепа, с наклоном от южной лежанки к северной. Поверх засыпи лежали небольшие камни и обломки амфор. Наиболее поздние погребения в склепе совершались на южной лежанке. Характерно, что как в первом, так и во втором склепе верхние погребения были детскими: на южной лежанке, у самой пробоины, лежало несколько детских костяков с маленькими черепами, стенки которых были очень тонкими.

На северной и восточной лежанках кости лежали толстым слоем, в беспорядке; они сильно истлели, многие из них превратились в труху. Никаких предметов при них не оказалось.

Склеп был очень сырым, вследствие чего его стены, потолок, края лежанок сильно обвалились. В материковой скале имеются частые прослойки глины, которые послужили причиной разрушения поверхности стен склепа. Большое количество кусков скалы, обвалившихся со стен и потолка, лежало в засыпи.

Рис. 21. Дромос и затвор склепа *2*.

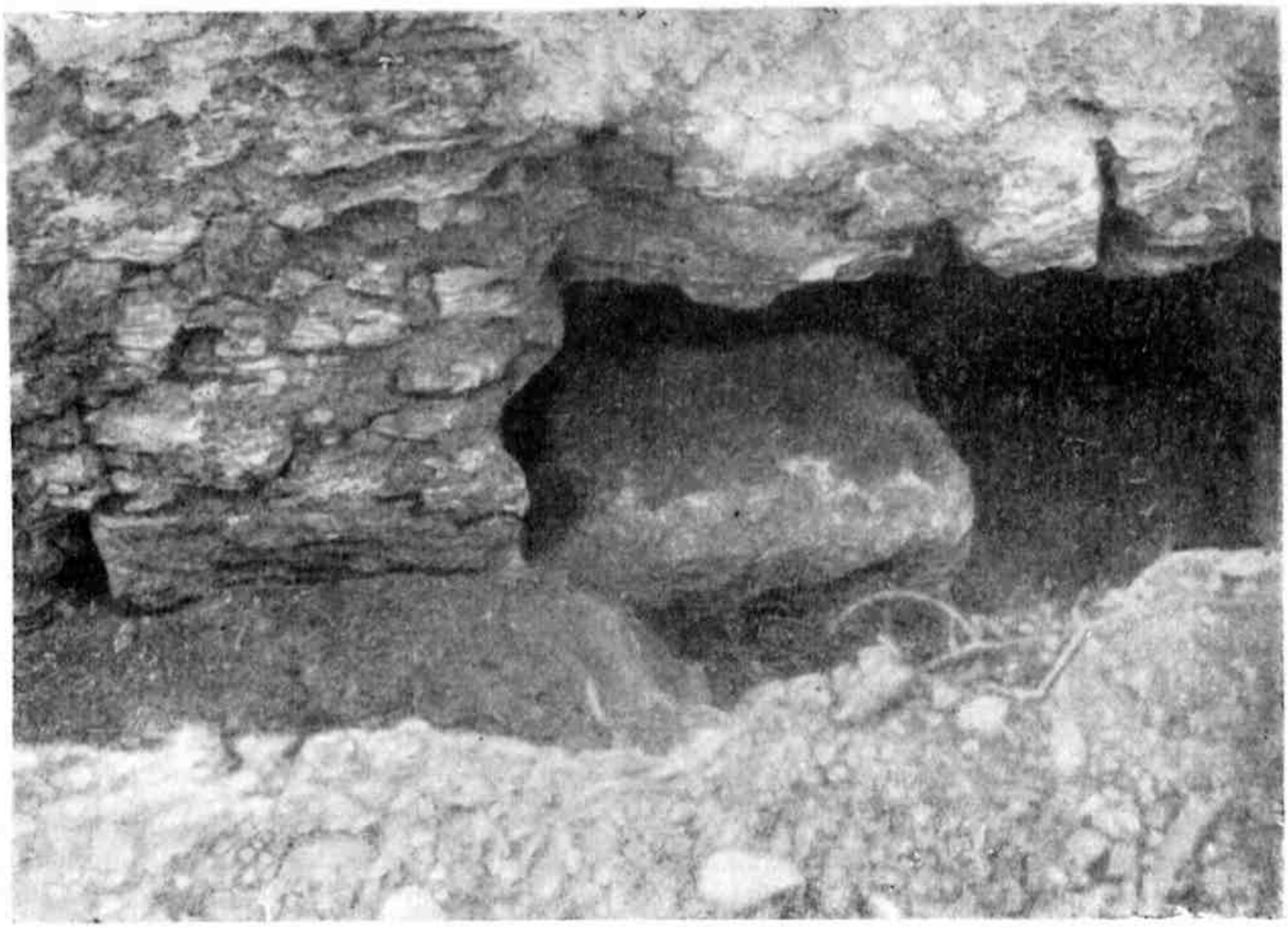


Рис. 22. Пробоина в склеп 2 со стороны траншеи.

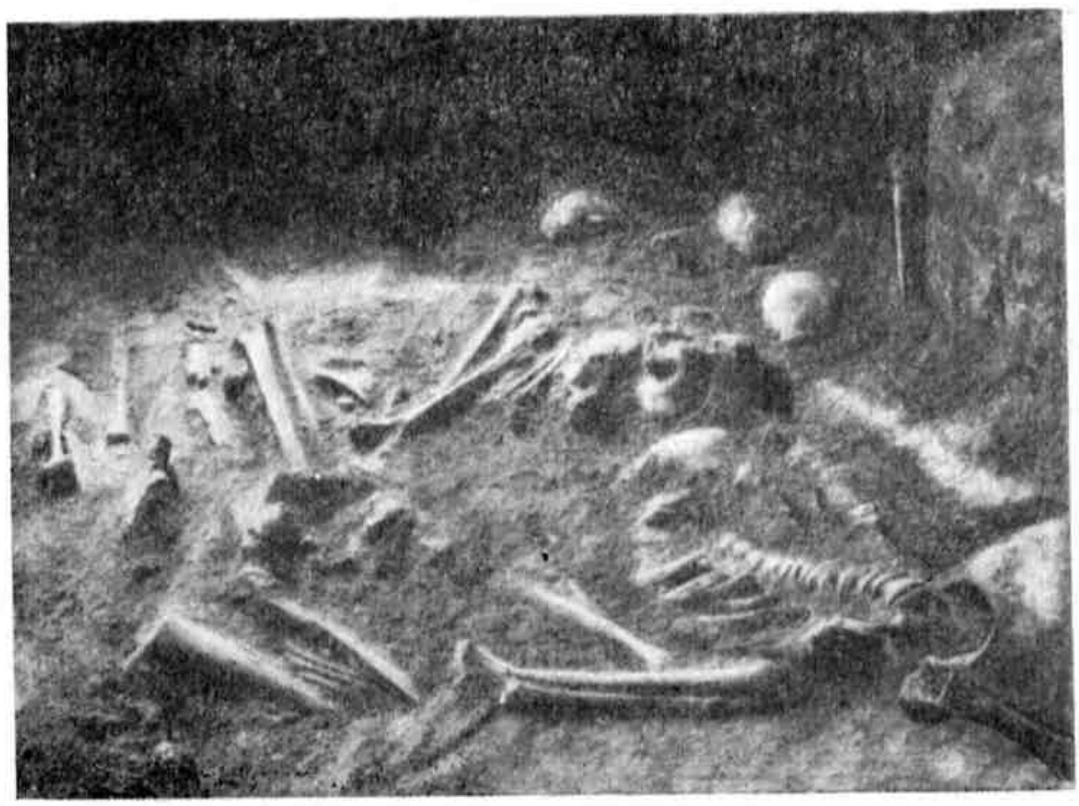


Рис. 23. Костяки в склепе 2.

2.70—3 м, высота 1.60 м; северная ниша: длина 2.1—2.4 м, ширина 1.20 м; восточная ниша: длина 2.10 м, ширина 1.10 м; южная ниша имеет длину 2.10 м, сохранившаяся высота ее около 0.70 м.

Раскопка склепа производилась через пробоину в южной стене (над лежанкой). Как в первом склепе, так и здесь костяки лежали, как сказано, в беспорядке — черепа были разбросаны по всему склепу и находились в различных положениях: обычно они не имели нижней челюсти. Остальные кости в редких случаях лежали в относительном порядке, большей же частью они были сильно потревожены и залегали в склепе в самых различных направлениях (рис. 23). При таком состоянии костяков невозможно было установить и принадлежность найденных в склепе немногих вещей определенным погребениям.

Крайне плохая сохранность костяков на лежанках, где они находились не в земле, а на воздухе, не позволила установить количество погребенных на лежанках. В средней же части склепа, где погребения были покрыты толстым слоем земли, проникшей через пробоину и отчасти через входное отверстие, а также глиной и кусками скалы, упавшими с потолка и стен склепа, сохранность костяков, лежавших на полу, была несколько лучшей. Здесь они располагались довольно равномерно и залегали несколькими горизонтами. Расчистка погребений происходила в трудных условиях, так как заполнявшая костяки земля была липкой, кости лежали друг на друге, перекрещиваясь между собою, плохая их сохранность требовала осторожности при разборке.

Количество сохранившихся погребений возможно было выяснить только по числу черепов, которых зафиксировано около 70. Однако встречалось немало их обломков, кроме того, не могли быть учтены истлевшие костяки на лежанках, от которых осталась лишь масса трухи. Во всяком случае общее количество погребений в склепе 2 было значительно более ста.

В процессе расчистки костяков выяснилось, что под некоторыми черепами были подложены камни и что наряду со взрослыми имелись и детские погребения. На нижней челюсти одного из костяков оказалась шишка — болезненный нарост. Среди нижних костяков, т. е. наиболее ранних

Рис. 24. Деформированные черепа из склепа 2.

погребений, встретилось немало сильно деформированных черепов, чаще всего со скошенным лбом, с вытянутым назад затылком,

с желобками на лбу и темени от тех бинтов, которыми были перевязаны головы для придания им требуемой формы (рис. 24).

При раскопке погребений найдены следующие предметы погребального инвентаря: серебряная проволочная серьга, диаметром 2.4 см (рис. 18, *и*), бронзовая проволочная серьга, диаметром 2 см, бронзовая серьга со стеклянной бусиной, диаметром 2 см; бронзовый браслет, диаметром 3.5 см, с утолщенными концами (рис. 18, *д*), бронзовые

Рис. 25. Горшок глиняный из склепа 2.

браслеты с расплющенными концами из толстой проволоки, диаметром 7.2, 5, 4.5, 5.5 см (рис. 18, *г*, *л*), и их обломки; бусы пастовые, стеклянные и янтарные — всего 12 шт.; железная пряжка овальной формы, диаметром 3.4 см (рис. 18, *е*), обломки подобных же пряжек; два железных ножа, длиной 10 и 7.3 см, один конец их постепенно сужи вается (рис. 18, *а*, *б*); бронзовые монеты: 1 — Анастасия (491—518 гг.) (№ 196), 1 — Льва V (813—820 гг.) (№ 204), 1 — Романа I (920—944 гг.) (№ 297).

На поверхности засыпи в склепе лежали обломки глиняной посуды, из которой удалось собрать и склеить горшок и амфору. Горшок — одноручный, высотой 8.7 см, с плоским дном, сферическим приплюснутым корпусом, широким коротким горлом, с плоской вертикальной ручкой (рис. 25). Амфора, высотой 0.54 м, имеет широкий круглодонный корпус, покрытый желтоватым ангобом, короткое горло с отогнутым венчиком, короткие же дуговидные ручки (рис. 26), украшена несколькими поясками из тонких врезанных линий на плечиках. Глина амфоры красная, херсонесская.

Как видно из представленного материала, погребения в склепе 2 совершались, начи-

Рис. 26. Амфора глиняная из склепа 2.

ная с позднеримского времени и вплоть до X в., причем трупы в средневековый период вносились в склеп через пробоину, после того как вырублена была траншея.

Оба склепа одновременны, они восходят к позднеримскому периоду, повидимому к IV в. н. э. На это указывают одинаковое их устройство, одна и та же техника их обработки, расположение по соседству, в одном направлении, наконец, сходный погребальный инвентарь. Позднейшие погребения в обоих склепах относятся к IX—X вв.

Приложение

Л. Н. Белова

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК КВАРТАЛОВ XV—XVIII

При раскопках в Херсонесе кварталов XV—XVIII в 1937—1948 гг. было найдено большое количество античных и средневековых монет, в общей сложности 1464 монеты.

Все монеты были покрыты более или менее толстым слоем окиси, которая для целей анализа монет удалялась путем химической чистки. Однако некоторые монеты сохранились настолько плохо, что изображения и надписи на них невозможно было определить даже после самой тщательной чистки. Подобных монет оказалось 394 шт., причем некоторые из них в процессе чистки развалились на мелкие кусочки. В приводимое ниже описание эти монеты не вошли. Таким образом общее количество определенных нами монет составляет 1070 шт. За исключением двух серебряных, особо оговоренных (№№ 41/37 и 45/47—48),[1] все найденные монеты — медные, поэтому графа с обозначением металла в описании отсутствует.

Нумизматический материал распадается на две группы: одну составляют монеты, выпускавшиеся в Херсонесе (таких 631 шт.), ко второй группе относятся монеты, выпускавшиеся другими монетными дворами — эллинистического, римского и средневекового периодов, по XIII в. включительно (всего в общей сложности таких 439 шт.).

Античные монеты обычно находят в самых глубоких культурных слоях и при скале, а также на дне ям, колодцев, цистерн. Но иногда они встречаются и в верхних слоях, что объясняется перекопкой земли еще в древности.

Херсонес начал чеканить собственную монету в первой половине IV в. до н. э. Монетное производство продолжалось, с более или менее длительными перерывами, до конца правления византийского императора Василия II, т. е. до 1025 г. Вполне естественно поэтому, что большинство найденных монет — херсонесского выпуска. Особенно обильно представлены литые монеты средневекового периода, так называемые херсоно-византийские, относящиеся к IX—X вв.

Из 631 монеты, выпущенной херсонесским монетным двором, 84 монеты — античные. Из этих последних выделяется группа интересных экземпляров с одинаковыми типами и надчеканками, до сих пор в нумизматике Херсонеса неизвестных и только недавно изданных.[1] Остальные монеты не заключают в себе ничего нового и являются обычными находками при раскопках Херсонеса.

Не херсонесские монеты античной эпохи, найденные в Херсонесе при раскопках указанных кварталов, принадлежат следующим городам: Тире (1 шт.), Ольвии (4 шт.), Пантикапею (3 шт.), Горгиппии (1 шт.), Вифинии (2 шт.), Скепсису (1 шт.), городам Понта и Пафлагонии (5 шт.), а также царям Египта (2 шт.) и боспорским царям III—IV вв. (12 шт.). Эти монеты свидетельствуют о торговых связях Херсонеса, развивавшихся в эллинистический и римский периоды, как с ближайшими соседями — городами северного Причерноморья, так и с городами Малой Азии и даже с далеким

[1] Здесь и в дальнейшем в знаменателе указан (сокращенно) год находки.

[1] Л. Н. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 326, № 1.

Египтом. А. Н. Зограф в своей работе[1] писал: «Наибольший интерес при анализе монетных находок какого-либо городища всегда представляет регистрация монет чужих, чеканенных за пределами данного города, так как именно они дают материал для суждения о его торговых связях и сношениях».

Среди общей массы найденных монет имеется весьма значительное количество монет римских императоров, начиная с конца III в., но главным образом относящихся к IV и началу V в. В третьей четверти, а возможно и в самом конце III в. н. э., Херсонес перестал выпускать собственную монету и ее заменила римская общеимперская монета. Ежегодные находки на территории Херсонеса римских монет дают богатый материал для исследования вопроса о монетных дворах Римской империи, снабжавших Херсонес своею продукцией. Местонахождение монетных дворов и их мастерских обозначено на монетах первыми буквами наименования города. Такие монетные дворы находились в Константинополе, Гераклее, Никомедии, Кизике, Антиохии и других ближайших к Херсонесу городах.

В V в. Херсонес, вошедший в состав Византийской империи, был лишен политической самостоятельности. При первых византийских императорах выпуск монет в Херсонесе не производился.

В правление императора Аркадия (395—408) в Херсонесе денежное хозяйство не подверглось никаким особым изменениям. Как в IV в., так и в начале V в. Херсонес пользовался не своей монетой. Так продолжалось и при последующих византийских правителях. При раскопках ежегодно находят значительное количество монет Аркадия (395—408) и Льва I (457—474). Встречаются также монеты Гонория (395—423); они были последними монетами западной Римской империи, имевшими хождение в Херсонесе наряду с монетами Аркадия и Феодосия II (408—450). Лишь после длительного перерыва, при императоре Зеноне (474—491), Херсонес получил право выпускать собственную монету, но только медную и одного номинала, с портретом императора на лицевой стороне; изображение на оборотной стороне следует одному типу, близкому типу медной монеты Льва I (№ 158/37), но без обозначения места чекана. После Зенона монетное производство в Херсонесе на некоторое время прекратилось. Многочисленные монеты Анастасия (491—518) и Юстина I (518—527), выпуска различных монетных дворов Византии, показывают, как сложилось денежное обращение Херсонеса в этот период. Однако при Юстиниане I (527—565) выпуск монет херсонесской чеканки возобновился. Монеты обильно чеканились на протяжении всего долголетнего правления Юстиниана I. После него чеканка херсонесской монеты снова прекратилась на несколько десятилетий.

Последние чеканенные в Херсонесе монеты принадлежат времени императора Тиберия Маврикия (582—602). После Маврикия в течение длительного времени своей монеты Херсонес не выпускал; на этот раз перерыв в монетном производстве длился более 260 лет.

Монеты византийских императоров VII, VIII и первой половины IX в. в материалах из раскопок Херсонеса вообще и указанных кварталов в частности представлены очень скудно: попадаются лишь единичные экземпляры медных монет Ираклия, Константа II, Константина IV, Льва V, Феофила. Повидимому, эти монеты были завезены случайно и в денежном хозяйстве Херсонеса значения не имели. Вопрос о том, как обходился Херсонес в этот длительный период без денег, остается открытым.

В конце совместного правления императоров Михаила III и Василия I (866—867) выпуск собственной монеты в Херсонесе возобновился, но теперь монеты уже не чеканились, как прежде, а отливались в формах. Так продолжалось до правления Василия II и Константина VIII включительно (976—1025). За этот период времени — около 150 лет — Херсонесом было отлито громадное количество медных (и редких свинцовых) монет; ими буквально насыщены культурные слои IX—X вв. Херсоно-византийские монеты этого времени нередко встречаются даже среди подъемного материала. Возможно, что монеты, выпущенные при одном правителе, были в обращении и при последующих; к такому заключению приводит то обстоятельство, что при раскопках часто встречаются группы разновре-

[1] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I, Киев, 1959, стр. 241.

менных монет. Своей фактурой и типами херсоно-византийские монеты настолько резко отличаются от современных им, но чеканенных на других монетных дворах Византийской империи, что всегда легко и быстро распознаются. Следует отметить, что монеты других монетных дворов Византии IX—X вв. при раскопках Херсонеса встречаются редко.

После 1025 г., с прекращением выпуска собственной монеты, денежное обращение Херсонеса, повидимому, крайне резко сократилось, на что указывает тот факт, что монетные находки последующего времени в Херсонесе из раскопок 1937—1948 гг. единичны: монет Византийской империи XI—XII вв. найдено всего 4 шт. (№№ 208—211/37), Латинской империи XIII в. — 1 шт. (№ 112/40) и Сельджуков Рума XIII в. — 2 шт. (№№ 212/37 и 208/48).

Из находок в квартале XVII наибольшее внимание привлекает очень редкая монета-медальон[1] города Скепсиса в Троаде (№ 40/40; см. снимок *1* на таблице). Город Скепсис расположен на равнине у подошвы горы Иды, где, по преданию, происходил суд Париса. Мифическая сцена нашла свое отражение на медальоне, на лицевой стороне которого помещен портрет Каракаллы (211—217) с круговой надписью: AV KAIMAVPH — AN [TΩNЄI]NOC, а на оборотной стороне: IΔH — CKHΨIΩNΔAPΔA.

Под деревом на возвышении стоит Эрот, протягивающий яблоко. Перед ним полуобнаженная Афродита со скипетром в правой руке, поддерживающая левой рукой одежду. Позади нее в легкой тунике со скрещенными ногами стоит Гера, держащая в левой руке скипетр, положенный на плечо, правая рука ее за спиной. Рядом с Герою — Афина в шлеме, стоящая впрямь, но с головой, обращенной вправо. Правой рукой она опирается на копье, у ног ее круглый щит. Над группой богинь возвышается дерево, на ветвях которого сидит женская фигура, обращенная влево, вероятно, горное божество. У края монеты слева вверху имеется пояснительная надпись IΔH, которая может быть отнесена к горному божеству. Под обрезом стоит имя города и пояснение: ΔAPΔA — так назывался в древнейшее время Скепсис по имени своего основателя. Сцена суда Париса и имя города Скепсиса помещены на оборотной стороне медальона, так как лицевая сторона его в эпоху Римской империи всегда предоставлялась для портрета правителя. Резчик, исполненный чувства местного патриотизма, воспроизвел тесно связанную преданием с его родным городом сцену на долговечном и легкоперемещавшемся материале — на медальоне, который мог выйти далеко за пределы его родины и сделать ее еще более знаменитой.

В эпоху Римской империи подобные медальоны выпускались по поводу какого-либо события, притом в ограниченном количестве. Эти так называемые коммеморативные медальоны хотя и не предназначались для широкого обращения, но сохраняли связь с денежной монетой, так как по своему весу приравнивались к курсировавшим в то время монетным единицам. Подобные медные монеты-медальоны находили в Херсонесе и раньше. При раскопках некрополя в 90-х годах прошлого столетия в погребениях были найдены медальоны, выпущенные при Септимии Севере в городе Магнезии (Иония) (см. снимок *2* на таблице), в Пергаме (Мизия), при Каракалле в городе Амисе (Понт) и в других греческих городах при разных императорах.

В нумизматической литературе известны две монеты с одинаковыми типами, из которых одна принадлежит Валентиниану II (375—392), другая — Феодосию I (379—395). На лицевой стороне имеются надписи DNVALENTINIANVSPFAVG (или DNTHEO — DOSIVSPFAVG) и изображение бюста императора в шлеме со щитом и копьем вправо; на оборотной стороне — надпись GLORIA ROMANORVM и изображение императора на галере и сидящей влево от него Виктории. В поле монеты иногда крест или венок; под обрезом буквы монетного двора (№№ 66/37 и 79/37).[1]

Феодосию I принадлежит еще одна монета, у которой тип на лицевой стороне одинаков с только что рассмотренным типом, а на оборотной стороне имеется надпись CONCORDIAAVG и изображены

[1] Издана в: Imhoof-Blümer. Antike Münzbilder. Jahrbuch. d. Arch. Inst., Bd. III, 1888. S. 291, Taf. 9, 20.

[1] Изданы: H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, t. VIII², Paris, 1892, p. 141, № 22; p. 156, № 19; J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, t. I, Paris—Londres, 1862, p. 118, № 24, pl. V, 12.

два императора впрямь в военной одежде со скипетрами и с длинным крестом между ними. Головы императоров в нимбах. Под обрезом буквы монетного двора[1] (№ 72/37). Как первую, так и эту монету с именем Феодосия Сабатье отнес к серии медных монет, чеканенных при Феодосии II, а Коген и И. И. Толстой не без основания считают их принадлежащими только Феодосию I.

Почти ежегодно при раскопках Херсонеса находят монеты с именем Валентиниана. (№№ 70—71/37). Эти монеты на лицевой стороне имеют тип, общий с типом монет Валентиниана II и Феодосия I, описанный у Когена, а на оборотной стороне — тип, общий с типом монеты Феодосия II (I), изданной Сабатье.[2] Мы считаем, что эти монеты принадлежат Валентиниану II, на что, помимо сходства типов, указывает и сходство фактуры с монетами Феодосия I.

В кварталах XV—XVI была найдена группа византийских монет Льва I (457—474). Надписи и типы на его медных монетах, находимых в Херсонесе, не отличаются разнообразием. На лицевой стороне обычны надпись DNLEOPERPETAVG и бюст Льва I в диадеме и плаще вправо; на оборотной стороне — надпись SALVSRPVBLICA, император с лабаром в руках попирает ногою пленника вправо. Под обрезом помещено название монетного двора: CON.[3] Другая монета с теми же типами имеет на оборотной стороне надпись VIRTVSEXRCIT, а под обрезом CONE.[4] При раскопках Херсонеса почти ежегодно попадаются монеты, являющиеся вариантами последнего типа, так как все они на лицевой стороне имеют надпись DNLEONISPPAVG — вариант, в нумизматической литературе не встречающийся (см. № 172/37).

Из нумизматического материала, происходящего из кварталов XV—XVI (раскопки 1937 г.), обращает на себя внимание монета № 244/37 Юстиниана I (527—565), по типу и весу примыкающая к его же монетам, чеканенным в Херсонесе, с надписью на оборотной стороне VIC — TOR. На этой же монете, в конце надписи VICTORIAAVGGGЄ, помещено обозначение номинала в виде буквы Є, т. е. пять нуммий, или пентануммий. До сих пор обозначение ценности было известно на монетах Херсонеса, выпущенных только при Маврикии (582—602). Монета Юстиниана I с указанием номинала среди его же монет, чеканенных на херсонесском монетном дворе, встретилась впервые; в существующей литературе она не известна. Тип, вес и размер этой монеты, сближающие ее с херсонесскими монетами Юстиниана I, а также место находки дают право считать, что она была чеканена в Херсонесе.[1]

Особый интерес вызывает найденная нами херсоно-византийская монета Тиберия Маврикия (582—602), № 255/37, с обозначением номинала буквой K (см. снимок *3* на таблице). При Маврикии монетный двор Херсонеса чеканил эту монету по общепринятой византийской системе в два номинала: фоллис с буквой M = 40 нуммий, весом от 16.17 до 13.57 г, и полуфоллис, который обозначался буквой K = 20 нуммий. Спустя некоторое время монетный двор Херсонеса стал выпускать фоллисы с буквою H (см. снимок *4* на таблице), а полуфоллисы — с буквою Δ, т. е. восемь и четыре пентануммий; вес первых — от 14.94 до 9.81 г, вес вторых — от 8.82 до 4.92 г.

Выпуск первых фоллисов и полуфоллисов Маврикия был, повидимому, весьма кратковременным; фоллисы с буковою M редки, а полуфоллис с буквою K до сих пор являлся единственной находкой такого рода.[2]

Даем описание монеты. На лицевой стороне имеется надпись XEP — CωNOC. Тиберий Маврикий в рост и впрямь держит в правой руке сферу с крестом. Рядом его жена Константина с крестом в руке. Головы их в нимбах. Все в линейном ободке. На оборотной стороне: Феодосий (сын Маврикия) впрямь, с нимбом, в его правой руке длинный посох, оканчивающийся хризмой. Рядом буква K, над нею крест. Все в линейном ободке. (В описи см. под №№ 255/37 и 234/48).

Подобная монета, не встречавшаяся в Херсонесе за последние 75 лет системати-

---

[1] Sabatier. Description générale..., t. 1, p. 117, № 23; pl. V, 11.

[2] Там же.

[3] См.: И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. II, 1912, стр. 126, табл. 8, №№ 27 и 28.

[4] Там же, № 30.

[1] См.: Л. Н. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 327, № 3.

[2] Издана: Péon. Médailles byzantines inédites. Revue numismatique belge, 3 série, t. VI, Bruxelles, 1862.

1

2

3 4 5

Монетные находки из раскопок Херсонеса.

1 — монета города Скепсиса (Троада); *2* — монета города Магнезии (Иония); *3* — монета города Херсонеса; *4* — тоже; *5* — монета сельджуков Рума.

ческих раскопок, могла бы вызвать сомнение, но повторная находка такой монеты (одной в 1937 г., другой, такой же, но лучшей сохранности, в 1948 г.) подтвердила существование херсонесского полуфоллиса с типами монет Тиберия Маврикия и знаком ценности К (№ 220/48; вес = 6.62 г).

Со стороны техники монетного производства привлекает внимание византийская анонимная монета времени Иоанна Цимисхия (963—969), № 111/40. На лицевой стороне, вместо бюста Христа, была отчеканена надпись оборотной стороны вдавленными буквами и в обратную сторону. Повидимому, мастер-монетчик, не сняв готовую монету с нижнего штемпеля, предназначенного для типа лицевой стороны, наложил подготовленный для чекана монетный кружок на поверхность оборотной стороны уже готовой, но застрявшей монеты, и тогда, вместо типа лицевой стороны нижнего штемпеля, получился вдавленный оттиск оборотной стороны. В результате вышел так называемый nummus incusus. Несмотря на дефект, монета была пущена в обращение и довольно долго имела хождение, о чем говорит ее потертость. Эта находка представляет тем больший интерес, что случаи застревания монеты на нижнем штемпеле почти не встречаются.

Интересный нумизматический материал был найден в квартале XVIII (раскопки 1948 г.), в помещении *16* с подвалом. Обнаруженные монеты охватывают все периоды жизни Херсонеса. Здесь оказалось 190 монет, из них херсонесских автономного периода — 3, периода элевтерии — 4, римских императоров — 92, раннесредневековых — 29 и херсоно-византийских IX—X вв. — 59. Из 92 монет римских императоров на правление Константина I и его сыновей приходится 60 монет. Римские монеты были в обращении так долго, что дошли до нас сильно стертыми, однако фактура этих монет дает возможность узнать их даже в таком виде. Скопление большого количества монет в одном помещении дает представление о денежном обращении в Херсонесе в различные периоды его жизни. Обилие римских монет, найденных в помещении *16*, подтверждает мнение, что в Херсонесе в IV в., при Константине I, римская монета заменила местную городскую. Далее, нумизматические находки в том же помещении *16* показывают, что в V в. римскую монету заменила византийская, которая с этого времени обращалась на херсонесском рынке в те периоды, когда город собственную монету не выпускал. В помещении *16* монет VII и VIII вв. и первой половины IX в. не встретилось ни одной.

Нумизматический материал, как видим, является выразительным показателем политического и экономического положения города: повидимому, начиная с VI и до середины IX в. Херсонес находился в упадке, с середины IX до конца X в. он переживал период хозяйственного подъема, а после X в., в результате разрушения города, торговые связи его снова ослабели. Это последнее обстоятельство подтверждается тем фактом, что при раскопках городища монеты Византийской и Латинской империй, Трапезунта и восточные, главным образом Сельджуки Рума (№ 208/48; см. снимок *5* на таблице), хотя и встречаются ежегодно, но в единичных экземплярах и за пределы XIII в. не выходят.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА [1]

Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.)

№ по пор.	Определение монеты	Количество	Дата	Диаметр (в мм)	Сохранность	Где найдена
1	2	3	4	5	6	7
			Монеты Херсонеса			
1	Б. XIV, *29*	1	1-я пол. IV в. до н. э.	15	О. пл.	Ном. *25*, сл. 3
2	Б. XV, *68*	1	Сер. IV в. до н. э.	20	Ср.	Ном. *15*, сл. 3
3	То же	1	То же	20	»	Участок 1936 г. около апсиды базилики
4	» »	1	» »	20	»	Цистерна *Б*
5	Б. XV, *74*	1	2-я пол. IV в. до н. э.	13	Пл.	Ном. *24*, сл. 4
6	Б. XV, *69*	1	То же	15	Ср.	Ном. *17*, сл. 4
7	Б. XV, *33—35*	1	Кон. IV в. до н. э.	20	Пл.	Возле апсиды базилики
8	То же	1	То же	21	»	Ном. *30*, сл. 3
9	Б. XIV, *37—40*	1	1-я пол. III в. до н. э.	21	О. пл.	Ном. *16*, сл. 4
10	Б. XIV, *21*	1	II в. до н. э.	16	Пл.	Ном. *17*, сл. 4
11	То же	1	То же	16	»	Яма *Ж*
12	Б. XIV, *20*(?)—*21*(?) . .	1	» »	16	О. пл.	Ном. *17*, сл. 4
13	То же	1	» »	16	» »	Прод. улица
14	» »	1	» »	16	» »	Там же
15—16	» »	2	» »	16	» »	Ном. *18*, сл. 4
17	Б. XV, *58*	1	» »	12	Пл.	Ном. *4*, сл. 3
18	Б. XV, *54—57*	1	» »	10	О. пл.	Ном. *7*, сл. 4
19—20	То же	2	» »	14	Пл.	Ном. *15*, сл. 4
21	» »	1	» »	15	»	Ном. *17*, сл. 4
22	» »	1	» »	14	»	Ном. *16*, сл. 4
23	Бел. № 1. Типы: *л.с.*—голова Девы, клейма; *о.с.*—лук, колчан . . .	1	80-е гг. до н. э.	13	О. пл.	Ном. *15*, сл. 4
24	Б. XVI, *97* или XIV, *8* .	1	90—80-е или 70—60-е гг. до н. э.	18	» »	Ном. *1*, сл. 3
25	Б. XVI, *96*	1	1-я пол. I в. н. э.	16	Пл.	Ном. *4*, сл. 3
26	Б. XVI, *91*	1	То же	13	Ср.	Ном. *16*, сл. 3
27	Ор. Экск., табл. II, № 37 (76 г. херс. эры) . . .	1	51—52 гг. н. э.	17	»	Ном. *24*, сл. 3
28	Б. XVI, *102*	1	2-я пол. II в. н. э.	21	О. пл.	Ном. *28*, сл. 3
29	То же (обломок)	1	То же	—	» »	Ном. *2*, сл. 1
30	То же	1	» »	20	» »	Ном. *16*, сл. 3
31	Ор. Экск., табл. I, № 19	1	Около сер. III в. н. э.	24	Пл.	Ном. *30*, сл. 3
32	Б. XVI, *104*	1	То же	18	»	Ном. *2*, сл. 3
33	Б. XVI, *108*	1	2-я пол. II—сер. III в. н. э.	23	Ср.	Ном. *30*, сл. 3
34	То же	1	То же	21	О. пл.	Ном. *4*, сл. 3
35	» »	1	» »	23	» »	Ном. *7*, сл. 3
36	» »	1	» »	24	» »	Ном. *3*, сл. 3
37	» »	1	» »	21	» »	Ном. *24*, сл. 3

[1] При пользовании таблицами следует иметь в виду, что в графе 2 все монеты, имеющие ссылку на Б. (XIV—XVI), чеканены в Херсонесе; монеты, имеющие ссылку на Ор. (VIII—X), являются местными херсонесскими; монеты со ссылкой на Coh. относятся к римским императорам, а монеты со ссылкой на Толст. и Wroth. — к Византийской империи (список сокращений см. в конце тома). При датировке античных монет мы следовали определениям А. И. Зографа. Восточные монеты определены А. А. Быковым.

В таблицы введены следующие обозначения: (в графе 2) *л. с.* — лицевая сторона, *о. с.* — оборотная сторона; (в графе 6) Х. — хорошая, Ср. — средняя, Пл. — плохая, О. пл. — очень плохая.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
	Монеты Боспора					
38	Б. XXI, *114*	1	II в. до н. э.	11	Пл.	Пом. 2, сл. 3
39—40	Деградированные «статеры» Рискупорида VII (VI ?)	2	Последн. четв. III—1-я четв. IV в.	18 и 20	»	Пом. *26*, сл. 3, яма *Ж*
41	Горгиппия (серебряная монета). А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLIII, *11*	1	80-е гг. до н. э.	15	Х.	Пом. *26*, сл. 3
	Монеты Понта					
42	Синопа (?), Амис (?). В.—R., табл. VII, *20* или табл. XXVI, *17* . .	1	111—105 гг. до н. э.	18	Пл.	Пом. *16*, сл. 3
43	Синопа. В.—R., табл. XXVI, *6—8* . . .	1	80—70 гг. до н. э.	20	»	Пом. *4*, сл. 3
	Монеты римских императоров					
44	Аврелиан. Coh. VI, № 66	1	270—275 гг.	22	р.	Пом. *13*, сл. 3
45	То же. Coh. VI, № 277 или № 287	1	То же	20	О. пл.	Пом. *20*, сл. 2
46	Римский император (имя стерто)	1	Кон. III—нач. IV в.	25	» »	Пом. *17*, сл. 3
47	То же. В обрезе: SMT .	1	То же	25	Пл.	Там же
48	То же (обломана)	1	» »	21	О. пл.	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
49	Константин I. Coh. VII, № 455	1	306—337 гг.	15	Ср.	Пом. *18*, сл. 3
50	То же. Coh. VII, № 716 .	1	306—337 гг.	18	Пл.	Пом. *26*, сл. 3
51	Констант I. Coh. VII, № 197	1	337—350 гг.	15	»	Пом. *10*, сл. 3
52	Констанций II. Coh. VII, № 40	1	337—361 гг.	19	Ср.	Пом. *3*, сл. 3
53	То же	1	То же	18	Пл.	Пом. *20*, сл. 3
54—55	То же. В обрезе: SMTR Γ. Coh. VII, № 92 . . .	2	» »	18	»	Пом. *21*, сл. 2
56—57	Одного из сыновей Константина I	2	Около сер. IV в.	13 и 17	»	Цистерна *Б*
58	То же	1	То же	15	»	Пом. *4*, сл. 3
59	» »	1	» »	16	»	Пом. *17*, сл. 3
60	Имя не сохранилось . .	1	» »	15	»	Пом. *27*, сл. 3
61	То же	1	» »	19	»	Цистерна *Б*
62	» »	1	» »	16	»	Пом. *28*, сл. 3
63	» »	1	» »	13	»	Пом. *30*, сл. 3
64	» »	1	» »	17	»	Пом. *20*, сл. 3
65	» »	1	» »	16	»	Пом. *17*, сл. 3, яма
66	Валентиниан II. Coh. VIII, № 22	1	375—392 гг.	21	Пл.	Пом. *26*, сл. 3
67	То же. Coh. VIII № 57 .	1	То же	22	Ср.	Пом. *23*, сл. 3
68	То же	1	» »	21	»	Пом. *28*, сл. 3
69	То же. Coh. VIII, № 58 .	1	» »	23	Пл.	Там же, яма *Ж*
70—71	То же. Тип: *o. c.* — два императора со скипетрами и крестом между ними	2	» »	20 и 22	»	Там же
72	Феодосий I. Sab. I, табл. V, № 11	1	379—395 гг.	22	Ср.	» »
73	То же. В обрезе: CON .	1	То же	20	Пл.	Пом. *18*, сл. 3

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
74—75	То же. В обрезе: CONS .	2	379—395 гг.	22	Нл.	Пом. *27*, сл. 3
76	То же	1	То же	20	»	Пом. *22*, сл. 2
77	» »	1	» »	22	»	Пом. *24*, сл. 3
78	» »	1	» »	21	»	Пом. *25*, сл. 3
79	» » Coh. VIII, № 19 .	1	» »	22	Х.	Пом. *26*, сл. 3
80	То же	1	» »	22	Ср.	Пом. *28*, сл. 3
81	» »	1	» »	20	Нл.	Пом. *19*, сл. 3
82	» »	1	» »	22	»	Пом. *26*, сл. 3
83	» »	1	» »	23	»	Пом. *17*, сл. 3
84	То же. В обрезе: SMNA	1	» »	23	»	Пом. *28*, сл. 3
85	То же	1	» »	20	»	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
86	То же. Coh. VIII, № 54 .	1	» »	21	»	Пом. *25*, сл. 3
87	То же. В обрезе: SMNΔ .	1	» »	24	Х.	Пом. *31*, сл. 2
88	То же	1	» »	21	Ср.	Пом. *26*, сл. 3
89	» »	1	» »	22	»	Пом. *19*, сл. 3
90	» »	1	» »	21	Нл.	Пом. *17*, сл. 3
91—93	Флакцилла (жена Феодосия). Coh. VIII, № 6 .	3	379—388 гг.	22	Х.	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
94	То же. В обрезе: CON . Coh. VIII, № 4	1	То же	22	Ср.	Там же
95	То же	1	» »	22	»	Пом. *24*, сл. 2
96	» »	1	» »	22	Х.	Пом. *10*, сл. 2
97—98	Имя императора не сохранилось	2	Кон. IV—нач. V в.	23	Нл.	Пом. *25*, сл. 3
99	То же	1	То же	22	»	Пом. *24*, сл. 3
100	» »	1	» »	22	»	Пом. *28*, сл. 3
101	» »	1	» »	20	»	Пом. *17*, сл. 3
102—138	» »	37	» »	14—22	»	Сл. 3 в пом. *4*, *7*, *10*, *17*, *22*, *24*, *25*, *26*, *28*, *30*. Цистерна *Б*
139	» »	1	» »	16	О. нл.	Пом. *9*, сл. 2
140	» »	1	» »	20	» »	Пом. *20*, сл. 2
141	Гонорий. В обрезе: SMN. Coh. VIII, № 20 . . .	1	395—423 гг.	21	Ср.	Пом. *30*, сл. 1
	Монеты византийских императоров					
142	Аркадий. Толст. I, № 78	1	395—408 гг.	21	Ср.	Пом. *21*, сл. 2
143	То же	1	То же	23	»	Пом. *21*, сл. 3
144	» »	1	» »	22	»	Пом. *27*, сл. 3
145	» »	1	» »	23	»	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
146—147	То же. Толст. I, № 92 .	2	» »	20 и 21	Х.	Пом. *28*, сл. 3
148	То же. Толст. I, № 95 .	1	» »	16	Нл.	Пом. *20*, сл. 2
149—150	То же	2	» »	16	»	Пом. *21*, сл. 2
151	То же. Толст. I, № 120 .	1	» »	17	»	Пом. *28*, сл. 3
152	То же	1	» »	17	»	Баня
153	То же. Толст. I, № 124 .	1	» »	16	»	Пом. *19*, сл, 3
154	Имя императора не сохранилось	1	Кон. IV—1-я пол. V в.	16	»	Пом. *18*, сл. 3
155—156	То же	2	То же	13 и 15	»	Там же
157	» »	1	» »	14	»	Пом. *24*, сл. 3
158	Лев I. В обрезе: CON . Толст. II, № 27 . . .	1	457—474 гг.	20	Ср.	Пом. *9*, сл. 2
159	То же	1	То же	21	»	Пом. *17*, сл. 2
160	» »	1	» »	21	»	Пом. *17*, сл. 3
161	» »	1	» »	20	Х.	Пом. *18*, сл. 3
162—163	» »	2	» »	20	Ср.	Пом. *24*, сл. 3
164—167	» »	4	» »	20 и 21	Х., Ср.	Пом. *25*, сл. 3
168—169	То же. В обрезе: CONЄ. Толст. II, № 30	2	» »	19 и 20	Х.	Цистерна *В* (на рыбе)
170—171	То же	2	» »	20	»	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
172	То же (неизд. вариант) .	1	То же	19	Ср.	Там же
173	То же	1	» »	19	»	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
174	Верина (жена Льва I) В обрезе: CONϵ. Толст. II, № 57	1	» »	18	»	Пом. *28*, сл. 2, яма *Ж*
175	Анастасий. Толст. II, № 61	1	491—518 гг.	14	Пл.	Пом. *4*, двор, сл. 3
176	То же	1	То же	15	»	Пом. *13*, сл. 2
177	» »	1	» »	17	»	Пом. *28*, сл. 2
178—179	» »	2	» »	16	»	Пом. *30*, сл. 3
180	» »	1	» »	17	»	Цистерна *А*
181—184	То же. Толст. II. № 65 .	4	» »	11	»	Пом. *18*, сл. 2
185	То же	1	» »	14	»	Пом. *20*, сл. 2
186	» »	1	» »	15	»	Пом. *21*, сл. 2
187—188	» »	2	» »	14	»	Пом. *26*, сл. 3
189—191	» »	3	» »	11—15	»	Пом. *28*, сл. 3
192	» »	1	» »	14	»	Пом. *30*, сл. 3
193—194	» »	2	» »	13 и 14	»	Цистерна *Б*
195	» »	1	» »	13	»	Пом. *28*, сл. 3
196	Имя императора не сохранилось	1	VI в.	11	»	Пом. *9*, сл. 3
197—198	То же	2	VI в.	15	»	Пом. *17*, сл. 2
199	» »	1	VI в.	14	»	Пом. *26*, сл. 2
200	» »	1	VI в.	15	»	Пом. *21*, сл. 2
201	Юстин II. Толст. IV, № 159	1	565—578 гг.	32	Ср.	Пом. *22*, сл. 2
202	Константин IV. Wroth. табл. XXXVII, № 4 . .	1	668—685 гг.	20	Пл.	Пом. *21*, сл. 2
203—204	Лев V. Толст. IX. № 26 .	2	813—820 гг.	13 и 17	Ср.	Цистерна *А*
205	Феофил и Константин. Толст. IX, № 43 . . .	1	829—842 гг.	29	»	Пом. *28*, сл. 2
206	Никифор Фока. Wroth, табл. LIV, № 7—8 . .	1	963—969 гг.	24	Пл.	Пом. *21*, сл. 2
207	Имя не сохранилось . .	1	IX—X в.	27	»	Пом. *17*, сл. 2
208	Константин IX. Wroth, табл. LIX, № 9	1	1042—1055 гг.	25	»	Пом. *23*, сл. 2
209	Мануил I (вогнутая). Wroth, табл. LXX, № 7	1	1143—1180 гг.	28	Ср.	Пом. *2*, сл. 1
210	То же (вогнутая). Wroth, табл. LXX, № 3 . . .	1	1143—1180 гг.	25	»	Там же
211	Имя не сохранилось (вогнутая)	1	XII в.	30	Пл.	Под баней
212	Восточная. Сельджуки Рума. Кай-Кубадиби Кай-Хусрау. Сивас 617	1	1220/21	23	Ср.	Пом. 28, сл. 2
	Херсоно-византийские монеты					
213—215	Зенон. Бел., № 2	3	474—491 гг.	15—18	Ср.	Пом. *28*, сл. 3, яма *Ж*
216	То же	1	То же	16	»	Пом. *26*, сл. 2
217—219	» »	3	» »	15—18	»	Пом. *17*, сл. 3
220	» »	1	» »	17	»	Пом. *12*, сл. 2
221—222	» »	2	» »	16 и 18	»	Пом. *4*, сл. 2
223	» »	1	» »	17	»	Пом. *10*, сл.
224—227	» »	4	» »	16—18	»	Цистерна *Б*
228—229	Юстиниан I. Op. VIII, *1—2*	2	527—565 гг.	14	»	Пом. *9*, сл. 2
230	То же	1	То же	15	»	Пом. *13*, сл. 2
231	» »	1	» »	13	»	Пом. *16*, сл. 2
232	» »	1	» »	15	»	Пом. *17*, сл. 3
233	» »	1	» »	14	»	Пом. *26*, сл. 2
234—237	» »	4	» »	13—15	»	Цистерна *Б*
238	То же. Толст. IV, № 514	1	» »	13	»	Пом. *1*, сл. 3

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
239—240	То же. Толст. IV, № 514 .	2	527—565 гг.	14 и 15	Ср.	Пом. *18*, сл. 2
241	То же	1	То же	13	»	Пом. *21*, сл. 2
242—243	» »	2	» »	14 и 15	»	Пом. *28*, сл. 2
244	То же. Бел., № 3 . . .	1	» »	14	»	Пом. *22*, сл. 3
245	То же	1	» »	13	»	Пом. *17*, сл. 3
246	» »	1	» »	13	»	Пом. *24*, сл. 3
247	» »	1	» »	14	»	Пом. *30*, сл. 3
248—249	» »	2	» »	13 и 15	»	Цистерна *Б*
250	То же. Бел., № 4 . . .	1	» »	17	»	Пом. *17*, сл. 3
251	Маврикий. Ор. VIII, *5* .	1	582—602 гг.	28	»	Пом. *24*, сл. 2
252	То же	1	То же	30	»	Пом. *28*, сл. 2
253	То же. Ор. VIII, *11* . .	1	» »	20	»	Пом. *7*, сл. 1
254	То же	1	» »	22	»	Пом. *21*, сл. 2
255	То же (очень редкая). Ор. Дон. В, стр. 3. Péon. Médailles byzantines inédites. Revue numism. belge, 3 sér, t. VI. Bruxelles, 1862, VIII, № 5	1	» »	25	»	Пом. *22*, сл. 2
256	Михаил III и Василий I. Ор. IX, *14*	1	866—867 гг.	11	»	Пом. *21*, сл. 2
257	То же	1	То же	12	»	Пом. *25*, сл. 2
258	То же. Ор. IX, *15* . . .	1	» »	13	»	Пом. *17*, сл. 2
259	То же (обломана). Ор. Дон. В, стр. 3, № 4 . .	1	» »	10	Пл.	Там же
260	Василий I. Ор. IX, *18—19*	1	867—886 гг.	13	Ср.	Пом. *2*, сл. 2
261	То же	1	То же	14	»	Пом. *9*, сл. 2
262	» »	1	» »	14	»	Пом. *17*, сл. 2
263—265	» »	3	» »	13—14	»	Пом. *28*, сл. 2
266	» »	1	» »	14	»	Цистерна *А*
267—269	То же. Ор. IX, *20—22*; Ор. IX, № 17 . . .	3	» »	17	»	Пом. *2*, сл. 2
270	То же	1	» »	18	»	Пом. *3*, сл. 2
271—298	» »	28	» »	16—21	Х., Ср., Пл.	Сл. 2 в ном. *4*, *9*, *12*, *13*, *15*, *16*, *19*, *20*, *21*, *25*, *28*
299	Василий I и Константин VII. Ор. IX, *23* .	1	869—870 гг.	21	Ср.	Пом. *24*, сл. 2
300	То же	1	869—870 гг.	21	»	Пом. *16*, сл. 2
301	Лев VI. Ор. IX, *24* . . .	1	886—912 гг.	16	»	Пом. *4*, сл. 2
302	То же	1	То же	16	»	Пом. *21*, сл. 2
303—313	То же. Ор. IX, *25* и *26* .	11	» »	16—18	Х., Ср., Пл.	Сл. 2 в ном. *2*, *7*, *20*, *21*, *25*, *26*, *28*, *30*
314	Лев VI и Александр. Ор. IX, *29*	1	886—911 гг.	17	Пл.	Пом. *17*, сл. 2
315—349	Роман I. Ор. IX, *33—37*	35	920—944 гг.	26—20	Х., Ср., Пл.	Сл. 2 в ном. *2*, *3*, *4*, *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *13*, *15*, *16*, *17*, *18*, *21*, *24*, *26*, *28*, могила 5
350—351	Константин VII Багрянородный. Ор. X, *44—45*	2	944—959 гг.	17	Ср.	Пом. *2*, сл. 2
352—354	То же	3	То же	17—16	»	Пом. *21*, сл. 2
355	» »	1	» »	17	»	Пом. *18*, сл. 2
356	То же. Ор. X, *47* . . .	1	» »	17	»	Там же
357—358	То же	2	» »	17 и 16	»	Пом. *2*, сл. 2 и ном. *21*, сл. 2
359—374	Константин VII Багрянородный и Роман II. Ор. X, *48*	16	» »	17—16	Х., Ср., Пл.	Сл. 2 в ном. *2*, *9*, *10*, *14*, *15*, *16*, *17*, *21*, *25*, *28*, X поперечной улице и часовне

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
375—413	Роман II. Ор. X, *51—52*, Доп. В, 15	39	959—963 гг.	17—19	X., Ср., Пл.	Сл. 2 в пом. *2, 3, 4, 9, 10, 12, 18, 21, 25, 28, 29*
414	То же. Ор. X, *50*	1	То же	15	Ср.	Пом. *29*, сл. 2
415	Роман II и Василий II. Ор. X, *55*	1	960—963 гг.	17	»	Пом. *21*, сл. 2
416	Никифор II Фока. Ор. X, *57*	1	963—969 гг.	18	»	Пом. *2*, сл. 2
417	То же	1	То же	18	»	Пом. *10*, сл. 2
418	» »	1	» »	19	»	Пом. *14*, сл. 2
419	» »	1	» »	18	»	Пом. *17*, сл. 2
420	» »	1	» »	19	»	Пом. *24*, сл. 2
421	Иоанн Цимисхий. Ор. X, *58*	1	969—976 гг.	16	X.	Пом. *10*, сл. 2
422	То же	1	То же	18	Ср.	Пом. *11*, сл. 1
423	» »	1	» »	17	X.	Пом. *22*, сл. 2
424	» »	1	» »	18	»	Пом. *24*, сл. 2
425—447	Василий II. Ор. X, *59—60*	23	976—1025 гг.	16—18	X., Ср., Пл.	Сл. 2 в пом. *2, 3, 4, 12, 16, 17, 18, 21, 22, 28*
448—455	Херсонесские, стертые, со следами креста и монограмм	8	IX—X вв.	16—18	Пл.	Сл. 2 в пом. *2, 4, 16, 17, 21*, цистерна *А*

Квартал XVII (раскопки 1940 г.)

№ по пор.	Определение монеты	Количество	Дата	Диаметр (в мм)	Сохранность	Где найдена
1	2	3	4	5	6	7
	Монеты Херсонеса					
1	Б.-Дел., стр. 234, № 4. Типы: Голова Девы, рыба, палица (со следами горения)	1	1-я пол. IV в. до н. э.	16	О. пл.	Пом. *21*, сл. 4
2	Б. XIV, *26*	1	То же	8	» »	Пом. *24*, сл. 4
3	Б. XV, *68* (со следами горения)	1	Сер. IV в. до н. э.	20	» »	Пом. *9а*, сл. 4
4	Б. XIV, *30—35*	1	30—20-е гг. кон. IV в. до н. э.	22	» »	Пом. *1* близ скалы
5	То же	1	То же	20	» »	Пом. *6а*, ю.-з. выруб, на дне
6	» »	1	» »	21	Пл.	Квартал 1937 г., улица, сл. 4
7	Б. XV, *70—71*	1	2-я пол. IV в. до н. э.	10	»	Пом. *23*, сл. 4
8	Б. XV, *74*	1	То же	9	О. пл.	Пом. *22*, сл. 4
9	Б. XIV, *37*	1	1-я пол. III в. до н. э.	20	Пл.	Пом. *21*, сл. 4
10	То же	1	То же	21	О. пл.	Пом. *1*, сл. 4
11	Б. XV, *64—65*	1	Кон. III—II в. до н. э.	18	Пл.	Эллин. яма *а*
12	Б. XV, *51*	1	II в. до н. э.	15	» »	Пом. *2*, сл. 4
13	Б. XIV, *20*	1	То же	19	» »	Пом. *8*, сл. 4

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
14	Б. XIV, *21*. На обеих сторонах клейма. Б.-Дел., 300, XXVI, табл. 1, *7* .	1	II в. до н. э.	18	О. пл.	Пом. *4*, сл. 4
15	То же	1	То же	15	» »	Пом. *25*, сл. 4
16	Б. XIV, *20—21*, но без клейм	1	» »	18	» »	Пом. *15*, сл. 4
17	Б. XIV, *20—21*	1	» »	14	Пл.	Эллин. яма *а*
18	Б. XV, *54—57*	1	» »	16	О. пл.	Пом. *22*, сл. 4
19	Б. XIV, *11—12*	1	Кон. II в. до н. э.	16	Пл.	Цистерна
20	Бел., № 1. Типы: *л. с.* — голова Девы, с клеймами; *о. с.* — лук, колчан	1	80-е гг. до н. э.	11	»	Пом. *22*, сл. 3
21	То же	1	То же	12	»	Пом. *15*, сл. 3, к СЗ от печи *11*
22	То же	1	» »	10	»	Пом. *28*, сл. 4
23	Б. XVI, *91*	1	I в. н. э.	15	О. пл.	Пом. *6а*, сл. 1, на полу
24	Б. XVI, *120*	1	Нач. II в.	25	Х.	Пом. *1*, среди завала камней на глубине 0.85 м от подошвы верхнего слоя
25	Б. XVI, *109*	1	2-я пол. II в.— около 2-й пол. III в.	22	Пл.	Ю.-з. стена гончарной печи *11*
26	Б. XVI, *111*	1	То же	20	»	Пом. *20*, сл. 3

Монеты Ольвии, Боспора, М. Азии и Египта

27	Ольвия. Б. IX, *220* . . .	1	30—20-е гг. III в. до н. э.	21	О. пл.	Колодец в пом. *17*, на глубине 2.25 м
28	То же. Б. VII, *165—167* .	1	1-я четв. II в. до н. э.	23	» »	Пом. *5*, сл. 3
29	Боспор. Б. XIX, *52* . . .	1	1-я пол. III в. до н. э.	18	Ср.	Пом. *21*, сл. 4
30	То же. Б. XXII, *148—149*	1	3-я четв. I в. до н. э.	20	О. пл.	Пом. *2*, сл. 3
31	То же. Ср. Б. XXXII, *309*	1	1-я пол. III в. н. э.	20	Пл.	Пом. *10*, на скале
32—35	Деградированные «статеры» последних царей Боспора	4	Последн. четв. III в.—30-е гг. IV в.	18	»	Цистерна *Е* в квартале 1937 г.
36	Один из городов Понта или Пафлагонии. Типы: Арес/Меч. В.—Р., табл. VII, *20*; XVIII, *15*; XXIII, *17*; XXVI, *16* .	1	111—105 гг. до н. э.	20	О. пл.	Пом. *23*, сл. 3, возле вымостки у колодца
37	То же	1	То же	21	» »	Цистерна *Е* в квартале 1937 г.
38	То же. Типы: Щит/Ника. В.—Р., табл. VIII, *1*, или XVIII, *7*, или XXVI, *12*	1	105—70 гг. до н. э.	20	» »	Пом. *15*, сл. 3, подошва у колодца
39	Апамея (Вифиния), император Коммод(?). В.—Р., табл. XXXIX, *3* . . .	1	180—192 гг.	24	Ср.	Пом. *4*, сл. 3

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
40	Скепсис (Троада). Типы: *л. с.* — голова Каракаллы в лавровом венке вправо; *о. с.* — вверху: IΔH, внизу под чертою имя города в две строки: CKHΨ IΩNΔAPΔA и сцена суда Париса: Афродита, Гера и Афина стоят у дерева, выше которого, на горе Ида, сидит божество. Под деревом на возвышении Эрот, протягивающий яблоко. Очень редкая. Издана в Zeitschrift f. Numismatik, X, Berlin, 1883, S. 155—156 . . .	1	211—217 гг.	36	Ср.	Цистерна *B*
41	Египет. Птоломей II (?) СВМ., стр. 26, № 20 . .	1	III в. (?) до н. э.	26	Пл.	Пом. *24*, сл. 4
	Монеты римских императоров					
42	Проб. В обрезе: K*T . .	1	266—282 гг.	21	Пл.	Пом. 7, сл. 3
43	Имя не сохранилось . .	1	III в.	20	О. пл.	Там же
44	Константин I. Coh. VII, № 250	1	306—337 гг.	14	Пл.	Цистерна *B*
45	Времени Константина I. Под чертой: SMKA. Coh. VII, № 18	1	То же	17	»	Квартал 1937 г., пом. *21*, сл. 3
46	Константин II. Coh. VII, № 114	1	337—340 гг.	18	»	Пом. *1*, сл. 3
47	Один из сыновей Константина I	1	337—361 гг.	13	О. пл.	Квартал 1937 г., пом. *22*, сл. 3
48	То же	1	То же	16	Пл.	Пом. *22*, сл. 3
49—50	» »	2	» »	20 и 16	»	Цистерна *B*
51	Валентиниан II. Под обрезом: CONΔ. Coh. VIII, № 57	1	375—392 гг.	22	»	Пом. 2 сл. 3
52	Феодосий I. Под обрезом: CONSA. Coh. VII, № 19	1	379—395 гг.	21	»	Квартал 1937 г., пом. *21*, сл. 3
53	То же	1	То же	22	»	Пом. 7, в яме
54	То же. Под обрезом: SMAΓ	1	» »	23	»	Пом. *22*, сл. 3
55	Валентиниан II или Феодосий I. Типы: *л. с.* — бюст императора; *о. с.* — два императора с длинным крестом между ними. (Край обломан). Sab. I, табл. V, *11* . .	1	4-я четв. IV в.	20	»	Пом. *21*, сл. 3
56	То же	1	То же	20	»	Пом. *9*, цистерна
57	» »	1	» »	20	О. пл.	Пом. *8*, цистерна
58	» »	1	» »	22	» »	Цистерна *E* в квартале 1937 г.
59	Флаксилла (жена Феодосия I). Под обрезом: SMNE. Coh. VIII, № 6	1	379—388 гг.	23	Пл.	Квартал 1937 г., пом. *21*, сл. 3

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
60—61	Имя императора не сохранилось	2	IV в.	20 и 21	Пл.	Пом. *21*, на подошве
62	То же	1	То же	15	О. пл.	Пом. *22*, сл. 3
63	» »	1	Кон. IV—нач. V в.	23	Пл.	Цистерна *E* в квартале 1937 г.
64	То же (края обломаны) .	1	То же	20	О. пл.	Пом. *15*, сл. 3, подошва у колодца
65	То же	1	» »	20	» »	Пом. *13*, на скале
66—67	» »	2	» »	21 и 22	» »	Цистерна *E* в квартале 1937 г.
68	» »	1	» »	15	» »	Квартал 1937 г., улица, сл. 3
69	» »	1	» »	16	» »	Пом. *21*, сл. 3
70—74	» » (обломанные) . . .	5	» »	18—20	Пл.	Квартал 1937 г., улица, сл. 3
75	То же	1	» »	15	»	Пом. *2*, сл. 2
76	Гонорий. Под обрезом: CONSΔ. Coh. VIII, № 20	1	395—423 гг.	20	Ср.	Пом. *1*, на подошве завала
77	Имя императора не сохранилось	1	Нач. V в.	19	Пл.	Квартал 1937 г., пом. *22*, сл. 3

Монеты византийских императоров

78	Аркадий (край обломан). Толст. I, №№ *112—118* .	1	395—408 гг.	22	Ср.	Пом. *8*, цистерна
79	То же	1	То же	20	»	Пом. *8б*; сл. 3, под настилом пола
80	То же. Толст. I, № *90* . .	1	» »	20	Пл.	Цистерна *B*
81	То же. Толст. I, № *78* . .	1	» »	23	»	Квартал 1937 г., улица, сл. 3
82	То же	1	» »	22	»	Там же
83	Евлокия (жена Аркадия). Под обрезом: CONSA. Толст. I, №№ *149—150* .	1	395—404 гг.	16	Ср.	Пом. *2*, сл. 2
84	Лев I. Под обрезом: CON. Толст. II, № *28*	1	457—474 гг.	21	»	Пом. *3*, сл. 2
85	То же. Под обрезом: CON	1	То же	19	Пл.	Пом. *23*, сл. 3, при скале
86—87	То же (одна со следами горения)	2	» »	20	»	Цистерна *E* в квартале 1937 г.
88—89	То же. Под обрезом: CON	2	» »	20	Ср., Пл.	Квартал 1937 г., пом. *21*, сл. 3
90—92	То же	3	» »	19	Ср.	Цистерна *B*
93	То же (обломана со следами горения)	1	» »	19	Пл.	Квартал 1937 г., улица, сл. 3
94	Верина (жена Льва I). Под обрезом: CONϵ. Толст. II, № *57*	1	» »	20	Х.	Там же
95	Анастасий. Толст. II, № *61*	1	491—518 гг.	15	О. пл.	Пом. *4*, сл. 3
96	То же. Толст. II, № *62* .	1	То же	16	Ср.	Пом. *15*, сл. 2
97—106	То же. Толст. II, № *66* .	10	» »	11—13	Пл.	Цистерна *B*
107	То же (по фактуре) . . .	1	» »	14	О. пл.	Там же
108	Ираклий и Мартина (жена его). Толст. VI, № 371	1	610—641 гг.	30	Пл.	Пом. *76*, сл. 2

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
109	Имя императора не сохранилось. Тип: бюсты трех императоров в коронах и с крестами вприямь. Ираклия или Константа II (?) . . .	1	641—668 (?) гг.	18—15	Пл.	Цистерна *Е* в квартале 1937 г.
110	Константин V. Типы: бюсты Константина V и его сына, Льва IV (вприямь); бюст Льва III. Wroth, II, табл. XLIV, *13*	1	То же	18	»	Пом. *96*, яма в северном углу
111	Анонимная. Времени Иоанна Цимисхия. Типы: *л. с.* — 4-строчная надпись: +IhSЧS|XRISTЧS | ЬѦSILЄЧ | ЬѦSILЄ; *о. с.* — та же надпись вдавленными буквами в обратную сторону. Случайный «numus incusus». Wroth, II, табл. LIV	1	X в.	29	Ср.	Пом. *22*, сл. 2
112	Анонимная. Времени Латинской империи. Sab. II, LVIII, *19*	1	1204—1261 гг.	23	Пл.	Пом. *1*, сл. 2

Монеты херсоно-византийские

113	Зенон. Бел., № 2	1	474—491 гг.	19×15	Х.	Пом. *5*, сл. 2
114—115	То же (одна определена по фактуре)	2	То же	16—18	Ср., О. пл.	Цистерна *Е* в квартале 1937 г.
116—126	Юстиниан I. Ор. VIII, *1—3*	11	527—565 гг.	10—16	Х., Ср.	Цистерна *В*
127	То же. Толст. IV, №№ *513—514*	1	То же	14	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
128—132	То же. Бел., № 3	5	» »	12—15	Ср., Пл.	Цистерна *В*
133—134	То же	2	» »	13 и 14	» »	Цистерна *Е* в квартале 1937 г.
135	Маврикий и Констанца (жена его). Ср. Ор. Доп. В, 2	1	582—602 гг.	16	Пл.	Там же
136	Василий I. Ор. IX, *19* .	1	867—886 гг.	14	Ср.	Пом. *1*, среди завала черепицы
137	То же. Ор. IX, *20* . . .	1	То же	18	»	Там же
138	То же	1	» »	16	Пл.	Пом. *15*, сл. 2
139—141	То же (одна — Ор. IX, *21*)	3	» »	16—18	Х., Пл.	Пом. *21*, сл. 2
142	То же. Ор. IX, *20* . . .	1	» »	16	Х.	Пом. *6*, сл. 1
143—144	То же	2	» »	16 и 17	Пл., О. пл.	Пом. *13*, сл. 2
145	Василий I и Константин. Ор. IX, *23*	1	869—870 гг.	24	Х.	Пом. *9*, сл. 2
146	То же	1	То же	23	Ср.	Пом. *13*, сл. 2
147—148	» »	2	» »	23 и 25	Х.	Пом. *1*, под черепичным завалом
149	» »	1	» »	24	Пл.	Переулок *х*, сл. 1
150	Лев VI. Ор. IX, *24* . . .	1	886—912 гг.	16	Ср.	Пом. *13*, из завала камней

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
151	Лев VI (края обломаны). Ор. IX, *26*	1	886—912 гг.	19	Пл.	Пом. *24*, сл. 2
152	Лев VI и Александр. Ор. IX, *29*	1	886—911 гг.	16	Х.	Пом. *1*, на глуб. 0.90 м
153	То же	1	То же	17	Пл.	Пом. *18*, сл. 2, к востоку от римской стены
154	Роман I. Ор. IX, *33* . .	1	920—944 гг.	28	Х.	Пом. *7а*, на полу
155	То же (наполовину обломана)	1	То же	25	»	Пом. *13*, на скале
156—160	То же (со следами горения). Ор. IX, *34—35* .	5	» »	25—27	Ср., Пл.	Пом. *1*, сл. 2
161	То же	1	» »	25	Х.	Пом. *2*, сл. 2
162	» »	1	» »	26	Ср.	Пом. *7а*, в шве ю.-в. стены
163	» »	1	» »	25	Х.	Пом. *7б*, восточный угол
164	» »	1	» »	25	»	Пом. *12*, завал камней
165—166	» »	2	» »	25	Ср.	Пом. *13*, на скале
167—168	» »	2	» »	25	Х.	Пом. *15*, сл. 2
169	» »	1	» »	25	Пл.	Пом. *17*, сл. 2
170	То же. Ор. IX, *36* . . .	1	» »	23	Ср.	Пом. *7а*, выруб в скале, у восточного угла
171—172	То же. Ор. IX, *37* . . .	2	» »	19 и 22	Х., Ср.	Пом. *1*, сл. 2
173	То же	1	» »	21	Х.	Пом. *6а*, в нифосе у дверей
174	То же (в середине пробоина)	1	» »	21	»	Пом. *6б*, сл. 2
175—176	То же (с пробоиной) . .	2	» »	20	Х., Ср.	Пом. *7б*, сл. 2
177	То же (в середине пробоина)	1	» »	21	Пл.	Пом. *10*, на полу
178—180	То же	3	» »	21—23	Х., Ср., Пл.	Пом. *10*, сл. 2
181	» »	1	» »	21	Х.	Пом. *12*, в завале камней
182—186	» »	5	» »	20—23	Х., Ср.	Пом. *13*, сл. 2
187	То же (обломок)	1	» »	20	Ср.	Пом. *14*, пол. 1, к востоку от печки
188	То же (с пробоиной) . .	1	» »	22	»	Пом. *15*, сл. 2
189	То же	1	» »	21	Х.	Пом. *23*, сл. 2
190	» »	1	» »	20	»	Продольная улица
191	Константин VII Багрянородный. Ор. X, *44—45*	1	944—959 гг.	18	О. пл.	Пом. *7б*, сл. 2, на полу
192	То же. Ор. X, *44*	1	То же	18	Х.	Пом. *20*, сл. 2
193	То же	1	» »	18	О. пл.	Пом. *23*, сл. 2
194	То же. Ор. X, *47*	1	» »	18	Пл.	Пом. *1*, сл. 2
195	То же	1	» »	16	»	Пом. *11*, сл. 2
196	» »	1	» »	16	О. пл.	Пом. *21*, сл. 2
197	» »	1	» »	16	Пл.	Пом. *22*, сл. 2
198	Константин VII Багрянородный и Роман II. Ор. X, *48*	1	948—959 гг.	17	»	Пом. *1*, у ю.-в. стены
199	То же	1	То же	18	»	Пом. *1*, под завалом черепицы
200	» »	1	» »	19	»	Пом. *7б*, сл. 2
201—202	То же (одна в обломках)	2	» »	19	»	Пом. *8*, сл. 2
203	То же (наполовину обломана)	1	» »	18	Пл.	Пом. *13*, сл. 2
204	То же	1	» »	18	Ср.	Пом. *15*, сл. 2
205	То же (обломана)	1	» »	18	Пл.	Пом. *22*, сл. 2
206	Роман II. Ор. X, *51* . .	1	959—963 гг.	19	»	Пом. *7а*, на полу
207	То же	1	То же	17	Ср.	Пом. *14*, сл. 2
208	» »	1	» »	18	Х.	Пом. *15*, сл. 3

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
209	Никифор Фока. Ор. X, *57*	1	963—969 гг.	16	Ср.	Пом. *1*, сл. 2
210	То же	1	То же	19	X.	Квартал 1937 г., улица, сл. 2
211	Василий II (край обломан). Ор. X, *59*	1	976—1025 гг.	16	»	Пом. *15*, сл. 2
212	То же	1	То же	16	Ср.	Пом. *22*, сл. 2
213	То же. Ор. X, *60*	1	» »	17	»	Пом. *11* при расчистке лестницы
214	Иоанн Цимисхий или Василий II	1	969—976(?) или 976—1025(?) гг.	17	Пл.	Квартал 1937 г., улица, сл. 2

Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.)

№ по пор.	Определение монеты	Количество	Дата	Диаметр (в мм)	Сохранность	Где найдена
1	2	3	4	5	6	7
			Монеты Херсонеса			
1	Б. XIV, Ср. 25	1	1-я пол. IV в. до н. э.	9	Ср.	Эллинистический дом
2	Б. XV, *72*	1	2-я пол. IV в. до н. э.	9	О. пл.	Подвал
3	Б. XIV, *30*	1	То же	19	Пл.	»
4	Б. XV, *76*(?)	1	» »	13	О. пл.	Эллинистический дом
5	Б. XIV, *37*	1	1-я пол. III в. до н. э.	20	» »	Там же
6	То же	1	То же	20	Пл.	» »
7	Б. XIV, *21*	1	II в. до н. э.	16	О. пл.	» »
8	Б. XV, *54*	1	То же	17	Ср.	Подвал
9	То же	1	» »	14		
10	Б. XIV, *14*	1	» »	17	Ср.	Эллинистическая цистерна
11	Б. XV, *56*	1	» »	15	Пл.	Там же
12	Б. XV, *54*	1	» »	15	»	» »
13	Б. XV, *57*	1	» »	14	»	Пом. 7, яма в скале
14	Б. XIV, *11*	1	Кон. II в. до н. э.	17	»	Колодец № 1 в здании с винодельней
15	То же	1	То же	17	Ср.	Винодельня I
16	Б. XVI, *97*	1	70—60-е гг. до н. э.	20	»	Эллинистический дом
17	Б. XVI, *115*	1	Последн. четв. I в. до н. э.	19	Пл.	Винодельня II
18	Херсонесская. Ор. Экек., II, № 35	1	Кон. I в. н. э.	21	»	Винодельня I
19	Б. XVI. *120*	1	Нач. II в.	24	»	Подвал
20	Б. XVI, *106*, *108*	1	1-я четв. III в.	22	О. пл.	Цистерна в здании с винодельней
21	Б. XVI, *104*	1	Сер. III в.	20	» »	Подвал
22	Б. XVI, *117*	1	То же	19	Пл.	»
23	Б. XVI, *108*	1	Около сер. III в.	21	»	»
24	Б. XVI, *117* (со следами горения)	1	Сер. III в.	21	О. пл.	Цистерна в здании с винодельней
25	Б. XVI, *103*	1	То же	18	» »	Там же
26	Б. XVI, *118*	1	» »	20	Пл.	Винодельня I

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
27	Б. XVI, *108*	1	Около сер. III в.	23	О. пл.	Винный склад
28	Херсонесская. Ор. XI, рис. 5	1	Сер. III в.	17	Пл.	Там же
29	Ор. Экск., рис. 3	1	Около сер. III в.	18	О. пл.	Винодельня II
30	Б. XVI, *117—118*	1	Сер. III в.	20	» »	Там же
31	Б. XIV, *109*	1	Около сер. III в.	19	Х.	Сл. 3, пом. 7
	Монеты городов северного Причерноморья, М. Азии и Египта					
32	Тира (?). Александр Север (?) (стерта, с надчеканкой); ср. Б. XII, *76*	1	1-я пол. III в.	21	Пл.	Пом. *12*, сл. 3
33	Ольвия. Б. IV, *60* . . .	1	Кон. IV—нач. III в. до н. э.	10	»	Эллинистический дом
34	Ольвия. Б. VI, *105* . . .	1	Кон. I в. до н. э.	17	Ср.	Подвал
35	Пантикапей. Б. XIX, *39*	1	1-я пол. IV в. до н. э.	20	Пл.	Эллинистический дом
36	Боспор. Фофорс. Деградированный «статер» Год (?): ϥΦ = 59 г. (?) б. э.	1	После 293 г. н. э.	20	Х.	Подвал
37	Боспор. Фофорс. Деградированный «статер» Год: ΗϥΦ = 598 г. б. э.	1	301 г. н. э.	18	Ср.	Винодельня I
38	Боспор. Одного из последних царей. Деградированный «статер» . .	1	Кон. III—нач. IV в.	20	Пл.	Пом. *12*, сл. 3
39	То же. Одного из последних царей	1	После 303 г. н. э.	18	Ср.	Подвал
40	Боспор. Рискупорид VII. Деградированный «статер» Год (?): ΚΧ = 62 (?) г. б. э.	1	Около 323 г.	17	Пл.	Винный склад
41	Диоскуриада. СВМ, I, *11*	1	1-я четв. I в. до н. э.	14	»	Эллинистический дом
42	Никея. Типы: бюст императора Немезида. Ср.: В.—К. 548, 578 и 601 .	1	III в. н. э.	23	»	Дромос склепа *1*
43	Египет. Птоломей. Типы: Зевс-Аммон, орел . . .	1	III—II в. до н. э.	19	О. пл.	Винный склад
	Монеты римских императоров					
44	Филипп старший (со следами горения)	1	244—249 гг.	21	Пл.	Подвал
45	Филипп старший. Денарий (биллон)	1	То же	22	»	Пом. *10*, сл. 3, под водостоком
46	Аврелиан	1	270—275 гг.	22	Ср.	Винный склад
47	Максимиан Геркул или Галерий	1	Кон. III—нач. IV в.	20	О. пл.	Подвал
48	Констанций Хлор	1	293—306 гг.	20	Ср.	Здание винодельни I
49	То же (со следами горения). В обрез: ANT . .	1	То же	27	»	Подвал
50	Константин I	1	306—337 гг.	23	Пл.	Пом. 7, вырубка в скале
51	То же	1	То же	20	Х.	Здание винодельни I

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
52	Константин I	1	306—307 гг.	20	Пл.	Подвал
53	То же.	1	То же	15	Х.	»
54	» »	1	» »	16	О. пл.	»
55	Лициний старший. В обрезе: SMNA	1	308—324 гг.	20	Ср.	Винный склад
56	То же (со следами горения)	1	308—324 гг.	20	Пл.	Подвал
57	Константин II	1	337—340 гг.	18	»	»
58	То же. В обрезе: SMANS	1	То же	16	Х.	»
59	То же (у края дырочка) .	1	» »	16	Пл.	»
60	Констант I	1	337—350 гг.	16	Ср.	Винодельня I
61	То же	1	То же	15	Пл.	Подвал
62	То же. В обрезе: R*P . .	1	» »	13	Х.	»
63	То же. В обрезе: AQ . .	1	» »	13	»	»
64	То же	1	» »	13	Пл.	»
65	» »	1	» »	13	Ср.	»
66	» »	1	» »	16	»	»
67	» »	1	» »	15	»	»
68	» »	1	» »	13	»	»
69	Констанций II. В обрезе: CONS	1	337—361 гг.	17	»	»
70	То же	1	То же	20	О. пл.	»
71	То же. В обрезе: ANT .	1	» »	15	Ср.	»
72	То же. В обрезе: ...Г . .	1	» »	20	»	»
73	То же. В обрезе: SMANTI	1	» »	14	Пл.	»
74	То же. В обрезе: SMAN .	1	» »	20	Ср.	»
75	То же. В обрезе: ...Δ . .	1	» »	22	Пл.	»
76	То же	1	» »	20	»	»
77	То же. В обрезе: ASIRM	1	» »	17	Ср.	»
78	То же	1	» »	19	Пл.	»
79	То же. В обрезе: CONSA	1	» »	20	Ср.	»
80	То же	1	» »	12	»	»
81	То же. В обрезе: ALEГ .	1	» »	18	Пл.	»
82	То же	1	» »	17	»	Пом. 5, сл. 3
83	То же. В обрезе: SMKA .	1	» »	17	Ср.	Здание винодельни I
84	Один из сыновей Константина I	1	» »	14	Пл.	Подвал
85	То же. В обрезе: ANT . .	1	» »	15	О. пл.	»
86	То же	1	» »	16	Пл.	»
87	То же. В обрезе: SMANTI	1	» »	15	Ср.	»
88	То же	1	» »	15	О. пл.	»
89	» »	1	» »	17	» »	»
90	То же (со следами горения)	1	» »	20	» »	»
91	То же	1	» »	18	» »	»
92	То же (обломана)	1	» »	17	» »	»
93	То же	1	» »	17	Пл.	»
94	» »	1	» »	14	О. пл.	»
95	» »	1	» »	14	» »	»
96	» »	1	» »	14	» »	»
97—99	То же (по фактуре) . . .	3	» »	13—15	» »	»
100	То же (обломана)	1	» »	15	Пл.	Винодельня I
101	То же (края обломаны) .	1	» »	16	Ср.	Подвал
102	То же	1	» »	12	»	»
103	» »	1	» »	20	Пл.	»
104	» »	1	» »	15	»	»
105	То же. В обрезе: SMANS	1	» »	14	Ср.	»
106	То же. В обрезе: SMNГ .	1	» »	14	Х.	»
107	То же. В обрезе: SMKE	1	» »	13	Ср.	»
108	То же (обломана)	1	» »	16	О. пл.	»
109	То же	1	» »	16	Пл.	»

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
110	Один из сыновей Константина I.	1	337—361 гг.	16	О. пл.	Подвал
111	То же. В обрезе: ASIS .	1	То же	14	Ср.	»
112	То же	1	» »	14	Пл.	»
113	» »	1	» »	15	»	»
114	» »	1	» »	16	О. пл.	»
115	То же (обломана)	1	» »	14	» »	»
116	То же (со следами горения)	1	» »	20	» »	»
117	То же	1	» »	13	» »	»
118	» »	1	» »	15	Пл.	»
119	Валент	1	364—378 гг.	16	»	»
120	То же	1	То же	18	»	»
121	» »	1	» »	16	О. пл.	»
122	То же (?)	1	» »	16	» »	»
123	То же (?)	1	» »	15	Пл.	»
124	Грациан. В обрезе: ASISC	1	367—383 гг.	24	Х.	Пом. *8*, сл. 3
125	Валентиниан II	1	375—392 гг	22	Пл.	Подвал
126	То же	1	То же	16	»	Пом. *16*
127	» »	1	» »	21	Ср.	Там же
128	То же. В обрезе: SMNB .	1	» »	21	»	» »
129	То же	1	» »	12	»	» »
130	То же. В обрезе: ANTЄ .	1	» »	23	Х.	Винодельня *I*
131	То же. В обрезе: CONSA	1	» »	22	Ср.	Там же
132	То же. В обрезе: *ANT .	1	» »	22	»	Винный склад
133—134	Валентиниан II или Феодосий I. В обрезе: SMNΔ	2	IV в.	20 и 23	Пл.	Подвал
135	Валентиниан II или Феодосий I	1	IV в.	21	»	Пом. *1*, переулок, 2 пол
136	Римский император (имя стерто)	1	IV в.	20	»	Пом. *7*, сл. 3
137	То же	1	IV в.	13	»	Пом. *15*, сл. 3
138	» »	1	IV в.	18	О. пл.	Подвал
139	» »	1	Кон. IV в.	14	Пл.	»
140	Римский император (имя стерто; обломок) . . .	1	То же	15	»	Перекресток улиц продольной и X поперечной
141	Римский император (имя стерто)	1	IV в.	20, 22	Пл.	Винодельня I
142	То же	1	Кон. IV в.	13	О. пл.	Подвал
143—144	То же (обломаны) . . .	2	То же	13 и 14	» »	»
145—147	То же	3	» »	20—22	» »	»
148	То же (имя стерто). Под обрезом: SMN A	1	» »	22	Пл.	Винодельня I
149	То же	1	» »	20	»	Там же
150—151	» »	2	Кон. IV в.—нач. V в.	22	»	Винодельня I, подвал
152	Римский или византийский император (имя стерто)	1	То же	16	О. пл.	Пом. *11*, сл. 2
153	Римский император (имя стерто)	1	» »	22	Пл.	Винодельня II
154	То же	1	» »	21	»	Колодец № 2
155	Римский или византийский император (имя стерто)	1	» »	21	»	Винный склад
156	Феодосий I	1	379—395 гг.	22	Ср.	Пом. *16*
157	То же	1	То же	21	Пл.	Там же
158	То же. Под обрезом: *SMHA	1	» »	23	Х.	Винодельня I
159	То же. Под обрезом: CONSA	1	» »	21	Ср.	Пом. *11*, на полу
160	То же	1	» »	21	»	Подвал

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
161	Феодосий I. Под обрезом: CONSA	1	379—395 гг.	21	Пл.	Вход в подвал
162	То же. В обрезе: ANTΓ	1	То же	22	Ср.	Там же
163	То же (по фактуре). Имя не сохранилось. В обрезе: CONS	1	» »	22	Пл.	» »
	Монеты византийских императоров					
164	Аркадий. В обрезе: ALЄ	1	395—408 гг.	12	Пл.	Винный склад
165	То же. В обрезе: SMN	1	То же	22	Ср.	Там же
166	То же	1	» »	20	Пл.	Пом. *16*
167	» »	1	» »	16	Ср	Там же
168	» »	1	» »	20	Пл	» »
169	» »	1	» »	21	»	Пом. *8*, сл. 3
170	» »	1	» »	13	»	Пом. *10*, сл. 3
171	То же. Под обрезом: CONSΓ	1	» »	22	Ср.	Пом. *11*, сл. 2
172	То же. В обрезе: CONS .	1	» »	23	Пл.	Пом. *5*, сл. 3
173	То же. В обрезе: SMKB Толст. 4, *112*	1	» »	23	»	Склеп *1*
174	Феодосий II	1	408—450 гг.	19	»	Винодельня I
175	То же	1	То же	21	Ср.	Винодельня II
176	То же. В обрезе: SMKB	1	» »	21	Пл.	Пом. *16*
177	То же (обломана)	1	» »	21	»	Там же
178	То же. В обрезе: SMKΓ. Толст. 6, *76*	1	» »	21	Ср.	Пом. *12*, сл. 2
179	Лев I. В обрезе: CON . .	1	457—474 гг.	18	X.	Пом. *16*
180	То же	1	То же	20	Ср.	Там же
181	То же. В обрезе: CON .	1	» »	18	»	» »
182	То же	1	» »	18	»	» »
183	То же. В обрезе: CON .	1	» »	19	»	» »
184	То же	1	» »	18	»	» »
185	» »	1	» »	21	»	Пом. *5*, сл. 3
186	» »	1	» »	19	Пл.	Пом. *7*, выруб
187	Анастасий	1	491—518 гг.	14	»	Пом. *16*
188	То же	1	То же	15	Ср.	»
189	» »	1	» »	10	»	»
190	» »	1	» »	15	»	»
191	» »	1	» »	14	Пл.	»
192	» »	1	» »	17	Ср.	»
193	» »	1	» »	15	»	»
194	То же. Толст. II, № *67* .	1	» »	13	X.	Винный склад
195	То же. Толст. II, № 69	1	» »	13	О. пл.	Склеп *1*
196	То же. Толст. II, № 60	1	» »	16	» »	Склеп *2*
197	Юстин I. Толст. III, № *86*	1	518—527 гг.	12	Пл.	Пом. *8*, под подошвой
198	Юстиниан I	1	527—565 гг.	14	»	Пом. *11*, на полу
199	Византийская (имя не сохранилось)	1	VI в.	13	»	Пом. *1*, над усыпальницей
200—202	Лев V. Толст. IX, № 24	3	813—820 гг.	21	Ср.	Склеп *1*
203	То же. Толст. IX, № 26	1	То же	15	Пл.	Там же
204	То же. Толст. IX, № 25	1	» »	18	Ср.	Склеп *2*
205	Никифор Фока. Wroth, II, стр. 473, № 8	1	963—969 гг.	24	»	Винодельня II, сл. 2
206	Византийская анонимная	1	После X в.	25	»	Пом. *11*

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
207	Византийская анонимная.	1	После X в.	25	О. пл.	Пом. *16*
208	Восточная. Сельджуки Рума. Кай-Кавус-ибн Кай-Хусрау. (Определение А. А. Быкова)	1	1210—1219 гг.	29	X.	Пом. *12*
	Монеты херсоно-византийские					
209	Зенон. Бел., № 2	1	474—491 гг.	1	Ср.	Виноделыня I
210—211	То же	2	То же	16	Пл.	Винный склад
212	» »	1	» »	16	Ср.	Пом. *16*
213	» »	1	» »	17	Пл.	Там же
214	» »	1	» »	17	»	» »
215	» »	1	» »	16	Ср.	» »
216	» »	1	» »	15	»	» »
217	» »	1	» »	16	Пл.	» »
218	» »	1	» »	16	X.	» »
219	» »	1	» »	15	Пл.	» »
220	» »	1	» »	18	Ср.	» »
221	» »	1	» »	16	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
222	Юстиниан I, Ор. VIII, *1—3*	1	527—565 гг.	12	»	Пом. *9*, сл. 3
223	То же	1	То же	14	»	Пом. *16*
224	» »	1	» »	12	Ср.	Там же
225	» »	1	» »			Пом. *11*, на полу
226	То же. Ор. VIII, *3* . . .	1	» »	14	Пл.	Там же
227	То же. Толст. IV, № 474	1	» »	15	Ср.	» »
228	То же. Толст. IV, № 479	1	» »	11	Пл.	» »
229	То же. Ор. VIII *1—3* . .	1	» »	13	»	Виноделыня I
230	То же	1	» »	13	»	Виноделыня II
231	То же. Ор. VIII, *1* . . .	1	» »	14	»	Траншея
232	Маврикий. Ор. VIII, *5* .	1	582—602 гг.	28	»	Пом. *11*, на полу
233	То же. Ср. Ор. VIII, *5* .	1	То же	30	X.	Пом. *11*, сл. 2
234	То же. На *e. c.* — знак К. Ор. Доп. стр. 2, рис. Очень редкая	1	» »	22	»	Там же
235	То же. Ср Бел., № 5 . .	1	» »	18	Пл.	Пом. *8*, сл. 2
236	Василий I. Ор. IX, *20* .	1	867—886 гг.	17	Ср.	Пом. *3*, яма № 2
237	То же. Ор. IX, *20* . . .	1	То же	17	X.	Пом. *5*, сл. 2
238	То же	1	» »	16	Ср.	Пом. *7*, сл. 2
239	То же. Ор. IX, *22* . . .	1	» »	17	»	Там же
240—241	То же	2	» »	16	X., Ср.	Пом. *8*, сл. 2
242	То же. Ор. IX, *19* . . .	1	» »	14	Ср.	Пом. *9*, сл. 2
243	То же. Ор. IX, *20* . . .	1	» »	17	X.	Там же
244—248	То же	5	» »	16—17	X., Ср., Пл.	Пом. *11*, сл. 2
249—251	То же. Ор. IX, *22* . . .	3	» »	16—18	Ср.	Там же
252—254	То же. Ор. IX, *20* . . .	3	» »	16—17	Ср., О. пл.	Пом. *12*, сл. 2
255—264	То же. Ор. IX, *20* . . .	10	» »	16—19	X., Пл., Ср.	Пом. *16*
265	То же. Ор. IX, *21* . . .	1	» »	20	X.	Там же
266	То же. Ор. IX, *17* . . .	1	» »	20	X.	» »
267	То же (?)	1	» »	16	О. пл.	» »
268	Василий I и Константин IX. Ор. IX, *23*, 1 .	1	869—870 гг.	24	Пл.	Пом. *6*, сл. 2
269	То же	1	То же	24	Ср.	Пом. *9а*, сл. 2
270—271	» »	2	» »	23	X., Пл.	Пом. *7*, сл. 2
272	» »	1	» »	22	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
273	» » (неудачно литая) .	1	» »	18	»	Пом. *12*, сл. 2

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
274	Лев VI. Ор. IX, *25* . . .	1	886—912 гг.	20	Пл.	Пом. *9а*, сл. 2
275	То же	1	То же	16	»	Там же
276	» »	1	» »	16	»	Пом. *16*
277—278	Лев VI и Александр. Ор. IX, *27*	2	886—911 гг.	16	Ср., Пл.	Пом. *9а*, сл. 2
279	То же. Ор. IX, *29* . . .	1	То же	17	Х.	Там же
280	То же (?)	1	» »	15	О. пл.	» »
281	То же. Ор. IX, *29* . . .	1	» »	17	Ср.	Виноделыня II
282	То же Ор. IX, *28* . . .	1	» »	16	Ср.	Пом. *9а*, сл. 2
283	То же. Ор. IX, *29* . . .	1	» »	18	Пл.	Пом. *10*, сл. 2
284	То же	1	» »	16	»	Там же
285	» »	1	» »	17	»	Пом. *11*, сл. 2
286	Роман I. Ор. IX, *37* . .	1	920—944 гг.	20	»	Пом. *4*, сл. 1
287—290	То же. Ор. IX, *36* . . .	4	То же	23	Ср.	Пом. *5*, сл. 2
291	То же. Ор. IX, *37* . . .	1	» »	21	Х.	Там же
292—293	То же. Ор. IX, *34* . . .	2	» »	25	Ср.	Пом. *6*, сл. 2
294	То же. Ор. IX, *37* . . .	1	» »	21	»	Пом. *9а*, сл. 2
295	То же. Ор. IX, *34* . . .	1	» »	25	Х.	Пом. *12*, сл. 2
296	То же. Ор. IX, *37* . . .	1	» »	21	»	Там же
297	То же (в обломках) . . .	1	» »	—	О. пл.	Склеп *2*
298	То же. Ор. IX, *37* . . .	1	» »	21	Ср.	Пом. *15*, сл. 2
299	Роман I и Христофор. Ор. X, *43*	1	» »	16	Х.	Пом. *9а*, сл. 2
300	Константин VII Багрянородный. Ор. X, *45* . .	1	944—959 гг.	15	Пл.	Пом. *7*, сл. 2
301	То же	1	То же	16	Ср.	Пом. *8*, сл. 2
302—303	То же. Ор. Доп. В, № 17	2	» »	17	Пл.	Пом. *8*, сл. 2
304—305	То же. Ор. X, *47*	2	» »	16	Ср.	Пом. *9а*, сл. 2
306—307	То же. Ор. X, *45*	2	» »	15 и 17	»	Пом. *11*, сл. 2
308—311	То же. Ор. X, *47*	4	» »	14—17	Пл.	Там же
312	То же	1	» »	15	»	Перекресток улиц продольной и X поперечной
313—315	То же. Ор. X, *44*	3	» »	16	Ср.	Пом. *16*, сл. 2
316—317	То же. Ор X, *45*	2	» »	18 и 19	Х., Пл.	Там же
318—320	То же (со следами горения). Ор. X, *47*	3	» »	15—18	Пл.	» »
321	То же. Ор. Доп. В, № 17	1	» »	19	Ср.	» »
322	Константин VII Багрянородный и Роман II. Ор. X, *48*	1	948—959 гг.	18	»	Пом. *8*, сл. 2
323—326	То же	4	То же	19	»	Пом. *9а*, сл. 2
327—328	» »	2	» »	18	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
329—337	» » (из них одна — обломок и четыре со следами горения)	9	» »	18—19	Х., Ср., Пл.	Пом. *16*, сл. 2
338	Роман II. Ор. X, *51* . .	1	959—963 гг.	17	Пл.	Пом. *3*, сл. 2
339—342	То же	4	То же	18	»	Пом. *7*, сл. 2
343—344	То же. Ор. Доп. В, № 15	2	» »	18	Х.	Пом. *8*, сл. 2
345—346	То же. Ор. X, *52*	2	» »	18	Пл.	Пом. *9а*, сл. 2
347—352	То же. Ор. X, *51*	6	» »	18	Ср.	Там же
353	То же	1	» »	19	»	Пом. *10*, сл. 2
354	То же	1	» »	18	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
355	То же (неудачно литая). Ор. X. *52*	1	» »	19	»	Там же
356	То же. Ор. Доп. В, № 15	1	» »	18	»	» »
357	То же	1	» »	18	»	Пом. *12*, сл. 2
358	То же. Ор. X, *52*	1	» »	19	Ср.	Там же
359—369	То же (из них одна — обломок). Ор. X, *51* . .	11	» »	16—18	Х., Ср., Пл.	Пом. *16*, сл. 2

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
370	Роман II. Ор. Доп. В, № 15	1	959—963 гг.	18	Пл.	Пом *16*, сл. 2
371—375	То же. Ор. X, *52*	5	То же	17—18	X., Ср., Пл.	Там же
376	Роман II и Василий II (обломана). Ор. X, *55* .	1	960—963 гг.	18	Пл.	Пом. *9а*, сл. 2
377	Никифор Фока. Ор. X, *57*	1	963—969 гг.	19	»	Пом. *8*, сл. 2
378—379	То же	2	То же	18	Ср.	Пом. *9а*, сл. 2
380	» »	1	» »	19	»	Пом. *10*, сл. 2
381	» »	1	» »	18	Пл.	Пом. *16*, сл. 2
382	Иоанн Цимисхий. Ор. X, *58*	1	969—976 гг.	18	Ср.	Пом. *9а*, сл. 2
383	То же	1	То же	17	X.	Пом. *10*, сл. 2
384	» »	1	» »	16	Ср.	Пом. *16*
385	Василий II. Ор. X, *60* .	1	976—1025 гг.	17	»	Пом. *9*, сл. 2
386	То же	1	То же	18	Пл.	Пом. *11*, сл. 2
387	То же. Ор. X, *59*	1	» »	18	Ср.	Пом. *12*, сл. 2
388—389	То же (со следами горения)	2	» »	16 и 18	Пл.	Подвал, сл. 2
390	Херсоно-византийская, неопределенная	1	X в.	18	О. пл.	Пом. *3*, сл. 2
391	Херсоно-византийская, неопределенная (в обломках)	1	IX—X в.	—	» »	Пом. *6*, сл. 2
392—394	Херсоно-византийские (одна в обломках) . . .	3	То же	—	» »	Пом. *7*, сл. 2
395	Херсоно-византийская, неопределенная (в обломках)	1	» »	—	» »	Пом. *8*, сл. 2
396—398	Херсоно-византийские, неопределенные (обломанные, покрытые окисью)	3	» »	15—16	» »	Подвал, сл. 2
99—401	Херсоно-византийские, неопределенные	3	» »	17—18	» »	Виноделыня II, сл. 2

СТАТЬИ

Г. Д. Белов

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

1

В 1937 г. на северном берегу Херсонеса были раскопаны два квартала эллинистической эпохи — кварталы XV и XVI. Один из них (квартал XV), прилегающий к IX поперечной улице, был, повидимому, целиком занят большим домом, размерами 27×24 м. План всех составных частей этого дома установить невозможно, так как в дальнейшем некоторые его стены были уничтожены. Сохранились следующие помещения (см. табл. I в статье Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого «Кварталы XV и XVI» в этом выпуске): большой двор, находящийся в центральной части дома, две подвальные кладовые, вырубленные в скале, небольшой дворик с колодцем и несколько других помещений, находящихся в ю.-в. части дома. С.-з. же половина дома, за исключением северного его угла, была совершенно разрушена в первые века нашей эры при возведении здесь огромного здания.

За время своего существования дом подвергся частичной перестройке, в результате которой в его ю.-з. части возникло небольшое помещение *Л* с мозаичным полом.[1] Доказательством того, что это помещение построено после гибели дома, служит самое местоположение его: оно находится на продолжении разрушенной монументальной стены эллинистического дома. Стены этого помещения сильно повреждены, только ю.-з. и с.-з. стены в нижней своей части сохранились почти полностью, от ю.-в. же остался лишь небольшой кусок, а с.-в. стена разрушена без остатка. Вся с.-в. часть помещения *Л* была уничтожена при земляных и строительных работах в IX—X вв.: раскопками здесь обнаружены средневековые большие ямы и части стен, находившиеся на материковой скале. Однако восточный

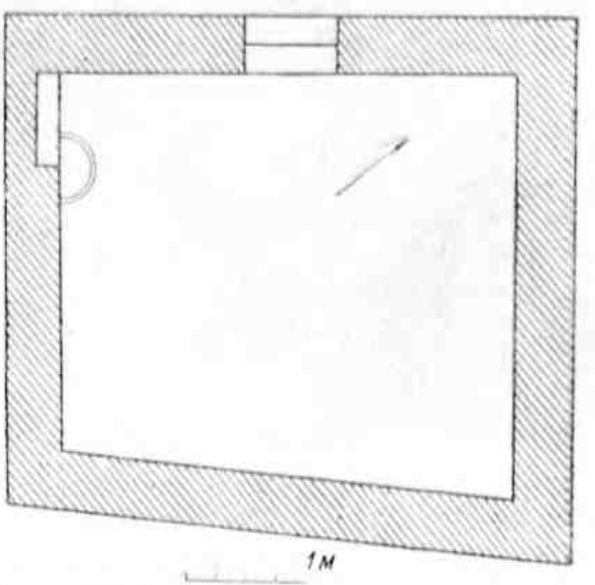


Рис. 1. План помещения с мозаичным полом.

и северный внутренние углы помещения удалось установить по слабым остаткам стен и их обмазке при скале, вследствие чего оказалось возможным определить размеры всех стен. План помещения с мозаичным полом неправильный: длина с.-з. и ю.-в. стен по 3.75 м, длина же с.-в. стены 3.30 м, а противоположной ей ю.-з. — только 3.0 м (рис. 1). Стены воздвигнуты: с.-з. — частично на более ранней стене, ю.-з. — на подсыпке из щебенки, под с.-в. же

[1] Окончательная раскопка помещения с мозаикой произведена в мае 1938 г. Краткое сообщение о мозаике напечатано в «Вестнике древней истории» (1938, № 3/4).

стеной и прилегающей к ней частью пола находится вырубленная в скале яма.

Вход в помещение *Л* устроен в с.-з. стене: порог двери состоит из двух ступеней, понижающихся внутрь помещения, третьей ступенью служила плита, лежавшая прямо на полу. Наличие лестницы указывает на различный уровень подошвы двора и пола в помещении: в последнем пол был ниже поверхности двора на 0.80—1.0 м.

углубление (глубина 0.30 м), вырубленное в скале и обрамленное вверху венчиком пифоса, диаметром 0.50 м (рис. 2).

К СЗ от помещения *Л*, на расстоянии 2 м от него, находится цистерна *3* (см. табл. I в статье «Кварталы XV и XVI» в этом выпуске), которая по своему назначению, как увидим, была с ним тесно связана. Цистерна имеет неправильную грушевидную форму; диаметр ее вверху 0.60 м,

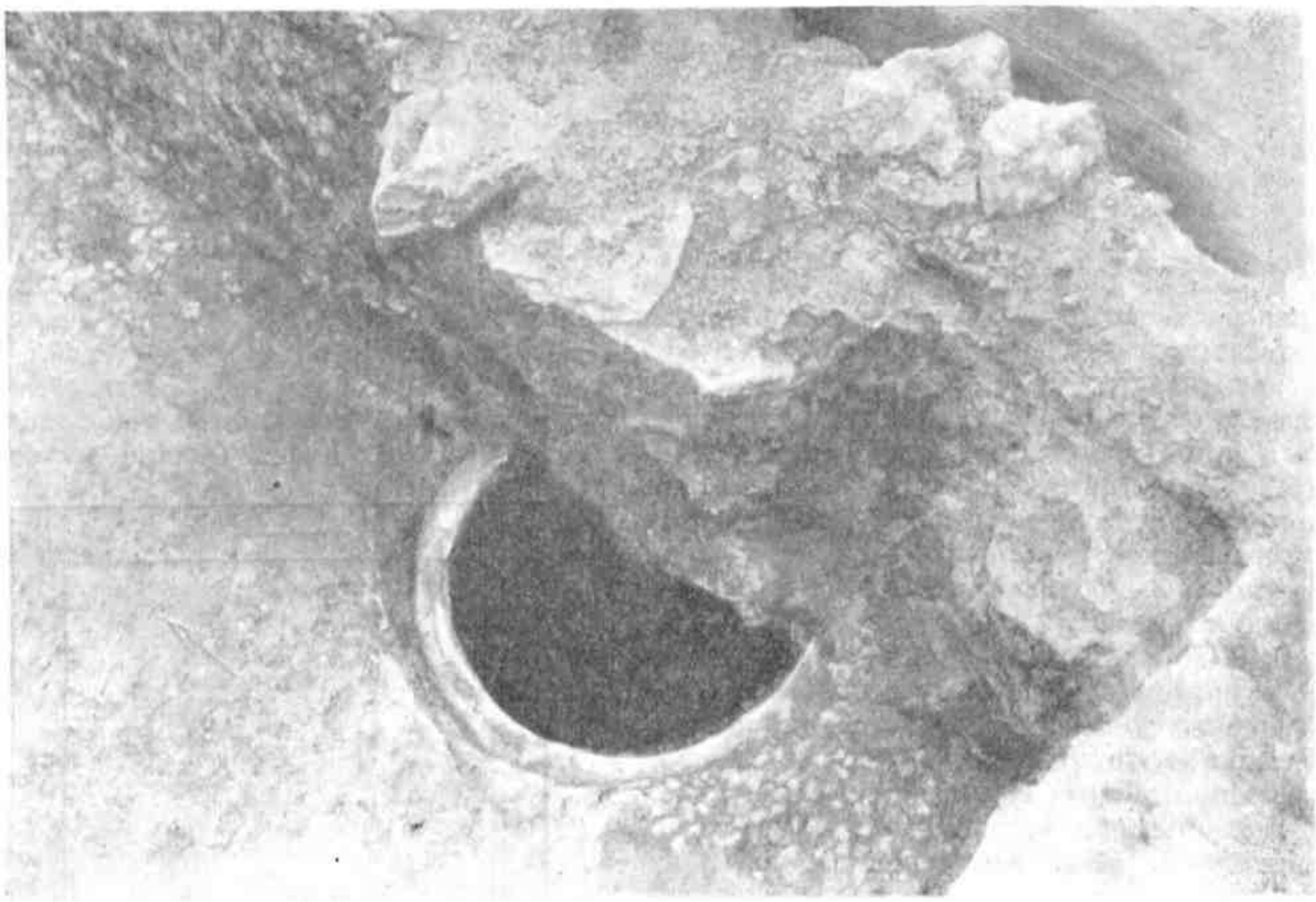


Рис. 2. Углубление для стока воды в помещении с мозаичным полом.

Стены помещения *Л* сложены из небольших, мало обработанных камней на глине (в кладке дверного проема плиты тесаные). Внутри помещения стены покрыты толстым слоем желтоватой глины, на которой местами сохранилась штукатурка, состоящая из извести и песка. Непосредственно на полу лежал слой такой же глины, упавшей, повидимому, со стен и потолка. В насыпи встречались куски штукатурки, окрашенной в красный цвет.

В ю.-з. стене, возле западного угла, имеется неглубокая прямоугольная ниша. Напротив ниши в полу устроено круглое

на уровне дна — 2.25 м, глубина 3.25 м. Верхняя часть цистерны, сохранившаяся в высоту до 1 м, сложена из бутовых камней на глине, остальная часть, глубиной 2.25 м, вырублена в материковой скале. Стены цистерны внутри тщательно оштукатурены смесью извести, песка и небольшого количества мелко толченой керамики. Цистерна служила для хранения дождевой воды.

Две аналогичные цистерны были открыты раскопками 1936 г. в соседнем квартале; они также служили для хранения дождевой воды. Подобные же цистерны открыты раскопками 1947 и 1950 гг. Вокруг цистерн

частично сохранились вымостки из штучных плит, с наклоном их в сторону от цистерн.

В Ольвии аналогичная цистерна грушевидной формы, но бóльших размеров, оштукатуренная смесью извести, песка и мелко битой керамики, известна по раскопкам

наличие мозаики, изображающей сцену омовения, подтверждает назначение помещения.

Что касается отопления помещения, то никаких следов существования печи или очага в нем не обнаружено. В зданиях Херсонеса эллинистической эпохи мы вообще еще ни разу не встретили остатков

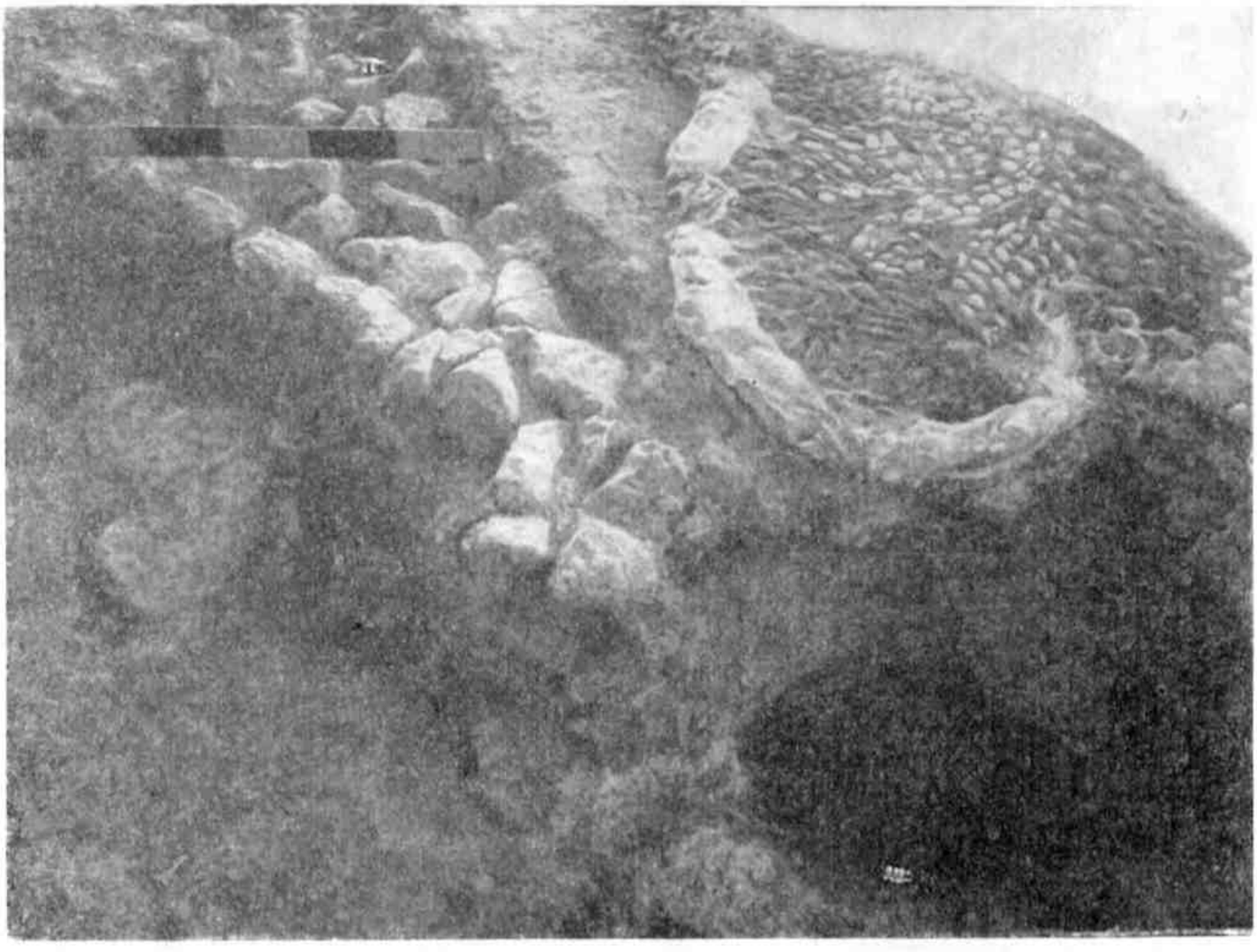


Рис. 3. Разрез мозаичного пола: насыпь, вымостка из камней, раствор извести с песком, мозаика.

1902—1903 гг. Назначение ее то же — для собирания дождевой воды.[1]

Помещение с мозаичным полом служило для омовения, что доказывается следующими наблюдениями. Пол в помещении устроен с наклоном к яме для того, чтобы в нее стекала использованная вода, которую из ямы удобнее было вычерпывать, остатки же воды могли рассасываться в скале, между ее слоями. Цистерна расположена рядом с дверью помещения, чтобы ближе было носить из нее воду. Наконец самое

печей или очагов. Но это может объясняться не столько отсутствием их в период существования домов, сколько плохой сохранностью последних. В данном помещении отопление, вероятнее всего, осуществлялось при помощи жаровни; при малых его размерах такой способ мог быть вполне достаточным. Нагревать воду для мытья могли также на жаровне и в том же самом помещении.

2

Мозаичная вымостка выполнена следующим образом. Материковая скала, чтобы

[1] См.: ИАК, вып. 13, стр. 51, рис. 26 и 27.

нивелировать поверхность материка, покрыта насыпью культурного слоя, толщиной 10—20 см. На насыпи покоится вымостка из мелких камней, величиной с кулак, плотно утрамбованная (рис. 3). На вымостку положен слой бетона — смеси извести с песком. Камешки мозаики укладывались непосредственно на бетоне. Цвет последнего в настоящее время темносерый, ставший таким в результате длительного загрязне-

Рис. 4. Помещение с мозаичным полом, общий вид сверху.

ния, первоначально был, вероятно, белым. Материал мозаики — морская галька, т. е. камешки естественного происхождения, окатанные морем. Форма их неправильная, приближающаяся к овалу, величина неодинаковая. Вследствие этого промежутки между ними широкие и различной величины. Отсюда же проистекает и характерная черта мозаики — «свободное», т. е. случайное, расположение ее камешков. Все камни мозаики лежат плашмя. Исключение составляют камешки, образующие контуры изображений или границы между центральным полем и фризом,[1] которые поставлены на ребро. Однако и контурные линии являются не всегда четким, правильным рядом. Искусственно обработанные или расколотые камни в мозаике отсутствуют.

Мозаика выполнена в три основных цвета: белый, желтый и темносиний, причем преобладают камни белого и желтого цветов. Лишь для обозначения некоторых деталей использованы красные и зеленые камни. Темносиние камни, отличающиеся глубоким, густым цветом, происходят, вероятно, из-под Георгиевского монастыря (в 12 км к югу от Херсонеса), где имеются выходы горных кристаллических пород. Все же остальные камни собраны, несомненно, на месте — на берегу моря, они представляют собою плотный мраморовидный известняк (см. цветной рисунок).

Мозаика дошла до нас в сильно поврежденном виде. Так, с.-в. часть вымостки не сохранилась — она была уничтожена в средние века вместе с примыкающей к ней стеной; большая лакуна имеется в ю.-з. части; кроме того, мелкие повреждения встречаются и в других местах. Мозаичная вымостка и с.-з. стена в с.-в. их части разрушены в одинаковой степени и по одной линии, что свидетельствует об одновременности их разрушения (рис. 4).

Центральная часть мозаичного пола имеет вид прямоугольника, длиной 2 м (полная его ширина не сохранилась). Среднее поле с каждой стороны обрамлено фризом (с.-в. фриз не сохранился). Вымостка в ю.-в. и ю.-з. фризах разноцветная, пестрая, состоит из белых и желтых камней, без какого-либо орнамента.

С.-з. фриз пола (ширина его 0.90 м), возле двери, украшен орнаментом. В центре его — пятилепестковая пальметка с длинными, сильно отогнутыми вниз лепестками, особенно у нижней пары.[2] Лепестки выложены из белых камней, контуры их обрам-

[1] Вымостка правильными рядами характерна для мозаик, выполненных из искусственных камней. См.: Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiqités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, t. I—V, Paris, 1886—1919, p. 2088. «Musivum opus».

[2] Аналогичная по форме пальметка повторяется на фризе ольвийской мозаики (ИАК, вып. 13, рис. 25; ср. также пальметку на акротерии: там же, рис. 43).

Мозаика с изображением сцены омовения.
(По кальке, исполненной О. И. Домбровским).

лены темносиними камнями, поставленными на ребро, фон между лепестками и в верхней части фриза — из желтых камней. От пальметки в левый нижний угол фриза обращен цветок с длинным изогнутым стеблем и тремя лепестками, состоящими из желтых камней. Такой же цветок, судя по небольшим остаткам, был и с правой стороны пальметки. Пальметка и весь остальной орнамент фриза окаймлены внизу разводами — белой волнистой линией с завитками на концах. В верхней части фриза заметны желтые круги, составляющие часть какого-то орнамента, полностью восстановить который невозможно из-за лакун. В нижней части фриза фон темносиний, в верхней преобладает желтый цвет.[1]

В центральной части мозаичной вымостки, обрамленной со всех сторон прямыми линиями из темносиних камней, изображены две обнаженные женские фигуры, стоящие по сторонам вазы (рис. 5). Стоящая слева в свободной позе молодая стройная женщина, обращенная в три четверти влево, касается бедром края вазы. Ее левая нога слегка согнута в колене и отставлена назад, торс сильно наклонен назад, обе руки подняты от локтей кверху, к правому плечу. Голова, шея и кисти рук не сохранились, поэтому не видно, что делала женщина

Рис. 5. Центральная часть мозаичного пола.

[1] В процессе расчистки и реставрации мозаики, производившихся под руководством О. И. Домбровского, возникло предположение, что мозаика сохранилась не полностью, что дошедшие до нас изображения составляют лишь часть ее. Однако этому противоречит композиционная законченность мозаичного пола: центральное поле занимает, как и должно, середину помещения, боковые фризы почти одинаковы по ширине. Наличие же узора-пальметки только в одном с.-з. фризе объясняется тем, что этот фриз расположен против входа в помещение. Никаких следов мозаики за пределами помещения не обнаружено.

Кроме того, уместно добавить, что, как показала расчистка лакун, основа мозаичного пола представляет собою весьма прочный раствор, в котором камешки сидели очень крепко, в укреплении же нуждались лишь те из них, которые находились по краям лакун.

руками; вероятно, она поправляла ими волосы.

Поза второй фигуры иная: женщина стоит почти в фас, слегка повернувшись влево, опираясь на левую ногу, правая же отставлена назад и в сторону таким образом, что перекрещивается с левой; правая рука, согнутая в локте под прямым углом, опирается на бедро, а левой, вытянутой вниз и вправо, женщина опирается на столб. Голова и нижние части ног (ниже икр) ее не сохранились. Позади фигуры виден плащ, который справа (от зрителя) находится на уровне груди, слева же — на высоте бедра; конец плаща спускается ниже колен. Плащ выложен сплошь желтыми камнями, его складки в виде зигзагов обозначены темно-синими камнями, поставленными на ребро. Плащ с одной стороны прижат бедром к вазе, с другой наброшен на столб, где он придерживается левой рукой; верхний угол плаща зажат левой рукой подмышкой.

Боковые линии торса и складка в нижней части живота у обеих фигур ограничены узкими свинцовыми пластинками, а контуры рук, груди, ног и коленных чашек обрисованы темно-синими камешками, поставленными на ребро. Эти детали раскрывают процесс выполнения мозаичных изображений, который можно представить в следующем порядке.

После того как приготовленная для пола основа (из камней и щебенки) была залита известковым раствором, мастер разделил всю площадь на несколько частей, выделив центральное поле и боковые фризы. Затем он приступил к выполнению композиции в ее схематическом виде. С этой целью художник вначале по свежему раствору прочертил контуры фигур и орнамента. Потом в растворе по этим линиям он уложил составляющие основной рисунок фигур свинцовые пластинки и гальки на ребро, после чего заполнил галькой пространство между контурами торса, рук и ног и, наконец, произвел выкладку всего фона. Заключительной стадией была утрамбовка пола для придания мозаике ровной горизонтальной поверхности.

Весь процесс работ необходимо было выполнить довольно быстро, пока не успел затвердеть раствор. Поэтому, надо полагать, изготовление мозаичной вымостки производилось по частям: отдельно выполнялись центральное поле и боковые фризы. Несомненно, что все мозаичные изображения и орнаменты выполнялись по предварительно разработанным эскизам.

Женские фигуры выполнены из гальки белого и желтого цветов вперемежку, размещение тех и других случайное (на рисунке желтые камни вышли слабее белых). Детали исполнены галькой иного цвета: соски грудей обозначены красными камешками, пупок — двумя камешками: синим вверху и красным внизу.

Вся левая фигура и верхняя половина правой изображены на темно-синем фоне, фоном для нижней части правой фигуры служит желтый плащ. Интенсивный цвет фона выделяет фигуры, делает их контуры более четкими и как бы рельефными.

Между фигурами помещена широкая ваза на высокой ножке (диаметр вазы 0.60 м, сохранившаяся высота ножки 0.40 м). Края вазы и ножка выполнены белой галькой, ствол ножки украшен каннелюрами, их грани и закругления вверху подчеркнуты темно-синими камешками. Нижний конец ножки не сохранился, но, судя по его расширению, ножка заканчивалась подставкой. Ножка вазы имела, вероятно, такую же форму, как и мраморная подставка для вазы, происходящей из Аттики.[1] По форме ваза может быть определена как лутерий, т. е. сосуд для воды, составлявший принадлежность бани, палестры и т. п.[2] Это подтверждается тем, что внутренность вазы выполнена темно-синей галькой, обозначающей, несомненно, воду. Изображения аналогичных лутериев известны на краснофигурных вазах, где лутерии всегда связаны со сценой омовения.

На лутерии сидит голубь; корпус его обращен вправо, а голова — влево. Тело голубя исполнено из желтой гальки, клюв и лапки — из красной. Над лутерием, на высоте плеч фигур, изображен другой голубь, белого цвета, с распростертыми крыльями, летящий влево. Его тело, крылья и опущенный вниз хвост выложены белой галькой, клюв и лапки, как и у первого, красной.

Выше лутерия, над первым голубем,

---

[1] A. Conze. Die attischen Grabreliefs, Bd. III, Berlin, 1893, S. 7. — Весьма близкие по форме мраморные каннелированные подставки имеются в Херсонесском музее.

[2] Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités. . ., t. III, p. 1317. «Louterion».

темносиние камешки, уложенные на ребро, образуют дуговидную полосу (заполнение фона?).

Остановимся на общей композиции мозаики.

Обе женские фигуры стоят симметрично по сторонам лутерия, но позы и пропорции их неодинаковы. Левая фигура — высокая и стройная, правая — более массивная. Различно также положение рук и ног обеих фигур, обусловленное их действиями: первая женщина занята своим туалетом — убирает и приводит в порядок волосы, при этом она легко и свободно опирается бедром на лутерий; вторая женщина уже закончила туалет и, отдыхая, стоит в непринужденной позе, готовая к уходу. Таким образом в мозаичной картине, на наш взгляд, отражены два последовательных момента, в ней дано развитие действия во времени, иначе говоря — элемент рассказа, показ содержания.

Представляет значительный интерес композиция фигуры второй женщины. В фигуре наблюдаются хиасмы: перекрестное расположение и соответствие, например, правой руки и левой ноги, левой руки и правой ноги. Эти композиционные приемы весьма оживляют, казалось бы, спокойно стоящую правую фигуру.

Голуби изображены также различно: нижний спокойно стоит на вазе, лишь голова его повернута назад; верхний же голубь летит, т. е. находится в движении.

Расположенный в центре картины лутерий является связующим звеном для всех элементов мозаики, объединяя их в одно целое — и композиционно и по смыслу действия, ибо все изображенные фигуры связаны с лутерием (омовение женщин и стремление голубей к воде в вазе).

Таким образом в мозаике ясно ощущается определенный ритм, нет мертвой, статичной симметрии; фигуры стоят спокойно, но вместе с тем находятся в известном движении; изображены они в одной плоскости, но кажутся объемными, расположенными в различных плоскостях и раккурсах.

Центральное поле картины все заполнено изображениями, лишенными какой-либо искусственности и нарочитости. Здесь нет ничего лишнего или случайного, не связанного с основной темой. Например, правый нижний угол картины занят столбом, но он вполне уместен, поскольку на него опирается рукой правая женщина, закончившая омовение и теперь отдыхающая. Среднее пространство между фигурами над вазой заполнено изображением двух птиц: голуби и вода, голуби и молодые девушки — сочетание естественное, весьма часто встречающееся в вазовой живописи и на мозаиках.[1]

Левая фигура вплотную придвинута к границе центрального поля; вместе с тем и вся композиция значительно сдвинута от середины влево (ножку лутерия принимаем за ось композиции). Этот прием способствует оживлению всей картины, нарушая ее симметричность путем смещения центра.

Женские фигуры, исполненные из белой и желтой гальки, выделяются на темносинем фоне четко, но не резко. Кроме того, художник, стараясь избежать однообразия, правую фигуру представил на фоне желтого плаща. Желтая галька сообщает женским фигурам телесность и теплоту.

В основном вся мозаика выполнена, как сказано, в три цвета: белый, желтый и темносиний, однако и при таком ограниченном наборе цветов художник добился и гармоничного их сочетания и сильного красочного эффекта. Следует добавить, что красные камешки, использованные очень ограниченно, в виде небольших пятен, весьма оживляют мозаичную картину. Наконец важно иметь в виду, что мозаика находилась в помещении для омовения, что мозаичная вымостка была рассчитана на обливание ее водой. Мозаика, смоченная водой, становилась значительно более яркой, краски усиливались, делались более интенсивными — разноцветные камни сверкали под водой, мозаика оживала и напоминала яркую акварель. Как известно, некоторые античные мозаики находились в помещениях под открытым небом (например во дворах), следовательно, имелось в виду, что они будут подвергаться действию дождя.

Мотив фигуры, опирающейся на столб (вообще на подпорку), был весьма распространен в монументальном искусстве уже в IV в. до н. э. Таков Гермес с младенцем Дионисом, происходящий из Олимпии и изваянный Праксителем в середине IV в. до н. э.; локтем левой руки Гермес опирается на столб. Такова статуя Артемиды с ост-

[1] E. P f u h l. Malerei und Zeichnung der Griechen, München, 1923, Fig. 700. — Ср. также примеры, приведенные ниже, на стр. 286 сл.

рова Кипра, школы Праксителя.[1] К творчеству самого Праксителя восходит статуя отдыхающего сатира, опирающегося правой рукой на пень. Статуя эта была очень популярной в древности и сохранилась в многочисленных копиях римского времени. К IV в. до н. э. относится группа Силена с младенцем Дионисом, которого он держит на руках, опираясь локтем на ствол.[2] Концу IV в. принадлежит знаменитое произведение Лисиппа — статуя отдыхающего Геракла, опирающегося на палицу.

Тот же мотив был широко распространен в терракотовой пластике. В качестве примера можно указать на статуэтку Афродиты в Берлинском антикварнуме: поза ее очень близка правой фигуре на мозаике, но только в обратном положении.[3]

Левая женская фигура херсонесской мозаики также находит себе аналогии в монументальной и терракотовой пластике. Например, ей весьма близка статуя Афродиты с острова Мелоса (Венера Милосская): совершенно одинаково положение ног и торса, только верхняя часть торса у мозаичной фигуры более откинута назад; это объясняется тем, что она опирается бедром на лутерий. Статуя Венеры Милосской датируется серединой II в. до н. э., но тип ее существовал уже в IV в. н. э., — это Афродита из Капуи в Неаполе, совершенно аналогичная в профильном положении Венере Милосской. Афродита из Капуи является римской копией с оригинала IV в. до н. э.[4]

Весьма близкий мотив встречается также среди терракот; такова другая статуэтка Афродиты в Берлинском антикварнуме, обнаженная до бедер; она изображена в позе, аналогичной позе левой фигуры на херсонесской мозаике.[5]

Еще более близкие аналогии мы находим в вазовой живописи, которая дает изображения сцен омовения, вполне сходные по композиции херсонесской мозаике, подтверждая тем самым, что в последней также следует видеть сцену омовения.

Приведем ряд примеров из краснофигурной живописи.

Обнаженная Афродита стоит возле лутерия, опираясь на него бедром и левой рукой; поза ее совершенно одинакова с позой левой фигуры на херсонесской мозаике. Справа другая обнаженная женская фигура — Менада, слева — Пан, на лутерии — Эрот.[1] Женщина моется в лутерии, две других одеваются.[2] На краснофигурном лекифе представлены две женские обнаженные фигуры, повидимому Афродита и Грация; обе обращены к лутерию. В руках у них флаконы для масла, духов, румян и прочей косметики.[3] На краснофигурной амфоре видим Венеру в обществе двух граций (все обнажены), совершающую туалет возле лутерия; им помогают эроты.[4] На другой вазе изображены обнаженные Венера и Прозерпина; одна из них моет в лутерии волосы, справа от них — сатир.[5] Три молодые женские фигуры, повидимому Грации, моются в лутерии, опустив в него руки. Слева и справа две одетые женщины держат в руках вазы и алабастр с душистым маслом.[6] На гидрии из Нолы изображены две женские фигуры, может быть Елена и Венера, с алабастром, ларцом и зеркалом: на лутерии сидит птица.[7] На стамносе представлены три обнаженные женщины, совершающие омовение возле лутерия.[8] На гидрии, происходящей из Аттики, две женщины стоят возле лутерия, нагнувшись над ним.[9] На краснофигурной пелике Одесского музея нарисована группа из нескольких обнаженных женщин, стоящих около лутерия и совершающих в нем омовение.[10] На краснофигурном килике в Лувре представлены две

[1] J. B. Baezley and B. Ashmole. Greek sculpture and painting to the end of the Hellenistic Periode. Cambridge, 1932, fig. 125.

[2] Там же, рис. 132.

[3] A. Köster. Die griechischen Terrakotten. Berlin, 1926, Tab. 89.

[4] J. B. Beazley and B. Ashmole. Greek sculpture and painting. . ., fig. 191—193.

[5] A. Köster. Die griechischen Terrakotten, Tab. 88.

[1] S. Reinach. Répertoire des vases peints grecs et étrusques, t. II. Paris, 1922—1924, p. 363, fig. 108.

[2] Там же, стр. 146, рис. 2. — Такая же сцена изображена на рис. 7.

[3] Там же, стр. 327, рис. 5. — Аналогичная сцена представлена у: Ch. Lenormant et J. de Witte. Élite des monuments céramographiques. t. IV, 1861, Paris, pl. XIII.

[4] Там же, табл. XIX.

[5] Там же, табл. XXI.

[6] Там же, табл. XX.

[7] Там же, табл. XXIV.

[8] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. III, 1923, S. 221, Fig. 564.

[9] CVA. Британский музей, III^c, 1, табл. 88, 2 (E. 202).

[10] А. Уваров. Собрание карт и рисунков к «Исследованиям о древностях Южной России. . .». СПб., 1851.

фигуры с опущенными в лутерий руками и две другие фигуры, стоящие по сторонам; все обнажены.[1] На краснофигурной пелике «роскошного» стиля, происходящей из Керчи, изображены две обнаженные женские фигуры возле высокого лутерия (по форме близкого лутерию на мозаике), между ними на вазе сидит Эрот, по сторонам стоят одетые женские фигуры, внизу, за ножкой лутерия, видна крупная птица — лебедь.[2]

Встречаются и мужские фигуры возле лутерия, например четверо мужчин совершают омовение в лутерии.[3] На килике в Афинах обнаженный юноша опускает руки в сосуд.[4]

Сцены омовения встречаются также на бронзовых цистах, что объясняется, повидимому, назначением цист в качестве сосудов для туалетных принадлежностей. Например, на карнизе цисты, происходящей из Пренесты, имеется многофигурная группа, из которой для нашей темы представляет интерес правая часть композиции. На ней изображен лутерий, наполняемый водой из фонтана, имеющего вид львиной пасти. Возле лутерия находятся три обнаженные женские фигуры: одна из них, по своей позе, очень близка к левой фигуре на нашей мозаике, левой рукой она также поправляет на голове волосы; вторая фигура сидит, третья стоит в фас, держа в левой руке плащ.[5]

На другой цисте, происходящей также из Пренесты, изображена большая композиция на тему из Илиады, с надписями — именами Елены, Ахилла, Ореста и др. На этой цисте имеется небольшая группа, расположенная возле лутерия, в который льется вода из фонтана в виде львиной головы с раскрытой пастью. Слева, протянув в лутерию руки, стоит обнаженная Хрисеида. Справа, слегка обратившись к лутерию, стоит в фас обнаженная Елена; она держит за спиной поднятыми вверх руками плащ, складки которого трактованы зигзагами.[1] На бронзовом зеркале изображена обнаженная, присевшая на корточки, женщина, моющая в лутерии волосы.[2]

Можно было бы привести и многие другие памятники с изображениями сцены омовения в лутерии, но и из перечисленных примеров ясно, что изображение на херсонесской мозаике очень близко многим сценам на краснофигурных вазах. Встречающиеся среди них аналогии позволяют предположить, что эта тема могла быть заимствована херсонесским мозаичистом из краснофигурной живописи. Что касается изображений на цистах, то последние также, вероятно, исполнены под влиянием вазовой живописи.

Кроме того, о тесной зависимости мозаичного изображения от вазовой живописи свидетельствует близость цветовой гаммы. Как на краснофигурных вазах, так и на мозаике основными цветами являются собственно два: на вазах — черный и оранжевый (не красный!), на мозаике — темносиний и светложелтый (женские фигуры, лутерий, голуби и орнамент выдержаны в светложелтом цвете, фон — темносиний).

Прямое подтверждение зависимости изображений на мозаиках от краснофигурной живописи дает, например, найденная в Олинфе в 1928 г. краснофигурная ваза с изображением процессии нереид, сидящих на дельфинах и других морских чудовищах, везущих оружие Ахиллу;[3] этому изображению нереид очень близка композиция шествия нереид, представленная на мозаике в одном из домов в том же Олинфе.[4]

Другим примером может служить мозаичная картина «Хор сатиров» в Помпеях, исполненная Диоскуридом Самосским в конце II—I в.; часть этой композиции (фигуры слева) весьма сходна с группой фигур на кратере Пронома.[5]

Не исключено, что источником сюжета для херсонесского художника-мозаичиста служила монументальная стенная живопись. Однако самих памятников стенной живописи

---

[1] J. C. Hoppin. A Handbook of Attic red-figured vases. vol. I, Cambridge, 1919, p. 163.

[2] ОАК за 1905 г., стр. 64, рис. 81; ИАК, вып. 30, стр. 23, рис. 13.

[3] S. Reinach. Répertoire des vases. . ., p. 292, fig. 3.

[4] J. C. Hoppin. A Handbook. . ., vol. II, p. 278.

[5] Monumenti dell instituto, t. VI. 1861, tabl. LV.

[1] Monumenti inediti, supplem. Berlin, 1891, Tab. XV, XVI.

[2] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. III, S. 252, Fig. 625.

[3] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus, part V. Mosaics. Baltimore, 1933, pl. II, 11.

[4] Там же, табл. 78—79, № 131.

[5] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. III, Fig. 686 (мозаика), Fig. 575 (кратер Пронома).

с рассматриваемым сюжетом мы не знаем. Наиболее вероятным образцом следует признать какую-либо вазу, завезенную в Херсонес из Аттики. Херсонесский художник, возможно, не просто скопировал ее рисунок, но воспользовался лишь ее мотивом, группу же у лутерия скомпоновал по-своему. Подтверждением этого является то обстоятельство, что совершенно точной, совпадающей в целом и в частях, композиции на вазах до сих пор не удалось встретить.

Следует подчеркнуть, что в обнаженных женщинах херсонесской мозаики нельзя видеть ни флейтистку (слева), ни танцовщицу (справа). Для решения этого вопроса нами просмотрено большое количество изображений флейтисток, менад, силенов и других персонажей, играющих на флейтах. Рассмотрение изображений показало, что у играющего на флейтах (обычно на двух) руки всегда вытянуты прямо на уровне груди, реже они подняты высоко вверх или опущены вниз, но в обоих этих случаях руки всегда вытянуты. Так, например, на краснофигурном килике Бригоса юноша играет на флейте, при этом руки его далеко вытянуты вперед.[1] Женская фигура держит флейту в вытянутых вперед руках.[2] На стамносе в Лувре флейтистка изображена также с далеко вытянутыми вперед руками.[3]

На килике Британского музея несколько женщин играют на флейтах;[4] положение их рук такое же, как у луврской флейтистки. У женской фигуры, находящейся между двумя воинами, руки с флейтами протянуты вперед и подняты вверх.[5] На скифосе менада держит флейты в поднятых и вытянутых вперед руках.[6]

Если обратиться к другой категории памятников, относящейся к более позднему времени — к мозаикам II—I вв., то и там у играющих на флейтах увидим такое же положение рук, например на упомянутой мозаике Диоскурида «Хор сатиров».[1]

Сравнивая положение рук левой фигуры на херсонесской мозаике с положением рук флейтисток на всех просмотренных изображениях, мы пришли к выводу, что эта женщина не флейтистка, ее руки подняты очень близко к голове и к правому плечу явно для того, чтобы убрать волосы. Кроме того, по положению рук и верхней половины торса можно с несомненностью утверждать, что голова женщины обращена в фас, прямо к зрителю, а руки подняты к волосам, спускающимся при этом повороте головы на правое плечо. Такое положение головы соответствует и общей композиции фигуры. Следует добавить, что при игре на флейтах было бы невозможно положение столь далеко назад отброшенного тела. Предположению о флейтистке и танцовщице противоречит и обнаженность фигур, и наличие лутерия, и отсутствие других персонажей, составляющих обычно вместе с флейтисткой свиту Диониса, и т. п.

Итак, бесспорно, что на херсонесской мозаике изображена сцена омовения. Остается выяснить другой вопрос: каков характер сцены омовения?

Вряд ли это изображение мифологической сцены, так как здесь у фигур нет ни атрибутов, которые указывали бы на их божественную природу, ни соответствующего окружения — свиты возле них. Изображение на вазах Афродиты, совершающей свой туалет, сопровождается грациями, эротами и др. При изображении же менад им сопутствуют силены или сатиры и т. д.

В большинстве сцен омовения, совершаемого в лутерии, изображены женщины, ничем не напоминающие богинь.

Точно так же нет оснований видеть в мозаичной картине культовую сцену омовения, ибо здесь отсутствуют какие-либо признаки, которые говорили бы о совершении культового обряда. Напротив, характер изображенных персонажей, молодых девушек, и их действия, как и устройство самого помещения, — все свидетельствует о том, что в нем происходило обычное в повседневной жизни омовение.

Таким образом наиболее вероятно, что на мозаике представлена обыкновенная быто-

---

[1] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. III, Fig. 422, a.

[2] Там же, рис. 423, a.

[3] J. C. Hoppin. A Handbook. . ., vol. II, p. 25.

[4] Там же, стр. 59.

[5] G. Richter. Red-figured athenian vases in the Metropolitan Museum of Art. New Hawen, 1936. pl. II.

[6] Там же, табл. 42. — Несколько примеров см. также у: E. Pottier. Vases antiques du Louvre. 1922, pl. 113, №№ 133, 135, 136; pl. 115, № 141; pl. 135, №№ 303, 336.

[1] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Fig. 686.

вая сцена, та сцена омовения, которая многократно совершалась на этом самом полу и в этом самом помещении, специально для того построенном.

Судя по непринужденным и свободным позам фигур, перед нами изображены женщины, занимавшие равное положение в обществе, а отнюдь не госпожа и ее служанка-рабыня.

3

Обратимся к сравнительному материалу.

Одной из наиболее древних мозаик, выполненных в той же технике, что и херсонесская, является вымостка из круглых галек, открытая раскопками около Дионисейона, в Афинах, и датируемая концом V в. до н. э.[1] Однако для нас особенно важно сравнить херсонесскую мозаику с многочисленными мозаиками, открытыми раскопками 1928, 1931, 1934 и 1937 гг. в Олинфе (разрушенном Филиппом II Македонским в 348 г.).[2] Наиболее ранние из них украшены лишь простым орнаментом, но затем появляются и фигурные изображения. Сюжеты изображений на мозаиках большей частью мифологические: процессия нереид; Беллерофонт на Пегасе, убивающий Химеру; битва лапифов с кентаврами; грифоны, нападающие на оленя. Кроме того, встречаются простые изображения: колесо, звезда о 16 лучах и др. Орнамент бордюров и фризов, обрамляющих центральные композиции, — геометрический или растительный; он состоит из волны, двойного меандра, завитков, лаврового листа, пальметок и др. Иногда бордюр украшен изображением охотничьих сцен или фигур животных, нападающих друг на друга: льва и оленя, льва и кабана, а также сфинксов и др. Техника выполнения олинфских мозаик одинакова: они выложены целиком из природных галек, длиной в среднем около 6 см. Гальки уложены в слой раствора красновато-коричневого цвета, толщиной около 7 см, основанном на другом слое раствора, смешанного с камнями. Основные цвета галек — черный и белый, гальки желтого, красного и зеленого цветов использованы незначительно (для деталей).[1] Мозаики в общем сохранились довольно хорошо; в большинстве случаев они представляют собой весьма сложные композиции. Обычной их схемой является круг, заключающий в себе центральную картину и окаймленный несколькими прямоугольными различного вида бордюрами и фризом.

Мозаичные вымостки Олинфа украшали большей частью главную жилую комнату дома (андрон); раскопками открыто уже девять таких комнат с мозаикой. Кроме того, мозаичные вымостки находились во дворах домов;[2] в одном случае двор представлял собою имплувиум с перистилем и алтарем в центре (дом актера).[3]

Олинфские мозаики исполнены под сильным влиянием аттической краснофигурной живописи и коринфских ионийских росписей. Дата мозаик — вторая половина V—начало IV в. (не позднее) — определяется общим стилистическим сходством с краснофигурной живописью второй половины V в., формой пальметки, находками в домах ваз и монет V в. и временем постройки самих зданий.[4]

Херсонесская мозаика по технике выполнения близка олинфской: там и здесь гальки натуральные, целые; цвета галек почти совпадают; пальметка херсонесской мозаики, как и олинфской, имеет загнутые вниз лепестки; гальки уложены в растворе с большими промежутками.[5] Особенностью же херсонесской мозаики, в сравнении с олинфской, является выкладка контура изображений гальками, поставленными на ребро, и свинцовыми пластинками. Благодаря этому формы и линии изображений на херсонесской мозаике более четкие и ровные, нежели на олинфской, где контуры получаются в виде рваной, прерывающейся линии.[6] Таким образом технику херсонесской мозаики следует признать более совершенной.

Но главное различие между обеими мозаиками стилистическое: пропорции фигур на нашей мозаике более удлиненные и стройные, позы и движения фигур несравненно более свободные и легкие, в то время как, например, фигуры нереид[7] приземисты

[1] W. Dörpfeld. Die Ausgrabungen am Westabhange der Akropolis. Athenische Mitteilungen, Bd. XIX, 1894, S. 507.

[2] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus, p. V, pl. I—XVII.

[1] Там же, табл. IX.
[2] Там же, A VI, 3, табл. XIII B.
[3] Там же, табл. 17, VIII.
[4] Там же, стр. 13—14.
[5] Там же, табл. IX.
[6] Там же, табл. VIII, IX и др.
[7] Там же, табл. II.

и тяжеловесны, а движения их связаны и неуклюжи. Олинфские мозаики выполнены еще всецело в духе строгой краснофигурной живописи V в. до н. э., на херсонесской же уже сказалось влияние эллинистического искусства (периода Праксителя и Лисиппа). Правда, наша мозаика уступает мозаикам Олинфа в своих масштабах: ее размеры не велики, орнамент, обрамляющий центральное поле, не сложен и состоит лишь из одного фриза. Но это объясняется назначением и малыми размерами самого помещения, в котором мозаика находилась: оно было всего лишь помещением для мытья, в то время как в Олинфе мозаики украшали парадную комнату в доме или двор с перистилем.

В Олимпии, в пронаосе храма Зевса, частично уцелела мозаичная вымостка, выполненная из речных окатанных камешков, взятых из реки Алфея. Галька — известняковая и мраморная, темносинего, белого, желтого и красного цветов, различной величины и формы, положена плашмя и на ребро. На центральном поле изображен тритон, играющий на узкой раковине, на его хвосте сидит мальчик (Эрот?). Фриз пола украшен бордюрами из меандра и пальметок, в углу — цветок, обращенный вниз (как на херсонесской мозаике). Лепестки пальметки слегка загнуты вниз и утолщаются к своим концам; под пальметками — завитки-разводы. Мозаика датируется концом V—началом IV в. до н. э.[1]

Раскопками 1936 г. открыто несколько вымосток из галек в Фанагории. Все гальки положены очень плотно на растворе, лишь одна вымостка — на глине; в одном случае гальки образуют шашечный узор. Сохранившиеся размеры наибольшей вымостки 2.77×0.93 м. Дата — V—IV вв. до н. э.[2]

Известны мозаики в Приене (III в. до н. э.),[3] в Пергаме, во дворце верхнего города (первая половина II в. до н. э.).[4]

В древнем Пантикапее, в раскопанном на северном склоне горы Митридат доме, стены которого были украшены разноцветной росписью по штукатурке, найдены куски мозаичной вымостки пола, исполненные из морской гальки на растворе (смесь извести и песка). Дом относится ко II в. до н. э.[1]

В Ольвии мозаичная вымостка находилась во дворе дома, под открытым небом; по технике выполнения и по материалу она аналогична херсонесской. Схема этой мозаики близка схеме олинфских: круг заключен в квадрат. К сожалению, центральная часть не сохранилась, уцелел только фриз, украшенный фигурами зверей (лев, пантера, кабан) и пальметками. Одна пальметка, с отогнутыми вниз (наружу) лепестками, аналогична пальметке херсонесской мозаики. Б. В. Фармаковский по стилю орнамента относит ольвийскую мозаику к первой половине II в. до н. э.[2]

Вторая мозаичная вымостка, аналогичная по технике выполнения первой, находилась в помещении, посвященном богине Кибеле. В середине ее имеются ромбики с крестами, далее узкая кайма — плетенка, широкая кайма — меандр и, наконец, — волны.[3]

Третья вымостка открыта в 1912 г. в главной комнате одного из домов; средняя ее часть состоит из голышей, образующих узор, кайма же вокруг нее представляет штукатурку без камней и узора. Этот дом также датируется II в. до н. э.[4]

Все перечисленные мозаики выполнены в одинаковой технике — из морской или речной гальки неправильной и разнообразной формы, уложенной в растворе, с большими интервалами между камешками. Для этих мозаик характерно «рассеянное» расположение камней — не рядами, а беспорядочной массой. Исключением являются лишь контурные линии, однако и они не всегда ровные и четкие, но часто прерываются, отчего рисунок получается не чистый и не строгий.

В живописном отношении естественные камни использованы весьма умело; они нередко давали художнику возможность доби-

---

[1] E. Curtius und E. Adler. Die Baudenkmäler von Olympia, II, 1892, S. 180—183, u. Atlas, Tab. CV.

[2] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 22, рис. 10—12.

[3] Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, S. 303.

[4] Altertümer von Pergamon, Bd. V, 1. Die Paläste der Hochburg. 1930, Tab. 16.

[1] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. 1914, стр. 122. — Обломки вымостки хранятся в Государственном Эрмитаже.

[2] ИАК, вып. 13, стр. 39—48, рис. 22—25.

[3] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 66—68, рис. 73—74.

[4] ОАК за 1912 г., стр. 4, рис. 1; стр. 23—24, рис. 34—36.

ваться нужных цветовых эффектов. Так, на херсонесской мозаике глубокий темносиний фон очень удачно выделяет женские фигуры желто-белого цвета, а также линии орнамента на фризе. Эффект расцветки камней компенсирует недостатки рисунка.

Однако материал все же стеснял художника, так как набор цветов природных камней ограничивал палитру мастера; при изготовлении мозаик приходилось довольствоваться в основном двумя цветами — черным и белым и лишь в небольшом количестве удавалось применять другие цвета — красный, зеленый. Весьма возможно, что именно этим отчасти объясняется сравнительно небольшое количество мозаик V—III вв. до н. э. Материал затруднял развитие мозаичной техники, мешал широкому распространению мозаики.

Новая техника в мозаичном деле появляется во II в. до н. э. На Делосе, в нескольких домах, относящихся ко II в. до н. э., раскопками 1880-х годов были открыты мозаичные полы,[1] выполненные из искусственной массы — смальты, при изготовлении которой можно было получить все необходимые цвета и достигнуть при этом любой их яркости; камни любого цвета могли быть изготовлены в каком угодно количестве и нужных размеров: крупные и мелкие, квадратные и прямоугольные и т. д.

Это обстоятельство позволяло выполнять вымостку правильными рядами, укладывать камни вплотную друг к другу, почти без промежутков, и, — что особенно важно, — получать четкие линии рисунка. Это была мозаика в собственном значении этого термина.

На мозаиках Делоса изображения и орнаменты выполнены из смальты самой разнообразной и яркой расцветки: белой и желтой, оранжевой и зеленой, красной и коричневой, синей и голубой. Новая техника и изобилие материала обогатили тематику изображений и разнообразие орнаментов. Появилась возможность создания огромных композиций с множеством действующих лиц. Такова мозаичная картина «Битва Александра с Дарием» в Помпеях, в доме Фавна, относящаяся ко II в. до н. э.[1] Камни здесь правильной кубической формы.

С конца II—I вв. до н. э. и в первых веках нашей эры новая мозаичная техника получила быстрое развитие, мозаики широко распространяются по всему римскому миру. Во дворцах и храмах, в термах и палестрах, в общественных зданиях и частных домах мозаиками украшаются как полы, так и стены. Распространению мозаик способствовало стремление социальных верхов римского общества к роскоши, характерное для позднереспубликанского периода и особенно для периода Римской империи.

В этом развитии мозаичной декорировки херсонесская мозаика занимает среднее положение. По сравнению с мозаиками Олимпии и Олинфа она представляет следующий за ними этап, т. е. более позднее явление. Как в техническом, так и в стилистическом отношениях херсонесская мозаика делает шаг вперед и стоит ближе всего к мозаикам Пантикапея и Ольвии. Но вместе с тем она более ранняя, чем мозаики Делоса и Помпей, которые датируются второй половиной — концом II в. В связи с этим херсонесскую мозаику, как и ольвийскую, правильней всего отнести к первой половине II в. до н. э.

4

Как в самом помещении с мозаикой, так и в цистерне обнаружено значительное количество археологического материала. Так, в слое глинистой серовато-желтоватой насыпи, толщиной 0.25 м, лежавшей непосредственно на полу, находилось много обломков черепиц: массивных керамид из красной глины с желтой обмазкой и, в небольшом числе, калиптеров. На одной из керамид было синопское клеймо.[2] Среди керамики встречались части массивных блюд с широким носиком. По форме — это лутерии, употреблявшиеся, вероятно, для омовений. Лутерии встречались довольно часто при раскопках эллинистических домов в квартале XV и соседних кварталах.[3]

---

[1] M. B u l a r d. Peintures murales et mosaïques de Delos. Monuments et mémoires Eugène Piot, t. IV. Paris, 1908, pl. X—XII, XIV, XV; см. то же в: BCH, vol. VIII, 1884, p. 478, pl. XXI.

[1] L. C u r t i u s. Die Wandmalerei Pompejis. 1929, Fig. 182—185; A. M a u. Pompeji in Leben und Kunst. Leipzig, 1908, S. 303, Fig. 158.

[2] Черепица, несомненно, синопская, судя по ее размеру (0.68×0.50 м) и фактуре.

[3] Г. Д. Б е л о в. Отчет 1935—1936 гг., стр. 244, рис. 85; стр. 247, рис. 90.

Далее, найдены обломки остродонных амфор и плоскодонных кувшинов, обычно на кольцевой подставке. Многие кувшины украшены орнаментом в виде чередующихся поясков темнокрасного или белого цвета, которые иногда нанесены не прямо на красноглиняную поверхность сосуда, а на его желтоватую обмазку. Например, так украшены кувшины из цистерны (рис. 6, *б*, *в*). Аналогичная посуда в Херсонесе была найдена в эллинистических домах III—II вв. до н. э.[1] Встречена она и в Ольвии, где датируется тем же временем.[2]

В той же технике исполнены красноглиняные низкие и широкие миски или чашки на кольцевой подставке, покрытые желтоватой обмазкой; ручки у них петлевидные, горизонтальные (рис. 6, *а*).

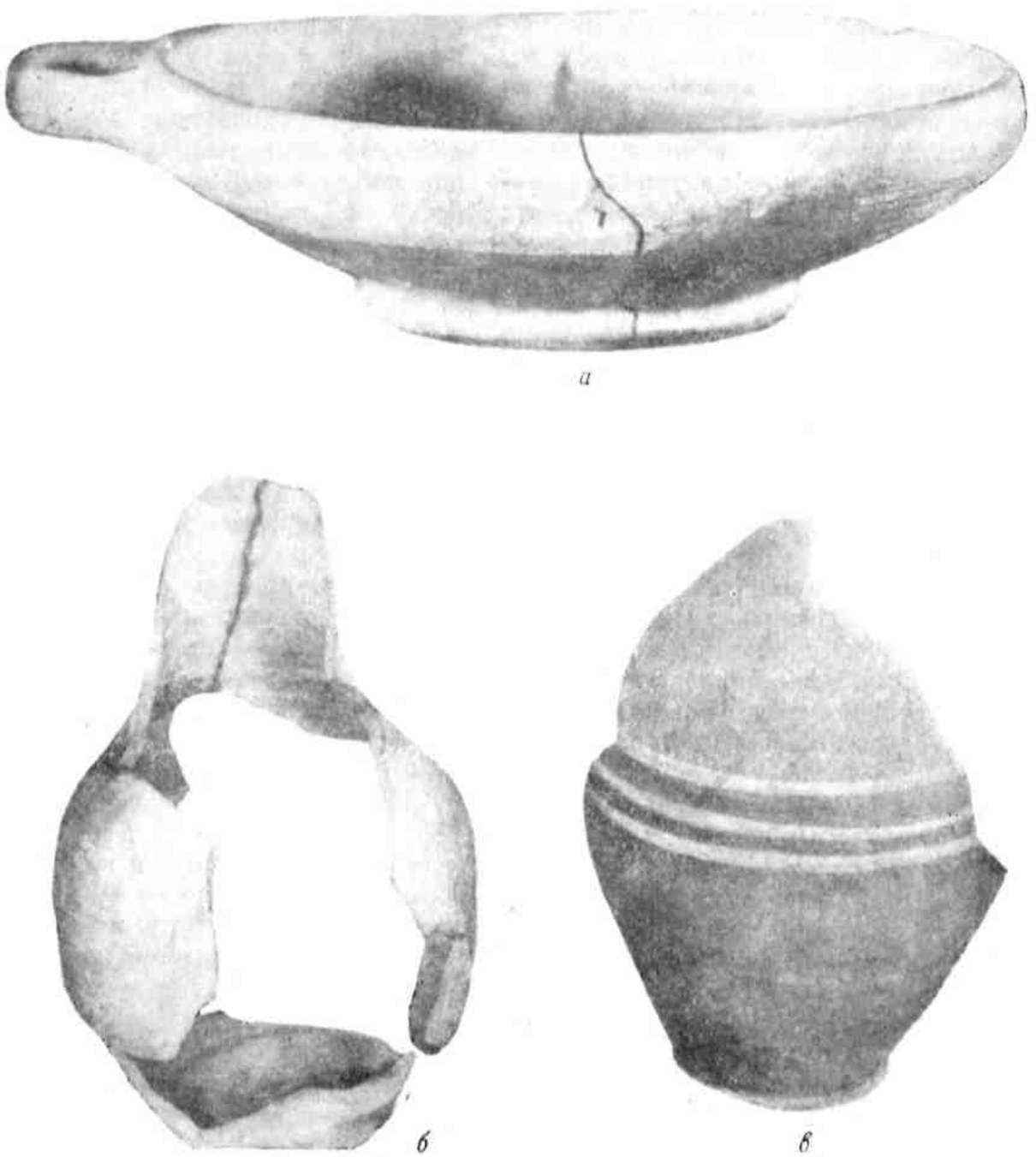


Рис. 6. Керамика из помещения с мозаичным полом и цистерны.

а — одноручная миска; *б*, *в* — кувшины с геометрическим орнаментом.

[1] При раскопках в 1935—1936 гг. (см. там же, рис. 72, 85), а также ранее, в 1910 г.

[2] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 140—150.

Из расписной керамики в цистерне найдено несколько обломков большой чернофигурной вазы; изображения человеческих фигур исполнены очень небрежно и нечетко, контуры их обозначены процарапанными линиями. Вазы этой техники датируются временем не ранее III в. до н. э.[1] Здесь же встретилось несколько мелких обломков краснофигурной посуды. Чернолаковой посуды оказалось значительное количество, притом двух групп: одну составляют сосуды из темносерой глины, покрытые черным лаком слабого блеска. Таковы, например, небольшая миска на кольцевидной подставке с отогнутыми наружу краями и с орнаментом на дне в виде вдавленных пальметок и трех концентрических кругов из насечек; верх широкого сосуда, украшенного двумя вдавленными поясками, с короткой ручкой с налепом вверху и верхняя часть другого сосуда с коротким широким горлом, с тремя вдавленными поясками на плечиках и с одним на венчике горла; ручка, повидимому, была короткой и плоской.

Посуда этой группы принадлежит II в. до н. э.: приземистые формы сосудов, плохой лак, вдавленные пояски на корпусе или горле, короткие ручки с налепами — все это характерно для позднеэллинистической керамики. В качестве аналогичных образцов можно указать на ряд сосудов, происходящих из Ольвии: на канфарах и других сосудах, покрытых плохим лаком графитового блеска, имеются и по две врезанные линии и налепы на их ручках; относятся они также ко II в. до н. э.[2]

Другую группу составляет посуда из оранжевой глины, покрытая черным жидким лаком тусклого блеска. Характерным образцом ее может служить фрагментированный сосуд в виде животного (вероятно, быка), лежащего на брюхе, с поджатыми ногами (недостает шеи и головы), с заброшенным на спину хвостом, с отверстием цилиндрической формы с ситечком внутри на спине (рис. 7).

Весьма близкой аналогией ему является фигурный сосуд в виде собаки с поджатыми ногами и с отверстием-ситечком на спине, найденный в Ольвии при раскопках 1902 г. в склепе № 110. Склеп, судя по наличию среди находок чернолаковой мегарской чашки, датируется II в. до н. э.[1]

Из архитектурных деталей в помещении с мозаикой найдена лишь одна маленькая капитель из местного мшанкового известняка — мелкозернистого и плотного. Такой камень был наиболее пригоден и поэтому обычно употреблялся для изготовления архитектурных деталей — архитравов, карнизов, капителей и т. п. с их гладкой поверхностью

Рис. 7. Чернолаковый фигурный сосуд из цистерны.
а — вид сбоку; *б* — вид сверху.

и орнаментальной резьбой. Напротив, для кладки стен здания, а также и для крепостной стены в эллинистический период употреблялся сарматский известняк более грубого и крупного строения.

Диаметр капители 0.10 м, высота такая же. Верх ее сильно обломан, местами повреждены орнаменты, хорошо сохранилась лишь нижняя часть (рис. 8). Капитель имеет круглую форму. Орнаментами она расчленена на четыре одинаково украшенных поля. В центре каждого поля находится цветок каллы, состоящий из стебелька, овальной выпуклой середины и шести лепестков треугольной формы с углублением в середине. Над цветком находятся завитки двух волют,

[1] Ср. с вазой из Ольвии (ИАК, вып. 8, стр. 29—31, рис. 15, а—г).

[2] Из раскопок 1901 г. (ИАК, вып. 8, стр. 38—39, рис. 32—34).

[1] ИАК, вып. 13, стр. 143—144, рис. 91.

обрамляющих цветок и поле вокруг него; завитки почти касаются друг друга, нижние концы волют расходятся и примыкают к бутонам, на нижних концах завитков нет; вдоль волюты проходит ложбинка. Четыре бутона, расположенные между нижними концами волют, исполнены высоким рельефом и четко разделяют вертикальную поверхность капители на четыре поля. Бутон состоит из трех частей, разделенных глубокими продольными ложбинками; его высота составляет лишь половину высоты волют. Над бутоном, между завитками, помещен рельефный кружок.

Рис. 8. Известняковая капитель из помещения с мозаичным полом.

Нижняя часть капители украшена сплошным поясом, составленным из шести широких низких пальметок, исполненных схематично, с небольшим наклоном наружу. От плинтуса сохранились лишь слабые остатки, поэтому о его профиле судить трудно.

Цветок каллы, столь характерный для рассматриваемой капители, известен в Херсонесе по ранее найденным памятникам. Так, например, в 1904 г., при раскопках большого здания Монетного двора на главной улице, найден большой известняковый фриз, одной из составных частей орнамента которого является цветок каллы с такими же короткими остроугольными лепестками с углублением в их середине.[1]

[1] ОАК за 1904 г., стр. 57, рис. 81; ИАК, вып. 20, стр. 21, рис. 4.

Весьма близкие капители найдены были в 1898 г. в Керчи при раскопках большого частного здания на горе Митридат.[1] Капители четырехугольные, вверху имеют плинтус, внизу — подушечку с чашечкой листьев над ней. На каждой стороне капители помещается цветок каллы, совершенно аналогичный цветку на херсонесской капители, и по две волюты, обращенных верхними концами к углам, нижними они сходятся к середине. Волюты имеют завитки и на нижних концах, чем отличаются от волют херсонесской капители. В нижних углах керченских капителей находятся пальметки. Следы краски указывают на то, что капители были раскрашены в красный и белый цвета, фон был синий. Исходя из аналогичности капителей и из анализа росписи штукатурки, скульптур и герм, найденных в том же здании, керченские капители следует отнести к II в. до н. э.[2]

Херсонесскую и керченские капители сближают общие черты стиля: схематизм, плоскостность орнаментов и сухость их выполнения, что отчасти искупалось яркой раскраской, придававшей капителям нарядный вид. Это близкое сходство позволяет и херсонесскую капитель датировать тем же временем.

Анализ самой мозаики, ее техники и стиля, привел нас к заключению, что она могла возникнуть в первой половине II в. до н. э. Наше заключение подтверждается керамическим материалом (найденным в помещении и в цистерне, составлявшей с помещением одно целое), который большей частью также относится ко II в.; более поздних предметов не оказалось. Подтверждением выдвинутой нами даты является также найденная капитель, единственная, но весьма характерная архитектурная деталь, безусловно относящаяся ко II в. до н. э.

Самый дом, в результате перестройки которого возникло помещение с мозаикой, был сооружен в конце IV—начале III в. до н. э. Свое существование этот дом, а вместе с ним и рассмотренное помещение,

[1] Здесь найдено четыре капители, из них две хранятся в Государственном Эрмитаже. — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, табл. XXXVII, 2—3 (капители, находящиеся в Керчи); табл. LII, 2—4 (капители, хранящиеся в Эрмитаже).

[2] Там же, стр. 113—136.

окончательно прекратил в конце II в. до н. э. Факт разрушения на северном берегу Херсонеса ряда эллинистических зданий в конце II в. до н. э. подтверждается материалом из всех кварталов, раскопанных за время с 1931 по 1950 г.

Таким образом на основании всех приведенных данных можно считать, что помещение с мозаичным полом существовало в период II в. до н. э.

Исследованная нами эллинистическая мозаика является для Херсонеса пока единственным в своем роде памятником, значение которого трудно переоценить. Во-первых, она обогащает нас очень ценным художественным произведением, свидетельствующим, что древняя почва Херсонеса еще далеко не исчерпана и может дать нам новые и неожиданные памятники. Во-вторых, она пополняет наши знания о культуре города в эллинистический период и по-новому освещает быт херсонесского населения того времени. В-третьих, ее историко-культурное значение выходит далеко за пределы Херсонеса. Мозаика является ценной и для изучения истории культуры северного Причерноморья: она составляет важное и необходимое звено между раннеэллинистическими и позднеэллинистическими мозаиками и тем самым будет способствовать освещению всей истории этой интересной области искусства античного мира. Наконец мозаика показывает, как высоко стояло мозаичное дело в античном Херсонесе. Не исключено поэтому, что дальнейшее развитие искусства мозаики в Херсонесе, вплоть до Средневековья, исходило в значительной мере из глубоко коренившегося местного опыта и местной традиции. Разумеется, мы не имеем в виду непосредственную связь, так как известные нам раннесредневековые мозаичные полы относятся к V—VI вв. Однако не исключено, что последующие раскопки могут вскрыть и посредствующие звенья.

А. В. Банк

ВИСЛАЯ СВИНЦОВАЯ ПЕЧАТЬ XI—XII вв.

Во время раскопок в Херсонесе летом 1940 г. была найдена представляющая значительный интерес византийская вислая свинцовая печать — моливдовул. Она находилась на глубине 1.0 м от верха восточного угла помещения *6а* (см. стр. 145—147), на расстоянии 1.5 м от ю.-в. стены и 0.75 м от с.-в. стены.

Печать довольно больших размеров, не вполне правильной округлой формы, приближающейся к овалу, имеет в диаметре от 3.2 до 3.4 см. Она отличается относительно хорошей сохранностью: небольшие косые трещины в нижней части — на лицевой стороне и в верхней — на оборотной, незначительные щербины по поверхности существенно не затрагивают ни надписи, ни изображения.

На лицевой стороне печати имеется погрудное изображение богоматери с молитвенно воздетыми руками, типа оранты; на ее груди представлен младенец в медальоне; по сторонам, как обычно, расположены буквы $\overline{\text{MP}}$ $\overline{\Theta\text{V}}$ (см. рисунок). Этот иконографический тип, получивший на Руси наименование «Знамение божьей матери», известен в Византии как образ Влахернской божьей матери. Данный вариант изображения встречается на монетах, начиная с царствования Никифора Вотаниата (1078—1081);[1] он становится обычным на монетах Алексея и Иоанна Комнинов и с некоторыми изменениями сохраняется вплоть до Исаака Ангела (1185—1195). Широко распространен тип «Знамения божьей матери» и на многочисленных моливдовулах XI—XII вв. Н. П. Кондаков устанавливает, что «на основании свидетельств монет и печатей мы должны принимать, как факт, прославление особого иконного перевода, получившего у нас имя „Знамение божьей матери", в пределах исключительно XI—XII столетий».[1]

На оборотной стороне вислой печати имеется надпись в восемь строк, хорошо различимая в ее первых четырех строках. Прочтению нижних четырех строк препятствует не столько плохая сохранность моливдовула, сколько недостаточная четкость оттиска в его нижней правой части. Первые четыре и начало пятой строки читаются следующим образом: ΞHPOVCE BACTOV ΤΩΝ ΓΡΑΦΩΝΚΩΝ CTANTINOV CΦΡΑΓΙCMA. Последние буквы пятой строки, по всей видимости, KV. В начале шестой строки — POC. Далее возможно чтение CVΠΔNΔ и в седьмой строке — ΓNЄΠΔ. ΘЄ; в случае правильности такого понимания надписи в заключительной строке следует читать N. В предлагаемом нами чтении вызывают некоторые сомнения: вторая буква седьмой строки (которая на подлиннике больше походит на N, а на фотографии на M), возможность лигатуры букв A и P в той же строке и заключительные буквы надписи в восьмой строке.

[1] И. И. Толстой. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской божьей матери. Записки Русского археологического общества, нов. сер., т. III, 1888, стр. 1—20.

[1] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II. Пгр., 1915, стр. 107.

Тем не менее мы считаем возможным предложить следующее чтение всей надписи:

ΞHPOV CEBACTOV TΩN ΓPAΦΩN
KΩNCTANTINOV CΦPAΓICMA KVPOC
CV ΠANAΓNE ΠAPΘENE,

что означает в переводе: печать [для] грамот Константина Ксира севаста; ты пречистая дева — сила.[1]

Некоторое сомнение в правильности чтения, помимо нечеткости отдельных букв, могут вызывать построение надписи, порядок расположения и согласования слов и т. п. Однако нам это представляется оправданным метрическим характером надписи. Она написана в одном из наиболее распространенных в византийском стихосложении размере — двенадцатистопном ямбе, получившем название «византийский триметр».[2]

Характер письма, без типичной для времени Палеологов (XIII—XV вв.) вычурности и изобилия сокращений (в нашей надписи лишь четыре лигатуры: OV; ΩN; CT; AP, последняя сомнительна), четкие, не удлиненные буквы не противоречат возможности датировки печати XI—XII вв., устанавливаемой также изображением на лицевой стороне. Ко времени от второй половины XI до середины XIII в. относится и подавляющее большинство моливдовулов с метрическими надписями.[3]

Следует отметить, что при некоторой неуверенности в чтении заключительной части надписи, наибольший исторический интерес представляет ее первая часть, заключающая имя и звание владельца моливдовула: Константина Ксира севаста. Как известно,[4] титул севаста (так же как протосеваста, пансеваста и т. п.) был учрежден и получил особое распространение при Алексее Комнине. В рассматриваемую эпоху он присваивается высоким придворным чинам, до этого же времени им обозначались лишь члены императорской семьи. Фамилия Ксир не раз упоминается как у византийских историков, так и на моливдовулах. Впервые мы ее находим в «Алексиаде» Анны Комнин, где в связи с появлением кометы в 1106 г. идет речь о Василии Ксире, префекте Константинополя и проедре; в 1107 г. он предстает в числе участников заговора, руководимого братьями Анема, целью которого было убийство императора и захват власти.[1] Заговор объединял ряд знатных лиц; он был раскрыт, и все участники его были подвергнуты наказаниям; Ксир был ослеплен. Повидимому, этот же Василий Ксир упоминается и на моливдовуле, изданном Шлумберже.[2] Другой Василий Ксир, магистр фемы Киверриотов, известен по печати начала XII в., изданной Н. П. Лихачевым.[3] Наконец третий Василий Ксир, вестарх, судья Пелопоннеса и Эллады, жил в царствование Мануила Комнина.[4]

В новелле Алексея Комнина, относящейся к концу XI—началу XII в., упоминается протопроедр (председатель сената) Варда Ксир.

Иоанн Киннам рассказывает о Василии Ксире (быть может, одном из тех, кто упоминался на печатях), направленном Мануилом Комниным в Сицилию к королю Рожеру для свадебных переговоров: «Но этот [человек], подкупленный золотом, самолично согласился на странные условия, из коих главным было то, что император и Рожер почитались лицами равного достоинства».[5] Ксир лишается поэтому доверия императора. Известны печати протоспафария Ксира (XII в.) и «высокочтимого» Ксира[6] без указания их имен. Наконец фамилия Ксиров фигурирует и в источниках XIII в. Так, например, на грамоте 1225 г. сохра-

---

[1] Аналогичную заключительную часть легенды см., например, у: Κωνσταντόπουλου. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα. Journal international d'archéologie numismatique, t. V. Athènes, 1902, p. 161, № 34; t. VII, 1904, p. 287, № 680.

[2] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, s. 648.

[3] Об этом см. статью: M. Froehner. Bulles métriques. Annuaire de la Société française de numismatique et d'archéologie, t. VI, 1882, p. 40—66. — Книга Лорана (V. Laurent. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932) мне была недоступна.

[4] Anna Comnena. Alexiadis libri, XV. Bonn, 1839, vol. 1, p. 148.

[1] Там же, т. II, стр. 195.

[2] G. Schlumberger. Bulles byzantines inédites. BCH, vol. II, 1878.

[3] Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, стр. 13, табл. VIII, 17.

[4] M. Mordtmann. Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse. Revue archéologique, t. II, 1879, p. 51.

[5] Ioannes Cinnamus. Historiae, III, 2. Bonn, 1836, p. 91, 92.

[6] G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884, p. 715.

нилась печать Мануила Ксира,[1] а Ксир митрополит Навпакта известен и по моливдовулу и по упоминанию его имени Георгием Акрополитом в составе посольства, направленного деспотом Эпира Михаилом к Иоанну Дуке.[2]

Имя Константина Ксира, владельца издаваемой вислой печати, не встречается в каких-либо других источниках. Однако титулатура и видная роль в придворной жизни других представителей этой семьи, действовавших главным образом в период царствования династии Комнинов, не допускают сомнения в ее принадлежности к числу крупнейших феодальных родов Византии. Не случайно участие членов этой семьи в заговорах и интригах против правителей, получившее отражение в источниках. К тому же титул севаста и высокое качество исполнения нашей вислой печати говорят столь же убедительно о том, что владелец ее был одним из видных представителей византийской знати, скорее всего XII в.

Таким образом дата моливдовула определяется как характером изображения, эпиграфическими данными и временем наибольшего распространения метрических надписей, так и содержанием легенды.

К сожалению, мы не располагаем никакими данными о тех конкретно-исторических обстоятельствах, при которых изучаемый моливдовул оказался в Херсонесе. Он был найден в ничем не выделяющемся среди других типичном двухэтажном здании позднесредневековой усадьбы с кладовкой в нижнем этаже. Характер инвентаря также ничего не уясняет в интересующем нас вопросе.

Между тем издаваемая печать резко выделяется из числа всех найденных на территории Херсонеса моливдовулов. Большинство из них принадлежало тем или иным лицам, связанным с торговлей или управлением города. Характер сложной метрической надписи, даже попросту размеры печати также отличают ее от всех найденных ранее. Таким образом моливдовул из раскопок 1940 г., очевидно скреплявший грамоту крупного сановника — Константина Ксира, является чрезвычайно интересным памятником своего времени. Он подтверждает, в частности, наличие еще не прерванных в XII в. взаимоотношений Византии и Херсонеса.

---

[1] G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantin, Paris, 1884, p. 715.

[2] Там же, стр. 175; Georgius Acropolita. Annales, 49. Bonn, 1836, p. 98. После сдачи в печать этой статьи мне удалось ознакомиться с книгой А. Бона (A. Bon. La pèloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951). Автор, привлекая данные из жития Мелетия Нового (изд. в Православном Палестинском сборнике, СПб., 1886, т. VI, стр. 59—60) и двух эпитафий (изд. Nikos Bees в Византийском временнике, Пгр., 1915, т. XXI, вып. 3—4, стр. 195—196), выдвигает не без оснований предположение о том, что семья Ксиров является знатной фамилией пелопоннесского происхождения (A. Bon, стр. 123 и 203—204). В таком случае не исключена возможность того, что и владелец издаваемой печати был родом из Пелопоннеса.

Вислая свинцовая печать из раскопок в Херсонесе (фотография с оттиска; увел. в 2 раза).

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона.

В. Ф. Гайдукевич

МНИМАЯ БАЗИЛИКА ЛАВРЕНТИЯ-ЛЕОНТИЯ

Памятник, являющийся предметом рассмотрения настоящей статьи, известный в Херсонесе до недавнего времени под названием «базилика Леонтия-Лаврентия, что на забрале», был открыт в 1907 г.[1]

Вследствие смерти руководителя херсонесских раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича данные об интересующем нас сооружении опубликованы не были.[2]

Первое сообщение о «базилике Лаврентия-Леонтия», открытой возле 19-й куртины южной оборонительной стены Херсонеса, было помещено в историко-археологическом очерке Херсонеса Е. Э. Иванова. Автор очерка, ограничившись лишь крайне суммарным описанием памятника, пытался доказать, что базилика является остатками той церкви, которая упоминается в описании перенесения в Херсонес известным византийским миссионером Кириллом Философом останков римского епископа Климента.[1] Основанием для такого отождествления послужило, по словам Е. Э. Иванова, имеющееся якобы в тексте так называемого «Слова на перенесение мощей преславного Климента» указание на то, что прах Климента, после перенесения его в Херсонес, был помещен на некоторое время в храм Лаврентия на забрале, что совпадало с местоположением церкви, раскопанной в 1907 г. возле оборонительной стены.[2]

По почину Е. Э. Иванова, за часовней (церковью) возле 19-й куртины прочно укрепилось наименование «базилика Лаврентия», или «базилика Леонтия». При этом имя Леонтия добавлялось на основании других списков того же «Слова», а также других источников, касающихся поисков останков Климента и перенесения их в Херсонес, где церковь, связанная с перенесением останков Климента, упоминается под именем Леонтия.[3]

В итоге произведенного нами изучения памятника выяснилась полная необоснованность приведенных домыслов Е. Э. Иванова. Но это, разумеется, ни в какой мере не может умалить значения самого памятника, представляющего ценное звено в истории

---

[1] В письме Н. И Репникова Б. В. Фармаковскому (18 IV 1908), содержащем информацию о произведенных К. К. Косцюшко-Валюжиничем раскопках в 1907 г. (Архив ИИМК в Ленинграде, дело № 5 за 1908 г.), указывается, что в районе 19-й куртины со стороны города «у самой городской стены открыта очень хорошая часовня, сложенная из штучного камня с гранною апсидою». Краткое сообщение об этом было помещено Б.В. Фармаковским в «Archaeologischer Anzeiger» за 1908 г.

[2] К. К. Косцюшко не успел сделать отчета о своих последних раскопках. Преемник К. К. Косцюшко, Р. Х. Лепер, не только не составил полного отчета об этих раскопках своего предшественника, но, как известно, в течение всей своей последующей семилетней деятельности в качестве руководителя археологических исследований Херсонеса почти совсем не представлял в Археологическую комиссию отчетов о результатах выполненных им работ. Не сохранилось никаких материалов и о исследовании «базилики Лаврентия-Леонтия», произведенном Р. Х. Лепером в 1910 г.

[1] Е. Э. Иванов. Херсонес Таврический. ИТУАК, вып. 46, 1912, стр. 105 и 256.

[2] Автором греческого подлинника «Слова» некоторые исследователи склонны были видеть, но без достаточно твердых оснований, самого Кирилла. См.: Н. К. Никольский. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. Известия Отделения словесности АН СССР, т. I, кн. 2, 1928, стр. 407.

[3] К. Э. Гриневич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1926 г. Хсб. вып. II, 1927, стр. 268.

городского строительства средневекового Херсонеса.

Краткое описание «базилики Лаврентия-Леонтия», составленное К. Э. Гриневичем,[1] в связи с отчетом о раскопках 1926 г., дает представление о состоянии памятника в то время.

Херсонесские раскопки 1926—1928 гг., происходившие в районе 19-й куртины южной оборонительной стены, выдвинули вопрос о специальном изучении расположенной там же средневековой часовни. В связи с этим в 1928 г. были произведены дополнительное исследование субструкций часовни, а также небольшая разведка насыпи внутри ее в целях изучения фундамента с внутренней стороны постройки.

Часовня примыкает к тыльной стороне 19-й куртины.[2] На месте расположения часовни древняя насыпь при раскопках была сохранена в пределах ее стен, в уровень с полом; культурные же наслоения вне стен часовни были сняты с трех сторон во время раскопок 1907 и 1910 гг. на довольно большую глубину, что привело к полному обнажению фундамента. Высота насыпи, сохраненной внутри часовни, считая от материка до уровня пола, достигает возле оборонительной стены 4.5 м. Часовня построена на глубоком фундаменте. Нижние части ее стен сохранились довольно хорошо (рис. 1); однако через несколько лет после раскопок произошел обвал ю.-в. стороны постройки (рис. 2).[3]

План часовни очень прост (рис. 3). Сохранившиеся стены и их логическое продолжение до оборонительной ограды образуют в плане четырехугольник, близкий к квадрату, с выступающей алтарной апсидой, снаружи пятигранной, внутри круглой. В современном состоянии боковые стены постройки не доходят до крепостной стены, заканчиваясь на расстоянии 2.80 м от нее. Длина внутреннего помещения с апсидой по главной оси 5.60 м, ширина 3.60 м. Четвертой стеной часовне служила сама оборонительная стена, к которой боковые стены часовни, несомненно, подходили вплотную. Такое использование оборонительной стены наблюдается почти во всех средневековых постройках, расположенных непосредственно возле нее.[1] В апсиде стоял алтарь в виде ионической импостной капители на каменной подставке. По своей архитектуре часовня относится к категории небольших и простейших культовых построек, очень распространенных на обширной территории Причерноморья и Причерноморья, начиная по крайней мере с X в.

Разумеется, нет никаких оснований называть такое сооружение базиликой,[2] поскольку этот термин принято применять к зданиям, у которых специфически базиличный план (удлиненный прямоугольник) сочетается с внутренним делением продольными рядами колонн или пилонов. Исходя из этого, А. Л. Бертье-Делагард уже указывал на недопустимость применения этого термина в отношении сооружений, подобных нашей часовне, и предложил для такого рода зданий условное наименование — «прямоугольный тип»: «Бессчетное число маленьких церквей Крыма и Кавказа, чтобы не ходить очень далеко, выстроены по этому типу, и, конечно, их строители в огромном большинстве ни малейшего представления о базилике не имели».[3] С таким мнением нельзя не согласиться. Отметим, далее, что часовня поставлена не совсем перпендикулярно к линии оборонительной стены; на 1.5—2° она отклонена к востоку. Часовня ориентирована своей алтарной частью прямо на СВ, что характерно для всех культовых зданий Херсонеса. А. Л. Бертье-Делагард в свое время обратил и на это внимание,

[1] К. Э. Гриневич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1926 г. Хсб, вып. II, 1927, стр. 268.

[2] См. «План Херсонесского городища» (издан Л. А. Моисеевым в 1923 г.), а также Хсб, вып. II, 1927.

[3] Во время раскопок 1907 г. фундамент часовни был ослаблен полным удалением насыпи, в которой он был заложен; особенно сильно было подкопано основание фундамента восточного угла, вследствие чего ю.-в. сторона часовни рухнула, увлекая за собой часть кладки апсиды. Благодаря особенной прочности известкового раствора кладка обрушившейся части не развалилась, а упала целым массивом, вместе с фундаментом, на насыпь к ЮВ от часовни. Посредством подведения контрфорса удалось в 1927 г. закрепить упавшую стену и предотвратить окончательное ее разрушение. Одновременно с этим были приняты меры для сохранения уцелевших частей памятника (северный угол фундамента укреплен специальной опорной стеной, швы в кладке фундамента апсиды залиты известковым раствором).

[1] ОАК за 1895 г., стр. 98, рис. 246; за 1897 г., стр. 96, рис. 208; за 1899 г., табл. I.

[2] См.: Хсб, вып. II, 1927, стр. 268 («Базилика Леонтия»). — Столь же неверно определена часовня (№ 17) в квартале I с.-в. части городища (Хсб, вып. III, 1931, стр. 22—23; ср. стр. 49, 50).

[3] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 30—31.

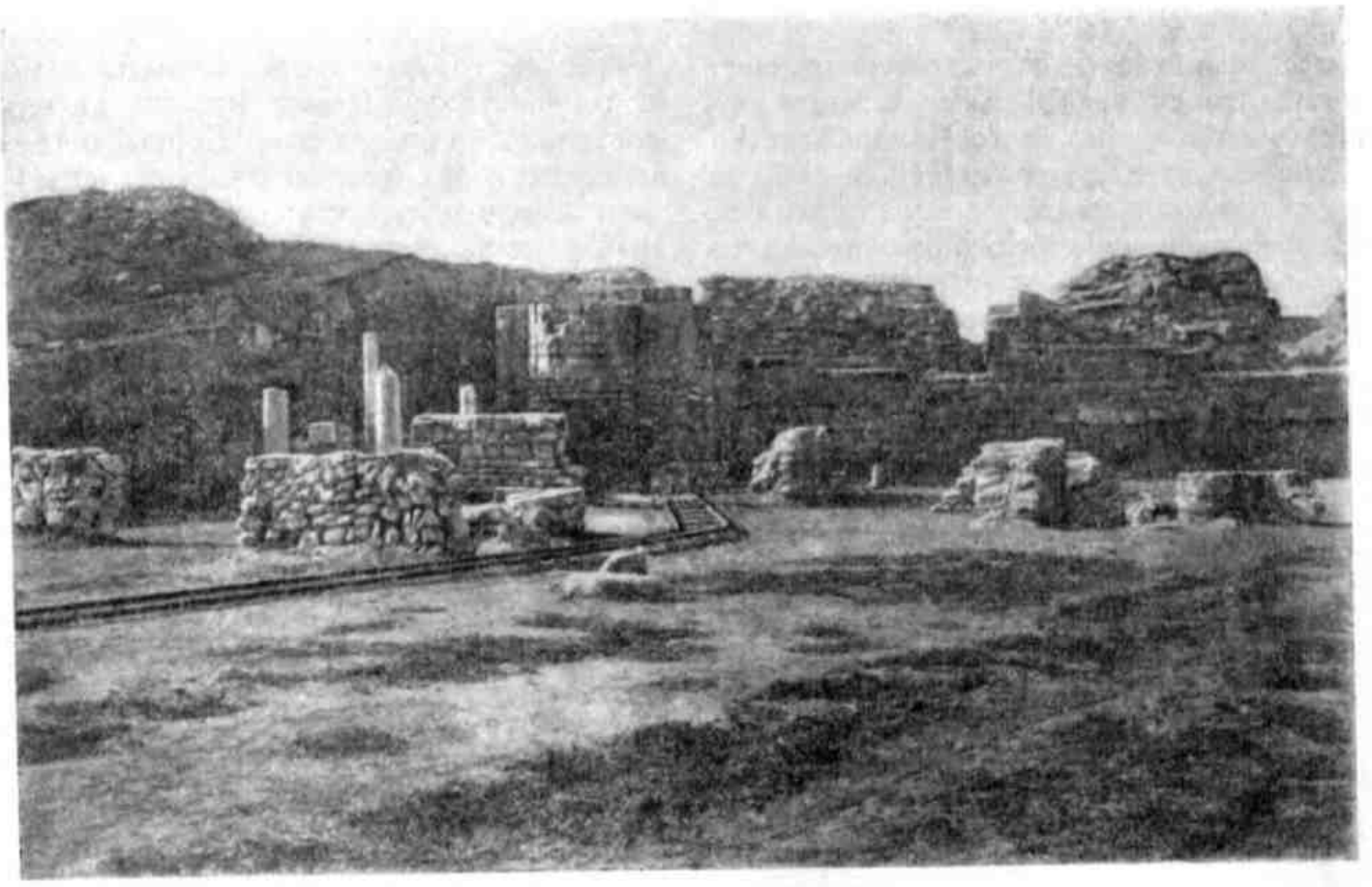


Рис. 1. Общий вид 19-й куртины и прилегающей к ней часовни, вид с севера. Снимок 1907 г.

Рис. 2. Развалины часовни, вид с СВ.

высказав предположение, что обычай строить церкви алтарем на СВ был, повидимому, заимствован Херсонесом из Малой Азии.[1]

Толщина стен постройки 0.58—0.60 м. Наружная их сторона облицована правильно чередующимися рядами отлично отесанных плит инкерманского известняка. Высота плит 0.20—0.35 м; длина 0.25—0.65 м, толщина 0.15—0.25 м. С внутренней стороны стены сложены из бутового камня (рис. 4). Таким образом в основе своей кладка часовни бутовая и лишь по фасадам облицована гладко отесанными плитами. Бутовая кладка сглажена штукатуркой.

Апсида построена вритык, ее кладка не связана с кладкой заплечий. Снаружи апсида облицована тем же желтоватым инкерманским известняком, столь же чистой тески, но плиты здесь несколько мельче и горизонтальные швы кладки апсиды не совпадают со швами стен. Первый ряд облицовочных плит (считая от фундамента) сложен в виде полукруга; он образует цокольный выступ, над которым возвышается апсида пятигранной формы; ширина граней 0.80 м. В средней грани устроено окно, а на двух смежных гранях имеются неглубокие филенки, шириною 0.20 м.

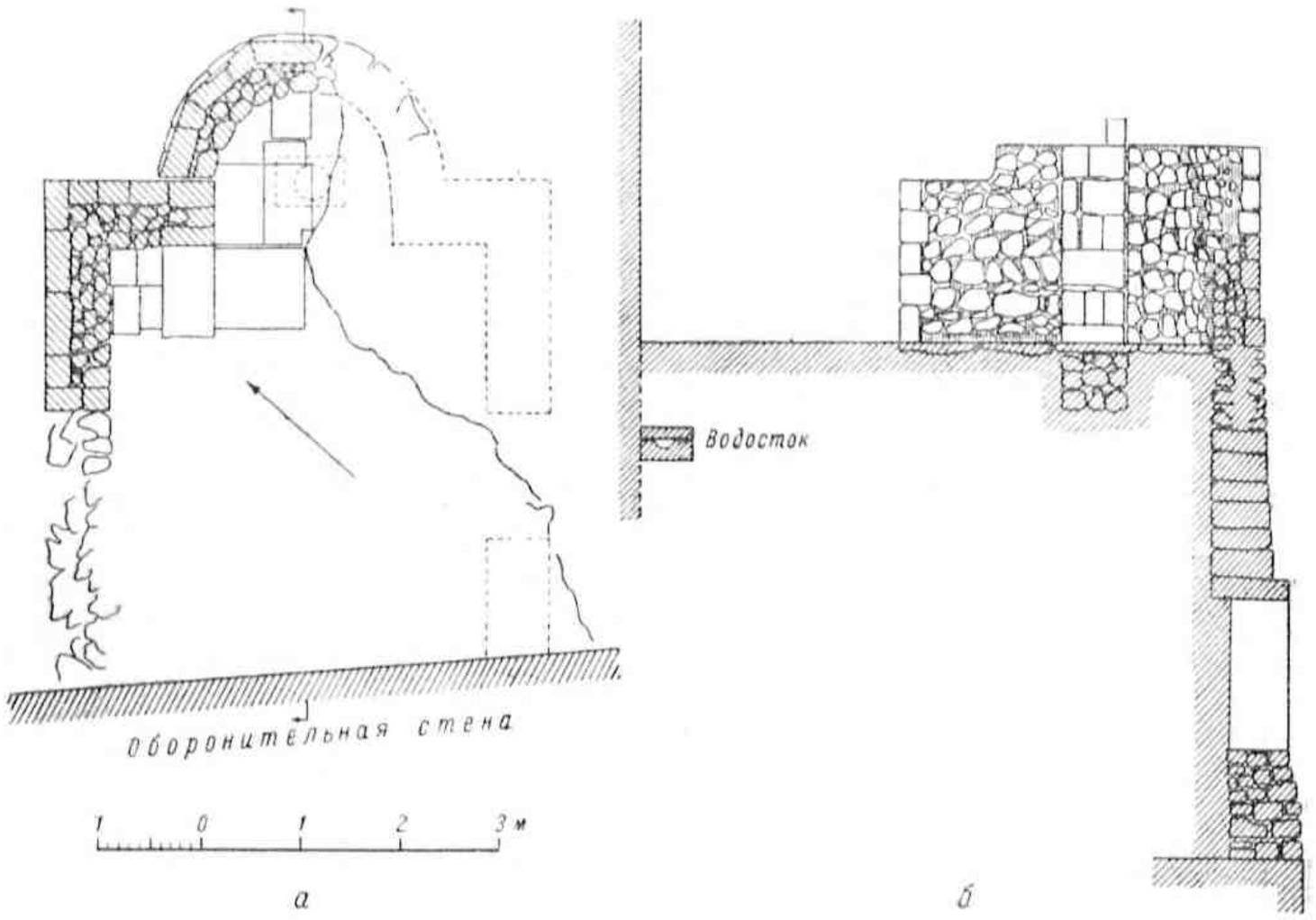


Рис. 3. План (*а*) и продольный разрез (*б*) часовни.

Внутри часовни стены были, как сказано, оштукатурены и расписаны. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Херсонесского музея краткое описание следов фресок, составленное М. Скубетовым вскоре после открытия часовни.[1] «Храмик открыт в 1907 г. Храмик весь внутри оштукатурен известью, следы которой уцелели на стенах; апсида внутри тоже была оштu-

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, 1893, стр. 46—47; он же. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 42 и прим. — Так же ориентирована была и Партенитская базилика (см. ИАК, вып. 32, стр. 98 и прим.).

[1] Дело № 68 за 1909 г. (В начале черновой тетради с обмерами могил Херсонесского некрополя). Часть записи, описывающей следы росписи, опубликована в: Хсб, вып. II, 1927, стр. 271.

катурена и побелена, а по ней была расписана фреска, следы которой хорошо видны: уцелела часть широкой красной полосы от пола алтаря на 26 вершков, ширина полосы 1 вершок. . . и там же следы серой полосы. Следы такой же (т. е. красной, — *В. Г.*) полосы уцелели в средней части храмика, на той же высоте от пола, т. е. 26 вершк., шириной 1 верш. Из всего видно, что красная полоса шла на одной высоте от пола, т. е. 26 верш., по всем стенам храма».

На сопровождающем это описание безмасштабном наброске-плане часовни с ю.-в. стороны отмечен порог (на нашем плане он обозначен пунктиром).[1]

Существование входа в часовню с ю.-в. стороны подтверждается и тем, что в упавшей стене, в том месте, к которому, согласно архивному плану, примыкал порог, — имеется ровный прямой срез, выложенный тесаными плитами и являвшийся притолокой дверного пролета. Точно такой же срез повторяется и в противоположной, с.-з. стене, в том месте, где она прекращается, не достигая 2.74 м оборонительной ограды. Это позволяет предполагать, что с с.-з. стороны существовал второй вход, который позднее, вероятно, был заложен, о чем можно догадываться по некоторым старым фотографиям. За входными промежутками боковые стены часовни, очевидно, продолжались, вплотную примыкая к оборонительной ограде. От них, однако, не сохранилось никаких следов. Очевидно, в процессе разрушения здания, когда стены были разобраны ниже перемычек над входами, те части стен, которые примыкали к оборонительной ограде, потеряв связь с остальным корпусом здания, полностью разрушились.

Произведенная в 1928 г. внутри часовни расчистка пола показала, что он был вымощен каменными плитами (толщина около 0.10 м). Вымостка эта сохранилась только в северном углу часовни и в апсидальной части. Под вымосткой обнаружен слой известняковых отесков (толщина до 0.10 м), образовавшийся, надо полагать, во время строительных работ.

Особый интерес возбуждает характер глубокого фундамента часовни, причем фундамент стен и апсиды выполнен в техническом отношении неодинаково; это еще больше подчеркивает самостоятельный характер апсиды.

Стены часовни возведены на прочном бутовом фундаменте, который точно соответствует конфигурации стен. По линии стыка наружных стен с фундаментом в некоторых местах видна прокладка кусков пло-

Рис. 4. Деталь кладки с внутренней стороны часовни.

ского кирпича или черепицы, которой выравнивалась постель для первого ряда наружной облицовочной кладки. Для большей прочности под углами стен, в верхнем слое фундамента, бут заменен аккуратно отесанными известняковыми плитами.

Фундамент был построен, повидимому, обычным способом: по намеченному плану сначала были вырыты соответствующей глубины траншеи, которые затем «забучивались», т. е. их постепенно заполняли бутовым камнем, заливая его при этом известковым раствором. Но такого рода фундамент, представляющий собой крупную компактную массу, был устроен только под заплечиками, а также под ю.-в. и с.-з. боковыми стенами, до дверных пролетов. На рис. 5 очень ясно видно, как фундамент резко обрывается.

Изучение указанной части постройки показало, что забутовка фундамента продолжается и дальше по направлению к обо-

[1] На том же наброске плана отмечено древнее погребение, расположенное перед порогом часовни, со следующим описанием: «Гробница земляная, детская, с сильно истлевшими костями, головой на запад, руки, судя по положению костей, были на груди, скрещенные. Найдены бусы хорошей сохранности и монета бронзовая, сильно окислившаяся. Гробница находится на уровне порога церкви. . .». Порог исчез, вероятно, в связи с обвалом ю.-в. части часовни.

ронительной ограде, но в несколько ином виде, — здесь она немного у́же и выполнена более небрежно (рис. 6).

Повидимому, основной очень прочный фундамент был подведен только под с.-в. часть часовни; для остальной же ее части строители сочли возможным ограничиться бутовой подбивкой на глине, вполне достаточной для придания грунту нужной устойчивости. Эту конструктивную особенность можно объяснить, только исходя из

Рис. 5. Часовня, вид с СЗ.

особенностей профиля данного участка городища около 19-й куртины в момент сооружения здесь часовни.

Прежде всего следует выяснить взаимоотношение часовни с самой оборонительной стеной.

Девятнадцатая куртина (длина около 90 м) начинается от круглой башни XVI и заканчивается крайней фланговой башней XVII (Зенона). В ней различаются два главных строительных периода.[1] Нижний ярус является остатками античной стены; она построена из хорошо отесанных блоков известняка, сложенных ровными рядами, насухо, без извести. На нем, как на фундаменте, покоится средневековая стена, состоящая из облицовочных плит и внутреннего бута, связанных известковым раствором. Непосредственное соприкосновение двух ярусов стены, различных по времени возникновения и характеру кладки, наблюдается только в начале куртины (возле башни XVI). Дальше между средневековой и нижней античной кладками продолжены один-два ряда крупного неотделанного камня, представляющего дополнительный фундамент верхнего (средневекового) яруса стены.

Античный ярус стены датируется III в. до н. э.[1] Более поздняя датировка — I в. до н. э., предложенная для него А. Л. Бертье-Делагардом,[2] который исходил из наличия технически умелого применения сводчатых перекрытий (в калитке и проходе у башни XVI), не выдерживает критики; как известно, применение коробовых и полуцилиндрических сводов в погребальных сооружениях Боспорского царства начинается уже со второй половины IV в. до н. э.[3] Напротив, на более раннюю дату античного яруса 19-й куртины указывают и открытые здесь мощные культурные отложения эллинистического времени и аналогии с кладкой стен Магнесии на Меандре.

Считают, что верхний ярус 19-й куртины был построен в конце IV в. н. э.[4] после предварительного частичного сноса прежней стены и засыпи сохраненной ее кладки, использованной затем в качестве подземных субструкций для новой стены. К этой верхней стене впоследствии и была пристроена часовня, причем ко времени ее сооружения глубина засыпи возле стены достигала 4.50 м.

Горизонт культурных напластований здесь несомненно повышался постепенно, что прекрасно подтверждается той многоярусностью архитектурных остатков, которые были открыты раскопками 1926—1927 гг. к ЮВ от часовни. Отчет К. Э. Гриневича о раскопках 1926 г. констатирует

[1] Об этом подробно см.: Хсб, вып. II, 1927, стр. 81—89; А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 106 сл.

[1] Хсб, вып. II, 1927, стр. 83.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 153.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. 1949, стр. 259.

[4] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 157; ср.: Хсб, вып. II. 1927, стр. 83. — По мнению А. Л. Якобсона, средневековый ярус 19-й куртины относится к V—VI вв. См.: КС ИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 57, 59—60, прим.

пять строительных периодов, причем при каждой перестройке горизонт насыпи несколько повышался. Исключением явилась полоса, ближайшая к оборонительной стене, уровень почвы которой в определенный период времени был сразу значительно повышен. Это должно было произойти во время перестройки 19-й куртины, т. е. в период раннего Средневековья. Дело в том, что возведение новой оборонительной стены было вызвано в значительной мере необходимостью усилить обороноспособность данного участка путем поднятия стен на бóльшую высоту. Этот участок обороны был особенно уязвим, так как ему противостояла господствующая высота (так называемая Девичья гора), откуда неприятель мог вести разрушительный обстрел важнейшей портовой части города.[1] Условия обороны потребовали при постройке новой стены искусственно повысить земляную насыпь. Такой подъем уровня почвы сразу на всем ближайшем к стене участке города был бы излишен, да к тому же и трудно выполним. Поэтому образованная вдоль оборонительной стены насыпь лишь возле нее имела характер ровной горизонтальной площадки,[1] а далее, в сторону города, т. е. к СВ, спускалась откосом. Происходившее в течение многих столетий накопление культурных отложений могло сделать покатость насыпи более пологой и тем самым менее заметной, но в том месте, где к оборонительной стене была пристроена часовня, скат насыпи имел все же довольно крутой наклон. Это подтверждается уровнем основания, открытого здесь в 1907 г. и близко расположенного к часовне здания, вероятно храма, с уцелевшими мраморными колон-

Рис. 6. С.-з. стена часовни и часть 19-й куртины.
А — остаток более раннего сооружения.

[1] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 125.

[1] По ней проведен водосточный канал, проходивший вдоль 19-й куртины. Часть водостока находится в насыпи часовни, на глубине 0.80 м от пола (см. разрез на рис. 3, *б*).

нами (рис. 1), относящегося, вероятно, к X—XI вв.[1] и существовавшего, как можно полагать, до конца жизни Херсонеса. Легко заметить, насколько это здание расположено ниже начала наружной облицовки часовни. Между тем эти два сооружения отделены расстоянием, не превышающим 9—10 м.

Само собой понятно, что строить на такой насыпи без устройства надежных субструкций было невозможно. Насыпной характер грунта и обусловленная этим его рыхлость, особенно в связи с профилем насыпи, создававшим возможность осыпания и размыва почвы в сторону откоса, — и вызвали необходимость подведения под стены даже этой небольшой часовни устойчивых фундаментов, способных предотвратить возможность сдвига и сползания здания.

В качестве аналогии можно указать на глубокие бутовые фундаменты шестистолпного трехапсидного храма, расположенного на северном берегу херсонесского городища, вблизи Уваровской базилики.[2] Но в данном случае тип сооружения (храм был, несомненно, купольным[3]), его размеры и конструкция были совсем иные, более монументальные и сложные. Строить такое здание нужно было непременно на фундаментах, основанных на прочном материке.

Исходя из сказанного относительно грунта, рельефа, насыпи и проч., нетрудно объяснить, почему столь основательные фундаменты подведены только под с.-в. часть часовни. Очевидно, эта часть была наименее надежной, так как именно в сторону откоса могли происходить осадка и сползание, что неизбежно должно было повлечь за собой разрушение постройки. Несомненно, что в силу этого обстоятельства под с.-в. часть здания и был подведен прочный глубокий фундамент, вполне достаточный для того, чтобы обеспечить необходимую устойчивость всему сооружению.

Глубокий фундамент под алтарной апсидой устроен несколько иначе. Непосредственно под штучной кладкой апсиды идет пять рядов бута на глине, представляющего начало подземного фундамента, построенного, соответственно форме апсиды, полукругом (рис. 2). Ниже идет правильная кладка из отесанных плит известняка. Высота первого яруса (бутового) 0.80 м, высота второго — 1.50 м. Этот нижний ярус частично основан на каменной плите (длина 1.10 м, ширина 0.60 м, толщина 0.20 м), перекрывающей промежуток между двумя, как будто специально выстроенными для фундаментов, столбами.

Однако раскопки 1928 г., доведенные в этом месте до скалы, выяснили, что фундамент апсиды опирается не на столбы, а на остатки стен, являющиеся частью обширного античного здания. Здание это представляет собой длинную постройку в виде вытянутого вдоль 19-й куртины прямоугольника, разделенного внутри поперечными стенами на ряд почти квадратных в плане комнат (рис. 7).[1] Стены его (ширина 0.65 м) сложены из бутового камня на глине. По всей вероятности, это здание служило казармой для римских войск, которые были расквартированы именно в этой части Херсонеса, представляющей собой замкнутую цитадель города.[2] Показательно, что именно здесь было открыто большое количество эпиграфических памятников, относящихся к римскому времени.[3] Этот район города действительно имел господствующее военно-стратегическое значение, поскольку он включал в себя наиболее ответственный участок оборонительных стен (19-я и 20-я куртины, башня Зенона), будучи в то же время огражден и со стороны остальной части города (18-й куртиной).

На остатки стен римской казармы средневековые строители часовни наткнулись при сооружении ее фундамента. Фундамент апсиды совпал с тем отрезком стены, где был дверной проем, сложенный из тесаных плит (рис. 8). Перекрыв известняковой плитой пролет в стене шириной 0.80 м, строители могли затем возводить фундамент

[1] К. Э. Гриневич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1926 г. Хсб, вып. II, 1927, стр. 272.

[2] См.: Д. В. Айналов. Развалины храмов. В серии: «Памятники христианского Херсонеса», вып. I, М., 1905, стр. 24.

[3] См.: Отчет Р. Х. Лепера о раскопках 1908 г. (Хсб, вып. III, 1931, стр. 110).

[1] Ср. Предварительный отчет о раскопках в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. (Журнал «Крым». 1929, № 1 (9), стр. 14).

[2] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 145.

[3] В частности, во время раскопок 1928 г. были обнаружены алтарь с посвятительной латинской надписью и несколько надгробий, одно из которых принадлежало римскому солдату. Здесь же был найден фрагмент черепицы с клеймом XI Клавдиевого легиона.

а

б

Рис. 7. Здание первых веков нашей эры, расположенное вдоль 19-й куртины.
а — вид с запада; *б* — вид с юга.

апсиды. Таким образом остатки более древнего сооружения были использованы как субструкции. Интересно отметить, что в качестве строительного материала в кладку правой притолоки дверного проема употреблена часть карниза эллинистического времени, орнаментированного рельефными овами.

кой-то более древней постройки с апсидой, должно быть отвергнуто, потому что невозможно себе представить столь тщательное уничтожение всей такой постройки, если она когда-нибудь существовала, с сохранением при этом почему-то только одной ее части в виде полукруглой апсиды.

Рис. 8. Деталь субструкции апсидальной части часовни.

Остается разъяснить разнородный характер фундамента апсиды с его двумя ярусами различной кладки, из которых нижний состоит из тесаных плит.[1] Предположение о том, что этот нижний ярус кладки фундамента является остатком лицевой части ка-

Обследование этой части памятника с несомненностью убеждает, что она выстроена специально в качестве фундамента для апсиды данной часовни. Теска плит не особенно тщательная, притеска швов тоже не отличается точностью, как этого следовало бы ожидать, если бы кладка делалась для наружного фасада. Неясным остается применение для фундамента апсиды тесаного камня. Скорее всего это связано было с тем, что подошвой фундамента апсиды послужили остатки античных стен с дверным проемом, который пришлось перекрыть плитой. Чтобы использовать такого рода субструкции, необходимо было покоящийся на них фундамент (полукруглой формы) вывести очень точно и аккуратно, применяя

[1] На уровне нижних рядов кладки были найдены монеты I и II вв. н. э. (см. дневник херсонесских раскопок 1928 г. за 15 и 17 августа). Остаются невыясненными назначение и время возникновения сооружения *А* (рис. 6), расположенного возле оборонительной стены и уходящего под насыпь часовни. Ясно, что оно ни в какой связи с часовней не находится, так как над ним в насыпи проходит упомянутый водосточный канал, датируемый IV—VI вв. н. э. Для находящегося ниже этого канала сооружения указанная дата — terminus ante quem. Отсюда ясно, что сооружение *А* принадлежит еще античному времени.

хороший строительный материал. Обычный для фундаментов материал, т. е. бут, здесь был совершенно непригоден. Однако штучная кладка фундамента не доведена до конца, она завершена несколькими рядами грубого мелкого бута. Возникает вопрос: одновременна ли апсида остальным частям часовни? Напомним, что апсида пристроена к стенам часовни впритык, без перевязи с кладкой ее стен.

Аналогично пристроенные апсиды известны в греко-восточном зодчестве, примером чего может служить храм в Гаурине (Сирия).[1] Та же особенность апсиды повторяется, по словам Ф. И. Успенского, во многих других памятниках Сирии, что отнюдь не доказывает более позднего возникновения таких апсид. Как известно, отсутствие перевязи различно нагруженных частей здания было одним из принципов средневекового строительства.[2] Тот же принцип был, повидимому, применен и в херсонесской часовне, хотя это было недостаточно логично при ничтожных размерах здания.

Для выяснения вопроса, одновременна апсида основной части часовни или нет, нами был изучен раствор кладки в различных частях постройки. Выяснилось, что сохранившиеся стены часовни и бутовые фундаменты под ними сложены на совершенно однородном известковом растворе со значительной примесью крупнозернистого гравия, отличающемся большой силой сцепления. Штучная облицовка фасада апсиды оказалась сложенной на растворе из чистой белой извести, почти совсем без примеси песка. Известь сохранилась в швах кладки в виде тонких прослоек, слабо связывающих плиты. Что касается внутренней бутовой кладки, то можно предполагать, что она была сложена или на такой же чистой извести, или просто на глине; вследствие больших промежутков между отдельными бутовыми камнями связующее вещество здесь сильно выветрилось. Это наблюдение склоняет к выводу, что апсида построена не совсем одновременно с основным корпусом часовни; впрочем, такое заключение не является окончательным.

Общий ход постройки часовни можно представить себе следующим образом. Одновременно с основными стенами, построенным на глубоком бутовом фундаменте, обусловленном характером грунта, профилем насыпи и т. д., была возведена часть фундамента апсиды из тесаного камня. Применение такого материала являлось вполне целесообразным (вернее, единственно возможным), имея в виду, что основанием фундамента должны были служить остатки бутовых стен античного здания.

В силу каких-то, нам не известных обстоятельств, сооружение часовни не было доведено сразу до конца, постройка была прервана и ее закончили несколько позже, причем, возможно, другие строители. Соблюдая характер прежней кладки, они выполняли ее несколько иначе, применив не известковый раствор с примесью гравия, а раствор чистой извести для облицовки и глину для бутовой кладки. Они пристроили апсиду, предварительно дополнив кладку фундамента пятью рядами бута на глине, легшими на устойчивую основу, построенную ранее.

Очень вероятно, что вся апсида (вместе с фундаментом) была выстроена несколько позже, чем основная часть часовни; на это может указывать тот факт, что нижняя часть фундамента апсиды (из штучного камня) сложена не на известковом растворе, который применен, как сказано, для фундаментов остальных частей здания. Разнородность материала, употребленного для кладки фундамента апсиды, и в этом случае легко объяснима: построив сначала надежную основу в виде нижнего штучного яруса, строители прибегли затем к обычному в таких случаях материалу — буту.

Другое предположение, а именно, что ныне существующая апсида является результатом перестройки и что у первоначальной апсиды штучный фундамент доходил вплоть до надземной кладки, а затем частично разобран и надложен бутовой кладкой, — маловероятно и не находит подтверждений в самом памятнике.

Никаких указаний на форму покрытия часовни мы не имеем. Скорее всего она была перекрыта полуцилиндрическим сводом; менее вероятно деревянное стропильное перекрытие с двухскатной кровлей. Полуцилин-

[1] Ф. И. Успенский. Археологические памятники Сирии. Известия Русск. археол. инст. в Константинополе, т. VII, 1902, стр. 23.

[2] Ф. И. Шмит. Заметки о поздне-византийских храмовых росписях. Византийский временник, т. XXII, вып. 1—2, 1915, стр. 110; А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 11.

дрические своды были обычны в такого рода небольших часовнях — на Кавказе, в Малой Азии и в Крыму, примеры чего дают аналогичные постройки в самом Херсонесе.[1]

Что касается даты часовни, то собственно археологические материалы, добытые раскопками 1928 г., в этом отношении ничего не дали, а материалы раскопок 1907—1910 гг. не были своевременно зафиксированы и поэтому не могут быть использованы. При датировке постройки приходится исходить из характера самого памятника и его аналогий.

В общей форме тип таких храмиков-часовен в виде простого сводчатого четырехугольника с выступающей алтарной апсидой имел, можно сказать, повсеместное распространение по всему Причерноморью, в Византии, Греции. В большинстве своем эти часовни относятся ко времени после X в., особенно к XIII—XIV вв. Немало подобных небольших часовен открыто в Херсонесе; часть из них пристроена к большим базиликам, при которых они служили главным образом поминальными часовнями — мориями,[2] представлявшими частную собственность, переходившую по наследству.[3]

Среди раскопанных до сих пор в Херсонесе подобных храмиков часовня 19-й куртины выделяется своими особенностями: своеобразием кладки стен, пятигранной формой апсиды и т. д. Некоторой аналогией в этом отношении может служить часовня № 17, развалины которой были открыты в 1908 г. в восточной части городища, вблизи так называемой восточной базилики.[4] Следуя тому же прямоугольному типу с пятигранной апсидой, она отличается, однако, кладкой стен из полуобработанного известняка и бута на извести. Вполне тождествен нашей часовне по технике кладки стен херсонесский четырехстолбный и трехапсидный храм в бывш. монастырском саду (по Айналову — № 21),[1] а также шестистолбный и трехапсидный храм, открытый в восточной части городища (по Айналову — № 6); оба они относятся к XII—XIII вв.[2]

Говоря о технике кладки часовни 19-й куртины, следует четко разграничить две основные строительные традиции, существовавшие одновременно, но в разных культурно-географических районах. Центром одного из них была столица Византии — Константинополь,[3] где в постройках всегда употреблялся кирпич.[4] Кроме сплошных кирпичных кладок, широкое применение там получила система, при которой кирпич составляет более или менее частые прослойки между рядами каменной кладки. Ряд областей (Греция, Македония и др.) следовал принципам столичной строительной техники, применяя кирпич в различных сочетаниях с камнем. В Херсонесе известно несколько раннесредневековых храмов, выстроенных в технике чередования кирпича и камня (Уваровская базилика и крещальня возле нее, Западная базилика, базилика у нового собора и др.).

В противоположность Константинополю, на Востоке строили из камня, воздвигая из тщательно обработанных квадров целые массивы стен (вспомним постройки Сирии)[5] или же применяя тесаные плиты только в качестве гладкой облицовки стен, основную массу которых составляли более грубые, необработанные камни на известковом растворе. Техника таких штучных облицовок имела широкое применение в Малой Азии [6] и на Кавказе.

В строительной практике средневекового Кавказа облицовка плитами применялась не только на фасадах, но и с внутренней сто-

---

[1] При раскопках в 1932 г. в северной части Херсонеса была открыта близкая по своим размерам часовня, построенная на развалинах большой ранней базилики. По составу каменного завала (масса штучных камней, клиньев, арок и т. д.) вполне точно установлено, что часовня имела сводчатые покрытия. (Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 242).

[2] Д. В. Айналов. Мемории св. Климента и Мартина в Херсонесе. Д. ТМАО, т. XXV, 1916.

[3] А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, 1893, стр. 40.

[4] Хсб, вып. III, 1931, 20—23, 30 (дневник раскопок Р. Х. Лепера).

[1] Д. В. Айналов. Развалины храмов, стр. 122; МИА, 17, стр. 238 сл.

[2] См.: МИА, 17, стр 239—240.

[3] G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, p. 214—225.

[4] A. Van. Millingen. Byzantine Churches in Constantinople. London, 1912, p. 27.

[5] Применение такой монументальной кладки в Херсонесе можно видеть в остатках базилики возле нового собора. См.: Д. В. Айналов. Развалины храмов, стр. 65; МИА, 17, стр. 230, рис. 130.

[6] Ф. И. Шмит. Эски-Керменская базилика. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 233.

роны. Однако уже с IX—X вв. встречаются постройки, в которых только фасады имеют тщательно выполненную облицовку, с внутренней же стороны грубая бутовая кладка скрывалась под штукатуркой.[1]

Таким образом в указанное время возникает тенденция упрощения кладки стен, особенно в тех случаях, когда внутри здания предполагалась роспись по штукатурке. Происходит это, повидимому, именно в XI—XII вв.

В Крыму также встречаются памятники, в которых применена такая техника даже в монументальных крепостных стенах. Мы имеем в виду так называемую среднюю стену в Чуфут-Кале (в 3—4 км от Бахчисарая), на плато которого А. Л. Бертье-Делагард[1] локализует древние Фуллы — аланское поселение. В конце XIII в. здесь возникло татарское поселение Кырк-Иер (Кыркор), позднее заселенное караимами.

Относительно интересующей нас оборонительной стены Чуфут-Кале А. Л. Бертье-Делагард, исходя из косвенных указаний, высказался в том смысле, что «это старейшая стена Чуфут-Кале греко-византийской работы и не позднее XII в.».[2]

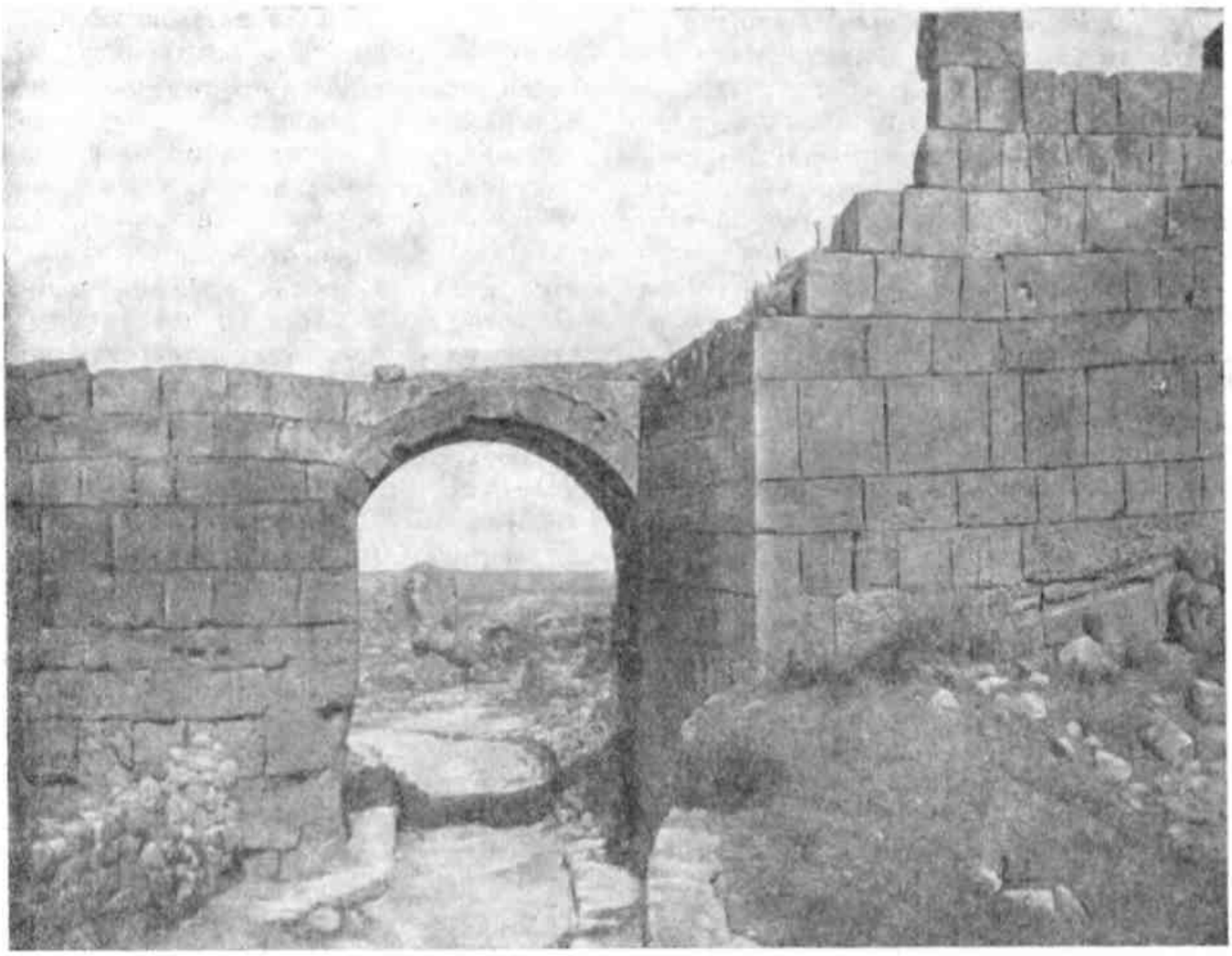


Рис. 9. Чуфут-Кале, «средняя» стена.

«Средняя» стена, включающая и городские ворота (рис. 9), проходит поперек плато, занимаемого городищем. В период своего возникновения она, очевидно, служила границей города, но когда территория последнего впоследствии расширилась к востоку и в связи с этим была выстроена дру-

[1] [П.] Уварова. Христианские памятники. МАК, т. IV, стр. 83; Е. Токайшвили. Христианские памятники. Там же, т. XII, стр. 61, 64; А. И. Павлинов, В. Ф. Миллер и Х. И. Кучек-Иоаниесов. Христианские памятники. Там же, т. III, стр. 69.

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, № 57, 1920, стр. 66.

[2] Там же, стр. 105 и 110.

гая, так называемая восточная стена, — первая линия оборонительной ограды утратила свое первоначальное боевое значение, поскольку она проходила теперь по середине города. Стена эта сохранилась очень хорошо, но до сих пор по-настоящему не изучена.

Ширина стены 1.40 м. Кладка лицевой стороны состоит из правильно чередующихся и довольно строго выдержанных рядов чисто тесаных квадров желтоватого известняка. Высота отдельных рядов кладки колеблется от 0.35 до 0.65 м; в пределах каждого ряда плиты имеют разную длину (до 1.30 м). Такая штучная облицовка имеется, однако, только с восточной стороны. Сторона, обращенная на запад, сложена из бутового камня без облицовки и выполнена на известковом растворе с примесью песка и крупной гальки.

Таким образом «средняя» стена Чуфут-Кале представляет некоторую аналогию херсонесской часовне 19-й куртины. Однородность техники замечается даже в составе известкового раствора. В херсонесской часовне известь смешана с крупным гравием, в известковом растворе «средней» стены — большое количество гальки. Аналогичная облицовочная кладка херсонесской часовни отличается лишь несколько большей тщательностью. В отношении последней «средняя» стена Чуфут-Кале может служить хронологическим указателем. Датировка ее, предложенная А. Л. Бертье-Делагардом, к сожалению, слишком неопределенна («не позднее XII в., но вполне возможно, что она строена и ранее»). Однако общий характер стены в связи хотя бы только с кавказскими примерами односторонних облицовок позволяет время построения стены (верхние ее ярусы) Чуфут-Кале более определенно отнести к XI—XII вв.

В качестве другой аналогии следует привлечь очень интересную во всех отношениях церковь Троицы в селе Лаки, расположенном в 10.5 км к ЮВ от Бахчисарая.[1]

В соответствии с нашими целями рассмотрим технику кладки стен этого здания. Его фасады облицованы прекрасно обработанными и отлично притесанными плитами известняка (рис. 10). Внутри церкви только арки, углы стен (в апсидах) и выступающие из плоскости стен лопатки сложены из штучного камня. В основном же стены состоят из мелкого бута на извести (рис. 11). Эта бутовая кладка с внутренней стороны здания была покрыта штукатуркой, некогда расписанной фресками.

Сходство кладки стен этого здания с кладкой херсонесской часовни очевидно. Близость этих двух памятников сказывается и в форме центральной апсиды, там и здесь пятигранной. В обоих случаях мы видим одинаковую обработку граней апсиды декоративными филенками. Наличие столь общих черт позволяет сближать оба памятника и хронологически. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, церковь в селе Лаки — «XII—XIII в., не позже». А. Л. Якобсон склонен датировать ее XIII в. Самая ранняя надпись из числа обнаруженных на стенах храма заупокойных граффити относится к 1310 г. и свидетельствует, что уже в самом начале XIV в. церковь эта существовала. Она не могла быть ранее XII в.: ее боковые апсиды расположены по бокам центральной — пятигранной. Последнее же является признаком, свойственным как раз более позднему времени,[1] и в этом смысле может служить в пользу датировки памятника XII—XIII вв.

Указанные аналогии приводят к заключению, что херсонесскую часовню 19-й куртины следует отнести также к XII—XIII вв.

Ряд особенностей часовни показывает, как решались херсонесскими средневековыми строителями некоторые технические задачи (сооружение здания возле крепостной стены на насыпи, спускающейся откосом в сторону города, использование античных строительных остатков в качестве субструкций фундамента и т. д.). Кроме того, этот памятник, в совокупности с некоторыми другими близкими ему сооружениями (Лаки, Чуфут-Кале), свидетельствует о бытовании в XII—XIII вв. в Крыму харак-

---

[1] А. И. Маркевич. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара. ИТУАК, № 29, 1899, стр. 102—101; А. Л. Бертье-Делагард. Керменчик. Одесса, 1899, стр. 27; Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 141, прим. 4. — Ср. замечание Ю. Кулаковского в экскурсе «Где находились Фуллы?» (Журнал Министерства народного просвещения, 1898, № 2, стр. 194, прим. 2). Детальному исследованию памятника посвящена статья А. Л. Якобсона в «Проблемах истории докапиталистических обществ» (1934, № 11—12).

[1] G. Millet. Les monastères et les églises de Trébizonde. BCH, vol. XIX, 1895, p. 445, 454, 455.

терной для данного периода строительной техники.

Имеющийся в наличии опубликованный материал по греко-восточному зодчеству не дает столь близких художественно-стилистических параллелей, которые позволяли бы говорить о каком-то привнесении извне определенной технической и художественной традиции, нашедшей свое проявление в группе крымских памятников средневековой архитектуры, в том числе и в херсонесской часовне 19-й куртины.

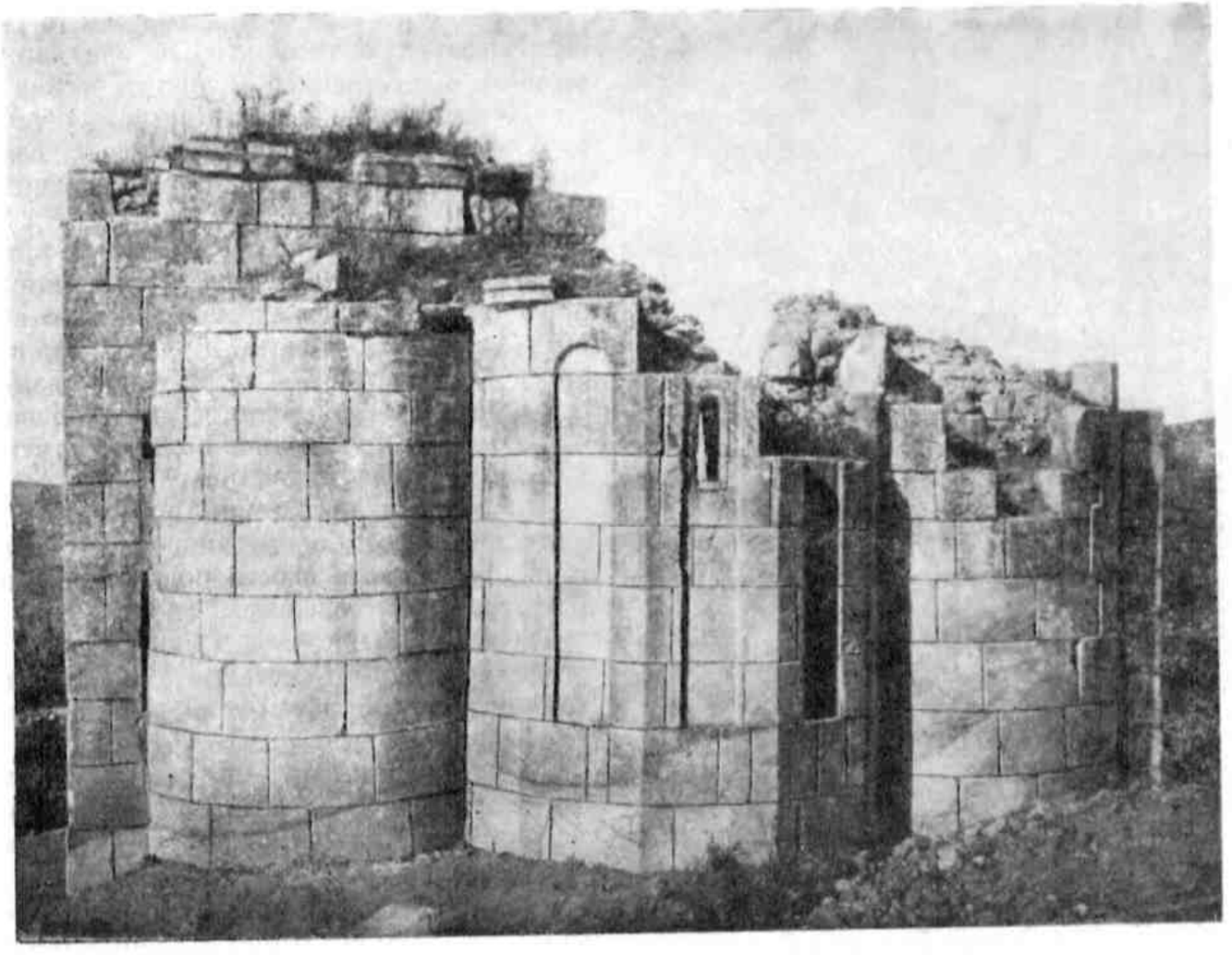


Рис. 10. Церковь Троицы близ села Лаки, общий вид с востока.

В заключение вернемся к названию часовни «базиликой Леонтия». Чтобы внести в этот вопрос полную ясность, напомним вкратце содержание того события, на котором основано такое именование постройки.

Константин Философ, как известно, остановился в Херсонесе, направляясь по поручению византийских правителей в Хазарию для пропаганды там христианства, что рассматривалось как средство для усиления культурно-политического влияния Византийской империи в северном Причерноморье. Во время своего пребывания там, в конце 50 — начале 60-х годов IX в., он предпринял розыски мощей Климента, который, согласно преданию, погиб в Херсонесе, куда был сослан римским правительством в конце I в. н. э.[1]

Кроме такого рода моральных побуждений со стороны Константина Философа, в его предприятии, повидимому, решающую роль играли обстоятельства, связанные с внешнеполитическим положением Херсонеса в первую половину IX в. На эту сторону дела обратил внимание И. Франко.[2] Дело в том,

[1] Историческая достоверность этого предания является сомнительной. См.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X в. по Р. Х. В серии «Памятники христианского Херсонеса», вып. III, 1908, стр. 14 сл.

[2] И. Франко. Сьвятий Климент у Корсуні, причинкі до історії староруської легенды. Записки наукового товариства имени Шевченка, Львов.

что положение Херсонеса в середине IX в. было, несомненно, тяжелым. Исследователями неоднократно цитировалась фраза из известного письма епископу Гаудерику от римского библиотекаря Анастасия, сообщавшего, что жители Херсонеса казались «скорее жителями тюрьмы, чем города» (non

Рис. 11. Церковь Троицы близ села Лаки, ю.-в. часть здания внутри.

tam urbis cives quam esse carceris habitatores). И. Франко связывал это с господством в Крыму хазар.[1] Херсонесское население, повидимому, жило в постоянной тревоге, не имея никакой уверенности в завтрашнем дне. Между тем Херсонес еще не утратил значения северного военно-политического опорного пункта Византийской империи. Деморализованное состояние населения делало весьма своевременным открытие мощей Климента, причисленного церковью к категории высокочтимых мучеников.

При общем крайне тяжелом положении города и при соответствующих антивизантийских настроениях населения такое «событие», как открытие мощей Климента, могло сыграть известную роль в смысле искусственного подъема народного духа.

Здесь уместно будет вспомнить слова Ф. Энгельса о том, что в средние века «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму», ибо «чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей».[1]

Конечно, мощи были найдены, хотя со времени смерти Климента, утопленного, по преданию, с якорем на шее, прошло свыше семи столетий. «Мы не будем удивляться этому открытию, — остроумно замечает И. Франко, — ибо там, где требовались такие мощи, при наличии соответствующей воли, их всегда находили».[2]

После предварительной подготовки, при деятельном участии местного духовенства, была предпринята своего рода «экспедиция» в окрестности Херсонеса, где и были произведены раскопки.[3]

Обнаруженные останки, приписанные Клименту, были затем торжественно перенесены в Херсонес.

Мощи Климента имели впоследствии ту особенность, что могли появляться везде, где они были нужны. В 867 г. они понадобились в Константинополе императору Василию — и туда была доставлена голова Климента, тело же Кирилл и Мефодий привезли в Рим — в знак единства восточной и западной церкви. Спустя сто лет Владимир привез мощи Климента на Русь, а еще позже Ярослав хвалился тем, что он сам привез климентову голову, фигурировавшую впоследствии при посвящении русского митрополита Клима Смолятича.[4]

Открытие мощей Климента и перенесение их в Херсонес подробно описано в уже упоминавшемся «Слове на пренесение мощей

1904, стр. 189—190. Ср. рецензию на исследование И. Франко Д. Спиридонова (ИТУАК, № 51, 1914, стр. 259, особенно стр. 277—278).

[1] И. Франко. Сьвятий Климент. . ., стр. 189—190.

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, 1928, стр. 73.

[2] И. Франко. Сьвятий Климент. . ., стр. 238.

[3] По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, эти «раскопки», закончившиеся «обретением мощей», происходили на островке в Казачьей бухте.

[4] И. Франко. Сьвятий Климент. . ., стр. 238.

преславного Климента»[1] и в так называемой Итальянской легенде («Vita cum translatione s. Clementis»), составленной, повидимому, епископом Гаудериком.[2] Во всех списках «Слова» при описании перенесения мощей в Херсонес указывается, что сначала они были положены в церкви Созонта, находившейся в предместье города «близ забрал суща»,[3] а затем на некоторое время перенесены в церковь Леонтия, причем из контекста видно, что в последнем случае речь идет о каком-то довольно большом храме.

При сопоставлении древних текстов с тем их изложением, которое дано Е. Э. Ивановым, становится совершенно очевидным, что последний указанные источники исказил и перепутал. Так, например, у Е. Э. Иванова указывается, что, согласно «Слову», церковь Созонта будто бы находилась на горе. Между тем в действительности в «Слове сказано, что эта церковь была близ стен («забрал») и только. Церковь Леонтия, упоминаемая в источниках без точного указания ее расположения внутри города, превратилась у Е. Э. Иванова в «храм Лаврентия на забрале». Имея столь определенное топографическое указание, им же самим созданное, автор счел возможным отождествить с этим храмом часовню, раскопанную в 1907 г. возле южной оборонительной стены.

Из всего сказанного можно заключить, что нет абсолютно никаких оснований для отождествления часовни 19-й куртины с какими бы то ни было культовыми зданиями, упоминаемыми в описаниях перенесения мощей Климента в Херсонес. Что касается, в частности, «храма Лаврентия на забрале», то таковой в источниках нигде не упоминается и является, следовательно, плодом недоразумения.

Наконец установленная выше дата часовни (XII—XIII вв.) показывает, что во времена деятельности Константина Философа эта постройка еще не существовала и уже по одной этой причине она никак не могла быть связана с событиями, от которых ее отделяет не менее трех столетий. Таким образом псевдонаучная гипотеза Е. Э. Иванова должна быть отброшена, хотя автору ее и казалось, что она может быть принята «без всякого риска и без всякой натяжки».

[1] Все известные до сих пор списки «Слова» опубликованы в следующих изданиях: И. Франко. Сьвятий Климент. . ., стр. 248—254; П. А. Лавров. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911, стр. 126—131; Кирилло-мефодьевский сборник, изданный М. Погодиным. М., 1865, стр. 319—326. Сравнительный анализ см.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х., стр. 48—56; Н. М. Никольский. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. Известия Отделения словесности АН СССР, т. I, кн. 2, 1928, стр. 408.

[2] Текст см. в «Кирилло-мефодьевском сборнике» (стр. 327 сл.) и у П. А. Лаврова (Памятники христианского Херсонеса, стр. 142).

[3] В латинском описании сказано: «. . . in templo s. Sozontis quod urbi erat contiguum».

МАНГУП

М. А. Тиханова

ДОРОС—ФЕОДОРО В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

История юго-западного Крыма в целом освещена еще очень слабо. Она сводится преимущественно к истории Херсонеса, наиболее крупного и длительно существовавшего — и в эпоху античности, и в средние века — городского центра этой части Таврики. Исторические же судьбы поселений нагорья остаются до сих пор мало изученными. Письменные свидетельства, относящиеся непосредственно к этим местам, немногочисленны, разрозненны и скудны, археологические же памятники открыты пока в недостаточном количестве. Между тем в нагорье сохранилось немалое число памятников с древнейшей поры и вплоть до позднего Средневековья, ценность которых особенно велика потому, что в большинстве случаев именно эти памятники выступают в роли единственных источников для изучения не только культуры, но и всей истории указанной территории Крыма.

Для освещения ее раннего Средневековья особенно важны археологические памятники переходной поры от античности к Средневековью (могильники и поселения); опираясь именно на них, можно приблизиться к решению ряда существенных вопросов, пока еще остающихся без определенного ответа. К таким вопросам в первую очередь относятся вопрос о культуре юго-западного Крыма в раннее Средневековье и вопрос об этническом составе местного населения. В прямой связи с ними займет действительно соответствующее ему место и чрезмерно раздутый, либо сознательно запутанный некоторыми историками так называемый «готский вопрос» (т. е. вопрос об общем удельном весе и о культурном значении той группы готов, которая задержалась в Крыму с IV в. н. э.).

Ввиду сказанного весьма важно систематическое исследование раннесредневековых поселений крымского нагорья и их могильников. К сожалению, более или менее систематическому раскрытию подверглось только укрепленное поселение Эски-Кермен (в 1928—1937 гг.);[1] небольшие по сравнению с размерами всего городища раскопки были проведены на плато Мангуп,[2] остальные же археологически весьма интересные пункты (Инкерман, Сюрень, Чильтера, Шулдан, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла, бóльшая часть Мангупа и нераскрытые части Эски-Кермена) еще ждут своего исследования.

Большинство перечисленных поселений обычно называют пещерными городами. Такое условное их обозначение правильно только отчасти, так как с пещерными помещениями — культового, хозяйственного или жилищного назначения — все они сочетают и многочисленные наземные сооружения: жилые дома, общественные здания, оборонительные укрепления.

---

[1] Отчеты о раскопках на плато Эски-Кермена за 1928—1929 гг. см.: Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932; за 1931—1933 гг. см.: Изв. ГАИМК, вып. 117, 1935; за 1936—1937 гг. материалы не опубликованы, хранятся в Архиве ИИМК АН СССР.

[2] Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. (Предварительное сообщение). ИАК, вып. 47, стр. 73—79; он же. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. (Второе предварительное сообщение). Там же, стр. 146—154.

«Пещерным городам» посвящена довольно значительная литература.[1] Ее обозрение можно начать с труда Мартина Броневского, посла польского короля Стефана Батория к крымскому хану.[2] Этот путешественник и дипломат оставил подробное описание Инкермана, Херсонеса, Чуфут-Кале и Мангупа, какими он видел их в 70-х годах XVI в. В конце XVIII в., после присоединения Крыма к России, здесь была проведена топографическая съемка, сделаны карты и планы (в частности — план Мангупа 1775 г.). Материалы эти остались неопубликованными.

Много сведений о Крыме и об его пещерных городах дали записи путешественников конца XVIII—первой половины XIX в. Выдающимся из них является труд акад. П. Палласа,[3] посетившего Крым в 1794 г. Паллас дал точное описание, верные рисунки и осторожные суждения. Его работа до сих пор сохраняет свое значение для археолога. Не меньший интерес представляет и труд Дюбуа де Монпере,[4] в котором он дал подробное описание всего виденного им в Крыму с приложением альбома рисунков.

Наряду с фантастическими умозаключениями (например о финском происхождении первых обитателей Крымских гор), ряд суждений автора представляет несомненный интерес и в значительной мере подтверждается современными выводами исторической науки, в частности в отношении системы укреплений, сооруженных в Крыму Юстинианом, и местонахождения древнего Дороса, который Дюбуа отождествляет с Мангупом. «Думают, — говорит Дюбуа, — что столица готов — Дорос или Феодоро была в Инкермане. Это предположение почти невозможно. Мангуп — самое неприступное место в Крыму. Не подлежит сомнению, что именно здесь была столица готов с архиепископской кафедрой».[1] «Длинные стены», которые сооружал, по Прокопию, Юстиниан для защиты готов, есть цепь пещерных городов-крепостей с Мангупом в центре.[2]

Большую ценность для изучения истории крымского нагорья и, в частности, для изучения истории его укреплений имеет вышедший в 1837 г. «Крымский сборник» акад. П. Кеппена, в котором подводятся итоги всему, сделанному до того по истории средневекового Крыма. Кеппен правильно объясняет укрепления крымского нагорья: «Вместе составляли (они) общую, систематическим порядком устроенную охрану». «Длинные стены» Юстиниана I Кеппен видит в системе горных городов-крепостей.[3]

В середине XIX в. делаются первые попытки археологического изучения нагорья А. С. Уваровым. Последний провел незначительные раскопки на Мангупе (в 1853 г.), сделал обмеры, составил глазомерные планы и рисунки Чуфут-Кале, Сюрени, Тепе-Кермена и Мангупа.[4] Раскопки на плато Мангупа были продолжены в 1890 г. (Ф. А. Брауном) и в 1912—1913 гг. (Р. Х. Лепером).[5]

Говоря о работах предреволюционного периода, нельзя обойти молчанием А. Л. Бертье-Делагарда. Военный инженер по специальности, большой знаток крымской старины, он много занимался историко-археологическим изучением Крыма и ряд

---

[1] См. обзор литературы в статье: В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 7—29. Отсылая к работе В. И. Равдоникаса, нельзя не указать, что, давая достаточно полный историографический обзор, она, в основной своей исследовательской части, содержит серьезные ошибки. Равдоникас развивал в ней теорию стадиальности и гипертрофированного автохтонизма, неномерно к тому же преувеличивая значение готов — «готской стадии», с которой он связывал становление в Крыму феодализма. Работа В. И. Равдоникаса оказала заметное воздействие на ряд крымских исследователей, в том числе на Е. В. Веймарна, С. Ф. Стржелецкого и др.

[2] Martini Broniovii Tartariae descriptio. Colonia, 1595. Русский перевод в: ЗООИД, т. VI, 1867 (о Мангупе см. на стр. 343—344).

[3] P. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Staathalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793—1794. Leipzig, 1799—1803. Русский перевод в: ЗООИД, т. XII, 1881 (о Мангупе см. на стр. 123 и 132—135).

[4] Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. . . et en Crimée, avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique. . ., t. I—VI. Paris, 1839—1843, p. 272—286.

[1] Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. . ., t. VI. 1843, p. 286.

[2] Там же, стр. 225—226.

[3] Н. Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 61.

[4] Не изданы, за исключением рапортов министру уделов А. С. Уварова об его работах в Крыму (А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. III. М., 1910).

[5] Подробности о раскопках см. ниже, стр. 335—336.

работ посвятил пещерным городам.[1] Уже в первой своей работе[2] он настаивал на необходимости систематического их исследования, точной фиксации, производства обмеров, топографической съемки, безукоризненного описания и технологического изучения. Сам Бертье-Делагард дал описание Инкерманской крепости с точки зрения строительной техники и фортификации. Кроме того, им был собран огромный материал по нагорью, который, однако, остался в значительной мере неопубликованным.[3]

Систематическое обследование и изучение археологических памятников крымского нагорья были начаты уже в советское время. Особенно много в этом направлении было сделано Севастопольским музеем краеведения, силами юных краеведов; ими проделана очень большая разведочная работа по обследованию и фиксации памятников нагорья. Наряду с севастопольскими краеведами работы вели Центральный музей Тавриды и Бахчисарайский музей, специально работавший на Чуфут-Кале. С 1928 г. начались систематические раскопки на плато Эски-Кермена, проводившиеся Государственной Академией истории материальной культуры совместно с музеями (1928—1929), а затем специальной археологической экспедицией ГАИМК (1933—1937). Работы эти дали ценные результаты, вскрыв существование на плато Эски-Кермена крупного средневекового поселения, начало жизни которого восходит еще к концу V—VI вв., а конец — падает на рубеж XIII—XIV вв. К сожалению, в результате этих работ некоторые исследователи поторопились неправильно противопоставить ранний Эски-Кермен якобы позднему Мангупу и в Эски-Кермене неосновательно стали искать столицу древней «Готии». В то же время забытым остался крупнейший центр средневекового Крыма—Мангуп, к археологическому исследованию которого обратились лишь в 1938 г., не продолжив его, однако, в последующие годы. Мало внимания обращалось и на другие укрепленные поселения нагорного Крыма и ранние могильники и поселения.

После окончания Великой Отечественной войны систематические работы в нагорье были продолжены. Проводятся они Музеем пещерных городов совместно с Сектором истории и археологии Крымского филиала Академии Наук СССР. Работы эти уже дали важные материалы для освещения истории и культуры крымского нагорья переходной поры и периода раннего Средневековья, но еще не опубликованы.

Как видим, литература, касающаяся исторических памятников крымского нагорья, очень невелика. Но и этой литературой можно пользоваться только с учетом допускавшихся многими исследователями истории средневекового Крыма серьезных теоретических ошибок, критике которых дала толчок сессия по истории Крыма, организованная Отделением истории и философии Академии Наук СССР совместно с Крымским филиалом Академии Наук СССР в мае 1952 г. в Симферополе.[1]

Если письменные источники проливают весьма скудный свет на историю нагорья юго-западного Крыма в первые века нашей эры и в период раннего Средневековья, то и археологические памятники, которые выступают в этом вопросе в качестве основного, а подчас и единственного источника, дают немногим больше, так как они изучены пока чрезвычайно слабо. Рассмотрим эти памятники.

В нагорье уже относительно давно был выявлен, главным образом случайно, ряд грунтовых могильников[2] первой половины I тысячелетия н. э., разнообразных по форме погребальных сооружений и по погребальному обряду, а также могильников

---

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918; он же. Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде. Там же, вып. 57, 1920.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. ЗООИД, т. XIV, 1886, стр. 166—279.

[3] Хранился в Архиве Областного краеведческого музея в Симферополе (б. Центрального музея Тавриды) и погиб во время немецкой оккупации Крыма.

[1] См.: Б. А. Рыбаков. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Крымиздат, 1952; его же. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада. . .; П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада. . .; Б. Д. Греков. О некоторых вопросах истории Крыма. Известия, 4 июня 1952. № 131 (10894).

[2] Лишенные каких-либо внешних опознавательных знаков на поверхности, эти грунтовые могильники могли быть обнаруживаемы каждый раз чисто случайно.

середины и второй половины I тысячелетия (типа нижнего яруса погребений Суук-Су).[1] Правда, большинство из них не подвергалось систематическому исследованию. Исключение составляют Инкерманский и Чернореченский могильники II—IV вв. Первый начат исследованием крымскими археологами в 1940 г., продолжен в 1948 г., второй — в 1950 г. Результаты их раскопок, в основном, еще не опубликованы. Но даже и те немногие данные, которыми мы располагаем в отношении упомянутых могильников,[2] в сочетании с материалами, добытыми раскопками 1938 г. на плато Мангупа, позволяют установить: 1) достаточно густую заселенность районов юго-западного Крыма в первой половине I тысячелетия н. э.; 2) смешанность его населения;[3] 3) тесные его связи с прибрежными поселениями, прежде всего с крупнейшим центром юго-западного Крыма — Херсонесом.

Объяснение этому мы найдем в бурных событиях, происходивших на территории Крыма в III в. н. э., когда началось широкое наступление дружин центрально- и восточноевропейских племен на дунайские провинции Римской империи и на прибрежные черноморские города. В этом движении, которое получило в истории наименование «великое переселение народов», а самые походы — «готские», или «скифские» походы, участвовали собственно готские, т. е. восточногерманские, элементы. В него включились и отряды племен северного Причерноморья и более глубинных территорий восточноевропейской равнины в бассейнах южного Буга, Днестра и Днепра, в том числе и славянские, а также племена степных пространств Днепровско-донского междуречья. К середине III в. (в 40—50-х годах) смешанные отряды организовавшегося в то время в низовьях Днепра военного объединения — союза остроготов — направились вдоль побережья Черного моря на восток, к берегам Меотиды, в пределы Боспорского царства. Какая-то часть этих отрядов, повидимому немногочисленных, в составе которых были собственно готы, а возможно и бораны,[1] направилась в Крым, где, вероятно, и удержалась в юго-западной части крымского нагорья. Достаточно быстро усвоив культуру местного тавро-скифского населения крымских предгорий и степей и смешавшись с местным населением, эти отряды осели, надо полагать, не только в горах и предгорьях, по берегам рек (Качи, Бельбека и Черной), но продвинулись также и к морскому побережью, на южный берег Таврики. Здесь они пришли в соприкосновение с аланами восточных районов Яйлы и восточной части южного берега полуострова.

---

[1] См. краткую характеристику и описание могильников в статье: Г. И. Моосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА, VIII, 1950, стр. 113—120 (Сводка составлена по материалам Н. И. Репникова).

[2] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, стр. 283—302. Краткое упоминание со ссылкой на «Предварительный отчет Е. В. Веймарна о работах археологической экспедиции 1950 г.» см.: П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951, стр. 48 и 223.— Там же опубликованы некоторые находки из Чернореченского могильника: кувшин, круглая фибула с эмалью и лунница (рис. 18—20). См. также: Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. Вопросы истории, 1952, вып. 4, стр. 96.

[3] Наряду со старым тавро-скифским населением в первые века нашей эры в нагорном Крыму отмечаются в заметном числе и сармато-аланские элементы. Об этом отчетливо говорят захоронения Чернореченского и Инкерманского могильников — самые погребальные сооружения (подбойные могилы), погребальный обряд и сопровождающий погребенных инвентарь. В то же время около половины вскрытых в Чернореченском могильнике захоронений составляют трупосожжения «в урнах» — амфорах и сосудах, которые в своих формах и обработке поверхности хранят старые, местные традиции, восходящие к кизыл-кобинской культуре. Трупосожжения аналогичного типа широко известны в III—IV вв. в Херсонесе, Харакса и других античных центрах Крыма; они не имеют ничего общего с захоронениями полей погребений, с которыми их сближает Е. В. Веймарн (см.: Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. Вопросы истории, 1952, вып. 4, стр. 96; П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, стр. 48). Подробное ознакомление с материалами обоих могильников (хранятся в Музее пещерных городов, в Бахчисарае) показало, что они не содержат находок, «поразительно близких раннеславянской культуре Среднего Поднепровья» (Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, там же). Исключение составляет, в сущности, только одна типично черняховская трехручная миска из погребения № 37 Инкерманского могильника, но и она принадлежит погребению в подбойной могиле, т. е. явно не славянскому, хорошо датируемому к тому же не III, а IV в. Таким образом, и Инкерманский могильник не может быть признан бесспорным свидетелем пребывания славян в Крыму в III в. Он указывает лишь на связи местного населения с носителями культуры полей погребений.

[1] Повидимому, одно из лугийских племен. В общем движении на юго-восток, к берегам Черного моря, дружины боранов продвинулись до Меотиды.

Количественно эти смешанные отряды пришельцев были невелики. Часть их, дойдя до берегов Дона и Меотиды и подойдя к пределам Боспорского царства, западные границы которого простирались до Феодосии, разрушила лишь некоторые из северо-западных его форпостов, в частности Танаис, и несколько мелких поселений. Проникнув затем в ближайшие окрестности самого центра Боспора, Пантикапея, найдя поддержку среди широких масс боспорского населения и получив даже возможность использовать боспорский флот для морских походов (в 256—257 гг.), отряды пришельцев тем не менее не смогли подчинить себе Боспор. Последний сохранил свою политическую независимость и даже удержался в прежних территориальных границах. Status quo оставался, повидимому, и в Херсонесе, находившемся тогда в политической зависимости от Рима, который и удержал здесь свой гарнизон. Более того, можно предполагать, что осевшие в нагорье отряды варваров не только не вступили во враждебные отношения с Херсонесом, но, наоборот, установили с ним мирные связи. Свидетельством этому, думается, являются могильники смешанного характера в предгорьях по берегам Качи, Бельбека и Черной речки (Чернореченский могильник), а также следы поселения III—начала IV в. на плато Мангупа, открытые раскопками 1938 г., в составе инвентаря которых постоянны изделия херсонесского производства и даже малоазийские (керамика, стекло, металлические предметы), поступавшие из мастерских Херсонеса или через его посредство. Об этом же говорят и письменные источники, несколько более поздние, в которых готы выступают в качестве федератов империи.

В 70-х годах IV в. остроготский союз был разгромлен гуннами. Часть племен, входивших в состав готского союза, вошла в состав гуннской «державы», часть же оставалась вне ее. В своем первом наступлении на запад гунны двигались, повидимому, севернее; крымское нагорье оставалось вне главной линии движения кочевников и потому не подверглось тому страшному разрушению, которое испытали восточные районы Крыма.

События, происходившие в эти годы в крымском нагорье и на юго-западной окраине Таврики, на периферии Херсонеса, не нашли своего отражения в современных им письменных источниках. Отклики их мы найдем несколько позже, в известиях V и особенно VI в. Так называемый Псевдо-Арриан (Безыменный перипл V в.) определяет население Таврики к западу от Феодосии как тавро-скифское, соседями которого с востока выступают аланы или тавры. Тавро-скифы, в представлении Арриана, занимали все южное побережье Крыма, заходя на восток до прилегающих к Феодосии местностей, поскольку гавань Афинеон (предположительно современный Судак) он называет также тавро-скифской, а местное название Феодосии, древнего эллинского города, тогда уже разрушенного, приводит в его звучании «на аланском или таврском языке» — Ардабда, что значит «Семибожное». «Западнее Прекрасной Гавани в земле Херсонесской все пространство к западу до Истра занято скифами».[1] Что же касается готов, то Арриан упоминает о готском или таврском языке только в связи с готами-тетракситами, т. е. не с крымскими готами, а с населением прибрежной полосы Таманского полуострова и северных районов восточного побережья Черного моря — евдуспанами.

Название Дорос (Дори) впервые встречается в источниках VI в. Понтийский город (oppidum Ponticum) Дорос (Doros) известен знаменитому ученому грамматику Присциану.[2] Страну Дори (Δόρι) на том же побережье Понта (χώρα κατὰ τὴν παραλίαν) упоминает в одном из своих трудов («О постройках») Прокопий Кесарийский.[3] Позднее, в источниках конца VII в., Дорос выступает уже в качестве церковно-административной единицы.[4] Наконец в русской версии жития апостола Андрея упоминается о «земле готов», о «городе готов».[5] Говоря о постройках, воздвигнутых Юстинианом

[1] Псевдо-Арриан, ВДИ, 1948, № 4 (26), стр. 235.

[2] Priscianus. Grammaticus. Institutiones grammaticae. . ., VI, 1. Изд. Hertz. Grammatici latini. Leipzig, Bd. II, 1855.

[3] De aedificiis, III, 7. Изд. Haury. Leipzig, Bd. III, 1905, S. 101. Русский перевод: ВДИ, 1939, № 4, стр. 249—250.

[4] В актах Трульского пято-шестого собора в Константинополе 692 г. встречается подпись Георгия епископа Херсонеса и (?) Доранта: Γεωργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόρατος см. Mansi. Sacrorum conciliorum. . . collectio, 1759—1767, t. XI, p. 992.

[5] В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, 1909, стр. 279 и 282.

на северном побережье Понта Евксинского и, в частности, в Крыму (в земле тавров), Прокопий сообщает: «Здесь же на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с ромеями, отправлялись вместе с ними в поход, когда ромеи шли на своих врагов, всякий раз, когда императору было это угодно. Число их простирается до трех тысяч... Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов».[1]

Под именем Дори, как уже сказано, Прокопий разумеет не отдельный город, а всю область, землю (χώρα) готов, включая в нее собственно морское побережье и нагорье — отроги Чатырдага и второй гряды Крымских гор. Что касается незначительной численности упоминаемых Прокопием готов, то можно полагать, что Прокопий имеет в виду не все население, а лишь тех воинов, которых население крымского нагорья — этнически неоднородное — должно было поставлять империи в виде вспомогательных военных отрядов.

Что касается длинных стен, которыми император, по словам Прокопия, заградил наиболее уязвимые места в стране готов, т. е. очевидно горные проходы, то, как уже отмечено (Дюбуа, Кеппеном и др.), это та цепь горных укреплений, крепостей, которая опоясывает вторую гряду Крымских гор и запирает горные проходы. Возможно, что Прокопий называет эти укрепления длинными стенами, а не просто крепостями, не случайно, но чтобы избегнуть противоречия с собственными словами, которыми он характеризовал образ жизни населения страны Дори, утверждая, что оно не терпит быть заключенным в стены и потому император не строил там ни городов, ни крепостей. Нельзя в то же время не обратить внимания на самую планировку «длинных стен» — этой настоящей пограничной линии, «таврического лимеса» (limes tauricus). Совокупность крепостей нагорья образует две линии обороны. Первая вытянута с запада на восток (Мангуп-Кале — древний Дорос, Эски-Кермен, Шулдан, Чильтера, Инкерман) и закрывает крупнейшие горные проходы, опираясь в то же время на р. Черную и на берег моря. Вторая линия укреплений, перпендикулярная к первой, направляется с юго-запада на северо-восток (Сюрень на р. Каче, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале — древние Фуллы и вынесенная в степь Бакла). Обе эти линии защищают территорию Херсона[1] и его ближайшей периферии с одной стороны от кочевников степей, с другой — от нападений с восточной части полуострова. Весьма вероятно, что этой небольшой территорией и ограничивались собственно византийские владения в Таврике. Начало сооружения этого лимеса восходит, вероятно, еще ко временам доюстиниановским, но ее усиление связано со строительной деятельностью юстиниановой империи.

Как известно, эта пограничная линия выполняла функции не только военной обороны, но и идеологического наступления; о такой ее роли выразительно говорит одновременное со стенами строительство храмов (базилика с крещальней и октогональный в плане храм на Мангупе, базилика в Эски-Кермене).

Население Горного Крыма, центром которого был древний Дорос, как уже упомянуто, выступает в качестве так называемых федератов, поставлявших вспомогательные отряды, т. е. было обязано военной службой по требованию императора в случае военной опасности. Нет сомнения, что, подобно другим федератам, крымские «готы» представляли весьма пестрый конгломерат и состояли из представителей различных племен местного таврo-скифского и сармато-аланского населения, в составе которых были и собственно готы, культурно уже ассими-

[1] Прокопий, ук. соч., стр. 259—260.

[1] В отношении названия Херсонеса—Херсона—мы будем придерживаться исторической последовательности, согласно которой в античности город назывался исключительно Херсонесом, а в средние века — только Херсоном.

лированные окружающим населением. За службу в качестве федератов они получали определенную территорию, которую им предоставляла империя. Именно этим их состоянием объясняется, что и в VI в. они продолжали быть в зависимости от Византии, в тесных связях и союзе с Херсоном — крупным центром и политическим форпостом империи в Крыму.

Что касается локализации древнего Дороса (Дори, Феодоро) средневековых источников, то в этом вопросе был выдвинут ряд гипотез. Еще в XVIII в. Тунманом было высказано мнение, что средневековый Феодоро находился на месте современного Инкермана.[1] Эта точка зрения оставалась господствующей вплоть до появления в 1866 г. работы Ф. Бруна, выступившего с новыми мыслями по вопросу о местонахождении Дороса.

Ф. Брун убедительно доказал, что средневековый Феодоро находился не в Инкермане, а на плато Мангупа, на месте Мангуп-Кале. Вопрос стали считать решенным. Однако после открытия в 1871 г. развалин храма в Партените, возобновленного, как гласит открытая в нем надпись, в 1427 г. митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом, было выдвинуто утверждение, что древний Феодоро находился в Партените. Это отождествление не встретило поддержки, и вплоть до конца 20-х годов XX в. все исследователи единогласно признавали, что Мангуп и есть древний Дорос — позднейший Феодоро. Следует к тому же напомнить, что в одной из надписей,[2] найденных на плато Мангупа, упоминается «крепость Феодоро» κάστρου Θεοδόρου).[3]

Тождество Дороса—Феодоро—Мангупа, казалось, было твердо установлено и не вызывало сомнений. Тем не менее, в 1928 г. Н. И. Репниковым, при поддержке В. И. Равдоникаса и некоторых историков, было выдвинуто утверждение, что остатками Дороса являются развалины на плато Эски-Кермена, тогда как на плато Мангупа имеются будто бы лишь остатки средневекового Феодоро, возникшего как центр данной области только после X в.[1] Утверждение, что древний Дорос есть Эски-Кермен, и одновременное отрицание наличия раннего поселения на плато Мангупа быстро получили широкое признание и прочно вошли как в специальную археологическую и историческую литературу, так даже и в учебные пособия и учебники.[2] Мысль о том, что древний Дорос — это Эски-Кермен, укрепилась настолько прочно, что мы находим ее не только в довоенных работах, в том числе и зарубежных, но и работах советских историков Крыма в самые последние годы,[3] а также в музейных экспозициях.[4]

Но раскопки, проведенные на плато Мангупа в 1938 г., полностью опровергли утверждение Н. И. Репникова о поздней дате поселения на Мангупе и показали всю неправомерность противопоставления Эски-Кермена якобы позднему Мангупу. Таким образом Мангупу было возвращено его, ранее никем не оспаривавшееся, значение крупнейшего центра нагорья — древнего Дороса. Раскопки подтвердили и раннюю дату (конец V—начало VI в.) мангупской базилики, установили наличие на плато ранних, синхронных, с одной стороны, с комплексом базилики, а с другой — с крепостными сооружениями в других пунктах нагорья, участков оборонительных стен,[5] в возведении которых несомненно участие византийских мастеров.[6] Более того, на

---

[1] Thunmann. Die taurische Staathalterschaft oder der Krim. В издании A. F. Büsching. Die grosse Erdbeschreibung. 8-te Aufl., 1787, 1. S. 1185—1217.

[2] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, № 47.

[3] В статье В. Н. Дьякова, посвященной развалинам Ай-Тодора, была предположена локализация средневекового Феодоро на мысе Ай-Тодор. Но эта гипотеза не нашла, да и не могла найти поддержки: никаких сколько-нибудь серьезных доводов в пользу выдвинутого В. Н. Дьяковым толкования привести невозможно (В. Н. Дьяков. Ай-Тодор. Ялта, 1930).

[1] «Место древнего Дороса на плато Эски-Кермена» (см.: Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 134).

[2] Например в учебник истории средних веков для вузов под редакцией А. Д. Удальцова, О. Л. Вайнштейна и Е. А. Косминского.

[3] П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, стр. 37.

[4] Например в Музее пещерных городов (Бахчисарай), 1951 г.

[5] См. ниже стр. 334, 419, а также: А. Л. Якобсон. О раннесредневековых стенах Мангупа. КС ИИМК, вып. XXIX, стр. 55—63.

[6] Наблюдается исключительное сходство в планировке, строительных приемах и формах крымских крепостных сооружений юстиниановского времени с крепостными комплексами того же времени на западном побережье Черного моря и на нижнем Дунае (в Томах — нынешней Констанце,

мангупском плато, на участке, непосредственно примыкающем к базилике, раскопками обнаружены следы существования поселения, более раннего, чем крепостные стены и храмовые сооружения. Оно возникло в III в. н. э. и продолжало жить в IV и на рубеже IV—V вв.[1]

Огромная площадь плато окружена оборонительными стенами. Мангупская базилика в полтора раза превышает по своему размеру базилику в Эски-Кермене и равна наиболее обширным базиличным храмам Херсонеса; к тому же она сопровождена специальной крещальней. Вспомним о существовании на плато Мангупа еще одного синхронного базилике храма — октогонального. Все это свидетельствует о том, что на плато Мангупа были крупный военный и политический центр нагорья и центр христианизации, о том, что именно на плато Мангупа находился древний Дорос, он же понтийский город Приципана и центр области Дори Прокопия.

Выбор места для устройства именно здесь опорного пункта империи в «варварской» земле определился, очевидно, не только исключительно удобным в военном отношении местоположением Мангупского плато, с которого просматривается вся окружающая местность на восток и на север, но и тем, что здесь, как уже сказано, еще в III в. существовало поселение, находившееся в тесных связях с Херсонесом. Об этом свидетельствуют упоминавшиеся выше находки отдельных предметов херсонесского происхождения и весь облик материальных остатков той поры. Более того, в кладке стен базилики (северная стена) встречено типичное для конца II—начала III в. надгробие, несомненно херсонесского происхождения, с рельефным изображением стоящей в рост мужской фигуры. О непрекращавшихся связях с Херсонесом говорят находки здесь амфор позднеримских типов (не ранее IV в.) и медной монеты императора Аркадия (395—408).[2]

Из вышеприведенного обзора исторических сведений о раннем периоде существования Дороса видно, что в VI в. как сама область, так и ее главный городской центр переживали известный подъем, связанный с политической и экономической заинтересованностью сильной тогда Византийской империи в сохранении ее владений в Таврике. К этому периоду расцвета поселения на Мангупе относятся крупные сооружения, среди которых одно из первых мест принадлежит замечательной Мангупской базилике, явившейся объектом раскопок 1938 г. Однако и сам город и его здания не могли продержаться неприкосновенными в последующие века, когда Крым был ареной действия попеременно появлявшихся здесь кочевников. Если в 70-х годах VI в. они, по свидетельству одного из византийских историков, взяли на короткий, повидимому, срок Боспор,[1] то с конца VII в. кочевники уже достаточно прочно проникли в Крым, причем не только в восточную его часть, но и в западную. Речь идет о крупном, хотя и примитивном и паразитарном по источникам своего существования, хазарском каганате. Четкую картину хазарского влияния в Крыму до сих пор не удалось воссоздать ни с помощью письменных, ни с помощью имеющихся археологических источников. Надо отметить, что одно время хазары, возможно, были либо в союзе с Доросом, о чем глухо упоминают византийские писатели начала IX в. Феофан и Никифор [2] в рассказе о похождениях развенчанного Юстиниана II в Крыму (в конце VII—начале VIII в.), либо даже его временными хозяевами (около 787 г.). Об этом, правда, также не вполне отчетливо, повествуется в житии епископа Иоанна Готского.[3] В этом источнике упоминается «крепость Дорос» (τὸ κάστρον τὸ λεγόμενον Δόρος — в гл. 5), иначе «крепость Готии» (τὸ κάστρον τῆς Γοτθίας — в гл. 9). Таким образом выступают два названия: «Дорос» для укрепленного центра и «Готия» для всей области; упомянуты также «господин» или «повелитель Готии» (ὁ κῦρ τῆς Γοτθίας — в гл. 5) и «обитатели Готии» (οἱ τῆς Γοτθίας —

в Истре, в Ульметуме). Это сходство заставляет считать более вероятным непосредственное участие в указанном выше строительстве и византийских мастеров, а не только херсонесских строительных артелей, как это полагает А. Л. Якобсон (см. его статью в КС ИИМК, вып. XXIX, стр. 55—63).

[1] См. ниже, стр. 387.

[2] См. ниже, стр. 362, 387.

[1] Менандр, §§ 43 и 45. Изд. Dindorf. Historici graeci minores, Bd. II, 1871, S. 89—90.

[2] Theophanis Chronographia. Изд. de Boor, t. I, 1883, p. 372—373; Nicephori. Breviarium. Изд. de Boor, 1880, p. 40—42.

[3] См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, 1912, стр. 397—398 и 406—425. Житие Иоанна Готского.

в гл. 2). Иоанн был «епископом Готии». Следует резко подчеркнуть, что как для VII—VIII вв., так и для более позднего времени название «Готия» имело отнюдь не этническое, а исключительно географическое значение, обозначая собой территорию юго-западного нагорного Крыма и его южное побережье.

Столь заметное в Византии иконоборческое движение отразилось и в Крыму. Таврика стала оплотом иконопочитания. Здесь крепнет церковь, возникают монастыри. Повидимому, надо считать, что к этому времени относится начало сложения в Крыму феодальных отношений, хотя конкретного изучения явлений, свидетельствующих о первичных признаках зарождающегося феодализма, еще не проводилось, так как для исследовательской разработки этого вопроса материал письменных источников и материал археологический слишком скуден.

Археологический материал из раскопок 1938 г. в Дороссе, как упомянуто выше, отражает взаимоотношения его населения с соседями, а также проникновение на территорию Дороса новых, чуждых его прежнему населению элементов или, во всяком случае, установление новых культурных связей.

Такой массовый материал, как керамика, для периода V—VII вв. отчетливо раскрывает уже известные нам тесные связи Дороса с Херсонесом, обнаруживая и чрезвычайно близкие херсонесским формы керамики, а также посуду, сделанную в самом Херсонесе. В то же время в слое пожарища базилики, а также над ним встречаются, хотя и в относительно небольшом числе, типично салтовские формы — обломки круглодонных амфор салтовского типа, однoручных кувшинов с эпохоевидным горлом и с впадинкой в месте прикрепления ручки у венчика. В этом можно усматривать отражение более или менее постоянных и тесных связей с районами восточного Крыма и даже со сравнительно отдаленными областями северного Причерноморья.

Нельзя не отметить и аланский облик погребальных памятников Мангупа—Дороса—каменных гробниц, сложенных из поставленных на ребро подтесанных плит, широко распространенных в нагорье,[1] на южном берегу Крыма и в восточной его части,[1] а также на Черноморском побережье Кавказа.[2]

В IX—X вв. в Крыму появляются новые кочевники, проходящие по южнорусским степям — венгры-мадьяры, печенеги. Их приход нанес сильный удар уже терявшему к этому времени свое могущество хазарскому каганату. Тем более не смог каганат противостоять той новой силе, которая выросла тогда в среднем Поднепровье — Киевской Руси. Вступившее на путь объединения славянских племен восточной Европы и освобождения тех из них, которые были в даннических отношениях к хазарам, древнерусское государство уже в первой половине IX в. организовало походы в Крым[3] и в Малую Азию,[4] в начале X в. — на южное побережье Каспийского моря, а во второй половине X в. разгромило хазарский каганат. Византия дважды испытала силу русского оружия — в 860 и 907 гг. и вынуждена была заключить выгодный для Руси мир. Только после неудачного похода на Константинополь Игоря в 941 г. константинопольскому правительству удалось заключить в 944 г. мирный договор, по которому киевский князь обязывался не трогать византийских владений в Крыму и защищать Херсон от нападения черных болгар. X век завершился походом русских в Крым, когда в 989 г. киевский князь Владимир взял Херсон. Известия об этом крупном событии в жизни юго-западного Крыма, однако, ничего не говорят о движении русских в крымское нагорье и не упоминают, в связи с походом Владимира, ни о Дороссе, ни о Мангупе.[5] Повидимому, поход русских

---

[1] Гробницы в могильниках Скеля, Биюк-Мускомьи, Инкермана, Эски-Кермена и др.

[1] В Суук-Су (верхний ярус), Планерском (б. Коктебель), Алуште, Партените, Тиритаке, Керчи.

[2] В Агойском и Борисовском могильниках и в памятниках салтовской культуры.

[3] Поход князя Бравлина в 30-х годах IX в. на Крымское побережье «от Корсуня до Корча» и взятие им Сурожа. См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. III. 1915, стр. CCLXIX—CCLXX. Введение в житие Стефана Сурожского.

[4] На город Амастриду, до 842 г. См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. III, 1915, стр. CVIII—CXLI. Введение в житие Георгия Амастридского.

[5] В середине X в. можно предполагать употребление именно этого наименования древнего Дороса, так как оно стоит в перечислении географических названий, приводимом в так называемой еврейско-хазарской переписке (см.: П. К. Коковцев.

в Таврику в 989 г. не коснулся Дороса.[1]

Исторические источники следующего периода — с середины XI до начала XIII в. — еще меньше освещают судьбы крымского нагорья и особенно самого Дороса. Письменные источники на этот счет почти полностью молчат. Археология пока тоже не дает достаточных материалов для того, чтобы сколько-нибудь полно осветить этот период, тем более внутреннюю, социальную историю нагорья. Остается нераскрытым и этнический облик населения Дороса—Феодоро. Несколько иначе обстоит дело с Эски-Керменом, результаты раскопок которого рисуют это поселение как типичный средневековый город с развитым ремеслом, в первую очередь металлургическим и гончарным, связанный в то же время с ближайшей земледельческой округой. Его городские кварталы, его жилые комплексы близки по планировке и конструкции с жилыми комплексами Херсона, с которым он связан и культурно, и экономически.[2] Быт городского населения выясняется не только через жилища Эски-Кермена, но и через могильники с простыми грунтовыми могилами, в которых покойники положены иногда в деревянных гробах, а иногда и без всяких гробниц; бедность, убогость этих захоронений свидетельствует о принадлежности их массовому населению города.[3]

Аналогичные погребения, притом синхронные (XI—XIII вв.), вскрыты и на небольшом участке некрополя у базилики на Мангупе и в ряде мест на южном берегу Крыма (в Алуште, в Отузах). Они достаточно полно характеризуют единообразие социально-экономического уровня населения Таврики в эту пору, но мало говорят об его этническом лице.

Начало этого периода (середина XI—начало XIII в.) — время господства в степях Причерноморья половцев. Есть некоторые основания предполагать, что и юго-западный Крым находился у них в какой-то зависимости и одно время уплачивал им дань. Правда, узнаем мы об этом из позднейшего источника, а именно из донесения Вильгельма Рубрука, посланного в 1253 г. французским королем Людовиком IX в ставку великого монгольского хана в Каракорум. Рубрук сообщает, что между Херсоном и Солдайей (Судаком) существовало сорок за́мков. «На этой равнине (в степях за горами) до прихода татар[1] жили команы (половцы) и заставляли вышеупомянутые города[2] и за́мки платить им дань».[3]

В юго-западном Крыму в это время возникает ряд небольших феодальных княжеств, которые экономически и политически группируются вокруг Херсона.[4] Одним из них является Феодоро, с центром в Мангупе. Позднее, в конце XIII в. и особенно в XIV в., в условиях начавшегося экономического и политического упадка Херсона, эти княжества тяготеют уже к восточному Крыму, в частности к его экономическому центру — Судаку, хотя связи с Херсоном не утрачиваются ими и в это время. О том, что в XIII в. княжество Феодоро вместе с Херсоном было зависимо от Трапезунтской империи, дает косвенное указание памятник XIII в. «Житие Евгения Трапезунтского». В 1223 г. «нагруженное собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами, судно. . . шло по направлению в нашу сторону (Трапезунта), с целью уплаты царю Гиду годичного взноса».[5]

Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932, стр. 102). В ней хазарский каган сообщал своему корреспонденту о пределах своей державы и в связи с этим, среди прочих мест в Крыму, назвал и Мангуп (Судак, Алушта, Ламбат, Партенит, Алупка, Кут и Манкуп).

[1] Мы не касаемся здесь спорного, хотя и крайне интересного источника X в., так называемой Записки топарха. В специальной литературе до сих пор не закончены споры о месте действия (Крым или Нижний Дунай) и времени описываемых в ней событий. Аргументация М. В. Левченко в пользу нижнедунайской атрибуции «Записки» и отнесение ее ко времени Владимира (см.: Византийский временник, вып. IV, 1951, стр. 41—72) предетавляются недостаточно убедительными, о чем мы имели возможность кратко высказаться при обсуждении доклада М. В. Левченко (см.: Византийский временник, вып. IV, 1951, стр. 321). Нет сомнения, что названный источник заслуживает всестороннего специального исследования.

[2] См., МИА, 17, стр. 32.

[3] См.: Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 153—156.

[1] В Судак татары впервые пришли 27 января 1223 г., о чем известно из приписок на греческом синаксаре XII в. (см.: ЗООИД, т. V, 1863, стр. 601).

[2] Херсон и Солдайю.

[3] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Маленна. СПб., 1910, стр. 68.

[4] См.: МИА, 17, стр. 30—32.

[5] Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи. 1929, стр. 51.

Хотя вопрос о податях трапезунтскому императору вызывал у исследователей, например у Ф. И. Успенского, некоторое сомнение, тем не менее и Успенский считал возможным принять во внимание это единичное известие о зависимости крымских городов от Трапезунта в первой половине XIII в.

Несмотря на наличие половцев, во власти которых находились причерноморские степи, Крым и, повидимому, его нагорье имели тесные связи с древней Русью, Киевом и Новгородом. Так, мы знаем, что в Новгороде в 1106 г. был некий купец «гречанин-готфин»,[1] — очевидно, один из тех купцов-сурожан, которые уже в XII—XIII вв. приходили на Север, являясь посредниками в торговле с Востоком. Был ли этот «готфин» действительно из «Готии», т. е. из Мангупского княжества, или же это был купец с побережья — сказать трудно.

О связях Мангупа с Русью говорят и археологические материалы, найденные на Мангупе: бронзовый позолоченный крестэнколпий киевской работы второй половины XII в., трубчатые замки киевского типа, бронзовая подвеска в виде кинжальчика XI—XII вв. Эти вещи свидетельствуют либо о наличии на Мангупе русских людей, либо о его связях с русскими землями. Связи с Русью осуществлялись, несмотря на трудности, созданные захватом половцами степей, на что указывает летопись, говоря о нападении половцев на купцов-гречинов в днепровских порогах.[2]

В области церковных отношений Феодоро в XII в. находилось в тесных и постоянных связях с Константинополем. Дорос попрежнему оставался центром «Готфийской» епархии, а возглавляющие ее архиепископы до 1170 г. принимали постоянное и деятельное участие в многочисленных церковных соборах в Константинополе.

В конце XII в. на Черном море появляется новая экономическая и политическая сила — итальянцы. Договор императора Мануила с генуэзцами 1169 г., подтвержденный Исааком Ангелом в 1192 г., предоставлял генуэзцам значительные торговые привилегии — право предпочтительной торговли во всех пунктах Черноморского побережья, за исключением «Росии» (Ῥῶσία) и Матрахи.[1]

Первая половина XIII в. ознаменовалась крупнейшими событиями в жизни всей восточной Европы — татаро-монгольским нашествием. Если на Руси оно привело к двухсотлетнему игу, которое надолго задержало развитие русского народа и его государства, то в Крыму это иго затянулось еще более. Татары еще долго хозяйничают здесь и после того, как Крым с конца XV в. оказался под властью Турции и турецкий гнет снова надолго затормозил развитие Крыма.

История Горного Крыма в XIV в. весьма слабо освещена источниками. До сих пор мы располагаем только случайными эпиграфическими памятниками, косвенными указаниями письменных источников соседних стран и материалом раскопок Эски-Кермена и Мангупа.

Появившись здесь в первый раз в 1223 г. и пройдя широкой волной по восточному Крыму, татаро-монголы захватили Судак, сделали его опорной морской базой, а затем отошли назад в широкие пространства Степного Крыма. Горный Крым остался незатронутым этой первой татаро-монгольской волной.

Время правления хана Токты (1290—1312) ознаменовывается новыми волнами набегов татар-монголов. Известен ряд их походов, принесших разгром и разорение многим городам и селениям как восточного, так и юго-западного Крыма. Поход Ногая (Ногаево нашествие) 1299 г. был губителен для Судака, Каффы, Кырк-Иера, а также, повидимому, для ряда других мест нагорья. Разрушения Эски-Кермена были столь велики, что город был полностью уничтожен, прекратив свое существование. Сильно пострадал и Херсон.

Разрушению подвергся, очевидно, и Мангуп, о чем свидетельствуют некоторые его погребения у стен базилики — захоронения убитых в бою. Нашествие Ногая принесло

---

[1] Житие Антония Римлянина (дошло в поздних списках XVI—XVIII вв.) см.: Сказание о житии. . . Антония Римлянина. Православный собеседник, т. II, 1858, стр. 165—166.

[2] Полное собрание русских летописей, т. II, 1911, стлб. 538.

[1] Местоположение Ро́сии точно не установлено; она находилась, повидимому, в устье Дона, хотя существует и другое мнение, согласно которому Ро́сия локализуется на месте нынешней Керчи (см.: Ю. Кулаковский. Тр. XI Археол. съезда, т. II, 1902, Отдел протоколов, стр. 132—133 [резюме доклада Ю. Кулаковского «К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв.»]; о н ж е. Прошлое Тавриды. 1914, стр. 93).

тяжелые опустошения всему нагорью, подорвав тем самым и экономическую базу Херсона.

Эти набеги продолжались и при преемнике Токта-хана, Узбеке (1312—1342). Но с 40-х годов, а особенно с 60-х годов XIV в., в условиях начавшегося упадка золотоордынского ханства, раздираемого феодальными усобицами, зависимость Крыма от Золотой Орды несколько ослабела. Генуэзцы в Крыму развили интенсивное строительство оборонительных сооружений в Судаке, в Каффе. Мамай пытался вернуть Крым Золотой Орде, однако его поход окончился гибелью самого Мамая. Токтамыш поспешил заключить договор с генуэзцами (1380—1381), согласно которому за генуэзцами было закреплено побережье между Чембало (Балаклавой) и Солдайей (Судаком), горная же часть княжества с Феодоро в центре никогда не входила в состав генуэзских владений и оставалась самостоятельной, будучи связанной, повидимому, лишь вассальной зависимостью непосредственно от самого хана.[1] На это косвенно указывает одна из мангупских надписей конца XIV в., в которой упоминается имя Токтамыша.[2]

Во главе княжества Феодоро в XIV в. стояли, повидимому, князья — правители из татар или во всяком случае с татарскими именами, но христиане, которые попрежнему стремились поддерживать тесные связи с Херсоном и Византией, а также отстаивать свою независимость. Во второй половине XIV в. на Мангупе развивается крупное строительство — строится дворец,[3] восстанавливается большая базилика Константина и Елены,[4] возводятся укрепления верхнего замка, о чем свидетельствует одна из мангупских надписей. Она была найдена Р. Х. Лепером при раскопках базилики в 1913 г. в кладке стены большой гробницы в базилике. Надпись эта, как и все мангупские надписи того времени, греческая; она говорит о постройке в 6870 (1361/1362) г. «башни верхнего города почтенной Пойки, помощью божьей и святого Димитрия и попечением всечестнейшего нашего Хуйтани — сотника (?)» и о «восстановлении Феодоро, которые построены вместе с Пойкой в 6870 г.». В этой надписи название «Феодоро», хорошо известное по генуэзским источникам XV в., упоминается впервые. Под Пойкой Р. Х. Лепер правильно понимал «кремль» Феодоро, в верхнем городе у мыса Тешкли-Бурун.

В литературе было высказано весьма обоснованное предположение, что упоминаемый в надписи сотник (ἑκατοντάρχος) Хуйтани, будучи христианином, носил имя Димитрия. Сопоставление этого имени с известием в Летописи великих князей литовских (по спискам Супрасльскому и Уваровскому), в которой говорится о разгроме Ольгердом татар на Синей воде (в Днепровском лимане) и о поражении трех князей, Хачебея, Кутлубуга и Димитрия, с известием из Шлёцера о разгроме в 1396 г. Ольгердом около Дона ханов крымского, киркельского и монлопского[1] привело исследователей к мысли, что здесь имеется в виду Хуйтани-Димитрий, князь Феодоро Мангупский, который упоминается в надписи.[2]

Возможно, что встречающиеся в керамике из Мангупского дворца фрагменты поливных чаш с монограммой имени Димитрия принадлежат упомянутому «сотнику» — князю Димитрию-Хуйтани, подобно найденным там же чашам с именем «Исаака владетеля. . .».[3]

О крепости Феодоро и о нападении на нее каких-то варваров (очевидно, татар) говорит еще одна надпись XIV в. Надпись эта находилась в кладке стены башни у входа на плато Мангупа из оврага Табана-Дере.[4]

Надпись сделана очень небрежно, буквы «скорее нацарапаны, чем высечены... они сильно выветрились да, кроме того, чья-то рука прошла по всем строчкам острым инструментом, с явной целью уничтожить

---

[1] А. Л. Бертье-Делагард полагает, что горная Готия продолжала оставаться в какой-то зависимости от трапезунтских Комнинов, но твердых данных для такого утверждения нет.

[2] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей. . ., стр. 54—55, № 46.

[3] Подробно об этом см. ниже, стр. 390 сл.

[4] Подробно об этом см. ниже, стр. 338—339, 387—388.

[1] Ф. Брун полагает, что это ханы крымский (Солхата), Чуфут-кала и Мангупа. См.: Ф. Брун. Черноморье, т. I, 1879, стр. 171, 73.

[2] См.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа. Изв. ГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 11—13.

[3] В нашем чтении самодержца, автократора (Ἰσαακ αυ τω[κρα]του). Об этих поливных чашах см. ниже, стр. 414—415.

[4] В 1928 г. надпись оказалась уже в завале башни, что свидетельствует о быстрых темпах

надпись».[1] Еще В. В. Латышев установил, что в этой надписи говорится, что она была поставлена феодоритами, т. е. жителями Феодоро, в память об их борьбе с какими-то варварами, которых преследовали до «богохранимой крепости Феодоро», и об их избиении. Дата сохранилась не полностью, но первые две буквы указывают на 6800-е годы, т. е. на XIV в.[2]

Согласно последнему чтению 1930 г. вслед за словом ὁ Θεοδορίτη (феодориты) «навязывается слово Пойка» (ἐν Πόϊκαν?).[3] Наиболее вероятная дата надписи — конец XIV в., время борьбы Токтамыша с Тимуром, когда «в Крым хлынули полчища Идики (Эдигея) для преследования одного из сыновей Токтамыша, вздумавшего там искать себе убежище» и «когда эти населенные владения (крымские) . . . сравнялись с землей».[4]

В XV в. княжество Феодоро занимало заметное место в истории не только Крыма, но и соседних областей. Этот период истории Горного Крыма освещен значительно лучше, чем предыдущий, как письменными источниками, эпиграфикой, так и археологическими памятниками. Широкие связи княжества Феодоро с Москвой, а позднее с государствами, расположенными к западу от Крыма (Молдавия), соперничество и прямая борьба его князей с ослабевавшими генуэзцами, попытка превратить его в значительную политическую силу — все это находит свое отражение в источниках.

С самого начала XV в. княжеством Феодоро владели члены трапезунтской фамилии Гаврасов, по происхождению армянской. Первым известным представителем ее на княжении являлся Алексей.[5] Он именовал себя, со свойственной поздней Византии и средневековому Западу пышностью, «господином и владыкою Феодоро».

Стремясь превратить княжество Феодоро в крупную экономическую и политическую силу в Крыму, Алексей строил широкие планы территориального расширения своих владений и выступал соперником генуэзцев в их торговле на Черном море.[1] Он овладел выходом к морю, где в 1427 г. построил сильно укрепленный морской порт Каламиту (Инкерман). Стремясь упрочить свое политическое положение и придать блеск и величие своему княжескому дому, Алексей восстановил княжеский дворец на Мангупе (1425) и построил его домовой. Он заключил также брачные связи с Палеологами и трапезунтскими Комнинами. Одновременно Алексей предпринял церковное строительство. Так, при нем построена была базилика в Каламите (1427), а также восстановлена в том же году базилика в монастыре Апостолов в Партените.

Алексей вступил затем в открытую борьбу с генуэзцами, в чем, естественно, нашел поддержку у крымского хана Хаджи-Гирея. Поздней осенью 1433 г., при поддержке восставшего против генуэзцев населения, Алексей захватил Чембало (Балаклаву), но удержать его он не смог — посланный генуэзцами флот под начальством Ломеллино быстро захватил Балаклаву, овладел Каламитой и сжег ее (июнь 1434 г.), забрав при этом в плен сына Алексея. Каламита была захвачена генуэзцами, повидимому, лишь на короткий срок — вскоре последовал полный разгром экспедиции Ломеллино.

На этом известия о Феодоро в генуэзских источниках обрываются на долгое время; лишь в 1455 г. имеется сообщение о князьях Феодоро — Алексее (младшем?) и его братьях, которые, вопреки неоднократным настояниям генуэзцев жить с ними в мире, вели враждебную генуэзцам политику, используя их противоречия с крымскими ханами, и восстанавливали порт в Каламите.

В те же годы упоминается в качестве князя Феодоро Олобей,[2] бывший в дружбе с генуэзцами и ведший прогенуэзскую политику. Не исключено, что этот Олобей и его братья являлись сыновьями Алексея (стар-

---

разрушения памятников Мангупа. В 1929 г. она была доставлена в Севастополь; в настоящее время находится в Музее пещерных городов (Бахчисарай).

[1] ОАК за 1890 г., стр. 20 (Отчет Ф. А. Брауна).

[2] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей. . ., стр. 56.

[3] См.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа, стр. 18.

[4] В. Д. Смирнов. Крымское ханство. 1887, стр. 159, 169.

[5] С семьей Алексея связаны русские Головины, родоначальник которых Степан Васильевич Ховра-Ховрин (Гаврас) выехал, согласно Бархатной книге, к великому князю Василию Дмитриевичу в 1399 г. вместе со своим сыном Григорием «из вотчины Судака, да из Кафы, да из Мангупа». По родословной Головиных, Алексей Мангупский считается сыном Степана и братом Григория.

[1] Уже в надписи 1425 г. Алексей называет себя владыкой не только Феодоро, но и поморья.

[2] Высказывалось предположение, что Алексей младший и Олобей — одно лицо.

шего), причем первоначально они продолжали политику отца, направленную на территориальное расширение княжества и на овладение поморьем. Лишь позднее, в условиях угрозы со стороны турок (после 1453 г.), курс их политики меняется.[1]

Однако в конце 50-х годов снова звучат обвинения мангупских князей в измене и нарушении прав Каффы, которой якобы принадлежит вся Готия, а отдельными лицами даже высказываются намерения, — от которых Каффа, впрочем, отказалась, — захватить Феодоро. Правда, накануне турецкого завоевания Крыма в 70-х годах XV в., при князе Исайке (Saik, Saiko генуэзских источников — 1471—1475 гг.),[2] враждебные взаимоотношения между княжеством Феодоро и Каффой сменяются определенно дружественными. Все более надвигавшаяся угроза со стороны турок вынуждала их к сближению. В 1471 г. Исайка посетил Каффу и заключил союз с генуэзцами.

Княжество Феодоро при Исайке продолжало занимать видное место в восточной Европе. Князья Феодоро были хорошо известны за пределами Крыма. Дочь Исайки Мария была замужем за Стефаном III, господарем Молдавским (1457—1504). Другую дочь его сватал великий князь Московский Иван III для своего сына; брак этот, однако, не состоялся.

После смерти Исайки (повидимому, в начале 1475 г.) княжеская власть была захвачена кем-то из его братьев. Бежавший в Молдавию сын его Александр вернул Феодоро, — возможно, при поддержке прибывшего с ним трехсотенного отряда волохов (молдаван). Это произошло за несколько дней до начала осады Феодоро турками. Столицу княжества Феодоро турки смогли взять (в декабре 1475 г.) лишь после длительной осады и пяти приступов. Самой надежной защитой города являлись его природные условия. Однако и превосходные оборонительные сооружения города, а также вооруженный отряд, посланный Стефаном Молдавским, без сомнения, сыграли свою роль. В то время как Каффа капитулировала на третий день после начала осады (3 июля 1475 г.), Феодоро удалось принудить к сдаче лишь голодом и измором.

Захватив Горный Крым, турки образовали здесь кадылык с центром в Феодоро—Мангупе, включив в его состав не только территорию княжества Феодоро, но и часть генуэзских владений в юго-западном Крыму.[1] Кадылык носил название Мангупского и находился в непосредственном управлении Оттоманской империи.[2] Турки не только не забросили Мангупа, но продолжали его укреплять и, повидимому, развили здесь строительство после огромного пожара 1493 г., когда выгорел весь город. Об этом свидетельствуют как строительная греческая надпись 1503 г. на одной из башен нижнего пояса стен в Табана-Дере, так и самые памятники.

При турках в XVI в. была построена цитадель на Тешкли-Буруне, перестроены стены и башни. Здесь были возведены мечеть, синагога, караимская кенасса. Паллас видел в Гамам-Дере фонтан с надписью 953 хиджры (1546 г.).

Мангуп, с XVI в. населенный греками, турками, караимами и евреями, стал административным и судебным центром, вместе с тем продолжая оставаться крепостью в течение первой половины XVI в. Свое значение он утратил окончательно лишь с половины XVII в. Посетивший Мангуп в 1578 г. посол Стефана Батория Мартин Броневский так описывает его: «Крепость и город Манкоп, или, как называют его турки, Мангут. . . лежит между горами и лесами, далеко от моря. Здесь было два замка, построенные на обширной и высокой скале, великолепные греческие церкви, дома и много ручейков свежих и чистых, вытекавших из скалы. Но потом он был взят турками, а еще позже, спустя 18 лет (в 1493 г., — *М. Т.*), совершенно был уничтожен внезапным страшным пожаром. Поэтому в нем нет ничего замечательнее верхнего замка, в котором есть ворота, испещренные греческими надписями, и высокий каменный дом. . .[3] Теперь остались там только греческая церковь св. Констан-

---

[1] Ср.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа, стр. 40—41.

[2] По предположениям А. Л. Бертье-Делагарда, один из упомянутых сыновей Алексея и брат Олобея (Улубея).

[1] См.: А. В. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 14.

[2] Мартин Броневский. Описание. . . ЗООИД, т. VI, 1867, стр. 331, сл.

[3] Цитадель на Тешкли-Буруне.

тина[1] и другая — св. Георгия, совершенно ничтожные. Там живет только один грек да несколько евреев и турков; прочее все приведено в ужасное разорение и забвение... На стенах греческих храмов видны изображения, представляющие родословную государей и государынь...»[2]

Хотя город уже в конце XVI в. был почти разрушен, тем не менее жизнь в нем продолжала теплиться значительно дольше; до середины XVII в. он не потерял своего значения как крепость. Так, Дортелли д'Асколи в 1634 г. говорит, что Мангуп — Манкопа «замок между Балаклавой и Бахчисараем, сильнейший по неприступному положению на горе», и замечает при этом, что «город почти разрушен и малонаселен, а жители — греки, турки и евреи».[3] Французский инженер Боплан называет его «дурным замком (meschant chasteau), населенным только евреями; в нем не более 60 домов».[4]

Жизнь на Мангупе не замирает окончательно вплоть до времени присоединения Крыма к России,[5] когда христианское греческое и татарское население Горного Крыма было переселено в район Мариуполя; тогда же, повидимому, окончательно покинули Мангуп и караимы. Об этом свидетельствуют, помимо письменных источников, и археологические данные.

Как мы видим, многовековая жизнь Дороса—Феодоро—Мангупа далеко не ясна во всей своей конкретности. Обо многом приходится только догадываться, многое только допускать предположительно. Вот почему необходимо продолжить археологические исследования на плато Мангупа и в ближайших его окрестностях. Такие исследования помогут раскрыть жизнь города и его окружения, этнический состав населения, его связи с древней Русью, притом не только в позднее время, но и в более раннюю пору. Эти связи не только нагорья, но и всего Крыма в целом оставались почти неизученными, что приводило к искаженному пониманию истории средневекового Крыма, его места и значения в истории нашей страны.[1]

---

[1] Базилика, впервые раскопанная Брауном.

[2] Там же, стр. 343—344.

[3] Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии. ЗООИД, т. XXIV, 1902, стр. 121.

[4] Beauplan. Description de l'Ukraine. Rouen, 1660, p. 32.

[5] О существовании на Мангупе во второй половине XVIII в. некоторого населения, состоявшего из евреев, говорит надпись на плане Мангупа 1775 г. См.: А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 14.

[1] См. материалы Крымской сессии, происходившей в мае 1952 г. в Симферополе (Б. А. Рыбаков. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада. Крымиздат, 1952).

ОТЧЕТЫ (РАСКОПКИ 1938 г.)

М. А. Тиханова

БАЗИЛИКА

Раскопки на Мангупе впервые были предприняты еще в 1853 г. гр. А. С. Уваровым. А. С. Уваров начал работы у развалин большого храма, расположенного на самом плато между мечетью и дворцом (к ЮВ от последнего). Им были вскрыты здесь четыре гробницы, из которых три оказались разграбленными; в четвертой были обнаружены четыре костяка, лежавшие один над другим; у верхнего сохранились следы золотой обшивки, четыре серебряные пуговицы и две золотые серьги в виде гладких колец. Материалы раскопок, если не считать краткого рапорта А. С. Уварова министру уделов от 19 сентября 1853 г.,[1] остались неопубликованными. Местонахождение находок точно не известно.

Раскопки на Мангупе были продолжены в 1890 г. Ф. А. Брауном. Ставя своей целью «отыскание путем археологических разысканий следов пребывания готов в Крыму», Ф. А. Браун предпринял раскопки в крымском нагорье. Он намеревался исследовать не только Мангуп, но также Сюрень, Бия-Салу и Партенит, однако за недостатком времени вынужден был ограничиться одним только Мангупом, где и проработал в течение 28 дней.

Ф. А. Браун правильно наметил на Мангупе три основные, почти самостоятельные части поселения: 1) цитадель — древнейшее поселение у мыса Тешкли-Бурун, верхний город; 2) так называемый средний город — от стены цитадели до Гамам-Дере и 3) нижний город в районе вокруг Табана-Дере (еврейское кладбище). Правильно подметил Ф. А. Браун и наличие в крепостных стенах следов древнейшей кладки: «Важнейший из них (мысов, — *М. Т.*), — говорит Браун в своем рукописном отчете,[1] — однако крайний, Тешкли-Бурун, сплошь покрытый развалинами; это древняя цитадель города, местопребывание мангупских князей... Собственный город занимает всю площадь горы. Он защищен с севера широкими, частью отлично сохранившимися стенами, пересекающими мысы и яры, и рядом 12-ти башен, защищавшими опаснейшие места. В этих стенах и башнях очень ясно можно отличить древнейшие части (кладенные на извести из широких четырехугольных камней) и новейшие, построенные или реставрированные позднее (турками?) из мелкого камня и кирпича».

Определив, что первое поселение было расположено в верхнем городе (у мыса Тешкли-Бурун), Ф. А. Браун пришел, однако, к неправильному заключению, что развалины вокруг Гамам-Дере и Табана-Дере относятся к позднейшему татарскому времени, причем первое он считал татарским поселением, второе — караимским.

В среднем городе, между Капу-Дере и Гамам-Дере, на греческом кладбище им было вскрыто двенадцать могил, накрытых каменными надгробиями в форме «домиков», с коллективными захоронениями.

Погребения, по словам Ф. А. Брауна, содержали по нескольку костяков, лежавших лицом на восток, с руками, крестообразно сложенными на груди. Верхний

[1] А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. III. М., 1910, стр. 14—15.

[1] ОАК за 1890 г., стр. 15—21; см. также Архив ИИМК АН СССР, дело АК 1890/40, стр. 20.

костяк обычно лежал в вытянутом положении на спине, нижние костяки находились в полном беспорядке. Отмечены случаи, когда в одной могиле лежали только черепа, а в другой — остальные кости. Вещей было найдено очень мало: всего две мозаичных бусы, несколько тонких медных серег, обломок железного креста. Датирующих находок, по словам Ф. А. Брауна, не было обнаружено, почему он ограничился определением открытого им кладбища как греческого и не пытался установить времени его существования, отметив лишь разновременность открытых им захоронений.

Раскопки в нижнем городе (вокруг Табана-Дере) Ф. А. Браун начал с раскрытия длинного и широкого холма, под которым, как он полагал, должны были находиться развалины обширной постройки. Предположение его полностью оправдалось: им была вскрыта постройка, оказавшаяся базиликой и получившая впоследствии в археологической литературе наименование «Брауновская базилика».[1] К сожалению, раскрытие базилики Ф. А. Браун не довел до конца, вернее — он его только начал.[2]

Раскопки базилики велись Брауном с трех сторон (с запада, севера и востока). В с.-з. углу ограды (так определял Ф. А. Браун стены базилики, которые он принял за ограду греческого кладбища[3]) им было открыто два склепа. Вещей в них не оказалось, хотя погребения не были потревожены: верхний костяк лежал на месте.

Ф. А. Браун заложил также продольную траншею внутри базилики (с запада на восток) и поперечную (с севера на юг) под прямым углом к первой. Им же была вскрыта центральная апсида.[4]

В результате своих работ Ф. А. Браун пришел к заключению, что открытый им памятник — «кладбищенская церковь, со всех сторон окруженная склепами, или лучше мавзолеями, так как они высоко поднимаются над поверхностью земли».[1] При раскопках были найдены и кубики мозаики. Все находки были переданы Ф. А. Брауном владельцу Мангупа для передачи в Таврическую ученую архивную комиссию.[2]

Работы Ф. А. Брауном, вопреки его собственным намерениям и обещаниям, продолжены не были. Они были возобновлены лишь спустя 22 года — в 1912 г. и велись до 1914 г. включительно под руководством тогдашнего директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера.[3] К сожалению, и эти раскопки были не на много совершенней, чем проведенные в 1890 г. Брауном. Фактически сам Р. Х. Лепер на раскопках почти не бывал, вел работы старший рабочий Н. З. Федоров, человек, правда, весьма опытный, но действовавший сообразно целям, которые были тогда поставлены — поиски материальных ценностей и общее выяснение планов и очертаний вскрываемых сооружений, что и определило темпы и характер работ.

Раскопки на Мангупе велись в течение трех лет (1912—1914) в нескольких местах. Было продолжено раскрытие базилики и исследовался ряд новых объектов: дворец, октогон (к востоку от цитадели, на мысе Тешкли-Бурун), храм Георгия (на западном склоне плато), некрополь над Капу-Дере, некрополь к ЮЗ от цитадели на восточном склоне, ряд могил на караимском кладбище в Табана-Дере.[4] Ни на одном из названных участков работы не были доведены до конца.

Раскопки базилики (особенно интенсивные в 1913 г.) производились как внутри нее, так и вне — у западной стены против входа в базилику и к востоку от главной апсиды. В результате раскопок был опре-

---

[1] Указание на наличие на плато между оврагами Табана-Дере и Гамам-Дере, к западу от дворца, развалин большой базилики было впервые сделано в 1886 г. А. Л. Бертье-Делагардом, который возлагал большие надежды на их раскопки (см.: А. Л. Бертье-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. ЗООИД, т. XIV, 1889, стр. 213—214, и ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 37).

[2] ОАК за 1890 г., стр. 18—19, а также Архив ИИМК АН СССР, дело АК 1890/40, стр. 24—26.

[3] Там же.

[4] Там же. — Куда сбрасывалась земля из траншей, в отчете не указано; повидимому, на площадь северной галереи базилики.

[1] ОАК за 1890 г., стр. 19; Архив ИИМК, дело АК 1890/40, стр. 26.

[2] ИТУАК, вып. 11, 1891, стр. 155 и 162.

[3] По словам Р. Х. Лепера, раскопки 1912 г. финансировались севастопольским купцом и коллекционером А. Я. Гидалевичем, который обязался передать половину находок владельцу Мангупа.

[4] См. предварительные отчеты Р. Х. Лепера о работах 1912 г. (ИАК, вып. 47), протоколы заседаний Таврической архивной комиссии с докладами Лепера о работах 1912 и 1913 гг. (ИТУАК, вып. 49, 1913; вып. 51, 1914) и Отчет о работах на Мангупе за 1912—1914 гг., составленный по материалам Лепера его преемником по Херсонесскому музею Л. А. Моисеевым (ОАК за 1913—1915 гг., стр. 72 сл.).

делен как общий план базилики, так и отдельных ее частей; были полностью открыты средняя часть центральной апсиды и боковые нефы в их восточных частях; были также обнаружены части внешних стен — перед западным входом в базилику и в заалтарной части. Частично были вскрыты полы — первоначальный и последующий, относившийся ко времени перестройки базилики. В процессе раскопок в самой базилике (в нартексе и в боковых нефах), а также за ее стенами было открыто множество могил. Найденные при раскопках вещи, большей частью поздние (так определял их Р. Х. Лепер), поступили частично в Эрмитаж, частично в Симферополь, в архивную комиссию; часть вещей была передана, согласно предварительному договору Лепера с Гидалевичем, этому последнему.

Раскопки на Мангупе, в том числе и на площади базилики, продолжались и в 1914 г., но о них, к сожалению, не осталось никаких отчетных материалов. По словам Моисеева, в 1914 г. работы велись в алтарной части здания, причем был выяснен и уточнен ряд деталей. Как правильно отмечает автор отчета 1914 г., раскопки базилики нельзя было считать закончéнными, так как крайние ее части, примыкающие к боковым, остались неисследованными.[1]

Однако несомненной заслугой Р. Х. Лепера является установление двух основных строительных периодов в жизни базилики: первого, соответствующего первоначальной постройке, погибшей в пожаре, и второго — перестройке из базилики, уничтоженной пожаром,[2] а также установление близкого сходства древней Мангупской базилики с херсонесскими храмами времени Юстиниана I (527—565).

В то же время Лепером был сделан и ряд неправильных выводов, а самое главное допущены непоправимые ошибки в ведении самих раскопок. Многие важнейшие моменты и существеннейшие детали были упущены и погибли безвозвратно. Это и не удивительно при том методе работ, системе руководства, способе фиксации, которые применялись Р. Х. Лепером не только при раскопках базилики, но и других важнейших памятников Мангупа. Не было проявлено никакой заботы и об охране открытых памятников. Так, например, обнаруженный Лепером кусок мозаичного пола в центральном нефе базилики был прикрыт только уже после окончания всех работ на Мангупе и то не по распоряжению самого Лепера.[1]

После 1914 г. раскопок базилики больше не производилось. Между тем разрушения ее начались уже в следующем 1915 г.

При посещении Мангупа (июнь 1915 г.) для ознакомления с сохранностью открытых древностей новым директором Херсонесского музея Л. А. Моисеевым были «обнаружены разрушения, сделанные кем-то в больной базилике («св. Константина») — разворочены фундаменты среднего нефа, вскрыта неразобранная Р. Х. Лепером могила в левом (северном, — *М. Т.*) нефе храма, поднят и разворочен пол его алтарной части».[2]

Плохо раскопанная, слабо охранявшаяся базилика, естественно, разрушалась и дальше.

Раскопки базилики были возобновлены лишь летом 1938 г. Они были организованы Севастопольским музейным объединением совместно с Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР на средства Объединения.[3]

Работами 1938 г. предполагалось начать систематическое исследование Мангупа, почему в задачи экспедиции были включены: 1) разведки на территории Мангупа с целью подготовки генерального плана работ; 2) продолжение начатых ранее работ, не доведенных ни на одном из вскрытых памятников до конца; 3) приведение основных объектов (базилики, дворца и пещер) в экспонируемое состояние, поскольку они должны были быть включены в число объектов для обозрения; 4) специальные разведки вне Мангупа: на территории открытого в 1937 г. Бельбекского могильника и на Кызык-Кулаке.

[1] ОАК, за 1913—1915 гг., стр. 78—79.

[2] Это наблюдение вполне подтвердили раскопки 1938 г., о чем см. ниже (стр. 389).

[1] См. Архив ИИМК АН СССР, дело АК 1915/2 (рапорт Л. А. Моисеева 11 VIII 1915, № 564).

[2] Там же.

[3] Начальником экспедиции был назначен тогдашний директор Объединения Д. А. Анкудинов. Научное руководство осуществлялось М. А. Тихановой (вела раскопки базилики), А. Л. Якобсоном (вел раскопки дворца, а также производил обмеры и выполнял чертежи, публикуемые в данном разделе настоящего тома) и Е. В. Веймарном (вел разведки оборонительных стен и некрополя). В работах экспедиции принимали участие научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук СССР Г. И. Моеберг, сотрудник Севастопольского музейного объединения С. А. Азарова и сотрудник Музея пещерных городов Я. А. Дубинский, фотограф К. А. Трапезаров, студенты тт. Гут, Алексеева, Воскресенский.

Поскольку одной из основных задач в изучении крымского нагорья являлись и являются, как указано, определение места Мангупа в системе средневековых поселений нагорья и уточнение времени возникновения его крупнейших сооружений, то, естественно, одним из объектов для исследования была избрана базилика. Зачистка и приведение в порядок развалин базилики и продолжение ее раскопок диктовались не только общими задачами экспедиции, но также и состоянием самой базилики: сильное разрушение базилики угрожало гибелью этого ценнейшего памятника, в сущности совсем неисследованного.

Исследование базилики велось одновременно в двух местах: у северной и западной ее стен, на участке к северу от центрального входа (рис. 1).[1] Выбор места был определен прежде всего тем, что именно боковые части базилики, особенно северная, до сих пор оставались почти неисследованными. Таким образом работы в 1938 г. должны были явиться продолжением работ Ф. А. Брауна и Р. Х. Лепера и, кроме того, окончательно уяснить план базилики (в ее боковых частях), определить характер первоначальной постройки, а тем самым и ее дату,[2] и положить начало раскрытию примыкавшей к базилике территории.

Намеченная к раскрытию площадь представляла и значительные технические удобства, а именно: 1) относительно небольшой мощности культурный слой у северной стены, 2) легкость организации отвоза земли и возможность устройства точка́ в непосредственной близости от с.-з. угла базилики, где близко подходит крепостная стена. Начать раскоп у восточной части базилики, расположенной ближе к дворцу, на соединение с которым должны были в дальнейшем ориентироваться раскопки базилики и примыкавшей к ней территории, в условиях работ 1938 г. из-за технических трудностей (завал камней, глубокие ямы, большое количество огромных надгробий, трудность отвоза земли) было нецелесообразно.

До начала раскопок была произведена очистка площади базилики (как вокруг нее, так и внутри) от зарослей кустарника и от завала камней (рис. 2). При этом внутри базилики было обнаружено много квадров тесаного камня — известняка, множество архитектурных деталей, в свое время не замеченных или упущенных при раскопках Р. Х. Лепера. Так, в нартексе, у входа в южный неф, были обнаружены два каменных блока с очень правильной кривизной, повидимому от перекрытия входа; такой же блок найден близ входа из нартекса в северный неф. Там же извлечены из завала несколько хорошо отесанных клиньев арки, много мелких обломков плит из известняка, декорированных плетенкой, несколько обломков каменного порога, а также фрагменты профилированных надмогильных плит. Близ южного входа из нартекса в базилику была найдена известняковая плита с гнездом для укрепления стояка двери, носившая следы долгого употребления.

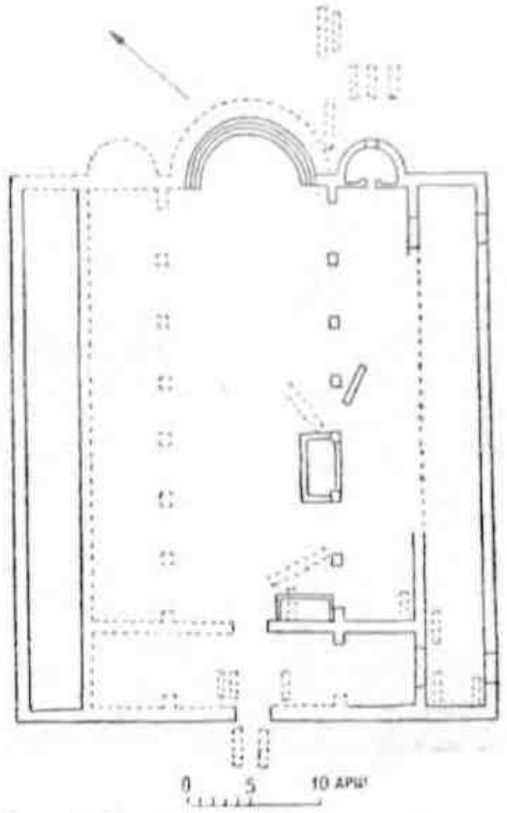


Рис. 1. План базилики после раскопок 1912—1914 гг. (По Р. Х. Леперу).

Из завала в центральном нефе был извлечен ряд обломков архитектурных деталей различных строительных периодов: обломок византийско-коринфской капители VI в. из проконесского мрамора,[1] несколько не-

[1] Работы велись в течение 30 дней (с 19 VIII по 17 IX).

[2] Последняя, как известно, вызвала споры в специальной литературе. См.: А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. СА, VI, 1940, стр. 206 сл.

[1] Тип обычный, широко распространенный в VI в. как в самом Константинополе, так и на периферии Византийской империи; такие капители обычно встречаются и в Крыму. Сводку такого

больших обломков пилястр от алтарной преграды из известняка (рис. 3), точно воспроизводящих подобные же столбики от алтарных преград из мрамора, обычно проконесского, также широко распространенные именно в VI в.[1] Среди обломков черепиц — ряд раннесредневековых с высокими бортиками, в том числе одна черепица с меткой.

В южной части центрального нефа обнаружено три крупных профилированных каменных блока. Это, повидимому, куски дверных косяков (вероятно от западного входа); средняя, выступающая, их часть оббита; начало листка, сохранившееся на одном из блоков, указывает на то, что они были декорированы.

Наряду с этими довольно многочисленными архитектурными деталями первоначальной постройки базилики были найдены в большом количестве архитектурные фрагменты, значительно более поздние, относящиеся, очевидно, ко второму строительному периоду: мелкие обломки витых колонок

Рис. 2. Участок раскопа базилики до начала работ 1938 г.

и полуколонок из известняка, обломки плит, украшенных геометрической плетенкой, куски штукатурки со следами фрески,[1] крупные блоки известняка от восьмигранных колонн (сильно оббитые). Часты находки кирпичей от вымостки пола базилики. Были встречены и поздние черепицы с низкими бортиками. Наконец с восточной стороны гробницы, примыкающей к западной стене центрального нефа, был найден камень с фрагментированной и сильно стершейся греческой надписью (№ 2621),[2] по начер-

рода капителей в Крыму см.: M. Tichanova-Klimenko. Les chapiteaux de l'église de Saint Jean le Précurseur à Kerč. Orient et Byzance, t. V. Paris, 1931, а также: В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке, СА, VI, 1940, стр. 198—199.

[1] Совершенно аналогичные мангупским известны в Херсонесе и в Партените (Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, рис. 51).

[1] Очень много камней со следами фрески, преимущественно красного цвета, найдено у гробницы в западной части южного нефа (ср. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 79).

[2] Здесь и далее в скобках указаны номера полевой описи находок, хранящихся в Музее пещерных городов (Бахчисарай). Часть находок была похищена немецко-фашистскими захватчиками.

таниям сохранившихся букв относящийся ко времени не ранее XIV в.

В центральной части северного нефа близ северной стены был найден небольшой клин свода со следами фрески голубого тона.

В апсидальной части южного нефа обнаружено много тесаных известняковых плит из кладки апсиды и из конхи свода, а также части алтарной преграды.

В южном нефе, к западу от заложенного в южной стене прохода (см. рис. 1), у самой стены в завале камней найдено много обломков проконесского мрамора: база типичного для VI в. профиля (обломанная), фрагмент капители с широколистным аканфом того же типа, что и в центральном нефе,[1] обломки колонн и мелкие бесформенные обломки того же проконесского мрамора. Находки мраморных деталей продолжались и западнее, в центральной части южного нефа: здесь был снова найден большой кусок колонны. В то время как в апсидальной части южного нефа встречались только архитектурные фрагменты VI в., т. е. от первоначальной базилики, в центральной его части; равно как и в нартексе, и в северном и центральном нефах были найдены также остатки позднейшей базилики — обломанные блоки восьмигранных колонн из известняка, большого и малого размеров, обломки известняковых баз и капителей, хорошо тесаные клинья арок и куски плит с резным орнаментом.[2]

Таким образом даже предварительная расчистка внутри базилики, т. е., в сущности, разборка архитектурных деталей, добытых еще Р. Х. Лепером, а быть может и Ф. А. Брауном, дала уже весьма ценные материалы для уточнения даты первоначальной постройки базилики, а также времени ее перестройки. Между тем Р. Х. Лепер не только не использовал в свое время эти материалы, но даже утверждал, что ни одной мраморной капители (хотя бы в обломках), кроме найденной им в одной из гробниц и использованной уже в качестве чаши для «святой» воды, при раскопках обнаружено не было.[3]

Раскрытая раскопками 1938 г. площадь базилики составляет 260 кв. м, из них 70 кв. м — у западной стены базилики и 190 кв. м — у северной стены. Намеченная к раскопу площадь была разбита на 48 квадратов (размером 4×4 м) и проинвелирована. В процессе работ пришлось произвести прирезку с северной стороны трех полуквадратов, размером 4×2 м.

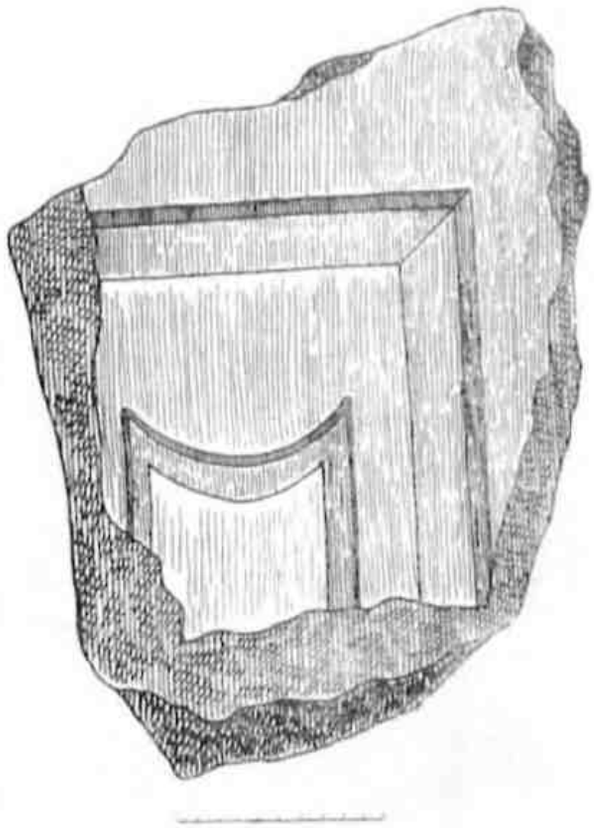


Рис. 3. Обломок известняковой пилястры алтарной преграды.

Площадь раскопок состояла из трех участков:

1) раскоп у западной стены базилики, начиная с северного угла и до южной оконечности западного входа в базилику (участок β);

2) раскоп северной галереи (участок α); восточный конец северной галереи базилики раскрыт не был;

3) раскоп площади к северу от северной галереи (участок γ) (см. генеральный план, рис. 4).

[1] См. выше, стр. 337.

[2] Все архитектурные детали, найденные во время зачистки базилики, были собраны и помещены в специальном лапидарии, устроенном в одной из пещер в Гамам-Дере.

[3] ИАК, вып. 47, стр. 148, рис. 3. — Не использовал этих материалов и А. Л. Якобсон, хотя он и опирался в своих выводах на раскопки 1938 г. (см.: А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. СА, VI, 1940).

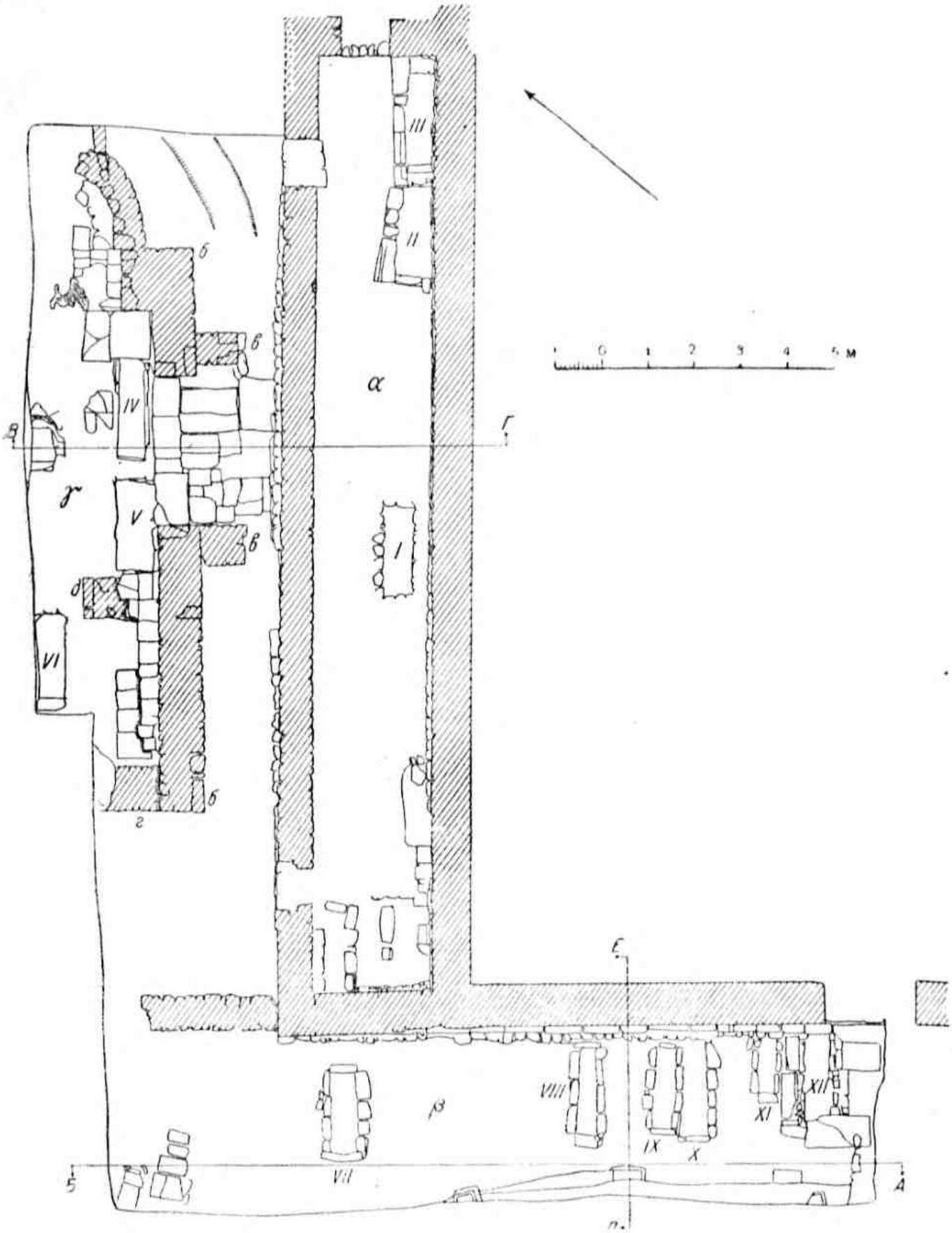


Рис. 4. Генеральный план раскопок базилики в 1938 г.

α — северный неф; β — раскоп у западной стены базилики; γ — крещальня; *I—XII* — гробницы нижнего слоя. Буквами *б—д* обозначены части стен крещальни.

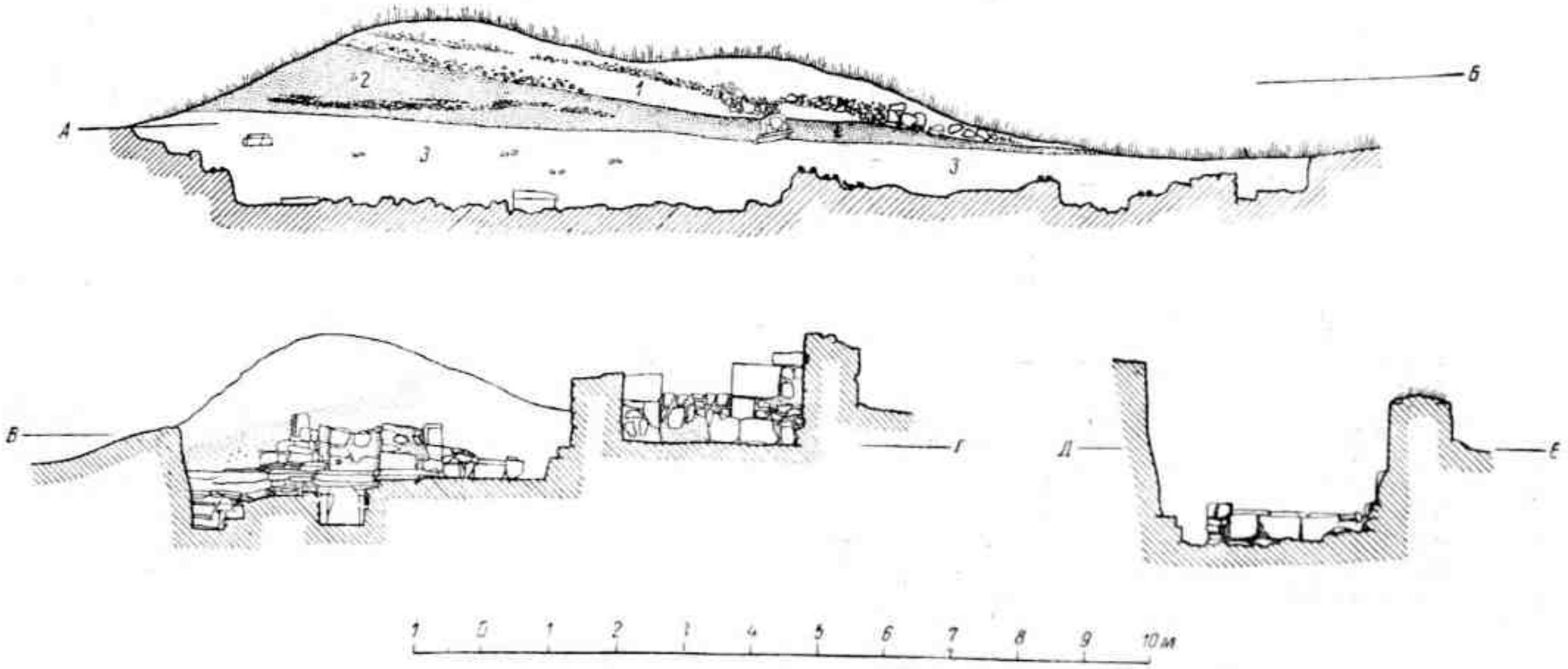


Рис. 5. Разрезы раскопов базилики.

1 — выход из раскопов Р. Х. Лепера; *2* — второй слой с прослойками угля; *3* — третий слой.

РАСКОП У ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ БАЗИЛИКИ (УЧАСТОК β)

До начала раскопок участок у западной стены базилики представлял собою довольно значительный холм, частью образовавшийся из насыпной земли (выброс от раскопок Лепера). Наибольшей высоты он достигал у входа в базилику, сходя на нет к северу и понижаясь также к югу и к западу (у стены базилики; см. разрез по линии *А—Б* на рис. 5).

Раскоп велся послойно и доведен до скалы. В результате были полностью раскрыты западная стена базилики и кладбище, непосредственно примыкающее к базилике и продолжающееся в западном направлении, и исследована стратиграфия культурных напластований; никаких строительных остатков здесь обнаружено не было. Стена базилики (длина от с.-з. угла до западного входа в базилику 12.5 м) сложена с обеих сторон ее из тесаных квадров известняка, положенных правильными, строго выдержанными, горизонтальными рядами, узкое пространство между которыми заполнено небольшим слоем мелкого бутового камня и щебня и залито известковым раствором с примесью толченого кирпича и черепицы. Камни плотно притесаны друг к другу, положены на тонком растворе с примесью толченого кирпича.

Стена поставлена на цоколе из крупных, также тесаных блоков известняка, в один ряд. В соответствии с уклоном скалы к северу в с.-з. углу цоколь сложен из двух рядов тесаных квадров; в месте перехода к двухрядному цоколю положен более крупный блок — для сохранения горизонтальности кладки цоколя. Толщина стены достигает 0.95—0.97 м; высота в настоящее время не превышает в среднем 1.65 м (у с.-з. угла — 1.265 м).

Кладка уцелела большей частью на высоту двух рядов камня, не считая цоколя, местами же (у с.-з. угла базилики) на высоту одного ряда; в двух местах (у западного входа с южной стороны) сохранилось три ряда камней (см. рис. 17). Высота камней нижнего ряда около 0.50 м, верхнего ряда 0.67—0.68 м; длина 0.82—0.87 м; высота камней цоколя 0.33—0.47—0.60 м.

Западная стена базилики, как показывает ее кладка, сохранилась в первоначальном виде: никаких следов позднейшей перестройки или перекладки не наблюдается. Сохранность ее по сравнению с другими частями базилики относительно удовлетворительная; незначительно пострадала она и от пожара. В кладке же северной стены базилики, к тому же переложенной, особенно в облицовке, камни (вторичного использования) все потрескались или просто раскалываются и крошатся. У западного входа в базилику сохранился древний порог в виде профилированной плиты из местного известняка, открытой еще Р. Х. Лепером.[1]

Переходим к стратиграфии слоев.

Культурный слой на участке β залегает неровно: сравнительно ничтожный на севере, он достигает мощности 3—3.5 м на юге (квадрат $А_4Б_5$).[2] Первый, верхний слой представляет собой насыпь, образовавшуюся от выкида земли из раскопок Лепера, мощностью от 0.10 до 1.00 м (см. разрез по линии *А—Б* на рис. 5). Эта насыпь содержит главным образом мелкий битый камень, обломки кирпичей, черепицы; попадаются кости животных и человека. Несмотря на то, что слой представляет собою выкид, т. е., казалось бы, отработанную землю, он очень насыщен разнообразными культурными остатками: встречено большое количество фрагментов керамики, обломки стекла, железные предметы; встречались архитектурные фрагменты, обломки черепиц (некоторые с клеймами) и кирпича и даже монеты.

Среди предметов из железа необходимо отметить дужку трубчатого замка киевского типа с цепочкой,[3] ключ, оковку от обуви с тремя шипами, подобную оковке за № 425 (см. рис. 6, *а—в*). Упомянутого типа замки, как известно, десятками встречаются на древнерусских городищах XII—XIII вв.[4] Аналогичные замки известны и за пределами Руси (в Биляре и в Сарае-Берке).[5] Так же обстоит дело с ключом. Подобный ключ опубликован в отчете о раскопах Р. Х. Ле-

---

[1] См.: Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году. ИАК, вып. 47, стр. 76.

[2] Разбивка площади раскопа базилики в 1938 г. на квадраты показана на рис. 14.

[3] Близкая по форме дужка была найдена на Мангупе и ранее (см.: ОАК за 1913—1915 гг., стр. 83, рис. 133).

[4] См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. — Л., 1948, стр. 218—223, рис. 42.

[5] Ср. аналогичные замки в коллекциях Отдела Востока (см. Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии Государственного Эрмитажа, вып. 1. ГЭ, 1935, стр. 509—510, №№ 75—76, 85, 86). Датируются XIII—XIV вв.

пера на Мангупе. Датируется тем же временем, что и замки. Такие же ключи известны также в Киеве,[1] равно как и в Биляре и в Сарае-Берке. Аналогичные оковки обуви встречены в нескольких экземплярах и при раскопках Р. Х. Лепера.[2] Такого рода оковки были широко распространены в средние века, обычны они и в памятниках Киевской Руси.[3]

В этом же слое были найдены железная четырехугольная пряжка,[4] три железные дверные петли (такая же петля встречена и внутри базилики, в центральной апсиде), много гвоздей разных размеров: балочные с большими шляпками,[5] короткие с широкими шляпками, длинные тонкие с широкими шляпками и с маленькими шляпками, наконец, гвозди средней величины с широкими шляпками. Найдены также обломки железного ножа, железная подкова, медный (?) наперсток.[6] Монеты, найденные здесь, разновременны. Наряду с бахчисарайскими монетами Селим-Гирея II (1743—1748) (№ 697, серебряная) и Арслан-Гирея (1748—1756) (№ 1255, билоновая), а также с игральной маркой конца XVIII—начала XIX вв. была найдена значительно более ранняя монета — джучидская (№ 499).[7] Все эти монеты были также пропущены при прошлых раскопках. Характерно, что о находках монет на площади базилики Р. Х. Лепер даже не упомянул.

Особое внимание обращают фрагменты стекла, также несомненно разновременного. Среди них довольно многочисленны мелкие обломки оконного стекла и фрагменты тонких ранних широкогорлых стеклянных сосудов, несколько фрагментов цветного венецианского стекла — красного, темнозеленого, фрагмент сосуда молочного непрозрачного стекла. Такое же стекло было найдено при зачистке главной апсиды базилики.

Наибольший интерес представляют четыре фрагмента синего венецианского стекла с эмалевой росписью белыми и красными полосами. Они принадлежат четырехгранному, почти квадратному в основании сосуду

Рис. 6. Железные предметы из выброса при раскопках 1913 г.

а — дужка трубчатого замка (№ 150); *б* — ключ (№ 151); *в* — оковка от обуви (№ 425).

(флакону?) (рис. 7), донышко которого было найдено при раскопках Лепера в 1913 г.,[1] но тогда на него не было обращено внимания. Сосуд этот должен быть датирован второй половиной XV в. Подобная техника расписного стекла применялась в течение определенного и относительно короткого отрезка времени — с 1450 по 1530 г. Очень

---

[1] См.: ДП, вып. VI, 1907, табл. XXVII, рис. 557.

[2] См.: ОАК за 1913—1915 гг., стр. 83, рис. 132.

[3] Ср. совершенно аналогичные железные оковки в собраниях Киевского исторического музея, Отдел Киевской Руси, из Княжой Горы (инв. №№ 32313, 32315), а также из славянского могильника в Ромашках из раскопок Хвойки (№№ 9136—9138), с Лиллявского городища (№ 6766) и др.

[4] Ср. пряжку из раскопок Лепера (ОАК за 1913—1915 гг., стр. 83, рис. 133).

[5] Ср. подобные гвозди из дворца.

[6] Ср. аналогичные медные наперстки из Сарая-Берке XIII—XIV вв. (Государственный Эрмитаж, Отдел Востока) и из северокавказских могильников (см. Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии, стр. 507, № 44 и стр. 517, № 14; Путеводитель по залам Отдела Востока. ГЭ, 1939, стр. 154; МАК, т. II, 1889, табл. XIII, XIV, 12, 13, табл. XV, 3, 4 и стр. 140).

[7] Определения А. А. Быкова.

[1] Находится, как и другие ценные предметы из Мангупа, в Государственном Эрмитаже, в Отделе первобытной культуры. Они были переданы в Эрмитаж Археологической комиссией в 1915 г.

близкой аналогией к мангупскому сосуду является фрагмент фиала темнолилового стекла с белыми полосами из могильника в Махческе (Северный Кавказ). П. С. Уварова,[1] датируя этот могильник XIV в., неправильно определяет стекло как восточное. Интересно, что в том же могильнике был найден и целый кувшин расписного венецианского стекла, весьма близкий по форме, технике и рисунку к известным стеклянным кувшинам из ст. Белореченской.

Мангупский сосуд является первой в Крыму находкой подобного дорогого венецианского стекла и в сочетании с другими фрагментами важен для выяснения культурных и торговых связей Мангупа того времени.

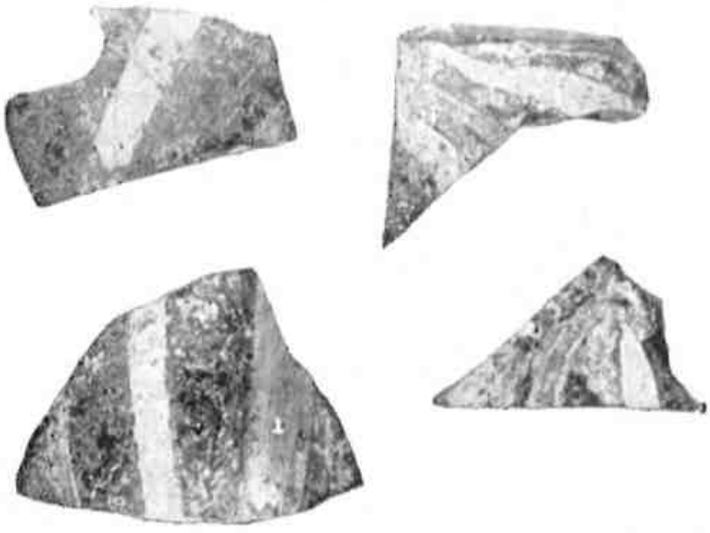


Рис. 7. Фрагменты сосуда синего венецианского стекла с росписью (№ 391$_{1-4}$).

Из мелких находок отметим граненую сердоликовую бусину (рис. 18, *а*), фрагмент расписного стеклянного браслета и обломочек китайского селадона.

Среди керамики, находки которой особенно многочисленны, преобладает позднесредневековая красноглиняная поливная керамика местного производства (XIII—XIV вв.): обломки кувшинов красной глины, частично покрытые зеленой поливой, той же формы кувшины с поливой снаружи и внутри, фрагменты мисок и плоских тарелок с желтой поливой и врезным геометрическим орнаментом, подцвеченным зеленой и коричневой поливой,[2] обломки подсвечников с зеленой поливой. Встречались кувшины розовой глины с поливой, покрывающей их поверхность как снаружи, так и внутри. Привозной восточной керамики почти нет, за исключением двух мелких обломков люстра XIII—XIV вв.

Среди неполивной керамики преобладает посуда XIII—XIV вв.: обломки тонкостенных красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и длинным носиком, кувшины, украшенные геометрическим орнаментом, нанесенным белым ангобом, кувшины с расширяющимся горлом. Встречаются обломки сплошь ангобированных сосудов — больших амфор (типичных по преимуществу для XII в.), миски и грубые кухонные горшки. Но наряду с этой позднесредневековой керамикой имеются (и не единичные) фрагменты раннесредневековой керамики: обломки венчиков желобчатых амфор с толстыми ручками, круглодонных амфор салтовского типа, сосудов с густым рифлением и волнистым орнаментом, обычных для раннего Средневековья.

Встречены обломки ранних черепиц с высокими бортиками и кирпичи серо-желтой глины.[1]

Из архитектурных фрагментов следует отметить обломок колонны проконесского мрамора и камень с рельефным равноконечным крестом с расширяющимися концами.

Таким образом, хотя в первом слое (выкиде) преобладает материал позднесредневековый, главным образом XIII—XIV вв., в нем встречаются и ранние материалы, подтверждающие, что раскопками Лепера было вскрыто по крайней мере два культурных слоя — позднесредневековый и раннесредневековый.

Следующий, второй слой (по существу первый) представляет собою относительно рыхлую, мягкую и более темную землю со значительным содержанием золы и угля. Слой сильно насыщен культурными остатками: обломками красноглиняной керамики, в том числе и поливной, и обработанным камнем; попадаются обломки кирпичей и черепиц; в относительно большом количестве встречаются так называемые турецкие трубки, стекло (в мелких обломках и осколках), гвозди двух типов (на длинной ножке с маленькой шляпкой и с большими широкими шляпками на короткой ножке). Встречаются разбросанные человеческие кости.

[1] МАК, т. VIII, 1900, стр. 267, табл. CIX, 9.

[2] Группа 6-я по классификации А. Л. Якобсона (см.: МИА, 17, стр. 178 сл.).

[1] Ср. кирпич из вторичного настила пола в базилике (ИАК, вып. 47, стр. 146).

На расстоянии 0.80—1.15 м от стены базилики прослеживается слой пожарища в виде тонкого слоя угля и золы, продолжающийся далее на запад (см. разрез *А—Б* на рис. 5). В ю.-в. части квадрата A_4B_5 слой золы залегал и в направлении, перпендикулярном стене, на глубине 0.37 м от уровня стены, на протяжении 1.65 м к западу, далее уходя под стенку раскопа.[1]

В квадрате A_2B_3 на глубине 0.40 м от уровня второго ряда кладки стены базилики, на расстоянии 1.08 м от нее к западу, обнаружен человеческий череп и отдельные человеческие кости (пять позвонков, несколько ребер); на том же уровне, на расстоянии 0.62 м к западу, — позднемусульманское надгробие обычного типа. В ю.-з. направлении оказалась свалка человеческих костей: тазовые, бедренные, фаланги пальцев, обломки челюстей, лопаток, две ключицы и четыре черепа; среди них превратившиеся в труху кусочки дерева.

В квадрате A_3B_4 на расстоянии 0.60 м от пикета A_3 к югу, на подошве второго слоя, было открыто надгробие, украшенное восьмиконечной розеткой; оно почти целиком уходило под западную стенку раскопа и поэтому осталось нераскопанным (см. разрез по линии *А—Б* на рис. 5). Среди находок имеется большое количество гвоздей (102 шт.), особенно в квадрате A_4B_5; в том числе много больших балочных гвоздей с почти квадратной шляпкой, повидимому, для скрепления стропил деревянных перекрытий.[2] В значительном количестве попадались и гвозди малого и среднего размеров, с маленькими шляпками, а также кованые, на короткой, резко сужающейся к концу ножке и с коническими шляпками, длиной 3—3.5 см (рис. 8). Последние служили, повидимому, для оковки ларей или сундуков. Типы гвоздей в общем аналогичны типам гвоздей в выкиде из раскопок Лепера.

Найдены также и другие предметы из железа: железная четырехугольная пряжка, подобная пряжке из раскопок Лепера,[3] обломанные подковы, несколько оковок от обуви, обломок железного замка, кусок личины замка, большая железная игла, длиной 8.3 см, и др. Встречено также несколько предметов из бронзы и меди: обломок очень тонкой сильно погнутой медной пластинки со штампованным орнаментом, повидимому

Рис. 8. Железные гвозди (№№ 384_{1-12}).

от оклада, обломок круглого зеркала в бронзовой оправе с растительным орнаментом.

Среди мелких предметов — несколько поделок из кости: пуговицы с ромбическими

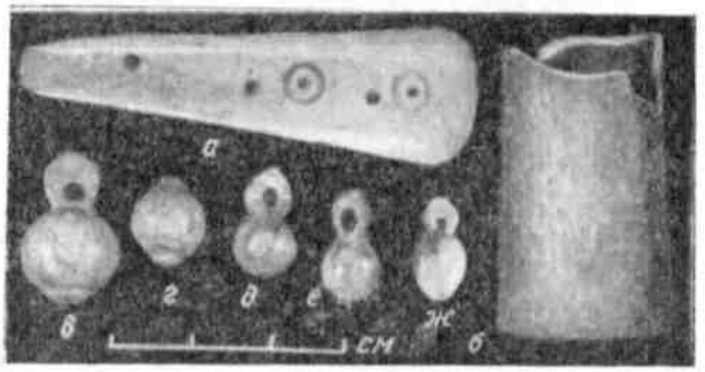


Рис. 9. Поделки из кости.

а — обкладка ручки ножа (№ 1360); *б* — коробочка (№ 475); *в—ж* — пуговицы (№№ 995, 372, 370, 466, 1257).

и квадратными ушками, шаровидные, с выпуклым ободком по низу (рис. 9, *в—ж*). Большое количество таких пуговиц было найдено Лепером при его раскопках 1913 г.[1] Найдена также костяная накладка от ножа с орнаментом из кружков, костяная коро-

[1] Возможно, что это следы большого пожара в 1493 г.

[2] См.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1934 г. Симферополь, 1936; он же. Отчет 1935—1936 гг.

[3] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 83, рис. 133.

[1] Хранятся в ГЭ, Отделе первобытной культуры. Такие же пуговицы известны и в более раннее время, например в комплексах XI—XII вв. в Черниговском музее.

бочка цилиндрической формы (фрагментирована) с орнаментом из концентрических кружков (рис. 9, *а*, *б*).[1]

Из мелких предметов следует указать сердоликовую бусу (аналогична упомянутой выше), глиняное пряслице с одной стороны с гребенчатым орнаментом, с другой — гладкое (размеры: диаметр 3.8 см, толщина 1.3 см) (рис. 30, *л*).

монета XIV в. (?), чеканена в Крыму, год не ясен (№ 1970).[1]

Стекла во втором слое было относительно немного, причем оно не однородно: наряду с поздним, в частности венецианским, стеклом (обломки сосудов молочного, непрозрачного голубоватого стекла) попадались и мелкие обломки более ранних сосудов, венчики и осколки сосудов прозрачного

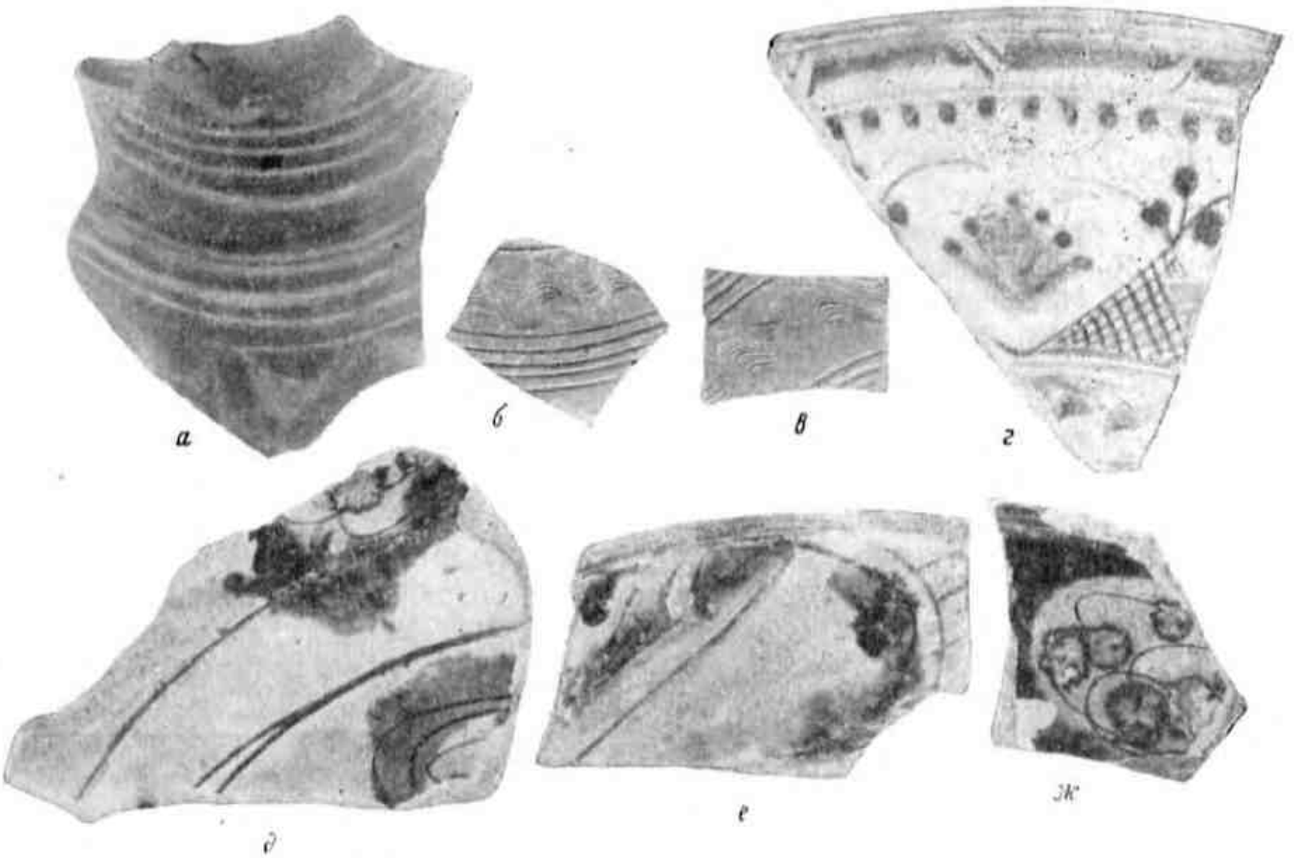


Рис. 10. Образцы керамики XIV—XV вв. из второго слоя.

а—в — неполивная керамика (№ 788); *г* — обломок сосуда с подглазурной росписью кобальтом (№ 755); *д—ж* — обломки красноглиняных сосудов с врезным орнаментом и поливой (№№ 199, 364, 369).

Встречены архитектурные фрагменты: обломки проконесского мрамора со следами пребывания в сильном огне, несколько обломков из местного известняка, мелкие обломочки фрески красного тона, несколько кубиков мозаичного пола, черепицы с клеймами (один из обломков — с рельефным изображением лошади),[2] два куска расплавленного свинца.

Монет в слое не найдено. Лишь на глубине 0.85 м, в $\frac{2}{5}$ м к северу от пикета A_4, встречена медная анонимная джучидская

зеленоватого стекла, обломки плоского оконного стекла. Встречены и браслеты, плоские, четырехугольные в сечении, синего стекла, а также обломок голубого браслета с инкрустацией из зеленых, желтых и белых квадратиков и ромбов.

Многочисленны находки поливной керамики, среди которой имеются фрагменты кувшинов, мисок, блюд, тарелок. Преобладает главным образом поздняя (XV в.) местная красноглиняная поливная керамика с врезным орнаментом и цветными (зелеными и коричневыми) пятнами, с темнозеленой, коричневой и зеленовато-желтой поливой. Сюда относятся обломок края тарелки розовой глины, обломки мисок с растительным

[1] Ср. поделки из кости из раскопок в Сарае-Берке, XIII—XIV вв. (см. каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии, стр. 499 и 500, №№ 21—32, 37—40, 53—62).

[2] См. ниже, стр. 431, 433 — «Приложение I».

[1] На реверсе изображение птицы влево.

орнаментом (рис. 10, *д*— *ж*), донышко чашки на кольцевой ножке с процарапанной крутящейся розеткой и др. Обращает на себя внимание полное отсутствие характерных для Мангупа мисок со светложелтой поливой и врезанной монограммой, состоящей из букв Т и Х, известной из прежних раскопок Лепера и встреченной во дворце.

Наряду с местной поливной керамикой в довольно большом количестве найдена привозная — восточная, белоглиняная. Среди последней имеется ряд обломков турецкой посуды XVI—XVII вв. (рис. 11) в виде обломков тонкостенных чашечек.[1] Встречен обломок кувшина из белой глины с подглазурной росписью кобальтом и золотом, дамасской работы XV—XVI вв., обломок края блюда с подглазурной росписью кобальтом в виде концентрических кружков и завитков работы хорезмийских мастеров XIV в.; место изготовления их Хорезм или Сарай-Берке. Особенный интерес представляют обломки тарелки розовато-желтоватой глины с подглазурной полихромной росписью (рис. 12). Внутренний край (бордюр тарелки) заполнен геометрическим орнаментом из пересекающихся полукружий черного цвета, образующих двусегментные фигуры и треугольные пространства между ними зеленого цвета, со светлой полурозеткой (контуры тоже черные) и с красным кружком в центре. На днище (сохранилась лишь незначительная часть его) — крупные и мелкие цветы (тюльпаны?) синего и красного цвета; контуры их также очерчены черным. На одном из обломков сохранилась чашечка цветочного сочленения синего цвета, на другом — крупные мясистые листья зеленого цвета.

Тарелка эта превосходной работы и представляет собой редкую и ценную находку. Она напоминает (по технике и рисунку бордюра) белоглиняную расписную тарелку, найденную на Тамани,[2] и сходную тарелку, найденную в Киеве.[3] Однако по общему своему характеру и рисунку бордюра мангупская тарелка, несомненно, значительно более поздняя и хронологически занимает промежуточное место между указанными находками и так называемой родосской керамикой; она должна быть датирована XV в. Э. К. Кверфельдт определил ее как принадлежащую типу так называемой прародосской керамики. Место изготовления такого рода керамики пока еще не известно. Э. К. Кверфельдт полагает, что центром

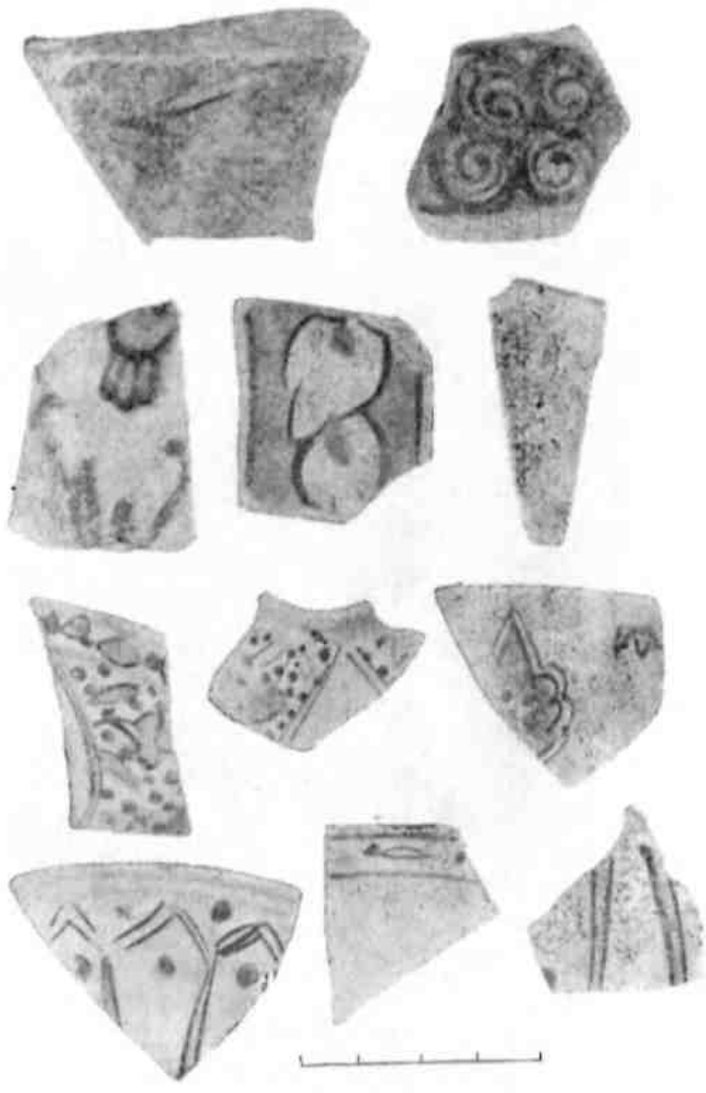


Рис. 11. Фрагменты привозной турецкой посуды XVI—XVII вв. (№№ 407 и 409).

изготовления ее могло быть северное побережье Малой Азии, точнее — Трапезунт. Вероятность такого предположения весьма велика, особенно если учесть, что в более позднее время местом изготовления подобной керамики становится Дагестан (аул Кубачи); связи же Кавказа и Крыма, в частности крымского нагорья и специально Мангупа, с Трапезунтом исторически засвидетельствованы и именно в это время.

Неполивная керамика (вся в очень мелких обломках) однородна с найденной в вы-

[1] Аналогичная посуда была найдена и при раскопках Р. Х. Лепера (см.: ОАК за 1913—1915 гг., стр. 82, рис. 130).

[2] Хранится в Государственном Эрмитаже. Датирована XI—XII вв.

[3] М. Макаренко. Малоазийська миска в Київі. Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, 36, I, Київ, 1930, цветн. табл. к стр. 104.

бросе: встречаются обломки грубых кухонных горшков плохого обжига, обломки тонкостенных кувшинов с плоскими ручками и с орнаментом, исполненным белым ангобом, а также красноглиняные миски. Ранней керамики не встречено вовсе.

Таким образом слой этот должен быть датирован концом XV—XVI в., т. е. временем турецкого завоевания. Он начал образовываться, очевидно, после того, как базилика, перестроенная в конце XIV или начале XV в., перестала действовать.

Но уже на подошве второго слоя, особенно в квадрате A_4B_5 характер слоя изменяется: земля становится более темной, сырой, плотно слежавшейся, содержит мало керамики, особенно поливной.

Третий слой [1] (см. разрез по линии $A—B$ на рис. 5) залегает довольно ровной толщью на всех квадратах участка у западной стены. Он представляет собой плотную, слежавшуюся землю темного цвета, с большим количеством органических остатков — человеческих костей и дерева. Керамики, — причем вся она в мелких обломках, — здесь сравнительно мало. Обращает внимание огромное количество кубиков мозаичного пола (27 кусков пола и 6270 отдельных кубиков), довольно большое количество свинца (13 кусков) и обломков проконесского мрамора (до 40). Как мозаика, так и мрамор, встречавшиеся на всей площади раскопа, носят следы пребывания в сильном огне, а свинец расплавлен. Встречается очень много оконного битого стекла в мелких осколках, а также отдельные поделки из железа, бронзы и кости.

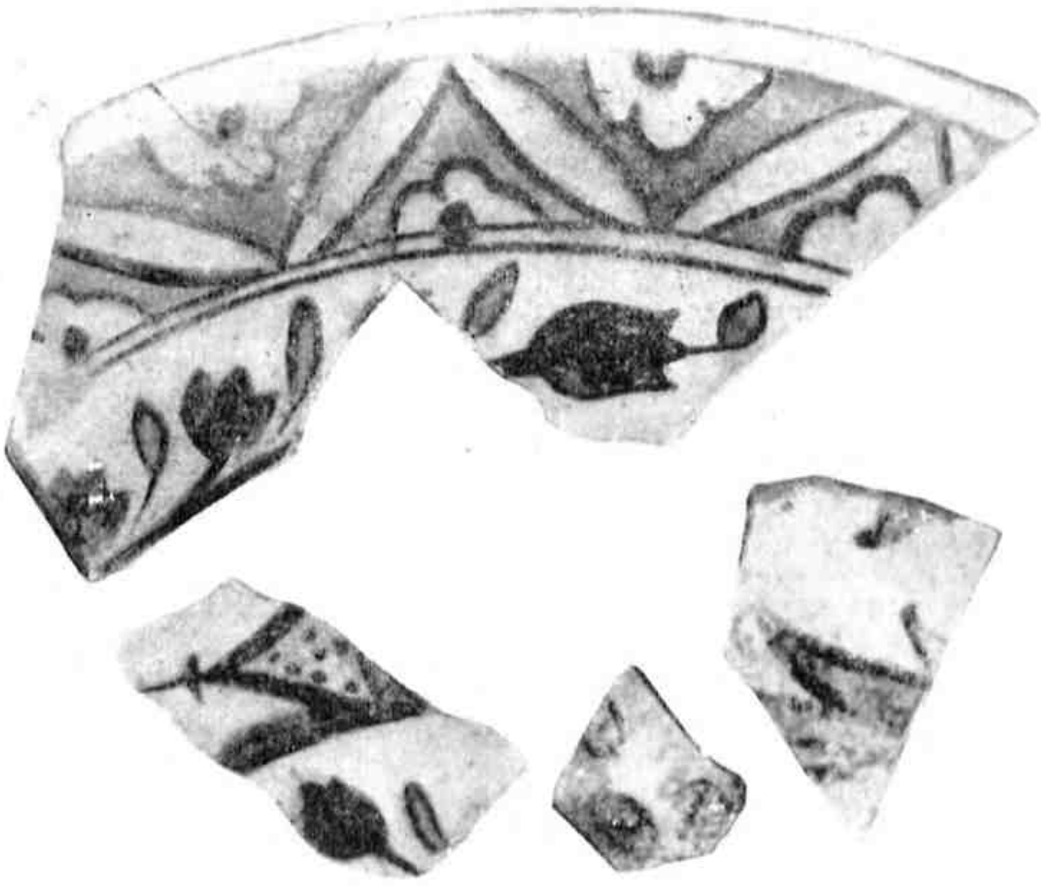


Рис. 12. Фрагменты привозной тарелки XV в. (из Трапезунта) (№ $200_{1—5}$).

На глубине 1.73 м от верхнего края стены базилики, на протяжении более 0.5 м залегают куски мозаичного пола. Мозаика сложена из кубиков квадратной, треугольной и ромбической формы, размером около 1 кв. см каждый, белого, красного и черного цветов. Материалом для мозаики служили белый проконесский мрамор, черный базальт и красный сланец (рис. 13, *а—г*). Рядом с разбитыми кусками пола были найдены в большом количестве и отдельные кубики мозаики, среди которых имелись и фрагменты иного типа — в виде больших овалов (длиной 0.065 м) из красного сланца

[1] В сущности второй, поскольку верхний — первый, представлял выкид из раскопок Р. Х. Лепера.

и кусков отдельной декоративной мозаичной детали — круглой розетки. Внешнее обрамление розетки составляют четыре овала красного цвета, образующие сегменты круга. Центр заполнен ромбом, точнее — большим кубиком белого мрамора, поставленным на углы (длина стороны 0.02 м). Образующиеся между центральным квадратом и овалами пространства заполнены треугольниками из черного базальта (рис. 13, *б*). Такие розетки использовались в качестве декоративных элементов, возможно, не только для украшения пола, но, по мысли Н. И. Репникова, и для нижних частей стен. В Крыму нигде, кроме Мангупа, такая мозаика не известна.[1]

Все эти обломки мраморных деталей и куски мозаичного пола принадлежат, очевидно, декоративному убранству первоначальной базилики. Как указано выше, при раскопках Р. Х. Лепера в восточной части базилики «между алтарной преградой и северным рядом колонн были обнаружены следы мозаики». К сожалению, Р. Х. Лепер не дал более подробного описания открытой им мозаики, ограничившись только глухим указанием, что был найден «кусочек из мелких камешков».[2] Куски мозаичного пола базилики, погибшего в пожаре, были затем, очевидно, выброшены при расчистке базилики от завалов камня и мусора.

Наряду с мозаикой, мраморными деталями, железными балочными гвоздями, свинцом, в третьем слое были встречены обломочки штукатурки с фресковой росписью, красного и зеленоватого тонов, обломки трех стеклянных браслетов раннего типа, в их числе один из белого непрозрачного стекла, с выступами (рис. 33, *д—ж*), обломок сосуда тонкого прозрачного зеленоватого стекла, четырехугольная железная пряжка, костяная пуговица (рис. 9, *ж*), серебряная бляшка (рис. 18, *б*), неправильно-овальной формы с орнаментом, выполненным чернью, с сильно стертыми изображениями животных (?) (представляет, повидимому, украшение конского убора и напоминает детали раннекочевнических наборов),[3] наконец, медное позолоченное колечко со щитком (рис. 18, *в*).

Керамика, как уже сказано, встречалась в очень небольшом количестве, причем поливной было совсем мало, и вся она состояла из мельчайших обломков: маленький обломочек поливной чашки с врезным орнаментом, покрытый желтой поливой, несколько обломочков невыразительной формы с желтой и коричневой поливой. Из поздней (XV в.) неполивной посуды найден один

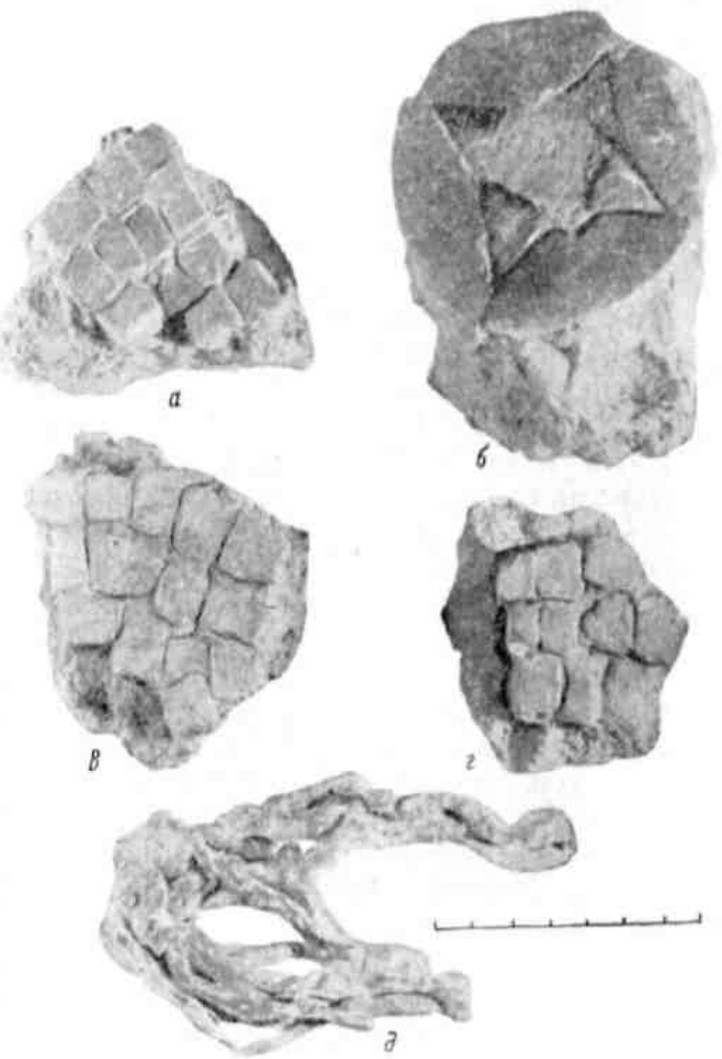


Рис. 13.

а—г — куски мозаичного пола (№№ 868, 818, 452, 458); *д* — куски расплавленного свинца (№ 1174).

обломок кувшина, украшенного по горлу концентрическими параллельными линиями и вьющимися листьями, исполненными белым ангобом (рис. 10, *а*).

Вместе с поздней керамикой встречена и раннесредневековая: обломок толстостенного сосуда с густым, глубоким рифлением,[1]

[1] Ближайшей к ней аналогией является мозаика в нартексе базилики в Эпидавре (см.: Π. Καββαδίας. Ἀνασκαφαὶ ἐν Ἐπιδαύρῳ (1918 καὶ 1919). Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς, 1918, стр. 172—193, рис. 13.

[2] ИТУАК, вып. 51, 1914, стр. 297.

[3] См.: ДИ, вып. V, 1902, стр. 5, табл. XIX.

[1] Подобная керамика в Тиритаке и Херсонесе встречается только в комплексах IV—VI вв. (см.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки... МИА, 25, стр. 100 и рис. 120, *и*; Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 273, рис. 109).

обломки раннесредневековых амфор. Таким образом основная часть находок слоя датирует его раннесредневековым временем.

В этом же слое обнаружены погребения. Всего на участке β открыто 83 погребения (не считая отдельных костей и их скоплений), которые залегали правильными рядами в три яруса один над другим. Кроме того, обнаружено шесть каменных гробниц, в которых находилось десять костяков, восемь отдельных черепов и сбросовых костей (рис. 14).

Переходим к описанию погребений первого, верхнего, яруса (*55—71*).[1] Все костяки лежали, повидимому, в деревянных гробах: дерево, хотя и очень плохой сохранности, ясно прослеживалось как вдоль костяков, так и на костяках[2] (рис. 15 и 16). Часть костяков обложена камнями (погребения *57* и *62*; см. рис. 16). Костяки правильно ориентированы в направлении З—В, в большинстве своем лежат на спине, с вытянутыми ногами. Положение рук различно: на груди, на поясе, на тазу. Бóльшая часть костяков как верхнего, так и нижнего яруса сдвинута и потревожена. Так, костяк *55* согнут в коленях и весь повернут на север, костяк *59* лежит на спине лицом на север, костяк *64* — на боку, почти на животе, также повернут на север. Такое положение костяков следует объяснить, очевидно, тем, что при захоронении верхнего ряда гробов последние оказались поставленными на гробы нижнего яруса, уже подгнившие. В связи с общим наклоном местности к северу, последние накренились к северу, в результате чего и часть погребенных в свою очередь оказалась лежащей на левом боку, повернутой к северу.

Сохранность костей за некоторым исключением (например костяк *58*), удовлетворительная. У ряда костяков (*56—59*) не сохранилось ступней, которые были срезаны, вероятно, Р. Х. Лепером, при прокопке им вдоль западной стены базилики узкой траншеи.

Вещей на костяках или при костяках не обнаружено. Лишь в изголовье костяка *69*, лежавшего на плитах, перекрывающих гробницу *VII*, было найдено упомянутое выше медное позолоченное колечко со щитком (рис. 18, *е*), быть может связанное с погребением. У погребения *62* в гробнице (обкладка из камней) были найдены медная джучидская монета (№ 735) и маленький серебряный гвоздик.

Непосредственно под первым слоем костяков залегает второй слой погребения (*72—88*, рис. 14 и 17), причем разница глубины залегания тех и других незначительна: костяки верхнего яруса лежали на глубине 1.10—1.14—1.18—1.20 м, а нижнего на глубине 1.10—1.14—1.37—1.43 м и т. д. Под костяком *57*, обложенным камнями, находился костяк *76* второго слоя, по бокам которого лежали костяки *74* и *75*. Череп, лежавший у костяка *60* первого яруса погребений, оказался принадлежавшим костяку, бывшему почти непосредственно под ним. Под костяком *62* в гробнице, обложенной камнями, лежал другой костяк, но уже без гроба, и т. д. Между правильно захороненными костяками было много разбросанных костей.

Костяки второго яруса также правильно ориентированы с запада на восток, лежат на спине, ноги вытянуты, руки большей частью сложены на груди. У нескольких костяков сохранились in situ вещи (погребения *77*, *80*, *79*, *82*). Здесь же найдены джучидские монеты конца XIII—XIV вв.

Костяк *77* лежал на глубине 1.18 м. Сохранился частично (длина сохранившейся части 1.55 м), лежал на спине. В земле при костяке найдена медная анонимная джучидская монета, чеканенная в Крыму в 692 г. хиджры (=1292 г.).

У костяка 80 (сохранился фрагментально) обнаружены две бусы из пасты, лежавшие по бокам тазовых костей, медная пуговица,[1] серебряное кольцо (рис. 18, *д—ж*).

При костяке *79* также оказалось несколько вещей. Костяк лежал на спине на глубине 1.46 м, почти непосредственно на плитах, перекрывавших каменную гробницу *II*. Костяк (длиной 1.68 м) принадлежал взрослому человеку. Голова повернута к югу, рот широко открыт. Костяк потревожен:

[1] Нумерация продолжает нумерацию участков 2, 7.

[2] У костяка *58*, например, ясно видны сбоку остатки горизонтальных и вертикальных досок.

[1] Аналогичные пуговицы известны как в позднесредневековом могильнике в Алуште (см. В. Ф. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях. Д. ТМАО, т. XII, табл. I, 20), так и в более ранних, например в Херсонесе, в склепе № 2328 (раскопки 1907 г.), датируемом найденными монетами IX в., и в некрополе у базилики, открытой в 1935 г. могилы №№ 4 и 7 (Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 115).

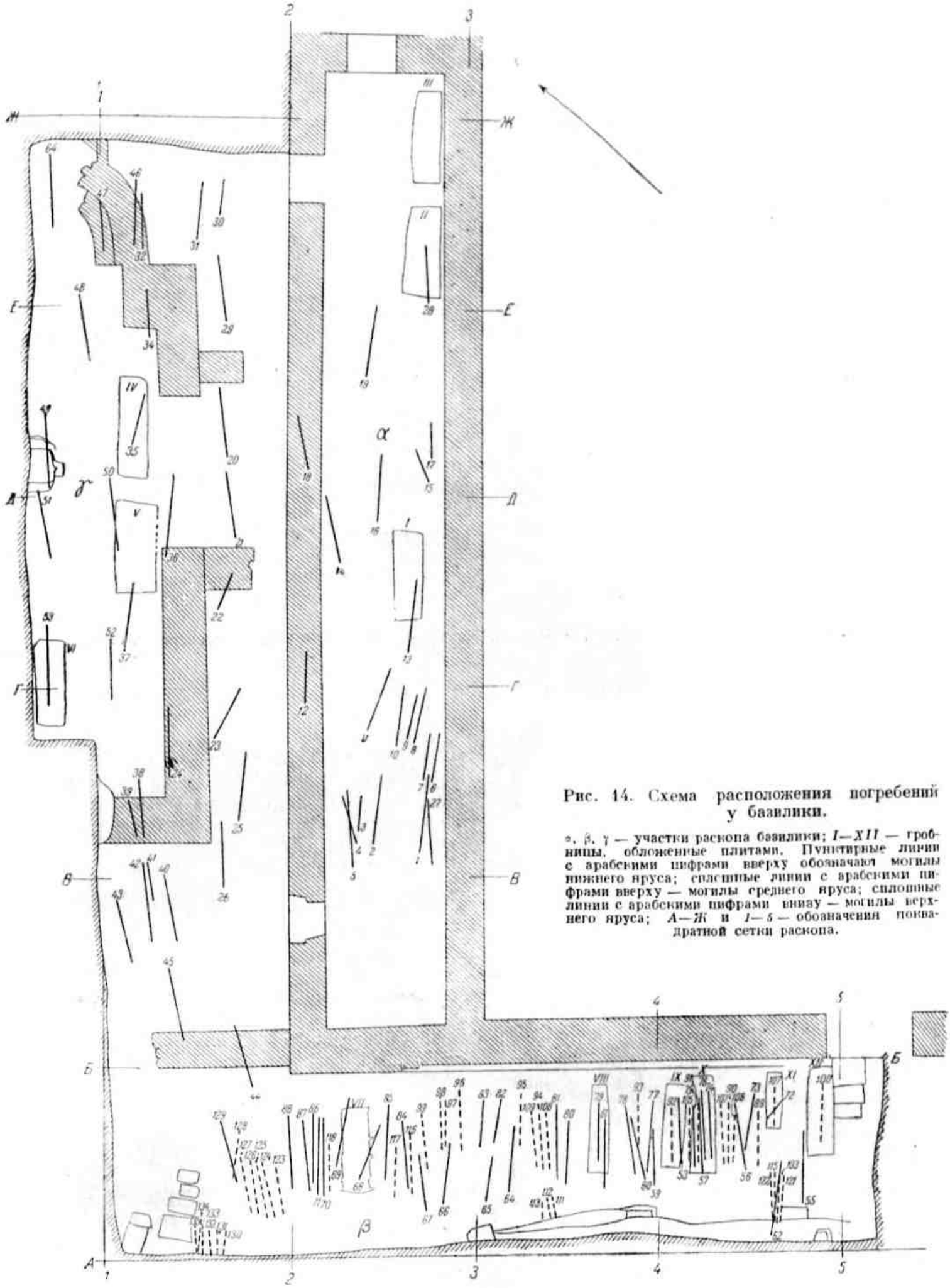


Рис. 14. Схема расположения погребений у базилики.

α, β, γ — участки раскопа базилики; *I—XII* — гробницы, обложенные плитами. Пунктирные линии с арабскими цифрами вверху обозначают могилы нижнего яруса; сплошные линии с арабскими цифрами вверху — могилы среднего яруса; сплошные линии с арабскими цифрами внизу — могилы верхнего яруса; *А—Ж* и *1—5* — обозначения квадратной сетки раскопа.

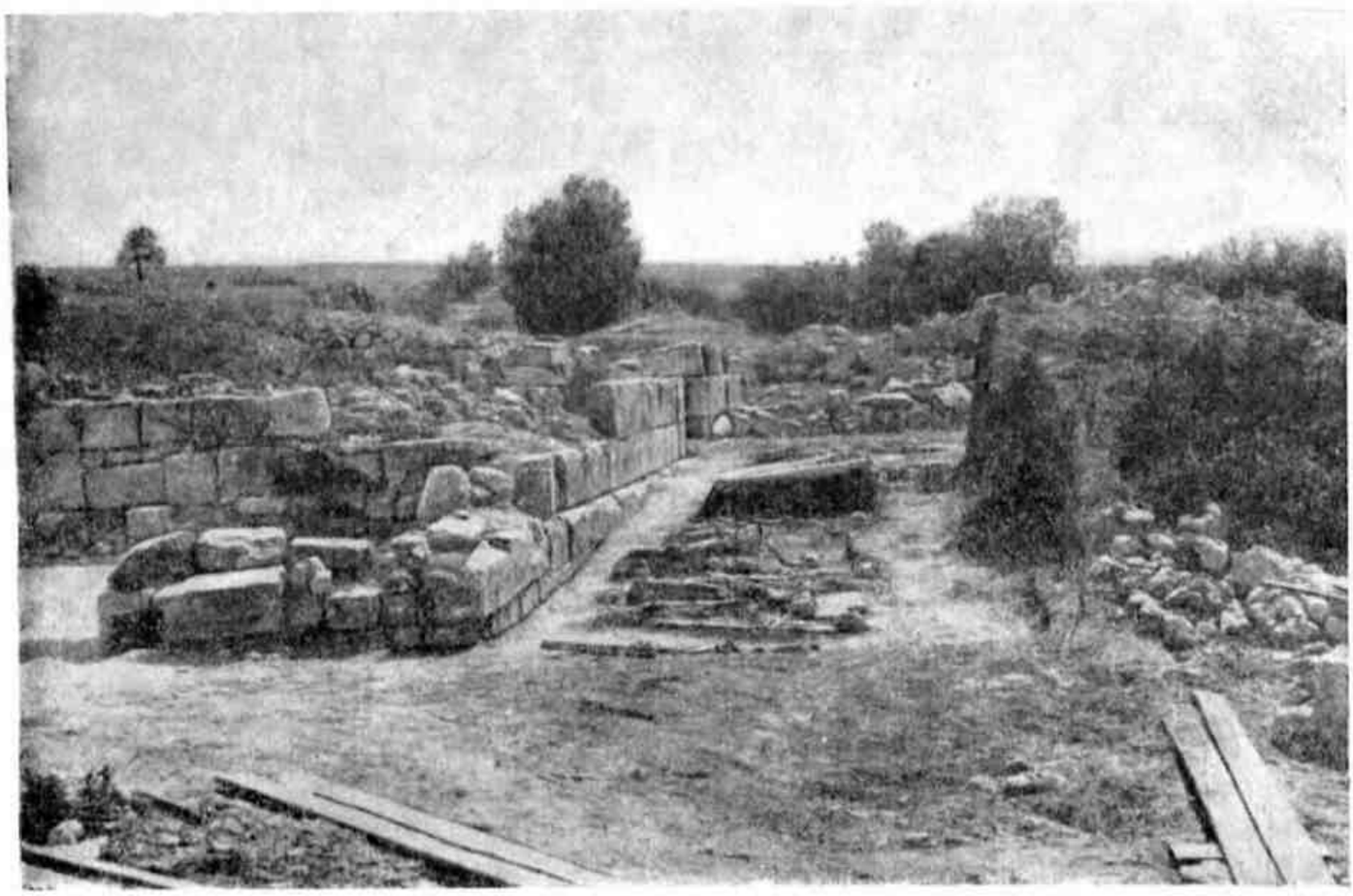


Рис. 15. Погребения верхнего яруса на участке δ (у западной стены базилики), вид с северной стороны.

Рис. 16. Погребения верхнего яруса на участке β (погребения *55—71*), вид с южной стороны.

ноги перекрещены в ступнях, позвоночник несколько смещен, равно как и правая рука, к югу; левая рука на тазу. Сохранность костей удовлетворительная. При костяке,

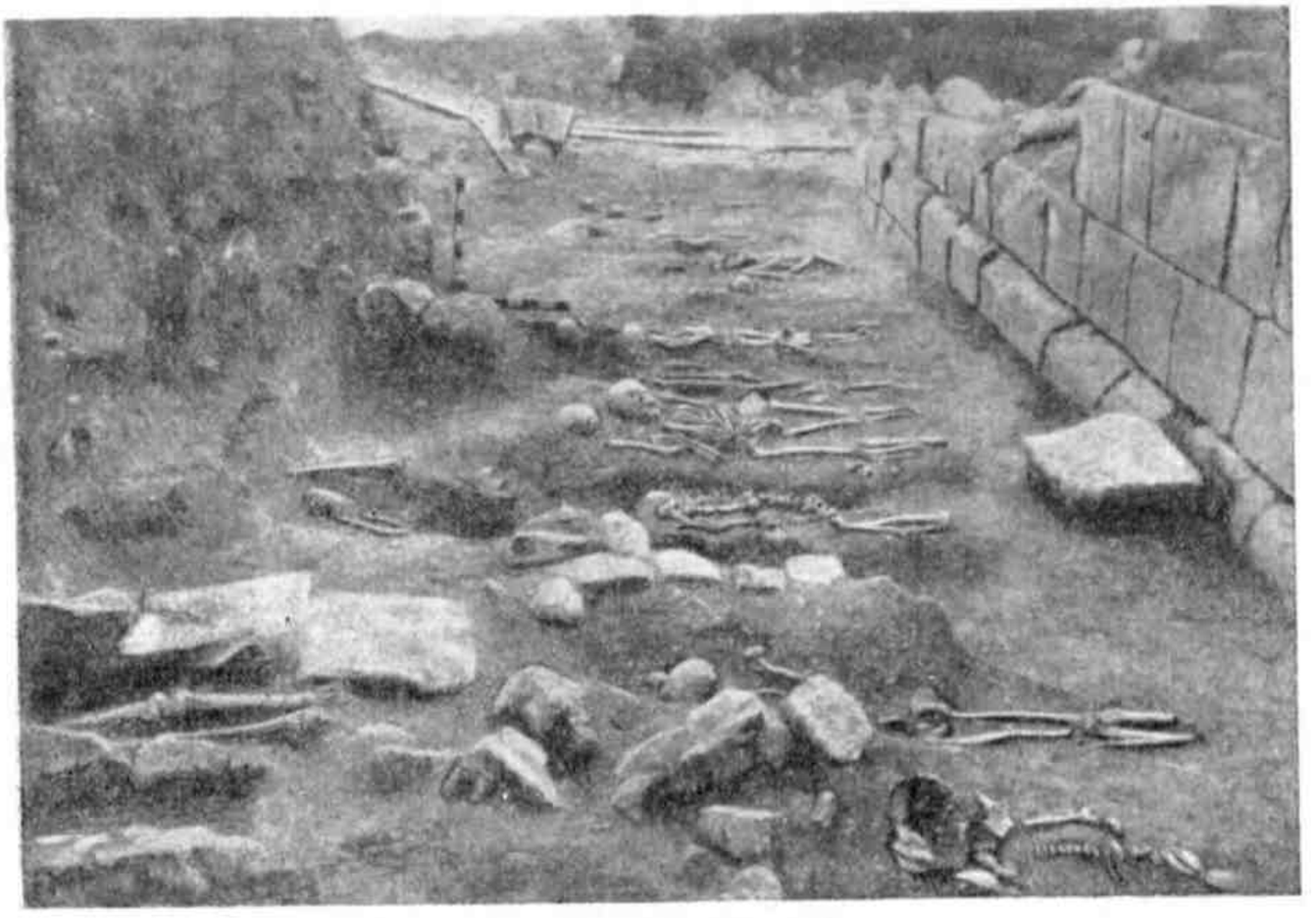


Рис. 17. Погребения второго яруса на участке 5 (погребения *72—88*), вид с южной стороны.

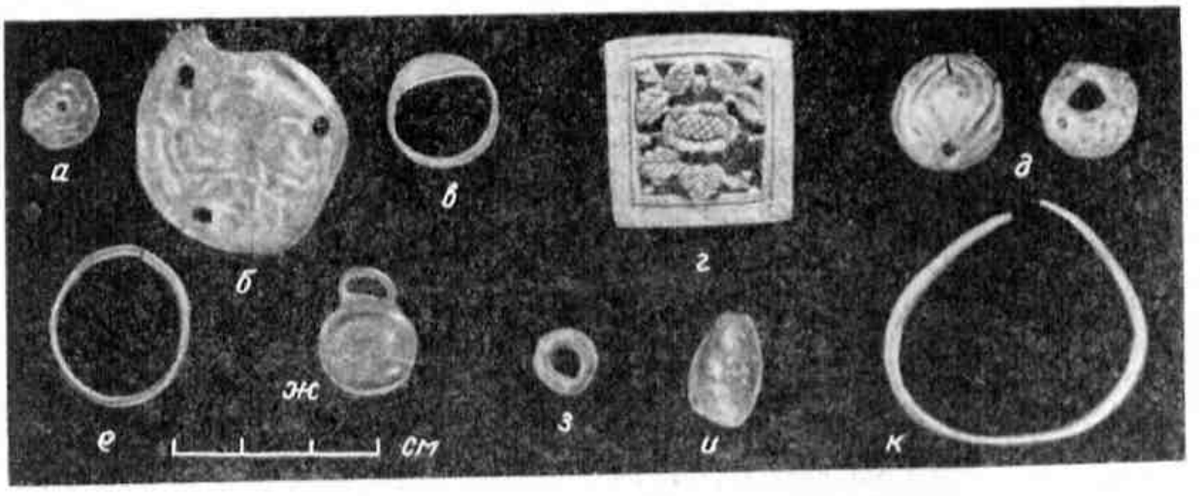


Рис. 18. Находки из детских и взрослых погребений нижнего яруса на участке 5.

а — сердоликовая буса (№ 698); *б* — серебряная орнаментированная бляшка (№ 1258); *в* — бронзовое кольцо со щитком из погребения *69* (№ 2504); *г* — накладка из слоновой кости китайской работы из погребения *79* (№ 1229); *д* — бусы из погребения *80* (№ 888); *е* — серебряное колечко из погребения *80* (№ 933); *ж* — бронзовая пуговица из погребения *80* (№ 901); *з* — стеклянная буса (№ 887); *и* — лигнитовая буса (№ 1961); *к* — браслет из бронзового прута (№ 1462) из погребения *48* на участке 7.

которая лежит вдоль туловища, слегка отклоняясь в нижнем сочленении вправо у самых ног, слева в земле лежали резная костяная накладка от поясного набора ки-

тайской работы [1] (рис. 18, *г*) и медная анонимная джучидская монета XIV в., чеканенная в Крыму.[2] В земле под костяком найдены сильно потертая медная джучидская монета и обломочек золотой пластинки, длиной 5 мм. Костяная накладка — резной ажурной работы, в виде цветка в обрамлении из дубовых листьев, заключенного в квадратную рамку, — представляет собою украшение от поясного набора, весьма распространенного в средневековом Китае; она надевалась на тонкий ремешок или на шелковую тесьму. По указанию Э. К. Кверфельдта, подобная техника резьбы по кости применялась в Китае в течение очень долгого времени (с X по XVII в.).

На основании того, что данный предмет найден вместе с джучидской монетой конца XIII—начала XIV в., и погребение следует датировать концом XIII или самым началом XIV в., т. е. временем наибольшей мощи Золотоордынского царства и его наиболее широких экономических связей. Такую дату, по мнению Э. К. Кверфельдта, подтверждает и состояние самой кости. Напрашивается, наконец, и еще одно предположение — что и самое погребение *79*, в котором было найдено это украшение китайской работы, не христианское. Положение костяка, хотя и лежащего на спине, но несколько повернутого к югу, поворот головы к югу, скрещенность ступней, в сочетании с находкой джучидских монет и китайским поясным украшением, думается, — позволяют высказать мысль, что мы имеем здесь дело с погребением татарина-мусульманина; возможно, что оно было здесь не единственное. Исторически для начала XIV в., когда и Горный Крым был в подчинении у Золотой Орды, когда на самом Мангупе постоянно бывали татары, когда базилика лежала в развалинах, — погребение нехристиан у ее стен было вполне возможным.

На основании монет и отдельных находок погребения второго яруса должны быть датированы временем не ранее конца XIII—первой половины XIV в.

Третий, т. е. нижний, ярус костяков залегает непосредственно под предыдущим. Часть костяков (*103*, *104*, *111—113*, *130—135*) заходит за линию раскопа A_1A_5 (уровень залегания см. на разрезе по линии *А—Б*, рис. 5). Общий характер погребений сходен с погребениями обоих верхних ярусов,[1] почему здесь мы ограничиваемся суммарным описанием погребений, останавливаясь подробнее лишь на тех, которые чем-либо отличны или в которых имеются вещи in situ.

Большинство костяков третьего яруса также лежало в деревянных гробах. Ориентировка и положение костяков в основном были те же, что и в верхних ярусах погребений, т. е. З—В. Исключение составляли погребения на квадрате A_1B_2, у с.-з. угла базилики, где почти все костяки были ориентированы с ЮЗ на СВ. Сохранность большинства костяков плохая. Особенно плохо сохранились детские костяки, почти все они потревожены. Ряд костяков (*90*, *92*, *100*, *101*) лежал на плитах, перекрывавших нижележащие каменные гробницы. Несколько погребений (*91*, *103*, *115*, *122*) обложено камнями; у погребений *101* и *116* в изголовье положена черепица (ср. погребение *66* первого яруса).[2] Не безынтересно отметить, что обломки черепицы в изголовье костяков *99* и *116*, сложенные вместе, составляли цельную черепицу. Поэтому есть все основания полагать, что, несмотря на разницу уровней этих погребений (0.13 м), они одновременны.

У костяков *95* и *103* и у детских костяков *106*, *107* и *117* вещи сохранились на месте. Около некоторых костяков найдены вещи, несомненно связанные с погребением. Так, у костяка *91* (см. рис. 14), в земле, натекшей в гробницу, обложенную камнями (костяк лежал непосредственно над костяком *105*), найдено поломанное медное колечко со вставкой из синего стекла (рис. 20, *а*). У костяка *95* (костяк потревожен, череп и ступни не сохранились), залегающего в квадрате A_3B_4 на глубине 1.05 м от цоколя базилики, на пятом ребре справа снизу лежала верхняя створка бронзового позолоченного энколпия с грубым изображением распятия, исполненного чернью. В земле поблизости было найдено и ушко энколпия (рис. 19). Энколпий датируется третьей чет-

[1] Определение дано Э. К. Кверфельдтом.

[2] Год не ясен. Не исключено, что монета относится к концу XIII в. (ср. монету за № 961 1292 г.).

[1] В отличие от верхних слоев погребений, где почти совсем не было детских погребений, здесь их несколько: *100—103*, *105—108*, *117*, *118*.

[2] Ср. погребение, открытое при раскопках 1913 г. в Херсонесе между западных оборонительных стен (см.: ОАК за 1913—1915 гг., стр. 65, рис. 95).

вертью XII в.,[1] что не позволяет отнести самое захоронение ко времени ранее рубежа XII—XIII вв.

Костяк *103* (под костяком *62* предыдущего ряда погребений) обложен камнями, потревожен: череп и правая сторона разрушены. Среди костей найдено колечко ребрами еще четыре бусинки, повидимому от ожерелья, и одна буса millefiori (рис. 20, *ж*).[1] У костяка *107*, представлявшего собой сплошную труху костей (череп раздроблен, позвоночник смещен и сохранился частично, верхние и нижние конечности отсутствуют, сохранились лишь часть таза и одна бедрен-

Рис. 19. Створка бронзового энколпия и его ушко (№№ 1421, 1422) из погребения *95*.

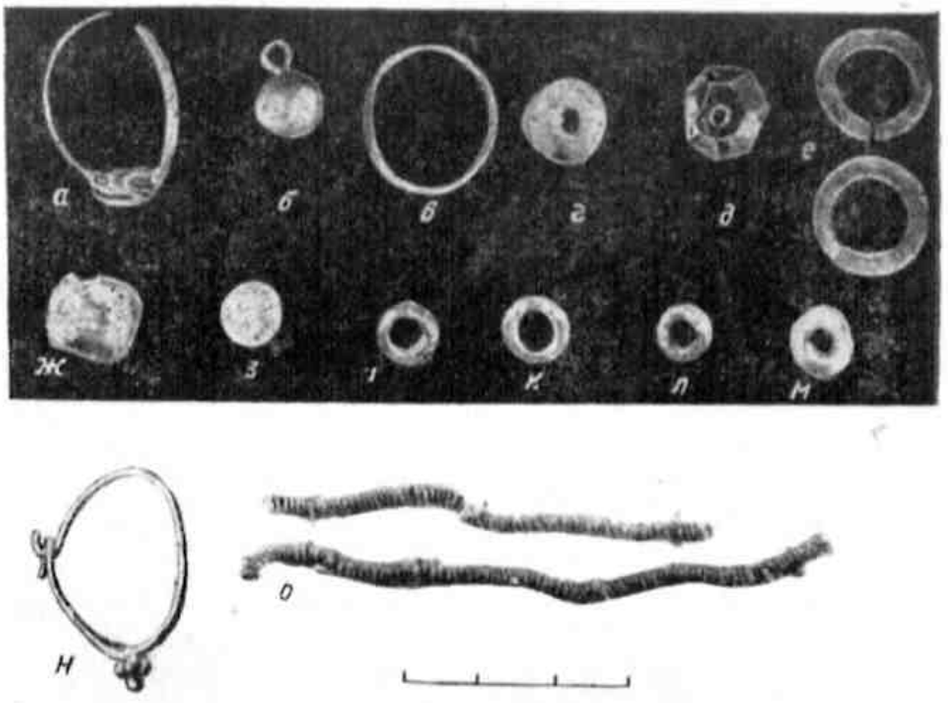


Рис. 20. Находки из погребений нижнего яруса на участке Ъ.

а — медное колечко со вставкой синего стекла из погребения *91* (№ 1496); *б* — серебряная пуговка из погребения *102* (№ 1444); *в* — бронзовое колечко из погребения *103* (№ 1445); *г* — пастовая буса с «глазками» из погребения *103* (№ 1446); *д* — гранная сердоликовая буса из детского погребения *117* (№ 1500); *е* — два бронзовых позолоченных колечка из гробницы *VII* (№ 1412); *ж*—*м* — бусы из детского погребения *106* (№№ 1427, 1435, 1441, 1426); *н* — золотая серьга с пирамидкой из гробницы V (№ 1297); *о* — шнурок, перевитый металлическими нитями из детского погребения *107* (№ 1436).

из тонкого серебряного витого дрота; в земле у костяка обнаружена буса из желтой пасты с зелеными глазками (рис. 20, *г*).[2]

Особый интерес представляют детские костяки *106* и *107*, очень маленьких, возможно грудных детей (квадрат $A_1Б_5$ на глубине 0.52 м и 0.56 м от цоколя). На этих почти совершенно истлевших и потревоженных костяках сохранились остатки погребального инвентаря. Так, у костяка *106* между третьим и четвертым ребрами справа были три бусинки из синего стекла, а под

[1] Датировка Г. Ф. Корзухиной (ср. крестскладень из Херсонеса в кн.: Н. П. Кондаков. Русские клады. 1896, стр. 45, рис. 27; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. V, 1890, стр. 32, рис. 22).

[2] Ср. бусы из Рутхи и Камунты (МАК, т. VIII, 1900, табл. XC, *1*; табл. XCI, *9*, 10; ИАК, вып. 33, стр. 96, рис. 24, *12* и т. д.).

ная кость), на тазу оказались остатки шерстяной ткани очень плохой сохранности и шнурок, переплетенный металлическими нитями (рис. 20, *о*).[2]

У детского костяка *117* (сохранность также очень плохая) уцелела на груди, почти на шее, гранная сердоликовая буса (рис. 20, *д*) и бронзовая, почти совершенно разрушенная пряжечка.

Наконец у взрослого костяка *108*, очень плохой сохранности, залегающего на глубине 0.94 м от цоколя, на границе квадратов

[1] Там же.

[2] Ср. аналогичную находку в Алуште и на Северном Кавказе (могильник Карпенко) (см.: Вс. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. Д. ТМАО, т. XII, вып. 2, 1888, табл. I, 22; МАК, т. II, 1889, табл. XIII, 11). В. И. Сизов предполагает, что такие шнурки служили украшением одежды.

$A_3Б_4$ и $A_4Б_5$, у правой ключицы оказался обломанный, сильно деформированный четырехконечный железный крест с удлиненным нижним концом.

Костяк *102*, повидимому, принадлежавший подростку (квадрат $A_4Б_5$), лежал на каменной плите; в изголовье у него найден обломок черепицы. Сохранность костяка посредственная. Около костяка найдены следующие предметы: в ногах медная пластинка (длина 4 см, ширина 5 см) с двумя железными гвоздиками и следами дерева, маленький гвоздик с большой шляпкой, два фрагмента медной обкладки со штампованным точечным орнаментом (рис. 21, *в*—*е*). Обломок такой же обкладки был найден севернее, в том же ю.-з. углу квадрата $A_4Б_5$, у остатков деревянного гроба (рис. 21, *в*—*е*). Под головой костяка лежала железная пластинка ромбической формы также со следами дерева и зеленой патины — возможно, подкладка от предыдущей. Все эти обломки принадлежали, вероятно, медной обивке гроба. Среди костей была найдена также серебряная пуговка от одежды (рис. 20, *б*) [1] и просверленная монета (?).

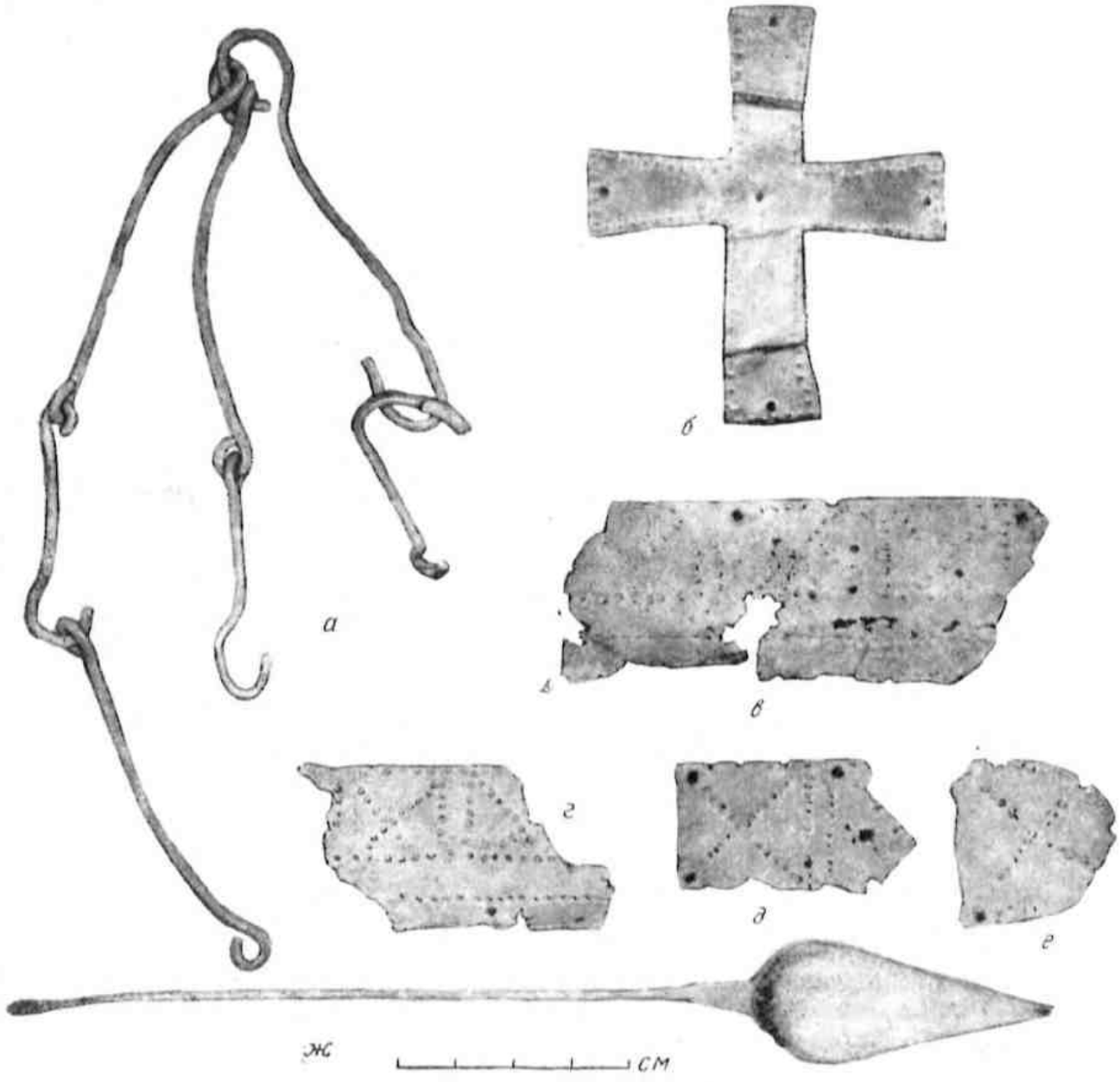


Рис. 21. Находки из нижнего слоя на участке β и γ.

а — медная цепочка от лампады (№ 1871); *б* — серебряный крестик (№ 1563); *в*—*е* — фрагменты медной обкладки (№№ 1161 и 1364); *ж* — евхаристическая бронзовая позолоченная ложечка (№ 1298).

В земле между костяками третьего яруса поливная керамика почти не встречалась (имеются лишь единичные находки кропеч-

[1] Ср., например, серебряную пуговку из могильника Дузу (ИАК, вып. 33, стр. 95 и рис. 24, *8*).

ных обломочков с желтой поливой), напротив, неполивной раннесредневековой керамики оказалось много. Найдено очень большое количество кубиков мозаики (например, в земле около костяка *115* в квадрате $A_4Б_6$ — до 1000 шт.); впервые здесь встречается мозаика из кубиков желтого мрамора. Кроме того, встречено очень много мелкого битого стекла; встречалась и битая черепица с клеймами.

В квадрате $A_4Б_5$, в земле между костяками *121* и *122*, найдена медная цепочка из трех двухколенчатых звеньев; рядом с ней было множество обломков тонкостенного сосуда зеленоватого стекла. Повидимому, эта цепочка принадлежала стеклянной лампаде (рис. 21, *а*).[1] У костяка *122* (в гробнице, обложенной камнями, под костяками *62* и *115*) в земле между ног найден большой цилиндрический железный замок (рис. 22, *б*).

На основании состава находок погребения (третий ярус погребений) приходится датировать более ранним временем — XI—XII вв., быть может, началом XIII в., не позже.

Часть описанных костяков, как указано, лежала почти непосредственно на плитах каменных гробниц (*VIII—XII*), поставленных, как и гробница *VII*, в квадрате $A_2Б_3$ прямо на скалу. Некоторые костяки (например *116—118*) лежали ниже верхнего перекрытия гробниц, между гробницами, на подошве нижнего слоя. На том же уровне лежали и погребения в квадрате $A_1Б_2$ (*123—129*); эти последние, за исключением погребения *129*, очень плохой сохранности, потревожены, но сохранили на месте часть погребального инвентаря.

Костяк *123* — женский, плохой сохранности, потревожен, череп раздавлен, ступни отсутствуют; верхняя часть его смещена, позвоночник изогнут. У этого костяка, как и у соседних *124—128*, никаких следов гроба не было.

На груди костяка *123* лежала гранная буса-подвеска биконической формы из бирюзовой пасты, охваченная бронзовым ободком с ушком на шнурке (рис. 23, *в*).[1] У головы, под правым ухом и у левого уха, найдены серьги из тонкого ложновитого бронзового дрота в виде колец с петелькой и крючком на концах (рис. 23, *а*, *б*); серьги надломлены.

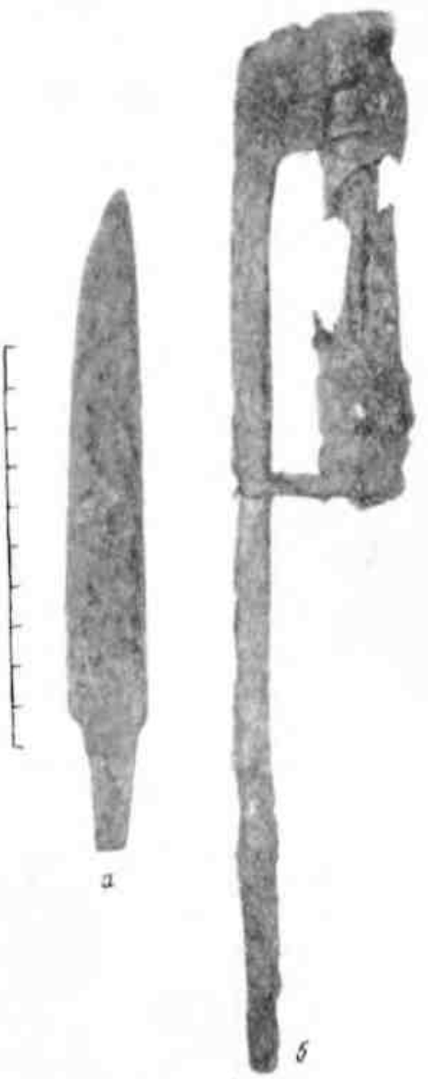


Рис. 22.

а — лезвие железного ножа (№ 1836); *б* — железный замок (№ 1728).

У костяка *127*, также женского (костяк потревожен, сохранились только череп, позвоночник, правая нога до колена, кости таза и руки в нижнем сочленении), в земле

[1] Крючок от такой же цепочки был найден на участке γ, в нижнем слое. Ср. цепочку от лампады из Партенитской базилики и цепочку из Суук-Су (Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, стр. 140, рис. 64; он же. ЗООИД, т. XXVII, рис. 137). Аналогичные цепочки были находимы в Херсонесе, при раскопках в 1902 г., в западной части монастырской усадьбы (ИАК, вып. 9, стр. 59). Обломок такого же типа цепочки от лампады известен из раскопок В. Пырвана в Ульметуме на нижнем Дунае (см.: Vasile Pârvan. Cetatea Ulmetum. Descoperirile ... din vara anului 1914. Analele del Accademiei Romane, 1915, tabl. VI, 3).

[1] Ср. бусы из бирюзовой египетской пасты в могильнике XII в. у селения Мысхако близ Новороссийска (МАК, т. II, 1889, стр. 144). Аналогичные бусы известны из Сарая-Берке, Биляра и других золотоордынских городов XIII—XIV вв.

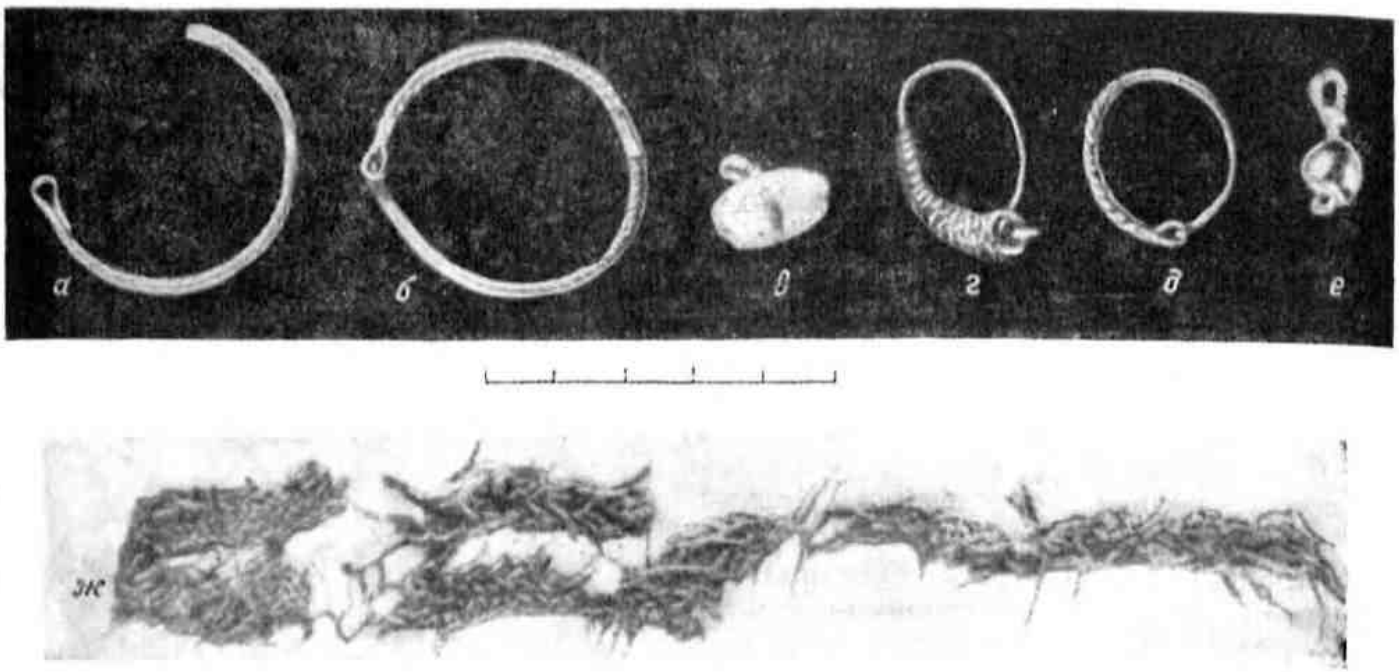


Рис. 23. Находки из женских погребений нижнего яруса на участке 3.

Из погребения *123*: *а*, *б* — бронзовые серьги (№№ 1968 и 1969); *в* — буса-подвеска из голубой пасты (№ 1967); из погребения *127*: *г*, *д* — витые бронзовые серьги (№№ 1964 и 1963); из погребения *129*: *е* — сердоликовая буса-подвеска (№ 1971); *эк* — обрывки позумента от головного убора (№ 1976).

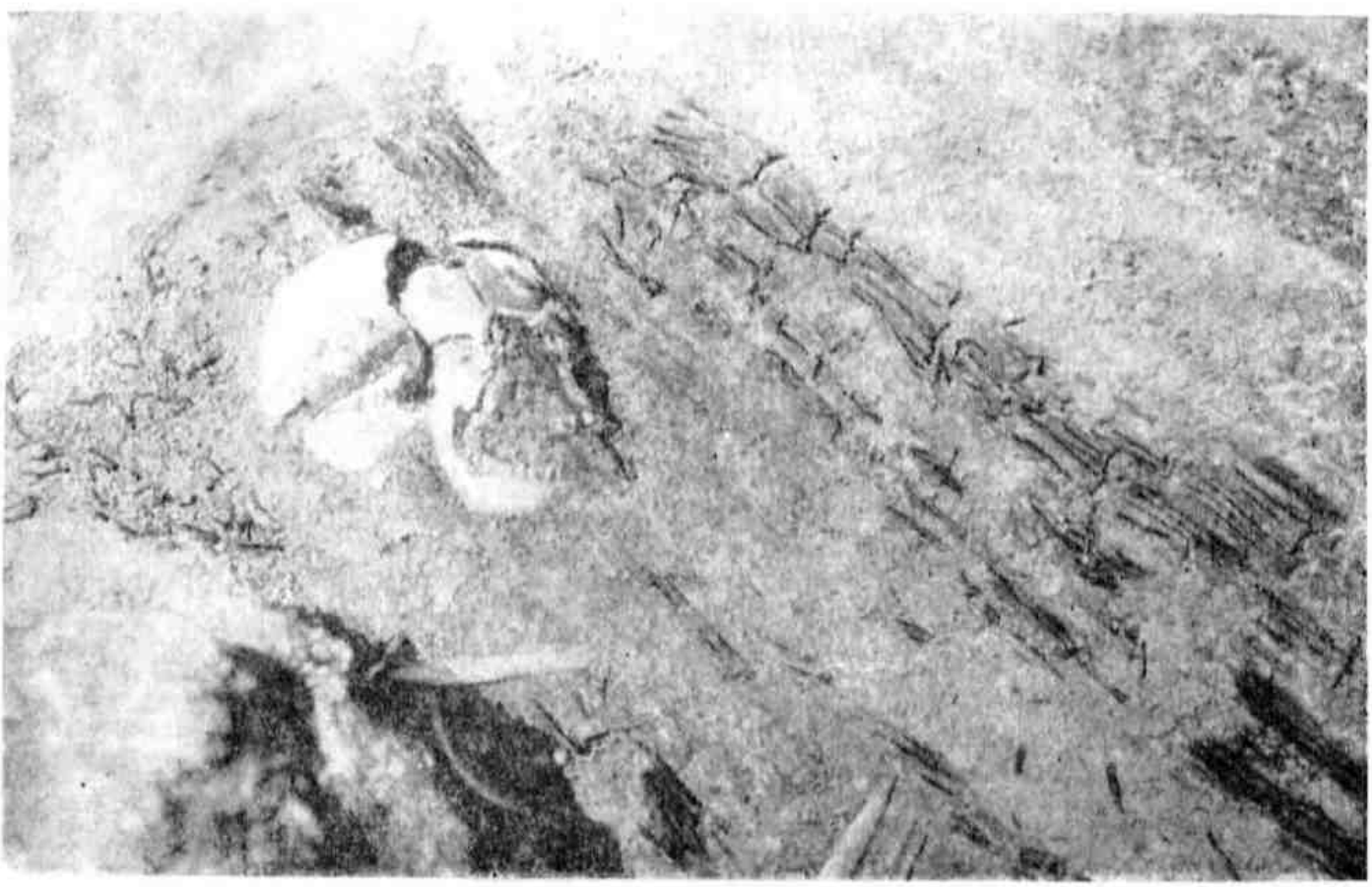


Рис. 24. Погребение *129* на участке 3.

под головой, справа и слева, лежали бронзовые, сильно патинированные серьги. Одна из них (рис. 23, *д*) повторяет в уменьшенном виде серьги у костяка *123* (рис. 23, *а*, *б*). Вторая серьга — из тонкого бронзового дрота с крючком и петелькой на концах (рис. 23, *г*). Один конец ее обмотан спирально-скрученной тонкой проволокой сложного плетения. сохранность его плохая. На груди костяка находилась круглая сердоликовая буса (пуговка?) на шнурке (рис. 23, *е*).[1] По характеру погребения, сохранности гроба и погребальному инвентарю погребение *129* несомненно не раннее.

Как указано, по снятии костяков *89—114*, под ними оказались каменные гроб-

Рис. 25. Каменные гробницы на участке β, вид с северной стороны.

Погребение *129* — женское. Костяк лежал в деревянном гробу в форме ящика, сужающегося к ногам. Размеры гроба: длина 1.65 м, ширина в головах 0.47 м, у ног — 0.26 м; гроб довольно хорошей сохранности. Костяк ориентирован с ЮЗ на СВ, лежал на спине, руки сложены на поясе, голова повернута к северу. На голове сохранился позумент из плетеных серебряных позолоченных нитей, являвшихся, повидимому, украшением головного убора (шапочки?) (рис. 23, *ж*).[1] Позумент охватывает всю голову и поднимается со лба на темя;

[1] Ср. позумент у костяка *11* в северной галерее и находки позумента в раскопках Р. Х. Лепера.

ницы. Всего на раскопанном участке открыто шесть таких гробниц *VII—XII* (рис. 14 и 25). Все они сложены из плит, поставленных на ребро прямо на скалу,[2] правильно ориентированы с запада на восток и почти примыкают, как бы приставлены, к стене базилики (за исключением гробницы *VII* — рис. 4 и 25). Гробницы потревожены; они были засыпаны натекшей в них сверху землей и использованы повторно.

[1] Ср. бусы-пуговицы из могильника в Алуште (Вс. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. Д. ТМАО, т. XII, вып. 2, 1888, табл. I, 3).

[2] Особенно тщательно сложены (из тесаных плит вторичного использования) гробницы *VII* и *VIII*.

Так, в гробнице *VIII* (рис. 26 *а*) под свалкой черепов и костей, внизу, почти на скале, лежал костяк. В гробнице *IX* обнаружено тройное погребение: на нижнем костяке лежало несколько черепов, над которыми был снова правильно положен костяк. В гробнице *XI* сверху лежали три черепа и обломки трех других черепов, а также большое количество костей, под ними находился детский костяк и, наконец, еще ниже костяк взрослого. В гробнице *XII* лежали один костяк и два обломанных черепа, костяк потревожен.

Рис. 26а. Гробница *VIII* у западной стены базилики.

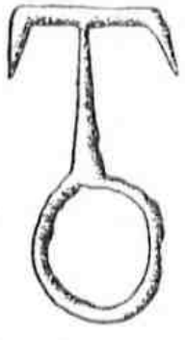


Рис. 26б. Метка на одном из камней гробницы *VII*.

Даем подробное описание гробниц.

Каменная гробница *VII* — в форме вытянутого прямоугольника, суживающегося в восточном направлении. Размеры ее: длина 2.15 м, ширина 1.05—0.85 м, высота 0.35 м. Ориентирована З—В (см. рис. 4). Сложена на скале из девяти обработанных плит известняка различных размеров. В углы гробницы, в пазы между плитами заложены куски битой черепицы, в изголовье (с запада) лежала плита с выкружкой вторичного использования. На одной из плит южной стенки, на внутренней стороне гробницы, высечена монограмма (рис. 26 б). Гробница перекрыта четырьмя тщательно обработанными плитами различного профиля, вторичного использования; крайняя восточная плита имеет тот же профиль, что и плиты перекрытия гробницы *VIII*; она округлой формы с ромбическим выступом в центре.

В гробнице оказались два костяка, один над другим, ориентированные З—В. Верхний (длиной 1.56 м) — на глубине 0.42 м, лежит на спине, руки сложены на груди, потревожен: череп повернут к югу, челюсть смещена к В—СВ, таз сдвинут, правая нога запала на левую, ребра перепутаны. Нижний костяк (длиной 1.63 м) — на глубине 0.50 м, лежит на спине, руки сложены на поясе; кости потревожены: череп приподнят, повернут лицевой частью на СВ, остальные кости сдвинуты. Вещей при ко-

стяках нет. В земле, натекшей в гробницу, найдены обломки керамики, два железных гвоздя, кубики мозаики, крошечный обломочек полированного рога (?); в западном углу гробницы обнаружены два позолоченных колечка (рис. 20, *е*). Под костяками на дне гробницы лежали обломки днища остродонной амфоры (рис. 29, *б*) и мелкие осколки оконного стекла.

В гробнице находились два костяка в потревоженном состоянии и два черепа. Костяки лежали на спине, головы слегка повернуты к югу, руки — правая на тазу, левая на груди. Вещей нет. В земле на третьей плите, перекрывающей гробницу, найден крошечный обломочек золотого листка — фольги (размером 5 кв. мм). В земле около гробницы попадались обломки

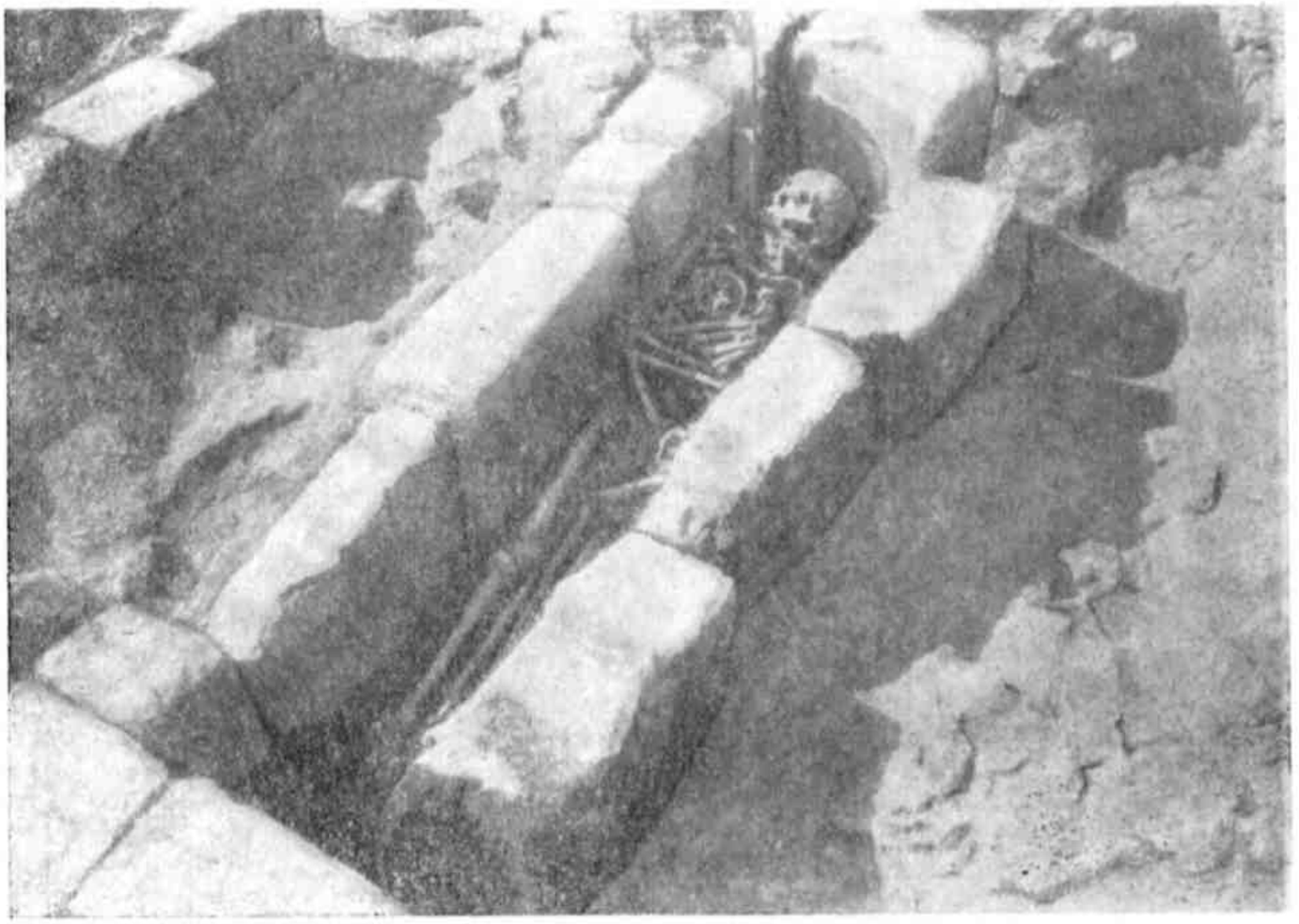


Рис. 27. Гробницы *IX*—*X* у западной стены базилики.

Каменная гробница *VIII* расположена на расстоянии 4.25 м к югу от гробницы *VII* (см. рис. 4 и 25), имеет ту же форму, что и последняя; она примыкает своим восточным концом к цоколю стены базилики. Размеры ее: длина 2.14 м, ширина 0.92 м, высота 0.38 м. Сложена на скале из больших тесаных плит известняка; с севера у изголовья обрамлена тесаным квадром, поставленным на ребро. Гробница накрыта пятью плитами, две из которых вторичного использования и имеют неправильно-округлую форму (подтесаны с боков), с прямоугольным выступом в центре [1] (рис. 26а).

[1] Ср. крайнюю с востока плиту перекрытия гробницы *VII*.

оконного стекла, мелкие железные гвозди с широкими шляпками, маленький серебряный гвоздик, обломок черепицы с меткой (см. метку *9* на таблице к «Приложению 1»), обломочек бронзовой пластинки.

Каменная гробница *IX* пристроена с севера к гробнице *X*, северная стенка которой стала общей (см. рис. 4, 14 и 27). Размеры гробницы: длина 1.85 м, ширина в восточном конце 0.55 м, в западном — 0.13 м, высота 0.32 м. Сложена на скале из обработанных плит серого известняка, поставленных на ребро. В гробнице оказался один взрослый костяк, длиной 1.63 м. Костяк потревожен; череп разбит, позвоночник сохранился частично, лежит на спине, руки — правая

на поясе, левая на тазу. Слева (к северу) от костяка находились чужие длинные кости. При костяке вещей нет. В земле, натекшей в гробницу, под костяком найдены обломочки стекла, кубики мозаики, мелкие фрагменты керамики.

Каменная гробница *X* находится к югу от гробницы *IX*. Размеры ее: длина 2.08 м, ширина 1.40—1.20 м, высота 0.31 м. Восточным концом она примыкает к цоколю стены базилики. Плиты, накрывавшие гробницу, разбиты. Сложена на скале из обработанных плит известняка, поставленных на ребро. В гробнице оказались разбросанные кости нескольких костяков и пять черепов; под ними костяк, правильно ориентированный — З—В, голова слегка отклонена к северу, руки сложены на поясе; за головой костяка — три черепа и кости таза. Вещей нет.

Каменная детская (?) гробница *XI* расположена на расстоянии 0.65 м к югу от гробниц *IX* и *X* (см. рис. 4). Размеры ее: длина 1.50 м, ширина 0.52 м, высота 0.30 м. Сложена на скале из крупных обработанных плит серого известняка, поставленных на ребро, накрыта плитами (разбиты). В гробнице — натечная земля; в ней оказались три целых черепа, обломки еще трех черепов и большое количество отдельных костей. Под ними был детский костяк, длиной 0.80 м, потревоженный; костяк лежал на спине, он изогнут; череп, позвоночник в верхней части и бедренные кости сдвинуты к северу, берцовые кости лежат на месте. Под детским костяком находился разрушенный костяк взрослого человека. За головой детского костяка — два черепа взрослых людей, один из которых (в ю.-з. углу) раздавлен. Вещей при костяке нет.

Каменная гробница *XII* расположена на расстоянии 1.55 м к югу от гробницы *XI*, впритык к плитам вымостки у западного входа в базилику (см. рис. 4). Ее размеры: длина 2.05 м, ширина в западном конце 0.85 м, в восточном — 0.75 м, высота 0.28 м.

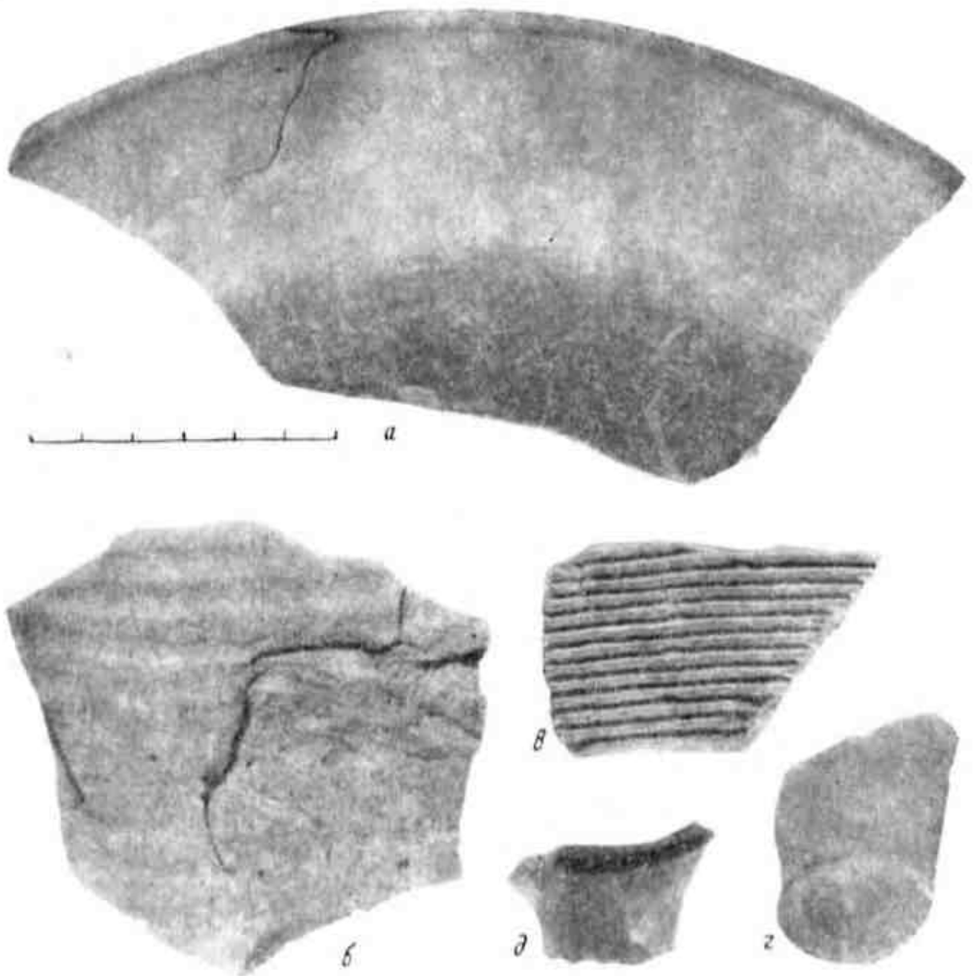


Рис. 28. Образцы позднеримской керамики на участках α, β и γ.

а — № 1972$_{1,0}$; *б* — № 1972$_{10}$; *в* — № 793; *г* — № 2092; *д* — № 2056.

Стенки гробницы (западная, северная, восточная) сложены из больших плит серого известняка, южная — из мелких квадров из того же материала; гробница накрыта плитами. Непосредственно под плитами в гробнице залегал костяк взрослого человека, длиной 1.60 м, на спине, кости ног (ниже колен) несколько сдвинуты вправо, к югу; руки — правая на поясе, левая на тазу. За черепом в западном конце гробницы лежал второй череп, разбитый на две части. Вещей нет.

Все описанные гробницы были разграблены еще в древности, очевидно при вторичном их использовании. Никаких вещей при костяках, как сказано, не сохранилось; в земле же, у костяков и под ними, найдено большое количество мелких осколков стекла, битой черепицы, мелких обломков ранней неполивной керамики, а также фрагменты архитектурных деталей. Гробницы были сооружены, повидимому, или одновременно с базиликой, или вскоре после ее постройки, но до ее разрушения. На это указывает постановка гробниц прямо на скалу, почти впритык к базилике, и содержание слоя у нижних костяков и под ними, совершенно аналогичное содержанию слоя на скале вне гробниц. Погребения в них совершались, вероятно, еще в раннесредневековое время (до X в.), а затем продолжались вплоть до XII—XIII вв.

Земля на всем участке у западной стены базилики и на подошве нижнего слоя (т. е. на скале) — коричневая, материковая, с сильной примесью глины; слой весьма насыщен культурными остатками. Встречались главным образом керамики, стекло, незначительное количество обработанного камня.

Среди керамики много обломков сосудов с резким и глубоким рифлением, донышки позднеримских остродонных амфор (в гробнице *VII* и на скале между *X* и *XI* гробницами) (рис. 29, *а*), несколько фрагментов большой краснолаковой миски III в. н. э. (рис. 28, *а*);[1] обломок сосуда типа terra sigillata, донышко позднеримской остродонной амфоры (рис. 28, *г*). Встречены желобчатые амфоры, например, обломок со следами основания ручки (см. рис. 28, *а*, *б*);[2] обломок воронкообразного расширяющегося горла сосуда светлокрасной глины прекрасного обжига, повидимому от тонкостенного двуручного кувшина (рис. 30, *а*).

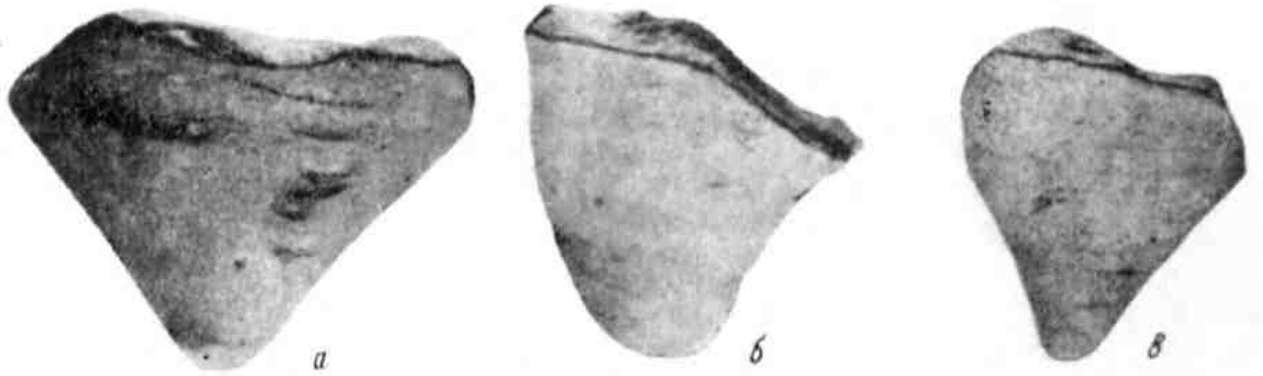


Рис. 29. Днища остродонных амфор.
а — № 2487; *б* — 2078 (из гробницы *VII*); *в* — № 1060.

Подобные кувшины были найдены в первой части Борисовского могильника и в Агойском могильнике.[3] Характерно фрагментированное горло тонкостенного кувшина с энохоевидным носиком светлой желто-розовой глины[4] того же времени — V—VI вв.

Найдены были также мелкие обломки пифосов, относящихся к раннему Средневековью. Единственный обломок поливной

---

[1] Ср. блюдо и чашку-миску из Херсонеса (раскопки 1907 г. некрополя у крестового храма, в трапециевидном склепе № 2158; наиболее поздняя монета, найденная в склепе времени Констанция II (337—361 гг.) (см.: ИАК, вып. 42, стр. 5—11, рис. 2, *1—2* и др.).

[2] Ср. херсонесские амфоры, найденные в колодце V—VI вв. у базилики 1935 г. (Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 273).

[3] В. В. Сахарев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, стр. 138, рис. 25; А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. ИАК, вып. 33, стр. 89, рис. 19, 7.

[4] А. А. Миллер, там же, рис. 19, *5* и *6*.

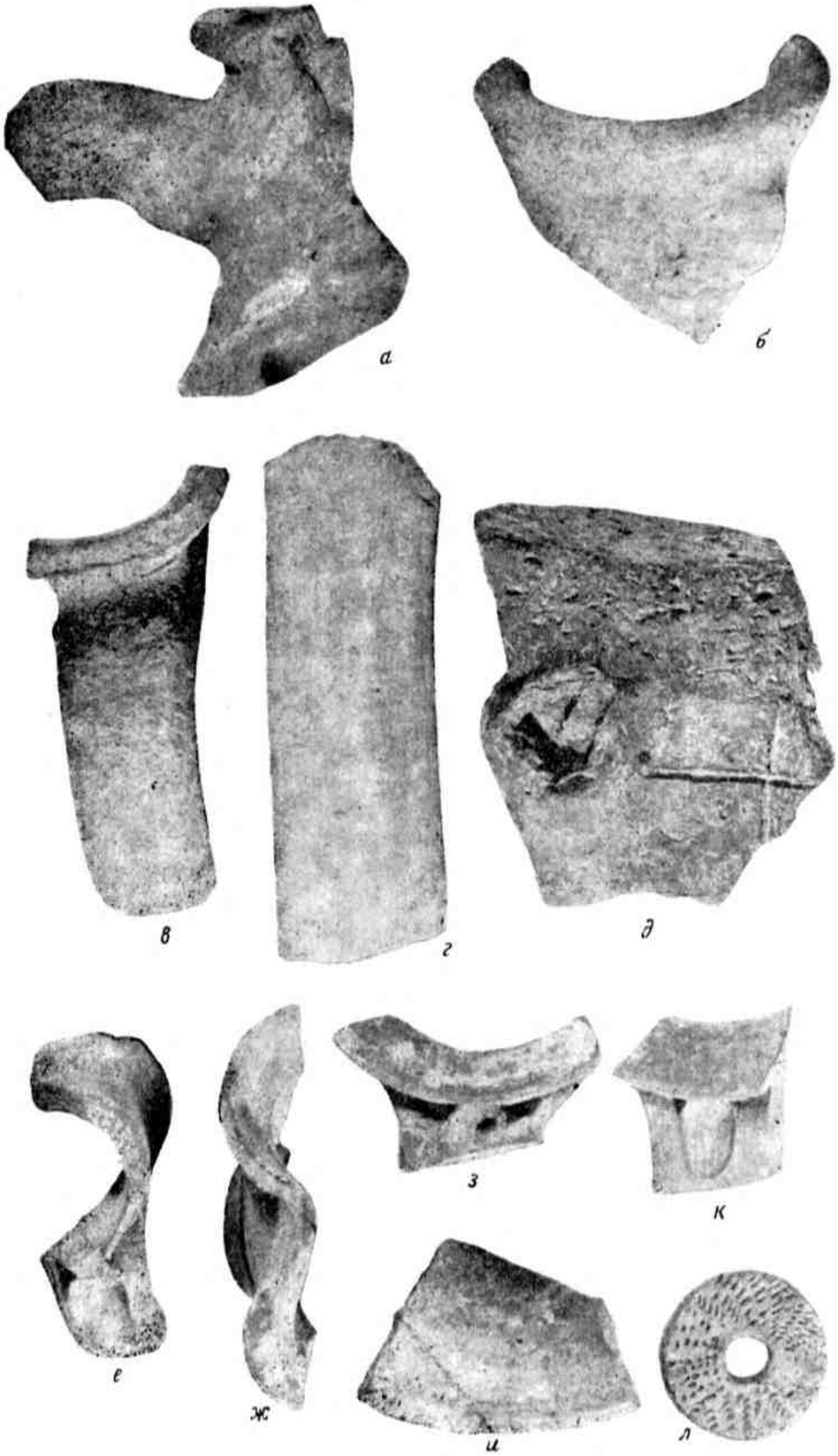


Рис. 30. Образцы раннесредневековой керамики на участках α, β и γ.

а — № 2529; *б* — № 756; *в* — № 1996; *г* — 1593; *д* — № 2416; *е* — № 1748; *эж* — № 2490; *з* — № 2428; *и* — № 1972; *к* — № 2428; *л* — № 431.

керамики — донышко поливной чаши белой глины с рельефным орнаментом и зеленовато-желтоватой поливой (рис. 32) — также относится к раннему Средневековью, не позже конца первого тысячелетия. До сих пор за пределами Херсонеса такая керамика в Крыму была не известна.[1] Указанное донышко найдено в с.-з. углу квадрата A_1—$Б_2$ на уровне 0.20 м от скалы.

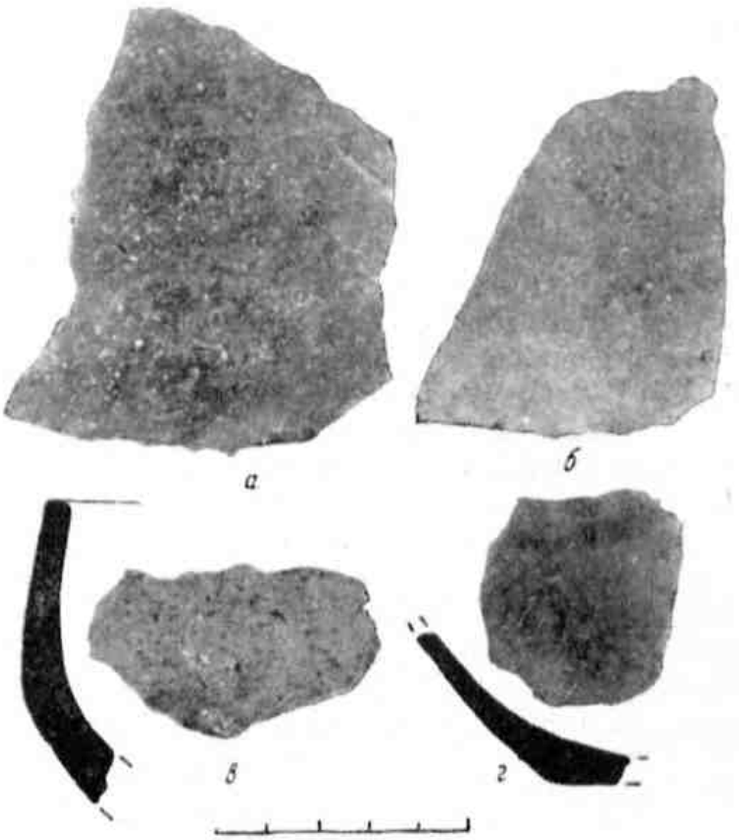


Рис. 31. Образцы лепной керамики.
а — № 1973₇; *б* — № 1973₁₂; *в* — № 2056₂; *г* — № 2056₃.

Наряду с керамикой, изготовленной на гончарном круге, в довольно большом количестве была найдена лепная керамика. Встречены обломки грубых толстостенных (толщиной до 1 см) больших сосудов из плохо промешанного теста с примесью кварца, иногда и шамота, с шероховатой и заглаженной поверхностью. Вместе с ними в большом количестве попадались обломки лощеной керамики: больших сосудов, тонкостенных (макс. толщина 0.55 см) сосудов небольших и малых размеров, округлой формы, с прямым воротником и маленьких одноручных горшочков. Керамика эта явно разновременная. Наряду с несколькими фрагментами раннесредневековыми с эноховидным горлом встречались единичные обломки лепной керамики первых веков н. э.; основную же массу составляют обломки значительно более ранние — типичные образцы кизыл-кобинской таврской керамики первой половины I тысячелетия до н. э. (не позже VII—VI вв. до н. э.) (рис. 31).[1]

Рис. 32. Обломок днища белоглиняной чаши со штампованным орнаментом (участок Б) (№ 2091).

Лепная керамика встречалась как на полошве третьего слоя, так и в гробницах (*VII* и *IX*) под нижними костяками.

Наряду с керамикой в нижнем слое найдено очень большое количество мелких обломков позднеримского стекла: обломки широкогорлых стаканов на низкой ножке (рис. 33, *б*) — формы, широко распространенной в позднеримское время в провинциальных мастерских как Востока, так и Запада; обломки стаканов с напаянными нитями [2] (рис. 33, *а*, *в*), обломки ручек тонких стеклянных сосудов зеленоватого цвета

[1] Исключение представляет дно белоглиняного блюда с темной прозрачной поливой из Судака (найдено в 1927 г. при рытье колодца, на глубине 1.0 м), с изображением человеческих фигур, исполненных в сасанидской традиции. В 1951 г. фрагменты такой керамики обнаружены при работах Горзувитской экспедиции. Встречаются они и на Тепсене (близ Планерского, бывш. Коктебеля).

[1] Ср. аналогичную керамику на участке за северной галереей.

[2] Ср. многочисленные находки таких стаканов в Керчи, Херсонесе (ИАК, вып. 30, стр. 94, рис. 26), в Эски-Кермене, склеп № 65 (Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 169, рис. 36).

(рис. 33, *г*).[1] Найдены также в большом количестве обломки оконного стекла, толщиной 2—2.5 мм.[2]

Встречены мелкие обломки раннесредневековых черепиц с высокими бортиками, равно как и калиптеры с клеймами. В Херсонесе аналогичная черепица встречается главным образом в слое V—VI вв.[3] Найдены

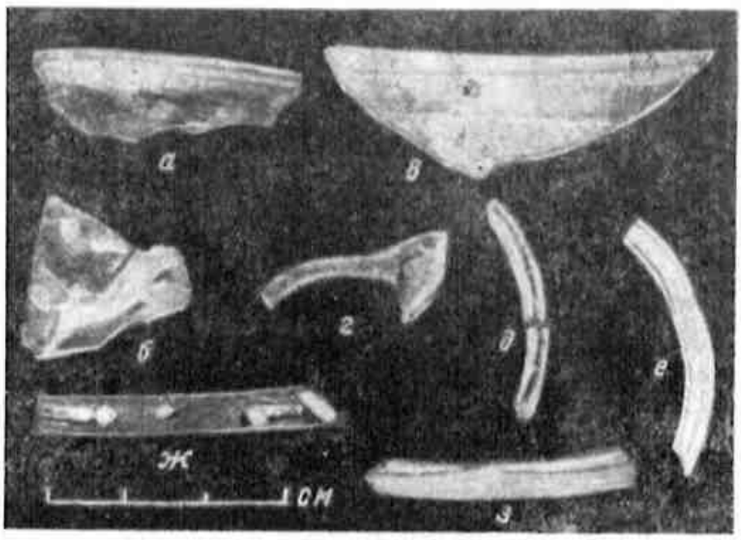


Рис. 33. Образцы позднеримского стекла (участок β). *а* — № 1951$_1$; *б* — № 1951$_2$; *в* — № 2472; *г* — № 1951$_3$. *д—з* — № 1261$_{1-5}$.

также и раннесредневековые поделки из местного камня — декоративные детали с орнаментом концентрическими кружками (рис. 34).

Из металлических вещей найдены лезвие железного ножа (рис. 22, *а*) и уже упомянутые два бронзовых колечка (рис. 20, *е*). Около гробницы *XI* в земле находился кусок сильно обожженной и обугливщейся кожаной подошвы.

РАСКОП СЕВЕРНОЙ ГАЛЕРЕИ (УЧАСТОК α)

К моменту начала работ здесь был сплошной завал земли, камней и строительного мусора, полностью скрывавший под собой северную стену галереи и частично северную стену базилики. В результате раскопок северная галерея была открыта почти полностью до уровня ее первоначального пола (рис. 35). Нераскрытым остался только ее восточный конец за поперечной стеной, перерезывавшей галерею (см. рис. 4).

Северная галерея представляет собою узкий коридор, длиной 20.5 м (до восточной стены) и шириной 2.65 м. Галерея имеет два выхода на север. Восточный проход (в поперечной стене) заложен.[1]

Северная стена базилики, иначе говоря южная стена северной галереи, в отличие от западной стены, — не первоначальна; она была переложена при перестройке базилики. Стена сохранилась почти на всем своем протяжении на высоту трех рядов кладки (общая высота около 2.10 м), за исключением с.-з. части, где на протяжении около 4 м кладка сохранилась лишь в два ряда. Стена не имеет цоколя, положена прямо на фундаменте из довольно мелкого необработанного камня в два ряда; толщина стены 0.90 м. Сложена она из больших камней вторичного использования с хорошо тесаной поверхностью. Камни эти взяты, несомненно, из древней базилики. Самая кладка в восточной части небрежна, ряды не выдержаны; камни — различных размеров,[2] с отбитыми углами, с явными следами действия сильного огня; они не пригнаны друг к другу (за исключением трех крайних с запада камней нижнего ряда), положены на слабом растворе; пазы между ними заполнены мелким битым камнем и черепицей, особенно между первым и вторым рядами кладки. На западном участке северной стены (рис. 36), где, возможно, частично сохранилась древняя кладка, обращает на себя внимание второй с края блок в верхнем ряду, поставленный на ребро, с грубым изображением мужской фигуры в рост, исполненным в плоском рельефе (рис. 37); углы его оббиты.[3] Блок этот, явно вторичного использования, представляет типичное позднеримское (конца II—начала III в.) надгробие.[4] В восточной части стены (у гроб-

[1] Ср. аналогичное стекло из Керчи, например в склепе № 162 (ИАК, вып. 25, стр. 45, рис. 18), а также многочисленные находки подобного стекла IV—V вв. за пределами Крыма, например в Кара-Агаче (ИАК, вып. 16, стр. 36, рис. 5).

[2] Ср. находки плоского оконного стекла при раскопках раннесредневековой базилики в Тиритаке (В. Ф. Гайдукевич. Раннесредневековые памятники в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 192).

[3] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 93—94.

[1] На плане Р. Х. Лепера (ИАК, вып. 47, стр. 146, рис. 1) эта стена не показана.

[2] Размеры камней: нижний ряд — высота 0.72—0.64—0.50 м; длина 0.88—0.84—0.86 м; второй ряд — высота 0.44—0.42—0.46 м; длина 0.54—0.58—0.70—0.73 м.

[3] Размеры камня: 0.44×0.37 м.

[4] Ср.: А. П. Иванова. Позднеримские надгробия из Херсонеса. СА, VI, 1940, стр. 201—202.

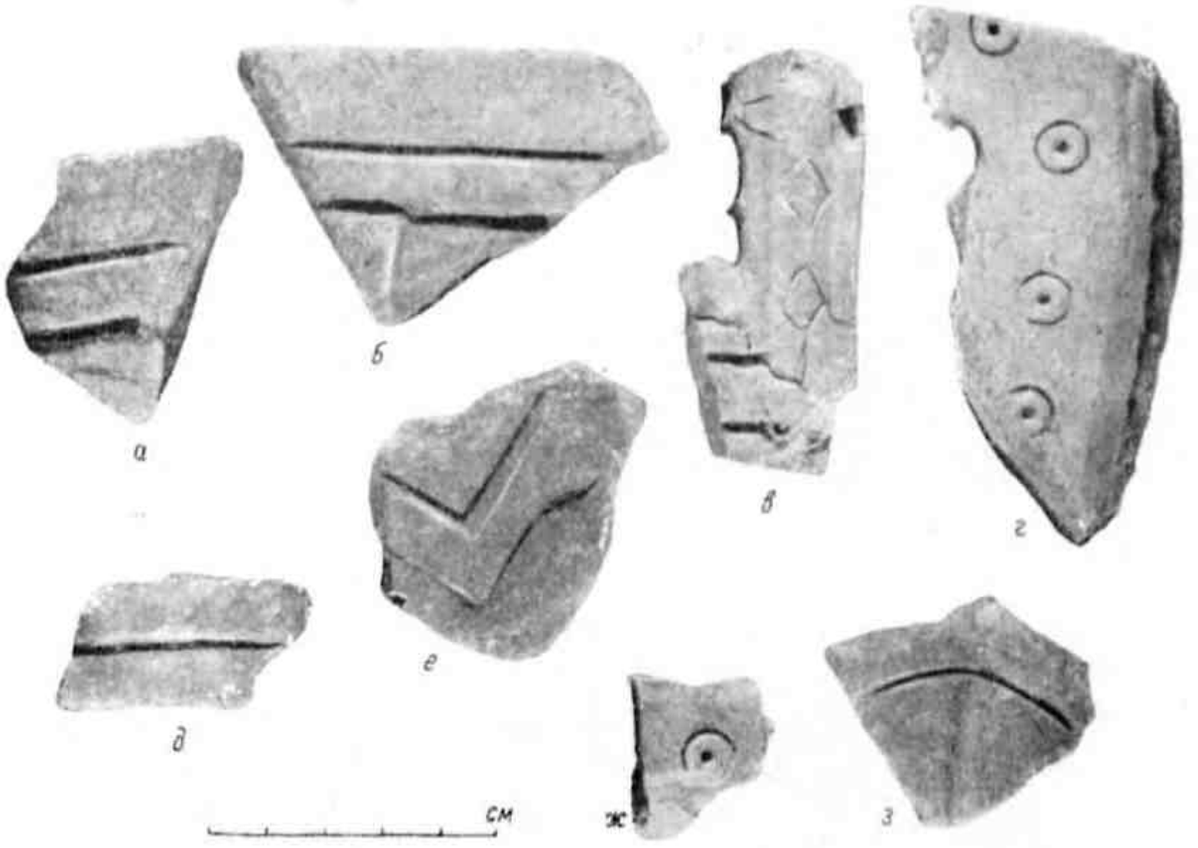


Рис. 34. Декоративные детали из алебастра и известняка.
а, б, д, е, з — №№ 1604, 1265; *в* — № 1564; *г* — № 1652; *ж* — № 1614.

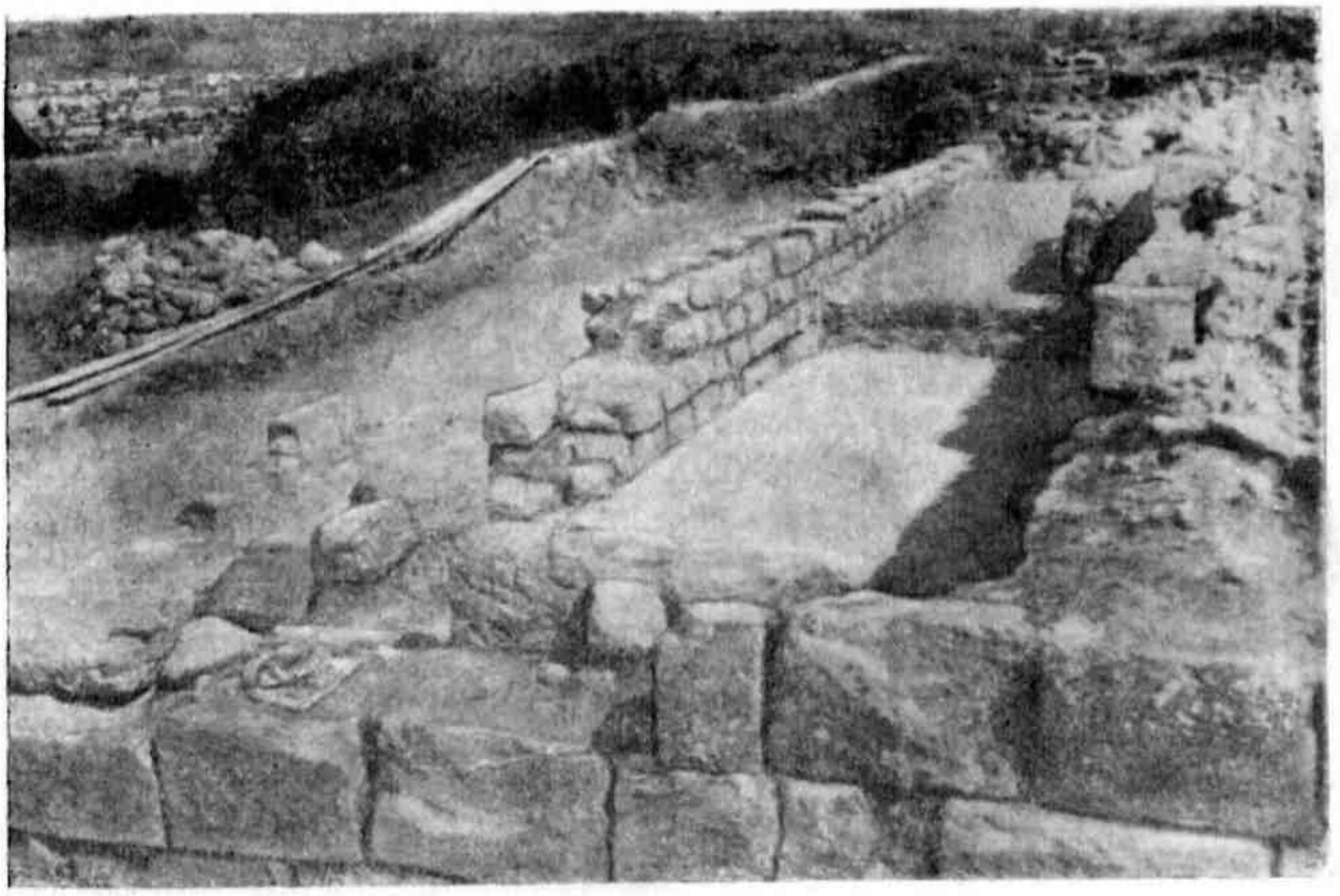


Рис. 35. Северная галерея базилики, вид с западной стороны.

ниц *II* и *III*) кладка выполнена из необработанного бутового камня небольших размеров; сохранилась на высоту четырех рядов камня.

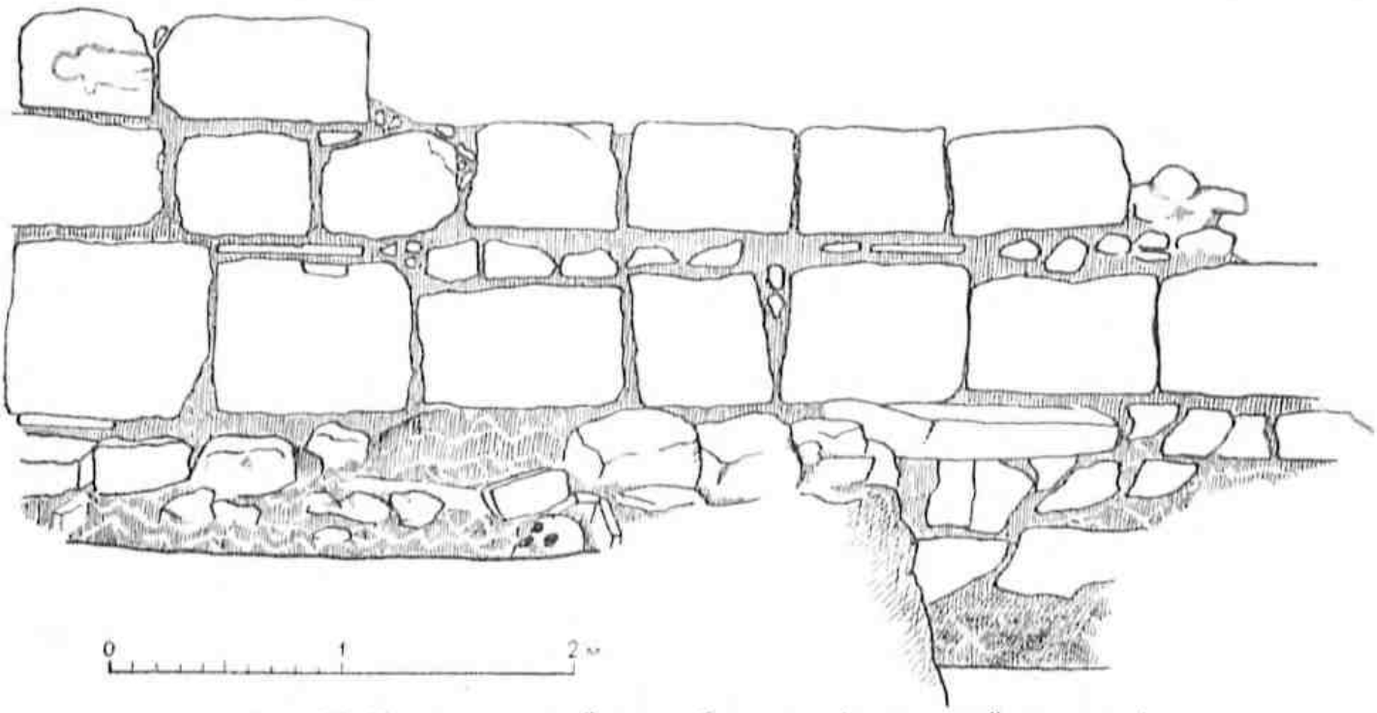


Рис. 36. Кладка северной стены базилики (в западной ее части).

Рис. 37. Камень с рельефным изображением человеческой фигуры (из кладки северной стены базилики).

Северная стена галереи (рис. 38) сложена из дикого камня, среди которого, однако, имеется несколько тесаных квадров также вторичного использования.[1] Ряды кладки выдержаны правильно. Стена поставлена на цоколь; местами ее подстилают черепицы.

В с.-з. конце галереи, ниже ее пола, сохранились две гробницы (см. рис. 4), поставленные впритык к западной стене базилики. Они были вскрыты предыдущими раскопками. Кроме того, в галерее вновь открыты еще три каменные гробницы: *I*, врубленная в пол базилики, *II* и *III*, поставленные на пол базилики и приставленные к северной стене базилики (о них речь ниже).

При перестройке базилики северная галерея, так же как и южная, повидимому, не была восстановлена.[2] Площадь галереи впоследствии была использована под кладбище.

Культурный слой залегает на небольшую глубину (1.45 м); он состоит из тонкого слоя насыпи (первый — верхний слой), затем слоя, образовавшегося в процессе разрушения постройки (второй слой), и ниж-

[1] Пять камней третьего и четвертого рядов кладки в западной части и несколько камней в центральной части стены.

[2] Ср.: ИАК, вып. 47, стр. 147. — Аналогичное явление наблюдалось в Партенитской базилике (см.: Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, стр. 105).

него (третий слой), на первоначальном полу; третий слой относится ко времени существования галереи до ее гибели в пожаре.

Первый верхний слой в северной галерее (главным образом в северной ее части) залегает на очень небольшую глубину — 0.06—0.15—0.20—0.30—0.40 м. Он представляет собою рыхлую темносерую землю с небольшим количеством обломков черепицы и камня; слой слабо насыщен культурными остатками и содержит главным образом архитектурные фрагменты и немного керамики. Особенно большой завал наблюдался в западном конце галереи у гробниц, открытых Лепером. Слой этот представляет собою насыпь — выброс земли из траншей прежних раскопок Ф. А. Брауна и из раскопок Р. Х. Лепера (в с.-з. углу базилики).[1] Находки здесь случайны и разновременны. Найдено много архитектурных фрагментов: обломок византийско-коринфской капители с зубчатым аканфом V в. (типа феодосианской), подобной капители, найденной при раскопках Р. Х. Лепера; обломок верхней части барабана колонны из местного камня; обработанный камень с рельефным крестом. Встречено много обломков мрамора на розовой цемянке, обломок плиты проконесского мрамора, а также обломки позднесредневековой черепицы с низкими бортиками; на двух из них метки. Найдены мелкие обломки неполивной керамики, среди которых есть и ранняя, например фрагмент раннесредневековой желобчатой амфоры. Попадалась также и поливная керамика — мелкие обломки местной красноглиняной с желтой и зеленой поливой — и привозная, представленная фрагментом белоглиняного восточного сосуда с подглазурной росписью кобальтом. Из мелких предметов отметим бочонкообразное грузильце из красной глины, несколько железных (балочных) гвоздей, две оковки от обуви, наконец мелкие обломки венчиков раннесредневековых тонкостенных стеклянных сосудов и сосуда венецианского молочного стекла.

Рис. 38. Северная галерея базилики, вид с с.-з. стороны.

Второй слой залегает неровно — на глубине от 0.20—0.25 м на квадрате $Д_2Е_3$ до 0.50—0.60 м на квадрате $В_2Г_3$. Он значительно понижается к югу, сходя почти

[1] См.: НАК, вып. 47, стр. 74.

на нет у самой стены базилики (см. разрез по линии *В—Г* на рис. 5). Слой этот резко отличается от верхнего слоя насыпи; он и раннесредневековой. Слой образовался в результате обвала северной стены базилики и перекрытий галереи.

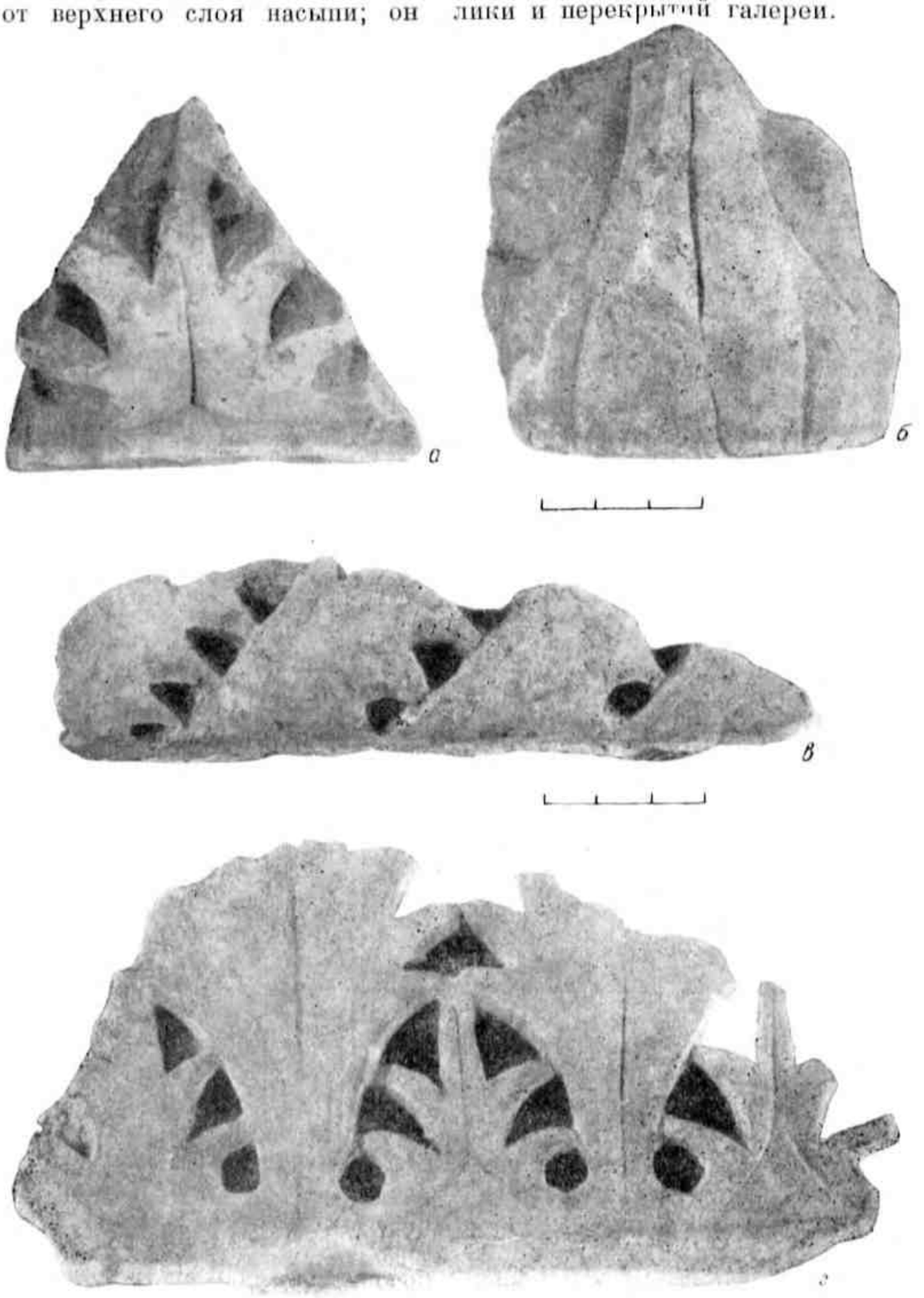


Рис. 39. Обломки архитектурных деталей.
а — № 1197; *б* — № 745; *в* — № 1364; *г* — № 2557.

сильно насыщен известью (местами он почти белого цвета), включает значительное количество угля, золы, строительного материала (мелкого и крупного бута, тесаных камней) и множество черепицы — как поздне-, так

В этом слое залегают костяки. Всего в северной галерее было раскрыто 19 костяков (рис. 14). В отличие от костяков у западной стены базилики, здесь костяки лежали без гробов — никаких следов дерева

обнаружено не было. Среди костяков — девять детских; открыт ряд совместных детских погребений (*6—10*). Четыре погребения лежат на самой северной стене галереи (два взрослых и два детских костяка).

Вещей при костяках не было, исключение составляли погребения *2* и *11*; у костяка *2*, лежащего на северной стене галереи, найден бронзовый гвоздик с большой шляпкой; у костяка *11* — позумент из серебряной позолоченной ленты шириной 0.374 мм.[1] Ориентация костяков З—В.

Костяки относятся к позднему времени, повидимому не ранее XIV—XV вв.

Основную массу находок второго слоя составляют, как сказано, строительные материалы: обработанный камень, обломки мрамора и черепица. Среди находок отметим обломок мраморной капители византийско-коринфского типа (рис. 39, *б*), широко распространенного в VI в. (ср. капитель внутри базилики), обломки профилированных плит проконесского мрамора, карниз, обломки мрамора со следами обработки, обломки мозаичного пола (рис. 13), куски цемянки из-под мозаики; попадались куски раствора розового цвета с битым кирпичом и черепицей. В очень большом количестве найдена черепица, в том числе раннесредневековая с высокими бортиками и толстыми краями;[2] есть черепица с метками. Встречались и большие балочные гвозди.

Керамика найдена в небольшом количестве. В этом же слое (квадрат $B_2Г_3$) найден обломок бронзового хороса (рис. 40) — типа, широко распространенного в раннесредневековое время.[1]

В квадратах $Г_2Д_3$ и $Д_2Е_3$, особенно сильно насыщенных известковым раствором, золой и углем, наблюдались явные следы пожара: на глубине 0.30 м от верхнего горизонта северной стены галереи оказались

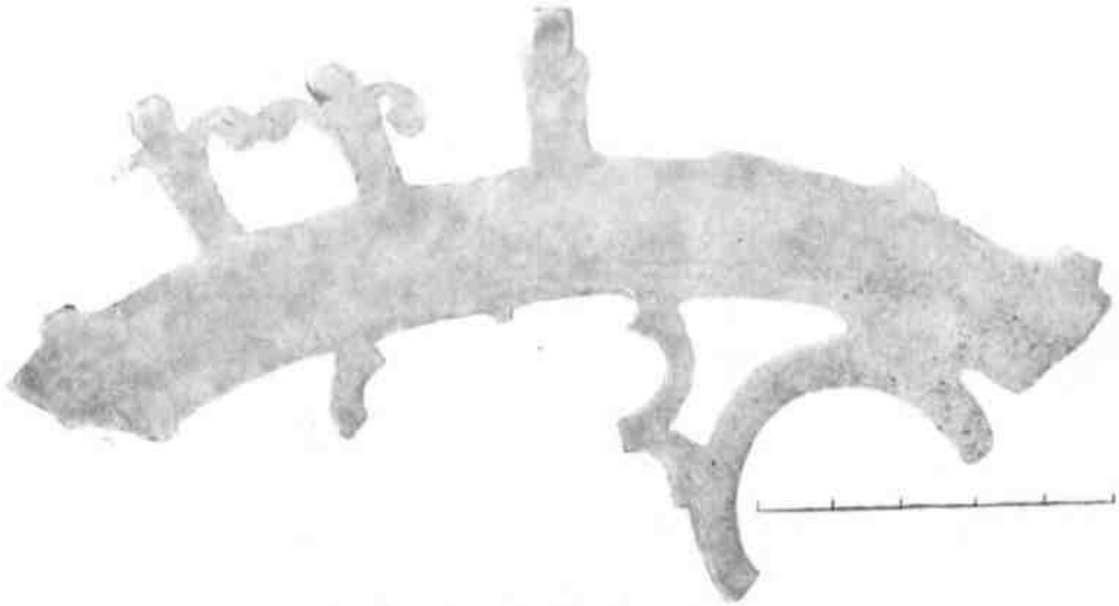


Рис. 40. Обломок бронзового хороса (№ 700).

прослойки золы и угля, много расплавленного свинца (рис. 13, *д*), повидимому, от штырей, скреплявших базы и капители с колоннами, а также облицовку со стенами.[2]

Большой интерес представляет обломок кирпича розовой глины с нанесенными на нем, вероятно, вдавлением пальца знаками (сохранилась незначительная часть; рис. 41, *а*), абсолютно тождественного кирпичам вымостки пола крещальни к северу от галереи (рис. 41, *б*); пол этот не первоначальный, а вторичный. Особенно важна находка обломка фриза из белого известняка с резьбой в виде завитков листьев, выполненной плоскостно, но натуралистично, в традиции позднеримской техники

[1] Ср. позумент на голове костяка *129* на участке β (рис. 23, *эс*).

[2] Размеры: высота бортов — 0.05, 0.53, 0.065 м; толщина бортов — 0.02, 0.017, 0.016 м; толщина самой черепицы — 0.023, 0.018, 0.03 м.

[1] Ср. найденные в Херсонесе.

[2] На стенах базилики видны следы пиронов для укрепления облицовки. Это объясняет находку большого количества расплавленного свинца и балочных гвоздей. Интересно отметить, что пироны не всегда встречаются в Херсонесе. Так, они отсутствуют в Уваровской базилике, где облицовка заменена настенной мозаикой и фресковой росписью.

и стиля (рис. 42, *а*). Обломок фриза должен быть датирован VI в.[1]

Ниже слоя, образовавшегося в результате разрушения древней галереи, залегает относительно тонкий третий слой (толщина 0.35—0.27—0.40 м; наибольшая толщина 0.75 м в квадрате B_2I_3 у самой северной стены базилики). Этот слой глинистый, темнокоричневого цвета, с сильной примесью органических остатков, содержит довольно много извести, значительно меньше фрагментов черепицы и камня; культурными остатками слой насыщен слабо.

Как и в предыдущем слое, здесь было найдено довольно много архитектурных фрагментов, особенно из мрамора: фрагмент профилированной плиты проконесского мрамора от алтарной преграды, маленький обломок плиты того же мрамора, камень с рельефным равноконечным крестом с расширяющимися концами и камень с врезанным крестом с удлиненным нижним концом.

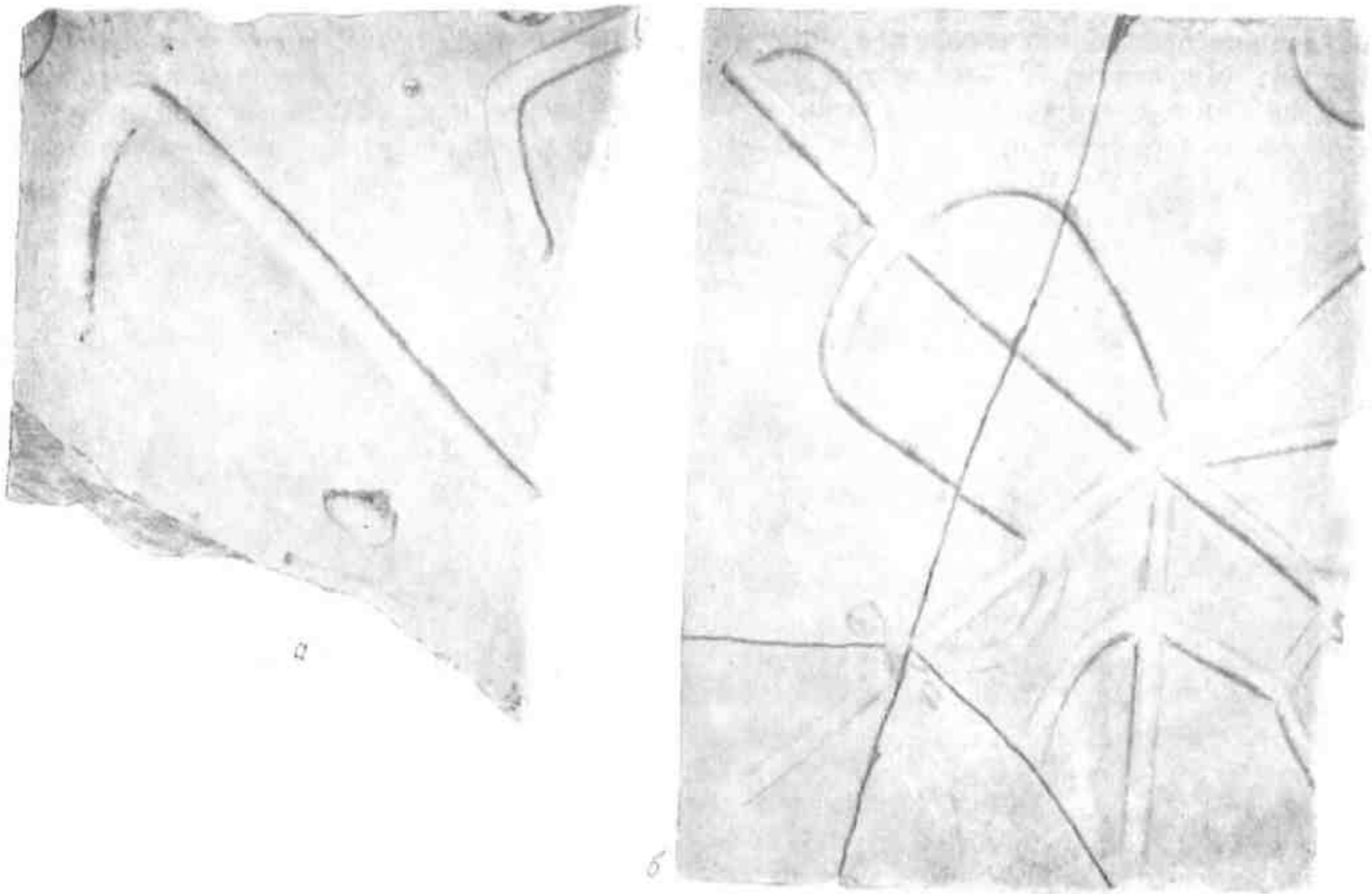


Рис. 41. Кирпичи с метками из вымостки пола.
а — в северной галерее базилики (№ 2213); *б* — в крещальне

В этом же слое был найден обломок фриза из местного серого известняка с острозубчатым аканфом (рис. 39, *а*), совершенно аналогичного фризу и его обломкам, найденным за северной галереей, в крещальне (рис. 42, *в*).

Черепица из нижнего слоя — раннесредневековая, с высокими бортиками (высота (0.05—0.06 м); часть черепицы — с клеймами. Здесь же попадались кирпичи светлорозовой и желтой глины и кусочки мозаики. Встреченная в крайне незначительном количестве керамика (всего 35 обломков) — большей частью неполивная, ранняя; отметим обломки остродонной амфоры и кувшина с носиком. Поливной керамики найдено всего семь мелких осколков со светложелтой поливой. Стекло встречалось также в мел-

[1] Обломок фриза, совершенно тождественный с мангупским, но значительно больших размеров, известен в храме в Рагуз-Дере под Мангупом; хранился в Симферополе, в Областном краеведческом музее (см.: А. И. Маркевич. Экскурсия на Мангуп. ИТУАК, вып. 8, 1889, табл. I). Так же как и мангупский, фриз из Рагуз-Дере относится, несомненно, не к VII—VIII вв., как его датировали до сих пор, а к VI в.

ких обломках: сюда относятся обломок синего стеклянного браслета, два обломка плоского оконного стекла, несколько фрагментов тонкостенных стеклянных сосудов и фрагмент края тонкостенного сосуда желтоватого римского стекла.

Из железных предметов найдены балочные гвозди с широкими шляпками, в очень незначительном количестве, и железная подкова.

Таким образом нижний слой северной галереи, содержащий раннюю керамику и стекло, относится, как указывают находки в нем, ко времени существования галереи первоначальной базилики и даже к более раннему времени.

В этом же слое у самой стены базилики, в западном конце галереи, на глубине 1.65 м обнаружено погребение 27 (см. рис. 14), обложенное плитками черепицы. Костяк — прекрасной сохранности (сохранилась даже грудная кость), правильно ориентирован З—В, лежал на спине, правая рука — на тазу, левая на груди (рис. 43). Вещей при нем не найдено.

Рис. 42. Детали архитектурного убранства из известняка.
а — обломок фриза (№ 1000); *б* — капитель (№ 1706); *в* — часть фриза (№ 1633 и 2557).

В восточном конце галереи на полу находились, как указано, гробницы (*II* и *III*); в центральной части галереи помещается каменная гробница *I*, углубленная в пол галереи. Она сложена из небольших рваных камней, положенных в два-три ряда. Размеры ее: наружные — длина 2.30 м, ширина 0.97 м; внутренние — длина 1.90 м, ширина 0.65 м. Ориентирована З—В. Гробница наполовину засыпана землей. Плит перекрытия не обнаружено; перекрытием

служил, очевидно, пол галереи. Под натекшей сверху землей оказалась свалка костей четырех костяков (один из них детский); под ними — два черепа и четыре взрослых костяка.

На тазу детского костяка найдены мелкие кусочки льняной ткани (рис. 44, *а*),

Рис. 43. Погребение 27 в северной галерее базилики.

накрытые сверху куском красноглиняного с белым ангобом сосуда (амфоры) (рис. 44, *б*).[1] В этой же гробнице среди костей найдены следующие предметы: бронзовое, несомненно детское, колечко из тонкого дрота с заходящими концами (рис. 44, *в*), бронзовая подвесочка в форме книжальчика с дырочкой (рис. 44, *г*),[2] обломок округлого в сечении браслета синего стекла с сильно разрушенной поверхностью (рис. 44, *е*), обломки плоского толстого прозрачного стекла зеленоватого тона (рис. 44, *д*, *ж*), три гранных бусы из смальты (рис. 44, *з*—*к*; одна из них очень плохой сохранности) и буса-бисеринка зеленого стекла (диаметр 2.5 мм),[1] плоская круглая железная пластинка с отверстием, сильно деформированная, обломки неполивной керамики. Среди неполивной керамики в нижнем слое костяков найден обломочек венчика чашки, сделанной от руки; здесь же встречены мелкие угольки и четыре гвоздика. Поливная керамика отсутствовала вовсе.

Исходя из общего характера погребений (при наличии повторных) и инвентаря, есть все основания датировать сооружение гробницы *I* временем не позже конца I тысячелетия н. э.

Каменная гробница *II* расположена в восточном конце северной галереи; она имеет форму вытянутого с запада на восток прямоугольника, слегка расширяющегося в западном направлении. Размеры ее: длина 2.40 м, ширина 1.30 м, высота 0.40 м. Гробница сложена из больших плит белого известняка и приставлена к северной стене базилики, цоколь которой служит гробнице южной стенкой. Гробница была накрыта большой плитой вторичного использования и несколькими камнями неправильной формы. Гробница потревожена — плиты накрытия разбиты. Под натекшей землей в гробнице оказались разбросанные кости четырех костяков; под ними находились два правильно лежащих костяка. На глубине залегания нижних костяков найдены два детских браслета (рис. 45, *б*, *г*) из прекрасного прозрачного зеленовато-синего стекла. Один из них (рис. 45, *б*) — плоский в сечении, с двойным валиком и углублением, хорошей сохранности, без всяких следов ирризации. Размеры этого браслета: внутренний диаметр 5.2 см, наружный — 5.8 см. Второй браслет (рис. 45, *г*) был вложен в первый браслет большего диаметра, также зеленовато-синего стекла, снаружи слегка скругленный, внутренняя поверхность его плоская, слегка ирризован. Размеры второго браслета: внутренний диаметр 4.3 см, наружный — 5.1 см. На уровне

[1] Подобные сосуды в большом числе найдены в Эски-Кермене; они обычно датируются XIII в.

[2] Ср. аналогичные предметы XI—XII вв. в собрании Ханенко из Сахновки и с Княжой Горы. Ханенко правильно определяет их как подвески (см.: ДИ, вып. V, 1902, стр. 15, табл. XVII, 360—362).

[1] Ср., например, такую же бисеринку в склепе № 44 в Эски-Кермене (Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8. 1932, стр. 158).

верхних костяков были найдены еще два браслета из синего стекла (рис. 45, *а*, *в*); первый из них совершенно плоский, хорошо спаянный; его внутренний диаметр 6 см, наружный — 6.9 см; второй — более скругленный, в месте спайки уплощенный, почти четырехугольный в сечении.[1] Почти на дне гробницы (на 0.20 см ниже вышеописанных браслетов) обнаружено несколько обломков черепицы и пифоса.[2]

Каменная гробница *III* примыкает с востока к гробнице *II*; ее северная стенка является продолжением соответствующей стенки гробницы *II*. Гробница имеет ту же форму, что и предыдущая (см. рис. 4). Она сложена из плит известняка; южной стенкой ей служат камни цоколя северной стены базилики, восточным концом она упирается в западную стену восточной капеллы северной галереи базилики. Размеры гробницы: длина 2.70 м, ширина 0.90 м, высота 0.40 м. Гробница была, повидимому, потревожена при предыдущих раскопках. В ней оказалось несколько поврежденных костяков: кости разбросаны, черепа разбиты, три черепа лежали в западном конце гробницы, один — у южной стенки, два — в южном конце. Один костяк (без черепа), довольно плохой сохранности, ориентированный З—В, лежал на спине, с руками на поясе. Вещей in situ не сохранилось. Среди разбросанных костей найдены обломочек железного колечка, обломок мраморной плитки с гидравлическим раствором, мелкие осколки проконесского мрамора, два фрагмента лепной керамики, три фрагмента сосудов из тонкого зеленоватого прозрачного стекла.

Время сооружения описанных гробниц в северной галерее, судя по находкам в нижних слоях костяков, соответствует времени построения самой галереи. Подобные гроб-

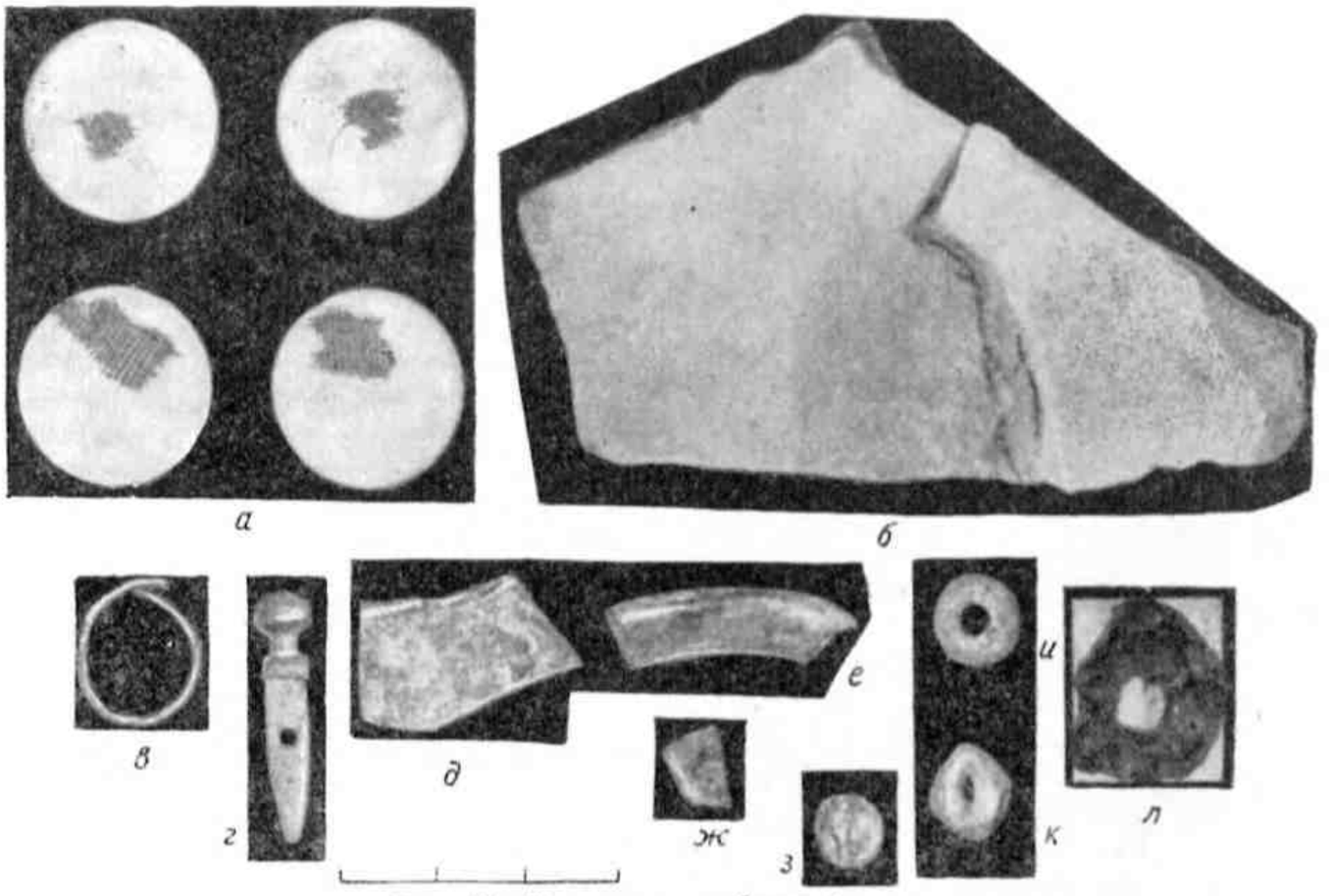


Рис. 44. Находки в гробнице *I*.

а — фрагменты ткани (№ 1936); *б* — обломок сосуда; *в* — бронзовое колечко (№ 2010); *г* — бронзовая подвеска в виде кинжальчика (№ 2011); *д*, *ж* — обломки стекла (№ 2009); *е* — обломок синего стеклянного браслета (№ 2536); *з*—*к* — бусы из смальты (№ 2008); *л* — железная пластинка (№ 2029).

[1] Ср., например, стеклянные браслеты, плоские в сечении, найденные во втором слое (IX—X вв.) в Херсонесе, в каменных гробницах на горе Болван в Судаке (см.: Л. Н. Новикова. Могильник на горе Болван в Судаке. ИТОИАЭ, т. III (60), стр. 131—137), а также браслеты из северокавказских могильников (МАК, т. VIII, 1900, табл. II и др.).

[2] Ср. пифосы в слое IX—X вв. в Херсонесе.

ницы были открыты и в Партенитской базилике, где, так же как в Мангупе, они хронологически соответствуют самой базилике.

Таким образом раскопки на участке α позволяют утверждать, что северная галерея не была перестроена вместе со всей базиликой во второй половине XIV в. Обвал стены, в результате которого образовался второй слой, относится к гибели галереи, что произошло, повидимому, задолго до XIV в. На это указывают прежде всего архитектур-

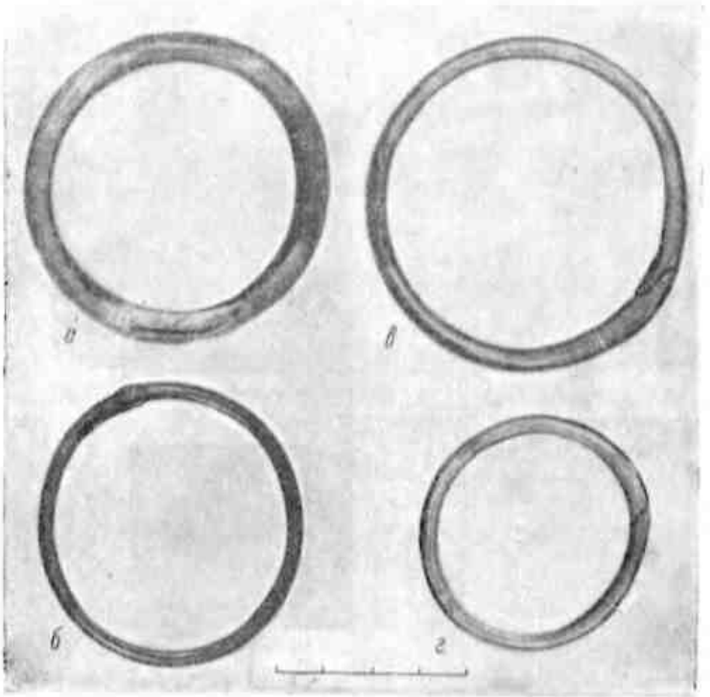


Рис. 45. Стеклянные браслеты из гробницы II. *а* — № 1938$_1$; *б* — № 1948; *в* — № 1938$_2$; *г* — № 1949.

ные детали, найденные здесь в огромном количестве, как то: многочисленные обломки проконесского мрамора, датируемые VI в., обломки декоративных деталей того же времени из местного камня, фрагменты мозаики, стекла, керамики, расплавленный свинец и т. д. Почти полное отсутствие или во всяком случае ничтожное количество поливной керамики, преобладание керамики ранних форм не только в нижнем, но и в верхнем слоях под насыпью подкрепляют положение, что галерея не была восстановлена, но служила в позднейшее время кладбищем: не случайно часть костяков лежала непосредственно на северной стене галереи, притом на очень небольшой глубине. Ранние гробницы в течение довольно долгого времени также использовались в качестве мест захоронения.

РАСКОП ЗА СЕВЕРНОЙ ГАЛЕРЕЕЙ (УЧАСТОК γ)

Площадь за северной галереей до начала работ представляла собою довольно ровную поверхность, повышающуюся в южном направлении и сливающуюся в один холм-насыпь, перекрывавший как галерею, так и площадь к северу от нее (см. рис. 4 и 5). Ввиду этого в начале работ участок γ не был выделен; это было сделано лишь после открытия северной стены галереи на квадрате $B_1Г_2$ и идущей параллельно ей стены какого-то нового здания.

Культурный слой здесь залегал на глубину до 2.90 м (у пикета $Ж_1$ — на 1.70 м) и, как на участке β, состоял из трех напластований. Раскоп был доведен до скалы. В результате раскопа здесь было обнаружено новое здание, в древнейшей своей части современное первоначальной базилике и датируемое, так же как и она, VI или, возможно, даже концом V в.[1] Впоследствии на месте этого здания была выстроена небольшая часовня, после разрушения которой здесь, как и у западной стены и в северной галерее, было устроено кладбище.

Первый слой представлял насыпь, мощностью 0.15—0.30 м, залегавшую непосредственно под дерном (толщина 0.60—0.10—0.15 м),[2] в направлении С—Ю. Он состоял из серой земли, смешанной местами с золой и углем, содержащей главным образом дикий камень и весьма слабо насыщенной культурными остатками. Лишь случайно здесь попадались обломки черепицы (часть с клеймами), мелкие обломки керамики и осколки стекла. В квадратах $Г_1Д_2$ и $Д_1Е_2$ под дерном земля неоднородная: в северной части она значительно более светлая, насыщена известью и очень рыхлая (находок почти нет, за исключением битого камня и черепицы, высота бортиков которой 0.04—0.06 м); в южной части она черная, в ней попадаются архитектурные фрагменты.

Как только что упомянуто, находки в первом слое случайны; кроме того, они разновременны. Среди них отметим обломок проконесского мрамора, большие железные гвозди с широкими шляпками

[1] Недостаток времени не позволил продолжить раскоп в северном направлении и раскрыть здание целиком.

[2] Повидимому, выброс из раскопок Ф. А. Брауна (см.: Р. Х. Лепер. Археологические исследования на Мангупе. ИАК, вып. 47, стр. 74).

для скрепления стропил и гвозди малого размера, обломок железной подковы, лезвие железного ножа, обломки поливной керамики с желтой и зеленой поливой.

Под этим тонким слоем идет второй слой со средней толщиной 0.50 м (0.33—0.43—0.57—0.65). Земля темная, сырая, насыщенная мелким и крупным битым камнем, содержит незначительное количество находок (черепица, кирпич из желтой глины, керамика простая и поливная). Среди керамических находок (главным образом позднесредневековых) — поливная керамика как местная, так и привозная: например обломок поливного сосуда светлорозовой глины с подглазурной росписью кобальтом (рис. 10, *г*) XIV—XV вв. Местной красноглиняной керамики встречено очень мало. Неполивная керамика, притом разновременная, попадалась также в незначительном количестве. Наряду с позднесредневековой керамикой (обломки тонкостенных кувшинов с широкими плоскими ручками и длинным носиком, обломки мисок, кухонных горшков) встречается и раннесредневековая. Сюда относится обломок горла амфоры салтовского типа с основанием ручки (рис. 30, *б*), попавший в этот слой несомненно случайно. Из мелких предметов найдены: обломок витого браслета синего стекла, мелкие обломки зеленого стекла и оконного стекла, костяная пуговица (рис. 9, *в*),[1] железные гвозди малого размера. В слое встречалось много черепицы с метками, главным образом раннесредневековой. Тут же найдены браслет, сплетенный из тонкой медной проволоки и обломок проконесского мрамора.

На подошве этого слоя были найдены железная оковка от обуви, железные гвозди, железная петля, два обломка проконесского мрамора, обломки камня с рельефным крестом с расширяющимися концами.

Костяки, залегавшие во втором слое (*20—26*, *29—31*), находились на очень небольшой глубине (0.20—0.59 м от верхнего края стены северной галереи), местами почти непосредственно под дерном; костяки ориентированы З—В, лежали на спине; ноги вытянуты, руки на груди, на поясе и на тазу. Погребения, повидимому, совершались так же, как и в северной галерее, без гробов: никаких следов дерева не обнаружено. Вещей при костяках не было, за исключением костяка *29*, у которого на тазу лежал обломок железной пластинки.

В этом слое, к северу от северной стены галереи (на расстоянии 1.95 м от нее), была открыта стена *б*, шириной 1 м, идущая параллельно северной стене в направлении З—В (см. ниже).

Нижний, третий слой, залегавший на глубине в среднем около 0.75 м,[1] представляет собой желто-серую глинистую землю с сильной примесью извести и большим количеством необработанного камня и фрагментов черепицы. В этом слое, так же как и в предыдущем, залегали костяки (*32—45*). Глубина их залегания 0.54—0.86—0.91—1.08 м от верхнего края северной стены галереи. Костяки *36* и *34* лежали на самой стене *б* и даже были «врублены» в нее (см. рис. 14).

Погребения этого слоя, в отличие от верхних, ориентированы частью З—В, частью ЮЗ—СВ. Следов гробов не обнаружено; у некоторых костяков сохранились на месте вещи. Так, у женского костяка *38*, сопровождавшегося костяком ребенка (рис. 46), на тазу находилось сломанное костяное пряслице со следами зеленой патины от лежащей на нем медной цепочки с колечком; рядом с ним была буса из пасты.

Хотя погребения *32—45* и впущены в нижний раннесредневековый слой, но они должны быть датированы, так же как и погребения на участке β, позднесредневековым временем (XIII—XIV вв.), на что указывает, в частности, их залегание на стене *б* древнего здания, расположенного к северу от базилики.

Окончательно раскрытая при снятии культурного слоя до скалы стена *б* (см. рис. 4) сохранилась на высоту двух-трех рядов кладки. Она сложена более или менее правильными рядами из бутового камня на растворе; в углах ее положены крупные тесаные камни вторичного использования; такой же камень местами употреблен и в кладке стены; толщина стены 1.02—0.95 м. Стена *б* является, повидимому, южной стеной здания, заканчивающегося в восточной части полукруглой апсидой.

[1] Ср. костяные пуговицы на участке у западной стены базилики (рис. 9, *г—ж*).

[1] Отметки у пикетов B_2 — 0.36 м, $Г_2$ — 0.88 м, $Д_2$ — 0.88 м, $Е_2$ — 0.80 м, $Ж_2$ — 1 м; максимальная глубина 1.10 м в точке, отстоящей 1 м к востоку от $Г_2$.

Апсида сильно разрушена, сохранилась на высоту всего трех рядов кладки (высота 0.85 м), которая местами выщерблена. Толщина южной стены здания с апсидой 0.78 м.

В южной стене *б*, в средней ее части, устроен большой проем (ширина 3.12 м) с правильными углами (рис. 47). С юга к стене *б* приставлены вритык основания двух столбов *в—в*, быть может постаменты крестов (см. рис. 4). У западного конца к стене *б* примыкает с нею не связанная стена *г* (толщина 0.95 м, длина сохранившейся части 1.25 м). Восточнее с той же стороны к стене *б* подходит лежащая на более низком уровне (ниже вымостки первоначального пола) стена *д*, сохранившаяся в длину на 1.95 м (толщина 0.90 м, высота — один ряд кладки). Все перечисленные стены поставлены прямо на скалу.

Вдоль стены *б* с северной стороны идет вымостка из крупных плит серого известняка. Рядом на более низком уровне (см. рис. 4 и разрез по линии *В—Г* на рис. 5) находится второй ряд плит вымостки. Такой же настил из больших, хорошо заглаженных плит прослеживается и в центральной части здания, а также в месте проема. Настил продолжается далее в южную сторону, доходя вплоть до северной стены галереи (залегает на уровне нижнего горизонта первого ряда кладки ее цоколя; см. разрез *В—Г* на рис. 5 и рис. 47, 48,). Плиты вытесаны частью из белого известняка, и они

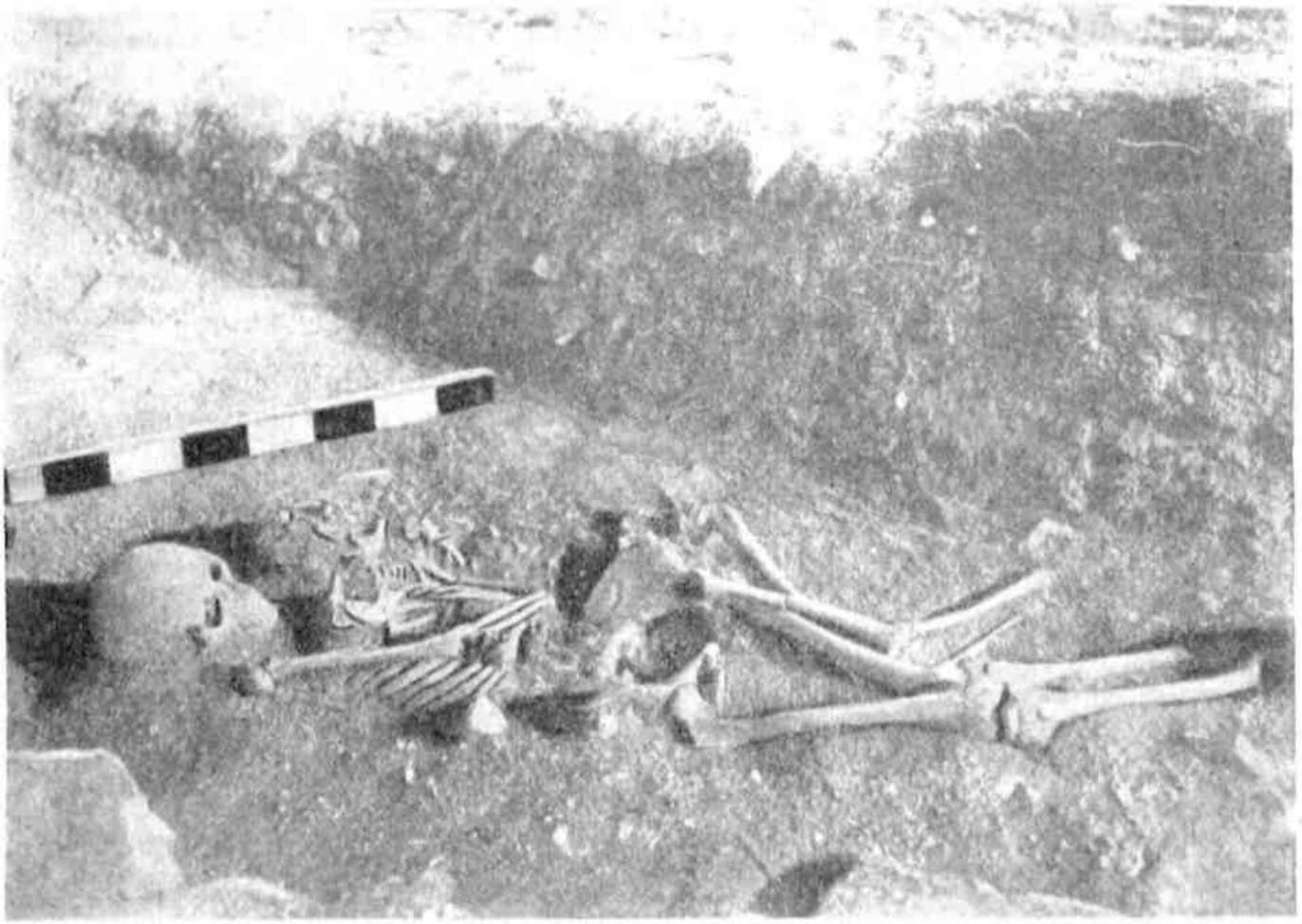


Рис. 46. Погребения *38* и *39* у северной стены базилики.

лучше сохранились; частью — из серого известняка, который расщепляется, слоится и крошится. Сплошная вымостка из таких же больших плит серого известняка с хорошо заглаженной поверхностью продолжается и в апсидальной части. Плиты положены на крепком известняковом растворе (рис. 48).[1]

В апсидальной части здания на внутрен-

[1] Ср. аналогичную вымостку пола базилики крупными плитами в Рагуз-Дере (под Мангупом). Как и вымостка в мангупской базилике, она воспроизводит в известняке мраморные настилы полов. Подобные мраморные настилы широко применялись и в херсонесских базиликах.

Рис. 47. Центральная часть крещальни с гробницей *IV*, вид c_1^1 с.-з. стороны.

Рис. 48. Крещальня с с.-з. стороны.

нем, ю.-в. углу, сохранилась штукатурка с тремя слоями фрески светлозеленого тона (обломочки такой же штукатурки с фреской попадались и в земле около угла апсиды). Пол апсиды вымощен кирпичами (0.44×0.35 м) из розовой глины; два из них имеют выдавленный на верхней поверхности сложный рисунок — монограмму[1] (рис. 41, *б* и 49).[2]

В апсиде, равно как и на вымостке (к северу от стены *б* внутри здания) и к северу от нее, лежали погребения, из которых погребение *47* изогнуто в соответствии с закруглением апсиды (рис. 50). На вымостке в проеме к югу от стены *б* — большой завал из обработанного и необработанного камня, кусков раствора и черепиц.

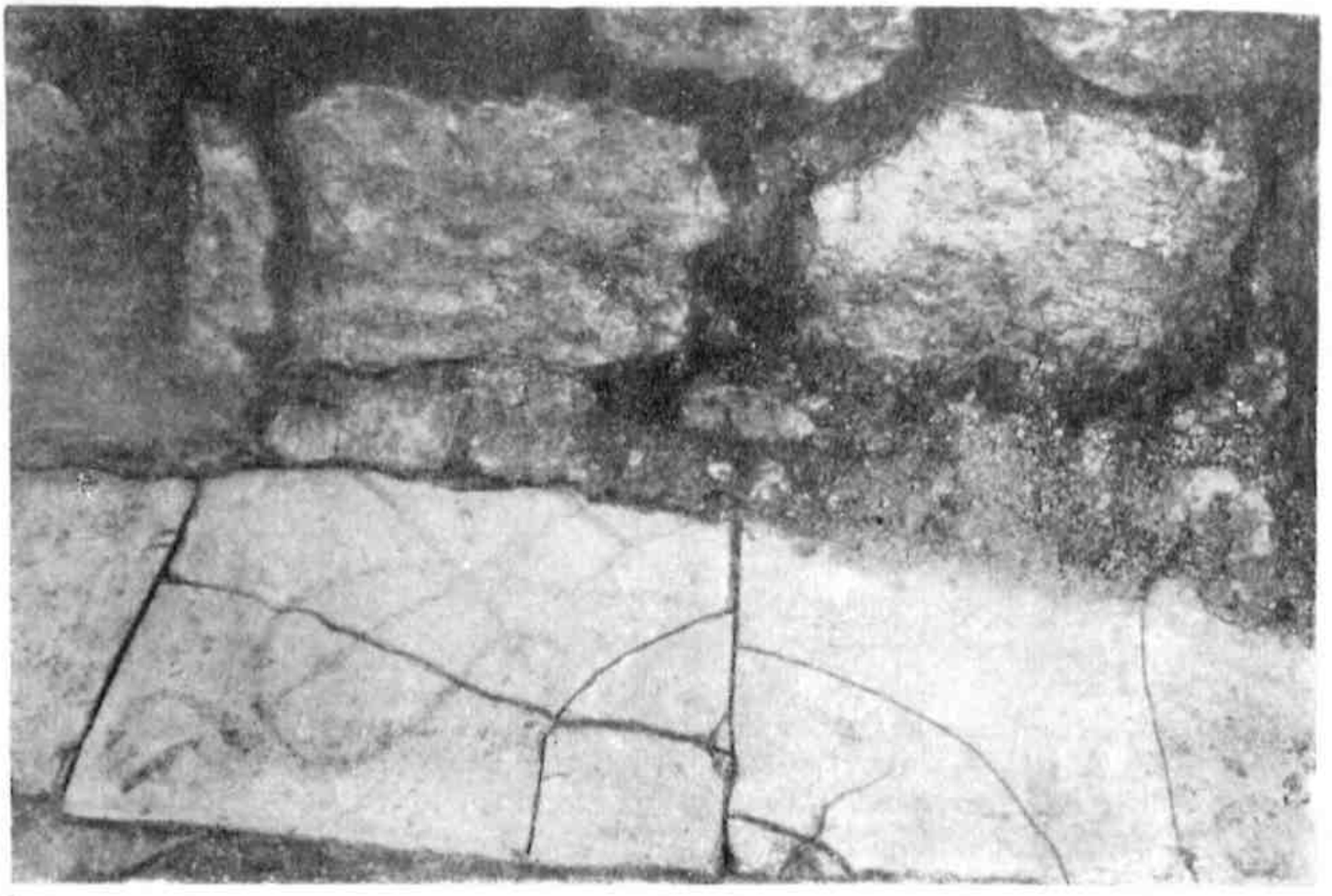


Рис. 49. Вымостка пола крещальни (вторичный настил пола).

[1] Ср. аналогичный кирпич в северной галерее (рис. 41, *а*).

[2] Размеры кирпичей 0.37×0.29 м. Кирпичи с поверхностью, обработанной сходным приемом — вдавлением, известны в пределах Крыма пока только в Тиритаке (Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 55). В Тиритакской базилике кирпичи с перекрещивающимися линиями по диагонали, нанесенными вдавлениями пальцев, применялись для арочных перекрытий (см.: В. Ф. Гайдукевич. Раннесредневековые памятники в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 20). Особенно близкие параллели встречаются, однако, вне Крыма. Прием нанесения узора или надписи путем вдавления рисунка в сырую глину пальцами широко распространен в позднеримское и ранневизантийское время. См., например, кирпичи Сучидавы. [см.: O. Tudor. Sucidava III. Dacia, XI—XII, стр. 162—164, рис. 16, *5* и 17, *14—16* (кирпичи №№ 4—16)]. Подобные (по форме и размерам) кирпичи для настила пола в здании IV—VI вв. известны в древней Фракии (современной Болгарии) около сел. Духова Могила (см.: G. Seure. Voyage en Thrace. BCH, vol. 25, 1901, 179—180, fig. 12). Рисунок их, правда, отличен, но прием его нанесения тот же. Такого типа кирпичи известны на севере Балканского полуострова и в более раннее время — в древней столице Дакии времен Децебала — Сармизегетузе (см.: C. Daicovici. Fouilles de Sarmisegetuza. Dacia, III—IV, 1933, рис. 44, 48, 49 на стр. 549, 551, 552). Обращает также внимание сходство в размерах кирпичей Мангупа с кирпичами древнего Ульметума (см.: V. Pârvan. Cetatea Ulmetum. Descoperirile... din vara anului 1911, p. 71, 72). Нельзя, наконец, не заметить и сходства в декоровке кирпичей с декоровкой поверхности глиняного грузила из той же Тиритаки из слоя V—VII вв. (см.: Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 52 и рис. 75).

К югу от апсиды, в квадрате $Е_1$—$Ж_2$, в скале имеется вырубка, идущая в направлении ЮЗ—СВ. Здесь был огромный завал керамики (в виде обломков крупных сосудов), кирпича и черепицы. Назначение вырубки не вполне ясно; возможно, это был сток для воды или специальная вырубка для фундамента апсиды, что можно будет решить только после дальнейшего исследования вырубки в восточном направлении, за пределами раскопа 1938 г. В апсидальной части под костяками открыты остатки мозаичного пола (см. рис. 4, 51 и 52). Открытая мозаика — трехцветная: красного, черного и белого цветов. Кубики ее — приблизительно одинакового размера, положены на растворе с битым кирпичом и черепицей. Мозаика сохранилась лишь на очень небольшом участке; на основании сохранившегося куска восстановить рисунок и размеры мозаичного пола в целом не представляется возможным; лишь в одном ее месте ясно прослеживается завиток (рис. 52). Мозаика была перекрыта плотным известковым раствором, настолько крепким, что на нем полностью отпечатался рисунок мозаики; раствор удалось снять лишь с большим трудом. Поверх этого мозаичного пола, на перекрывавшем его растворе, и лежали упомянутые выше плиты настила из известняка, на одном уровне с вымосткой из кирпичей (см. разрез $В$—$Г$ на рис. 5), на двух из которых, лежащих в апсидальной части, имеются «монограммы».

Таким образом мозаика являлась первичным настилом пола древнего здания. Плиты из известняка, как это показывает самый уровень их залегания, являются вторичным настилом пола, положенным, очевидно, тогда, когда мозаика уже была разрушена.[1] Кирпичный пол соответствует, как явствует из изложенного, вторичному настилу пола в остальной части помещения, ср. вымостку у стены *б* к северу (внутри здания) и к югу от него (рис. 48).

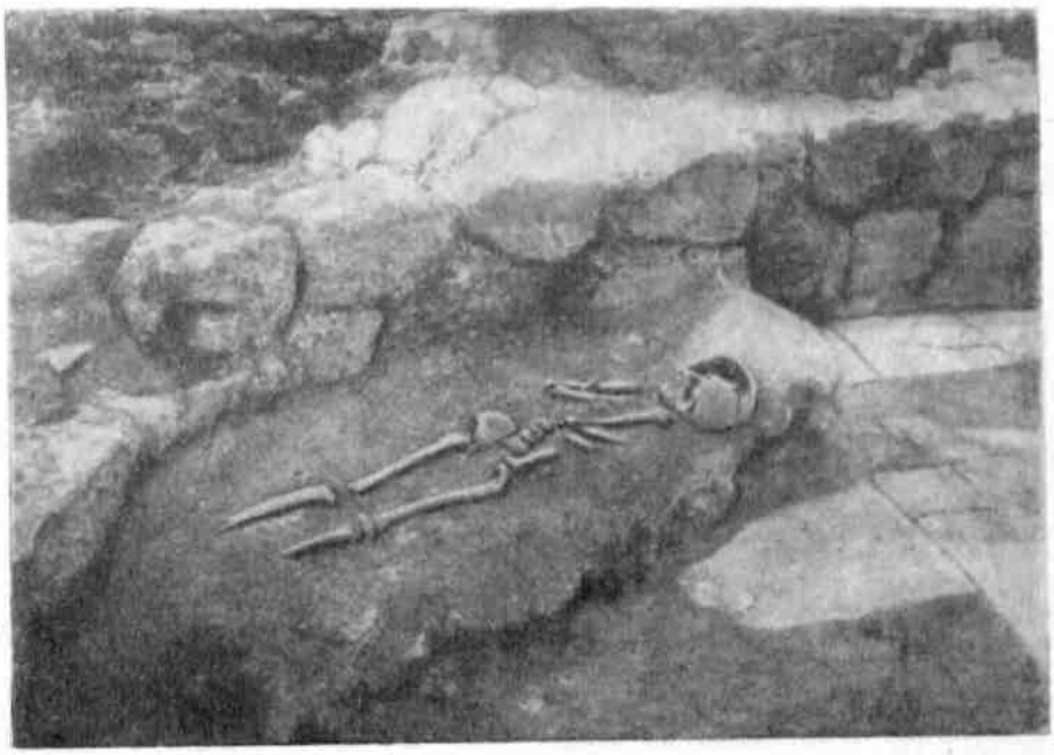


Рис. 50. Погребение 47 на полу апсиды крещальни.

В центре древнего здания, в 2 м к западу от мозаики (см. рис. 4) имеется углубление (диаметр 0.92 м, глубина 0.42 м), стенки которого, как и дно, покрыты толстым слоем гидравлического раствора розового цвета, с большой примесью битого кирпича и черепицы. Оно было раскрыто не полностью, так как частью уходит за северную линию раскопа ($Г_0Е_1$). Форма его крестообразная (см. рис. 4 и 53). Судя по местонахождению углубления, его форме и ха-

[1] Отметим, что на прилегающей к мозаике территории совершенно не найдено кубиков мозаики; возможно, что она была выброшена при перестройке крещальни в позднейшую часовню.

рактеру обмазки его стенок, можно думать, что это резервуар для воды, служивший купелью, и что все здание в целом первоначально являлось крещальней. Устройство крещален при больших базиликах и именно с северной стороны хорошо известно как в Херсонесе, так и в ряде других раннесредневековых городов. Окончательно решить вопрос, являлось ли открытое раскопками 1938 г. здание крещальней, можно будет лишь после полного раскрытия здания. Однако уже и сейчас несомненно, что открытое углубление и мозаичный пол, как

Рис. 51. Часть мозаичного пола в крещальне, вид с ю.-в. стороны.

и нижний (первый) слой настила из плит известняка у стены *б*, принадлежат первоначальной постройке, одновременной большой базилике, и предшествовали постройке часовни, которая раскрыта раскопками 1938 г. Возможно, что первоначальная крещальня была в плане крестообразной и что настил пола в проеме и к югу от стены *б* перекрывал собою настил первоначального южного рукава крестообразной крещальни.[1] Отметим, что в большой мангупской базилике, как это часто наблюдается в херсонесских базиликах V—VI вв., мозаика покрывала пол только боковых нефов, центральный же неф, включая и алтарную часть (солею), был вымощен большими плитами. В крещальне же, как и в загородном крестовом храме Херсонеса, мозаика покрывала и пол центрального помещения. Это обстоятельство может указать на еще более раннюю дату мангупской крещальни, которая могла быть не только одновременна большой базилике, но, возможно, даже предшествовала ей. Повторяем, окончательное решение всех этих вопросов может быть

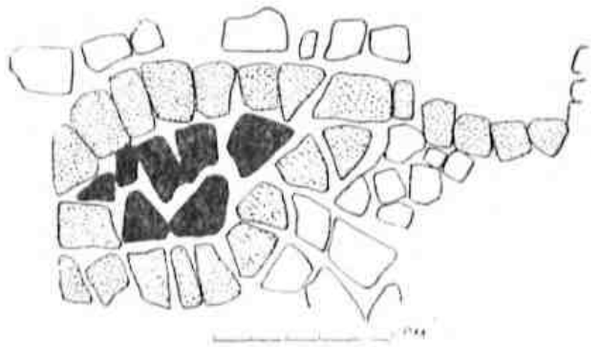


Рис. 52. Рисунок мозаики. (По С. А. Азаровой).

Кубики с точками — красные; кубики без штриховки — белые; кубики черные — черные.

Рис. 53. Купель в крещальне.

[1] Ср. крещальни у западной и восточной базилик в Херсонесе.

дано только после полного раскрытия комплекса базилики в целом.

После разрушения крещальни, но еще в раннее время (возможно, еще в X в.), она была перестроена в часовню, остатки которой (стена *б* и апсида) и открыты раскопками 1938 г. После же разрушения часовни вся эта территория была использована под кладбище.[1]

Под плитами в южной части крещальни открыты три гробницы (*IV*, *V*, *VI*), вырубленные в скале (рис. 54).

Рис. 54. Крещальня с гробницами, вид с восточной стороны.

Гробница *IV* имеет форму вытянутого с запада на восток прямоугольника, скругленного в западном конце; внутри с трех сторон она обложена плитами и перекрыта плитами настила пола. Размеры гробницы: длина 2.25 м, ширина 0.55 м, глубина 0.42 м (см. рис. 4). В гробнице лежал мужской костяк (длина 1.95 м) на спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова слегка повернута к северу; у таза слева (к северу) отдельно лежал череп от другого костяка. Вещей нет (рис. 55).

Гробница *V* имеет форму вытянутого с запада на восток прямоугольника, примыкает с запада к гробнице *IV*; с двух сторон (западной и восточной) внутри она обложена плитами; на боковых стенках (северной и южной) сохранились следы штукатурки. Размеры гробницы: длина 2.20 м, ширина 1.02 м, глубина 0.54 м. В гробнице оказалось несколько костяков в полном беспорядке (рис. 56), на глубине 0.52 м, в ю.-з. углу гробницы, — пять черепов. После снятия костяков под одним из черепов, в ю.-з. углу гробницы на глубине 0.54 м, была обнаружена золотая серьга с пирамидкой из зерни (рис. 20, *н*). Серьга эта находит себе полную аналогию в золотых серьгах из погребений не позднее VI—VII вв. в Эски-Кермене, Суук-Су, Керчи.[1]

[1] Вся апсидальная часть, равно как купель и древняя вымостка пола, под которой и далее к западу прослеживались гробницы, была по окончании работ засыпана землей; мозаика предварительно была покрыта толстым слоем хвороста и соломы.

[1] Н. И. Репников. Раскопки Эски-Кермеиского могильника в 1928 и 1929 гг. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 159 и 169 (склепы

Никаких других вещей при костяках не найдено.

Сооружение гробниц *IV* и *V* относится ко времени постройки первоначальной кре-

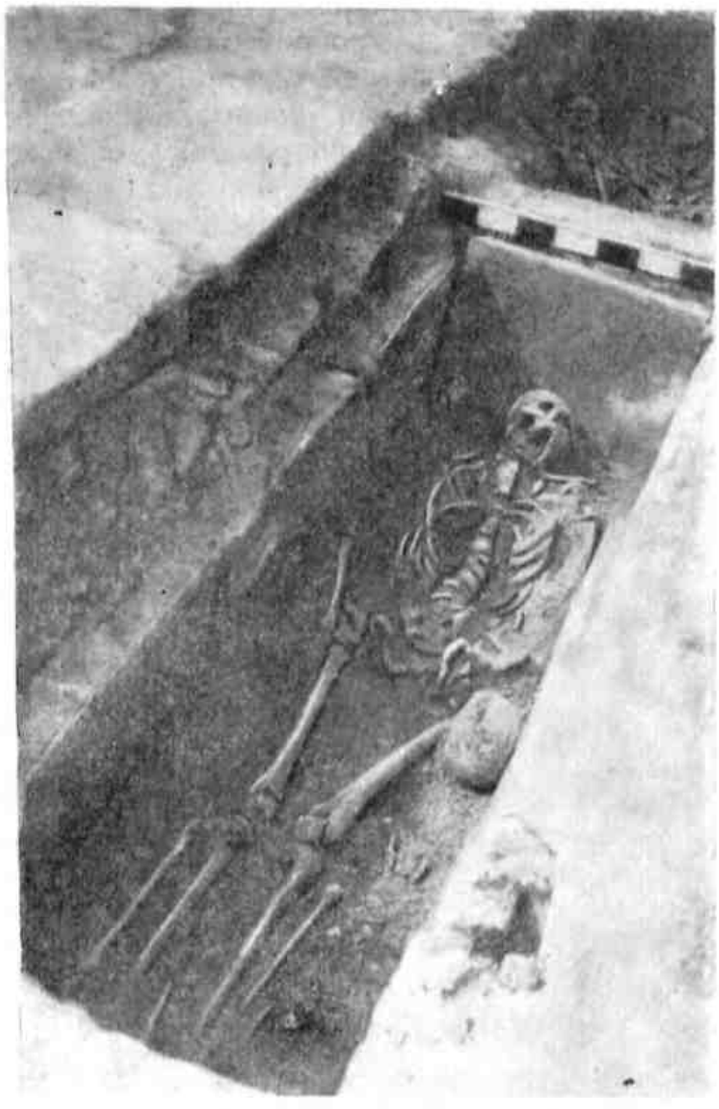


Рис. 55. Гробница *IV* в полу крещальни, вид с с.-в. стороны.

щальни, но погребения в них более поздние и, очевидно, потревоженные.

Гробница *VI* находится к западу от «купели». Размеры ее: длина 2.10 м, ширина 0.65—0.75 м. Гробница, как сказано, вырублена в скале, в изголовье ее имеется небольшая ниша, стены покрыты обмазкой. Характерна форма гробницы, слегка расширяющаяся к ногам.[1] На дне гробницы лежал один потревоженный, смещенный костяк плохой сохранности (рис. 57), без вещей. В земле, натекшей в гробницу, найдены мелкие обломки штукатурки со следами фрески — фоны светлопалевого, серого и красного тонов, кубики мозаики, мелкие обломки неполивной керамики, в том числе ленной, обломочек железного гвоздя, мелкие фрагменты стеклянных сосудов и кусков расплавленного свинца. Гробница *VI*, перекрытием которой также служили плиты настила пола, несомненно современна первоначальной постройке и должна быть датирована VI в.; находки в земле, заполнявшей гробницу, указывают на то, что и погребение в ней изначальное.

Таким образом все три гробницы в крещальне являются древнейшими на площади

Рис. 56. Гробница *V* в полу крещальни.

около мангупской базилики, современными первоначальной постройке базилики и здания к северу от нее.

№№ 146 и 156); о н ж е. Некоторые могильники крымских готов. ИАК, вып. 19, стр. 15, 17, табл. 1, 4 и 6, а также: ИАК, вып. 25, стр. 40 (склеп № 152 в Керчи).

[1] Ср. гробницы, вырубленные в скале у загородного крестового храма в Херсонесе.

Захоронения на полу крещальни были совершены после разрушения базилики. Никаких вещей при костяках обнаружено не было, за исключением костяка *49*, у которого на позвоночнике лежал небольшой железный гвоздик, и костяка *48*, имевшего небольшой плоский бронзовый браслет с несомкнутыми концами (рис. 18, *к*). У костяка *54*, лежавшего почти на скале, на глубине 1.65 м от верхнего уровня северной галереи базилики и на том же уровне от пикета *Ж*1, в земле найден крестик из тонкой серебряной пластинки, почти фольги, четырехконечный, с удлиненным нижним концом, орнаментированный (набивкой) (рис. 21, *б*). Крестик несомненно ранний; он был, повидимому, укреплен на деревянной основе и служил крестом-тельником. Аналогичного типа кресты известны из Castel Trosino и Nocera Umbra и датируются VI—VII вв. Необходимо подчеркнуть, что крест находился в земле, а не на костяке, и потому датирует лишь слой, в котором залегало погребение, а не самое погребение. Поблизости от креста найден обломок обрамления из местного серого известняка с резным орнаментом в виде ромбиков (рис. 34, *в*), который датируется тем же временем. Обломок носит явные следы пребывания в огне, растрескался и сильно крошится.

Среди находок нижнего слоя как на уровне залегания костяков, так и глубже, непосредственно на вымостке пола древнего здания, особое внимание привлекают многочисленные архитектурные фрагменты, принадлежащие, повидимому, к декоровке первоначальной «крещальни». Так, у черепа костяка *43*, на глубине 0.53 м от северной стены галереи, была найдена прекрасной сохранности византийско-коринфская капитель из местного серого известняка,[1] украшенная аканфом, с профилированной полочкой (абаком) (рис. 42, *б*); капитель — небольшого размера, высотой 0.23 м, повидимому, принадлежала пилястру. Как и у фриза, найденного в северной галерее базилики (рис. 42, *а*), у нее есть очень близкие аналогии в декоративных элементах базилики в Рагуз-Дере,[2] с которой вообще открытая «крещальня» имеет ряд общих черт. Вторую ближайшую аналогию дает капитель Партенитской базилики.[1] Руководитель раскопок в Партените Н. И. Репников, а вслед за ним и другие исследователи, датировали партенитскую капитель, исходя из времени постройки самой базилики, VIII в. Однако такая датировка является спорной. В Партените, кроме даной капители, были

Рис. 57. Гробница *VI* в полу крещальни.

найдены еще две капители, мраморные, феодосианского типа V в. К тому же, сама Партенитская базилика датируется VIII в. отнюдь не на основании археологических данных, но исходя из литературного предания и данных эпиграфических (надпись 1427 г., которая связывает первоначальную постройку храма с Иоанном Готским, при-

[1] Вероятно, того же известняка, что и плиты пола в крещальне.

[2] ИТУАК, вып. 8, 1889, стр. 102—105, табл. 1. — Размеры капители в Рагуз-Дере: высота 0.225 м, ширина 0.13 м.

[1] Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, рис. 52. — Размеры партенитской капители: высота 0.17 м, ширина в основании 0.12 м.

чем также на основе предания). В то же время архитектурные данные, да и археологические, с несомненностью говорят о более ранней дате базилики, вполне сходной с херсонесскими базиликами V—VI вв., почему есть основания утверждать, что и партенитская капитель должна быть датирована тем же временем. Что касается мангупской капители (рис. 42, *б*), то как по технике, так и по стилю она не может быть отодвинута за пределы VI в.

На вымостке крещальни в ее южной части найдено много обработанных профилированных камней из серого мягкого известняка (размеры: длина 0.25—0.30 м, ширина 0.20—0.25 м, толщина 0.12—0.20 м), повидимому, также связанных с декоровкой здания. Именно здесь, на вымостке (вторичном настиле пола), у стены *б* с северной стороны над гробницей *IV* был открыт фриз из местного серого известняка. Фриз украшен двойным рядом листьев острозубчатого аканфа (см. рис. 42, *в*); сохранность фриза очень плохая, уцелела только часть его, к тому же самый камень крошится и расслаивается. Рядом с фризом в земле были найдены отдельные обломки его (рис. 39, *г*), обломок капители и большой обломок серого известняка с сохранившимся на нем с одной стороны зубцом аканфа. Обратная сторона камня сглажена, на ней вырезано несколько греческих надписей. Центральная надпись трехстрочная, написана унциальным письмом V—VI вв.[1] Надпись гласит следующее:

✠Ο Θ̄CTI ΠΡΟCΒЄΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ
ΙΩΑΝΝΟΥ CΩCΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ
CΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟC
ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ

Что в переводе означает: О, боже, [услышь] просьбу святого Иоанна и спаси раба его, отца Григория, чтеца грешника. Аминь.

[1] Ср. надпись на мраморной плитке из Херсонеса (ИАК, вып. 3, стр. 28, рис. на стр. 29), а также надпись V—VI вв. на кресте с удлиненным нижним концом (В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 28, № 15) и надпись того же времени на мраморном обломке (МАР, вып. 23, № 40). Палеографически с нашей надписью очень сходна надпись на обломанном куске плиты из очень твердого серого мраморовидного известняка, датируемая В. В. Латышевым позднеримским временем (см.: ИАК, вып. 18, стр. 119, № 30).

Эту центральную надпись окружает ряд мелких надписей, выполненных скорописью, совершенно неразборчивых и скорей процарапанных, чем вырезанных.[1] На обратной стороне камня с фризом (рис. 42, *в*) также сохранился ряд мелких неразборчиво нацарапанных скорописью надписей и различных геометрических фигур (концентрические круги с пересекающими их линиями, рисунок лабиринта, изображение корабля и т. д.).

В нижнем слое найдено огромное количество черепицы (особенно много на скале у ю.-в. угла квадрата $E_1Ж_2$ — в вырубке-стоке). Черепица почти исключительно раннесредневековая, с высокими бортиками (0.045—0.055—0.06—0.065 м), много черепиц с клеймами; есть калиптеры, тоже с метками, причем большей частью с меткой ΘΕ.[2] Здесь же найден обломок раннесредневековой водопроводной трубы из яркооранжевой глины.

Третий слой, в отличие от первого и второго, вообще сильно насыщен находками; прежде всего керамикой, особенно в квадрате $E_1Ж_2$, где в сплошном завале из черепицы было найдено много обломков больших сосудов — пифосов и амфор ранних типов, обломок низкого двуручного сосуда — таза с врезанным крестом (нижний конец удлиненный) у ручки (рис. 30, *д*). На других квадратах встречено много обломков мелких красноглиняных сосудов. Поливной керамики почти нет; на всем участке γ в третьем слое было найдено всего 19 мелких обломочков поливной керамики, попавших сюда, очевидно, во время рытья земли при перестройке крещальни в часовню; среди них два обломка белоглиняной керамики IX—X вв., найденных на вымостке пола в крещальне. Главную массу находок составляет раннесредневековая и позднеримская керамика: обломки венчиков кувшинов салтовского типа с плоским отогнутым краем и впадинкой на ручке (рис. 30, *е—к*) и позднеримских, обломок донышка амфоры, ребристые ручки амфор (рис. 30, *в*, *г*), обломок толстостенного сосуда оранжевой глины с волнистым орнаментом.

[1] Отсутствие эстампажа или фотографии с надписи объясняется тем, что последние своевременно сделаны не были, впоследствии же камень был утрачен.

[2] Ср. калиптеры с такими же метками на участке β, против западного входа в базилику.

В нижнем слое, особенно на скале, довольно много лепной керамики (рис. 31). Найдены также обломки лощеной керамики, например обломок лощеного горшка с ручкой кизыл-кобинского типа. Размеры обломков лепной керамики, к сожалению, настолько незначительны, что определить форму самих сосудов невозможно.

В этом же слое на скале, в квадратах $Е_1Ж_2$ и $В_1Г_2$, обнаружены следы пожарища — мелкие угольки и зола, среди которых найдены обломочки проконесского мрамора (например завиток острозубчатого аканфа от феодосианской капители, а также облицовочные мраморные плитки) со следами пребывания в сильном огне. Там же найдены обломки декоративной детали из алебастра с орнаментом из кружков (рис. 34, *ж*), также сильно пострадавшие от огня.

Из металлических изделий отметим евхаристическую медную позолоченную ложку (рис. 21, *ж*), медный крючок от лампады,[1] железный наконечник стрелы, грузило.

Таким образом нижний слой за северной галереей, так же как и нижний слой у западной стены базилики, представляет собою слой раннесредневековый и позднеримский с остатками, еще более ранними, т. е. слой, современный постройке базилики в ее первоначальном виде, а также постройке крещальни, частично раскрытой в 1938 г. Отметим, что и во дворце (см. далее) нижний слой датируется также временем раннего Средневековья; в контрольных квадратах к ЮВ от дворца слой на скале датируется IV—V вв., что подтверждается, в частности, и находкой в нем монеты императора Аркадия (395—408).

Как бы ни были незначительны раскопки базилики, произведенные в 1938 г., они позволяют сделать ряд существенных выводов, имеющих значение для понимания истории Мангупа в целом.

1. Датировка первоначальной постройки мангупской базилики VI в. находит себе полное подтверждение во всем материале раскопок территории базилики.

2. Наличие по крайней мере двух строительных периодов в жизни базилики (первый в VI в., второй во второй половине XIV в.) также в полной мере подтверждается данными раскопок.

3. Материалы, добытые при раскопках базилики, доказывают существование на Мангупе в период раннего Средневековья достаточно крупного поселения. Это в свою очередь подкрепляет положение о том, что древний Дорос, центр крымской «Готии», в период раннего Средневековья находился на Мангупе.

4. Вместе с тем материалы раскопок вскрывают наличие на Мангупе не только раннесредневекового поселения, синхронного постройке древней базилики и крещальни, но и следы более древнего поселения III—начала IV в. Об этом отчетливо говорят находки керамики (обломки остродонных амфор, краснолаковой посуды III в. и лепных сосудов), а также многочисленные обломки позднеримского стекла. Более того, раскопками устанавливаются следы жизни на плато Мангупа и в еще более раннее время — в первой половине I тысячелетия до н. э. (таврская керамика).

5. Материалы раскопок проливают свет на культуру населения Мангупа второй половины I тысячелетия н. э.; они указывают на наличие в этой культуре салтовских элементов.

6. Материалы раскопок свидетельствуют о широких экономических и культурных связях Мангупа на протяжении многих веков его существования как с Херсонесом, так и с восточным Крымом и степными пространствами северного Причерноморья.

В отношении собственно базилики раскопки показывают, что базилика носит на себе ярко выраженные черты по крайней мере двух (а возможно и трех) строительных периодов (рис. 58).[1] Что касается времени перестройки, в сущности, возобновления базилики, которое на основании надписи 1427 г. обыкновенно относили к началу XV в., то необходимо подчеркнуть следующее: надпись 1427 г., говорящая о постройке базилики князем Феодоро—Алексеем, не имеет отношения к Мангупу и его базилике. В ней идет речь о по-

[1] Ср. цепь от лампады (рис. 21, а), найденную у западной стены базилики.

[1] Для окончательного решения вопроса о третьем, собственно втором, строительном периоде (промежуточном между VI и XIV вв.) необходимы дополнительные раскопки — исследование не только северной галереи базилики, но и всех остальных ее частей.

стройке храма и крепости, а не о возобновлении того и другого. Убеждает в этом и упоминание в надписи Алексея в качестве базилики, говорится именно о восстановлении, а не о постройке храма. Наконец тот факт, что Алексей назван здесь ктито-

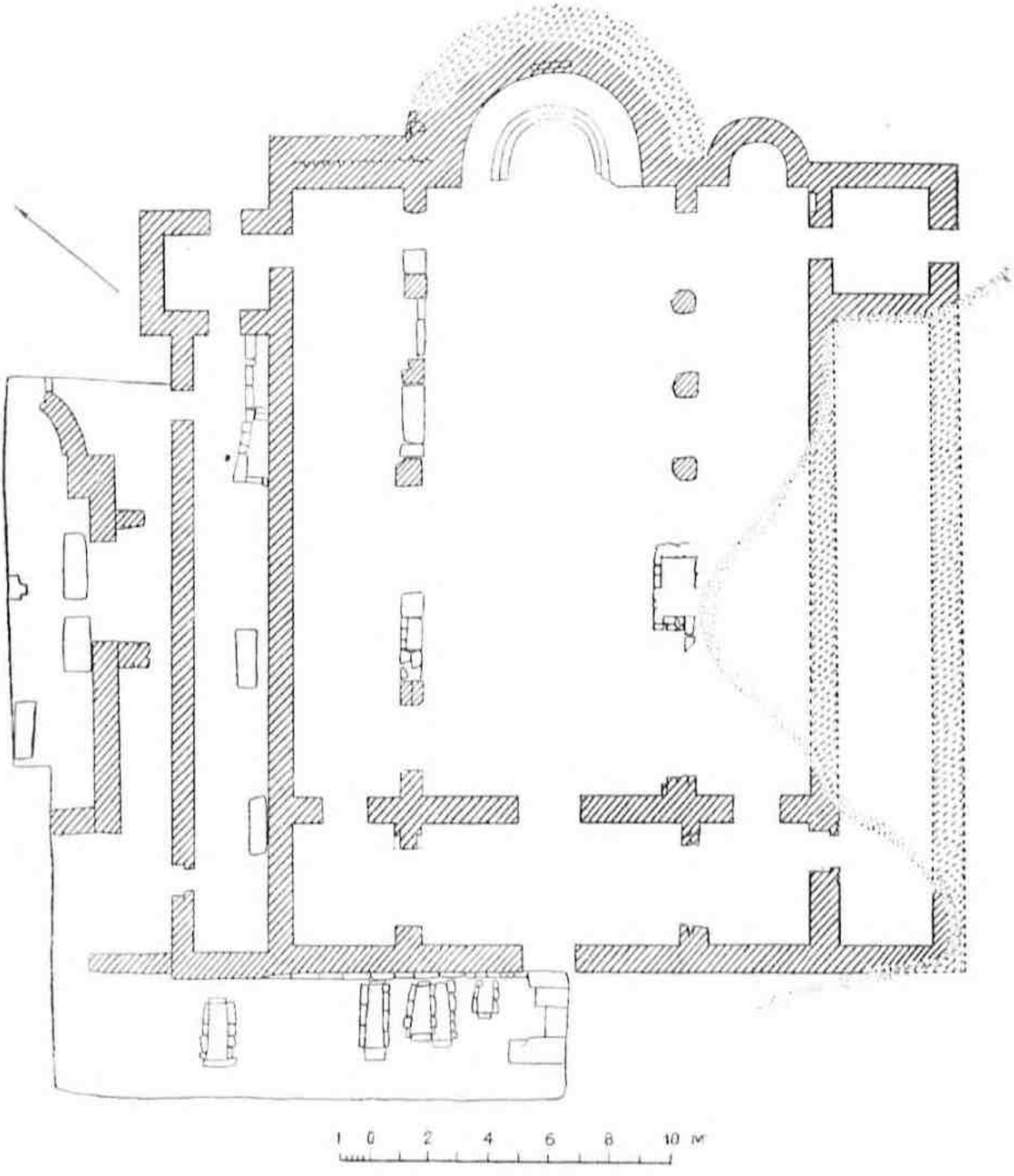


Рис. 58. Сводный план базилики с примыкающей к ней крещальней. (По А. Л. Якобсону).

князя Феодоро без указания «сего» княжества Феодоро, а также то важное обстоятельство, что в партенитской надписи того же 1427 г.,[1] где мы имеем совершенно аналогичный случай восстановления древней ром храма Константина и Елены, указывает, что строящийся храм какой-то иной, а не упомянутый в надписи храм Константина и Елены, ктитором которого Алексей, очевидно, был еще в 1427 г. К тому же, критор (ὁ κτήτωρ) не всегда значит «строитель». Этот термин может означат и владельца, и собственника. Из этого сле-

[1] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, стр. 50—53, № 45.

дует, что не обязательно Алексей был строителем или восстановителем храма в Мангупе: мангупская базилика могла быть и, по всей вероятности, действительно была восстановлена (перестроена) раньше — в период интенсивного строительства на Мангупе в середине 60-х годов XIV в.[1] Инкерманское происхождение надписи 1427 г., на чем настаивал А. Л. Бертье-Делагард, наиболее вероятно.[2] О существовании греческих надписей с гербами в Инкермане говорит, как известно, и Мартин Броневский.

На вторую половину XIV в. — время возобновления базилики — указывают и материалы раскопок 1938 г. Как отмечено, есть основание считать, что базилика была возобновлена только в своей центральной части; северная же галерея, как и южная, вероятно, не были восстановлены; это подтверждает и характер залегания слоев. Не было восстановлено и древнее здание к северу от базилики (крещальня), стоявшее в развалинах, площадь которых использовалась в это время уже под кладбище.

Раскопки 1938 г. с несомненностью показали широкие связи Мангупа на разных этапах его долгой исторической жизни. В период раннего Средневековья, в V—VI вв., особенно тесными были его связи с Херсонесом. Помимо письменных источников (см. выше), на это указывают оборонительные стены (на отдельных участках, в особенности у ворот в верховьях Капу-Дере), которые очень близки оборонительным сооружениям Херсонеса, в частности башне Зенона. Строительные приемы, план и декоративное убранство базилики, использование значительного количества проконесского мрамора, наличие мозаичного пола того же типа и техники, что и в Херсонесе, — все это указывает на Херсонес как на центр, с которым тесно связано строительство Мангупа.

Иная ориентация и иные связи выступают перед нами на другом этапе жизни Мангупа — в период развитого Средневековья. В это время Херсонес утратил свое экономическое и политическое значение. Экономический центр в Крыму перемещается на восток; восточный Крым занял первенствующее положение; на первое место здесь выступил Судак (Согдак—Сугдак восточного мира, Сурож русских источников, Сугдея византийских источников, Солдайя у итальянцев).

Это — крупнейшая гавань восточного Крыма, важный центр транзитной торговли с Востоком, по имени которого русские называли и все Черное море морем Сурожским, а крымских купцов, среди которых было всегда немало армян, — купцами-сурожанами. Именем Судака называли весь Крым золотоордынские и египетские послы; за обладание им долгие годы боролись вечные соперники на Черном море — Венеция и Генуя. В этом городе сходились купцы Запада и Востока, отсюда везли на Запад рабов; в XII—XIII вв. Судак вел крупнейшую по тогдашним временам торговлю. Этот город населяли греки-византийцы, армяне (вселявшиеся сюда из Ани после его разгрома в 1041 г.), русские и представители старого местного населения, среди которых, надо думать, немало было и потомков алан.

С Судаком Мангуп находился, несомненно, в постоянных и тесных связях: инвентарь погребений у базилики и находки во втором слое настолько близки тому, что было найдено в Судаке во время археологических работ 1927—1930 гг., что есть полное основание говорить не только о связях, но и о прямом влиянии восточного Крыма, в частности Судака, на Мангуп. Отсюда, а не из какого-либо другого места Крыма, могла попасть на Мангуп и та накладка замечательной китайской работы, которая была найдена у западной стены базилики, а также ряд других восточных изделий.

[1] См. выше, стр. 329.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 5—10.

А. Л. Якобсон

ДВОРЕЦ

Дворец расположен к ЮВ от базилики, невдалеке от нее, против Гамам-Дере.

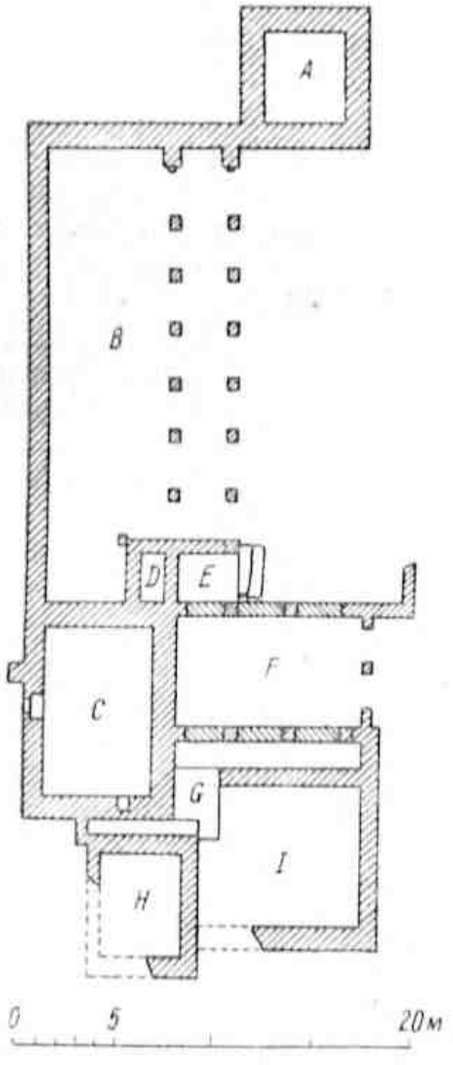


Рис. 1. Общий схематический план дворцового комплекса. (По Р. Х. Леперу).

Первые раскопки его были произведены Р. Х. Лепером в 1912 г.[1] В результате их в значительной степени выяснен общий план дворцового комплекса (рис. 1). Однако дворец был раскопан лишь в незначительной степени и в методическом отношении неудовлетворительно: раскоп представлял собой ряд неглубоких траншей вдоль стены здания. Культурный слой был вскрыт на небольшую глубину; основная толща наслоений, местами достигающих, как показали наши раскопки, 2.00 м, осталась нетронутой.

Весь комплекс дворца, как выяснили раскопки 1912 г., ориентирован с юга на север в сторону Гамам-Дере; он заканчивался с северной стороны донжоном, у южной стены которого тогда же была найдена часть надписи, свидетельствующая о постройке дворца князем Феодоро—Алексеем (ум. в 1433 г.) в 1425 г.[1] Надпись, как справедливо указывал Р. Х. Лепер, относится, несомненно, к этому комплексу и находилась, очевидно, на стене донжона. Уже одно это определяет большое научное значение памятника, до сих пор представляющего собой единственный пример дворцового комплекса на почве Крыма и один из немногих на всем Ближнем Востоке.

Предпринятая в 1938 г. раскопка производилась в течение всего лишь 17 дней, и поэтому исследование дворца не могло быть закончено.

Работам во дворце предшествовала небольшая раскопка трех 4-метровых квадратов, предпринятая в целях контрольного исследования места, куда намечено бы-

[1] Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Ма уше в 1912 году. ИАК, вып. 47, стр. 73—79, 146—154.

[1] Надпись издана Р. Х. Лепером (там же, стр. 79). Ср.: А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 32.

ло свозить землю из раскопок дворца.[1]

Место, выбранное для этого раскопа, было ровное, с небольшим уклоном к северу, без видимых на поверхности архитектурных остатков, которые не были обнаружены и при раскопке. Толщина культурного слоя (до скалы) оказалась здесь невелика: в первом и втором квадратах 0.45—0.50 м, в третьем квадрате (вследствие склона скалы) — 0.78 м.

При раскопе этих квадратов найдено большое количество битых костей крупного и мелкого рогатого скота. Найдено довольно много красноглиняной посуды, обломки плоских ручек от кувшинов, толстые, овальные в сечении ручки амфор с продольными желобками (см. ниже, рис 10, *а*), несколько обломков пифосов, украшенных рифленой полосой и дугами под ней (рис. 10, *б*), обломки простых кухонных горшков с серым черепком. Найдены два обломка черепиц с меткой Θ. Значительно меньше было поливной керамики; встреченная имела преимущественно бледно-зеленовато-желтую поливу и геометрический рисунок врезной линией; попалось несколько обломков с темнозеленой и один с темнокоричневой поливой с внутренней стороны сосуда. Вся эта керамика показывает, что культурный слой на площади контрольного раскопа не однороден: наряду с амфорами, имеющими массивные ручки с продольными желобками, которые относятся еще к раннему Средневековью, здесь встречены позднесредневековая поливная посуда и плоскодонные кувшины с широкими плоскими ручками, датируемые, по данным основных раскопок дворца, XIV—XV вв.

Неоднородность слоя подтверждается и монетными находками: из двух найденных здесь медных монет — одна императора Аркадия (395—408), а другая Джучидов (XIII—XIV вв.).[2]

Раскоп дворца охватил его центральную часть — помещение *C*, примыкающие к нему помещения *F*, *E*, *D* и южный отдел помещения *B* (рис. 2).[3]

Помещение E. Его размеры: 2.15×4.0 м, включая стены и ступени. Значительная часть засыпи (серая земля, насыщенная битым камнем и щебнем, с ничтожным количеством находок) представляет собой выкид земли при раскопе Лепера. Нетронутый культурный слой здесь достигает 0.85 м. Поверхность скалы имеет многочисленные выбоины, однако ясно видны следы ее выравнивания. Вдоль южной стены помещения *E*, являющейся продолжением северной стены помещения *C*, в скале вырублен уступ, служащий постелью кладки этой стены. Постель продолжается и под две длинные и массивные плиты (1.90×0.40—0.45 м), образующие в восточной части этого маленького помещения две большие ступени. Они представляют собой, вероятно, остатки широкой лестницы, ведшей во второй этаж центральной залы (помещение *C*). Таким образом небольшое помещение *E* являлось подлестничной коморкой и вряд ли имело какое-либо специальное назначение. От северной стены этого помещения сохранились лишь два ряда камней грубой кладки (рис. 3), причем часть камней — явно вторичного употребления. Южная стена помещения, сохранившаяся на высоту двух-четырех рядов камня, также сложена из бутового камня большей частью крупного размера. В эту стену включены три основания восьмигранных колонн с фасками, расположенные приблизительно на равном расстоянии друг от друга (1.95 и 2.05 м). Очевидно, вся эта стена представляет собой заполнение междустолбного пространства и относится к последующему строительному периоду, так как первоначально здесь была открытая колоннада (подробней об этом ниже). Следовательно, и широкая лестница, две ступени которой сохранились на месте и которая была приспособлена к этой более поздней стене, также относится к последующему строительному периоду, о хронологии которого речь ниже. При разборе завала камней в помещении *E*, на площади раскопа к северу от него и в соседнем помещении, найдены три части наличника, которые вместе составляют трехлопастное завершение, по всей вероятности, двойного окна (рис. 4),[1] расположенного, очевидно, в верхней части той же более

---

[1] Отвозить землю далеко, на край плато, за пределы древнего поселения, не представлялось возможным.

[2] Определение А. А. Быкова.

[3] Ради удобства в настоящей статье сохранены обозначения помещений, принятые в прежней публикации раскопок дворца (ИАК, вып. 47). См. рис. 1.

[1] Размеры наличника: высота 0.43 м, длина 1.55 м, ширина 0.18—0.16 м.

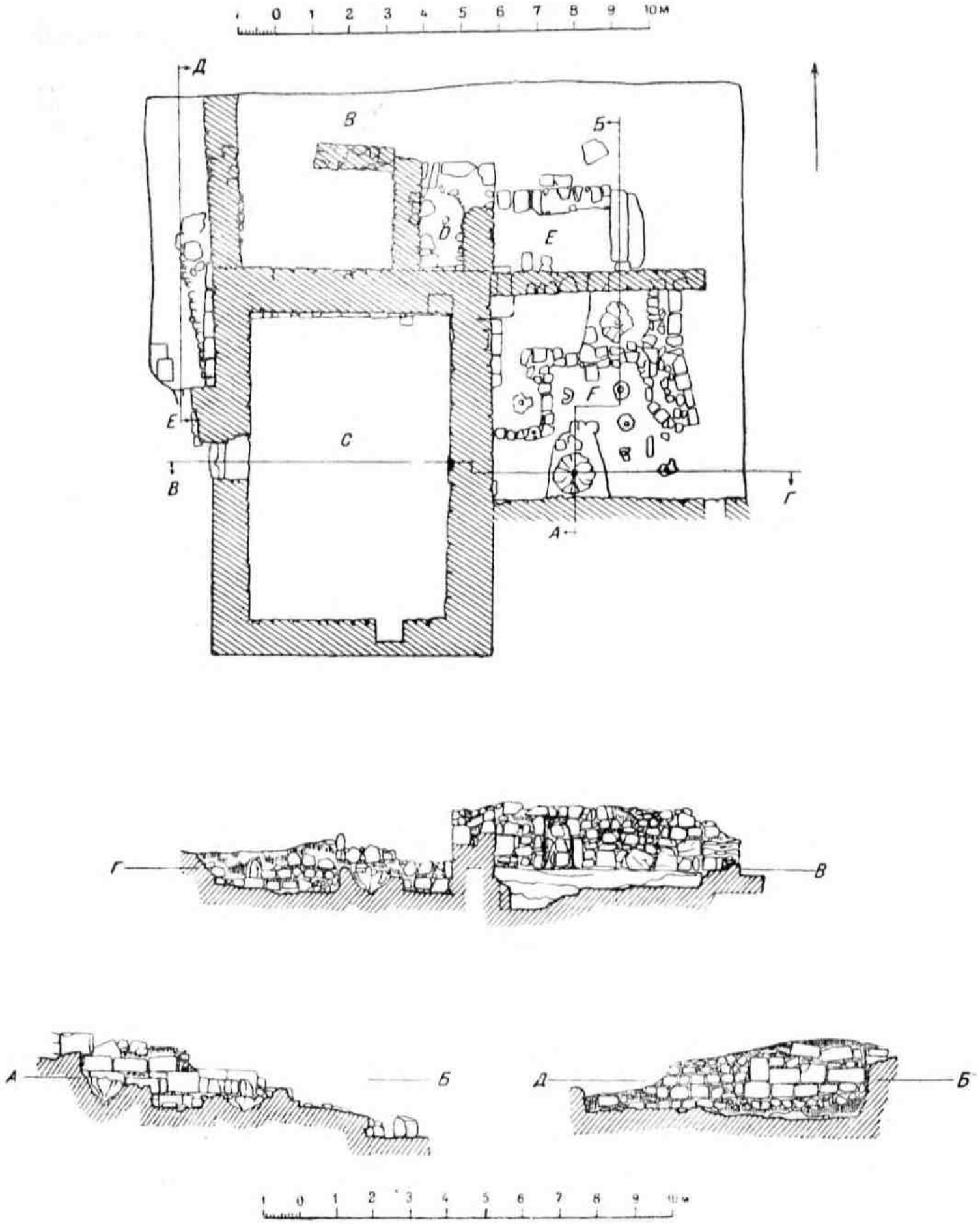


Рис. 2. Дворец. План и разрезы. (Обмер и чертеж А. Л. Якобсона).

Рис. 3. Помещение *E*, вид с с.-в. стороны.

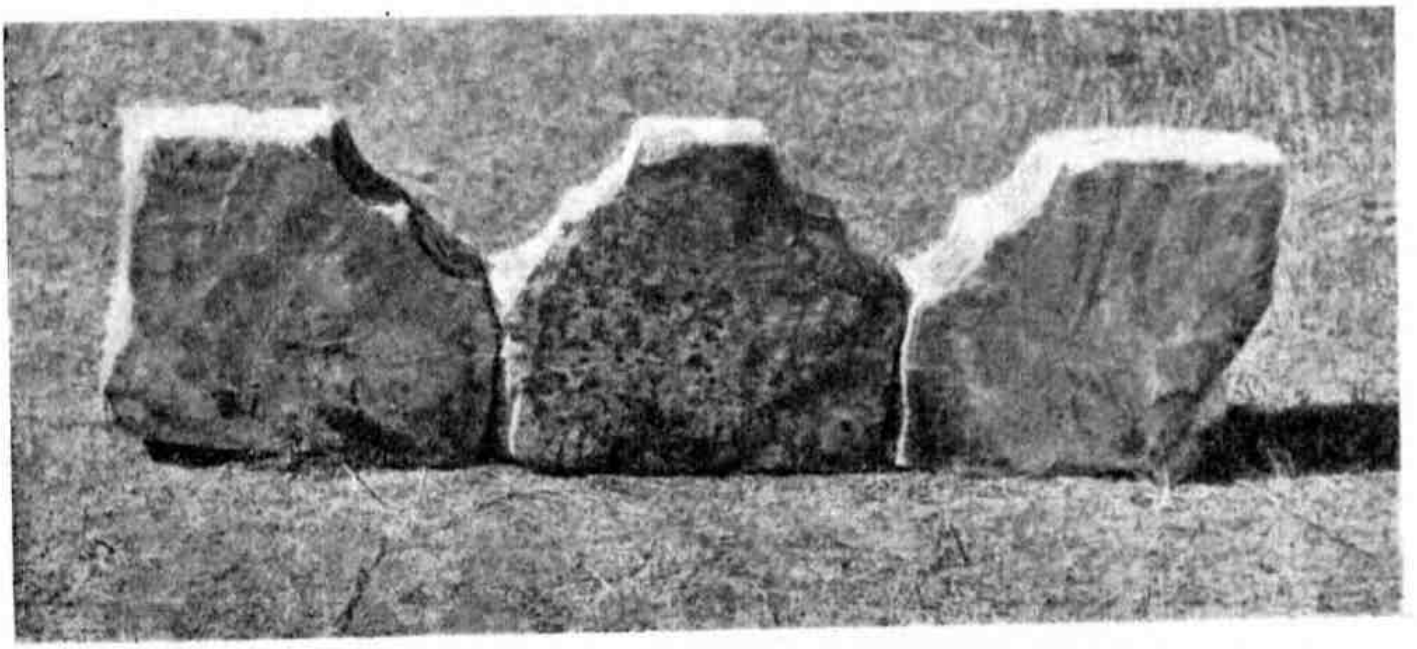


Рис. 4. Верхняя часть наличника двойного окна.

поздней стены и принадлежащего, таким образом, также последующему строительному периоду. Обе стороны наличника гладко стесаны, причем одна сторона особенно тщательно; этой стороной наличник, очевидно, был обращен наружу здания. Кроме того, здесь же были найдены фрагмент полукруглого завершения окна и два замковых камня арок (вероятно, также от окон), из них один замковый камень (высота 0.24 м, наибольшая ширина 0.23 м) с гладко отесанными сторонами принадлежал стрельчатой арке (рис. 5, *а*); ширина камня, соответствующая, очевидно, толщине стены, равна 0.63 м. В слое, образовавшемся от выкида земли из раскопок Лепера, находок было мало; они состояли из мелких обломков черепицы (один с меткой Δ) и красноглиняной простой посуды (плоские ручки от кувшинов, обломок сосуда с частым и глубоким, до 2 мм, рифлением, несомненно раннесредневекового периода, обломки днища пифоса), мелких обломков красноглиняной поливной посуды с желтой и зеленой поливой и врезным геометрическим орнаментом; особо отметим обломок белоглиняной чаши с толстыми стенками (6—7 мм), с зеленой непрозрачной поливой (эмалью), имитирующей селадон; из вещей встречены железные гвозди и костяное продолговатое колечко. Впрочем, тот же характер находок продолжается и ниже, в нетронутом культурном слое, где встречены большей частью мелкие обломки красноглиняной простой и поливной посуды (полива преимущественно бледножелтая); кроме того, найдено 11 гвоздей.

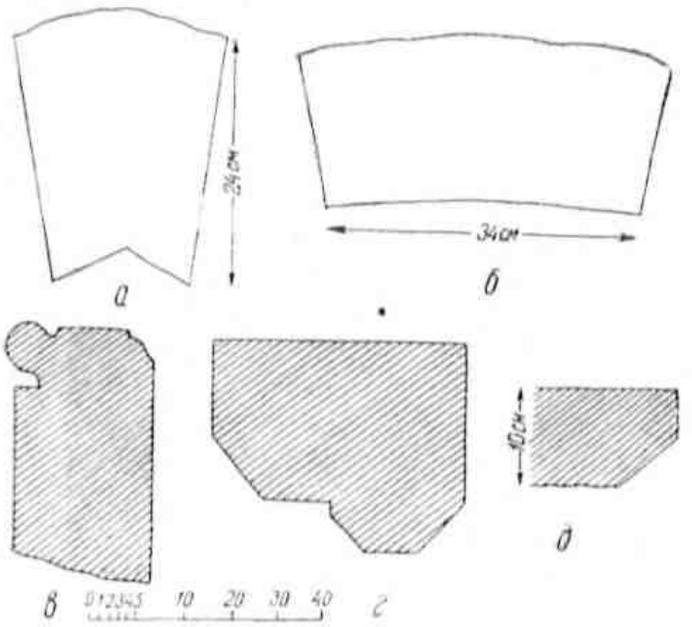


Рис. 5. Строительные детали.

а — замковый камень стрельчатой арки; *б* — клин арки (из помещения *C*); *в* — профиль фрагмента ¾-й колонки (из помещения *C*); *г* — профиль угловой полуколонны (из помещения *C*); *д* — профиль карниза.

Помещение D расположено рядом с помещением *E*, к западу от него. Размеры его ничтожны: 2.80×1.15 м; восточная и западная стены помещения сохранились на высоту около 0.70 м, они сложены из бутового камня (в восточной стене камни мельче, в западной — крупнее) с подтесанной лицевой поверхности. Обе стены поставлены впритык к северной стене помещения *C* и резко отличаются от нее характером кладки (рис. 3 и 6). Это обстоятельство заставляет отнести рассматриваемое помещение также к последующему строительному периоду, как и соседнее помещение *E* со ступенями лестницы. Пол помещения был выложен массивными плитами неправильной формы. Ничтожные размеры помещения указывают на то, что оно не имело самостоятельного значения; стены его могли служить опорой для верхних ступеней лестницы. О характере использования этой подлестничной коморки судить, однако, невозможно, тем более, что в самом помещении находок почти не было. Помещение было, повидимому, открыто в сторону большого двора *B*.

Помещение B расположено к западу от помещения *D* и является южной оконечностью двора *B*: оно ограничивается с западной стороны стенкой (сохранилась на высоту 1.10 м), сложенной непосредственно на скале из некрупных, более или менее правильной формы блоков камня приблизительно выдержанными рядами (рис. 7). Стена эта, вскрытая на протяжении 4.50 м, примыкает впритык к с.-з. углу помещения *C* и является продолжением его северной стены; поэтому можно думать, что она пристроена к помещению *C* позднее и также относится к последующему строительному периоду. С северной стороны помещение ограничивалось стеной (толщина 0.70 м), сохранившейся на высоту одного ряда бутовой кладки, сложенной на плотно утрамбованной насыпи и также поставленной впритык к стене помещения *D*.[1] Здесь также значительную часть толщи засыпи (около 1 м) составляла земля от выкида из раскопок

[1] Западный конец стены не сохранился.

Рис. 6. Помещение *D*, вид с северной стороны.

Рис. 7. Помещение *B*, вид с с.-в. стороны.

Лепера, поэтому на характеристике находок мы не останавливаемся. Под выкидом идет нетронутый культурный слой черной плотной земли, насыщенной золой и мелкими угольками, особенно у северной стены помещения *C*. Значительное скопление золы (пятно размером 1.40×1.10 м) отмечено на поверхности этого слоя в ю.-з. углу помещения.

Этот однородный слой лежал непосредственно на желтой материковой глине и

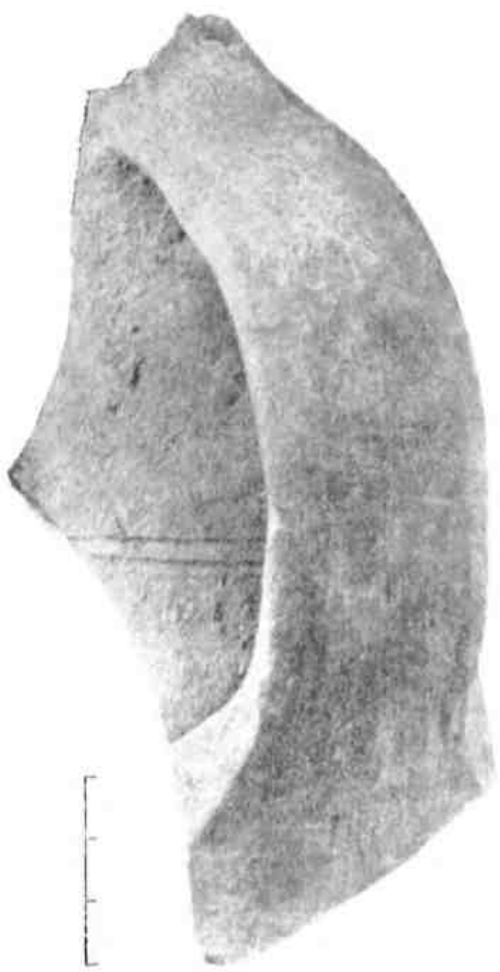


Рис. 8. Фрагмент кувшина с плоской ручкой.

скале, поверхность которой очень неровная. Керамики здесь найдено довольно много, преимущественно мелких обломков красноглиняной посуды — амфор и плоскодонных кувшинов с плоскими ручками (шириной от 3 до 9 см) (рис. 8). Последние очень часто украшены продольными полосами, волной и отростками в виде широких запятых, нанесенными ангобом (рис. 9). Такого рода ручки, найденные здесь в довольно большом количестве, составляют особенность керамики Мангупа; в Херсонесе и в соседнем Эски-Кермене они встречаются редко. Такого же характера орнаментация полосами, выполненными ангобом, наблюдается и на обломках тонкостенных горшков.[1] Здесь же было найдено несколько обломков грубых горшков очень плохого обжига (черных в изломе), с неровной поверхностью;[2] обломок небольшого пифоса с характерным для пифосов дворца венчиком с расширенным и плоским краем (рис. 10, *в*), немногочисленные обломки черепиц. Поливной красноглиняной посуды найдено немного, встречены исключительно мелкие обломки с зеленой и желтой поливой и геометрическим рисунком врезной линией, а также ручки кувшинов со светлозеленой поливой. Кроме местной поливной керамики, было найдено несколько обломков привозной турецкой белоглиняной посуды XV в., покрытой бесцветной прозрачной поливой. Сосуды украшены по верхнему краю подглазурным геометрическим орнаментом в виде треугольника, составленного из кривых линий и выполненного кобальтом, с красным треугольником в центре.[3] Здесь же найдены восемь железных гвоздей, обломки точила, каменное кольцо диаметром 3 см, одна небольшая железная пластинка.

Интересные результаты дал раскоп вдоль западной стены помещений *C* и *B*. Здесь слой выкидной земли был незначителен: нетронутый культурный слой достигал 2.00 м. Восточной стеной этого раскопа является западная стена помещения *C*, сложенная из больших и правильных блоков хорошо отесанного камня явно вторичного употребления: камни различны по высоте и выложены не совсем правильными рядами, иногда они с отбитыми углами (рис. 11). Они происходят, вероятно, из кладки недалеко расположенной базилики VI в., лежавшей в период постройки дворца еще в развалинах.[4] В основании стены имеется

---

[1] Орнамент: вертикальная полоса с отростками наподобие елки; сбоку еще полосы, но рисунок не ясен.

[2] Горшки, однако, не лепные: имеются следы выделки их на гончарном круге.

[3] Указания на дату и происхождение восточной посуды, найденной во дворце, сделаны Э. К. Кверфельдтом.

[4] Базилика была восстановлена, по свидетельству надписи, в 1427 г. (В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, СПб., 1896, № 45), однако высказывается и другое мнение, а именно, что надпись 1427 г., происходящая, по всей вероятности,

цоколь высотой 0.25—0.35 м; верхний край его находится на высоте 0.90 м от поверхности скалы и выступает вперед на 0.27 м. В южной части этой стены цоколь основан

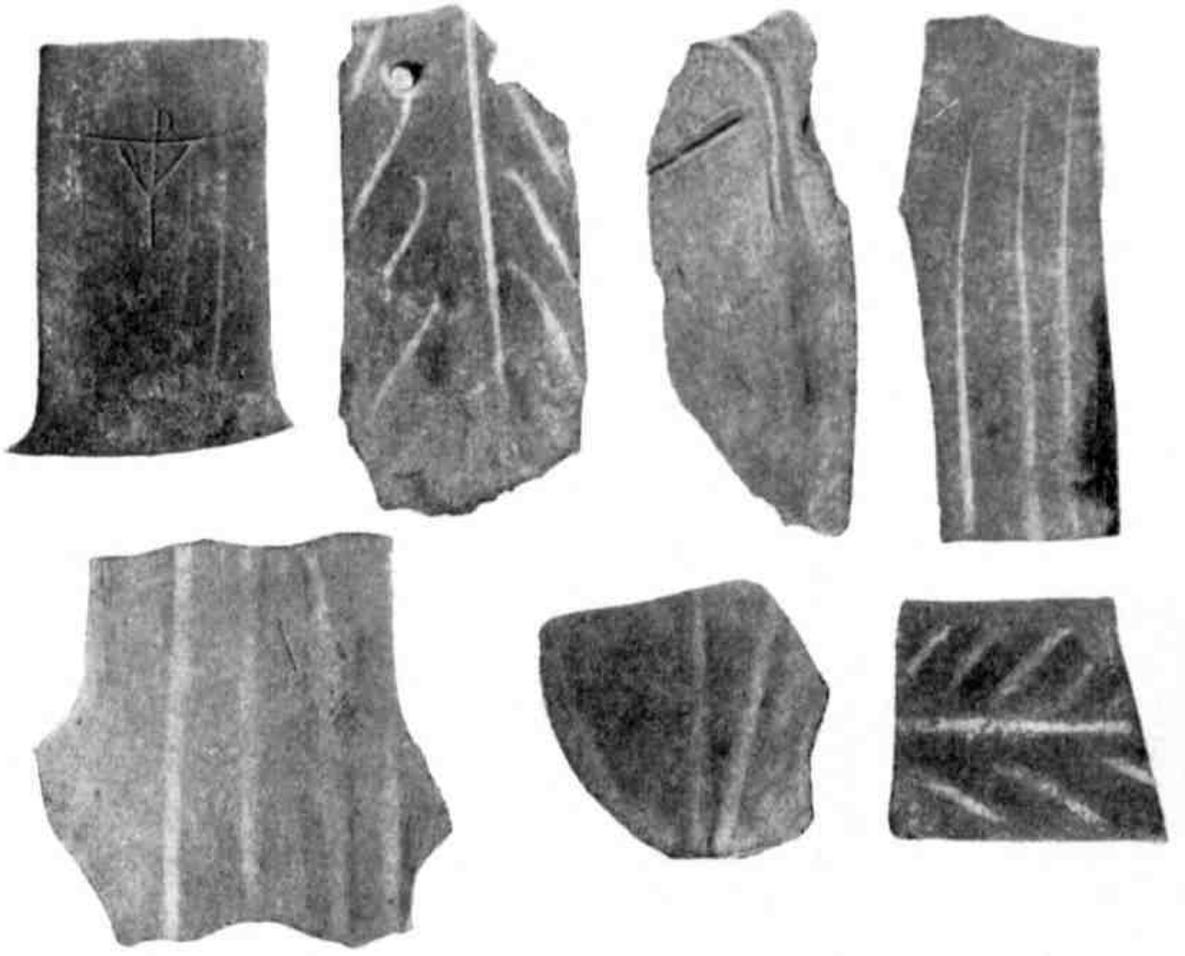


Рис. 9. Плоские ручки кувшинов с орнаментацией ангобом.

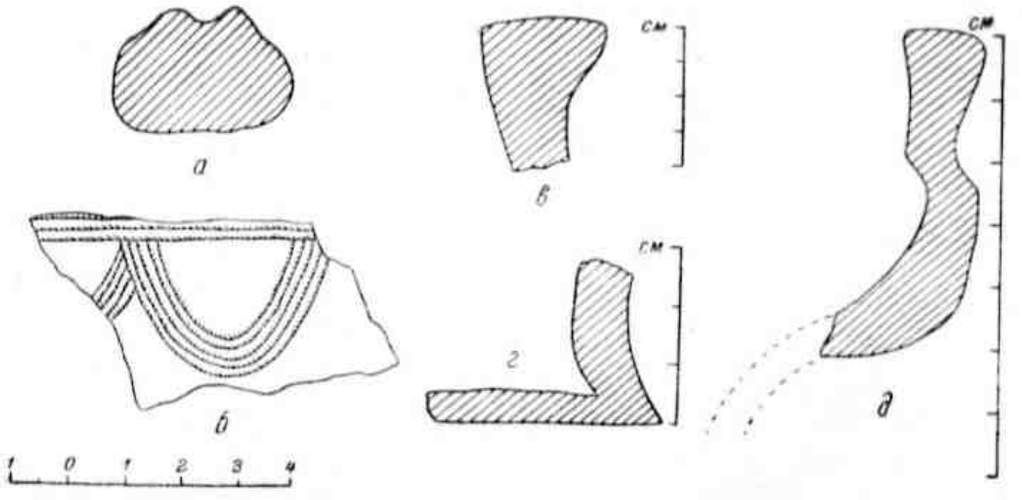


Рис. 10. Фрагменты керамики.

а, б — керамика из контрольного раскопа (профиль ручки амфоры и фрагмент пифоса); *в* — профиль венчика пифоса (из помещения *B*); *г* — профиль днища кувшина (из второго слоя с западной стороны помещения *C*); *д* — профиль венчика горшка.

на фундаменте из больших необработанных камней, лежащих на насыпи с мелким бутом, посредством которой была выравнена постель под кладку стены. В северной части

из Инкермана, вовсе не относится к Мангупской базилике и что последняя была восстановлена во второй половине XIV в. (Ср. выше, стр. 388—389, статья М. А. Тихановой).

указанного раскопа уровень скалы поднимается; бутовый камень фундамента покоится здесь непосредственно на скале. В южной стороне того же раскопа имеется небольшая, но очень широкая (1.45 м) стенка, сохранившаяся на высоту пяти рядов кладки из больших блоков подтесанного с лицевой стороны камня. Она начинается на уровне нижнего края цоколя стены помещения *C* и основана на фундаменте из крупных бутовых камней. Стенка эта пристроена впритык к стене помещения *C* и продолжается, видимо, дальше на запад, за пределы раскопа. С северной стороны к ней почти примыкают две ступени из массивных плит (см. рис. 2): верхний край второй (верхней) ступени лежит на насыпи на высоте 1.20 м от поверхности скалы. Эти ступени связаны, надо думать, с проходом в упомянутой стенке, западный край которой обложен тесаным камнем и, возможно, представлял собой восточный простенок прохода. На уровне нижнего края первой (нижней) ступени, что приблизительно соответствует верхнему уровню цоколя стены помещения *C*, идет, немного понижаясь к северу, слой в 15—30 см с громадным количеством морских раковин. Залегание этого слоя на уровне цоколя стены и ступеней позволяет предположить, что раковины употреблены здесь для своеобразного замощения площадки перед западной стороной основного помещения дворца (*C*).

Рис. 11. Западная стена помещения *C* с с.-з. стороны.

Слой с раковинами подстилается сравнительно тонким слоем золы, угольков и превратившегося в порошок известкового раствора. Очевидно, эта прослойка образовалась в результате пожара дворца и относится, таким образом, ко времени до перестройки, т. е. до возникновения упомянутой выше широкой стенки с двумя ступенями лестницы. Слой с раковинами образовался, можно думать, при этой перестройке, т. е. при возобновлении дворца, и связан, таким образом, со вторым строительным периодом, о хронологии которого

речь ниже. Под прослойкой золы, угля и извести и почти вплоть до скалы идет довольно толстый слой темной земли (высота слоя 0.30—0.50 м) со множеством бутового камня и щебня, сильно насыщенный керамикой и костями.

Над слоем раковин идет также толстый слой (толщина 0.25—0.60 м, с сильным наклоном в северную сторону), представляющий собой почти сплошной завал мелкого бутового камня, перемешанного с землей, золой и разрушившимся известковым раствором, образовавшим, кроме того, узкую прослойку над ступенями. Слой этот возник в процессе разрушения дворца после его окончательной гибели, вероятно, при разгроме Мангупа турками в декабре 1475 г., после чего дворец уже не возобновлялся.

Над этим слоем лежит слой выкидной земли (при раскопках Р. Х. Лепера в 1912—1913 гг.), образовавший небольшой холм.

Стратиграфия слоев, выявленная раскопками дворца и схематически представленная на рис. 12, в этой части раскопа особенно ясно выражена.

Культурные слои (рис. 12), второй и шестой, как сказано, особенно сильно насыщены керамикой. Во втором слое найдено очень много обломков простой красноглиняной посуды, преимущественно тонкостенных плоскодонных кувшинов с прямым венчиком и плоскими ручками, аналогичными ранее найденным, с той же орнаментацией ангобом. Также украшены белым и желтым ангобом стенки самих кувшинов.[1] Найдены обломки амфор палевого цвета из хорошо отмученной глины, с толстыми ручками и один фрагмент амфоры или кувшина с широким рифлением и двумя рядами горизонтальной волны. Нередко встречались днища кувшинов своеобразного расширяющегося книзу профиля (рис. 10, *г*) различного диаметра (от 8 до 9.5 см). Сосуды с такими днищами попадались в разных частях раскопа; они отличаются от остальной простой посуды хорошим обжигом палевого цвета и качеством хорошо промешанной и отмученной глины (возможно, что они привозные); амфоры и кувшины с плоскими ручками — значительно худшего качества, глина отмучена и промешана недостаточно. Многие из найденных фрагментов амфор покрыты желтым ангобом. Встречено также несколько обломков желтоглиняной посуды.

Для верхнего слоя на площади раскопа характерно обилие мелких обломков красноглиняной поливной посуды, преимущественно с зеленовато-желтой свинцовой поливой и с различным геометрическим рисунком, выполненным врезной линией. Интересен обломок днища блюда с переплетающимися полосами, покрытыми зеленой и коричневой поливой (рис. 13, *а*); снаружи эти блюда и чаши покрыты только зеленой поливой. Нередко встречаются обломки чаш

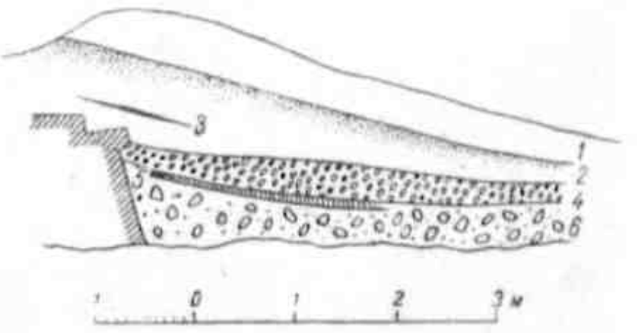


Рис. 12. Стратиграфия в западной части раскопа.

1 — засыпь с бутом и щебнем (выкид при раскопках Р. Х. Лепера); *2* — культурный слой, насыщенный керамикой, битыми костями, камнем и щебнем; *3* — прослойки разрушенного известкового раствора; *4* — слой, насыщенный раковинами; *5* — прослойка золы и разрушенного известкового раствора; *6* — культурный слой с битой керамикой и бутовым камнем.

и блюд с орнаментом врезной линией со сплошной зеленой поливой; несколько таких обломков принадлежат кувшинам. В небольшом количестве встречены горшки или кувшины, покрытые прозрачной поливой лишь с внутренней стороны. Здесь же найдена и еще одна разновидность поливных чаш: внутренняя их поверхность покрыта по ангобу прозрачной зеленовато-бледножелтой поливой, а наружная сторона украшена орнаментом в виде широких запятых, нанесенных густым ангобом, а потому слегка рельефных, и затем покрыта такой же желтоватой прозрачной поливой.[1]

Вместе с указанной керамикой встречено несколько обломков, по всей вероят-

[1] На одном фрагменте (рис. 9) орнамент в виде елочки и волны.

[1] Тождественная керамика обычно встречается в Херсонесе, Феодосии и Старом Крыму и относится в XIV и XV вв. [см. МИА, 17, стр. 193—194 (группа 9), табл. XXIV, XXV, XL].

ности, персидских красноглиняных чаш с белой поливой и синим подглазурным орнаментом в виде «ложек» или завитков, выполненных кобальтом тонкой кистью. Керамика эта относится обычно к XV в. (ср. рис. 16).

тайскому селадону.[1] Керамика эта часто встречалась и в других частях раскопа: в помещениях *E*, *B*, *F*, равно как и в шестом слое описываемого раскопа. Важно отметить, что такого рода керамика — не местного мангупского или херсонесского производства

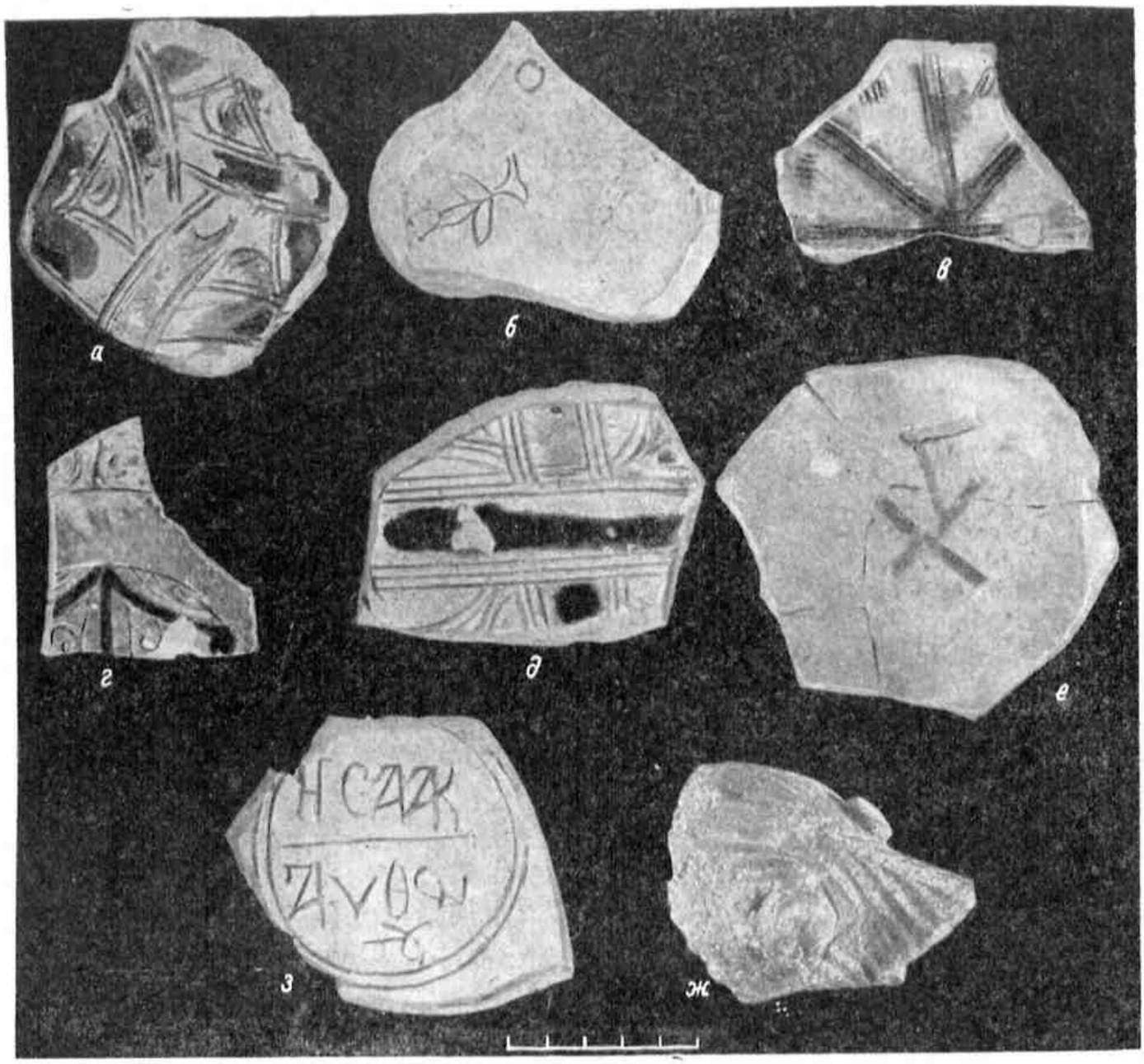


Рис. 13. Поливная керамика.

а, *в*, *е*, *д* — с орнаментацией врезной линией и расцветкой зеленой и коричневой поливой; *б* — фрагмент монохромной чаши с изображением цветка (из помещения *C*; см. рис. 25, *в*); *г* — фрагмент поливной чаши с монограммой (из помещения *F*); *ж* — носик сосуда в виде морды животного с орнаментацией янгобом; *з* — фрагмент поливной чаши с именем ПСААК (из помещения *F*).

Наконец в значительном количестве (30 обломков) были найдены обломки белоглиняных высоких чаш с прямым венчиком, с очень слабо каннелированной поверхностью, покрытой толстым (0.5 мм, а на дне — до 1.5 мм) слоем светлозеленой (различных оттенков) поливы, подражающей ки- (в Херсонесе она не встречается, как и в Эски-Кермене) и является, очевидно, привозной. Отметим, что она довольно часто встречалась при раскопках 1929 г. на территории крепости в Судаке, а также в Фео-

[1] Ни одной целой чаши, однако, собрать не удалось.

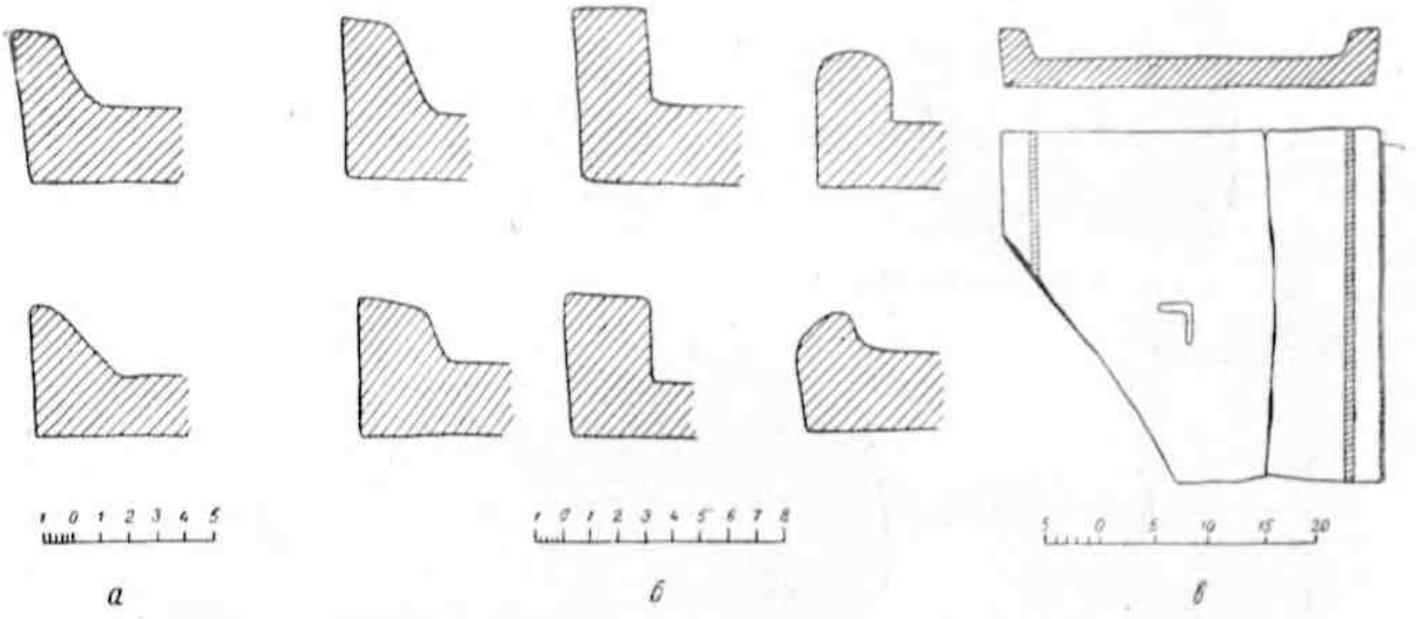
досии. Производство этой посуды, подражающей китайскому селадону, известно в Персии (еще с IX в.) и в Египте. В XIII—XV вв. керамика «под селадон» была широко распространена в Персии, Закавказье, в городах Золотой Орды. В Крым такая посуда, вероятно, привозилась из Египта, с которым (как и с Малой Азией) Крым в XIV в. имел постоянные политические, торговые и культурные связи.[1]

В Мангуп эта посуда попала, надо думать, из Судака, наиболее крупного торгового центра в Крыму того времени; о его непосредственных торговых связях с Египтом свидетельствует, между прочим, договор 1281 г. византийского императора Михаила Палеолога с египетским султаном Калавуном, где говорится о купцах из земель Судацких, которые ведут торговлю с Египтом.[2]

В том же втором слое (рис. 12, 2) найдено сравнительно немного обломков черепиц без меток (рис. 14, *а*) и один обломок кирпича толщиной 3.2 см. Из вещей здесь найдены медный наперсток с заостренным дном, железный нож, игральный шарик и 22 железных гвоздя.

Самый нижний, шестой слой (рис. 12), как по характеру засыпи, так и по находкам, особенно керамике, в основном тождествен второму слою: те же плоскодонные кувшины с плоскими ручками, украшенные орнаментом, нанесенным ангобом, амфоры или кувшины светлокрасной и желтой глины с расширяющимся нижним краем днища (типа, представленного на рис. 10, *г*), те же тонкостенные горшки с орнаментацией белым и желтым ангобом. Наряду с этим материалом здесь найдено несколько обломков более ранней керамики: овальные в сечении ручки от амфор и мелкие обломки амфор с глубоким и частым рифлением гребенкой (рис. 15, *а—в*); близкое по характеру рифление встречается в Херсонесе на посуде, относящейся к V—VI вв.[1] Находки эти важны тем, что указывают на смешанность засыпи, составляющей этот слой, и вместе с тем являются еще одним свидетельством существования раннесредневекового поселения на плато Мангупа.

Кроме того, здесь встречались обломки амфор с мелким частым рифлением и горшки с прямым венчиком с редким рифлением; наконец попадались такие обломки горшков, на которых рифление сочетается с волной.[2] Из остальной простой красноглиняной по-



а *б* *в*

Рис. 14. Профили бортиков черепиц (*а*, *б*) и черепица с меткой (*в*) из западной части раскопа.

[1] См. свидетельства арабских писателей, собранные в кн.: В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 189—191, 281, 363, 435.

[2] Там же, стр. 544.

[1] Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг., стр. 273—274, рис. 109. — Аналогичные находки в Алуште, также, вероятно, раннесредневековые (В. Ф. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. Д. ТМАО, т. XII, вып. 2, 1888, стр. 127 сл. и табл. I).

[2] С внутренней стороны поверхность покрыта поливой.

суды выделим лишь фрагмент большого горшка с расширенным венчиком (рис. 10, *д*), покрытого снаружи желтым ангобом. Желтый ангоб наблюдался и на других обломках толстостенной посуды.

Поливной посуды в шестом слое было сравнительно немного; она совершенно аналогична найденной во втором слое (желтая и зеленая полива и орнамент врезной линией), как и несколько обломков светлоглиняных чаш белой и сероватой глины под селадон. Здесь же, как и во втором слое, найдено немного обломков персидской белоглиняной посуды XV в. с белой поливой и синим рисунком в виде концентрических кружков и завитков, выполненных кобальтом (рис. 16).

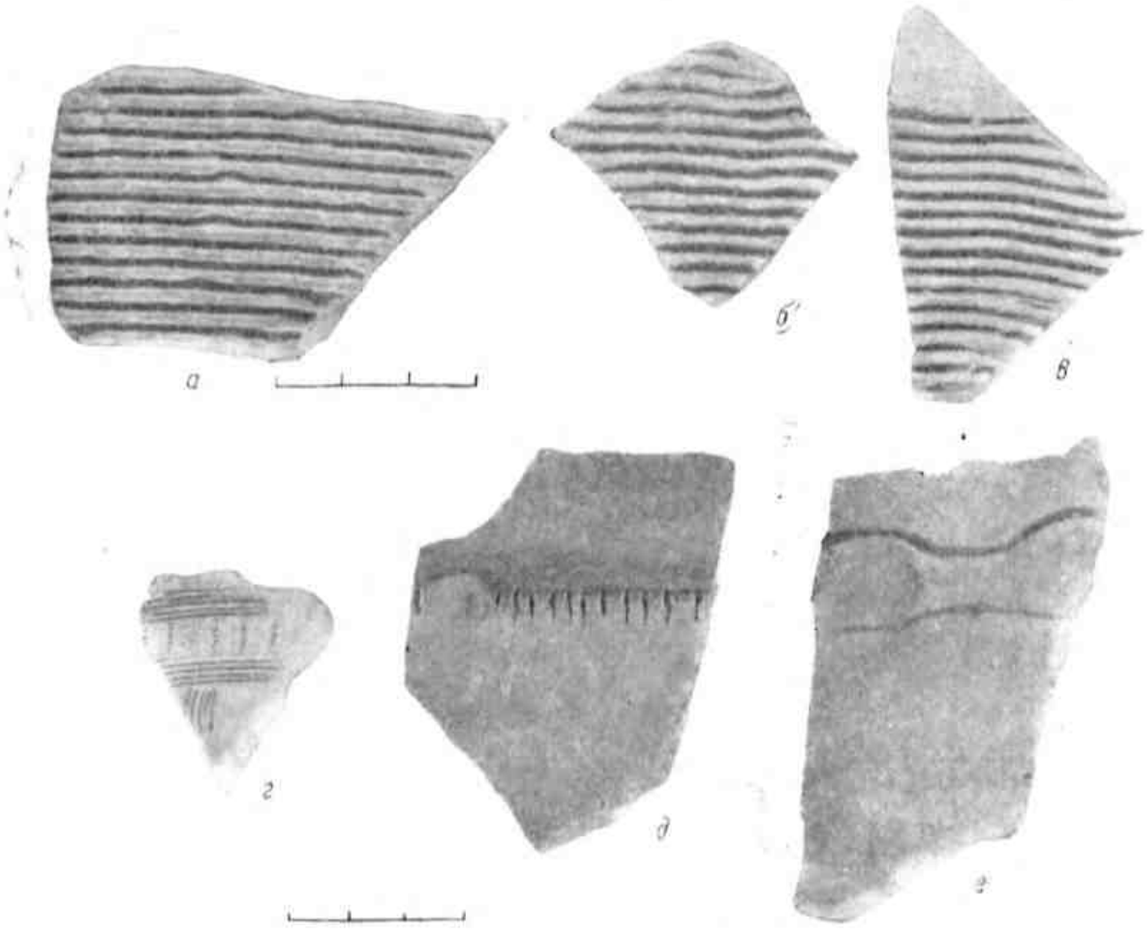


Рис. 15. Фрагменты красноглиняной керамики.

а—е — обломки амфор с глубоким рифлением; *г* — обломок сосуда с рифлением; *д*, *е* — фрагменты сосудов с орнаментацией налепным валиком.

В нижнем слое оказалось большое количество фрагментов черепиц (целая — лишь одна), относящихся, вероятно, к первому строительному периоду. Мангупские черепицы сходны с черепицами из верхнего позднесредневекового слоя Херсонеса и других городов и поселений Крыма: их обычная ширина 35—40 см, они имеют невысокий бортик, большей частью суживающийся кверху, с плоским или с округленным верхним краем (рис. 14, *б*, *в*). На одной черепице имеется ремесленная метка в виде буквы Г (рис. 14, *в*). Из вещей здесь найдены железный кинжал (длина 17 см; рис. 17, *д*), небольшой железный нож (длина лезвия 9 см; рис. 17, *г*), игральный шарик, несколько мелких обломков стекла, маленькое железное колечко (диаметр 1.4 см; рис. 17, *и*), железная скоба (диаметр 5 см; рис. 17, *л*), вероятно, для скрепления досок пола второго этажа помещения *С*.

Тождество керамики над насыпным слоем раковин и под ним (т. е. в обоих культурных слоях — втором и шестом) (рис. 12) свидетельствует, очевидно, о хронологической близости этого материала, указывая тем самым, что интервал во времени образования нижнего и верхнего слоев был невелик. Более или менее точно этот интервал удалось определить по материалу раскопок помещения (см. ниже).

Переходим к помещению *С* — основному в раскопанной части дворца (см. рис. 2, 18),

в котором оно являлось, повидимому, наибольшим (размеры внутри 7.85×5.40 м). Стены его отличаются значительной толщиной (восточная 1.15—1.20 м, северная 1.10 м, западная 1.0 м). Толщина стен с несомненностью указывает на то, что помещение было двухэтажным: вскрытые стены прижанными рядами из больших правильной прямоугольной формы блоков известняка длиной до 0.90 м, высотой 0.50 м с тщательно отесанной лицевой поверхностью. Кладка лучше сохранилась с внешней стороны восточной стены — со стороны поме-

Рис. 16. Фрагменты фаянсовой посуды с росписью кобальтом.

Рис. 17. Железные предметы из раскопок дворца

а — крюк (№ 608); [1] *б*, *в*, *ж*, *з* — гвозди (№№ 567, 560, 527); *г* — нож (№ 650); *д* — кинжал (№ 649); *е* — пряжка (№ 671); *и*, *к* — пластинки (№№ 551, 517); *л* — скоба (№ 620); *м* — наконечник стрелы (№ 651); *н* — колечко (№ 652); *о*, *п* — наперстки (№ 552).

надлежат нижнему этажу. На верхний этаж вела, вероятно, та широкая лестница из массивных ступеней, две из которых были обнаружены в помещении *E* (см. выше). Вход в нижний этаж расположен по середине западной стены помещения.

Стена сложена на скале. Неровности скалы заполнены сильно утрамбованной землей со щебнем и бутовым камнем, так что местами кладка основана на небольшой насыпи. Кладка стен неоднородна. Нижние их части сложены приблизительно выдер-

щения *F* (рис. 19). Внутри помещения она сильно пострадала от пожара: камни потрескались, лицевые части их отслоились и разрушились. Однако общий характер кладки нижних частей стен помещения *C* везде одинаков: камни сложены на непрочном известковом растворе лишь приблизи-

[1] В скобках указаны номера полевой описи находок, хранящихся в Музее пещерных городов (Бахчисарай).

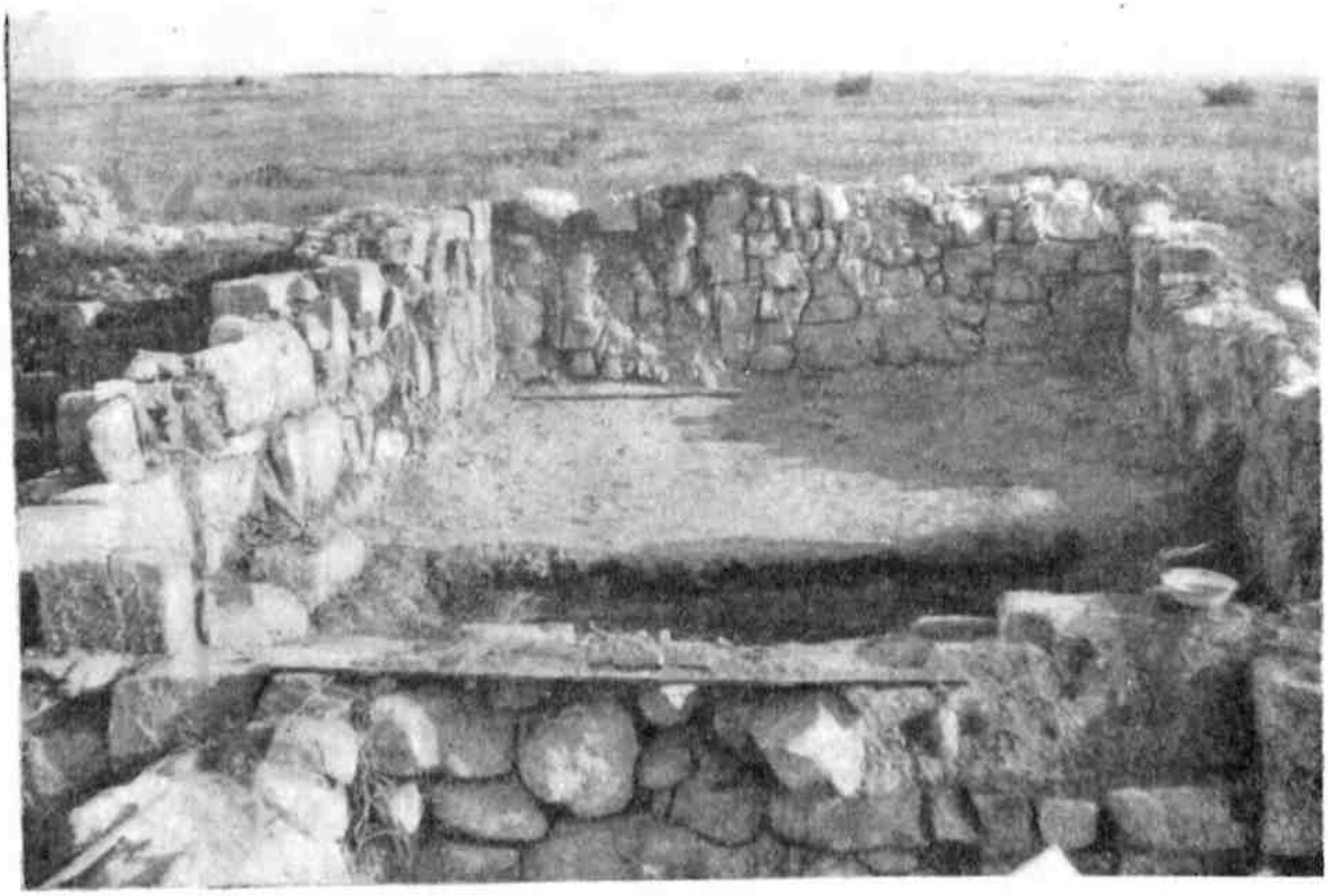


Рис. 18. Помещение *C* с северной стороны.

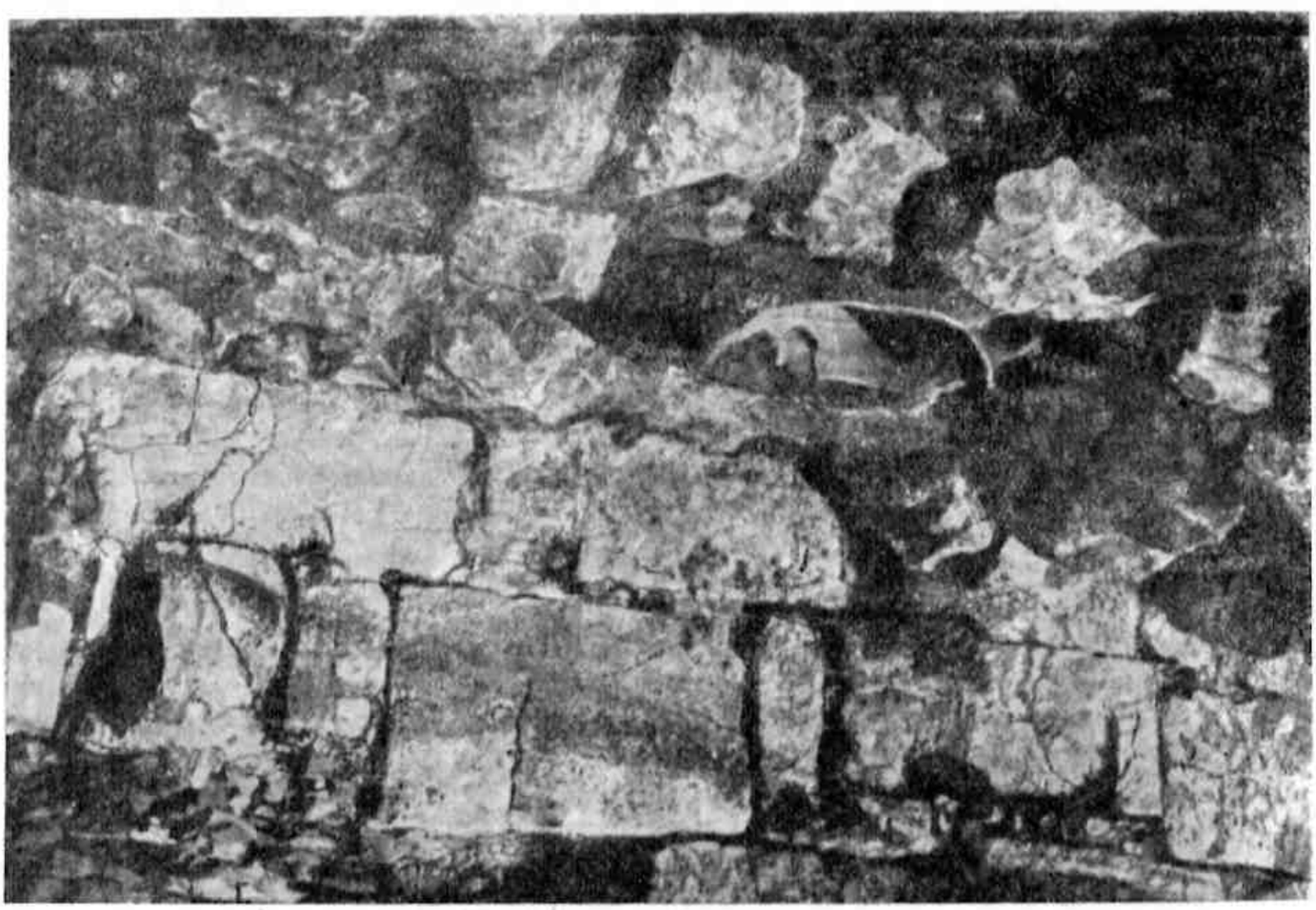


Рис. 19. Помещение *C*. Кладка восточной стены со стороны помещения F_4

тельно выдержанными рядами; образующиеся, вследствие различной высоты камней, промежутки между ними заполнены мелким бутом. Совершенно очевидно, что большие тесаные блоки нижних частей стен помещения *C* вторичного употребления и происходят, надо думать, из расположенной рядом базилики, которая, по сообщению упомянутой надписи, была восстановлена в 1427 г.[1]

щения *C* также следует связать со вторым строительным периодом.

В южной стене (ближе к ее восточному краю) обнаружена глубокая и довольно широкая ниша (глубина 0.60 м, ширина 0.72 м), сохранившаяся на значительную высоту (1.60 м). Верхние камни ее положены немного напуском; возможно, что верх ниши был сводчатый (рис. 21).

Северная стена помещения *C* имеет су-

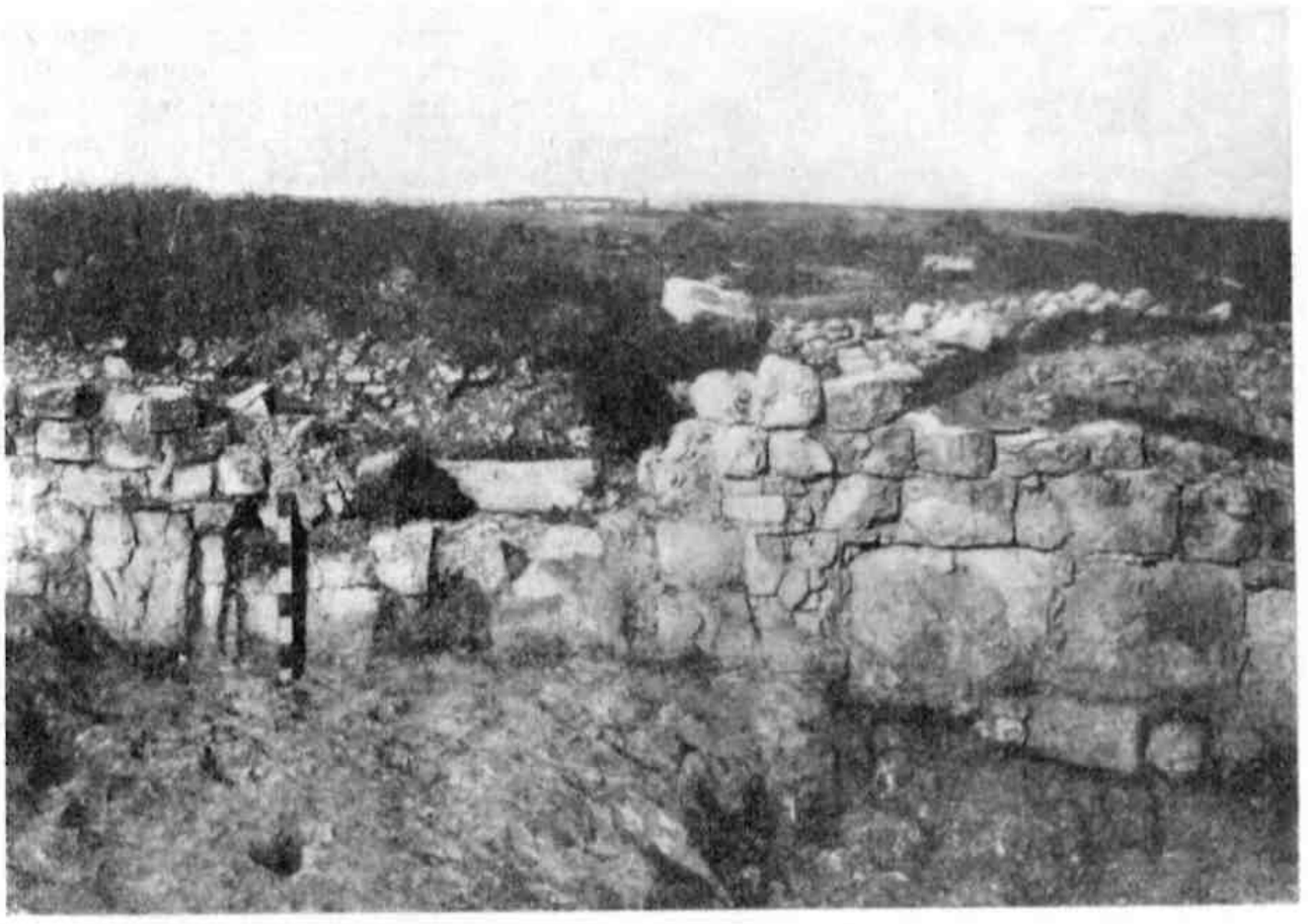


Рис. 20. Западная стена помещения *C*.

Вышележащая кладка носит иной характер, чем нижняя: она состоит из некрупных камней, иногда неправильной формы, лишь подтесанных с лицевой стороны и выложенных приблизительно выдержанными рядами (рис. 20). Кладка эта совершенно однотипна кладке западной стены помещения *B*, являющейся продолжением западной стены помещения *C* (см. выше), будучи пристроенной, как сказано, уже во второй строительный период. Исходя из этого, верхнюю часть стены помещественные отличия от остальных стен. Прежде всего она стоит на цоколе, которого не имеют остальные стены (рис. 22); необходимость его была вызвана тем, что скала здесь не горизонтальна и сильно спадает небольшими террасами от ю.-з. к с.-в. углу помещения, выровнены же были, как сказано, лишь мелкие выбоины скалы. На цоколь ближе к краям стены симметрично поставлены два гладко тесаных кубических камня с фасками, представляющих основания восьмигранных колонн; остальное пространство заполнено в основном более мелким камнем, подтесанным с ли-

[1] Ср. на стр. 396 сноску 4.

цевой стороны (рис. 22). С внешней стороны стена сплошь выложена из довольно крупного бутового камня (рис. 7), прикрывающего указанные основания колонн. Отсюда ясно, что северная стена дворца подверглась значительной перестройке, связанной с возникновением помещения *B* (см. выше), что относится, как указано, ко второму строительному периоду. Первоначально нижний этаж центрального двухэтажного помещения дворца широко открывался в сторону большого двора портиком на двух колоннах, соединенных, по всей вероятности, арками, клинья которых при разборе завала камня и были здесь обнаружены (рис. 5, *б*). Тут же были найдены и блоки упомянутых больших восьмигранных колонн.[1]

Рис. 21. Помещение *C*. Ниша в южной стене.

При разборе завалов камня (до раскопок) здесь было обнаружено и множество других архитектурных деталей: обломки небольших восьмигранных колонн (ширина грани 11 см), обломок тонкой 3/4-й витой колонки (рис. 5, *в*), блок угловой полуколонны (одна сторона отработана четырьмя гранями, а смежная — тремя; рис. 5, *г*),[1] два фрагмента круглых известняковых колонн (рис. 23), из них один фрагмент большой колонны (диаметр 0.43 м) украшен рельефным четырехконечным «латинским» крестом с расширяющимися концами. Судя по форме креста, колонна относится к раннесредневековому времени — VI—VII вв. В связи с этим отметим, что круглые колонны вряд ли имели применение в архитектуре дворца XV в. В этот период обычной являлась восьмигранная колонна, в чем убеждают многочисленные архитектурные памятники XIV—XV вв. на почве Крыма (Солхата, Бахчисарая, предгорного Крыма и др.):[2] восьмигранные колонны типичны и для дворца Алексея. Все это заставляет предположить, что указанные круглые колонны происходят также из базилики, относящейся именно к VI в., откуда, несомненно, брали и остальной строительный материал для дворца. Наконец здесь же были найдены два фрагмента карниза в виде сильно выступающей полочки (рис. 5, *д*).[3] Значительная часть всех перечисленных архитектурных деталей относится, надо думать, к убранству верхней залы, о чем ниже.

Перед постройкой помещения *C* поверхность скалы, идущая уступами вниз, была, как сказано, выровнена утрамбованной землей со щебнем. Этот насыпной слой, достигающий у с.-в. угла 0.50—0.60 м, содержит очень интересный, но вместе с тем крайне неоднородный материал. Здесь найдено довольно много позднеримской и раннесредневековой посуды: днище небольшой остродонной амфоры IV—V вв., овальные в сечении ручки высокогорлых амфор II—III вв.[4], массивная ручка с продольной выпуклостью от большой амфоры IV—V вв., фрагменты раннесредневековых амфор с частым и глубоким рифлением, венчик небольшого кувшина, вероятно, также раннесредневекового времени; сохранилось начало ручки с глубокой вдавлинкой (рис. 24, *б*). Встречены

[1] Ни одна грань целиком не сохранилась, поэтому установить ширину граней невозможно.

[1] Найден у ю.-з. угла помещения.

[2] См. МИА, 17, стр. 249.

[3] Камни этого карниза, принадлежащие, несомненно, завершению восточной стены помещения *C*, были найдены и в соседнем помещении *F*, куда попали в результате обвала этой стены.

[4] По датировке Т. Н. Книпович.

также обломки раннесредневековых черепиц с высоким бортиком (высота 5.5 см) и калиптеров; на одном из них часть крупной

Кроме того, встретились обломки амфор с мелким частым рифлением и несколько обломков желобчатых амфор, близких по

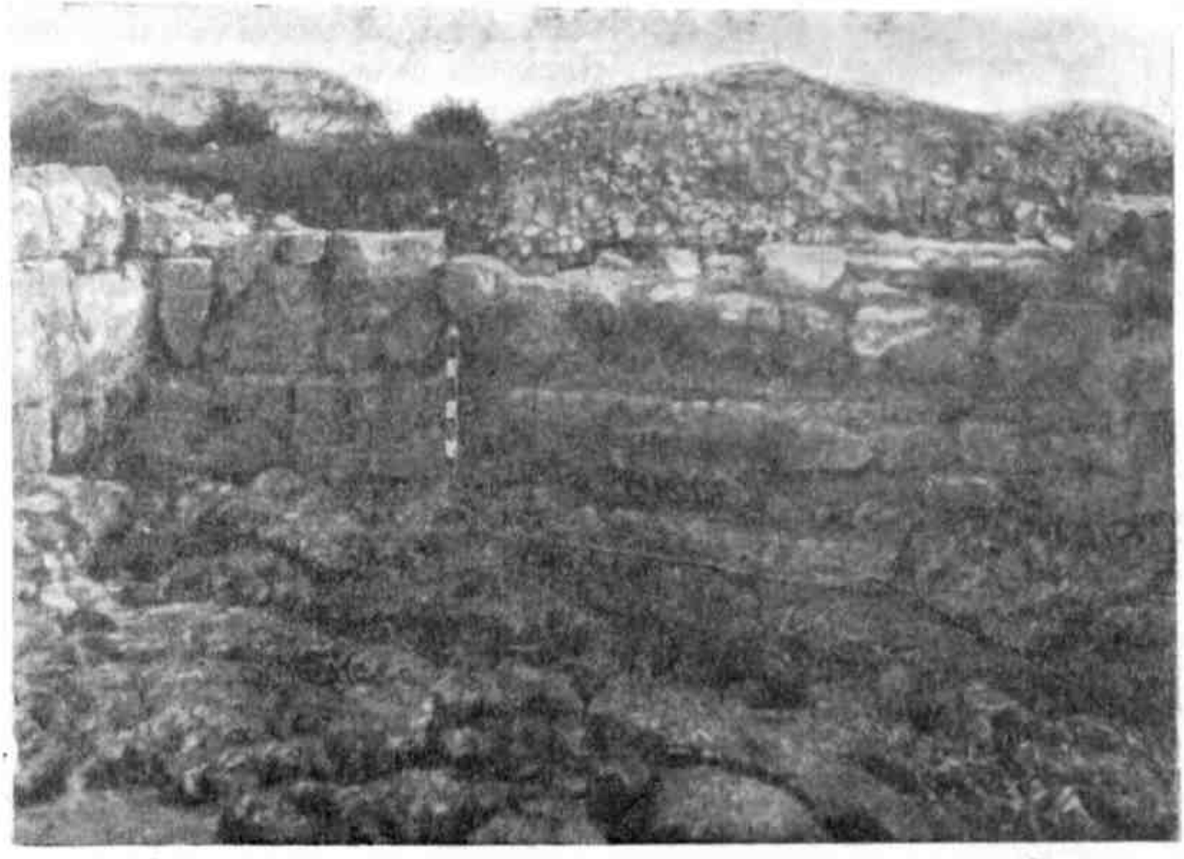


Рис. 22. Северная стена помещения *C*, вид из помещения.

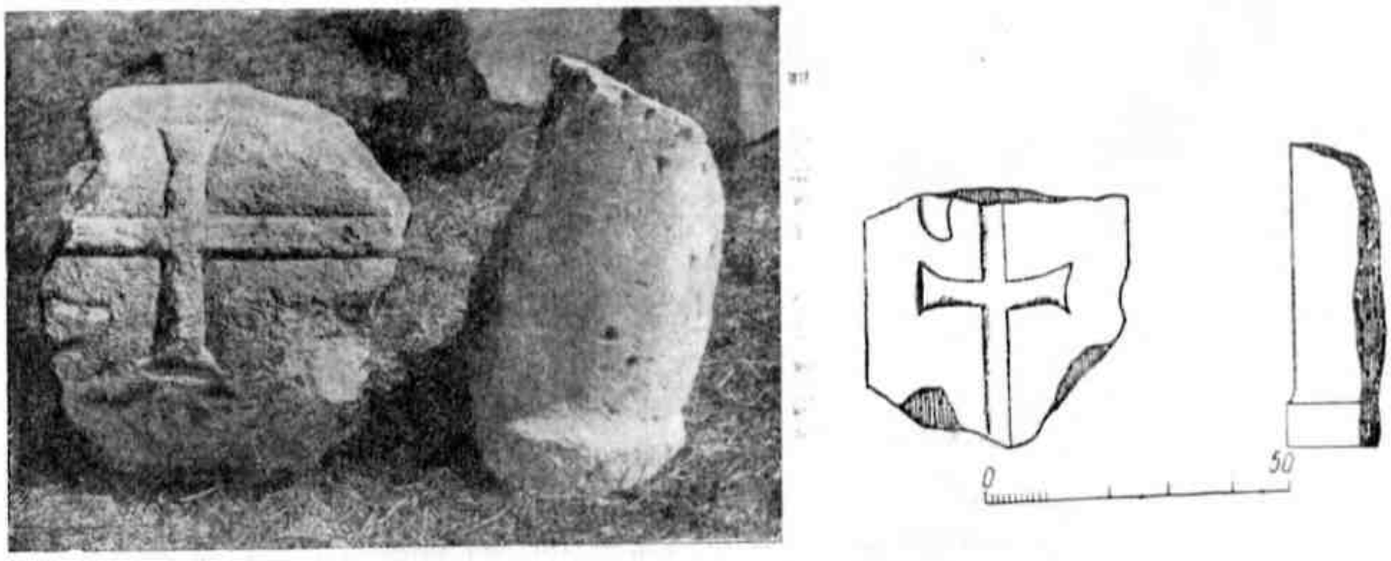


Рис. 23. Круглые колонны (одна — с рельефным крестом).

высокорельефной метки в виде Є (в целом виде Θ).[1]

характеру к амфорам IX—X вв., обычным в Херсонесе.

Наряду с этим здесь же были найдены плоские ручки от кувшинов, подобных постоянно находимым в верхних слоях и относящихся к XIV—XV вв., фрагмент боль-

[1] Подобная метка найдена при раскопке мангупской базилики а также при раскопке Эски-Кермена (в 1937 г.). Эта метка встречается и в Херсонесе (см. МИА, 17, стр. 133, табл. 10, метка № 165).

шой амфоры — типа с высокими ручками, т. е. XII—XIII вв. Здесь же встречалась, хотя и в небольшом количестве, обычная

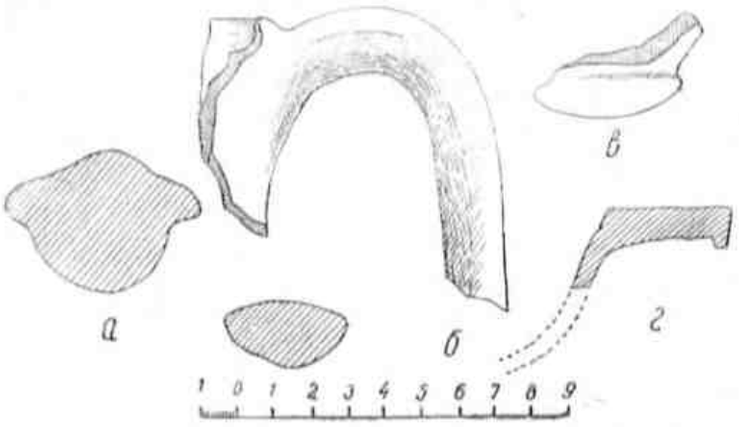


Рис. 24. Раннесредневековая керамика из нижнего насыпного слоя в западной части раскопа.

а — профиль ручки амфоры; *б* — ручка кувшина и ее профиль; *в* — днище амфоры; *г* — профиль 1/1 лн. (Все предметы за № 624).

для дворца поливная посуда в виде обломков тарелок и чаш бледножелтой и зеленой поливы с орнаментом врезной линией: на одном фрагменте — трилистник (рис. 13, *б*), на другом — две пересекающиеся крест-накрест полосы, покрытые цветной поливой: одна полоса — коричневой (марганцем), другая — зеленой; с внешней стороны на днище — граффито: ΤΘ (рис. 13, *в*, 25, *е*).

В этом же слое найден носик небольшого тонкостенного красноглиняного сосуда, обработанный в виде собачьей морды: глаза сделаны налепом, морда украшена тонкими продольными полосками с косыми отростками в обе стороны, выполненными ангобом (рис. 13, *ж*). Этот фрагмент, несомненно, принадлежал тем небольшим тонкостенным сосудам, украшенным подобным орнаментом посредством ангоба, которые неоднократно находились в других местах раскопа и стратиграфически связываются с материалом, одновременным дворцу (XV в.). Самая манера обрабатывать носик сосуда в виде изобразительной скульптуры хорошо известна в соседнем Херсонесе XIII—XIV вв.[1] и по традиции перешла в керамику XV—XVI вв.

Из вещей здесь были найдены ножка зеленой стеклянной рюмки (диаметр 4.4 см), обломок тонкого стекла, два игральных шарика, обломок каменной ступки (толщина стенок 3.2 см),[2] железный крюк

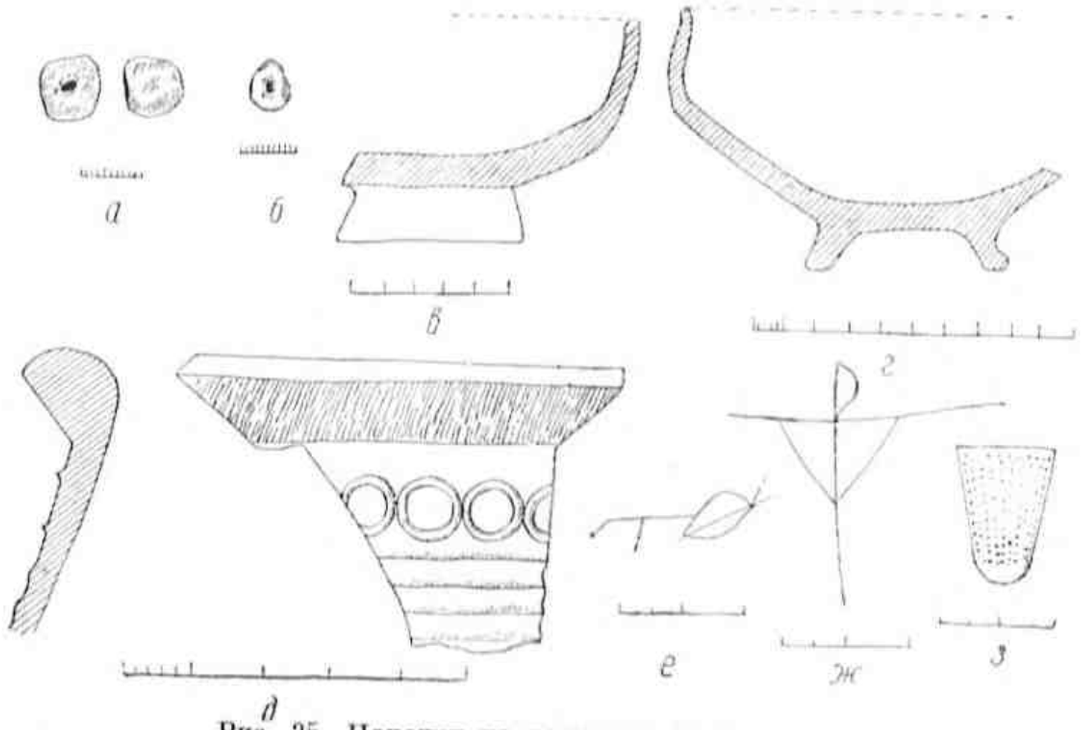


Рис. 25. Находки из раскопок дворца.

а — стеклянная бусина (из помещения *C*); *б* — сердоликовая бусина (из помещения *F*); *в* — профиль поливной чаши с изображением цветка (из помещения *C*; см. рис. 13, *б*); *г* — профиль поливной чаши (из помещения *F*); *д* — фрагмент пифоса (из помещения *F*); *е* — граффито на днище поливной чаши (из помещения *C*, см. рис. 13, *в*); *ж* — граффито на ручке красноглиняного кувшина (из помещения *F*); *з* — наперсток (из помещения *F*).

[1] См.: МИА, 17, стр. 217—218.

[2] Подобные каменные ступки были неоднократно находимы в верхних слоях Херсонеса.

(рис. 17, *а*), 11 железных гвоздей (рис. 17, *б*, *в*, *ж*, *з*), из них один большой: длина 17 см, обломок железного ножа и небольшая медная монета византийского императора Льва VI (886—912) херсонесского литья. Очень важной является находка нескольких костей рыб. Кости эти, по определению Зоологического института Академии Наук СССР, принадлежат крупным пресноводным осетровым рыбам (белуге или севрюге), которые водятся в Днепре, Волге. На стол князя Феодоро рыба могла попасть, по всей вероятности, из Каламиты (совр. Инкермана) или Херсонеса, рыбный промысел которого в Днепровском лимане хорошо известен по письменным источникам X—XI вв., но дожил, можно думать, и до XV в.

На этом насыпном слое лежала тонкая (7—10 см) прослойка сплошной золы и угля, образовавшаяся, вероятно, от горения балок и досок междуэтажного деревянного перекрытия, скрепленных железными гвоздями, большое количество которых (39 шт.) было найдено непосредственно над этой прослойкой. Над ней и почти до верхнего края северной стены, круто понижаясь к северу, залегал толстый слой (у южной стены его толщина 1.75 м) сплошного завала крупных и мелких бутовых камней и разрушившегося при горении известкового раствора, превратившегося в порошок пепельного цвета. Слой этот образовался, очевидно, от обвала стен второго этажа здания; стены, повидимому, рушились не постепенно, а сразу (может быть в результате землетрясения), причем и северная и южная стены обрушились в одну, северную сторону, чем объясняется скопление упавших камней внутри помещения, преимущественно у южной стены. Характер материала — бутовый камень — свидетельствует во-первых, о том, что кладка второго этажа существенно отличалась от кладки нижнего и представляла собой, как обычно в XIV—XV вв., бутовую кладку на известковой заливке (с этим связано обилие разрушившегося известкового раствора); во-вторых, о том, что перекрытие второго этажа было также каменным, по всей вероятности — в виде цилиндрического свода, сложенного из таких же бутовых камней на известковом растворе, на что косвенно указывает почти полное отсутствие в завале гвоздей, которые, как сказано, в большом количестве были найдены под завалом и принадлежали деревянному междуэтажному перекрытию. Свод этот поддерживался, вероятно, подпружными арками из гладко отесанного камня, что также было обычно в практике сводостроительства XIV—XV вв. Вероятнее всего, что именно этим аркам принадлежат найденные в завале гладко отесанные замковые камни (высота камней 0.22—0.23 м, ширина вверху 0.12—0.13 м, ширина внизу 6—7 см). Из других архитектурных деталей следует отметить фрагмент порога с углублением для насадки двери.

Существенное отличие в кладке первого и второго этажей объясняется, надо думать, тем, что второй этаж был построен во второй строительный период.

Слой с завалом камня, как и следовало ожидать, почти вовсе лишен керамики и вещей, за исключением довольно многочисленных мелких обломков черепицы (меток не встречено). Лишь в нижней части завала (на глубине 1.60 м от верхнего края южной стены, по середине ее) обнаружен раздавленный красноглиняный кувшин (высота 29 см) с плоским дном и плоской ручкой.

Над слоем с завалом возвышался небольшой холм насыпной земли, являвшийся, вероятно, выкидом земли из раскопок Лепера. Находки в нем немногочисленны: мелкие обломки кувшинов, реже — амфор, пифосов, поливной посуды, преимущественно с зеленой поливой, четыре гвоздя, железный ножик, пряслице, сделанное из стенки амфоры, глиняный треугольник неопределенного назначения, выточенный из черепицы или из стенки пифоса, медный наперсток.

Важный материал дал раскоп смежного *помещения F*.

Помещение это раскрыто не полностью; оно продолжалось немного далее на восток, за пределы раскопа. Размер открытой части: 6.75×5.35 м. С северной и южной сторон помещение ограничено тонкими стенками из полубутовых камней с подтеской лицевой поверхности (рис. 26), пристроенных впритык к восточной стене помещения *C*. Стены эти основаны большей частью на скале. В северную стену помещения *F* включены три, расположенные с равными интервалами (2.00—2.05 м) базы больших восьмигранных колонн с фасками (ширина базы 0.54 м); в южной стене имеются лишь одна такая же база (на восточной оконечности стены, точно против соответ-

ствующей базы северной стены) и одна восьмигранная небольшая колонна по середине стены. Эти базы стоят, несомненно, in situ. Таким образом первоначально сплошной стены здесь не было: помещение *F* с северной и южной сторон было ограничено колоннадой;[1] иными словами, помещение было открытым. Лишь затем, позднее, промежутки между колоннами были соединены сплошной стенкой. Таким образом и здесь очень отчетливо прослеживаются два строительных периода. Надобность в этих сплошных стенках возникла в связи с тем, что здесь, как выяснилось, была устроена большая кладовая: пифосы были поставлены вдоль стен, а частью по середине помещения; из них пифос № 2 у южной стены (рис. 27) и пифос № 4 у северной стены (рис. 28) сохранились приблизительно наполовину. У южной стены стояли, кроме того, еще три пифоса, раздавленные обрушившимися на них камнями стен. Пифос № 3, от которого сохранилась лишь нижняя часть, стоял у западной стены помещения (рис. 19). В середине помещения стояли еще три пифоса, от которых, однако, уцелели лишь их основания из известкового раствора с морским песком (рис. 29). Такое же основание имели и остальные пифосы. Форма их типична для позднего Средневековья: они имеют округлый корпус (например, диаметр пифоса № 2 в его сохранившейся части равен 1.04 м), расширенный венчик (тип, представленный на рис. 10, *в*, и 25, *д*), небольшое плоское дно (диаметр 0.13 м).[2] Корпус некоторых пифосов имеет широкие горизонтальные борозды (ширина 2 см), образующие редкие ребра, сплошь опоясывающие поверхность пифоса. Под сильно расширенным венчиком идет орнамент из колец, выполненных наленом (рис. 25, *д*). На одном из венчиков (найден близ пифоса № 1 — в средней части помещения) имеется врезная, по сырой же глине, метка. Глина пифосов имеет включения слюды с золотым отблеском.

Содержимое пифосов определить удалось лишь частично: в некоторых из них, несомненно, хранилась рыба (рыбьи кости найдены в пифосах № 1 и 2). Пифосы стоят на полу, покрытом тонким слоем известкового раствора; его подстилает тонкий насыпной слой хорошо утрамбованной земли, которой была выравнена мелкобугристая поверхность скалы. В ю.-з. части помещения, где уровень скалы немного выше, насыпной слой сходит почти на нет. В нем, подобно насыпному слою в помещении *C*, встречались фрагменты раннесредневековых амфор с массивными ручками с продольной выпуклиной. Пифосы имели каменную обкладку из больших камней, большей частью вторичного употребления,[1] выложенных прямоугольником. Лучше всего эта обкладка сохранилась у пифосов №№ 4 и 3 (у западной стены; рис. 19). Камни обкладки, сохранившиеся почти всюду лишь на высоту одного ряда, лежат на неголстой насыпи (у пифоса № 4 — 0.2[illegible] м, у пифоса № 3 — всего несколько сантиметров); лишь у пифоса № 2 толщина ее достигает 0.60 м. Таким образом, каменная обкладка служила лишь укреплением земляной присыпки вокруг пифоса.

Кроме пифосов, в кладовой хранились и амфоры. Указанием на это могут служить обнаруженные в восточной части помещения две стенки на тонком слое насыпи, состоящие из одного ряда камней (как по ширине, так и в высоту), ориентированные с севера на юг. Стенки идут не параллельно, сильно расходясь к югу.[2] Между ними образуется неправильной формы удлиненное узкое пространство (рис. 30), служившее, возможно, для установки амфор: здесь найдено несколько плоских днищ амфор или больших кувшинов. Помимо того, именно в восточной части помещения было сосредоточено большое количество мелких обломков амфор и кувшинов, также плоскодонных, совершенно тождественных по своему характеру найденным в других местах раскопа.[3]

[1] Камни от арок, соединявших колонны, а также блоки восьмигранных колонн найдены были при разборе завалов камня в помещении *F*.

[2] Подобные пифосы неоднократно встречались в верхнем позднесредневековом слое Херсонеса, например при раскопке 1937 г. кладовой в жилом комплексе с баней (см.: МИА, 17, стр. 107—108).

[1] Некоторые камни оказались обработанными: один из них — с тонкой полуколонкой, почти подобен по профилю камню, найденному в завале помещения *C* (рис. 5, *в*).

[2] Попутно заметим, что камни своей подтесанной стороной, образующей прямую линию, обращены в обеих стенках на восток.

[3] Обломки плоских днищ, плоские ручки, украшенные вертикальными полосами и волной посредством раствора белой глины, причем одна такая ручка имеет граффити в виде монограммы (рис. 9 и 25, *эк*), обломки амфор с желтым ангобом, днища с расширенным нижним краем (типа, пред

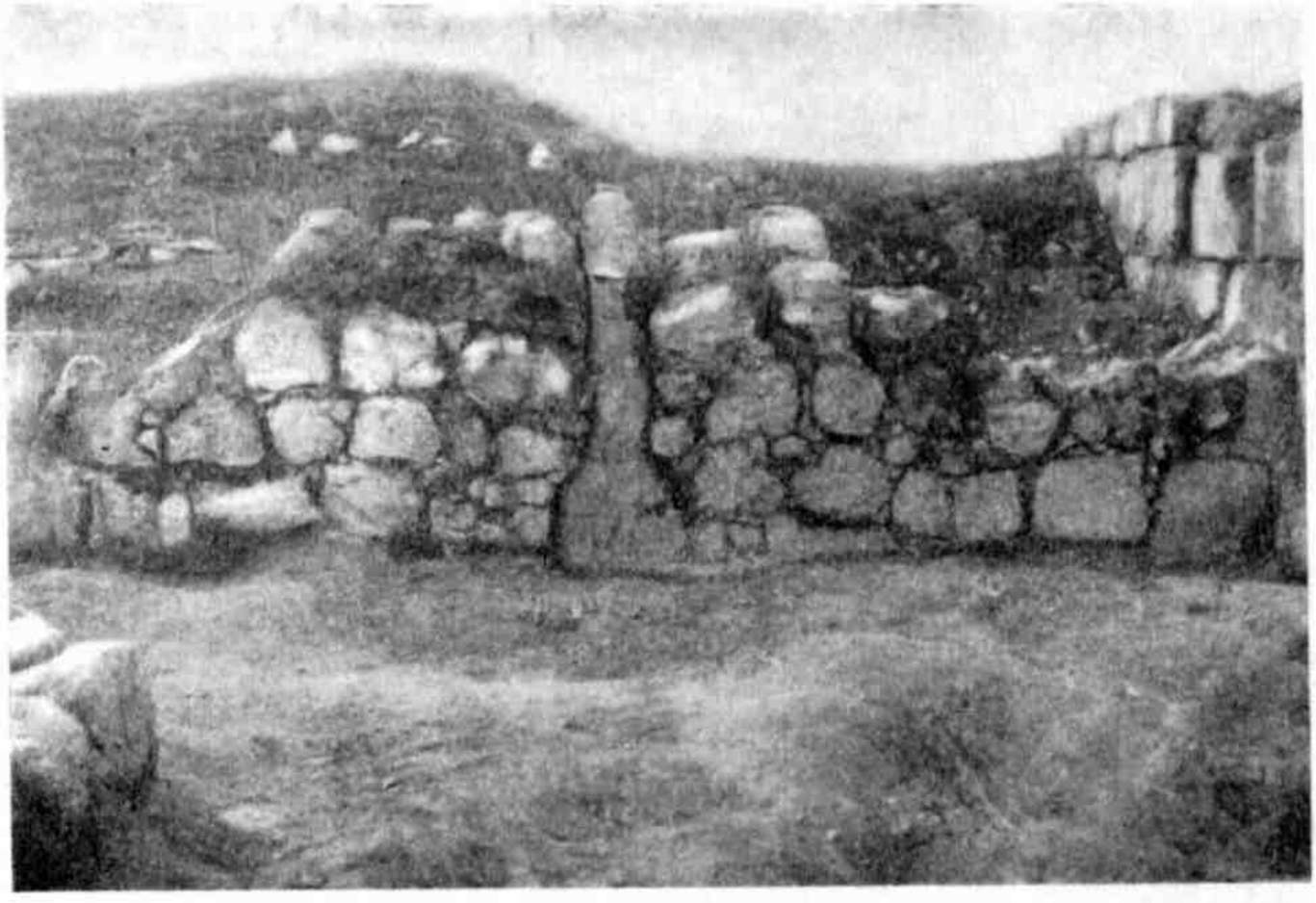


Рис. 26. Южная стена помещения *F*, вид с северной стороны.

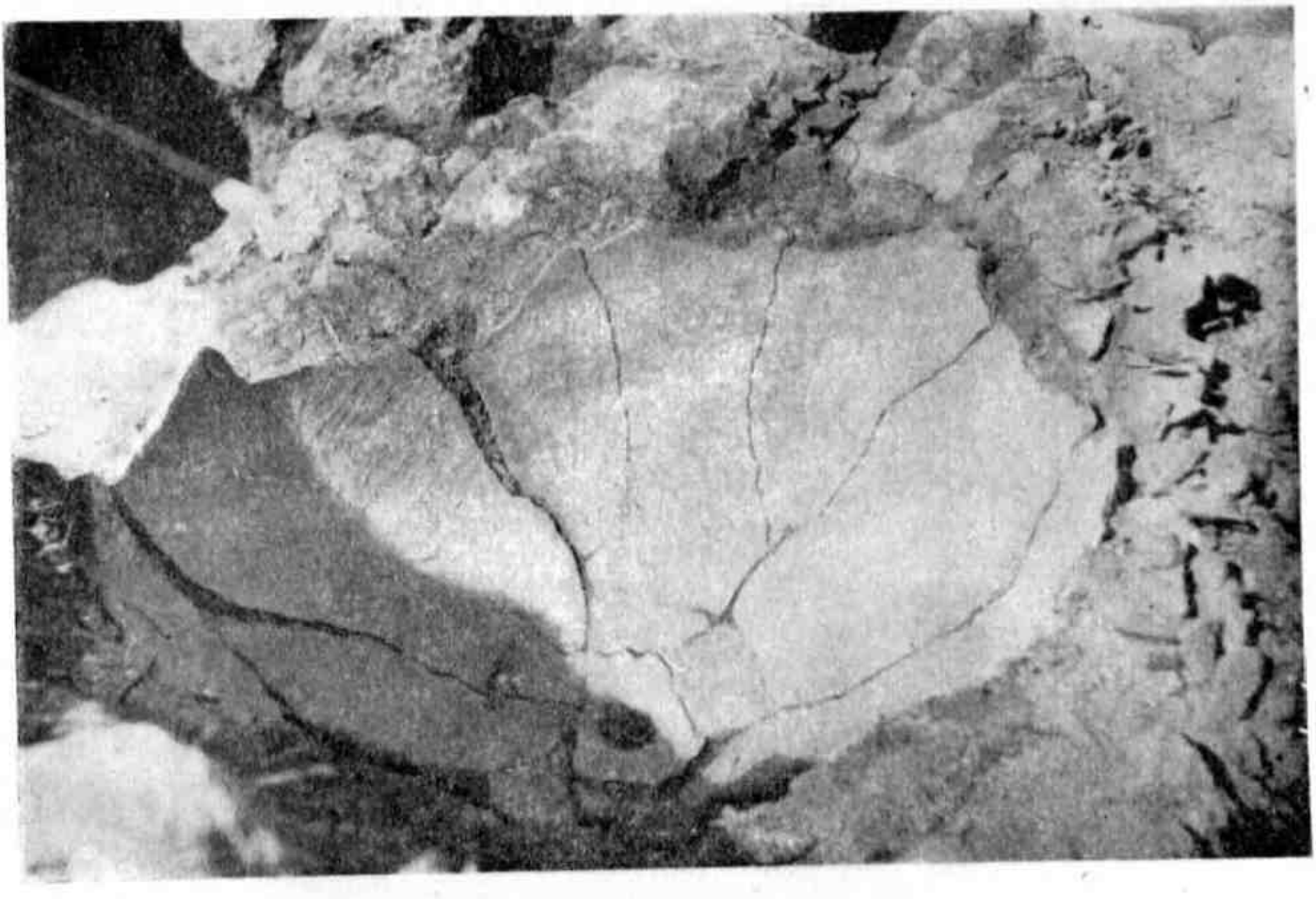


Рис. 27. Пифос № 2 у южной стены помещения *F*.

Рис. 28. Северная часть помещения *F*, вид с восточной стороны.

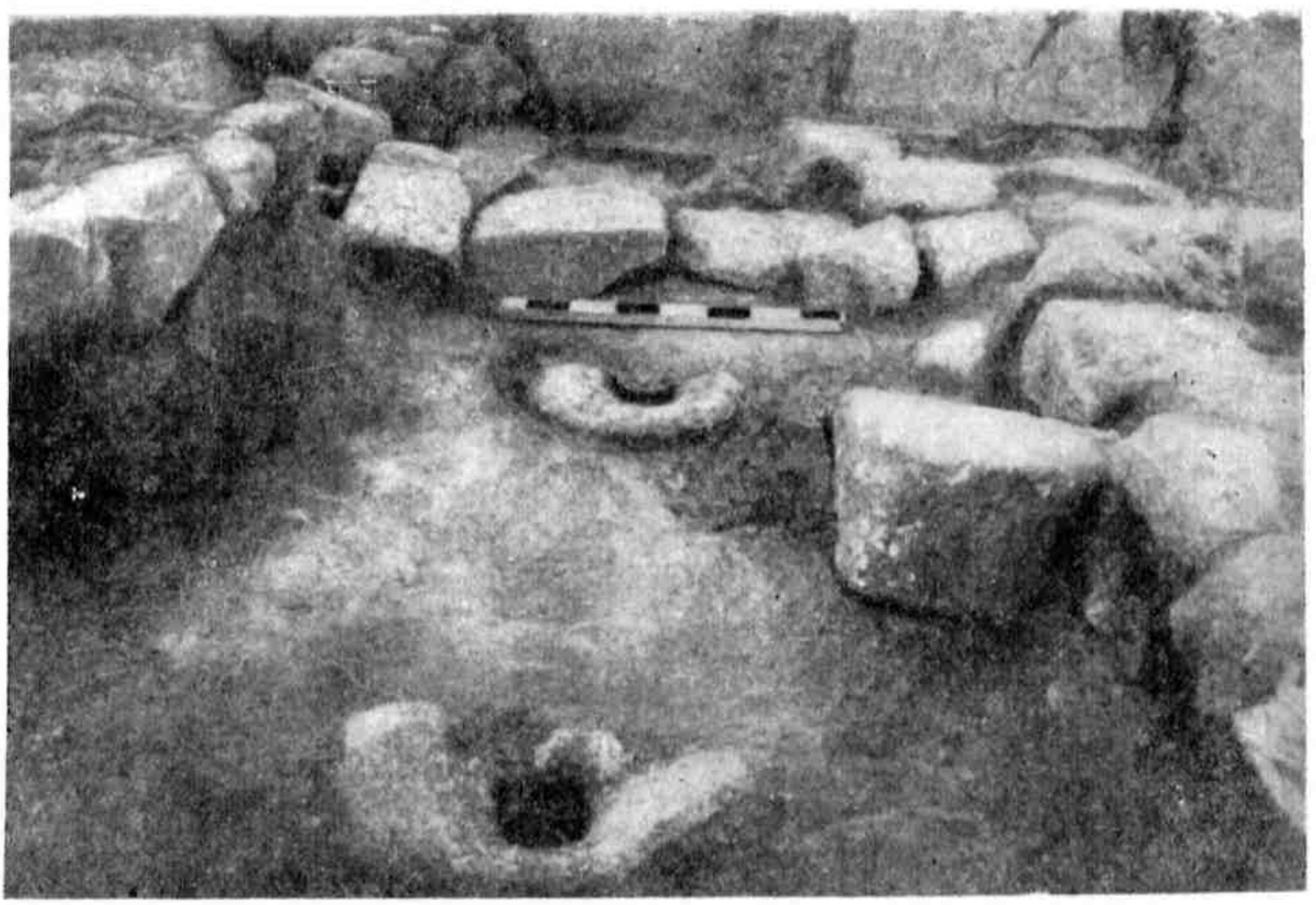


Рис. 29. Известковое основание пифосов в средней части помещения *F*.

Отметим встреченный только здесь орнамент на амфоре или кувшине в виде горизонтального накладного валика с насечками и вдавленными кружками (рис. 15, *д*, *е*), воспроизводящими в миниатюре обычное украшение на пифосе.

Культурный слой в помещении *F* был небольшой и сильно понижался к северу (наибольшая толщина в ю.-в. части 0.90—1.00 м). До уровня известкового пола помещения этот слой однороден по характеру: темносерая земля, насыщенная золой с часто встречающимся углем; помещение *F*, как и остальные помещения дворца, повидимому, погибло в пожаре. В слое найдено огромное количество керамики, преимущественно обломков от стоявших здесь пифосов; многочисленны обломки и фрагменты различных амфор и кувшинов, найденных главным образом в восточной части помещения. Фрагменты совершенно подобных амфор и кувшинов встречались и в западной части раскопа. Отметим лишь несколько обломков грубых лепных кухонных горшков плохого обжига (с черным черепком), найденных в западной части помещения, и фрагмент небольшого сосуда, украшенного двумя полосками мелкого рифления с вертикально расположенными точками между ними и рифлеными дужками под этими полосами (рис. 15, *г*). Кроме того, обнаружены мелкие обломки черепиц (без меток).

Рис. 30. Помещение *F*. Каменная выкладка для установки амфор.

Поливной керамики, что очень характерно, в помещении *F*, как и вещей, было найдено сравнительно мало. Часть их была обнаружена при зачистке нижнего насыпного слоя, а именно: мелкие и невыразительные обломки стеклянных сосудов, каменный игральный шарик (диаметр 2 см), подобный найденным ранее, фрагмент железной трубки (диаметр 15 см, длина 7 см), наперсток (рис. 25, *з*).

В середине помещения, на глубине 1.05 м от нулевого горизонта, найдена золотая застежка в виде тонкой округлой золотой пластинки (диаметр 1.9 см), край

ставленного на рис. 10, *е*); здесь же встретились обломки амфор, украшенных врезной волной, и обломки с глубоким и частым рифлением и мелким слабым рифлением.

которой обработан маленькими полукружками и цепочкой из мелких кружков со вставным аметистом, закрепленным четырьмя припаянными к краям пластинки тонкими заостренными слабо изогнутыми крючками, слегка ромбовидной формы: один из них не сохранился (рис. 31). Из железных предметов, найденных в культурном слое, отметим большую пряжку дугообразной формы (высота 7.6 см, длина 7.2 см; рис. 17, *е*), ножик, ослиную подкову. Найдены также 25 обломков стекла, частично оконного (толщиной 7 мм), желтоватого цвета и маленькая восьмигранная сердоликовая бусина (диаметр 7 мм; рис. 25, *б*).

Рис. 31. Золотая застежка (лицевая и оборотная стороны) из помещения *F*.

Очень интересной оказалась поливная посуда, хотя и найденная здесь, повторяем, в небольшом количестве, частью в завале пифосов, куда она свалилась сверху, вероятно с полок, на которых она лежала. Поливная посуда представлена преимущественно мелкими обломками чаш и мисок (рис. 25, *г*); большинство их украшено орнаментом; полива почти исключительно свинцовая, прозрачная, бледнозеленовато-желтого цвета, обычная на Мангупе. Рисунок, выполненный врезной линией, состоит преимущественно из розетки с тонкими завитками, заполняющими все свободные промежутки поля чаши (рис. 13, *г*). Важно отметить находку двух днищ поливных чашек без орнамента, но с меткой, выполненной на внутренней стороне чаши толстой врезной полосой в виде монограммы из букв Χ и Τ (рис. 13, *е*); совершенно аналогичные знаки неоднократно встречались при раскопках Р. Х. Лепера. Возможно, что этот знак является монограммой местного князька Хуитани — владетеля княжества Феодоро в 60-х годах XIV в., носившего христианское имя Димитрия.[1] В помещении *F* найдены были и обломки чаш светлосерой глины с зеленой непрозрачной поливой, подражающей селадону, неоднократно встречавшиеся, как указано, и в других местах раскопа.

Особенно важной является находка (в завале пифоса № 4) фрагментов двух красно-

Рис. 32. Поливная чаша с именем НСААК (из помещения *F*).
а — вид сверху; *б* — вид сбоку.

глиняных чаш с бледножелтой поливой, из которых одна составлялась почти полностью (рис. 32), от другой же сохранились лишь днище и несколько обломков (рис. 13, *з*). Чаши интересны трехстрочными надписями, прочерченными врезной линией на дне с внутренней стороны: НСААК ΑΥΘ·Ϣ Τδ.

[1] О нем см.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа. Изв. ГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 9—14.

В Исааке этой надписи надо видеть того владетельного князя Феодоро, который хорошо известен по генуэзским и русским документам.[1] Он княжил с января 1471 по апрель 1474 г. Чаши с именем Исаака относятся, таким образом, ко второй половине XV в. Это подтверждают и палеографические признаки: характер начертания отдельных букв (как, например, A с опущенным концом верхней горизонтальной черты его или K) совершенно тождествен начертанию букв эпиграфических памятников XV в., в частности на обеих надписях князя Алексея — 1425 и 1427 гг.[2] Высказано предположение, нельзя ли дополнить надпись следующим образом: HCAAK AYΘ·ѠⲢ[KPA]Tȣ. Такое чтение не невероятно. Применение громкого и пышного титула автоктатор (самодержец), усвоенного князьком Феодоро—Исааком накануне окончательной гибели этого феодального княжества, представляет собой довольно характерное явление, уже отмеченное в литературе (правда, в отношении Византии).[3] Напомним, кстати, что в 70-х годах XV в. княжество Феодоро в масштабах тогдашнего Крыма представляло собой крупную политическую силу: владетели Феодоро держались независимо как от генуэзцев, так и от татар, которым князь Исаак отказывался платить дань, к чему его побуждали генуэзцы.[4] Генуэзцы стремились сохранить мир с Феодоро и «заключили [с Исааком] новые соглашения и союз для защиты государств обеих сторон» против общей турецкой опасности.[5]

Возможно и другое чтение второй и третьей строчек надписи на чашах, именно: AYΘЄN Tȣ, т. е. владетеля, самодержца, причем Є и N соединены, а OY представлен в виде ȣ. Именно в этой форме (за исключением ȣ) титул известен и на упомянутой надписи князя Алексея 1427 г.[1] Но и на этом чтении настаивать трудно, так как буква E не имеет горизонтальной черты, а буква N недостаточно ясно выражена. Самая манера украшать дорогостоившую поливную посуду именами владельцев хорошо известна и византийской и итальянской посуде позднего Средневековья. Не мало такой посуды известно и в Крыму. Метки владельцев-заказчиков посуды (ибо метки сделаны до обжига), помещавшиеся именно на внутренней стороне чаш и блюд, наносились чаще всего в виде монограмм,[2] реже в виде гербов (на итальянской посуде)[3] и, наконец, в виде полной надписи.[4]

Для керамики Мангупа, и не только поливной, чаши с именем Исаака имеют датирующее значение. Они подтверждают, что найденная в том же слое керамика, представленная чашами, мисками и блюдами с бледножелтой и зеленой поливой, украшенная орнаментом врезной линией, а также желтоглиняные кувшины со слегка расширяющимся книзу днищем, красноглиняные плоскодонные кувшины с широкими

---

[1] Там же, стр. 42; Сборник Русск. истор. общества, т. 41, 1884, стр. 1—2, 12—13.

[2] Надпись Алексея 1427 г. см.: В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, табл. V. Надпись Алексея 1425 г. см.: ИАК, 47, стр. 78. Ср. надпись Дамиана из Партенита 1427 г. (В. В. Латышев, ук. соч.). — Здесь же отметим вертикальное утолщение буквы С, характерное для латинской эпиграфики XIV—XV вв.

[3] Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа. Изв. ГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 21.

[4] Atti della Società Ligure di storia patria, VII, 1, стр. 731 (документ № 935 от 21 января 1471 г.) (см.: A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. 1936, p. 236).

[5] Письмо протекторов банка св. Георгия в Кафу 26 апреля 1471 г. Atti. . ., VII, 1, стр. 769, документ № 967 (см.: A. Vasiliev. The Goths in the Crimea, p. 237).

[1] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, табл. V (конец второй и начало третьей строки надписи).

[2] См.: O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Bd. III, т. II. Berlin, 1911, Taf. XXI; R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, fig. 195, 196, p. 148; H. Wallis. Byzantine ceramic art. London, 1907, fig. 11—16. — Кстати заметим, что монограмма на поливной чаше из Константинополя (O. Wulff, Taf. XXI, 2051, S. 106), дешифруемая Вульфом и Деманжелем, как Διμιτρίου, встречена и на Мангупе при раскопках Р. Лепера. Считая и эту монограмму, по находкам на Мангупе, нам теперь известно уже три имени владельцев поливных чаш — в виде полного написания имени: Исаака, Хуитани (?), Димитрия (?), или в виде монограмм. Метки в виде различных монограмм неоднократно встречались и в Каффе (см.: Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 61, табл. VI); известны они и в Херсонесе.

[3] Например, чаша, вероятно, конца XIV в. См.: O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Taf. XV, Fig. 39. (Объяснение герба на стр. 9).

[4] Кроме чаши с именем Исаака, известна чаша с именем Γεωργ, найденная в Херсонесе (см.: МИА, 17, стр. 117 и рис. 82).

плоскими ручками, украшенными ангобом, тонкостенные сосуды с носиками, с теми же украшениями ангобом и, наконец, описанные пифосы — относятся, в основном, именно к XV в.

Следует подчеркнуть, что форма описанных чаш с их бледнозеленоватой поливой, столь характерная для керамики Мангупа и однородной с ней керамики XV в. Феодосии, почти не встречается в Херсонесе, где поливная посуда верхнего слоя датируется главным образом XIII в., и в Эски-Кермене, где она также не позднее XIII в.

Иная по своему характеру, керамика Мангупа, представленная круглодонными амфорами с низко посаженными округлыми или овальными массивными ручками с продольной одной или двумя выпуклостями, а также остродонными амфорами и т. д., относящимся ко времени до X в., а частью к позднеримскому времени, — встречалась почти исключительно в насыпном слое, которым была выравнена скала в помещениях *C* и *F*. Таким образом предложенную выше дату керамики основных культурных слоев дворца эта керамика ни в какой мере не опровергает. В то же время предложенная дата подтверждается и всей историей дворца, насколько она выясняется раскопками 1938 г.

Как отмечено выше, открытые части дворца носят на себе ясно выраженные признаки двух строительных периодов. К первому из них относится центральное помещение *C* с массивными стенами, сложенными из больших правильных блоков хорошо отесанного камня, взятого, вероятно, из базилики, а также колоннада помещения *F*.

Во второй строительный период были построены стены помещения *F* и к северной его стене пристроена широкая лестница; тогда же возникли помещения *E*, *D* и *B*, причем западная стена последнего явилась продолжением западной стены помещения *C*. Рядом с западным входом в это центральное помещение пристроили массивную стену с проходом, куда вели две открытые нами ступени лестницы; стена продолжается на запад, за пределы раскопа. Наконец, верхняя часть центрального помещения *C* также, вероятно, относится ко второму строительному периоду. К такому предположению склоняет характер завала камней, почти не содержащего тесаного камня: верхний этаж был сложен, несомненно, из бутового камня, обычного в постройках XIV—XV вв., т. е. именно из того материала и в той технике, которая характеризует все постройки второго строительного периода.

Для датировки этих строительных периодов решающее значение имеет надпись о постройке дворца в 1425 г. Надпись найдена рядом с башней (в северной части дворцового комплекса), с южной стороны ее; [1] она помещалась, очевидно, на стене башни.[2] Характер кладки этой башни, сложенной из бутового камня, заставляет отнести ее также ко второму строительному периоду. Косвенно же это подтверждается тем, что длинная стена, которая соединяет башню с центральным дворцовым помещением *C*, относится, как указано, именно к этому периоду. Отсюда можно заключить, что второй строительный период как раз и датируется надписью, т. е. 1425 г.

Следовательно, первый строительный период, представленный центральным помещением *C* в нижней его части, относится ко времени до 1425 г. Однако интервал между первым и вторым строительными периодами вряд ли был большим, на что косвенно указывает близость археологических материалов второго и шестого слоев (в западной части раскопа), хронологически соответствующих этим периодам.

Наши соображения подтверждает один фрагмент маленькой капители из известняка (найден в западной части помещения *F*). Фрагмент украшен пальметовидными или, скорей, лилиевидными листочками с глазком (рис. 33), типичными для сельджукского искусства XIII—XIV вв., хорошо известными и на почве Крыма XIV в., например на портале и михрабе медресе-мечети Узбека 1314 г. в Старом Крыму, в армянском монастыре близ Старого Крыма 1345 г. и др.[3] Для архитектурного убранства XV в. капители с такой лилиевидной листвой не характерны. Фрагмент, найденный в помещении *F*, по всей вероятности, принадлежал одной из капителей восьмигранных

[1] Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. ИАК, вып. 47, стр. 78, рис. 7, стр. 150 (план).

[2] А. Л. Бертье-Далагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 31—32.

[3] См.: А. С. Башкиров. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. Журн. «Крым», 1926, № 2, стр. 118; он же. Художественные памятники Солхата. Там же, 1927, № 1 (3), стр. 135.

колонн этого помещения, относящихся, как сказано, к первому строительному периоду. XIV век — наиболее вероятная дата этой капители; тем самым первый строительный период можно предположительно датировать этим временем.

Таким образом дворец владетеля Феодоро возник, вероятно, еще в XIV в., но в конце этого века или в начале следующего был разрушен пожаром, а в 1425 г. его вновь отстроили, так как от старой постройки к тому времени осталось немного.

Рис. 33. Фрагменты известняковой капители (из помещения *F*).

В частности, в этот период была устроена и та большая кладовая с пифосами, где найдены были чаши с именем Исаака. Последние определяют третий хронологический момент жизни дворца — именно 70-е годы XV в.

Следовательно, с 1425 г. по 70-е годы XV в. дворец, повидимому, существовал непрерывно, но вскоре после этого, может быть при взятии Мангупа турками в конце 1475 г., он был разрушен окончательно.

В заключение скажем несколько слов относительно общего облика дворцового комплекса, какой он приобрел в 1425 г., поскольку это можно сделать на основании раскопок 1912—1913 и 1938 гг.

Несомненно, основным являлось двухэтажное помещение *C*. Над нижним, может быть хозяйственным, помещением, куда свет проникал только через дверь, возвышалась центральная парадная зала, вероятно, перекрытая цилиндрическим сводом. Стены ее были покрыты фресками (несколько мелких кусочков фрески были найдены в западной части помещения *F*, они происходят, несомненно, из помещения *C*), наличники входов были украшены мрамором (обработанные куски его найдены были в завале камня помещения *C*). Основной вход в центральную залу находился, надо думать, с северной стороны, куда вела широкая лестница, шедшая вдоль северной стены помещения и выходившая, вероятно, на небольшую террасу перед входом (над помещениями *D* и *B*). Кладовая *F* не была двухэтажной и имела деревянное перекрытие (судя по тонким стенам, ничего иного быть не могло), причем возможно, что оно было плоское и образовывало наверху еще одну террасу, куда, полагаем, вел особый выход из помещения *C*. Сюда, на восточную сторону, были обращены и некоторые окна дворцовой залы, о чем свидетельствует найденное в помещении *F*, у западной его стены завершение наличника узкого полукруглого вверху окна с простым врезным крестом над ним (рис. 34). Подобные вставные кресты над входом и окнами, в виде

своеобразных анотронеев, обычны в позднесредневековых жилых комплексах и неоднократно встречались в Херсонесе, однажды — в Эски-Кермене (раскопки 1937 г.).

С северной террасы (над помещениями *D* и *B*) имелся, вероятно, переход на длинную галерею, поддерживаемую двумя рядами колонн и ведшую на второй этаж башни-донжона,[1] расположенного на северной оконечности дворцового комплекса. Вдоль галереи, с западной ее стороны, был расположен большой удлиненный двор, ограниченный с западной стороны сплошной стеной.

Помещения к югу от центрального помещения *C* нами не раскапывались, а описания их в отчете Р. Х. Лепера нет; поэтому составить о них представление пока невозможно. Однако, судя по плану всего дворца, изданному Лепером,[2] и по наблюдениям на месте, вряд ли дворцовые постройки намного выступали к югу от помещения *C*: с этой стороны было, вероятно, не более двух-трех помещений.

В художественно-композиционном отношении дворец представлял собой асимметричный комплекс, на северной и южной периферии которого высились с одной стороны донжон, с другой — центральное двухэтажное здание. К последнему примыкали одноэтажные, иными словами — пониженные, служебные помещения и хозяйственные пристройки, а к донжону — открытая галерея, объединявшая южную группу построек и донжон в единый архитектурный ансамбль.

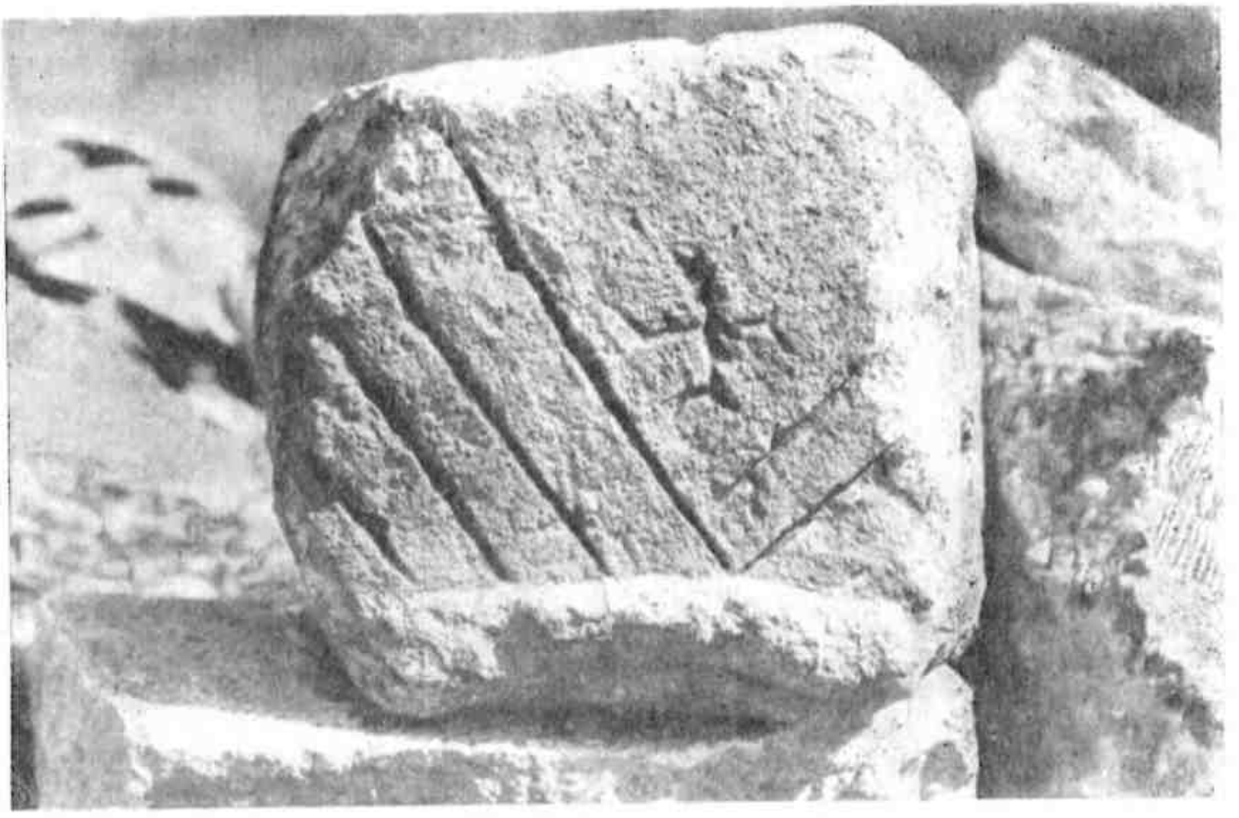


Рис. 34. Замковый камень окна с врезным крестом (из помещения *F*).

Так выглядел дворец владетелей феодального княжества Феодоро, расположенный в центре этого княжества, на плато Мангупа. Этот до сих пор единственный памятник дворцового строительства позднесредневекового Крыма настоятельно требует своего окончательного исследования.

[1] Нижний этаж донжона, как показали раскопки Р. Х. Лепера, входа не имел.

[2] ИАК, вып. 47, стр. 105.

Е. В. Веймари

РАЗВЕДКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН И НЕКРОПОЛЯ

Одной из задач Мангупской экспедиции 1938 г. являлось по возможности проверить на месте наблюдения прежних исследователей относительно существования раннесредневекового поселения на плато Мангупа. С этой целью, кроме продолжения раскопок базилики и дворца (см. выше), были обследованы оборонительные сооружения, произведена разведка некрополей Мангупа, а также зачистка нескольких пещерных комплексов, расположенных на восточном крае плато Мангупа. Осуществивший эти работы отряд [1] провел также разведку в ближайшем к Мангупу районе — на могильнике у р. Бельбек [2] и осмотрел так называемое «таврское» убежище Кызык-Кулак-Кая, открытое в 1937 г. Н. И. Репниковым.

1

Поиски остатков оборонительных стен Мангупа, которые можно было бы отнести к раннему Средневековью, не привели к окончательным результатам. Разведывательные траншеи, заложенные для изучения фундаментов оборонительной стены в овраге Табана-Дере, показали, что хотя в этой стене и использован древний крупный и хорошо отесанный камень, сама стена является сооружением поздним; блоки первоначальной кладки употреблены вторично. На это указывает не только внешний вид стены, в кладке которой не соблюдена горизонтальность рядов, что совершенно нехарактерно для раннесредневековых стен, но и фундаменты этих стен: несмотря на значительный скат местности, по которой они проходят, фундаменты не были врезаны в скалу и положены без постелей (рис. 1). То же наблюдается и в крепостных стенах, стоящих над оврагом Капу-Дере. Здесь фундамент оборонительной стены хотя и состоит из крупных известняковых блоков, но они не врезаны в скалу, разнокалиберны, подложены снизу небольшими камнями. В кладке стены также не соблюдена горизонтальность рядов, которые везде следуют изгибам рельефа местности.

Иную картину дало изучение остатков ворот, расположенных в верховьях оврага Капу-Дере. Здесь, после вырубки растительности, в местах обрушившихся более поздних пристроек, обнаружилась бесспорно раннесредневековая кладка, состоящая из крупных, хорошо отесанных штучных блоков, положенных строго горизонтальными рядами.

Эти разведки убедительно показали, что в раннее Средневековье на Мангупе крепость существовала, но для выяснения характера ее сооружений и ее планировки необходимо провести специальные археологические раскопки, так как небольшие разведки не могут внести полной ясности в этот вопрос.[1]

[1] В состав отряда входили руководитель его Е. В. Веймари и студенты Высших музейных курсов С. П. Гут и Н. Д. Воскресенский, а также сотрудник Музея пещерных городов Я. А. Дубинский.

[2] Результаты исследований опубликованы Г. И. Мосберг в статье «К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма». (СА, VIII, 1946).

[1] Наблюдения А. Л. Якобсона привели его к более категорическому выводу о существовании раннесредневековых стен Мангупа (см. его статью на эту тему в КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 55—63), но и его наблюдения основаны не на данных новых раскопок, а на осмотре наземных частей стен.

2

При осмотре с целью нахождения раннесредневекового могильника на плато городища и на его склонах, с учетом данных раскопок Р. Х. Лепера, было обращено внимание на довольно пологий скат горы, расположенный с ю.-в. стороны плато Мангупа. Близость к поселению и непосредственная близость к колесной дороге, наличие здесь позднего некрополя, а также пологость этого ската, спадающего в восточную сторону (см. рис. 2, *21*), заставляли первоначально именно в этом месте искать грунтовые склепы, подобные склепам некрополя Эски-Кермена.[1] Однако проведенная здесь трехдневная разведочная работа не дала положительных результатов. Заложенные семь разведывательных траншей, доведенные до материка, убедили, что грунтовые условия — сплошной оползень мергелистых пород — технически не позволяли сооружать здесь склепы. Попытки пробиться через этот слой мергелей в надежде встретить под ним глины также не увенчались успехом. Две траншеи, заложенные на небольшом холме в южной части этого участка, занятого старым мусульманским кладбищем, вскрыли три могилы, вырубленные в верхних пластах мергелей. Могилы расположены по одной линии, идущей почти с севера на юг, одна подле другой. Ориентация могил В—З. Размеры могил: первой — 2.12×0.92×0.40 м; второй — 2.65×0.91×0.60 м; третьей — 1.30×0.85×0.40 м. Над могилами — слой земли в 0.40—0.45 м. Погребенные ориентированы головой на запад, положены на спине в вытянутом положении; сохранность костей очень плохая. В третьей могиле был погребен, повидимому, ребенок. Во второй могиле сохранились остатки дерева, вероятно от деревянного гроба; там же найдено восемь железных кованых гвоздей. Никаких других вещей в могилах не найдено. Все три могилы, повидимому, мусульманские и относятся ко времени не ранее конца XV в.

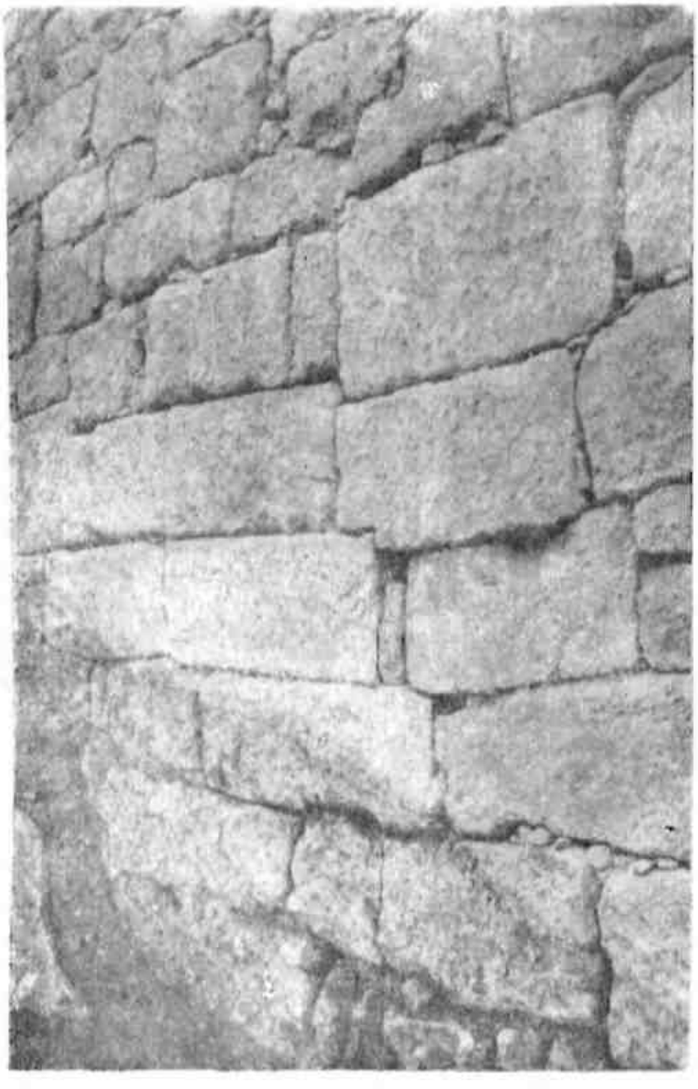


Рис. 1. Крепостная стена Мангупа. Кладка нижней части стены в Табана-Дере (после зачистки второй траншеи).

Не достигнув желаемых результатов на этом участке, мы перенесли работы на восточную часть плато Мангупа, где приступили к изучению ряда пещерных сооружений, расположенных на мысе Тешкли-Бурун и немного южнее турецкой цитадели.

Предварительный осмотр установил наличие — на восточном краю плато, между турецкой цитаделью, геодезическим знаком и остатками боевых стен на ю.-в. обрыве плато, — значительного некрополя с разнообразными погребальными сооружениями, вырубленными в скале. Около самой турецкой цитадели находится небольшой, высеченный в скале склеп с прямоугольным, вытянутым с запада на восток дромосом, лестничным спуском из дромоса в склеп и с двумя лежанками-нишами в его северной и южной стенах. Этот склеп, исследованный Р. Х. Лепером,[1] повидимому, был связан с наземной церковью, следы которой хорошо за-

[1] На этот участок как на возможное место раннесредневекового некрополя в 1933 г. обращал внимание И. И. Репников.

[1] Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. ИАК, вып. 47, стр. 154.

метны на скале севернее склепа. В районе геодезического знака и к северу от него имеются остатки других вырубных склепов, внешне напоминающих склепы Херсонеса. Далее, у главных ворот имеется целый комплекс усыпальниц, аналогичных усыпальницам Эски-Кермена,[1] исследованным Р. Х. Лепером в 1913 г.,[2] и вырубленные в скале могилы, частично раскопанные Р. Х. Лепером в том же году и Н. И. Репниковым в 1933 г. К сожалению, Р. Х. Лепер, ориентировочно датировавший некоторые погребения IV—V вв.,[3] не придал этим комплексам должного значения и потому прервал здесь дальнейшие поиски ранних погребений. Кроме того, наш осмотр участка выявил у восточного обрыва плато, приблизительно в его середине, следы небольшой церкви, окруженной вырубленными в скале могилами. Наши работы были начаты с зачистки небольшого пещерного комплекса, состоящего из двух пещер и находящегося метрах в 30 к югу от цитадели, около восточного обрыва скалы (см. рис. 2, *12*). Особое внимание было обращено на первую пещеру, которая в деталях напоминала большой прямоугольный склеп. Вторая пещера, явно более позднего происхождения, имела, повидимому, хозяйственное назначение, о чем свидетельствуют многочисленные небольшие углубления в полу помещения, предназначенные для установки в них сосудов.

В этом комплексе пещер был открыт погребальный склеп № 1 (рис. 3, *а*, *б*).

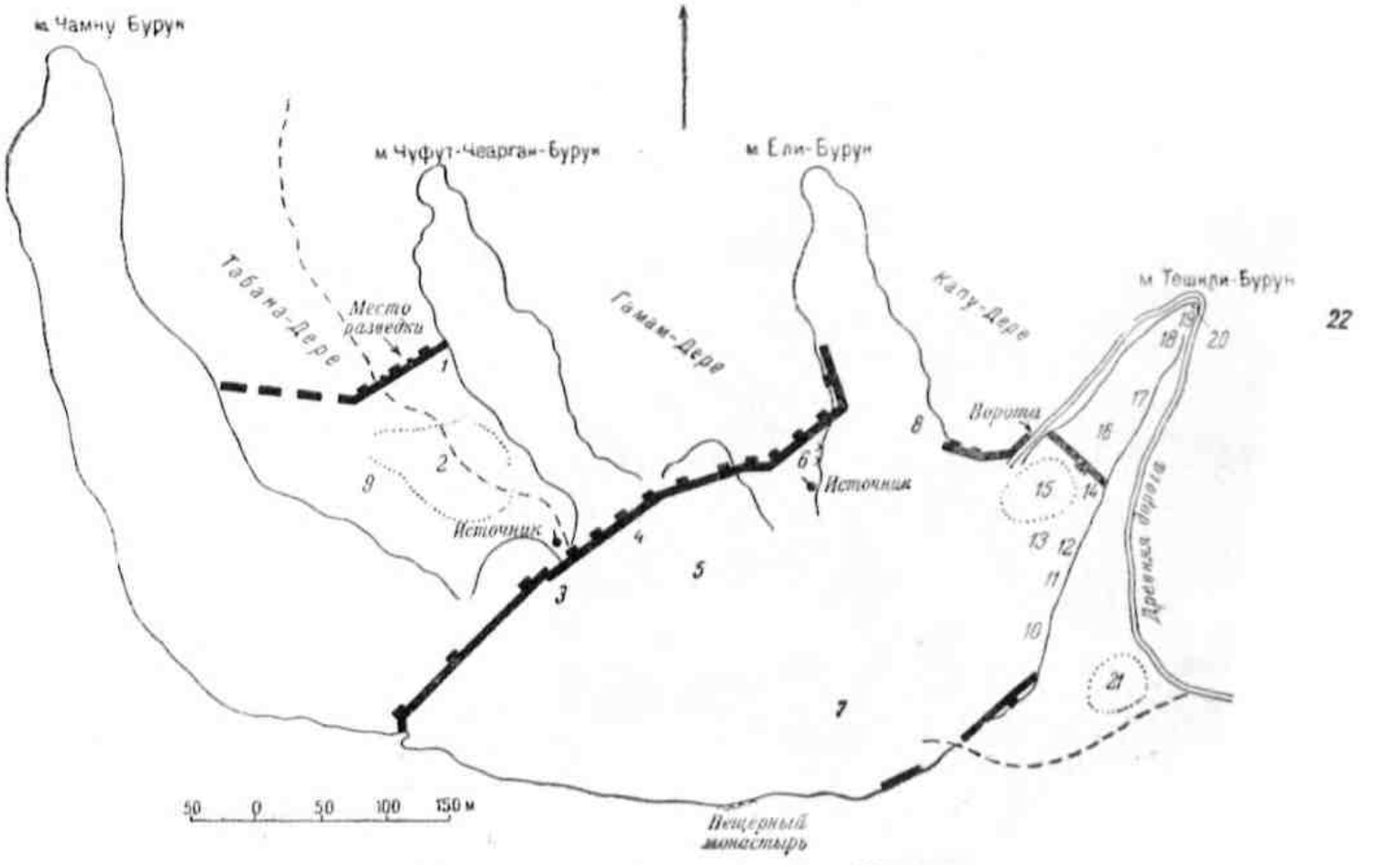


Рис. 2. Схематический план Мангупа.

1 — пещерная церковь; *2* — караимское кладбище; *3* — остатки караимской синагоги; *4* — базилика; *5* — дворец; *6* — пещеры; *7* и *8* — остатки церквей; *9* — следы водопровода; *10* — остатки церкви; *11* — пещерный комплекс № 4; *12* — склепы № 1 и № 2 и пещерный комплекс № 5; *13* — остатки мечети; *14* — остатки церкви со склепом; *15* — могильник; *16* — октогон (крещальня); *17* — церковь, высеченная в скале; *18* — пещерный комплекс № 3; *19* — пещерный комплекс № 2; *20* — пещерный комплекс № 1; *21* — турецкое кладбище XV—XVI вв.; *22* — раннесредневековый могильник в балке Ашлама-Дере.

[1] Н. И. Репников датирует этот тип склепов Эски-Кермена VIII—XIII вв. (см.: Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 180).

[2] См.: ИТУАК, вып. 51, 1914, стр. 299 (протоколы).

[3] Там же.

Зачисткой натечной земли из первого помещения в полу, у разрушенной северной стены был обнаружен продолговатый, вытянутый с севера на восток, вырез в скале, заваленный камнем и засыпанный землей, после удаления которых был выявлен лестничный спуск в четыре ступени, ведущий в дромос (размеры: 1.80×1.15×1.10 м) склепа.

0.16 м. Все пространство пола оказалось заваленным огромным количеством сильно перемешанных человеческих костей, заплывших темной слежавшейся сырой землей, особенно у входа, где она доходит до половины высоты его. Толщина слоя костей в центральной и южной частях склепа достигала 0.50 м, а к северу и к с.-з. и с.-в. углам уменьшалась до 0.15 м. При выборке верх-

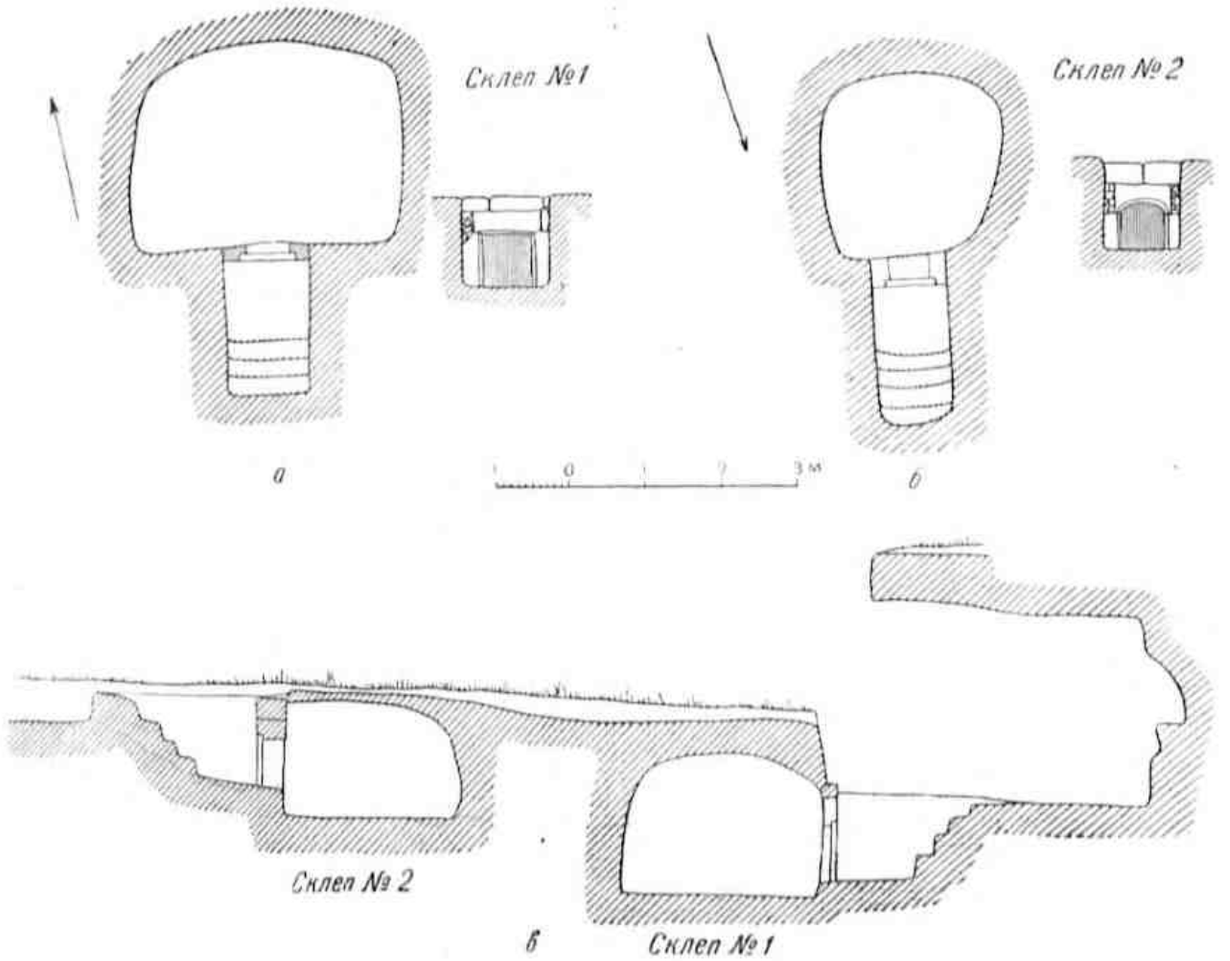


Рис. 3. Склепы №№ 1 и 2. Планы и разрез.

Вход в склеп, почти прямоугольный (размеры проема: 0.65×0.60 м), был сложен из камня. Пазы, вырезанные в каменном обрамлении входа, указывают на то, что он некогда закрывался плитой. Толщина простенка входного отверстия 0.17 м. Среди выбранных из дромоса камней найдено два обломка глиняной посуды.

В плане склеп близок к прямоугольнику, ориентированному с востока на запад, со скругленными углами (особенно с.-з. и с.-в.). Потолок — сводчатый, плавно закругляющийся и переходящий к стенам. Размеры склепа: 3.70×2.63×1.80 м. Пол склепа находится ниже дна дромоса на

него костного слоя, кроме отдельных обломков керамики, попавших в склеп с натечной землей, было найдено бронзовое колечко (рис. 4, *а*), надетое на фалангу пальца. Под верхним слоем явно перемешанных костей, среди которых оказалось 77 человеческих черепов (43 из них совершенно целых), на полу склепа найдены были отдельные части костяков, лежавших нетронутыми.

По положению рядов позвонков, больших костей конечностей и отдельных ребер удалось установить, что погребенные нижнего слоя лежали на спине, головами на запад. Положение верхних конечностей установить не удалось. Ясно наметилось

положение восьми костяков, из которых первые семь лежали непосредственно на полу склепа в два ряда, один за другим, головами на запад: в восточной половине склепа — четыре, а в западной — три. Кроме того, один костяк лежал, повидимому, над этим нижним слоем погребения поперек склепа, головой на юг. Положение его костей, судя по положению черепа, отдельных позвонков и небольшому количеству ребер, было аналогично положению нижних костяков. К сожалению, те немногие находки, которые были обнаружены при переборке этого слоя, увязать точно с какими-либо из выявленных костяков оказалось невозможным. В центре склепа, на высоте около 0.30 м от пола, были найдены рядом два браслета синего стекла, круглых в сечении, грубой работы. Около остатков костяка, лежавшего поперек склепа, были найдены железный кованый гвоздь и кольцо из желтой меди (рис. 4, *б*). При просеивании земли через грохот были обнаружены железное и медное колечки, обломок еще одного железного колечка, а также обломок стеклянного сосуда.

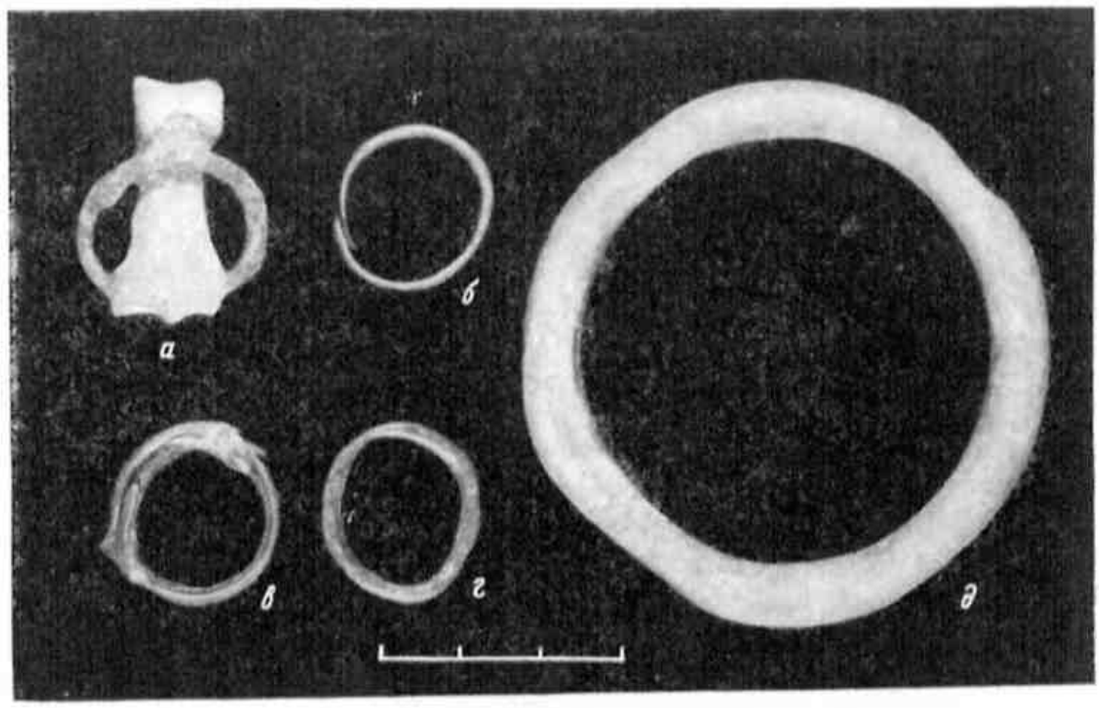


Рис. 4. Предметы из склепов.
а, *б* — из склепа 1; *в*—*д* — из склепа 2.

Склеп № 2 (рис. 3, *б*, *в*) был открыт на небольшой площадке, вырубленной в скале на краю восточного обрыва, к северу от склепа № *1*. Дромосы склепов №№ 1 и 2 отстоят друг от друга на расстоянии 7.20 м. В противоположность склепу № 1 дромос склепа № 2 расположен с северной стороны его; в дромос ведут четыре сильно стертые ступени; входное отверстие в склеп обрамлено тесаным камнем с арковидным верхом. Обрамление входа, как и в склепе № 1, имеет пазы для вкладки плиты, закрывающей вход в склеп. Плита оказалась приставленной к восточному краю дромоса. Размеры дромоса 1.75×0.95×1.15 м. Высота входа в камеру — 0.62 м, ширина — 0.65 м. Толщина простенка входного проема — 0.35 м. Камера склепа напоминает по форме неправильный четырехугольник с более узкой северной стороной, где расположен вход; углы сильно скруглены, потолок сводчатый. Пол склепа гладкий, лежит на 0.80 м ниже дна дромоса, слегка покатого в сторону склепа. Размеры самого склепа: 2.35×2.35×1.47 м.

При выборке земли из дромоса было также обнаружено большое количество человеческих костей, сильно перемешанных. В верхних слоях их находились остатки двух почти целых костяков, один на другом, причем их нижние конечности лежали высоко на ступенях дромоса, а верхние части были опущены настолько, что головы покойных оказались в простенке входа в камеру склепа. Глубина залегания верхнего костяка, считая от поверхности скалы, 0.30 м, нижнего — 1.00 м. Повидимому, здесь в разное время было захоронено не менее 13 трупов, так как в простенке входа в камеру и в самом склепе близ входа, приблизительно на одном горизонте, было обнаружено соответствующее количество почти целых черепов. Верхняя часть входа в склеп, после последнего захоронения, была, очевидно, прикрыта обломком мергелевой плиты, возможно с целью не допустить натека земли в склеп. Оба открытые

в дромосе костяка лежали на спине, вытянутыми, головой на юг. На уровне нижнего костяка, слева от него, был найден железный браслет.

У входа склеп был заполнен слоем (толщина 0.40 м) мягкой желтоватой земли, прикрывавшей здесь сильно перемешанные остатки значительного количества человеческих костяков. У ю.-з. и восточной стен склепа слой земли сходил на нет; здесь видны были сильно истлевшие человеческие кости, которые у стен лежали незначительным слоем — толщиной до 0.10 м. После выборки из склепа натечной земли до костного слоя были обнаружены сдвинутые со своих мест кости, среди которых оказалось 19 сильно истлевших черепов. Изучение положения отдельных костей на полу склепа дало возможность установить направление девяти костяков, от которых сохранились отдельные части позвоночника, кости конечностей, кости таза, ребра. Пять костяков лежали, вероятно, на спине, с вытянутыми нижними конечностями, головами на запад. Из этих костяков более или менее сохранился только один, находившийся в южной части склепа, но положение и его верхних конечностей осталось неясным. Остальные четыре костяка, повидимому, лежали над вышеописанными, поперек них, головами на юг; от них также сохранились только отдельные части.

При переборке костного слоя, вне связи с уцелевшими частями костяков, были найдены: на полу склепа — два железных кованых гвоздя с остатками доски, возможно от гроба, и фрагмент костяного браслета; в восточной части склепа — браслет синего стекла, круглый в сечении, грубой работы (рис. 4, *д*), лежавший в слое на 0.13 м выше пола склепа; в центральной части склепа — витое бронзовое маленькое колечко, бронзовый перстень (рис. 4, *в*), медное колечко (рис. 4, *г*), обломок точильного камня и железный кованый гвоздь; в западной части склепа — колечко из желтого стекла. Кроме того, при просеивании земли было обнаружено три небольших обломка железного колечка.

Скудость, слабая выразительность и, как правило, поздний характер вещевого инвентаря не дают возможности хронологически связать его с первоначальными захоронениями в склепах, архитектура которых близка архитектуре земляных склепов Эски-Кермена, датируемых, по аналогии со склепами Суук-Су и Узен-Баша, V—VII вв.[1]

К этому времени мы склонны отнести возникновение и открытых нами склепов.

3

Отряд выполнил также работу по зачистке наплыва земли в пяти пещерных комплексах, расположенных на восточном краю плато и на мысе Тешкли-Бурун (см. рис. 2, *11*, *18—20*).

Пещерный комплекс № 1 (рис. 5), известный в литературе под названием «Барабан-Коба», представляет собой остатки довольно сложного и большого комплекса сооружений, первоначально имевшего безусловно оборонительное назначение. Расположен он на самой северной оконечности мыса Тешкли-Бурун. Перед входом в пещерное сооружение заметны ясные следы значительного по размеру полувырубного помещения, прямоугольного в плане, вытянутого с севера на юг. С южной стороны в это помещение ведет неширокий вход с одной ступенькой вниз. В южной части его западной стены имеется небольшое углубление, а дальше к северу — две ниши. В полу, вдоль западной стены, вырублены три небольших круглых углубления — возможно, места постановки пифосов. В ю.-в. углу имеются два выступа-скамейки. Далее идет восточная стена, также вырубленная в скале, но сильно разрушенная; в северной ее части еще заметны остатки выхода из помещения на восточную площадку. Пол помещения, когда-то гладко стесанный, ныне сильно выветрился.

В западной части северной стены прорублен вход в первое пещерное сооружение комплекса; в восточной стене видны слабые следы лесенки, ведущей на небольшую, треугольную в плане, площадку над пещерным сооружением. По краям площадки заметны следы постелей от исчезнувшей каменной кладки, указывающие на наличие здесь когда-то наземной постройки — вероятно башни. В полу площадки имеются два круглых углубления. В северной части пло-

[1] Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 179.

щадки сохранились остатки лестницы, вырубленной в скале и ведущей на другую площадку, расположенную ниже. Две ступени этой лестницы хорошо сохранились, две лишь намечаются, остальные обвалились.

Под второй площадкой находится верхнее помещение пещерного комплекса (рис. 5, *а*), куда ведет лестничный спуск в восемь ступеней из описанного продолговатого полувырубного помещения на плато. В плане часть западной стены обрушены. В с.-з. углу помещения вырублен лестничный спуск в нижний этаж пещерного сооружения. Лестница эта, сначала идущая к западу, а затем почти к югу, на повороте раздваивается: одним своим маршем она приводит на площадку над обрывом скалы (западный край Тешкли-Буруна), другим ведет в нижнее пещерное сооружение.

Нижнее пещерное помещение (5, *б*) пред-

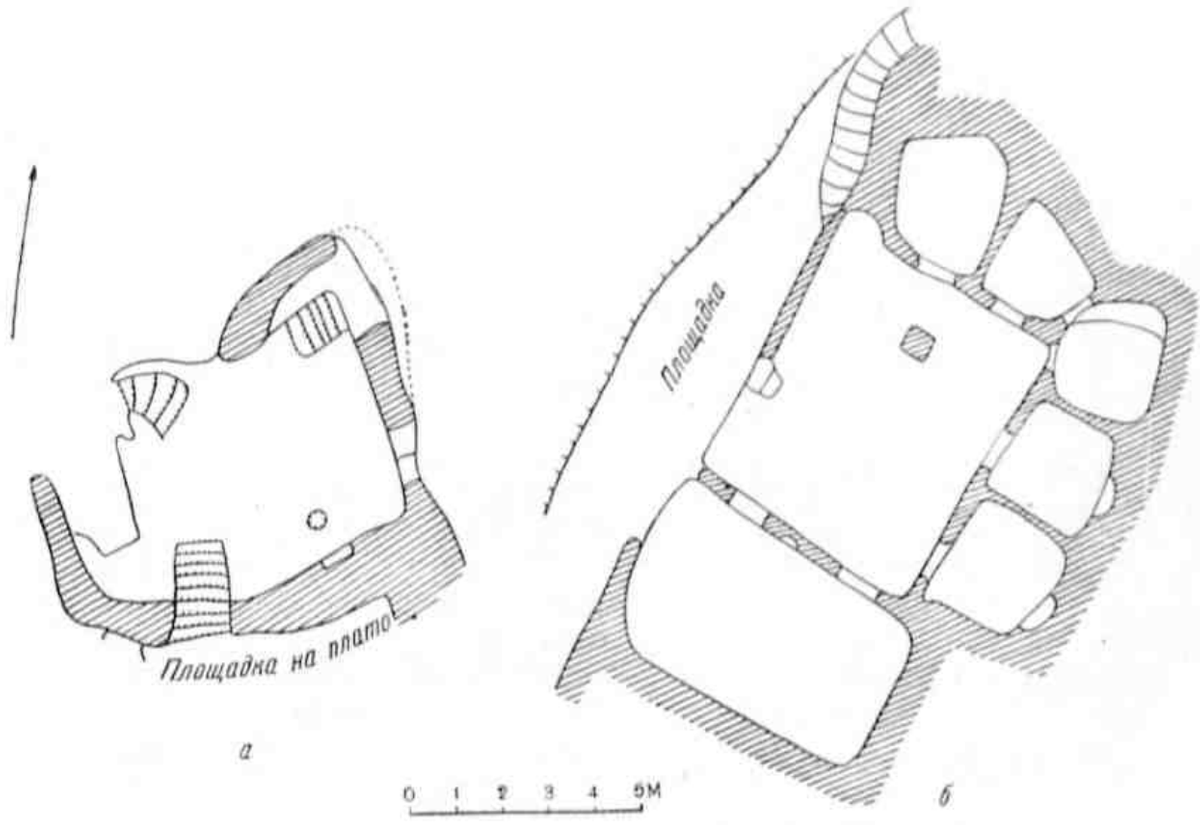


Рис. 5. Мангуп. Пещерный комплекс № 1.
а — план верхнего этажа; *б* — план нижнего этажа.

это пещерное помещение четырехугольное (наибольшие размеры: длина 7 м, ширина 5 м, высота 3 м), с хорошо обработанными стенами и гладким полом. Южная стена его, где находится вход, слегка вогнута. В восточной ее части имеется небольшая ниша. Ю.-в. угол, а также часть восточной стены разрушены. В восточной стене имеются два небольших оконных проема со следами вставлявшейся деревянной рамы; южный оконный проем разрушен. В северной части восточной стены, на высоте 0.90 м над полом, находится дверной проем с пятиступенчатой лестницей, выводящей на восточную площадку. Восточная стена довольно тонка и имеет несколько горизонтальных трещин. Западная часть северной стены и северная ставляет большую прямоугольную камеру (размеры: длина 6 м, ширина 5 м, высота 2.70 м) с входом в с.-з. углу, куда приводит лестница. Около входа в северной стене высечена высокая ниша. Стены всего помещения хорошо обработаны; пол гладкий. По середине помещения, ближе к северной стене, находится четырехугольная в плане колонна, высеченная в скале при устройстве помещения.

В северной и восточной стенах нижнего помещения имеются пять дверных проемов (два — в северной стене и три — в восточной) со следами бывших здесь дверных запоров. Эти проемы ведут в небольшие почти прямоугольные камеры приблизительно одинаковых размеров (около 2.30×2.60 м).

В восточных камерах имеются вдоль одной из стен небольшие ниши-лежанки. Западная стена центрального помещения, имевшая дверной проем, выводящий на площадку, в южной своей части рухнула.

В южной стене центрального помещения имеются два дверных проема, ведущие в большое помещение, откуда проход в его западной стене выводит на упомянутую площадку у обрыва скалы, которая тянется вдоль всего нижнего этажа пещерного ком-

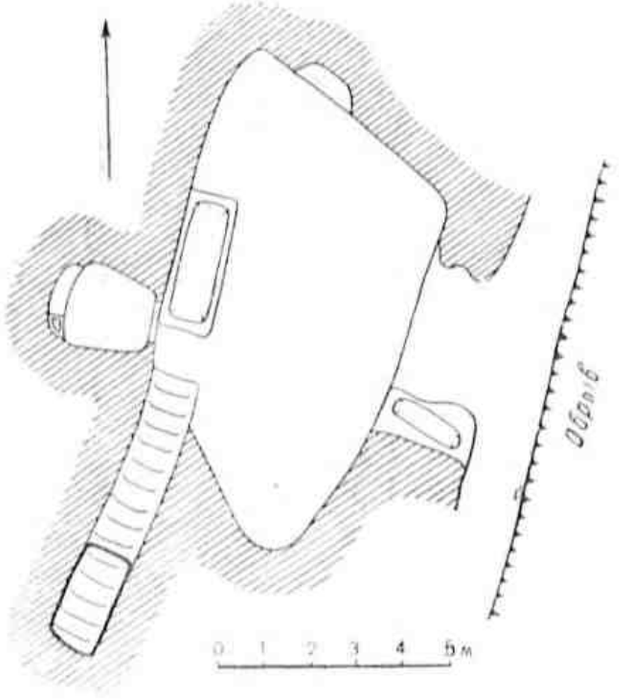


Рис. 6. Мангуп. Пещерный комплекс № 2.

плекса (длина площадки около 12 м, ширина — 3 м).

Зачистка площадки у обрыва обнаружила широкую вырубку в скале (около 0.70 м), прослеженную по всему ее наружному краю (особенно хорошо это заметно в центральной части) и представляющую собой постель какой-то каменной кладки, возможно стены или бруствера; эта некогда существовавшая стена обрамляла площадку со стороны обрыва, являясь одним из элементов всего этого довольно сложного оборонительного комплекса. Площадка господствует над дорогой, ведущей к главным воротам Мангупа, которые отсюда прекрасно видны.

Наличие на северной оконечности Тешкли-Буруна ряда вырубок в скале — постелей оборонительных стен (например на с.-в. стороне оконечности мыса), а также полувырубных и пещерных сооружений убеждает в том, что на этом мысу еще в раннесредневековый период существовало укрепление. Что касается назначения нижнего пещерного сооружения, то, по всей вероятности, как уже указано исследователями Мангупа, оно служило подземной тюрьмой. Этого мнения, повидимому, держался еще П. Кеппен, который на плане Мангуп-Кале указал на северной оконечности Тешкли-Буруна в точке *л* «развалины башни с пещерами под нею, иссеченными в камне».[1] Этот комплекс видел и Дюбуа де Монпере, который в своем археологическом атласе поместил приблизительный план и разрез нижнего помещения описанного нами комплекса.[2]

Пещерный комплекс № 2 (рис. 6) находится в нескольких метрах к югу от полувырубного продолговатого помещения комплекса № 1 и расположен у восточного обрыва мыса Тешкли-Бурун. Лестничный спуск в 15 ступеней, начинающийся прямоугольным вырубом, вытянутым с севера на юг (размеры: 1.20×2.20 м), ведет в ю.-з. угол обширного четырехугольного, ромбовидного в плане, помещения размерами 3.80×5.40×2.90 м.

В западной стене, около лестницы, имеется дверной проем (со следами от вставлявшейся некогда деревянной дверной коробки), соединяющий помещение с большой камерой (1.85×180 м); в западной стене этой камеры устроена невысокая ниша-лежанка. Вдоль западной стены основного помещения высечена большая гробница (размеры: 2.50×0.80×0.80 м). По краям ее высечены заплечины, указывающие на то, что гробница некогда была перекрыта плитами (обломок одной из них был найден при выборке земли из гробницы); над гробницей в стене сохранились следы высокой неглубокой ниши. Северная стена этого помещения сильно разрушена; в ней, повидимому, также имелась небольшая ниша. Восточная стена помещения сильно пострадала — часть ее обрушилась вместе с потолком. Повидимому, здесь был выход на небольшую, вырубленную в скале площадку шириной до 1.50 м. С южной стороны существующего сейчас прохода из помещения

[1] П. Кеппен. Крымский сборник. СПб., 1837, стр. 276.

[2] Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. . . et en Crimée. . ., Atlas, IV série, 1843, pl. VI, 5.

на площадку, на небольшой ступеньке скалы, имеется углубление, вытянутое с запада на восток размерами 1.60×0.45 м. При зачистке помещения никаких существенных находок сделано не было.

Определить назначение пещерного комплекса № 2 пока затруднительно.

Пещерный комплекс № 3 (рис. 7) находится к югу от комплекса № 2. В него сейчас можно проникнуть через площадку, расположенную перед комплексом № 2, а раньше сюда вела лестница с плато, ныне обрушившаяся. Со стороны обрыва на небольшом протяжении тянется бруствер-парапет, высеченный в скале. Здесь начинается лестничный спуск на площадку, расположенную непосредственно перед пещерным комплексом № 3. Нижняя часть лестничного спуска обрушилась, сохранилось лишь несколько верхних ступеней.

Северная пещера этого комплекса, неправильная в плане (3.50×3.20×2.30 м), имеет выход на восток во всю ширину помещения. В с.-з. стене вырублена большая ниша; в южной стене пробито окно, выходящее в соседнюю пещеру.

Вторая пещера представляет большое четырехугольное помещение (9.00×5.00× ×2.60 м), причем западная стена его значительно длиннее восточной. С востока в помещение ведут два прохода, из которых южный сохранил следы деревянной дверной коробки. Южнее этого прохода в стене прорублено окно; другое окно, упомянутое выше, выходящее в соседнее помещение, находится в северной стене; в западной стене устроены две большие ниши, из которых южная, бóльших размеров, расположена на значительной высоте. В восточной части южной стены находится дверь, ведущая в третью пещеру. Пол второй пещеры гладкий, потолок имеет ряд трещин. При зачистке этого пещерного помещения от натекшей земли в с.-в. части пола были открыты остатки полувырубной, очень небольшой часовни (длина 7.10 м, ширина 3.70 м). Несмотря на отсутствие каменной кладки, план часовни хорошо обрисован вырубками в скале, служившими постелями стен. Пол часовни опущен ниже пола пещеры на 0.50 м, алтарная часть возвышается над полом часовни на 0.40 м. С западной стороны в часовню вела одна ступень, к алтарю — две низкие ступени. У начала полукружия алтаря, обращенного на восток, сохранились основания полуколонок, вырубленных в скале. В центре алтаря, ближе к восточной части полукружия, имеется прямоугольная выборка в скале для постановки подпрестольного камня. По всей вероятности, в более позднее время, когда часовня перестала действовать, ее помещение было приспособлено под водоем, куда стекала вода по выбитым в полу пещеры водостокам.

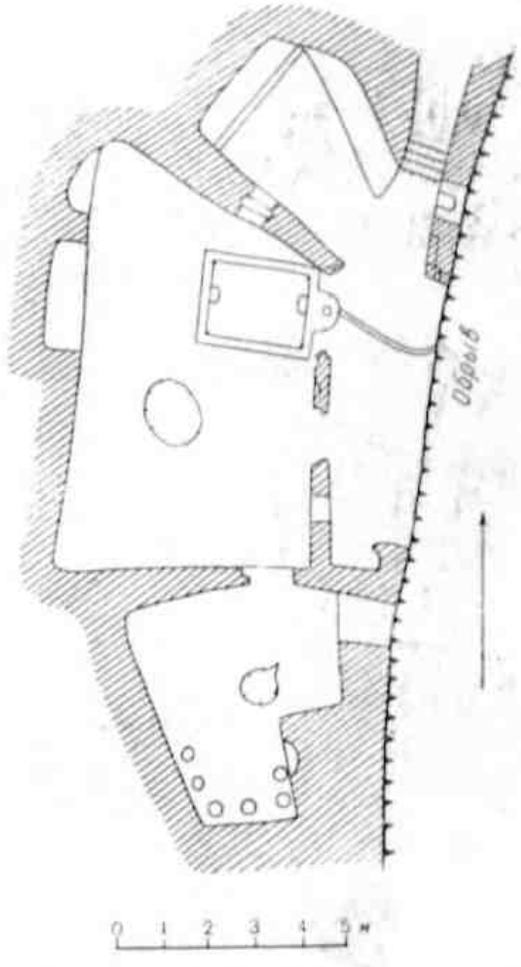


Рис. 7. Мангуп. Пещерный комплекс № 3.

Для вывода излишней воды из бассейна в алтарной части часовни был вырублен широкий водосток, перекрытый позднейшей черепицей (татарского типа); несколько звеньев этого черепичного перекрытия было обнаружено при зачистке. Возможно, тогда же в северном проеме, ведущем на площадку, были сделаны пазы для закладки его деревянными брусьями или досками.

Третья пещера этого комплекса — самая южная. Размеры ее: длина 4.90 м, ширина 4.50 м и высота 2.30 м. Пещера имеет неправильную форму, с выступающим внутрь ю.-в. углом, и не отличается по характеру обработки от остальных. В восточной стене

ее прорублен большой проем-амбразура, выходящая на самый обрыв скалы и напоминающая амбразуры для скатывания камня в пещерных казематах восточного края плато Эски-Кермена, зачищенные в 1937 г. Почти в центре гладко вырубленного пола находится круглое углубление (глубина 0.60 м) с треугольным вырезом у с.-в. края.

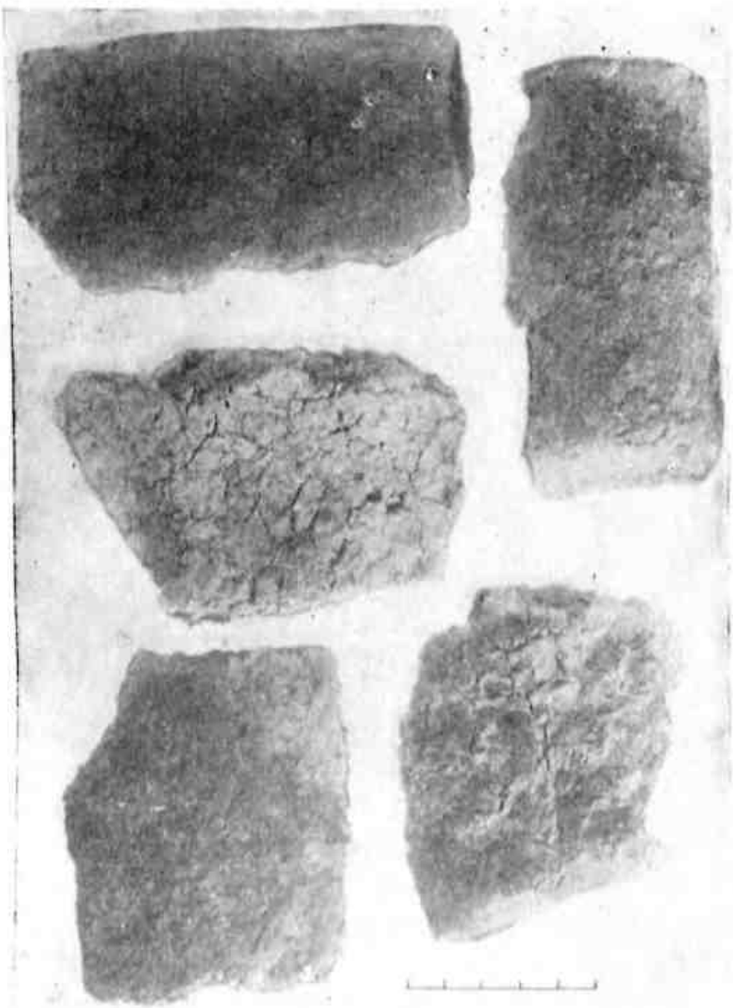


Рис. 8. Фрагменты лепной керамики из Кызык-Кулак-Кая.

В южной части помещения, вдоль стен имеется шесть небольших круглых углублений, повидимому, для постановки пифосов. Весь этот пещерный комплекс в разное время имел, вероятно, различное назначение, но первоначально он безусловно служил целям обороны подступов к укреплению на плато Тешкли-Буруна и защищал дорогу, ведущую к крепости.[1]

[1] Суммарный план комплекса издан: D u b o i s d e M o n t p é r e u x. Voyage autour du Caucase..., Atlas, IV série, pl. VI, 6.

Пещерный комплекс № 4[1] находится к югу от открытых погребальных склепов №№ 1 и 2, у восточного обрыва плато Мангупа. Лестничный спуск в 12 ступеней, начинающийся от прямоугольного выруба в скале (2.80×1.60 м), вытянутого с севера на юг, приводит к с.-з. углу большого, неправильного в плане, пещерного помещения, ориентированного с востока на запад.

В северной части западной стены находится дверной проем, соединяющий помещение с небольшой камерой (1.70×2.20 м); далее к югу в этой стене имеются две небольшие ниши. В южной стене, в восточной ее части, имеется проем, ведущий в соседнее пещерное сооружение. В середине северной стены была устроена двухэтажная большая ниша, теперь сильно разрушенная; направо от нее, у потолка, находится другая небольшая квадратная ниша, а слева — горизонтальные высечки, возможно для вставки деревянных полок. Восточная часть помещения переходит постепенно в узкое, коридорообразное помещение, частью открытое, представляющее нечто вроде балкона с бруствером-парапетом, сквозь который пробит водосток.

Это пещерное сооружение, в его основе, мы также склонны отнести к сооружениям оборонительного характера.

Пещерный комплекс № 5 был кратко описан выше, при изложении работ по исследованию склепа № 1. Поэтому описание этого мало выразительного комплекса мы опускаем.

4

В окрестностях Мангупа нами было осмотрено так называемое «таврское» убежище Кызык-Кулак-Кая. Остатки этого убежища, открытые Н. И. Репниковым в 1937 г., расположены около с. Залесное, к западу от него, в небольшом, но глубоком ущелье, к югу от дороги, ведущей из указанного селения в с. Крепкое (бывш. Черкес-Кермен). Само убежище находится на островообразной столовой скале, расположенной посреди ущелья и вытянутой с севера на юг. Длина плато скалы около 500 м при наибольшей ширине 50—60 м. Доступ на плато очень затруднителен: попасть туда возможно

[1] С некоторым искажением издан там же, табл. VI, 7.

только в южной его части, да и то лишь с помощью лестницы и веревок. Каких-либо следов старого, более доступного подъема на скалу нами не обнаружено. В центральной части плато сохранился культурный слой, мощностью до 0.50 м. Заложенная поперек плато разведочная траншея (длина 3 м, ширина 1 м), углубленная до скалы, дала лишь обломки лепной темной глиняной посуды. Культурный слой представлял собой темную и рыхлую землю. При осмотре убежища был собран подъемный керамический материал, состоящий в большинстве своем из обломков грубой лепной посуды, выполненной из темной глины (рис. 8). Кроме того, было найдено несколько обломков лощеной посуды. Ни обломков черно-лаковой керамики, ни обломков мегарских чаш, которые были найдены Н. И. Репниковым здесь в 1937 г., нами обнаружено не было. Из красноглиняной посуды было встречено очень небольшое количество обломков амфор.

Необходимо отметить, что само ущелье весьма интересно по своему положению: здесь следует искать синхронное убежищу открытое поселение тавров.

Приложение I

М. А. Тиханова

ЧЕРЕПИЦЫ С МЕТКАМИ ИЗ РАСКОПОК 1938 г.

При раскопках на плато Мангупа в 1938 г. всего найдено 93 черепицы с метками, из них: в базилике 86 шт., во дворце 3 шт., в других местах 4 шт. Значительная часть обломков — очень мелкие, вследствие чего далеко не всегда удавалось установить размеры и профиль черепиц, что затрудняло их точную датировку. Однако самые метки и прежде всего их рельеф настолько выразительны, что позволили определить их даты на основании аналогий с черепицами Херсонеса и Эски-Кермена.[1]

Как видно из прилагаемой таблицы, метки мангупских черепиц являются большей частью буквами греческого алфавита (одной или, реже, двумя), а в единичных случаях — монограммой (*18*), изображениями креста (*17* и *47*), геометрической фигурой (*33*), в виде неизвестного знака (*62*) и, наконец, изображениями четвероногого животного, повидимому лошади (*59—61*). В большинстве своем метки исполнены в высоком рельефе и как по технике их выполнения, так и по содержанию должны быть отнесены к раннему Средневековью. О ранней их дате свидетельствуют и большие размеры черепиц и самый их профиль — высокий бортик (высота до 0.06 м) с плоским срезанным краем.[2]

Безусловно поздней черепицей является черепица с меткой *33*, найденная около базилики за северной стеной ее северной галереи; датируется она, вероятно, XIV в.[3] Повидимому, к позднему же времени следует отнести черепицы с метками *30*, *31*, *43*, *50* и *58*, которые исполнены в низком рельефе. Найдены они в разных местах: черепицы с метками *31* и *43* — за западной стеной базилики, обе в верхнем слое, черепицы с метками *30* и *50* — в северной галерее базилики, также в верхнем слое, наконец, черепица с меткой *58* — в пещерном комплексе № 5.

Из основной массы более ранних черепиц можно выделить, на основании аналогий с херсонесскими и эски-керменскими образцами, небольшую группу черепиц переходной поры, восходящую к X в. и широко распространенную в XI—XII вв. В эту группу отчетливо включаются черепицы с метками *36* и *37*, из которых две черепицы с меткой *36* были найдены в верхнем слое северной галереи базилики, а черепица с меткой *37* — во дворце. Не исключено, что этому же времени принадлежат и черепицы с меткой в виде греческой буквы В (*21*; 2 шт.), найденные, как и черепицы с меткой *33*, в верхнем слое северной галереи базилики.

Что же касается всех остальных черепиц, то ранняя их дата не вызывает сомнения; они принадлежат, очевидно, раннесредневековым постройкам Мангупа и в первую очередь происходят из базилики, где, как сказано, была найдена основная масса обломков.

То обстоятельство, что ряд меток мангупских черепиц находит себе близкие параллели или точные аналогии в метках херсонесских черепиц, лишний раз подтверждает участие ремесленных артелей Херсонеса в строительстве Мангупа.

Заслуживает внимания обломок черепицы с меткой в виде своеобразного знака (*62*);

[1] См.: МИА, 17, стр. 124—149, табл. 1—21.

[2] Ср. там же, стр. 119.

[3] А. Л. Якобсон датирует черепицы этого типа XIII—XIV вв. (МИА, 17, стр. 142).

обломок был найден в крещальне. Знак этот напоминает, с одной стороны, загадочные знаки северного Причерноморья первых веков нашей эры, с другой — знаки

стила пола в апсиде той же крещальни.[1] В Херсонесе подобные метки на черепице не известны.

По месту находок включенные в таблицу

Метки на черепицах, найденных при раскопках Мангупа в 1938 г.

(Таблица составлена Г. И. Мосберг)

на кирпичах, широко известные в памятниках VIII—X вв. в степной полосе нашего юга и далее на запад, в Болгарии. В то же время его нельзя не сблизить с врезанными монограммами на кирпичах вторичного на-

черепицы с метками распределяются следующим образом.

1. При раскопках базилики найдено:

[1] См. выше, стр. 380 и рис. 41б и 49.

а) Внутри базилики (выброс при раскопках Р. Х. Лепера) — 1 шт. (метка *11*);

б) на участке β (у западной стены базилики) — 14 шт. (метки *2, 3, 4, 6, 9, 11, 18, 31, 40, 43, 51, 54, 61*);

в) на участке α (северная галерея) — 49 шт. (метки *5, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 59, 60, 62*);

г) на участке γ (крещальня), а также между ней и базиликой — 22 шт. (метки *1, 2, 3, 4, 10, 13, 17, 19, 21, 22, 25, 26, 28, 33, 42, 62*).

2. При раскопках дворца найдены 3 шт. (метки *54, 55, 57*).

3. В пещерном комплексе № 5 найдены 2 шт. (метки *44* и *58*).

4. У оборонительной стены в Табана-Дере найдена 1 шт. (метка *49*).

5. В контрольном раскопе близ дворца найдена 1 шт. (метка *56*).

ПОЯСНЕНИЕ К ТАБЛИЦЕ МЕТОК НА ЧЕРЕПИЦАХ

Обозначение метки на таблице	Количество найденных черепиц с одинаковой меткой	Места находок	Сравнительный материал
1	2	3	4
1	*3	Базилика, участок γ, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 20, *13*; табл. 21, *43*) и Херсонеса (там же, табл. 16, *258—260*)
2	*3	Базилика; 1 шт. — за западной стеной (участок β); 2 шт. на участке γ	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *17*) и Херсонеса (там же, табл. 16, *260*)
3	*3	Базилика; 2 шт. — на участке γ (вместе с черепицей с меткой *1*); 1 шт. — на участке β, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, *17*, табл. 20, *45*; табл. 21, *37*)
4	*2	Базилика; 1 шт. — на участке γ (вместе с черепицей с меткой *1*); 1 шт. — на участке β, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, *17*, табл. 20, *45*; табл. 21, *37*)
5	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, *17*, табл. 20, *45*; табл. 21, *44*) и Херсонеса (там же, табл. 10, *165*),
6	2	Базилика; 1 шт. — на участке α; 1 шт. — на участке β, в верхнем слое	
7	*3	Базилика, участок α; 2 шт. — в нижнем слое; 1 шт. — в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 10, *146*)
8	3	Базилика, участок α; 2 шт. — в верхнем слое, 1 шт. — в нижнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 10, *147*)
9	6	Базилика; 2 шт. — на участке β (в гробнице IX и у костяка *99*); 4 шт. — на участке α, в верхнем и нижнем слоях	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 11, *180*)
10	2	Базилика, участок γ, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *63*)
11	2	Базилика, участок β, в верхнем слое	
12	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *65*)
13	1	Базилика, участок γ (вместе с черепицей с меткой *1*)	
14	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	
15	2	Там же	
16	1	Базилика, участок α, в гробнице *11*	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *22*)
17	1	Базилика, участок γ (вместе с черепицей с меткой *1*)	
18	*1	Базилика, участок β, в нижнем слое	
19	2	Базилика; 1 шт. — на участке α; 1 шт. — на участке γ (вместе с черепицей с меткой *1*)	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *45*) и Херсонеса (там же, табл. 9, *121*, *123*)
20	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *53*) и Херсонеса (там же, табл. 9, *121*, *123*)
21	2	Базилика, участок α, в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 9, *121*, *123*)
22	1	Базилика, участок γ (вместе с черепицей с меткой *1*)	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *39*)
23	1	Базилика, участок α, в гробнице *11*	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *23*, *24*) и Херсонеса (там же, табл. 10, *153*, *154*)
24	1	Базилика, участок α, в гробнице *1*	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 20, *58*)

Примечание. Звездочка перед цифрой означает, что монета встречена на калиптере; в неоговоренных случаях метка принадлежит плоской черепице (керамиде).

1	2	3	4
25	2	Базилика; 1 шт. — на участке α, в верхнем слое; 1 шт. — на участке γ, в нижнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 10, *152*)
26	1	Базилика, участок γ, в нижнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 20, *4*)
27	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	
28	4	Базилика; 2 шт. — на участке α, в верхнем слое; 2 шт. — на участке γ, в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 7, *78*)
29	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	
30	1	Там же	
31	1	Базилика, участок β, в верхнем слое	
32	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	
33	2	Базилика, участок γ	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *1*) и Херсонеса (там же табл. 17, *307—310*)
34	1	Базилика, участок α в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 8, *93*, *95*)
35	1	Там же	
36	2	» »	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 20, *48*) и Херсонеса (там же табл. 8, *108*, *169*)
37	1	» »	
38	1	» »	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *31*)
39	1	» »	
40	1	Базилика, участок β, в верхнем слое	
41	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *26*)
42	1	Базилика, участок γ, в верхнем слое	
43	1	Базилика, участок β, над гробницей *VIII*	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 10, *153*, *154*)
44	2	1 шт. — базилика, на участке α, в верхнем слое; 1 шт. — в пещерном комплексе № 5	
45	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	
46	1	Там же	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 20, *8*, *9*)
47	1	» »	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 16, *277*)
48	1	» »	
49	2	1 шт. — базилика, участок α, в верхнем слое; 1 шт. — у оборонительной стены в Таба-на-Дере	
50	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	
51	1	Базилика, участок β, в нижнем слое	
52	1	Базилика, участок α, в нижнем слое	
53	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	
54	2	1 шт. — базилика, участок β (в выбросе раскопок Р. Х. Ленера); 1 шт. — дворец, помещение *B*, в нижнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 9, *143*)
55	1	Дворец, около помещения *E*, в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 10, *148*)
56	1	Контрольный раскоп близ дворца	
57	*1	Дворец, помещение *C*, в нижнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 8, *107*)
58	1	Пещерный комплекс № 5	
59	1	Базилика, участок α, в верхнем слое	Черепицы Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, *69*) и Херсонеса (там же, табл. 1, *3*)
60	1	Там же	
61	1	Базилика, участок β, в верхнем слое	Черепицы Херсонеса (МИА, 17, табл. 1, *7*; табл. 2, *16*)
62	*1	Базилика, участок γ (крещальня)	
63	1	Базилика, участок α, в нижнем слое (сетка в виде врезных линий нанесена на черепицу до обжига)	

Приложение II

ОПИСАНИЕ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК НА ПЛАТО МАНГУПА в 1938 г.

Составил А. А. Быков

№ по пор.	№ полевой описи	Определение и описание	Дата	Место находки
1	531	Имп. Аркадий. Æ. Ср. Толст. I, № 78	395—408 гг.	Контрольный раскоп близ дворца
2	606	Херсонесская, литая; имп. Лев VI. Æ. Ср. Wroth, t.I, *17*	X в.	Дворец, пом. *C*, засыпь
3	961	Джучиды, Анонимная. Крым (?). Æ	(6?) 92 г. (=1292 г.)	Базилика, Участок 3, у костяка *77*
4	1415	Джучиды. Анонимная. Крым. Æ. Ср. № 3	XIV в.(.92 г.?)	Там же, у костяка *79*
5	1465	Джучиды. Узбек (?). Крым. Год не виден, пробита. Æ	1312—1340 гг.	Там же, у костяка *102*
6	1499	Джучиды. Анонимная, Крым Æ	Год не ясен	Дворец
7	499	Джучиды (?). Æ	?	Базилика, участок 3
8	530	Джучиды (?). Сильно потерта, поломана, пробита. ÆR	?	Дворец
9	1020	Джучиды (?). Сильно потерта. Æ	?	Базилика, участок 3, под костяком *73*
10	1428	Джучиды. Место чекана не ясно; об. стор. — соединенные тамги. Æ	XIV в.	Там же, у погребения *95*
11	1497	Джучиды (?). Сильно потерта; av... (?). Æ.	?	Там же, у погребения *110*
12	1887	Джучиды. Анонимная. Крым (?). Год не виден. Æ	XIV в.	Дворец
13	1942	Джучиды. Анонимная. Крым. Год стерт rv — птица влево. Æ	XIV в. (?)	»
14	1970	То же	XIV в. (?)	Базилика, участок 3
15	735	Джучиды Крайне плохой сохранности (с изображением птицы). Æ	?	Там же, у костяка *62*
16	1721	Гиреи. Плохой сохранности Bil	XV—XVI вв.	Дворец
17	2503	Гиреи. Селим Гирей I, второе правление (Бахче)са (рай). Год стерт. ÆR	1684—1691 гг.	»
18	697	Гиреи. Селим Гирей II. Бахчисарай. 115 г. х. ÆR	1743—1748 гг.	Базилика, участок 3
19	1463	Гиреи. Арслан-Гирей, первое правление. Бахчисарай. Год отломан. ÆR	1748—1756 гг.	Дворец
20	1255	То же. Bil.	1748—1756 гг.	Базилика, участок 3
21	1253	Гиреи. Стертая. ÆR	Не позже перв. полов. XVIII в.	Дворец
22	969	Игральная марка, пробита. Æ	Кон. XVIII — нач. XIX в.	Базилика, участок 3

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

В библиографических данных

Г. Д. Белов. Отчет 1935—1936 гг.	— Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935 и 1936 гг. Симферополь, 1938
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГХМ	— Государственный Херсонесский историко-археологический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДИ	— Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I—VI. Киев. 1899—1907
Д. ТМАО	— Древности. Труды Московского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Археологической комиссии
Изв. ГАИМК	— Известия ГАИМК
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КС ИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
ЛОИИМК	— Ленинградское Отделение ИИМК
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, изд. Московским археологическим обществом
МАР	— Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА, 17	— А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). Материалы и исследования по археологии СССР, № 17, Л.—М., 1950
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
СА	— Советская археология, изд. ИИМК
Хсб	— Херсонесский сборник, изд. ГХМ
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
IPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Изд. В. В. Латышева.

В описании монет

Б.	— Н. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884
Бел.	— Л. И. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. СА, VII, 1941
Б.-Дел.	— А. Л. Бертье-Делагард, ЗООИД, XXVI, 1906
Ор.	— А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. Труды Московского нумизматического общества, 1905
Ор. ХТ	— А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического. Нумизматический сборник, т. II, 1912
Ор. Экск.	— А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Нумизматический сборник, т. III, 1914
Толст.	— И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914
B.—R.	— E. Babelon—Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques de l'Asie Mineure. Paris, 1904—1925
Coh.	— H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. 2-e éd., Paris, 1880
Sab.	— J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, t. I—II. Paris—Londres, 1862
Wroth	— W. Wroth. A catalogue of the greek coins in the British Museum. London, 1889

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . .

ХЕРСОНЕС

Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. (По новейшим раскопкам) 11

Отчеты (раскопки 1937—1938 гг.)

Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI. (Раскопки 1937 г.) 32

Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII. (Раскопки 1940 г.) 109

Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) . . . 160

Г. Д. Белов. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее. (Раскопки 1948 г.) 237

Приложение. Л. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII 255

Статьи

Г. Д. Белов. Эллинистическая мозаика 279

А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв. 296

В. Ф. Гайдукевич. Малая базилика Лаврентия-Леонтия 299

МАНГУП

М. А. Тиханова. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма 319

Отчеты (раскопки 1938 г.)

М. А. Тиханова. Базилика. 334

А. Л. Якобсон. Дворец 390

Е. В. Веймарн. Разведки оборонительных стен и некрополя 419

Приложение I. М. А. Тиханова. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. 430

Приложение II. Описание монет из раскопок на плато Мангупа в 1938 г. (Составил А. А. Быков) 435

Список принятых сокращений 436

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *М. В. Медведев*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *О. В. Билинкис*,
М. М. Гальперн и *И. И. Удимов*

*

РИСО АН СССР № 83—59В. М-44583. Подписано к печати 12/XI 1953 г. Бумага $84\times108^{1}/_{16}$. Бум. л. $13^{11}/_{16}$. Печ. л. 44,88. Уч.-изд. л. 45,93. + 7 вкл. (1,34 уч.-изд. л.). Тираж 2000. Зак. № 737. Номинал по прейскуранту 1952 г. 30 р. 75 к.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, Вас. Остр., 9 лин., д. 12.